

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ
«СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА»**

**СИНТАКСИС
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ЯЗЫКА**

Хрестоматия с заданиями

ФГАУ «Федеральный институт развития образования»

Рекомендовано уполномоченным учреждением ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» по дисциплине «Синтаксис современного русского языка»

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2013

ББК 81.2Рус
С38

Регистрационный номер рецензии
ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
№ 072 от 2011 г.

Составители:

проф. Г. Н. Акимова, доц. С. В. Вяткина, проф. В. П. Казаков,
доц. Д. В. Руднев

Рецензенты:

проф. В. И. Трубинский, проф. М. Д. Воейкова

С38 **Синтаксис** современного русского языка : хрестоматия с заданиями / сост. Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; отв. ред. С. В. Вяткина. 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 712 с.

ISBN 978-5-903549-10-8

Хрестоматия является составной частью учебно-методического комплекса по курсу «Синтаксис современного русского языка».

Хрестоматия знакомит как с традиционными, так и с современными синтаксическими концепциями, с дискуссионными вопросами синтаксической теории. Задания, сопровождающие тексты, призваны способствовать активному усвоению учебного материала.

Пособие предназначено для студентов филологических факультетов высших учебных заведений, а также аспирантов филологических специальностей.

ББК 81.2Рус

*Учебно-методический комплекс
создан и издан за счет пожертвования
Фонда «Русский мир»*

ISBN 978-5-903549-10-8

© Санкт-Петербургский государственный университет,
2013

От составителей

Учебное пособие составлено в соответствии с программой курса «Современный русский язык: Синтаксис», который читается на дневном, вечернем и заочном отделениях бакалавриата «Русский язык и литература». Структура хрестоматии, являющейся составной частью учебно-методического комплекса по синтаксису современного русского языка, определяется изложением теоретического материала в составленном теми же авторами учебнике «Синтаксис современного русского языка» (СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013). Пособие предназначено для углубленного ознакомления с различными вопросами синтаксиса современного русского языка и ориентировано на активное обсуждение дискуссионных вопросов синтаксической теории на практических и семинарских занятиях.

Наряду с «классическими» текстами, давно вошедшими в учебную практику высших учебных заведений (работы А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова и др.), в хрестоматию включены и некоторые менее известные и/или малодоступные тексты, заслуживающие, по мнению составителей, внимания, поскольку они знакомят читателя с различными синтаксическими концепциями или обращены к вопросам, которые не всегда находят отражение в учебной литературе (кроме того, это позволяет ввести в учебный оборот некоторые малодоступные тексты). Ряд включенных в хрестоматию работ освещает историю изучения того или иного вопроса в русском языкознании либо посвящен историческому развитию русского синтаксиса, в т. ч. и в последние годы.

Монографии и статьи представлены в хрестоматии в отрывках (пропуск обозначен знаком <...>), ссылки на анализируемые в каждой публикации работы раскрыты и даны постранично, что позволяет студентам обратиться и к другим работам по затронутым в публикации вопросам. Для того чтобы студенты имели представление о воспроизведенном в хрестоматии источнике, после имени автора и названия его работы дана сноска «печатается по: ...» с выходными данными. При технической подготовке текстов к изданию приемы оформления языкового материала и указания на источники были унифицированы.

Корпус текстов, включенных в пособие, сопровождается предтекстовыми заданиями, которые могут быть использованы студентом для самостоятельного изучения источников и преподавателем в качестве вопросов для обсуждения на семинарских и практических занятиях. Задание к одной статье помещается после названия работы, задание к нескольким работам дается перед названием первой работы.

Составители хрестоматии надеются, что данное издание будет полезно не только студентам и аспирантам, но и преподавателям русского языка в школе и в высших учебных заведениях.

*Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина,
В. П. Казаков, Д. В. Руднев*

ВВЕДЕНИЕ

СИНТАКСИС КАК НАУКА (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

В. В. Виноградов

Из истории грамматических учений¹

- Задания.**
1. С именами каких ученых В. В. Виноградов связывает русскую синтаксическую традицию?
 2. С каких позиций В. В. Виноградов оценивает вклад ученых в историю синтаксиса?

Самостоятельная русская грамматическая наука начинается с разработки учения о слове, о частях речи («О восьми частях слова»²), о «сочинении» частей речи, т. е. о способах образования словосочетаний. При этом уже в Синтагме Мелетия Смотрицкого <...> подчеркивается необходимость разграничения «синтаксиса простого» и «синтаксиса образного», т. е. стилистического, опирающегося на «образ правильного сочинения у искусных писателей». <...>

<...> Уже в самых ранних грамматиках русских, исследующих и описывающих синтаксис книжной, письменной речи, есть указания и на «речь», «слово», т. е. на предложение как на основную единицу связной цельной речи.

Таким образом, синтаксис русского языка уже на начальных стадиях его научной разработки опирается на признание необходимости исследования «речи», предложения и одновременно на теорию и практику словосочинения, т. е. на описание грамматических способов сочетания слов, относящихся к разным частям речи, в сложные смысловые единства. Так определился самостоятельный путь развития русской синтаксической науки. Однако никакого последовательно развитого учения о предложении, никакой теории предложе-

¹ Печатается по: *Виноградов В. В. История русских лингвистических учений / сост. Ю. А. Бельчиков. М., 1978. С. 38–181*

² Имеется в виду «Грамматика словенска съвершенаго искусства осьми частей слова и иных нуждных, новосоставленна Л. З. в Вильне» (1596) Лаврентия Зизания.

ния нельзя найти у русских грамматистов до середины XVIII в. В Грамматике Смотрицкого находится лишь общее определение «слова» (как тут называется предложение): «Есть же слово речений сложение, разум совершен являющее». Здесь выдвигаются два основных признака предложения: законченность мысли, или «разума», и грамматически оформленная связь слов.

Вместе с тем отдел «словосочинения», содержащий учение о распространении разных частей речи, был лишен внутреннего синтаксического стержня. В этом отделе излагались правила употребления разных частей речи и разных форм слов, но сюда же включалось описание и некоторых конструкций и даже некоторых типов предложений (например, инфинитивных, безличных и т. п.). В таком виде теория русского синтаксиса дошла до эпохи Ломоносова¹.

<...> Ломоносов² понимает язык как средство общения людей между собою, учит, что язык существует в обществе, что он является средством общения людей, средством сообщения мыслей, что он — необходимое условие общественного прогресса. <...>

<...> При определении разнообразных грамматических понятий Ломоносов исходит из двух принципов: из принципа отражения в них «вещей», «свойств вещей», «деяний», вообще явлений действительности и из принципа общественного развития и социальной обусловленности речи.

Признаки материалистического мировоззрения обнаруживаются и в ломоносовском истолковании «предложения» («речи», по терминологии Ломоносова): «Вещь иметь должна прежде свое бытие, потом деяния» (§ 81). Отсюда выводится наиболее распространенный в русском языке тип простого глагольного предложения: *Земля тучнеет*. Ломоносов подчеркивает, что при переходном глаголе прямой объект («прямое дополнение») также принадлежит к главным частям (членам) предложения; напр.: *Облака покрыли небо*.

Все остальные члены предложения служат для распространения состава предложения: <...> Напр.: *Облака, сгущенные влажностью, покрыли **освещенное солнцем** небо; Темнота облаков покрывает ясность неба; Облака покрывают небо **на востоке**; Земля тучнеет **от росы***. «Сей порядок и речений и их полность хотя с чином натуры сходствуют, однако вольность человеческих мыслей превращает порядок оных и выключает из речи то, чему бы по натуре быть должно было» (§ 84). Поэтому возможны изменения в порядке слов, инверсии. Пример инверсионного словорасположения: *Тучнеет от росы земля*.

¹ См.: Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904; Грунский Н. К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. Юрьев, 1911–1913. Т. 1–3. Ср. также: Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.

² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7.

<...> Ломоносов рассматривает предложение как выражение суждения (или «рассуждения», по терминологии той эпохи): «Сложение знаменательных частей слова, или речений... производит речи, полный разум в себе составляющие чрез снесение разных понятий» (§ 80). Ломоносов, следовательно, к ранее отмеченным признакам предложения — законченности мысли и грамматически оформленной связи слов — присоединяет еще один, самый существенный: «снесение» (т. е. сопоставление, объединение) разных понятий в акте предикации.

Кроме простого «сочинения речений», т. е. простого предложения, Ломоносов различает еще две синтаксические категории: «сочинение сложное», т. е. сложное предложение, и — в сфере стилистики — период. «Сложное сочинение» — это «соединение нескольких речей, полный разум в себе содержащих» (§ 85). Образование сложного предложения, по Ломоносову, осуществляется с помощью относительных (или «возносительных») местоимений, деепричастных оборотов и союзов. «Отсюда рождаются разные периоды: одночленные, двучленные, тричленные, четырехчленные» (§ 86).

<...> Теория предложения и периода «надлежит до риторики» (как выражается Ломоносов). «Пространное оных изъяснение и толкование» выведено за пределы грамматики. Ломоносовская же Грамматика, кроме фонетики и учения о частях речи, содержит в себе лишь синтаксис словосочетания.

<...> Синтаксис Ломоносова не только составил целую эпоху в истории русской грамматической мысли, но не потерял своего значения и для нас. Правда, у Ломоносова учение о предложении и его членах было оторвано от учения о «сочинении частей слова» (т. е. от учения о формах и типах словосочетаний).

«Сочинение частей слова» у Ломоносова сводится к правилам сочетания слов в предложении по принципу согласования и управления. Например, «существительные сопряженные, к одной вещи надлежащие, падежом согласные, родом и числом различествовать могут: *Стихотворство моя утеха; Физика мои упражнения*» (§ 472). Сначала налагаются общие принципы сочетания слов, или образования словосочетаний как двусловных, так и многословных. Например: «Когда два имени существительные, к разным вещам принадлежащие, полагаются в слове без союза, одно должно быть в родительном падеже: *множество народа, туча стрел, столп церкви, сын отечества*. Когда же значит владение, существительное требует прилагательного: *дом отца моего, стихи древнего Гомера*, или другого существительного: *стихи Гомера-стихотворца*» (§ 473).

Ломоносов различает «сочинение имен», «сочинение глаголов», «сочинение вспомогательных частей слова» и «сочинение частей слова по разным обстоятельствам».

Ломоносов выделяет несколько типов именных словосочетаний, типичных для русского языка (например, словосочетания с именами

числительными, словосочетания при сравнительной степени, именные словосочетания для обозначения превосходства — *Волга из рек российских превеликая; красноречивый Цицерон из всех ораторов и т. п.*). При описании словосочетания определяется его смысловое содержание, а также лексическое значение составных частей. Напр.: «Существительные, до похвалы или похуления надлежащие, требуют родительного падежа: *человек превосходного остроумия, младенец слабого сложения*» (§ 482). <...> Тот же принцип взаимодействия лексических и грамматических значений был выдвинут еще Смотрицким <...>.

Однако Ломоносов, устанавливая правила сочетания слов, приходит к выводу о наличии разных степеней грамматической обобщенности и абстрагированности форм словосочетания. В связи с этим в отдельных случаях он гораздо более выразительно подчеркивает тесную и глубокую зависимость синтаксических связей от лексических значений сочетающихся слов. «Прилагательных имен падежи, с коими они сочиняются, — пишет он, — общим правилам не подвержены ради разных их знаменований, что должно знать из употребления. Непостоянства сего примеры: *силен словом, рукою; силен в слове, в споре; счастлив братом; счастлив в игре; на бою и проч.*» (§ 483).

Среди разных типов глагольных словосочетаний Ломоносовым описаны действительные и страдательные обороты, наиболее употребительные формы предложно-глагольных конструкций, сочетания безличных глаголов с инфинитивом (*случается найти перлу жемчужину*), другие виды конструкций с инфинитивом или инфинитивных конструкций, деепричастные обороты и др. <...>

<...> К учению о «сочинении глаголов» Ломоносов относит также некоторые типы одночленных предложений — безличных и инфинитивных, так как в них нет высказывания о бытии или деянии вещи, т. е. нет существенных признаков «речи», или предложения в понимании Ломоносова. Так, говоря об инфинитиве, или о «наклонении неокончателном», Ломоносов считает необходимым здесь же упомянуть об инфинитивных конструкциях. <...> Таким образом, Ломоносов в главе о «сочинении глаголов» дает тонкую характеристику основных модальных типов инфинитивных предложений.

<...> Ломоносов и предлоги рассматривает как отправной пункт образования словосочетаний (например, *ради бедности и бедности ради помилован*). <...>

Точно и глубоко описаны функции союзов. Ломоносов — при характеристике функций союзов — учитывает и грамматическое построение сцепляемых союзами звеньев речи, и их структурный состав. Так, по его словам, «союзы сопрягательные и разделительные равные наклонения глаголов и равные падежи в именах совокупают и различают: *приобрел честь и славу; или похваляют, или поносят*» (§ 561). <...>

В последней (пятой) главе ломоносовского учения <...> излагаются способы выражения «разных обстоятельств». Здесь собраны указания на разнообразные синтаксические конструкции, связанные с обозначением обстоятельственных отношений в предложении. Например, в обозначениях места действий и событий «имена земель и городов требуют предлога *в*: *родился в Москве, жил в Киеве, учился в Германии* <...>. Имена городов, по рекам проименованных, полагаются в предложном падеже с предлогом *на*: *на Дону жить прохладно, на Москве — весело*. <...> Сему последуют имена улиц, гор, полей, морей, островов: *живет на Покровке; гульбище на трех горах, на Девичьем поле, на Курострове; буря была на Каспийском море*. Именам приходов приличествует *у* с родительным: *у Ильи Пророка на Воронцовском поле, у Успенья на Покровке, у Николая Подкопая*. Того же предлога и падежа требуют усолья и некоторые города особливо: *у соли Камской, у соли Вычегодской, у города Архангельского* (§ 571–575).

Точно так же детально и тонко описываются способы выражения обстоятельства времени <...>.

В Риторике <...> Ломоносов излагает развернутую теорию предложения. «Предложением» здесь называется то, что в «Российской грамматике» именуется «речью». Теория предложения в Риторике тесно связывается с логической теорией суждения (или, по терминологии того времени, «рассуждения»). «Сложные идеи, — пишет... Ломоносов, — состоят из двух или многих простых идей, между собою сопряженных и совершенный разум составляющих. <...> А ежели сложная идея состоит из многих простых, тогда нередко сопрягаются иные из них союзами и предлогами, например: *Богатство и честь суть побуждения к трудам*. Таким образом, сложные идеи по-логически называются рассуждениями, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда их предложениями называют» (§ 33–34). В предложениях выделяются две основные части: подлежащие и сказуемые. Предложения разделяются на утвердительные и отрицательные, которые, в свою очередь, бывают общие и особенные. Подлежащее и сказуемое могут выражаться отдельными словами, но могут состоять и из группы слов. <...> Вот примеры предложений, распадающихся на составы — подлежащего и сказуемого: *Всяк ободренный надеждою / день и ночь неусыпно трудится; Весенние ясные дни / отзывают неусыпного человека от трудов; Старые люди / не себе, но детям своим деревья насаждают; Злобный человек / явно или тайно вредить желает*.

Ломоносов описывает синтаксические способы образования составов подлежащего и сказуемого и их соединения в целостном предложении. <...>

Учение о предложении в Риторике Ломоносова сливается с учением о периоде — категории стилистической. <...> В зависимости от количества «логических предложений», объединяемых в периоде,

периоды бывают одночленные, двучленные, трехчленные, четырехчленные и т. д.

Одночленные периоды, состоя из одного «логического предложения» могут иметь: 1) одно подлежащее и одно сказуемое, 2) много подлежащих и одно сказуемое, 3) одно подлежащее и много сказуемых, 4) много подлежащих и сказуемых. <...>

<...> Ломоносов включает в состав подлежащих и те «придаточные предложения», которые при помощи относительных местоимений и наречий определяют и распространяют эти подлежащие <...>.

Весь последующий период в истории разработки русского синтаксиса вплоть до 20–30-х годов XIX в., до появления «Русской грамматики» А. Х. Востокова и грамматических руководств Н. И. Греча должен быть назван ломоносовским. <...>... Печать влияния ломоносовской Грамматики, а также Риторики лежит на всех синтаксических трудах, относящихся к этому периоду. Самые интересные, своеобразные, богатые новым материалом и новыми мыслями синтаксические работы в этот период связаны с именами А. А. Барсова, И. Орнатовского, И. Ф. Тимковского, а также Н. Г. Курганова, Н. Ф. Кошанского.

<...> Можно наметить те проблемы синтаксиса, которые были поставлены гениальным ученым-энциклопедистом перед русским языковедением и решение которых завещано им своим ближайшим ученикам и последователям в области русской грамматики:

1. Необходимо было точнее определить границы и объем синтаксиса. Решение этого вопроса в значительной степени зависело от понимания взаимоотношений и взаимодействий грамматики и риторики. Учение о предложении и периоде, составляя основу риторики, тем самым оказывалось за пределами грамматического исследования. Оно лишь краем задевало грамматику. Так, в Грамматике Ломоносова сообщались лишь самые общие сведения о предложении как выражении логического суждения и об его основных частях (подлежащем и сказуемом). Изложение основ теории суждения и детальный анализ предложения и типов периодов составляли предмет Риторике. В силу этого грамматическое учение о «сочинении слов» отрывалось от теории предложения.

Таким образом, перед исследователями русского синтаксиса возникла дилемма: оставить ли теорию предложения в составе риторики и тем самым свести весь синтаксис <...> к теории словосочетания, или же включить в синтаксис и учение о предложении, определив круг задач риторики теорией поэтической речи и вопросами литературной стилистики.

В этом последнем случае для дальнейшей судьбы синтаксиса имел большое значение метод грамматического изучения предложения и его типов. <...>

С другой стороны, при дальнейшей чисто грамматической переработке учение о предложении могло подвергнуться существенным

ограничениям и упрощениям, могло приобрести абстрактный и формальный характер. Само собой разумеется, многое зависело от сочетания теории с практикой, от углубленного изучения живых процессов грамматического развития русского литературного языка, особенно живой народной речи, от общих философских основ лингвистического учения.

Отрыв учения о «сочинении частей речи» (или «частей слова») от теории предложения, естественно, должен был сопровождаться полным разрывом между понятиями «частей речи» и «частей, или членов, предложения». <...> В учении о «сочинении» слов рассматривались не функции и значения словосочетаний и разных видах предложений, а лишь синтаксические свойства самих частей, или элементов, речи (включая сюда предлоги, союзы и междометия).

Изложение способов «сочинения» слов опиралось на теорию частей речи. В связи с этим оно состояло, главным образом, в описании синтаксического употребления и синтаксических связей разных классов слов — как знаменательных (прежде всего имен существительных и глаголов, а затем имен прилагательных, числительных, местоимений и отчасти наречий), так и служебных (предлогов, союзов). <...> Анализ видов и форм этих связей в системе разных частей речи не был объединен общей задачей и общим понятием, например понятием словосочетания. Это было своеобразное описание конкретных способов сочетаемости слов в русском языке, способов синтаксического распространения разных частей речи. <...>

<...> Само учение о «сочинении» частей речи, лежавшее и основе русского синтаксиса до 20–30-х годов XIX в., нуждалось в преобразовании. Такое преобразование могло состоять или в сближении учения о частях речи с учением о предложении и его членах, или же в создании теории словосочетаний как своеобразных синтаксических единств.

4. Ломоносовым была выдвинута вполне правильная и глубокая мысль о разных степенях зависимости синтаксических связей слов от группировки слов по семантическим разрядам или группам. <...> Вопрос о принципах изучения взаимодействия лексических значений и синтаксических связей, а также о принципах группировки соответствующих типов словосочетаний нуждался в глубоком теоретическом обосновании.

5. Ломоносовское учение о предложении и его главных членах — подлежащем и сказуемом — не исчерпывало вопросов, относящихся к строю предложения, к различиям типов предложений, к составу предложений и к приемам выражения синтаксических отношений между словами внутри предложения.

Эти вопросы, выдвинутые Ломоносовым, в последующей традиции не всегда решались и разрабатывались в том направлении, которое было указано Ломоносовым. <...>

В 20–30-е годы XIX в. изучение русского синтаксиса развивалось не только при помощи пересадки на русскую почву укоренившихся на Западе грамматических теорий, но и посредством самостоятельной разработки и систематизации специфических национальных свойств и качеств русского грамматического строя.

<...> Среди исследователей-русистов, глубоко понимавших историческую связь и родство русского языка с другими славянскими языками и — вместе с тем — специфические национальные, или народные, особенности русского грамматического и лексического строя, первое место в истории русской филологической науки до середины XIX в., несомненно, принадлежит А. Х. Востокову (1781–1864). <...>

<...> Влияние «Российской грамматики» М. В. Ломоносова ярко сказывалось и в принципах построения востоковской грамматики, и в ее стремлении шире охватить явления живой народно-разговорной речи, и в ее стилистической направленности, и в элементах материализма, заметно проступающих через толщу укоренившейся тогда формально-логической схемы. <...>

Вслед за Ломоносовым Востоков определял синтаксис как «словосочинение». Задача синтаксиса — устанавливать «правила, по коим совокуплять должно слова в речи» (§ 102)¹. <...> Как и Ломоносов, Востоков стоит за стилистическое разграничение синтаксических явлений. «Соединение слов, служащее к выражению мыслей, называется речью. Речь бывает по выбору слов, в нее входящих: I. В а ж н а я, или благородная, называемая также к н и ж н ы м я з ы к о м. II. П р о с т о н а р о д н а я, иначе называемая п р о с т о р е ч и е м. III. Между сими двумя средину занимает о б ы к н о в е н н а я р е ч ь, или язык р а з г о в о р н ы й» (§ 8). Таким образом, Востоков <...> различает три основные разновидности, состав которых резко отличается от ломоносовской системы трех стилей. Востоков и стремится установить различия в синтаксическом строе словосочетаний между этими тремя типами речи. <...> В соответствии с господствующими в ту эпоху взглядами на строй русского предложения Востоков считает наличие глагола непременным признаком предложения. Следовательно, все предложения русского языка, по Востокову, — глагольные. Там, где нет налицо глагола, должно всегда подразумевать вспомогательный глагол. Напр.: *Надобно (есть) работать*. Личное глагольное предложение двучленно: оно «состоит из двух частей, называемых п о д л е ж а щ и м и с к а з у е м ы м» (§ 104). Безличное глагольное предложение одночленно. В нем есть только сказуемое (*Рассветает; Пора вставать*).

<...> Теория трехчленного состава предложения прочно укрепилась в русской грамматике начала XIX в. и нашла свое развитие

¹Востоков А. Х. Русская грамматика. 12-е изд. М., 1874.

и обоснование в грамматических руководствах Греча <...>. Греч находит в предложении: 1) «понятие о предмете», 2) «понятие о принадлежности предмета» и 3) «выражение бытия или отсутствия сей принадлежности в предмете». <...> Особенное значение, которое формально-логическая грамматика придавала связке и выражающему ее глаголу *быть*, сказывалось и в том, что с а м о с т о я т е л ь н ы м и глаголами признавались лишь вспомогательные глаголы *быть* и *стать*, все же остальные глаголы назывались с о в о к у п н ы м и, т. е. как бы включающими в себя *быть* и предикативно-качественное определение (*спит = есть спящий*).

<...> В Грамматике Востокова прямо сказано, что предложение состоит только из двух частей: подлежащего и сказуемого, к которому и относится вспомогательный глагол *есть*.

<...> «Логическую связь составляет не отдельное и самостоятельное понятие, которое в то же время служило бы, наравне с понятиями подлежащего и сказуемого, как бы вещественным содержанием суждения; ее составляет только взаимное отношение тех двух понятий, и мыслящий ум ставит два понятия во взаимное отношение тем, что понимает это отношение между ними. Следовательно, связь между подлежащим и сказуемым есть понимание отношения между ними, т. е. действие ума, форма (особенный вид или способ) его деятельности в суждении»¹.

<...> С именем Востокова связывается новое понимание строя наиболее употребительных типов двучленных, или «двусоставных», предложений в русском языке. Новая точка зрения на строй предложения не могла не отразиться и на общем объяснении категорий глагола, а также кратких форм имен прилагательных и предикативных наречий, которые Востоков зачислял в разряд с п р я г а е м ы х слов. <...> Учение о предложении в синтаксисе Востокова излагается чрезвычайно лаконично, <...> без выделения и анализа разных типов предложения. Востоков учит, что предложение бывает п р о с т о е (если в нем одно подлежащее и одно сказуемое) и с л о ж н о е (когда заключает в себе по несколько подлежащих или сказуемых). Сложным Востоков называл слитное предложение. То, что теперь называется сложным предложением, Востоков рассматривает как период, т. е. как сочетание предложений.

Сверх подлежащего и сказуемого в предложении выделяются востокоской грамматикой также о п р е д е л и т е л ь н ы е и д о п о л н и т е л ь н ы е слова, или члены. К определительным словам, кроме прилагательных и приложений, относится также наречие, показывающее меру, образ, время и место выражаемого прилагательным, глаголом и причастием качества действия или состояния. <...>

В функции определительных и дополнительных слов могут выступать так называемые придаточные предложения: «Вместо одного

¹ Там же. С. 285.

определяющего или дополнительного слова может присовокуплено быть к подлежащему или к сказуемому целое предложение придаточное, которое бывает *п о л н о е* и *с о к р а щ е н н о е*. Полное придаточное предложение привязывается к определяемой или дополняемой оным части главного предложения местоимением относительным или союзом изъяснительным, условным и пр.» (§ 111). Сокращенное придаточное предложение представляет собой деепричастную или причастную конструкцию или также именной оборот. Например, сочетание предложений *Человек, который вчера приходил, говорил, что он знаком с вами и желает вас видеть* может быть выражено с помощью параллельных сокращенных конструкций: *Человек, приходивший вчера, говорил о знакомстве с вами и о желании вас видеть*. Итак, Востоков, очень кратко описав структуру простого распространенного предложения, подчеркивает важность изучения соотносительных, или параллельных, синонимических конструкций в составе предложения.

Основной предмет и задачи синтаксиса словосочетания, по Востокову, состоят в изучении и определении правил: 1) *с о г л а с о в а н и я* слов, 2) употребления падежей, или *у п р а в л е н и я* слов. К чению же о предложении примыкают правила *с о ч е т а н и я* целых предложений, или составления *п е р и о д о в*. «К сим трем отделениям может быть прибавлено четвертое, заключающее в себе правила о *р а з м е щ е н и и* с л о в» (§ 113). Таков состав русского синтаксиса в понимании и изложении Востокова.

О «составлении периодов» Востоков писал: «Из предложений, т. е. речей или словосочетаний, заключающих в себе по одной мысли ... составляется *п е р и о д*, т. е. выражение умозаключения. ... Период может состоять, по крайней мере, из двух главных предложений, простых или сложных, или же из нескольких предложений, соединенных союзами» (§ 141–142). Таким образом, Востоков противопоставляет период как сочетание предложений простому и сложному («слитному») предложениям, порвав с традицией чисто логической трактовки «слитного» предложения как «слияния» нескольких предложений, число которых устанавливалось по числу содержащихся в нем подлежащих или сказуемых.

<...> Синтаксис Востокова, в связи с учением о двучленности предложения остро выдвинувший проблему составного сказуемого, служит соединительным звеном между «Российской грамматикой» Ломоносова и исследованием Потемби «Из записок по русской грамматике», несмотря на глубокое различие их методологических основ.

* * *

И в конце 50-х годов XIX в. выходит в свет «Опыт исторической грамматики русского языка» (ч. 1–2. М., 1858) Ф. И. Буслаева (1818–1897).

Понимание и оценка синтаксических воззрений Буслаева затруднительны вне исторического фона, на котором возникла и сложилась его общелингвистическая концепция. <...> Буслаев находит во всеобщей, или философской, грамматике следующие достоинства: 1) взгляд на язык как на органическое, живое и целое произведение духа человеческого; 2) признание теснейшей, неразрывной связи между этимологией³ и синтаксисом; 3) точнейшее определение частей речи; 4) систематическую разработку синтаксиса¹. Однако эта грамматика односторонне освещает и обобщает явления языка: «...она видит в языке только одну логику, опуская из виду всю полноту и многосторонность народной жизни»².

Буслаев стремится сравнительное и историческое рассмотрение языковых явлений, особенно синтаксических, сочетать с «логическими началами». Он избирает путь компромисса, или эклектизма. <...>

Оценивая традицию изучения грамматики русского литературного языка нового периода, Буслаев считал главной, столбовой дорогой русского языкознания ломоносовское направление и с резким осуждением и отрицанием относился к грамматическим работам Н. И. Греча. <...> Буслаев считает, что кончилась пора господства филологической грамматики, которая устанавливала правила употребления книжной и устной речи, но не изучала законов языка. <...>

Синтаксическая система Буслаева надолго определила основные приемы школьного построения и изучения синтаксиса русского языка. <...>

Буслаев возражает против прямолинейного заключения о том, что синтаксические категории являются непосредственным отражением категорий логических. Дело сложнее. Ведь «современный язык, представляя смесь грамматических форм древних с новыми, основывает синтаксическое сочетание слов иногда на этимологической форме и первоначальном воззрении, лежащем в ее основе, иногда же на отвлеченном понятии, которое впоследствии было придано слову»³. Поэтому-то между языком и мышлением наблюдается не только параллелизм, взаимодействие, но и противоречия. «Такое противоречие в отношениях языка к мышлению, — говорит Буслаев, — объясняется существом самого языка. Язык образовался в эпоху незапамятную, в ближайшей связи с раскрытием умственной деятельности целого народа, но независимо от личного мышления одного или нескольких людей»⁴.

<...> По представлению Буслаева, у языка <...> есть свои законы, независимые от законов логики или требующие уступок с их сторо-

¹ Буслаев Ф. И. Мысли об истории русского языка. И. Срезневского [реп.]. СПб., 1860. С. 49.

² Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1844. Ч. 2. С. 3–4.

³ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 267.

⁴ Там же. С. 263.

ны. <...> По Буслаеву, задача синтаксического изучения языка состоит в том, чтобы раскрыть в языке, в его грамматике, в формах сочетаний слов отражение общих законов логики, с одной стороны, а с другой — внутреннее своеобразие способов выражения, присущих самому языку и нередко развивающихся и противоречии с законами логики — «внутренние законы языка», как выражался Буслаев. В этом случае Буслаев противопоставляет и язык мышлению, обособляет язык от мышления. Так, «в грамматическом отношении безличное предложение не должно быть отличаемо от личного, потому что так называемый глагол безличный имеет грамматическое подлежащее либо в своем личном окончании; например: (*ему*) *не сидит-ся*; либо в неопределенном местоимении; например: *il pleut, man sagt*»¹. В русском языке, по Буслаеву, типичное грамматическое подлежащее в безличном глагольном предложении — это окончания глагола *-т, -ло* (*рассветает, рассветало*). Но «в логическом отношении» можно назвать в безличном предложении подлежащим дательный падеж, означающий отношение к лицу; например: *мне хочется*. Следовательно, по Буслаеву, грамматические, обусловленные внутренним строем данного языка, и логические, общечеловеческие, так сказать, основы и элементы речи могут находиться и разнообразных, иногда противоречивых отношениях. Синтаксический анализ, прежде всего, как думает Буслаев, освещающий общелогические основы речи, должен затем этот фон и этот каркас логико-грамматических явлений возполнять и корректировать изображением конкретных чисто языковых своеобразий и процессов. В самом же языке наблюдается сложное переплетение явлений разных эпох. Логическое «единообразие и отвлеченность, возникшие в языке позднейшем и преимущественно в книжном, постоянно встречаются в нашей речи с формами древнейшими, живыми и разнообразными, доселе господствующими в устах народа»². Кроме того, согласно глубокому убеждению Буслаева, «синтаксическое употребление слов состоит в теснейшей связи с самым значением их, объясняемым посредством разбора тропов и синонимов»³.

Синтаксис неотделим от стилистики и лексикологии. Синтаксические связи слов нередко обусловлены их лексическим значением, а это — область, не подчиненная непосредственно общим законам логики. <...> Синтаксис Буслаева представляет собой довольно сложную, неорганическую смесь старых формальных логико-грамматических построений, восходящих к «универсальной» грамматике XVIII — начала XIX в., более новых романтических воззрений на ход истории человеческой речи <...> и отголосков сравнительно-исторического языкознания 20–50-х годов XIX в., нашедшего осо-

¹ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. С. 273.

² Там же. С. 317.

³ Там же. С. 314.

бенно яркое и глубокое выражение у нас в научной деятельности А. Х. Востокова. Однако в общей теоретической части синтаксиса Буслаева влияние «универсальной», логической грамматики явно преобладало.

Основным синтетическим актом логических операций является суждение. «Суждение, выраженное словами, есть предложение. <...> Вся сила суждения, — продолжает Буслаев, — содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего (безличные предложения. — *авт.*). <...> Но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего»¹. Итак, из двух главных членов предложения — подлежащего и сказуемого — основной — сказуемое. «Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемого есть глагол»².

В соответствии с данной традицией Буслаев совершенно отрицает именную тип предложений, т. е. тип предложений безглагольных. Термин «связка» кажется ему излишним. Глагол существительный *быть* означает лицо, время и наклонение. Он глагол полновесный, и «нет причины давать ему иное название, кроме сказуемого». «Самым сказуемым обозначается уже связь его с подлежащим»³. Поэтому нет оснований сверх подлежащего и сказуемого допускать еще связку. Сказуемое бывает простое и составное, т. е. состоящее из глагола в соединении с именем или с другою частью речи, означающею признак подлежащего. В составном сказуемом самая сила сказуемого состоит в глаголе. «... В грамматическом отношении глагол существительный есть основная часть составного сказуемого; в логическом же означение признака берет перевес над глаголом *быть*, который потому иногда и опускается»⁴. Итак, нет «никакой связки» и не существует никакого противопоставления глагольного типа предложений именному. Уже Потенция находил в буслаевском учении о предложении двойственность, столкновение логической точки зрения с грамматической⁵:

По Буслаева, «учение о синтаксическом употреблении глагола будет вместе с тем и синтаксисом сказуемого»⁶. Понятно, что в эти искусственные тиски нелегко вставить все многообразие современных типов предложений (*Жизнь — это борьба; Мертвая тишина; На улице — ни шороха, ни звука* и т. п.). Но тут на помощь Буслаеву приходит учение об опущении разных частей предложения. <...>

¹ Там же. С. 258.

² Там же. С. 271.

³ Там же. С. 272, 258.

⁴ Там же. С. 272.

⁵ Потенция А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. С. 71.

⁶ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика. С. 343.

С этой точки зрения истолковывается и разница в сказуемом употреблении кратких и полных прилагательных. Краткие формы имени прилагательного в силу своего органического единения с существительным глаголом получают «смысл глагола». Но «если вместо краткого употреблено в сказуемом прилагательное полное, то оно имеет смысл определительного, при котором опущено существительное; например: *эти дома новые* вместо *эти дома суть дома новые*»¹. Это все перепевы старых синтаксических мотивов. «Отдельные слова тогда только могут составить предложение, когда будут сложены одно с другим: 1) по способу с о г л а с о в а н и я или 2) по способу у п р а в л е н и я слов»². Буслаев далее отмечает и третий тип сочетания слов в речи, наблюдаемый в употреблении наречий. Ведь наречия не состоят в видимой синтаксической связи с теми словами, к которым присовокупляются»³. Этот тип словосочетания характерен для обстоятельственных слов + наречий, деепричастий; соединяясь с прочими словами только по смыслу, они «не согласуются с ними и не зависят от них»⁴. Буслаев не нашел особого термина для выражения этого типа синтаксической связи, которому Потебня, а затем Д. Н. Овсяннико-Куликовский и А. М. Пешковский присвоили название примыкания. По учению Буслаева, также имеющему очень давние, традиционные основы, логический состав предложения должно отличать от грамматического. С логической точки зрения в предложении только два члена: подлежащее и сказуемое. В грамматическом же отношении строго различаются от главных членов предложения — подлежащего и сказуемого — другие слова, которые их объясняют и дополняют, — так называемые второстепенные члены предложения. «Второстепенные члены предложения рассматриваются в двояком отношении: 1) по синтаксическому употреблению и 2) по значению»⁵. Таким образом, логика и грамматика расходятся друг с другом в анализе частей, или членов, предложения. Это видоизмененное продолжение той синтаксической линии, которая получила особенно заметное выражение и в Грамматике Греча.

<...> Это синтаксическое различие между второстепенными членами предложения не совпадает с различием по их значению. С этой точки зрения круг определительных и обстоятельственных слов расширяется за счет дополнительных. Определительные слова, означая признаки и сочетаясь с определяемыми по вопросам: *к а к о й? ч е й? к о т о р ы й? с к о л ь к о?*, присоединяются к другим словам посредством не только согласования, но и управления (например: *восход солнца* вместо *солнечный восход*; *человек пожилых лет* вме-

¹ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. С. 419.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 273.

⁴ Там же. С. 275.

⁵ Там же. С. 273.

сто *пожилой человек*). Слова обстоятельственные, употребляющиеся в предложении для означения обстоятельства места, времени, образа действия или качества, меры и счета, причины, то выражаются наречиями (т. е. словами неуправляемыми и несогласуемыми), то косвенными «дополнениями», т. е. «сочиняются посредством управления с теми, к которым присоединяются». Например, «в выражениях *во-йти в город, вы-ехать из города, пере-ходить через мост в город, из города и через мост* по значению суть обстоятельства места, по управлению же — слова дополнительные¹ <...>.

К обстоятельным же словам Буслаев относит «неопределенное наклонение, употребляемое в нашем языке в смысле церковнославянского достигабельного»; например: *иду учиться, намерен работать* и пр.²

«Второстепенные члены предложения, в свою очередь, могут иметь при себе свои собственные слова определительные, дополнительные и обстоятельственные»³.

Потебня, рассматривая учение Буслаева о второстепенных членах предложения, справедливо заметил, что противопоставление с и таксического употребления и значения непонятно, ибо значение слов, как членов предложения, сказывается в синтаксическом употреблении, есть само это употребление. <...> Это «значение», определяемое по вопросам, ничего общего не имеет с грамматической функцией слов <...>

Такова в основных чертах, по Буслаеву, структура простого предложения. От способов синтаксического употребления частей речи и способов сочетания их по методу сочинения, подчинения и обстоятельного присоединения зависят состав и виды тех словесных соединений, из которых складываются разные типы предложений. Буслаев подчеркивает, что в колебаниях форм словосочетания, в приемах подведения разнообразных наглядных выражений под общие правила чрезвычайно ярко обнаруживается зависимость синтаксических отношений от лексических значений. <...>

Речь может состоять или из предложений отдельных, или соединенных одно с другим. Так возникает проблема сложного предложения, представляющего собой совокупность двух или нескольких предложений. Соединение предложений происходит по способу подчинения <...> или по способу сочинения <...> Основной признак придаточного предложения — эквивалентность его с каким-нибудь членом главного предложения, кроме сказуемого, функциональное соответствие его подлежащему, дополнению, определению, обстоятельству. Напр.: *Когда смеркается, птицы засыпают в своих гнездах* (=в сумерки) <...>

¹ Там же. С. 275.

² Там же. С. 276.

³ Там же. С. 277.

Аксаков считает такое противопоставление грамматического разбора логическому «решительно ошибочным». <...> Аксаков — в противовес Буслаеву — предлагает прежде всего выделять в предложении два состава, или два комплексных члена: подлежащее и сказуемое, — а затем уже внутри них изучать отношения «объясняющих и определяющих понятий». <...>

* * *

<...> Центром лингвистических изучений и построений Потебни (1835–1891) была грамматика.

<...> В центре грамматики у Потебни стоит проблема образования исторических изменений и функционирования грамматических категорий (и прежде всего так называемых «частей речи»). <...>

Для Потебни в сфере грамматики синтаксис является решающим. Ведь грамматические категории вполне постигаются лишь в синтаксисе. Понятие синтаксиса для Потебни сочетается с понятием общего смыслового контекста языка, всей языковой структуры. Синтаксис в широком смысле этого слова — опора и основа всякой истории языка.

На таком семантическом и синтаксическом фоне, освещенном образами речи и предложения, выступают в системе Потебни понятия грамматической формы слова и грамматической категории. Грамматическая форма — понятие синтаксическое по преимуществу. <...> Грамматические категории могут выражаться не только формальными элементами слова, но и его синтаксическими связями, его семантическими функциями в речи, иногда даже местом соответствующего разряда слов в общей системе языка. <...>

Потебня прежде всего выдвигает антитезу имени и глагола¹. Глагол — главное орудие речевого синтеза: «Глагол создает предложение»². Глагол-сказуемое «изображает признак во время его возникновения от действующего лица»³. Как наиболее синтетическая категория языка, глагол включает в себя категории лица, времени, наклонения, вида, залога, числа (а в прошедшем времени и рода). Формы глагольного лица служат знаками связи сказуемого с подлежащим в предложении⁴.

В системе имен Потебня (вслед за Аксаковым) доказал семантическую и грамматическую близость имен прилагательных и существительных, которая по мере удаления в глубь истории представляется все более тесной и, по-видимому, базируется на доисторическом единстве категории имени. В категории существительного, как

¹ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. С. 516.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 91.

⁴ Там же. С. 92.

и во всякой другой «части речи», структурно сочетаются морфологические, семантические и синтаксические признаки. К имени существительному еще и теперь морфологически близко имя прилагательное: «И теперь многие суффиксы безразлично образуют как существительные, так и прилагательные, а чем далее в старину, тем более здесь сходства между этими частями речи». <...>

Такова грамматическая система Потебни. <...>

* * *

Д. Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920) в своих грамматических работах, «идя за Потебней, по торной дороге, им проложенной», отошел далеко в сторону от пути А. А. Потебни. Сам этот ученый видел свое основное расхождение с Потебней в вопросе об отношении грамматического мышления к логическому¹. Борьба Потебни с пережитками логического рационализма и априоризма в грамматике, унаследованного от XVIII в. и лишь несколько видоизмененного влиянием идеалистических философских систем первой половины XIX в., казалась исчерпанной. Было необходимо вернуться к теме об отношении грамматических форм мысли к логическим.

<...> Овсяннико-Куликовский <...> считает необходимым подчеркнуть свое убеждение в неразрывной связи между грамматикой и логикой. «... Процессы и формы логической мысли, с одной стороны, и грамматической, с другой, — это явлени я, при всем их различии, родственные, и едва ли можно сомневаться в том, что между ними есть генетическая связь», — пишет он². «Логические понятия — субстанции, атрибута, действия, состояния и т. д. — развиваются постепенно при соответственных грамматических категориях, и столь же постепенно процессы анализа и синтеза, данные в грамматическом предложении, претворяются в логические, и грамматическое предложение дает бытие логическому. Логика зарождается в недрах грамматического мышления и долго остается тесно связанной с ним. На известной высоте развития она в большей или меньшей мере освобождается от ферулы грамматических категорий и организуется на д языке ком — как высшая инстанция мысли, которая, однако, не управляет им, а только царствует. Между логикой и языком устанавливается известный *modus vivendi*» (с. XIV–XV).

<...> «... Синтаксические формы — это особа работа мысли, совершающаяся автоматически в бессознательной сфере недалеко от порога сознания, направленная на грамматически формы слов и без-

¹ См.: Овсяннико-Куликовский Д. Н. Очерки науки о языке // Русская мысль. 1896. декабрь.

² Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. СПб., 1912. С. XII. Далее ссылки на эту работу даются в тексте.

условно необходимая для того, чтобы то, что дано в сознании, могло превратиться в акт речи-мысли» (с. 7). Части речи, данные в сознании, становятся в акте речи-мысли членами предложения. <...>

<...> Преобразование учения о слове, и новое понимание отношений между грамматическими и синтаксическими формами, и новая схема «частей речи», и вывернутый наизнанку тезис о связи их с членами предложения, и более широкая струя «логизма» — все это отделяло Овсяннико-Куликовского от Потебни. <...>

* * *

<...> В истории нашей отечественной науки о русском языке с 90-х годов XIX в. по первые годы советской эпохи едва ли не самое выдающееся место принадлежит А. А. Шахматову (1864–1920).

<...> К всестороннему исследованию русского синтаксиса Шахматов приступил лишь в самый последний период своей жизни. <...>

Лишь <...> после его смерти были изданы (в 1925–1927 гг.) два незаконченных тома «Синтаксиса русского языка»¹... Объем и границы синтаксиса в понимании Шахматова оказались очень широкими. Шахматов включил в синтаксис учение о частях речи, относимое им раньше к морфологии.

«Синтаксис русского языка» Шахматова является до сих пор самым полным и самым глубоким описанием типов простого предложения в русском языке. Область сложного предложения почти целиком осталась за пределами синтаксических исследований Шахматова. <...>

«Синтаксис русского языка» Шахматова, несмотря на обилие и ценность материала, наблюдений и обобщений, не разрешил и не мог разрешить вопроса о структурных типах предложения в русском языке. Учение Шахматова о двусоставных и односоставных предложениях не свободно от многих неясностей и противоречий.

Шахматовское учение о коммуникации как об основном акте мышления, лежащем в основе всех разновидностей предложений, носит явно метафизический и субъективно-идеалистический отпечаток. <...>

Связав учение о словосочетании с изучением членов простого предложения и ограничив анализ типов словосочетаний описанием состава и функций второстепенных членов предложений, Шахматов не разрешил и проблемы словосочетания в русском языке. <...>

Тем не менее значение синтаксических работ Шахматова в истории русского языкознания очень велико. В Синтаксисе Шахматова впервые собран колоссальный материал, характеризующий поразительное разнообразие синтаксических конструкций современного

¹ См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.

русского языка, особенно в кругу разных типов простого предложения. Шахматовым впервые была сделана попытка найти в этом разнообразии систему, тщательно описать и подвергнуть грамматическому разбору разные виды предложений. Многие конкретные соображения Шахматова в области современного русского синтаксиса предложения и синтаксиса словосочетания сохраняют всю свою ценность, все свое значение и для нас. Ценно и то обстоятельство, что нередко, анализируя синтаксические конструкции современного русского языка, Шахматов прибегал к широким сравнительно-историческим сопоставлениям и параллелям. <...>

* * *

А. М. Пешковский (1848–1933) в вопросах слова и его грамматических классов стремился преодолеть формалистический эмпиризм и нигилизм фортунаатовской системы.

<...> От Женевской школы Пешковский воспринимает понимание языка как живой системы сложных и конструктивно пересекающихся отношений, в которой все речевые единства и элементы находятся в структурной спаянности и сочлененности. <...> Но структурная связь морфологических и синтаксических форм слова раскрывается Пешковским во всем ее многообразии. Ведь де Соссюр восставал против традиционного рассечения грамматики на морфологию и синтаксис¹. <...>

<...> Пешковский в конце своей научной деятельности стал убежденным сторонником той мысли, что «абсолютно несинтаксических категорий в языке не существует. Даже чисто словообразовательные категории, как уменьшительность и увеличительность, собирательность и т. д., неразрывно связаны с синтаксисом, потому что связаны с частями речи (а мы уже знаем, что части речи — с и н т а к с и ч е с к и е понятия). Уменьшительность и увеличительность, например, свойственны в русском языке существительному и прилагательному, но не свойственны глаголу, а собирательность свойственна только существительному»². <...>

Опору для своей борьбы с классификационной точкой зрения <...> Пешковский нашел в синтаксической системе Шахматова <...> и в грамматической концепции Щербы. <...>

* * *

<...>Для Щербы, как и для О. Есперсена, при подведении слова под грамматическую категорию решающую роль играла его функция в предложении. «Чтобы узнать, к какому классу принадлежит сло-

¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. С. 130.

² Пешковский А. М. Избр. труды. М., 1959. С. 239.

во, — пишет Есперсен, — недостаточно рассматривать его форму саму по себе; решающим моментом должно быть «поведение» слова в речи по отношению к другим словам и поведению других слов по отношению к данному слову»¹.

<...> В кругу служебных слов Щерба глубоко обосновал необходимость выделения в особый разряд связок, а в том, что традиция называла союзами и союзными словами, Щерба дифференцировал четыре категории: союзы с о ч и н и т е л ь н ы е, союзы п р и с о е д и н и т е л ь н ы е, союзы с л и т н ы е, соединяющие слова или группы слов и образующие из них бесконечные ряды однородных целых, открытые сочетания, и п о д ч и н и т е л ь н о - о т н о с и т е л ь н ы е союзы и союзные слова. Особенно плодотворными являются наблюдения Щербы над присоединительными функциями союза. Открытие присоединительных связей заставило по-новому оценить и осветить синтаксические реформы Карамзина и Пушкина. Оно вносит много нового и в понимание общей эволюции синтаксиса русского литературного языка.

В области синтаксиса, по словам Щербы, еще резче дают себя чувствовать различия пассивного и активного аспекта грамматики. На долю пассивного синтаксиса <...> придется «отнести изучение синтаксических значений только синтаксических же выразительных средств — порядка слов, сочетаний слов, определенных функций фразового ударения и фразовой интонации»².

В активном же синтаксисе «рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например: как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности? Как выражается логическое суждение с его S или P? Как выражается независимость действия от воли какого-либо лица действующего? Как выражается предикативное качественное определение предмета (в русском языке причастными оборотами и оборотами *с который* и т. д.)? Как выражается количество вещества?»³

<...> Положив в основу синтаксической системы понятие группы слов, соответствующих одному сложному, нерасчлененному представлению или понятию, Щерба изучает способы образования групп слов и сочетания групп с группами.

<...> Простейшие синтаксические единицы, «простейшие элементы связной человеческой речи, отвечающие единым и далее, в момент речи, не разлагающимся представлениям»⁴, Щерба первоначально назвал фразами. «Цементом, скрепляющим фразу», является ударение. Но фразовое ударение может играть и другую роль. Оно

¹ *Jespersen O. Essentials of English Grammar. L., 1933. P. 71.*

² *Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 56.*

³ *Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. С. 56.*

⁴ Там же. С. 29.

может выступать в качестве «сигнала, выделяющего тот или другой элемент речи и имеющего, в частности, либо эмоциональное значение, либо логико-психологическое, обозначая в таком случае так называемое «психологическое сказуемое». Фразовое ударение в этой выделяющей функции известно под именем «логического ударения»¹. Но фразовое ударение часто не бывает осложнено никакими дополнительными функциями, кроме фразообразующей. <...>

Понятие фразы в этом смысле, впоследствии обозначенное термином «синтагма», обнимает как целые предложения, так и отдельные грамматические единства в их пределах. <...>

Синтагма — это категория речевой деятельности, а не системы языка. Синтагму нельзя смешивать со словосочетанием. Синтагма — это предельный по объему, соотносительный элемент связного, иногда сложного, синтаксического целого. Это основная, самая мелкая единица фразы. Она вычленяется из синтаксического целого высшего порядка. Теория синтагм — основное ядро стилистического синтаксиса. Переходя в систему языка, синтагма становится словом. Слово — это синтагма, включенная в систему языка. Между тем словосочетание — это отдельное сцепление слов, составленное по правилам языка и используемое как обозначение сложного понятия. Словосочетание — это категория системы языка, это соотносительное со словом сложное именование. Теория словосочетаний относится к области не стилистического, а общезыкового синтаксиса.

Словосочетанию, рассматриваемому изолированно, независимо от предложения, высказывания, присуще лишь номинативное значение. Словосочетание в этом аспекте само по себе еще не является средством сообщения (коммуникации). Синтагма же существует только как конструктивный элемент связного изложения и сообщения. Но у Щербы эти понятия синтагмы и словосочетания не всегда различаются достаточно четко и резко.

<...> Необходимо указать, что и в понимании предложения у Щербы были большие колебания <...>. С одной стороны, Щерба готов был согласиться с Есперсеном, который учил: «Предложение... является чисто понятийной категорией; для того чтобы слово или группа слов стали предложением, не требуется никакой особой грамматической формы»².

И с этой точки зрения термин «предложение» можно было применить к любому высказыванию, начиная от междометного возгласа и кончая развитым и многосоставным периодом. С другой стороны, ближе всего как будто термин «предложение» подходил бы к двучленному словесному выражению логического суждения. В этом последнем аспекте термин «фраза» (который первоначально Щерба

¹ Там же. С. 30.

² Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 358.

применял к синтагме) оказывается более широким, чем понятие предложения.

Еще в статье «О частях речи в русском языке» Щерба писал: «Если связка не глагол, то можно сказать, что все языки, имеющие связку, имеют два типа фразы: г л а г о л ь н ы й, по существу о д н о ч л е н н ы й (*люблю; amo; faime*), где субъект не противопоставляется действию, и с в я з о ч н ы й, по существу д в у ч л е н н ы й, где субъект противопоставляется другому имени (*я — солдат; sum — miles; je suis soldat*)»¹. <...>

Для Щербы следующей ступенью за синтагмой является понятие фразы. Иногда это синоним предложения простого и сложного. Во всяком случае, термины «фраза» и «предложение» нередко употребляются Щербой безразлично².

Фразы — это «более или менее законченные по смыслу целые, которые могут со своей стороны группироваться в некоторые целые высшего порядка» и которые нормально характеризуются конечным понижением тона. <...> Существуют два основных типа фразы — одночленный и двучленный: «... фразы могут быть одночленными и двучленными, независимо от числа более мелких членений внутри каждой из них»³.

Примеры одночленных фраз: *Пожар!*; *Это безобразие!*; *Он пошел в театр*; *Когда вы будете дома?*; *Я вернулся из командировки вчера вечером*; *Вчера вечером, после долгого, утомительного путешествия, я приехал, наконец, в город, в котором протекли счастливые годы моего детства*; *Я приехал домой, когда уже было темно.*

Примеры двучленных фраз: *Ленинград — большой город*; *Наши милейший дядюшка — был большой чудак*; *Множество врачей, занятых в лучших столичных больницах, — выехало на борьбу с эпидемией*; *... Делегаты съезда, собравшиеся со всех концов нашего Союза, — были увлечены вчера тем, что им пришлось видеть и слышать.*

<...> Щерба развил также мысли о типах одночленных и двучленных предложений: первый тип (одночленный) характеризуется одним концентром, не расчлененным на подлежащее и сказуемое, второй тип (двучленный) — двумя концентриками: подлежащего и сказуемого. <...> Нам представляется, что учение Щербы о двух типах фразы носит очень внешний фонетический характер, и глубоким заблуждением является попытка подменить им теорию предложения.

К сожалению, все эти спорные и во многих отношениях неясные синтаксические идеи остались в работах Щербы не развитыми. <...>

¹ Щерба Л. В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. С. 94.

² См.: Щерба Л. В. Фонетика французского языка. С. 118–119.

³ Там же. С. 118.

Г. А. Золотова

О традициях и тенденциях в современной грамматической науке¹

- Задания.**
1. Какие позитивные моменты в отечественной синтаксической традиции видит Г. А. Золотова?
 2. Какие аспекты синтаксической традиции оценивает автор статьи?
 3. Как интерес к семантике определил развитие синтаксических теорий?

1. В каждой науке сосуществуют традиции и тенденции. Сосуществуют во взаимной поддержке, в конкуренции, в противостоянии. <...>

Грамматическая наука осваивает и реализует знания о языке, накопленные многовековой традицией. Традиция в науке — это уважение к прежним поколениям ученых и овладение созданными ими ценностями. Вместе с тем традиция — это наследование комплекса нерешенных вопросов и методов их решения. <...>

Тенденция — направленность к новым знаниям, поиски путей решения старых и новых проблем, способов преодоления застылости. <...>

2. Отечественная наука о русском языке оставила нам богатейшее наследство. Как крупнейшие вехи на этом пути можно назвать имена М. В. Ломоносова, А. А. Барсова, А. Х. Востокова, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова и многих других подвижников. Наш общий поклон им всем, нашим учителям, их памяти. Книга В. В. Виноградова «Из истории изучения русского синтаксиса» (1958), проследившая развитие русской грамматической науки, отношения между синтаксисом — и морфологией, логикой, психологией, историей языка, извлекла из опыта прошлого перспективные идеи для настоящего и будущего. Начиная с Ломоносова, В. В. Виноградов оценивал в синтаксических трудах меру проникновения в «грамматику и семантику коммуникативной речи», раскрытия свойств языка как средства общения, сообщения мыслей.

Эта формировавшаяся научная традиция — изучения синтаксиса в нераздельности структур и несомого ими смысла — уже в XX в., богатом разнонаправленными лингвистическими концепциями — подвергалась сомнению со стороны специалистов, стремившихся к построению схем, формул, расчетов, освобожденных от выражае-

¹ Печатается по: Вопросы русского языкознания. Вып. XII: Традиции и тенденции в современной грамматической науке. М., 2005. С. 7–12.

мого языком смысла. Была попытка смелых умов сделать лингвистику точной, математизированной наукой. <...>

Другим поводом для отделения семантики от синтаксиса стала расхожая во второй половине XX в. односторонняя трактовка работы С. И. Карцевского «Об асимметричном дуализме лингвистического знака»¹. В этой статье двусторонность языкового знака иллюстрировалась как фактами симметрии между формой и значением, так и — на этом фоне — фактами асимметрии. Абсолютизация асимметризма, почему-то вынесенная из этой статьи некоторыми читателями, создавала предвзятость в подходе к реальному соотношению формы и содержания в грамматических структурах. Этому умонастроению поддавалась Академическая грамматика 1970 года, представившая русский синтаксис в парадигмах «структурных схем» предложений, лишенных содержательных признаков и расположенных в арифметическом порядке.

3. Но неотвратимо наступала пора всеобщего поворота к семантике.

Трудно пришлось в это время специалистам, которые успели поверить в авторитетные «структурные схемы». Вот как рассуждает один из авторов университетского учебника 1989 г.²: «Традиционное учение о членах предложения строилось на основе идеи о том, что устройством предложения одновременно определяет и его форму и его смысл... Вопреки традиционному дефинициям, включавшим не только формальные, но и смысловые их характеристики, различительным признаком... является формальный признак...» (с. 609); «Учение о структурных схемах составляет в современных синтаксических трудах основу описания формальной организации предложения» (с. 608).

Оставалось неясным: если избавленный от семантики формальный подход сулил точность критериев, почему же так заметно различалось количество вычисленных разными авторами минимальных схем (29 в Академической грамматике; 19 (14) в университетском учебнике; 44 у С. И. Кокориной)? И так ли точны формальные критерии, ведь нет, например, в русском языке формы косвенного падежа, есть разные по форме, по значениям и по функциям косвенные падежи.

Минимальная схема предложения предназначена «выражать актуализированное информативное содержание» (с. 637), то есть грамматическое значение реальности / ирреальности и времени, а также числа и рода. Слушатель или читатель думает, что предложения *Старик ловил неводом рыбу*, *Старуха пряла свою пряжу* выражают сообщение о занятиях персонажей сказки, но он ошибается: они

¹ Карцевский С. И. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В. А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.

² Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989.

выражают «результат высокой абстракции» и «фиксируют только специфические факты синтаксической организации предложения». Старик и старуха, оказывается, заняты тем, что «определяют форму предикативного центра по согласовательным категориям». А поскольку «при таком подходе... уже нельзя опираться на традиционное учение о главных членах предложения» (636), то «различия между подлежащим и дополнениями при этом подходе несущественны». Значит, для читателя и слушателя совсем уж неважно, старик ловил рыбу или, может быть, рыба старика, — и так бывает. Но это уже будет не Пушкин, а Хемингуэй.

В структурные схемы или образцы двукомпонентных глагольных предложений в АГ-80 зачисляются примеры с явно именным предикатом (*Наследства оказалось грош; Работа считается тяжелой; Побудь здесь хозяйкой; Считает себя гением*). Почему-то те же полужнаменательные глаголы, здесь определяющие будто бы «глагольность» схемы, в другом параграфе не мешают помещать примеры в схему с адъективным сказуемым (*Разговор оказывался скудным; Деньги оказались твои; Будь разноцветной*). В университетском учебнике широта «формальных» условий предиката (N₂ / Adv) позволяет соединить под одной схемой такие разные и по смыслу, и по структуре предложения как *Мы были в отчаянии; Чай — с сахаром; Приход Петра был кстати*.

Когда уже нельзя отрезаться от семантики, ее впускают на чердак, в мезонин, строят двухэтажные, даже пятиэтажные схемы. Но это самообман, иллюзия признания. Ведь у семантики нет средств выражения на другом «уровне», она вся тут, в предложении, в единстве формы и значения.

Как же не возникнуть сомнениям в плодотворности такого пути? <...> В предложениях *У детей кашель; У больного бред*, согласно АГ-80, нам надлежит видеть, что действие или состояние является субъектом существования, но имеет при этом своего производителя или носителя с субъектным же значением (с. 358). Что же — так механически понятая семантика разрушает предложение или создает новые законы построения — «субъект + субъект»? Вот незрелые плоды поворота к семантике.

4. Вопрос о типах предложений. А. А. Шахматов, пытаясь упорядочить колоссальный собранный им материал, разделил простые предложения на односоставные и двусоставные. Для его времени это было несомненное прогрессивным решением. Но прошли десятилетия, и мы держимся за эту классификацию, не замечая, что наука уже сопоставила понятия языка и речи, что давно выявлена возможность именительного падежа служить сказуемым, а ряда косвенных падежей — подлежащим. Между тем и в привычной нам классификации предложений «по Шахматову» таится множество подвохов и непоследовательностей. Вспомним хотя бы хрестоматийные примеры из «Записок охотника» Тургенева:

Сквозь густые кусты орешника ... спускаетесь вы на дно оврага ... Вы в тени, вы дышите пахучей сыростью; вам хорошо ... Над вами, кругом вас — всюду туман...

Вы спускаетесь; вы дышите — двусоставные глагольные предложения. Но *вы* — обобщенное лицо, включающее и рассказчика, и адресата, читателя. Значит, предложения обобщенно-личные? А это по схеме разновидность односоставных. В какую же рубрику их поместить? *Вам хорошо* — безличное, односоставное, но ведь сообщает о состоянии лица и лицо названо местоимением в дательном падеже. Значит, личное и двусоставное?

Но вам опять обобщенно-личное!

Вы — в тени — двусоставное, но одни скажут: *в тени* — сказуемое, другие — обстоятельство (места?) с неназванным глагольным предикатом. Каким? Ну — *находитесь в тени*. Но, во-первых, это плохо стилистически, не по-тургеневски, во-вторых, не получается предложения из подлежащего и сказуемого — **Вы находитесь*, а без такого глагола (он здесь неполнозначительный) получается.

Кругом вас — туман: если «танцевать» от именительного падежа, *туман* — подлежащее, а *кругом вас* — обстоятельство, локатив. Но, может быть, *туман* — признак места кругом вас, и тогда это сказуемое, а локативная предложно-падежная форма — подлежащее? Но опять *вас* — обобщенное?

Вот круг нерешенных, спорных вопросов, которых было бы достаточно, чтобы усомниться в правомерности привычной классификации. <...>

5. Как это оценить с точки зрения традиций и тенденций? С одной стороны, вроде бы следуем почтенной шахматовской традиции. А с другой — не вспоминаем такого программного высказывания самого А. А. Шахматова: «Кроме деления предложений по форме необходимо предложить и деление их по значению, поскольку именно значение предложений связывается с их формой. Имея в виду, что значение предложений зависит частью от сочетания с другими предложениями, деление предложений по значению я переношу в отдел, следующий за учением о сочетании предложений»¹.

А еще раньше А. А. Шахматова А. А. Потенбня писал: «Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением...»².

Это традиция русской филологии. Во второй половине XIX в. об осмысленном изучении языка, о мысли в языке думали и писали В. И. Классовский, А. А. Дмитриевский, К. Д. Ушинский и др.

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 49]

² Потенбня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Вып. 1–2. С. 29.

Мудрый Михаил Леонович Гаспаров сказал так: «Традицией мы называем наше эгоцентрическое право (точнее, привычку) представлять себе прошлое по своему образу и подобию...»¹. <...>

Стоит отметить еще два аспекта проблемы отношения к традициям: психологический и педагогический.

У психологов есть понятие «познавательный диссонанс» — это о свойственном человеку внутреннем сопротивлении усвоению всего нового, что может разрушить привычный стереотип. Осознание этого диссонанса в своей психике становится стимулом к движению. <...>

Педагогическую или педагогико-этическую проблему я вижу еще вот в чем: не располагая твердыми основаниями для решения вопросов, связанных с <...> квалификацией типов предложений и состава предложения, имеем ли мы право требовать от учеников, от студентов готовых однозначных ответов на сомнительные вопросы? Не дальновиднее ли будет создавать дискуссионные ситуации, стимулирующие мысль, учить их наблюдать факты и аргументировать мнения <...>.

6. А. А. Шахматов не успел реализовать обозначенную им программу. Но интересно заметить, что значение предложений он ставит и в зависимость от сочетания с другими предложениями, то есть предвидит выход в проблематику текста.

Далее задачи и приемы и изучения структуры текста разработаны его учеником В. В. Виноградовым в 1930–1936 гг.

К концу XX в. все яснее становится, что основным объектом лингвистики, грамматики, синтаксиса становится текст. Это — средство общения, то, ради чего существует язык и все его элементы как части целого.

Проблемы текста все больше привлекают внимание и у нас, и на Западе. <...> «Текст — это как раз то, чего не хватает науке о языке, если она хочет осознать свою универсальную роль (а отнюдь не свою технократическую специфичность)», — писал Ролан Барт, авторитет современной французской филологии.

Видение языкового строя с точки зрения текста, в развитие идей В. В. Виноградова, позволило найти критерии коммуникативных типов (регистров) речи и композиционно-текстовых функций их компонентов (Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998). Открылись и новые возможности синтаксического анализа. <...>

Регистровый анализ, выявляя взаимодействие значения, формы и функции, определяет текстовые потенции предложения, отражающие как разные стороны действительности, так и разные способы восприятия ее говорящим, отражающие <...> способность человека воспроизводить в слове образ мира.

Итак, современной грамматической науке предстоит расширять наблюдаемое речевое пространство и преодолевать психологию застоя. <...>

¹ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2000. С. 177.

Н. К. Онипенко

Петербургская школа функциональной грамматики. Теория функциональной грамматики (ТФГ) А. В. Бондарко¹

- Задания.**
1. На основе приведенного ниже фрагмента объясните разницу между традиционной формально-описательной и функциональной грамматикой.
 2. Объясните термин «функционально-семантическое поле».

Формирование концепции ТФГ началось в 1970–1980-е гг. Уже через год после выхода в свет академической «Русской грамматики» (1980) А. В. Бондарко публикует статью «Основы построения функциональной грамматики». С 1981 по 1987 г. вырабатываются основные принципы концепции, определяются основные понятия — функционально-семантическое поле и категориальная ситуация. В 1987 г. появляется первый том шеститомного коллективного труда под общим названием «Теория функциональной грамматики». Первый том посвящен глагольной категории вида, которая представлена в трех функционально-семантических полях: аспектуальность, временная локализованность и таксис. Второй том вышел в 1990-м, а последний, шестой, — в 1996 г. Итоги этого коллективного исследования были подведены в книге А. В. Бондарко «Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени» (2001). А с 2000 г. начинают выходить в свет тома под общим названием «Проблемы функциональной грамматики», в которых предлагается другой «вход» в языковую систему — не от грамматического значения к грамматической форме, а от определенной лингвистической проблемы, например от проблемы взаимосвязей системно-языкового и речевого аспектов морфологических и синтаксических категорий, к языковой системе.

ТФГ создает классификационную, системно-описательную модель категориальной грамматики. Эта модель, возникнув в рамках ленинградской типологической школы, представляет русскую грамматическую систему в ряду грамматик других языков. Сопоставительный аспект ТФГ обусловил категориально-морфологический характер ТФГ, в отличие от ФКГ, которая обращена к тексту и говорящему как творцу текста. ФКГ — это системно-объяснительная грамматика, признающая приоритет синтаксиса над морфологией. ФКГ интерпретирует морфологические категории имен и глаголов и в рамках минимальной синтаксической единицы (синтаксемы, количественно равной словоформе, члену предложения), и в рамках комму-

¹ Печатается по: Современный русский литературный язык. М., 2003. С. 678–688.

никативной единицы (предложения) — по отношению к синтаксическому целому тексту.

А. В. Бондарко, подводя итоги работы научного коллектива ТФГ за два десятилетия, показал¹ отличия ТФГ, во-первых, от предшествующей традиционной формально-описательной грамматики и, во-вторых, от функционально-коммуникативной грамматики, разрабатываемой под руководством Г. А. Золотовой. Отличие от традиционной грамматики А. В. Бондарко формулирует следующим образом: «Если традиционная грамматика отвечает прежде всего на вопрос «как устроена языковая система?», то функциональная грамматика, разумеется, учитывая устройство этой системы и её элементов, стремится ответить на вопрос «как она функционирует?». Если традиционная грамматика анализирует и описывает языковые факты преимущественно или исключительно в направлении от формы к значению, то функциональная грамматика предполагает доминирующую роль анализа языкового материала в направлении от смысла к его выражению, от функций к средствам их реализации. Это связано со стремлением отразить в грамматическом описании позицию говорящего, важнейшую сторону его мыслительно-речевой деятельности — движение от смысла, который он хочет выразить, к реализации этого намерения в конкретном высказывании» (с. 5–6). При этом традиционная (уровневая, описательная) грамматика и грамматика функциональная находятся в отношениях взаимного дополнения: «Эти типы грамматики дополняют друг друга в широком поле грамматических исследований» (с. 8).

Для характеристики разных направлений в рамках современной функциональной грамматики А. В. Бондарко предложил принцип доминанты: ТФГ он характеризует как модель с системно-языковой доминантой, а КГ — как модель с коммуникативно-речевой доминантой (с. 8–9). Это означает, что каждая теория отличается своим приоритетом: ТФГ — системно-описательным, ФКГ — системно-объяснительным. ТФГ представляет грамматическую систему русского языка от категориальных (грамматических) значений к способам их выражения. ФКГ представляет русскую грамматику как механизм порождения речи (устной и письменной) в системном взаимодействии значений, функций и форм.

Для ТФГ характерно то, (1) что отправной точкой для исследовательской мысли становятся морфологические категории (например, категории глагола); (2) что языковая единица понимается как двухмерная сущность в пределах уровневой системы языка; (3) что теоретическая основа и терминологический аппарат концепции обеспечивают не только представление системы русского языка изнутри, но и сопоставительное изучение разных языковых систем.

¹ Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 2001.

Каждая грамматическая теория имеет в своей основе определенные научные понятия, которые оказываются основными инструментами представления языкового материала. В ТФГ это понятия функции, семантической категории, функционально-семантического поля и категориальной ситуации.

Работая в двухмерной системе, представители ТФГ рассматривают функцию как предназначенность языковой единицы выражать определенное (грамматическое) значение, например «способность глагольных форм 2-го л. ед. ч. служить для выражения отношения к адресату речи или к «обобщенному лицу»¹. При таком подходе возникает необходимость показать отношения между понятиями значения и функции. Споря с В. Дресслером, А. В. Бондарко предлагает говорить о «семантической функции», которая не тождественна значению, поскольку «всякое значение может рассматриваться как функция определенного средства или комплекса языковых средств, но не всякая функция есть значение (ср. структурные функции средств согласования, соединительных морфем и т. д.)» (с. 342). Понятие функции в ТФГ отличается и от понятия функции в работах Пражской лингвистической школы. А. В. Бондарко так говорит об этих отличиях: «Представителями пражской школы была выдвинута концепция межуровневого соотношения средств и функций, включающая, в частности, следующие положения: уровни языка выступают по отношению к высшим уровням как область их строительных средств, а по отношению к низшим уровням — как область их функционального назначения... В отличие от концепции, относящей функции единиц данного уровня к «следующим» (более высоким) уровням, мы исходим из того, что функция имеет определенные формы существования не только на этих более высоких уровнях, но и на том уровне, который конституируется данной единицей» (с. 346–347).

«Семантические категории (время, пространство, качество, количество и т. п.) как универсальные семантические константы представляют собой содержательное основание ФСП»².

«Функционально-семантическое поле (ФСП) — это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности и семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории»³. Функционально-семантическое поле — «это семантическая категория, рассматриваемая в единстве с системой средств её выражения в данном языке»⁴.

«Если описание каждого ФСП даёт представление о парадигматической системе разноуровневых языковых средств, служащих для

¹ Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002. С. 40.

² Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики... С. 28.

³ Бондарко А. В. Теория значения... С. 289.

⁴ Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики... С. 17.

выражения вариантов определённой семантической категории в исследуемом языке, то КС (категориальные ситуации), представленные в многоступенчатой системе вариативности, отражают репрезентацию семантических категорий в речи» (с. 26). Таким образом, ФСП — это способ собирания (исследователем) языковых средств разных уровней вокруг одной семантической категории и способ представления этой категории в описательной грамматике. Понятие КС «служит для анализа функциональных вариантов данной семантической категории, выражаемых в высказывании» (с. 27). Понятие КС в ТФГ используется для объяснения отношений между языковой категорией и условиями её выражения в речи, т. е., по мнению А. В. Бондарко, для объяснения отношений между системой и средой.

Для того чтобы соединить систему ФСП с традиционной грамматической моделью, А. В. Бондарко вводит еще одно понятие — «грамматическое единство». Таким грамматическим единством становится часть речи («грамматически характеризованный класс лексик»), а также предложение («оно интегрирует в себе свойства грамматической единицы и грамматического единства» (с. 31).

Соглашаясь с теоретиками системности, А. В. Бондарко принимает следующее определение системы: «система как множество элементов с отношениями и связями между ними, образующими определённую целостность, проявляет и формирует все свои свойства во взаимодействии со средой. Взаимозависимость системы и среды рассматривается как один из системных принципов, наряду с такими свойствами системы, как целостность и иерархичность. Понятие функционирования (поведения) объекта включает его связи с окружающей средой. Это относится и к функционированию языковых системных объектов»¹.

И далее А. В. Бондарко применяет понятия системы и среды для представления отношений: (а) между грамматикой и лексикой, (б) между языком и речью, (в) между категориями в самой грамматической системе. К системным объектам в ТФГ относятся «предложение, грамматическая категория (вид, время, залог и т. п.), функционально-семантическое поле (аспектуальность, темпоральность, залоговость и т. п.), различные группировки грамматических категорий» (система глагольных категорий, система именных категорий), «словоформы, части речи, члены предложения» (с. 194).

«Среда по отношению к той или иной языковой единице, категории или группировке как исходной системе трактуется следующим образом: это множество языковых (в части случаев также и внеязыковых) элементов, играющее по отношению к исходной системе роль окружения, во взаимодействии с которым она выполняет свою функцию. В реализации системных значений граммати-

¹ Бондарко А. В. Теория значения... С. 193–194.

ческих категорий роль среды выполняют элементы контекста и речевой ситуации; к среде относятся лексические значения и лексико-грамматические разряды слов, влияющие на данную категорию, а также элементы «категориального окружения» — другие грамматические категории, взаимодействующие с категорией, рассматриваемой как исходная система. Так, реализация категории глагольного вида в условиях видовой соотносительности или несоотносительности и употребление форм совершенного и несовершенного вида зависит от элементов контекста типа *однажды, часто, вдруг, постепенно* и т. п., от таких элементов речевой ситуации, как наблюдаемость (и шире, перцептивность), от лексического значения глагола, его принадлежности к разрядам предельных и неопредельных глаголов и к тому или иному способу действия, от взаимодействия со стороны категорий времени, наклонения, лица и залога» (с. 194).

В шеститомнике ТФГ русская грамматическая система представлена как совокупность функционально-семантических полей, из которых рассмотрены следующие ФСП: аспектуальность (вид и способы глагольного действия), временная локализованность (частные значения категории времени), таксис (одновременность / разновременность), темпоральность, модальность, персональность, залоговость, субъектность, объектность, коммуникативная перспектива, определенность / неопределенность, качественность, количественность, локативность, бытийность, посессивность, обусловленность, временной порядок. Семь первых ФСП представляют глагольные категории: вид — аспектуальность, вид и время — временная локализованность, видо-временное соотношение глагольных форм — таксис; время — темпоральность, наклонение — модальность, лицо — персональность, залог — залоговость. Четыре следующих поля относятся к уровню предложения и интерпретируют функции именных словоформ в предложении. ФСП качественности формируется вокруг определенной части речи — прилагательного, ФСП количественности — вокруг категории числа. А поля локативности (место), бытийности, посессивности (владения, принадлежности) и обусловленности (причинности в широком смысле) представляют определенные типы синтаксических структур — предложения со значением бытия, местонахождения, владения, а также полипредикативные конструкции, выражающие обусловленность одной ситуации другой. ФСП временного порядка интерпретирует категорию времени как категорию текста.

Обратимся непосредственно к описанию семантических категорий, предлагаемому в ТФГ, в частности к ФСП темпоральности, таксиса, персональности и количественности.

ФСП темпоральности образуется вокруг глагольной категории времени. Соответственно категориальная семантика будет представлена в связи с грамматическим значением категории време-

ни: «Рассматриваемая семантическая категория отражает языковую интерпретацию восприятия человеком времени обозначаемых ситуаций по отношению к моменту речи говорящего или иной исходной точке отсчета. Основное членение в данной семантической сфере — «одновременность (настоящее) / предшествование (прошлое) / следование (будущее)» (с. 473).

ФСП темпоральности — это система, функционирующая во взаимодействии со средой, к которой относятся: (а) другие глагольные категории (вида, наклонения, лица и залога), для категории времени наиболее важным признается взаимодействие с категорией наклонения и категорией вида; (б) другие ФСП в аспектуально-темпоральном комплексе (аспектуальность, временная локализованность, таксис, временной порядок); (в) ФСП персональности (категория лица) в системе дейктических средств; (г) синтаксический контекст (предложение и текст).

Как и любое функционально-семантическое поле, ФСП темпоральности делится на центр и периферию. В центре находится грамматическая категория времени, которая в русском языке «ограничена рамками изъявительного наклонения» (с. 484). «К ближайшему окружению ядра ФСП темпоральности (и к ближайшей периферии) могут быть отнесены следующие компоненты данного поля: 1) аналитические причастно-страдательные формы типа *был рассмотрен* — *рассмотрен* — *будет рассмотрен*; 2) формы полных причастий прошедшего (*рассматривавший, рассматривевший, рассмотренный*) и настоящего времени (*рассматривающий, рассматриваемый*); 3) образования типа *говаривал, едал, мешал, нашивал, певал, хаживал* со значением «давнего обыкновения»; 4) безглагольные синтаксические конструкции со значением настоящего времени, соотносительные с конструкциями, включающими формы типа *был, будет* (*Ночь; Холодно* и др.) (с. 486).

К дальней периферии А. В. Бондарко относит: «1) деепричастия в составе деепричастных конструкций; 2) синтаксические конструкции с модальным значением, имплицитно указывающие на темпоральную отнесенность ситуации или одного из её элементов к будущему (*Уйдите! Построиться! Отдохнуть бы; Вам в наряд идти; Помочь тебе? Ко мне могут зайти знакомые* и т. п.); 3) лексические обстоятельственные показатели типа *сейчас, завтра, через две недели, вчера, год тому назад, давно* и т. п.; 4) конструкции с временными союзами типа *когда, пока, в то время как, как только, лишь только, едва* и т. п.; подобные конструкции (придаточные части соответствующих сложноподчиненных предложений) включаются в выражение таксиса, но вместе с тем выполняют обстоятельную темпоральную функцию, сопоставимую с обстоятельной функцией упомянутых лексических средств; 5) различные контекстуальные средства передачи темпоральных отношений, не имеющие определенной и однородной структурной характеристики, например, *тогдашний, в более*

поздних произведениях...; вспоминается...; в своих мечтах... и т. п.» (с. 491–492).

К языковой интерпретации категории времени относится и ФСП т а к с и а. Термин «таксис» (порядок) был введен Р. Якобсоном для обозначения временных отношений между двумя событиями, в русском языке выражаемых однородными сказуемыми или деепричастными и причастными формами.

В современной русистике существуют два понимания термина «таксис» — широкое (как отношение между предикативными единицами по всем трем предикативным категориям — модальности, времени и лицу) и узкое, восходящее к работам Р. Якобсона и Ю. С. Маслова (как временное отношение между предикативными единицами). ТФГ говорит о таксисе в узком смысле слова: «Инвариантное значение таксиса может быть определено как выражаемая в полипредикативных конструкциях временная соотнесённость действий, соотнесённость в рамках единого временного плана» (с. 505).

«Инвариантное значение таксиса выступает в следующих основных вариантах:

а) отношения одновременности / неодновременности (предшествования — следования): *Пока мы усаживались, он перебирал бумагу* (одновременность); *Как только закончу разговор с вами, доложу* (последовательность);

б) временная соотнесённость действий в сочетании с отношениями обусловленности (причинными, условными, уступительными): *Осознав это, он изменил свое решение* (предшествование и причинные отношения); *Осознав это, он все же не изменил своего решения* (предшествование и уступка);

в) взаимосвязь действий в рамках единого временного плана при неактуализованности указанных выше хронологических отношений: *Весь вечер до ужина он пел, насвистывал, шумно играл с собакой* (действия в обозначаемой внеязыковой ситуации могут быть отчасти одновременными, отчасти разновременными (возможно, чередующимися), однако хронологические отношения не актуализируются: важно лишь то, что весь вечер был наполнен обозначенными действиями» (с. 506).

«Понятие «таксиса» охватывает два типа сопряженности действий во времени в рамках полипредикативного комплекса: 1) соотнесённость основного и зависимого предиката (зависимый таксис, представленный в деепричастных, причастных и некоторых других конструкциях, включающих сочетание основной и зависимой предикации); 2) соотнесённость двух и более «равноправных» предикатов (независимый таксис в конструкциях с однородными сказуемыми, в сложносочиненных предложениях и в сложноподчиненных предложениях разных типов — с придаточным времени, условия, уступки, с придаточным изъяснительным)» (с. 508).

Соответственно в ФСП таксиса различаются два центра и две периферии:

З а в и с и м ы й т а к с и с. Центральный компонент — конструкции с деепричастиями совершенного и несовершенного вида. Периферийные компоненты: а) конструкции с причастиями; б) предложно-падежные конструкции типа *при рассмотрении* в сочетании с глаголом.

Н е з а в и с и м ы й т а к с и с. Центр:

1) соотношение видо-временных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени и в бессоюзных сложных;

2) соотношение видо-временных форм в предложениях с однородными сказуемыми и в сложносочиненных предложениях.

Периферия:

1) соотношение видо-временных форм в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия, причины, следствия и уступки;

2) соотношение видо-временных форм в сложноподчиненных с придаточными изъяснительными (с. 513).

ФСП персональности связано с грамматической категорией лица, которая трактуется в ТФГ «как характеристика участника обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи — прежде всего к говорящему» (с. 543).

«В целом семантика лица представляет собой полевую структуру, в которой выделяются центр и периферия, причем в каждой из этих сфер намечается определенная иерархия. В содержании персональности вершинное положение занимает 1-е л. я, представляющее говорящего. С ним соотносится 2-е л. ты. Ближайшую периферию семантики персональности (или, может быть, промежуточную область между центром и периферией — резкие грани здесь отсутствуют) представляет та сфера семантики 3-го л., которая связана с указанием именно на лицо (лица). Сфера «третьих лиц» активно взаимодействует с семантическим ядром персональности. То же следует сказать и о семантике обобщенноличности (связанной с обобщенным и модифицированным отношением к говорящему и слушающему) и неопределенноличности (связанной прежде всего с неопределенностью класса «третьих лиц»). Что же касается предметного 3-го л., то оно имеет явно периферийный характер, поскольку речь идет о внешней среде, противопоставленной собственно лицам, которые либо реально участвуют, либо могут участвовать в акте речи. На крайней периферии, где признаки персональности отчасти размыты, находится значение форм безличности» (с. 545).

ФСП персональности трактуется «как группировка разноуровневых (морфологических, синтаксических, лексических, а также комбинированных — лексико-грамматических) средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов отношения к лицу» (с. 547–548).

«Характерным признаком ФСП персональности в языках разных типов является объединение и взаимодействие в центре поля грамматической категории лица глагола и местоимения. Центральные грамматические компоненты данного поля могут сочетаться с периферийными лексическими средствами, участвующими в выражении отношения к лицу, например: *Ваш покорный слуга тоже поставил свою подпись; Автор этих строк приносит благодарность; Наша семья выражает сочувствие; Нашему брату об этом мечтать не приходится; Ваша милость о таких мелочах и не думает*. Выражение отношения к лицу возможно и в высказываниях, не содержащих глагольных и местоименных форм лица. Таковы, например, высказывания типа *Молчать! Строиться! Руку!* и т. п., где интонационно-синтаксические средства, выражающие императивную модальность, передают и связанную с нею отнесенность побуждения ко 2-му л.» (с. 548).

«Центральную роль в рассматриваемом ФСП в русском языке играют грамматические формы лица глаголов и личных местоимений (выступающих в позиции подлежащего). Другие средства выражения семантики лица, представляющие более частные подсистемы и ограниченные по условиям их функционирования, относятся к периферии данного поля» (с. 569). К ближайшей периферии относятся личные местоимения в косвенных падежах и местоимения притяжательные, возвратные.

На периферии ФСП персональности находится и «опосредствованное выражение отнесенности к лицу, заключенное в деепричастных конструкциях, поскольку они связаны с правилом односубъектности второстепенного и главного действия: *Я иду, оглядываясь по сторонам* (оглядываясь получает отношение к 1-му л. благодаря соотнесённости с 1-м л. *Я иду*; ср. *Он идет, оглядываясь по сторонам*)» (с. 577).

В области именных категорий интересна семантическая категория количества и соответственно ФСП количественности. Количественность рассматривается представителями ТФГ, с одной стороны, «как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории количества, а с другой — как базирующееся на данной семантической категории функционально-семантическое поле — группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе квантитативных функций»¹.

«Количественность в русском языке относится к числу ФСП полицентрического типа. Данное поле опирается, с одной стороны, на грамматическую категорию числа (прежде всего имен существительных), а с другой — на имена числительные, количественно-именные сочетания, адъективные и адвербиальные показатели квантитативных отношений, наконец, особый тип количественности

¹ Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. Компаративность / под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1996. С. 161.

представлен в сфере глагольных предикатов» (с. 161). Тем самым категория количественности рассматривается и в связи с идеей счётности (категория числа), и с идеей повторяемости во времени (глагольные показатели длительности, многократности), и в связи с идеей меры (степени сравнения прилагательных).

Исследование счётности / несчётности, выраженной числом имен существительным («именной количественности»), требует соотнесения категории числа и семантики имен существительных, т. е. выявления условий взаимодействия категории количества и лексико-семантических разрядов существительных (предметных, абстрактных, собирательных, вещественных и др.). При этом традиционная для русской морфологии проблематика существительных *pluralia tantum* и *singularia tantum* освещается не от формы (запреты на формы единственного или множественного числа), а от семантики предметности, абстрактности или собирательности. «Глагольная количественность» обнаруживается не только средствами вторичной имперфективации (*спросить* — *спрашивать много раз*), но и аналитически — наречными и именными показателями многократности (*регулярно делает зарядку; читает глянцевоы журналы*).

В поле зрения ТФГ находятся и синтаксические категории, т. е. такие грамматические «значения», которые принадлежат уровню предикативных единиц (уровню предложения) и текста. Это, во-первых, семантические категории, соотносимые с понятием члена предложения, — субъектность и объектность, обеспечивающие реализацию основных именных валентностей переходного глагола, а также локативность (ср. обстоятельство места) и взаимодействующая с ними категория определенности / неопределенности. Во-вторых, категории, планом выражения которых являются сложные и осложненные предложения, — обусловленность. В-третьих, закономерности уровня текста — коммуникативная перспектива высказывания.

Таким образом, петербургская школа функциональной грамматики — это научное направление, в котором, несмотря на возможные различия в трактовках частных проблем (научная школа соединяет по-разному мыслящих ученых), существует «общность фундаментальных исходных позиций и целей исследования. Общность заключается: 1) в направленности анализа прежде всего на изучение самого содержания рассматриваемых категорий, 2) в таком соотнесении этого содержания с формой языкового выражения, которое стремится выявить воздействие формы на представление актуализируемой семантики, 3) в стремлении изучить взаимодействие разноуровневых языковых средств, участвующих в реализации рассматриваемых семантических функций»¹.

¹ Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность — неопределенность / под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992. С. 3.

СИНТАКСЕМА — МИНИМАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА

Г. А. Золотова

О синтаксической форме слова¹

- Задания.** 1. На основе статьи Г. А. Золотовой «О синтаксической форме слова» объясните, почему автор не считает слова и словосочетания структурными элементами предложения и выделяет в качестве минимальной синтаксической единицы синтаксему?
2. Какие типы синтаксем выделяет Г. А. Золотова?

<...> Вопрос о синтаксических единицах, об объекте синтаксического изучения — извечный вопрос синтаксиса — еще с античных времен представлялся дилеммой: предложение или словосочетание? Во «Введении в синтаксис» академической грамматики с наибольшей отчетливостью выражено диалектическое решение этой дилеммы: и предложение и словосочетание — объекты синтаксической науки, но разных ее разделов, разных уровней. Предложение — основная коммуникативная единица речи; словосочетание, как и слово — номинативная единица и в качестве таковой представляет собой строительный материал для предложения.

Такое решение само по себе имеет принципиальное значение для развития синтаксической теории, но оно требует дальнейшего развития и уточнения. Вытекающее отсюда положение, что предложения состоят из слов и словосочетаний, справедливо только в самом общем смысле.

Если под структурой предложения понимать закономерную организацию элементов, составляющих целое, то прежде всего надо определить, что такое элемент целого, — единица, из соединения которых составляется целое, а затем установить принципы, закономерности организации этих единиц в целое.

Можно ли считать, что слова и словосочетания являются структурными элементами, единицами предложения?

Положительно ответить на этот вопрос не позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, словосочетание не является первичной единицей синтаксиса, оно само представляет собой некое соединение элементов.

¹ Печатается по: Мысли о современном русском языке: сб. статей / под ред. акад. В. В. Виноградова; сост. А. Н. Кожин. М., 1969. С. 58–66.

Во-вторых, не все слова в предложении входят в словосочетания (что отмечено было во «Введении в синтаксис» и позже показано Н. Ю. Шведовой).

Возможны, наконец, предложения, в которых вообще нет парных словосочетаний (*Перед зарей в лесу тихо; Ночами звуки редки; Я снова посудником на пароходе «Пермь»; Ни ложки, ни плошки в доме не стало; Ему и больно и смешно* и т. п.).

С л о в а не являются структурными единицами предложения потому, что это единицы лексики, из слов самих по себе как лексических единиц предложение не организуется.

Г р а м м а т и ч е с к и е к а т е г о р и и частей речи тоже не представляют собой структурных синтаксических единиц. Можно сказать, что имя существительное соединяется с глаголом предикативной связью, но это еще не открывает нам структуры предложения, его организации. Ср. такие разнообразные модели предложений, как *Грачи улетели; Царица хохотать; Быть буре; Тянет гарью; Сосед выпивши* и т. д.

Ч л е н ы п р е д л о ж е н и я тоже не являются структурными его единицами. Это скорее логические, чем синтаксические, категории. Предложение не строится из членов предложения. Слова, вошедшие в предложение, подводятся под роль того или иного члена. Еще в 1936 г. акад. Л. В. Щерба говорил о членах предложения, что «дифференциация их потеряла всякий кредит»¹.

Не менее важно и то, что существующая иерархия членов предложения — главных и второстепенных — часто не соответствует действительной значимости этих членов как в организации, так и в семантике предложения. Немало моделей предложения организуется без одного, а то и без обоих главных членов: *Душе не до сна; Времени в обрез; Денег ни гроша; Ему за пятьдесят; Присутствующих — с полсотни* и т. п.

Приходится признать, таким образом, что первичный элемент структуры предложения еще не определен.

Думается, что синтаксические поиски сковывает абсолютизация иерархического принципа, принятого традиционной грамматикой, — принципа анализа от господствующего элемента к зависимому, от главного члена к второстепенному.

Один из возможных путей — высвободить синтаксические формы из этой, иногда, может быть, мнимой, зависимости и рассмотреть, какими свойствами, функциями и возможностями располагают они сами по себе.

Этот путь подводит к необходимости ввести в научный оборот понятие с и н т а к с и ч е с к о й ф о р м ы с л о в а.

Под синтаксической формой слова понимается первичная синтаксическая единица, которая выделяется на основе категориально-

¹ Щерба Л. В. О второстепенных членах предложения // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

лексического значения и морфологической формы слова (включая предлог для предложно-падежных форм) и характеризуется синтаксической функцией. Функцией в синтаксисе является тот способ, которым синтаксическая единица участвует в построении связной речи. Функциональные признаки синтаксических форм слова — это способность или неспособность участвовать в структуре предложения, в структуре словосочетания и выступать в самостоятельной позиции, вне предложения и словосочетания. Таким образом, синтаксическая форма слова отвечает следующим условиям первичного синтаксического элемента: она неразложима далее на синтаксическом уровне, в определенных сочетаниях синтаксические формы образуют все более сложные синтаксические построения и дифференцирующими признаками их являются именно синтаксические свойства.

Рассмотрим синтаксические свойства предложных и предложно-падежных форм, которые принято рассматривать как зависимые элементы словосочетаний и второстепенные члены предложения.

Сравним словоформы двух рядов:

В лесу; для человека; у строителей; из писем; на баррикадах; друзьям; против агрессии; после выборов; на выставку; о детях; к сибирякам; без промаха; по возвращении; за мужество и т. д.

Румянцем; брата; решению; в привязанность; по семье; с причиной; за применением; над невежеством; рубля; на расторопность и т. д.

Словоформы первого ряда встречаются в такой крайне независимой функции, как функция заголовка, где они вполне достаточны для обозначения необходимого понятия. Их лексико-категориальное значение (индивидуальное, но в ряду подобных слов, представляющих ту же категорию) вместе со значением предлога и падежной формой создают значение более высокой ступени абстракции (значения места, времени, источника, назначения, адресата, направления и т. д.).

Словоформы второго ряда не употребляются в качестве заголовка. Их лексико-грамматическое значение указывает лишь на то, что эти словоформы могут быть зависимым компонентом того или иного словосочетания и лишь в составе его окончательно «проявляются» (ср., например: *ждать, искать брата; ожидание, поиски брата; любить, воспитывать брата* и т. д.; *любоваться румянцем, отличаться румянцем, радовать румянцем; способствовать, мешать решению; предпочитать неопределенность решению; верить в привязанность, превращение знакомства в привязанность* и т. д.). В предложение эти словоформы могут войти только в составе соответствующих словосочетаний, в качестве членов, распространяющих господствующее слово и управляемых им, и грамматическая их форма является средством выявления их зависимости от господствующего слова, выявления их подчиненного положения.

В отличие от управляемых словоформ словоформы первого ряда в предложении могут войти самостоятельно, не подчиняясь никакому другому слову, как структурно-смысловой компонент предложения разных типов; ср.: *В лесу; В лесу вереск и сосны кривые; Очень уж тихо в лесу по ночам; В лесу стемнело; В лесу не молкнет птичий гам; У строителей; У строителей праздник; У строителей перевыполнен план; У строителей все в порядке; У строителей работает комиссия* и т. д.

Словоформы первого ряда назовем свободными синтаксическими формами имени существительного. Это неуправляемые падежные и предложно-падежные формы, имеющие самостоятельное структурно-семантическое значение, что подтверждается их функционированием в качестве заголовков. Основная их синтаксическая функция — распространителей, реже — организаторов предикативной основы предложения.

Словоформы второго ряда — это связанные, управляемые синтаксические формы. Они распространяют слово в составе словосочетания, заданы господствующим словом, предсказуемы, зависят от него. Вне словосочетания не употребляются. В предложении участвуют через словосочетание, служа для распространения других синтаксических форм, так же, например, как и согласуемые формы прилагательных и местоимений. При этом участие их в тех или иных типах предложений регламентируется свойствами господствующего слова. В структурно-смысловой несамостоятельности роль связанных синтаксических форм сближается с ролью флективных морфем, хотя, кроме прочего, отличает их то, что флексия «открывает» отношение слова с другим словом (перспективна), а связанная синтаксическая форма — «закрывает» (ретроспективна).

Кроме связанных (управляемых) и свободных (неуправляемых) синтаксических форм имени, выделяются еще конструктивно-обусловленные формы. Они тоже неуправляемые, т. е. не являются предсказуемым зависимым членом словосочетания, но в отличие от свободных они не имеют самостоятельного номинативного значения. Как и у связанных форм, значение их выявляется только в синтаксическом контексте. <...> Связанные и конструктивно-обусловленные синтаксические формы проявляют себя, выступают со своим синтаксическим значением в определенной синтаксической среде, в синтаксической ситуации. <...> Для связанных форм такой синтаксической средой является словосочетание, а конструктивно-обусловленные формы реализуют свое значение в определенной структуре предложения, с определенным типовым значением, выступая в качестве одного из двух взаимнообусловленных организующих центров предложения: а) *Дел множество; Свести ни грамма; Мальчиков было четыре; Гостей не перечесть; Забот хоть отбавляй;* б) *С дровами беда; С дисциплиной не ладится; С путевками все в порядке; С этой работой дело обстоит лучше;* в) *Сложность — в подборе*

людей; *Задача состоит в воспитании ответственности; Не в разуме тут сила*; г) *Мне грустно; Ей — семнадцать; Саше не спится*; д) *Он был сторожем; Она здесь учительницей*; е) *У них — новая квартира; У строителя — радость; У нее два сына; У меня есть апельсин* и т. п.

<...> Понятия морфологической и синтаксической формы слова не совпадают. Понятие синтаксической формы создается не только морфологической формой и предлогом, но также и лексико-грамматической категорией имени (ср.: *по болезни* и *по дороге; на память* и *на скатерть* и т. д.). Тогда как количество морфологических форм у имен одинаково (или зависит от типа склонения, если учитывать омоформы), количество синтаксических форм различно — это зависит и от семантики имени, и от сочетаемости его с разными предлогами (в том числе производными), и от значения предлога.

Семантические ограничения вытекают из необходимости соответствия значения слова общему значению данной его синтаксической формы. Естественно, например, что в синтаксической форме «*по* + дат. п.», обозначающей путь движения, могут участвовать лишь названия предметов, обладающих некоторой пространственной протяженностью (*по дороге, по столу, по цветку, по щeke, по не: по точке, по взгляду, по нежности, по звукам* и т. п.). При этом круг существительных, вступающих в эту форму, значительно шире, свободнее, чем у ее синонима — творительного пути движения (*лесом, полем, дорогой, но не: столом, цветком, щекой*).

В известном эксперименте И. С. Ильинской с сочетаниями *пишу пером, пишу перу* по поводу второго сочетания сказано, что оно «неудобно по причине своего фактического значения», но «вполне возможно грамматически, или, вернее, формально». Показательно уточнение: противопоставление «формального» «грамматическому» здесь справедливо в смысле «морфологического» и «синтаксического». На уровне морфологии существует вообще форма дательного падежа. О значении этой формы можно говорить только на уровне синтаксическом, поскольку единого падежного значения не обнаружено, а разные значения в пределах одного падежа создаются в единстве лексического наполнения формы и ее синтаксической функции¹.

Сочетание *пишу перу* невозможно, очевидно, потому, что синтаксической формы типа *перу* со значением адресата нет: в создании такой формы участвуют существительные, называющие лицо или предмет как коллективное лицо (*писать матери, писать семье*).

¹Ср.: Дмитриев Б. А. К вопросу об управлении в современном русском языке // Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1966. С. 110.

Причины разной степени лексической ограниченности тех или иных синтаксических форм — в истории языка: для современного состояния можно лишь констатировать как сложившийся факт единство лексического и грамматического значений в синтаксической форме слова.

Естественно, что среди синтаксических форм много омонимических совпадений. Например, *за домом* — свободная синтаксическая форма с пространственным значением, а в словосочетаниях *наблюдать за домом, следить за домом* — ее омоним, связанная синтаксическая форма. Аналогичное соединение омонимов в формах *на рыбалку* (свободной со значением направления или цели движения и связанной в словосочетаниях *надеяться, рассчитывать на рыбалку*), *над деревом* (со свободным значением пространственным и связанным в словосочетании *сжаться над деревом*) и т. п. В форме *отцу* совпадают свободное значение адресата, связанное значение, выявляющееся в словосочетаниях *верить отцу, завидовать отцу* и т. п., и конструктивно-обусловленное значение субъекта состояния, реализующееся в предложениях типа *Отцу нездоровится, Отцу не спится, Отцу грустно* и т. п. В безличных предложениях типа *Его знобит, ломает* синтаксическая форма *его* — не связанный винительный прямого объекта, а его омоним — конструктивно-обусловленный винительный субъекта состояния, и подтверждается это тем, что он находится в ряду форм с аналогичным значением субъекта состояния (синонимично *У него озноб, ломота*), в отличие от объекта в глагольном словосочетании, например: *ломать стулья*, где винительный в субъектный ряд не встанет.

Как в лексике неодинаковы расстояния между разными значениями слова в пределах омонимии и полисемии, так между синтаксическими формами — омонимами наблюдается разная степень внутренней связанности. Ср., например: *У дедушки нам весело* (своб.); *У дедушки — сад* (констр.-обусл.); *Взяли книгу у дедушки* (связ.), с одной стороны, и: *В спорте успех приносит трудолюбие* (своб.); *В спорте — ключ к долголетию* (констр. -обусл.); *разочаровался в спорте* (связ.) — с другой.

Поскольку в свободных предложно-падежных формах предлоги лексически мотивированы, для этих форм характерны отношения антонимичности и синонимичности, которые создаются соответствующим изменением падежа и предлога при сохранении лексического тождества (*в школе, в доме — вне школы, вне дома; в воду — из воды; на гору — с горы; с умом — без ума; в науке — в сфере науки — в области науки; у околицы — возле околицы — близ околицы* и т. п.). Связанным формам, в которых предлоги лишены реального лексического значения, антонимические отношения несвойственны; синонимические связи между ними весьма ограничены.

В отличие от связанных, свободные синтаксические формы обладают способностью сочетаться друг с другом, не создавая подчинительной связи, в своеобразных «агглютинативных» комплексах, которые не являются ни предложениями, ни словосочетаниями и употребляются в качестве заголовков (*Вокруг света на яхте; Четыре часа за бортом; На конференцию в Гавану; У нас в Казахстане; В гостях у журналистов; С баяном по Швейцарии* и т. п.), а в составе предложений — в качестве усложненных, чаще обособленных определений к имени или с двусторонним отношением к имени и к глаголу (*Отец с биноклем в руках вышел на палубу; Пал с неба сокол с разбитой грудью, в крови на перьях*).

Всякая синтаксическая форма может стать распространенной, если образующее ее слово распространяется по правилам словосочетания. Ср.: *Без путеводаителя туристу трудно ориентироваться. — Без толкового путеводаителя неопытному туристу очень трудно ориентироваться в лабиринте незнакомых улиц.*

Важно то, что свободные и конструктивно-обусловленные синтаксические формы в предложении выполняют структурную функцию, функцию организующих предложение структурно-смысловых компонентов, а связанные, управляемые формы, как наречные и адъективные определители, лишь распространяют структурные компоненты, т. е. сами структурной роли не играют.

Неуправляемые, свободные и конструктивно-обусловленные формы в предложении могут также занимать присловную позицию, определять то или иное слово, в результате чего возникает подобие или аналог словосочетания (*встреча в лесу, домик в лесу, люди на площади, работать сторожем, задержка с отчетом, бледный от жары, ссора из-за пустяка* и т. д.). С точки зрения построения предложений существенно, что в присловной позиции неуправляемые формы утрачивают структурную роль.

Аналог словосочетания уподобляется словосочетанию функционально, создавая расчлененное наименование предмета, явления и распространенный компонент предложения. Если словосочетание представляет собой реализацию синтаксических свойств слова вне предложения, до предложения, то аналог словосочетания возникает в предложении и вычленяется из предложения, по аналогии со словосочетанием. Однако по внутренней структуре аналог принципиально отличается от словосочетания отсутствием грамматического подчинения между сочетающимися словами.

Поскольку свободная и конструктивно-обусловленная форма не управляется определяемым словом, не задается им, а существует и вне данного сочетания, о подчинении можно говорить лишь в логическом смысле: понятие первичное (действие, предмет) подчиняет понятие вторичное (признак действия, предмета).

Отношения между синтаксическими формами и их функциями могут быть обобщены в виде следующей схемы:

Синтаксические функции Синтаксические формы слова	Самостоятельная (заголовки)	Компонент предложения	Компонент словосочетания
Свободные	+	+	(+) ¹
Конструктивно-обусловленные	—	+	(+)
Связанные	—	—	+

<...> Этот подход позволяет пересмотреть или уточнить ряд вопросов, касающихся отношений между предложением и словосочетанием, самого понятия словосочетания, грамматического подчинения, управления. Надо полагать, что более узкое, но более определенное понимание словосочетания, подчинения, управления отвечает интересам научной строгости.

Изучение синтаксических функций неуправляемых синтаксических форм слова позволяет также дифференцировать те факты, которые Н. Ю. Шведова <...> статье объединила под названием де терминирующих членов предложения. Оказывается, что в примерах автора одни из этих «детерминантов» участвуют в организации предикативной основы предложений, без них не было бы и самих предложений (*Женщина в обмороке; С погодой не везет; С ним смешное приключение; Между друзьями недоразумения; Сыну пять лет* и т. п.); другие образуют структурный элемент второй ступени, не обязательный структурно, но необходимый семантически, как условие реализации предикативной основы (*Для родителей ты опять мальчишка; В представлении неискушенных лесник — это сторож с берданкой*); третьи распространяет предложение совершенно факультативно, прибавляя дополнительный смысл (*В честь юбиляра был устроен банкет; В результате усилий коллектива достигнуты большие успехи в работе; Минутами на него находила слабость* и т. п.).

Таким образом, синтаксические различия в функционировании и возможностях этих форм настолько существенны, что вряд ли целесообразно их объединять как одно явление.

Приходится признать, что ни морфологическая квалификация зависимых членов (по падежам и предлогам), ни логическая (по характеру отношений к господствующему слову) не открывает еще их реальную роль в организации предложения, в выявлении которой и заключается собственно синтаксическая проблема.

Нельзя не согласиться также с тем, что «агрессия» словосочетания поглотила важные вопросы, касающиеся структуры предложения.

¹ Плюс в скобках означает участие формы не собственно в словосочетании, а в аналоге его.

Целый ряд синтаксических форм целесообразно изучать не в плане теории словосочетания, а в плане теории предложения, как компоненты его организации. И наоборот: целесообразно признать именно синтаксические формы слов, нераспространенные и распространенные (а не слова и словосочетания), строительным материалом для предложения, элементами, из которых предложение организуется. Ведь и глагол не вообще, а в конкретных синтаксических формах служит компонентом организации предложений разных типов: личные формы — одних типов, инфинитив — других; у причастия и деепричастия совсем иные синтаксические функции и возможности. Так же существенны синтаксические различия между краткой и полной формами прилагательных.

Не случайно не удавались попытки определить обобщенную синтаксическую функцию той или иной части речи. Суждения о первичности предметной и вторичности обстоятельственной функции для существительного (Курилович и др.) столь же справедливы избирательно по отношению к одним синтаксическим формам имени, сколь несправедливы по отношению к другим.

Таким образом, плодотворными представляются задачи перераспределения материала между теорией словосочетания и теорией предложения, изучения синтаксических форм как структурно-смысловых компонентов предложения, выяснения их сочетаемости, возможностей и способов соединения.

Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова
Синтаксическая система языка как объект
грамматической науки¹

- Задания.**
1. На основе приведенного ниже фрагмента объясните разницу в трактовке грамматических явлений морфологией и синтаксисом. Какие факторы определяют синтаксические возможности слова?
 2. В чем авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» усматривают ограниченность теории словосочетания?
 3. Что, по мнению авторов, представляет собой номинализация предложения? Как она определяет коммуникативно-смысловую сложность синтаксической структуры?
 4. Как в предложенном фрагменте описана корреляция синтаксемы в структуре простого предложения и придаточного в структуре сложноподчиненного предложения?

¹ Печатается по: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. С. 36–58.

<...> 1.2. Носителями элементарного смысла в русском синтаксисе служат слова — синтаксемы, или синтаксические формы слов. Так, предложение *Старик ловил неводом рыбу* состоит из четырех компонентов-синтаксем: одной глагольной, обозначающей действие, и трех именных, обозначающих деятеля (субъект), объект его действия и орудие, в трех различных падежах, именительном, винительном и творительном. Можно ли считать, что синтаксису принадлежат функции и падежные формы слов, а значения их определяются лексикой? Проверим это предположение экспериментом, попробуем заменять слова в предложении. Напр.:

- (1) *Старик (рыбак, бедняк, незнакомец, мальчик...) ловил неводом рыбу;*
- (2) *Старик (стол, свисток, сквозняк, пар, январь...) ловил неводом рыбу.*

В первом эксперименте замена удается: с любым именем из ряда в скобках мы получаем предложение с тем же значением компонентов. Во втором эксперименте замена невозможна: предложение разрушается. <...> Нетрудно заметить: существительные в именительном падеже первого ряда объединены между собой и отличаются от существительных в именительном падеже второго ряда общим категориальным значением — значением лица. Это категориальное значение оказывается, как и форма именительного падежа, условием выполнения существительным функции субъекта в данном синтаксическом типе предложения. Имена, принадлежащие к другим семантическим категориям — со значением конкретного предмета, явления природы, состояния вещества и т. п., займут свои места в других типах предложений, об этом позже. <...>

Слово-лексема еще не является синтаксической единицей, слово — единица лексики, а в разных его формах могут реализоваться или актуализироваться разные стороны его общего значения, разные семы, предопределяющие различия и в синтаксическом употреблении. Так, например, в локативных формах *в лесу, за лесом, над лесом, из леса, из-за леса, возле леса* актуализируется значение места, пространства (занятого множеством деревьев), в творительном пути движения *лесом* — значение протяженности пространства, в объектных прилагательных формах *рубить лес, губить лес, сажать лес, любоваться лесом* актуализируется предметное значение (множества д е р е в ь е в), в сочетаниях типа *лес рук, лес флагов* — количественное значение (м н о ж е с т в а деревьев). В каждом из этих значений разные синтаксемы от слова *лес* объединяются с синтаксемами других близких по семантике слов (*в лесу, в саду, в комнате; за лесом, за садом, за домом; из леса, из комнаты; из-за леса, из-за дома, из-за дерева; идти лесом, полем, берегом* и т. п.), создавая обобщенную синтаксему-тип, в данном случае локативные синтак-

семь «в + Предл.» и «за + Твор.», синтаксемы направления «из + Род.» и «из-за + Род.», синтаксему пути движения «Твор. п.» и т. д.

Формируя и изучая связную речь, синтаксис имеет дело прежде всего с осмысленными единицами, несущими свой не индивидуально-лексический, а обобщенный, категориальный смысл в конструкциях разной степени сложности. Эти единицы характеризуются всегда взаимодействием морфологических, семантических и функциональных признаков.

Морфология, изучая типы словоизменения, чаще всего безразлична к категориально-семантическому значению слов, для нее важно строение основы: поэтому *слои*, так же как и *стол* и *сон*, принадлежат к одному типу склонения, *доска* и *тоска* — к другому. Впрочем, разница в категориальных значениях проявляется и здесь: *доска*, предметное имя, располагает формами множ. числа (*доски, досок, по доскам, о досках...*), но *тоска*, отвлеченное имя состояния, форм множ. числа не имеет.

Словообразование же как раздел грамматики, ведающий построением слов — номинативных единиц языка, имеет дело с семантически значимыми элементами слова, морфемами, именно их обобщенными, категориальными значениями определяется сочетаемость морфем, их взаимная устремленность друг к другу. <...>

Известно, что суффиксы *-тель, -ец* образуют с глагольными основами имена лиц, названных по их действию (*читать — читатель, чтец, искать — искатель, истец, водить — водитель, хранить — хранитель, бороться — боец, плавать — пловец*), суффиксы *-ени(е), -ани(е)* с глагольными основами образуют имена действия (*чтение, возведение, хранение, плавание*), суффиксы *-ость, -от(а), -ин(а)* с основами прилагательных — имена качества (*сладкий — сладость, скромный — скромность, толстый — толщина, глубокий — глубина, высокий — высота, глупый — глупость*). Все эти категории имен располагают разными синтаксическими возможностями, по-разному поведут себя в синтаксисе. В той мере, в какой это зависит от их семантико-словообразовательной структуры, можно сказать, что синтаксис начинается еще «до синтаксиса», до тех синтаксических построений, в которых эти различия проявятся.

2.1. В русском языке, как и во многих других, категории действительности, типы явлений и их связей оформлены в виде системы частей речи, отработанной языком в его многовековой истории. Классы явлений действительности предстают нашему языковому сознанию как предметы и лица, действия и состояния, качества и количества и т. д. Языковым выражением их служат соответственно знаменательные части речи в их категориально-грамматическом значении. Так, основным категориальным значением имени существительного является предметность, глагола — процессуальность, категории состояния — статуйальность, прилагательного — качество,

свойство, числительного — количество. Части речи выделяются и характеризуются по совокупности четырех признаков:

- 1) категориально-семантического значения;
- 2) набора морфологических категорий (форм словоизменения);
- 3) способов словообразования;
- 4) способов синтаксического функционирования.

Так, класс имен существительных объединяется значением предметности, морфологическими категориями рода, числа, падежа, своим набором словообразовательных средств, своими особенностями синтаксического употребления.

Классу глаголов свойственно выражать категориальное значение процессуальности в морфологических формах: спрягаемых, в категориях времени, модальности, лица (рода, числа), вида, залога, и неспрягаемых — инфинитива, причастия и деепричастия, сохраняющих эти морфологические категории частично; соответственно синтаксическими функциями глагольных форм считаются предикативные для спрягаемых и непредикативные для неспрягаемых.

<...> Общее семантическое значение части речи в достаточной степени условно, поскольку не всякое существительное обозначает предмет (предметами не являются действия: *ходьба, движение, стирка, пение, полет, мытье, состояния волнение, дремота, тревога, страх, веселье*, качества: *доброта, терпимость, голубизна, глубина, синь, прилежание*, количества: *множество, масса, килограмм, стая, щепотка* и др.), не всякий глагол обозначает процесс (ср., напр.: *принадлежать, иметь, соответствовать, происходить, превосходить, характеризоваться* и др.). <...> Именам лиц, или существительным с личным значением (*отец, учитель, старик, девушка, хозяин, продавец, соседка, пахарь*), более свойственна позиция агенса, субъекта действия (подлежащего) или субъекта — носителя признака, субъекта состояния. Имена предметов (*дерево, книга, яблоко, нож, чашка, мяч*) чаще всего выступают в позиции объектов человеческой деятельности. Предмет не способен к целенаправленному, намеренному действию. Поэтому в позиции подлежащего имя собственно-предметное не обозначает деятеля, агенса, но выступает либо как носитель признака (*Дерево сухое, Яблоки из Курска, Мяч футбольный*), либо в сообщениях о наличии, существовании, местонахождении предмета (*Ключи — на полке, Яблоки кончились, Мяч — под столом, У нас нет мяча, Книга пропала*), либо о его каузативном воздействии на предмет или лицо (*Этот тупой нож: меня раздражает, весь хлеб искрошил*).

2.2. Очевидная грань разделяет синтаксические возможности конкретных и отвлеченных имен существительных. Отвлеченные имена, большей частью производные от основ глагола и прилагательного, — девербативы, деадъективы — не совпадают с конкретными именами по 4-м названным признакам: категориально-семан-

тическим значением их является не предметность, а соответственно процессуальность, качественность и т. д.; ближе всего они к прочим существительным по набору морфологических категорий (род, число, падеж), но и то, как мы видели, многие из них не имеют множ. числа; явно специфичны их способы словообразования. Всеми этими отличиями определяются и особенности их синтаксического употребления.

Распространенный прием квалификации членов предложения путем подстановки падежных вопросов дает информацию лишь о падежной форме (а в случаях с инфинитивом не дает и морфологической информации), но нередко затемняет синтаксическую суть дела. Допустим, в предложении из Л. Толстого *Эта быстрая езда успокоила его* мы с помощью вопроса *кто-что?* находим имя в именительном падеже, называем его подлежащим и ставим от него привычный вопрос к сказуемому *что она делает / сделала?* Но *езда* — действие, и не противоречит ли здравому смыслу приписывание действию — действия?

Ни действие, ни качество не могут совершать действий, это привилегия только живого существа. В предложении же, как и в природе, действие совершает лицо (Вронский), сообщается о том, что «он быстро ехал, и в результате этого стал, становился спокойным». Иными словами, в предложении сообщается о двух признаках одного лица (действия и состоянии), между которыми выявляются каузативные, причинные отношения. Компоненты с этими значениями оформлены иначе, чем в предложении *Он быстро ехал...* В примере девербатив *езда* выполняет структурно-семантическую роль каузатора, а местоимение *его* несет двойную функцию как объект каузативного воздействия и как субъект казулируемого состояния (ср. аналогичную модель: *Езда шагом утомила его* — Чех., Степь). Можно назвать *езду* и подлежащим, дело не в слове, важно видеть, что это подлежащее другого типа и предложение другого типа, чем, скажем, *Она увидела его*.

Обратим еще внимание на прилагательное *быстрый* в рассмотренном примере из Л. Толстого. Вопреки принятому определению прилагательных, оно не обозначает признака предмета, оно обозначает признак действия, движения (в редких сочетаниях с предметными именами — *быстрые кони, быстрые руки* — оно переносит на предмет характеристику его движения) и соотносительно с наречием: *быстро ехать* — *быстрая езда*. Это сигнал того, что и в классе прилагательных взаимодействие семантики и грамматики, сулящее нам новые наблюдения, обнаруживается на уровне подклассов частей речи.

Сравним предложения:

- (1) *Маша застенчива* — (2) *Маша отличается застенчивостью*;
- (3) *Маша рисует* — (4) *Маша занимается рисованием*.

Один и тот же признак в предложениях (1) — (2) и в предложениях (3) — (4) предикативно приписывается лицу, но в левой колонке — выраженный прилагательным и глаголом — непосредственно, в правой — выраженный деадъективом и девербативом — при посредстве вспомогательного, делексикализованного глагола.

Еще одно сопоставление:

- (5) *Брат бьет Машу* — (6) *Машу бьет дрожь*;
(7) *Враги овладели городом* — (8) *Жителями овладела паника*.

Здесь, наоборот, похожие морфологически пары по горизонтали различны по семантико-синтаксической структуре, по составу компонентов: в предложениях (5) и (7) распознаем компоненты со значением субъекта действия (агенса), действия и объекта действия. Предложения (6), (8) организованы сопряжением двух компонентов: со значением субъекта состояния и состояния, в выражении которого участвуют отвлеченное имя признака и вспомогательный глагол.

Примеры (5) — (8) подводят к вопросу о правомерности власти над синтаксическим мышлением морфологических ограничений, или предрассудков. Вера в единственность формы именительного падежа для подлежащего вынуждает разделять синтаксический и семантический анализ, возводить громоздкое двухэтажное построение, чтобы доказать, что *дрожь* — синтаксическое подлежащее, но со значением семантического признака, который подвергает избиению синтаксический объект действия *Машу*, которая семантически субъект состояния, и т. д. Такой «синтаксический разбор» неадекватен составу предложения и потому, что в предложении нет речи о действии, а значит, не может быть ни субъекта, ни объекта действия. Возможность расширить круг морфологических форм подлежащего ведет к более естественной интерпретации в (6) и (8) имен лиц как субъектов состояния и, следовательно, субъектов предложения. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

<...> Будучи носителями признакового значения, отвлеченные имена, участвуя в сообщении, либо служат предикатом, при поддержке вспомогательных слов, либо делают сообщение синтаксически более сложным, более емким, компактным, полипредикативным.

Таким образом, комплекс из 4-х диагностических признаков помогает увидеть не только единство части речи, но и ее неоднородность, дифференцированность, с вытекающими отсюда синтаксическими следствиями. По совокупности и по соотношению четырех названных признаков основные части речи подразделяются на подклассы.

Значение слова-лексемы объединяет в себе три уровня абстракции: общеграмматическое значение части речи, категориально-семанти-

ческое значение подкласса и свое индивидуально-неповторимое лексическое значение. Именно уровень семантико-грамматических подклассов определяет синтаксические возможности слова и его форм.

Обычное вычленение лексического и грамматического значений слова, фиксируя индивидуальную или частеречную семантику и морфологический облик, упускает из виду то производное от этих величин значение, которое и реализуется в синтаксических конструкциях. См. схематическую запись примера:

	Лексическое значение	Морфологическая форма	Синтаксическое значение
в саду, на окне	имя предмета +	в, на + Предл. пад. =	место (локатив)
в сад, за окно		в, за + Вин. пад. =	направление (директив)

Формируя синтаксическую конструкцию, мы поднимаем индивидуально-лексическое значение слова на категориально-семантический уровень, которому и соответствуют значения компонентов, или членов, предложения. Синтаксема и составляет языковое обеспечение этого абстрагирующего процесса, перехода от единицы лексической к единице синтаксической.

На этом уровне, еще «до предложения», синтаксемы, конститутивные средства синтаксиса, разделяются на предметные и признаковые, что играет важную роль в организации предложения.

Интересно наблюдение, которое сделал Вл. Кучера¹, — о способности предметно-личных местоимение заменять существительные в ряде синтаксических позиций (напр.: *перешли через реку / через нее, через которую, но: вернулся через неделю, не «через нее» или «через что», «через которую»; смотрел на реку / на нее / на которую, но: смотрел на восток, не «на него» или «на который»; с детства не любил музыки, не «с него» или «с которого», но: слово, с которого начинал свой рассказ и т. п.*). Показательно, что автор ищет объяснения новому наблюдению в старых концепциях, в оппозиции собственно синтаксических функций и обстоятельственных, по Куриловичу, или дополнений и обстоятельств традиционной грамматики, что оказывается приложимым лишь к части примеров. Можно более уверенно предположить, что причина замеченного явления — в противопоставленности предметных и признаковых синтаксем:

¹ Кучера Вл. Заметки о синтаксисе русских местоимений // Československá rusistika. 1969. № 3.

это в свою очередь может укрепить ненадежные участки границы и между «членами предложения», при желании совершенствовать старый школьный прием выявления категориальных, «исходных» значений слов или членов предложения с помощью местоименных вопросов.

<...> Граница между предметными и признаковыми синтаксемами проходит иногда внутри предложно-падежной парадигмы полисемичного имени, когда разные его значения реализуются в разных синтаксемах (или в синтаксемах-омонимах); ср.: *дом у дороги, или по пыльной дороге* и: *дорогой разговорились; варежка лежит на снегу, монета упала в снег* и: *объезжала больных и в тихую погоду, и в дождь, и в снег.*

Кроме того, признаки значения выражают конкретные имена в нереперентном значении класса предметов, в позиции предиката¹: *Сестра теперь директор, Байкал — озеро* (то есть характеризуется признаком принадлежности к классу предметов).

Другие знаменательные части речи и их формы (кроме субстантивированных прилагательных и причастий) служат носителями признакового значения.

Из изложенного следует, что:

Критерием сходств и различий, на основе которых квалифицируются грамматические явления, устанавливается их системное место, не могут быть только морфологические показатели.

Различное соотношение дифференциальных признаков частей речи в их центральных и периферийных подклассах целесообразно закрепить терминологически: на основании соответствия / несоответствия семантики подкласса категориальной семантике части речи разграничиваем **изосемические** (от греческих корней 'подобие' и 'значение') и **неизосемические** подклассы слов². <...>

3. <...> Формируя осмысленную речь, синтаксис неразрывно взаимодействует с семантикой. Как **конструктивность**, так и **семантичность** — нераздельные свойства синтаксического строя языка. Выражая определенное содержание, синтаксис не может быть несемантическим, асемантическим. Предпринимавшиеся попытки отделить синтаксис от семантики приводили к обедненному, неадекватному представлению синтаксических структур в виде «морфологических слепков» с них, по образному выражению Б. Ю. Норманна <...>.

Поскольку назначение языка — быть орудием коммуникации — реализуется через синтаксис, **коммуникативность** — одно из существенных свойств синтаксиса.

В целях осуществления коммуникации синтаксические средства функционируют, выполняют присущие им функции. **Функцио-**

¹ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

² Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

нальность — также сущностное свойство, характеризующее синтаксис.

Тем, насколько объективны, адекватны изучаемому предмету наши представления о соотношении сущностных признаков, определяется научность, **системность** нашего знания о строе языка. Любой язык представляет собой систему — сложную иерархическую организацию определенных единиц и определенных отношений между ними. Но в непосредственном наблюдении эта система человеку не дана. У говорящих естественно, по мере развития речевых способностей в языковой среде вырабатывается более или менее интуитивное владение регулярными закономерностями языка.

Языковеды же пытаются из реального речевого материала, из устных и письменных текстов вывести представление о системе, о ее устройстве. Всякий аналитический опыт систематизации остается в той или иной мере гипотезой, но постепенно расстояние между представляемой и объективно существующей системой уменьшается.

<...> Итак, место любого явления в системе обусловлено комплексом его необходимых характеристик, которые могут быть сформулированы в виде трех вопросов: **что?**, **как?** и **для чего?** *Что?* или *о чем?* — это вопрос о типовом содержании, семантике синтаксических единиц. *Как?* или *чем?* — это вопрос о средствах выражения, конструкциях. *Для чего?* или *зачем?* — вопрос о функциональном назначении синтаксических единиц.

4.1. Понятие функции предполагает отношения части и целого, элемента и системы.

Каждая синтаксическая единица выполняет в строе целого свою типовую функцию, чтобы весь синтаксический механизм работал для осуществления коммуникации. Функция выражает отношение синтаксической единицы к коммуникативной единице <...>.

Функция — это предназначенность элемента к определенному способу существования в системе, к определенному служению этой системе. Осмыслить эти функции необходимо на всех ступенях системы.

Если за целое принимаем предложение в его коммуникативном назначении, то функции его элементов, его составных частей определяются как их строительные, комбинаторные потенции, реализуемые в построении предложения. Эти потенции зависят от того, какую часть речи или ее подкласс и в какой форме представляет данный элемент. Так, личные формы глаголов действия и состояния предназначены к выполнению в предложении роли предиката, а деепричастная, например, форма глагола — к роли полупредикативного осложнителя предложения: *Облокотись, Татьяна пишет* (Пушк.); *За что же, не боясь греха, Кукушка хвалит Петуха?* (Кр.). Краткая форма прилагательного служит в предложении предикатом, а полная располагает потенциями предиката и определения к имени: *Мутно*

небо, ночь мутна (Пушк.); На мутном небе мгла носилась (Пушк.); В комнате и в окнах менялся свет: то он был сумеречный, то мутный, как туман, то ясный, дневной (Чех.). Включаясь в предложение, эти элементы реализуют свои конструктивно-семантические функции.

С точки зрения способа существования этих элементов в системе, их значимости в построении коммуникативных единиц разграничиваются три вида конструктивно-семантических функций: функция I — самостоятельное употребление, функция II — употребление в качестве компонента предложения, функция III — употребление в качестве компонента словосочетания. Тот или иной набор конструктивно-семантических функций становится характеристикой синтаксической единицы, условием выявления тождества и различия единиц. Так, прилагательные типа *мутный* способны выполнять функции II и III, а типа *мутно, мутна* — только функцию II, функция I ни тем, ни другим не свойственна. Существительное в объектном винительном падеже типа *нетуха* встречается только в функции III — зависимого компонента глагольного словосочетания, а существительное в предложном падеже типа *в комнате* употребительно во всех трех функциях, ср.: **В комнате** (как заголовок); **В комнате** пусто (преддицируемый компонент предложения, место характеризуется признаком пустоты); *Отец — в комнате* (преддицирующий компонент предложения, лицо характеризуется признаком местонахождения); **В комнате** кто-то шел (распространяющий компонент предложения); *сидеть в комнате* (компонент глагольного словосочетания). <...>

4.2. <...> Если за целое принять всю совокупность моделей предложений данного языка в их коммуникативной предназначенности, а предложение рассматривать как часть, элемент этого целого, то предложения могут быть охарактеризованы по разновидностям выполняемой ими собственно **коммуникативной функции**, или по типу коммуникативного действия, выражаемого данным предложением. Ср.:

- (1) *Слуги, сватья и сестра*
С криком ловят комара (Пушк.);
- (2) *Все кричат: «Лови, лови!»* (там же);
- (3) *Ловить комара! Вот еще!*

Коммуникативная функция предложения о ловле комара (1) — сообщение о наблюдаемом действии, (2) — побуждение к действию, (3) — выражение оценочной реакции.

Получив представление о коммуникативных регистрах речи, можно теперь убедиться, что каждое предложение реализует функцию того регистра, служению которому (или в котором), как единственному или одному из возможных, оно предназначено.

Дальнейшая задача — выявление перечня коммуникативных функций предложений и закреплённости / незакреплённости тех или иных моделей за соответствующими коммуникативными действиями.

Таким образом, на разных этапах синтаксического анализа мы наблюдаем либо конструктивно-семантические, либо коммуникативно-текстовые функции синтаксических элементов.

4.3. В лингвистической и педагогической литературе бытует представление о функции как о понятии, связанном только с речью, употреблением языка, но не имеющем отношения к грамматической системе. <...> Оно односторонне и утрачивает научное и практическое значение, будучи оторвано от языковой основы. Как обычные иллюстрации фигурируют, скажем, фразы типа *Воды! Коня! Хлеба и зрелищ! Скальпель!* Их приводят в пример употребления формы винительного-родительного падежа в речи с модальным значением побуждения. Но нельзя не ответить при этом на вопрос: всякое ли имя существительное, с любым ли значением винительного или родительного падежа способно выступить в виде императивной фразы? Возьмем примеры, допустим, с родительным количественным: *Сколько звезд! Как микробов в воздухе...* (Возн.); с родительным отрицания: *Ни звезды в овдовевшей лазури* (Фет); с родительным субъекта действия: *У звезд немой и жаркий спор* (Паст.). Вряд ли возможно императивное высказывание: — *Звезд! Звезды!* Хотя известно из исторического анекдота о Суворове повеление Екатерины: — *Звезду Александру Васильевичу!* Ср. также — *Карету мне!* из Грибоедова.

<...> Употребление имени определяется не просто падежной формой, но совокупностью признаков: падежной формы, категориальной семантики слова и его синтаксической функции. Так называемые падежные значения и представляют результат взаимодействия этих трех признаков. Соответственно в каждом «значении» падежная флексия сигнализирует разные позиции, разный тип обусловленности. Родительный в позиции субъекта или предиката не зависит от другого слова, он обусловлен позицией в определенной модели; родительный или винительный объекта при переходных глаголах флексией выражает зависимость от своего глагола: *просить воды, требовать хлеба, коня, карету; дать, подать (А подать сюда Тяпкина-Ляпкина — Гог.), принести, привезти кого-что* (или *чего*, если к объектному значению добавляется партитивное, частичного количества). Только эта последняя словоформа и употребляется в императивных фразах, когда речевая ситуация и требовательная либо просительная интонация (всегда обозначаемая восклицательным знаком) допускают неназванность соответствующего глагола. Таким образом, перед нами не употребление собственно падежной формы имени, а неполное предложение, речевая реализация глагольной императивной модели, не субъективно-модальная нагрузка на единице лексики или морфологии, а коммуникативно-волеитивная

функция одной из форм парадигмы глагольного предложения. Это объективная системно-языковая функция данной синтаксической единицы. В системе языка повелительная «форма имени» стоит в синонимическом ряду средств волеизъявления разной степени полноты, например: *Я прошу (требую) подать мне карету! — Подать карету! — Карету!; Мы требуем зрелищ! — Требуем зрелищ! — Зрелищ!* и т. п.

Перед говорящим проблема выбора (сознательного или автоматического) из синонимического ряда, перед специалистом — проблема выявления речевых условий, определяющих в подобных случаях регулярную неназванность управляющего глагола, семантика которого вербализовала бы характер речевого акта. Психолингвистические и социолингвистические факторы объединяют здесь в речевой ситуации и многоголосые выкрики возбужденной толпы, и лаконичные приказания хозяина подчиненному, и четкие обращения хирурга к ассистенту в рабочей тишине операционной, может быть, основанные на праве требовать или на иллюзии такого права, или на каких-то других признаках. Они пока не сформулированы.

<...> Осмысление функции языковой единицы требует <...> идентификации самой единицы, определения ее системных координат, поскольку речевое употребление языковых средств — это проблема выбора, в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего, из синонимического ряда единиц с общими функциональными, семантическими и структурными свойствами.

5.1. Решение вопроса о функциях неотделимо от решения вопроса о единицах, которые, во-первых, являются носителями этих функций и, во-вторых, находятся в иерархически-последовательных взаимоотношениях с точки зрения организации речевой деятельности. Определение синтаксических первоэлементов как частей, интегрантов более сложных построений служит непременным условием самого существования научной теории грамматики.

<...> Исследования последних полутора десятилетий дали достаточно оснований считать синтаксическую форму слова, или синтаксему, элементарной, конститутивной единицей русского синтаксиса. Соединяя в себе морфологическую, категориально-семантическую и функционально-синтаксическую характеристики, синтаксема отвечает двум, количественному и качественному, условиям конститутивной единицы: а) она вступает с другими синтаксическими единицами в отношения часть / целое (и предложение и словосочетание с точки зрения синтеза составляются из синтаксем, с точки зрения анализа членятся на синтаксемы); б) синтаксеме как элементу построения и одновременно носителю элементарного смысла свойственны органические черты, присущие целому как таковому.

Типология синтаксем строится на основе различий в их функционально-синтаксических возможностях.

Не в ущерб глагольным синтаксемам, функционирующим как предикат глагольных моделей и как полупредикативный компонент-осложнитель элементарного предложения, привлечем внимание к тому, что в грамматиках и словарях традиционно преувеличивается зависимость именных синтаксем от глагола. Сложилось так потому, что взгляд на глагольные связи (сочетаемость, управление, валентность) был односторонним, только от глагола, без учета семантико-синтаксических свойств другой стороны, именного компонента. Между тем имена существительные, облекая в ту или иную (предложно-) падежную форму свое категориально-семантическое значение, обнаруживают различные синтаксические потенции.

С точки зрения роли конститутивных единиц в построении предложения релевантны функции субстантивных компонентов, организующих предикативную основу предложения, а также ее распространителя (функции компонентов *к о м м у н и к а т и в н о й* единицы). Функция компонента словосочетания, или присловного распространителя (приглагольного, приименного, приадективного), — другого типа: он участвует в предложении опосредованно, лишь при своем определяемом (функции компонента *н о м и н а т и в н о й* единицы). Типологически диагностирующей является функция заголовка, ремарки и подобного изолированного употребления синтаксемы.

На этом функциональном основании различаются три типа синтаксем: *с в я з а н н ы е*, способные лишь к присловному употреблению (*строить школу, строительство школы*), *о б у с л о в л е н н ы е*, способные функционировать как один из компонентов предложений определенной модели (*Мне не спится, Нет огня, Дел по горло, Его знобит, Он здесь прорабом*), и *с в о б о д н ы е*, способные занимать практически любую из перечисленных позиций. Изолированная позиция характерна для свободных синтаксем, для части обусловленных и несвойственных связанным. <...>

<...> Подытоживая рассмотрение синтаксических возможностей локативной синтаксемы «на + Предл.», заметим, что свободная локативная синтаксема располагает наиболее широким функциональным диапазоном, обнаруживая способность занимать практически все релевантные позиции в структуре предложения и словосочетания. Очевидно, что ее собственное значение, сформированное взаимодействием семантико-грамматических признаков и подтверждаемое способностью выступать в изолированной позиции, не зависит от синтаксической функции, а только реализуется в ней.

Итак, мы пронаблюдали различные, но в совокупности всеохватывающие способы функционирования синтаксем как части целого по отношению к более сложным синтаксическим построениям — словосочетанию и предложению.

5.2. Современный этап синтаксической науки побуждает вернуться и к понятию **словосочетания**. Изучение синтаксических форм слова, синтаксем, доказало, что роль «строительного материала» для

предложения принадлежит по праву синтаксемам, а не словосочетаниям. Словосочетания не что иное как распространенные синтаксемы, или соединения синтаксем. В строках Пушкина

Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!

почти все простые предложения построены из нераспространенных синтаксем и только две распространенных (*мой ангел, люблю вас*). Очевидна вторичная для структуры предложения распространяющая роль определителей и в стихах

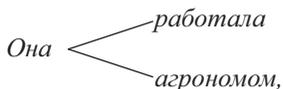
У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом
(Пушк.)

<...> В то же время принятые классификации словосочетаний (по частеречной принадлежности стержневого слова, по типу подчинительной связи) не вскрывают существенных различий в материале, причисляемом к словосочетаниям. Давний вопрос о том, возникают ли словосочетания в предложении или до предложения, должен, по-видимому, решаться дифференцированно.

Одни словосочетания строятся на основе лексико-грамматических свойств слова, к таким свойствам относятся семантическая неполнота, релятивность слова, в том числе переходность глагола (*колоть дрова, вспоминать войну, проектировать дворцы, заведовать фермой, половина урожая, часть комнаты, долька апельсина*), просто способность имени определяться признаковыми словами (*мраморная доска, доска из мрамора, платье в горошек, осенний дождь, мой брат, каждый гражданин*) и др. О подобных словосочетаниях справедливо сказать, что они возникают «до предложения», поскольку их внутренняя структура не зависит от того предложения, в котором они могут быть использованы. Со структурой предложения связана форма (синтаксема) стержневого слова, но его связь с распространителем может оставаться неизменной в разных моделях (ср. *Мой брат — моряк, У моего брата — медаль; Вспоминать войну — страшно, Ветераны вспоминают войну*). Можно сказать, что эти словосочетания возникают на пути от слова к предложению (что не означает, конечно, реальной последовательности этих процессов в конкретном порождении предложения).

Другое дело — сочетания слов, которые возникают на основе связи между компонентами предложения. Такой уровень предложен-

ческих связей обнаруживают, например, сочетания слов, включающие форму творительного предикативного (см. из приведенных выше примеров *работа агрономом*, *избрание его председателем* и под.). В сочетании типа *работа агрономом* нет реализации свойств слова *работа*, нет и собственно управления: форма творительного падежа задается не требованием «стержневого слова», а предикативной функцией синтаксемы в исходном предложении: *Она работала агрономом*. В этом предложении, моносубъектном, но полипредикативном, оба предиката, глагольный и именной, относятся к одному субъекту:

при этом значение глагола практически ослаблено (ср. *Она была агрономом*), между двумя признаковыми компонентами отношения **сопредикативности**, но не управляющего и управляемого. Те же отношения сохраняются или воспроизводятся в сочетании *работа агрономом*, которое справедливо считать результатом обратного процесса: «свертывания» предложения в именную конструкцию. Это соответствует и коммуникативному назначению подобных именных конструкций: в тексте они используются часто для повторной номинации сообщенного ранее.

Было бы правомерно и терминологически закрепить функциональное различие между двумя разнонаправленными способами образования именных конструкций:

с л о в о с о ч е т а н и е, реализующее свойства слова, служит средством распространенной **номинации** предмета, явления;

с о ч е т а н и е с л о в, полученное в результате «свертывания» предложения в именную конструкцию, есть способ **номинализации** предложения.

Граница между ними, по-видимому, опирается на противопоставленность подкласса предметных имен подклассам отвлеченных имен: отвлеченные производные неизосемичны как по семантическим и словообразовательным связям, так и по синтаксическим. Соответственно, словосочетания-номинации полностью лишены предикативных свойств, это средства распространенного называния; сочетания-номинализации содержат в себе «в свернутом виде» элементы предикации. Дополнительный смысл это терминологическое разграничение приобретает в связи со смешением номинативной и коммуникативной функций языка, распространившимся под влиянием концепции «номинативного значения» предложения.

Номинализация может рассматриваться как синтаксический дериват глагола-сказуемого в ряду с другими способами вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия. Ср. предложение

Сестра работает в деревне и осложненные предложения с его дериватами. С **номинализацией**: *Работа сестры в деревне запомнилась ей надолго*; с **инфинитивизацией**: *Работать в деревне было нелегко*; с **адвербиализацией**: *Работая в деревне, сестра писала рассказы*, с **атрибутивизацией**: *Сестра, работавшая в деревне, часто писала письма*. Подобные синтаксические дериваты в предложении реализуют предикативные категории времени, модальности и лица таксисно, относительно глагола-предиката и на этом основании могут квалифицироваться как **предикативные единицы**, но не самостоятельные, не равные коммуникативной единице, а функционирующие лишь в составе полипредикативного предложения.

Следует добавить, что именные конструкции, подводимые под понятие номинализации, в свою очередь неоднородны по степени коммуникативно-смысловой конденсированности. Это, естественно, зависит от структуры исходного предложения. Более сложной будет коммуникативно-смысловая наполненность номинализации от предложений полипредикативного и логически опосредованного типа. Ср.: *работа ломом — работа агрономом, взгляд из-за занавески — ссора из-за путевки, скольжение по лыжне — отсутствие по болезни, наблюдение за местностью — вычеркивание за ненадобностью*.

Сравнивая похожие морфологически номинализации *переход путников над ущельем по мостику* и *превосходство команды А над командой Б по числу выигранных матчей (или по красоте игры)*, нельзя не заметить, что за первым сочетанием стоит обозначенное глаголом перемещение в пространстве, которое может быть наблюдаемо воспринимающим; это пространственные отношения между предметами, непосредственно возникающие по ходу человеческих действий; за вторым же сочетанием — тоже глагольная конструкция, но обозначающая не действие, а целый комплекс логических операций: отвлечение от А и Б общего признака, исчисление или оценка этого признака для А и Б по отдельности, сопоставление результатов и вывод-обобщение. Эти отношения возникают в сознании человека, осмысляющего, анализирующего какие-то наблюдавшиеся признаки. Морфологическая похожесть сочетаний не покрывает их глубокого структурно-семантического различия.

Именные цепочки от предметных существительных, где имена предметов приобретают признаковое значение, выстраиваются сравнительно легко (ср. *книга в кожаном переплете с медными застежками, столик на резных ножках с инкрустацией из перламутра, кружка из алюминия с вмятиной на боку* и т. п.), но имена действий, событий часто создают ограничительные барьеры сочетаемости. Ср., напр.:

Поехал в горы — поездка в горы

Поехал на охоту — поездка на охоту

*Поехал охотиться — *поездка охотиться*
Он любит рисование — его любовь к рисованию
*Он любит рисовать — *его любовь рисовать*
Он родился в мае — его рождение в мае
*Он родился счастливым — *его рождение счастливым*

Надо полагать, что невозможность номинализации проистекает из коммуникативно-смысловой сложности конструкций: как будто полипредикативные сочленения сопротивляются выравниванию в прямую линию. Сопротивляются номинализации предложения, в которых глаголы употреблены в компликативном значении, как организаторы полипропозитивной конструкции. Ср.:

Докладчик показывает диаграммы — Показ докладчиком диаграмм;
*Диаграммы показывают эффективность проекта — *Показ диа-*
граммами эффективности проекта;
Соседи свидетельствовали в пользу истца — Свидетельства соседей
в пользу истца;
Успехи цеха свидетельствуют о хорошей организации дела — Сви-
детельство успехов цеха об организации...

Вопросы эти требуют дальнейших наблюдений, однако изложенное показывает недостаточность механического подхода к понятию словосочетания вообще и сложного, распространенного, комбинированного словосочетания в частности. Содержание понятия *подчинительная связь* тоже не сводимо к иерархии позиций в предложении, как это представляется рядом современных синтаксических концепций. Различия и в семантико-грамматической природе синтаксических элементов, и в характере их взаимных отношений связаны с их коммуникативно-смысловой нагрузкой, соотносительны с разными степенями в организации речемыслительного процесса.

5.3. Для полноты иерархической картины синтаксических единиц наметим несколькими штрихами соотносительность функций синтаксиса как конститутивных компонентов простого предложения и предикативных единиц как конститутивных компонентов сложноподчиненного предложения.

Сложное предложение, как и простое, составляет коммуникативную единицу, структура которой обусловлена взаимоотношением частей целого. Большой частью сложноподчиненные предложения могут рассматриваться как главное предложение, в котором один или несколько компонентов имеют форму придаточных предложений, или «фразовых номинаций». Это придаточное предложение может занимать позицию любой именной синтаксемы соответственно основным ее функциональным типам, чем и определяется характер связи с другими компонентами предложения и роль данной номинации в общей структуре.

Приведем примеры корреляций разных типов:

а) Придаточное коррелятивно связанной синтаксеме, или компоненту глагольного словосочетания: *Мы охотно дарим ненужные вещи — Охотно мы дарим, что нам не надобно самим* (Кр.) <...>;

б) Придаточное коррелятивно обусловленной синтаксеме в роли предизируемого или предизирующего компонента предложения:

Правда не зря говорится — Недаром говорится, что дело мастера боится (Крылов); *Мой возлюбленный не таков — Кого люблю я, не таков* (Гриб.) <...>;

в) Придаточное коррелятивно свободной синтаксеме в ее организующих и распространяющих предложение функциях: *Я — в саду — Я — где корни слепые Ищут корма во тьме, Я — где с облачком пыли Ходит рожь по земле* (Твард.) <...>;

Очевидно, что предложение, как и элементарная единица, синтаксема, располагает теми же тремя синтаксическими функциями: в самостоятельном употреблении, в функции I, оно и является коммуникативной единицей; в функциях II и III оно выступает как конструктивный элемент в составе сложного предложения.

Параллелизм функций синтаксемы и предложения несомненен. Но не менее важны и расхождения. Самостоятельные употребления (не в составе сложного) для предложения — основной способ его бытия и осуществления им коммуникативной функции сообщения (в широком смысле). Для синтаксемы изолированное употребление — одна из периферийных функций, которая вместе с тем диагностирует степень независимости ее номинативного значения. Синтаксемы относятся к области средств лексико-синтаксической номинации понятий, действующих на синтаксической основе. В коммуникации они участвуют, как правило, через предложение.

Таким образом, синтаксические единицы языка представляют две ступени синтаксического устройства: **номинативную** (как бы докоммуникативную) и **коммуникативную**. Но двойственно положение признаков синтаксем. Различие синтаксем предметных и признаков проявляется не только в их внутрипредложенческих синтаксических функциях, но и в отношении текста. Только признаковые синтаксемы способны быть носителями предикативных и имплицитно-предикативных значений в структуре предложения и, следовательно, таксисных отношений с текстовыми соседями. Поэтому, в отличие от предметных, признаковые компоненты предложения в «полупредикативных» функциях, распространенные и нераспространенные, не являясь самостоятельными коммуникативными единицами сообщения, служат текстовыми единицами со своими регистровыми признаками, гетерогенными или гомогенными с окружением. Иерархическая последовательность синтаксической системы, изофункциональность ее единиц прослеживается на всех ступенях ее коммуникативной организации.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ

Т. В. Шмелева

Компоненты синтаксической связи¹

- Задания.**
1. На основании статьи Т. В. Шмелевой объясните, как в истории синтаксиса происходило расширение представлений о синтаксической связи.
 2. Какие типы компонентов объединяются синтаксической связью?
 3. Как автор статьи обосновывает включение текста в состав синтаксических объектов?
 4. Дайте определение недифференцированной связи.

<...> В. А. Белошапковой внесен ряд существенных уточнений в представления о синтаксической связи, и самое замечательное состоит в том, что она вывела их за пределы «связи слов» и, опираясь на весьма увлекательную ее идею изоморфизма², придала им общесистемный характер, толкуя о связи на двух уровнях — словосочетания и сложного предложения. <...>

Есть основания утверждать, что синтаксическая связь как действительно «исходное и фундаментальное понятие синтаксиса» рождено в наблюдениях над соединениями слов, к описанию которых первоначально и сводились задачи синтаксиса. Иначе говоря, происхождение его эмпирично и достаточно локально — в пространстве словосочетания. Историю этого понятия можно представить как историю расширения сферы его применения — выход за пределы пространства словосочетания, что происходило в двух направлениях и в несколько этапов.

<...> В теоретическом направлении эти представления изменились от списка разных «случаев» связи до концепции двусторонней синтаксической связи, обладающей формальной и семантической сторонами; при этом учение о последней сформировалось под влиянием общей тенденции к семантизации лингвистических исследований,

¹ Печатается по: Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В. А. Белошапковой. М., 2001. С. 66–79

² Наиболее подробно эти ее соображения изложены в статье: *Белошапкова В. А.* Сложное предложение и словосочетание (К вопросу об изоморфизме в синтаксической системе) // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974. С. 79–89.

а понимание формальной стороны пережило самое серьезное переосмысление, что уже давно было отмечено В. А. Белошапковой¹.

Что касается этапов расширения представлений о синтаксической связи, то их можно обозначить следующим образом.

Существенным шагом в «движении» синтаксической связи за пределы словосочетания стала дискуссия о сочинении и подчинении в 20-е годы². Продолжая поиски ответов на вопросы, поставленные в этой дискуссии, синтаксисты в 60-е годы во многом уточнили и обогатили традиционные представления новыми идеями, особое значение в этом смысле имеет концепция сложного предложения В. А. Белошапковой, представленная в Академической грамматике³. <...>

<...> Первые три этапа выводят синтаксическую связь в пространство сложного предложения, обнаруживая при этом ее ранее неизвестные свойства.

Особый этап в этой истории составляет рассмотрение словосочетания и сложного предложения «сквозь призму» изоморфности, что позволило увидеть общие свойства функционирования связи на двух уровнях и отметить те ее черты, которые присущи собственно связи — независимо от уровня; при этом был выдвинут целый ряд параллельных понятий — минимальной и усложненной модели, типов конструкций (гибких / негибких), показателей связи. Этот этап, еще не завершившийся, <...> связан в первую очередь <...> с работами В. А. Белошапковой⁴.

И, наконец, нельзя не упомянуть в этой связи об исследованиях текста, активно проводившихся в 70-е годы. В ходе этих новых для лингвистики штудий были выявлены средства связи цельного текста, сложились представления о тексте как результате множества связей разного радиуса действия и различных возможностей в плане выражения⁵. Иначе говоря, были подготовлены условия для выхода синтаксической связи в открытый текст, сравнимый с выходом человека в открытый космос.

<...> Фундаментальность понятия синтаксической связи определяется тем, что она организует синтаксическую систему языка, действуя на трех ее уровнях и тем самым обеспечивая построение синтаксических конструкций. Из признания фундаментальности этого понятия следует, что учение о синтаксической связи составляет

¹ Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории). М., 1967.

² См. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. С. 174–177.

³ Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.

⁴ См. ее указанную статью «Словосочетание и сложное предложение» и соответствующие разделы в университетских учебниках.

⁵ См. наиболее представительные и характерные в этом отношении издания: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. и Синтаксис текста / под ред. Г. А. Золотовой. М., 1979.

«исходный» раздел синтаксиса, тогда как в современных описаниях сведения о ней рассредоточены в характеристиках единиц, поскольку современное синтаксическое сознание «работает» прежде всего с единицами, а ведь единицы — это результат действия синтаксической связи, и знаниям о ней естественно предшествовать описанию результатов ее действия.

Поскольку синтаксическая связь соединяет определенным образом те или иные компоненты, теорию синтаксической связи можно представить в трех разделах — описывающих компоненты, семантику и технику синтаксической связи. Эти три описания, предшествуя типологии синтаксических конструкций, объясняют и обосновывают ее. <...>

<...> Синтаксическая связь соединяет три типа компонентов: словоформы, предикативные единицы и высказывания как фрагменты текста. (Далее для обозначения первых двух используются привычные сокращения СФ и ПЕ, для третьей введем сокращение ВТ, что будет означать «высказывание в тексте».) В результате соединения компонентов возникают конструкции — соответственно, словесные (СФ + + СФ), полипредикативные (ПЕ + ПЕ) и текстовые (ВТ + ВТ). Понятие конструкции толкуется здесь в самом общем смысле — то, что образуется в результате действия синтаксической связи, безотносительно к их коммуникативному качеству; так, словесными конструкциями считаются и *прилет грачей*, и *Грачи прилетели*; полипредикативные конструкции могут представлять собой и сложное предложение, и сочинительное соединение придаточных, как во фразе (*Я догадалась*), *где он узнал об этом и кто именно мог ему рассказать эту историю*. Важно подчеркнуть при этом, что необходимо располагать двумя типологиями конструкций — во-первых, учитывающей моменты действия синтаксической связи (если можно так сказать, — типологией «связиной») и, во-вторых, учитывающей способность конструкций выступать в качестве коммуникативной единицы (коммуникативной типологией). Основу для последней <...> создал В. В. Виноградов, противопоставив словосочетание и предложение как некоммуникативную и коммуникативную единицы. <...>

Начать рассмотрение компонентов связи логично со СФ — как самого элементарного компонента, образующего первичный уровень действия синтаксической связи, с одной стороны, и наиболее освоенного синтаксисом — с другой. Хотя осмысление СФ как особого синтаксического объекта началось <...> во многом благодаря работам Г. А. Золотовой¹, но сведениями о нем мы располагаем доста-

¹ Имеются в виду ее изучение и описание синтаксисом русского языка — от постановки проблемы в статье сборника «Мысли о современном русском языке» (М., 1969) до ее разрешения в книге «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» (М., 1988).

точно богатыми; они получены в рамках изучения словосочетания и того, что можно было бы назвать синтагматической лексикологией — исследований сочетаемости лексем¹. Имея в виду эту огромную и разнообразную информацию, для собственно компонентной характеристики СФ важно подчеркнуть следующее.

СФ представляет в сфере синтаксических связей слово, однако в конкретной связи участвует всегда конкретная СФ, поэтому кажется наиболее корректным говорить именно о СФ как компоненте словесных конструкций.

При этом необходимо учитывать тот аспект ее участия в связи, который можно обозначить как парадигматическую перспективу. Для понимания механизмов синтаксической связи важно, представляет ли СФ в этой связи саму себя, форму слова или лексему в целом.

Значимость этих различий отметила В. А. Белошапкина, описав их в виде типологии конструкций, с которой она начинает рассмотрение синтаксической связи в своем курсе синтаксиса². <...> За приведенным скромным «списочком» синтаксических соединений можно увидеть контуры парадигматической типологии конструкций, которая может открыть нам неизвестные стороны связи и конструкций. Так, по наблюдениям В. А. Белошапкиной, парадигматическая перспектива компонентов оказывается небезразличной к коммуникативности конструкций; словесные конструкции, выступающие в качестве предложения, оказываются более жесткими, чем словосочетания, вплоть до возможности для слова выступать в одной-единственной форме — *Солдат есть солдат; Всем пирогам пирог*. С другой стороны, имея в виду парадигматическую перспективу именного компонента (не используя этого термина), Вера Арсеньевна высказала соображения о связи подлежащего и сказуемого как управления, что проявляется в соотношении предложений *Он уехал — Ему уезжать; Он пишет — Ему не пишется*³, представляющим не разные случаи связи, а варианты одной связи, аналогично тому, как представляют одну связь варианты *красный мак, красного мака* и т. д. Присоединив к обозначенным рядам предложений с меной именительного и дательного падежей конструкции с родительным типа *Письма придут — Писем не придет*⁴, обнаруживаем потенциальную парадигматическую перспективу именного компонента двухкомпонентных предикативных конструкций (подлежащего), который всегда жестко связывается только с именительным падежом.

¹ См. работы Ю. Д. Апресяна, Т. М. Дорофеевой и других авторов.

² Белошапкина В. А. Современный русский язык... С. 16.

³ Там же. С. 43.

⁴ См. об этом в статье: Белошапкина В. А., Шмелева Т. В. Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1981. № 2.

Внимательное рассмотрение синтаксической связи в этом аспекте выявляет и факты противоположного характера; обнаруживаются слова, для которых полнота парадигмы оказывается мнимой, сугубо теоретической; реальная практика их участия в высказываниях оставляет за пределами востребованности большую часть их парадигмы, иногда даже всех форм, кроме одной; так сложилась судьба слова *щец* (на него обратил внимание в своем курсе морфологии И. Г. Милославский), так же практически в одной форме используется в русском языке слово *эгида* — *проходить / проводить под эгидой*. Ограничения на реализацию парадигматических возможностей лексемы исходят от ее синтаксического амплуа — набора связей, в которых она принимает участие.

Особенность изучения синтаксической связи в плане парадигматических свойств ее компонентов в том, что здесь не годится испытанная синтаксическая методика наблюдений над готовыми конструкциями в составе реальных и специально придуманных высказываний — здесь нужны исследования экспериментальные, а их «технология» еще нуждается в серьезной разработке. <...>

Возможно, параметр парадигматической перспективы окажется релевантным и для двух других компонентов — НЕ и ВТ, вопрос этот <...> всерьез не обсуждался. Опираясь на идею изоморфизма синтаксической системы, можно высказать на этот счет только самое общее предположение <...>

Для компонентной характеристики СФ существен и ряд других параметров — «источник» связи, разделяющий связи присловные и предложенческие (Н. Ю. Шведова), степень свободы СФ (Г. А. Золотова, В. Н. Телия и др.), вариативность связи, ее историческая изменчивость¹ и др. <...>

Завершая краткую характеристику СФ как компонента связи, нельзя не отметить, что это не единственная возможность ее синтаксического использования. В принципе русский язык допускает для СФ возможность выступать в качестве конструктивной основы предложения, вне синтаксических связей: *Вечереет. Прохладно. Снежок*. Однако такое использование характерно для небольшого числа СФ, способных выражать предикативность за счет собственных грамматических свойств (*вечереет*) или аналитически (*прохладно, снежок*). С другой стороны, каждая из этих форм содержит в себе потенции синтаксических связей, которые всегда могут быть реализованы. На это обстоятельство как на «потенциальную многокомпонентность» подобных предложений В. А. Белошапкова обращала особое внимание².

¹ См. напр., одну из последних работ на эту тему: *Майер И.* Русское глагольное управление XVII в.: проблема своего и чужого. (На материале «Вестей курантов») // Вопросы языкознания. 1997. № 5.

² *Белошапкова В. А.* Современный русский язык... С. 16.

Что касается ПЕ, то для их компонентной характеристики нужно сформулировать следующее.

Представление о ПЕ как компонентах синтаксической связи сложилось не так давно, главным образом в рамках теории сложного предложения — вместе с пониманием его природы как особой конструкции, а не соединения предложений, с одной стороны; и с другой, — в результате преодоления атомистического взгляда на предложение как на комбинацию членов. Конструктивная цельность предложения, наличие у него собственной модели и исчислимость таких моделей — такое представление распространилось в 70-е годы благодаря тому, что оно было зафиксировано в Академической грамматике. Отсюда естественность представления о ПЕ как репрезентанте простого предложения и компоненте синтаксической связи в рамках сложного¹.

Если воспользоваться метафорой В. В. Виноградова, назвавшего словосочетания строительным материалом для предложения, то и СФ, и ПЕ — тоже строительный материал, при этом СФ можно уподобить кирпичикам, из которых складывается простое предложение, а ПЕ — готовым блокам, конструктам, из которых можно строить сложное предложение.

Уже потому ПЕ представляют собой более сложный компонент, чем СФ, — они, как правило, построены с участием синтаксической связи первого уровня. Аналогично СФ, ПЕ может выступать и как конструктивная основа простого предложения, и как единый компонент связи. Однако в отличие от СФ, первая из функций для ПЕ обязательна, а вторая предполагает определенные условия. К сожалению, изучение ПЕ в рамках простого и сложного предложения недостаточно соотносены между собой, а такое соотношение могло бы, наверное, прояснить нечто в природе ПЕ. Но сейчас важно утвердиться в том, что ПЕ обладает свойствами, позволяющими квалифицировать ее как компонент синтаксической связи.

Общие свойства СФ и ПЕ были замечены давно и известны со времен грамматики Ф. И. Буслаева как учение о «сокращении предложений», в соответствии с которым придаточные получили наименования «аналогичных» членов предложения² <...>. Пространство этих общих свойств может быть обозначено как более обширное; помимо сочинения и подчинения, изоморфность которых на двух уровнях В. А. Белошапковой доказана, его составляет и недифференцированная синтаксическая связь, «открытая В. А. Белошапковой» и квалифицированная ею как специфическое свойство сложного

¹ Грамматика... С. 541–542, 652.

² Об этом как об особом этапе истории изучения сложного предложения см. в статье автора «Синтаксис и судьба» (Синтаксис: изучение и преподавание: сб. работ учеников В. А. Белошапковой. М., 1997. С. 7–8).

предложения¹. Действие ее на уровне СФ можно видеть в соединении двух «параллельных» СФ одной части речи — субстантивов типа *город Москва* или глаголов типа *пойду посмотрю* <...>.

Самого тщательного обоснования требует утверждение о ВТ как компоненте синтаксической связи.

Действие синтаксической связи на трех уровнях доказывается с помощью простого эксперимента. Над тремя текстами одного номера газеты «Культура» (29.05.97) были проведены наблюдения, в результате которых обнаружено, что союзы *и, а, но* как безусловные показатели связи присутствуют в составе словесных, полипредикативных и текстовых конструкций, что означает, что они соединяют СФ, ПЕ и ВТ.

Проиллюстрировать наличие показателей связи в составе текстовых конструкций можно с помощью начального фрагмента материала Е. Кончина «Тени над Александровской слободой»: *Государев двор Василия III, а затем и Ивана Грозного слыл одним из блистательных в Европе. Лучшие зодчие, художники, иные мастера возвели здесь и украсили великолепные хоромы, палаты и храмы. Александровский архитектурный ансамбль по монаршему повелению должен был затмить Московский Кремль. Но одной человеческой жизни, даже такой страстной и могучей, оказалось недостаточно для свершения грандиозного замысла. Но то, что построено и сохраниено до наших дней, вводит Александровскую слободу в высший ранг историко-архитектурных памятников мирового значения.*

В количественном выражении результаты обследования указанных текстов могут быть выражены следующим образом.

Е. Попов. «Красивая земля в центре России»	И	А	НО
СФ	18	3	4
ПЕ	18	8	4
ВТ	5	4	3
Е. Кончин. «Тени над Александровской слободой»	И	А	НО
СФ	12	3	—
ПЕ	1	-	1
ВТ	1	6	
А. Василькова. «Тихая жизнь»	И	А	НО
СФ	3	1	1
ПЕ	6	3	4
ВФ	1	1	1

¹Грамматика современного русского литературного языка. С. 655; Белошаткова В. А. Современный русский язык... С. 236.

Разумеется, эти тексты различны по объему, содержанию, склонности авторов к тем или иным конструктивным и смысловым ходам, однако приведенные подсчеты свидетельствуют, по крайней мере, об одном: наличие показателей связи между ВТ соотносимо, соизмеримо с использованием этих же показателей для связи СФ и ПЕ. А тот факт, что мы не замечаем этого, объясняется только инерцией синтаксического мышления, привыкшего застывать «на пороге текста», как перед бездной непознаваемого.

<...> Даже приведенных эмпирических фактов достаточно для того, чтобы утвердиться в мысли о компонентности ВТ. Утверждать это можно с тем большей уверенностью, что лингвистами уже высказывались соображения о такого рода связях, а для их наименования предложен термин «текстовая скрепа» (М. И. Черемисина и Т. А. Колосова со ссылкой на В. А. Богородицкого).

Итак, ВТ организуют третий уровень действия синтаксической связи. <...>

Высказывание — минимальная коммуникативная единица. Реальность коммуникативных свойств, сложнейшая устроенность и типологическое разнообразие делают высказывание для синтаксистов «венцом творения», главным исследовательским объектом, выход за пределы которого предполагается только в случае крайней необходимости. Адекватная типология высказывания — заветная мечта синтаксистов¹. Между тем увлечение текстом в 70–80-е годы <...> убедило: текст имеет собственную устроенность, и изучение его должно стать обязательной частью синтаксиса, если он действительно хочет быть наукой о коммуникативной стороне языка, осуществляемой реально в тексте.

Коммуникативная автономность, независимость высказывания, как теперь все более понятно, синтаксистами преувеличивается. Всякое высказывание, изъятое из текста, несет в себе следы своего там присутствия, ниточки оборванных текстуальных связей. Занимаясь типологией высказываний, их внутренним устройством (и будучи еще далеко от решения этих масштабных задач), мы не можем не замечать того факта, что высказывание чаще всего — только крохотный шаг на большем или меньшем по протяженности пути, в конце которого появляется текст как реальное речевое произведение, воплощение коммуникативных намерений автора.

Изменение взгляда на высказывание с «изнутри» на «извне», из пространства текста неминуемо приводит к обнаружению его особой стороны — как компонента синтаксической связи. <...>

Итак, синтаксическая связь работает на трех уровнях, соединяя три типа компонентов — СФ, ПЕ и ВТ. «Компонентность», т. е. спо-

¹ Различные подходы к высказыванию и перспективы его изучения обсуждаются в работе автора «Грамматика высказывания; интегрирующий подход» (Системные семантические связи языковых единиц. М., 1992. С. 18–27).

способность участвовать в связи — их общее свойство, оно позволяет строить модели типа «А и Б», где места А и Б могут быть заняты любой парой компонентов: *начаты и храмы* (СФ + СФ); *Построены палаты, и возведены храмы* (ПЕ + ПЕ); *Двор московских государей слыл одним из самых блистательных в Европе. И слава эта сложилась давно, еще при Василии III* (ВТ + ВТ). Разумеется, сходство компонентов неограничено, многое в их синтаксическом поведении определяется природой компонентов.

Проявление компонентных свойств СФ, ПЕ и ВТ можно продемонстрировать на примере уже использованных СФ — *вечереет, прохладно, снежок*. Особенность их в том, что они обладают тремя «пучками» синтаксических возможностей.

Говоря о них как о СФ, надо отметить, что СФ *вечереет* может соединяться с локативами типа *за окном* и темпоративами *в восемь* (другие собственно глагольные связи, например, с актантами для этой СФ исключены). Аналогично и СФ *прохладно* таит в себе возможности соединения с локативами и темпоративами *на улице, по вечерам* и т. д., кроме того, ее семантика располагает к сочетаемости с субъектными формами типа *мне, для него*; СФ *снежок* легко соединяется с адъективами типа *легкий, мелкий, долгожданный*, не исключая возможности соединения с локативами и темпоративами, подобно первым двум СФ. Таким образом, потенциал связей рассматриваемых СФ определяется их предикативностью, лексической семантикой, частеречной принадлежностью; он определяет возможности построения простых предложений с участием анализируемых СФ, точнее их распространения.

В качестве ПЕ, например, *вечереет* может участвовать в сочинительной и подчинительной связи, входя в конструкции типа *Вечереет, и река отражает уплывающие облака; Вечереет, а жара так и не спадает; Вечерело, когда к дому подошел пожилой человек; Когда вечереет, хочется покоя и приятных воспоминаний; Люблю, когда вечереет, прохладно, снежок...* Репертуар такого рода синтаксических возможностей определяется прежде всего семантикой ПЕ — диктумной, обозначающей метеорологические ситуации, или иначе — «состояния окружающей среды».

Экспериментальные СФ могут составить и отдельные высказывания в таком, напр., тексте:

Что было и что будет

Вечереет. Прохладно. Снежок. Из приемника льется тихая музыка. И настроение всему этому в тон: хочется, забравшись с ногами на диван, укутавшись в плед, спокойно сидеть и думать о чем-то хорошем. Давнем и ждущем впереди...

В составе этого текста их связанность обеспечивается общим актуализационным ключом («здесь, сейчас») и семантикой состояния

среды, т. е. «держится» на однородности модусной и диктумной семантики. Первые четыре высказывания образуют «бессоюзную текстовую конструкцию» — аналог бессоюзных сложносочиненных предложений с ПЕ однородной семантики; их объединенность получает подтверждение в тексте с помощью анафорического выражения *всему этому*. Союзом *и* присоединяется высказывание с семантикой состояния субъекта, образуя текстовую конструкцию — аналог сочинительной конструкции (словесной и предикативной).

Таким образом, одни и те же языковые «материальности» демонстрируют различные компонентные качества и проистекающие из них синтаксические возможности. Не ограничиваясь условием материального тождества, можно продемонстрировать компонентные свойства СФ, ПН и ВТ более детально. Однако важнее сформулировать их общие и специфические характеристики.

Первым стоит рассмотреть параметр, который можно обозначить как степень формальной определенности. В этом аспекте максимальной определенностью обладает СФ, чаще всего она задается с точностью до флексии; для ПЕ предел формальной определенности — это лексема с ее семантикой, частеречной принадлежностью или грамматическими характеристиками; для ВТ же оказываются существенными смысловая однородность / неоднородность, фактуальность / интерпретативность, текстовость / метатекстовость и др. Иначе говоря, от уровня к уровню формальная определенность снижается, что не может не влиять на действие связи. Так, именно этим объясняется повышение от уровня к уровню удельного веса недифференцированной синтаксической связи и, соответственно, возрастание массовости организуемых ею конструкций.

Этот же параметр характеристики компонентов связи определяет и то, что можно назвать поведением компонента — его возможностей проявлять свое участие в связи — от «безучастного» (нулевого) до максимально информативного. При этом полюсами оказываются недифференцированная и подчинительная связи; первая предъявляет минимальные требования к поведению компонентов, вторая — максимальные. <...> В результате этого рассмотрения приходится отказаться от распространенного мнения о том, что требования подчинительной связи обращены только к зависимому компоненту. Анализ показывает, что существен и целый ряд требований к главному <...>.

И наконец, рассматривая вопрос о действии синтаксической связи на фоне уровней, нельзя обойти проблему ее одноуровневого и «сквозьуровневого» действия. Первый случай — действие связи на одном уровне, т. е. соединение однородных компонентов — наиболее естествен, что объясняет и массовость одноуровневых конструкций — словесных, полипредикативных и текстовых. Однако это не означает, что связь не может соединять разноуровневые компоненты.

В. А. Белошапкова обращала внимание на то, что сочинительная связь может объединять СФ и ПЕ, иллюстрируя это утверждение своим любимым примером из А. С. Пушкина: *Я думал уж о форме плана и как героя назову*; еще более значимым для понимания природы синтаксической связи стало ее открытие целого ряда типов сложноподчиненного предложения, которые, будучи соединениями ПЕ, фактически «держатся» на связи «СФ + ПЕ», в классификации В. А. Белошапковой они получили наименование присловных конструкций¹. Отмечала Вера Арсеньевна и автономное употребление словесно-предикативных конструкций, например, в качестве заголовков — *Человек, который смеется*; *Дом, где разбиваются сердца*, называя их в шутку «неопознанными синтаксическими объектами» и относя к периферии синтаксической системы. Разумеется, сфера их бытования ограничена, но это характеризует скорее норму и узус, чем синтаксическую систему; так, в украинском языке такие конструкции употребляются чаще, например, *Бежущая по волнам переводится Та, що бежить по хвляям*.

Если признать «законность» словесно-предикативных конструкций и тем самым естественность действия связи, так сказать, по диагонали, следует ожидать конструкций предикативно-текстовых и даже словесно-текстовых. Теоретические рассуждения и проведенные наблюдения приводят к следующим заключениям.

Существование предикативно-текстовых конструкций представляется весьма проблематичным, что же касается словесно-текстовых, то для рассуждений о них есть реальные основания. Условие их существования — мощная релятивная или метатекстовая семантика слова, позволяющая ему «в одиночку» участвовать в текстостроительстве. Пример такой конструкции может представить начало одного из абзацев уже использованного материала из газеты: *Но... Эти настораживающие «но» мешают работе музея, и связаны они с отношениями с монастырем*.

Можно попутно отметить, что такого рода конструкции со словами *но, улы, напротив, прежде всего* и некоторыми другими получают в последнее время все большее распространение. Но кроме таких конструкций, где словесно-текстовая конструкция видна, что называется, невооруженным глазом, о действии связи, соединяющей СФ и ВТ, можно говорить, по-видимому, имея в виду кореферентные ряды как одно из организующих начал текста. Речь идет о явлении, которое может быть проиллюстрировано продолжением только что приведенного текста Е. Кончина: *С ним [монастырем] заключено соглашение о взаимодействии по использованию памятников и заповедной территории. Оно постоянно нарушается*.

Как мы видим, эта часть текста строится таким образом, что в ней можно видеть действие связи СФ + ВТ (*монастырь* + ВТ; *со-*

¹ Белошапкова В. А. Современный русский язык ... С. 18, 226–227.

глашение + ВТ). По аналогии со сложноподчиненными предложениями, эти конструкции можно было бы квалифицировать как присловные, отметив, что средством такой связи выступают анафорические слова.

Есть основания считать словесно-текстовыми конструкциями сегментированные и парцелированные высказывания¹. Такая их трактовка позволяет объяснить их назначение: СФ (или соединению СФ) придается текстовая значимость, тем самым повышается ее актуальный коммуникативный вес, а высказывание преобразуется в словесно-текстовую конструкцию. Этот факт замечателен тем, что «сдвиг» в уровнях связи используется для маркировки актуальной значимости отдельных элементов высказывания, а это значит, что синтаксическая связь работает не только на семантический, но и на коммуникативный аспект высказывания. <...>

Таким образом, <...> рассмотрение компонентов связи с учетом идеи изоморфизма и представлений о дифференцированности синтаксиса на конструктивный, семантический и актуальный, приводит к построению концепции трехуровневой связи, три типа компонентов которой — СФ, ПЕ и ВТ — организуют как одноуровневые, так и разноуровневые конструкции. Недифференцированная, сочинительная и подчинительная связь обнаруживает различия не только в своей технике <...>, но и в поведении компонентов, а также в наборе семантических и коммуникативных эффектов, которые достигаются их использованием.

Что меняет предлагаемая концепция в представлениях о синтаксической системе? Во-первых, текст включается в состав синтаксических объектов, что ожидалось во время «текстлингвистического бума», но так и не получило определенного выражения. Во-вторых, обогащаются наши представления о высказывании, не только являющем собой языковую реализацию акта коммуникации, но и содержащем в себе потенции текстовых связей. В-третьих, обнаруживается изоморфизм синтаксической системы в больших масштабах, чем принято считать; изоморфными оказываются не только словесные и полипредикативные конструкции, но и текстовые. Наконец, изложенное позволяет включить наблюдения над строением текста в лингводидактическую практику, которая на текст фактически не посягает, тогда как создание текста есть едва ли не самый желанный результат лингводидактических усилий.

Работа <...> преодолевает автономность и известную замкнутость разделов синтаксиса, изучающих словосочетание, простое и сложное предложение, убеждая, что тенденция к «выравниванию» понятий-

¹ См. о них в работе одной из учениц В. А. Белошапковой: *Шильникова Л. Ф.* Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 1976, а также в широко известных работах Н. С. Попова, Г. Н. Акимовой и др.

ного аппарата «подпитывается» не только изменениями научной парадигмы, но и свойствами самих синтаксических объектов, которые раскрыты далеко не до конца.

Г. А. Золотова
**О главных членах предложения:
дискуссионные вопросы (I)¹**

- Задания.**
1. Как Г. А. Золотова характеризует связь подлежащего и сказуемого?
 2. В каких типах предложения автор статьи усматривает морфологически несогласованные подлежащее и сказуемое? О каких особенностях синтаксической связи между подлежащим и сказуемым свидетельствуют подобные структуры?
 3. В каких случаях можно говорить о сопредикативной связи?

Некоторыми специалистами до сих пор утверждается господствующая роль подлежащего в оформлении согласовательной связи со сказуемым. Это мнение нетрудно проиллюстрировать примерами: *Маша ушла; Вася пришел; Дитя плакало.*

Еще в работах Н. С. Пospelова и Н. Ю. Шведовой² было убедительно показано, что характер связи между подлежащим и сказуемым является не подчинением, а взаимной координацией³. Координация, или сопряжение, отличается от согласования в паре «определяемое — определение» тем, что через категории времени, модальности и лица⁴ соотносит высказывание с действительностью, то есть делает конструкцию предложением. Все предложения, даже с неназванным подлежащим, создаются сопряжением предметного компонента с признаковым. Во многих предложениях сопряжение сопровождается согласованием, но не во всех.

¹ Печатается по: Функциональная и семантическая характеристика текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. М., 2000. Вып. VIII. С. 17–19

² *Пospelов Н. С.* О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969; *Шведова Н. Ю.* Согласование и координация: их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

³ См. об этом: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1971. — Здесь же предложен термин *сопряжение* для обозначения предикативной связи подлежащего и сказуемого.

⁴ См.: *Виноградов В. В.* Введение // Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. I. М., 1954.

Среди русских предложений различаются модели (1) с морфологически согласованными подлежащим и сказуемым (субъектом и предикатом) и (2) с морфологически несогласованными.

Первые представлены номинативно-глагольными моделями (*Ворона каркнула; Старик ловил рыбу; Мчатся тучи; Дождик вымочил, а солнышко высушило*), адъективными (*Зелен виноград; Красно поле рожью; И крута гора, да забывчива*); реже — субстантивными (*А где пастух дурак, там и собаки дуры*).

Вторые, несогласованные, разнообразны: предикат в них располагает формами числа, рода или лица либо без участия субъекта, либо при отсутствии этих форм в субъектном имени (*Еду, еду в чистом поле; А дуги гнут с терпеньем и не вдруг; Ну-то не едет, тпру не везет*); нет согласования и при неизменяемой форме сказуемого (*Татьяна прыг в другие сени; Богатому не стится; Не все коту масленица; Туча не без грому; Баба с возу, кобыле легче; На безрыбье и рак рыба; Он шагу прибавлять, она туда же*) и др.

Само многообразие несогласованных конструкций предложения в русском синтаксисе и причин несогласованности свидетельствует об отсутствии односторонней и обязательной мотивации формами подлежащего соответствующих форм сказуемого.

Важно, что и при наличии морфологического согласования, и без него связь между субъектом и предикатом во всех случаях основана еще и на категориально-семантической корреляции, формирующей типовое значение (семантическую структуру) предложения. Невнимание к этому фактору, формирующему мысль и ее выражение, приводило при опоре на традиционно-единственный критерий именительного падежа к попыткам увидеть в истории русского синтаксиса неправдоподобный процесс «функциональных сдвигов»: превращения подлежащего в сказуемое в предложениях типа *Мальчику год, До города час*¹. <...>

7. Непростые вопросы о синтаксических связях скрыты в структуре предложений усложненных, полипредикативных. Обратимся к приведенным выше (с. 15) примерам предложений с локативным подлежащим и с элементами авторизации восприятия.

Усложненные авторизацией, эти предложения обнаруживают как бы слияние, взаимодействие двух моделей, — модусной и диктумной (ср. рядоположное соединение двух предикативных единиц в примере из Лескова: *Вдруг, слышим, у двери кто-то звяк в кольцо*). В приведенных же авторизованных конструкциях (*слышался грохот, слышалось звяканье, слышались шаги, виден след, виднелись сакли, виднелась река*) координация, или сопряжение, связывает не субъект и предикат, а два предиката: *слышался* — это не признак *лая* или

¹ См.: Гиро-Вербер М. Устранение подлежащего в русском предложении // Изв. АН СССР. Сер. лит.-ры и языка. 1984. Т. 43. № 6.

грохота, а признак лица (*мне слышно, ему послышался*), а *лай и грохот* — в свою очередь признаки *собак и трактора*, сочетание же имен этих звуков и их производителей составляет признак воспринимаемого пространства.

Очевидно, что связи между компонентами полипредикативного предложения не укладываются в привычные рамки, заданные понятиями «управление», «согласование», «примыкание».

Полипредикативные предложения бывают моносубъектными и полисубъектными. В первых, типа *Он ходит героем, Она лежит больная, Она пришла в слезах, Они вернулись усталые / усталыми*, оба предиката относятся к одному и тому же субъекту: глагольный (часто лексически ослабленный) и адъективный компоненты координируют с субъектным именем формы числа либо числа и рода, падежная же форма адъективного и субстантивного компонентов обусловлена их предикативной функцией. Между глагольным и именным предикативными признаками имеют место отношения таксисного характера: монотемпоральность (одновременность), моносубъектность и мономодальность, не получающие морфологического выражения (возможное совпадение в роде и числе глагольного и адъективного компонентов задано их отнесенностью к одному и тому же субъекту, а не друг к другу). Такого рода связь между двумя предикативными компонентами назовем **сопредикативной** (или копредикативной).

В рассматриваемых же локативных полисубъектных предложениях отношения между двумя предикатами оформлены средствами рода и числа. Это другая разновидность сопредикативной связи, здесь координация между предикативными элементами служит способом скрепления двух взаимодействующих моделей, модусной и диктумной. При этом ориентированность морфологических показателей свидетельствует о приоритете семантически доминирующего диктумного предиката. Лишь при немногих модусных предикатах — из категории состояния, сохраняющих подобие глагольного управления винительным / родительным падежом, — отношения обратные (*слышно музыку, не слышно музыки, не видно следа*).

8. Итак, выясняется, что типы связи между компонентами предложения разнообразнее и сложнее, чем это представлено в школьно-университетских программах.

Принципиальным остается различие связей: предикативных, реализующихся в образовании предложения, и присловных, организующих словосочетание или сочетание слов. Вопрос о связях так называемых детерминантов — отдельная тема, но большая часть их, выраженная производными именами, вступает в таксисные отношения с предикатом.

Присловные связи, управление и согласование, располагают своей морфологической техникой, примыкание не располагает.

Средства осуществления предикативной связи — приведение в

действие категорий лица, времени и модальности на базе категориально-семантической корреляции. Морфологическая техника (уподобление главных членов предложения в формах лица, рода, числа) факультативна.

Г. П. Уханов

Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению¹

- Задания.**
1. На основе приведенного ниже текста определите, что сближает пояснение как синтаксическую связь с сочинением и подчинением.
 2. В каких синтаксических единицах реализуются перечисленные виды синтаксической связи?
 3. По каким признакам пояснение противопоставлено сочинению и подчинению?

Академик В. В. Виноградов настойчиво подчеркивал, что «унаследованное от давней традиции деление всех сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные очень схематично и условно». Доказательством справедливости этого суждения служит грамматическая природа пояснительной связи, выражаемая союзами *то есть, а именно, как-то, или* (в значении *то есть*).

О пояснительных союзах русские авторы писали еще в XVIII в. Однако место пояснительной связи в системе простого и сложного предложения определялось и определяется по-разному. Со времен Н. Греча, которому принадлежит одна из лучших характеристик пояснительных союзов, пояснение отождествлялось то с подчинением, то с сочинением. Между тем отнесение пояснительных конструкций к сочиненным или подчиненным связано с различными трудностями: специфические признаки пояснения явно не укладываются в рамки сочинения — подчинения. Вот почему все чаще встречается утверждение, что пояснение «представляет собою особый вид синтаксической связи». В пользу этого свидетельствуют семантические, функциональные и структурные свойства пояснения и образуемых на его основе конструкций. Однако выявление специфики пояснения целесообразнее начать с того, что пояснение сближает с сочинением и подчинением.

Подобно сочинению и подчинению, пояснение универсально в том смысле, что оно возможно между синтаксическими единицами разных рангов: между словоформами: *«пролог, т. е. предваритель-*

¹ Печатается по: Исследования по славянской филологии. М., 1974. С. 336–342

ный рассказ о событиях»; между предикативными единицами — формантами сложных предложений: *Утром река все-таки вышла из берегов, т. е. случилось самое страшное*; между словоформой и предикативной единицей: *Собственные имена обычно, т. е. когда они выражают индивидуальные понятия, не заменяют друг друга*; наконец, между «обособленными» предложениями — частями сложных синтаксических единств: *Эти изменения имеют разную функцию в речи. Если мы обратимся, например, к силе звука, то обнаружим, что усиление и ослабление отдельных слогов может иметь свое значение в образовании того или иного слова. То есть одно слово в русском языке отличается от другого тем, что при постановке ударения на другом месте получится другое значение...* (Б. Томашевский. Стилистика и стихосложение).

В простом предложении все три вида связи выполняют только ингредиентную функцию: они ограничены в своем употреблении тем, что невозможны между главными членами. Иначе говоря, расширяя (подчинение) и усложняя (сочинение и пояснение) состав простого предложения, они не участвуют в формировании его структурной схемы. В сложном предложении пояснение, наряду с сочинением и подчинением, возможно между частями основного членения (конститутивная функция) и между компонентами этих частей, если они непростые (ингредиентная функция). Таким образом, в сложном предложении пояснение, как и другие виды связи, возможно на всех уровнях членения.

Наконец, пояснение, наряду с сочинением и подчинением, характеризуется присущей только ему совокупностью конструктивных средств: пояснительные союзы, типизированные средства лексики, особый закрепленный словопорядок, интонационные схемы и проч.

Вместе с тем пояснение — на любом уровне функционирования как в простом, так и в сложном предложении — семантически противопоставлено сочинению, и подчинению.

Компоненты простого и сложного предложения, соединенные подчинительной или сочинительной связью (*приставка и суффикс, приставка глагола*), однотипны в том отношении, что каждый из них имеет собственный объект номинации, и поэтому не могут заменять друг друга ни в одном, ни в разных контекстах. Между тем оба члена пояснительной конструкции (*префикс, т. е. приставка*), означая одно и то же, в известных случаях взаимозаменяемы. Например, вместо *приставки глагола, приставки и окончания* допустимо сказать *префиксы глагола, префиксы и флексии*. Поясняемое и поясняющее могут меняться ролями: *альбумин, т. е. белковина — белковина, т. е. альбумин*.

Семантически и структурно пояснительные конструкции близки предикативным сочетаниям, особенно когда реальным содержанием предикативных отношений являются отношения тождества, равнозначности. Так, пояснительная конструкция *префикс, т. е. пристав-*

ка и предикативное сочетание *префикс* — это приставка совпадают в том, что по-разному выражают одно утверждение: входящие в них имена имеют один и тот же денотат. Значение утверждения, свойственное пояснительной конструкции, делает ее тоже предикативной. Однако эта предикативность носит периферийный характер, потому что, как отмечалось выше, пояснение в простом предложении функционирует только внутри частей основного членения и невозможно между главными членами предложения, образующими его структурную основу. Ср. уровни функционирования предикации и пояснения в предложении: *Префикс, т. е. приставка, — это предкорневая аффиксальная морфема* (тире обозначает границы основного членения).

Семантическая близость пояснительных конструкций к предикативным (со значением тождества) находит свое выражение в правилах лексического наполнения и в ряде общих структурных черт. Пояснительные и предикативные конструкции тождества используют одни и те же семантические разряды слов, легко преобразуются друг в друга, несвободны в размещении компонентов; и в тех и в других конструкциях используется координация форм. Для выражения пояснения и предикации употребляется частица *это*. Ср.: *Нам осталось сделать самое главное — это определить последовательность движений — Самое главное — это определить последовательность движений*.

Наконец, пояснительный союз *то есть* (др. русск. *то есть, се есть, си есть*) по своему происхождению является частью предикативного сочетания — структурной основы «двусоставных несогласованных предложений тождества» (А. А. Шахматов) типа *то есть N*.

Семантическая и структурная связь пояснительных конструкций с предикативными, выражающими отношения тождества, резко отделяет пояснение от сочинения и подчинения. Вот почему ни союз *то есть*, ни эквивалент пояснительного союза *это*, являющиеся материальным воплощением этой связи, невозможны ни в ряду однородных членов, ни между предикативными единицами с разной предметной отнесенностью.

Пояснение противопоставлено сочинению и подчинению и функционально. Сочинение и подчинение, выражая синтаксические отношения между компонентами с разной предметной отнесенностью, служат одной цели: они обогащают содержание высказывания новыми объектами, признаками, суждениями. Между тем пояснение в известном смысле тавтологично, оно «не двигает изложения дальше», так как передает синтаксические отношения между компонентами, которые называют один и тот же «кусочек действительности» (В. В. Виноградов). И если распространение и осложнение предложения с помощью подчинения и сочинения вызывается требованиями языковой формы, содержанием и объемом информации, которую

необходимо «вложить» в данное предложение, то пояснительные конструкции обязаны своим появлением прежде всего заботе говорящего — пишущего, чтобы его правильно и точно поняли. Это во многих случаях придает им добавочный, факультативный, структурно не предусмотренный характер и сближает пояснение с присоединением и вставкой.

В предложениях, осложненных вставкой, присоединением, говорящий тоже как бы раздваивается: с одной стороны, он что-то сообщает, о чем-то повествует, а с другой — дополняет, изменяет, оценивает, комментирует и т. п. содержание и форму высказываемого. Таким образом, пояснение — наряду со вставкой и присоединением — является вспомогательным средством, применение которого дает возможность обеспечить нужную степень коммуникативности предложения, выразить отношение говорящего — пишущего к содержанию и форме предложения, создаваемого на основе предикативной, подчинительной и сочинительной связей.

Сравнивая пояснение с другими видами связи, можно заметить, что оно находится в разных отношениях к каждому из них. При подчинении один из компонентов определяет другой и входит в предложение только с определяемым. В пояснительной конструкции члены тоже неравноправны: поясняющее всегда несамостоятельно, так как не имеет собственного объекта номинации; оно создается не само по себе, а для определения поясняемого путем раскрытия, уточнения, конкретизации и т. п. содержания поясняемого. Наконец, подобно зависимому компоненту подчинительных сочетаний, поясняющее может войти в предложение только вместе со своим определяемым. Например: *Рифма, т. е. созвучие двух слов, должна находиться на конце слова* (нельзя: ... созвучие... должна...).

Другие свойства пояснительных конструкций (например, рассмотренная семантическая и структурная близость к предикативным сочетаниям тождества) резко отделяют пояснение от подчинительной связи. Вот почему пояснительные союзы не имеют своих аналогов среди подчинительных союзов и союзных слов. Единственное исключение представляют сравнительные союзы.

Сравнение никогда не имеет самодовлеющего характера: сравнивают одно с другим для того, чтобы уяснить самим или помочь кому-то лучше понять сущность, специфику явления. Сравнение оказывается одним из способов пояснения. Поскольку субъект и предикат сравнения в чем-то тождественны друг другу, сравнительные конструкции имеют некоторые структурные черты предикативных и пояснительных конструкций: сравнительная часть конструкции координирует свою форму с констатирующей (*Нас встретили, как встречают друзья*); члены сравнительной конструкции могут меняться ролями (*девушка, как парень, парень, как девушка*) и др. Связь пояснительных конструкций со сравнительными эксплицитно закреплена в этимологической структуре пояснительного союза *как-то*.

Исторически *как-то* — часть придаточного, оформленного сравнительным союзом *как*, выражающим реальное сходство, подобие сопоставляемых предметов, явлений, признаков. Став частью пояснительного союза, *как* утратило лексическую разделенность и синтаксические свойства подчинительного союза.

Не менее сложны и противоречивы связи пояснения и сочинения. С одной стороны, и сочинение, и пояснение опираются на семантическую и функциональную однородность компонентов, ограничены в правилах лексического наполнения, частично совпадают в средствах выражения синтаксических отношений — таких, как координация форм, сочинительные союзы. С другой стороны, пояснение отличается от сочинения рядом существенных признаков, в чем убеждает сопоставление пояснительных конструкций с высшими и низшими рядами (т. е. с рядами однородных членов и со сложносочиненными предложениями):

1. Однородность членов ряда опирается на их соподчиненность третьему члену, на тождество функции в составе синтаксического целого. «Однородность» поясняемого и поясняющего основана на общности объекта номинации.

2. Ряд может быть открытым и закрытым; пояснительная конструкция всегда закрыта, бинарна.

3. Члены ряда не могут замещать друг друга; члены пояснительной конструкции могут меняться ролями и взаимно замещать друг друга.

4. Члены ряда не определяют друг друга; члены пояснительной конструкции связаны отношением определяемое — определяющее.

5. Ряд структурно не связан с предикативными конструкциями тождества; у пояснительных конструкций эта связь очевидна.

Таким образом, пояснение и сочинение — качественно различные виды связи, пояснительные конструкции не принадлежат ни к высшим, ни к низшим рядам. Вот почему ни один сочинительный союз в своих прямых значениях не может выражать пояснительную связь, входить в состав пояснительной конструкции.

На первый взгляд кажется, что этому противоречит употребление в пояснительных конструкциях союзов *и*, *а* в сочетании с *именно*, союза *или* в сочетании с вводными образованиями (напр., *или*, *иначе говоря*) или без них. Однако союзы *и*, *а*, *или* в данном случае не создают сочинения, высших и низших рядов.

В сочетаниях *а именно*, *и именно* пояснение передается основным компонентом союза — *именно*. Союзы *а*, *и* являются показателями другой синтаксической связи — присоединения. Для присоединения однородность—неоднородность компонентов несущественна, так как оно выражает другие отношения между ними основное — дополнительное, добавочное отношение между ними. В известном примере А. М. Пешковского *Но я даю ему работу, и очень интересную* союз *и* присоединяет определение к опреде-

ляемому. Здесь, конечно, нет и не может быть однородности компонентов и сочинения.

Аналогичные отношения обнаруживаются и в пояснительных конструкциях с *а именно, и именно*. В них поясняющее не сочиняется с пояснением, а присоединяется к нему. Правда в связи с тем, что компоненты *а именно* все больше сливаются в одну лексическую единицу, присоединительное значение *а* затухает, утрачивается. Значение *а именно* становится таким же цельным, семантически неразложимым, как и значение союза *то есть*. Собственно пояснительный союз *а именно* в известных случаях употребления синонимичен союзу *то есть* и невозможен ни в ряду однородных членов, ни в сложносочиненном предложении. В противоположность этим союзам *а именно*, не имеющее пояснительного значения, возможно и между однородными членами: *И они дали клятву друг другу... Не обещание, а именно клятву* (газ.).

По такому же пути развивается и союз *или*. В ряду однородных членов союз *или* может указывать на отсутствие — с определенной точки зрения — существенных различий между «предметами», обозначенными сочиненными членами: *Сегодня или завтра, рано или поздно (это неважно), но мы (все-таки) своего добьемся*. Отрицание различий между «предметами» косвенно указывает на сходство, равенство, тождество их в том или ином отношении, на возможность замены одного другим. В конструкциях с присоединительным *или*, когда он соединяет компоненты с одинаковой предметной отнесенностью, этот оттенок отождествления и возможного замещения выступает как основа значения союза. И, как писал Н. Греч, «в сем случае» союз «или» есть некоторым образом пояснительный». Однако, в отличие от союзов *то есть, а именно, как-то*, союз *или* в пояснительном значении не в полной мере самостоятелен. Когда поясняемое и поясняющее выражены предикативными единицами, *или* выступает в обязательном сопровождении вводных образований разной формы, которые выражают авторскую характеристику номинативных свойств второй части пояснительной конструкции, так или иначе мотивируют необходимость употребления второго обозначения того, что уже названо в первой части (*точнее, проще, что то же самое, как говорят у нас там-то* и т. д.). Напр.: «*Второй акт продолжался с 11-го декабря 1854 г. по 6-е января 1855 г., когда плаватели покинули фрегат, или, вернее, когда он покинул их совсем, и они буквально «выбросились» на чужой, отдаленный от отечества берег*» (Гонч. Фрегат «Паллада»); «*Что грамотность есть механизм, или, говоря проще, что чем грамотнее человек, тем меньше он задумывается над самим процессом письма, — это несомненная истина*» (Щерба. Избр. соч. по русск. яз.).

В простом предложении, где связь между членами теснее, союз *или* утрачивает присоединительное значение и может выступать самостоятельно, *то есть* без поддержки вводных образований, в

качестве собственно пояснительного союза, тоже синонимичного союзу *то есть*: «Изюбр, **или** (*то есть*) пятнистый олень, обитает в лесах Забайкалья и Дальнего Востока».

Становление собственно пояснительного союза *или* не завершилось, но и в данном случае развитие идет в уже известном направлении: сочинение — присоединение — пояснительная связь.

Все эти сложные и своеобразные отношения пояснения к различным видам синтаксической связи свидетельствуют о том, что пояснение, с одной стороны, сочинение и подчинение, с другой, семантически и функционально разноплановы, по-разному участвуют в формировании содержания и структуры предложения как коммуникативной единицы. В силу этой разноплановости пояснительная связь, оставаясь сама собой, может строиться на базе и сочинения, и подчинения, осложняя и модифицируя и то, и другое. В данном отношении особенно показательны пояснительные конструкции с придаточным предложением во второй части. Например: *Съемка на натуре чаще всего производится от зари до зари, то есть пока солнце позволит снимать* (газ.).

Это, конечно, не сложносочиненное предложение, потому что придаточное не может сочиняться с главной частью. Но это и не сложноподчиненное предложение, потому что синтаксические отношения между его частями выражаются не подчинительным, а пояснительным союзом. Вот почему возможны и такие предложения, в которых прямая синтаксическая связь между первой и второй частью, оформленной как придаточное подчинительным союзом или союзным словом, невозможна без пояснительного союза. Например: *Переходом от описания детей в лоб будет последнее расставание с ними в главе «Глубокий залом», то есть что описываться будет сузем, а не сами дети* (Пришв. Из дневников последних лет).

Своеобразие подобных построений состоит в том, что они структурно «многослойны», так как в них один вид синтаксической связи как бы воздвигается над другим. Естественно, что такие конструкции не находят соответствующего места в современных классификациях сложных предложений, опирающихся на дихотомические разбиения типа: союзная связь — бессоюзная связь, сочинение — подчинение и т. д.

Научная классификация как исследовательский инструмент должна стремиться к точному отражению объективных свойств изучаемых объектов действительности и отношений между ними. В связи с этим полезно привести одно устное высказывание акад. В. В. Виноградова. Однажды после сделанного им доклада кто-то спросил его: нельзя ли называть словосочетаниями ряды однородных членов, предикативные сочетания? Виктор Владимирович ответил: «Конечно, можно... Но только при этом мы перестанем замечать то существенное, что словосочетание отличает от других соединений слов».

Так же дело обстоит и с пояснительной связью. Пояснительные конструкции можно, конечно, относить и к области сочинения, и к области подчинения. Однако при этом всегда оказываются вне поля исследования наиболее существенные черты пояснительной связи как особого синтаксического явления, которое качественно, *то есть* семантически, функционально и структурно, отличается и от сочинения, и от подчинения.

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

СИНТАКСИС СЛОВСОЧЕТАНИЯ

- Задания.** 1. На основе анализа текстов «Граматики русского языка» (АГ-54: «Словосочетание как предмет синтаксиса»), «Основы русской грамматики» И. П. Распопова и А. М. Ломова ответьте на вопросы:
- а) в чем принципиальное различие широкого и узкого понимания словосочетания?
 - б) как, по мнению В. В. Виноградова, соотносятся словосочетание и предложение?
2. Как понимается словосочетание в «Коммуникативной грамматике русского языка» Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой? Прокомментируйте приводимые в данной работе примеры (см. выше раздел Введение: Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. Синтаксическая система языка как объект грамматической науки (II)).

В. В. Виноградов

Словосочетание как предмет синтаксиса¹

<...> 4. Изучая правила сочетаемости слов и форм слов, синтаксис, естественно, прежде всего обращается к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения. Такого рода грамматические единства, словосочетания, состоящие, как уже было сказано выше, не менее чем из двух полнозначных слов, являются строительным материалом для предложения. Словосочетания только в составе предложения и через предложение входят в систему коммуникативных средств языка. Но рассматриваемые вне предложения, как строительный материал для него, словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.

¹ Печатается по: Грамматика русского языка: в 2 т. М., 1954. Т. I. С. 10–41.

В определении словосочетания и в понимании его отношения к предложению нет полного согласия и единства между разными научными грамматиками. Вопросы о грамматической сущности словосочетания, об объеме словосочетания, о его форме и значении, о его отношении к предложению и слову в разных языках еще остаются мало изученными.

Все признают, что словосочетание состоит не менее чем из двух полнозначных слов, что оно организуется по законам и правилам соединения слов и их форм, присущим данному языку, и что оно выражает единое, хотя и сложное, расчлененное понятие, цельное значение. Но одни языковеды, опираясь на буквальный, этимологический смысл термина «словосочетание», относят к словосочетаниям все виды грамматического сочетания полнозначных слов — независимо от различий их структуры, их функций в процессе общения и их отношения к разным формам мышления. Именно на такой точке зрения стояли некоторые представители нашего отечественного языкознания: проф. А. В. Добиаш, академик Ф. Ф. Фортунатов, проф. А. М. Пешковский, проф. М. Н. Петерсон и др.

Так, Ф. Ф. Фортунатов, считая предложение лишь разновидностью словосочетаний, определял словосочетание следующим образом: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражением целого психологического суждения или выражением его части». С этой точки зрения все сочетания слов, включая и те, которые соответствуют предложениям, рассматривались в одной плоскости. Структурное различие между словосочетанием и предложением как разными синтаксическими категориями стиралось. Предложение выступало лишь как форма или разновидность словосочетания, как «законченное» словосочетание. Больше того: при расширенном понимании словосочетания границы его далеко выходят за пределы простого предложения. Сочетание словосочетаний, или сложное словосочетание, становится синонимом сложного предложения. Изучение структуры предложений в таких случаях или вовсе отсутствует или сводится к простому подведению слов и словосочетаний под традиционные рубрики членов предложения.

Напротив, у тех языковедов, для которых в центре синтаксиса находилась теория предложения и его членов, изучение словосочетаний отходило на задний план и даже нередко совсем исчезало из синтаксиса.

Между тем словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса. Словосочетание, в отличие от предложения, совсем не является цельной единицей языкового общения и сообщения. Для структуры словосочетания не характерны и не типичны те своеобразные так называемые субъективно-объективные синтаксические категории (вроде категорий лица, времени и модальности), которые обуславливают относительную законченность сообщаемой

мысли в речи. Вместе с тем важность изучения словосочетаний как строительного материала для предложения — несомненна. В правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка.

5. Структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его стержнем; это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой стороне словосочетания. Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, т. е. оно обладает системой форм. В связи с этим находится многообразие синтаксических функций одного и того же словосочетания, если его господствующее, стержневое слово обладает системой форм, напр.: *сторонник мира, сторонника мира, стороннику мира* и т. д.

Естественно, что в систему форм глагольных словосочетаний *изучать философию, заниматься пением, сочувствовать товарищу* и т. п. входят и их предикативные формы *изучаю философию, занимаюсь пением* и т. п., но лишь как потенциальный материал для составления предложения, так как словосочетание само по себе не имеет интонации сообщения и ему чужды соотносительные категории подлежащего, сказуемого и других членов предложения. Проблема предикативных соединений слов относится не к теории словосочетания, а к учению о предложении. Впрочем, в большей части современных грамматических исследований синтаксические категории, свойственные словосочетанию и предложению, беспорядочно смешиваются. Поэтому и объем категории словосочетаний, и состав разных видов словосочетаний, т. е. синтаксические границы словосочетания, и их классификация, их деление на виды или типы остаются во многом неопределенными. Однако если признать, что отправной базой изучения словосочетаний является изучение двусловных сочетаний (не считая служебных слов), образующих грамматическое единство, способных выражать цельное значение и служить обозначениями, то сразу станет ясным, что сюда не могут быть отнесены такие, например, вырванные из предложения словесные отрезки: «они, пьяные, потные...» (*Все они, пьяные, потные, с мутными глазами, напряживаясь и широко разевая рты, пели какую-то песню*. Л. Толст., *Война и мир*, т. III, ч. 3, XXIII); «трезвый, он...» (*Но однажды, трезвый, он прочитал мне только что написанный им рассказ о мужике... Горьк., Сторож*); «обессиленный, онемев, я...» (*Обессиленный, онемев, я чувствовал, что страшная тяжесть давит меня... Горьк., Сторож*); «жизнь теплая» в отличие от словосочетания *теплая жизнь* ([Тетерев] *А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь удобную... Горьк., Мещане*, д. II).

Такого рода отношения слов, наблюдаемые в составе предложения, возникают на основе словосочетаний, но представляют собою свое-

образные видоизменения их, обусловленные отношениями членов предложения, наличием элементов интонационного членения и т. п.

В сочетаниях слов этого типа исследователи обычно находят утверждение, хотя и неполное, выражаемое инверсией (перестановкой) имени прилагательного, интонационным его обособлением. Синтаксические отношения, связанные с выражением утверждения или отрицания, с направленным на окружающую действительность сообщением, называются предикативными — в широком смысле этого слова. Они типичны для предложения. Отношения предикативные осуществляются лишь в составе предложения, во взаимодействии и взаимоотношении между разными его членами; следовательно, они не имеют прямого отношения к синтаксическому учению о словосочетаниях и разных его типах. Вот почему широко распространенное деление словосочетаний на два главных разряда — непредикативные и предикативные — лишено внутреннего основания: оно вызвано смешением вопросов изучения словосочетания с учением о структуре предложения.

Механический перенос предложения в круг словосочетаний связан с устранением, ликвидацией самых существенных признаков предложения: со стороны значения — функции единицы общения и средства сообщения, со стороны формы — интонации предложения. Любопытна в этой связи данная академиком А. А. Шахматовым характеристика отличий словосочетания от предложения: «Со стороны формы, словесного облика, предложение отличается от соответствующего ему, состоящего из тех же слов незаконченного словосочетания интонацией; со стороны значения предложение отличается от незаконченного словосочетания соответствием законченной единице мышления».

Когда предложение рассматривается как словосочетание или соединение словосочетаний, тогда от него обычно отнимается интонация. Между тем интонация — органический элемент структуры предложения. Если предикативное словосочетание — лишь скелет предложения, лишенный живой плоти живого языка, то непонятно, для чего нужен такой двойной анализ одних и тех же синтаксических явлений.

Из сказанного ясно, что так называемые предикативные словосочетания не относятся к синтаксическому учению о формах и типах словосочетаний. Этот же вывод с несомненностью вытекает и из анализа структурных качеств словосочетаний. Словосочетание хотя и резко отличается по своей структуре от отдельного, даже сложного слова, представляющего собою не делимое на самостоятельные синтаксические элементы морфологическое целое, — все же, подобно слову, может иметь систему форм, напр.: *темное пятно*, *темного пятна* и т. п. Предикативное же сочетание слов спаяно в единство категориями лица, времени и склонения и, будучи единицей сообщения, не является именованием, хотя и сложным <...>

И. П. Распопов, А. М. Ломов
**Словосочетание и его отношение к слову
и предложению¹**

<...> § 7. В современных учебных пособиях и научных трудах по синтаксису русского языка отражены два различных понимания словосочетания.

Словосочетанием в широком смысле, вслед за Ф. Ф. Фортунатовым, считают любое грамматически оформленное сочетание слов независимо от того, может ли оно составить предложение или представляет собой только какую-то конструктивную часть предложения. При таком подходе к словосочетаниям причисляют предикативные сочетания (*мальчик читает; девочка стит* и т. п.) и не-предикативные сочетания (*маленький мальчик: читает книгу, читает громко* и т. д.)².

Словосочетанием в узком смысле признают только такие сочетания слов, которые образуются по правилам распространения отдельных частей речи и служат для развернутого наименования предметов, признаков, действий и т. п. (т. е. только не-предикативные сочетания)³.

Следует заметить, что понятие словосочетания в узком смысле (впервые сформулированное В. В. Виноградовым) терминологически, по-видимому, оправдано. Не-предикативные сочетания слов, образуемые по правилам распространения отдельных частей речи, действительно имеют, так сказать, иную внутреннюю природу, нежели предикативные сочетания, предназначенные для конструирования предложений. Характерным для не-предикативных сочетаний (словосочетаний в узком смысле) является наличие односторонне направленной подчинительной связи компонентов, благодаря чему они, подобно отдельным словам, могут приводиться к некоторому исходному виду <...>. Предикативные сочетания (напр., сочетания: именительный падеж существительного + спрягаемый глагол), напротив, характеризуются двусторонне направленной связью компонентов (их взаимоподчинением друг другу), не могут быть уподоблены отдельным словам, и, будучи предназначенными для конструирования предложений, естественно, должны рассматриваться в учении о предложении.

Но, принимая терминологически ограниченное понимание словосочетаний и относя предикативные сочетания слов к учению о

¹ Печатается по: *Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики: морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. С. 178–192.*

² См., напр.: *Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М., 1968. Ч. 2. С. 23* и след.

³ См., напр.: *Грамматика русского языка. М., 1952–1954. Т. 2. Ч. 1.*

предложении, неверно было бы ставить знак равенства между предикативным сочетанием и предложением.

Это было бы неверно, во-первых, потому, что предложение может быть построено не только на основе предикативных сочетаний, но и на основе сочетаний непредикативных и даже на основе отдельных слов (ср., напр., такие предложения, как *Холодное зимнее утро; Морозно; Светает* и т. п.) и, во-вторых, потому, что любое предложение (в том числе предложения, включающие в свой состав предикативные сочетания) представляет собой нечто большее, нежели простое сочетание слов или отдельное слово (как уже отмечалось, оно наделяется особым качеством, которым слова и сочетания слов сами по себе не обладают).

§ 8. Узкое понимание словосочетания, принимаемое в настоящем пособии, включает в свою сферу те из реально наблюдаемых в речевой действительности словесных комбинаций, которые отвечают трем условиям, а именно:

1) связь между их компонентами должна быть подчинительной (в указанном отношении словосочетания отличаются от словесных рядов *мать и дочь, старики и дети, перо и чернила* и т. п., где между словами устанавливается сочинительная связь): *писать письмо, любоваться природой, встретиться с другом, поехать в город, читать вслух;*

2) эта связь должна быть односторонне направленной, т. е. должна фиксировать наличие прямой зависимости одного компонента от другого (в указанном отношении, как уже говорилось выше, словосочетания отличаются от синтаксических комплексов типа *мальчик читает, девочка спит*, компоненты которых характеризуются двусторонней зависимостью относительно друг друга: *новый дом, дом с мезонином, мнение друга, надежда на встречу, желание работать;*

3) эта связь должна быть непосредственной (в указанном отношении словосочетания отличаются, напр., от синтаксических комплексов *мальчик был болен, девочка здорова*, знаменательные компоненты которых соединяются друг с другом через посредство личной или нулевой связки): *покорный судьбе, верный долгу, черный от загара, полный до краев, очень спокойный.*

Во всех этих случаях в составе словосочетаний четко выделяются главный и зависимый компоненты. Причем зависимый компонент используется в той форме, которая в большей или меньшей степени «предписывается» ему со стороны главного компонента в соответствии с определенной лексико-грамматической квалификацией последнего.

Так, в словосочетании *писать письмо* форма винительного падежа зависимого слова *письмо* предопределяется тем, что главное слово *писать* представляет собой переходный глагол. В словосочетании *новый дом* зависимое слово *новый* используется в форме муж-

ского рода единственного числа, именительного падежа, дублируя аналогичные по грамматическому значению формы главного слова — существительного *дом*.

Подобное влияние на выбор форм зависимого слова со стороны главного в различных по составу словосочетаниях проявляется по-разному. Однако в любом случае зависимое слово подчиняется главному, обеспечивая реализацию его сочетательных потенций, которые, в свою очередь, обуславливаются лексико-грамматической квалификацией главного слова, прежде всего принадлежностью этого слова к той или иной части речи.

Таким образом, формирование словосочетаний можно представить как результат синтаксического распространения различных знаменательных частей речи: глаголов, существительных, прилагательных, наречий. Соответствующие классы словосочетаний и обозначаются по принадлежности возглавляющего их слова к той или иной части речи терминами: глагольные, субстантивные, адъективные и наречные.

§ 9. Ограничения в понимании словосочетаний позволяют рассматривать их в ряду номинативных средств языка, т. е. как наименования предметов, признаков, действий и т. п. реальной (или мыслимой) действительности. В этом отношении словосочетания могут быть уподоблены по своему функциональному назначению отдельным словам, от которых они отличаются только тем, что именуют (называют) предметы, признаки, действия и т. п. более «точно и конкретно», нежели отдельные слова (ср., например, такие наименования, как: *дом* и *новый дом*, *друг* и *лучший друг*, *читать* и *читать вслух*, *весело* и *очень весело* и т. д. и т. п.)¹.

С другой стороны, словосочетания обычно выступают в качестве конструктивных частей предложения, тех простейших строительных блоков, из которых складывается конструктивный состав так называемых распространенных предложений, и через предложение входят уже, по словам В. В. Виноградова, «в систему коммуникативных средств языка».

§ 10. Отмеченная двойственная природа словосочетаний создает известные трудности в установлении их лингвистического статуса.

Некоторые лингвисты, подчеркивающие номинативные свойства словосочетаний, считают их единицами особого уровня языковой системы, существующими в речевой действительности независимо от предложения и как бы до предложения (Н. Ю. Шведова). По мнению других ученых, «словосочетания существуют только в предложении, составляя лишь звено общей цепи связанных между собой элементов всего предложения» (А. Н. Гвоздев).

¹ На основе указанного подобия словосочетания при их описании принято фиксировать «в исходном виде», устанавливаемом по форме главного слова, в которой его представляют словари. Но это, разумеется, чистая условность.

Вопрос о существовании словосочетаний «до предложения» или «только в предложении», очевидно, должен решаться в пользу второй точки зрения.

Сферой «нормального» функционирования словосочетаний является, несомненно, предложение (хотя нельзя отрицать принципиальной возможности самостоятельного употребления словосочетаний, например, в роли словесных заголовков). Другое дело, что, будучи выделенными из состава предложения (в чисто исследовательских целях), словосочетания могут изучаться уже «в отрыве от предложения»¹. Но это не делает их единицами особого уровня языковой системы. Необходимым свойством единиц того или иного уровня является их качественная определенность. Причем единицы данного уровня должны обладать новым функциональным качеством по сравнению с единицами более низкого уровня (из которых они складываются). Так, слово, складываясь из морфем, приобретает специфическую номинативную функцию. Специфическим качеством предложения, в отличие от составляющих его слов (словоформ), является коммуникативная функция. Между тем словосочетание, складываясь из слов, нового качества по сравнению с ними не получает. В отрыве от предложения оно остается единицей с номинативной функцией. Однако с этой стороны оно не представляет для синтаксиса никакого интереса. Синтаксис рассматривает словосочетания с точки зрения их состава и строения, с точки зрения тех связей и отношений, которые устанавливаются между их компонентами, и именно такой подход позволяет нам раскрыть действующие в данном языке правила синтаксического распространения различных лексико-грамматических разрядов слов, т. е. определенные частные правила синтаксической организации связной речи.

* * *

Задания. Прочитайте приведенные ниже фрагменты из «Грамматики русского языка» (АГ-54), «Русской грамматики» (РГ-80), работы Е. С. Скобликовой и ответьте на следующие вопросы.

1. На чем основывается традиционное выделение согласования, управления и примыкания как видов синтаксической связи в словосочетании?
2. Чем обусловлено критическое отношение В. В. Виноградова к слабому управлению? В каких словосочетаниях он усматривает переходные случаи между слабым управлением

¹Возможность такого изучения и создает иллюзию «существования» словосочетаний независимо от предложения. В действительности эта независимость есть только научная абстракция, к которой мы прибегаем в определенных исследовательских целях.

и примыканием? Прокомментируйте примеры, приводимые В. В. Виноградовым.

3. Какие идеи В. В. Виноградова, изложенные во «Введении» к АГ-54, получили развитие в академических грамматиках 1970 и 1980 гг.? Покажите это на примере РГ-80.

4. В чем особенность системы синтаксических связей в РГ-80?

5. Какова система синтаксических отношений в РГ-80? Каким образом синтаксические отношения учитываются здесь при дифференциации синтаксической связи?

В. В. Виноградов

Характер и виды синтаксических отношений между словами в словосочетании сравнительно с предложением¹

<...> 10. Многообразие форм сочетания слов, принадлежащих к разным частям речи, соответствует разнообразию синтаксических отношений между членами словосочетания. В русских грамматиках со времен Буслаева и Потебни принято это разнообразие сводить к трем основным категориям синтаксических связей (или отношений): согласования, управления и примыкания.

С о г л а с о в а н и е м обычно называется такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однозначными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен также — падежа, для глаголов — лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому, напр.: *зеленая улица, по зеленой улице* и т. п.

У п р а в л е н и е м называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога и с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова. Это слово для раскрытия и распространения своего смысла как бы требует определенной зависимой от него формы косвенного падежа имени или местоимения с личным или предметным значением, напр.: *решить задачу, войти в лес, лишиться надежды, считаться со временем, отправление поезда* (ср. *отправить поезд*), *интересы дела, интерес к науке* и т. п.

¹ Печатается по: Грамматика русского языка: в 2 т. М., 1954. Т. II. Ч. I. С. 22–34.

Примыканием называется такой вид синтаксической связи, когда зависимость одного слова от другого, господствующего над ним, выражается не флективными изменениями зависимого слова, не его формами, а лишь его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения, напр.: *внимательно выслушать, побежать вприпрыжку, поверить на слово, потребность высказаться, слушать молча*.

Легко заметить, что в пределах каждого из трех видов связей — согласования, управления и примыкания — объединены очень далекие и очень различные синтаксические явления. Так, к области согласования относится не только типичное для форм полных имен прилагательных и причастий (включая сюда и соответствующие местоименные слова, а также порядковые числительные) уподобление в роде, числе и падеже определяемому существительному (*Цыганы шумною толпой По Бессарабии кочуют*. Пушкин, Цыганы; *Деревня, где скучал Евгений, Была прелестный уголок*. Пушкин, Е. О., гл. 2, I), но и характерное для косвенных падежей количественных числительных уподобление только в падеже (ср. *с восемью учениками, у пяти углов, на семи столбах* и т. п.; ср. в разговорной речи: «со ста пятидесятью саперами» и «с тысяча пятьсот восемьдесят двумя солдатами» и т. п.), а также уподобление «приложений» тому имени существительному, с которым они сочетаются, в падеже, нередко и в числе (но ср. *в селе Крутые Горки, в гостинице «Москва»* и т. п.). Сюда же относится в структуре предложения и уподобление форм прошедшего времени глагола-сказуемого форме именительного падежа подлежащего-имени в роде и числе, во множественном — только в числе (*Наступила весна; Скворцы прилетели* и т. п.).

Согласованием считается также координация личных форм настоящего-будущего времени глагола с местоимением 1-го и 2-го л., напр.: *Я вижу при наличии формы Вижу* (без местоимения) в той же функции; *Ты слышишь* — при *Слышишь* (ср. у Гоголя в повести «Тарас Бульба», XI: *И упал он силою и воскликнул в душевной немощи: — Батько! где ты? слышишь ли ты? — Слышу! — раздалось среди всеобщей тишины, и весь миллион народа в одно время вздрогнул); Мы проживем* — ср. *Поживем* — увидим; *Вы знаете* — при *Знаете*. Но по отношению к современному русскому языку трудно сказать, что с чем согласуется в подобных случаях — форма глагола с местоимением или наоборот. Ср. неопределенно-личное употребление форм множественного числа глагола: *Вот едут, едут наконец*. Пушкин, Граф Нулин.

В сочетаниях местоимений 1-го и 2-го л. с личными формами глагола лицу местоимения-подлежащего соответствует форма лица глагола-сказуемого. В русском языке существует полная аналогия между категорией лица в глаголе и категорией лица в местоимениях. В таких случаях, как *Я думаю о близкой разлуке с семьей* (ср. *Думаю*

о том, как проведу лето), Ты помнишь и т. п., нельзя не усмотреть глубокого отличия в самом характере соответствия личных местоимений личным формам глагола от таких форм согласования, как *красивая шуба, новое пальто* и т. п. Можно ли говорить о зависимости личной формы глагола 1-го и 2-го л. от личного местоимения — сомнительно. Ср. *Я, Петр Игнатьевич и Николай говорим вполголо-са*. Чех., Скучная история, I.

Еще более своеобразные отношения устанавливаются между личной формой глагола и личным местоимением в строе побудительных предложений, сказуемым которых является глагол в повелительном наклонении.

Смотри, как всякий биться рад За дело чести и свободы!.. Лерм., Измаил-бей, ч. 2, XII; [Любовь Андреевна] *Прощай, милый дом, старый дедушка. Пройдет зима, настанет весна, а там тебя уже не будет, тебя сломают*. Чех., Вишн. сад, д. IV. Ср. также: [Медведенко] *Поедем, Машиа, домой!* Чех., Чайка, д. IV.

Нормой в таких предложениях является отсутствие подлежащего-местоимения 2-го л. Наличие подлежащего здесь связано с разнообразными стилистическими оттенками.

Смотрите же, — кричит один, — не унывай! Я затяну, а вы не отставай! Крыл., Парнас; *Ермолай вернулся. — Справлена лодка, — произнес он сурово. Ступай за шестом — ты*. Тург., Льгов.

Таким образом, в характере употребления личных местоимений ярко проявляется своеобразие синтаксических отношений координации, далеко выходящее за рамки словосочетаний и реализуемое только в контексте предложения. Формы именительного падежа личных местоимений, так же как и формы их косвенных падежей, вообще не образуют словосочетаний на основе согласования: они могут иметь при себе определяющие согласуемые слова лишь в составе предложения и притом в обособленном положении. Ср. *Мы подошли к нему, слабому и жалкому*.

К области согласования относят также — в строе предложения — уподобление в роде и числе творительного приглагольного форме именительного падежа подлежащего (при отсутствии согласования в падеже). Но ср. *Вы слывете честным и неподкупным*.

Таким образом, при разнообразии синтаксических связей и отношений, которые подводятся под понятие согласования, бросается в глаза то обстоятельство, что приемы согласования тех членов предложения, между которыми устанавливаются предикативные отношения, характеризуются очень важными особенностями.

Общеизвестны характерные явления, наблюдаемые в «согласовании» личных форм глагола с подлежащими, выраженными сочетанием имени числительного с родительным падежом имени существительного.

Около шестисот арнаутов рассыпались по Бессарабии; не ведая, чем себя прокормить, они все ж были благодарны России за ее по-

кровительство. Пушкин, Кирджали; ... Трое начали играть в карты, человек пять стали мыться в горном холодном ручье... Горький, Чужие люди. (Ср. Прошло трое суток.)

Любопытна также возможность согласования вспомогательного глагола-связки в роде то с подлежащим, то со сказуемым, когда подлежащее и сказуемое выражены существительными разного рода и стоят в именительном падеже.

Свадьба Наташи, вышедшей в 13-м году за Безухова, было последнее радостное событие в старой семье Ростовых. Л. Толст., Война и мир, т. IV. Эпилог, ч. 1, V; ... Хоть в то же время добросовестность автора заставляет меня сказать, что все это спокойствие была чисто одна личина... Писемский, Тысяча душ, ч. 3, XIII.

Дифференцированное изучение тех приемов синтаксической связи, которые известны под именем согласования, дает возможность еще глубже понять важные различия их форм и функций в образовании словосочетаний, с одной стороны, и в создании предикативных отношений — с другой (ср. *Вы очень строги* и *Вы — очень строгая*, *Какая вы строгая!* и т. п.). Применяющееся иногда в грамматиках разграничение полного и неполного согласования мало помогает делу. Полным считается такое согласование, когда используются все морфологические средства уподобления определяющего, независимо слова определяемого, главному: *светлая комната*, но ср. *Комната оказалась светлой*. Неполное согласование характеризуется употреблением какого-нибудь одного из возможных морфологических средств уподобления форм слов, напр.: *Мальчик вернулся из пионерского лагеря поздоровевшим*. Ср. отсутствие согласования: *Денег у меня осталось суице пустяки*; *Было бездна народу* и т. п.

11. Грамматическое своеобразие форм так называемого согласования в предикативных соединениях слов иногда побуждает наших языковедов (напр., Л. А. Булаховского) выделять некоторые такие случаи в особый тип связи, называемый ими «тяготением». Сюда прежде всего относят грамматическую пару из глагола и прилагательного, согласуемого с первым в числе и роде, напр.: *пришел веселый*, *стал задумчив*, *слушала довольная*. Синтаксической связью этого рода выражается состояние подлежащего в момент осуществления приписываемого ему сказуемым действия (*Мать ходила счастливая*). Совершенно ясно, что этот тип связи не имеет прямого отношения к вопросу о видах словосочетаний, образуемых на основе согласования.

В составе предложения, в котором сказуемое образуется из сочетания глагола состояния или движения с формой именительного падежа прилагательного, возникают своеобразные двусторонние синтаксические отношения формы прилагательного как к глаголу-сказуемому, так и к имени существительному-подлежащему.

Как часто по брегам твоим Бродил я тихий и туманный, Заветным умыслом томим! Пушкин, К морю; Я зашел к нему; он сложся руки

прохаживался угрюмый взад и вперед. Лерм., Бэла; *Письма из дому приходили тихие, добрые.* Чех., Невеста; ... *Парню уже двадцать восьмой годочек пошел, а он все холостой разгуливает...* Чех., В овраге, II; *Лубенцов сидел на койке похудевший и серьезный.* Казак., Весна на Одере, ч. 2, V.

В сущности, и те отношения, которые образуются между главными членами в предложении со сказуемым, выраженным вспомогательным или полусузнаменательным глаголом и именительным падежом существительного или краткого прилагательного, близки к явлениям «тяготения».

Лаврецкий вышел в сад и остался им доволен. Тург., Двор. гнездо, XIX; *Все, что он там встретил, показалось ему знакомо.* Фед., Похищ. Европы, кн. 1, гл. 13.

Точно так же в конструкциях с двойным винительным (соотносительных с построениями из винительного объекта и творительного предикативного) типа *А пьяную ее полицейские по щечкам бьют.* (Горьк., Мать, ч. 1, V) — ощутительно не только согласование прилагательного с местоимением, но и тяготение прилагательного к сказуемому.

Совершенно очевидно, что к этому типу связи, как бы его ни называть — тяготением или специфической формой согласования, — очень близка синтаксическая связь слов в конструкциях с творительным предикативным, напр.: *Мальш рос здоровым и сильным.*

Таким образом, то, что обычно называется согласованием, охватывает многообразные и различные формы синтаксических связей. Особенно резко выступает качественное своеобразие тех видов так называемого согласования, которые находят применение в строе предложения в кругу предикативных соединений слов. Следовательно, те формы синтаксической связи, которые обычно относятся к согласованию, имеют свои специфические особенности в строе словосочетания, с одной стороны, и в строе предложения — с другой.

12. Еще больше, чем понятие «согласование», нуждается в уточнении и расчленении термин «управление». Различается управление непосредственное, когда в зависимости от управляющего слова употребляется форма косвенного падежа имени существительного или местоимения без предлога (*выполнить план, выполнение плана; управлять государством, управление государством*), и предложное, когда косвенный падеж находится в зависимости не только от управляющего слова, но и от предлога, или когда управление формой косвенного падежа осуществляется с помощью предлога (*вспоминать о детстве, тоска по родине, встреча с друзьями, доклад о международном положении, стремиться к цели*).

Давно замечено, что не все формы зависимости слов, подводимые под понятие управления, равностепенны. Русские грамматики уже с 30-х гг. XIX в. (начиная с «Русской грамматики» А. Х. Востокова)

различали разные виды и степени управления. Степеней синтаксической зависимости, относимой к управлению, очень много. Однако подведение всех случаев зависимого употребления форм косвенных падежей имен существительных, предметно-личных местоимений и субстантивированных слов из других частей речи под одну категорию управления уже давно казалось внутренне не оправданным и вызывало большие сомнения. Так, А. А. Потебня писал в своем исследовании «Из записок по русской грамматике»: «Чтобы понятие управления не расплзлось в туман, следует понимать под ним только такие случаи, когда падеж дополнения определяется формальным значением дополняемого (напр., винительный прямого объекта при действительном глаголе, падеж с предложом при предложном глаголе, как «надеяться на бога»). Если же дополняемое само по себе не указывает на падеж дополнения, то об управлении не может быть и речи. Другими словами, связь между дополняемым и дополнением может быть теснейшая и более отдаленная».

В самом деле, в словосочетании *труд через меру* (ср. *чрезмерный труд*) едва ли *через меру* присоединяется к слову *труд* на основе управления. Ср. характер синтаксических связей в таких словосочетаниях: *всадник без головы, море на закате солнца, дом с мезонином, говорить с воодушевлением, поступить вопреки привычке* и т. п.

По отношению к словосочетаниям этого типа особенно трудно говорить о специфических особенностях связей, присущих разным частям речи (ср. *страх перед грозой, робкий перед учителем, робеть перед экзаменаторами, ночь перед рождеством, синий перед рассветом свод неба, заснуть перед рассветом*). Правда, в грамматиках принято применять к таким случаям термин «слабое управление». Но синтаксическое содержание этого термина крайне расплывчато и неопределенно. Вместо термина перед нами маловыразительная метафора. Типические случаи и формы этого так называемого слабого управления не изучены. Расплывчатый термин «слабое управление» способен покрыть или прикрыть даже свободные сочетания типа *мы с вами* или *мы с тобой* (в значении *я и ты* или *я и вы*). Здесь *мы* не только «управляет» формой *с тобой*, но и зависит от нее. Ведь *мы* уже включает в себя *я* и *ты*. В тех случаях, когда так называемое слабое управление переходит в свободное присоединение предложной конструкции (*вернуться на рассвете, лес на рассвете, ясное на рассвете небо, заснуть с наступлением утра* и т. п.), оно качественно отличается от управления в собственном смысле этого слова, например, в таких сочетаниях, как *блеск солнца, подарить книгу, достигнуть успеха, полный сил* и т. п.

13. Непосредственно определить и разграничить виды словосочетаний, в которые входят слабоуправляемые формы слов, крайне затруднительно.

В сущности, во многих случаях этого типа связи синтаксическое исследование структуры словосочетаний начинается вовсе не с анализа синтаксических возможностей главного (господствующего), стержневого слова, а, скорее, направляется на определение форм и способов сочетаемости самих предложных конструкций (а также форм творительного падежа имен существительных в обстоятельном употреблении) со словами, относящимися к разным частям речи. Напр., слово, принадлежащее к категории глагола, имени существительного, прилагательного и даже наречия, может свободно сочетаться с предложно-именными конструкциями из предлога *без* или *до* и формы имени существительного в родительном падеже: *растаться без сожаления, чай без сахара, ум без блеска, работа без перспектив, ласковый без приторности, предан без лести, простота не без лукавства; мчаться до утраты сил, спать до одурения, робкий до странности, замысловатый до непонятности, наивно до глупости, прямой до грубости* и т. п.

При изучении словосочетаний этого рода трудно исходить из морфологической природы господствующего слова, из присущих его грамматической структуре свойств сочетаемости с другими словами (в строго определенных формах) или из способности господствующего слова управлять формами имен существительных, предметно-личных местоимений и других субстантивированных слов. Некоторые из так называемых слабоуправляемых связей вполне реализуются лишь в составе целого предложения. Дело в том, что «слабоуправляемые» слова и словосочетания могут относиться ко всему составу предложения или же связываться только с личными формами глагола. Напр., употребление форм творительного падежа имен существительных со значением лица для обозначения времени, периода жизни («в бытность кем-нибудь») возможно лишь в составе предложения, напр.: *Мальчиком он работал у сапожника* (ср. *работать мальчиком у сапожника*); употребление форм предложного падежа имен существительных отвлеченного значения, а также названий лиц с предлогом *при* для обозначения времени (*при жизни родителей, при великой радости, при наступлении утра, при Петре Первом, при дедушке*) находится в очень слабой зависимости от глагола.

А суть в другом: Дай с войны прийти обратно При победе над врагом. Твард., Вас. Теркин. От автора.

Точно так же в кругу сочетаний с предложно-именными конструкциями (из предлога и формы имени существительного, обозначающего место или время) чрезвычайно наглядно сказывается отсутствие прямой синтаксической зависимости этих конструкций от какой-нибудь определенной части речи, от того или иного разряда слов. Возьмем, напр., комическое признание в «Евгении Онегине»: *Под старость жизнь такая гадость* (гл. 7, XLII). Здесь выражение *под старость* не относится непосредственно к слову *жизнь*, — в

этом случае оно выполняло бы определительную функцию (ср. *Жизнь под старость не казалась ему очень обременительной*). Очевидно, *под старость* примыкает ко всему предложению в целом, внося известное ограничение во времени в пессимистическое утверждение *Жизнь — такая гадость*.

Ср.: *С ранних лет начал он оказывать склонность к вяжию...* Тург., Накануне, III; *Странная мысль занимает меня со вчерашнего дня*. Чех., Хорошие люди; *По случаю волнения на море пароход пришел поздно...* Чех., Дама с собачкой, II.

Именно в силу того, что степень зависимости в таких случаях доходит почти до нуля и бывает совершенно неощутима, соответствующие слова и особенно словосочетания в составе предложения обычно обособляются.

При наличии характера — школа хорошо воспитывает. Горьк., В людях, XVI.

Отсюда становится очевидным, что управлением не могут быть названы способы введения в состав предложения так называемых обособленных обстоятельств, выражающих условные и уступительные отношения, при помощи предлогов *за исключением, вопреки, несмотря на* и др.

Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро... Лерм., Бэла.

Общий вывод ясен: синтаксические явления, которые нерасчлененно обозначаются в разных грамматиках термином «управление», очень разнообразны. Некоторые из них, подводимые под понятие слабого управления, но по существу далекие от синтаксической сущности управления, обнаруживаются только в структуре распространенного предложения. Именно с этими явлениями нередко связан процесс интонационного обособления частей предложения, например: *Здесь будет город заложен На зло надменному соседу*. Пушкин., Медн. всадник. Вступление.

Часть однородных явлений может в одинаковой мере, хотя и с разных сторон, рассматриваться как при анализе типов словосочетаний, так и при анализе структуры предложений и отношений между его членами.

Кричит гусь в небе. За горой протяжно ревет олень. Горбат., Обыкн. Арктика. Большая дорога (ср. словосочетания: *кричать в небе, реветь за горой*); *Полярные совы, важно раскинув свои великоленные весенние наряды, несутся над рекой...* *Шустрые лемминги со злобным писком шныряют под ногами. Выпорхнула из-под кочки жирная белая куропатка, побежала по снегу, переваливаясь с боку на бок, как купчиха*. Горбат., Обыкн. Арктика. Большая дорога (ср. словосочетания: *носиться над рекой, дача над рекой, туман над рекой; шнырять под ногами*).

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что предложные конструкции *над рекой, за горой* и т. п. могут сочетать-

ся не только с глаголами движения или пребывания, не только с разными разрядами существительных, а также с прилагательными, но могут относиться и к целым предложениям.

... *В селе за рекою Потух огонек.* Пушкин., Вишня.

Соответствующие формы косвенных падежей с предлогом зависят не столько от глаголов, которые ими не управляют, сколько от самих предлогов конкретно-пространственного значения: *над, за, в* и т. п. Вместе с тем несомненно, что в процессе исторического развития языка круг синтаксических явлений, связанных с так называемым слабым управлением, с более или менее самостоятельным употреблением предложных конструкций, все расширяется и приобретает все более значительную роль в построении разных видов современного распространенного предложения.

Сложность, разнообразие и недифференцированность явлений, подводимых под понятие управления, побудила академика Л. В. Щербу резко и решительно, хотя и в высшей степени односторонне, подчеркнуть в управлении роль семантического фактора, роль лексического значения господствующего слова.

«Следует предостеречь, — говорил Л. В. Щерба, — от общераспространенного предрассудка, будто управление слов определяется грамматикой: на самом деле оно чаще всего оказывается принадлежностью каждого слова, а поэтому является фактом словаря». Но этот вывод противоречит наличию строго определенных грамматических типов и семантических разрядов словосочетаний, в которых связь между входящими в их состав словами организуется посредством предлогов на основе так называемого слабого управления.

Таким образом, и в синтаксически недифференцированной и мало исследованной области управления ярко выступают различия тесных грамматических связей, лежащих в основе разных типов словосочетаний, и связей более или менее свободного, присоединительного характера, близких к примыканию и широко используемых в структуре предложения.

14. Понятие примыкания вследствие отсутствия флективных форм выражения этого вида синтаксической связи приобрело в синтаксисе русского языка еще более широкие и неопределенные очертания, чем понятие управления. Здесь грамматические приметы почти ничего не дают для ориентации в отношениях между словами. Нередко примыкание определяется чисто негативно. Вслед за проф. А. М. Пешковским некоторые авторы грамматик называют примыканием всякую обнаруженную и доказанную в языке подчинительную связь двух слов между собой, не являющуюся ни согласованием, ни управлением.

В связи с этим относят к категории примыкания не только такие синтаксические отношения в кругу словосочетаний, как *хорошо петь, жить припеваючи, поехать домой, выучить наизусть* и т. п.,

но и такие предикативные отношения в строе предложения, как *Медведь хватить друга камнем в лоб* или *Он — бух в воду*. «Согласовательных форм у этих слов — нет», — писал проф. А. М. Пешковский и приходил к такому выводу: «Что глагол здесь связан с именительным, ясно из того, что именительный не имеет ни бытийного, ни назывного и т. д. значений, а имеет ясное значение *подлежащего* ... что он *подчинен* именительному, ясно из сугубой несамостоятельности этих глагольных форм ... наконец, что он *примыкает* к именительному, вытекает из самого понятия «примыкание...» Таким образом, примыкание иногда отыскивается и в предикативных отношениях, свободных от управления и согласования, в отношениях сказуемого и подлежащего. Совершенно ясно, что термину «примыкание» в этом случае придается совсем другое значение, чем в тех случаях, когда он употребляется как обозначение определенного вида синтаксической связи в системе словосочетаний. С широкой точки зрения на этот круг синтаксических отношений к явлениям примыкания должна быть отнесена связь между главными членами предложения в их так называемых несогласуемых или несогласованных соотношениях.

[Федор (наставительно)] ... *В карты, сударь, играть — не лапти плести*. Сухово-Коб., Свадьба Кречинского, д. II, явл. 2; *В камни стрелять — стрелы терять*. Поговорка.

Однако и в кругу словосочетаний термин «примыкание» не отличается полной ясностью содержания, точностью применения и строгой определенностью границ его употребления.

В русском языке наблюдаются нередкие случаи примыкания определительных слов из некоторых разрядов наречий не только к глаголу, но и к существительному (ср. *жизнь врознь, работа вручную, волосы ежиком* и т. п.).

К явлениям примыкания иногда относится даже определительное употребление «неизменяемых притяжательных местоимений», исторически представляющих собой изолированные, застывшие формы родительного падежа соответствующих личных местоимений: *его книга, ее книга, их книги* и т. д. Ср. *познакомиться с его книгой; от ее книги веяло свежестью мыслей* и т. п.

Кроме того, очень нередки переходные случаи от так называемого слабого предложного управления к примыканию.

Так, в сочетаниях глагола действия или состояния и имени существительного в предложном падеже с предлогом *на* для обозначения характера, способа протекания или совершения действия предлог *на* иногда больше тяготеет к следующему за ним существительному, чем служит средством управления со стороны глагола. Этим объясняется то, что при тесной спайке предлога *на* и падежной формы существительного возникают наречия. Следовательно, в этих случаях наблюдается своеобразный переход к наречному примыканию, осуществляемый путем превращения предлога в наречную пристав-

ку, напр.: *передать на словах* (*Мне кажется, никто еще не описал верно любви, и едва ли можно описать это нежное, радостное, мучительное чувство, и кто испытал его хоть раз, тот не станет передавать его на словах.* Чех., Ионыч, III); *меняться на глазах, сказать на людях, осуществить на деле* и т. п. Ср. *объясняться на французском языке; попасть в цель на всем скаку* и т. п.

П р и м е ч а н и е. В строе предложения примыкание связывается главным образом с категорией обстоятельства. Но так как обстоятельственные оттенки могут совмещаться и с определительными, например у обособленных определений, то было высказано даже мнение о возможности объединения связей согласования и примыкания, о наличии своеобразного «неморфологического примыкания» согласуемого слова в роли обстоятельства. Так, в примере из повести Горького «Детство», II: — *Цыц, потатчица!* — *кричал дед, сверкая глазами, и было странно, что, маленький такой, он может кричать столь оглушительно* — обособленное определение *маленький такой* рассматривается и как согласованное (с *он*) и как примыкающее (к *может кричать*). В таком понимании термин «примыкание» теряет всякий грамматический смысл.

15. Чаще всего круг действия примыкания ограничивается синтаксическими связями наречий.

При помощи порядка слов и на основе функционально-синтаксических отношений определительного и обстоятельственного характера выделяются очень разнообразные виды словосочетаний, состоящих из наречия и глагола или имени прилагательного, напр.: *весело смеяться, сурово нахмуриться, тяжело вздохнуть, бойко говорить, по-волчьи выть, одеться по-летнему, расстаться дружески, действовать усыпляюще, далеко уйти, рано проснуться, прожить недолго, угаснуть, затихнуть вдали, жить неподалеку, поехать наперерез, ходить вразвалку, гулять втроем, подойти вплотную, ехать шагом, сослепу упасть в канаву, согласиться нехотя, молча поклониться, снаружи красный* и мн. др.

Способ синтаксической связи наречий с глаголами не находит выражения в самой форме зависимого слова — в отличие от согласования и управления. Именно к такого рода синтаксическим отношениям обычно и применяется название «примыкание».

Однако если глубже вникнуть в характер синтаксических связей между словами, с одной стороны, в таких словосочетаниях, как *строго отнестись, хорошо спать, красноречиво доказывать, мастерски изобразить* и т. п., и, с другой стороны, в таких, как *позавтракать вдвоем, услышать издали, спохватиться во-время* и т. п., то нельзя не заметить существенной разницы между этими явлениями. Синтаксические связи таких слов, как *вдвоем, издали, вовремя* и т. п., оказываются гораздо более свободными и широкими. Достаточно сопоставить такие примеры: *Вдвоем с сестрой я никогда их не встречала; прогулка вдвоем; Мы вдвоем почувствовали себя го-*

раздо бодрее; Вдвоем они были трогательны; Один или вдвоем с любимым учеником профессор оставался в лаборатории до глубокой ночи; Наконец-то мы — вдвоем. Ср. *Издали картина казалась фантастической, странной; вид издали; издали поклониться* и т. п.

Следовательно, синтаксические связи, относимые к примыканию, неоднородны: их формы и виды нуждаются в дальнейшем изучении и дифференциации. Возможности для развития таких связей в строе предложения неизмеримо богаче и разнообразнее, чем в системе словосочетаний.

С типами словосочетаний, формирующихся посредством примыкания, на основе общих синтаксических соответствий функционально объединяются словосочетания, состоящие из глагола или имени существительного, даже имени прилагательного, и примыкающей к ним формы какого-нибудь косвенного падежа существительного с предлогом или без предлога, для выражения пространственных или временных характеристик, для ограничений действия или предмета, качества, для обозначения причины, цели, способа проявления, напр.: *мчаться по дороге, отдыхать по вечерам, поговорить по душе, любить до страсти, испортиться до мозга костей, танцевать до упаду, бежать без оглядки, согласиться против желания, согласиться вопреки убеждению, сказать при случае; разговор по душам, эстет до мозга костей, неприязнь до отращения, согласие против желания; скупой до неприличия; идти полем.*

Именные словосочетания с предлогами без (*всадник без головы, песня без слов, любовь без надежд и требований, вагоны без окон и дверей*), вместо (*разговоры вместо дела, щетина вместо бороды*), взамен) [Арбенин] *Ее душа бессильна и черства, Мольбой не тронется — боится лишь угрозы, Взамен любви у ней слова, Взамен печали слезы...* Лерм., Арбенин, д. V, явл. 6) строятся при помощи связей, похожих на примыкание, хотя и отличающихся от этого синтаксического приема признаком двусторонности синтаксических отношений.

В этой двусторонности отношений и коренится различие в характере синтаксической связи «примыкающих» наречий, с одной стороны, и «слабоуправляемых» предложных конструкций — с другой. Некоторые предлоги выражают двусторонние отношения и связаны с обоими членами словосочетания, напр.: *дружественные отношения с союзниками* (ср. *дружественное отношение к союзникам*); *переговоры между враждующими сторонами* (ср. *переговоры с неприятелем*); *битва на Калке* (ср. *битва при Калке*).

Степень связанности предлога с каждым членом словосочетания может быть очень различной.

Анализ всех разновидностей примыкания может привести к важным уточнениям этого синтаксического понятия и к его дифференцированному употреблению<...>

Н. Ю. Шведова
**Подчинительные связи слов
и словосочетания**

*Основные понятия*¹

- Задания.**
1. Что лежит в основе разграничения присловных и неприсловных синтаксических связей?
 2. Как Н. Ю. Шведова определяет присловную подчинительную связь?
 3. Какие лексико-грамматические характеристики знаменательного слова предопределяют его сочетаемость? Приведите примеры.

§ 1720. В предложении, взятой отдельно или входящем в какой-либо отрезок связной речи, в текст (см. § 1890)², словоформы предстают в синтаксических связях в отношениях, организующих предложение в целостную единицу сообщения. Однако синтаксические связи в предложении неоднородны. Одни из этих связей идут непосредственно от слова как лексико-грамматической единицы, предопределены им и не зависят от тех синтаксических функций, которые это слово выполняет в предложении; другие связи возникают в предложении и обусловлены синтаксическими позициями соединяющихся словоформ. Так, в предложении *Под вьюгой, что метет над головой, Под ливнем, над равниною гудящим, Я не сойду с поста, как часовой, Поставленный бессонным разводящим* (Ванш.) представлены (помимо союзных связей, которые пока здесь не рассматриваются) несколько видов связей. Это, во-первых, связи в таких сочетаниях, как *гудящий над равниной, метет над головой, (не) сойду с поста, бессонный разводящий*; во-вторых, связь подлежащего со сказуемым (*я — не сойду с поста*); в-третьих, связь имени в форме тв. п. со знач. действующего субъекта (*разводящим*) со страдат. причастием; в-четвертых, связь обстоятельством значимых словоформ со всем остальным составом определяемого ими предложения: *Под вьюгой, под ливнем — я не сойду с поста*. В первом случае перед нами связь, предопределенная словом независимо от его роли и места в предложении: во всех своих формах, в любых синтаксических позициях или взятый изолированно, глагол *гудеть* может иметь при себе определяющую форму *над чем* (*гудеть над равниной, над лесом, над морем...*), глагол *сойти* — определяющую его форму с чего (*сойти с поста, с корабля, со сцены...*), существительное *разводя-*

¹ Печатается по: Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. II. С. 13–82

² Для подробного ознакомления с текстом РГ⁸⁰ отсылки к другим параграфам грамматики сохранены.

ций — согласуемое определение (*бессонный, бдительный... разводящий*). Такая синтаксическая связь, реализующаяся в предложении, но предопределенная не синтаксической позицией слова, а самим словом, далее будет называться *присловной подчинительной связью*.

Во втором, третьем и четвертом случаях дело обстоит иначе. Связь подлежащего со сказуемым не есть связь слова во всей системе форм с формой другого слова: это всегда соединение двух вполне определенных форм слов, причем это соединение осуществляется в совершенно конкретных синтаксических позициях. Точно так же в сочетании *поставленный разводящим* соединились не глагол *поставить* (в любой своей форме) с формой тв. п. со знач. действующего субъекта, а именно и только страдат. причастие; ср. нормальное: *Часовые поставлены разводящим* или *Дом построен рабочими* и неправильное **поставить часовых разводящим* или **построить дом рабочими*. В четвертом случае связь словоформ со всем составом предложения также не вызвана распространением какого-то отдельного слова и возникает только в предложении (см. об этом § 1985, 2007, 2022). Таким образом, в случаях втором, третьем и четвертом имеют место не присловные подчинительные связи, т. е. не такие связи, которые обусловлены собственными внутренними свойствами слов как отдельных лексико-грамматических единиц, а такие связи, которые предопределены синтаксическими позициям тех или иных форм слов в предложении.

Точно так же, например, в предложениях *Я получил эту бандероль распечатанной; Мальчик надел рубашку неглаженной; Больному нужно дать молоко горячим* связи *получил бандероль, эта бандероль, надеть рубашку, дать молоко больному* являются присловными связями; в случаях же *получил бандероль распечатанной, нужно дать молоко горячим, надел рубашку неглаженной* прилагательные в форме тв. п., связанные одновременно и с глаголом, и с именем (см. § 2003), занимают позицию, возникающую только в предложении.

Присловные и неprisловные связи противопоставляются друг другу на основе целых комплексов признаков. К этим признакам относятся: 1) факторы, предопределяющие связь; 2) форма связи, ее внешняя организация, т. е. формальное выражение зависимости; 3) отношения, возникающие в образовавшейся соединении; 4) само это соединение, его внутренние признаки и его синтаксическое поведение. Так, напр., образование сочетания *гудеть над равниной* предопределено способностью глагола подчинять себе падежную форму имени; в результате этого соединения между глаголом и именем возникают определительные (обстоятельственные пространственные) отношения; возникшее сочетание сохраняется при любом формальном изменении глагола (*гудит над равниной, гудел над равниной, гудящий над равниной...*); это сочетание входит в класс других сочетаний с теми же определительными отношениями (*сиять*

над лесом, гудеть над равниной, шуметь перед домом...) и подчиняется всем правилам синтаксического функционирования единиц этого класса.

Если обратиться теперь к анализу синтаксического соединения *я не сойду с поста*, то обнаружится, что весь комплекс его признаков — совершенно иной: сама связь компонентов здесь предопределена не свойствами местоимения *я* (*меня, мною...*) или сочетания *сойти с поста*, а тем, что эти формы заняли такие позиции в предложении, которые их синтаксически соединяют: связаны друг с другом синтаксические позиции, и через них — формы слов, занявшие эти позиции. Эта связь в данном конкретном случае выражается в координировании подлежащего и сказуемого по формам числа в по значению лица (1-е л. выражено местоимением-подлежащим лексически, глаголом-сказуемым — формально); отношения между соединившимися словоформами оказываются предикативными: они относят в определенный временной план связь признака и его носителя; так возникшее соединение представляет собою предложение, которое входит в класс простых предложений и подчиняется всем правилам синтаксического функционирования единиц этого класса.

Аналогично могут быть рассмотрены и противопоставлены друг другу, например, соединения *гудящий ливень, бессонный часовой, темная ночь* и *Ливень — гудящий; Часовой — бессонный; Ночь темная*. В первом случае связь предопределена свойствами существительного: оно свободно подчиняет себе прилагательное, определяется им; при этом осуществляется такой вид формального уподобления зависимого слова слову господствующему, которое действует при всех изменениях существительного (*гудящего ливня, гудящему ливню, гудящие ливни...*); отношения между соединившимися единицами — собственно определительные; это — словосочетание. В случае же типа *Ливень — гудящий; Ночь темная* соединяются определенные формы слов, занявшие позиции подлежащего и сказуемого; возникают обращенные в план настоящего отношения признака и его носителя; образуется предложение, т. е. единица, по комплексу своих характеристик не совпадающая с единицами типа *темная ночь, гудящий ливень* (см. об этом § 1912).

§ 1721. Как ясно из сказанного в § 1720, присловная подчинительная связь — это связь, предопределенная свойствами знаменательного слова и осуществляющаяся независимо от синтаксического места (позиции) этого слова в предложении: знаменательное слово само по себе достаточно для того, чтобы на основе действующих в языке правил выбрать для себя в качестве распространителя форму другого слова и занять роль главенствующего компонента в образовавшемся таким образом элементарном соединении слова и формы слова. Следовательно, слово обладает синтаксическими свойствами. Напр., слово *читать* во всех своих формах

(читаю, читал, читая...) может присоединять к себе разные зависимые формы других слов: *читать книгу, читать с интересом, читать медленно...*; слово *письмо* соединяется с зависимыми формами: *чужое письмо, письмо другу (и к другу), письмо от матери, письмо карандашом...* Эти связи осуществляются на основе свойств самих слов и предопределяются этими свойствами; с другой стороны, зависимые формы также подчиняются определенным правилам соединения или несоединения с тем или иным словом (см. об этом § 1722). Способность слова соединяться с определенным кругом распространяющих его форм называется *сочетаемостью слова*, его *сочетаемостными возможностями* (в других терминах — *валентностными свойствами слова*).

§ 1722. В современном русском языке система подчинительных связей слов является очень сложной и разветвленной. Это объясняется следующими факторами.

1) Слова разных частей речи имеют разную сочетаемость. При общности сочетаемости, связанной с принадлежностью к одной и той же части речи, у разных лексико-грамматических групп слов внутри каждого класса есть и своя собственная сочетаемость, причем группы эти могут быть очень дробны и не всегда достаточно строго разграничиваются; многие слова обладают еще и индивидуальной сочетаемостью. Например, глаголы *находиться, идти и говорить* в силу своего грамматического значения как части речи могут распространяться формами с обстоятельственным — пространственным значением: *находиться там, дома, в саду; идти домой, по дороге, к брату; говорить у калитки, на балконе, здесь*. Однако разные частные грамматические значения и разная лексическая семантика этих глаголов делают неодинаковыми как сами возможные ряды таких распространителей, так и степень их обязательности (их предсказуемость, вероятность их появления). Кроме того, очень многие слова одной части речи, объединяющиеся в многообразные и различные по объему лексико-грамматические группы, обладают вариативной сочетаемостью, т. е. способностью подчинять себе разные формы с одним и тем же значением (*говорить, спросить, рассказать о ком-чем — про кого-что — насчет кого-чего; учиться рисовать — рисованию*). Вариативные связи образуют весьма сложную систему, причем правила выбора того или другого варианта очень часто оказываются не только грамматическими (например: *приехать ночью — в ночь; устар. и поэт.*).

2) Определяющие (подчиненные, зависимые) формы слов имеют свои значения и свой круг синтаксических возможностей, и эти значения и возможности по-разному взаимодействуют с лексическими и грамматическими значениями слов грамматически главенствующих. Например, в сочетаниях *написать статью за месяц и писать статью месяц или около месяца временной определитель за месяц 'в течение месяца'* чаще сочетается с глаголом сов. вида, а формы

месяц или *около месяца* сочетаются только с глаголом несов. вида (бывало, за *месяц* писал большую статью; написал статью за *месяц*; писал статью *месяц*, *около месяца*); в сочетаниях *едет ночью двадцатого* и *едет в ночь на двадцатое*, *случилось под праздник* — *случилось перед праздником* — *случилось накануне праздника* формы временных распространителей безразличны к виду глагола, но различаются между собой оттенками своих собственных значений.

3) В современном русском языке существует большое количество семантически ограниченных, а также лексически закрытых связей, т. е. таких, которые в той или иной степени ограничены словами с определенными лексическими значениями. Лексико-семантические ограничения сочетаемости могут исходить как от главного слова, так и от слова зависимого. Так, сущ. *мастак*, *мастер* 'тот, кто умеет хорошо делать что-н.' (разг.), *зверь* 'тот, кто делает что-н. рьяно, с полной отдачей сил, умения' (разг.) распространяются формой *на что*: *мастак на выдумки*, *мастер на всякие дела*, *зверь на работу* (см. § 1827), в среди неотглагольных существительных такая сочетаемость составляет характерную особенность именно этих нескольких слов узкой лексической группы; что касается зависимого компонента, то он более свободен: это должно быть слово, называющее то, что может стать предметом приложения действия, деятельности, либо саму такую деятельность. Примером ограниченной сочетаемости для зависимой формы может служить форма *из чего* со знач. причины: она ограничена некоторыми словами — названиями внутренних состояний: *сделать что-н. из жалости*, *из ревности*, *из сострадания*, *из любопытства* и некот. др. (см. § 1794); глагольное же слово, с которым сочетаются эти распространители, может быть любым словом, называющим действие.

4) В языке существуют двойные подчинительные связи, свойственные слову, но далеко не всегда полностью реализующиеся в предложении (например, двойная присловная связь в случае типа *подарить игрушку сыну* в предложении часто реализуется не полностью: *подарю игрушку* или *подарю сыну*). С другой стороны, есть случаи, когда та или иная сочетаемость слова реализуется лишь при условии одновременной связи с другой зависимой формой; например: *доставить неприятность — кому-н.*, *ожить в памяти — у кого-н.*, *испортить настроение — кому-н. / у кого-н.* (см. § 1731).

5) В современной системе подчинительных связей слов сохраняются многие явления, отражающие старые нормы; связи живые, опирающиеся на действующие грамматические правила, очень часто непосредственно взаимодействуют со связями единичными, остаточными или утрачивающимися. Так могут возникать ряды распространителей, выбор которых определяется факторами не грамматическими, а или стилистическими (*домик с двумя окошками*, — *домик в два окошка* — разг. и устар. *домик о двух окошках*, *приказ под номером шестым* — офиц. *приказ за номером, шестым* — устар.

приказ номер шестой — приказ номер шесть), или семантическими (*выпить молоко — молока, попросить ножичек — разг. и устар. ножичка*), или вообще оказывается для современного языка свободным (*письмо другу — к другу*).

Взаимодействие всех перечисленных факторов необходимо влечет за собой многоаспектность описания всей системы присловных связей в современном русском языке.

§ 1723. Независимо от своей роли и места в предложении, знаменательное слово обладает специфическими свойствами, которыми предопределяется его сочетаемость. К этим свойствам относятся: 1) принадлежность слова к той или другой части речи; 2) значение слова как представителя той или иной морфологической категории или лексико-грамматического разряда, например, вид, залог, переходность или непереходность у глагола, одушевленность или неодушевленность у существительного, собирательность у числительного; 3) морфемный состав слова, в первую очередь — характер префикса; отношения мотивированности с другими словами; 4) лексическая семантика слова, его принадлежность к той или другой семантической группе слов: разные лексические значения слова очень часто обуславливают его разное синтаксическое поведение. Все эти свойства и их комплекс в целом можно называть лексико-грамматическими свойствами или лексико-грамматическими характеристиками слова.

Подчинительная связь слова предопределяется его лексико-грамматическими свойствами. Однако не каждое из названных выше свойств во всех случаях существенно для формирования подчинительной связи. Всегда существенно первое свойство — принадлежность к части речи: те или другие виды связи и принадлежащие им отношения распределены по грамматическим классам слов. Грамматическое значение слова внутри части речи так же, как и его морфемный состав, в одних случаях может влиять на характер подчинительной связи, в других случаях — не влияет на нее; напр., префикс глагола влияет на его связь в случаях типа *залететь за облака, съехать с горы* и не влияет на его связь в случаях типа *залететь под облака* или *съехать к переправе*. Лексическая семантика слова очень часто влияет на характер подчинительной связи, но нередки и такие случаи, когда синтаксическая связь осуществляется независимо от лексического значения слова (напр., связь согласования).

Отсюда следует, что при формировании подчинительной связи свойства слова далеко не всегда действуют совместно. Обычны случаи, когда предопределяющим ту или иную связь оказывается не весь комплекс лексико-грамматических характеристик слова, а лишь некоторые из них или только одно свойство — принадлежность к грамматическому классу (части речи). Разными соотношениями тех или иных свойств слов предопределяются их разные подчинительные связи, а также сила или слабость связи (см. § 1727).

§ 1724. Как уже сказано, в формировании подчинительной связи и в самой необходимости ее осуществления большую роль играет лексическая семантика слов. Есть слова, которые по своему значению сами по себе достаточны для называния какого-либо определенного явления, предмета, процесса, признака; таких слов большинство. Но есть и слова, которые обязательно требуют распространителей, обеспечивающих определенность и однозначность называния, полноту обозначения, и не употребляются а б с о л ю т и в н о, т. е. без зависящих от них форм других слов, без распространителей. Например, сопоставление глаголов *гулять* и *находиться* или *стать* ‘сделаться’ показывает, что глагол *гулять* сам по себе достаточен для называния определенного действия; глаголы же *находиться* или *стать* сами по себе не могут быть полными обозначениями состояния или действия и обязательно требуют распространяющей зависимой формы (*находиться где, у кого, стать кем, каким*); существительное *дело* в знач. ‘работа, деятельность’ с достаточной определенностью называет соответствующее явление и не требует обязательного распространителя (*заняться делом, найти себе дело, много дел, ответственное дело*); однако это же слово в знач. ‘обстоятельство, положение вещей’ обязательно требует распространителя или (в предложении) модальной характеристики: *странное дело, веселенькое дело; Ну и дела! (Дела!)*.

Слова, которые в силу своего лексического значения обязательно требуют зависимой формы с содержательно раскрывающей, информативно восполняющей функцией и практически не употребляются абсолютивно, в дальнейшей будут называться информативно недостаточными словами. Специфика связей этих слов состоит в следующем: 1) зависимое слово всегда имеет более конкретное, более определенное лексическое значение, чем слово, грамматически главенствующее; 2) соединившиеся компоненты с точки зрения смысловой, собственно содержательной, в этом сочетании не обладают свойствами раздельности: главное слово, в силу абстрактности своего значения недостаточно информативное, восполняется зависимой словоформой, обеспечивающей информативность так образовавшегося сочетания.

К информативно недостаточным словам относится, напр., такое существительное, как *род* в знач. ‘нечто вроде’, всегда требующее зависимой формы в род. п. (*род недуга*); рассмотренное выше слово *дело* в знач. ‘обстоятельство, положение вещей’; слово *вещь* в том же значении (*у нас происходят странные вещи*), такие глаголы, как *быть, состоять, стать, сделаться, оказаться* (*быть, состоять, стать, сделаться начальником, оказаться добряком*; здесь и ниже иллюстрации показывают те значения глаголов, о которых идет речь); *обернуться* (*обернуться бедой*), *слыть* (*слыть колдуньей*), *выглядеть* (*выглядеть хорошо, плохо, выглядеть большим*), *веять* (*веет прохладой*), *весить* ‘*иметь вес*’, *выдать* (*выдать себя за жениха*), *при-*

нять (принять приезжего за иностранца), превратиться (превратиться в ворчуна), относиться (хорошо относиться к людям, относиться к числу скептиков), отличать ('быть характерной чертой кого-чего-н.': стихи отличает оригинальность), отличаться ('выделяться каким-н. характерным признаком': он отличается выносливостью), обойтись (обойтись в сто рублей, плохо обойтись с соседом), свестись (свестись к пустякам); числительные, употребленные для обозначения меры количества (два дома, семь учеников, десять тетрадей), и некоторые другие слова.

Информативно недостаточные слова по своим значениям и связям могут быть противопоставлены всей основной массе знаменательных слов как словам информативно достаточным. Однако и среди этих последних выделяются целые категории слов с высокой степенью регулярности или предсказуемости тех или иных связей. Таковы слова, называющие действие (или состояние, представленное как действие, процесс), которое обязательно предполагает предмет своего непосредственного приложения; эти слова регулярно распространяются формой, специально предназначенной для обозначения такого предмета: *читать книгу, чтение книги, любить детей, думать о Родине, говорить о делах*. В этом случае речь идет о регулярном обозначении предмета специально для этого предназначенной зависимой формой. С другой стороны, выделяются слова, называющие такие процессы и явления, которые обычно в естественно предполагают обстоятельственную характеристику, указание на пункт приложения, осуществления, направления: *жить в деревне, жизнь в деревне, ехать в лес, поездка в город, уйти из школы, пойти домой, убежать из дома, плыть к берегу, сидеть на скамейке*. В этом случае речь идет о высокой степени предсказуемости обстоятельственных распространителей. В отличие от слов информативно недостаточных, слова с грамматически регулярными и высоко предсказуемыми связями свободно могут употребляться и абсолютно.

§ 1725. Русский язык обладает разными формальными средствами выражения подчинительной связи. Эти средства группируются в три основных вида (с дальнейшими разновидностями, которые рассматриваются ниже в специальных главах).

Первый вид формального выражения зависимости — это уподобление формы зависимого слова формам слова главенствующего; такое уподобление осуществляется в тех случаях, когда зависимое слово изменяется по падежам, числам и родам (это — имя прилагательное, включая местоименные прилагательные, порядковые числительные и причастия), по падежам в числам (это — имя существительное) или по падежам, кроме им. п. и, за некот. исключ., вин. п. (числительные); напр.: *новый дом (нового дома, новому дому...), опоздавшие пассажиры, мой брат, первый рейс; дом-башня, завод-гигант; трех столов, четырьмя столами, несколькими спортсменам*. Условием для образования такой связи является

возможность совпадения у соединяющихся слов падежа, числа и рода — при зависимости прилагательного, или падежа и числа либо только падежа — при зависимости существительного (*дом-баиня, в доме-баине... , ясли-новостройка, в яслях-новостройке...*).

Второй вид формального выражения зависимости — постановка зависимого слова в форме косвенного падежа без предлога или с предлогом; главным словом при такой связи может быть слово любой части речи, а зависимым — существительное (включая местоимение-существительное, количественное и собирательное числительное): *читать книгу, сердиться на ученика, въехать во двор, сойти за жениха, следить за приборами, находиться в городе, работать за семерых, приезд отца, покупка дома, награда победителям, экзамен по математике, город на Волге, способный к наукам, наедине с собой, сильнее смерти, некто в маске, первый с краю*. Степень регулярности таких связей, их обязательности или необязательности, вероятности их реализации при том или ином слове в разных случаях различна: она определяется многими условиями; характер отношений между соединившимися словами также оказывается в разных случаях различным. Однако формальный способ выражения зависимости — присоединение к слову падежной формы имени — во всех случаях совпадает.

Примечание 1. Внутри такого формального способа выражения зависимости есть один частный случай, когда присоединение зависимой формы сопровождается ее своеобразным уподоблением главенствующему слову. Это те случаи, когда предлогом дублируется префикс глагола или имени, словообразовательно соотносительного с глаголом (далее такие имена будут называться глагольными): *въехать в город, сбежать с горы, наскочить на ограду, подлезть под изгородь, забежать за дом, отскочить от стены, дотянуться до ветки, въезд в город, мятина в цистерне, наклеивание (этикеток) на коробки*; см. об этом § 1740–1744.

Примечание 2. В предложении место зависимого существительного очень часто оказывается занято прилагательным: *сердится на непонятливых, следите за бегущими, старый шалаш развалился, построим новый, малыш, а сильнее десятилетнего*.

Третий вид формального выражения зависимости — присоединение к главенствующему слову такого слова, которое не имеет форм изменения: наречия, неизменяемого прилагательного, а также компаратива, инфинитива или деепричастия, которые синтаксически ведут себя как самостоятельные слова. Главным словом при этом может быть глагол, существительное, прилагательное, количественное числительное, а также — при сочетаниях с наречием или компаративом — местоимение-существительное. При этом виде связи формальным показателем зависимости служит сама неизменяемость зависимого слова, а внутренним, семантическим показателем — возникающие отношения: *бежать быстро,*

поворот направо, цвет беж, шинель внакидку, золотистый сбоку, шестой слева, трое наверху, приказ наступать, решиться уехать, поступить умнее, люди постарше, кто-нибудь поопытнее.

§ 1726. При всех видах подчинительной связи между соединившимися словами возникают те или иные отношения. Эти отношения неоднородны. Главное слово всегда так или иначе дополняется, конкретизируется зависимой формой. Однако в одних случаях это дополнение и конкретизация имеет собственную семантическую характеристику (см. ниже гр. 1 и 2), а в других случаях значимая сторона связи не устанавливается и отношения являются только информативно восполняющими (гр. 3). В наиболее обобщенном виде отношения, возникающие при подчинительных связях слов, предстают в следующем виде.

1) **Объектные отношения**, т. е. отношения между называемым в слове действием или состоянием и тем предметом (в широком смысле этого слова), на который направлено действие или с которым сопряжено состояние. Таковы, например, отношения в сочетаниях *писать письмо, думать о делах, подарить другу альбом, следить за приборами, покупка дома, разговор о спектакле, сердит на сына, готовность к борьбе*. В «Русской грамматике» термин «объект» (и, соответственно, «объектные отношения») употребляется в широком смысле — для обозначения предмета (существенно предмета, явления, лица) в его обращенности к тому действию (деятельности, процессуальному или непроцессуальному состоянию), которое на этот предмет направлено. Эта обращенность в языке показана формально: в присловных связях объект выражается косвенным падежом существительного (о случаях выражения объекта инфинитивом см. § 1777). Обращенность к предмету, направленность на него не равна воздействию на этот предмет: смысловые отношения здесь сложнее. Например, в таких случаях, как *чинить мотор* или *бранить озорника* за грамматическим объектом стоит предмет непосредственного воздействия; однако в таких случаях, как *радоваться игрушке* или *сердиться на сына* в форме грамматического объекта сосредоточено уже значение предмета, к которому обращено эмоциональное состояние и, одновременно, предмета, вызвавшего, стимулировавшего это состояние; в таких случаях, как *восхищаться слушателей, полюбоваться зрителям, сниться ребенку* в грамматическом объекте сосредоточены значения как предмета, к которому направлено названное в глаголе процессуальное состояние, так и, одновременно, предмета, испытывающего состояние ('слушатели восхищаются', 'зрители полюбили', 'ребенок видит во сне'). Такие значения рассмотрены в § 1970.

2) **Определительные отношения**, т. е. отношения, при которых предмет, явление, действие, состояние, признак определяется со стороны своего внешнего или внутреннего качества, свойства, принадлежности, а также получает различные обстоятельст-

венные характеристики: *отцовский дом, дом отца, новый парк, парк у озера, жить в городе, жизнь с городе, Москва с птичьего полета, город ночью, идти медленно, ехать на большой скорости, езда на большой скорости, ночёвка по-походному, совет друга*. Определительные отношения могут быть или собственно определительными (зависимая форма отвечает на вопросы *какой? чей? который?*) или обстоятельственно-определительными (зависимая форма отвечает на вопросы *как? каким образом? когда? с каких пор? до каких пор? где? куда? откуда? зачем? почему? при каких условиях?* и другие вопросы обстоятельственных значений).

Одним из видов определительных значений являются отношения субъектные, возникающие при сочетании имени, называющего действие, состояние или свойство, с родительным падежом имени, называющего производителя действия или носителя состояния, свойства: *приезд отца, отчаяние матери, белизна снегов*. Такие отношения называются субъектно-определительными.

Примечание. В дальнейшем изложении термином «определительные отношения» могут обозначаться все виды определительности. Частные виды обстоятельственных определительных отношений могут обозначаться как отношения «пространственные», «временные», «целевые», «причинные», «способа» или «образа действия», «условия» и др. (см. § 1781–1804).

3) Отношения информативного восполнения или **восполняющие**, при которых зависимое слово не несет ни объектного, ни определительного значения, а содержательно не обходимо **восполняет** собою главенствующее слово, т. е. образует вместе с ним минимальное информативно достаточное словосочетание. Такие отношения возникают прежде всего при информативно недостаточных словах (см. § 1724).

Примечание. В отдельных случаях отношения информативного восполнения возникают и при информативно достаточных словах, способных употребляться абсолютно. Это случаи закрытой или ограниченной сочетаемости, близкой к фразеологизации, такие, как *закатиться плачем, смехом; обрести мохом, волосами, бородой...*; *пахнуть сеном, табаком, дымом...*; *болеть гриппом, тифом...*; сюда же относятся некоторые случаи сочетания глагола с инфинитивом: *благоволите ответить, извольте подчиниться, не преминул напомнить* (см. § 1776).

Дальнейшая дифференциация отношений опирается, во-первых, на разграничение разных видов объектов (например, объект конкретного действия, объект мысли, объект речи, объект-орудие, объект-адресат), во-вторых, на разграничение разных значений определительности. Однако главная сложность системы отношений, возникающих при подчинительных связях, состоит не в многообра-

зии разных видов объектов и определителей, а в том, что названные три вида отношений постоянно взаимодействуют друг с другом и этим создаются комплексные, диффузные отношения, т. е. отношения, которые совмещают в себе значения восполняющие и определительные, восполняющие и объектные, объектные и определительные, а в некоторых случаях — и те, и другие, и третьи одновременно. Связи, несущие в себе эти нерасчленённые, комплексные значения, обнаруживают одновременно признаки как тех, так и других отношений, например, в случаях типа *наскочить на препятствие, залететь за облака, добраться до избышки* совмещаются отношения, во-первых, восполняющие, поскольку глагольная приставка *на-, за-, до-* требует восполнения косвенным падежом с предлогом *на, за, до* (что не исключает возможных связей этих глаголов и с другими зависимыми формами); во-вторых, объектные, поскольку зависимые формы здесь везде обозначают предмет приложения действия; в-третьих, определительные (обстоятельственные), так как данные зависимые формы несут в себе свое собственное — обстоятельственное (пространственное) значение. В случаях типа *находиться в доме (дома), пребывать на посту (здесь)* совмещаются отношения определительные (обстоятельственные) и восполняющие; в случаях типа *книгам враг* ([Чацкий:] *А тот, чахоточный, родня вам, книгам враг... Гриб.*); *ровесник брату, отец солдатам* (*Полковник наш рожден был хватом, слуга царю, отец солдатам... Лерм.*) совмещаются отношения объектные и определительные (одинаково возможна постановка вопросов: *ровесник кому? и чей? отец кому? и чей?*); в случаях типа говорить перед аудиторией, речь перед собравшимися совмещаются отношения объектные и определительно-обстоятельственные (пространственные); в случаях типа *сходить за врачом, идти по ягоды* (прост. и устар.) также совмещаются отношения объектные и определительно-обстоятельственные (целевые). Так возникают комплексные отношения: определительно-восполняющие, объектно-восполняющие, обстоятельственно- и объектно-восполняющие, объектно-определительные.

Неразграниченность, комплексность отношений всегда создается взаимным действием разных свойств слов — их грамматических и лексических значений.

Таким образом, смысловая сторона подчинительных связей, характер стоящих за ними отношений — очень различны, неоднородны. Однако у всех этих отношений есть одна общая черта, противопоставляющая их том отношениям, которые возникают в предложении между его главными членами: ни восполняющие, ни объектные, ни определительные отношения не формируют сообщения: они не относят образовавшуюся на их основе синтаксическую единицу в какой-либо временной план, не соотносят потенциально заключенную в этой единице информацию с каким-либо протекающим во времени отрезком действительности (см. § 1894).

§ 1727. В зависимости от того, какие свойства слова предопределяют связь и в каком соотношении друг с другом они находятся, подчинительная связь может быть более обязательной или менее обязательной; в то же время осуществление связи может быть или строго ограничено определенными условиями, или такие ограничения минимальны. Разная степень обязательности или необязательности связи, а также разные условия, ограничивающие связь, в сочетании с характером возникающих отношений являются основаниями для разграничения сильных и слабых подчинительных связей.

При сильной связи всегда реализуются восполняющие или объектные отношения, а также нерасчленённые объектно-восполняющие или объектно-обстоятельственно-восполняющие отношения (см. § 1726). Во всех случаях распространения информативно недостаточных слов, при любой грамматической форме подчинения, возникает связь, обязательная с точки зрения лексико-грамматических свойств главенствующего слова и ограниченная самими списками этих слов (см. § 1724). Возникающие при этой связи восполняющие отношения всегда свидетельствуют о сильной подчинительной связи. Сильная связь возникает, далее, во всех тех случаях, когда лексико-грамматическими свойствами слов предсказано их распространение формами с объектным значением. Например, свойства глагола *избрать* — его значение как части речи (процессуальность) и его переходность требуют зависимой формы с объектным значением: в сочетании *избрать депутата* реализуется сильная связь; свойства существительного *обработка* — его значение как части речи (предметность) и его мотивационные отношения с переходным глаголом (*обработать* — *обрабатывать*) требуют зависимой формы с объектным значением: в сочетании *обработка информации* осуществляется сильная связь; свойства глагола *велеть* — его грамматическое (процессуальное) значение и его лексическая семантика (знач. адресованного волеизъявления) требуют двух зависимых форм: формы с объектным значением (*велеть кому*) и формы со знач. объектно-восполняющим (*велеть что: делать / сделать что-н.*): в сочетании *велеть сыну учиться* осуществляется сильная связь (о двойной сильной связи см. § 1729). Из приведенных примеров видно, что для осуществления сильной связи требуется не только принадлежность главенствующего слова к определенной части речи, но и действие других свойств слова: его морфологического значения или морфемного состава (см. в § 1726 о связи типа *залететь за облака*) и его лексической семантики.

При слабой связи, т. е. тогда, когда связь предопределяется только принадлежностью главенствующего слова к определенной части речи, реализуются определительные отношения. В таких случаях, как *новый дом*, *очень хороший*, *ехать быстро*, *ждать час*, *опоздать из-за электрички*, *дом у дороги*, *комната на двоих*, *крыш-*

ка чайника, дом отца синтаксическая связь предопределяется принадлежностью главенствующего слова к той или иной части речи: слову достаточно быть существительным для того, чтобы оно могло соединиться с определяющими его прилагательным или с другим существительным в форме косвенного падежа; любой глагол способен определяться наречием или предложно-падежной формой имени с обстоятельственным значением.

Сильные и слабые связи, в большинстве случаев четко и определенно противостоящие друг другу, в то же время не разделены непроходимой гранью: у них есть точки соприкосновения, взаимодействия, и результатом этого взаимодействия является существование в языке определенного круга таких присловных зависимостей, которые совмещают в себе признаки сильной и слабой связи. Это — все случаи, когда в возникающих отношениях совмещаются значения объектное и определительное (*лечится уколами — чем? и как?; лечение гипнозом — чем? и какое?; гимн труду — чему? и какой?; добывать хлеб трудом — чем? и как, каким способом?*) или восполняющее и определительное (*находиться поблизости*). Связи, характеризующиеся такими двойственными отношениями, имеют признаки как сильных, так и слабых связей.

§ 1728. В современном русском языке традиционно выделяется три вида подчинительной связи: согласование, управление и примыкание. При разграничении и определении этих связей должны приниматься во внимание не только строго формальные виды соединения, но и неотделимая от этих видов значимая сторона связи, т. е. возникающие на её основе отношения, а также фактор силы или слабости связи.

С о г л а с о в а н и е — это подчинительная связь, которая выражается уподоблением формы зависимого слова форме главенствующего слова в роде, числе и падеже, либо в числе и падеже, либо только в падеже, и означает отношения собственно определительные: *новый дом, кто-то чужой, дом-башня, ясли-новостройка*. Согласование является слабой связью. Главным словом при согласовании может быть существительное, местоимение-существительное и количественное числительное в форме им.-вин. п. При информативно недостаточных словах согласование совмещает определительное значение со значением восполняющим и таким образом приобретает признаки сильной связи: *веселенькое дело, непостижимые вещи*.

У п р а в л е н и е — это подчинительная связь, которая выражается присоединением к главенствующему слову существительного в форме косвенного падежа (без предлога или с предлогом) и означает отношения восполняющие или объектные либо контаминированные: объектно-восполняющие или объектно-определительные. Связь управления может быть сильной и слабой. При с и л ь н о м у п р а в л е н и и возникают отношения восполняющие или объектные либо их контаминации (в эти контаминации могут включаться и

обстоятельственные отношения): *стать ученым, пребывать в неведении, мастак на выдумки, склонный к размышлениям, два студента, наедине с собой; читать книгу, покупка дома, сердитый на всех; нарваться на грубость; добраться до дома, съехать с горы.* Управление, при котором объектные отношения контаминируются с определительными (напр.: *пилить пилой, гимн труду*), принято относить к слабому управлению. Главным словом при управлении может быть знаменательное слово любой части речи.

Примыкание — это подчинительная связь, существующая в двух видах, из которых каждый получает самостоятельное определено. Различается примыкание в узком смысле слова (или собственно примыкание) и примыкание в широком смысле слова (падежное примыкание). **Собственно примыкание** — это связь, при которой в роли зависимого слова выступают слова неизменяемые: наречие, неизменяемое прилагательное, а также инфинитив, компаратив или деепричастие. При этом могут возникать различные отношения: при примыкании инфинитива — восполняющие (*умудриться упасть*), объектные (*учиться рисовать, согласиться поехать*), или обстоятельственно-определительные (*зайти поговорить*); при примыкании наречия, деепричастия или компаратива — определительные (*говорить медленно, читать быстрее, необычайно интересный, город ночью, второй слева*) или определительно-восполняющие (*находиться поблизости, обойтись дорого, числиться здесь, становиться умнее*); при примыкании неизменяемого прилагательного — собственно определительные (*цвет индиго, волны цунами, юбка мини, мальчик постарше*). Примыкание неизменяемых слов может быть сильным — при восполняющих и объектных отношениях, или слабым — при определительных отношениях. Главенствовать при этой связи может знаменательное слово любой части речи.

Падежное примыкание — это присоединение к знаменательному слову (любой части речи) падежной (без предлога или с предлогом) формы имени с определительным значением: *приехать пятого мая, прийти к вечеру, ложка из дерева, город на Волге, домик в два окошка, серый в клеточку, красивый лицом* (разг.), *крышка чайника, впереди на шаг, кто-то в голубом, первый в шеренге*. При падежном примыкании возникают отношения определительные, субъектно-определительные или — при информативно недостаточных словах, требующих обстоятельственного распространителя, — обстоятельственно-восполняющие (*находиться на берегу, числиться на заводе, обойтись в сто рублей, задолго до рассвета*). Таким образом, при информативно недостаточных словах падежное примыкание, как и согласование, может быть сильной связью.

Традиционно в описательных грамматиках падежное примыкание относится к слабому управлению. Однако мысль о необходимости разграничения этих связей развивалась многими исследователями начиная с А. А. Потебни. При управлении связью действительно

управляет целый комплекс лексико-грамматических свойств слова. При падежном примыкании связь предсказана только значением главного слова как части речи (исключение составляют несколько требующих обстоятельственного распространителя информативно недостаточных слов), и возникающие отношения носят более конкретный характер, чем при управлении; за исключением объектного инфинитива, это — те же определительные или восполняющие отношения, которые принадлежат собственно примыкающим формам (ср.: *говорить запинаясь и с запинкой, находиться дома и в доме, приехать утром и к утру, обойтись дорого и в сто рублей*). Связь управления охватывает хотя и очень широкий круг слов, но все же такой, который может получить определенные грамматические и лексико-семантические характеристики. Что касается связи падежного примыкания, то для нее как для вида связи в целом какие-либо специальные грамматические или лексико-семантические ограничения отсутствуют. Далее, как это будет показано ниже, при управлении и при падежном примыкании различествуют значения самих зависимых форм: при управлении эти значения более абстрактны, при падежном примыкании — более конкретны (их иногда квалифицируют как «неграмматические»). Все это показывает, что объединение управления и падежного примыкания под общим названием «управления» уводит от познания внутренних различий этих подчинительных связей.

Е. С. Скобликова

Широкое понимание управления¹

§ 13. Недостатками в оценке различных аспектов научного анализа можно объяснить тот факт, что вместо теоретического обоснования и уточнения традиционного учения о согласовании, управлении и примыкании как способах «словосочинения» при новой трактовке управления и примыкания основы этого противопоставления оказались разрушенными.

Разграничение согласования, управления и примыкания в прежних, традиционных (точнее, почти традиционных) рамках отнюдь не является изжившим себя, ненужным, неактуальным. Но оно нуждается в уточнении научной интерпретации с учетом современного уровня синтаксической теории и уровня фактических исследований.

Большая роль форм слов в синтаксической организации связной речи никем не оспаривается. А вопрос о традиционных согласовании, управлении и примыкании — это вопрос о том, как именно участ-

¹ Печатается по: Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971.

вуют эти формы в организации связной речи; с какими особенностями словоизменения и формообразования связано включение знаменательных слов в словосочетание и предложение.

«В практике речевого общения, — пишет С. Д. Кацнельсон, — переход от формы слова к форме словосочетания необходимо совершается каждый раз при помощи давно известных в науке приёмов согласования, управления и примыкания»¹. Изучение «перехода от флективных форм к формам словосочетания» С. Д. Кацнельсон считает предметом особого раздела грамматики — «синтаксической морфологии»².

Естественно, что способ включения знаменательного слова в синтаксические конструкции связной речи зависит от грамматических особенностей каждого языка. В русском языке все изменяемые формы прилагательных и слова, аналогичные прилагательным по характеру словоизменения, а также личные глаголы воспроизводят в своих формах категории господствующего слова. Этот грамматический прием называется согласованием.

Все существительные и любые слова с субстантивным значением могут быть введены в словосочетание и предложение только посредством постановки в определенном падеже с предлогом и без предлога. Этот способ формального включения слов в синтаксические построения и получил в традиционной лингвистике название управления. <...>

Есть основания говорить о неудачности этого термина, о неправомерности традиционного определения управления, о различной совокупности факторов, которые определяют выбор падежной или предложно-падежной формы в разных конструкциях, но существование и специфичность этого способа синтаксической организации являются объективным фактом.

При включении в любое синтаксическое построение морфологически неизменяемых наречий вопрос о выборе для них определенной формы не стоит: они входят в синтаксическую конструкцию в своей «готовой», единственно возможной форме. Здесь осуществляется лишь лексический выбор. Это принципиально иной способ синтаксического использования слова, способ, не связанный с грамматическим приспособлением знаменательного слова к потребностям связной речи.

Таким образом, выделение согласования, управления и примыкания отражает объективные различия тех способов синтаксической организации слов, которые связаны с характером их словоизменения и формообразования: «Каждое слово входит в предложение как опреде-

¹ Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1948. № 2. С. 124.

² Там же. С. 133. Аналогичная идея была провозглашена А. В. Добиашем. См.: Добиаш А. Б. Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897. С. 62–64.

ленная часть речи, и как определенная часть речи оно ограничено в своих формах словоизменения и связях»¹, — пишет С. И. Груздева.

Поэтому традиционная схема не требует коренной перестройки, зато ее теоретическая трактовка и обоснование нуждаются в существенных уточнениях.

ПОНЯТИЕ «ДЕТЕРМИНАНТ»

- Задания.** 1. На основе анализа работ Н. Ю. Шведовой объясните, в чем заключается отличие детерминантов от присловных распространителей?
2. Какие признаки детерминантов выделяет Н. Ю. Шведова в приведенных статьях?

Н. Ю. Шведова

Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения²

<...> Детерминирующим объектом назовем падежную форму, обозначающую лицо или предмет, связанные с предикативной основой предложения отношением направленности, значением отнесенности (в широком смысле). Детерминирующий объект может быть выражен дат. беспредложным (*Груббиям не место в футболе; Артисту удалось захватить зрителя своей игрой. Сыну исполнился*

¹ Груздева С. И. О связях слов в предложении // Вопросы грамматического строя и словарного состава языка. Вып. 2 // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. № 161. Вып. 18. 1952. С. 40. Ср. аналогичную трактовку: Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959. С. 199; Белый В. В. К вопросу о словосочетании // НДВШ. Филологические науки. 1960. № 4. С. 114–116; Прияткина А. Ф. К вопросу о видах синтаксической связи // Материалы VII научной конференции ДВГУ. Владивосток, 1962. С. 159; Ильенко С. Г. О структурном соотношении главного и придаточного в системе сложноподчиненного предложения // Проблема второстепенных членов предложения // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена». 1963. Т. 236. С. 398; Vaschenko V., Oita J., Mangus N. Limba rusa literara contemporana. Bucuresti, 1963. С. 458 и др.

² Печатается по: Вопросы языкознания. 1964. № 6.

год; *Хозяину* мало было собственного дома. *Мне* больно; *Ему* теперь хоть трава не расти); сочетанием твор. падежа с предлогом с (*Со мной* недавно было смешное приключение; *С ней* обошлись невнимательно; *С погодой* не везет; *С ним* не до шуток); сочетанием род. падежа с предлогом у¹ (*У этого писателя* уже опубликован сборник рассказов; *У волейболистов* победила женская команда столицы; *У тебя* нет другого выхода); сочетанием род. падежа с предлогом для (*Странный это был день для Павла*; *Для родителей ты* опять мальчишка); сочетанием твор. падежа с предлогом между (*Между друзьями* произошла ссора; *Между отцом и сыном* недоразумения); сочетанием дат. падежа с предлогом по отношению к (*По отношению к нему* мы допустили бестактность)².

Детерминирующее обстоятельство определяет предложение по характеру и условиям проявления предикативного признака. Обозначая место, время, причину, цель, соответствие или несоответствие чему-либо, следствие и др., детерминирующее обстоятельство выступает в форме наречий или падежных форм, совпадающих с именным компонентом двучленного словосочетания с необязательной связью. Систематизация детерминирующих обстоятельств по значениям внешне накладывается на семантическую систематизацию наречий³. Для удобства обозрения, однако, можно разделить детерминирующие обстоятельства на несколько групп в зависимости от их центрального значения. Это следующие значения: место (*Со стороны центрального здания* доносится свисток; . *При автопрокате* создаются общественные советы; *У берега* по льду еще можно ездить на тракторе; *По всему лесу* раздаются голоса; *За окном* стемнело; *На часах* было начало одиннадцатого; *В границах от Волгограда до Сухуми* проведены посевы риса); время (*До войны* он был плотник; *После техникума* ее послали на ферму; *С начала тридцатых годов* писатель сотрудничает в газете; *К вечеру* добрались до озера; *По окончании университета* он уехал в деревню; *Мы в юности* часто мечтали о полетах на другие планеты; *Много веков* человек был

¹ Подробный анализ этих конструкций см.: Mrázek R., Brym J. Sémantika a funkce ruského genitivu s predložkou u // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. 1962. IX. Řada jazykovědná. 10.

² Этот и последующие перечни не исчерпывают всех падежных форм, входящих в данный тип детерминирующего члена предложения: в задачу статьи не входит составление полного их перечня. Однако такой перечень может быть составлен; в частности, и предлагаемое в данном разделе описание опирается на имеющиеся у автора более полные и — с точки зрения формальных признаков — более детально систематизированные материалы.

³ См. у Е. Куриловича: «Во вторичной функции все конкретные падежи изофункциональны и, следовательно, не образуют семантической системы. Если группировать конкретные падежи по их наречным функциям, мы не можем отвлечься от функции всех прочих наречий» (Курилович Е. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 193).

привязан к Земле; **При жизни отца** семья не знала забот; **Малышом** он мечтал о многих профессиях; **Вечерами** геологи долго не расходятся по палаткам); причину (**От испуга** ребенок не мог говорить; **Из-за отсутствия помещения** нет возможности работать; **За недостатком слушателей** рассказчику пришлось умолкнуть; **Из пустяков** не стоит поднимать шум; **Ввиду износа агрегат** заменен); соответствие или несоответствие, основание, касательство (**В погоне за цифрой** забывают о качестве; **В связи с семидесятилетием** ученый награжден орденом; **В честь юбиляра** был устроен банкет; **В свете предстоящих стартов** чемпионат приобретает особое значение; **По проекту** здесь вырастет коксохимический завод; **Со зрелищной точки зрения** поединки молодых мало чем уступают играм всесоюзного календаря; **В представлении неискушенных** лесник — это сторож с берданкой; **С формальных позиций** все законно; **Вопреки предсказаниям моего спутника** погода прояснилась); цель, назначение (**Корысти ради** этот человек готов на все; **В целях выполнения обязательств** обеспечено своевременное проведение работ; **В порядке опыта** модель выставлена в витрине магазина; **Для повышения надежности безопасного возвращения** на корабле установлено ручное управление; **В обеспечение плана** на завод прислали новые станки; Будем бдительны **во имя мира**); следствие, возмещение (**С переходом на новую рецептуру** получен выигрыш в ассортименте изделий; Люди понимают важность проблемы — **отсюда** гарантия успеха; **За заслуги перед государством** награждена орденами группа конструкторов; **В результате общих усилий** достигнуты большие успехи; **Вследствие аварии** механизмы остановлены); условие и уступка (**В создавшихся условиях** нам разумнее расстаться; **При всех его достоинствах** он мне не нравится; **Несмотря на успехи**, впереди еще много дела); отключение, отчленение или включение, присоединение, замещение (**Все дети в школе, вне зависимости от заработка родителей**, получают горячие завтраки; **За исключением нескольких человек**, весь класс был в сборе; **Вместо настойчивого выполнения своих же решений**, организации проводят многочисленные заседания; **В отмену прежнего решения** принято новое постановление); сравнение, сопоставление (**В отличие от первого матча**, команда играла плохо; **Подобно метеоритам**, корабль может сгореть; **Мои заботы ничто рядом с заботами радиста**); сопровождение, сопутствие (**Вместе с успехами** есть много недостатков; **Нарушители предаются суду со всеми вытекающими отсюда последствиями**; **Отдал дом в распоряжение города с просьбой использовать его под детский сад**); наконец, довольно пеструю группу составляют детерминирующие обстоятельства, с той или иной стороны конкретизирующие, уточняющие или ограничивающие сообщение, в основной своей массе совпадающие с тем, что школьная грамматика называет

«обстоятельством образа действия» (*С его поддержкой вошел в литературу талантливый сказочник; При переполненных трибунах прошли встречи футбольного чемпионата; Наша литература в нелегком труде, в спорах ищет своего героя; Под знаком острейшей борьбы прошел первый день дискуссии; То и дело открывается дверь; Снова и снова гремят овации; В ожидании интерната ребята перестали ездить в школу; По форме он как бы и прав, а по существу губит дело; За счет использования отходящих газов здесь будут вырабатываться удобрения; Путем подкупа дельцы избегают контроля; В виде опыта подписка проводится по новой системе*).

Как видно, семантическая классификация детерминирующих обстоятельств очень приблизительна и зыбка. По-видимому, она не может быть иной: чем более четкой, точной — а значит и дробной — мы будем стремиться ее представить, тем дальше придется «уходить в лексику» и удаляться от синтаксиса.

<...> Чтобы не сойти с «синтаксической почвы», нужно прежде всего попытаться ответить на вопрос, почему все описанные выше распространители предложения являются формами, относящимися к предложению в целом, и не могут быть рассмотрены как формы, непосредственно зависящие от глагола, т. е. как компоненты глагольно-именных словосочетаний со слабым управлением.

В предложении, распространяемом детерминирующим членом, глагол может быть и его может не быть. В тех случаях, когда глагол присутствует, есть возможность усмотреть формальную и смысловую зависимость распространителя не от предложения в целом, а от глагола (ср.: *Под Орлом я узнал эту историю; Решающие победы в развитии науки мы одержали именно в это десятилетие* и под.); так обычно и делается в огромном большинстве описаний временных, пространственных и т. п. словосочетаний.

Первым, самым общим и, может быть, формально наименее убедительным аргументом против понимания детерминирующего члена как формы, связанной только с глаголом и им слабоуправляемой, может служить его место в предложении: как правило, детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство находится в начале предложения, реже — в конце и в середине предложения — непосредственно после подлежащего; ср.: *В финале московский «Спартак» встретился с воскресенским «Химиком» — Московский «Спартак» в финале встретился с воскресенским «Химиком» — Московский «Спартак» встретился с воскресенским «Химиком» только в финале*. Можно привести многие десятки примеров, иллюстрирующих именно начальную позицию детерминанта как норму. При этом случаи расположения детерминирующего члена в абсолютном начале предложения составляют подавляющее большинство. Следовательно, с уверенностью можно констатировать отсутствие тяготения распространителей предложения к глаголу и, напротив, явное тяготение их к началу предложения, с которым в целом они соеди-

няются свободной присоединительной связью. Против этого тезиса может быть выдвинуто то возражение, что и в словосочетаниях даже с обязательной связью в структуре предложения зависимое имя не обязательно находится непосредственно при глаголе и путем вынесения в начало или в конец предложения может быть от глагола отделено, ср.: *учить детей, натерпелся страху* и *Детей нужно учить, Страху мы натерпелись в лесу* или: *Учить нужно детей, Натерпелись мы в лесу страху*. Однако в этих случаях дистантное расположение сильноуправляемого имени и глагола обязательно связано с особыми задачами актуализации, а при отсутствии таких задач общеязыковой нормой является включение в предложение словосочетания с контактным расположением компонентов: *В лесу мы натерпелись страху; Нужно учить детей*. Если обратиться к позиции детерминантов, то обнаружится, что в отличие от рассмотренных случаев, передвижение их в составе предложения не связано с задачами актуализации (такую актуализацию можно усмотреть лишь в некоторых случаях расположения детерминирующего члена в конце предложения, о чем см. ниже).

Слабая изученность собственно грамматических норм словорасположения и зыбкость критериев того, что называется «актуальным членением» не позволяют оперировать данными порядка слов как строго доказательными аргументами в пользу того тезиса, что те падежные формы, которые мы называем детерминантами, не являются компонентами глагольно-именных словосочетаний со слабым управлением. Однако здесь могут иметь значение некоторые дополнительные аргументы.

Во-первых, далеко не все детерминирующие члены, находящиеся в начале предложения, свободно передвигаются внутри его структуры: иногда такое передвижение влечет за собой изменение самого характера связи и, следовательно, невозможно. Таковы случаи, когда детерминант, будучи перенесен из начала в конец предложения, оказывается в непосредственном соседстве с существительным, с которым он как бы автоматически, самим фактом контактирования, устанавливает синтаксическую связь, ср.: *Между друзьями начался крупный разговор* — *Начался крупный разговор между друзьями; При автопрокате создаются общественные советы* — *Создаются общественные советы при автопрокате; <...> На Западе раздаются призывы перейти в наступление в битве идей* — *Раздаются призывы перейти в наступление в битве идей на Западе; <...> В летние месяцы количество желающих во много раз превышает возможности пансионата* — *Количество желающих во много раз превышает возможности пансионата в летние месяцы <...>* и т. п.¹

¹ Изменение функций словоформ, связанное с перестановками, может быть ярко проиллюстрировано на примере некоторых безглагольных именных предложений с детерминирующими обстоятельствами места, времени и некот. др.: будучи перенесены

Во-вторых, формальная возможность перемещения детерминирующего члена из начала в конец предложения в ряде случаев является мнимой, так как тот или иной словоупотребление строго связан с одной из двух форм речи — разговорной или письменной. Так, для письменной речи нормой является позиция детерминанта в начале предложения в конструкциях типа: *Однажды к нам за кулисы пришли иностранные журналисты; Сейчас завершена реконструкция цехов; Теперь лето. Тут нам знакомы все стороны вопроса; Здесь требуется исключительно высокая точность <...>*. Постановка детерминирующего обстоятельства в конце предложения здесь возможна, но только в разговорной речи. Ср. также: *В связи с этим не полностью используются рабочие — Не полностью используются рабочие в связи с этим; У руководителей не было иного выхода — Не было иного выхода у руководителей <...>*. В глагольных предложениях со значением собственно бытия, становления действует противоположная норма: в письменной речи детерминирующий член ставится в конце предложения, в разговорной — в начале, ср.: *Это было давно и Давно это было; Это случилось в скверике перед цирком и В скверике перед цирком это случилось*. Отклонения от такого словоупотребления, естественно, не исключены.

Итак, существуют определенные, довольно простые правила расположения детерминантов в предложении. Эти правила не совпадают с правилами расположения в структуре предложения именных компонентов глагольных словосочетаний со слабым управлением. <...>

Н. Ю. Шведова

Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?¹

<...> В статье о детерминантах 1964 г. нигде не сказано, что названные там их признаки обязательно присущи в с е м детерминантам, что каждый из них обладает в с е м комплексом этих признаков. Если бы это было так, вряд ли бы возникли споры о правомерности самого выделения этой синтаксической категории. В действитель-

в конце предложения, эти детерминирующие члены становятся сказуемыми, и все предложение превращается в двусоставное, ср.: <...> *В каких-нибудь двух шагах — озеро и Озеро — в каких-нибудь двух шагах; Через двадцать минут — австралийская станция Моусон и Австралийская станция Моусон — через двадцать минут*.

¹ Печатается по: Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 39–50.

ности дело обстоит сложнее. Существует, во-первых, группа признаков, свойственных всем детерминантам¹, и, во-вторых, группа признаков, свойственных лишь некоторым из них. К первой группе признаков относятся: 1) нормальная позиция или в абсолютном начале предложения или непосредственно при предикативном ядре (собственно схеме) предложения; 2) способность сочетаться более чем с одной структурной схемой предложения (практически — всегда с несколькими, разными); 3) регулярная сохраняемость во всех формах данного предложения и в его реализациях. Ко второй группе признаков относятся: 1) невозможность грамматической «привязки» детерминанта ни к одному из слов в составе данного предложения; 2) отсутствие системной связи с тем словом, к которому детерминант в составе данного предложения формально может быть отнесен; 3) вхождение в функционально-соотносительный ряд с другими детерминантами того же значения; 4) наличие регулярного смыслового соотношения детерминанта с категорией структурной основы предложения. <...>

Один и тот же детерминант всегда может сочетаться более чем с одной структурной схемой предложения. Так, например, один и тот же локальный, темпоральный, объектный детерминант может распространять двусоставное предложение, односоставное предложение именное, спрягаемо-глагольное, инфинитивное, наречное. Ср.: **В городе ожидается приезд гостей** — **В городе** масса народу — **В городе** есть на что посмотреть — **В городе** никого не найти — **В городе** шумно. Или: **У него** все нехороши — **У него** плохой характер — **У него** хватает дел — **У него** самоуверенности не занимать — **У него** (на уроках) неинтересно. Или: **Войне** близок конец — **Войне** конец! (Конец бы войне!) — **Войне** не предвидится конца — **Войне** не видно конца — (Этой) **войне** никогда не кончиться и т. д.

Из сказанного не следует, что в сочетаемости с разными структурными основами для детерминантов нет никаких ограничений. Эти ограничения существуют, они могут идти как от детерминанта, так и от самого предложения (так, например, ограничено принимают детерминант предложения со значением побудительности или экспрессивно-оценочным, некоторые фразеологизированные струк-

¹ Дополнительное изучение детерминирующих членов предложения убеждает в правомерности разделения обстоятельственных и объектных детерминантов и позволяет выделить внутри обстоятельственных детерминантов следующие группы: 1) локальные (включая и переносные локальные значения), 2) темпоральные (включая темпорально-квантитативные значения), 3) причинно-следственные (повода, основания), 4) цели, 5) обусловленности и уступки, 6) образа действия, 7) соответствия — несоответствия, 8) включения — исключения, 9) сравнения (сопоставления), 10) ограничения (уточнения, сопутствующего обстоятельства). Существенно при этом, что система значений детерминантов не накладывается целиком на систему значений словоформ, вступающих в связь именного примыкания и, тем более, слабого управления.

туры). Весь круг соответствующих вопросов изучен недостаточно или не изучен совсем.

Общим признаком для всех детерминантов служит, как уже сказано, регулярная сохраняемость их во всех формах одного и того же предложения, в одной и той же позиции, например: *В городе масса народу — В городе была масса народу — В городе будет масса народу — В городе была бы масса народу — Пусть в городе будет масса народу — Если бы в городе была масса народу!* или: *У него на уроках неинтересно — У него на уроках было неинтересно — У него на уроках будет неинтересно* и т. д.

Здесь нет ни возможности, ни необходимости останавливаться на всех более частных замечаниях оппонентов: отдельные замечания, касающиеся трактовки некоторых конкретных предложений, должны быть приняты. Однако представляется, что ошибочность самого исходного тезиса о существовании детерминантов как особой категории уровня предложения не доказана, так же, как не доказана и некорректность характеристик их основных признаков.

Высказывалось опасение, что введение понятия детерминанта и пересмотр материалов управления под этим углом зрения покажет «несостоятельность» помет о сочетаемости слов в словарях, внесет путаницу в лексикографическую практику и сделает «проблематичной» задачу составления «словаря сочетаемости»¹. Опасения эти напрасны. Что касается практики помещения в словарях помет о грамматических связях слов, то она уже давно обнаружила свою полную неупорядоченность: разные словари очень часто дают к одному и тому же слову или разные пометы, или — чаще — один словарь дает помету о характере связи, а другой не дает ее (большая или меньшая степень единства здесь может быть констатирована лишь для пометы *кого-что*); один словарь показывает уходящий вид связи как живой, другой его совсем не показывает; новые, активные связи, как правило, совсем не отмечаются нашими словарями, так же как и развивающаяся вариативность связей. Пока грамматика не даст ответ на вопрос, что такое сильная и слабая связь и каковы виды сильной связи, в словарях не будет порядка. Пометы же типа *неймется кому, не чета кому, (не) место кому-чему, незадача с кем-чем* и т. д. показывают связи слов в предикативно-ограниченных значениях (для многозначных слов) или связи собственно предикативов; следовательно, это связи, возникающие на уровне предложения и в словарях лишь проецируемые на слово. Практически такие пометы нужны, но по самому своему существу связи в случаях, например, *поклоняться кому-чему-н.* и *неймется кому, дать (что-н.) ребенку и ребенку здесь не место* внутренне глубоко различны.

¹ Котелова Н. З. О логико-грамматическом уровне в языке // Язык и мышление: сб. М., 1967. С. 130.

Что касается «словаря сочетаемости», то такой словарь, конечно, очень нужен. Но прежде, чем его составлять, следует продумать его теоретические основы. Нужно ответить на вопрос, что такое подчинительная связь слов, чем она предопределена и каково ее отличие от связей, возникающих в предложении. Ответ на этот вопрос может дать только тщательный анализ категориальных свойств слов. Пока мы не разграничим строго и последовательно связи, идущие от слова (именно эти связи и должны найти отражение в «словаре сочетаемости»), и связи, возникающие на уровне предложения <...>, — до тех пор «сочетаемость» будет описываться эмпирически. А время эмпирических описаний на наших глазах уходит в прошлое.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПРИЗНАКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

- Задания.** Прочитайте фрагменты работ А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, И. П. Распопова, Г. А. Золотовой и ответьте на вопросы.
1. Как в истории синтаксиса определялась сущность предложения?
 2. Как в данных работах определяется понятие «предикативность»?
 3. Какие аспекты структуры предложения выделяет И. П. Распопов?

А. А. Шахматов

Синтаксис, его задачи и разделы¹

§ 1. Синтаксисом называется та часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове, иначе — в совокупности внешних знаков, воспроизводимых органами речи и воспринимаемых слухом.

Все, что напряженными усилиями многих ученых выяснено по вопросу о происхождении языка, убеждает в том, что язык возник, как средство общения людей между собою; это общение имело целью сообщение говорящим не названий отдельных представлений, а тех или иных сочетаний представлений, соответствующих душевным его переживаниям, обнаруживающих акты его мышления. Следовательно, словесный знак получили сначала не отдельные восприятия, ощущения, чувства, хотения, а такие сочетания соответствующих им представлений, которые возникали в душе говорящего для обнаружения его воли, для утверждения или отрицания чего-либо; и лишь позже, путем расчленения этих словесных знаков простых или сложных сочетаний, получились слова, означающие отдельные представления. Словесное выражение сочетаний представлений мы называ-

¹ Печатается по: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 17–29.

ем р е ч ь ю; такие сочетания, как звенья непрерывной смены подобных сочетаний в душе говорящего, могут выступать и обнаруживаться как отдельно, так и в составе более или менее сложных сцеплений. Те части человеческой речи, которые соответствуют отдельному сочетанию представлений, называются в синтаксисе п р е д л о ж е н и я м и; отдельному предложению противопоставляется сочетание или с ц е п л е н и е п р е д л о ж е н и й. Как указано, в языке бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились с л о в о с о ч е т а н и я и с л о в а для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения).

Задачей синтаксиса является изучение как п р е д л о ж е н и я, т. е. словесного выражения единицы мышления, так и выделившихся указанным путем словосочетаний и слов, насколько однако эти последние — в своей ли форме или в своем употреблении — не потеряли связи с предложением, сохранив значение ч а с т е й или ч л е н о в п р е д л о ж е н и я. Вне области синтаксиса остаются таким образом только те элементы языка, которые потеряли свою непрерывную связь с предложением, которые, хотя и обнаруживаются в предложении, но могут быть отвлечены от него, не завися ни в своей форме, ни в своем значении от окружающих слов. Эти элементы рассматриваются частью в других частях грамматики (фонетике, морфологии, словообразовании), частью в тех отделах учения о языке, которые посвящены слову, отвлеченному от предложения (лексикология, семасиология).

Синтаксис распадается на несколько отделов: в основном отделе рассматривается учение о предложении и главных его членах; в других отделах рассматривается учение о словосочетаниях и второстепенных членах предложения, а также учение о частях речи. <...>

§ 2. П р е д л о ж е н и е это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления. Психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологической же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем к о м м у н и к а ц и е й¹.

¹ Следую при этом Сведелиусу; см. его интересный трактат, вышедший в Упсале в 1897 году под заглавием «L'analyse du langage appliquée à la langue française». Это дает мне основание отметить здесь, что ниже я для психологических понятий пользуюсь латински-

<...> Определение сущности коммуникации извлекается из анализа данных, представляемых мышлением, или же путями, какими определяется, например, значение того или иного слова, следовательно, путем сопоставлений и отвлечений. Пути эти приводят к тому очевидному положению, что простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в п р е д и к а т и в н у ю (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь. К коммуникациям относятся не только пропозиции или суждения, но и всякие иные сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью приведенных нами в связь, например, сочетания, нашедшие себе выражение в словах, как *дома ли отец? уходите! выпить бы чего, посидел бы ты с нами!* Эти сочетания отличаются от суждения тем, что в них представления приведены в связь нарочитым актом не для утверждения чего-либо или отрицания, а в одном случае для вынуждения собеседника к тому, чтобы он высказал суждение, сочетав оба названных в вопросе представления, в другом случае для вынуждения или побуждения собеседника произвести то или иное действие (*уходите! посидел бы ты с нами*), в третьем — для обнаружения желания говорящего (*выпить бы чего*).

§ 3. Обычным посредником между коммуникацией и предложением, в котором коммуникация находит себе выражение, является в н у т р е н н я я р е ч ь, т. е. облеченная в слуховые, частью прицельные знаки мысль; во внутренней речи впервые конкретизируются те сложные, расплывчатые образы, которые сочетались в коммуникации; внутренняя речь главный материал свой заимствует из звуковых представлений о словах, оперирует, следовательно, слуховыми знаками; но вызвавший ее психологический акт (коммуникация) может сообщить ей не только эти слуховые знаки, в той или иной степени воспроизводящие сочетавшиеся представления, но также и ряд других элементов, в виде представлений об отношениях и чувствах, вызываемых таким сочетанием; эти элементы стремятся прорваться наружу в внешнюю речь через посредство той же внутренней речи.

ми терминами, в целях более резкого отграничения их от понятий грамматических, которым даю более или менее последовательно русские термины. С у б ь е к т, п р е д и к а т, о б ь е к т и т. д. это понятия психологические; п о д л е ж а щ е е, с к а з у е м о е, д о п о л н е н и е — понятия грамматические. Термин к о м м у н и к а ц и я предпочитаю термину п р о п о з и ц и я, ибо п р о п о з и ц и я — термин логики, не покрывающий собою вообще всех видов коммуникаций и соответствующий только тому их виду, который содержит утверждение или отрицание чего-нибудь (суждение). Вопрос надо также признать коммуникацией, ибо он является одним из обнаружений того, что в мышлении говорящего явилось определенное сочетание представлений; говорящий ищет получить от собеседника подтверждение или отрицание верности такого сочетания. Это относится не только к такому вопросу, как *дома ли Коля?* но также *кто дома?* ибо предполагает в последнем случае сочетание представления о доме с представлением о лицах или лице, в нем находящемся.

Таким образом в самом мышлении (в внутренней речи) происходит разложение сочетавшихся образов, и только благодаря такому разложению их на соответствующие элементы приобретает определенность и возможность обнаружения сама коммуникация. Поэтому психологический акт коммуникации приходится признать результатом сложного процесса, состоящего в начале из движения воли, направленной к сообщению собеседнику сочетавшихся двух представлений, а затем в психическом анализе этих представлений; из сложных комплексов, возникших в начале коммуникации, выделяются посредством ассоциации со знаками внутренней речи те или иные существеннейшие или важнейшие в данном случае для говорящего признаки; это дает возможность упростить зародившийся у говорящего психологический процесс и довести его до обнаружения в слове. Следовательно, начало коммуникация получает за пределами внутренней речи, но завершается она в процессе внутренней речи, откуда уже переходит во внешнюю речь. Отсюда видно, что ошибочно было бы отождествить внешнюю речь, в частности предложение, с коммуникацией: являясь посредницей между психикой говорящего и тем проявлением ее в слове, к которому он стремится, сама коммуникация отражает на себе, с одной стороны, глубочайшие недра человеческой психики, а с другой — те внешние средства, которыми она обнаруживается, т. е. звуковые представления о словах.

§ 4. Прежде чем перейти к доступному нам, в виду только что указанной природы коммуникации, ее анализу, разложению ее на составные части, члены, я должен сказать несколько слов об общем характере тех переживаний, которые являются содержанием человеческой психики. Все наши представления являются представлениями о признаках и отношениях; носителями, производителями признаков мы представляем себе субстанции (лица, предметы), причем одни из признаков (качества, свойства) оказываются неподвижными, пассивными, а другие (действия) подвижными, активными. Таким образом, рядом с представлениями о предметах, имеем представления об их качествах и состояниях, а также представления об отношениях. Каждая из указанных групп представлений образует определенные разновидности, о которых нам придется говорить неоднократно в дальнейшем изложении, в особенности о разновидностях в отношениях, изучение которых в их языковых обнаружениях составляет одну из задач синтаксиса. <...> К названным представлениям присоединяются еще представления о чувствах и ощущениях, которые однако, конкретизируясь и определяясь в их отношениях к предметам, переходят в представления о признаках. Появление всех этих представлений относится к пассивному состоянию нашего сознания; активное его проявление обнаруживается впрочем в создании тех ассоциативных групп, определяемых природой отдельных представлений, которые ведут к распадению на-

званных классов представлений на известные разновидности. Но определенная активность сознания сказывается в процессе зарождения, дальнейшего развития и обнаружения коммуникации. И эта активность выразилась в создании новых психологических категорий в отношении к самой природе коммуникации. Перехожу в связи с этим к вопросу о ч л е н а х к о м м у н и к а ц и и, отметив теперь же, что эти члены явились в сознании как результат существования психического акта коммуникации.

§ 5. В каждом суждении должно быть то, о чем что-либо утверждается или отрицается, а также и то, что именно утверждается или отрицается. Первое называется в логике п о д л е ж а щ и м с у ж д е н и я, а второе с к а з у е м ы м с у ж д е н и я. Те же самые названия вслед за логикой усвоила для этих частей суждения и психология¹. Оставляя русские термины п о д л е ж а щ е е и с к а з у е м о е для известных грамматических категорий (о которых ниже), мы для психологического суждения будем держаться латинских терминов с у б ъ е к т и п р е д и к а т. Субъект и предикат имеются налицо не только в психологическом суждении, но и в других психологических коммуникациях: одно из обоих сочетавшихся представлений будет субъектом, а другое предикатом. Такое распространительное употребление терминов с у б ъ е к т и п р е д и к а т требует иного определения обоих понятий сравнительно с тем, какое им дано для суждения; определяю п с и х о л о г и ч е с к и й с у б ъ е к т как представление, господствующее над другим, сочетавшимся с ним представлением, которое определяется как п с и х о л о г и ч е с к и й п р е д и к а т: такое определение согласовано с данным выше определением коммуникации как сочетания двух представлений, приведенных движением воли в причинную или зависимую связь; следовательно, термин г о с п о д с т в у ю щ е е п р е д с т а в л е н и е указывает на то, что второе представление стоит к нему в зависимой или причинной связи; дело идет о действительном господстве, обусловленном самою природой первого представления, и о действительной зависимости, обусловленной природой второго представления. Ниже укажу, что в ряде случаев имеет место совпадение субъекта и предиката коммуникации (а в особенности того вида ее, который соответствует суждению) с подлежащим и сказуемым предложения; <...> в виду этого данное определение психологического субъекта и предиката может быть освещено некоторыми предложениями и отношением в них подлежащего к сказуемому: *собака убежала, книга исчезла, мы поедем, мальчик проснулся, дети спят* и т. п. предложения представляют в соответствующем подлежащему психологическом субъекте представления, господствующие в отношении признаков, выраженных в соответствующем сказуемому психологиче-

¹ Введенский А. И. Психология без всякой метафизики. 2-е изд. Петроград, 1915. С. 178—379.

ском предикате; действительно, эти активные по своей природе признаки являются производными в отношении к производящим их субстанциям; правда, книга исчезла не сама, — ее спрятали, утаили или затеряли люди, но в данном суждении производителем признака выставлена она. То же скажем относительно предложений, как *мать больна, обед готов, ночь лунная, погода пасмурная, экипаж не надежный*; соответствующие подлежащим субъекты являются носителями признаков, выраженных соответствующими сказуемым предикатами, что ясно из того, что эти же субъекты можно мыслить в соединениях, как *больная мать, готовый обед, лунная ночь* и т. д. То же, наконец, ясно и в отношении предложений, как *Иванов офицер, он портной, не клен дерево, шведы германцы*; правда, *офицер, портной, дерево, германцы* — такие же независимые сами по себе представления, как *Иванов* (мой знакомый, обозначенный мною выше словом *он*), *не клен, шведы*; но в данных суждениях мы представляем их себе не субстанциями, не носителями признаков, а совокупностью известных признаков (например в отношении к представлению *германцы* — происхождение, характер, общность языка, культуры), и как признаки, мы и приводим соответствующие представления в зависимое отношение от представлений о самых носителях признаков.

Как указано, господствующее положение одного представления над другим вытекает из самой природы соответствующих представлений; отсюда ясно, что между теми группами представлений, о которых говорено было выше, должны существовать определенные отношения к возможности стать выразителями субъекта или предиката. «Основную часть нашего мироздания (мира сущего) образуют представления об единичных предметах, которые в языке обозначаются конкретными именами существительными; эти предметы мыслятся всегда как носители качеств и как производящие из себя, благодаря движениям и изменениям, такие действия, которые находят себе выражение в прилагательных и глаголах»¹. Отсюда следует, что при сочетании представления о предмете с представлением о признаке первое из них, как господствующее в отношении признака но самой своей природе, будет всегда с у б ъ е к т о м, а второе п р е д и к а т о м. Выставляя такое утверждение, мы в полном праве сослаться на факты языка: название предмета (разумеется, данное в независимой форме, т. е. в именительном падеже) будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному; ни при каких условиях невозможно нарушение такого положения; эта последовательность коренится, конечно, не в свойствах грамматических форм как таковых, а в свойстве тех представлений, которым они соответствуют и от которых никогда не оторвутся в силу самого грамматического

¹ Sigwart C. Logik. Tübingen, 1873. § 6, 2.

их значения. Здесь особенно ярко сказывается тесная, внутренняя связь между языком и мышлением, между грамматическими и психологическими категориями. Мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм предложения психологической коммуникации; но несоответствие не тождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим формам представлений. Таким образом мы можем утверждать, что подобно тому, как в предложениях *птица летит* или *мать больна* подлежащим всегда при всяких условиях останется *птица* и *мать* (хотя бы на словах *летит* или *больна* лежало усиленное ударение, хотя бы такое усиленное ударение сопровождалось перестановкой: *летит птица, больна мать*), так же точно в соответствующем психологическом суждении субъектом или господствующим представлением будет всегда представление о птице, о матери, а зависимым — представление о признаках *летит, больной*.

§ 6. <...> Существуют другие взгляды на природу психологического субъекта и предиката. Впервые фон-дер-Габеленц (G. von der Gabelentz) установил различие между логическими или грамматическими субъектами, с одной стороны, психологическими, с другой; оставив за логическими субъектом и предикатом приведенное выше определение (то, о чем что-либо утверждается или отрицается; то, что именно утверждается и отрицается), названный ученый определил психологический субъект как комплекс представлений, являющийся в сознании говорящего или слушающего первым, а психологический предикат как содержание, примыкающее к этому первому представлению, или по иной формулировке того же ученого: психологический субъект это то, о чем говорящий заставляет подумать слушающего, то, на что он хочет направить его внимание; психологический же предикат это то именно, что слушающий должен мыслить по отношению к субъекту. Точка зрения фон-дер-Габеленца нашла себе сочувствие среди языковедов; в Германии укажем на Пауля, <...> а у нас на Ф. Ф. Фортунатова <...>. Определяя взаимные отношения психологического субъекта и предиката так же, как фон-дер-Габеленц, Пауль говорит, что среди прочих членов предложения наиболее резко выделяется психологический предикат как важнейший член, выявление которого является конечною целью предложения, почему на нем ложится сильнейшее ударение. В предложении *Карл едет завтра в Берлин* предикатами могут стать слова *Карл, едет, завтра, в Берлин* смотря по тому, на что именно обращает внимание говорящий в своем сообщении: так например, если уже известно, что завтра кто-то едет в Берлин, и остается только сомнение относительно лица, которому предстоит поездка, грамматический субъект *Карл* станет психологическим предикатом (мы могли бы ведь выразиться и так: *тот, кто завтра едет в Берлин — это Карл* или *это*

Карл едет завтра в Берлин). Вундт и другие психологи не последовали за новой терминологией и новым определением членов психологического суждения: Вундт признал нецелесообразным перенесение в психологию логических терминов субъект и предикат <...> — и в особенности с таким несогласованным с логической терминологией значением; приведя предложение *сегодня день моего рождения*, Вундт говорит, что даже при сильнейшем ударе на *сегодня* такое сообщение не имеет целью вызвать в слушающем мысль о сегодняшнем дне; в основании, в центре сообщения как в логическом, так и в психологическом смысле может быть только представление о дне рождения; <...> Вундт предложил назвать представление, соответствующее тому слову, на котором сосредоточено особое внимание, «г о с п о д с т в у ю щ и м п р е д с т а в л е н и е м» (*die dominierende Vorsteellung*). <...> Я думаю, что главное внимание в споре должно быть обращено на то, следует ли вообще говорить в психологии о субъекте и предикате; как мы видели, психологи употребляют эти термины в том же значении, что исследователи логики (см. выше ссылку на А. И. Введенского). Мне представляется возможным дать этим терминам в психологии более широкое значение, распространив их на все виды психологических соотношений, не ограничиваясь только одним психологическим суждением; при этом п с и х о л о г и ч е с к и й с у б ъ е к т определяется как представление, по самой природе своей господствующее над представлением, поставленным в предикате. Соображения фон-дер-Габеленца и его последователей побуждают однако допустить в мышлении наличность таких представлений, которые, не будучи господствующими по своей природе, становятся таковыми в силу того или иного настроения говорящего, того или иного направления, данного им его сообщению. Таким образом рядом с господствующими по природе своей представлениями (которые мы смело можем называть психологическими субъектом и предикатом, в виду соответствия их в тысячах конкретных случаев с теми же логическими терминами) приходится допустить в мышлении наличность представлений, господствующих по воле или настроению говорящего; эти представления мы и назовем «г о с п о д с т в у ю щ и м и», определяя представления, господствующие в силу их природы, как психологические субъекты. В самом возникновении рядом с господствующими по природе представлениями представлений, господствующих по воле и по настроению говорящих, видим указание на естественный конфликт между основаниями человеческой психики и ее изменчивым, неустойчивым настроением; но важно указать, что в некоторых случаях такой конфликт, даже при особом напряжении воли говорящего, должен разрешиться все-таки не в пользу случайного настроения говорящего, а в пользу основных отношений, лежащих между различными группами представлений; так например, грамматическая невозможность сделать *портной* подлежащим при слове *Иванов* (ср.

в предложении *Иванов портной*: подлежащее *Иванов* и сказуемое *портной*) коренится, конечно, в невозможности психологической¹.

§ 7. <...> Название предмета в предложении будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному. <...> Из этой последовательности выведем заключение, что и в мышлении представление о предмете будет всегда психологическим субъектом в отношении к представлению о признаке, которое мыслится при этом как психологический предикат. Уместно вспомнить при этом замечание Г. Пауля <...> «каждая грамматическая категория возникает на основании категории психологической. Грамматическая категория является в известном смысле оцепеневшею психологическою категорией». В сочетаниях двух названий предметов, поставленных в предикативные отношения, грамматическим подлежащим будет название конкретного, индивидуального предмета, а с к а з у е м ы м название общего, родового понятия, название предмета, с которым сочетаются представления о признаках, о совокупности признаков <...> Только там, где утверждается тождество одного предмета представления с другим, можно безразлично употребить то или другое название в качестве субъекта или в качестве предиката: *Нестор — отец русской истории*, *Отец русской истории — Нестор* (но только *Нестор — летописец*, а словосочетание *летописец Нестор* уже не может составить предложения).

¹ Впрочем, утверждение, что *портной Иванов* (где по терминологии фон-дер-Габененца и Пауля психологическим субъектом является *портной*), имеет смысл, если слово *портной* означает здесь того определенного портного, о котором была только что речь. И точно так же в предложении *Карл едет завтра в Берлин — едет завтра в Берлин* может стать по этой терминологии психологическим субъектом именно потому, что уже существовало раньше в сознании говорящего и слушающего как уже готовое, сложившееся представление <...>. Определяя значение такого предложения, как *умна твоя сестра* (именно с таким порядком слов), или такого, как *больна мать*, мы можем утверждать, что произнесению этих предложений предшествовал разговор в первом случае о сестре, а во втором о чьей-то болезни; таким образом нельзя признать *умна* и *больна* первыми возникшими в сознании говорящего представлениями. Можно поставить под сомнение и такой пример, как *летит птица* <...>; вполне вероятно, что с представлением *летит* уже перед произнесением слова *летит* сочеталось представление о какой-то субстанции, которое затем (при более внимательном рассмотрении летящего предмета) заменено представлением о птице. Равным образом в повествованиях, где так часто сказуемое предшествует подлежащему, например, *жили старик и старуха, шли по дороге два мужика, прибежали собаки*, мы не найдем подтверждения тому, чтобы в соответствующей коммуникации представление о признаке (*жить, идти, прибежать*) занимало господствующее положение над представлением о субстанциях, ибо возможно предположить, что данная коммуникация (в частности данное суждение), представлявшая сочетание субъекта с предикатом (а именно представление о субстанции с представлением о признаке), разлагаясь в речи, приняла инверсивную форму. Способы обнаружения мышления зависят от языковых возможностей, от принятых в языке оборотов: коммуникация *птица летит* может подвергнуться (при передаче ее словами) перестановке в русском и немецком языках, но не может ей подвергнуться, например, во французском.

§ 8. Перехожу к вопросу, может ли быть и при каких условиях психологическим субъектом представление о признаке. Согласно предыдущему, это невозможно там, где произошло сочетание представления о признаке с представлением о субъекте. Но там, где представление об одном признаке сочеталось с представлением о другом, вполне естественно допустить, что одно из них может занять по отношению к другому господствующее положение. Подобно тому, как при сочетании двух представлений о предметах предикативные отношения между ними возникают только в том случае, если одно из этих представлений мыслится как признак или как совокупность признаков, так же, наоборот, возможность предикативной связи между двумя представлениями о признаках в некоторых случаях обусловлена тем, что одно из обоих представлений мыслится как совокупность признаков, в числе коих может быть сочетавшееся с ним представление о признаке. <...> По-видимому именно это, т. е. возможность мыслить признак в его сочетании с другими признаками, повело к появлению таких отвлеченных существительных, как существительные отглагольные и прилагательные субстантивированные; сочетания признаков, как *лететь* и *хороший*, *белый* и *маркий*, расчлняясь, переходят в *полет хорош*, *белое марко* в силу именно того, что в языке обычно расчленение типа, содержащего название представления о предмете, т. е. существительное, в сочетании с названием признака (ср. расчленение *зеленая трава* в *трава зелена*); ср. еще подобные же предложения *поездка была утомительна*, *страдания были невыносимы*, *пение было очаровательно*, *полезное не всегда приятно*, *стирка нас утомила*, *учение ему не давалось*, *отъезд не состоится* и т. п. В некоторых впрочем случаях предикативное сочетание двух признаков возможно и вне указанного условия, т. е. без перехода одного из сочетавшихся представлений в представление о носителе признаков. Это имеет место там, где представление о признаке активном или пассивном сочетается с представлением о бытии, наличности, существовании признака; признак бытия, наличности, существования является настолько отвлеченным, что, сочетаясь с другим конкретным признаком, он становится к нему в зависимое состояние и не вызывая представления о конкретном признаке как о носителе признаков вообще; это зависит именно от того, что каждый вообще конкретный признак включает в себя и выделяет из себя представление об этом отвлеченном признаке. Коммуникации, имеющие в предикате представление о признаке бытия, существования, наличности, можно назвать коммуникациями (суждениями) э к з и с т е н ц и а л ь н ы м и. Существование таких коммуникаций доказывается фактами языка, а именно предложениями безличными, как *морозит*, *дует*, *заволокло*, и односоставными безглагольными, как *скучно*, *морозно*, *скука*, *мороз*. В соответствующих коммуникациях субъектами являются конкретные признаки *мороз*, *скука*, а предикатами отвлеченный признак бытия, наличности. Наконец, третьим

случаем, где возможно предикативное сочетание двух признаков, является сочетание двух тождественных или отождествляемых признаков: в русском языке подобные коммуникации выражаются сочетанием двух названий признаков: *учение — мучение, забыто — потеряно, жениться — перемениться*.

§ 9. <...> Отметим тот вид коммуникации, где субъектом является представление о признаке, а предикатом представление об отношении. Отношения мы называем те временные, пространственные, причинные соответствия, в которые могут стать те или иные признаки и субстанции. Представление о времени проявления того или иного признака, представление о месте, куда направлено движение, и т. п. представления являются представлениями самостоятельными и соотносительными: они предполагают наличие двух представлений, поставленных в соответствующее отношение; в виду этого нельзя допустить законченности мысли при наличии в ней представления о признаке и представления об отношении; представление об отношении не может стать в предикативное отношение к другому представлению. В коммуникации, соответствующей предложению *морозит*, видим не сочетание признака (*мороз*) с представлением о времени, а, как указано, сочетание конкретного признака (*мороз*) с отвлеченным признаком (наличности, бытия); представление же о времени сопутствует представлению об этом отвлеченном признаке. Равным образом не могут быть предметами самостоятельного представления наши чувства и волевые акты: они сопутствуют представлениям о тех или иных признаках, но не могут стать в предикативные к ним отношения.

§ 10. Подводя итог сказанному о природе коммуникации и ее членов, видим, что в каждой коммуникации имеется субъект и предикат, господствующий и зависимый член мысли; субъектом коммуникации является представление о субстанции при наличии в предикате представления о признаке или комплексе признаков; субъектом коммуникации может быть представление и о конкретном признаке при наличии в предикате представления о признаке отвлеченном; наконец, в предложениях тождества субъектом и предикатом могут быть представления о субстанциях и о конкретных признаках. Наши заключения основываются на данных языка, на обнаружении коммуникации в слове. Предложение соответствует коммуникации, ни в коем случае впрочем не воспроизводя ее сколько-нибудь точно; это дает основание думать, что по существу не может быть противоречия между природой предложения и коммуникации, но, конечно, не в отношениях материальной природы первого к психологической природе второй, а в отношениях смысла, значения предложения и психологической природы коммуникации. <...> Существеннейшим различием их между собой являются конкретизм членов коммуникации и расчлененность предложения: предложению *испуганная нами ворона взлетела на высокую липу* соот-

ветствует коммуникация, субъектом которой является *испуганная нами ворона*, а предикатом *взлетела на высокую липу*; двум членам коммуникации противопоставляется семь слов, причем эти слова соответствуют шести членам предложения. Образование членов предложения основывается, несомненно, на психологических категориях, но образовались они путем длинного эволюционного процесса, настолько отдалившего их от их основания, что неосторожно было бы пытаться анализировать коммуникацию по данным языка слов. Если бы наука имела в своем распоряжении какую-нибудь другую систему знаков, кроме языка, стремящуюся обнаружить мысль, быть может, мы могли бы мечтать о достижении положительных результатов в анализе психологической природы коммуникации; но такой системы нет, так как язык жестов, употребляемых глухонемыми, так же как язык жестов некоторых первобытных по культуре племен находится в сильнейшей зависимости от языка слов, является или прямо от него производным, или в сильной степени от него зависимым¹. Кроме того, всякая выработанная система отразила бы на себе этапы исторического развития, а они отдалили бы ее от основания — человеческой психики. В виду этого нам приходится ограничиваться анализом явлений самого языка и уже по ним делать те или иные заключения о некоторых психологических основаниях этих явлений.

§ 11. <...> Из сказанного выше о природе коммуникации следует, что, сочетаясь между собой, представления могут становиться в предикативные отношения; предикативными отношениями называем, как указано, изъяснительные, т. е. содержащие утверждение или отрицание чего-либо. Кроме этих отношений, существующих между субъектом и предикатом, между представлениями могут быть отношения атрибутивные, т. е. такие отношения, которыми одни представления определяются как свойства или качества других представлений; атрибутивными являются отношения между представлениями, входящими в состав одного сложного, нерасчлененного представления, ибо расчленение ведет к выделению из него субъекта и предиката, стоящих между собой в предикативных отношениях. Такие сложные, нерасчлененные представления находят себе в языке выражение не в предложении, а в определенных словосочетаниях: ср. такие словосочетания, как *зеленая трава*, *больная мать*, *скучная книга*, *жаркий день*, противопоставляемые предложениям, как *трава зелена* или *трава зеленеет*, *мать больна* или *мать болеет*, *книга скучна*, *день жаркий*. Наконец, между представлениями возможны отношения предикативно-атрибутивные: это такие отношения, которые существуют между частями одного общего неразложившегося представления, причем ими утверждается или

¹ Ср. между прочим в соответствующих отделах книги А. Л. Погодина «Язык как творчество» в IV томе *Вопросов теории и психологии творчества*, Харьков, 1913.

отрицается связь одних сочетававшихся при этом представлений с другими, но не расчлененных, не ставших между собой в отношения предикативные; наличие подобных отношений между представлениями вытекает из таких словосочетаний в составе предложения, в которых сочетававшееся с представлением о субстанции представление о признаке выражает утверждение или отрицание его связи с тем представлением: *добрый человек не мог бы так поступить, мальчики ленивые причиняют преподавателю не мало огорчений, начальник нераспорядительный может легко запутать все дело* и т. п. <...>

В. В. Виноградов

Предикативность и интонация сообщения как основные грамматические признаки предложения¹

30. <...> Синтаксис прежде всего должен выяснить, как слова и словосочетания, объединяясь в структуре предложения в качестве его членов, образуют предложение — эту основную синтаксическую единицу языкового общения, и в чем заключаются характерные конструктивно-грамматические признаки предложения. В нашей отечественной грамматической науке выдвинуты два общих характерных признака предложения в русском языке <...>. Это — интонация сообщения и предикативность, т. е. совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль.

Обычно говорится, что слова и словосочетания, соединенные в предложении посредством тех же приемов согласования, управления и примыкания, которые характерны для словосочетаний, без соответствующей организации их интонационными средствами еще не представляют собой сообщения. Интонационными средствами устанавливается коммуникативное значение слов в предложении, производится членение предложения и осуществляется его внутреннее единство. Благодаря интонации не только соединения слов, но и отдельные слова могут приобрести значение предложений. Академик А. А. Шахматов так писал об этом в своем «Синтаксисе русского языка»: «Условием для перехода отдельного слова и словосочетания

¹ Печатается по: Грамматика русского языка. М., 1954. Т. II. Ч. 1. С. 76–83.

в предложение является законченность мысли и законченность соответствующего словесного выражения; законченность мысли предполагает наличие в таком слове и словосочетании сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой интонации».

Можно сомневаться в том, что в каждом предложении, даже в предложении резко эмоционального, грамматически нерасчлененного характера вроде *Ну и ну! То-то! Ваня! Еще бы! Вот тебе на! Ай, ай, ай!* и т. п., выражается предикативное сочетание субъекта и предиката, но нельзя сомневаться в том, что этим выражениям или высказываниям присуща интонация сообщения. Таким образом, интонация является грамматическим средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения. Именно в этом признаке — в наличии интонации сообщения — заключается одно из коренных отличий предложения от словосочетания.

Различием интонаций определяются основные функциональные и вместе с тем модальные типы предложений — предложения повествовательные, вопросительные и побудительные.

«... Что бы мы ни сказали,— писал в своем «Русском синтаксисе...» проф. А. М. Пешковский <...>, — мы высказываем это либо повествовательно, либо вопросительно, либо восклицательно. Как ни важна для нас разница между этими тремя видами речи, она все-таки не м а т е р и а л ь н а, а ф о р м а л ь н а. Скажем ли мы *Он здесь*, или *Он здесь?*, или *Он здесь!* — материал нашей мысли остается один и тот же: представление о «нем» и о месте, где «он» находится. Меняется только о т н о ш е н и е наше к данной мысли: в одном случае мы просто желаем поделиться со слушателем найденной нами реальной связью или отсутствием ее (при отрицании) между двумя представлениями, образующими в данном случае мысль; в другом случае мы не решаемся сами признать реальность или нереальность связи и ждем разъяснения в этом отношении от собеседника; в третьем — мы не только полностью убеждены в реальности или нереальности связи, но и выражаем наши чувства, внушенные нам этой связью. Все эти различия — г р а м м а т и ч е с к и е, и выражаются они в русском языке почти исключительно интонацией...»

Главными интонационными средствами, выполняющими основные функции в организации предложения и в выражении его содержания, являются ударение и мелодика. Будучи существенным, неотъемлемым признаком предложения, интонация однако не исчерпывает грамматической сущности предложения и своими вариациями не определяет и не создает всего многообразия видов предложений в русском языке. Ведь если даже признать, что интонация является самым непосредственным, единственным безусловно необходимым способом выражения законченности мысли, а следовательно, и самым главным признаком «единицы языкового общения» (т. е.

предложения), то все же нельзя обойтись без ответа на вопрос: все ли слова и формы слов, все ли словосочетания и их формы могут непосредственно с помощью соответствующей интонации становиться «единицами речевого общения» (т. е. предложениями или «фразами», как выражаются некоторые языковеды), или же необходимы какие-нибудь дополнительные способы формально-грамматической организации речевого целого, быть может, даже разные в разных условиях?

31. Интонация сама по себе, т. е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, мысли не выражает. Интонация не является средством формирования и воплощения мысли. Без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, т. е. не служит материальной оболочкой мысли.

<...> Авторы наших грамматик, особенно те, которые осознали неправомочность и ошибочность как смешения предложения с суждением, так и полного отрыва предложения от суждения, старались установить структурные формально-грамматические признаки предложения в русском языке <...> и выделить грамматические категории, типичные для предложения. Сначала в качестве такого структурного формально-грамматического признака предложения выдвигалась личная форма глагола (*verbum finitum*). Следовательно, в основу определения предложения полагалась морфологическая категория глагола и тем самым как бы ставился знак равенства между глаголом и сказуемым. Значительная часть современных синтаксических теорий <...> продолжает и теперь ставить общее определение структуры предложения в зависимости от наличия (реального или потенциального) *verbum finitum*, т. е. глагольных форм, имеющих значение лица, времени и наклонения (эти формы и получают название предикативных форм глагола или форм сказуемости). Таким образом, выдвигание глагола на роль организатора предложения объясняется не только преобладанием, особенной употребительностью глагольных типов предложения, но и тем обстоятельством, что в личных формах глагола непосредственно, наглядно, морфологически выражены те грамматические категории лица, времени и модальности, с которыми связано понятие синтаксической предикативности как существенного признака предложения. Но при таком чисто морфологическом подходе синтаксическое учение о предложении в целом получало односторонний и искаженный характер: оно не отражало всего многообразия структурно-грамматических форм предложения в русском языке. Глагольный тип предложения не только ставился в центре русского синтаксиса, но и подавлял все другие типы и виды предложений. Вообще «морфологизм» в чистом виде как принцип построения теории предложения не может привести к пониманию всего разнообразия структурных типов предложений. Дело в том, что со структурой предложения связаны свои особые синтаксические категории, базирующиеся на морфологических категориях, но дале-

ко выходящие за их пределы. Категории времени и модальности, а также — в широком синтаксическом понимании — и категория лица, т. е. категории, выражающие отношение сообщения к действительности и подводимые под общее понятие «предикативности», могут быть свойственны предложению в целом — независимо от наличия глагола в его составе. Так, безглагольные односоставные предложения представляют собой единицы речевого общения, грамматически организованные на основе тех же категорий модальности и времени, даже если они содержат лишь одно единственное понятие или представление, соответствующим образом соотношенное с действительностью (напр.: *Мороз. Тише! Внимание!* и др.).

Среди одночленных (или односоставных) предложений есть предложения, функция которых сводится к простому утверждению или отрицанию, выражению согласия или несогласия или к общей экспрессивно-модальной оценке предшествующего высказывания. Это — предложения, основу которых составляют утвердительные или отрицательные слова — *да* и *нет*, модально окрашенные слова и частицы (типа *Разве? Едва ли! Может быть! Конечно! Вероятно!* и т. п.), междометия и слова, близкие к междометиям. Внутренняя сущность модальной функции таких слов, как *да*, *нет*, *несомненно* и т. п., ярко сказывается в том, что иногда в диалогической речи они stanовятся своеобразными заместителями глагольного сказуемого с присущими ему значениями времени, лица и наклонения, напр.: — *А в прошлом году вы имели отпуск?* — *В прошлом году да;* — *А с мамой ты согласна остаться?* — *С мамой да, а с тобой нет!*

Вместе с тем слово *да* может входить в состав сложного предложения в качестве одной из его основных составных частей, напр.: — *Ветерок в аллее?* — *Да, потому что листья дрожат;* — *А вы ему должны, что ли?* — *Вот в том-то и беда моя, что да.*

Предложения этого типа, нередко очень экспрессивные, выражают модальную квалификацию сообщения собеседника и иногда содержат побуждение к какому-нибудь действию; следовательно, они также выражают синтаксическую категорию модальности. К этим предложениям, синтаксически нерасчлененным, неприменима даже психологистическая схема подстановки сочетающихся представлений в роли субъекта и предиката. Поэтому модальные слова-предложения всегда рассматривались как особый тип предложений (а в субъективно-идеалистических психологических теориях — как «эквиваленты предложения»), не имеющих и не способных иметь в своем составе никаких членов предложения — главных или второстепенных. И все же они модально окрашены. Предложения этого типа употребляются преимущественно в диалогической речи, в ответных и вопросительных репликах собеседников. Они могут как отголоски внутреннего диалога употребляться и в монологической речи, при подтверждении уже высказанного, при возражении самому себе и в других подобных случаях.

Вот несколько иллюстраций.

[Подколесин] (с самодовольною улыбкой) *А преконфузно однако же должно быть, если откажут.* [Кочкарев] *Еще бы!* Гог., Женильба, д. II, явл. 12; — *Ну, у тебя грехов немного.* — *Ах, все-таки,* — *сказал Левин,* — *все-таки,* — «с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуясь. Да. Л. Толст., Анна Каренина, ч. 1, X.

Слова-предложения этого типа обычно формируются из слов, не принадлежащих к основным знаменательным частям речи, напр.: *Конечно; Ничего* (в значении «сносно»); *Вероятно; Ни-ни* (в значении «совсем нет»); *Вряд ли.*

Таким образом, значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности. В этом и состоит различие между словом *зима* со свойственным ему лексическим значением и предложением *Зима* в таком пушкинском стихе: *Зима. Что делать нам в деревне?* На этот характерный признак предложения обращали внимание и многие лингвисты прошлого, хотя и не всегда правильно его истолковывали. Так, И. Рис считал, что главным признаком, отличающим предложение от словосочетания, является выражение в предложении того, как относится содержание предложения к действительности. Он писал: «Становящееся соединение, форма образования предложения, происходящее в данный момент (впервые или повторно) соотносении (Zuordnung) оказывается необходимым проявлением свойственных именно ему (предложению) задачи и функции: выработки отношения содержания представлений к действительности». Если в этом рассуждении отвлечься от субъективно-идеалистического истолкования мыслительной сущности предложения как сочетания представлений, то останется верная мысль о соотносительности содержания высказывания с действительностью как основном признаке предложения.

В том же направлении старался найти основные свойства предложения и чешский языковед В. Матезиус. По его словам, «предложение — это элементарное высказывание, в котором говорящий активно и при том таким способом, который с формальной точки зрения вызывает впечатление обычности и субъективной полноты (законченности), относится к какому-нибудь факту».

32. Общее грамматическое значение отнесенности основного содержания предложения к действительности выражается в синтаксических категориях модальности, а также времени и лица. Именно эти категории придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения. В конкретном предложении значения лица, времени, модальности устанавливаются с точки зрения говорящего лица. Но сама эта точка зрения определяется объективным положением говорящего лица в момент речи по отношению к собеседнику и к выражаемому в предложении «кусочку» действительности.

Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности— это и есть прежде всего модальное отношение. То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или в настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как недействительное и т. п. Формы грамматического выражения разного рода отношений содержания речи к действительности и составляют синтаксическое существо категории модальности. Категорией модальности определяются различия между разными модальными типами предложения. Кроме форм глагольных наклонений, категория модальности выражается модальными частицами и словами, а также особыми формами интонаций. Известно, например, сложное и тонкое разнообразие модальных красок инфинитивных предложений. Модальность инфинитивных предложений определяется самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами. <...>

[София] *Вот вас бы с тетушкой свесть, Чтоб всех знакомых перечесть.* Гриб., Горе от ума, д. I, явл. 7; *Одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ее руку...* Лерм., Кн. Мери; *Не расти траве После осени; Не цвести цветам Зимой по снегу.* Кольц., Русская песня [Ах, зачем меня силой выдали...].

Показательно, что в так называемых инфинитивно-назывных предложениях именно интонационное выражение субъективно-модального отношения к действию и сообщает законченность всему предложению.

[Арбенин] *Возможно ли! Меня продать! — Меня за поцелуй глупца...* Лерм., Маскарад, д. III, сцена 2; [Саша]... *Это что?* (Указывая на корзинку.) [Анна Павловна] *Да это Виктор привез виноград.* [Каренин] *Не хотите ли?* [Саша] *Да, она любит. Она очень нервна стала.* [Каренин] *Две ночи не спать, не есть.* Л. Толст., Живой труп, д. II, карт. 1, явл. 1.

С категорией модальности тесно связана категория времени.

Предложение как форма сообщения о действительности включает в себя синтаксическое значение времени. Это значение создается не только формами времен глаголов, кратких прилагательных и категории состояния (с помощью связки), но и глагольными формами наклонения, а также формой инфинитива — при известных интонациях — для выражения события, относящегося к будущему, в связи с той или иной модальной окраской; в сообщениях же о настоящем или о прошлом, изображаемом как наличное,— также отсутствием морфологической формы с грамматическим значением времени.

Синтаксическое значение времени, создаваемое ситуацией и контекстом речи, присуще и таким предложениям, как *Огонь!* — в значении: 1) «стреляй!», 2) «зажги огонь» или «принеси огня», 3) «виден огонь», *Брр!* — в значении «холодно» или «я озяб»; *Пора, пора! Минуту внимания! Тишина* и т. п. В вопросо-ответных предложени-

ях, составляющих парное единство, в ответе значение времени нередко предопределено предшествующим вопросительным предложением.

Так как предложение как основная форма речевого общения служит одновременно и средством выражения мысли для говорящего лица и орудием понимания высказанной мысли для лица слушающего, то структура предложения, естественно, включает в себя и разные способы выражения синтаксической категории лица (если не иметь в виду в основном словообразовательную категорию лица в системе имен существительных, подчиненную категории предметности и противопоставленную категории не-лица). Как известно, в русском языке грамматическая категория лица, связанная с характеристикой отношения речи к говорящему (или говорящим), к собеседнику (или собеседникам) и к посторонним предметам речи, к тому третьему, о чем может идти речь, выражается главным образом формами местоимений и глагола. В строго определенных типах предложений отношение к лицу может выражаться также посредством особых интонаций, например требования, побуждения, просьбы, приказа или упрёка, желания и т. п.

И, полно, что за счеты... Кр., Демьянова уха; [Лиза] А вам, искателю невест, Не нежитья и не зевать бы... Гриб., Горе от ума, д. IV, явл. 12; Полно врать пустяки... Пушкин., Кап. дочка, гл. III; Еду, еду в чистом поле... Пушкин., Бесы; Прощай, свободная стихия! Пушкин., К морю; Будь гражданин! Служа искуству, Для блага ближнего живи... Некр., Поэт и гражданин. Ср. предложения типа Спасибо; Вон! Прочь! Сюда! Долой поджигателей войны! и т. п.

Во всяком предложении (к предложениям не относятся номинативные заглавия, вывески и т. п.) категория предикативности находит свое полное или частичное выражение. Способы ее выражения, связанные с синтаксическими категориями лица, времени и модальности, бывают морфологическими, конструктивно-синтаксическими и интонационно-синтаксическими.

Приведем примеры конструктивно-синтаксических и интонационно-синтаксических способов выражения предикативности.

— *Огня!* — *кричат.* — *Огня!* Кр., Волк на псарне; *Завтра казнь.* Пушкин., Полтава, песнь вторая; *На полном бегу На бок салазки — и Саши в снегу!* Некр., Саша, 2; — *Эй! воры идут!* — *закричал я Фингалу.* — *Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!* Некр., Крестьянск. дети; [Агния] *Погода-то! Даже удивительно! А мы сидим.* А. Остр., Не все коту масленица, сцена 1, явл. 1; [Несчастливцев] *Куда и от куда?* [Счастливец] *Из Вологды в Керчь-с..* А. Остр., Лес, д. II, явл. 2; *Наконец, карета у крыльца. Тетеньки вылезают из нее и кланяются отцу...* Салт., Пошехонск. старина, VII; [Юля] *Куда же это мы идем?* [Федор Иванович] *На плотину... Пойдем погуляем... Лучшего места во всем уезде нет... Красота!* Чех., Леший; д. IV, явл. 12; *Какое надо иметь мужество, чтобы, например, делать операции*

или резать трупы! Ужасно! Чех., Именины, II; Граждане, за ружья! // К оружию, граждане! Маяк., Революция.

Многообразие форм и способов выражения предикативности, разные виды сочетания и переплетения синтаксических категорий времени и модальности, широкие возможности выражения отношения говорящего лица к действительности посредством интонаций модальной окраски, осуществляемое посредством тех же интонаций эмоционально-волевое воздействие говорящего лица на слушателя и эмоционально-волевая его реакция на те или иные факты, явления действительности — все это обнаруживается в разнообразии конкретно языковых форм (или типов) предложений современного русского языка.

И. П. Распопов

Строение простого предложения в современном русском языке¹

Вопрос о том, как строится предложение вообще и как оно строится в частности в том или ином конкретном языке (на определенном этапе его исторического развития), относится к числу наиболее трудных в лингвистической науке. Этот вопрос является трудным прежде всего потому, что среди лингвистов до сих пор нет полной договоренности о содержании самого термина «предложение» и остается неясным <...> не только объем подлежащих здесь рассмотрению фактов, но и то, как, под каким углом зрения эти факты должны рассматриваться и освещаться.

Акад. Л. В. Щерба в свое время писал: «Смешно спрашивать: что такое предложение? Надо установить прежде всего, что имеется в языковой действительности в этой области, а затем давать наблюдаемым явлениям те или другие наименования»². Однако в приведенном высказывании Л. В. Щербой ставится по существу неразрешимая задача, содержащая два неизвестных: ведь для того чтобы наблюдать и как-то квалифицировать относящиеся к данной области явления, она <...> должна быть четко очерчена <...>. Но именно здесь-то мы и сталкиваемся с наличием разных, подчас противоречивых мнений и суждений.

В истории отечественного языкознания понятие предложения как предмета синтаксиса и предмет этой науки в целом трактовались различными учеными далеко не однозначно. Первоначально и на

¹ Печатается по: *Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке.* М., 1970. С. 4–31.

² *Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. Т. I. С. 10.

протяжении длительного времени синтаксическая теория разрабатывалась у нас преимущественно или исключительно как учение о предложении¹. Ведущим и определяющим в этой теории было <...> представление о том, что целенаправленная организация и реализация всех значимых элементов языка осуществляется в предложении и что поэтому анализ предложения со стороны его значения, состава и строения должен выявить особенности и закономерности синтаксического строя языка с исчерпывающей полнотой.

Именно в этом плане и с соответствующей целевой установкой пытался воссоздать картину русского синтаксиса один из видных отечественных языковедов и методистов прошлого столетия — Ф. И. Буслаев.

Как известно, Ф. И. Буслаев в подходе к фактам языка придерживался в основном логико-грамматической концепции, хотя он и не был ее последовательным сторонником. Видя главную задачу синтаксиса в изложении «законов сочетания слов», Ф. И. Буслаев вместе с тем <...> считал, что такие законы действуют в предложении, отражая в конечном счете законы строения логического суждения.

Предложение если и не тождественно суждению, то <...> соотносительно с ним и должно квалифицироваться именно с точки зрения этого соотношения.

Отсюда следует, что раскрыть строение предложения — значит прежде всего приписать отдельным компонентам его состава функции логического *S* и логического *P*.

Соответствующие функции, согласно принятому тогда мнению, которого придерживался и Ф. И. Буслаев, выполняют в предложении его главные члены — подлежащее и сказуемое. Но предложение может включать в свой состав и второстепенные члены (определятельные, дополнительные и обстоятельственные слова). В подобных случаях, указывал Ф. И. Буслаев, следует отличать логический состав предложения от его грамматического состава.

«В логическом отношении второстепенные члены не отделяются от главных и вместе с ними составляют логическое подлежащее и логическое сказуемое. Например, в предложении *Церковнославянская литература с древнейших времен стала оказывать влияние на русский язык* — *церковнославянская литература* есть логическое подлежащее, и все остальные слова, вместе взятые, — логическое сказуемое. Что же касается до грамматического разбора, то в нем строго отделяются члены второстепенные от главных. Например, в приведенном примере *литература* есть подлежащее; *стала оказывать* — сказуемое; *церковнославянская* — определение к подлежащему *литература*; *с древнейших времен* — обстоятельство времени при сказуемом, и сверх того, *древнейших* — определение к слову

¹ Но, например, М. В. Ломоносов выносил понятие предложения за пределы грамматики и рассматривал его в риторике — науке о красноречии.

времен; влияние есть дополнение к сказуемому; на русский язык — дополнение к дополнению влияние»¹.

Существенно, однако, заметить, что при квалификации главных и второстепенных членов грамматического состава предложения Ф. И. Буслаев пользовался различными критериями.

Определяя функциональное назначение первых, он исходил по существу, хотя и неосознанно, из признания того, что предложение есть единица коммуникации, т. е. единица, обеспечивающая не только выражение (фиксирование), но и целенаправленное сообщение мысли. Поэтому у Ф. И. Буслаева, как <...> и у всех его предшественников, подлежащее — это собственно отправной, исходный элемент в развертывании сообщения («предмет, о котором мы судим»), а сказуемое — его заключительная, удовлетворяющая поставленной цели часть («Вся сила суждения, — утверждал Ф. И. Буслаев, — содержится в сказуемом»). При характеристике же второстепенных членов Ф. И. Буслаев уже отвлекался от коммуникативного <...>, или логического, как считал Ф. И. Буслаев, целевого назначения предложения и определял их только по связям — смысловым и грамматическим — с главными членами и друг с другом.

Вместе с тем (и в этом заключалось основное противоречие концепции Ф. И. Буслаева, на которое указывали уже его современники) и главные и второстепенные члены фактически выделялись им в одном линейном ряду составляющих предложение словоформ. Причем в отношении подлежащего и сказуемого устанавливался определенный стандарт (подлежащее — независимое имя или местоимение в именительном падеже, сказуемое — личный глагол или подчиненное подлежащему имя), что в ряде случаев не соответствовало их функциональной характеристике, а в отношении второстепенных членов намечалась двойная классификация (по синтаксическому употреблению и по значению), что приводило к различной трактовке абсолютно тождественных элементов лексико-грамматического состава предложения (когда, например, существительное при другом существительном «по синтаксическому употреблению» квалифицировалось как дополнение, а «по значению» как определение).

<...> Подобного рода противоречия не могли способствовать уяснению сущности и структуры предложения и явились лишь источником споров и недоразумений, которые отчасти продолжают и в наши дни, поскольку буслаевская синтаксическая концепция оказалась наиболее долговечной, найдя себе приют не только в школьной, но и в университетской науке о русском языке².

¹ Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. С. 259.

² Ср. замечание В. В. Виноградова: «Традиции буслаевской грамматики не изжиты и поныне. Они сильно дают себя знать не только в школьной учебной, но и научной литературе по русскому синтаксису» (см.: Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: изд-во МГУ, 1958. С. 229).

На иной основе и в другом общелингвистическом контексте пытался построить учение о предложении блестящий оппонент Ф. И. Буслаева — А. А. Потебня.

Претергая решительной критике формально-логическую интерпретацию языковых фактов, отрицая всякую связь между грамматикой и логикой, А. А. Потебня, подобно некоторым его современникам на Западе, считал, что предложение не тождественно и не параллельно логическому суждению, что действительным назначением предложения является выражение не логического, а психологического суждения. Однако, по его мнению, для характеристики предложения в синтаксическом плане важно не это, а то, что предложение заключает в себе грамматическую форму, что оно в своем языковом воплощении обладает такими специфическими чертами, которые в различных национальных языках неоднородны и в процессе исторического развития изменяются от эпохи к эпохе. «Кто определил бы предложение, например, русского языка как словесное выражение психологического суждения, — писал А. А. Потебня, — сказал бы так же мало, как тот, который определил бы Сократа как особь зоологического вида *homo sapiens* или нынешнее государство, церковь и т. п. как человеческое стадо... Из основного взгляда на язык как на изменчивый орган мысли следует, что и с т о р и я я з ы к а, взятого на значительном протяжении времени, должна давать ряд определений предложению»¹. В этом заявлении А. А. Потебни ясно выражен призыв к конкретно-историческому изучению фактов языка. Такой подход обязывал исследователя сосредоточить свое внимание на самих этих фактах и конструировать правила и определения, <...> имея в виду, что «языки различны между собой не одной звуковой формой, но всем строем мысли».

Что касается непосредственно предложения, то для него, по крайней мере в современных индоевропейских языках, характерно, как считал А. А. Потебня, использование в качестве необходимой конструктивной формы личного глагола (*verbum finitum*), и «поэтому, определив такой глагол, тем самым определим *minimum* того, что должно заключаться в предложении этих языков»².

Отстаивая мнение об исключительной роли в построении предложения личного глагола, А. А. Потебня в полемике с другими лингвистами (например, со своим учеником А. В. Поповым) исходил из системного характера грамматического строя языка, из необходимости рассматривать речевые факты в их соотношении с этим строем и по существу уже пользовался понятием, которое позднее вошло в научный обиход под названием синтаксической модели (схемы или формулы строения) предложения. Например, относительно пред-

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. С. 83.

² Там же. С. 84.

ложений типа *Пожар! Пора! Стыд!* и под. А. А. Потевня писал, что «они ... находятся в зависимости от строя нынешнего языка, объясняются этим строем как его части... Эти случаи лаконизма понятны и объяснимы только потому, что в понимающем есть готовые сложные схемы предложений, схемы, в коих обрывки речи ... каждый раз занимают свое определенное место»¹.

А. А. Потевней был высказан также ряд весьма интересных и оригинальных мыслей о синтаксических функциях отдельных частей речи и соотношении их с членами предложения, о различных видах связи слов в предложении, о взаимодействии отдельных типов предложения (например, глагольного и глагольно-именного) друг с другом и т. п.

Однако в целом А. А. Потевне не удалось решить проблемы предложения, а некоторые его идеи привели в дальнейшем к ограничению сферы синтаксических исследований, к морфологизации явлений синтаксиса (А. М. Пешковский) или даже к откровенному субъективизму в объяснении этих явлений (Д. Н. Овсяннико-Куликовский).

Строго говоря, А. А. Потевня рассматривал предложение лишь в одном измерении — в плане устанавливаемых в нем по линии конструктивных связей синтаксических отношений между его компонентами, с точки зрения мысле-оформляющей (но не коммуникативной) функции языка. Для него предложение — это такое синтаксическое образование, существенный признак которого состоит в том, что в него входят части речи, в том числе обязательно личный глагол. Но поскольку любое осмысленное сочетание слов возможно в нашем языке только благодаря тому, что слова принадлежат к определенным частям речи, отсюда оставалось сделать всего один шаг до признания предложения простой разновидностью словосочетания; именно этот шаг был сделан Ф. Ф. Фортунатовым.

С именем Ф. Ф. Фортунатова связана довольно значительная перестройка традиционных представлений в области русской грамматики и, в частности, русского синтаксиса.

Ф. Ф. Фортунатов выдвинул в центр внимания изучение синтаксической сочетаемости и дистрибуции элементов связной речи относительно к их значению и назначению в процессе общения. При этом, естественно, понятие предложения отодвигалось на задний план, а в качестве исходной единицы, подвергавшейся непосредственному анализу, была избрана формально выделяемая величина, состоящая как минимум из двух связанных друг с другом слов. Ф. Ф. Фортунатов и назвал такую величину словосочетанием, определив последнее как «такое целое, которое образуется сочетанием в мышлении одного цельного полного слова с другим цельным полным словом как частью в предложении».

Разграничивая законченные и незаконченные словосочетания (ср.: *летит птица — большая птица*), а также словосочетания простые

¹Потевня А. А. Указ. соч. С. 85–86.

и сложные (ср.: *летит птица, большая птица — летит большая птица*), он рассматривал предложение лишь как частный случай или разновидность словосочетания (как законченное словосочетание, простое или сложное).

Кроме того, Ф. Ф. Фортунатовым проводилось различие между грамматическими и неграмматическими фактами в синтаксисе. По его мнению, словосочетание может считаться грамматическим лишь при условии, если оно образуется из форм отдельных слов или включает в себе форму их соединения. Для грамматического предложения существенным является также то, что оно должно представлять собой грамматически законченное словосочетание, т. е. заключать в себе грамматическое сказуемое и грамматическое подлежащее.

Реализация соответствующих единиц в практике общения и сообщения мысли связана, по Ф. Ф. Фортунатову, с выражением определенного психологического содержания. Но это находится целиком во власти прихотливого употребления и не может быть предметом собственно грамматического анализа. Задача синтаксиса состоит в изучении форм отдельных слов в их сочетаемости друг с другом, а также специфических форм их соединения в составе предложения независимо от того, как они реализуются в процессе речевой коммуникации. <...>

<...> Анализ словосочетаний (и предложений) со стороны непосредственных синтаксических связей слов, входящих в их состав, не дает нам никакой полезной информации об их употреблении в соответствии с тем или иным целевым (коммуникативным) назначением. Так, одно и то же словосочетание, будучи, например, грамматическим предложением типа *NN приехал из Москвы*, может служить в речи ответом на любой из следующих вопросов: *Кто приехал из Москвы? Приехал ли NN из Москвы? Откуда приехал NN?* — или само может выражать вопрос, и это никак не влияет на связи слов друг с другом в составе данного словосочетания.

Отсюда с достаточной очевидностью следует, что необходимо четко отграничивать факторы, определяющие синтаксические связи слов в составе словосочетания или предложения, от факторов, обуславливающих преобразование и реализацию словосочетаний (предложений) в качестве единиц речевой коммуникации. Другое дело, правомерно ли выносить последние за пределы грамматики, ограничивая сферу синтаксического исследования лишь формальным механизмом образования (конструирования) словосочетаний.

Вероятно, такой подход в какой-то мере <...> является оправданным. Он действительно обеспечивает большую точность и объективность научного описания одной из сторон структуры языка, в известной мере позволяя преодолеть существенные противоречия в интерпретации языковых фактов.

Однако, с другой стороны, такой подход значительно обедняет наши представления о речевой действительности, освещая ее далеко не полно.

Собственно при таком подходе понятие предложения как специфической языковой единицы, как единицы, которой одной принадлежит коммуникативная функция языка, поскольку «в общественной практике люди мыслят и говорят именно предложениями», фактически исчезает, оказывается ненужным. Тот смысл, который вкладывает в него Ф. Ф. Фортунатов, вовсе не имеет в виду коммуникативной сущности предложения. Но это как раз и приводит к тому, что важнейшая сфера функционирования языка как средства общения и обмена мыслями целиком выпадает из поля зрения науки о языке.

Учение Ф. Ф. Фортунатова о синтаксическом строе языка <...> не могло удовлетворить тех лингвистов, которые хотели бы видеть в синтаксисе «описание способов обнаружения мышления в слове», как акад. А. А. Шахматов. <...>

Будучи учеником Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматов, хотя и воспринял некоторые идеи своего учителя, не стал его прямым последователем в понимании объема и задач синтаксиса.

По замыслу А. А. Шахматова, синтаксис должен включать как учение о предложении, так и учение о словосочетании, причем последнее должно занять подчиненное положение по отношению к первому <...>.

Таким образом, на центральное место в синтаксисе вновь возвращается понятие предложения.

Трактовка этого понятия приобретает у А. А. Шахматова принципиальное значение: по его мнению, именно здесь лежит ключ к пониманию сущности языка («Язык в своих элементах зародился и развивался в составе предложения, предложение является единственным способом обнаружения мышления в слове»¹).

А. А. Шахматов решительно возражал против всяких ограничений, имеющих целью сузить понятие предложения как в отношении его внутреннего содержания (отождествление предложения с логическим или психологическим суждением), так и со стороны его внешнего выражения (попытки определить предложение лишь по некоторым морфологическим показателям), хотя сам он не был последовательным в осуществлении этого требования.

По А. А. Шахматову, интеллектуально-психологическую основу любого предложения составляет так называемая коммуникация (понятие более широкое, чем суждение). Сущность коммуникации состоит в том, что в ней «движением воли соединяются некоторые представления в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую)

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М., 1941. С. 73.

связь». Коммуникация является «посредницей между психической говорящего и тем проявлением ее в слове, к которому он стремится».

Подводя под коммуникацию все виды предложений, А. А. Шахматов учитывал момент речевого взаимодействия говорящего и собеседника. Он писал о предложениях типа *Дома ли отец? Уходите! Выпить бы чего! Посидел бы ты с нами!*, что в них «представления приведены в связь нарочитым актом не для утверждения чего-либо или отрицания, а в одном случае для вынуждения собеседника к тому, чтобы он высказал суждение, сочетав оба названных в вопросе представления, в другом случае — для вынуждения или побуждения собеседника произвести то или иное действие (*Уходите! Посидел бы ты с нами!*), в третьем — для обнаружения желания говорящего (*Выпить бы чего*)».

Однако при анализе состава коммуникации А. А. Шахматов фактически не считался с этим моментом и оставил в силе прежний, формально-логический принцип деления, нивелируя различия между разными типами сообщений¹.

Важнейшими членами коммуникации являются, по А. А. Шахматову, психологический субъект и психологический предикат. Психологический субъект — это представление, господствующее над другим, сочетавшимся с ним представлением; психологический предикат, наоборот, представление зависимое, подчиненное. При чем отношения господства и зависимости между этими представлениями обуславливаются «самой их природой». Представления о предметах, например, сами по себе являются господствующими, независимыми, тогда как представления о признаках осознаются как зависимые, производные.

Следовательно, еще до обнаружения их в коммуникации указанные представления стоят в определенном отношении друг к другу. Коммуникация как бы только воспроизводит и закрепляет эти отношения.

А. А. Шахматов постоянно подчеркивает: «Дело идет о действительном господстве, обусловленном самою природой первого представления, и о действительной зависимости, обусловленной природой второго представления»².

«При сочетании представлений о предмете с представлением о признаке первое из них как господствующее в отношении признака по самой своей природе будет всегда субъектом, а второе предикатом»³.

¹ По замечанию В. В. Виноградова, он невольно переносил на психологическую коммуникацию результаты формально-логического анализа суждения (см.: *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса. М. : Изд-во МГУ, 1958. С. 78).

² *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М. : Учпедгиз, 1941. С. 22.

³ Там же. С. 23.

«Представления о времени проявления того или иного признака, представления о месте, куда направлено движение, и тому подобные представления являются представлениями несамостоятельными и соотносительными, поэтому они вообще не могут стать в предикативное отношение к другому представлению»¹.

Такая характеристика членов коммуникации и отношений между ними исходит из признания неподвижности форм языка и мышления и в конечном счете ведет к морфологизации синтаксических явлений.

Не случайно, переходя к рассмотрению предложения и определяя его как «словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации», А. А. Шахматов ставит соотношение его членов в прямую зависимость от семантико-грамматической природы различных частей речи. <...>

Правда, А. А. Шахматов делает существенную оговорку, допуская наличность в мышлении наряду с представлениями, господствующими и зависимыми по своей природе, представлений, которые становятся таковыми в силу того или иного настроения говорящего, как в известном примере немецкого ученого Г. Пауля: *Карл едет завтра в Берлин*, где, согласно авторской интерпретации, психологический предикат может быть выражен, в частности, любым членом, «смотря по тому, на что именно обращает внимание говорящий в своем сообщении». По замечанию А. А. Шахматова, в подобных случаях возникает некоторый психологический конфликт, который, однако, «должен решаться не в пользу случайного настроения говорящего, а в пользу основных отношений, лежащих между различными группами представлений»².

Но в этом замечании смешиваются по существу совершенно разные вещи: иерархические отношения, которые А. А. Шахматов считает основными и которые обнаруживаются «в согласовании составных частей предложения», как уже указывалось, лежат совсем в иной плоскости, нежели отношения, раскрывающие коммуникативный смысл сообщения (дело здесь, конечно, не в случайном настроении говорящего, а в определенной и преднамеренной целевой установке).

Заслугой А. А. Шахматова можно считать то, что он обратил внимание на особую роль в оформлении предложения интонации (это связано с его общим и, несомненно, верным требованием изучать не письменные ярлыки, а живое, звучащее слово). Но и в этом отношении он был непоследовательным и фактически апеллировал к интонации лишь в тех случаях, когда законченность словесного выражения «не выявляется наличием в составе предложения главных членов».

¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. С. 27.

² Там же. С. 25.

<...> К учению о предложении А. А. Шахматов и относил только рассмотрение способов выражения главных членов. Между тем совершенно ясно, что в таком качестве учение о предложении принципиально ничем не может отличаться от учения о словосочетаниях (словосочетаниях определенного разряда) в фортунатовском понимании этого термина. Правда, объем предложения у А. А. Шахматова несколько расширяется за счет тех случаев, когда в функции предложения выступают не сочетания слов, а отдельные слова. Но эти случаи находятся <...> на периферии синтаксической системы <...>.

Сознавая, что предложение должно обладать какими-то специфическими, свойственными только ему признаками, и даже (отчасти небезуспешно) пытаясь установить эти признаки (для чего ему и понадобилось понятие коммуникации), А. А. Шахматов, однако, так и не смог выйти за рамки прежних априорно-логических схем и построений. Вот почему распределение сфер и задач между двумя разделами синтаксиса — учением о предложении и учением о словосочетании — он вынужден был провести на основе чисто условных критериев.

<...> Шахматовское понимание объема и задач синтаксической науки оказало существенное влияние на построение системы русского синтаксиса во втором томе «Грамматики русского языка». М.: Изд-во АН СССР, 1954 (второе издание — 1960 г.).

Синтаксис определяется здесь как часть грамматики, излагающая учение о словосочетании и учение о предложении. Оба эти раздела, по замыслу авторов, должны с необходимостью дополнять друг друга: правила сочетания слов не исчерпывают всей системы синтаксических отношений, выражаемых в данном языке, поэтому синтаксис не может ограничиваться изучением словосочетаний и рассматривать предложение лишь как разновидность словосочетания; с другой стороны, сведение синтаксиса к учению о предложении оставляет в тени многие факты, характеризующие структуру различных типов словосочетаний.

Качественное своеобразие предложения, в отличие от простого сочетания слов (или словосочетания), состоит в особой функции, принадлежащей только предложению, — функции единицы общения и средства сообщения (со стороны значения) и в особой, свойственной только предложению интонации (со стороны формы).

Словосочетания являются строительным материалом для предложения. Они представляют собой грамматические единства, которые, возникая из сочетания слов по законам и правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные¹, значения¹.

Заметим, что в таком определении круг словосочетаний намеренно сужается. Отсюда сознательно исключаются так называемые

¹ См.: Грамматика русского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. Ч. I. С. 10.

предикативные сочетания (сочетания подлежащего и сказуемого), поскольку последние как будто обладают свойством сообщения. Это делается для того, чтобы более точно (и более обоснованно) провести границу между синтаксисом предложения и синтаксисом словосочетания и устранить терминологическую путаницу, когда, как у А. А. Шахматова, одно и то же речевое образование называется то законченным словосочетанием, то предложением.

Однако против этого можно выдвинуть целый ряд возражений.

Прежде всего, с принципиально методологической точки зрения нельзя считать достаточным основанием для исключения данного явления из ряда других только то, что оно, это явление, входит еще и в другой ряд (что предикативное сочетание, в частности, будучи определенным сочетанием словесных форм, приобретает еще какое-то особое качество как предложение или в составе предложения).

Кстати, в академической грамматике неоднократно подчеркивается, что не только предикативные сочетания, но и сочетания типа *холодное зимнее утро* и даже отдельные слова (например, в пушкинском контексте: *Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь*) могут обладать в речи особым свойством сообщения (слово *зима* в последнем примере, будучи предложением, не перестает быть отдельным словом).

Исключение предикативных сочетаний из круга словосочетаний вообще не оправдывается и практическими соображениями.

В самом деле, если задача синтаксиса словосочетаний состоит в том, чтобы выявить и установить правила сочетаемости отдельных словесных форм друг с другом в связной речи (в конечном счете все свойства словесных форм обнаруживаются только в связной речи, в цельном и осмысленном высказывании), то совершенно непонятно, почему в этом плане, т. е. именно с точки зрения синтаксической сочетаемости и в отвлечении от особого качества, специфически свойственного предложению, не должны рассматриваться также и сочетания главных членов.

Если же подобные сочетания в том же плане, помимо того особого качества, которое они приобретают в составе предложения, должны анализироваться в учении о предложении, то неясно, почему здесь же не рассматривать и все другие сочетания (словосочетания).

Высказанные соображения не снимают вопроса о том, все ли слова и формы слов, все ли словосочетания и их формы могут непосредственно с помощью соответствующей интонации и порядка слов становиться единицами речевого общения, т. е. предложениями¹. Однако решение этого вопроса является лишь предварительным условием для перехода из одной сферы синтаксиса в другую, поскольку даже предикативные сочетания (подлежащее + сказуемое)

¹ См.: Грамматика русского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. Ч. I. С. 77–78.

сами по себе далеко не всегда способны выражать сообщение. Ср. невозможность использования в качестве отдельных предложений таких сочетаний подлежащего и сказуемого, как в примерах: *Сильные руки извлекли ее из колонны* (Фад., Молодая гвардия); *Толпа стремительно бросилась к набережной* (Л. Толст., Война и мир); <...> *С мужчинами она держалась строго* (Г. Ник., Жатва) и т. п.

В академической грамматике русского языка справедливо указывается, что языковая форма предложения не определяется всецело его грамматическим составом, что фактически предложение существует как определенное единство своего состава, интонации и порядка слов¹, но разграничение предложений и словосочетаний проводится все-таки на основе одних лишь собственно конструктивных различий соответствующих синтаксических образований. Здесь налицо очевидная непоследовательность, поскольку при этом игнорируются те специфические признаки, которые отличают предложение от словосочетаний любого состава в самой речевой действительности.

В указанном отношении весьма примечательно, что случаи так называемого разнообразного осмысления одной и той же синтаксической конструкции благодаря изменению порядка слов и интонации (ср.: *Поезд пришел — Пришел поезд*) трактуются в академической грамматике как «различное смысловое применение одного и того же предложения». Но если интонация и порядок слов с необходимостью характеризуют любое предложение, то вряд ли правомерно считать тождественными (одними и теми же) построения, которые по своим характеристическим (конститутивным) признакам различаются вполне отчетливо и определенно. Ясно, что в подобных случаях за предложение принимается уже нечто такое, что существует будто бы вне интонации и вне определенного порядка слов.

Естественно, что академическая грамматика не могла подвести окончательный итог поискам наиболее рациональных схем и приемов адекватного воспроизведения синтаксического строя русского языка. Эти поиски продолжались у нас и в последующие годы.

Так, проф. А. Б. Шапиро была предпринята попытка возродить <...> фортуатовскую синтаксическую концепцию, в соответствии с которой главным и единственным предметом изучения в синтаксисе должно быть не предложение, а словосочетание.

По определению А. Б. Шапиро, словосочетание есть образованное из знаменательных слов замкнутое грамматическое целое, между членами которого устанавливается в процессе речи отношение определяющего и определяемого². Дополнительно к понятию слово-

¹ Там же.

² См.: Шапиро А. Б. О предмете синтаксиса // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 3. С. 79. См. также: Шапиро А. Б. Словосочетание в русском языке // Славянское языкознание. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 195–216.

сочетания А. Б. Шапиро ввел также понятие словосочетательной цепи (словосочетательная цепь может состоять из двух, трех и более словосочетаний, каждое словосочетание представляет собой в таких случаях звено словосочетательной цепи). С введением этого понятия отношения синтаксической сочетаемости отдельных словесных форм, находящихся в разной иерархической зависимости друг от друга, как будто бы действительно исчерпываются в синтаксисе. Но можно ли ограничивать синтаксис изучением только указанных отношений?

Справедливо отмечая, что словосочетание и словосочетательная цепь, с одной стороны, и предложение — с другой, — явления различного рода и если они и пересекаются, то лишь частично и на различных уровнях, А. Б. Шапиро, по-видимому, не допускал мысли о двухмерности (или многомерности) синтаксической системы языка и поэтому выносил предложение за пределы этой системы. По его мнению, предложение следует рассматривать не в синтаксисе (и значит, не в грамматике вообще), а в риторике, которая должна описывать структуры предложений разных типов с замечаниями об их стилистическом использовании в речи. Однако такой подход не может быть принят <...>, что грамматический строй любого языка обслуживает потребности общения и сообщения, которые в полной мере удовлетворяются как раз и только с помощью предложений различных типов. Отсюда следует, что, вырывая предложение из контекста грамматического строя, мы не можем составить достаточно полное и точное представление о самом этом строе, все средства которого в конечном счете направлены на организацию связной речи в целях коммуникации, т. е. опять-таки на построение предложения.

Особое направление в понимании синтаксиса разрабатывается проф. Т. П. Ломтевым.

В статье «Природа синтаксических явлений» Т. П. Ломтев утверждает, что предлагаемая им синтаксическая теория за отправную единицу принимает предложение. Следовательно, его синтаксис — это прежде всего учение о предложении.

Исходя из признания двустороннего характера лингвистических объектов, Т. П. Ломтев определяет предложение как лингвистическую единицу, «означающей стороной которой является словесная форма или сцепление словесных форм, а означаемой — предикативное отношение, т. е. сообщение»¹.

Важнейшей элементарной синтаксической единицей Т. П. Ломтев считает позицию словесной формы, или позиционное звено в структуре предложения. Обоснованию этого понятия и анализу различных типов предложения как структуры позиций посвящена

¹ Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1961. № 3. С. 26.

работа Т. П. Ломтева «Основы синтаксиса современного русского языка» (М.: Учпедгиз, 1958). Понятие позиции здесь вводится в противовес традиционно выделяемым членам предложения, поскольку последние, по мнению автора, представляют собой вовсе не синтаксические, а смысловые категории.

Позиция, или позиционное звено, в структуре предложения определяется, во-первых, на основе противопоставлений разных форм одного слова (ср.: *написал брату* — *написал о брате*) и, во-вторых, на базе лексико-грамматических свойств слов, образующих данный синтаксический (или синтагматический) ряд (ср.: *писал днем* — *писал пером*).

С точки зрения позиционных отношений любое предложение представляет собой в синтаксическом плане определенную структурную (или позиционную) модель, строение которой зависит от качества и состава позиций, занимаемых в ней отдельными словесными формами. Предлагаемый Т. П. Ломтевым синтаксический анализ предложения и имеет в виду выявление и квалификацию позиций образующих данное предложение словесных форм.

Следует сказать, что понятие позиции, хотя и нуждается еще в уточнении, является, несомненно, плодотворным. Однако оно учитывает опять-таки лишь одну линию в структурном строении предложения — линию конструктивных связей составляющих его элементов. Указание на то, что такие элементы (отдельные словесные формы) находятся в отношении друг с другом не только внутри одной модели предложения (так называемые синтагматические отношения, которые устанавливаются, например, между словесными формами *писал* и *вечерами* в конструкции *писал вечерами*), но и за ее пределами (так называемые парадигматические отношения, т. е. отношения словесных форм одной модели к словесным формам другой модели, ср.: *писал вечерами* — *писал по вечерам*), не меняет дела, поскольку установление второго ряда отношений ориентируется на тот же план синтаксической сочетаемости, представляет собой своеобразную проекцию к нему в сознании носителей данного языка, располагающих определенными сведениями о том, что данное отношение реальной действительности может быть выражено не только данным синтаксическим рядом слов, но еще и каким-то другим.

Характерно, что при выяснении специфических признаков предложения Т. П. Ломтев приписывает его означаемой стороне лишь словесную форму или сцепление словесных форм, а распределяя связи членов модели предложения на два класса (связь на основе требований предикативности и связь на основе валентных свойств словесных форм), воспроизводит по существу старое фортунатовское деление словосочетаний на законченные и незаконченные, пользуясь термином «предложение» как синонимом законченного словосочетания.

Ряд интересных, хотя и весьма противоречивых, соображений о задачах синтаксиса как учения о предложении (в его противопоставлении синтаксису словосочетания) высказан в «Основах построения описательной грамматики современного русского литературного языка» (М.: Наука, 1966).

Автор соответствующего раздела этой книги — Н. Ю. Шведова, рассмотрев и подвергнув во многом вполне обоснованной критике некоторые из уже пройденных путей построения синтаксиса, согласно собственному заявлению, встает на тот путь, который был намечен в теоретическом введении к академической грамматике русского языка 1954 г. Вместе с тем Н. Ю. Шведова развивает некоторые новые (по сравнению с академической грамматикой) принципы и положения.

Прежде всего, заслуживает внимания ее указание на то, что предложение включается в систему иных парадигматически соотносимых форм, нежели словосочетание: если система форм словосочетания определяется исключительно категориями, свойственными стержневому слову (ср.: хорошая книга — хорошую книгу и т. д.), то система форм предложения — специфическими «предложенческими» категориями времени и объективной модальности (ср.: *брат пишет* — *брат писал* — *брат будет писать* — *брат писал бы* — *пиши бы брат* (?) и т. п.).

Поскольку названные категории явно не конструктивного плана (как видно из приведенных примеров, конструктивные связи компонентов во всех «формах» предложения остаются здесь неизменными), то само понятие предложения, по логике вещей, как будто бы должно быть выведено за пределы конструктивного синтаксиса.

Однако Н. Ю. Шведова отнюдь не склонна следовать этой логике.

Главной задачей синтаксиса предложения она считает выявление так называемых структурных основ (формул) построения предложений, каковыми, по ее мнению, могут быть, например: соединение именительного падежа с *verbum finitum* (*Отец ушел утром на работу*), глагол в форме 3-го л. единственного числа (*Наконец-то рассветает*), формы номинатива (*Поздняя осень*; *Густой туман над рекой*), некоторые сочетания, включающие в свой состав «такие элементы, которые традиционно определяются как второстепенные члены предложения или совсем выводятся за пределы строевых элементов синтаксиса (частицы), однако в составе структурной основы играют роль её обязательного компонента» (*Директору не до разговоров*; *Грубьянам не место в футболе*; *С чистописанием задача*; *Вот и река*) и др.¹ Все это построения, различающиеся, конечно, в конструктивном, а не в коммуникативном плане.

¹ См.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1966. С. 146.

В коммуникативный план мы, очевидно, переключаемся только тогда, когда рассматриваем такие построения с точки зрения их возможных парадигматических разветвлений, — ведь релевантными для предложения как коммуникативной единицы являются, по Н. Ю. Шведовой, «категории объективной модальности и синтаксического времени», по которым и устанавливаются соответствующие разветвления.

Но если именно указанные категории «образуют грамматическое значение предложения»¹, то различающиеся в этом плане члены парадигмы не могут считаться видоизменениями одного и того же предложения, а должны быть признаны инвариантными.

Впрочем, в дальнейшем оказывается, что существует «большая группа предложений, не обладающих парадигмой», и что между такими предложениями, «которые могут возникнуть в определенных речевых условиях на основе любой словоформы или любого словосочетания», и предложениями, «которые в системе языка представляют собой типические структурные схемы», имеются «глубокие внутренние различия»².

При этом остается неясным, что же служит основанием для признания первых все-таки предложениями и в чем их отличие от словосочетаний, если они «могут возникнуть ... на основе любой словоформы или любого словосочетания».

Совершенно очевидно, что решить этот вопрос в рамках предлагаемой концепции невозможно, поскольку она дает весьма ограниченный выход за пределы конструктивного синтаксиса (в виде установления парадигматики предложений по линии грамматических категорий, принадлежащих по существу только глаголу) и оставляет в силе принцип одномерного (касающегося лишь выбора и квалификации тех синтаксических конструкций или отдельных словесных форм, которые обычно используются в качестве базы для построения предложения) подхода к языковым явлениям.

<...> Все отмеченные факты с несомненностью свидетельствуют о том, что предложение как коммуникативная единица, помимо того, что выражается в конструктивных связях образующих его словесных форм, обладает еще целым рядом других, дополнительных признаков, без учета которых невозможно вообще понять и объяснить, как оно строится и какое место занимает в синтаксической системе языка.

<...> Собственно, грамматическое членение выполняет свое назначение в структуре предложения лишь в той мере, в какой последнее использует в коммуникативных целях то или иное осмысленное сочетание слов, ту или иную синтаксическую конструкцию. Но и безотносительно к такому использованию, безотносительно к определенной актуализации в коммуникативном плане оно выступает достаточно ясным показателем известных отношений, связей в пределах данной

¹ Там же. С. 147–148.

² Там же. С. 153.

синтаксической конструкции. Поэтому, строго говоря, анализ предложения в плане грамматического членения имеет своим объектом не предложение, как таковое, а только синтаксическую конструкцию (словосочетание или словосочетательную цепь). Предложение же с необходимостью включает, помимо грамматического, еще и актуальное членение, показывающее, какое коммуникативное значение получает в речевом акте данная синтаксическая конструкция, какому коммуникативному заданию соответствует выраженное в ней сообщение.

<...> Для современного русского языка характерно, что здесь синтаксическое соединение слов (с помощью флективных показателей, специальных служебных частей речи и т. п.) используется в основном для выражения грамматического членения и полностью обеспечивает оформление такого членения в структуре предложения, тогда как словорасположение и интонация оказываются свободными от этой роли и служат преимущественно для выражения актуального членения.

Следовательно, выступая в качестве предложения, та или иная синтаксическая конструкция не только определенным образом осмысливается, приобретая целенаправленное коммуникативное значение, но и определенным образом дооформляется, поскольку актуальное членение предложения и общая цель выражаемого в нем сообщения должны быть так или иначе оформлены.

Все вышеизложенное дает нам право говорить о двух аспектах синтаксической структуры предложения. Один из них мы назовем *к о н с т р у к т и в н о - с и н т а к с и ч е с к и м*. В этом аспекте предложение может быть охарактеризовано со стороны своей конструктивной базы, т. е. используемой им в качестве основы для своего построения синтаксической конструкции того или иного типа. Другой аспект — *к о м м у н и к а т и в н о - с и н т а к с и ч е с к и й*. В этом аспекте предложение характеризуется как единица коммуникации со свойственным ей и формально сигнализируемым «сообщительным» смыслом. <...>

Г. А. Золотова

Коммуникативные аспекты русского синтаксиса¹

<...> Как представляется, усложнение синтаксического анализа можно наблюдать сейчас во многих работах по синтаксису. Выделяют четыре основных аспекта предложения: структурный, коммуни-

¹ Печатается по: *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 177–187.

кативный, семантический и логический. Система анализа расслаивается, но взаимосвязи между слоями, «уровнями» или аспектами не прослеживаются. Вот пример типичного рассуждения в одной из синтаксических диссертаций последнего времени: «Систематизация предложения на основе структурных схем является очень существенным дополнением к основной классификации, проводимой с учётом различия в грамматической форме <...>. Систематизация на основе структурных схем является второй (конечной) ступенью структурно-синтаксической систематизации простых предложений... Описание структурных схем является неполным без опоры на семантические структуры предложений. При рассмотрении семантической структуры предложения в качестве первой ступени нами используется анализ синтаксической структуры предложения. После этого исследуется наполнение компонентов синтаксической структуры»...¹ и т. д. Среди этих разнообразных ступеней, не выстраивающихся в однонаправленную лестницу, теряется единство структуры предложения.

4. Чтобы общая картина моделей предложения отражала их существенные системные черты, классификация должна учитывать следующие характеристики предложения:

1) соотносённость предложения с планом мышления и с планом действительности;

2) семантико-грамматические свойства его главных компонентов;

3) признаки, определяющие место модели в отношении к центру и периферии системы.

Итог всему сказанному может быть представлен графически (см. табл. 4). Примем, что таблица верхней частью обращена к плану мышления, правой стороной — к плану действительности. План мышления представлен сопряжением в рече-мыслительном акте субъектного и предикатного компонентов, организующих предикативный минимум предложения. Конкретно-языковые формы выражения субъектного и предикатного компонентов разделены по релевантным семантико-грамматическим признакам. Сопряжение этих компонентов, взаимообусловленное и избирательное с обеих сторон, даёт своим результатом типовое значение, референтно соотносённое с тем или иным типом отношений внеязыковой действительности. Предложения, расположившиеся в клетках по диагонали, в точках скрещивания грамматической горизонтали с семантической вертикалью, представляют центральные модели предложений русского синтаксиса. От прочих моделей их отличает единство синтаксического, морфологического и семантического в их структуре. Это означает, иными словами, что:

¹ *Калинин А. Ф.* Основные аспекты структурного типа обобщенно-личных предложений: дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 15–16.

Основные семантико-грамматические модели предложений

Личный	Субъект		Предикат					Типовое значение
	Предметный	Глагольный	Наречный	Алъективный	Именной	Квантитативный		
Брат У брата	Станок	работает работает			за работой на репетиции репетиция		Действие субъекта	
Брат Брату Брата У брата С братом		спит нездоровится лихорадит	навеселе весело	весел	в тревоге кашель обморок на ремонте в цвету темнота		Состояние субъекта	
Брат У брата Брату	Станок Сирень За окном	простаивает цветёт темнеет	темно		ленив(ый) иронично колодезная		Свойство субъекта	
Брат	Вода В комнате	ленится			с бородой борода год не без иронии от отца из колодца камин		Квалификация субъекта	
Брат	Волк Байкал				учитель хищник озеро		Квантификация субъекта	
Братьев	Волки Волков Мест волы	прибывает	наперечёт	редки	дюжина с десятков десятки по колену	четверо много триста	Квантификация субъекта	

1) каждый из двух предикативно сопряженных компонентов, предметный и признаковый, выражен изосемическим способом, т. е. соответствующей частью речи в ее основном категориальном значении;

2) семантико-синтаксическая роль каждого из компонентов соответствует роли денотата в обобщенном моделью фрагменте действительности;

3) предложения не имеют дополнительных смысловых приращений из ряда регулярных грамматико-семантических, модально-экспрессивных и коммуникативных нагрузок.

Центральное место в русском синтаксисе тех моделей, которые манифестированы примерами в клетках по диагонали, подтверждается тем, что все прочие предложения — и поместившиеся в других клетках таблицы, и не представленные в таблице — занимают свои системные места по отношению к основным, центральным типам предложений на основе отсутствия одного из трех названных признаков или наличия иных признаков, которые могут быть детерминированы. Так, например, предложения *Брат за работой; Брат ленится; Волки наперечет* представляют модели, но принадлежащие к центральным по признаку несоответствия между морфологическим способом выражения предиката и его семантикой, поскольку значения действия, признака, количества имеют собственные, изосемические средства выражения (глагол, прилагательное, числительное), а здесь выражены косвенным, неизосемическим способом.

Сам принцип диагонали, как кажется, снимает остроту дилеммы «от формы к значению» или «от значения к форме», предоставляя выбор одного из двух путей методическим задачам обучения либо конкретным целям того или иного исследования¹.

Но отношению к основным, центральным моделям модели с несобственным способом выражения предиката в пределах одного типового значения, по горизонтали, составляют вариативный, синонимический ряд, возглавляемый основной моделью как инвариантной, или доминантной. Таблица, как и всякая схема, представляет суть дела в обобщенном, а следовательно, и упрощенном виде, в языковой действительности координаты и типового значения и грамматических характеристик устроены сложнее, по иерархическому принципу: каждая рубрика обобщает подтипы или разновидности и каждого из значений и — соответственно — способы их выражения. Так, например, в рубрике «Действие субъекта» могут быть выделены такие разновидности действия, как конкретное физическое дей-

¹ Весьма своевременным представляется напоминание В. Н. Ярцевой суждения Г. Суита, который в конце XIX в. писал о том, что при наличии двух возможных путей рассмотрения языка «язык и грамматика имеют дело с формой и содержанием не по отдельности, а со взаимоотношениями между ними, именно это является подлинным феноменом языка» (ВЯ. 1976. № 2. С. 10).

ствие (субъекта), переходящее на предмет, движение субъекта (предмета) в пространстве, познавательные-коммуникативные действия субъекта и некот. др. Дифференциальным признаком послужит прежде всего различный набор обязательных и возможных элементов, распространяющих и конкретизирующих глагольные предикаты: наименований предметов в соответствующих падежных и предложно-падежных формах как объекта и орудия конкретного действия, как ориентиров движения, как делиберата и адресата мысли-речи и т. п. Подразделениями рубрики «Состояние субъекта» будут состояние физическое, психологическое, положение предмета в пространстве. В рубрике «Признак предмета» разновидности составят физические и духовные качества субъекта, характеристики предмета по материалу, по форме, по величине, по источнику или происхождению, по назначению и т. д.

Очевидно, что условием формирования предложений каждой разновидности является комплексное участие морфологических, синтаксических и семантических средств: подразделению типовых значений соответствует подразделение основных частей речи на семантико-грамматические подклассы, в пределах которых за каждым значением закреплены определенные синтаксические формы слов; чем детализированнее значение, тем уже круг форм, призванных выражать его. При этом закреплённость и ограниченность форм выражения возрастает от центра системы к периферии: если в основной модели разновидности значений дифференцируются главным образом с помощью лексико-семантических средств (*Он невысок; Он талантлив; Туесок берестяной; Дом трехэтажный; Вода родниковая; Бутылка молочная*), то в синонимическом ряду усиливается роль грамматических ограничений и служебных элементов оформления (ср.: *Он невысокого роста; Он не без таланта; Туесок из бересты; Вода из родника; Дом в три этажа; Бутылка из-под лола*).

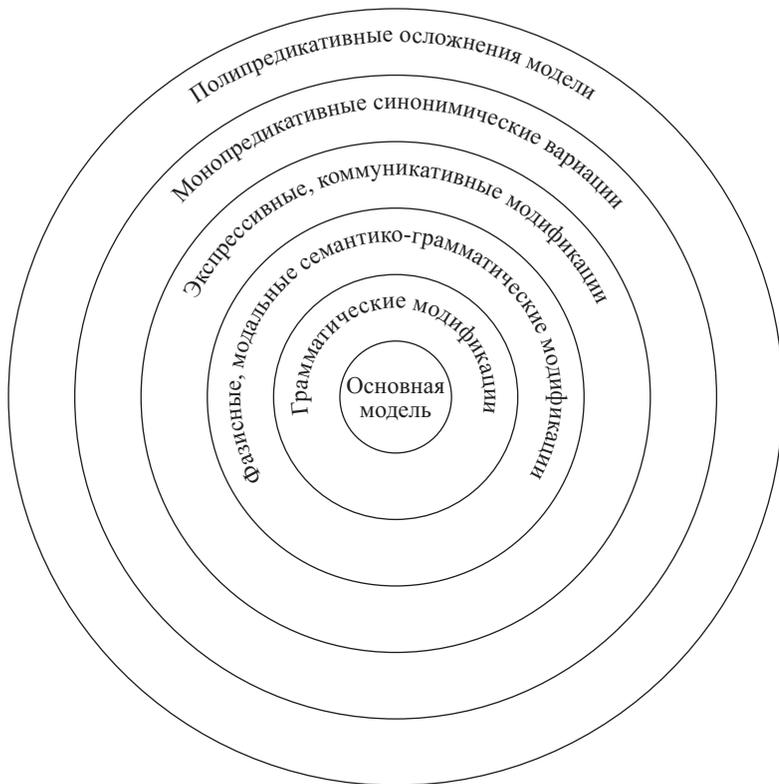
Рубрикация разновидностей значения не растворяется в лексической субъективной бесконечности именно потому, что лексико-семантические разряды в основных моделях, кроме синтагматических характеристик, особенно выразительных для подтипов глагольных моделей, опираются на парадигматические ряды синонимических моделей, ограничивающие дробление реальным набором синтаксических форм, закреплённых за данным значением.

Основные модели предложения по отношению к их регулярным семантико-грамматическим модификациям и осложнениям можно представить как центр сферической системы, окруженный концентрическими слоями, постепенно отступающими от центра в ближнюю и дальнюю периферию поля.

Границы между слоями, обозначаемые окружностями, условны в том смысле, что в речевых предложениях встречаются одновременно грамматико-смысловые приращения, разделенные в схеме

границами, но разделяют они явления разного характера, которые иллюстрируются следующими схематическими же примерами:

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1) Грамматические модификации (по частным значениям категорий времени, модальности и лица): *Брат работал, Брат будет работать, Я работал бы... Ты работай* и т. д.

2) Семантико-грамматические модификации: модальные *Брат хочет работать, Брат должен работать, Брат старается работать...*, фазисные: *Брат начинает, продолжает, прекращает работать.*

3) Экспрессивно-коммуникативные модификации: *Как он работает! Ох, и работает же он!*, с интеррогацией и с негацией: *Разве брат работает? Неужели брат не работает?*

4) Монопредикативные синонимические вариации с неизосемическими компонентами: *Брат за работой, Брат на работе, Брат весь в работе; Брат выполняет работу, проводит работу, исполняет работу...* и т. д. К синонимическим вариантам относятся конверсивы, пассивные конструкции: *Работа проводится братом, выполнена братом.*

Коммуникативно-стилистические варианты той же модели дает синтаксически значимая неназванность субъекта: *Работаю, Работайте, Здесь работают, Не работаешь — не ешь.*

Среди синонимов той же основной модели занимают свое место инфинитивные и «безличные» предложения, осложненные модально-волевыми значениями (независимости действия от воли его субъекта): *Работать! Брату еще работать, Брату не работается, Ему не хочется работать, Ему нужно работать, Пора работать* и т. д.

Как семантические варианты основной модели могут рассматриваться предложения с метафорическим или метонимическим замещением позиций субъекта или предиката: *Время работает на нас* и т. п.

5) Полипредикативные осложнения модели. Среди них различаются моносубъектные построения и полисубъектные. В моносубъектном предложении с одним и тем же именем субъекта сопрягаются одновременно два предикативных признака, глагольный и именной: *Брат работает учителем; В деревню брат вернулся учителем; Он вернулся весёлым; Он вернулся в растерянности* и т. п. В качестве вторичного именного предиката функционируют признаковые синтаксемы, способные быть предикатами простых моделей, ср.: *Сваха — в смятенье — В смятенье сваха к ней бежит* (Пушк.); *Избушка — без окон — Избушка там на курьих ножках Стоит без окон, без дверей* (Пушк.); *Дед — с сумой. Дед бос — Дед идёт с сумой и бос* (Анненск.).

С личными глаголами-предикатами соотносятся неспрягаемые формы глагола — инфинитив, причастие, деепричастие и девербатив. Они используются в системе предложения как способы вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия; таким образом, они могут быть рассматриваемы в качестве синтаксических дериватов глагола-предиката. Ср. предложение *Брат работает в деревне* и осложненные предложения с его дериватами: с н о м и н а л и з а ц и е й *Работа брата в деревне была непродолжительной*; с и н ф и н и т и в и з а ц и е й *Работать в деревне было его мечтой*; с а д в е р б а л и з а ц и е й *Работая в деревне, брат часто писал матери*; с а т р и б у т и з а ц и е й *Брат, работавший в деревне, часто писал матери.* Синтаксические дериваты глагола-предиката, или обороты, построенные на их основе, включаясь в предложение, реализуют предикативные категории времени, модальности, лица лишь частично и относительно глагола-предиката, на этом основании им приписывается признак п о л у п р е д и к а т и в н о с т и. Предложение, включающее в свой состав п о л у п р е д и к а т и в н ы е компоненты, становится п о л и п р е д и к а т и в н ы м, или предикативно конденсированным.

Полипредикативность часто сопровождается полисубъектностью. В нашем «Очерке...» 1973 г. подробно рассмотрены полипредикативные и полисубъектные конструкции каузативного и авторизирующего типа. Ср.: *Брат работает в деревне — Отец советует брату поработать в деревне; Брат умеет работать — Отец считает*

брата умеющим работать, Брата считают умеющим работать и т. п.

Инфинитивные и номинативные дериваты глагольного предиката часто служат предиктируемым компонентом в полипредикативных предложениях с оценивающим предикатом. Оценка — модальная, этическая, прагматическая — всегда предполагает новый субъектный план: *Работать в деревне полезно, достойное занятие; Работа брата перспективна, заслуживает высокой оценки* и т. д.

Такова в общих чертах картина синтаксического поля предложения, упорядочивающая и систематизирующая вокруг исходной модели множество ее вариантов и модификаций. Каждая из исходных моделей со своим окружением может быть представлена в виде такого поля. Понятно, что совокупность основных моделей составит центр, ядро синтаксической системы, а все их регулярные модификации и вариации, соответственно размещенные, ее периферийные слои. Предлагаемый способ классификации моделей предложения включает в себе утвердительный ответ на вопрос о возможности построения единой грамматико-семантической типологии предложения и выявляет структурно-смысловые признаки, но которым сопоставляются и противопоставляются предложения.

5. В заключение отметим еще одно существенное противопоставление, до сих пор не учитывавшееся в систематике предложений. Нет сомнения, что в синтаксической иерархии к разным рангам принадлежат классы предложений, различающиеся с точки зрения характера отображения явлений действительности, связи его с разными видами мыслительного процесса:

1) Предложения, вербализованно отображающие явления, факты, свойства и связи денотатов, наблюдаемых в действительности.

2) Предложения, содержащие вербализованный результат мыслительной операции над сигнификатом: установление причинно-следственных связей между явлениями, сопоставление, логическая квалификация и оценка ситуации и явлений.

В языковом выражении эти классы предложений различаются прежде всего составом главных компонентов¹. От предложений первого ранга, элементарных, предложения второго ранга, усложненные, отличаются тем, что позицию предиктируемого могут занимать в нем компоненты деривационного, пропозитивного значения (девербатив и deadъектив, инфинитив), имена предметные в этой позиции выступают не в конкретно-денотативном, а в понятийном, сигнификативном значении.

¹ Ср. выдвинутую А. И. Островской гипотезу о гетерогенной уровневой системе речевых средств, предназначенных для выражения познавательной деятельности сознания: формы мышления эмпирического и теоретического уровней познания действительности имеют разное языковое выражение (*Островская А. И. Сверхфразовые единства, выражающие доказательство и умозаключение, в научной и общественно-политической речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981. С. 7*).

Ряд моделей предложения служит специально выражению мыслительных операций: инфинитивно-оценочные, каузативные и авторизирующие построения; адъективно-компаративные (*Хрен редьки не слаще*), адъективные и глагольные, сообщающие об отношениях соответствия, иерархии (*Форма соответствует содержанию; Отрезок СД равен отрезку ДЕ*); именные, содержащие эмоциональную или логическую оценку отношения между предметами (*Шинель ему не по росту; Программа мне по вкусу*); модели, оценивающие ситуацию (*С планом порядок; С алгеброй неудача*); модели, оценивающие количество (*Мест не хватает; Времени мало; Хлеба достаточно*).

Вопрос о разграничении названных двух классов предложений ставится здесь в самом общем и предварительном виде, но он безусловно нуждается в пристальном исследовании.

Идея иерархической организации системы простого предложения в последнее время все больше привлекает внимание синтаксистов. В. А. Белошапкина и Т. В. Шмелева, исходя из аналогии со словообразовательной парадигмой слова, рассматривают регулярные реализации и модификации как его деривационную парадигму¹. Обсуждение критерия отграничения исходной модели от ее модификаций как диктума (пропозиции) от модуса дает основания авторам сократить список минимальных образцов предложения. Однако оптимизм авторов в отношении этого списка («поиск основных образцов ... , видимо, можно считать завершенным») кажется преждевременным. В поиске этом недостаточно учтены возможности, связанные с разграничением видов модальных значений (общепредикативного и частных) и с разграничением субъектных планов предложения.

Признав инфинитивные предложения дериватами, авторы ставят в один ряд такие предложения, как (1) *Ему хочется гулять*; (2) *Ему гулять нельзя*; (3) *Ему гулять полезно*. Авторами статьи не замечена существенная разница между ними, состоящая в том, что в (1) выражено модальное отношение субъекта к своему потенциальному действию, а в (2) и (3) — модально-волеизъявительное или прагматически-оценочное отношение к действию со стороны другого субъекта. Новый субъектный план создает полипредикативное усложнение предложения, не сводимое к модификации (деривации) модели *Он гуляет*. Авторизация также не сводима к деривату, это субъектно-предикатное усложнение модели. Таким образом, идея иерархической организации требует разграничения модификаций (дериваций) предложения и полипредикативных его усложнений, иными словами — разграничения видов смысловых приращений по их роли в организации предложения. Отсюда вытекает необходимость вывести из списка минимальных образцов предложения, содержащие оценочный или логически-квалифицирующий предикативный компонент (*За-*

¹ Белошапкина В. А., Шмелева Т. Викт. Деривационная парадигма предложения // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1981. № 2. С. 43–51.

мечание кстати / не к месту; Спорт — это здоровье; Так рассуждать — эгоизм; Опоздать — значит подвести его; Было бы ошибкой думать так). Из сказанного ранее очевидна неубедительность отнесения к одной модели предложений *Замечание кстати* и *Он не в духе; Тишина* и *У него неприятности* и под. пар.

Вызывает сожаление, что для разных попыток усовершенствования списка структурных схем предложения оказывается непреступным принцип приблизительного и условного морфологизма, положенный в основу этого списка. Так же и в другой работе¹, предлагающей, напротив, пополненный список из 46 структурных схем, под одну схему подводятся разные типы предложений, с компонентами различной грамматической и семантической природы: *Небо голубое — Курить вредно; Птицы улетели — Курить запрещается; Он ранен — Курить запрещено* и т. п. Схема с мифической формой N₂... представлена предложениями *Она в отчаянии; Чай с сахаром; Увиливать — это не для меня*. Здесь тоже не разграничены предложения элементарные, сообщающие о фактах, и предложения полипредикативные, сообщающие о логических связях между фактами, об оценке этих фактов.

Дело, следовательно, не только в том, что вызывает несогласия и может быть скорректирован список структурных схем, или минимальных образцов, предложения. Дело в некоторых принципах осмысления этого понятия, его роли как звена системы, в непреодоленных пока трудностях построения системы. Следует ожидать, что накопление наблюдений над грамматико-семантическим соотношением разных моделей позволит со временем придать этой системе больше точности и стройности.

И. П. Распопов Предложение как коммуникативная единица языка²

- Задания.**
1. Как, по мнению И. П. Распопова, характеристика предложения по цели влияет на структуру предложения?
 2. В чем автор видит принципиальные различия между повествовательными, вопросительными и побудительными предложениями?
 3. Какое значение автор придает актуальному членению в характеристике предложения?

¹ См.: *Кокорина С. И.* Еще раз о структурной схеме простого предложения // Проблемы учебника русского языка как иностранного. Синтаксис. М., 1980. С. 217–234.

² Печатается по: *Строение простого предложения в современном русском языке.* М., 1970. С. 84–98

<...> Характеристика состава и строения предложений с точки зрения конструктивных связей образующих их словесных форм, их грамматического (конструктивно-синтаксического) членения и типологии тех общих моделей (схем, образцов) синтаксических конструкций, в рамках которых они складываются, не исчерпывает всего того, чем обладает предложение в действительности, и, собственно, никак не раскрывает его коммуникативной сущности.

Предложение есть единица коммуникации, и в качестве таковой оно обнаруживает в своей семантике и структурном строении целый ряд специфических признаков, которые должны быть раскрыты и рассмотрены особо.

Обычно к числу специфических признаков предложения относят предикативность и интонацию сообщения.

По этому поводу следует прежде всего сказать, что соответствующие величины не соотносительны.

Если под предикативностью понимают «совокупность таких грамматических категорий, которые определяют и устанавливают природу предложения как грамматически организованной единицы речевого общения, выражающей отношение говорящего к действительности и воплощающей в себе относительно законченную мысль»¹, то здесь имеется в виду нечто такое, что касается и внешней (формальной) и внутренней (семантико-функциональной) стороны структуры предложения. Между тем несомненно, что интонация представляет только ее внешнюю сторону и сама по себе, вне словесно-содержания, собственно, ничего не выражает.

Далее нужно сказать, что понятие предикативности в нашей лингвистической науке является настолько туманным и противоречивым, что пользоваться им без оговорок практически вообще невозможно.

По нашему мнению, предикативность есть свойство сообщения (кстати, именно таково первоначальное значение термина, восходящее к лат. *praedicare* — высказывать, заявлять, сообщать), и этим свойством обладает все предложение в целом, а не отдельные компоненты его лексико-грамматического состава, хотя бы и наиболее важные в иерархии устанавливаемых связей, как, например, грамматическое сказуемое.

Любое предложение выражает не просто мысль, а сообщаемую мысль. Как раз поэтому оно богаче по своему содержанию и внешнему оформлению, нежели та или иная синтаксическая конструкция.

Синтаксическая конструкция представляет, так сказать, только фундамент того здания, которое должно быть еще достроено, чтобы стать в полном смысле слова предложением, т. е. коммуникативной единицей языка.

¹Грамматика русского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1960. Т. II. Ч. 1. С. 76.

Существенными моментами такой достройки и являются: 1) модификация предложений по общей цели (или виду) выражаемого в них сообщения и 2) установление особого соотношения между компонентами их состава, известное под названием актуального членения предложения.

На первом из этих моментов мы остановимся здесь лишь в самых общих чертах, однако не потому, что он менее важен, а потому только, что о нем достаточно хорошо известно читателям из имеющейся литературы, и главное внимание сосредоточим на втором, представляющем, на наш взгляд, специфический интерес для понимания сущности и структуры предложения.

Модификация предложений по общей цели выражаемого в них сообщения. Структурные различия повествовательных, вопросительных и побудительных предложений

Любое предложение как коммуникативная единица языка прежде всего характеризуется тем, что оно содержит в себе сообщение, высказываемое говорящим с определенной целью. Такой целью может быть, как известно, и н ф о р м а ц и я о каких-то фактах (событиях) действительности (в широком понимании этого слова), или в о п р о с о чем-то, или п о б у ж д е н и е второго участника (участников) речевого общения к тем или иным действиям.

В соответствии с этим обычно и выделяют повествовательные, вопросительные и побудительные предложения (повествовательные, вопросительные и побудительные ф у н к ц и о н а л ь н ы е типы предложения).

Следует отметить, что такое деление, проводимое хотя бы в чисто семантическом плане, с точки зрения строгой научной логики не вполне правомерно. Названные функциональные типы предложения по тем признакам, которые им могут быть приписаны, во всяком случае неравноценны. Как уже сказано, основанием классификации является здесь определение цели заключающегося в предложении сообщения. Но цель того или иного сообщения в полной мере выявляется лишь в процессе речевого взаимодействия говорящего и собеседника, а это взаимодействие в случаях с повествовательными, с одной стороны, и вопросительными и побудительными предложениями, с другой стороны, оказывается неодинаковым.

Так, если повествовательные предложения отнюдь не обязательно требуют прямого контакта участников речевого общения (хотя говорящий ориентируется на то, что его сообщение должно быть кем-то воспринято, но он может не указывать прямо, кому именно данное сообщение адресовано), то вопросительные и побудительные предложения в типичных случаях их употребления с необходимостью предполагают точный адрес: их прямое назначение состоит в том, чтобы вызвать определенную активную реакцию со стороны собе-

седника. Момент адресованного собеседнику побуждения к какому-то действию (с включением сюда и речевого действия) в явно выраженном или скрытом, имплицитном виде всегда присутствует в семантике как вопросительных, так и побудительных предложений, и это их объединяет в противопоставлении повествовательным предложениям¹.

С другой стороны, побудительные предложения по некоторым семантическим признакам могут быть объединены с повествовательными предложениями в противоположность предложениям вопросительным. В частности, для побудительных предложений характерна определенность их смыслового содержания, как это имеет место и в повествовательных предложениях, что выражается, между прочим, в том, что те и другие одинаково четко различают положительную и отрицательную форму (ср.: *Дети ходили в лес. — Они не ходили в лес; Сходите в лес. — Не ходите в лес*).

В указанном отношении вопросительные предложения стоят совершенно особо. Их семантическое своеобразие заключается именно в неопределенности каких-то компонентов содержания, почему различие между положительной и отрицательной формой здесь утрачивает свою актуальность и в ряде случаев по существу снимается или приобретает некоторый специфический смысл (ср.: *Вы заходили ко мне сегодня? — Вы не заходили ко мне сегодня?*).

Таким образом, наиболее отчетливо в функционально-семантическом плане противопостоят друг другу повествовательные и вопросительные предложения.

Структурно-строевое различие повествовательных и вопросительных предложений относится целиком к коммуникативно-синтаксическому уровню и, по-видимому, никак не связано с их конструктивной базой.

Синтаксические конструкции, лежащие в основе тех и других предложений, могут быть абсолютно тождественными и не только по общей формуле своего строения, но и по лексико-грамматическому составу. Ср., напр., с соответствующими повествовательными следующие вопросительные предложения, так называемого неместоименного типа:

[Астров.] *Сильно я изменился с тех пор?* (Чех., Дядя Ваня); [Боровский]... *Ты получила мою записку?* (Лавр., За тех, кто в море); [Колесников.] *Нас никто не услышит из соседней квартиры?* (Л., Нашествие); [Маша.] *Ты был бедный, дедушка? У тебя не было денег на керосин?* (Афиног., Машенька); *Вы были дипломатом? — спросила Катя* (Кетл., Мужество); [Аня.] *Фирса отправили в больницу?* (Чех., Вишневы сад);

¹ Ф. Ф. Фортунатов не без оснований рассматривал вопросительные предложения как одну из разновидностей побудительной речи (см.: *Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды*. М., 1956. Т. I. С. 128–129).

Маленьких всегда бьют? — спрашивал я (Горьк., Детство); *У первомайцев найдутся смелые, преданные ребята?* — вдруг спросил Стахович Улю... (Фад., Молодая гвардия); *Разговор идет о небесной механике?* (Кожевн., Живая вода); *Яков — хороший человек?* (Горьк., В людях).

В других случаях вопросительные предложения отличаются от повествовательных наличием в их составе специальных лексико-грамматических элементов, так называемых вопросительных местоименных существительных, прилагательных, наречий и т. п. Однако и в таких случаях тождество их конструктивной базы сохраняется, поскольку указанные элементы в качестве грамматических членов синтаксической конструкции выполняют в вопросительном предложении те же функции, что и другие, соответствующие им элементы в повествовательном предложении. Ср.:

Кто идет? — окликнул его чей-то молодой, уверенный голос (Чак., У нас уже утро); *Кто этот маленький мальчик?* — нарочито громко и строго спросил Батманов (Аж., Далеко от Москвы); *Что заставляет таких людей, как Гогин, помогать революционерам?* (Горьк., Жизнь Клима Самгина); *Что самое замечательное в жизни? По-моему, мечта* (Кетл., Мужество). [Вершинин.] *Что вам сказать на прощанье?* (Чех., Три сестры); [Варя.] *Что тут говорят о Варе?* (К. Сим., Парень из нашего города); [Протасов.] *Вы о чем у него спрашивали?* (Горьк., Дети солнца); *Как вы относитесь к анекдотам?* — спросил он, оживляясь (Горьк., Жизнь Клима Самгина); *Где вы учились?* — тихонько спросила Алина (там же). [Акулина Ивановна.] *Куда тебя утром Татьяна-то посылала?* (Горьк., Мещане); *Простите, я не понимаю: почему меня привезли к вам?* — спросил Самгин (Горьк., Жизнь Клима Самгина).

Совершенно очевидно также, что тождество конструктивной базы вопросительных и повествовательных предложений сохраняется и в тех случаях, когда в составе первых используются так называемые вопросительные частицы, поскольку последние никаких функций в качестве грамматических членов синтаксической конструкции не выполняют. Ср.:

[Нил] (Петру)... *Ты влюблен, тебя любят. Ну, вот, хотя бы по этому поводу — неужели тебе не хочется петь, плясать? Неужели и это не дает тебе радости?* (Горьк., Мещане); [Протасов.] *Лиза! Как это ты? Разве ты пишешь стихи?* (Горьк., Дети солнца); [Ольга.] *Увидимся ли мы еще когда-нибудь?* [Вершинин.] *Должно быть, нет...* (Чех., Три сестры).

Во всех отмеченных случаях для построения вопросительных предложений используются те же структурные модели (типы) синтаксических конструкций, что и для построения повествовательных

предложений. Специализация тех и других, касающаяся коммуникативно-синтаксического аспекта их структуры, отчасти предопределяется различным лексическим наполнением соответствующих конструктивных моделей. Но в большей степени и в первую очередь дифференцирующую роль в этом отношении играет интонация. Так, только благодаря интонации синтаксические конструкции, не имеющие в своем составе вопросительных местоимений или частиц, приобретают значение вопросительных предложений. С другой стороны, даже такие синтаксические конструкции, в составе которых содержатся вопросительные местоимения или частицы, при особом интонировании могут иметь вовсе не вопросительный, а повествовательный (повествовательно-восклицательный) смысл. Например:

— Я все-таки пойду в солдаты! — негромко и упрямо заявил Ефим. — Кто отговаривает?! — воскликнул Игнат. — Иди! (Горьк., Мать); Но за недоверием его ей чувствовалась вера, и это успокаивало её. — Где мне понять мысли его? — думала она (там же); [Михаил] (Пологому). Идите-ка вы в контору! Что это за привычка у вас — бросить дело и ходить жаловаться? Мне это не нравится (Горьк., Враги); Арьянц махнул рукой: какой смысл разговаривать с сумасшедшим! (Пауст., Кара-Бугаз); Куда там сейчас ехать! — сказала она и встала. — Разве отсюда вырвешься? (Пауст., Телеграмма); [Лука] (вводит Анну). Ну, вот и доползли... Эх ты! И разве можно в таком слабом составе одной ходить?! (Горьк., На дне).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что специальные лексико-грамматические элементы состава синтаксической конструкции, каковы, в частности, вопросительные местоимения или частицы, хотя и имеют на коммуникативно-синтаксическом уровне известное структурно-строевое значение (как своеобразные сигналы вопросительности), но это их значение реализуется только во взаимодействии с определенной интонацией, которая и является универсальным средством модификации предложений по общей цели выражаемого в них сообщения.

Повествовательные и вопросительные предложения в указанном отношении стоят в оппозиции друг к другу. Но каждый из этих функциональных типов предложения представлен в русском языке несколькими разновидностями, которые образуют целую шкалу переходов от повествования, т. е. сообщения информационного или декларативного характера, к вопросу и наоборот.

Известно, что в любом предложении то или иное объективное содержание выражается по-разному в зависимости от степени осведомленности говорящего и его собственной, субъективной точки зрения на факты и события действительности, о которых идет речь. Именно этот момент, определяющий так называемое модальное

качество предложения, а также всякого рода специфические модальные и экспрессивные оттенки смысла обуславливают дополнительную модификацию предложений (в пределах отдельных функциональных типов). Так, вопросительные предложения по своему модальному качеству подразделяются по крайней мере на три основные разновидности¹.

Первую из этих разновидностей представляют собственно-вопросительные предложения.

Собственно-вопросительные предложения содержат, так сказать, чистый вопрос. Их целевым назначением является выяснение каких-то неизвестных говорящему фактов действительности (в целом или в отношении тех или иных деталей). Такие предложения строятся исключительно на базе синтаксических конструкций, включающих в свой состав вопросительные местоименные слова, поэтому они могли бы быть названы также местоименными вопросительными предложениями, как это нередко и делается, хотя нужно сказать, что термин «местоименные» явно не синтаксический. Примеры приводились выше.

Другую разновидность вопросительных предложений, квалифицируемых по их модальному качеству, составляют удостоверительно-вопросительные предложения.

Такие предложения используются в тех случаях, когда говорящий хочет удостовериться в реальности того или иного события, о котором он и информирует собеседника, оставляя неопределенным и требующим утверждения или отрицания в ответе лишь момент истинности сообщаемой информации.

Удостоверительно-вопросительные предложения могут быть общего и частного характера. Первые включают в свой состав специальные удостоверительные слова и строятся, как правило, на базе сложных синтаксических конструкций типа *правда, что..., верно, что...* и т. п., например:

В дверях он [Кирилл] приостановился и спросил вполголоса [у Ксении Афанасьевны — жены Рагозина]: — Правда, что ваш муж к будущей зиме вернется? (Фед., Первые радости); — Скажите, товарищ капитан, — спросил красноармеец, — правда ли, что мы с Германией пакт подписали? (К. Сим., Товарищи по оружию); Это верно, что большевики у помещиков землю забрали и роздали крестьянам? (Н. Остр., Рожденные бурей).

Впрочем, указанные удостоверительные слова могут выступать в составе вопросительного предложения и в качестве вводных или присоединительных элементов. Ср.:

¹ Излагаемая ниже классификация вопросительных предложений разработана автором совместно с ассистентом Башкирского гос. ун-та М. Н. Орловой.

[Петр.] ...*Вот два года моей жизни вычеркнуто... да. Это насилие! Насилие надо мной — не правда ли?* (Горьк., Мещане); *Никакая цель не мыслима без уважения к ней, верно?* (Фед., Необыкновенное лето); [Вагин.] ...*Вы верно говорите — художник должен быть одинок... Свобода — ведь это одиночество — не так ли?* (Горьк., Дети солнца).

Удостоверительно-вопросительные предложения частного характера обычно строятся на базе простых синтаксических конструкций того же лексико-грамматического состава, что и повествовательные предложения. Причем соответствующее значение они приобретают в тех случаях, когда суть вопроса выражается в них (это сигнализируется с помощью логического ударения) глагольным сказуемым или любым грамматическим членом, если в функции этого члена выступает слово, имеющее в лексической системе языка антонимическую пару (ср.: *можно — нельзя, трудно — легко, хороший — плохой* и т. п.).

— *Послушайте,* — обратился к ней Иноков. — *От сигары киргизом пахнет. Можно мне махорки покурить? Я в окно буду* (Горьк., Жизнь Клима Самгина);

— *Трудно* тебе жить без отца-то? — раздался его [Шурова] голос.

— *Привыкаю,* — ответил Фома (Горьк., Фома Гордеев);

[Протасов.] Ага... Лукерья... гм! Вы — *грамотная?*

[Луша.] Нету..., Молитвы знаю.

[Протасов.] А... вы — *замужняя?*

[Луша.] Нет еще... девицы мы... (Горьк., Дети солнца);

— Вы где служите? — спросила она [Даша]. Телегин сейчас же поднял глаза и широко улыбнулся.

— На Балтийском заводе.

— *Интересная* работа у вас?

— Не знаю. По-моему, всякая работа интересна (А. Толст., Хождение по мукам);

[Аня.] Фирса отправили в больницу?

[Яша.] Я утром говорил. Отправили, надо думать (Чех., Вишневый сад);

[Бубнов.] Вечером в шашки играть придешь?

[Медведев.] Приду (Горьк., На дне);

— Красноармейцам ваш театр понравился? — спросил Рагозин.

— Конечно! (Фед., Необыкновенное лето).

В других случаях удостоверительно-вопросительное значение сообщается предложению с помощью частицы *ли* (*ль*), выражающей скрытую альтернативу вопроса, а также частиц *разве*, *неужели*, раскрывающих, кроме того, эмоциональное отношение говорящего к какому-то факту, в реальности которого он хочет удостовериться.

— А где мой товарищ? — промолвил Олег. — Скажите, где конь мой ретивый? Здоров *ли*? Все так же *ль* легок его бег? Все тот же *ль* он бурный, игривый? (Пушк., Песня о вещем Олеге);

Когда все разошлись, она [мать] спросила Павла;

— Павлуша, *разве* ты социалист? (Горьк., Мать);

[Любовь Андреевна] (Трофимову). Вы были тогда совсем мальчиком, милым студентиком, а теперь волосы не густые, очки. *Неужели* вы все еще студент?

[Трофимов.] Должно быть, я буду вечным студентом (Чех., Вишневый сад);

[Фёдор] (отцу о Колесникове). Слушай, *неужели* ты боишься его? Сколько я понимаю в артиллерии, эта пушка уже не стреляет (Л., Нашествие).

Наконец, третью разновидность вопросительных предложений представляют предположительно-вопросительные предложения.

В таких предложениях вопрос о неизвестных говорящему фактах действительности сочетается с предполагаемым ответом (собственно, такое предположение и является здесь своеобразной формой выражения вопроса).

Как и удостоверительно-вопросительные, эти предложения строятся на базе синтаксических конструкций, совпадающих по своему лексико-грамматическому составу с повествовательными предложениями. Но, в отличие от первых, суть вопроса выражается в них словом (в функции любого грамматического члена, кроме глагольного сказуемого), которое лексически противопоставляется не одному, а целому ряду слов с иным денотативным значением. Напр.:

— Почти всякий труд состоит в повторении усвоенного. Попробуй-те повторяться в искусстве. Художник умирает, если повторяется...

— Этому вас учит Цветухин? Я с ним не согласен (Фед., Необыкновенное лето);

— Вы были дипломатом? — спросила Катя и покраснела. Мысль о дипломате возникла из-за блестящих пуговиц и шляпы.

— Нет... Я инженер-строитель (Кетл., Мужество);

[Тетерев.] ...Лучше замерзнуть на ходу, чем сгнить, сидя на одном месте...

[Татьяна.] Это вы на меня намекаете?

[Тетерев.] Боже упаси... (Горьк., Мещане);

[Платон.] В эти дни я работаю больше, чем когда бы то ни было, и — удивительное дело — у меня нашлось время даже помечтать.

[Лида.] Вы мечтаете о сложных операциях?

[Платон.] Я мечтаю об операции собственного сердца (Корнейчук, Платон Кречет);

Таисья, помолчав, спросила:

- За границей познакомились?
- В Москве (Горьк., Жизнь Клим Самгина);
- ... Когда Клим сказал ему, что он в этот семестр не учился, Иноков бесцеремонно поставил третий вопрос:
- Из осторожности не учились?
- При чем тут осторожность? (там же).

Специальным средством выражения вопроса в форме предположения (или, наоборот, предположения в форме вопроса — тут явно переходный случай) является сочетание частицы *ли* с частицей *не*, как бы обрамляющее в составе предложения тот его лексико-грамматический элемент, которым непосредственно обозначается предполагаемое неизвестное:

Порой Сергей Иванович начинал разбираться в себе: а *не трусость ли* удерживает его от последнего, решительного шага?.. (В. П., Сталь и шлак);

«Братцы, не могу больше», — прощался чей-то срывающийся голос. «*Не Квашин ли* это крикнул?» [подумал Рошин] (А. Толст., Хождение по мукам);

... Человек передвинулся в полосу света из окна и пошел на Самгина, глядя в лицо его так, что Самгин встал и назвал свою фамилию...

— Так, — сказал гость, положив на ладонь Клим Самгина сухую, холодную руку, и, ожидая пожатия, спросил:

— Вы *не родственник ли* Якову Ивановичу?

Это дядя мой (Горьк., Жизнь Клим Самгина);

— А вы, случайно, *не Алексеевым ли* будете? — с живым интересом повернулся к гармонисту Аверьян Макарович (Г. Ник., Жатва).

Можно показать, что предположительно-вопросительные предложения соотносительны с собственно-вопросительными и синонимичны им (ср.: *Этому вас учит Цветухин? — Кто вас этому учит?; Вы были дипломатом? — Кем вы были?; Это вы на меня намекаете? — Это вы на кого намекаете?; Вы мечтаете о сложных операциях? — О чем вы мечтаете?* и т. п.). Но с другой стороны, если последние — стоят, так сказать, на противоположном полюсе по отношению к повествовательным предложениям, то первые по ряду признаков уже сближаются с ними. Такому сближению способствует, конечно, и то, что модальное качество самих повествовательных предложений, получая выражение в формах наклонения глагольного сказуемого или связки, а также с помощью разного рода специальных вводных элементов и частиц (в сочетании с соответствующей интонацией), отнюдь не единообразно и может колебаться от категорического утверждения до различных степеней сомнения и предположительности. (Ср.: *Он, несомненно, приедет сегодня. — Он приедет сегодня. — Он, вероятно, приедет*

сегодня. — Он едва ли придет сегодня. — Не приехал бы он сегодня и т. д.).

Относительно структурного строения так называемых побудительных предложений следует сказать, что конструктивная база этих предложений по сравнению с повествовательными и вопросительными предложениями имеет известные ограничения.

Так, побудительные предложения не могут быть построены на базе синтаксических конструкций наречного строя, а из конструкций глагольного строя не используют такие их типы, как безличные и неопределенно-личные (в счет, разумеется, не идут неопределенно-личные конструкции, в которых значение побуждения выражается лексически, как в примере: *Вас просят помолчать*).

Конструктивно-синтаксическую базу для них составляют преимущественно определенно-личные конструкции глагольного строя, конструкции, в составе которых позицию главного члена занимает инфинитив, а также (сравнительно редко) конструкции именного строя с наличной связкой.

В большинстве случаев побудительные предложения отчетливо выделяются благодаря особым, морфологическим по своей природе, сигналам побудительности.

В роли таких сигналов выступают, как известно, глагольные формы повелительного наклонения:

а) повелительная форма 2-го л. единственного или множественного числа, как в примерах:

Перебравшись на постель к тетке, он [Фома] жмется к ней и просит:

Расскажи что-нибудь (Горьк., Фома Гордеев);

— А ты будь поласковее, поразговорчивее... — вполголоса сказал Маякин, появляясь около него (там же);

[Цветаева.] Становитесь все в пары. Нил Васильевич, ко мне... (Горьк., Мещане);

б) специфическая, так называемая инклюзивная повелительная форма, омонимически совпадающая с формой 1-го л. множественного числа изъявительного наклонения или имеющая, в отличие от нее, дополнительный агглютинативный аффикс *-те*:

[Акулина Ивановна] (тащит за собой мужа). *Идем, старик. И-идем. Бог с ними... Не говори, не кричи...* (Горьк., Мещане); [Елена.] *Идемте, господа, ко мне. Пора, самовар, наверно, давно готов...* (там же); [Тригорин] (Аркадиной). *Останемся еще на один день* (Чех., Чайка); [Медведенко.] *Поедем, Маша, домой* (там же); — *Будемте друзьями, — говорил он, пожимая мою руку...* (М. Горьк., Мои университеты);

в) аналитическая повелительная форма 3-го л. (глагол в изъявительном наклонении + побудительная частица *пусть* (*пускай*):

— Передай Чаку, — приказал Штерн, — пусть проверит, как закреплен груз в трюмах. Надвигается шторм (Пауст., Ценный груз); ... Пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат (Пушк., Капитанская дочка).

Разумеется, все эти формы, поскольку они морфологически принадлежат глаголу (выступая в качестве членов глагольной парадигмы: изъявительное наклонение — сослагательное наклонение — повелительное наклонение), выражают прежде всего модальность обозначаемого глаголом действия. Однако это их значение, поддерживаемое и модифицируемое интонацией, распространяется также на все предложение в целом, причем оно существенно именно и только для коммуникативно-синтаксического аспекта его структуры (в плане синтаксического конструирования категория наклонения является вообще нерелевантной: в случаях *Ты приехал в деревню*, — *Ты приезжай в деревню* конструктивно-синтаксические связи компонентов остаются, как видим, неизменными).

Формы повелительного наклонения, несомненно, весьма сильные сигналы побудительности. Их наличия в большинстве случаев вполне достаточно для того, чтобы «узнать» в данном предложении именно побудительное предложение. Но совершенно ясно, что и использующие эти формы побудительные предложения характеризуются также специфической интонацией, назначение которой в подобных случаях состоит в том, чтобы сообщить выражаемому побуждению то или иное дополнительное модальное качество. Ср., напр., различающиеся в этом отношении следующие предложения:

— *Не мешайте мне работать, черт вас возьми!* — орет хозяин, бледный от натуги (Горьк., В людях); — *Читай!* — сердито приказывает повар (там же); *Цыганок вырвал скатерть и, отжимая ее широкими лапами, крикнул брату: — Зови бабушку скорее!* (Горьк., Детство); — *Ты вот что, — советовал Маякин, — ты сунь его с головой в какое-нибудь горячее дело! Право!* (Горьк., Фома Гордеев); — *Морозка!* — крикнул Бакланов вслед уезжающему. — *Вы все-таки не теряйте друг дружку из виду...* (Фад., Разгром); *Прибежала бабушка, заохала... Потом стала уговаривать Цыганка: — Уж ты, Ваня, не сказывай дедушке-то* (Горьк., Детство).

В других случаях интонация не только модифицирует отдельные разновидности побуждения, но и служит основным сигналом соответствующего целевого назначения предложения.

Чаще всего такое назначение в качестве предложений получают синтаксические конструкции инфинитивного строя (или отдельный изолированный инфинитив):

[Сорин] (вспылив). *Это нахальство! Это черт знает что такое! Мне это надоело в конце концов. Сейчас же подать сюда всех лошадей!* (Чех., Чайка); — *Молчать!* — сурово сказал Маякин (Горьк., Фома Гор-

деев); *В ответ послышались крики: — Выпустить арестованных!* (Верес., Враги); — *Расстрелять его!* — сказал Левинсон (Фад., Разгром); — *Шапку снять!* — крикнул офицер, прервав чтение (Горьк., Мать).

Благодаря поддержке интонации в значении побудительных предложений могут выступать также синтаксические конструкции с глагольным сказуемым в форме сослагательного наклонения и даже в форме будущего времени изъявительного наклонения, но обязательно при указании на 2-е л. в качестве адресата:

...Юноша почувствовал себя крепко обиженным и сдержанно, но твердо сказал: — Вы бы не ругались зря-то, я ведь не маленький (Горьк., Фома Гордеев);

[Акулина Ивановна.] *...Ты бы, Петр, чем шаги-то вышагивать, самовар втащил... а то Степанида жалуется — тяжело, дескать...* (Горьк., Мещане); [Татьяна] (Нилу). *Ты лучше отдохнул бы до дежурства* (там же); — *Ты бы не читал, а спал, — заботливо советовал он* (Горьк., Мои университеты); [Елена Андреевна] (быстро подходит к Войничкому). *Вы постараетесь, вы употребите все ваше усилие, чтобы я и муж уехали отсюда сегодня же!* (Чех., Дядя Ваня); [Лопухин] (отдает Дуняше букет)...*И квасу мне принесешь* (Чех., Вишневы сад).

Таким образом, и при построении побудительных предложений решающую роль играет интонация, которая в соответствующих случаях или поддерживает существующую на морфологическом уровне оппозицию форм наклонения, или преодолевает её в интересах создания уже на коммуникативно-синтаксическом уровне оппозиции нового качества — оппозиции, в которую ставятся по отношению друг к другу предложения с различным целевым назначением.

В. Ю. Меликян

Коммуникемы утверждения/отрицания и оценки и принципы их лексикографического описания¹

- Задания.**
1. Как В. Ю. Меликян подходит к характеристике нечленяемых предложений?
 2. На основе данной работы объясните термин «коммуникема». Какие функционально-семантические типы коммуникем выделены в работе?

¹ Печатается по: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи: словарь. М., 2001. С. 6–11.

1. Коммуникема как языковая единица

Одной из особенностей разговорной речи любого языка (в отличие от кодифицированного литературного языка) является наличие в ней нечленимых предложений. Под нечленимыми предложениями традиционно понимаются построения «с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия»¹.

Нечленимые предложения неоднородны по своему составу. Существуют две основные их группы, критерием для выделения которых служит характер выражаемого значения: построения с понятийной (номинативной, т. е. равной суждению) и непонятийной (неноминативной, т. е. не выражающей суждения) семантикой: 1) — *Слушайте, — говорит, есть дело. Можно обоим заработать тысячу. Хотите? — Ну как не хотеть?* («конечно, хотим...») (Купр., С улицы); 2) — *Я с удовольствием поем хорошо. — Ещё бы! Что ни говори, это одно из удовольствий жизни, — сказал Степан Аркадьич* («подтверждение, согласие...») (Л. Толст., Анна Каренина).

Первые представляют собой фразеологизированные конструкции, обладающие лексической пронцаемостью и определяемой синтаксической схемой, тесно и органично сочетающиеся с другими высказываниями в рамках текста. Такие построения можно обозначить термином «фразеосхемы»².

Вторые мы предлагаем называть «коммуникемами»³ (далее — **К**).

К — это коммуникативная непредикативная единица синтаксиса, представляющая собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимая, характеризующаяся наличием модусной пропозиции, нерасчленённо выражающая определённое непонятийное смысловое содержание, не воспроизводящая структурных схем предложения и не являющаяся их регулярной реализацией, служащая реакцией на различного рода факты объективной действительности и выполняющая в языке прагматические функции. В отличие от других нечленимых предложений **К** лишена номинативной функции⁴. Напр.: ... — *Ведь так, Петр Иванович? — Какой разговор! Можно и так, отчего же, — отвечал Гордон* («согласие...») (А. Толст., Петр Первый); [Фетинья:] *Добро пожаловать... А моего старика видел?* [Мельник:] *Где там, кормилица, и в глаза не попался* («отрицание...») (Аблес.,

¹ Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. 1980. Т. 2. С. 383.

² Шмелев Д. Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

³ Мельник В. Ю. Экспрессивные текстообразующие функции коммуникем // НДВШ. Филол. науки. 1998. № 1.

⁴ Ляпон М. В. Слова-предложения // Русский язык: энциклопедия. М., 1997. С. 492.

Мельник-колдун, обманщик, сват); — *Каков лец! Ну и ну!* («удивление, восхищение...») (Арбуз., Домик на окраине); — *Суди ты меня строго-настрога, да чтобы я твой Закон видел... А он* [заседатель] *на-ка!* *За деньги* («возмущение, упрёк...») (Кор., Убивец).

Термин коммуникема находится с термином «нечленимое предложение» в родо-видовых отношениях и позволяет разграничивать различные типы простого предложения — членимое и нечленимое, а также отдельные виды самого нечленимого предложения: **К** и *фразеосхемы*, т. е. предложения полностью нечленимые (— *Как бы не так!*) и фразеологизированные конструкции (— *До вас ли мне!*), которые представляют собой лексически проницаемые и синтаксически распространяемые речения.

К стали предметом внимательного изучения только в последнее время, однако их статус в системе языка до сих пор однозначно не определён, что затрудняет анализ текста, содержащего подобные речения. Почти всеми лингвистами они рассматриваются как самостоятельный тип языковых единиц. Но в лингвистической литературе их состав и объём квалифицируются по-разному, что связано с неоднородностью оснований, по которым они выделяются, а также сложностью самого предмета.

Чаще всего **К** определяют как слова-предложения¹, самостоятельная функционально-структурно-семантическая разновидность простого предложения (одноставное)², частицы и междометия³, нечленимые, междометные предложения, устойчивые фразеологизированные обороты, междометия и словечки⁴, особый разряд слов⁵, слова-коммуникативы⁶, релятивы⁷, коммуникаты⁸, неполные предложения⁹ и т. п.

¹ Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М.; Л., 1945

² Грамматика русского языка. М, 1960. Т. 2. Ч. 1; Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970.

³ Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М, 1980. Т. 2.

⁴ Золотова Г. А., Ошипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 399.

⁵ Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1987; Сироткина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

⁶ Киприянов В. Ф. Проблемы теории частей речи и слова-коммуникативы в современном русском языке. М., 1983.

⁷ Валимова Г. В. Функциональные типы предложений в русском языке. Ростов-на-Дону, 1967. С. 133.

⁸ Сироткина О. Б. Лекции по синтаксису современного русского языка. М., 1980. С. 93–98.

⁹ Буславев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М., 1869. С. 41; Федосеева В. С. Функционально-синтаксическое использование слова да и его эквивалентов // РЯШ. 1950. № 1. С. 17; Ломов А. М. Слова-предложения или неполные предложения? // Вопросы синтаксиса русского языка: межвуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д, 1971. С. 52.

Существование первообразных, т. е. непроеизводных **К** (— *Чёрт с ним!*, — *Чёрта с два!*, — *Чёрт-те что!*, — *Ёлки-палки!* и др.) позволяет говорить не просто о существовании в языке особой функции некоторых разнородных по своему характеру языковых единиц, а о наличии особой единицы синтаксиса.

К — это не исключение из правил, связанное с нарушением норм и логики языка. Они являются развивающимся, продуктивным и нормативным явлением современной разговорной речи (нормы и логика у них особые, но они имеют место), типом синтаксического образования, занимающим своё место в системе структурных типов простого предложения. Их нечленимый характер не противоречит принципам устройства речи, текста и особенностям мышления субъекта речи и восприятия вербализованной информации объектом речи.

В **К** наблюдается потеря внутреннего содержания синтаксических отношений между её компонентами, которые как бы объединяются лишь внешней формой связи. Лексико-семантическая слитность опустошает содержание синтаксических отношений, способствует потере внутренней формы этих отношений¹, что уже само по себе указывает на наличие определенного рода значения и функции подобных построений: — *Надо же! С виду приличная женщина, а цапнулась, как тиявка! Целоваться лезет, как ненормальная! Женнисься, а потом занимайся любовью — нашла дурака! Я не мальчик! Пару раз поцеловаться — инфаркт!* («несогласие, возмущение, негат. отнош. к предмету речи...») (Альг., Сметана).

К — явление живой речи. Они возникают в диалоге, употребляются преимущественно в ответных репликах диалогической речи (часто сопутствуют какому-либо структурно членимому предложению в рамках ответного блока высказываний, сочетаясь с ним по категориальным семам, например, «утверждения»/«отрицания») и в монологической речи при подтверждении уже высказанного или самовозражении.

К выработаны языком как более экономные, более краткие и более эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру. Возможно, структурно-семантическая нерасчленённость **К** тем и объясняется, что основным её назначением является «выражение большего содержания меньшими средствами». Эти малые средства, отсюда, не позволяют чётко разграничить и выделить все компоненты смысла того отрезка речи, который **К** замещает, например: — *Как бы не так!*, — *Как раз!* («нет + негодование, возмущение, ирония...») вместо: — *Как вам не стыдно! Я не согласна с вашим мнением! Это безнравственно!* и т. д.

К является важным компонентом процесса общения благодаря своей особой функциональной нагрузке, которая заключается:

¹ Гетнер Ю. Р. Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения // Проблемы фразеологии. М. : Л., 1964. С. 61–63.

1) в восполнении отсутствующих (недостающих) звеньев (средств) коммуникации;

2) в придании речевому акту большей экспрессивности по сравнению с членимым высказыванием, которое она замещает;

3) в линейном и временном сокращении речевого акта благодаря замещению членимого, достаточно длинного в силу своей семантической, морфологической и синтаксической расчленённости высказывания или нескольких высказываний одной краткой репликой.

Причины появления **К** разнообразны. Это прежде всего — необходимость уйти от чрезмерной семантической перегруженности отдельных форм и тем самым избежать излишнего полисемантизма. Во-вторых, наличие специфики той формы мысли, которую они выражают — цельной, нерасчленяемой на отдельные понятия, но потенциально их предполагающей.

В целом именно противоречие между потребностями человека в эффективной коммуникации и его ограниченными, неадекватными возможностями в сфере языка стимулирует появление более экономных и продуктивных средств и единиц выражения человеческой мысли.

Состав и объём списка **К** каждым исследователем определяется по-разному. С учетом указанных выше признаков считаем правомерным выделить следующие функционально-семантические группы **К** и причислить к разряду **К** следующие языковые факты:

1) **К** утверждения / отрицания (— *Ещё бы!*, — *А как же!*, — *А то!*, — *Хорошо!*, — *Как бы не так!*, — *Ей-богу!*, — *Конечно!*, — *Безусловно!* и др.);

2) эмоционально-оценочные **К** (— *Вот это да!*, — *Однако же!*, — *Господи!*, — *Слушайте!*, — *Подождите!*, — *Здрасьте!* и др.);

3) **К** волеизъявления, выражающие императивные возгласы, призывы и команды (— *Давай!*, — *Валяй!*, — *Айда!*, — *Ша!*, — *Баста!*, — *Ну!* и др.);

4) контактоустанавливающие **К** (— *Алло!*, — *Внимание!*, — *Послушай!* и др.);

5) этикетные **К**, представляющие собой изъявление благодарности (— *Благодарю!*, — *На здоровье!*, — *Не за что* и др.), извинение (— *Простите!*, — *Пardon!*, — *Виноват!* и др.), приветствие (— *Добрый день!*, — *Здравствуйте!*, — *Пока!*, — *Всего!* и др.);

6) вопросительные **К** (— *Ведь так?*, — *Разве?*, — *Неужели?*, — *Что?*, — *Ну?* и др.);

7) текстообразующие **К**, которые выполняют в тексте композиционно-организующую роль: членят его на части, определяют границы текста (начало и конец), связывают отдельные его части и элементы и т. п. (— *Так*, — *Наконец*, — *Вот*, — *Так вот*, — *Всё*, — *И ещё*, — *Итак*, — *И потом* и др.).

Нельзя, на наш взгляд, отнести к **К** соединения с именительным представлением (напр.: — *Порыв, страсть — да разве это покупа-*

ется на деньги? (Мам.-Сиб., Приваловские миллионы)), т. к. они обладают номинативностью, а коммуникативная функция у них несколько ослаблена. Кроме того, данные построения членимы синтаксически, морфологически и лексически; они безгранично лексически варьируемы и представляют собой на самом деле членимые односоставные назывные предложения.

По тем же самым причинам не могут быть квалифицированы в качестве **К** и «указательные предложения», напр., — *Вот дом*¹, которые являются членимыми односоставными назывными.

Предложения типа — *Эх, Маша, Маша!* и др. вполне справедливо относят к эмоциональным вокативам, которые представляют собой нечленимые предложения с номинативной семантикой. Функция обращения, побуждения или призыва в них является номинирующей и находится в центре структуры их значения. Эмоционально-оценочный же компонент значения составляет периферию содержания таких построений.

СТРУКТУРА ДВУСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

А. А. Шахматов

Синтаксис русского языка (II)²

- Задания.** 1. Какие критерии положены А. А. Шахматовым в основу выделения главных и второстепенных членов предложения?
2. Какие члены предложения выделяет А. А. Шахматов?

§ 18. < ... > Одни из грамматических единств являются самостоятельными, другие несамостоятельными; с а м о с т о я т е л ь н ы м и называем такие грамматические единства, которые в своих формах не обнаруживают того, чтобы они были частями другого словосочетания; н е с а м о с т о я т е л ь н ы м и — такие, которые обнаруживают это, которые в своих формах могут быть объяснены только из других словосочетаний: *растущая на дворе, белой бумаге* являются несамостоятельными единствами, ибо зависимые слова *растущая, бумаге* свидетельствуют, что такие единства извлечены из

¹ См., напр.: *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису современного русского языка. С. 94.

² Печатается по: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 36–47.

других словосочетаний, например *трава, растущая на дворе*; *белой бумаге недостает лоску*; напротив, грамматические единства, как *вчерашний мороз*, *зеленая трава* представляются единствами самостоятельными. Для того, чтобы единство было самостоятельно, необходимо, чтобы главное слово, господствующее над другими, являлось в форме независимой (ср. *мороз*, *трава*); но, кажется, существенно еще одно условие: между сочетавшимися словами могут быть только атрибутивные, релятивные или объективные отношения, ибо предикативные отношения обнаруживают уже наличие предложения, а атрибутивно-предикативные показывают, что данное грамматическое единство неполно, а потому несамостоятельно; *растущая трава*, *страшный холод*, *ленивый ученик* — это самостоятельные грамматические единства, между тем как *холод страшный* — предложение; *трава растущая*, *ученик ленивый* обнаруживают в своей форме, что они выхвачены из соответствующих предложений. Как отдельное слово, так и самостоятельное грамматическое единство может быть ч л е н о м п р е д л о ж е н и я, но при известных условиях и при определенном значении может быть п р е д л о ж е н и е м: условием для перехода отдельного слова и словосочетания в предложение является законченность мысли и законченность соответствующего словесного выражения; законченность мысли предполагает наличие в таком словосочетании сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой объединяющей члены словосочетания в одно целое интонации.

§ 19. Второстепенные члены предложения. Расчленение предложения приводит, как мы видели, к определению в нем, если оно состоит не из одного слова, одного или двух словосочетаний, которые мы называем с о с т а в а м и предложения; расчленение словосочетаний приводит к обнаружению в них грамматических единств, каковыми могут быть и отдельные слова и соединение нескольких слов; расчленение неоднословных грамматических единств обнаруживает в них наличие одного г о с п о д с т в у ю щ е г о, относительно независимого слова и другого или нескольких других з а в и с и м ы х от господствующего слов. При этом окажется, что в составе словосочетания среди нескольких грамматических единств одно является господствующим, другие зависимыми. Предложение *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то прелестные птички* расчленяется на два словосочетания: 1) *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда* и 2) *какие-то прелестные птички*. Первое из этих словосочетаний расчленяется на четыре грамматических единства: 1) *в нашем саду*, 2) *на высоких деревьях*, 3) *ближе к пруду*, 4) *свили себе гнезда*; из них господствующим является последнее грамматическое единство, ибо предыдущие три оказываются зависимыми от него. Г л а в н ы м и ч л е н а м и предложения оказываются господствующие слова в

составе господствующих грамматических единств, составляющих словосочетание, равное предложению, или обоих словосочетаний, обоих членов предложения. Все остальные слова предложения, входящие в состав как господствующего, так и зависимых грамматических единств, являются в т о р о с т е п е н н ы м и ч л е н а м и предложения.

§ 20. <...> Отношения между членами предложения могут быть предикативными, атрибутивными, атрибутивно-предикативными, объективными и релятивными. П р е д и к а т и в н ы е отношения имеют место только между двумя главными членами предложения — подлежащим и сказуемым, главным членом господствующего состава и главным членом зависимого состава; эти отношения остаются невыраженными в односоставных предложениях, главный член которых выражает сам собой сочетание субъекта с предикатом. Остальные указанные выше отношения имеют место между господствующими и зависимыми членами предложений; ими определяется характер, природа зависимости зависимых членов предложения от господствующих его членов. <...> А т р и б у т и в н ы м и называются те отношения, которыми одни представления определяются как свойства или качества других представлений, следовательно, отношения между пассивным признаком и его носителем. А т р и б у т и в н о - п р е д и к а т и в н ы е — те отношения, которыми нарочито утверждается или отрицается связь признака с его носителем, мыслимых притом нерасчлененно в составе одного сложного представления. О б ъ е к т и в н ы е отношения — это те отношения, которые устанавливаются в результате зависимости одного носителя признака от другого, причем зависимость эта может быть или непосредственная, или осуществляемая через посредство признака как активного, так и пассивного; объективными являются и те отношения, в которые становится представление о носителе признака к субъекту, соответствующему представлению о признаке; следовательно, это вообще обнаружение зависимого состояния носителя признака. Р е л я т и в н ы е отношения — это те, которые имеют место между признаками и представлениями об отношениях¹.

§ 21. Свойства и качества находят себе словесное выражение в прилагательном, означающем то или иное отдельное свойство или качество, а также в существительном, означающем носителя свойств и качеств и таким образом могущем выразить то или другое свойство / качество. Прилагательное, употребленное в качестве атрибута к господствующему над ним, управляющему им существительному, соответствует тому члену предложения, который называется о п р е д е л е н и е м: *хорошая погода благоприятствовала вылазке; на лужайке показались красные цветы; надо взять железный молоток;*

¹ (Приписка карандашом:) Релятивно-атрибутивные отношения между субстанцией явления и названием отношения. (Ср. § 24).

стальные перья недоступно дороги. Равным образом определениями являются местоимения-прилагательные и числительные-прилагательные: *чей это платок? мои родные вызвали меня из деревни; весь город в волнении; второй день как не стали открывать окна; говорю вам это в сотый раз.* Существительное, употребленное в качестве атрибута к другому существительному, называется приложением: *князь Петр Иванович уехал за границу; женщина-врач принимает по вторникам; господина Белова нет дома.* Из приведенных примеров уже видно, что под качеством-свойством разумеется также состояние, должность, общественное положение лица, также родовые отношения, как например, *дерево нектен имеет широкое распространение в России, рыба пелескарь водится в нашем пруду.* Но как увидим в особом отделе, посвященном приложению, нередко представляется затруднительным решить, которое из двух сочетавшихся для выражения одного представления слов является господствующим и которое зависимым от него, т. е. приложением; ср. например: *напишите исправнику Сундукову; к нам подошел Иван Иванович Иванов.* Признаем ли мы *исправнику* приложением? Не соответствует ли это слово самостоятельному и господствующему в нас возникшему представлению, причем *Сундукову* мы прибавили в виде разъяснения, для развития этого представления? Что является приложением: имя и отчество *Иван Иванович* к фамилии *Иванов* или фамилия *Иванов* к имени и отчеству *Иван Иванович*? Несомненно, возможна и та и другая точка зрения на эти сочетавшиеся между собой существительные. В виду этого приложение можно охарактеризовать как название существительного, определяющего другое существительное; решение того, которое из обоих существительных определяющее, которое определяемое, предоставляется говорящему и слушающему за исключением однако случаев, где определяющее существительное является действительно названием признака (ср. примеры, как *козырь девка, добряк Семенов, шалунишка Коля*).

§ 22. Как определение, так и приложение, оставаясь таковыми, не отделяясь от определяемого ими существительного, не становясь его сказуемыми, могут сопровождаться таким актом воли говорящего, которым утверждается или отрицается их связь с определяемым существительным; ставшие в атрибутивно-предикативные отношения к определяемому существительному определение и приложение должны быть охарактеризованы особым грамматическим термином. Остатываясь на терминах *предикативное определение* и *предикативное приложение*, не находя удобным назвать их аппозицией, как называл их, например, Потенбня¹, в виду того, что аппозиция — это латинское название для приложения, а также и того, что различая определение и приложение в атрибутивном их

¹ *Потенбня А. А.* Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Т. I–II. С. 103, 104, 181, 505 и др.

употреблении, у нас нет основания не различать их в употреблении атрибутивно-предикативном. Примеры для предикативного определения: *Старый и одряхлевший князь перестал выезжать из дома и почти не выходил из кабинета. Жизнерадостный и веселый, он рассеял скверное расположение, в котором мы находились. Занятый этой мыслью, он вышел в поле.* Примеры для предикативного приложения: *Петр, вечный работник на троне, проявил себя и в этом деле. Мы проехали Курсанов, важнейший пункт ссыпки хлеба. Это напомнило Париж, бесспорно столицу Европы.*

§ 23. Словесными знаками для представлений о носителях признаков (субстанций, но также и явлений) служат в языке существительные, местоимения-существительные, числительные-существительные и вообще все субстантивированные слова. Они обозначают не только субъект, но также и объект, т. е. носителя признака в его зависимом положении от субъекта. Зависимое слово, связанное с господствующим словом объективным отношением, называется в грамматике **д о п о л н е н и е м**. Дополнение может зависеть от другого существительного непосредственно: *деньги сестры, ворота этого дома, кусок хлеба, роспись книгам, торговля маслом*; оно может зависеть от него через посредство названия признака (глагола, прилагательного); *на столе стоял графин, полный воды; вошёл красный от волнения Володя; я нашел свою тетрадь; Катя любит свою подругу; мы прочли эту книгу; я дам ему понять; я обласкан вами; дети обрадовались игрушкам; мальчик попросил воды*; наконец, дополнение может зависеть от безличного глагола, следовательно, от субъекта, соответствующего признаку: *его ранило осколком бомбы, бумажку унесло ветром, мне не спится; отцу нездоровится*; также от других бесподлежащих выражений: *мне скучно, нам ее жалко, города не видно.* <...> Дополнение, показывающее, что данное действие глагола перешло на зависимое представление во всей своей полноте, подчинив себе лицо, предмет или другого носителя признаков в полном их объеме, называется **п р я м ы м д о п о л н е н и е м**, между тем как дополнение, отразившее действие глагола или свойство прилагательного лишь косвенно, равно как служащее орудием, посредством которого осуществляется или проявляется признак, называется **к о с в е н н ы м д о п о л н е н и е м**. Прямое дополнение выражается винит. падежом и имеет место только после глаголов, называемых именно поэтому переходными¹; косвенное же дополнение выражается родит., дат. и творит. падежом, завися при этом как от глагола, так и от прилагательного, от наречия и от другого существительного.

§ 24. Кроме дополнений, непосредственно зависящих от существительного, прилагательного, глагола, наречия, в предложении

¹ (Приписка:) и частью после безглагольных бесподлежащих выражений.

могут быть и такие дополнения, которые присоединяются к господствующему слову при помощи названия отношения. Такие названия соответствуют наречиям; наречия, принявшие на себя функцию ближайшим образом определять дополнения, называются *предлогами*. В предложениях различаются, с одной стороны, такие, которые сохранили свое особенное значение выразителей отношений; с другой стороны, такие, которые настолько сливаются с зависящими существительными, что не сохраняют самостоятельного от них значения. Ср. с одной стороны: *он пробежал мимо него* (ср. *он шел мимо*), *они шли сзади него* (ср. *они стоят сзади*); с другой стороны: *едем в город*, *он взлез на крышу*, *крышка от коробки*, *отец с матерью*, *вход в аудиторию*. Наконец, возможно еще сочетание предлога с предшествующим ему наречием: *мы ехали вслед за ними*, *рядом с ним*, *вместе с ним*. Дополнения, сопровождающиеся предлогами, наречиями-предлогами или наречиями и предлогами, мы назовем *дополнениями релятивными или относительными*.

§ 25. По происхождению своему инфинитив является косвенным падежом отглагольного существительного; следовательно, его исконная функция в предложении это дополнение. Но с течением времени инфинитив окончательно оглаголился, потеряв возможность обозначать носителя признаков, т. е. быть существительным. Это объясняет те функции, какие инфинитив получил в предложении, где он может стать главным членом (в односоставных предложениях) и сказуемым; но вместе с тем инфинитив сохранил частью свою исконную природу — дополнения; это видно из того, что инфинитивом выражается зависимый глагольный признак. Подобно тому, как косвенные падежи существительного выражают зависимость существительного от другого слова, так же точно инфинитив выражает зависимость глагола от другого слова. Дополнением мы инфинитив назвать не можем, так как присвоили этому названию значение зависимого представления о носителе признаков. В виду этого назовем инфинитив в указанной функции *дополнительным глагольным членом*. *Примеры*: *хочу пройтись*, *прошу сесть*, *он мастер поспорить*, *он способен выкинуть такую штуку*, *он ходит гулять*, *он бросился помогать брату*, *я взял посмотреть эту книгу*. Признать инфинитив в таком употреблении сказуемым невозможно; правда, *хочу есть* можно истолковать как *хочу, чтобы я ел*, *прошу сесть* — *прошу, чтобы вы сели*; но такое толкование основывается на том, что инфинитив как название признака способен вызывать представление о производителе признака, о соответствующем субъекте. В предложении *он мастер поспорить* едва ли даже возможно подобное толкование.

§ 26. В релятивных отношениях к названиям признаков, т. е. к глаголу и прилагательному, находится наречие, т. е. название отношений. Название зависимых отношений в предложении соответствует тому члену предложения, который называется *объектом*.

с т в о м. Обстоятельство зависит от глагола или от прилагательного <...> Сообразно с выражаемыми в них отношениями, обстоятельства могут быть обстоятельствами времени, места, образа действия и др. Морфологически наречия сближаются с именем, представляя те или иные падежные формы, также с глаголом, включая в свой состав отдельные глагольные формы, например, некоторые деепричастия, инфинитивы и также спрягаемые формы; вследствие этого возможно колебание при определении обстоятельства, в сопоставлении его с дополнением и дополнительным глагольным членом. Обстоятельством признаем только те словесные выражения, которые соответствуют наречию, дополнением те словесные выражения, которые представляются падежами существительного, не утратившими значения существительного: *он вбежал впопыхах, он ищет чего-то впопыхах* представляют обстоятельства; *но он в волнении встретил нас, он сидит в темной комнате* представляют дополнения; *он кричит сверху* — обстоятельство, *он упал с верху сеновала* — дополнение.

§ 27. После предложенного определения второстепенных членов предложения, нам приходится вернуться еще раз к вопросу об отношении их к главным членам предложения, а в частности к вопросу об отношении их к сказуемому. Второстепенные члены предложения обнаруживаются в результате расчленения предложения, — предложения односоставного или каждого из составов двусоставного предложения. В о д н о с о с т а в н о м предложении все второстепенные члены тяготеют если не друг к другу, то к одному главному члену предложения; отсюда следует, что в односоставном предложении бесподлежащем не может быть определения, разве только в сочетании с дополнением; напротив, в односоставном предложении без сказуемого не может быть обстоятельства; на основании этого, признавая *мороз* предложением односоставным, мы предложение *теперь мороз* должны признать двусоставным и допустить в нем пропуск сказуемого. В д в у с о с т а в н о м предложении к подлежащему могут относиться непосредственно определение, приложение, дополнение и в редких случаях дополнительный глагольный член (*к нам подошел какой-то охотник балагурить*); к сказуемому — дополнение, дополнительный глагольный член и обстоятельство, а в тех случаях, когда сказуемое выражено существительным, также — определение, приложение и приименное дополнение.

Анализ зависимого состава двусоставных предложений показывает, что главным членом этого состава могут быть весьма различные части речи и формы слов; мы находим здесь не только спрягаемый глагол, имя существительное в именит. падеже, прилагательное, но также деепричастие, инфинитив, косвенные падежи существительного, наречие. Принимая во внимание грамматическое согласование подлежащего (т. е. главного члена господствующего состава) со сказуемым (т. е. главным членом зависимого состава), я считаю возможным признать п о д л е ж а щ и м и и с к а з у е м ы м и толь-

ко те главные члены двусоставных предложений, которые согласованы между собою; следовательно, сказуемыми могут быть только спрягаемые формы глагола, имена существительные в именит. падеже и прилагательные; неизменяемые части речи, равно и косвенные падежи существительного признаем главными членами зависимого состава несогласованных двусоставных предложений; ср. предложения, как *он выпивши, он бежать, он высокого росту, он теперь профессором, вол сильнее лошади*. Возникает однако вопрос, к какому из обоих типов двусоставных предложений, согласованному или несогласованному, отнесем те же предложения с выраженным в них глаголом вспомогательным: *она была выпивши, она была высокого росту, он был профессором, наш вол будет сильнее той лошади*; вспомогательный глагол согласуется с подлежащим; вопрос осложняется тем, что глагол *быть* потерял в подобных соединениях свое реальное значение и употребляется как связка между подлежащим и сказуемым; вследствие этого казалось бы неправильным признать формы *был, будет* в приведенных предложениях сказуемыми. Думаю однако, что глагол *быть* стал простой связкой только там, где он не вызывает представления о времени; следовательно, только в формах *есть, суть*, которые как связки и исчезли в русском языке; формы же прошедшего и будущего времени сохранили свое глагольное значение, а потому должны быть признаны сказуемыми. Отсюда следует, что предложение *он высокого росту* относится к типу *несогласованных* двусоставных предложений, а предложение *она была высокого росту* к типу *согласованных* двусоставных предложений. Но что же в предложении *она была высокого росту* мы назовем сказуемым? Одно слово *была* или все сочетание *была высокого росту*? При том или другом решении этих вопросов возникает вопрос: какому же члену предложения соответствует *высокого росту* или *выпивши* в предложении *она была выпивши*? Обычно в грамматиках такие сложные сказуемые называются «сказуемыми составными», а входящее в состав их имя, прилагательное, причастие — «предикативным именем». С такой терминологией можно было бы согласиться в том случае, если не признавать *высокого росту, профессором, выпивши* сказуемыми в предложениях *она высокого росту, он теперь профессором, она выпивши*, признавая их и здесь предикативными именами при опущенном сказуемом. Но имеем ли мы основание признать предложения *он высокого росту* или *она выпивши* предложениями неполными, с опущенным сказуемым? Не подлежит сомнению, что предложения, как *он молодец, он добрый, он высок* — предложения полные; доказательства этому мы приведем ниже, когда будем говорить специально о способах выражения сказуемого. Но формально такие предложения отличаются от рассматриваемых именно тем, что подлежащие и сказуемые в них согласованы. Признав сказуемое зависимым членом предложения, мы в праве думать, что свою грам-

матическую форму оно должно согласовать с подлежащим, должно ему уподобиться; там, где такого уподобления нет, не было и настоящего сказуемого; насколько сильно начало уподобления сказуемого подлежащему, видно из того между прочим обстоятельства, что прилагательное в сказуемом стремится принять (или сохранить) именную форму, сближающую его с именем существительным.

В виду указанных соображений, число полных предложений с несогласованными подлежащим и сказуемым представляется целесообразным по крайней мере сократить. В о - п е р в ы х, одни из таких предложений могли возникать по аналогии предложений согласованных: сюда отнесем предложения, как *он высокого росту*, явившиеся, несомненно, по аналогии предложений, как *он высок, он высокий*, ср. возможность в качестве определения, с одной стороны, *высокий*, а с другой — *высокого росту* (*ко мне подошел мужчина высокого роста* или *высокий мужчина*); далее, сюда же относятся предложения со сравнительной степенью наречия в сказуемом; наречия сравнительной степени заменили склоняемую форму прилагательных в сравнительной степени: *брат старше сестры* заменило предложение *братъ старей сестры*. В о - в т о р ы х, некоторые из подобных предложений могли утрачивать сказуемое по аналогии; предложения *он выпивши, он профессором* могли возникнуть на месте *он есть выпивши* (где налицо сложное сказуемое, состоящее из двух глагольных форм), *он состоит профессором*; эти последние предложения¹ признаем поэтому неполными, а предложения вышеуказанного типа² предложениями позднейшего происхождения. Поэтому при разрешении вопроса о составном сказуемом, о наличии в нем предикативного имени, можно оставить в стороне те предложения, где это п р е д и к а т и в н о е и м я является в качестве сказуемого. Предложения, как *он был высокого росту, она была выпивши*, надо сопоставить прежде всего с предложениями, как *он был болен, он стал слаб, она сделалась нездорова, он оказался неповоротлив* и т. п.; в этих предложениях видим согласование входящего в состав сказуемого прилагательного с подлежащим; но согласование идет еще дальше в том смысле, что прилагательное принимает ту форму, которая присваивается ему в сказуемом и притом в современном русском языке только в сказуемом. Заключаю отсюда, что во всех подобных предложениях с так называемым составным сказуемым мы имеем дело с сочетанием двух сказуемых, с д в о й н ы м с к а з у е м ы м: одно из них глагольное, другое адъективное или именное. При этом оба сказуемых согласуются с подлежащим. Там, где адъективное или именное сказуемое не согласовано с подлежащим, приходится допустить позднейшее явление и нарушение старых отношений. <...>

¹ (т. е. *он выпивши, он профессором*).

² (т. е. *он высокого росту, брат старше сестры*).

Двойное сказуемое представляет несколько существенных разновидностей. В одной разновидности перевес принадлежит бесспорно именной или адъективной части двойного сказуемого; это имеет место там, где в первой части глагол *быть* с его бледным реальным содержанием. Ко второй разновидности относятся те предложения, где в первой части двойного сказуемого стоят другие вспомогательные глаголы с менее бледным содержанием; вследствие этого адъективная или именная части уже не выступают с таким первенствующим значением. Наконец, к третьей разновидности относятся те предложения, где в первой части находятся глаголы полного содержания, а во второй адъективная или именная части отступают уже на задний план: *он сидит мрачен, он пал мертвый, он пришел пьяный* и т. д. Думаю, что именно в этом третьем типе второе сказуемое стало второстепенным, а его второстепенность вела к зависимости от главного сказуемого: в результате этой зависимости на месте именного сказуемого явилось именное дополнение в творит. падеже. Это именное дополнение мы назовем *сказуемым именем* <...>.

§ 28. В связи с только что указанным членом предложения стоит еще и другое употребление так называемых предикативных имен; мы находим их в односоставных предложениях в сочетании с глагольным сказуемым того же типа, которое требует при себе предикативного члена; ср. в определенно-личных предложениях: *хожу печальный, сиюзу задумчивый, будь здоров, будьте покойны, будь мой покровитель*. Такие прилагательные и существительные имеют именит. падеж и соответствующие родовые формы в силу согласования с субъектом коммуникации; следовательно, они относятся непосредственно к этому субъекту и связаны с ним предикативно; в виду этого определяю их как *дополнительные сказуемые* в бесподлежащих предложениях. Подобное дополнительное сказуемое известно также в неопределенно-личных предложениях: ср. *бывало вернешься усталый и голодный*. И это сказуемое может перейти в силу указанных причин в зависимую форму дополнения; ср. творит. падеж в случаях, как *будь моим покровителем*.

§ 29. Двойное сказуемое развилось и там, где глагольное сказуемое имело при себе причастие, становившееся в предикативные отношения к подлежащему. В отличие от имен и прилагательных, могущих стать в такие отношения с подлежащим только при глаголах состояния и движения, причастия, в силу своей глагольности и обозначения ими активного признака, могли связываться предикативно с подлежащим при всяком вообще глаголе. Причастие получало значение второй части сказуемого; ср. *идохома къ вамъ радующеся; <...> и придуть къ вамъ глаголюще* и т. д. С течением времени причастие в таком положении потеряло возможность согласоваться с подлежащим и в результате перешло в деепричастие, т. е. в несклоняемое причастие. Этот переход <...> возник на почве усиления

предикативности причастия насчет его атрибутивности; он повел за собой переход деепричастия во второе степенное сказуемое. Как таковое, деепричастие означает время соотносительное с временем, выраженным главным сказуемым. Его сказуемость ясно обнаруживается в современном русском языке, в частности именно в литературном, в том, что деепричастие употребляется только в предложениях двусоставных, где оно имеет прямое отношение к подлежащему. В языке областном, а также частью и в литературном, возможно употребление деепричастия и в односоставных предложениях. Само собой понятно, что оно является в бесподлежащих личных предложениях и притом как определенно-личных, так в неопределенно-личных: *хожу все, соображая, что предпринять; отвечая мне, грубишь; увидев их, пожалеете; что имеем — не храним, потерявши плачем; на это, делая злостные намеки, нам говорят; живут там припеваючи*. Удобнее всего назвать деепричастие в таких предложениях *дополнительным второстепенным сказуемым*. Но такое же употребление деепричастия находит себе и в безличных предложениях, причем подобные обороты избегаются в литературном языке: *думая так, мне казалось; не выдав работы, не видать вам и покоя; не выдав, девушке верится (в счастье замужем*. — Даль, Посл. III, 143). И в этих предложениях назовем деепричастие *дополнительным второстепенным сказуемым*, имея в виду, что оно относится к субъекту главного предложения, выраженному, правда, в форме дополнения. Потеря деепричастием предикативной связи с подлежащим (или субъектом) имеет последствием переход его в обстоятельство, деепричастие получает значение наречия: *не хочется сидеть спустя рукава, приходится стоять повеся голову* и т. п. В виду этого при наличности предикативной связи деепричастия с подлежащим мы не имеем основания сближать деепричастие с наречием и называть его глагольным наречием. Сочетаясь с формами глагола *быть*, причастия настоящего времени составляли в древнем языке одно сложное время: *бяху ловяще, суть хитро сказующе*; в современном языке такое словоупотребление исчезло совсем. Но соединения деепричастий прошедшего времени с глаголом *быть* видим до сих пор, правда, преимущественно в областном употреблении; при этом деепричастие вместе с формами будущего и прошедшего времени составляет двойное сказуемое, а за пропуском форм настоящего времени переходит в главный член зависимого состава; ср. сказанное выше относительно оборотов: *он был выпивши*, с одной стороны, *он выпивши*, с другой.

§ 30. Нам остается сказать еще об одном члене предложения, о *связке*. Под связкой разумеется служебное слово, служащее для соединения в составе одного предложения членов его между собою, для разделения их и для противоположения друг другу; кроме того, связка служит для сочетания слова с тем или другим сопутствующим

представлением. При сцеплении нескольких предложений связка служит для их соединения, разделения и противопоставления. <...> К связкам относятся и вспомогательные глаголы; но большая часть их не утратила своей глагольности, своего конкретного, реального значения; перешли в связку только формы настоящего времени глагола *быть*; это повело к окончательной утрате их, причем утрата их в значении связки повела и к утрате настоящего времени глагола *быть* в реальном его значении: существовать, находиться. Что до прошедшего времени *был*, будущего *буду*, то категория времени предохранила от перехода их в простые связки, о чем сказано выше. Укажу здесь еще на предикативную связку: это сравнительный союз *как*; он служит как для соединения подлежащего со сказуемым, например *он как отец, он совсем как отец*, так и для соединения со вторым сказуемым: *он был как сумасшедший*. К связкам отношу и такие слова, как *гыт* (говорит), *мол, де* при передаче слов чужой речи, ибо они связывают слова, к которым присоединяются с представлением о том, что¹ сказаны другим лицом и только повторены говорящим; также *с в да-с, так-с*, ибо им вводится сопутствующее представление о желании говорящего быть вежливым и любезным в отношении к слушателю.

§ 31. Вне предложения, но часто в самом его составе, находится так называемое обращение. В современном русском языке обращение выражается формой именит. падежа, между тем как в древнем языке оно выражалось звательным падежом. Едва ли основательно мнение Потебни о том, что звательный падеж выражает подлежащее и что, следовательно, таким же подлежащим является в современном языке именит. падеж обращения. Согласно с этим (противоположением прямых падежей, именительного и звательного, косвенным падежам объекта), говорит Потебня², «звательный, как и именительный, имея определенную деятельность в предложении, стоит не вне его, а в нем». Не отрицая того, что рядом со «звательным обращением» можно допустить употребление звательного падежа вместо именительного с «окраскою чувством»³, я думаю, что употребление обращения вне предложения не может вообще подлежать сомнению. Если сопоставить предложение *братец, мне хочется поест* с предложением *братец, дай мне поест*, едва ли получим основание утверждать, что *братец* во втором из этих предложений является подлежащим при сказуемом *дай*. Думаю, что в частности формы 2-го л. повелит. наклонения не нуждаются в подлежащем, самой формой своею вызывая соответствующее представление о сочетании сказуемого с подлежащим. Обращение может стоять вне предложения, как в дан-

¹ (слова эти)

² Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. С. 94)

³ Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е. изд. СПб., 1912. С. 182–183

ных примерах, но оно может входить и в его состав, как например в предложениях: *дай, братец, покурить; мне, братец, есть хочется.*

§ 32. Вне предложения, но введенными в его состав оказываются так называемые в о д н ы е с л о в а или вводные предложения. Они в большинстве случаев имеют значение связок, так как вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление. Поэтому, введенные в предложение, они нередко переходят здесь в простые связки. Таково происхождение связок, как *гыт* (говорит), *мол* (молвь) и др. Ср. не ставшие связками вводные¹ предложения, как *кажется, думается, разумеется, видно, знать, может быть, то есть, так сказать* и т. п.

В. С. Храковский Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века²

Задания. На основе анализа статьи В. С. Храковского ответьте на следующие вопросы:

1. Как, по мнению В. С. Храковского, могут строиться классификации членов предложения?
2. Какие периоды в изучении членов предложения в XIX в. выделяет В. С. Храковский?
3. Как соотносятся логическое и грамматическое членения предложения, проводимые в первой половине XIX в.?
4. Как в истории изучения русского синтаксиса решался вопрос об иерархии членов предложения?
5. Какой вклад в учение о членах предложения внес Ф. И. Буслаев?
6. Какой принцип выдвигает в качестве основного для классификации членов предложения А. А. Потебня?
7. В чем своеобразие решения вопроса об иерархии членов предложения у А. А. Дмитриевского?
8. Какие изменения претерпела концепция членов предложения во второй половине XIX в. по сравнению с первой половиной XIX в.?

<...> Концепция членов предложения безусловно представляет значительный интерес для истории лингвистической мысли. За исключением периода ее становления в первой половине XIX в., она

¹(слова и).

²Печатается по: Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985. С. 124–180.

никогда не была целостной и единой, всегда реализовалась в виде ряда различных, зачастую альтернативных вариантов, которые не только приходили на смену друг другу, но нередко сосуществовали в одно и то же время, и, несмотря на это, примерно до 60-х годов нашего столетия в современном языкознании синтаксический анализ предложения и в теоретической литературе, и в педагогической практике осуществлялся в терминах членов предложения. <...> На этой концепции базируется синтаксический раздел «Граматики русского языка», вышедшей в 1960 г. под редакцией академика В. В. Виноградова и называемой в лингвистических кругах «Академической грамматикой». В «Грамматике современного русского литературного языка», вышедшей в 1970 г. под редакцией Н. Ю. Шведовой, наблюдается отход от сложившейся традиции: концепция членов предложения заменена концепцией структурных схем предложения. Термины второстепенных членов предложения не употребляются, а термины главных членов — подлежащее и сказуемое — используются для обозначения словоформ, образующих двусоставные структурные схемы предложения. <...> В «Русской грамматике», вышедшей под редакцией Н. Ю. Шведовой в 1980 г., ситуация несколько меняется. Наряду с главными членами предложения, образующими, как мы уже знаем, двусоставные структурные схемы предложения, используются также термины распространяющих членов предложения <...>. Как подчеркивает Н. Ю. Шведова, распространяющие члены предложения в общем соотносительны с выделяемыми в традиционной грамматике второстепенными членами предложения, поскольку главные члены предложения выделяются в обоих подходах примерно одинаково. Различия заключаются в том, что распространяющие члены и второстепенные члены классифицируются по разным основаниям. С нашей точки зрения, подход Н. Ю. Шведовой является очередной разновидностью традиционной концепции членов предложения. <...>

В чем причины живучести этой концепции, которую все критикуют и в то же время продолжают пользоваться ею, иногда даже не сознавая этого? Исследование процесса становления и развития данного учения в русском языкознании XIX в., возможно, поможет найти ответ на этот вопрос и во всяком случае напомнит современному читателю о тех аспектах учения о предложении, которые активно разрабатывались в прошлом веке.

<...> При анализе синтаксической структуры предложения в терминах членов предложения в принципе возможны два типа классификаций членов предложения. Классификации первого типа опираются на абсолютные признаки, или свойства, членов предложения. В подобных классификациях различные члены предложения определяются не з а в и с и м о друг от друга и каждый член предложения характеризуется такими свойствами, которые не присущи никакому другому члену предложения. В число признаков, используемых в

этих классификациях, входят морфологические, семантические и морфолого-семантические. Морфологической является классификация вида: сказуемое — это глагол в личной форме, подлежащее — это имя в именительном падеже, прямое дополнение — это имя в винительном падеже без предлога, косвенное дополнение — это имя в любом другом косвенном падеже без предлога или с предлогом, обстоятельство — это наречие, дополнительный глагольный член — это инфинитив, определение — это прилагательное и причастие. Семантической является следующая классификация: сказуемое — это слово, обозначающее действие или состояние, подлежащее — это слово, обозначающее субъект, прямое (= первое) дополнение — это слово, обозначающее объект, косвенное (= второе) дополнение — это слово, обозначающее адресат, инструмент и т. п. В соответствии с морфолого-семантической классификацией подлежащее — это имя, обозначающее субъект или объект и оформленное именительным падежом, прямое дополнение — это имя, обозначающее объект и оформленное беспредложным винительным падежом, косвенное дополнение — это имя, обозначающее адресат, инструмент и оформленное любым косвенным падежом, кроме беспредложного винительного. Агентивное дополнение — это имя, обозначающее субъект и оформленное косвенным (творительным) падежом.

Классификации второго типа опираются на относительные признаки. В этих классификациях каждый член предложения определяется на базе тех отношений, которые связывают его с другими членами предложения. В основание конкретных классификаций этого типа могут быть положены различные отношения: типы формальной связи между словами, типы смысловой связи между словами, словопорядок и т. п. Примером классификации, основанной на типах формальной связи между словами, может служить классификация, в соответствии с которой управляемый член предложения является дополнением, примыкающий — обстоятельством, а согласуемый — определением. Классификация, основанная на типах смысловой связи между словами, это классификация, в которой слова, реализующие смысловую валентность глагольного сказуемого, называются дополнениями, включая подлежащее, а слова, семантически не зависимые от сказуемого, называются обстоятельствами. В рамках классификации, основанной на отношении словопорядка, возможны следующие типы определений: подлежащее — это слово, которое предшествует глагольному сказуемому, а дополнение — это слово, которое следует за сказуемым, или же слово, которое предшествует глагольному сказуемому, это дополнение, а слово, предшествующее дополнению, это подлежащее.

Практически все конкретные классификации членов предложения, известные в русском и советском языкознании, являются либо классификациями первого типа, либо классификациями второго типа, либо часто смешанными. <...>

Несколько огрубляя реальное положение вещей, но никоим образом не искажая его, мы бы рискнули высказать следующее общее утверждение. Основной лейтмотив учения о предложении и его синтаксическом строении в XIX в. состоял в том, чтобы сбросить с лингвистики скорлупу логики, вычленив свой собственный предмет, свои задачи и цели исследования, искать свои собственные лингвистические методы анализа материала. Вместе с тем представляется, что с хронологической точки зрения мы можем выделить два четко очерченных и содержательно принципиально отличающихся друг от друга периода. Первый период — от начала века до конца 50-х годов, точнее до публикации в 1858 г. «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева. Второй период — от 1858 г. до начала XX в. Характерная черта первого периода с интересующей нас точки зрения заключается в том, что в это время и в научной и в учебной литературе фактически использовалась единая концепция членов предложения, которую принято называть, а тем самым и характеризовать как формально-логическую. <...>

На вопрос о том, какие члены выделяются в предложении, языкознание первой половины XIX в. дает следующий ответ. Поскольку предложение представляет собой суждение, выраженное словами, то члены предложения — это части суждения. Суждение состоит из двух частей — подлежащего и сказуемого, следовательно, из этих двух частей состоит и предложение. Обобщая и усредняя определения подлежащего и сказуемого, можно утверждать, что под подлежащим понимается то (понятие, слово, предмет), о чем говорится в предложении, а под сказуемым — то, что говорится о подлежащем или что приписывается подлежащему. <...>

Однако наряду с логическим членением предложения в первой половине XIX в. уже осознавалось и параллельно проводилось и грамматическое членение, которое заметным образом отличалось от логического.

Два основных элемента грамматического членения предложения — грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, которые, хотя и коррелируют с понятиями логического подлежащего и сказуемого, однако совпадают с ними, как мы бы сказали теперь, только в частном случае. Отличия грамматических подлежащего и сказуемого от логических были сформулированы уже Н. И. Гречем. <...> Грамматическое подлежащее — главное слово логического подлежащего, а грамматическое сказуемое — главное слово логического сказуемого. И в том случае, если логическое подлежащее и сказуемое представлены одним «главным» словом, то тогда логическое и грамматическое подлежащее и сказуемое совпадают друг с другом. Так, например, в предложении *Роза без шипов цветет только в сказках* логическое и грамматическое подлежащее и сказуемое отличаются друг от друга: логическое подлежащее — *Роза без шипов*, грамматическое подлежащее — *роза*; логическое сказуемое — *цветет*

тет только в сказках, грамматическое — цветет. Что касается предложения *Роза цветет*, то в нем логическое и грамматическое подлежащее и сказуемое не отличаются друг от друга. <...>

Не лишено интереса и то обстоятельство, что именно в рассматриваемый период времени в учебной литературе начала использоваться та сакраментальная вопросная процедура опознания членов предложения, о формалистичности и непригодности которой много писали в XX в., хотя и продолжали ею пользоваться.

Использовалась эта процедура только по отношению к определению, дополнению и обстоятельству, т. е. поясняющим членам предложения.

<...> В первой половине XIX в. фактически параллельно проводились логическое и грамматическое членения предложения. При логическом членении выделялись подлежащее и сказуемое, а при грамматическом членении — подлежащее, сказуемое, определение и дополнение, причем в конце рассматриваемого периода как самостоятельные члены предложения стали характеризоваться обстоятельства, выделившиеся из дополнения, и приложение, выделившееся из определения.

<...> При логическом членении предложения подлежащее и сказуемое — единственные обязательные, взаимно предполагающие друг друга члены предложения. При грамматическом членении подлежащее и сказуемое характеризуются соответственно как главные (существенные) члены предложения, которые противопоставляются всем остальным как второстепенным (поясняющим). Такая иерархия членов предложения была изложена уже Н. И. Гречем <...>, а в дальнейшем она практически представлена во всех работах этого периода. <...>

Хотя и подлежащее и сказуемое трактуются оба как главные члены предложения, они с грамматической точки зрения, поддерживаемой и семантической аргументацией, рассматриваются как неравноправные. Грамматическое сказуемое оказывается важнее грамматического подлежащего.

<...> Таким образом, фактически подлежащее понижается в ранге и противопоставляется сказуемому на тех же самых основаниях, на каких второстепенные члены предложения противопоставляются главным членам. Следовательно, мысль о том, что подлежащее не такой главный член, что и сказуемое, возникает уже в первой половине XIX в. <...>

Начало второго этапа в развитии русского языкознания XIX в. принято связывать с выходом в свет в 1858 г. «Опыта исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева. <...>

В целом Ф. И. Буслаев принимает и разделяет концепцию членов предложения в том виде, в котором она сложилась в первой половине XIX в. <...> Дополнения и изменения, которые Ф. И. Буслаев внес в учение о синтаксическом строении предложения, немного-

численны, однако все они носят принципиальный характер. Прежде всего Ф. И. Буслаев внес коррективы в трактовку соотношения логического подлежащего и грамматического подлежащего. Как мы уже знаем, в первой половине XIX в. было принято считать, что грамматическое подлежащее — это главное слово логического подлежащего. <...>

<...> При анализе безличных предложений Ф. И. Буслаев приходит к важному заключению: грамматическое подлежащее не всегда является частью (главным словом) логического подлежащего. Он пишет: «Только в логическом отношении можно назвать в безличном предложении подлежащим дательный падеж, означающий отношение к лицу; напр., *мне хочется*». <...> ...Отделив в безличных предложениях грамматическое подлежащее от логического, Ф. И. Буслаев резче обозначил границу между логическим и грамматическим членением предложения по сравнению с тем, как это было принято ранее.

Внес свою лепту Ф. И. Буслаев и в вопрос об основаниях классификации второстепенных членов предложения. Как нам уже известно, в русском языкознании первой половины XIX в. второстепенные члены предложения выделялись и классифицировались в основном по семантическим критериям. Этот принцип классификации сохранил и Ф. И. Буслаев. <...>

Вместе с тем и прежде всего Ф. И. Буслаев предлагает классифицировать второстепенные члены предложения «по синтаксическому употреблению», т. е. по типу связи, с помощью которой второстепенный член присоединяется к господствующему главному члену. В результате этой классификации также выделяются три второстепенных члена предложения, для наименования которых используются те же термины: определительные, дополнительные и обстоятельственные слова. Определительные присоединяются посредством согласования (*этот человек, доброе дело, я сам, это самое*), дополнительные присоединяются посредством управления (*любишь чтение, любовь к чтению, достоин награды*), а обстоятельственные присоединяются с помощью связи, которая не является ни согласованием, ни управлением (*идти в город, идти из городу, очень хороший*). <...>

Ф. И. Буслаев отчетливо понимал, что обе классификации членов предложения дают несовпадающие результаты. В частности, он подчеркивал, что в число определительных слов по значению входят как слова согласуемые (*добрый человек, эту книгу, на четырех углах, седьмого дня*), так и слова несогласуемые (*человек пожилых лет, восход солнца, пять лет, десять лет*), а в число обстоятельственных слов по значению входят как слова управляемые (*войти в город, выехать из города, переходить через мост*), так и слова не управляемые и не согласуемые (*прилежно учиться, очень исправен; идти в город, жить в городе*). <...>

Таким образом, Ф. И. Буслаеву принадлежит важный теоретический вывод методологического характера. Он первый в русском языкознании показал, что одни и те же элементы синтаксической структуры предложения, а именно второстепенные члены предложения, можно классифицировать по разным основаниям (по значению / по типу формальных связей), и подчеркнул, что обе классификации дают не вполне совпадающие результаты. <...>

А. А. Потебня был первым, кто резко ополчился против вопросной процедуры, которая сопутствует семантической классификации членов предложения. <...>

<...> А. А. Потебня считает, что классификация членов предложения должна исходить из форм слов (= частей речи), которые выступают в роли членов предложения. <...>

Таким образом, если до А. А. Потебни члены предложения определялись по значению, а формы членов предложения и их формальные связи указывались в комментариях к определениям, то теперь ситуация в корне меняется. Члены предложения определяются по формам слов и формальным связям, а их семантическая интерпретация дается в комментариях к определениям. <...>

Оригинальным и смелым исследователем зарекомендовал себя А. А. Дмитриевский, творчество которого до последнего времени оставалось мало известным. <...> Он высказал ряд новаторских идей относительно синтаксического строения предложения, из которых отдельные не утратили актуальности и в наши дни. Его основная работа — статья «Практические заметки о русском синтаксисе» (1877–1878). <...>

<...> Интересна образная динамичная характеристика предложения, в соответствии с которой «предложение есть драма, представление мысли посредством слова, которое является как бы актером того действия, которое есть мысль»¹. «Предметы-дополнения — действующие лица сцены; обстоятельства — сама сцена, а предложение — драма мысли»². Очень любопытно, что к сравнению предложения с театральным представлением спустя почти столетие прибегает Л. Теньер в своем «Структурном синтаксисе». <...>

Наиболее оригинально А. А. Дмитриевский подошел к проблеме иерархии членов предложения.

Первое существенное утверждение его в этой области состоит в том, что в предложении не два главных члена: сказуемое и подлежащее, а только один — сказуемое. Что касается подлежащего, то оно, по сути, является одним из дополнений. Вот что говорит сам А. А. Дмитриевский: «Не два главных члена в предложении, а толь-

¹Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки. 1877. Вып. III. С. 12.

²Дмитриевский А. А. Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки. 1878. Вып. IV. С. 76.

ко один. Сказуемое есть неограниченный властелин, царь предложения: если есть в предложении кроме него другие члены, они строго ему подчинены и от него только получают свой смысл и значение; если нет их, даже подлежащего, сказуемое само собой достаточно выражает мысль и составляет целое предложение. Иначе сказать: и само предложение есть не что иное, как сказуемое, или одно, или с приданными ему другими членами»¹. <...>

Второе утверждение А. А. Дмитриевского состоит в том, что, хотя подлежащее и является одним из дополнений, вместе с тем является главным дополнением: «... в ряду дополнений подлежащее — главное дополнение, по сравнению со сказуемым, оно второстепенный член предложения»²; «... из всех дополнений самое ближайшее и непосредственно примыкающее к сказуемому есть подлежащее» (1878, вып. II, с. 68—69). В этом утверждении, по существу, высказывается мысль об иерархической организации формально однородных и непосредственно зависящих от сказуемого второстепенных членов предложения.

Третье утверждение <...> заключается в том, что определения рассматриваются не как члены предложения, а как части тех членов предложения, от которых они непосредственно зависят. <...>

Мы завершили рассмотрение творческой деятельности тех ученых, которые, с нашей точки зрения, внесли наиболее существенный вклад в становление и развитие концепции членов предложения во второй половине XIX в. Теперь нам остается охарактеризовать те изменения, которые претерпела концепция членов предложения во второй половине XIX в. по сравнению с первой половиной XIX в.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что источником изменения концепции членов предложения является сдвиг в понимании языка как объекта языковедческого исследования. Если раньше язык понимался только как средство выражения чувств и главным образом мыслей, обычно логических суждений, т. е. как форма мышления, если слово и мысль попросту отождествлялись и в вопросе изучения предложения языковедение опиралось на понятийную базу логики, то теперь язык понимается как самостоятельный феномен, изменяющийся и развивающийся во времени, который не только и не столько представляет собой форму мышления, сколько выступает в роли творца мысли и при этом имеет специфическое строение, изучением которого и должно заниматься языковедение, опираясь на собственную понятийную базу и собственные методы и средства.

Понимание языка как творческой деятельности человека наложило отпечаток на все языковедение второй половины XIX в.

¹ *Дмитриевский А. А.* Практические заметки о русском синтаксисе // Филологические записки. 1877. Вып. IV. С. 22–23.

² Там же. С. 17–18.

Вполне естественно, что весьма существенные изменения претерпела трактовка предложения. Прежнее формально-логическое по сути своей содержательное определение предложения, в соответствии с которым предложение — это суждение, выраженное в словесной форме, подверглось уничтожающей критике и было единодушно отвергнуто. Однако единого более адекватного определения предложения, которое бы удовлетворяло всех исследователей, предложено не было. Место единого определения предложения заняло множество определений, опирающихся на различные, порой несоизмеримые классификационные признаки. <...> Итак, первая специфическая черта русского языкознания второй половины XIX в. заключается в наличии ряда различных определений предложения, которые не столько исключают, сколько дополняют друг друга, поскольку характеризуют предложение с разных сторон. <...> Вместе с тем наблюдается тенденция, в соответствии с которой формальные (морфологические и синтаксические определения), а также формально-смысловые оттесняют на задний план смысловые определения. Это связано с осознанием того факта, что грамматически правильными могут быть и не осмысленные с позиций «здравого смысла» предложения типа *Люди летают на своих собственных крыльях, Ехала деревня мимо мужика*.

Следует подчеркнуть, что именно в это время А. А. Потебня поставил важный в теоретическом отношении вопрос, можно ли дать универсальное определение предложения, пригодное для всех языков во все времена. Он сам отвечает на этот вопрос отрицательно и считает, что поскольку язык развивается и изменяется во времени, то соответствующие изменения претерпевает и предложение, которое тем самым должно определяться по-разному в разные периоды времени. Остальные же ученые, не ставя эксплицитно этот вопрос, в своей практической деятельности все же исходят из презумпции универсального определения предложения. Как нам хорошо известно, попытки дать удовлетворительное универсальное, содержательное определение предложения ни к чему не привели из-за очень богатого содержания определяемого объекта, вследствие чего в некоторых современных синтаксических концепциях предложение принято относить к числу ключевых неопределяемых понятий теории.

Хотелось бы подчеркнуть, что именно в этот период возникли две идеи, связанные с пониманием предложения, которые сыграли большую роль в развитии языкознания нового времени. Это, во-первых, различие в содержании предложения модального и диктального планов (Д. Н. Овсяннико-Куликовский) и, во-вторых, различие синтаксической и коммуникативной структур предложения (Ф. Ф. Фортунатов).

Что касается номенклатуры членов предложения, то принципиальных изменений в языкознании второй половины XIX в. в этой области не произошло. Как и прежде, для синтаксического членения

предложения оказывается достаточно сказуемого, подлежащего, дополнения, обстоятельства и определения. Меняются не столько термины, сколько понимание понятий, стоящих за терминами.

Логическое членение предложения, которое в первой половине XIX в. проводилось параллельно с грамматическим, теперь не осуществляется и соответственно выходят из употребления термины «логическое подлежащее» и «логическое сказуемое». <...>

Множественность определений предложения, естественно, повлекла за собой и множественность определений членов предложения. Если в первой половине XIX в. использовались только логико-грамматические определения членов предложения, то теперь в качестве классификационных признаков используется форма члена предложения, тип формальной связи с господствующим членом предложения, значение члена предложения. Классификации в основном строятся на базе какого-либо одного признака, но встречаются классификации и на базе двух признаков (например, по форме слова и по типу формальной связи у А. А. Потемни). Встречаются классификации, в которых одни члены предложения определяются на базе одних признаков, а другие члены предложения на базе других (например, грамматическая классификация главных членов предложения и семантическая классификация второстепенных членов предложения у Ф. Ф. Фортунатова). Более того, четко осознается возможность классифицировать одни и те же члены предложения по разным основаниям и получать несовпадающие результаты (например, классификация Ф. И. Буслаева второстепенных членов предложения по значению и по типам формальных связей).

Оживленно дискутируется вопрос о применении вопросной процедуры для опознания членов предложения. В то время, как одни исследователи (Ф. И. Буслаев, А. А. Дмитриевский, А. Будилович) считают очень важной эту процедуру, которая использовалась уже в первой половине XIX в., то другие (А. А. Потемня, В. П. Сланский) убедительно показывают, что эта процедура не имеет никакой научной ценности.

Именно в этот период возникает учение о сочетаниях (А. Будилович) или словосочетаниях (Ф. Ф. Фортунатов), которые представляют собой промежуточный уровень между членом предложения как минимальной синтаксической единицей в рамках предложения и максимальной синтаксической единицей, которой является само предложение. Очень важной была мысль о том, что одна из разновидностей словосочетания, а именно предикативное словосочетание, представляет собой предложение. Учение о словосочетаниях (бинарные сочетания членов предложения) очень обогатило концепцию синтаксического членения предложения.

Для проблемы иерархии членов предложения в языкознании XIX в. характерен сплав традиционных и новых идей. Основное утверждение об оппозиции главных и второстепенных членов пред-

ложения по признаку обязательности / необязательности в структуре не изменилось. Не изменилось и убеждение в том, что среди главных членов предложения наиболее важным и «существенным» членом предложения является глагольное сказуемое. Таким образом, идеи «вербоцентричности» предложения следует рассматривать не как «ереси», возникшие в середине XX, а как канонические, свойственные традиционному русскому языкознанию XIX в. Только у Д. Н. Овсяннико-Куликовского в самом начале XX в. наряду с представлением, что самый главный член предложения — глагольное сказуемое, появляется мысль, что сказуемое и подлежащее (когда оно представлено в предложении) равноправны и параллельны.

Новые идеи в этой области заключаются в следующем. Подлежащее не главный член предложения, а такой же второстепенный, как и дополнения, хотя среди дополнений занимает первое место, является главным дополнением (А. А. Дмитриевский). Второстепенные члены предложения — дополнения и обстоятельства формально неоднородны: обстоятельства более независимы, чем дополнения (Д. Н. Овсяннико-Куликовский). Наряду с членами предложения, зависящими от других членов, есть члены, относящиеся к предложению в целом (А. Будилович). Определение не столько член предложения, сколько часть того члена предложения, к которому оно относится (А. А. Дмитриевский). <...> Все эти идеи свидетельствовали, что синтаксическая структура предложения представляет собой значительно более сложный объект, чем казалось ранее. <...>

Ю. А. Пупынин

Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке¹

- Задания.** 1. Какие факторы, по мнению Ю. А. Пупынина, обуславливают семантику субъекта и объекта в предикативной конструкции?
2. Объясните, как автор статьи характеризует обусловленность субъектно-объектного комплекса типом предложения.

Системно-категориальное содержание предиката в отношении к субъекту и объекту

Грамматическое содержание предиката как компонента синтаксической конструкции выполняет существенную (если не определяющую) роль в характеристике других компонентов, в частности таких, как субъект и объект. Так, чтобы квалифицировать семантику суще-

¹ Печатается по: Межкатегориальные связи в грамматике. СПб., 1996. С. 146–152.

ствительного как субъектную, недостаточно морфологической формы в именительном падеже, выступающей в синтаксической позиции подлежащего. Окончательное решение вопроса зависит от квалификации грамматической формы предиката как активной или пассивной, поскольку с этим связан вопрос об активности / пассивности синтаксической конструкции в целом. Одна и та же словоформа имени может выступать как субъектная, например: *Пароход совсем уже подтянулся к пристани* (Купр.), — или как объектная, ср.: *В Самаре пароход очень долго разгружался и нагружался* (Купр.). Центральное положение предиката в синтаксической конструкции позволяет поставить вопрос о варьировании субъектной и объектной семантики в зависимости от его системно-категориального содержания. Учет субъектно-предикатно-объектных связей позволяет представить как субъект, так и объект в комплексе с точки зрения их синтаксической, морфологической, семантической специфики. Рассмотрим эту проблему подробнее, опираясь на следующие признаки: 1) обусловленность реализации субъекта (С) и объекта (О) определенным типом синтаксической конструкции; 2) отношение к ситуации речи; 3) степень семантической специализации; 4) характер референтной отнесенности.

Субъектно-объектные отношения и типы синтаксических конструкций

Обусловленность реализации С и О определенным типом синтаксической конструкции — это наиболее существенный признак, с которым так или иначе связаны все остальные. Он в наибольшей степени обусловлен системно-категориальным содержанием предиката, и прежде всего его залоговым значением.

Различия в обусловленности С и О типом синтаксической конструкции опираются на следующие факты:

а) С в сочетании с любыми типами О может встречаться только в активных конструкциях (АК) русского языка. Напр.: «С — прямой О»: *Коврин получил самостоятельную кафедру* (Чех.); «С — партитивный («частичный») О»: ... *Кто хлеба, кто щец даст похлепать, кто и поднесет* (Чех.); «С — О-бенефактив — прямой О»: *Егор качнулся вбок и подставил Коле ногу* (Шукш.) и т. д.

б) В пассивных конструкциях (ПК) С может встретиться почти со всеми типами О, за исключением приглагольного партитивного О. С и прямой О выступают в пассивной конструкции в иных синтаксических позициях, чем в активной конструкции, однако их реализация не встречает препятствий, например: *Приказ подписан директором*. Что же касается партитивного О, а также некоторых других типов О, выражаемых формой приглагольного родительного падежа, то они в ПК не встречаются, поскольку форма приглагольного родительного, как правило, «запрещается» особенностями ПК (ср., однако: *Согласно новому закону теперь они лишаются прежних привилегий*).

в) Наконец, в безличных конструкциях (БК) возможности передачи субъектно-объектных отношений еще более ограничиваются. В особенности это касается субъектного содержания, поскольку в БК отсутствует типовая позиция для его реализации — позиция подлежащего. На наш взгляд, БК занимает особое место в системе средств реализации С и О. Так, в высказываниях типа *Мне холодно* словоформа в дательном падеже обнаруживает в своем содержании как объектные, так и субъектные семантические элементы. Субъектные элементы поддерживаются в данном случае смысловой близостью с высказыванием *Я замерз*, а также средствами актуального членения, а объектные элементы опираются на морфологическую форму дательного падежа и синтаксическую позицию дополнения (здесь имеется в виду объект-бенефактив, или, в более традиционной терминологии, объект-адресат). Сочетание элементов субъектного и объектного содержания в семантике одной и той же словоформы, выступающей в одной и той же синтаксической позиции, представляется парадоксальным. Однако это противоречие снимается, если обратиться не к понятийному аспекту содержания С и О, а к функционально-семантическому его аспекту. Иными словами, необходимо рассмотреть содержание С и О в их конкретно-языковом структурировании, т. е. как содержание, опирающееся в русском языке на систему конкретных синтаксических средств, морфологических форм, лексико-грамматических и лексических разрядов. В этом случае становится ясным, что понятия С и О в их конкретно-языковом воплощении совсем не обязательно должны реализоваться с достаточной четкостью во всех без исключения синтаксических конструкциях русского языка. Ядро системы их реализации составляют активные и пассивные конструкции, между тем как БК выступает на периферии данной системы и не является специализированным синтаксическим средством для выражения субъектно-объектных различий. Лишь по аналогии с АК и ПК (под влиянием ядра системы) исследователь стремится обнаружить элементы С и О в их различии, т. е. в том виде, в каком они обычно встречаются в более частотных АК. Однако БК имеет принципиально иную функциональную задачу: выразить отношение протекающего в определенной среде признака (процесса, состояния) к зависимым от него субстанциям (см. подробнее¹).

<...> Субъектно-объектное различие в БК не находит опоры для своего выражения внутри конструкции. Лишь опосредованно, в сопоставлении с другими синтаксическими конструкциями в БК можно выделить субъектные и объектные семантические элементы частного характера, которые, однако, могут при этом выступать в причудливом и парадоксальном переплетении. Если при анализе БК опираться непосредственно на понятийно-логический аспект содер-

¹ Путьнин Ю. А. Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // Вопросы языкознания. 1992. № 1.

жания С и О, то тогда в случаях типа *Больного знобит, Мальчику не спится* действительно обнаруживаются субъектные элементы в содержании именного компонента. Если же рассматривать С- и О-содержание в комплексе, во всей сложности, то отчетливо выступают также и объектные элементы (прямой объект и бенефактив). Ср. также сочетание элементов С- и О-содержания в БК типа *Улицу занесло снегом, Березу сожгло молнией*, где дополнение в форме творительного падежа выражает семантические признаки орудия, причины и субъекта действия¹. Отметим, что, не выражая специально субъектно-объектного различия, БК способна благодаря этому реализовать такие разновидности содержания субъектно-объектного комплекса, которые невозможны в АК или ПК.

Из сказанного следует, что субъектное и объектное содержание в своем отношении к различным типам синтаксических конструкций характеризуется определенной обусловленностью. В наибольшей степени свойство обусловленности характерно для субъектного содержания. Основным, центральным средством для реализации С является АК. Разумеется, АК также могут быть дифференцированы с точки зрения выражения С; некоторые АК существенно ограничивают семантику С, ср., например, односоставные неопределенно-личные конструкции типа *Вокруг молчали*. Однако в целом для АК свойственна «грамматически привилегированная», базисная позиция подлежащего², которая является типовой для реализации С в данной конструкции. ПК выступает как менее регулярное средство для выражения С³. И наконец, периферийным средством для выражения С является БК, в которой не имеется ни одной синтаксической позиции, реализующей субъектное содержание с какой-либо регулярностью и обязательностью. Если охарактеризовать графически отношение С к признаку обусловленности типом синтаксической конструкции, то следует выбрать знак «+».

Объект обладает меньшей степенью обусловленности в своем отношении к типам синтаксических конструкций. В АК реализация О опирается на достаточно жестко связанные с выражением объектного содержания формы косвенных падежей. В ПК, в которой, как уже говорилось, «запрещен» партитивный объект (конструкции типа *Посуды разбито на тысячу рублей* мы относим к безличным), тем не менее реализация большинства типов О в целом вполне возможна, а центральный тип О — прямой О — получает для своего выражения «грамматически привилегированную» позицию подлежащего.

¹ Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 59–61.

² Keenan E. L. Towards a universal definition of «subject» // Subject and topic / ed. by Ch. N. Li. New York, 1976; Козинский И. Ш. О категории «подлежащее» в русском языке // Предварительные публикации. М., 1983. Вып. 156. С. 3–6.

³ Подробнее о различии С-содержания в ПК и АК см.: Путьнин Ю. А. О типах субъекта в русских активных и пассивных конструкциях // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. Л., 1988.

И наконец, в БК, в которой субъектно-объектное противопоставление выступает в слабой форме, реализующиеся предметные значения ближе к объектным, чем к субъектным. Дело в том, что, утратив синтаксическую позицию подлежащего и соответствующую ей форму именительного падежа, БК способна включать в себя практически все формы косвенных падежей, которые являются базовыми средствами реализации именно объектных, а не субъектных значений. Поэтому семантической основой значения именных компонентов БК выступает именно объектное содержание, а субъектные элементы проявляют себя как своего рода наслоения, реминисценции (хотя порою, при поддержке средств актуального синтаксиса, достаточно яркие и сильные). Графической характеристике отношения О к признаку обусловленности типом синтаксической конструкции будет соответствовать знак «±».

Отношение С и О к ситуации речи

В ситуации речи наиболее тесно связанными с реализацией субъектного и объектного содержания являются ее непосредственные участники, т. е. говорящее лицо и слушающее лицо. Что же касается момента речи и места речи, их связь с субъектно-объектным противопоставлением представляется менее очевидной.

С и О определенным образом различаются в своем отношении к участникам ситуации речи. Для С соотнесенность с говорящим лицом и слушающим лицом является регулярной и обязательной. Можно сворить о высокой степени грамматикализации данной соотнесенности, поскольку в ее реализации может участвовать не только местоименный компонент поля персональности, выступающий в позиции подлежащего, но и личная форма предиката, например: *Я поклоняюсь вам!* (Солж.). При отсутствии формального выражения субъекта именно предикат способен дать ему дейктическую характеристику, как, например, в определенно-личных конструкциях: — *Приду*, — *девушка улыбнулась* (Шукш.); — *Адрес-то знаешь?* (Шукш.). В случае употребления форм прошедшего времени или сослагательного наклонения, не экплицирующих личную грамему, дейктическая ориентация субъекта остается обязательной, хотя опирается уже лишь на местоименный компонент персональности, ср.: [Лаура.] *Ты мимо шел случайно И дом увидел* (Пушк.). Дейктически ориентирован субъект, представленный подлежащим-существительным, поскольку последнее является «однофункциональным» местоимению 3 л., которое специально сигнализирует о несовпадении субъекта с кем-либо из участников речевой ситуации, например: *К концу 1921 года Белый добрался до Берлина* (Ход.). Таким образом, С всегда дейктически ориентирован, и его отношение к рассматриваемому признаку графически выражается знаком «+».

Соотнесенность О с участниками речевой ситуации не носит столь регулярного и обязательного характера, что выявляется в отсутствии

предикатной грамматикализации такой соотнесенности. В русском языке нет специальной «персональной» координации между формой глагола и объектом (ср. наличие субъектного и объектного личного спряжения глагола в эскимосском языке¹). В принципе О может выражать соотношение с участниками речи и практически выражает его с помощью лексических элементов своего содержания, например: *Ты спишь ли? Гитарой Тебя разбуджу* (Пушк.). Однако даже в случае ПК, где центральный объектный тип — прямой О попадает в «грамматически привилегированную» позицию подлежащего, возможности предикатной грамматикализации такого соотношения в русском языке ограничены, и пассивные формы 1 и 2 л. глагола встречаются чрезвычайно редко. Таким образом, дейктическая ориентация О, в отличие от С, должна быть охарактеризована знаком «±».

Степень семантической специализации С и О

Под семантической специализацией в данном случае понимается способность С и О выполнять определенные «семантические роли»: агенса, бенефактива, инструмента и т. д., т. е. способность С и О к семантическому варьированию. С субъектом обычно связываются следующие роли: деятель (субъект действия, агенс) и носитель состояния, например: *Волodyка вскочил на ноги, побегал к речке* (Абрам.), — ср.: *Гравер сидел на кровати у Сологодина* (Солж.). Иногда с субъектным содержанием связываются также и более частные случаи, например, субъект признака (качества): *Места в Забайкалье красивые* (Ек.); субъект классификации: *Бульвар — место общественного гулянья* (Ремиз).²

Приведенный перечень может быть расширен, ср., например, такие разновидности субъекта, как С существования: *Есть еще кулички, называемые курахтанами* (Акс.); С отношения: *Люблю отчизну я, но странною любовью* (Лерм.); С восприятия: *У левой ноги она чувствовала что-то теплое и лохматое. Это был Бегемот* (Булг.).³ Однако подобная специализация целиком определяется конкретным содержанием признака, выраженного в предикате. Иначе говоря, все эти варианты в пределах активной конструкции объединяются более общим, родовым понятием «носитель признака» и не связаны с какими-либо различиями в морфологической представленности субъекта. Набор морфологически обусловленных ролей (семантических типов) объекта представляет собой более обширный список. Например, объект-инструмент (или, шире, объект-средство):

¹ Вахтин Н. Б. Синтаксис простого предложения эскимосского языка. Л., 1987. С. 8–9.

² Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 136–138.

³ См., в частности, подробный список семантических вариантов субъекта в работе: Арват Н. Н. Семантическая структура безличных предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1976.

Все пространство с середины улицы до ворот и потом по двору до крыльца было посыпано свежим песком (Чех.); комитативный объект: Манюся ехала рядом с Никитиным (Чех.); прямой объект: Володька скомкал записку (Абрам.); партитивный объект: Когда ехали мимо загородного сада, кто-то предложил заехать и выпить сельтерской воды (Чех.); объект-бенефактив: Князь подвинулся, чтобы дать Хлебникову место (Ремиз.); объект «говорения», речи: В соседней комнате пили кофе и говорили о штабс-капитане Полянском... (Чех.). Приведенный здесь список не является замкнутым, его можно продолжить. Уже сама открытость данного списка, его потенциальная способность включать в себя все новые и новые типы, разновидности и варианты объектной семантики указывает на имеющиеся различия в характере семантической специализации субъекта и объекта.

В семантической специализации субъекта главную роль играет предикат. В активной конструкции ни синтаксическая позиция подлежащего, ни выступающая в ней морфологическая форма именительного падежа не несут информации о том, какой именно семантический тип субъекта реализуется в данной конструкции. Напр., подлежащее *Человек в сером плаще* потенциально допускает реализацию любого из указанных выше типов (субъектных ролей), ср.: *... сел в автобус — деятель; ... сидел на садовой скамейке — носитель состояния; ... был добр и отзывчив — субъект признака, качества; ... казался студентом медицинского института — субъект классификации.* Отсюда следует, что АК как средство реализации С ставит его в позицию «внеролевую», независимую, но принципиально открытую для любой семантической специализации, которая может быть сформулирована в предикате¹. Таким образом С в АК характеризуется отсутствием семантической специализации. Несколько иначе обстоит дело в пассивной конструкции, в которой наблюдается определенная семантическая специализация С. Семантика субъекта действия опирается на форму творительного падежа и позицию агентивного дополнения, напр.: *Жила в общежитии Мария Адольфовна вместе с напарницей, тоже пенсионеркой, в той самой комнате, что была оборудована под жилье той же самой Марией Адольфовной в конце лета и начале осени 1941 года...* (Кураев), а семантика субъекта состояния, связанная исключительно с формами СВ в ПК, опирается на именительный падеж и позицию подлежащего, например: *Двери все закрыты, на столе холодный самовар* (Лебед.). Один из специфических аспектов субъектного содержания обнаруживается также в БК, в которых безличный предикат синкретично выражает семантику субъекта как среды проявления признака, напр.: *Ночью подмерзло, днем таяло* (Осорг.). В целом характе-

¹ О признаке независимости субстанции в характеристике субъекта см.: Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 89.

ристика С в его отношении к семантической специализации выражается знаком «±».

Объектное содержание обнаруживает гораздо большую степень семантической специализации, чем субъектное. В частности, это выражается в обилии форм косвенных падежей в структуре грамматической категории падежа, выступающих как базовые средства реализации объектных типов. Следует заметить также, что выражение объектного типа может опираться не только на падежную форму, но и на предложно-падежное образование, что еще более увеличивает список возможных семантических ролей объекта. Укажем, например, на семантический тип «отсутствующего объекта», выражающийся с помощью предложно-падежного образования «без + форма родительного падежа»: *В старину избу строили без гвоздей.*

В ПК синтаксическая позиция подлежащего и выступающая в ней форма именительного падежа также являются показателями семантически специализированного О; это средства реализации прямого объекта. Существенно, что в выражении объектной семантики здесь принимают участие и формы НСВ (в случае СВ подлежащее способно обозначать субъект состояния): *В трех верстах от деревни Обручановой строился громадный мост* (Чех.). Таким образом, конкретная «ролевая» характеристика включается в область содержания объекта, и отношение О к семантической специализации должно быть оценено знаком «+».

Референтная отнесенность С и О

Мы остановимся лишь на одном аспекте различия в характере референтной отнесенности С и О, а именно на их способности соотноситься либо с целым классом предметов действительности (случаи «общей» референции), либо с единичным представителем класса предметов (случаи конкретной референции). С такой точки зрения возможны четыре основных варианта референтной отнесенности С и О:

С	О
референт	референт
референт	класс
класс	референт
класс	класс

Напр.: 1) *Мать, родная мать, можно сказать, толкнула ее в руки Владика* (Абрам.); 2)... *Олена Даниловна стала рассказывать, как она еще смолоду, живя послушницей в монастыре, полюбила птах и всякую живность* (Абрам.); 3) *Жалоба, пущенная по рука.*, читалась и перечитывалась (Серг.-Ц.); 4) *Кобыла вздыхает, а траву хватает* (Даль).

Следует сразу же заметить, что реализация третьего варианта референтной отнесенности в русском языке встречает некоторые

затруднения. Иначе говоря, в случае референтности О С, как правило, также должен обладать конкретной референтностью. Требование обобщенности С при конкретном О состоит в том, что С должен соотноситься не с конкретным и известным представителем класса предметов или лиц, а с предполагаемым и вероятным его представителем. Если таких вероятных представителей имеется некоторое множество, то можно говорить об определенной степени обобщенности С, однако, как мы видели из третьего примера, эта обобщенность носит потенциальный характер, и сам класс задается не presupпозитивно, а «выводится» из содержания высказывания по признаку «все, кто выполняет данное действие». В таких сложных условиях реализуется третий вариант референтной отнесенности в ПК. Наиболее ярко этот вариант обнаруживается в случаях так называемого пассивно-качественного значения формы НСВ страдательного залога, например: *Эти конфеты с трудом раскусываются*, где класс субъектов действия очерчивается признаком «все, кто захочет совершать данное действие». Ср. также случаи передачи указанного варианта в активных конструкциях глаголами эмоционального отношения: *Все восхищаются тобою*.

Признак референтной отнесенности для С и О носит градуальный характер и не может быть оценен в знаках «+» и «-». Оценивая референтную отнесенность С и О, мы можем лишь указать, что при прочих равных условиях С является «более референтным», чем О. Или, иначе, при переходе от конкретнореферентных высказываний к общереферентным высказываниям референтность О «падает» быстрее, чем референтность С.

Приведенные характеристики С и О не претендуют на полноту и всеобъемлющий характер. Их задача в другом: обнаружить и продемонстрировать существенные связи С и О с грамматической семантикой предиката в рамках субъектно-предикатно-объектного единства.

Г. А. Золотова

О главных членах предложения: дискуссионные вопросы¹

- Задания.** 1. На каком основании Г. А. Золотова отрицает возможность выделения односоставных предложений?
2. Какие аргументы против абсолютизации морфологической формы именительного падежа для подлежащего выдвигает автор?

¹ Печатается по: Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. М., 2000. Вып. VIII. С. 11–23

1. <...> Сюжет этот возник в 60-е годы прошлого века, когда в педагогических и научных изданиях думающие учителя и лингвисты поднимали вопрос о несоответствии принятых грамматических представлений здравому смыслу в разборе таких пар предложений, как *Хлеб есть — Хлеба нет; Письма пришли — Писем не пришло; Он нездоров — Ему нездоровится* и т. п. Ход дискуссии известен из нестареющей книги В. В. Виноградова об истории изучения русского синтаксиса¹. Напомню слова одного из «возмутителей спокойствия» В. И. Классовского: «Ведь уже а priori кажется странным, что соответствие подлежащего только именительному падежу, а именительного падежа — только подлежащему возведено в закон разума»².

Как нередко бывает, поиски решения в то время направились по замкнутому кругу: если по определению подлежащее — имя в именительном падеже, то иного не может быть.

2. За прошедший век лингвистика все глубже осмысляла связи высказывания с сознанием, с коммуникативным процессом, с текстом. Синтаксическая наука преодолевает зависимость от диктата морфологии и логики, вырабатывая свои принципы на основе развивающейся гуманитарной мысли и исследования языковых реалий.

Современная грамматика понимает предложение как выражение речемыслительного акта, приписывающего некий признак его носителю. Предложение как коммуникативная единица не может состояться без сопряжения субъектного — **предметного** — компонента и предикатного — **признакового**. Этот семантико-синтаксический критерий обеспечивает структуру и функционирование предложения.

Деление предложений в устоявшейся классификации на односоставные и двусоставные, воплотив ценные для своего времени наблюдения над живым материалом, принадлежит тому этапу лингвистики, который еще не различал язык и речь. Так называемые односоставные предложения — либо двусоставные модели с подлежащим в одном из косвенных падежей (*Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя; Мне не спится, нет огня, Всюду мрак и сон докучный; Мороз и ночь над далью снежной; Мне грустно... потому что весело тебе*), либо неполные речевые реализации двусоставных же языковых моделей, обусловленные речевой ситуацией и типом текста (*Не спится, няня; Мороз и солнце; И скучно, И грустно*).

Десятилетия посвящены выяснению спорных вопросов: видеть ли сказуемое либо подлежащее (или же то и другое вместе) в единственном наличном из главных компонентов предложения. Между тем все «односоставные» предложения с одним главным компонен-

¹ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М., 1958.

² Классовский В. И. Нерешенные вопросы грамматики. СПб., 1870. С. 6.

том представлены предикатом, сказуемым. Предложения без сказуемого в принципе невозможны; они встречаются лишь как неполные реализации модели, известной из контекста, чаще диалогического (*Кто звонил? — Отец*).

3. Язык располагает средствами для оформления, согласно типовому значению предложения, субъекта (подлежащего) и предиката (сказуемого), взаимообусловленными по форме и по категориальному значению. Категории действительности отображены в грамматико-семантических классах частей речи. Среди них имена существительные (вместе с соответствующими местоимениями) благодаря своим предметным значениям противостоят всем другим, признаковым частям речи.

Однако и класс существительных неоднороден. Имена предметов (одушевленных и неодушевленных) составляют его центр, а на периферии располагаются подклассы имен состояния, действия, качества, количества — имена признаковые. Кроме того, предметные имена могут занимать признаковую, предикативную позицию в предложении, когда они выступают в родовом значении, квалифицирующем предмет по принадлежности к роду, классу (*Байкал — озеро; Брат — студент*).

Таким образом, в обычных, полных предложениях, как и в предложениях с неназванными подлежащими (в неполных речевых реализациях этих предложений), используются сказуемые, выраженные чаще всего признаковыми частями речи, называющие, соответственно смысловой потребности, действие, состояние, качество, количество, квалификативный признак предметного субъекта.

Подлежащие, в свою очередь, названные и неназванные, представляют в основных моделях три типа:

а) **личные**: *Сосед соседа звал откушать* (Кр.); *Скажи, для чего перед нами Ты в кудри влетаешь цветы?* (Лерм.); *Вот я не сплю, у меня бессонница, но мне не скучно* (Чех.);

б) **предметные**: *И ель сквозь иней зеленеет* (Пушк.); *Песок сыпучий по колени* (Тютч.); *Звезда похожа на слезу* (Кедр.);

в) **предметно-пространственные** (локативные): *Кавказ подо мною* (Пушк.); *Ещё у ног Кавказа тишина* (Лерм.); *Над Москвой весенняя ночь* (Бун.).

Имена, называющие понятия, фигурируют в качестве субъекта при квалификативных и оценочных предикатах: *Движения мои учтивы, решения неторопливы, и помыслы мои чисты* (Окудж.); *Ученье — свет, а неученье — тьма* (посл.); *Хитрость — ум мелких умов* (Вяз.); *Жизнь — не река, она — противоречье* (Светл.).

Отвлеченные, признаковые имена в позиции субъекта чаще участвуют в организации моделей не основных, но осложненных, **полнопредикативных**, поскольку в этих именах имплицитно заключены **таксисные** (по отношению к соответствующим категориальным значениям доминирующего предиката) значения модальности, вре-

мени и лица. Суть структурно-семантических отношений здесь состоит в том, что отвлеченное имя в номинативе выполняет роль каузатора, вызывающего изменения в носителе предикативного признака:

Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня? (Пушк.); *Приезд гостыи разбудил собачонок, спавших на солнце* (Гог.); *Блеск этих глаз делал речь его еще более могучей и ясной* (Горьк.).

4. Но более свойственна природе отвлеченных имен позиция предиката. Рассмотрим некоторые модели.

Деривативные имена, произведенные от основ глагола, категории состояния, прилагательного, при помощи вспомогательных слов выступают предикатами в моделях, синонимичных исходным, базовым, с типовым значением соответственно действия, состояния, качества:

обсуждают, беседуют → *ведут обсуждение, беседу;*
волнуется, грустит → *испытывает волнение, грусть;*
доверчив, добр → *отличается доверчивостью, добротой.*

Сохраняя свое типовое значение, модели с таким модифицированным, неизосемичным предикатом приобретают формальные и стилистические отличия.

Без вспомогательной «подпорки» отвлеченные имена не становятся предикатами при номинативных субъектах, если не считать возможности экспрессивно-фразеологизированной модели типа *Она — сама доверчивость*; ср. в поэзии: *В кружении всего земного Была ты — кротость и любовь* (Тютч.); *Вы — подлинность, Вы — обаянье, Вы — вдохновение само* (Паст.).

Но те же отвлеченные имена служат предикатами многих двусоставных именных моделей при субъектах не в именительном, а в некоторых косвенных падежах, обычно с предлогом.

О личном **действии** сообщает модель с подлежащим в форме «У кого» и девербативом в роли сказуемого: *У нас был пир, тебя мы долго ждали* (Пушк.); *Опять сошлись, опять промах у Гаганова и опять выстрел вверх у Ставрогина* (Дост.), *У зодчего с вечностью свой разговор* (Иваск). Рассматриваемые предложения обладают общим с глагольной моделью компонентным составом (*У нас был пир — Мы пировали; У Гаганова промах — Гаганов промахнулся*), но если глагольная модель представляет скорее актуальное действие субъекта, то девербативная характеризует субъект его участием в констатируемом событии.

Тот же информативно-констатирующий характер имеют предложения, сообщающие о состоянии субъекта, оформленного синтаксемой «У кого»: *У меня насморк — отвечал я* (Лерм.); *Унынье у лошади на море* (Маяк.); *В глазах у Жени большое и ей самой непонятное счастье* (Гайдар). Последние два примера демонстрируют

комплексное выражение субъекта двумя синтаксемами, не связанными синтаксически, но соотносящимися семантически как целое и часть, как бы локализирующая признак.

Позиция субъектного компонента в речевой реализации модели может быть не занятой, как и в глагольных предложениях, в силу коммуникативной избыточности. Неназванный субъект в контексте прочитывается как определенный, неопределенный или обобщенный, что является неперенным условием коммуникативной достаточности текста:

А у ней опять жар, думаю я про себя; пощупал пульс — точно, жар (Тург.); А у нас — паника от холода и гриппа (Горьк.).

Однокомпонентность таких предложений оказывается мнимой, реализующей субъектно-предикатную модель в речевом контексте.

Регулярной реализацией тех же предложений служат их отрицательные модификации, в которых предикат после отрицания, при названном или неназванном субъекте, принимает форму родительного падежа:

Нет ни полета, ни размаху — висят поломанные крылья (Тютч.); — Потому что у вас нет доброты! Вы злая женщина! (Триф.).

Деадъективные предикаты, выражающие с субъектом «У кого» типовое значение владения названным **качеством**, составляют как бы переходное звено к **посессивным** моделям иного категориального состава — с конкретно-предметным предикатом, называющим объект владения: *Дворы у нас крыты железом, У каждого сад и гумно (Ес.); У тебя и сын и сад (Возн.); У меня — ни усов, ни долларов, ни шевелюр (Маяк.).*

5. Более сложную структуру являют предложения, сопрягающие именную предикат (как отвлеченного, так и предметного типа) с субъектом **локативного** значения. Место, пространство не производит действия, но говорящий характеризует локус происходящим в нем действием, присущим ему состоянием или качеством, либо находящимся в нем предметом.

Нередко эти «разномастные» признаки соединяются в однородном ряду, создавая объемный, наполненный реалиями образ пространства:

В доме — плач. А на черной поляне — Пир горой, поминанье, вино. (Межир.); Там, сами изволите знать, чистота, полы церковные (Булг.); Ни ветерка, Ни крика птицы, Над рощей — красный диск луны (Блок); Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья (Тютч.).

Но у характеризующего место, среду признака остается или возможен свой субъект-носитель, названный или неназванный: *крик — птицы, а плач — чей?; пируют, поминают — кто?; звуки, движенья — кто-то должен их производить.* Усложненность структуры предложения с локативным подлежащим в том, что в них нет предикативного сопряжения между названиями действия, состояния и его агенса, субъекта (точнее, это предикативное соотношение им-

плицировано, свернуто в рамках сочетания слов). Языку нет надобности его предикативно расчленять, потому что эти субстантивные модели не могут быть ответом на вопрос о том, что делает субъект. Они сообщают о том, каким видит воспринимающее лицо наблюдаемое им пространство.

Носитель действия, состояния при отвлеченном имени может быть назван существительным в родительном падеже, посессивным местоимением или прилагательным, либо остается неназванным, представляя субъект определенным, неопределенным или обобщенным:

За сценой смех Татьяны Алексеевны, потом мужской смех (Чех.); В небе разбуженном грохот и вспышка метеорита (Межир.); В зале шум, хохот, визг (Абрам.).

В локативных предложениях, как правило, характеризуется пространство непосредственно воспринимаемое, наблюдаемое говорящим (или персонажем), соответственно «нарративной триаде» *я — здесь — сейчас* и критериям репродуктивного регистра речи. Именно поэтому локативный, предикативный компонент часто остается неназванным, как коммуникативно избыточный, очевидный для адресата, либо обозначается синтаксемами *передо мной* (*перед ним*), *вокруг меня* или наречиями *вокруг*, *кругом*:

И передо мной твой облик нежный И детски-чистое чело (Фет); Перед ним изба со светёлкой, С кирпичною, беленою трубою (Пушк.); Вокруг меня — ни звука, ни души (Ахмад.); Кругом никого нет (Крым.); Ни голоса птиц, ни всплеска рыб (Пермит.).

Вербализация локативного субъекта становится необходимой тогда, когда выражается или подразумевается антитеза *здесь — не здесь*, когда субъект предикативного состояния находится вне пределов прямого, сенсорного наблюдения:

[Астров:] — ...*А, должно быть, в этой самой Африке теперь жарница — страшное дело!* (Чех.); *В столицах шум, гремят витии, кипит словесная война, А там, во глубине России, Там вековая тишина* (Некр.); *В штабной квартире с арочным окном каждый день совещания* (Тендр.). Множественное число субъектов, модальность предположения, переход от сенсорного прямого восприятия к ментальному суммированию, так же как и лексические знаки узuality, свидетельствуют о принадлежности высказывания уже не к репродуктивному, а к информативному регистру речи.

«Присутствие» в наблюдаемом пространстве воспринимающего лица-перцептора вербализуется также модусными, авторизующими средствами, преимущественно словами, называющими сенсорное восприятие:

И слышно в тишине степной Лишь лай собак да коней ржанье (Пушк.); *Хоть убей следа не видно* (Пушк.); *Вправо от дороги виднелись сакли и минарет аула Беларджика, налево были поля, и в конце их виднелась река* (Л. Толст.); *Ему слышались знакомые*

легкие шаги и шуршание женского платья (Мам.-Сиб.); *Не слышно шуму городского* (Блок); *Слышалось далекое звяканье бубенцов возвращавшегося стада коз* (Гайдар); *Мне все твоя мерещится работа, твои благословенные труды* (Ахмат.); *Время от времени слышался грохот трактора* (Залыг.).

6. Рассмотренные материалы подтверждают неосновательность живучего мнения об именительном падеже как единственной форме подлежащего.

Введение категориально-семантического критерия предметности и признаковости способствует преодолению этого чисто морфологического критерия, не соответствующего синтаксической природе изучаемого явления. Количественно преобладающее не равно всеобщему и исключительному.

В литературе вопроса выдвигалась в качестве аргумента еще одна сторона дела — характер **синтаксической связи** между подлежащим и сказуемым. <...>

Еще в работах Н. С. Поспелова¹ и Н. Ю. Шведовой² было убедительно показано, что характер связи между подлежащим и сказуемым является не подчинением, а взаимной **координацией**³, там же предложен термин **сопряжение** для обозначения предикативной связи подлежащего и сказуемого). Координация, или сопряжение, отличается от согласования в паре «определяемое — определение» тем, что через категории времени, модальности и лица⁴ <...> соотносит высказывание с действительностью, то есть делает конструкцию предложением. Все предложения, даже с неназванным подлежащим, создаются сопряжением предметного компонента с признаковым. Во многих предложениях сопряжение сопровождается согласованием, но не во всех.

Среди русских предложений различаются модели (1) с морфологически согласованными подлежащим и сказуемым (субъектом и предикатом) и (2) с морфологически несогласованными.

Первые представлены номинативно-глагольными моделями (*Ворона каркнула; Старик ловил рыбу; Мчатся тучи; Дождик вымочил, а солнышко высушило*), адъективными (*Зелен виноград; Красно поле розью; И крута гора, да забывчива*); реже — субстантивными (*А где настух дурак, там и собаки дуры*).

Вторые, несогласованные, разнообразны: предикат в них располагает формами числа, рода или лица либо без участия субъекта,

¹Поспелов Н. С. О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

²Шведова Н. Ю. Согласование и координация, их сходство и различия // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.

³См. об этом: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 59–61.

⁴См.: Виноградов В. В. Введение // Грамматика русского языка. М., 1954. Т. II. Синтаксис. Ч. I.

либо при отсутствии этих форм в субъектном имени (*Еду, еду в чистом поле; А дуги гнут с терпеньем и не вдруг; Ну-то не едет, тпру не везет*); нет согласования и при неизменяемой форме сказуемого (*Татьяна прыг в другие сени; Богатому не спится; Не все коту масленица; Туча не без грома; Баба с возу, кобыле легче; На безрыбье и рак рыба; Он шагу прибавляет, она туда же*) и др.

Само многообразие несогласованных конструкций предложения в русском синтаксисе и причин несогласованности свидетельствует об отсутствии односторонней и обязательной мотивации формами подлежащего соответствующих форм сказуемого.

Важно, что и при наличии морфологического согласования, и без него связь между субъектом и предикатом во всех случаях основана еще и на категориально-семантической корреляции, формирующей типовое значение (семантическую структуру) предложения. Невнимание к этому фактору, формирующему мысль и ее выражение, приводило при опоре на традиционно-единственный критерий именительного падежа к попыткам увидеть в истории русского синтаксиса неправдоподобный процесс «функциональных сдвигов»: превращения подлежащего в сказуемое в предложениях типа *Мальчику год, До города час*¹.

Но существительное *мальчик* в дательном падеже, как и в других падежах, оформляющих его роль носителя признака (*Мальчик здоров; Мальчик в отчаянии; У мальчика кашель; Мальчику весело; Мальчика знобит*), остается субъектом, подлежащим предложению, а существительное *год* — его предикатом (характеристикой возрастного признака субъекта).

Что касается предложения *До города час* (ср.: *До города километр; До города недалеко; До города рукой подать*), то его структура выражает типовое значение «расстояние и его мера, оценка». Форма *До города* (ср. комплексное обозначение расстояния от *развилки до города; От великого до смешного один шаг*) — одна из форм в ряду неноминативных подлежащих. Когда в глаголе движения заключена сема расстояния, позиция подлежащего в подобной конструкции может быть занята инфинитивом: *Ехать (было) час; Идти (оставалось) километр*. Существительное же в именительном падеже, предикативно определяя расстояние, и служит сказуемым. <...>

7. Непростые вопросы о синтаксических связях скрыты в структуре предложений усложненных, полипредикативных. <...>

Усложненные авторизацией, <...> предложения обнаруживают как бы слияние, взаимодействие двух моделей, — модусной и диктумной (ср. рядоположное соединение двух предикативных единиц в примере из Лескова: *Вдруг слышим, у двери кто-то звяк в кольцо*). В <...> авторизованных конструкциях (*слышался грохот, слышалось*

¹ См.: Гиро-Вебер М. Устранение подлежащего в русском предложении // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 43. № 6.

звяканье, слышались шаги, виден след, виднелись сакли, виднелась река) координация, или сопряжение, связывает не субъект и предикат, а два предиката: *слышался* — это не признак *лая* или *грохота*, а признак лица (*мне слышно, ему послышался*), а *лай* и *грохот* — в свою очередь признаки *собак* и *трактора*, сочетание же имен этих звуков и их производителей составляет признак воспринимаемого пространства.

<...> Связи между компонентами полипредикативного предложения не укладываются в привычные рамки, заданные понятиями «управление», «согласование», «примыкание».

Полипредикативные предложения бывают моносубъектными и полисубъектными. В первых, типа *Он ходит героем, Она лежит больная, Она пришла в слезах, Они вернулись усталые / усталыми*, оба предиката относятся к одному и тому же субъекту: глагольный (часто лексически ослабленный) и адъективный компоненты координируют с субъектным именем формы числа либо числа и рода, падежная же форма адъективного и субстантивного компонентов обусловлена их предикативной функцией. Между глагольным и именным предикативными признаками имеют место отношения таксисного характера: монотемпоральность (одновременность), моносубъектность и мономодальность, не получающие морфологического выражения (возможное совпадение в роде и числе глагольного и адъективного компонентов задано их отнесенностью к одному и тому же субъекту, а не друг к другу). Такого рода связь между двумя предикативными компонентами назовем **сопредикативной** (или копредикативной).

В <...> локативных полисубъектных предложениях отношения между двумя предикатами оформлены средствами рода и числа. Это другая разновидность сопредикативной связи, здесь координация между предикативными элементами служит способом скрепления двух взаимодействующих моделей, модусной и диктумной. При этом ориентированность морфологических показателей свидетельствует о приоритете семантически доминирующего диктумного предиката. Лишь при немногих модусных предикатах — из категории состояния, сохраняющих подобие глагольного управления вин. / род. падежом, — отношения обратные (*слышно музыку, не слышно музыки, не видно следа*).

8. <...> типы связи между компонентами предложения разнообразнее и сложнее, чем это представлено в школьно-университетских программах.

Принципиальным остается различие связей: предикативных, реализующихся в образовании предложения, и присловных, организующих словосочетание или сочетание слов. <...>

Средства осуществления предикативной связи — приведение в действие категорий лица, времени и модальности на базе категориально-семантической корреляции. Морфологическая техника (упо-

добление главных членов предложения в формах лица, рода, числа) факультативна. <...>

Согласовательные форманты становятся необходимы <...> несогласованным моделям, когда эти модели в синтаксической парадигме выходят за пределы «исходной формы» настоящего времени изъявительного наклонения. Появляется связка, ср.:

Мальчику год — Мальчику был / будет год;
Мать в волнении — Мать была в волнении;
У нее жар, лихорадка — У нее был жар, была лихорадка;
Нам весело — Нам было / будет весело;
Снегу по колена — Снегу было по колена;
Школа в хлопотах — Школа была в хлопотах;
В школе каникулы — В школе были каникулы.

Если связка не была обязательной в исходной форме предложения, значит, связывание — её вторичная функция, попутная. Главная её роль — выразить предикативное значение времени, модальности и лица, если предикат не глагольный. Этой грамматической функцией **при предикате** и обусловлен её статус незначающего слова в составе предиката, с которым она образует составное именное сказуемое.

Но если связка уподобляет свои окончания по числу и роду то подлежащему, то сказуемому, чем же определяются формы связки (или другого вспомогательного припредикатного слова)?

Можно сформулировать три основных правила:

1) В предложении с номинативным подлежащим и спрягаемым глагольным сказуемым главные компоненты уподобляются друг другу в оформлении значений лица и числа в настоящем времени, числа и рода в прошедшем.

2) Если в безглагольном предложении один из главных компонентов, либо субъект, либо предикат, выражен существительным в именительном падеже, связка или неполнозначающий глагол оформляет свои родовые и числовые показатели, уподобляя их соответствующим показателям этого имени.

3) Если в предложении нет ни личного глагола, ни существительного в именительном падеже, связка или вспомогательный глагол оформляется средним родом и единственным числом¹.

Достаточность одного из главных компонентов (личного глагола, при отсутствии номинатива, либо номинатива, при отсутствии личного глагола) для оформления связки или неполнозначающего

¹ В примерах типа *Справиться с книгой было лень* (Паст.) предикат выступает в качестве категории состояния. Трудные случаи оформления связки в биноминативных предложениях рассматриваются в статье Е. В. Падучевой и В. А. Успенского в сб. «Облик слова» (М., 1977) и нуждаются в дополнительном обсуждении.

слова в составе сказуемого, факультативность уподобления форм главных членов подтверждают, что сущностная функция рассматриваемого явления не в согласовании подлежащего со сказуемым, а в выражении необходимых для предложения предикативных категорий.

Вместе с тем влияние существительного в номинативе на форму связки не может служить доказательством его роли подлежащего в тех случаях, когда это существительное выступает как признаковое слово, называя предикативный признак неноминативного подлежащего (*У нас свадьба; У больного бред; На дорогах гололед; За окном дождь; На окнах цветы; В глазах тревога; С бумагой трудности; В делах беспорядок* и т. п.).

И дело, конечно, не в «особой власти» номинатива над формой сказуемого или связки, но в соответствующих морфологических возможностях или их отсутствии у синтаксического партнера. Это очевидно, скажем, в моделях типа *Царица — хохотать; Татьяна — ах!, а он реветь*, которые не имеют временной и модальной парадигмы и, соответственно, не принимают связки; в моделях *Сестра замужем; Школа поблизости; Магазин через дорогу* с неизменяемыми синтаксемами в позиции предиката и т. п.

Хотя, казалось бы, согласование — вопрос техники, но в степени взаимной готовности к уподоблению форм, видимо, отражается категориально-семантическая скорректированность предикативных партнеров. Дательный инволютивного субъекта, например, не может проявить согласовательного влияния потому, что сопрягающаяся с ним особая инволютивная форма глагола сама стоит вне парадигмы лица и числа: *Мне (тебе, ему, нам...) не работается / не работалось*, хотя нужно отметить, что названная падежная форма в значении инволютивного субъекта обнаруживает это влияние при полупредикативных связях: *Мне, молодой и глупой (молодому и глупому), не работалось; Им, бедным студентам, было невдомек...*

Интерпретация авторизованной конструкции, соединяющей мodusный план восприятия и диктумный план воспринимаемого, показала неправомерность трактовки здесь номинатива как подлежащего и позволила выявить особый тип сопредикативной связи между предикативными компонентами полипредикативного предложения. Колебания в родовом оформлении связки в биноминативных предложениях «тождества», фиксированные Д. Н. Шмелевым¹, П. А. Лекантом², Т. В. Бульгиной³ и др. (*Кабинет его была большая комната; Поза моя было величие* и др.), так же как и отмечавшаяся в литературе тенденция к предпочтению творительного падежа в именном состав-

¹ Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.

² Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.

³ Бульгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

ном сказуемом именительному (*была маленький приток — была маленьким притоком, был честный человек — был честным человеком*), и как оформление творительным падежом «полупредикативной» именной части глагольно-именного сказуемого (*вернулся бодрым, приехал инженером, служит курьером — ср. был бодрым, стал инженером, она здесь курьером*), — все эти проявления можно рассматривать в качестве конкурентного функционирования обусловленных синтаксисом творительного и именительного падежей, не зависимых от формы подлежащего и предназначенных для роли сказуемого.

Однако эти падежные формы выражают не «грамматическое отношение именной части сказуемого к связке», как иногда пишут, но предикативные отношения между подлежащим и сказуемым, а связка конкретизирует эти отношения в плане времени, модальности и лица. Требуется коррекция и распространенный термин «присвязочная часть именного сказуемого», поскольку не она стоит при связке, а связка при предикате.

9. Предложенный анализ <...> ближе к структурно-смысловой сущности языка и речи, чем метод расслаивающих многоэтажных схем, противопоставляющий «синтаксические» подлежащее и сказуемое «семантическим», «логическим», «коммуникативным» и др. субъектам и предикатам.

Осмысление языкового материала на изложенных основаниях открывает возможности решения накопившихся и возникающих новых вопросов синтаксической теории и педагогической практики.

Выявление в структуре предложения роли говорящего лица, его познавательных-смысловых и коммуникативных потребностей, формирующих речевой процесс, естественно ведет к проблемам коммуникативной типологии речи, к тексту как к основному способу общения, как к главному объекту филологии.

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Спрягаемо-глагольные предложения

Задания. Ознакомьтесь с фрагментами из работ А. М. Пешковского, З. К. Тарланова, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева.

1. Объясните, какие грамматические факторы определяют квалификацию односоставных предложений.
2. Определите, на каких основаниях авторы выделяют односоставные спрягаемо-глагольные (односоставные личные) предложения.

А. М. Пешковский

Глагольные неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения¹

Предложения, о которых будет здесь речь, стоят как бы посередине между личными и безличными предложениями. Таковы, прежде всего, предложения со сказуемым в 3-м л. множественного числа (а в прошедшем времени — просто множественного числа), как, напр.:

Говорят, что три короля объявили войну царю нашему. (Гог.)

*Уж сколько раз **твердили** миру,*

Что лезть гнусна, вредна... (Кр.)

*Однажды **играли** в карты у конногвардейца Нарумова.* (Пушк.)

*... Его **судили... осудили, лишили** чинов, дворянства, **сослали** в Сибирь. Потом **простили... вернули.*** (Тург.)

*Часу в пятом **купали** команду. На воду **спускали** парус, который наполнялся водой, а матросы прыгали с борта как в яму. Но за ними надо было зорко смотреть... Нечего было опасаться, что они утонут... но **боялись** акул.* (Гонч.)

*К купальщикам тихо подкрадывалась акула. Их всех **выгнали** из воды, а акуле сначала **бросили** бараньи внутренности..., а потом **кольнули** ее острогой.* (Он же.)

Во всех этих предложениях нет подлежащего, и это отсутствие подлежащего имеет в них совершенно особый смысл, отличающий их и от неполных предложений с опущенным подлежащим и от безличных. От неполных предложений они отличаются тем, что подлежащее здесь не может быть взято ни из обстановки речи, ни из предыдущей или последующей речи, как это всегда бывает в неполных предложениях. Представим себе, что два человека увлеклись каким-нибудь разговором перед общей прогулкой и задерживают остальных. Если кто-нибудь спросит: «Почему мы не идем?», все посмотрят на разговаривающих и скажут: «Да вот, всё **говорят!**» Хотя здесь подлежащего нет, и нельзя даже сказать, что оно «подразумевается», потому что произнесшие эту фразу не держали, вероятно, в уме ни имен этих двух людей, ни слов *они, эти люди, эти двое* и т. д., но *п р е д с т а в л е н и е*, соответствующее подлежащему, здесь было, и очень ясное, потому что дано было в обстановке речи. Точно так же в «Бесах» Пушкина:

¹ Печатается по: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 370–376.

*Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят?
Ведьму ль замуж, выдают? —*

мы прекрасно знаем из предыдущего, кто поет, кто хоронит и кто выдает замуж, хотя самого слова *бесы*, может быть, и не держим в уме при чтении этих строк. В обоих случаях получаются предложения личные, но недосказанные, неполные. Теперь сопоставим с ними предложения нашего нового типа: *в парламентах много говорят, в этой пьесе много поют, его завтра хоронят* и т. д. В них действующее лицо далеко не так ясно, как в предыдущих, и эта неясность как раз очень важна для них. Мы могли бы перечислить, кто в парламентах говорит (депутаты, министры), кто в пьесе поет, кто хоронит, но такое перечисление совершенно исказило бы фразу. В то время как в прежних предложениях добавление опущенного подлежащего создало бы в худшем случае лишь стилистическую неловкость (потому что ввело бы лишнее слово), здесь оно бы стерло самый синтаксический облик фразы, изменило бы строй ее. И это потому, что оно уничтожило бы тот оттенок неопределенности, в котором тут все дело. Другими словами, здесь подлежащее не случайно недосказано, как в неполных личных предложениях, а намеренно устранено из речи, намеренно представлено как неизвестное, неопределенное. Иногда это значение прямо даже противодействует обычному заимствованию подлежащего из соседних предложений (ср. первый пример из Гончарова, где рядом с *они утонут* сказано *боялись акул*, и при этом ясно создается, что *боялись* не *они*, а кто-то другой). Этим-то предложения эти и отграничиваются от неполных предложений и приближаются к безличным. Но, с другой стороны, и от безличных предложений они тоже резко отличаются. В то время как в предложениях типа *светает* или *вечереет* форма 3-го л. ед. ч. теряет свое прямое значение, в этих предложениях лицо и число глагола сохраняют все свое обычное значение: в предложении *в этой мастерской хорошо работают* 3-е л. указывает, как и всегда, на то, что действует не говорящий и не слушающий, а тот, о ком говорят, а множественное число — что действует не один предмет, а несколько. Все как в самом обыкновенном глаголе. Таким образом, при сравнении с безличными предложениями эти предложения оказываются личными, а при сравнении с обычными личными предложениями выделяются неопределенностью подлежащего. Вот почему их можно назвать **неопределенно-личными**.

Сюда же относятся обычно (хотя с меньшим правом) предложения со сказуемым во 2-м л. единственного числа, каковы следующие:

Упустишь огонь — не потушишь. (Посл.)
Любишь кататься, люби и саночки возить. (Посл.)

Много других еще примеров в голову приходит, — да всего не *перескажешь*. (Тург.)

Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величаяя ширина... (Гог.)

Для понимания этих предложений надо прежде всего принять во внимание, что в них часто бывает и подлежащее, т.е. слово *ты*, напр.:

Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? (Гог., Ревизор.)

*Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так **шмыгнешь**, что тебя никакой дьявол не сыщет.* (Там же.)

[Фелицата.] *Ей, видишь ты, хочется зятя и богатого, и чтоб тихого, не из бойких... потому что она сама из очень простого звания взята.* [Зыбкина.] *Скоро ль ты его **найдеши** такого!* [Фелицата.] *И я то же говорю. Где ты нынче **найдеши** богатого да неразвязного?* (Островск.; ни та, ни другая из говорящих не имеют в виду друг друга.) —

причем общий характер фразы остается совершенно тот же. В таких случаях мы имеем не только личное, но, вдобавок, еще и полное предложение с самым настоящим подлежащим. И тем не менее некоторой неопределенности этого подлежащего отрицать невозможно. Несомненно, что *ты* здесь означает не то, что обычно. Мало того, и косвенные падежи слова *ты* могут принимать сами по себе особый, как бы «безличный» смысл, например:

*Грубая черная одежда по крайней мере оригинальна и обращает на **тебя** внимание.* (А. Остр., Волки и овцы; реплика Глафиры о себе самой.)

*Вы, Флор Федулыч, стало быть, женской природы не знаете... Так **тебя** и подмывает...* (Он же.)

*Стой твердо, потому один отвечать будешь... У **тебя** есть своя голова на плечах? Закон знаешь? Ну, и шабаш...* (Он же, Пучина; сентенция на тему о независимости человека от среды.)

В чем же особенность всех этих предложений и чем она объясняется? Дело в том, что каждое слово вообще может употребляться в общем и в частном значении. Говоря *дайте мне хлеба!*, я могу иметь в виду какой угодно хлеб, и тогда это слово будет мной употреблено в общем значении, а могу иметь в виду тот хлеб, на который сейчас смотрю, или о котором собеседник уже знает, — и тогда это слово будет иметь частный смысл. Человек, входящий впервые в ворота какого-нибудь дома и желающий «видеть дворника», употребляет

слово это совсем не в том смысле, в каком употребляет управдом, когда велит позвать к себе дворника. Первый представляет себе дворника вообще, а второй только данного дворника. Или сравним еще слово *завтра* в обычном употреблении (для нас, например, сейчас это 19 июня 1927 г. ¹) и в стихке *завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят*, где оно обозначает всякое *завтра*. Хотя каждое слово вообще может употребляться в обоих смыслах, однако есть слова, которые употребляются преимущественно в общем смысле (*бытие, субстанция, наука, искусство, религия, нравственность* и т. д.), и есть слова, употребляющиеся преимущественно в частном смысле (*вчера, завтра, рядом, напротив, наискось, насквозь* и т. д.). Личные слова по понятным причинам принадлежат как раз ко второму разряду. Ведь *я* всегда обозначает того, кто говорит, а говорить может только данный, индивидуальный человек, а не человек вообще; *ты* всегда обозначает того, кому говорят; *мой* всегда указывает на индивидуальное *я*; *твой* — на индивидуальное *ты*, и т. д. Крайне редко мы говорим о нашем *я* вообще, о временах, когда не будет ни *моего*, ни *твоего* и т. д. Вот этот-то крайне редкий общий смысл и придан слову *ты* в предложениях рассматриваемого типа. Как в предложении *человек смертен* под *человеком* разумеется не какой-нибудь определенный человек, а всякий человек, человек вообще, так в словах Осипа *ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщёт* под словом *ты* разумеется не тот *ты*, который слушает Осипа (да его, кстати, никто и не слушает), а всякий *ты*, *ты*, вообще. Разница только в том, что к слову *человек* такое обобщение вполне подходит, а к слову *ты* оно мало подходит. Мы видим, таким образом, что неопределенность подлежащего в этих предложениях объясняется совсем не так, как в предложениях предыдущего типа. Там подлежащее опускалось, а здесь ему только придается особый, обобщающий оттенок, отнимающий у него индивидуально-личный характер. Это обобщенно-личные предложения. Понятно, что предложения эти еще менее примыкают к безличным, чем предыдущие; ведь они по существу ничем не отличаются от таких вполне личных предложений, как *человек смертен, соловей поет лучше всех птиц*, и т. д. И если их все же полезно выделить в особую категорию, то только потому, что из всех наших личных слов именно *ты*, специализировалось в этой обобщительной роли, так что можно сказать, что предложения эти представляют собой излюбленную форму личного обобщения в русском языке, и это составляет важную его синтаксическую особенность. Что и другие лица способны к этому, ясно из таких случаев, как *еду-еду — следу нету, режу-режу — крови нету* (лодка и весло), *я мыслю — следовательно существую*, где обобщено 1 -е л. ед. ч.; *метил в ворону, а попал в корову; либо пан, либо пропал; пьян да умен — два угодья в нем; кавалеров-то у нас один*,

¹ (Писалось автором в 1927 г. — *Ред.*)

другой — *обчелся*, где обобщено 3-е л. ед. ч.; *охотно мы дарим, что нам не надобно самим* (Кр.), где обобщено 1-е л. мн. ч.; *ищите и дастся вам*, где обобщено 2-е л. мн. ч. (предполагаем эту фразу как сентенцию, а не в ее евангельском контексте, где она относится к окружающим); *по платью встречают, по уму провожают; от кого чают, того и величают*, где обобщено 3-е л. мн. ч. (тип, внешне совпадающий и потому трудно отделимый от предыдущего типа). Особенно часто встречается обобщение 1-го л. единственного числа в рассуждениях вроде следующего: *Всякий себе сам виноват. Коли я добрый человек да имею свой разум, так что мне приятели? А коли я дурак, ... да ежели начал распутничать, так уж ничто делать, что на приятелей сворачивать*. (Островск.). Но типичным в этом отношении является для русского языка все-таки второе лицо единственного числа.

Что касается опущения самого слова *ты* в таких предложениях, то о нем говорить не приходится, так как личные существительные 1-го и 2-го л. вообще могут опускаться <...> и опущение это с безличностью ничего общего не имеет.

Сюда же надо отнести и обобщительное повелительное наклонение единственного числа в предложениях вроде следующих:

Безумец я! Чего ж я испугался?

На призрак сей подуй — и нет его. (Пушк.)

Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почет... (А. Остр.)

Теперь и в люди выйдет, и нос подымет, вот что обидно-то. А ты пресмыкайся всю жизнь. (Он же, Богатые невесты; реплики Пирамидалова о себе самом.)

А по-нашему, матушка, по-купчески: учись, как знаешь, хоть с неба звезды хватать, а живи не по книгам, а по нашему обыкновению, как исстари заведено. (Он же.)

Знай край, да не падай. На то человеку разум дан. (Он же.)

А ты вот тут майся всю ночь. (Он же, Горячее сердце; Силан о себе самом.)

Трудно сказать, насколько именно сознается здесь второе лицо <...>. Но обобщительный оттенок здесь наиболее ярок, так как повелительное наклонение уже по самой природе своей (многочисность) как бы создано для выражения этого оттенка. Впрочем, при слове *ты* оттенок 2-го л. несомненен.

Оба рассмотренных типа предложений представляют собой несомненно две особые разновидности категории лица в русском языке и, соответственно с этим, две особые формы мышления говорящего по-русски человека. Что это действительно так, ясно особенно из таких случаев, где эти формы вступают в конфликт с

самым содержанием мысли и где благодаря этому форма выступает особенно отчетливо. А такие случаи у нас на каждом шагу, так как предложения эти наравне с подлинными безличными предложениями все больше и больше развиваются в языке за счет обычных, личных предложений. Так, хотя в предложениях типа *говорят* подлежащее опускается как неизвестное, однако подобным же образом на каждом шагу опускается и вполне известное говорящему подлежащее: *тебе говорят, что нельзя, а ты все свое*, сказанное тем самым лицом, которое говорит, что нельзя (*Говорят тебе, Непутевый с приказчиком в Покровском сто рублей пропили* — А. Остр. *Какие ты глупости говоришь, давай, когда велят...* — Писемск.; в обоих случаях говорящий говорит о себе самом), *звонок испорчен, просят стучать* — вывешенное на двери, *ищут дельного приказчика* — в газетном объявлении, *вам желают добра и предупреждают вас...* — в анонимном письме и т. д. В предложениях второго, обобщительного типа в форму обобщения облекаются нередко чисто личные факты, носящие глубоко интимный характер, как, например, у Л. Толстого:

После молитвы завернешься, бывало, в одеяльце... Вспомнишь... о Карле Ивановиче и его горькой участи... и жалко станет, так полюбишь его, что слезы потекут из глаз, и думаешь: «Дай бог ему счастья... я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнешь в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Еще помолитесь о том, чтобы бог дал счастья всем... повернешься на другой бок... и уснешь тихо, спокойно, еще с мокрым от слез лицом.

Или у Лермонтова:

*В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...*

В этих случаях обобщительная форма сочетания получает глубокое жизненное и литературное значение. Она является тем м о с т о м, который соединяет личное с общим, субъективное с объективным. И чем интимнее какое-либо переживание, чем труднее говорящему выставить его напоказ перед всеми, тем охотнее он облекает его в форму обобщения, переносящую это переживание на всех, в том числе и на слушателя, который в силу этого более захватывается повествованием, чем при чисто личной форме. Такова же роль и обычного авторского *мы*, употребляемого не только в тех случаях, где автор действительно может мысленно слиться с читателем и где обобщение уместно, но и в чисто автобиографических сообщениях. И тут личное прячется под выработанные в языке обобщительные формы.

З. К. Тарланов
**Односоставные личные предложения,
их типы и происхождение¹**

**Глагольно-местоименный изосемантизм как фактор развития
односоставных личных предложений**

Образование односоставных личных предложений, разрешая общезыковую потенцию к стратификации, градуированию выражения прямого субъекта средствами синтаксиса, гармонировало с параллельно формировавшейся расчлененной парадигмой вопросительно-относительных, неопределенных, обобщающе-определятельных местоимений, в конечном счете обслуживающих ту же самую линию лица, определяющую характер и способы реализации в языке субъективности как одной из его семантических доминант. Таков, например, с древнейших времен наметившийся и окончательно завершившийся в национальный период русского языка ряд местоимений, позволяющих представлять лицо по степени его известности (близости / неблизости) участникам речевого акта: *кто* — *нѣкто* — *къто* (относительное) — *нѣкьи* — *нѣкоторыи* — *къто любо* — *къто коли* — *къто-то* — *кто-либо*, *кто-нибудь* и т. д. <...>

Издавна открывшиеся и исторически вызревавшие семантические потенции русского языка в плане выражения категории лица в конце концов привели к формированию целой группы лексем, позволяющих *градуированно, стратифицированно, континуально* представлять сему «лицо неизвестное». Диапазон трудно уловимых, но тем не менее явственно дающих о себе знать оттенков здесь настолько широк, что едва ли в каком другом языке можно обнаружить точные им соответствия. Ср. хотя бы следующие три высказывания из русской классики: *Иван Андреевич умер с тоской на сердце, какую не дай бог испытывать кому-либо из нас* (Тург. Три портрета); [Червяков] *утерся платочком из поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем?* (Чех. Смерть чиновника); [Моцарт:] *Сказали мне, что заходил За мною кто-то* (Пушк. Моцарт и Сальери).

Приведенные факты говорят о том, что одно из природных свойств русского языка как важнейшей формы народного мировосприятия состоит в расчлененном, нередко — приблизительном и завуалированном представлении субъектного начала предложения. Это свойство пронизывает и лексико-семантический, и синтаксический уров-

¹ Печатается по: Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск, 2007. С. 208–215.

ни языка, одинаково полно проявляясь на каждом из них и вместе с тем изоморфно объединяя их.

Если соответствующие местоимения, так или иначе связанные с обозначением лица, представить в качестве динамичной исходной точки, аккумулирующей естественную самобытность, природный дух русского языка, то односоставные личные предложения — это свидетельство реализации заложенных в нем потенциалов того же плана на *синтаксическом* уровне.

Так складываются новые типы предложений, своей семантико-синтаксической иерархичностью и тем самым системной организованностью конституирующие *новую синтаксическую категорию* — *категорию односоставных личных предложений* в русском языке нового времени, столь же очевидную и автономную, сколь очевидна и автономна, например, категория безличного предложения.

Односоставные личные предложения в их семантической соотнесенности с двусоставными предложениями

Тот факт, что односоставные личные предложения по ряду параметров соотносительны с двусоставными с личными местоимениями в роли подлежащего и нередко вступают с ними в отношение субституции, не есть показатель их идентичности или тождественности. Это и не деривационные синтаксические формы, связанные между собой идеей произвольности: из факта существования в языке двусоставного личного предложения вовсе не следует, что в нем должно быть и односоставное личное предложение. Это и не трансформы одной и той же базовой синтаксической структуры, хотя и относятся к одному и тому же семантическому полю «лица», по-разному вариативно обслуживая его.

Это особые, отдельные, синтаксические структуры, возникшие исторически и безусловно детерминированные этнически, ментальностью народа, его представлениями о человеке, о личном, человеческом начале в организации высказывания как формы реализации духовной деятельности человека же в его этносоциальной принадлежности. Говоря другими словами, русский язык относится к тем языкам, которые присутствующую во всех языках идею лица актуализируют в разной степени концентрированно, конкретно и последовательно. Этими возможностями русский язык, с одной стороны, превосходит другие языки, как генетически родственные, так и неродственные, а с другой — демонстрирует свою внутреннюю силу быть адекватным разным по структуре языкам, по-другому воплощающим в себе ту же семантическую линию.

Разные языки различны не только по их внешнезвуковым и грамматическим характеристикам, но не в меньшей мере — и по заложенным в них потенциалам развития и развертывания, благодаря ко-

торым каждый из них неисчерпаем в самодвижении и самосовершенствовании в соответствии с потребностями человека. <...>

Односоставные личные предложения, занимая свое самобытное место в синтаксисе русского языка нового времени, в парадигматической противопоставленности иным типам предложений, могут быть аттестованы как лично-синтаксические квантитативы: степень их насыщенности значением лица весьма и весьма неодинакова. Если определенно-личное предложение в этом отношении примыкает (приближается) к двусоставному личному с местоименным подлежащим, то обобщенно-личное предложение оказывается обращенным в сферу безличности не только по причине грамматической изолированности главного члена, но и потому, что его отнесенность к лицу условна (оно «вселично» и панхронично¹). Между указанными полярными типами располагаются неопределенно-личные предложения, в разной степени совмещающие в себе признаки тех и других. Именно потому, что односоставные личные предложения существенно по-разному представляют изоморфную для них идею лица, конкретные их разновидности соответствуют *разным ступеням объективирования* содержания высказывания. Максимальная объективность высказывания реализуется теми из них, которые наименее «личные». И наоборот: наиболее «личные» наименее объективны. Не случайно, что обобщенно-личные предложения в русском языке закрепились за пословицами как жанром народной словесности, представляющим такое содержание, которое признается общественно (коллективно) принятым и проверенным этническим опытом.

Лексические средства выражения лица по шкале *конкретность / неконкретность, известность / неизвестность* (ряды неличных местоимений), изначально отмеченные печатью книжности, окончательно закрепляются как формы маркированные и в основном чуждые для разговорной речи, в то время как лично-синтаксические квантитативы становятся принадлежностью именно народной речи и народной словесности.

Общий обзор факторов, содействовавших развитию односоставных личных предложений

Зарождение и утверждение в русском синтаксисе нового времени односоставных личных предложений не могут быть объяснены исключительно грамматическими причинами. Попытки найти ответ на вопрос об их происхождении и статусе на путях ограниченно-грамматических подходов не привели к убедительным и исторически адекватным результатам. Это и естественно.

¹ Показателен, хотя и не бесспорен подход В. А. Богородицкого, на деле причислявшего обобщенно-личные конструкции к безличным. См.: *Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики*. 5-е изд. М.; Л., 1935. С. 219.

Синтаксическую динамику и развитие на уровне предложения трудно объяснить только грамматическими сдвигами, ибо синтаксис — это та область, где норма, употребление диктуется не только объективно-грамматическими факторами, но и факторами предпочтительности, сравнительности и выбора, требованиями и потребностями определенных типов, жанров речи и словесного творчества.

Складыванию и закреплению односоставных личных предложений в русском языке способствовал ряд факторов:

Утрата старой системы форм глагола и семантическое их усложнение, благодаря которому личные формы обрастают вторичными и переносными значениями.

Постепенное элиминирование личных местоимений, изоморфных личным глагольным формам, подчиненное тенденции к преодолению генетически сложившегося грамматического плеоназма; приобретение финитными формами статуса синтаксической самодостаточности.

Начало действия тенденции к объективированию и обобщению субъектных форм как проявление одного из фундаментальных процессов в истории русского синтаксиса. Объективированные конструкции характеризуются обобщенностью личных и временных значений. Образование этих конструкций приводит к расширению общей типологии предложений в русском языке, причем появляются и такие, которые занимают промежуточное положение между двусоставными личными и односоставными безличными, но не сводимы ни к тем, ни к другим.

Развитие и закрепление односоставных личных предложений были неотделимы от успехов повествовательных жанров литературы, с одной стороны, и от такого жанра народной словесности, как пословица, — с другой. Это неопровержимо подтверждается большим количеством фактических данных, приведенных и в ранее выполненных исследованиях. Примечателен в этой связи и тот факт, что к XV–XVI вв. количественно возрастают даже определенно-личные предложения, которые по существующим синтаксическим объяснениям должны бы уступить место двусоставным личным. Так, в XV–XVI вв. указанные предложения употребляются, по данным В. И. Борковского, и тогда, когда противопоставляются субъекты действий¹, ср.: *Да сына же своего Ивана благословляю своим царством Руским, чем мя благословил отец мой, князь Василей, и что мне бог дал* (Моск. гр. 1572 г.); *«Молю васъ святѣишии отцы мои. аще обретохъ благодать предъ вами, утвердите въ мя любовь, яко и в приснаго вамъ сына»* (Стоглав. С. 24)²; и др. В XV–XVII вв. определенно-личные и

¹ Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / под ред. В. И. Борковского. М., 1978. С. 206.

² Примеры заимствованы из: Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение. С. 207.

неопределенно-личные предложения в целом широко отражены во всех жанрах книжной письменности¹. Ср., например, в повестях XVII в.: *И думали думу великую и совет советовали, и пустили Ерша одну ночь ночевать* (Повесть о Ерше Ершовиче. С. 12); *Беда от бед, а Ершь не ушел от Леца и повернулся к Лецу хвостом, а сам почал Говорить: «Коли вам меня выдали головою, и ты меня, Лець с товарищем, проглоти с хвоста»* (Там же. С. 11). Достаточно последовательно они прослеживаются и в памятниках деловой письменности, хотя, естественно, и в иных соотношениях.

Все это свидетельствует о том, что к началу нового времени односоставные личные предложения стали неотъемлемой частью синтаксического строя русского языка.

Варианты иного осмысления рассматриваемых фактов были предложены В. И. Борковским. Отметив, что «Русский рукописный разговорник XVII века» и разговорник, помещенный в «Русской грамматике» Генриха Лудольфа 1696 г., содержат разные сведения о количестве определенно-личных предложений относительно предложений с личными местоимениями 1-го и 2-го л. — соответственно 17,6 и 54,4%, а также указав на то, что употребление личных местоимений в соответствующих конструкциях не обнаруживает видимой связи с их выделенностью логическим ударением, В. И. Борковский приходит к неожиданному выводу о том, что «в живой разговорной речи XVII в. односоставное определенно-личное предложение вытесняется двусоставным предложением, причем особенно интенсивно идет этот процесс в предложениях с перфектом, форма которого при опущении связки не содержала указания на лицо»².

Однако заключение В. И. Борковского опровергается его собственными же аргументами: во-первых, коль скоро более чем в 54% случаев финитные формы глагола организуют самодостаточные предложения, которые и называются односоставными личными, то не может быть речи об их вытеснении двусоставными неполными; во-вторых, ни один из типов односоставных личных предложений не строился на базе форм прошедшего времени, поэтому употребление личного местоимения при перфекте без связки, т. е. уже при общей форме прошедшего времени, не могло иметь отношение к односоставности. Так же противоречивы суждения В. И. Борковского и по такому источнику изучения исторического синтаксиса, как пословицы. Согласно В. И. Борковскому, пословицы могут привлекаться при изучении разговорной речи периодов, соответствующих их записям, но «только в известной степени, так как пословицы возникли гораздо раньше и передавались устно из поколения в поколение»³. Что касается пословичных формул XVII в. без личных

¹ Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение. С. 212, 226.

² Там же. С. 208–209.

³ Там же. С. 210.

местоимений, то они, полагает исследователь, сложились раньше и не отражают норм разговорной речи XVII в.¹

Между тем доказано, что пословицы по их природе, жанрово-стилистической организации не терпят собственно синтаксических архаизмов, они строятся исключительно на живых, активных синтаксических моделях и потому не могут не соответствовать нормам живой речи того исторического периода, частью которой они являются².

5. Наконец, возникновение строго стратифицированной по субъектной семантике и расчлененной подсистемы односоставных личных предложений не может не быть выражением особых свойств русского синтаксиса, адекватно представляющего диапазон и мир ментальных представлений русского народа с его «широкой душой», позволяющей ему быть открытым и лояльным по отношению к иноэтническим культурам. Процесс их зарождения восходит к началу исторического периода, а завершается в новое время. Будучи связанным со всеми теми изменениями, которые происходили в сфере глагольных форм, местоимений, семантики грамматических категорий, их синтаксического употребления, он (этот процесс) в конечном счете был детерминирован самобытным мировосприятием и мировоззрением русского народа как формой его духовной деятельности.

В терминах грамматических квалификации становление односоставных личных предложений означало, с одной стороны, размывание конкретности, замкнутости субъектного (личного) начала предложения, ведущее к осложнению, обобщению его значения, а с другой — проявление тенденции к абсолютизации глагольной формы как организующего центра предложения.

С этой точки зрения определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения — это разные стадии единого многовекового процесса образования русской синтаксической типологии. То, как они связаны между собой генетически и структурно-семантически, свидетельствует о системном характере синтаксических изменений, охватывающих большие промежутки времени. В этом отношении русский язык стоит чуть ли не особняком среди родственных ему индоевропейских языков.

Типологические сходства и различия русского и западноевропейских языков в выражении субъекта в подлежащем и сказуемом

Имея в виду возможность выражения субъекта и в подлежащем, и в сказуемом, И. И. Мещанинов выделяет три типа среди индоевропейских языков: «Некоторые из индоевропейских языков допус-

¹ Там же. Ср. также комментарии к пословицам XVII в. на с. 211.

² Об этом подр. см.: *Тарланов З. К.* К истории изучения и определения пословицы // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Петрозаводск, 1972. Т. 467. С. 69–106; *Он же.* Язык. Этнос. Время. С. 172–180.

кают одновременное выражение субъекта в обоих членах предложения, но не делают его обязательным (русский язык); некоторые не допускают такого одновременного выражения субъекта и тем самым до известной степени отстают от господствующей дву-членной схемы предложения (французский литературный язык); некоторые, наоборот, требуют выражения субъекта и в подлежащем, и в сказуемом, несмотря на развитый строй личного спряжения (немецкий язык)¹ <...>. Таким образом, если личное местоимение при личном глаголе во французском литературном языке исключается (в *je parle* «я говорю!») *je* «существует только в сочетании с глаголом»²), ибо «уже несколько столетий местоимение-подлежащее стремится все более слиться со своим глаголом»³, в немецком обязательно, то в русском изначально факультативно, вернее сказать — потенциально.

<...> Русский в этом отношении может быть квалифицирован как относительно более архаичный, ибо в нем личное местоимение и личная форма глагола не только по отдельности актуализируют идею субъекта, по сути своей изоморфную (изосемантическую), но и сохраняют исходно присущую им синтаксическую автономию.

Однако это не означает, что в рассматриваемом плане русский язык нового времени идентичен архаичному доисторическому синтаксическому состоянию. <...>

Таким образом, в этих языках изменения в функционировании личных местоимений и личных глагольных форм проходили как бы асимметрично: одни формы либо теряли исходную самостоятельность, самодостаточность, либо же полностью поглощались другими.

В русском же изменения вырастали не на базе отрицания или ограничения какого-то из составляющих исходной симметрии, а на базе развертывания, абсолютизации как самой симметрии в целом, так и каждого из ее составляющих, чем и обуславливалось несравнимо возрастающее богатство русского синтаксиса к исходу средневековья.

Это обеспечивало русскому языку такие направления синтаксических изменений, которые вели к выработке более емкой, более обобщенной и вместе с тем более детализированной системы выражения личных (субъектных) отношений.

Эта система предстает как шкала градуирования по степени участия лица (человека) в актуализации признака, обозначенного предикатом.

¹ Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. С. 207. См. также С. 312–313.

² Вандриес Ж. Язык. М., 1937. С. 89.

³ Там же.

Реальным синтаксическим воплощением подобной системы и является утвердившаяся в новом русском языке типология одноставных личных предложений.

Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев
**Синтаксические нули
и их референциальные свойства¹**

В теории референции принято говорить о референциальных характеристиках единиц, выражающих семантические актанты некоторого предиката. Стандартным способом выражения семантических актантов являются именные группы (ИГ), и их референциальные свойства изучены лучше всего. <...>

В том случае, если тот или иной актант не имеет поверхностного выражения, мы говорим о нулевом синтаксическом элементе и приписываем ему соответствующие референциальные свойства. <...>

Говорить о референции нулевого элемента можно лишь в том случае, если поверхностное синтаксическое отсутствие несет определенную семантическую нагрузку и, в частности, соотносится с внеязыковым объектом — партиципантом описываемой ситуации. Случаи значимого синтаксического отсутствия распадаются на два класса, «принципиально различных»²: нуль и эллипсис. <...>

С подлинным нулем мы имеем дело, если в системе языка нет полностью синонимичного ненулевого способа выражения. В этом случае нулевой элемент необходимо включить в инвентарь языковых единиц соответствующего класса, с которыми он связан парадигматическими отношениями. Значение и референциальные свойства такого элемента не могут быть описаны через значение других единиц того же класса и требуют независимого изучения. Поясним сказанное на ряде примеров.

В неопределенно-личных предложениях мы можем говорить о нулевом подлежащем. Усматривать эллипсис подлежащего здесь заведомо нельзя, так как в языковой системе нет элемента, который мог бы претендовать на роль эллиптируемого подлежащего (конструкции с личным местоимением имеют другое значение; ср. *В дверь звонят* и *Они звонят в дверь*; *К тебе пришли* и *Они к тебе пришли*). В инвентарь языковых средств следует поэтому ввести лексему \emptyset_{3pl} со значением лица³.

¹ Печатается по: Типология и грамматика. М. : Наука, 1990. С. 109–117.

² Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диагезы и залого. Л., 1974.

³ Там же.

В примерах типа *Вы не видели мою ручку? — Да, видел, —* по-видимому, больше оснований говорить об эллипсисе личного местоимения — (*Я*) *видел (ее)*. Личные и указательные местоимения в русском языке полностью обслуживают потребности определенной анафоры, так что включение в систему анафорических местоимений еще и нулевого местоимения избыточно.

Предложения *Маша купила красную рубашку, а я купил синюю; Миша выпил чаю, и я тоже выпил* внешне похожи на только что разобранные. Их можно было бы описывать через эллипсис, но уже не местоимения, а существительного: *купил синюю (рубашку); выпил (чаю)*. Но здесь оправданным является включение в анафорическую систему русского языка ингерентно неопределенного нулевого «местоимения лени» (со значением, близким английскому *one* и *some*¹. Это местоимение противопоставлено ингерентно определенному местоимению 3-го л.; так, *выпил его* служит заменой для *выпил чай (коньяк)* (с признаком /+ опр./), а не *выпил чаю (коньяку)*².

В отличие от ингерентно неопределенного нулевого «местоимения лени» \emptyset_{3pl} обладает разнообразными референциальными возможностями. Так в высказывании *Цыплят по осени \emptyset_{3pl} считают* этот элемент имеет обобщенную, родовую референцию, а в высказываниях типа *В дверь позвонили* он соотносится с отдельным индивидом.

Наряду с противопоставлением родового и индивидного статуса для \emptyset_{3pl} существенно и противопоставление по определенности-неопределенности. Чрезвычайно характерным для неопределенно-личных предложений является значение неизвестности, неопределенности обозначаемого лица (или лиц); ср. *В дверь \emptyset_{3pl} позвонили; За стеной \emptyset_{3pl} храпели. Наверное, та старуха...* (Солоух.); *Он ... сообразил, что, если зажжет спичку, его сразу заметят во всем лесу. Кто заметит, он не знал и боялся думать, а знал, что заметят* (Казак.). Именно такие употребления послужили основанием для названия всего класса предложений с \emptyset_{3pl} неопределенно-личным. Значение неопределенности возникает в том случае, если понимание высказывания не предполагает отождествления субъекта с кем-либо из лиц, имеющих в поле зрения участников коммуникации. Однако возможны случаи, когда такое отождествление необходимо для правильного понимания; ср. *Варя задумалась. Я торжествовал. Меня, значит, \emptyset_{3pl} уважали, коли \emptyset_{3pl} задумались* (Чех.); *Она позвала брата по имени; ей \emptyset_{3pl} не откликнулись* (Л.). Показателен следующий пример, в котором \emptyset_{3pl} соотносится поочередно то с одним,

¹ Channon R. A comparative sketch of certain anaphoric processes in Russian and English // American Contributions to the 9th International Congress of Slavists. 1983.

² Между прочим, именно примеры данного типа служат <...> иллюстрацией нецелесообразности включения в парадигму личного местоимения трех омонимичных левых форм: *его*_{acc}, *его*_{gen} и *его*_{part} (последняя представляет собою просто фикцию).

то с другим референтом (мы обозначаем это посредством индексов i и j): Из рубки \emptyset_i ; свистнули в машину, и, когда из машины \emptyset_j ответили, \emptyset_j крикнули туда, чтоб \emptyset_j не отходили от реверса. «Да я уж два часа у реверса стою» — \emptyset_j ответили из машины (Казак.). Сама по себе способность соотноситься с различными референтами в пределах одного синтаксического целого — в тех случаях, когда референт может быть установлен из контекста — сближает \emptyset_{3pl} с «обычными» местоимениями 3-го л.; существенно, что текст может быть правильно понят лишь в случае способности адресата к контекстному разрешению возникающей неоднозначности, а это предполагает способность установления кореферентности различных вхождений \emptyset_{3pl} (а также \emptyset_j и местоимения $я$ в прямой речи).

Характерен также такой диалог свидетелей боя Ланцелота с драконом: «Мамочка... его кто-то лупит по шее». — «У него три шеи, мальчик» — «Ну вот видите, а теперь его \emptyset_{3pl} гонят в три шеи» (Шварц). Лишь в такой последовательности *кто-то* и \emptyset_{3pl} могут пониматься как кореферентные (и, таким образом, \emptyset_{3pl} имеет значение определенности). При обратной последовательности (*Его \emptyset_{3pl} лупят по шее... А теперь кто-то гонит его в три шеи*) кореферентность не могла бы выражаться и местоимение *кто-то* воспринималось бы как вводящее новое лицо, отличное от субъекта первого предложения (поскольку *кто-то* в отличие от \emptyset_{3pl} не может выражать определенности). Ср, также аналогичный пример кореферентности *кто-то* и \emptyset_{3pl} у Н. Ильиной: *Кто-то ломает входную дверь. Дребезжит оконное стекло, выбить его что ли, \emptyset_{3pl} хотят?*

Лексема \emptyset_{3pl} способна и к дистрибутивной референции — в случае переменной временной локализации (многократность, узуальность). Ср. *Бывало, он еще в постели: К нему записочки \emptyset_{3pl} несут* (Пушк.), где референт нулевого подлежащего — не обязательно одно и то же лицо (иначе ведет себя в данных условиях $\emptyset_{2\text{ sing}} \sim$ см. ниже).

Таким образом, мы установили, что референциальные возможности элемента \emptyset_{3pl} в целом весьма разнообразны. В тех случаях, когда высказывание имеет значение неагентивности, они оказываются значительно более ограниченными. В частности, пассивная конструкция с \emptyset_{3pl} = подлежащим возможна только при наличии локального определителя, индивидуализирующего референт «нуля»¹. Именно эти ограничения привели к тому, что неопределенно-личные пассивные конструкции долгое время оставались незамеченными; более того, утверждалось, что \emptyset_{3pl} не употребляется при сказуемых в пассиве².

¹ Ср. Князев Ю. П. Нейтрализация противопоставления по лицу и залогом // Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978. С. 128; Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Референциальные характеристики синтаксических нулевых элементов // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. М., 1985. С. 289.

² Мельчук И. А. О синтаксическом нуле // Типология пассивных конструкций: Диагезы и залогом. Л., 1974. С. 352; ср. также <...> Русская грамматика. 1980. Т. I. С. 614.

Независимо от типа референции \emptyset_{3pl} использование неопределенно-личных предложений всегда связано с одним и тем же значением «отчуждения» от субъекта предложения — в том смысле, что субъект неопределенно-личного предложения никогда не находится в фокусе эмпатии, ситуация никогда не описывается с его «точки зрения»¹. В случае генерализованного обобщенного прочтения \emptyset_{3pl} это само собою разумеется, так как в роли ЛФЭ не может выступать открытый класс объектов. Ситуация в этом случае представляет собою своего рода закон, существующий независимо от воли участников коммуникации или иного лица, могущего претендовать на роль ЛФЭ; ср. *Цыплят по осени считают; Снявши голову по волосам, не плачут; У нас не курят; Лежачего не бьют; Ночью в гости не ходят* (Вамп.); и т. п. В конкретно-описательных текстах, включающих неопределенно-личные предложения, налицо именно «отчуждение», «взгляд со стороны»; ср. следующий пример, где ЛФЭ — героиня: *Она знала, что некрасива, и столько раз давала зарок не ходить на вечера, где танцуют, и поют, и влюбляются* (Казак.). Использование неопределенно-личного предложения при описании визита французских дам к А. А. Реформатскому подчеркивает, что автор как бы становится на точку зрения «дам»: *Дамы пришли. Им помогли снять пальто, поцеловали ручки, сказали какие-то вежливые фразы и удалились* (Ил.).

Особенно явной бывает смена фокуса эмпатии, когда \emptyset_{3pl} реально соотносится с говорящим — отчетливо ощущается, что говорящий становится на точку зрения другого лица. Так, именно этот эффект возникает, когда Н. Ильина следующим образом комментирует запись из дневника А. А. Реформатского («*Вчера Н. И. вернулась поздно и ругала фильм. Я радовался сему*»): *Радовался: О с т а в и л и е г о одного, н о б е ж а л и развлекаться, а н не получилось*. Смена фокуса эмпатии имеет место и в конструкциях типа *Говорят тебе; Кому говорят....*

Напротив того, в нормальных условиях, когда в роли ЛФЭ выступает говорящий, он заведомо не может обозначаться посредством \emptyset_{3pl} . В этом отличие «отчуждения» от сходного эффекта рецессии (термин Ж. Веренка²) субъекта (т. е. удаления его на задний план) при трансформации пассивизации. Высказывание *В пять часов работа была закончена* может быть произведено и в том случае, если речь идет о работе, выполняемой говорящим; высказывание *В пять часов работу закончили* в этом случае оказывается невозможным. Поэтому, несмотря на функциональное сходство неопределенно-

¹ Объектом эмпатии (лицом, находящимся в фокусе эмпатии, — сокращенно ЛФЭ) является лицо, с точки зрения которого описывается вся ситуация. В самом типичном случае ЛФЭ совпадает с говорящим.

² *Веренк Ж.* Диатеза и конструкции с глаголами на -ся // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XV. С. 290.

личных и собственно пассивных предложений <...>, значения, передаваемые этими типами предложений, не вполне тождественны¹ (тот факт, что невыраженный агенс в пассивной конструкции может относиться и к говорящему, и к адресату речи, и к третьему лицу, использует в пьесе Шварца Бургомистр, не желающий уточнить, кто победил дракона — он, Ланцелот или кто-то третий: *После того, как я... после того, как мы... Ну, словом, после того, как дракон был убит*).

Значение «отчужденности» субъекта неопределенно-личного предложения предлагает наличие «точки отсчета», от которой происходило бы «отчуждение». В роли такой точки отсчета может выступать другой партиципant описываемой ситуации или «наблюдатель». Сказанное объясняет аномальность неопределенно-личных конструкции в случаях, когда отсутствует наблюдатель или другие партиципantы **Дома больны*; **В пансионате сыты*; ср. правильное *В пансионате хорошо кормят*, где точка отсчета — объект действия. Высказывание *Дома недовольны* — может быть ответом на вопрос *Как на это событие реагировали дома?* (точка отсчета — данное событие), но аномально в ответ на вопрос, что творится дома <...>. Отсюда, в частности, следует, что одноактантные предикаты могут быть употреблены в неопределенных конструкциях лишь при условии, что предполагается наблюдатель: *Вижу, бегут по улице, кричат; За стеной храпят; Вот опясть окно, где опять не снят* (Цв.)².

С указанными особенностями элемента \emptyset_{3pl} связан и тот факт, что он, имея неопределенную референцию, не употребляется интродуктивно. Иными словами, \emptyset_{3pl} не вводит референт в поле зрения адресата и потому не может служить antecedentом личного местоимения (аномальна последовательность *В дверь позвонили. *Я ему / им открыл*). Не может вступать в анафорическую связь с местоимением 3-го л. и родовое употребление \emptyset_{3pl} ; ср. каламбурное переосмысление глагольной формы 3-го л. мн. числа: «*Об этом \emptyset_{3pl} не говорят*

¹ Другое отличие пассивных конструкций от неопределенно-личных состоит в том, что они не передают значение «личности» (Мельчук И. А. О синтаксическом нуле): в предложении *Он был исцарапан* не говорится о том, кем или чем он был исцарапан (людьми, или животными, или стихиями, или, добавим, самим собою, или говорящим); но предложение *Его исцарапали* сообщает, что субъектом действия были люди, причем, подчеркнем еще раз, не он сам и, в нормальной коммуникативной ситуации, не говорящий. Использование \emptyset_{3pl} с референцией к животному приводит к комическому эффекту: *Княжна же во все время визита неукротимого бульдога кричала, как будто бы ее уж \emptyset_{3pl} съели* (Достоевский) (пример из: Шмелев Д. Н. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Вопросы культуры речи. М., 1961. Вып. 3. С. 56). Ср. также эффект «персонификации» при референции \emptyset_{3pl} к неодушевленному субъекту: *Я понимаю, что трудно не обижаться, когда вас бьют по лицу, суют за ворот снег, толкают в сугроб, но ведь буря это делает без всякой злобы, нечаянно* (Шварц).

² Ср. поэтический сдвиг у Пастернака: *На даче снят, укрывши спину, как только в раннем детстве снят* (и дальше: *Я просыпаюсь...*).

так...» — «Они не говорят, я — говорю» (Горьк.)¹. Лишь имея определенную референцию, \emptyset_{3pl} может быть кореферентен личному местоимению (поскольку тогда референт вводится в рассмотрение независимо от \emptyset_{3pl}); ср. *Известие о моем отъезде К. И. приняла равнодушно. Я удивилась и обиделась. Думала ко мне \emptyset_{3pl} , привязаны, думала — во мне \emptyset_{3pl} нуждаются, и вот я уезжаю, а ей это безразлично* (Ил.).

Иными референциальными свойствами обладает нулевой элемент, используемый в качестве подлежащего в «обобщенно-личных» предложениях типа *Слезами горю \emptyset_{2sing} не поможешь; Тебя \emptyset_{2sing} не переспоришь; Тише \emptyset_{2sing} едешь — дальше \emptyset_{2sing} будешь* и т. п. Здесь \emptyset_{2sing} всегда указывается ЛФЭ, но при этом может употребляться лишь при условии, что фокус эмпатии оказывается переменным (отсюда значение «обобщенности»). Это может иметь место как в случаях, когда предполагается, что в роли ЛФЭ может выступать любое лицо (как в приведенных выше примерах), так и в тех случаях, когда в роли ЛФЭ выступает определенное лицо (чаще всего говорящей), но сама ситуация повторяется многократно или понимается обобщенно: *И уж так \emptyset_{2sing} уморишься играя, что просто ни на что не похоже. Как \emptyset_{2sing} взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж, \emptyset_{2sing} скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...»* (Гог.). Обратим внимание на то, что в предложениях с показателем переменной временной локализации (типа *бывало*) \emptyset_{2sing} нормально понимается как относящееся к одному и тому же лицу (а именно к говорящему). В этом отличие \emptyset_{2sing} от лексемы \emptyset_{3pl} для которой, как было отмечено выше, характерна дистрибутивная референция в аналогичных контекстах. Вместе с тем \emptyset_{2sing} не может относиться к говорящему (или к какому-либо другому индивиду), взятому в его конкретной пространственно-временной реализации <...>, ср. невозможность высказываний типа **Идешь вчера по Кузнецкому... (при возможности Идешь, бывало, по Кузнецкому...)*. Эта особенность также отличает \emptyset_{2sing} от \emptyset_{3pl} .

При обобщенном понимании ЛФЭ согласование с \emptyset_{2sing} ведется по мужскому роду (даже если говорящий — женщина, и имеет в виду в первую очередь себя); ср. *Глядя на другого, ясно \emptyset_{2sing} понимаешь, до чего же \emptyset_{2sing} изменился и сам, и сразу с ходу \emptyset_{2sing} начинаешь утешительную работу* («Да не так уж... Я б вас сразу узнала!») (Ил.). При конкретном ЛФЭ и обобщенном понимании ситуации согласование ведется в зависимости от пола ЛФЭ; ср. согласование в женском роде: *Быстро забываешь себя, ту, какой была когда-то* (Ил.).

При этом следует подчеркнуть, что обобщение при использовании \emptyset_{2sing} принципиально отлично от обобщения при родовом понимании \emptyset_{3pl} . При использовании \emptyset_{2sing} речь идет не о законе, существующем независимо от «точки зрения», но о множестве конкретных ситуаций,

¹Пример из: Шмелев Д. Н. Стилистическое употребление форм лица...

рассматриваемых изнутри, с конкретной точки зрения. <...> Именно поэтому в предложениях с $\emptyset_{2\text{sing}}$ вполне возможны эпизодические, локализованные во времени предикаты, не встречающиеся в длинно гномических высказываниях <...>: *У меня сегодня распустились чайные розы, хлебные розы и винные розы. Посмотришь на них — и ты (= $\emptyset_{2\text{sing}}$) сыт и пьян* (Шварц).

Следует иметь в виду, что в качестве комбинаторного варианта $\emptyset_{2\text{sing}}$ может выступать местоимение 2-го лица *ты* (особенно в косвенных падежах). Выбор нулевого или ненулевого варианта регулируется достаточно сложными правилами; иногда допустимы оба варианта. Поэтому можно было бы объяснить появление в поверхностной структуре $\emptyset_{2\text{sing}}$ эллипсисом ненулевого варианта. Однако следует подчеркнуть, что рассматриваемое местоимение как в нулевом, так и в ненулевом варианте полностью отлично от «обычного» местоимения 2-го лица, соотносящегося с адресатом речи. Это отличие особенно наглядно выступает в тех случаях, когда «обычное» местоимение *ты* и $\emptyset_{2\text{sing}}$ сталкиваются в одном высказывании: <...> *От тебя потом $\emptyset_{2\text{sing}}$ не отвяжешься* (Вам.). Чтобы подчеркнуть это отличие, мы будем говорить о $\emptyset_{2\text{sing}}$ как об основном варианте рассматриваемой лексемы.

Местоимение $\emptyset_{2\text{sing}}$ не единственный способ указания на ЛФЭ при обобщении. Поэтому оно может быть кореферентно с другими обозначениями; ср. *Что скрывать, не всегда прогулка по магазинам доставляет нам большую покупательскую радость. Того и гляди, $\emptyset_{2\text{sing}}$ столкнешься с... таким сакраментальным явлением, как очередь... Особенно если стоите вы в этой очереди последним* (Крокодил. 1987, № 1) — местоимения *нам*, $\emptyset_{2\text{sing}}$ и *вы* имеют одно и то же значение.

В следующих предложениях $\emptyset_{2\text{sing}}$ связано с общеродовой ИГ каждый посредством коассигнации: *Каждый, войдя, ищет местечко, куда ноги поставить, чтобы не особо налегать плечом на соседа и чтобы на тебя не сильно налегали* (Н. Ильина): *тебя* — вариант $\emptyset_{2\text{sing}}$ — хотя нормально для коассигнации используется местоимение 3-го л. (*Каждый хочет, чтобы его уважали*).

Из сказанного ясно, сколь глубоки различия между $\emptyset_{3\text{pl}}$ в родовом значении (напомним, что это лишь одно из возможных значений $\emptyset_{3\text{pl}}$ и $\emptyset_{2\text{sing}}$). Первая лексема указывает на лиц, не совпадающих с ЛФЭ, вторая — всегда обозначает ЛФЭ в обобщенной ситуации. Поэтому в самостоятельных предложениях с подлежащим, выраженным родовым $\emptyset_{3\text{pl}}$, сказуемое стоит в несовершенном виде (*С начальством не спорят*); значение предложения — закон, не зависящий от «точки зрения», предложение выражает предписание (запрет). В самостоятельных предложениях $\emptyset_{2\text{sing}}$ сказуемое — глагол в совершенном виде (*С начальством не поспоришь*)¹, несовершенный вид возможен в

¹ При этом необходим «декаузатор», позволяющий понимать предложение обобщенно (напр., отрицание).

несамостоятельных предложениях, когда контекст фиксирует переменную точку отсчета (*Тише едешь — дальше будешь*).

В приведенном выше примере: *Она... давала зарок не ходить на вечера, где танцуют, и поют, и влюбляются* (Казак.) — ЛФЭ «отчуждено» от лиц, обозначаемых посредством \emptyset_{3pl} . Иное дело при использовании \emptyset_{2sing} : *Ходишь-бродишь, дерешься и знакомишься с девушками... Ну вот и влюбишься бывало* (Шварц) — \emptyset_{2sing} непосредственно указывает на ЛФЭ (в данном случае — на говорящего).

Указанное различие объясняет тот факт, что в высказывании *Неприятно, когда \emptyset_{2sing} обманываешь* субъект оценки (=ЛФЭ) совпадает с субъектом действия (ср. *Неприятно обманывать*), а в высказывании *Неприятно, когда тебя (= \emptyset_{2sing}) \emptyset_{3pl} обманывают* — с объектом действия (ср. *Неприятно быть обманутым*). Ср. также парфразу *Счастье — это любить и быть любимым* \approx *Счастье — это когда любишь и тебя любят*¹.

Особенно наглядно видна разница в референциальных свойствах \emptyset_{3pl} и \emptyset_{2sing} при столкновении их в составе одного текста. Приведем лишь два примера с минимальными комментариями. *Близок локоть, да \emptyset_{2sing} не укусишь... Как-то вспомнив эту поговорку, он схватил рукой локоть и изо всех сил потянулся к нему зубами — вдруг \emptyset_{2sing} укусишь? — Но не дотянувшись, свернул до боли шею, засмеялся довольный: правильно говорят. Кусали \emptyset_{3pl} значит, и до него, да не тут-то было* (Расп.). Первое предложение — словосица с переменным ЛФЭ — обладателем локтя — выражает субъективную неспособность, герой отождествляет себя с ЛФЭ. В последнем предложении \emptyset_{3pl} указывает на «других» людей, с которыми герой себя никак не отождествляет.

Это не жизнь, а каторга, ад!... Никак. \emptyset_{2sing} не найдешь себе приюта. Там в городе, ни мебели, при прислуги... все на дачу \emptyset_{3pl} увезли... \emptyset_{2sing} питаешься черт знает чем (Чех.). Ясно, что \emptyset_{2sing} указывает на ЛФЭ (в роли которого в данном случае выступает говорящий), а \emptyset_{3pl} — на людей, от которых говорящий себя отчуждает.

¹Необходимость пассивизации при инфинитивной номинализации «неопределенно-личного» предложения, подчиненного предикату внутреннего состояния (типа *неприятно, стыдно, тяжело*, где ЛФЭ — носитель состояния), лишний раз свидетельствует о близости пассива и неопределенно-личных конструкций. Заметим, что объект действия исходного неопределенно-личного предложения (соответствующий не выражаемому «подлежащему» пассивного инфинитива) не обязательно должен быть выражен ненулевым вариантом лексемы \emptyset_{2sing} / *ты* в косвенном падеже. Так, *Неприятно, когда тебя обманывают / когда тебе не верят = Неприятно, когда обманывают / когда не верят, где \emptyset_{2sing} acc / dat* — ЛФЭ, кореферентное субъекту оценки. Употребление нулевого варианта \emptyset_{2sing} в объектной позиции в подобных случаях достаточно распространено. Ср. *Пока вы со мной разговариваете, все кажется печальным, но уютным, как в детстве, когда накажут ни за что ни про что, а потом жалеют, утешают, сказку рассказывают* (Шварц).

Приведенные наблюдения показывают, что при описании функционирования синтаксических нулевых элементов должны учитываться их референциальные свойства. Нулевой элемент с синтаксическими свойствами 3-го л. мн. ч. характеризуется разнообразием референциальных возможностей (родовая, неопределенная, определенная референция) при условии «отчуждения» от референта. В то же время референциальные свойства нулевого элемента с синтаксическими свойствами 2-го л. ед. ч. в высокой степени специфичны: он всегда употребляется с референцией ЛФЭ в переменной ситуации; его референт представляет собой обобщение множества отдельных «инстантов».

Безличные и инфинитивные предложения

- Задания.**
1. На основе работ А. М. Пешковского и В. М. Павлова выявите особенности безличных предложений в сопоставлении с двусоставными глагольными.
 2. Обратите внимание на аргументацию каждого исследователя.

А. М. Пешковский

Глагольные безличные предложения¹

<...> Теперь мы переходим <...> к предложениям, в которых не может быть подлежащего по самому их строению, подобно тому как не может быть головы у бесчерепного позвоночного — ланцетника. Это так называемые «безличные» предложения. Для того чтобы понять, что это такое, необходимо знакомство с понятием **б е з л и ч н о г о г л а г о л а**, к которому мы и переходим.

В каждом индоевропейском языке существуют глаголы, которые морфологически образуют совершенно особую, резко отличную от всех остальных глаголов группу. Именно, в то время как глагол есть прежде всего слово, изменяющееся по лицам и числам, а в прошедшем времени у нас, в русском языке, по родам и числам, существует целый ряд глаголов, которые **н е и з м е н я ю т с я** по этим категориям. Таковы, например, у нас глаголы *светает, вечереет, моросит, смеркается, тошнит, нездоровится, неможется, спится, дремлет-ся, хочется* и др.

¹ Печатается по: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 341–350

У них существует только одна форма 3-го л. единственного числа, а в прошедшем времени — среднего рода единственного числа (*светало, смеркалось, спалось* и т. д.). Форм «светаю», «светаешь», «светал», «светала» и т. д., «сплюсь», «спишься» и т. д. нет. <...> Форма 3-го л. единственного числа (а в прошедшем времени среднего рода единственного числа) должна сознаваться в этих глаголах крайне смутно. Она может просвечивать в них только по сравнению <...> с такими формами, как *работает, читает, пишет, ленится, веселится* и т. д. Но стоит только сопоставить *работает* и *светает, веселится* и *спится*, чтобы убедиться, что глаголы эти сознаются совсем иначе. *Света-ет* и *спится* — это, не н а с т о я щ е е 3-е л. единственного числа, а какое-то неясное, как бы потерявшее свой обычный третьеличный облик. Точно так же *светало* и *спалось* — не н а с т о я щ и й сред-ний род единственного числа. В отношении других категорий эти глаголы ничем не отличаются от всех прочих, т. е. имеют и времена (*светает — светало — будет светать*), и наклонения (*светает — светало бы — пусть светает*)¹, и виды (*рассветало — рас-свело*), и отчасти залого (*светает — смеркается*). Но все эти три формы последовательно проводятся все по тому же ненастоящему 3-му л. единственного числа и ненастоящему сред-нему роду единственного числа. Вот такие-то глаго-лы и выделяются в особую категорию **безличных**, а все остальные глаголы получают по сравнению с ними название **личных** глаголов.

Теперь посмотрим, какое значение получает безличный глагол в связной речи. Так как он имеет формы времени и наклонения, создающие сказуемость, то он должен образовать в предложении ска-зуемое. Но так как у него нет настоящих форм согласования сказуе-мого с подлежащим (лицо, число и в прошедшем времени род), приурочивающих выраженную временем и наклонением деятель-ность к определенному деятелю, то получается сказуемое совсем особого рода: оно из о б р а ж а е т деятельность без дея-теля или деятельность, оторванную от своего деятеля. Понятно, что оно не только не может иметь при себе никакого под-лежащего, но не может и н а м е к а т ь на какое-либо определенное подлежащее, так как намек этот делается при помощи форм согла-сования, а этих форм у него нет. Очевидно, это будет особый «бес-подлежащий» тип предложений, в которых «бесподлежащность» — не случайное явление, а составляет самую их сущность. С внутрен-ней стороны эти предложения можно определить как **предложения, в которых подлежащее устранено не только из речи, но и из**

¹Простая форма повелительного наклонения (*светай*) тоже возможна, но только в условном смысле: *светай в те дни немножко раньше, я давно уже был бы с добычей* или в смысле внезапности: *и приведишь мне на ту пору быть у сестры*.

мысли. С внешней стороны, как синтаксический шаблон, они определяются как не согласуемый ни с чем глагол или, в случае распрстраненности, **не согласуемый ни с чем глагол + зависящие от него второстепенные члены.** Это совершенно особая группа форм словосочетаний и особая формальная категория русского языка. Так как глаголы, образующие эти предложения, искони назывались безличными, то и самые предложения называются **безличными.**

Термины «безличный» глагол и «безличное» предложение очень неточны, так как полной безличности в сказуемом вообще быть не может. Лицо есть необходимая категория языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ее сущности: ведь без лица говорящего не может быть и речи, лицо говорящее необходимо предполагает лицо слушающее, а оба эти лица необходимо предполагают внешний мир, их объемлющий, являющийся для них 3-м л. Три лица — это три основные точки языкового сознания, как три времени — три основные точки внутреннего восприятия. И как не может быть «четвертого», «пятого» и т. д. лица, так не может и совсем не быть лица в мысли. Даже и с неязыковой точки зрения по крайней мере два лица необходимы: «я» и «не я». «Безличность» в собственном смысле слова есть то же, что «внеличность» т. е. понятие метафизическое (как вневременность и внепространственность). И действительно, вдумываясь в значение безличных глаголов, мы все-таки откроем в них следы 3-го л. Как бы ни устранился из мысли в выражении *светает* деятель, производящий свет, он во всяком случае не кажется скрытым во мне или в человеке, с которыми я говорю, а напротив, может и должен быть скрытым где-то вне нас обоих. *Светает* — это неизвестно кто (и даже самый вопрос *кто* невозможен), но это во всяком случае не я и не ты. К тому же приводит и чисто морфологический анализ этой формы: *светает* во всяком случае скорее может ассоциироваться с *работает, пишет, читает*, чем с *работаю, работаешь, работаем* и т. д. Ясно, что, поскольку лицо должно вообще мыслиться в глаголе, оно мыслится здесь как третье. Но мыслится-то оно с минимальной ясностью. Интересно также сопоставить безличный глагол с инфинитивом: *светает* и *светать, смеркается* и *смеркаться, тошнит* и *тошнить* и т. д. По сравнению с инфинитивом в безличном глаголе создается нечто вроде лица. Инфинитив совершенно безличен или, лучше сказать, «внеличен». В безличном же глаголе есть известный минимум лица, известный намек на лицо. Мозжени какого бы то ни было лица из глагола неизбежно остается и должно остаться сознание, как оно именно лицо устранено. Поэтому наиболее точным названием было бы «глаголы с устранимым третьим лицом» и «предложения с устранимым третьим лицом». Но стоит ли вводить эти длинные, неуклюжие термины? Не лучше ли воспользоваться древнейшим и привычнейшим термином, оговорив его условность? Что касается термина «бессубъектные предложения» (порусски — «бесподлежащные»), употребляемого некоторыми учеными, то он нам представляется не менее условным, чем термин «безличное», потому что: 1) под него подойдут и неполные предложения с опущенным подлежащим типа *любит — не любит*, 2) сама по себе полная «бесподлежащность» для глагольных предложений так же невозможна, как и полная «безличность». Раз «подлежащный» тип глагольных предложений существует в языке, то «бесподлежащные» глагольные предложения могут созвнаться только на фоне

«подлежащих» и только сравнительно с ними. Сознанию того, что какая-то форма устранена, неизбежно должно сопутствовать и смутное представление о том, какая это была бы форма. А если так, то и термин «бесподлежащее предложение» тоже должен бы быть развернут в «предложение с устраненным подлежащим». Очевидно, в одном слове сущности этих предложений не выразишь, а в таком случае лучше всего оставить старинный условный термин.

Безличные предложения имеются во всех индоевропейских языках и были, несомненно, уже в индоевропейском праязыке. Поэтому о происхождении древнейших из них мы ничего не знаем. Характеризуя их в предыдущем как предложения «с устраненным подлежащим», мы не хотели этим сказать, что подлежащее в них было когда-то устранено, а только, что оно сейчас сознается как устраненное. Однако есть некоторые общие соображения, заставляющие предположить, что определение наше верно и исторически, т. е. что безличные предложения возникли из личных, а не наоборот. Прежде всего доязыковая мысль основана на ассоциации двух представлений и поэтому всегда двучленна. Было бы очень странно, если бы в языке для нее сразу избрана была одноклассная форма. Далее, если мы вдумаемся в такие безличные предложения, как *его громом убило, его молнией убило, дождем помочило, градом побило, чтоб тебя язвило! куда его понесло?* и т. д., стоящие ближе к нам по времени возникновения и потому ярче обнаруживающие для нас свой синтаксический смысл (о них у нас будет речь дальше), то заметим, что подлежащее устраняется в них как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе. В некоторых случаях ближайшая причина была даже лицом, например град, дождь, и тем не менее язык изобразил ее только как орудие какой-то другой, отдаленной причины (*градом побило* — «посредством града», а что побило — неизвестно). Создав эти предложения наряду с личными *град побил, дождь намочил*, человек выразил ими, что истинная причина явления ему неизвестна. Вот это-то искание истинной причины явления и признание ее неизвестной и лежит, по-видимому, в основе всех безличных предложений. А если так, то образование безличных предложений никак не может быть отодвинуто в первобытную эпоху языка, так как они знаменуют собой первое зарождение критической мысли, первую попытку критически разобраться в окружающем. Наряду с безличными предложениями, представляющими нередко известное неизвестным, существует в языке (и особенно в древнем и народном) целый ряд выражений, где, наоборот, неизвестное представлено как известное. Таковы выражения *свет светит, гром гремит, тьма тьмит, темень темнится, туча тучится, стук стучит, чудо чудится* и т. д. Вот эти-то выражения легче приписать древнейшему периоду языка, так как они указывают на первоначальную, мифическую причину явления,

на мифического деятеля, производящего его. Устранение этих-то подлежащих и могло создать безличное предложение. Таким образом, предложение, например, *светает* могло возникнуть на месте *свет светает*, предложение *вечереет* на месте *вечер вечерееет* и т. д. То, что для нас сейчас эти предложения кажутся пустой тавтологией, не может умалить их роли в древнейшие эпохи, так как мы смотрим на них с высоты нашего современного языкового сознания, в котором уже огромную роль сыграли и огромное место заняли безличные предложения. Кроме того, в отдельных случаях мы и до сих пор не замечаем этой тавтологии, по крайней мере если не вдумываемся в то, что говорим (*гром гремит, ветер веет, свет светит*). Наконец, важно также и то, что многие виды безличных предложений возникали из личных уже в позднейшую, доступную исследованию эпоху (напр., наши *спится, дремлет* и т. д., см. дальше). Таким образом, безличные предложения, по-видимому, отнюдь не есть остатки чего-то убывающего в языке, а, наоборот, нечто все более и более растущее и развивающееся. Можно прямо сказать, что история новых языков есть история вытеснения личного предложения безличным. И это стоит в связи с общим вытеснением и мени глаголом. Так, мы видели, что в целом ряде случаев на месте древнего причастия (т. е. глагольного мени) употребляется теперь уже глагол (*ибо сам он знал, что **хотящий** сделать; так отступили они от того, что **сказавшие** и т. д.*). В другом ряде случаев древние предикативные сочетания с предикативными именами распались на самостоятельное «ска з у е м о е - г л а г о л + зависящий от него второстепенный член» (*кончил строящий церковь* = «кончил строить»; *сказывалась пришедшая из другого города* = «сказывалась пришедшей» и т. д.). Припомним также все более и более распространяющееся в новейшей литературе опущение подлежащего, превращающее порой целые страницы в ряд неполных бесподлежащих предложений <...>. Сюда же, может быть, относится и пристрастие футуристов к образованию новых глаголов: *оэкринить, отрелить, орозить, олунить, онебесить, крылить, крыльшиковать, желудеть* и т. д. Во всех этих случаях деятельность берет верх над деятелем.

Безличные глаголы русского языка делятся на две неравные и неодинаковые по происхождению группы: на глаголы типа *светает, вечерееет, дождит, моросит* и т. д., очень немногочисленные и определившиеся как особый тип еще в индоевропейском праязыке, и на глаголы типа *спится, дремлет*, очень многочисленные и сложившиеся окончательно в особую безличную категорию уже в самом русском языке. В настоящее время категория эта уже всеобща, т. е. форму эту можно образовать от каждого глагола (*мне читается, говорится, работает, лежит, чихается* и т. д. и т. д., вплоть до любого, хотя бы и необычного, но всегда возможного новообразования), за исключением глаголов возвратных. От

возвратных глаголов форма эта совсем не образуется: нельзя сказать «мне сегодня торопится», «мне умывается», «мне веселится», «мне смеется» и т. д. Причина та, что в глаголах типа *спится* частица *-ся* теперь уже почти не имеет возвратного значения, а создает именно с а м у ю б е з л и ч н о с т ь, да еще в огромном большинстве случаев придает особый оттенок л е г к о с т и действия (*мне говорится* = *мне легко говорить*). Таким образом, если для образования от глагола *спит* безличной формы с указанным оттенком надо прибавить специальное безличное *-ся* (*спится*), то для образования т а к о й же формы от глагола *торопится* надо было бы прибавить еще одно *-ся*. Но повторение одного и того же аффикса, хотя бы и в разных значениях, вообще неизвестно в нашем языке (такие случаи, как народное *иттить* и литературное *пройтисься*, *обойтисься*, создались именно из-за того, что первый аффикс инфинитива в связи с некоторыми особенностями корня этого глагола перестал уже созвучать как аффикс и слился с корнем). Вот почему и нельзя сказать в указанном смысле «мне торопится». По той же причине мы все глаголы этого типа считаем безличными, хотя те из них, которые образованы от переходных глаголов (*читается*, *пишется*, *говорится*, *работается* и т. д.), имеют и другие лица (*читаюсь*, *читаешься*, *читается* и т. д.): частица *-ся* в их б е з л и ч н о й форме означает совсем не то, что в л и ч н о й (ср. *мне сегодня читается* и *этот автор много читается*). Вот несколько литературных примеров на безличные глаголы обоих типов:

а) *Ах, в самом деле **рассвело!*** (Гриб.)

*Уж совсем **завечерело**, когда мы возвратились домой.* (Тург.)

*Уже совсем **вызвездило**, когда он вышел на крыльцо.* (Тург.)

*Уж давно **смеркалось**.* (Пушк.)

*Признаться, у меня на сердце **захолонуло**...* (Тург.)

б) *И **верится**, и **плачется**,*

И так легко, легко... (Лерм.)

*Туда, сюда — а дома **не сидится**...* (Пушк.)

***Взгрустнулось** как-то мне в степи однообразной.* (Кольц.)

*Мне **поется***

У колодца... (Брюс.)

*... Умение, ловкость, значение придут сами собою. Только бы не **переставалось** «хотеть».* (Дост.)

*Ему не **гулялось**, не **ходило**, не **хотелось** даже подняться вверх...* (Гог.)

*О, как глубоко и радостно **вздохнулось** Санину, как только он очутился у себя в комнате...* (Тург.)

Кроме предложений с безличными глаголами к безличным следует отнести и предложения с л и ч н ы м и глаголами, у п о т р е б л е н н ы м и в с м ы с л е б е з л и ч н ы х. На первом месте здесь

следует поставить такие глаголы, в которых безличная форма настолько уже оторвалась от личных форм, что, в сущности, стала отдельным безличным глаголом. Таков, например, глагол *ломит*, когда он обозначает боль. Хотя и есть глагол *ломлю* — *ломил* — *ломит* и т. д., но ясно, что безличная форма *ломит* по значению уже совершенно оторвалась от общей системы спряжения. Внешним признаком этого разрыва служит то, что именительный падеж тут уже невозможен: нельзя сказать «рука ломит», а только *руку ломит*. Так же далеко и значение глагола *рвет* в безличном употреблении (*его рвет*) от того же глагола в личном смысле (*рвет цветы*). Таковы же глаголы *колет*, *режет*, *дергает*, *зудит*, *сосет*, *жжет*, *сводит*, *тянет*, *подмывает* и т. д., относящиеся к внутренним ощущениям человека; *морозит*, *подмораживает*, *темнеет*, *меркнет*, *парит* и т. д., относящиеся к явлениям природы; *следует*, *стоит*, *приходится*, *приведется*, *хватает*, *достает*, *будет* (в смысле «хватит» или «довольно») и т. д., относящиеся к человеческому быту. Все это, в сущности, безличные глаголы, только по звукам совпадающие с соответствующими личными. Как и при безличных глаголах, подлежащее при них невозможно. Если мы поставим при них хотя бы неопределенное подлежащее (*что-то*), то и это подлежащее все-таки не будет подлежащим, а превратится в наречие: *у меня что-то глаз режет* крайне редко обозначает, что у меня не что режет глаз, а обычно — что у меня почему-то режет глаз (ср. в личных предложениях *он что-то похудел*, *у меня жена что-то заболела* <...>). Далее следуют такие случаи, когда один и тот же глагол без резкого изменения своего вещественного значения может быть употреблен то лично, то безлично, причем в последнем случае на безличность ясно указывают другие формы из состава того же предложения. Сравним, напр.:

<i>Голова трещит.</i>	В голове трещит.
<i>Ухо болит.</i>	В ухе болит.
<i>Сердце щемит.</i>	На сердце щемит.
<i>Сено пахнет.</i>	Сеном пахнет.
<i>Дерево придавило.</i>	Деревом придавило.
<i>Солнце выжгло.</i>	Солнцем выжгло.
<i>И т. д.</i>	И т. д.

Во всех правых предложениях подлежащее невозможно, потому что то, что могло бы быть им, выражено управляемым существительным, а подлежащее устранено из мысли как неизвестное. Сюда же можно отнести и такие случаи, где хотя и нет параллельной личной конструкции, однако вещественный смысл фразы обуславливает безличность: *в ухе звенит*, *в голове шумит*; *в глазах мутится*, *в животе вертит* и т. д. (нельзя сказать *ухо звенит*

и т. д., *живот вертит* сказать можно, но *живот* будет здесь винительным падежом, а не именительным). Во всех таких случаях глагол сам по себе терпит подлежащее, но данное сочетание его не терпит. Наконец, третью ступень близости к предложениям с безличным глаголом могут составить те случаи, где данный глагол терпит при себе подлежащее и данное сочетание терпит его и где тем не менее подлежащего нет, а глагол сознается как безличный. Возьмем, например, восклицание *дует!* или *здесь дует*. В огромном большинстве случаев оно понимается как безличное, хотя подлежащее здесь не только возможно, но и на каждом шагу употребляется (*ветер дует, здесь ветер дует*). При этом различия в вещественном значении между тем и другим *дует* нет ни малейшей, и все дело сводится только к одной безличности, которая поэтому и выступает здесь особенно рельефно. Или возьмем такое сочетание у Тургенева:

Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи...

Кто обдаст? Куст? Нет. Хотя здесь свободно можно было бы по смыслу заимствовать подлежащее из предыдущего предложения, однако что-то говорит нам, что не *куст обдаст*, а просто *обдаст*. Здесь особенно рельефно выступает внутренняя сторона безличности, безличность как категория грамматического мышления. Но, с другой стороны, именно в этой группе случаев и бывает иногда трудно решить, личное перед нами предложение или безличное, так как здесь безличные предложения вплотную подходят к неполным личным (с опущенным подлежащим). Все дело тут, очевидно, только в том, сознаются лицо и число данного глагола как категории согласования сказуемого с подлежащим или нет, ибо безличное предложение есть прежде всего не согласуемый ни с чем глагол. Поясним это на примере. Представим себе, что мы напряженно прислушиваемся к приходу определенного, известного нам лица и, заслышав стук в дверь, говорим *стучит!* Здесь уже наверное подлежащее как слово «подразумеваться» не будет, т. е. у нас в уме не будет ни слова *он*, ни имени и отчества нашего знакомого, а будет, скорее всего, реальный его образ, фигура и лицо его. И тем не менее предложение будет личное, потому что сказуемое будет относиться к какому-то образу (здесь даже неязыковому) и отношение это будет выражено формами, обычно употребляющимися для согласования. В зависимости от свойств этого образа (один или несколько человек, мужчина или женщина) мы должны были бы сказать *стучат!* или *постучал!* или *постучала!* Напротив, в тургеневском *стучит* в «Записках охотника» такого образа у говорящих, по всей вероятности, не было. Если бы они к чему-нибудь отнесли свое

стучит, то они скорее бы говорили *стучат*, потому что с самого начала у Филофея, а потом и у обоих гвоздем засела мысль о разбойниках. Но в том-то и дело, что они хотели выразить своим восклицанием только самый стук, самое явление стука, а причину оставить невысказанной, придав ей тем самым характер таинственности. Если в нашем первом *стучит* мы сознаем, что это кто-то стучит, то в тургеневском нам кажется, что это «само» стучит. Путем особой внутренней передвижки мы можем понимать это *стучит* то так, то этак: то лично, то безлично. Но не всегда так легко определить, как в данных примерах, имеем мы безличное предложение или неполное. Особенно затруднительны в этом отношении сочетания с некоторыми возвратными глаголами страдательного значения, если безличность в них не связана с тем оттенком легкости действия, о котором мы говорили выше. Мы имеем в виду такие глаголы, как *говорится* (не в смысле «мне говорится», т. е. я в говорливом настроении), *считается*, *делается*, *случается*, *ведется*, *предполагается*, *думается*, *видится*, *представляется*, *кажется*, *оказывается*, *обнаруживается*, *снится*, *мерещится*, *чудится*, *нравится*, *чувствуется* и т. д. С одной стороны, здесь возможны такие выражения, как *у нас в доме говорится по-французски*, где, как в тургеневском *стучит*, мысль сосредоточена на самом процессе говорения и совершенно отвлечена от того, что говорится; *это ему так только представляется*, *это вам только кажется* (в смысле «этого на самом деле нет»), где тоже все внимание сосредоточено на глаголе и где в связи с этим слово *это* может и не быть подлежащим, а лишь особой пояснительной частицей (как *это почтальон пришел*, *это дверь скрипнула*). С другой стороны, вполне обычны и такие сочетания, как *недаром говорится поговорка...*, *вспомните, что говорилось тогда об этом деле*, *все это мне представляется совсем иначе*, *в его словах мне показалось что-то подозрительное* и т. д. Дело в том, что глаголы эти по самому смыслу их почти не приходится употреблять в других лицах, кроме 3-го (*я говорю, ты говоришь* — формы исключительные), да и в третьем-то лице подлежащее при них бывает чаще всего в среднем роде ед. ч., т. е. неопределенное (*это, что-то, все* и т. д.). Творительный действующего предмета при них тоже очень редок (обороты вроде *это всеми говорится*, *мною считается*, *вами предполагается* и т. д. крайне тяжелы), а при некоторых из них даже и невозможен (нельзя сказать «мною думается», «мною видится»). Это еще больше отрывает их от нормального личного типа страдательных предложений (*дом строится плотником*). В результате у них у всех и оказывается известный уклон в сторону безличности, и каждый отдельный глагол и отдельный случай употребления его представляет собой большую или меньшую степень этого уклона, от полной «личности» до полной безличности включительно. <...>

Субъект в безличных предложениях¹

- Задания.** 1) Как В. М. Павлов оценивает подходы к квалификации безличного предложения в традиционном синтаксисе?
2) С какими положениями концепции Г. А. Золотовой (см. также к статье Г. А. Золотовой «О главных членах предложения...» в данном издании) дискутирует автор статьи?
3) В чем М. В. Павлов усматривает «конфликт» структуры и семантики безличного предложения?

В русской грамматике «безличными» традиционно считаются предложения, отличительной особенностью которых является сочетание трех признаков: 1) наличие глагольного компонента в спрягаемой форме (в частном случае — связочного глагола, причем глагол-связка *быть* в настоящем времени представлен на фоне форм прошедшего и будущего времени в виде «нуля»); 2) финитный глагол глагольный предикат или связочный глагол при именном предикативе — имеет форму 3-го л. единственного числа (в прошедшем времени — среднего рода, несовместимого со значениями 1-го или 2-го лица); 3) отсутствие подлежащего. Использование последнего признака в качестве критерия безличности предложения (при наличии первых двух признаков) связано с рядом затруднений. Вопрос «*Вам нравится?*», сопровождаемый жестом, указывающим, например, на висящую на стене картину, очевидно, следует считать предложением неполным (эллиптическим), полная структурная схема которого включает позицию подлежащего — существительного или местоимения в именительном падеже, тогда как вопрос «*Вам здесь нравится?*» представляет собой полное бесподлежащее предложение, обладающее всем комплексом грамматических признаков предложения «безличного». Вместе с тем отсутствие подлежащего и во втором случае не значит, что в передаваемом мыслительном содержании нет компонента, который соответствует реальному объекту оценки, сопряженной с определенным эмоциональным состоянием оценивающего субъекта, на которого указывает беспредложный дательный падеж.

В предложении с глаголом *нравиться* наличие в отображаемой ситуации предмета, способного вызвать определенную эмоциональную оценку, имплицитно выражено наречием *здесь*: *здесь* (в моем доме, в саду, в нашем городе и т. п.) = «место с тем (со всем), что в нем есть». Благодаря тому, что предмет оценки, прямое именование

¹ Печатается по: Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность – неопределенность / под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992. С. 71–100.

которого — функция (отсутствующего) подлежащего, хотя и имплицитно, косвенно, но выражен одним из элементов словесного состава предложения «*Вам здесь нравится?*», оно и воспринимается как полное. Импликации, о которой идет речь, явным образом недостаточно не только для того, чтобы наречие *здесь* утратило функциональный статус пространственного конкретизатора (обстоятельства) и превратилось в подлежащее, но и для того, чтобы наречие *здесь* оказалось хотя бы исходным компонентом («темой») в плане теморематического членения высказывания (во всяком случае, если *здесь* не занимает к предложению первого места). Тем не менее, рассматривая глагол *нравиться* как «имя ситуации», мы обнаруживаем в предложениях с этим глаголом и пространственным конкретизатором, начиная с местоименного, «материальные» указания на оба обязательных члена отношения «нравиться» — как на субъекта, переживающего это отношение как свое эмоциональное состояние, так и на объект, явление действительности, которое вызывает соответствующее состояние.

Главный вывод, к которому подводит обсуждение некоторых предложений с глаголом *нравиться*, состоит в следующем: для анализа бесподлежащих предложений «безличного» типа существенное значение имеет учет семантических импликаций, которые выступают как свойство соответствующих языковых образований и комплексе их свойств. Последние охватывают наряду с синтаксико-морфологическими признаками <...> также лексико-семантическую квалификацию моноцентрически ядерного (сказуемого) синтаксически (единственно) главенствующего члена предложения. Ситуационный и / или собственно речевой контекст не проецирует <...> «добавочные» элементы в семантическую структуру предложений типа (*Мне нравится (здесь)*), а может только конкретизировать значения тех переменных, которые представляют собой постоянные элементы семантической структуры таких предложений. <...> На этом этапе рассуждения уже возникает повод проследовать далее по пути анализа отношений совокупного мыслительного содержания языкового синтаксического образования, его итогового семантического эффекта и репрезентирующего это содержание набора непосредственно представленных в высказывании-предложении языковых средств с их взаимоувязанными формами и всеми их значениями. <...>

Термин «безличность» (глагола, предложения) понимается большинством лингвистов как условный. Ср. точку зрения А. А. Потебни: «В понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу»¹, причем А. А. Потебня имеет в виду положительное отношение глагола в любой форме и при любом способе употребления к одному из значений; категории лица. А. М. Пешковский дает развернутую

¹ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. С. 91.

аргументацию значения 3-го л., свойственного безличным глаголам и личным глаголам в безличном употреблении в форме 3-го л. ед. ч., подчеркивая, что эта форма указывает на внешний по отношению к говорящему и слушающему мир, «являющийся для них 3-м л.»¹; см. также ТФГ 1991². Закрепленность (не чисто формального) значения 3-го л. за сказуемым безличного предложения расходится с буквальным значением термина «безличность». Сущность семантико-функциональной специфики безличных предложении располагается не в плоскости их отношений к категории персональности а в характере связей заключенного в безличном предложении предикативного признака с его «логическим» (или «семантическим») субъектом, а следовательно, и в системе субъектно-объектных связей, проходящих через безличный предикат, в целом. Естественно, что такая постановка вопроса возвращает нас к «подлежащему» как противочлену «бесподлежащности». Что теряет и что приобретает в семантико-функциональном плане предложение, охарактеризованное комплексом перечисленных выше признаков, благодаря третьему из них, отсутствию подлежащего, признаку, очевидно, в первую очередь затрагивающему семантику структурной схемы предложения, какие особенности он ей придает?³ А. В. Бондарко определенным образом соотносит с «подлежащим» понятие «носителя предикативного признака». Последнее охватывает в качестве видовых, помимо подлежащего, случаи выражения неопределенно-обобщенно- и определенно-личного субъекта (при глаголе-сказуемом в формах действительного залога), а также субъекта, побуждаемого к действию при императиве, флексией глагола в предложениях без подлежащего⁴ <...>. Подлежащему свойственно обозначать «независимую субстанцию», точнее — представлять, или интерпретировать, обозначаемую

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 343.

² Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / под ред. А. В. Бондарко. СПб., 1991.

³ А. М. Пешковский писал, что в безличных предложениях «не может быть подлежащего по самому их строению». «Строение» вместе с тем нужно понимать не столько как формально-грамматическое, которое во многих случаях допускает введение подлежащего без каких-либо материальных преобразований «бывшего» безличного предложения, сколько как семантическое. Предложение «Вам нравится?», в частности, и потому но безличное, что его преобразование, например, в «Вам это нравится?» с точки зрения семантики его структурной схемы по существу ничего в нем не изменяет; сравнение же предложений «Вам здесь нравится?» и «Это вам здесь нравится?» (ср. также: Мне это здесь не нравится) показывает существенное семантическое изменение: при эксплицитной выраженности (конкретизируемого контекстом) предмета, вызывающего определенную реакцию у субъекта восприятия, за наречием остается функция чисто обстоятельственного распространителя минимально достаточной структурной схемы личного предложения.

⁴ Особое место среди способов выражения «носителя предикативного признака» А. В. Бондарко отводит конструкциям типа *Человеку, написавшему это письмо... : От письма, написанного этим человеком...*

субстанцию как независимую¹. Это свойство подлежащего (носителя предикативного признака) взаимосвязано с его функцией одного из элементов двучленного подлежащно-сказуемого структурного ядра предложений, имеющих в своем составе такое ядро. Изложенная точка зрения противопоставляется позиции, согласно которой предложения типа *Мне не спится; Меня мутит; Мне стало невмоготу* не являются бесподлежащными, поскольку представленный в формах дательного или винительного падежа «носитель предикативного признака» подводится под понятие «подлежащего», свойство же безличности этим предложениям можно приписывать, только если понимать под ним — очевидно, имея в виду такие предложения, где наличествует имя в косвенном падеже, дающее основание усматривать в нем «носителя предикативного признака», — «отсутствии согласования между предикатом и дополняющим его именем»².

А. А. Потебня, родоначальник понятия о «грамматическом мышлении» в отечественном языкознании, подверг специальному обсуждению вопрос о морфологическом воплощении «подлежащего» в русском языке, точнее — во флективных языках того типа, к которому принадлежит русский, где имеется склонение имен и грамматическое согласование сказуемого глагола с именительным падежом имени, ставящее это имя на особое место в структуре предложения. Он настаивал на том, что это, и только это, придает имени (или местоимению) статус подлежащего³. Мы принимаем точку зрения А. А. Потебни на подлежащее, имея в виду свойственную ему форму и формальное выражение его связи со сказуемым. Что же касается положения А. А. Потебни о «собственно язычном содержании» грамматических форм <...>, то следует считаться с двумя возможностями интерпретации микросистемы синтаксических элементов, образующих предложение, в плане отношений формально-синтаксической структуры и той структуры, которую в современной терминологии принято именовать «семантическом», акцентируя при этом свойство ее универсальности и тем самым хотя и относительной, но все же независимости от грамматических форм предложения в конкретных языках. <...>

Подлежащее двусоставного предложения вместе со сказуемым образует его структурный центр. При определенном ракурсе рассмотрения с точки зрения большей самостоятельности носителя признака по отношению к признаку подлежащее представляется «центральной», чем сказуемое, занимает в структурной иерархии членов предложения абсолютно вершинное положение. Распреде-

¹ Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. С. 60–62.

² Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 61.

³ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. С. 67–68, 72, 79–80, 342–343; М., 1968. Т. III. С. 372.

ление ролей компонентов центра таково, что к сказуемому направлены и на нем замыкаются синтаксические связи элементов остального состава предложения, включая подлежащее <...>, и в данном отношении сказуемое «центральнее» подлежащего. Вместе с тем именно при посредстве связей сказуемого со всеми подчиненными ему синтаксическими элементами связь сказуемого с подлежащим обращает на подлежащее как единственный структурно независимый член предложения (с субстанциальным категориальным содержанием) в качестве его признака признающее семантическое содержание группы сказуемого в целом. В этом и состоит смысл того, что подлежащее — не один из «актантов» при сказуемом и даже не «первый среди равных». Оно связано со сказуемым принципиально иначе, не зависимостью от него, а взаимозависимостью, в отличие от прочих связанных со сказуемым частей предложения. <...>

Обсуждая взаимоотношения языкознания и логики, А. А. Потемня писал: «в суждении логика не рассматривает процесса сказывания»¹ <...>. В структурно-семантическом аспекте этого процесса, в плане развертывания семантики структурной схемы двусоставного предложения подлежащему принадлежит особая роль отправной точки и «несущего элемента» формируемой синтаксической конструкции. <...> Следует подчеркнуть, что подлежащее ставит обозначаемое им явление в положение семантического компонента, о котором нельзя сказать только, что ему «приписывается» предикативный признак. Чтобы его «приписать», его нужно сначала выявить, обнаружить в означаемом подлежащего. В этом структурно-семантическом <...> «шаге» речемыслительного процесса, отображаемого двусоставным предложением, заключено основание того, что в лингвистической литературе столь живуча склонность называть подлежащее (то, что оно обозначает) «источником» — «источником процесса», «источником состояния», даже «источником признака». Этот способ выражения вполне оправдан и приемлем, но только при одном непереносимом условии, а именно при условии, что «источнику» <...> не придается «онтологического» смысла. От «источника» отправляется «грамматическая мысль», приписывая ему посредством предикации признаки, которые она же в нем и открывает. В данной плоскости предложения с подлежащим, обозначающим активного агенса целенаправленной деятельности, типа *Он пишет письмо*, предложения пассивной формы типа *Прибор разрабатывается лучшими специалистами* и предложения с составными сказуемыми, передающими статические признаки, типа *День был прохладный*, друг от друга несколько не отличаются.

<...> В безличном предложении выражение признака (действия, динамического или статического состояния) в сказуемой форме занимает позицию абсолютного структурно-синтаксического центра.

¹Потемня А. А. Указ. соч. Т. 1–2. С. 70.

Благодаря устранению подлежащего <...> предикативный признак представлен схемой предложения без «источника» в разъясненном выше структурно-семантическом, то есть «процессно-сказывательном» смысле. В безличном предложении сказуемое репрезентирует значение свое и своей синтаксической группы в виде явления, существующего (осуществляющегося) «само по себе», не обнаруживаемого в чем-то, а «данного» непосредственно (откуда и отмечаемый некоторыми исследователями семантический эффект, состоящий в том, что «мысль сосредоточена на самом процессе», «все внимание сосредоточено на глаголе»¹).

А. М. Пешковскому же принадлежит положение, что в безличном предложении «подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли» (с. 342). Однако наряду с этим утверждается, что «сама по себе полная «бесподлежащность» для глагольных предложений² так же невозможна, как и полная «безличность», и мотивируется это после указания на соотносительность подлежащих и бесподлежащих предложений так: «Сознанию того, что какая-то форма устранена, неизбежно должно сопутствовать и смутное представление о том, какая это была бы форма» (с. 343) <...>. Сопоставление этих двух мест в книге А. М. Пешковского вызывает известную настороженность по отношению к «устранению» подлежащего «из мысли». Признак <...> не может — с онтологической точки зрения, с необходимостью навязывающей себя мыслительному отображению действительности, — не быть чьим-то признаком. <...> Устранение подлежащего из структурной схемы безличного предложения и, следовательно, обозначаемого подлежащим явления не равносильно тем самым устранению сказуемно-предикатной функции, которая имеет здесь проекцию на «нечто» во внешней среде. Устранение «несущего элемента конструкции» <...> из изображения ситуации формой безличного предложения, из очерченного этим изображением «поля зрения», благодаря чему обозначаемое предикатом явление представляется как «данное», осуществляющееся «само по себе», и благодаря чему на нем, по выражению А. М. Пешковского, «сосредоточено внимание», не равносильно устранению того, от чего это явление <...> «проистекает», из мысли как познавательного образа реальной действительности. То, что сконцентрировано в «языковой мысли», если в это выражение вкладывать смысл интерпретационного компонента семантического содержания языкового образования, <...> есть образ образа, посредник на пути от мыслительного содержания, передаваемого высказыванием во

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис... С. 357.

² Понятие «глагольного предложения» охватывает у А. М. Пешковского предложения, включающие в свой состав связочный глагол, в том числе в «нулевой» форме. Мы придерживаемся той же точки зрения (ср., напротив: Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 156).

всей его полноте или, наоборот, на пути к этому мыслительному содержанию <...>.

<...> Когда мы рассуждаем о «внутренней форме» слова (живой, а не только этимологической), мы без колебаний рассматриваем ее «буквальный» смысл как посредника в репрезентации языкового (лексического) значения слова <...>. Распространяя положение об «образе образа» на структурно-синтаксические схемы с их абстрактной семантикой, мы считаем правомерной такую их трактовку, в соответствии с которой устойчивые, постоянно свойственные им смысловые импликации, как бы перебрасывающие мосты между микросистемами участвующих в образовании синтаксической конструкции элементов и элементами строения мысли, прямо обращенной к объекту отражения, устойчиво же закреплены в своем обобщенно-типизированном виде за соответствующими синтаксическими конструкциями. Эти импликации вместе с асимметрическими (вплоть до грамматической метафоризации) функциональными векторами наличных в предложении знаков (об этом подробнее ниже) и составляют «второй» слой, или компонент, языкового семантического содержания синтаксической конструкции. <...>

Асимметрия, расхождение между объективным содержанием мыслительного отображения действительности и способом его репрезентации, типичное для безличного предложения, состоит в том, что развертывание передаваемого безличным предложением образа от предикативного признака как «сольного» центрального компонента синтаксической схемы не совпадает со схемой развертывания элементарной мыслительной структуры от носителя предикативного признака <...>.

<...> Отвлечение совершается в доле отражения, которое в своем итоговом состоянии оказывается не в одно-однозначном отношении к отражаемому, но «в снятом виде» содержит в себе историю своего формирования и тем самым не утрачивает (не «устраняет» в смысле абсолютного отрицания) связи со своим исходным этапом, с «материалом» этого этапа, от которого оно отталкивается. То, от чего «собственно языковое» мыслительное содержание, непосредственно представляемое сознанию безличной структурно-синтаксической схемой, отвлечено, потенциально восстановимо обратным отвлечению движением рефлексии на отношение отражения к отражаемому, отношение, в котором всегда в том или ином виде присутствует элемент фантазии.

<...> В связи со сформулированным выше пониманием отвлечения от носителя предикативного признака, полагаемого безличной формой глагола во внешней по отношению к коммуникантам среде, он и входит, и не входит в семантическое содержание безличного предложения <...>. Процесс, о котором сообщает предложение *Уже светает*, охватывает прежде всего — в качестве «носителя» — небо, вначале (ср. *уже*) — его часть, близкую к горизонту, причем в вос-

точной стороне. Хотя все это «не говорится», соответствующая импликация вполне может обнаружить свою действительность и, следовательно, актуализируемую при некоторых условиях принадлежность к познавательному образу, который передается этим безличным предложением. Например, при таком продолжении, как *Посмотри, начали проступать очертания далеких холмов*, от адресата ожидается, что он посмотрит в направлении восточной части горизонта. Попутно заметим, что моменты образа «там» «светает» и «то» «светает» сближаются в представлении, поставляющем исходный материал для речемыслительной категоризации, до минимального смыслового расстояния, если и не сливаются, а категориальная обработка такого перцептивного материала посредством безличной схемы обходится без принудительной дифференциации этих моментов.

При характеристике безличных предложений часто указывается на то, что «источник» действия (его «причина» и даже «деятель»¹) неизвестен и не может быть определен. Правильнее сказать, имея в виду общую массу безличных предложений разнообразных типов, что этот «источник» не называется в безличном предложении <...>. Нередки случаи, когда безусловно известный и достаточно определенный для потенциального прямого именованного «источник» действия лишь выводится формой безличного предложения из «поля зрения» в некоторой точке повествования, но ясен из обрисованной контекстом ситуации. В особенности это касается одушевленных агенсов. прежде всего людей. Ср., например: *Ох, и зачесались мужики, когда увидели Григория Карловича. — Шапки долой / — внезапно крикнул по-русски чудной офицер. Некоторые, кто стоял поближе, нехотя стащили шапки. На площади притихло. И ниже: В толпе даже крикнули после этих слов* (А. Толст.)². <...>

Выражения «носитель предикативного признака» и «источник предикативного признака», как говорилось выше, в грамматическом литературном языке часто указывают на элементы предложения, синтаксическая семантика которых определяется их формально охарактеризованной центральной независимой позицией в иерархии членов предложения. <...> Различить структурно-синтаксический и «онтологический» «источник предикативного признака» помогает понятие «субъекта» (субъекта действия, динамического или статического состояния, эмоционального и / или оценочного отношения к чему-либо и т. д.), которое и берет на себя вторую из названных теоретических функций.

¹ Ср.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938. С. 343, 346.

² Естественно, что в таких условиях отмечаются личные глаголы в безличном употреблении. Впрочем, граница между этими разрядами не является жесткой, ср.: *Он фыркнул носом и стал глядеть в окно, за которым рассветало серенькое утро* (А. Толст.).

<...> Под «отсутствием семантического субъекта» можно понимать две различные ситуации: (а) отсутствие в составе безличного предложения, в его «плане выражения» некоторого (неподлежащего) члена, указывающего на предмет, субстанцию, «субъектность» которой определяется тем, что с онтологической точки зрения <...> эта субстанция представляется как <...> производящая предикативный признак и поэтому как первоочередное необходимое объективное условие самого его осуществления;¹ (б) бессубъектность — по формуле А. М. Пешковского — «не только в речи, но и в мысли», то есть в целостном семантическом содержании предложения, охватывающем его «онтологический» компонент, его непосредственно денотативную плоскость, субъект «не мыслится» вообще.

<...> Отдельное предложение лишь имплицитно некую «субъектную» стихийную силу, нечто неподвластное человеку; существенно, однако, что субъектная импликация здесь присутствует. <...>

Выше был приведен пример *Уже светает* <...>. В комментарии к нему аргументируется положение о том, что хотя это безличное предложение — в согласии с широко распространенным мнением — «бессубъектно» <...>, что безусловно верно, в этой среде можно выделять и отдельные компоненты, к которым содержащиеся в таких предложениях характеристики (признаки) относятся во всяком случае более непосредственно, чем к другим компонентам среды <...> в целом. Однако подобные «участки» среды, представления о которых могут возникать в сознании вместе с представлениями о процессах, эксплицитно выражаемых безличными предложениями, во-первых, — не «субъекты» этих процессов, потому что такие процессы, как правило, не «порождаются» этими компонентами среды, не являются продуктами какой-либо их «самодетельной» активности, а если связь процесса с чем-то в среде чисто онтологически ориентированным мышлением и может быть как-то прослежена, ср.: *В тучах поыхало так, что было светло как днем*, то это и очень частный случай <...>. Во-вторых, компонент среды, к которому относится отображаемое безличным предложением явление, не выступает в своем отношении к нему и как «носитель предикативного признака». В лучшем случае его можно было бы признать косвенным, «второплановым» носителем предикативного признака <...>. На переднем плане, непосредственно, этот компонент

¹С изложенной точки зрения в ситуациях, где выделяемые признаки сводятся к отношениям совершенно инактивных в этих отношениях предметов, нет «субъектов», ср.: *Два плюс два равно четырем; Склады составляют необходимую часть портовых сооружений* (ср. другие модели в *Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 212, 217*). То же касается бытийных предложений. Для анализа структурного центра таких предложений достаточно понятий «носителя предикативного признака» и предиката-сказуемого, они исчерпывают семантику отношений членов синтаксического ядра.

среды выступает в мысли и семантико-синтаксически как «локализатор» того, о чем сообщает безличное предложение (минус локальный компонент предложения), на этих правах он и входит в передаваемый безличным предложением образ фрагмента действительности. В формально-грамматической (семантической!) структуре безличного предложения «участок» среды, к которому отнесено явление, обозначаемое основным составом предложения, находит выражение в пространственно-обстоятельственных формах, что стоит в полном соответствии с его «первоплановым» отображением в качестве локализатора; ср.: *В небе (над морем, на горизонте и т. п.) полыхает*. Разумеется, налицо известное противоречие между его («первоплановой») характеристикой как локализатора и его же («второплановой») характеристикой как носителя предикативного признака. Но это реальное «и — и» в самом объекте рассмотрения <...>.

Только что мы говорили о призначном содержании в образе явления, о котором информирует безличное предложение типа *Светает; Моросит; Морозит; Полыхает* и т. п., как об определенной стороне некоторого более емкого содержания. Это содержание — содержание явления, о котором можно сказать, что оно само себе и субъект, и признак этого субъекта. <...> Явление оказывается выделенным из окружающей среды и, не утрачивая свойства быть в мысли, пропозиционально предикатом того, что представляется как среда в целом или некоторая ее часть, оно «берется» сознанием так, что для этого «предиката» не нужно искать дискретизируемого вовне по отношению к нему «субъекта» или «источника». <...> По существу той же позиции в оценке субъектно-предикатных отношений в том виде, как они представлены безличными предложениями типа *Светает; Дождит*, придерживается В. Г. Гак, сопоставляя изображение «бессубъектного» процесса предложением *Дождит* с его же изображением как «субъектного» предложения *Дождь идет*¹. <...> Представляется, что по логике анализируемой лингвистической ситуации безличные предложения типа *Светает* лишь относительно бессубъектны: субъект в значении такого предложения есть — в виде различного в этом значении путем его анализа субъектного семантического элемента, но одновременно субъекта и нет, так как он «не выделен», слит воедино с призначной предикатной составляющей значения. <...>

Диффузность «субъекто-предиката» делает предложения типа *Светает* элементом функционально-семантического поля бытийности, причем той части этого поля, центр которой образует значение локализованного в пространственно-временных координатах наличия / отсутствия. Предложения типа *Дождит; Морозит; Холодает*

¹ Гак В. Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. С. 83.

не без основания часто сближаются в грамматической литературе с предложениями типа *Дождь; Мороз; Холод*¹. Морфологическое различие главных членов безличного и номинативного предложений состоит в том, что в одном случае явление, обозначаемое словоформой в функции главного (часто и единственного) члена предложения, представлено этой словоформой как процесс, а в другом случае — то же явление — как «субстанция», само же явление дает для разных когнитивных ракурсов объективно гораздо более естественное для обыденного сознания основание, чем, скажем, просто действие или качественный признак для их словообразовательной «субстанционализации» такого рода, как, например, *забывать* — *забывание* или *надежный* — *надежность*. Рассматривая главный член номинативного предложения (бытийного) как функциональный эквивалент подлежащего, В. Г. Адмони считает, что предикатом, к которому в данном случае направлена соответствующая проекция подлежащего, является «чистое бытие (непосредственное наличие)»² <...>. Безличное предложение, в отличие от номинативного, бытийно несколько менее явным образом. <...>

Особую трудность в плане выявления субъектно-предикатных отношений представляют предложения типа *Сухо; Пустынно; Холодно; Тоскливо*, с одной стороны, и такие предложения, как *Мне холодно; Ей тоскливо* — с другой. <...> Из приведенных примеров прежде всего предложения *Сухо; Пустынно*, то есть предложения, представленные безличными предикативами, которые в обычных условиях не сочетаются с беспредложным дательным падежом, имеющим значение «лица», человека, приближаются к абсолютной «бес-субъектности». Лексическая семантика и грамматическая форма (форма-семантика!) безличных предикатов того типа, который представляют все приведенные примеры, характеризуют безличные предикативы как признанные слова, изображающие свой денотат — обозначаемое явление действительности в виде состояния. Здесь нет динамики действия, которое, во-первых, предполагает некоего «производителя» и, во-вторых, объединяясь с ним в диффузном образе «субъекто-предиката», делает этот образ образом «события». «Событие» содержательнее, богаче признаками, чем статическое состояние внешней среды или чего-то во внешней среде, что получает в конкретном признанном лексическом значении безличного предикатива почти исчерпывающую характеристику. <...> Глагол, обозначающий действие (в специальном смысле термина — не процесс вообще,

¹ В академической «Русской грамматике» «семантика схемы» предложений типа *Светает* (и *Знобит*) формулируется как «наличие бессубъектного или отнесенного к субъекту действия или процессуального состояния», а «семантика схемы» предложений типа *Тишина; Сора* — как «существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния» (Русская грамматика. М., 1980. II. С. 350, 358).

² Адмони В. Г. Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 248–249.

а именно действие, в том числе и непереходное, но сопряженное с развитием, с изменениями состояний, ср.: *Холодает*), предполагает нечто, совершающее это действие, то есть осложнен проекцией на субъекта, «внутренней потребностью» в нем, тогда как признак, выраженный формой хотя и предикативной, но с адъективным «уклоном», рассматриваемый в плоскости его отношения к внешней среде (ср. *Сухо; Пустынно*), проецирует свою предикатную функцию не на «производителя» как частную разновидность носителей предикативного признака, а на «недейтельных» в своем отношении к такому предикату «носителей» соответствующих признаков. По логике «грамматического мышления» можно поставить вопрос *Что светает (рассветает, моросит, дождит, гремит)?*, и иногда — при «личном глаголе в безличном употреблении»¹ — можно даже получить ответ на этот вопрос: *Гром гремит*, но нельзя тот же смысл придать вопросу: *Что сухо (пустынно, холодно)?* Смысл последнего по логике «грамматического мышления» можно искусственно, но содержательно точно перифразировать в *Что есть сухо?* Грамматическая форма обуславливает это представление действительных отношений безличным предикативом — с семантикой состояния — вообще, не исключая предикативов (в роли предложений) типа *Тоскливо; Радостно; Хорошо (на душе); Грустно* и тех же предикативов в предложениях, где они сопровождаются личным дательным падежом (в том числе и предикативов первой группы, если и когда они вовлекаются в аналогичные построения, ср.: *Мне холодно*).

Здесь в части случаев возникает резкий конфликт между денотативно-семантической («онтологической») и грамматико-семантической сторонами познавательного образа. В денотате невозможно отыскать объективного «носителя предикативного признака», принадлежащего внешней среде. Когда обозначается внутреннее состояние человека, его тела, его психики, эмоций и т. д. Денотативное содержание может входить в сознание «в борьбе» с языковыми значениями и все же через них; это вновь противоречие<...>. Стремление уйти от этого противоречия склоняет многих лингвистов к тому, чтобы функционально приравнивать имя (или местоимение) в (личном) дательном падеже к подлежащему. Это означает полное выведение предложений типа *Ей тоскливо* из разряда безличных. <...> Грамматическая схема безличного предложения *Ей тоскливо* вряд ли навязывает сознанию формально-грамматическую связь предикативного признака типа *тоскливо* с каким-либо «носителем» во внешней среде — это слишком очевидная фикция, очевидная настолько, что такая «связь» даже не может проникнуть в образную ткань «поверхностного» семантического слоя. Однако эта схема все же, обозначая состояние так, как если бы оно было признаком чего-то во внешней среде, создает один из важнейших семантических

¹ Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 639.

эффектов безличности: безличный предикатив, являясь формальным центром, главой односоставного предложения, вводит выражаемый признак в «образ образа» как признак независимый. Отсутствие у человеческих состояний, передаваемых безличными предикативами, «источников» во внешней среде согласуется с этой одновременно формально-грамматической и образной независимостью и поддерживает ее. <...> «Приписывание» состояния его онтологическому источнику и носителю осуществляется формой безличного предложения *Ей тоскливо* так, как если бы «без источника» независимо существующее «здесь и теперь» состояние было обращено к объекту «адресатного» (бенефактивного или не бенефактивного) воздействия. Безличность не дезавуируется.

Г. А. Золотова уделяет большое внимание понятию «субъекта предложения» и в связи с ним безличным предложениям¹ <...>. Подвергается критике тенденция к анализу и описанию формально-грамматических признаков предложения на соответствующем уровне абстракции и обобщения в виде «структурных схем», которым затем сопоставляются «семантические структуры». Последние выводятся из анализа «ситуаций», с которыми в речевой практике коррелируют типовые «структурные схемы» словосочетаний и предложения. Г. А. Золотова ориентирует синтаксическую теорию на формирование таких понятий о языковых образованиях, вовлекаемых в синтаксическое построение, которые отражали бы единство формальных и содержательных характеристик этих образований — комплексы признаков, совместно и внутренне гармонично определяющие их синтаксические свойства. Элементарная «клеточка» реального синтаксиса и синтаксической теории, имеющая комплекс признаков — морфологических и категориальных лексико-семантических, отчасти также позиционных, <...> обобщается в понятии «синтаксической формы слова»², позже переименованной в «синтаксему»³. Традиционная модель структуры предложения в терминах «членов предложения» решительно отбрасывается, поскольку в ней в одних случаях преувеличивается значимость морфологических различий, прежде всего падежных и предложно-падежных различий в сфере имен существительных, что, с точки зрения Г. А. Золотовой, влечет за собой излишнюю дифференциацию, не оправдываемую сущностными свойствами синтаксических явлений, тогда как в других случаях существенные для синтаксических элементов (синтаксем) морфологические различия растворяются в обобщениях, которые базируются не на лингвистических признаках, а на логическом осмыслении связей.

¹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973; Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса). М., 1988.

² Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса ...

³ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты ...

По Г. А. Золотовой, предикативную основу предложения образуют не подлежащее и сказуемое (вместе с оформляющим их связь морфологическим согласованием), а главный член, выражающий носителя предикативного признака, и другой главный член, обозначающий предикативный признак, ограничение же формы выражения носителя предикативного признака именительным падежом снимается¹. Предложения *Ей тоскливо* и *Она тоскует* представляют синонимические модели с общим типовым значением «субъект и его состояние»; «типовое значение» — это «общее значение нескольких синонимичных, моделей, сопрягающих равнозначные, но разнооформленные компоненты». Понимаемый так компонентный состав предикативного минимума предложения является его существенным признаком, по сравнению с которым наличие подлежащего в именительном падеже — признак несущественный <...>.

<...> Особого внимания заслуживают <...> некоторые фундаментальные теоретические предпосылки подхода Г. А. Золотовой к разрабатываемой синтаксической проблематике. К таким предпосылкам относится прежде всего убеждение в том, что языковое значение есть «выражение внеязыкового содержания»². Отсюда «субъект» — это обозначаемый определенными синтаксическими формами слова реальный носитель действия, признака в денотативной ситуации, «объект» — предмет, подвергающийся действию в денотативной ситуации («и др. под.»)³. И хотя признается, что «структуру ситуации... мы представляем лишь так, как она отражена в нашем языковом сознании»⁴ (а многие лингвисты еще и полагают, что предложения *Они веселятся* и *Им весело* не отражают одну и ту же структуру одной и той же ситуации), Г. А. Золотова считает тем не менее, что «перечень основных типов субъектных синтаксисом подтверждает» «прямую зависимость конструктивной роли субъекта от субъектной роли его референта во внеязыковой действительности» (с. 138).

Мы видим, что единение синтаксиса и семантики достигается здесь за счет исключения из «игры» факторов, замешанных во взаимодействии языка — сознания (мышления) — действительности, а именно значений морфологических форм имени в их различиях и противопоставлениях. А это значения относительно автономные, имеющие свою собственную «субсистемную» историю развития и полевою формально-функциональную организацию, значения, содержание которых не может ни прямолинейно, ни исчерпывающим образом истолковываться через «значения» соответствующих «ре-

¹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса ... С. 102–103.

² Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса ... С. 8; Коммуникативные аспекты ... С. 204.

³ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса... С. 27.

⁴ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты... С. 17.

ферентов». В концепции Г. А. Золотовой морфологические значения не соопределяют способы репрезентации сознанию как таковому отражений объективных ситуаций «языковым сознанием» в образах <...>. Морфологические формы имен легко уподобить в этом представлении пластичным сосудам без собственного цвета и запаха, приобретающим тот или иной вид лишь при их заполнении разными «внеязыковыми содержаниями», в которые они, таким образом, ничего не вносят от себя. Это сравнение, конечно, несколько огрубляет позицию Г. А. Золотовой, но огрубление не очень значительно. «Равнозначность» разнооформленных компонентов в рядах синонимически соотносительных моделей предложения определяется общностью инвариантного, типового значения вариативного ряда моделей, последние же имеют свои «оттенки значения», и взаимозаменяемость синонимических моделей связана «с соответствующими смысловыми и стилистически-ситуационными ограничениями»¹. Важна, однако, расстановка акцентов. Сведение основы определения качества синтаксического элемента к роли его «референта» во внеязыковой действительности низводит функциональную нагрузку морфологических способов представления этих «ролей» на уровень «смысловых оттенков», которым отказывается в существенности с точки зрения синтаксической проблематики... <...>

Равенство «бесподлежащность = бессубъектность» Г. А. Золотова отрицает и по отношению к предложениям типа *Морозит; Светает; Морозно; Светло*. Сначала они выделяются из массы предложений, традиционно относимых к безличным, в качестве собственно безличных, однако сразу же вслед за этим на том основании, что носителем предикативного признака в подобных случаях не просто является среда («здесь и теперь»), но что он регулярно получает и эксплицитное выражение «в локативных формах» <...>, обозначение таких предложений как «собственно безличных» помещается в кавычки². Их обособление от прочих безличных предложений устраняется: «бессубъектность не свойственна русскому предложению вообще»³. Вместе с утверждением всеобщей субъектности простых предложений, включая разнообразие предложений безличных, в работах Г. А. Золотовой оказывается снятым вопрос об «источнике» предикативного признака, он нигде не упоминается. Термину «безличность» все же придается категориально-грамматический смысл: он указывает не только на своеобразное морфологическое устройство определенной разновидности «двусоставных личных моделей» (с. 118), но и на

¹ Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса... С. 231–233; см. также: Коммуникативные аспекты... С. 207.

² Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты... С. 112–113.

³ Там же. С. 118. Непонятно указание на «русское предложение»: если принят постулат о не знающей исключений обусловленности членения предложения («мысли — предложения») на два состава всегда двучленным актом мышления (Там же. С. 24), то здесь следовало бы говорить о предложении вообще.

некоторое обобщенное значение этой разновидности моделей предложения. С содержательной стороны «безличность» определяется как «значение произвольности действия или состояния, независимости его от воли субъекта» (с. 120); сопоставления типа *Он тоскует* — *Ему тоскливо* составляют основание для уточнения: в безличном предложении признак независимости от воли субъекта выступает как маркированный (с. 106). Положение о произвольном характере выражаемого в безличном предложении действия или состояния (разделяемое многими авторитетными лингвистами) само по себе не вызывает возражений <...>. Серьезное возражение вызывает <...> то, что в системе понятий синтаксической теории особое значение безличных предложений, признанное грамматическим и в одном случае даже названное «специальным семантико-грамматическим» <...>, числится тем не менее в несущественных с точки зрения синтаксической семантики «смысловых оттенках», значимых только в коммуникативно-стилистическом плане. Это тем более неубедительно, что разные степени произвольности или произвольности в осуществлении субъектом того или иного его, этого субъекта, процессуального состояния, разные меры проявляемой им активности или неактивности, находящие выражение в оппозиции соотносительных моделей типа *Они веселятся* — *Им весело* и т. п., вполне могут вызывать сомнение в обоснованности исключения такого уровня абстракции, на котором эти модели отождествляются как репрезентирующие одно и то же типовое значение <...>. Неубедительность частных «увязываний» теории с эмпирическим материалом — это плата за ту внешнюю стройность теоретических рассуждений, которая достигается односторонним «коротким замыканием» компонентного состава предложения на внеязыковых реалиях и исключением из этого «двойственного союза» опосредующего самое его осуществление слоя собственно языковых значений форм <...>.

Г. А. Золотова лишь констатирует, что безличные предложения являются средством маркированного выражения произвольности действия или состояния в его отношении к «субъекту предложения». Обосновать это положение, вывести его невозможно, не принимая в расчет морфологическое устройство безличного предложения, репрезентирующее субъект в косвенно-падежной (или предложно-падежной) форме и «блокирующее» появление номинативного подлежащего особой формой выражения предикативного признака. <...>

<...> Опасность кроется в таком размежевании аспектов анализа, когда тот из них, в котором выявляется «онтологическое» содержание познавательного образа, передаваемого безличным предложением, был бы просто объявлен «внеязыковым» и на этом основании не имеющим отношения к языковой (синтаксической) семантике. Дискуссия, в которой одна из спорящих сторон придает существенное значение исключительно корреляциям компонентов предложения с ролями их «референтов во внеязыковой действительности», а другая,

напротив, столь же односторонне акцентирует формально-грамматические значения как носителей единственно релевантной структурно-семантической информации, исчерпала себя и к настоящему времени полностью доказала свою бесперспективность. Центр тяжести проблемной ситуации решительно смещается в направлении синтеза обоих подходов. <...> В кругу явлений, охватываемых понятием «семантики», особое место занимают феномены отражательной деятельности, которые следует характеризовать как производные от этого взаимодействия, представляющие его итоговый совокупный семантический эффект. В рассматриваемом случае это эффект репрезентации предмета (лица), являющегося субъектом — носителем выражаемого предикатом признака, таким образом, как если бы соответствующее состояние или действие, имея свой источник вне субъекта, было из этого «извне», из далее по конкретизируемой среды обращено к субъекту или на него. Опосредованное конкретно-языковыми средствами сознание фрагмента действительности осуществляется здесь через отражательный синкрет, в котором репрезентируемое и репрезентирующее смысловые содержания даны в сцеплении, взаимосвязи, единстве, включающем в себя противоречие. <...>

<...> Приведем показательный пример: «В классе предложений с неличным субъектом (лексически ограниченными названиями явлений природы и технических сил) наблюдается и вариативность моделей с субъектом в именительном и субъектом-орудием в творительном: *Град побил посе́вы* — *Градом побило посе́вы*, противопоставленных по семантико-стилистическому признаку большей — меньшей стихийности действия, большей — меньшей независимости его от производителя»¹. <...> Характеристика формы *градом* во втором предложении как «субъекта-орудия» не может представлять собой объединения семантически равноправных сторон первичного «онтологического» образа фрагмента действительности: в отношении к нему эти два определения исключают друг друга, ибо орудие объективно предполагает «отдельного» от него деятеля, который его использует. Орудийная часть комплексного определения «субъект-орудие» вклинивается в него со стороны морфологического (морфолого-синтаксического, если учитывать все предложение) способа изображения субъекта действия, а этот способ соопределяет передаваемое предложением мыслительное содержание, занимая в итоговом совокупном семантическом эффекте положение его содержательной формы. Г. А. Золотова признает *de facto* существенность этого — отнюдь не сводимого к «внеязыковым реалиям» — компонента синтаксической семантики предложения самим применением к творительному *градом* в *Градом побило посе́вы* составного термина «субъект-орудие», но оставляет отношение между частями этого термина непроанализированным.

¹Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса... С. 167.

<...> Все эти признаки, не позволяющие отождествлять соответствующие компоненты предложения с обычными объектными дательным и винительным не подлежат сомнению. Сомнению подлежит положение о том, что «обусловленные» формы (как и «свободные» и в отличие от «связанных») «не зависят от какого-либо слова, не заданы словом» (С. 53). <...>

<...> Противоречие формально-грамматической односоставности и, так сказать, «глубинной» семантической двусоставности — это тоже объективное противоречие, принадлежащее языку и речемыслительной деятельности, и оно подлежит не устранению из лингвистической теории, а отображению в ней. Обе стороны единого целого структурированы, момент их раздвоенности предполагает вместе с их (относительной) автономностью возможность расходящихся ориентаций предикативного признака к его «носителям». Не менее существенный момент единства, преодолевающего собственную раздвоенность <...> находит прямое грамматическое воплощение в том, что обе линии предикативной связи в репрезентируемой и репрезентирующей сторонах семантического комплекса объединяются общим выражением базовых для самого ее осуществления значений категорий времени и модальности в глагольном предикате или в связочной, полусвязочной, вспомогательно-глагольной части предиката более сложного состава.

<...> Главный методологический вывод из проведенного разбора «встреч» фактов языкового речемышления с обращенными к этим фактам мнениями исследователей состоит в том, что усилия должны быть направлены прежде всего на синтез всего рационального, объективно значимого, добытого как при преимущественном внимании к тому, что в сознании определяется воздействием на мышление со стороны конкретно-языковых форм с закрепленными за ними способами репрезентации познавательных образов, так и при преимущественном внимании к тому, что выявляется в сознании посредством обращения к внеязыковым источникам его содержания¹.

* * *

Задания. Ознакомьтесь с фрагментом из работы А. М. Пешковского и со статьей Г. Н. Акимовой.

1. Какими грамматическими и семантическими особенностями обладают инфинитивные предложения?
2. В чем специфика безлично-инфинитивных предложений?

¹<...> Разработка вопросов речепорождения требует перехода к синтезу разнодисциплинарного знания, мы же ограничиваемся здесь задачами синтеза «подходов», которые более или менее единодушно признаются принадлежащими к лингвистике в традиционных границах ее собственной компетенции.

А. М. Пешковский
Инфинитивные предложения¹

Сказуемым в этих предложениях мы признаем инфинитив сам по себе, вне его отношений к собственно глаголу или глагольной связке. В отличие от предыдущего разряда сказуемость здесь глагольная, и потому имеется, как норма, и член, обозначающий деятеля. Член этот — дательный падеж существительного при инфинитиве, и этот дательный надо и тут отличать от дательного, зависящего от инфинитива в общем порядке (*как мне сказать ему о вас?* — при обычном словопорядке первый дательный — дательный действующего лица, второй — обычный). Предложения эти очень распространены в русском языке и чрезвычайно разнообразны по оттенкам в значении инфинитива (всегда связанным с интонационными отличиями). Мы попытаемся сгруппировать эти оттенки следующим образом:

а) Предложения с оттенком объективной необходимости действия (= безличным *предстоит, суждено, придется* и т. д.):

Кому назначено-с, не миновать судьбы! (Гриб.)
Весть важная! и если до народа
Она дойдет, то быть грозе великой! (Пушк.)
Недотерпеть — пропасть,
Перетерпеть — пропасть!... (Некр.)
Прощайте же! Как двум концам сего палаша не соединиться в одно и не составить одной сабли, так и нам, товарищи, больше не видаться на этом свете! (Гог.)
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль! (Некр.)

Поскольку предстоящее зависит от человеческих усилий, к этому оттенку может примешиваться оттенок легкости или трудности действия, особенно в отрицательных предложениях:

Не нагнать тебе бешеной тройки (Некр.)
... Вряд царю Борису
Сдержат венец на умной голове. (Пушк.)
И собак тоже развели... Ни пройти, ни проехать: (Чех.)
Вам хорошо, а я сына в университете содержи, малых в гимназии воспитывай, так мне першеронов не купить. (Л. Толст.)

¹ Печатается по: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 381–375.

Чудилось в нем нечто отвратительное... как бы налет какой-то, паутина или слизь, которая противна и которую никак **не стряхнуть**. (Ф. Солог.)

б) Предложения с оттенком субъективной необходимости действия (= безличным *должно, подобает, полагается* и т. д.), часто в большей или меньшей степени повелительные:

*Не упрямясь, душенька. Теперь-то себя и **показать**.* (Фонвиз.)

*Про эти дела, тесть, не ее, а меня **спрашивать!** Не жена, а муж отвечает.* (Гог.)

Кому ж, как не отцу, смотреть за своей дочкой! (Он же.) «Да, господа, — заговорил князь, обращаясь ко всему собранию... — Вы знаете, сегодня в театре Вержембицкую **вызывать**». (Тург.)

*Да **разметать** наскоро старый забор, что возле сапожника, и **поставить** соломенную вежу.* (Гог.)

***Принять** его, **позвать**, **просить**, **сказать**, что дома, что очень рад.* (Гриб.)

Молчать!

Ужасный век! Не знаешь, что начать! (Он же.)

в) Предложения с оттенком желаемости действия:

Одну минуту, еще одну минуту **видеть ее, проститься, пожать ей руку**... (Лерм.)

Быть первым, вольно одиноким!

И видеть, что близка мета,

И слышать отзвуком далеким

Удары ног и шелк хлыста; (Брюс, На скачках.)

г) Восклицательные предложения со всевозможными оттенками чувства, столь же разнообразными, как и в обычных восклицательных предложениях:

*Боже! **Погасить** искру огня, может быть, развившегося бы в величии и красоте, может быть, исторгнувшего бы также слезу умиления и благодарности!* (Гог.)

Шутить, а век шутить! Как вас на это станет?... (Гриб.)

Наплевать на ваши отчеты, и никакому черту я не обязан, — проводил его Шатов... (Дост.)

Проклятые, вы, вы сгубили нас!

Не выдержать и трех минут отпора! (Пушк.)

*Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да **залететь** далеко, да и боже избави!* (Фонвиз.)

*Что ж? Умереть, так **умереть!** Потеря для мира небольшая...* (Лерм.)

*А! Каблуками **бить**, да еще **браниться!*** (Л. Толст.)

д) Восклицательно-вопросительные предложения с оттенками колебания, нерешительности, растерянности:

Как им петь, как говорить про лихие дела? Пан их Данило призадумался... (Гог.)

Куда деваться от княжон! (Гриб.)

Хоть убей, следа не видно; Сбились мы. Что делать нам! (Пушк.)

Любить... но кого же? На время — не стоит труда... (Лерм.)

... взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть», — говорит, — наступило светопреставление». (Тург.)

Если оттенок колебания очень слаб, то вопросительно-восклицательной интонации может и не быть, а только специфическая «нерешительная» интонация. Таковы повседневные *пойти соснуть, что ли..., пойти посмотреть, что он делает...* и т. д.

е) В о п р о с и т е л ь н ы е предложения без какого-либо ясно выраженного специфического оттенка в инфинитиве:

Что, мол, вам, ребяткам, домой таскаться; завтра работы, много, так вы, ребятки, домой не ходите. (Тург.)

Чудное дело! Чего ему быть невеселым? (Он же.)

Отчего ему упасть? — сказал Федя. — *Он остережется...* (Он же.)

Это тесть! — проговорил пан Данило. — *Зачем и куда ему идти в эту пору?* (Гог.)

Я ведь до зимы не доживу... К чему понапрасну людей беспокоить? (Тург.)

Что к родным писать? Помочь они мне не помогут... (Он же.)

Хотя зачатки того или другого из вышеперечисленных оттенков можно было бы уловить и здесь, однако несомненно, что инфинитив здесь менее характерен, менее выразителен, чем в предыдущих примерах. И это стоит в связи с вопросительностью этих предложений, так как центр тяжести переходит в них на вопросительный член, что и обесцвечивает инфинитив.

Каждый из перечисленных здесь оттенков может еще комбинироваться со всеми оттенками сослагательного наклонения, так как в каждом таком предложении возможна частица *бы* как остаток сослагательной формы бывшего здесь когда-то глагола:

Быть бы нашим странникам под родною крышею,

Кабы знать могли они, что творилось с Гришею. (Некр.)

Не креститься бы тебе, — говорит, — человек, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней. (Тург.)

Пораздумай ты, путем,

Не раскаться б потом. (Пушк.)

Нам бы, братцы, так полетать... (Горьк.)

Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку. (Гог.)

Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли? (Он же.)

Кроме того, так как каждое такое предложение может быть и п р и д а т о ч н ы м, т. е. попасть в подчиненное по отношению к другому предложению положение, то на него могут наслаиваться и все оттенки п о д ч и н е н н о с т и (причина, цель, условие и т. д. <...>):

Дело состояло только в том, чтобы переменить... кое-где глаголы из первого лица в третье... (Гог.)

Я слышал, что хотят ляхи строить какую-то крепость, чтобы перерезать нам дорогу к запорожцам. (Он же.)

... внизу стоят казаки и думают, как бы влезть им... (Он же.)

Вид кабинета, если осмотреть там все повнимательнее, поражал... запущенностью и небрежностью. (Гонч.)

Недотерпеть — пропасть,

Перетерпеть — пропасть! (Некр.)

Что ж? Умереть, так умереть!.. (Лерм.)

В части своей, именно в тех случаях, когда при инфинитиве имеется дательный действующего лица, а при переводе в прошедшее или будущее время вставляется глагол *было* — *будет* (*не нагнать тебе бешеной тройки!*—*не нагнать тебе было бешеной тройки!*), предложения эти сопредельны с соответствующими г л а г о л ь н ы м и б е з л и ч н ы м и предложениями <...>. Но ввиду того, что б у д у щ е е время глагола *быть* здесь встречается к р а й н е р е д к о из-за омонимии с личными предложениями этого рода (напр., *что будет делать?* почти не употребляется при довольно обычном *что было делать?*, так как первое предложение сбивается на личное бесподлежащее) да и прошедшее далеко не ко всем им подходит (предоставляем читателю самому, переводя наши примеры в прошедшее время, убедиться в этом), мы предпочитаем квалифицировать такие предложения как глагольные безличные только при ф а к т и ч е с к о м п р и с у т с т в и и глагола *было* — *будет*. С другой стороны, в части случаев эти предложения граничат и с личными глагольными предложениями, именно в тех случаях, когда возможен именительный действующего предмета (напр., *А! Каблуками бить, да еще браниться!* (Л. Толст.), могло бы быть дополнено словом *ты*: *А! Ты каблуками бить, да еще браниться!*). В этих случаях можно говорить о неполных предложениях типа *люди пахать, а мы руками махать* <...>, лишенных не только сказуемого, но и подлежащего.

Совершенно особым и своеобразным видом инфинитивных предложений являются одиночные инфинитивы, тавтологические по отношению к следующему за ними глаголу, напр.:

Что к родным писать? Помочь они мне не помогут... (Тург.)
Ну уж, господин Хлынов, ты куражиться — куражься, а в чужое дело не лезь... (Остр.)
А, слышь, бить никогда ни бивал,
Разве только под пьяную руку. (Некр.)

В одних случаях эти инфинитивы ясно сознаются как отдельные инфинитивные придаточные предложения (вроде *а насчет того чтоб бить* — не бивал, *коли куражиться* — куражься; ср. у Грибоедова: *когда в делах, я от веселья прячусь, когда дурачиться — дурачусь*), в других — столь же ясно выходят из рамок данной главы, играя роль в выделительного средства для глагола. Дело в том, что самые обычные наши выделительные средства — постпозитивная частица *то* и постановка слова на первом месте — к глаголу неприменимы (ср. *писал-то он редко, говорил-то он это совсем не вам*, где частица *то* выделяет не глагол, а приглагольный член; *катятся ядра, свищут пули*, где постановка на первом месте ослабляет глагол, а не выделяет), и отсюда развитие таких оборотов, как *читать-то он читает, а писать еще не пишет; болтать болтает, а дела делать не делает*. Интонационная цельность показывает, что инфинитив здесь скорее особый усилительный член того же предложения, чем отдельное предложение. Пределом такого внедрения этого рода инфинитива в бывшее «главное» предложение представляется нам выражение *знать не знаю, ведать не ведаю*. Здесь уже усилительная функция приобретает словарный характер (= «совершенно не знаю»), а о самостоятельном предикциировании нет помина, что символически отражается на полном изменении интонационного типа (полное слияние инфинитива с глаголом, отсутствие восходящей интонации, сильное ударение на инфинитиве).

Г. Н. Акимова

О значении глагола «быть» в безличных предложениях¹

В последнее время внимание исследователей привлекала проблема употребления связки «было, будет» в безличных предложениях именного типа². Наиболее подчеркивается неполное использование связочной функции. Из двух функций связки БЫТЬ — 1) указывать предик-

¹ Печатается по: Материалы XXXIV Международной филологической конференции. СПб., 2005. Вып. 17. Грамматика (славянский цикл). Ч. 1. С. 8–12.

² Золотова Г. А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. М., 2000. Вып. VIII.

кативные значения времени и наклонения, 2) «согласовывать» главные члены по общим грамматическим признакам — в безличных предложениях проявляется только первая функция. Вторая по причине отсутствия «подлежащего» употребляется в третьем лице, а в прошедшем времени — в форме среднего рода, что характерно и для глагольных безличных предложений типа *Похолодало, Шумело в голове, Следовало выяснить* и т. п. Употребление среднего рода — это вынужденное использование, а не согласование в общепринятом смысле¹.

Вопрос же об употреблении глагола БЫТЬ в несвязочном значении обычно не затрагивается при описании и классификации безличных предложений. Кажется, впервые этот вопрос был поставлен А. М. Пешковским, выделившим значение этого глагола, которое он называет «полновесным». Пешковский указывает, что БЫТЬ может употребляться в безличном значении и имеет при этом две особенности: 1) нулевое настоящее время изъявительного наклонения, 2) «может быть и полным глаголом в смысле бытия, и глаголом связкой»². Автор приводит следующий пример: «Там было, (Ø), будет, было бы работы на две недели» и подчеркивает в этом ряду нулевое настоящее безличного нулевого сказуемого.

Особый интерес представляет характер глагола бытия в предложениях с отрицательными местоимениями и наречиями с приставкой НЕ + инфинитив: *некому сказать, нечем платить, некогда встретиться, некуда пойти* и т. п. Эти более поздние местоимения сравнительно с местоимениями, оформленными частицей НИ (*никому не говорил, ничего не делаешь, никого не слушаешь* и т. д.), употребляются только в сочетании с инфинитивом, образуя тип предложений, которые квалифицируются то как безличные, то как инфинитивные. Наиболее полный и глубокий анализ появления и развития этих моделей в истории русского языка проведен в работе Л. В. Савельевой, определившей эти конструкции как тип синтаксической компрессии³. Еще А. А. Потебня, а затем А. М. Пешковский указали на слагаемые элементы этой синтаксической модели: «не + е (есть) + чего дьлати»⁴. А. М. Пешковский рассматривает происхождение подобных построений в связи с употреблением дательного падежа: «Сожалеть ему было о чем, стыдиться нечего» (Тург.). Автор указывает и на происхождение местоименных слов типа *некого, некому, нечего* и т. п. из «не есть кого», «не есть кому»⁵.

¹ Акимова Г. Н. Об аналитизме в грамматическом строе русского языка // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Грамматика (русско-славянский цикл). СПб., 2003. С. 10.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 351.

³ Савельева Л. В. Об одном типе синтаксической компрессии в истории русского языка (генезис отрицательных безлично-инфинитивных предложений с местоименными словами) // Тенденции развития русского языка. СПб., 2001.

⁴ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1889. Т. I–II. С. 422.

⁵ Пешковский А. М. Указ. соч. С. 364.

В понимании и трактовке этих конструкций существенны два вопроса: 1) каковы семантические, грамматические и коммуникативные свойства этих местоименных слов в современном русском языке и 2) каково значение глагола БЫТЬ (в том числе и у его нулевой формы настоящего времени) — связочное или несвязочное, бытийное.

Первый вопрос достаточно полно рассмотрен в статье Л. В. Савельевой, однако хотелось бы только кое-что добавить по поводу семантического значения местоименных слов. Зачем понадобилось развитие местоимений с отрицательной частицей НЕ, когда уже давно функционировали модели с частицей НИ + второе отрицание: *никому не говорил, никуда не пошел* и т. п.? Думается, что в моделях с НЕ почти всегда есть не просто негативный, а как бы печальный оттенок значения: *некуда пойти, не с кем поговорить, незачем встречаться, нечего вспомнить* и т. п. Однако, несмотря на безличность грамматической структуры, предикативный признак в них относится несомненно к лицам. Можно было бы их назвать «печально-отрицательные» местоимения. Конечно, большую роль в создании «печальной» констатации играет семантическое значение инфинитива, ср. *не о чем плакать, печалиться; незачем ругать, винить; нечего страшиться, незачем ехать* и т. п. Однако в подавляющем большинстве случаев употребления этих местоимений они имеют негативный оттенок.

Вторая проблема — о связочном или несвязочном значении глагола БЫТЬ в этих моделях — решается в названных и других работах неоднозначно. А. М. Пешковский, как уже отмечалось, называет БЫТЬ в данных построениях «полновесным» безличным глаголом, имеющим нулевую форму в настоящем времени: «И скучно, и грустно, и *некому* руку подать» (Лерм.), «... в деревне тебе *некого* было *благоговейно* выслушивать, *некому* удивляться, *некого* любить...» (Тург.). А. А. Потебня, а вслед за ним Л. В. Савельева, рассматривая генезис этих конструкций, пришли к выводу, что полнозначный глагол бытия в рассматриваемых моделях постепенно превратился в связку. Подобный вывод основан на анализе исторического становления отрицательных местоимений нового типа, семантически более полноценных. В результате устраняется двойственная природа временной и модальной соотнесённости, возрастает независимость инфинитива и формы глагола БЫТЬ переосмысляются как связка¹. Таким образом, развитие связочной функции бытийного глагола понимается как явление вторичное, зависимое от общих грамматических изменений во всех ключевых элементах безлично-инфинитивных предложений: становление собственно отрицательных местоимений с НЕ, изменение роли инфинитива. Можно согласиться с этим мнением. Действительно, глагол «было, будет» это связка,

¹ Савельева Л. В. Указ. соч. С. 167, 170.

подобно другим случаям употребления в именных безличных предложениях с инфинитивом. Ср.: «*Было поздно ехать*» — «*Было незачем (некуда, не с кем ехать)*». Л. В. Савельева отмечает своеобразное упрощение предикативной структуры за счет возникновения нового формального средства выражения негативной модальности. Автор указывает, что «новые» местоименные слова возникают на базе настоящего времени в результате широкого употребления именно настоящего времени. Итак, мы имеем различное понимание глагола БЫТЬ в отрицательных конструкциях безлично-инфинитивной модели: это «полновесный» глагол бытия (А. А. Пешковский) или это связка (Л. В. Савельева со ссылкой на А. А. Потембю).

Решение этого вопроса еще осложняется при обращении к неотрицательным, утвердительным моделям безлично-инфинитивных предложений типа: *Есть разгуляться где* на воле, *Увы, все гибнет: кров и пища! Где будет взять!* (Пушк.). Утвердительные предложения, по-видимому, давно представлены в русском языке, однако они гораздо реже привлекают внимание исследователей. А. М. Пешковский, в случае употребления формы «будет», считает её не связкой, а полноценным сказуемым со значением *приходилось* — *придется*, *предстояло* — *предстоит*. Что же касается формы настоящего времени, то здесь возникает еще большее сомнение в связочном значении глагола «есть». В «Грамматике русского литературного языка» утвердительные конструкции в настоящем времени определены как фразеологизированные сочетания (?): «*Есть* к кому пойти, почему расстраиваться», «*Есть* куда поехать, когда почитать». В Грамматике отсутствует квалификация формы ЕСТЬ в этих моделях, но отмечается системная соотнесенность их с отрицательными инфинитивными предложениями. Местоименные слова, не имеющие отрицательной частицы НЕ, квалифицируются как относительные местоимения¹. В перечне разновидностей безличных предложений утвердительные модели с ЕСТЬ не названы.

Полноценность глагола ЕСТЬ в утвердительных моделях подтверждается его облигаторностью и постоянным акцентным коммуникативным выделением. Этот постоянный коммуникативный фокус, очевидно, перешел к отрицательным местоименным словам с НЕ: *нэкогда*, *нэ у кого*, *нэ с кем* и т. п. Каково же значение глагола ЕСТЬ в утвердительных предложениях? Основные толковые словари русского языка (напр., БАС, МАС, Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и др.) в статье БЫТЬ вообще не приводят интересующего нас материала ни в части бытийного значения глагола, ни в части связочного. Думается, что значение глагола БЫТЬ в рассматриваемых моделях — бытийное, несвязочное и наиболее близкое к значению «существовать», «иметься». Доказательством этого и служит облигаторность ЕСТЬ, и тесная связь с вопросительно-

¹Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 565.

относительными местоимениями: *есть куда...*, *у кого...*, *с кем...* и т. д. Очевидно, это же значение было у глагола БЫТЬ в древних отрицательных конструкциях: *нѣсть чего дѣлати*, и лишь компрессия *не есть чего* → *ничего* (аналогично *не есть* → *нет*) именно в настоящем времени привела к тому, что для выражения будущего и прошедшего времени появляется «будет», «было», развивая уже связочное значение, выражающее, как обычно в безличном предложении, только значение времени и наклонения.

А как трактовать «было», «будет» в утвердительных предложениях типа «Было разгуляться где на воле» «*Будет с кем поговорить*»? Представляется, что это полнозначные глаголы, о чем свидетельствует также облигаторность форм «будет», «было». Однако при всей полнозначности глагол БЫТЬ в рассматриваемых предложениях является безличным. Любопытно, что А. М. Пешковский отмечал тонкую грань между «личностью» и безличностью, говоря о других личных глаголах, перешедших в безличные (*полагается, предстоит, думается, говорится* и под.) и предполагал, что между этими двумя состояниями глагола находится «одноличность», то есть употребление этих глаголов преимущественно только в третьем лице. Глагол БЫТЬ также использует третье лицо как в рассмотренных моделях в случаях настоящего и будущего времени («есть», «будет»), так и в случаях его облигаторного употребления со значением существования и наличия: В лесу *есть* грибы, В музее *есть* картины и др.

Таким образом, употребление глагола БЫТЬ в безлично-инфинитивных предложениях как в отрицательных, так и в утвердительных разновидностях трактуется по-разному. И в заключение хочется выразить пожелание, чтобы утвердительные модели были включены в классификацию односоставных предложений.

Номинативные предложения

Задания. Ознакомьтесь с фрагментами из работ А. М. Пешковского и И. П. Распопова, с §§ 2522–2544 РГ–80 (Т. II)¹.

1. Какие особенности семантики и структуры номинативного предложения учитывает А. М. Пешковский?
2. Отнесение каких структур к номинативным предложениям И. П. Распопов считает спорным?
3. На каких основаниях пересмотрен состав номинативных предложений в РГ–80?

¹ Данный источник предлагается для самостоятельного ознакомления. См.: Русская грамматика. Т. II. М., 1980. С. 357–368; М., 2005. С. 357–368; URL: <http://www.slovari.ru>

А. М. Пешковский
Номинативные предложения¹

Под этим условным обозначением мы объединяем все те предложения, в которых сказуемым является, по нашему мнению, именительный падеж существительного и в которых по самой природе их не может быть ни подлежащего, ни глагольного сказуемого. Прежде чем перейти к отдельным видам этих предложений, мы должны выяснить одну общую черту их, отделяющую их от неполных предложений с подлежащим и с опущенным сказуемым, — предложений, к которым они по внешности довольно близко подходят. Чертой этой является обязательное отсутствие специфически приглагольных членов. Так, если мы возьмем любое описание сцены в начале драматических произведений, например:

Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед ним стол, покрытый цветной скатертью, и т. д. (А. Остр., Не все коту масленица, действ. I) — то из данных предложений только первое может быть названо номинативным, хотя глаголов нет и в остальных. В самом деле, если бы мы, например, признали номинативным и второе предложение, то мы бы решительно не знали, что нам делать со словами *в глубине*. К чему они относятся? К слову *дверь* они хотя вообще и могли бы относиться (ср. *дверь в глубине заперта, а дверь по правой стене открыта*), но в данной связи, несомненно, не относятся. Это ясно хотя бы из сравнения этого сочетания с сочетанием *в переднюю*, которое явно относится к слову *дверь*. Стало быть, это сочетание относится к какому-то глаголу или какому-то составному сказуемому (*идет, видна, виднеется* и т. д.). И хотя фактически в таком контексте сказуемое никогда не употребляется, хотя в отдельных случаях невозможно даже придумать никакого слова для заполнения этого пустого места, однако мы все же считаем его синтаксическим местом, указываемым словами *в глубине*, и потому не подводим этого предложения под рубрику «номинативных». Таким же указанием на опущенный глагол служат нам слова *слева от зрителей* во втором предложении. И так далее. Таким образом, присутствие наречия или косвенного падежа существительного, если только эти члены не мыслятся применно при самом именительном, служит для нас признаком неполного предложения, а не номинативного. Но нужно все-таки отметить, что чем труд-

¹ Печатается по: Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 377–380.

нее восполняются такие неполные предложения глаголом и чем менее нуждаются они в нем, тем ближе они к номинативным. Пределом такой близости являются, кажется, предложения с приглагольным членом в начале, паузой противопоставления после него и именительным после паузы:

И вот, рядом с этим беззаветным героизмом, с этой преданностью долгу — самое беззащитное хищничество.

И вот за все мои жертвы — одна черная неблагодарность.

Далее, напоминаем читателю, что сказуемость этой главы ничего не имеет общего с глагольностью, а следовательно, и с категориями времени и наклонения. Поэтому и значения прошедшего или будущего времени и косвенных наклонений тоже переводят этого рода предложения в неполные, например:

И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз. (Гог.)

... Постой, постой; день только, день один:

И казней нет, и всем свобода... (Пушк.)

Хотя в некоторых из выделенных предложений совсем нет приглагольных членов, однако значение прошедшего времени в первом примере и значение будущего с оттенком косвенного наклонения во втором не дают возможности видеть здесь номинативные предложения. Правда, абсолютно вне временного плана идея бытия, повидимому, тоже не может быть воспринята, и потому все номинативные предложения воспринимаются все-таки под знаком настоящего времени (примеры см. ниже). Но настоящее время как «нулевое» и еще вдобавок способное в высшей степени к «расширению» <...> наименее нарушает их номинативный характер. Наконец, неполными, а не номинативными являются эти предложения и в том случае, если именительный в них явно относится к слову предыдущей речи или представлению, вызванному ею, в качестве предикативного члена (например: *Я их ужю! Десятого повешу, разбойники!* (Пушк.) <...>).

За всеми этими ограничениями номинативные предложения довольно употребительны в нашей речи и разделяют все свойства глагольных предложений: они могут быть и распространенными (и притом значительно, см. некоторые примеры ниже), и отрицательными, и утвердительными, и восклицательными, и вопросительными, и повествовательными, и слитными, и неслитными. Разнообразие их, как мы уже знаем, три:

1. Экзистенциальные (бытийные) предложения:

Ненастный день. Дорога прихотливо уходит вдаль. Кругом все степь да степь. (Бун.)

Вечерние сумерки. Крупный мокрый снег лениво кружится около только что зажженных фонарей... (Чех.)

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин... (Он же.)

*... они тотчас: **Разбой! Пожар!***

И прослывешь у них мечтателем опасным.

***Мундир! Один мундир!...** (Гриб.)*

*А? **Буит?** Ну, так и жду содома! (Он же.)*

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города.

Большая зала. Прямо две двери; одна выходная, другая в столовую...

Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел. (А. Остр., Лес, действ. I.)

Предложения эти надо отличать от однородно построенных словосочетаний, выражающих представления, а не мысли <...>.

2. Указательные предложения:

***Вот мельница. Она уж развалилась...** (Пушк.)*

Вот тебе и кавалер, не я искала, лама обрячила. (А. Остр.)

*Позвольте представить, ваше превосходительство! **Новобрачный Эпаминонд Максимыч Апломбов, со своей новорожд... то есть с новобрачной супругой! Иван Михайлович Ять, служащий на телеграфе! Иностранец греческого звания по кондитерской части Харлампий Спиридонич Дымба! Осип Лукич Бабельмандебский! И прочие, и прочие...** (Чех., Свадьба.)*

***И вот, наконец, вчерашняя тяжелая весть...** («Вечерняя Москва» № 127 (1038), «Памяти тов. Войкова».)*

Предложения эти очень распространены в обиходном языке и редки, по понятным причинам, в литературном. Те из них, в которых при слове *вот* имеется дат. пад. (*Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вот вам и поездка!*), мы не причисляем из-за этого дательного падежа к глагольным: дательный кажется нам зависящим здесь не от опущенного глагола, а от самого слова *вот*. Само же это слово чрезвычайно трудно определить синтаксически. Оно, несомненно, подобно побудительным словам и междометиям <...> выражает волевой момент, свойственный предикации, но оно ничего не называет, оно местоименно. Кроме того, оно способно приставляться к любому глагольному предложению (*Вот Иван Андреич идет! Вот нехотя с ума свела!* (Гриб.) и, стало быть, наравне со словами *вон* и *это* является лишь служебным словом. Но там, где нет глагола, оно берет на себя часть его высказывательной силы и разделяет как будто бы предикативность с именительным падежом. С другой стороны, через предложения с глаголом *был* — *буду* (*Вот был мастер-то! Вот будет потеха!*) оно притягивает эти предложения к глагольным. Считаюсь, однако, с огромной

распространенностью этих предложений именно в безглагольном виде и со сравнительной редкостью здесь форм прошедшего и будущего времени глагола *быть*, мы относим их к номинативным, отмечая, что роль сказуемого здесь как бы делится между именительным падежом и указательным словом.

3. Назывные предложения. Примеры излишни, так как их легко найти на любой книжной обложке, на любой магазинной вывеске. Что они совершенно параллельны глагольным предложениям, ясно из тех нередких случаев, когда на их месте имеются глагольные предложения («*Бедность — не порок*», «*Свои люди — сочтемся*», «*Здесь бреют и кровь отпускают*» и т. д.). Возможна и комбинация из номинативного и глагольного предложений («*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем*»). Управляемые существительные и предложно-падежные сочетания в них ощущаются как приименные («*Вечера на хуторе близ Диканьки*», «*Больные в Ялте*», «*Роман с контрабасом*», «*Случай из практики*», «*Господин из Сан-Франциско*»), и на них как раз очень удобно наблюдать различие между приглагольными и приименными группами этого рода (ср. «*Больные в Ялте*» как название романа и то же сочетание как глагольное предложение в смысле *больные находятся в Ялте*). Только в части этих предложений (надписи паромов, железнодорожных станций и т. д.) имен, падеж обозначает только название <...>, и как раз эти случаи наиболее сомнительны в смысле включения их в категорию сказуемости.

И. П. Распопов

Номинативные предложения¹

<...> § 65. По традиции термином номинативные, или назывные, принято обозначать такие односоставные предложения, конструктивный состав которых ограничивается словоформой именительного падежа существительного или субстантивным (а также количественно-именным) словосочетанием в форме именительного падежа, если они совмещают в себе функцию наименования какого-то предмета, явления, события и т. п. с утверждением актуальной реальности (т. е. наличия в момент речи и в восприятии говорящего) данного предмета, явления, события и т. п.

Отмеченное качество существительные или субстантивные словосочетания приобретают, в частности, в следующих случаях их употребления: 1. *Утро. Бьет одиннадцать...* (Салт.); 2. *Вечер.*

¹ Печатается по: Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. С. 239–241.

По улице идет пестрая толпа, состоящая из пьяных тулупов и кацавеек (Чех.); 3. Поздняя осень. Грачи улетели (Некр.); 4. Ясный зимний полдень... Мороз крепок (Чех.); 5. Непроглядная, нахмуренная ночь. В такие ночи даже широко открытые зрачки не могут одолеть темноты (Н. Остр.). 6. Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин (Чех.); 7. Дачная местность, окутанная ночным мраком. На деревенской колокольне бьет час (Чех.).

Здесь перед нами выступают так называемые бытийные номинативные предложения, представленные существительным или субстантивным словосочетанием, которые в соответствующей форме и при поддержке интонации (а также последующего контекста) оказываются «самодостаточными» для выражения определенного коммуникативного смысла.

Часть таких предложений (напр., предложения 1, 2, 3, 4, 5) соотносится с двусоставными предложениями глагольного строя (ср.: *Утро. — Было утро; Будет утро* и т. п.) и может трактоваться как результат преобразования двусоставных предложений, обусловленного своеобразной редуцией бытийного сказуемого в форме настоящего времени (по сравнению с формами прошедшего или будущего времени)¹.

Однако другая часть бытийных номинативных предложений подобной трактовке явно не поддается. Таковы предложения 6, 7, которые в соотношении с двусоставными предложениями глагольного строя поставить невозможно.

Формирование бытийных номинативных предложений на базе «самодостаточных» для этой цели существительных или субстантивных словосочетаний имеет, несомненно, определенные лексические ограничения. Обычно в соответствующей роли выступают наименования явлений и состояний природы, событий, определенных отрезков времени или участков пространства. Менее приспособлены к этой роли существительные с конкретно-предметным значением, которые получают номинативно-бытийный смысл, по-видимому, только в ряду с другими номинативными предложениями (как, напр., у А. Блока: *Ночь, улица, фонарь, аптека...*). Вряд ли возможно употребление в качестве бытийных номинативных предложений одушевленных существительных, а также существительных, обозначающих свойства и признаки, которые могут быть приписаны конкретным лицам и предметам (хотя при расширенном понимании номинативных предложений это ограничение нередко снимается — см. ниже).

§ 66. Наряду с бытийными номинативными предложениями, авторы большинства учебных пособий (вслед за А. М. Пешковским)

¹ На этом основана квалификация номинативных предложений как односоставных предложений с главным членом — подлежащим в школьном учебнике.

выделяют у к а з а т е л ь н ы е номинативные предложения, в составе которых при существительном используются указательные частицы *вот, вон*. Например: *Вот мельница. Она уж развалилась...* (Пушк.); *Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек* (Кр.); *Вон радуга* (Бун.).

Формирование подобных предложений, в отличие от бытийных, осуществляется преимущественно на базе конкретно-предметных существительных (в том числе одушевленных). Однако, с другой стороны, причисление их к классу односоставных вызывает известные сомнения. Дело в том, что используемые в составе таких предложений указательные частицы *вот, вон* имеют по существу местоименный характер, сближаясь по своей функции с указательными местоимениями *это, то*, и, следовательно, могут рассматриваться как своеобразные субституты (заместители) подлежащего при именном сказуемом (ср.: *Вот мельница. — Это мельница; Вот лещик. — Это лещик; Вон радуга. — То радуга*). Правда, с тем же основанием можно говорить о функционально-семантической близости указательных частиц *вот, вон* и местоименных наречий *здесь, там*, и тогда рассматриваемые предложения следовало бы квалифицировать как предложения с редуцированным сказуемым «местонахождения» (ср.: *Здесь мельница; Здесь лещик; Там радуга*).

§ 67. А. М. Пешковский относил к номинативным предложениям также всякого рода заголовки, названия учреждений, предприятий и т. п. Но эта точка зрения большинством современных лингвистов отвергнута. Существительным в «заголовочной» или «назывной» функции статус предложения приписывать вообще неправомерно, так как они лишены специфически характеризующей любое предложение коммуникативной перспективы.

§ 68. В настоящее время имеется тенденция к расширенному пониманию номинативных предложений. Так, к ним причисляют:

конструкции, включающие в свой состав обстоятельственные второстепенные члены: *В городе тишина; За окнами душное лето* (К. Сим.); *Вокруг тайга; За дюнами обширные болота и низкие леса* (Пауст.); *На реке черная многолюдная толпа* (Гладк.); *А в небе аэротаты* (Тих.); *Через два дня отъезд* (Сераф.); *Скоро рассвет* (Чех.);

существительные с квалификативно-качественным или эмоционально-оценочным значением по отношению к какому-то лицу, предмету, событию и т. п., присутствующему в данной реальной ситуации: *А уж характер!* (Фад.); *Ай да парень!*; *Вот нахал!*; *Вот так гости!*; *Тоже мне компания!*; *Никак беспорядок, ваше благородие!..* (Чех.); *Никак — скандал?* (Горьк.).

Думается, что такое расширенное понимание номинативных предложений вряд ли оправдано. Оно лишает эти предложения их качественной определенности.

НЕПОЛНЫЕ И ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

- Задания.** На основе анализа текстов «Граматики русского языка» 1954 г. и «Русской грамматики» 1980 г. ответьте на вопросы:
1. Какие предложения принято считать неполными?
 2. Какие типы неполных предложений выделяет АГ-54?
 3. Как неполные предложения квалифицирует РГ-80?
 4. Как соотносятся неполные реализации предложений в РГ-80 и неполные предложения в традиционном синтаксическом описании?

Грамматика русского языка: в 2-х т.¹

Неполные предложения

§ 1120. В современном русском языке широко распространены очень разные по типам конструкции предложений, которые традиционная грамматика объединяет под термином «неполные предложения», понимая под последними предложения, в которых «опущены, но подразумеваются и легко восстанавливаются» те или иные члены (главные или второстепенные). Теория неполных предложений развивалась на основании сопоставления так называемых неполных предложений с полными предложениями, в составе которых наличествуют члены, отсутствующие в предложениях неполных; ср.: *Я в лес* и *Я иду в лес*; *Ты о чем?* и *Ты о чем говоришь?*; *Куда?*— *В кино* и *Куда вы идете?* — *Мы идем в кино*; *В лесу ягоды* и *В лесу растут ягоды* и т. п.

Между тем неполные предложения нельзя рассматривать только с точки зрения отсутствия или подразумевания в них какого-либо члена предложения. Отсутствие в неполном предложении одного или нескольких членов предложения в большинстве случаев является для него синтаксической нормой; это отсутствие обусловлено или тем, что неполное предложение входит как часть в состав более сложной синтаксической конструкции, причем отсутствующие в нем члены предложения наличествуют в другой части этой конструкции, или тем, что отсутствие данного члена предложения является структурной особенностью этого предложения. Вставка тех или иных якобы опущенных членов предложения обычно не только не нужна, но и невозможна: такая вставка ведет к изменению всей структуры данного предложения и его стилистической окраски. Ср., напр.: *Я сижу в*

¹ Печатается по: Грамматика русского языка: в 2 т. М., 1954. Т. 2. Ч. II. С. 88–122.

комнате, а брат — на террасе и Я сижу в комнате, а брат сидит на террасе или: Внезапно раздается звонок. Он, — к двери и Внезапно раздается звонок. Он идет к двери. Поэтому термин «неполные предложения» может быть принят по отношению к рассматриваемым в настоящей главе предложениям лишь условно, как неточное и очень общее обозначение специфических отличий многообразных по своим формам живых и продуктивных типов предложений — самостоятельных или входящих в более сложные синтаксические конструкции.

Неполные предложения свойственны разговорной речи; они широко представлены в художественной литературе, где используются при передаче диалога, а также в повествовании и описании.

Примечание. К неполным предложениям не относятся предложения прерванные, недоговоренные.

[Гурмыжская]... Ты уж больше не служишь в военной службе? [Несчастливец] Нет. Плохо здоровье, плохи силы, враг не грозит. **Но если.. а!.. мне по душе кровавые потехи!** (А. Остр., Лес, д. III, явл. 7); Чумак вдруг останавливается, и я с разгону налетаю на него. — Ну... чего стал? — Слушайте, комбат... **Ведь вы же, оказывается...** — Что? — Я думал, вы поэт.. Стишки пишете. **А выходит...** (В. Некр., В окоп. Сталингр., ч. 2, 11); [Трубников] **Погодите, мне все хочется еще что-то сказать вам. Ведь все-таки.** [Рыжов] **Не надо, Сергей Александрович!** (К. Сим., Чужая тень, д. I, карт. 1.)

Различаются следующие основные типы неполных предложений:

- 1) неполные предложения, представляющие собой взаимосвязанные реплики диалога;
- 2) самостоятельно употребляемые неполные предложения, особенностью структуры которых является отсутствие сказуемого;
- 3) неполные предложения, представляющие собой устойчивые фразеологические сочетания;
- 4) неполные предложения, входящие в состав сложных предложений.

Кроме того, существуют разнообразные по формам и не поддающиеся собственно грамматической классификации типы предложений, «неполнота» которых обусловлена обстановкой речи: то или иное «недостающее» слово (или ряд слов), требуемое смыслом такого предложения, подсказывается ситуацией.

Неполные предложения, представляющие собой взаимосвязанные реплики диалога

§ 1121. Типичными и естественными для диалогической речи, представляющей собой цепь сменяющих друг друга реплик или вопросо-ответное единство, являются такие неполные предложения,

в которых, по сравнению с соотносительными с ними полными предложениями, отсутствуют те или иные члены предложения. Такие предложения часто бывают однословными, при этом далеко не всегда представляется возможным определить, с каким именно членом полного предложения может быть соотнесено это слово.

[Колосов] *Павла Петровна, что это за пакет получен для полковника Кутова?* [Панова] *Отойдите.* [Колосов] **О жегловцах?** *Ради бога!* (Трен., Любовь Яровая, д. III); [Сафонов] *Документов, небось, нет?* [Козловский] *Есть.* [Сафонов] *Ишь ты! С документами.* (К. Сим., Русск. люди, д. I, карт. 2.)

Структура предложений — реплик диалога имеет свои особенности, объясняющиеся специфичностью тех условий, в которых протекает диалог. В той или иной реплике диалога, представляющей собой звено в цепи сменяющих друг друга реплик, употребляются преимущественно только те члены предложения, которые прибавляют что-то новое к развертываемой в диалоге теме, и обычно не повторяются члены предложения, уже названные говорящим или его собеседником. Каждая последующая реплика, таким образом, в смысловом и в формальном отношении тесно связана с предшествующей репликой (или с рядом предшествующих реплик) <...>

Самостоятельно употребляемые неполные предложения, особенностью структуры которых является отсутствие сказуемого

§ 1132. Разговорной, эмоционально окрашенной речи, экспрессивному описанию и повествовательным стилям свойственны неполные предложения, отличительной чертой структуры которых является отсутствие глагола-сказуемого. Эти предложения имеют значение сообщения о существовании, нахождении, пребывании, движении или речи, напр.: *В доме шум; Мы — назад; Куда ты?; Пароход — к берегу; Я — через окно; Вы из дому?; Противник за оврагом; Секретарь сейчас у директора; Она мне строго: «Читай!»* Эти предложения, даже будучи взяты изолированно от окружающего их контекста, составляют самостоятельные высказывания. «Восстановление» глагола-сказуемого привело бы к изменению структуры этих предложений. Для таких предложений обязательно наличие выраженных предложно-именными сочетаниями и наречиями членов предложения с объектным или обстоятельственным значением. Значение времени в неполных предложениях этого типа определяется общим временным планом повествования.

[Мошкин] *Вот, иду я... Вдруг мне навстречу старушка, Машина-то мать; я с ней тогда еще знаком не был.* (Тург., Холостяк, д. I); [Вася] *Что ты, что ты! Не кричи, я свой!* [Силан] (ухватив его за ворот) *И то никак свой! О, чтоб тебя! Перепугал. Ты зачем же через забор-то? Кара...* [Вася] *Не кричи, сделай милость. Я к вам*

посидеть, больно скучно дома-то. [Силан] *Коли ты к нам честью, на то есть ворота.* [Вася] *Ворота заперты, а стучать — пожалуй, хозяин услышит.* [Силан] (держит за ворот) *А где же это показано, чтоб через забор? Ка... ка...* [Вася] *Сделай такую милость! Ведь ты меня знаешь; разве я в первый раз?* [Силан] *Знаю я, что ты и прежде через забор лазил, да раз на раз не приходит...* (А. Остр., Горячее сердце, д. I, явл. 3); *Раскланялся, сел. Со второго слова она мне: «А есть ли, батюшка, деревеньки?»* (Дост., Село Степанч. и его обитатели, ч. I, IV); *Я ему: «Василий, через полгода заводы станут, жрать нечего». А он мне: «Товарищ, к Новому году вся земля, все заводы отойдут трудящимся...»* (А. Толст., Сестры, XLIII); *По белым ресницам смертью подуло, Но командир — впереди полка.* (Щипач., Знамя).

П р и м е ч а н и е. Ср. полные предложения с соответствующими значениями: *Он вошел к ней в комнату и бросился к шляпе, а она бросилась к двери, заперла и положила ключ в карман.* (Гонч., Обрыв, ч. 3, XII); — *Плакать-то теперь бы, — говорю, — не следовало. А она мне отвечает. — Дайте, — говорит, — мне, пожалуйста, мои последние слезы выплакать.* (Леск., Воительница, гл. 3); *Я доскакал до сада и только свернул на дорожку, — навстречу бежит человек, раскрыл руки и крикнул: — Трефилий!* (А. Толст., Наваждение); *Бродяжка рассказывает, а поп и говорит мне: «Попадья, а помнишь мой сан?»* (Мам.-Сиб., В худых душах, VII).

§ 1133. Предложения без сказуемого, соотносительные с полными предложениями, в которых сказуемые выражены глаголами со значением бытия, наличия, существования, обнаружения, восприятия (*находиться, пребывать, стоять, сидеть* и т. п.), распадаются на две группы: 1) предложения, в которых предложно-именное сочетание или наречие стоит перед подлежащим; 2) предложения, в которых такие сочетания или наречия следуют за подлежащим.

Предложения первой группы, представляющие собой сочетание подлежащего — имени существительного в именительном падеже (реже — количественно-именного сочетания) с наречиями или с косвенными падежами имен существительных, выступающих в функции обстоятельств или дополнений, широко употребительны в разговорной речи и в описаниях, напр.: *У окна шкаф с книгами; Возле дома сад; Всюду тишина; Вокруг дома ограда; У нас праздник; Сыну шестнадцать лет; Каждый день в пять часов — гудок; На горе дом, за домом лес; Между деревьями тропинка.* Такие предложения являются самостоятельными, полнозначными и законченными предложениями; «восстановление» глагола в них не требуется, а в ряде конструкций бывает невозможно (ср. *У нее лихорадка? — Весь день жар*). При имени существительном как в именительном, так и в косвенном падеже могут находиться определения.

П р и м е ч а н и е. К предложениям этого типа не относятся входящие в состав сложного предложения конструкции, непосредствен-

но следующие за двусоставным предложением с глаголом-сказуемым обнаружения, бытия, наличия или пребывания в состоянии, напр.: *Прямо пойду я, налево — брат; В семь часов бывает подъем, в семь пятнадцать — зарядка.* Об этих предложениях см. §§ 1152–1154 <...>

Неполные предложения, представляющие собой устойчивые фразеологические сочетания

§ 1147. В разговорной речи широко распространены предложения, представляющие собой неразложимые устойчивые сочетания. Такие предложения лишь условно могут быть отнесены к числу неполных предложений. Здесь могут быть выделены: 1) приветствия, 2) предложения со значением угрозы, 3) предложения-вопросы и нек. др.

1) [Бобчинский] *С благополучным происшествием!* (Гог., Ревизор, д. V, явл. 5); *Итак — спокойной ночи, приятного сна г. г. поэтам!* (Белинск., О критиках и литературных мнениях «Московского наблюдателя»); [Ольга] *Старый наш приятель, Василий Петрович...* [Елецкий] *Очень рад.* [Кузовкин] *С приездом... мы все.. так рады...* (Тург., Нахлебник, д. I); [Жигалов] (Дымбе) *Выпить можно... За ваше здоровье!* (Пьют) (Чех., Свадьба); [Колосов] *С преддверием праздника!* (Трен., Любовь Яровая, д. I).

2) [Городничий] *А, это ты, Иван Карпович; призови-ко сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий!* (Гог., Ревизор, д. V, явл. 1); *Вот, я же тебя, я же тебя — на, на, на! — говорила бабушка, встав с места и поймав Викентьева за ухо.* (Гонч., Обрыв, ч. 3, XXI);

Чего вы смотрите, разини? Вот я вас!.. (Гонч., Обломов, ч. 1, IX); [Несчастливцев] *Вороти этого мошенника! Я его!.. За ворот тащи!* (А. Остр., Лес, д. III, явл. 9); [Мотя] *Ах, они! Обидели! Ну, уж я им! Я дознаюсь кто.* (Афиног., Машенька, акт 1, сцена 3).

3) [Елисаатов] *Сердечный привет, Авдотья Фоминишна. Что хорошенького?* (Трен., Любовь Яровая, д. III).

Неполные предложения, входящие в состав сложных предложений

§ 1148. То или иное слово (или ряд слов) может не повторяться в данном предложении, если это слово уже названо (реже — будет названо) в ближайшем для этого предложения контексте. Такие неполные предложения не могут быть признаны самостоятельными синтаксическими единицами. Они обычно представляют собой: 1) части сложносочиненного или бессоюзного сложного предложения; сюда же относятся внешне самостоятельные предложения, отделенные от соседних предложений паузой (на письме — точкой), но находящиеся в смысловой и синтаксической зависимости от предшествующего предложения; 2) части сложноподчиненного предложения.

Примечание. Повторение слова или ряда слов, имеющих в предшествующей части предложения, обычно вызывается причинами стилистического порядка, например стремлением говорящего особо выделить, нарочито подчеркнуть данное слово.

Гудок еще звучал, а паровоз, пробуксовав, тронулся; за ним, по очереди, тронулись и вагоны. (Ант., Станция Щеглово). <...>

Русская грамматика: в 2-х т.¹

§ 1953. Полные и неполные реализации. В потоке речи, в связном тексте предложение может оказаться в таком окружении, при котором соседствующие высказывания не обязательны для однозначного и достаточного понимания этого предложения. Так, например, в тексте: *Ночь, Улица, Фонарь, Аптека, Бессмысленный и тусклый свет* (Блок) каждое предложение само по себе и формально, и семантически закончено: для определения его грамматического строения и семантической структуры и для восприятия заключенной в нем информации не требуется конситуативной поддержки. В этом случае представлены относительно независимые позиции предложения в тексте. В других случаях предложение оказывается в таких условиях, при которых установление его языковых характеристик, а также его однозначное понимание обеспечивается лишь непосредственной текстуальной поддержкой или той реальной ситуацией, в которой осуществляется речь (примеры см. ниже). П о з и ц и я (положение) предложения, не требующая конситуативной поддержки для его восприятия как грамматически и информативно законченной единицы, называется к о н с и т у а т и в н о н е о б у с л о в л е н н о й; позиция предложения, требующая такой поддержки, называется к о н с и т у а т и в н о о б у с л о в л е н н о й. Конситуативная обусловленность позиции может так или иначе характеризоваться грамматически (такова, например, позиция второй реплики диалога, в своем грамматическом строении опирающейся на первую реплику: — *Куда ты идешь?* — *В театр*) или может не иметь каких-либо специальных грамматических характеристик, а определяться только информативной стороной сообщения.

§ 1954. Находясь в той или другой позиции в тексте, предложение может представлять собой полную реализацию минимального грамматического образца (в предложении заняты и представлены все компоненты его структурной схемы), или неполную реализацию (тот или иной компонент элементарного строения предло-

¹ Печатается по: Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 119–120.

жения не представлен). Неполные реализации могут быть или консигуативно обусловленными, или консигуативно необусловленными.

Консигуативно обусловленные неполные реализации и неоднокомпонентных предложений бывают представлены в сложном предложении, во вторых репликах диалогических единств, в разных типах текстов: — *Ученики опоздали?* — *Опоздали;* — *Кто опоздал?* — *Ученики;* — *Тебе хочется ехать?* — *Не хочется;* — *Кто этот человек?* — *Мой друг;* — *Весело кататься?* — *Весело;* *Высыпал деньги из кошелька, посчитал: мало;* *Не буду больше с ним спорить: незачем;* *Уж не прибили ли они игумена? Вот бы стоило!* (Дост.). Ср. полные реализации: *Ученики опоздали;* *Не хочется ехать;* *Этот человек — мой друг;* *Кататься весело;* *Денег мало;* *Спорить незачем;* *Вот бы стоило прибить!* В сложном предложении: *Уши его привыкли к шуму, глаз — к непрерывному раздражению* (Шкл.); *Внуки уже не понимают дедов, а порой и сыновья — отцов* (Пауст.). Неполные консигуативно обусловленные реализации могут быть названы неполными предложениями. В дальнейшем изложении в параграфах, посвященных регулярным реализациям простого предложения, неполные консигуативно обусловленные реализации специально не описываются.

Консигуативно необусловленные неполные реализации и могут определяться разными факторами.

а) Собственно грамматическим фактором определяется неполная реализация предложений со сказуемым — спрягаемым глаголом в форме 1 и 2 л. ед. и мн. ч. и повелит. накл.: *Иду;* *Идешь;* *Идем;* *Идете;* *Иди!;* *Идите!;* *Идемте!* Формальный вид подлежащего здесь однозначно указывается формой глагола: *Я иду;* *Ты идешь;* *Мы идем;* *Вы идете;* *Ты иди;* *Вы идите;* *Идемте (мы с вами).*

б) Лексико-семантическим фактором определяются неполные реализации некоторых предложений, в структурную основу которых входит глагол в спрягаемой форме или инфинитив. Это — реализации без глаголов определенных лексико-семантических групп (речи, движения, конкретного действия и некоторых других, см. § 2257), но с зависящими от таких глаголов падежными формами или наречиями. В этих случаях при отсутствии глагола реализуются приглагольные связи: *Я к тебе;* *Мы о деле;* *В передаче — о героях;* *Я гулять;* *Общество — человеку, человек — обществу;* *Ему через год в армию;* *Нам бы туда!* Ср. полные реализации: *Я иду (пришел) к тебе;* *Мы говорим о деле;* *Ему через год идти в армию;* *В передаче рассказывает о героях;* *Общество служит человеку, человек служит обществу;* *Какая тебе польза, что ты живешь так, ты людям плохо, и они тебе — плохо. Ты попробуй с ними — хорошо, и они с тобой будут хорошо* (Лид.); *Я еду к тебе. Я решил. Я не могу больше. Все равно... Я должен к тебе* (Фед.).

в) Развитием собственных подчинительных связей у глагола или предикатива определяются такие безынфинитивные реализации предложений, как *Захотелось в Москву; Можно к вам? Сюда нельзя; Солдату нельзя без песни* (газ.).

Г. А. Золотова
**Компонентный анализ как способ
распознавания полноты — неполноты
предложения¹**

Задания. На основе анализа текста монографии Г. А. Золотовой «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» и ее статьи «О главных членах предложения: дискуссионные вопросы» (см. раздел «Признаки предложения. Вопросы описания структуры предложения» хрестоматии) ответьте на вопросы:

1. Почему Г. А. Золотова считает неоправданным противопоставление явлений эллипсиса и неполноты?
2. Что лежит в основе разграничения полных и неполных предложений в синтаксической концепции Г. А. Золотовой?
3. Как соотносятся неполные предложения в концепции Г. А. Золотовой и неполные предложения в традиционном синтаксическом описании?

1. Неполные предложения — один из производных вопросов синтаксиса. Трактовка этой категории, ее существа, признаков, границ зависит во многом от решения основных проблем синтаксической теории. Сам принцип именованного явления отрицательным термином предполагает оппозицию утвердительное / отрицательное, в данном случае — полное / неполное. Соответственно неполное предложение должно определяться как не обладающее какими-то признаками, наличием которых характеризуется полное предложение. Несмотря на обширную литературу, посвященную неполным предложениям, граница между полными и неполными предложениями не определена; следовательно, само противопоставление этих явлений не стало еще достаточно четким.

Проецируя неполное предложение на полное (понятие фона как положительного, утвердительного плана необходимо присутствует в отрицательно определяемом понятии), их различия рассматривают с двух точек зрения. В одном случае статус неполного предложения определяется смысловой недостаточностью этого предложения, на-

¹ Печатается по: *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982. С. 187–203.

ходящей свое выражение в отсутствии одного или нескольких членов предложения, конструктивное и лексическое значение которых восполняется контекстом или ситуацией (речевой конситуацией). В другом случае неполное (эллиптическое) предложение достаточно по смыслу, независимо от контекста, но подозревается в отсутствии необходимого структурного элемента — глагольного сказуемого, будучи сопоставляемо с близким по значению двусоставным глагольным предложением.

Разграничение двух разновидностей неполных предложений — собственно неполных, или контекстуально-неполных, и эллиптических — прочно вошло в лингвистическую и педагогическую литературу¹. Тем не менее критерии их выделения кажутся недостаточно соотносящимися друг с другом, чтобы служить основанием для объединения этих двух явлений в общую категорию.

Основные признаки и положение собственно неполных предложений как конкретно-речевых реализаций тех или иных синтаксических моделей определены в литературе убедительно; что же касается так называемых эллиптических предложений, то вопрос о них требует еще обсуждения. Относя безглагольные «эллиптические» предложения к неполным, мы таким образом приписываем полным предложениям признак обязательной глагольности.

Возникают в связи с этим два вопроса. Во-первых, правомерна ли такая исходная позиция вообще? Во-вторых, имеются ли собственно синтаксические, функционально-структурные доказательства отсутствия, эллипсиса глагола в подобных предложениях?

2. Первый вопрос казался бы анахронизмом, ведь сто лет назад отечественными языковедами констатирован тот факт, что безглагольные предложения столь же характерны для синтаксического строя русского языка, как и глагольные. Однако современная лингвистика возвращает нас к обсуждению этого вопроса на очередном из витков научной спирали. Парадигматическая теория, роль которой в синтаксическом описании трудно переоценить, показала, что любая, и глагольная и безглагольная, модель предложения реализует свои системные возможности выражения синтаксического времени и наклонения с помощью глагольных форм: как *Лиса хитрит* — *Лиса хитрила* — *Лиса будет хитрить* — *Лиса хитрила бы...*, так и *Лиса хитра* — *Лиса была хитра* — *Лиса будет хитра* — *Лиса была бы хитра...* Действительно, категории времени и наклонения — монополия глагола, это укрепляет позиции сторонников универсальной глагольности. Но между глагольными формами в парадигме глаголь-

¹ См. историю вопроса, начиная с известной статьи И. А. Поповой «Неполные предложения в современном русском языке» (Труды Ин-та языкознания АН СССР. 1953. Т. 2), вплоть до последнего вузовского учебника: *Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю.* Современный русский язык. М., 1981. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. См. обзор литературы в статье А. П. Сковородникова (ВЯ. 1973. № 3).

ного предложения и в парадигме безглагольного — существенные различия: в первом случае глагол выступает в единстве своего лексического (вещественного) и грамматического значения, участвуя в сообщении о действии предмета; во втором случае предложение, сообщающее о качественном признаке предмета, использует лишь грамматическое значение глагольного слова, в лексическом значении глагола оно не нуждается. Если сообщения о предмете и его действии или процессуальном состоянии выражаются моделью двусоставного глагольно-именного предложения, то сообщения о других типах отношений выражаются иными, безглагольными моделями, где тем или иным категориальным понятиям соответствуют свои языковые средства. Таковы, например, сообщения о предмете и его признаке: *Дорога длинна; Дуб могуч; Окна без стекол; Нос — в веснушках; Та девушка — с косой*; о субъекте и его состоянии: *Он болен; Он в бреду; У него кашель; Он без сознания; Ему холодно; С ней обморок*; о субъекте и объекте владения: *У них собака; У него машина; Он — владелец машины*; о количестве предметов: *Детей — пятеро; Цветов — видимо-невидимо; Птиц — тучи; Народу — множество* и т. п.

Значение предизируемого признака предмета может конкретизироваться как указание на источник, происхождение, материал: *Письмо — от бабушки; Шкатулка — из малахита; Яблоки — курские*; как указание на назначение, адресацию, направленность предмета: *Тропинка — вниз, к реке; Капли — от насморка; Пособие — для учителей; Пароход — сыну*; как указание на пространственное положение, местонахождение предмета: *Хлеб — в шкафу; Кухня — справа; Ведро — под забором; Школа — за углом*; как указание на временную приуроченность события, явления: *Практика — в июне; Консультации — ежедневно; Сбор — после уроков* и т. д.

Имена существительные в единстве своего предложно-падежного оформления и категориально-семантического содержания выступают в ряду с прилагательными, числительными, наречиями как типизированные средства номинации разного рода признаков предмета. В этом значении они функционируют, соответственно синтаксической потребности, в предикативной, атрибутивной, полупредикативной позиции: *Блузка — в горошек; Купила блузку в горошек; Эта блузка, в горошек и с бантом, ей очень идет*.

Будучи средствами номинации признака, предложно-падежные формы существительного, так же, как и прилагательные, наречия определенных разрядов, количественные слова, способны без помощи глагола служить организующими компонентами предложений, сообщающих не о действии, а о других признаках предмета. Появление глагольной формы в грамматических модификациях безглагольной модели предложения не придает модели глагольности, поскольку роль глагола здесь остается вспомогательной.

3. За синтаксическое доказательство неполноты безглагольных предложений часто принимается распространенное мнение о том, что форма косвенного падежа имени существительного сама по себе служит показателем зависимости этого имени от другого слова, обычно — от глагола, которым и задается данная форма.

Разграничение функционально свободных, обусловленных и связанных синтаксических форм слова помогло установить, что из них только в связанных формах морфологический облик слова выражает его зависимость от другого слова и задается, управляется этим другим словом (*верить в справедливость; править, командовать, распоряжаться, руководить людьми; проектировать, строить, любить, белить, продавать, украшать дом* и т. п.). Участие в предложении связанных форм имени существительного обусловлено наличием (или отсутствием, контекстно восполняемым) управляющего слова, чаще глагола. В морфологической и синтаксической несамостоятельности, зависимости связанных форм имени претворяется специфика их семантического объектного значения: сама категория объекта действия в системе связей внеязыковой реальности производна от категории действия, направленного на тот или иной предмет.

В отличие от связанных, в свободных синтаксических формах слова косвенный падеж не сигнализирует зависимость от другого слова, но вместе с категориально-семантическим значением слова и предлогом, если он есть, составляет компоненты самостоятельного номинативного значения данной синтаксической формы слова. Реализуется свободное значение в различных синтаксических условиях. Свободная синтаксическая форма слова выступает и в изолированной позиции, например в качестве заголовка¹, и как один из конструктивных компонентов предложения, и в присловной позиции, часто при глаголе. Но существованием своим, ни формой, ни значением, она не обязана глаголу (таковы, например, формы с пространственным, локальным значением: *у реки, в доме, за лесом, под деревом, на столе, в ящике* и под.; формы с временным, темпоральным значением: *в январе, в субботу, с утра, вечерами, во время войны, через час, за день, после обеда* и под.; формы со значением направления: *в лес, за реку, через дорогу, сквозь заросли, на юг, к морю* и под.;

¹ Ср. характерное рассуждение: «Предложения, которые в обычной речи считаются неполными, попадая в заголовок, получают большую самостоятельность, неполнота их ощущается слабее, и заголовок в своей структуре часто воспринимается как полное предложение, несмотря на формальное сходство с неполным, напр.: *Крусской революции* (Брюс.)». (Ронгинский В. М. Синтаксические модели заголовков и их использование в различных стилях речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1965. С. 8). Представляется, что при таком подходе следствие принимается за причину. Лингвистическим фактом можно считать то, что одни падежные и предложно-падежные формы, обладая свободным, не зависимым от синтаксического окружения значением, способны функционировать в качестве заголовка, другие, не обладая таким значением, не способны.

формы со значением адресата: *отцу, детям, друзьям, любимой, директору, для школьников* и под.).

Обусловленные синтаксические формы слова, как и свободные, не заданы и не управляемы другим словом, но их значение реализуется в рамках определенных моделей предложения (ср.: *Ей семнадцать; Им весело; У детей каникулы; Сила — в разуме; Поле в ромашках; Большую знобит; С билетами трудно* и под.). Если извлечь любую из приведенных в примерах обусловленных форм косвенных падежей и поставить в изолированную позицию, она не сохранит то значение, которое присуще ей в составе «ее» модели предложения, обусловлено этой моделью.

Уже приведенные выше примеры безглагольных предложений показывают, что многие из свободных и обусловленных форм, употребленных в качестве организующих предложение компонентов, даже экспериментально не возводимы к глагольному словосочетанию: такие модели, как *Нос — в веснушках; Та девушка — с косой; У него грипп; Ему холодно* и некоторые другие просто «не впускают» в свой состав полнозначного глагола.

Другие — впускают. Можно сказать: *Тропинка ведет к реке; Пособие предназначается для учителей; Прием производится по средам; Почта находится за углом; У нее есть дети*. Ср. параллельные варианты с формами тех же глаголов и без них в периферийных позициях: *С трудом нашли мы тропинку к реке — С трудом нашли мы тропинку, ведущую к реке; Мы поблагодарили девочку, показавшую нам тропинку к реке (тропинку, ведущую к реке)*.

Но вопрос в следующем: правомерно ли возможность введения в модель глагола считать доказательством того, что форма косвенного падежа задается этим глаголом? Заметим, что, во-первых, во всех приведенных случаях глагол не внес в предложение никакой информации, не изменил ничего в характере смысловых отношений, он только вербально поддержал то, что выражено и без него, предикативным сочетанием двух именных словоформ: *ведет* — значение направленности предмета, *предназначается* — назначение предмета, *производится* — значение процессуальности, *находится* — значение локализованного наличия, *есть* — значение посессивного наличия. Во-вторых, предикативное сочетание двух именных форм без глагола (*Тропинка — к реке; Пособие — для учителей* и т. п.) достаточно для образования предикативного минимума, т. е. для сообщения о предмете и предикатируемом признаке, выражающего отнесенность к действительности в одной из форм времени, модальности и лица. Сочетания первой именной формы с приведенными глаголами недостаточны для образования предикативного минимума: они не содержат сообщения о предикатируемом признаке. Два изложенных наблюдения подтверждают, что глаголы в приведенных примерах неполнозначны, вспомогательны. Можно прибавить к этому, что, в-третьих, вторые именные формы, обозначающие пре-

дицируемый признак, располагают всеми соответствующими функциями свободных или обусловленных форм и не зависят в падежном оформлении от другого слова. Сказанное позволяет сделать два вывода:

1) Круг вспомогательных глаголов в русском языке значительно шире, чем тот, который учитывается традиционными грамматиками в разделах, посвященных составному сказуемому.

2) Очевидно, нет оснований безглагольные, независимые от контекста предложения типа *Пособие — для учителей* считать неполными или эллиптическими. Это самостоятельные двусоставные именные модели русских предложений, сообщающие о предмете и его признаке. С предложениями, включающими вспомогательный глагол типа *Пособие предназначается для учителей*, они соотносятся как синонимические построения, различающиеся стилистической окраской.

4. Сложнее вопрос о составе тех предложений, в которых сообщается о действии лица или предмета. Отсутствие глагола в таких случаях многими синтаксистами считается бесспорным признаком неполноты предложения. Однако судить об отсутствии глагола в сообщениях о действии — значит соотносить содержание и способ его выражения, т. е. подходить к явлению с семантической точки зрения. Признание же семантического признака неполноты предложения приводит в определенное противоречие с его смысловой достаточностью. Предложения типа *Казбич — к окну; Татьяна в лес, медведь за нею; Он — в залу; Сестра на работу* достаточно информативны, не нуждаясь в контексте, в каком бы то ни было «восполнении». Сравним смысловую недостаточность, неполноту таких предложений, как *Казбич — Азамата; Татьяна — письмо; Медведь — малины; Сестра на детей* и под. Объяснение этому различию находим, обратившись к собственно синтаксическим, функциональным критериям. Общим местом синтаксических работ, настаивающих на эллиптичности безглагольных предложений со значением движения, является указание на наличие в этих предложениях предложно-надежных форм, зависимых от «опущенного» (или «полнозначного нулевого») глагола.

Как отмечено выше, подобное недифференцированное понимание зависимости идет от тех времен, когда синтаксические связи изучались односторонне, в направлении только от глагола, без учета синтаксических свойств второго элемента, вступающего в эту связь, обычно — предложно-падежной формы слова. Функциональное разграничение синтаксических типов именных форм слова позволяет понять структурное различие вышеприведенных двух рядов предложений: в первом ряду формы *к окну, в лес, за нею, на работу* и под. представляют тип свободных синтаксических форм слова с обобщенно-категориальным значением направления, способных употребляться в этом значении во всех синтаксических функциях, в

том числе и в функции предидирующего компонента предложения. Частотность сочетания свободных именных форм, обозначающих направление, с глаголами движения не свидетельствует о наличии глагольного управления, заданности именной формы глаголом, она говорит лишь о взаимной семантической близости значений движения и направления. Связь между глаголом и именной формой, существующей и функционирующей «до» сочетания с глаголом, не является результатом грамматического подчинения, задающего форму подчиняемого. Свободное, не зависимое от глагола, значение именной формы и делает предложение без глагола структурно и семантически достаточным.

Иное дело — в предложениях, где вторая именная форма — *Азамата, письмо, малину, на детей* — представляет тип связанной формы имени, не способной функционировать как компонент предложения, вступающей в предложение только «по требованию» определенного глагола. Предложения, в которых участвуют связанные формы без «своего» глагола, составляют структурно-семантическую загадку, ключ к которой — в контексте, где должен быть назван соответствующий глагол. Эти предложения, конечно, являются неполными <...>

7. Изложенное подводит к тому, что применение понятия эллиптичности модели оказывается фактически неоправданным для синтаксиса простого предложения. Когда исследователь говорит об «эллипсисе, обусловленном самой языковой моделью»¹, возникают сомнения и в логической правомерности такой формулировки. Если языковая модель — это типизованное средство для выражения типизованного значения, то недостаточность, ущербность, неполнота не могут быть свойственны ей по самой природе явления.

Эллипсис, эллиптичность остаются терминологическими синонимами контекстной неполноты предложения, с известными преимуществами интернационального термина, но противопоставление явлений эллипсиса и неполноты нерационально.

Неполнота предложений, как справедливо полагают многие авторы, — явление, лежащее целиком в плоскости речевой реализации языковых моделей². Сама возможность неполноты обусловлена наличием в контексте или речевой ситуации «недостающих», восполняющих элементов. Как явление речевого синтаксиса неполнота предложений тесно связана с другим явлением того же «уровня», с так называемым актуальным членением предложения: в неполных предложениях, составляющих конструктивные компоненты сложного предложения или диалогического единства, обычно наличест-

¹ См.: ВЯ. 1970. № 1. С. 166.

² См., напр., четкое изложение подобной позиции в статье: *Чиркина И. П.* Проблема неполноты предложения и ее изучение в вузе // Вопросы синтаксиса русского языка. Калуга, 1969. С. 17–20.

вуют элементы, выражающие новое, и отсутствуют, опускаются элементы, выражающие данное, названное ранее. См., напр.: *Мне все послушно, я же — ничему* (Пушк.); *Как тебя зовут? — Антипом, батюшка. — А это кто? — А сынок мой, батюшка* (Тург.).

8. Целесообразно с функциональной точки зрения, соответственно роли в структуре предложения неназванных слов, восполняемых контекстом, различать несколько видов контекстной неполноты (или эллипсиса, если предпочесть этот термин для понятия контекстной неполноты):

1) Неполнота состава предложения — отсутствие одного из организующих модель предикативно сочетающихся компонентов (уровень модели предложения): *Откуда дровишки?* — *Из лесу, вестимо* (Некр.); *Занятий много?* — *Не слишком* (Тург.); *Четвертый год. Глаза — как лед. Брови — уже роковые* (Цв.).

2) Неполнота словосочетания в составе предложения — отсутствие одного из компонентов словосочетания, распространяющего или распространяемого (уровень распространения слова в составе модели): *Отец, слышишь, рубит, а я отвожу* (Некр.); — *Не хотите ли подбавить рому?* — *сказал я моему собеседнику: — у меня есть белый из Тифлиса* (Лерм.)¹.

3) Неполнота вспомогательного состава предложения — отсутствие (присутствие в контексте) показателей регулярных грамматических и структурно-семантических модификаций (уровень парадигматических модификаций модели предложения): *Я был озлоблен, он угрюм* (Пушк.); *Они проводят барышню, а сами в тот же день назад* (Гонч.); *Локотки ее делались все острее, пальцы — тоньше* (Фед.).

В речи разные виды неполноты могут сочетаться в одном предложении. Так, в приведенном в первой рубрике примере из Тургенева кроме неполноты модели (неназванность первого, предсказуемого компонента *занятий*) обнаруживается и неполнота словосочетания (ср. *не слишком много*), однако с точки зрения иерархии функций важно то, что второй, предсказуемый компонент модели представлен, хотя бы и неполным составом, и акт сообщения, таким образом, совершен.

Вопрос о нормативности неполного предложения как конструктивного компонента сложного предложения или диалога связан с

¹ При всех оговорках о недостаточной ясности для авторов вопроса о разграничении структурных схем предложения и словосочетания остается невозможным мотивировать включение в рубрику «предложения с неполной реализацией структурной схемы словосочетания» ответных реплик в следующих примерах: (1) — *Ветер есть? — Нет*; (2) — *Тебе хорошо со мной? — Хорошо* (Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Указ. соч., с. 140), поскольку в первых репликах вообще нет словосочетаний, они состоят из однословных компонентов, без присловных распространителей, а опущены в обоих неполных предложениях их субъектные, предсказуемые компоненты, организующие вместе с экзистенциальным (1) и статуйальным (2) предикатами их предикативный минимум.

закономерностями построения синтаксических единиц более сложных, чем простое предложение, и требует специального рассмотрения.

И. П. Распопов

Вопрос о неполных предложениях и явление так называемой речевой парцелляции высказывания¹

- Задания.** 1. Какие особенности функционирования неполных и эллиптических предложений выявляет коммуникативно-синтаксический подход И. П. Распопова?
2. Как автор характеризует просоединение?

§ 94. <...> В речевой действительности мы нередко сталкиваемся с предложениями, в составе которых те или иные предусмотренные планом компоненты фактически отсутствуют, когда их содержание известно из предшествующего текста или реальной обстановки (ситуации) общения, например: *Вдруг дверь каморки быстро распахнулась, и вся челядь тотчас кубарем скатилась с лестницы. Гаврила прежде всех* (Тург.); [Сафонов.] *Я тебя очень хочу живой видеть.* [Вал.я.] *Я тоже* (К. Сим.); [Лопухин] (поглядев на стаканчики из-под шампанского). *Пустые, кто-то уже выпил* (Чех.). <...>

§ 95. <...> В настоящее время общепринято такое понимание неполных предложений, при котором они рассматриваются как факт синтаксиса речи — в противоположность синтаксису языка. Считается, что в языке (точнее, в сознании носителей данного языка) запечатлеваются определенные типизированные схемы (формулы строения) того или иного предложения в его полном составе, но в речи (при наличии определенных условий) эти схемы могут быть реализованы не полностью, а лишь частично, благодаря чему и возникают — именно в речи — разнообразные типы неполных предложений.

В лексико-грамматическом составе неполных предложений могут отсутствовать различные компоненты.

Можно сказать, что с конструктивно-синтаксической точки зрения на этот счет не существует никаких ограничений: в известных условиях допускается пропуск любого грамматического члена предло-

¹ Печатается по: Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. С. 273–279.

жения, хотя наиболее «заметным» оказывается отсутствие в его составе таких членов, которые, будучи «пропущенными», оставляют после себя какие-то «следы», например в виде зависимых от них словоформ: 1) *Чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем* (Гог.); 2) — *Прощайте, Алексей Дмитриевич, — проговорила вдруг Мишурина, — я зайду после. — Ия, — прибавил Остроумов. — Я тоже... после* (Тург.) <...>.

С коммуникативно-синтаксической точки зрения невоспроизводимой в составе предложения может быть только тема, как в ответах на соответствующие вопросы в примерах из драматических произведений М. Горького: 1) [Акулина Ивановна.] *Эх-хе-хе... Кто вчера у верхней-то постоялки в гостях был?* [Степанида.] *Учитель этот ... рыжий-то;* 2) [Яков.] *С кем я вчера говорил?* [Конь.] *С прокурором;* 3) [Акулина Ивановна.] *Куда тебя утром Татьяна-то посылала?* [Степанида.] *В аптеку;* 4) [Бессеменов.] *Где это они играть хотят?* [Петр.] *В манеже.* Ср. возможность восстановления приведенных ответных предложений в полном составе: 1) *Вчера у верхней постоялки в гостях был учитель этот... рыжий-то;* 2) *Вы говорили вчера с прокурором;* 3) *Татьяна утром посылала меня в аптеку;* 4) *Они играть хотят в манеже.* <...>

§ 97. Иногда к неполным причисляют также предложения, употребляющиеся в стандартных ситуациях для выражения приветствия, пожелания, поздравления и т. п., например: *Добрый день; Спокойной ночи; С приездом; С Новым годом* и т. д.

А. М. Пешковский называл такие предложения с т а ц и о н а р н ы м и неполными. В Грамматике-52/54, т. 2, ч. 1 отмечено, что к неполным эти предложения, представляющие собой устойчивые фразеологические сочетания, могут быть отнесены «лишь условно», с чем, по-видимому, можно согласиться с оговоркой, что в специальной лингвистической квалификации подобные предложения, собственно, не нуждаются и при описании синтаксического строя языка, в частности в интересах практического овладения речью, должны просто перечисляться.

§ 98. Для всех неполных предложений, кроме эллиптических, характерна тесная связь с реальной ситуацией или контекстом. Именно благодаря такой связи неполные предложения могут быть ограничены в своем составе одним словом, представляющим в данной ситуации предложение в целом. В этом отношении с ними сближаются так называемые **нечленимые предложения**, или **слова-предложения** *Да* и *Нет*, используемые в качестве утвердительного или отрицательного ответа на тот или иной вопрос. Например: [Аркандина.] *Серой пахнет. Это так нужно?* [Треплев.] *Да.* (Чех.); [Поля.] *Вам не пора ли принимать лекарство?* [Татьяна.] *Нет еще* (Горьк.).

В соответствующих случаях слова *да, нет* служат лишь для выражения модальной квалификации производных от того или иного

вопросительного предложения ответных повествовательных предложений (без воспроизведения лексико-грамматического состава самих этих предложений, поскольку он ясен из содержания поставленного вопроса). Поэтому такие слова являются не предложениями, а лишь эквивалентами или субститутами предложений.

То же самое верно для случаев аналогичного употребления модальных слов и частиц: *конечно, разумеется, еще бы* и т. п.

§ 99. Неполные предложения употребляются преимущественно в непринужденной разговорной речи в форме диалога (обмена репликами) при общей для собеседников реальной ситуации. Причем здесь, наряду с описанными типами неполных предложений, могут выступать незаконченные (прерванные) или неразвернутые (синтаксически недооформленные) предложения, которые четкой квалификации и классификации вообще не поддаются. Таковы, напр., предложения (или квазипредложения)-реплики Маланьи из ее диалога с Кругловой в комедии А. Н. Островского «Не все коту масленица»:

[Маланья] (говорит медленно). *Шла я тут-то по вулице...* [Круглова.] *Так что ж?* [Маланья.] *Так он... Как его?* [Круглова.] *Кто он-то?* [Маланья.] *Как, бишь, его?.. В соседях-то.* [Круглова.] *Что же?* [Маланья.] *Да не шито их тут, всех... Много их. Такой черноватый...* [Круглова.] *Ахов, что ли?* [Маланья.] *Надо, что он. Ахо в его... что ли. Большой такой...*¹

§ 100. В условиях литературно обработанной монологической речи неполные предложения могут быть образованы в результате намеренного расчленения полных предложений. Такое расчленение, осуществляемое в экспрессивно-стилистических целях, получило в лингвистической литературе название речевой парцелляции высказывания (от фр. *parcelle* «делить на мелкие части»). Напр.: *В Гаване хотели слезть зайцами — оттолкнули. Прямо в грудь. Больно* (Маяк.); *Данилов встал. Надел гимнастерку и аккуратно за тянул скрипучий холодный ремень. И взял фуражку* (Пан.); *Николай пошел на кухню. К Верочке ... Она поднялась на носках и поцеловала его. Торопливо, неловко, вскользь* (Рекем.).

Существуют определенные правила речевой парцелляции, хотя они еще в полной мере не выявлены. По-видимому, парцелляция возможна только на месте сочинительной или подчинительной факультативной (но не обязательно) связи. Во всяком случае отчленение от состава предложения компонентов, обеспечивающих его конструктивное завершение, недопустимо. Так, от предложения *Толпа стремительно бросилась к набережной* (Толст.) нельзя путем речевой парцелляции отчленить обстоятельство с пространственным значением *к набережной*, поскольку оно обязательно для конструктивного завершения данного предложения. Но ср.: *Толпа стреми-*

¹Пример из указанной работы И. А. Поповой.

тельно бросилась вперед, к набережной, где то же обстоятельство может быть отчленено и интонационно обособлено, поскольку оно выступает уже в уточняющей функции по отношению к другому обстоятельству — *вперед*, способному завершить предложение, напр.: *Толпа стремительно бросилась вперед. К набережной.*

То или иное «исходное» предложение может быть подвергнуто речевой парцелляции непосредственно, без какой-либо дополнительной «перестройки» связей и отношений составляющих его компонентов, напр.: 1. *В дверь стучали властно и повторно* (Булг.); 2. *Потом было возвращение в город. В лодке, со всеми* (Пан.); 3. *Машина промчалась. Как водится, в обратную сторону* (Рекем.); 4. *Ели чисто мексиканские вещи. Сухие, пресные-пресные, тяжелые лепешки-блины. Рубленое скатанное мясо с массой муки и целым пожаром перца* (Маяк.). Ср. возможность восстановления соответствующих предложений в «исходном виде»: 1. *В дверь стучали властно и повторно*; 2. *Потом было возвращение в город в лодке, со всеми*; 3. *Машина промчалась, как водится, в обратную сторону*; 4. *Ели чисто мексиканские вещи: сухие, пресные-пресные, тяжелые лепешки-блины, рубленое скатанное мясо с массой муки и целым пожаром перца.*

В других случаях парцелляция сопровождается перестановкой конструктивных частей исходного предложения или использованием при отчленяемой части указательных местоимений, выделительных частиц и союзов: *В полдень разбудил Анну стук в дверь. Негромкий, но настойчивый* (Сейф.); *Чувства ответственности ему не хватает. И само у аже ния* (Кетл.); *Лица зеленоватые, с черными губами, как на киносъёмке. Это от длинных ламп дневного света* (Маяк.); *По воскресеньям заходила ко мне сестра. Но у крадк ой, будто не ко мне, а к няньке* (Чех.).

То же явление, названное здесь речевой парцелляцией высказывания, можно интерпретировать иначе, если исходить из коммуникативной перспективы и линейной последовательности, в которой развертывается текст. При таком подходе, принятом в большинстве учебных пособий по русскому синтаксису, для квалификации этого явления используется термин *присоединение*, подчеркивающий, что в подобных случаях «оторванные» от основного состава предложения компоненты (словоформы или их комплексы) в линейном плане следуют за ним, присоединяются к нему, приобретая собственное, хотя и не самостоятельное коммуникативное значение (значение добавочного сообщения).

Оба эти подхода одинаково правомерны и в известном смысле дополняют друг друга. Однако вряд ли правомерно рассматривать присоединение как особую разновидность конструктивно-синтаксической связи в одном ряду с сочинением и подчинением¹. В дей-

¹ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. С. 263.

ствительности мы имеет здесь дело с явлением не конструктивного, а коммуникативного плана: присоединение — это не особая разновидность, а особый способ реализации связи (сочинительной или подчинительной), осуществляемой «после разделительной паузы» (А. М. Пешковский).

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Задания. Познакомьтесь с отрывками из «Коммуникативной грамматики русского языка» Г. А. Золотовой, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидоровой, работ В. П. Казакова и Л. К. Дмитриевой.

1. Объясните, как в этих работах раскрывается термин «осложнение предложения».
2. Поясните термин «полипредикативность».

Г. А. Золотова

Полипредикативность и информативный объем предложения¹

<...> 1. Полипредикативные конструкции располагают богатыми возможностями синонимических преобразований (трансформаций, вариаций), замен одних предикативизирующих средств другими как в пределах простого осложненного предложения, так и с выходом в структуру сложного предложения. Не тревожа тени великих поэтов, возьмем произвольный пример:

Гость вошел в комнату и поклонился.

Гость вошел в комнату с поклоном.

Войдя в комнату, гость поклонился.

Вошедший в комнату гость поклонился.

Когда гость вошел в комнату, он поклонился.

В каждом из синонимических построений этого ряда одному субъекту приписывается по два акциональных признака; все эти предложения характеризуются полипредикативностью (информативная значимость равна 2 ед.) при моносубъектности, мономодальности и политемпоральности (действия одновременны, последовательны).

¹ Печатается по: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 222

Подобный ряд синонимических преобразований может быть более или менее полным, это зависит от словообразовательных возможностей, а также от смысловой и стилистической целесообразности. Но сама коррелятивность полипредикативной конструкции с элементарными простыми, с одной стороны (*Гость вошел. Он поклонился*), и со сложным предложением, с другой стороны, может служить критерием принадлежности ее к этому ряду.

Некоторые специалисты не признают синонимичными конструкции типа *После обеда он прилег отдохнуть; Когда он пообедал, он прилег отдохнуть; Пообедав, он прилег отдохнуть* на том основании, что в первом примере они видят непредикативное обстоятельство времени, во втором — предикативное, в третьем — полупредикативное, то есть будто бы «единицы разных синтаксических уровней». Привычно квалифицируя технику оформления конструкции, не замечают общности именно грамматических значений — общности в выражении таксисных предикативных значений времени, модальности, лица вторичных предикативных единиц по отношению к первичному, доминирующему предикату. Именно это грамматическое значение делает сопоставляемые конструкции единицами одного ранга — полипредикативными, объединяющими на таксисной основе по две предикативных единицы в одном предложении, которое сообщает о последовательности двух реальных действий одного лица (моносубъектность, мономодальность, политемпоральность) <...>

В. П. Казаков

О ступенях семантического осложнения простого предложения¹

Задания. Прочитайте фрагмент из работы В. П. Казакова.

1. Объясните, чем семантическое осложнение отличается от структурного.
2. Каким семантическим потенциалом обладают девербативы?

Структура полипропозитивного предложения может рассматриваться не только на уровне отражения в нем определенного объективного «положения дел», но и с учетом роли субъекта по отношению к внеязыковой ситуации. С этой точки зрения, связь между пропозициями в семантически осложненном предложении «имеет двоякий характер, представляя собой либо отражение объективной связи событий, осмысляемых субъектом посредством пропозиций, либо

¹ Печатается по: Казаков В. П. Синтаксис имен действия. СПб., 1994. С. 70–78.

являясь выражением связей, устанавливаемых говорящим (логическая связь)»¹. Соответственно, различаются предложения с различными ступенями семантического осложнения: предложения, распространенные дополнениями и определениями (сложность первой ступени), и предложения с обстоятельствами (сложность второй ступени)².

Если иметь в виду имена действия, то первой ступени осложнения соответствует выполнение ими функции предикатных актантов. Напр.: «Много п и ш е т также печать о превращении Страны восходящего солнца в самого крупного в мире обладателя валютных резервов...» (П. 1990. 19 янв.); «**Про загрязнение бассейна Камы разными стоками г о в о р и т с я давно и много**» (П. 1990. 25 янв.); «Собирались уже и уличные сходки, и ораторы т р е б о в а л и не земцев, не думцев, а только — **свержения самодержавия и Учредительного собрания**» (Солж.).

Особенностью полипропозитивных предложений второй ступени сложности является то, что, помимо выраженных первичным или вторичным способами пропозиций, их семантическая структура включает и некоторый дополнительный смысл, связующий пропозиции между собой; А. Ф. Прияткина называет этот смысл предикатом второго порядка и отмечает соответствие его по семантической роли союзу в сложном предложении³. Напр.: «Зелень, как известно, поглощает двуокись углерода, значит, с **уничтожением лесов и джунглей ее в воздухе становится все больше, что ведет к усилению “парникового эффекта”...**» (П. 1990. 26 мая). — Ср.: *К о г д а уничтожают леса и джунгли, двуокиси углерода в воздухе становится все больше... В с л е д с т в и е того, что уничтожают леса и джунгли, двуокиси углерода в воздухе становится все больше...*

Различение двух ступеней сложности «перекликается» с двумя способами семантического осложнения простого предложения в представлении М. А. Кормилицыной⁴. Несмотря на разные подходы к описанию структуры полипропозитивного предложения, выявляется противопоставление предикатных актантов и предикатных сирконстантов.

Предикатные актанты выполняют функцию внутрикомпонентного распространителя (распространителя предизирующего компонента). Напр.: «*Так же и новое правительство, как все прежние, боялось действовать и ж д а л о **приказаний***» (Солж.). Предикатные сирконстанты выступают в качестве распространителей модели.

¹ Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 125.

² Там же. С. 126–138.

³ Там же. С. 130.

⁴ Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988.

Напр.: «*От этого звона он и проснулся*» (Домбр.). Таким образом, в аспекте позиционной характеристики предикатные актанты и сирконстанты качественно различны. Последние выделяются на самом верхнем уровне синтаксического членения, в то время как первые лишены самостоятельного статуса на уровне компонентов предложения. Указанное различие связано с противопоставлением актантов и сирконстантов в вербоцентрической теории предложения <...>.

В связи с различием ступеней семантического осложнения и синтаксических позиций А. Ф. Прияткина обращает внимание и на различный характер пропозиций в полипропозитивном предложении.

В предложениях первой ступени сложности «соединены пропозиции разных семантических планов: та, что является грамматически господствующей, отражает событие субъективного плана (процесс мышления, субъективного восприятия, оценки), а та, что является зависимой, отражает событие объективного плана»¹. Напр.: «*Я слышал обращенные к матери слова спасателей: “Не волнуйтесь, все будет нормально”*. // *Однако убедились мы в этом только тогда, когда услышали какой-то совсем тихий жалобный крик. Это кричал мальчуган. Откачали*» (П. 1990. 12 авг.). Здесь предикат со значением процесса слухового восприятия выражает модусную пропозицию, а имя действия с делиберативным значением — диктумную пропозицию.

В предложениях второй ступени сложности диктумная составляющая представлена двумя пропозициями. Напр.: «*В результате применения заранее подготовленных зажигательных бомб и других средств общественному достоянию был нанесен значительный ущерб*» (ЛП. 1990. 21 июня). — Ср.: *Были применены заранее подготовленные зажигательные бомбы. Общественному достоянию был нанесен значительный ущерб*.

Большая степень семантической сложности такого рода предложений заключается в том, что, помимо двух пропозиций диктумного характера, в их содержание входит мысль о зависимости между пропозициями, устанавливаемой субъектом речи (в приведенном примере — причинно-следственная связь). Эта зависимость выражается в предложно-падежной конструкции (*в результате* + род. п.) одновременно с зависимой пропозицией диктумного характера. Соответственно, в предложениях с предикатными сирконстантами типа *Он не пришел из-за дождя* могут быть выявлены три пропозиции: две событийные и одна логическая².

Две ступени семантической сложности простого предложения схематически могут быть представлены следующим образом:

¹ Прияткина А. Ф. Указ. соч. С. 127.

² Шмелева Т. В. Смысл и формальная организация двухкомпонентных инфинитивных предложений в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1979. С. 7.

1-я ступень: М → Д

2-я ступень: Д₁ → Д₂ (Л),

где М, Д и Л соответственно модусная, диктумная и логическая пропозиции¹.

Представляется, что возможна дифференциация и внутри первой ступени сложности.

Глаголы, выражающие модус предложения, неоднородны по своему значению. Л. М. Васильев, исследовав глаголы психической деятельности, выделил 10 классов таких глаголов, входящих в две группы². Первая группа, связанная с областью чувств в широком их понимании, включает глаголы ощущения, желания, восприятия, внимания, психического (эмоционального) состояния, эмоционального переживания. Во вторую группу входят глаголы мышления, знания и памяти.

Если обратиться к семантически осложненным предложениям с именами действия, то среди глаголов первой группы наиболее ярко представлены глаголы восприятия, сочетающиеся с синтаксемой вин. п. с делиберативным значением. Напр.: «*Он только что позвал мать и не услышал своего зова...*» (Повол.). Кроме того, в качестве модусных предикатов отмечены глаголы со значением эмоционально-модального отношения к действию. Напр.: «*Со временем Хрущева стала обуревать жажда деятельности. Неожиданно для родных он увлекся **фотографированием***» (АиФ. 1988. № 47).

Среди второй группы преобладают глаголы со значением мыслительного процесса (1) и глаголы знания (2), сочетающиеся с делиберативной синтаксемой о + предл. п., однако встречаются и глаголы памяти (3). Напр.: 1) «*Никто не провожал Кузьменшиной, кроме воспитательницы Анны Михайловны, которая, небось, тоже не об их **отъезде** думала, глядя куда-то вверх головами голубыми глазами*» (Прист.); 2) «*Утром уже все в местном колхозе знали о **прибавлении** семейства у доярки и работника свинофермы*» (П. 1986. 3 янв.); 3) «*Никогда не забуду этой **поездки***» (А. Струг., Б. Струг.).

К модусным предикатам, входящим во вторую группу, близки глаголы речемыслительного действия, сочетающиеся с делиберативной синтаксемой о + предл. п. Напр.: «*Американская администрация объявила о **триумфальном** достижении тех целей, которые преследовало вооруженное вторжение в Панаму*» (П. 1990. 5 янв.).

¹ Формальная рядоположенность пропозиций при линейной записи семантической структуры предложения не в полной мере отражает особое положение модусной пропозиции, которая оказывается своего рода «контейнером», вмещающим диктумную составляющую (Vendler Z. Adjectives and nominalisations. The Hague; Paris, 1968. P. 30–31, 72–82).

² Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М., 1981. С. 43.

Выделение двух групп модусных предикатов связано с различной степенью сложности отношения субъекта к действию, выраженному зависимой пропозицией: восприятие — в одном случае и осмысление воспринятого, переход наблюдений об окружающем мире в знание о нем, передача полученных знаний другому лицу — в другом случае. Можно также говорить о различной локализации субъекта во внеязыковой действительности: погруженность во внешний мир при восприятии и отстраненность от него в процессе интеллектуальной деятельности. Видимо, этим обстоятельством объясняются и синтаксические признаки, характеризующие модусные предикаты обеих разновидностей.

В предложениях со значением восприятия наблюдается одновременность основного и второстепенного действия. Напр.: «*Спаслись немногие. Около 700 офицеров и матросов погибли. Вместе с ними адмирал Макаров и художник-баталист Василий Верещагин. Он вместе с адмиралом находился на капитанском мостике и, очевидно, внимательно слушал его **пояснения***» (Изв. 1990. 13 авг.).

Предикаты со значением эмоционально-модального отношения к действию предполагают, напротив, нейтральную модальность зависимой пропозиции. Напр.: «*Общественность решительно **настаивает на прекращении строительства** Башкирской атомной электростанции...*» (Изв. 1990. 11 авг.).

Для предложений с глаголами интеллектуальной деятельности характерны ситуации предшествования действия зависимой пропозиции действию предиката предложения, что объясняется первичностью диктумного события и вторичностью его осмысления субъектом. Напр.: «*Первой узнала **об исчезновении** старушки почтальон Н. Григорьева*» (П. 1990. 13 авг.). Актуальность предшествующего действия для временного плана основной пропозиции подчеркивается оттенком перфектности, который несет на себе девербатив. Напр.: «*Среди дня узналось **и о занятии** русскими Алленштейна...*» (Солж.). — Ср.: *Среди дня узналось и о том, что русскими занят Алленштейн*. Заметим, что краткие страдательные причастия такого рода (*занят*) Л. Л. Буланин считает перфектом, занимающим самостоятельное место во временной системе русского языка¹.

Глаголы со значением передачи информации допускают различные временные соотношения между модусной и диктумной составляющими предложения:

диктумная пропозиция предшествует модусной: «*Нина Петровна как-то **рассказывала о поездке** Хрущева летом 1952 г. на Кавказ*» (Адж.). — Ср.: *Рассказывала о том, как летом 1952 г. Хрущев ездил на Кавказ;*

значение одновременности: «*Диспетчеры Выборгского морского порта уже **были оповещены о подходе** теплохода к шлюзу*

¹ Буланин Л. Л. Категория залога в современном русском языке. Л., 1986. С. 45.

Брусничное и собрались выслать ему навстречу лоцмана» (П. 1989. 24 нояб.). — Ср.: *Были оповещены о том, что теплоход подходит к шлюзу Брусничное;*

диктумная пропозиция следует за модусной (в предположительной модальности): «С Хрустальевым с первым несколько месяцев назад, заговорил **о побеге** майор Пугачев» (Шалам.). — Ср.: *Заговорил о том, чтобы бежать.*

Характер временного соотношения между пропозициями может конкретизироваться лишь в контексте¹. Напр.: «Газета и н ф о р м и р у е т **о погрузке** боевых отравляющих газов на самолеты ВВС Ирака, произведенной 6 августа» (Изв. 1990. 9 авг.). В данном примере ситуация, представленная диктумной пропозицией, предшествует действию, выраженному модусным предикатом (ср. *Газета информирует о том, что 6 августа была произведена погрузка отравляющих газов на самолеты ВВС Ирака*). Однако при элиминации причастного оборота возможно (и даже более вероятно) «прочтение» приведенного предложения в плане одновременности основной и зависимой пропозиции. Ср.: *Газета информирует о погрузке боевых отравляющих газов на самолеты ВВС Ирака. — Газета информирует о том, что на самолеты ВВС Ирака производится погрузка отравляющих газов.*

Таким образом, глаголы мышления, знания и памяти допускают большую свободу модально-временных соотношений между модусом и диктумом в полипропозитивных предложениях, чем глаголы восприятия и эмоционально-модального отношения. Модус восприятия располагается на одной временной оси с диктумной составляющей предложения, а глаголы эмоционально-модального отношения к действию предполагают нейтральную модальность зависимой пропозиции.

Отмеченные выше синтаксические различия между двумя разновидностями модусных предикатов дают основания конкретизировать ранее приведенную схему, показывающую различие двух ступеней семантической сложности простого предложения <...> путем выделения разновидностей первой ступени:

1-я ступень: Ма→Д

Мб→Д

2-я ступень: Д₁→Д₂ (Л),

где Ма и Мб — соответственно сенсорный и ментальный планы модуса².

В предложениях второй ступени сложности диктумная составляющая включает две пропозиции, отношение между которыми

¹ О временной неопределенности номинализаций в предложении при отсутствии поддерживающего контекста см. в работе: *Esau H. Nominalisation and complementation in modern German.* Amsterdam; London, 1979. P. 99–102.

² Остальные планы модуса на данном этапе работы не рассматриваются.

«скрывается» в предложно-падежной конструкции. Субъекту, воспринимающему и выражающему свое отношение к ситуации внешнего мира, приходит на смену субъект, анализирующий связи между ситуациями. Различные обстоятельственные значения синтаксемы имени действия в предложениях второй ступени сложности выступают как результат мыслительной деятельности человека. Между этими двумя полюсами располагается промежуточная область знания и передачи информации, представленная второй разновидностью модусных предикатов в предложениях первой ступени сложности (Мб).

Таким образом, выделяются признаки, различающие две ступени сложности простого предложения:

1) количество пропозиций: две в предложениях первой ступени сложности и три в предложениях второй ступени сложности (здесь и далее имеются в виду лишь минимальные структуры);

2) характер отношения субъекта к диктумным составляющим: субъект воспринимающий и субъект анализирующий.

Указанные различия отражаются на характере взаимодействия основной и зависимой пропозиций в полипропозитивном предложении. <...> Описание аспектуально-таксисных ситуаций с участием имен действия <...> свидетельствует о богатых возможностях выражения различных вариантов соотнесенности между пропозициями в случае выражения зависимого таксиса девербативными синтаксемами в позиции распространителя основной модели предложения.

Отмечая «свободу» зависимой пропозиции в предложениях второй ступени сложности, следует учитывать, что устанавливаемые субъектом отношения между пропозициями отражают реальные взаимосвязи между ситуациями во внеязыковой действительности. Другое дело, что сами эти взаимосвязи либо лежат на поверхности (например, при выражении временных значений), либо носят более сложный характер (причинно-следственные связи). «Осмыслить объективные связи между явлениями (и передать это в речи), конечно, труднее при наличии причинно-следственных отношений, чем в явлениях синхронных и диахронных. Причинно-следственные взаимоотношения скрытые, тогда как связи синхронные и диахронные между признаками, действиями более явные, видимые, наблюдаемые, но и они требуют логического осмысления»¹.

Между указанными видами отношений нет непроходимой границы, так как само совмещение ситуаций в одном временном периоде может отражать осознание причинной зависимости между ними. Ср.: *«Накануне отъезда Джуна Ри в Москву мы позвонили к нему домой — в Вашингтон»* (Изв. 1990. 13 авг.) — *«После смещения*

¹ Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974. С. 23.

Бухарина Горький и пишет свое письмо» (П. 1990. 12 авг.). В первом предложении роль субъекта сводится к констатации временной последовательности фактов, тогда как во втором предложении автор осуществляет сознательный выбор одного из фактов в качестве зависимой пропозиции, предшествующей основному сообщению, что свидетельствует об осознании причинной обусловленности между ситуациями (*смещение Бухарина и написание М. Горьким письма И. Сталину*). Синтаксема *после + род. п.* является здесь периферийной каузативной синтаксемой, реализующей свою возможность выражать причинно-следственные отношения в определенном контексте¹.

В предложениях с каузативными синтаксемами собственно интерпретационный аспект пропозиционного отношения выступает наиболее ярко. Напр.: *Тут от неосторожной спешной стрельбы взорвался еще один свой пороховой склад, и было 60 убитых* (Солж.).

Учитывая различную степень зависимости признаков «свернутой» пропозиции от соотнесенности ситуаций во внеязыковой действительности, подчеркнем, что особенность предложений второй степени сложности заключается не в свободе аспектуально-таксисных значений как таковой, а в отсутствии требований или предпочтений со стороны модусного предиката. Например, первая степень сложности: «*Я слушал чтение довольно долго*» (ЛГ. 1990. 8 авг.) — значение второстепенного процесса, одновременного с основным процессом, «диктуется» предикатом со значением восприятия; вторая степень сложности: «*При приближении наряда внутренних войск нападавшие скрылись*» (П. 1990. 17 авг.) — признаки зависимой пропозиции непосредственно не зависят от предиката предложения. — Ср.: *До приезда наряда (после ограбления магазина, после нескольких безуспешных попыток проникнуть внутрь здания, ввиду ранения одного из бандитов) нападавшие скрылись*.

Многообразии типов семантически осложненных предложений не исчерпывается рассмотренными выше двумя структурами. Речь идет, в частности, о предложениях, построенных на основе моделей логического типа <...>. Напр.: «*В “Правде” уже сообщалось об аварии в Брянске, которая привела к загрязнению реки*» (П. 1990. 1 авг.). В глаголе-коннекторе (*привела*) материализуется отношение между диктумными пропозициями, причем эта вербализация предполагает предикативное развертывание логической пропозиции. Конструкции такого рода, включающие три пропозиции, каждая из которых выражена самостоятельным компонентом предложения

¹ О разграничении центральных и периферийных каузативных синтаксем см. в статье: *Оштенко Н. К.* Каузативное осложнение простого предложения (на материале каузативных синтаксем имени существительного) // Научн. докл. высш. шк. Филол. науки. 1983. № 6. С. 47.

(одна логическая и две диктумные), можно было бы рассматривать как структурную разновидность предложений второй ступени сложности.

Соотношение между двумя структурными разновидностями схематически выглядит следующим образом:

ступень 2А: $D_1 \rightarrow D_2$ (Л)

ступень 2Б: $D_1 \leftarrow L \rightarrow D_2$

Существенное различие указанных структурных разновидностей заключается в следующем.

В предложениях первой разновидности можно выделить две части: базовую конструкцию, которая соответствует основной пропозиции, и распространяющий компонент — зависимую пропозицию. Напр.: *Из-за расширения механических узлов застопорились на три часа стрелки знаменитого Биг-Бена* (П. 1990. 12 авг.). Базовая часть самостоятельна и в смысловом, и в структурном отношении. Ср.: *Стрелки знаменитого Биг-Бена застопорились на три часа*. Особенно четко это членение проявляется в предложениях, в которых зависимая пропозиция оформляется в виде вставной конструкции. Напр.: *В октябре прошлого года (при вторжении американских вооруженных сил в Панаму) истребитель впервые был применен для решения боевых задач* (ВЛ. 1990. 6 авг.).

В предложениях второй разновидности, напротив, базовой конструкции, которая бы дополнилась осложняющим компонентом, нет. Соответствующие информативно-логические модели изначально предполагают трехчленную структуру как условие своего функционирования. Указанная особенность непосредственно связана со спецификой глаголов-коннекторов, выражающих различные отношения между пропозициями. Напр.: *Наступление правительственных войск сопровождалось сильной перестрелкой* (Изв. 1990. 4 авг.).

Отметим, что в «Синтаксическом словаре» позиция синтаксем, обозначающих вторую диктумную пропозицию, определяется как позиция осложнителя модели предложения¹ (Золотова 1988а: 121, 137, 241); при этом подразумевается, очевидно, наличие базовой конструкции. Однако попытка элиминации осложнителя доказывает искусственность остающейся базы. Напр.: *Любое увеличение продаж золота сразу же ведет к снижению его цены* (АиФ. 1990. № 32). — Ср.: * *Любое увеличение продаж золота ведет; ... Можно сказать, что распад централизма вряд ли бл а г о п р и я т с т в у е т очередному административному сближению города и области* (ВЛ. 1990. 7 авг.). — Ср.: * *Распад централизма вряд ли благоприятствует*.

Специфика каждой разновидности полипропозитивных предложений представлена в табл. 1.

¹ Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988. С. 121, 137, 241.

Структурно-смысловая организация полипропозитивных предложений

Степень сложности	Структура	Количество пропозиций	Значение предиката
1	$M \rightarrow D$	2	M
2А	$D_1 \rightarrow D_2 (Л)$	3	D
2Б	$D_1 \leftarrow Л \rightarrow D_2$	3	Л

Примечание. Здесь и далее М — модусная пропозиция, Д — диктумная пропозиция, Л — логическая пропозиция.

Две структурные разновидности предложений второй степени сложности сближаются как количеством, так и качеством пропозиций, входящих в их состав. Тем не менее все три представленные структуры различаются значением предиката, иначе говоря, значением той пропозиции, которая получает предикативное развертывание.

Имена действия, функционирующие в предложениях второй степени сложности разновидности Б, существенно отличаются по своим признакам от девербативных синтаксем в составе других типов полипропозитивных предложений тем, что пропозиции, выраженные именами действия, не образуют целостного временного периода с предикатами отношения и, следовательно, не являются компонентами аспектуально-таксисных ситуаций. <...>

Л. К. Дмитриева

Осложненное предложение в его сближении со сложным на шкале переходности¹

В данной статье в качестве синтаксической единицы переходного характера² рассматривается осложненное предложение. Осложненное предложение — это особый структурный тип предложения,

¹ Печатается по: *Дмитриева Л. К.* Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. Л., 1984. С. 30–37.

² См.: *Бабайцева В. В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличных именных) предложений. Воронеж, 1967; Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979. См. также: *Мигирин В. Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. См. также: *Дмитриева Л. К.* 1) Осложнение предложения (Функции однородности, обособления, вводности и обращения) // Функциональный анализ грамматических категорий. Л., 1973; 2) К вопросу об основной синтаксической единице // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975.

контаминирующий в себе признаки простого и сложного предложения — монопредикативная структура с явлениями полипредикации. Осложненное предложение включает осложняющие категории однородности, обособления, уточнения, вводности и обращения <...>. Предикативные свойства данных категорий могут быть раскрыты только в том случае, если учесть, что предикативность, формирующая предложение — явление многоаспектное.

В современной синтаксической литературе выделяются два аспекта предикативности: предикативность предложения, связывающая подлежащее и сказуемое как компоненты двусоставного предложения, и предикативность высказывания, связывающая тему и рему¹.

С нашей точки зрения, существуют три аспекта предикативности: конструктивно-синтаксический, семантико-синтаксический и коммуникативно-синтаксический. Семантико-синтаксический аспект предикативности еще не рассматривался в современной литературе. Охарактеризуем конструктивно-синтаксический и семантико-синтаксический аспекты предикативности, поскольку именно они существенны для выяснения вопроса о сближении осложненного предложения со сложным по шкале переходности.

Предикативность в конструктивно-синтаксическом аспекте (предикативная связь) понимается нами как устанавливаемое говорящим отношение расчленения, взаимообусловленности и соотносения с действительностью по линии модальности, времени и лица, лежащее в основе единства подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении, образующие его конструктивно-синтаксическую основу.

Предикативность в семантико-синтаксическом аспекте (предикативное отношение) рассматривается нами как предикационное расчленение субъективно-предикатной основы на составляющие ее компоненты — субъект и предикат. При этом субъект и предикат противопоставляются друг другу как предизируемое и предизирующее (определяемое и определяющее в широком смысле слова), поскольку предикат выполняет по отношению к субъекту характеризующую функцию и выражает утверждение или отрицание какого-либо факта относительно субъекта. Предикативное отношение не имеет жесткого характера, поскольку оно может распространяться и на компоненты, образующие экстенционал семантико-синтаксической структуры предложения, и, в первую очередь, имени. Категории однородности, обособления и уточнения являются категориями вторичной предикации. Вторичная предикация — это появление

¹ См.: Адмони В. Г. Двучленные фразы в трактовке Л. В. Щербы и проблема предикативности // ФН. 1960. № 1. С. 38; Типология предложения // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 286–288. См. также: Чесноков П. В. О предикативности как свойстве предложения // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. Л., 1975. С. 177–178; и др.

в предложении вторичного предикативного отношения (вторичного предикационного расчленения и вторичной функции утверждения факта при обособлении и уточнении). Вторичная предикация имеет связанный характер, поскольку существует лишь в том случае, если в предложении имеется основное предикативное отношение, объединяющее компоненты семантико-синтаксического центра предложения — субъект и предикат. Вторичная предикация присутствует в предложении как явление, параллельное основной предикации, однако в определенных синтаксических условиях она может наслаиваться на основную предикацию.

Категории вводности и обращения являются вторичнопредикативными модальными категориями. В предложении наряду с основной модальностью, которая представлена в конструктивно синтаксической основе предложения и выражена формами наклонений глагола, может иметь место вторичная, связанная модальность, которая выражается с помощью синтагмы со значением субъективной модальности (вводный компонент) или с помощью синтагмы со значением вокативности и императивной модальности (обращение). Вторичная модальность не включается в конструктивно-синтаксическую основу предложения, однако она участвует в формировании общего модального плана предложения, благодаря чему отмеченные синтагмы выражают вторичнопредикативное значение в широком смысле слова.

В зависимости от выявления предикативных свойств позиции категории однородности, обособления, уточнения, вводности и обращения осложненные предложения на шкале переходности образуют иерархически расположенные ступени перехода от сближения с простым предложением к сближению со сложным¹. При этом особую значимость приобретает вопрос о центре и периферии осложненного предложения, а также о периферии простого и сложного предложения.

Вопрос о центре и периферии осложненного предложения поставлен В. В. Бабайцевой, которая выдвигает положение о том, что «центр осложненных предложений занимают предложения с обособленными членами; периферийными для сложного предложения являются предложения с вводными и вставными конструкциями и с обращением; периферийными для простого предложения являются предложения с однородными сказуемыми»².

В данной статье представлен другой подход к вопросу о центре и периферии осложненного предложения.

Мы исходим из следующих посылок.

¹ См. об этом подробнее в работе: *Дмитриева Л. К.* Осложнение предложения (Функции однородности, обособления, вводности и обращения) // *Функциональный анализ грамматических категорий.* Л., 1973. С. 172–180.

² *Бабайцева В. В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979. С. 151.

Во-первых, если анализировать расположение осложненных предложений на шкале переходности с учетом специфики выявления предикативных свойств позиции категории осложнения, окажется нецелесообразным сопоставлять группировку типов осложненных предложений, включающих ту или иную осложняющую категорию в целом, и один из типов осложненного предложения.

Во-вторых, специфика осложняющих категорий такова, что, будучи включены в предложение, каждая из них образует структуры, которые «на шкале переходности» занимают разные ступени расположения между простым и сложным предложением. Эти ступени у разных категорий не совпадают, а иерархически переплетаются, в связи с чем шкала переходности в применении к осложненным предложениям приобретает объемный характер. Именно поэтому, с нашей точки зрения, невозможно противопоставить на «шкале переходности» осложненные предложения с обособленными членами в целом, осложненное предложение с «вводными конструкциями» в целом.

В-третьих, специфическое, градуальное расположение предложений, включающих одну и ту же осложняющую категорию, на шкале переходности от простого предложения к сложному требует особого подхода и к вопросу о центре и периферии осложненного предложения.

Об одних предложениях при этом можно сказать, что по степени сближения на шкале переходности они образуют периферию простого предложения, поскольку в них осложняющие категории не включаются в конструктивно-синтаксическое ядро, не затрагивают непосредственно организующего центра. Сюда относятся: ОП с однородными второстепенными членами¹, ОП с обособленными определениями и приложениями, не имеющими обстоятельственного значения; ОП с уточнениями, обращениями и вводными компонентами, не включенными в конструктивно-синтаксическое ядро предложения.

О других предложениях можно сказать, что по степени сближения на шкале переходности они образуют периферию сложного предложения, поскольку в них осложняющие категории включаются в конструктивно-синтаксическое, в организующий центр предложения. Сюда относятся: ОП с обстоятельственными определениями и приложениями в именительном падеже, обстоятельственное значение которых, создавая двойное тяготение не только к подлежащему, но и к сказуемому, способствует выявлению предикативных свойств позиции категории обособления; ОП с обращением или вводным компонентом, включенными в конструктивно-синтаксическое ядро предложения; ОП с второстепенным сказуемым — обстоятельством, выраженным деепричастием; ОП с рядом однородных подлежащих; ОП с рядом однородных глагольных сказуемых.

¹ Символом ОП в статье обозначается осложненное предложение.

В применении же к собственно осложненному предложению (вне сопоставления с простым и сложным предложением) понятие центра и периферии на шкале переходности меняется. Если говорить об осложненном предложении как таковом, т. е. как о монопредикативной структуре с явлениями полипредикации, то на шкале переходности центр осложненных предложений должен быть представлен теми структурами, в которых наиболее ярко выявляются признаки расщепления предикативного ядра. Эти структуры также располагаются градуально: ОП с вводным компонентом, включенным в конструктивно-синтаксическое ядро предложения, — ОП с второстепенным сказуемым-обстоятельством — ОП с рядом однородных подлежащих — ОП с рядом однородных глагольных сказуемых.

Все остальные осложненные предложения по степени выявления предикативных свойств позиции на шкале переходности образуют периферию осложненных предложений.

Проанализируем с учетом сказанного осложненные предложения с второстепенным сказуемым-обстоятельством и осложненные предложения с рядом однородных глагольных сказуемых.

В конструктивно-синтаксическое ядро предложения введена категория обособления, представленная деепричастием. Предикативные свойства позиции категории обособления оказываются морфологизированными: функция второстепенного сказуемого-обстоятельства выражается специальной глагольной формой — деепричастием.

Модель осложненного предложения в этом случае резко отличается от модели простого предложения: деепричастие расщепляет предикативное ядро предложения. В зоне предикативного притяжения подлежащего и сказуемого оказывается глагольная форма, обозначающая добавочное действие субъекта — подлежащего и обстоятельства, при которых совершается действие глагола-сказуемого.

Таким образом, в предикативной зоне предложения совмещаются два сказуемых: главное, выраженное спрягаемой глагольной формой, и второстепенное (вторичный предикат), выраженное деепричастием и подчиненное не только подлежащему, но и глагольному сказуемому.

При включении в предложение деепричастия — вторичного предиката — предикация в предложении приобретает пучкообразный характер, однако четко расчленяется на основную, выраженную глаголом-сказуемым, и вторичную, выраженную деепричастием.

Предикативный сдвиг в конструктивно-синтаксическом ядре подчеркивается тем, что при наличии деепричастия в предложении устанавливается зависимый таксис (таксические отношения одновременности, предшествования), что приводит к осложнению временных отношений уже в пределах самого по себе конструктивного ядра предложения.

*«Бормоча что-то, старик переправлял деньги с прилавка в бу-
маженик» (Кав., Исполнение желаний). «Машинопись перелистыв*

несколько страниц, второй посетитель вдруг накрыл книгу и тоже склонился на листок» (Кав., Исполнение желаний).

Наиболее ярко предикативный сдвиг в конструктивно-синтаксическом ядре выявляется в тех случаях, когда при деепричастии используется именительный падеж субъекта (местоимения: сам, каждый, кто и др.) и вся конструкция приобретает характер «именительного самостоятельного». «С полчаса они сидели молча, каждый думая о своем» (Кав., Исполнение желаний)¹.

Расположение осложненного предложения с обособленным деепричастием на шкале переходности будет носить двоякий характер.

Во-первых, при учете степени сближения на шкале переходности осложненного предложения со сложным видно, что осложненное предложение с обособленным деепричастием образует периферию сложного, а точнее – сложноподчиненного предложения (категория обособления основывается на подчинительных связях).

Во-вторых, при анализе собственно осложненного предложения с обособленным деепричастием с учетом ступеней расположения на шкале переходности осложненных предложений с разными типами обособленных членов в зависимости от выявления предикативных свойств позиции устанавливается, что осложненное предложение с обособленным деепричастием образует на шкале переходности центр осложненных предложений с обособленными членами.

В конструктивно-синтаксическое ядро предложения введена категория однородности, представленная в виде ряда однородных спрягаемых глагольных сказуемых.

Модель осложненного предложения в этом случае наиболее резко отличается от модели простого предложения, поскольку при включении ряда однородных спрягаемых глагольных сказуемых в предложении происходит расщепление предикативного ядра. Однако ряд сохраняет типичную для однородного соподчинения общую синтаксическую точку пересечения²: каждое из сказуемых синтаксически координируется с подлежащим, причем каждое из сказуемых раздельно соотносится с подлежащим.

При введении в предложение ряда однородных спрягаемых глагольных сказуемых один из компонентов субъектно-предикатной основы — предикат — приобретает пучкообразный характер, и сама по себе предикация, формирующая основу предложения, приобретает также пучкообразный характер.

Свидетельством предикативного сдвига в конструктивно-синтаксическом ядре предложения является то, что при включении в пред-

¹ Иная точка зрения представлена в: *Васева-Кадынкова Ив.* Именительный падеж в обособленной деепричастной конструкции // РЯШ. 1965. № 4.

² О релевантности признака «синтаксической точки пересечения» при отграничении предложений с однородными главными членами (односоставных) от сложных предложений см.: *Тарланов З. К.* Разграничение односоставных предложений с однородными главными членами и осложненных предложений // РЯШ. 1968. № 2.

ложение ряда однородных глагольных сказуемых в предложении осложняются модальные отношения. Это особенно ясно, когда в ряду однородных спрягаемых глагольных сказуемых совмещаются глагольные формы разных наклонений.

«Уехал бы за границу, но потерял из виду Суворина» (Чех., Письма 1877–1892, № 189).

Свидетельством предикативного сдвига в конструктивно-синтаксическом ядре предложения при включении ряда однородных спрягаемых глагольных сказуемых является осложнение временных отношений: ряд спрягаемых глагольных сказуемых наделяется способностью участвовать в выражении таксических отношений одновременности и последования.

«В сизом воздухе стояли над лесом облака и тлели слабым светом» (Пауст., Молитва мадам Бовэ). «На перрон из-за снежных елей быстро вышел широкоплечий человек в фуфайке, взглянул на окно и прыгнул в вагон» (А. Толст., Прекрасная дама).

Однако значимость отмеченного факта не следует преувеличивать. Осложнение временных отношений в данном случае имеет причиной специфику функционирования глагольного вида в тексте¹, и именно поэтому не может служить признаком лишь осложненного предложения с рядом однородных спрягаемых глагольных сказуемых. Не случайно с точки зрения выявления частных типов таксических отношений одновременности и следования осложненное предложение, включающее ряд однородных спрягаемых глагольных сказуемых, ничем не отличается от любого текста, основанного на паратаксических синтаксических отношениях, будь то группировка предложений, будь то бессоюзное сложное предложение или сложносочиненное предложение².

Осложнение модального плана, осложнение временных отношений при включении в предложение ряда однородных глагольных сказуемых свидетельствует о том, что осложненное предложение с однородными глагольными сказуемыми резко сближается со сложносочиненным, хотя и не отождествляется с ним, поскольку, несмотря на расщепление предикативного ядра, при однородных глагольных сказуемых сохраняется единство субъектно-предикатной основы предложения, и свидетельством этому является общая точка синтаксического пересечения — единое для всего ряда сказуемых подлежащее³.

¹ О закономерностях функционирования видов см.: Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 176–235.

² См. об этом: Дмитриева Л. К. Видо-временная соотносительность глаголов в паратаксических конструкциях // Грамматика и лексика русского языка. Л., 1971.

³ Иная точка зрения представлена в работах: Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967. С. 33; Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. С. 169–170.

Расположение осложненного предложения с рядом однородных спрягаемых глагольных сказуемых на шкале переходности носит двоякий характер. Во-первых, при учете степени сближения на шкале переходности осложненного предложения со сложным видно, что осложненное предложение с рядом однородных спрягаемых глагольных сказуемых, наиболее резко сближенное со сложным предложением по сравнению с другими осложненными предложениями, образует периферию сложного предложения, точнее — сложносочиненного предложения (между сказуемыми в ряду однородности наблюдаются сочинительные отношения). Во-вторых, при анализе собственно осложненного предложения с рядом однородных спрягаемых глагольных сказуемых выявляется, что при учете ступеней расположения на шкале переходности осложненных предложений с разными типами однородных членов в зависимости от выявления предикативных свойств позиции осложненное предложение с рядом однородных спрягаемых глагольных переходности центр осложненных членами.

Итак, осложненные предложения с второстепенным сказуемым-обстоятельством и однородными спрягаемыми глагольными сказуемыми на шкале переходности составляют центр осложненного предложения и периферию сложного предложения, из чего следует, что понятие центра на шкале переходности в применении к собственно осложненному и понятие периферии в применении к осложненному предложению в его сопоставлении с простым и сложным предложениями находятся в обратной зависимости.

I. СИНТАГМАТИЧЕСКИ СВЯЗАННЫЕ ВИДЫ ОСЛОЖНЕНИЯ

Однородные члены предложения

А. Ф. Прияткина

Сочинительные ряды. Однородность и неоднородность членов ряда¹

Задания. 1. На основе анализа текста пособия А. Ф. Прияткиной ответьте на вопрос: как соотносятся понятия сочинительной связи и однородности?

¹ Печатается по: *Прияткина А. Ф.* Современный русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 53–54.

2) Какие признаки однородного ряда выделяет автор? Приведите собственные примеры сочинительных рядов.

Обычно говорят об однородности (однофункциональности, синтаксической эквивалентности) как обязательном признаке ряда. Этот признак требует уточнения.

Действительно, сочинительной связью объединяются прежде всего однородные члены предложения, т. е. такие, которые занимают в его составе одну и ту же позицию, например, позицию подлежащего (или дополнения, или определения и т. д.): *Так это кумиль сват и, словом, кто-нибудь из вашего же роду* (Кр.).

Но многие типы рядов обнаруживают неоднозначность своих членов или неполную их однофункциональность, — при наличии, однако, сочинительной связи. Синтаксическая неоднозначность членов бывает при этом совершенно различного порядка, так что члены ряда, полностью однородные в одном отношении, могут различаться в другом отношении. Когда мы говорим о признаках ряда, необходимо различать синтаксическое равноправие и однородность. Типичный ряд соединяет в себе оба признака. Но так бывает далеко не всегда.

Члены ряда, выражающие одинаковые синтаксические отношения в предложении (например, объектные или атрибутивные), могут различаться по синтаксической значимости. Один из них может быть основным, а другой дополнительным, напр.: *Отметьте про себя эти цифры или хотя бы их общий смысл*. Один из членов ряда может находиться в семантической зависимости от другого (других), напр.: *Каждое слово звучало значительней, серьезней, а значит ранимей* (Тендр.). Кроме того, члены ряда могут иметь разную коммуникативную значимость, напр.: *Из дальних странствий возвратясь, какой-то дворянин (а может быть и князь), с приятелем своим пешком гуляя в поле, расхвастался о том, где он бывал* (Кр.). При всем том они являются однородными членами предложения, занимая (как в наших примерах) позицию дополнения, характеризующего обстоятельства, подлежащего. Внешние связи их отождествляют, а внутренние связи — различают, т. е. они синтаксически неравны.

Есть разнофункциональность и другого порядка, не позволяющая утверждать, что ряд всегда занимает одну синтаксическую позицию, является одним членом предложения. Например: *Никто и нигде меня не ждет* (Пауст.) — в составе сочинительного ряда один член (*никто*) занимает позицию подлежащего, а другой (*нигде*) — позицию обстоятельства. Они сочинены, но на ином основании. Неоднородность таких членов определяется их внешними связями.

Обособленные члены предложения

И. П. Распопов

Явление обособления.

Вопрос о так называемых обособленных и уточняющих членах предложения¹

- Задания.** 1) На основе анализа текста пособия И. П. Распопова и А. М. Ломова ответьте на вопрос: какие явления, требующие, по мнению И. П. Распопова (автора части «Синтаксис»), отдельной квалификации, охватываются понятием обособление.
- 2) Охарактеризуйте эти явления. Приведите собственные примеры.

<...> Фактически под термином обособление (в его традиционном применении) скрывается три ряда различных по своей лингвистической сущности явлений, требующих отдельной квалификации.

К случаям обособления относят интонационное (поддерживаемое также линейными средствами) выделение определенных компонентов лексико-грамматического состава предложения:

- 1) осуществляемое в специальных коммуникативных целях;
- 2) сопровождающее и поддерживающее их связь с другими компонентами этого состава;
- 3) создающее особый тип их связи и соотношения с другими компонентами этого состава.

§ 81. Обособление, осуществляемое в специальных коммуникативных целях, не затрагивает конструктивных связей и семантико-синтаксических функций компонентов лексико-грамматического состава предложения. Оно лишь сообщает им дополнительную коммуникативную нагрузку. Это касается, в частности, обособления определений, а также «одиночных» обстоятельств. Ср. примеры: 1. *Покрытые росой тополя наполняли воздух нежным ароматом.* — *Тополи, покрытые росой, наполняли воздух нежным ароматом* (Чех.); *Шел частый колючий дождь* (Пауст.). — *Лил дождь, косящий, крупный, бьющий в лицо* (К. Сим.); 2. *Вдруг где-то в отдалении раздался протяжный звук.* — *Вдруг, где-то в отдалении и, раздался протяжный звук...* (Тург.); *Во время большой перемены Маня присылала ему завтрак...* (Чех.). — *Берсеневу, во время*

¹ Печатается по: Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. С. 255–265

мя последней беседы с Шубиным, пришла мысль пригласить Инсарова к себе на дачу (Тург.); Его исключили из гимназии за участие в революционном движении. — Поддержав Рагозина год в тюрьме, его отправили — за участие в уличных беспорядках — на три года в ссылку (Фед.).

В приведенных примерах обособленные определения (1) и обстоятельства (2) в отличие от необособленных выделяются намеренно и приобретают особый смысловой вес в высказывании, но функции их в качестве членов соответствующих конструктивно-синтаксических рядов и связи с подчиняющимися словами сохраняются в том же виде, что и при отсутствии обособления.

В подобных случаях обособление предстает перед нами как особое синтаксическое явление, которое возникает как бы на самой поверхности структуры предложения, создавая своеобразную «надстройку» над основной линией тех связей и отношений, в которых находятся друг с другом компоненты его лексико-грамматического состава. Эта «надстройка», осуществляемая с помощью порядка слов и интонации (или только с помощью интонации), состоит в таком распределении коммуникативных нагрузок между отдельными членами предложения или его конструктивных частей, при котором возникает тенденция к образованию дополнительного коммуникативно значимого сообщения в рамках другого сообщения, хотя указанная тенденция и не доводится до конца (ср.: *Тополя, покрытые росой, наполняли воздух нежным ароматом. — Тополя были покрыты росой, и они наполняли воздух нежным ароматом* ср. также: *Рагозина отправили — за участие в уличных беспорядках — на три года в ссылку. — Рагозин участвовал в уличных беспорядках, и за это его отправили на три года в ссылку).*

Неособобленные и обособляемые в специальных коммуникативных целях определения и обстоятельства могут быть поставлены в оппозицию друг к другу: как уже сказано, это — в соотносительных случаях — одни и те же члены предложения или его конструктивные части, различающиеся лишь в аспекте коммуникативно-синтаксической организации предложения.

Для «одиночных» обстоятельств с ситуативным или мотивирующим значением указанная оппозиция является абсолютной. Они обособляются (или не обособляются) в соответствии с авторской установкой. Причем обособление подобных обстоятельств осуществляется в основном с помощью акцентно-мелодических средств (дополнительно содействующим этому условием может служить их размещение не в начале и не в конце предложения, но оно, особенно для мотивирующих обстоятельств, не обязательно). Единственное исключение составляют обстоятельства с предлогом *несмотря на*, имеющие уступительное значение и выступающие только в обособленном положении, как в примерах: *Несмотря на поздний вечер, было душно (Ант.); В домах, несмотря*

на ранний час, горели лампы (Пауст.); [Нежданов] сознавал себя одиноким, несмотря на привязанность друзей (Тург.) <...>.

Что касается определений, то их обособление в соотносительных случаях обеспечивается при обязательном участии линейных средств: чтобы обособить то или иное определение, необходимо поставить его в постпозицию к определяемому слову. Это относится, в частности, к согласованным распространенным определениям и к ряду однородных согласованных нераспространенных определений (см. приведенные выше примеры под рубрикой 1).

Нераспространенные определения при именах существительных в оппозиции по признаку необособления — обособления не участвуют: в любом положении по отношению к определяемому слову они, как правило, не обособляются.

С другой стороны, в этой оппозиции не участвуют выраженные прилагательными и причастиями определения (как распространенные, так и нераспространенные) при личных местоимениях, которые, напротив, в любом положении по отношению к определяемому слову всегда обособляются. Напр.: *Я помолчал и показал Гарту на вечернее небо над Северной бухтой. Лиловое и темное, оно было освещено красноватым огнем облаков* (Пауст.); *Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконец, берега* (Тург.); *Меня, мокрого до последней нитки, сняли лошади почти без памяти* (Акс.); *А он, мятежный, ищет бури...* (Лерм.). Здесь обособление является необходимым условием реализации конструктивной связи соответствующих словоформ (в необособленном положении прилагательные и причастия, как известно, не сочетаются с личными местоимениями).

В примерах типа: *Одаренный необычайной силой, он [Герасим] работал за четверых* (Тург.); *Огорченный неудачей, я лег на узлы, заплакал тихонько и, в слезах, уснул* (Горьк.) обособленные согласованные определения совмещают атрибутивные функции (при личных местоимениях) с обстоятельственными (при глагольных сказуемых вместе с подчиненными им словами). Аналогичное совмещение может наблюдаться и у согласованных распространенных определений при существительных, — тогда их обособление также оказывается обязательным в любой линейной позиции по отношению к определяемому слову, в том числе в препозиции: *Охваченный каким-то неясным предчувствием, Корчагин быстро оделся и вышел из дому* (Н. Остр.); *Ожидавший большого сопротивления, Ромашов потерял равновесие и пошатнулся* (Жупр.); *Раненный осколком в плечо, капитан Сабуров не покинул строя* (К. Сим.). В этих случаях благодаря обособлению реализуется двойная синтаксическая связь определений (как с определяемым словом, так и со сказуемым) и, следовательно, обособление осуществляется не только в коммуникативных, но и в конструктивных целях.

То же самое можно сказать об обособлении несогласованных определений в следующих примерах: *Сегодня она, в новом голубом капоте, была особенно молода и внушительно красива* (Горьк.); *Коля, в своей новой курточке с золотыми пуговками, был героем дня* (Тург.).

§ 82. Обособление, сопровождающее и поддерживающее связь определенных компонентов лексико-грамматического состава предложения с другими компонентами этого состава, характерно для деепричастий и деепричастных оборотов.

Деепричастия и деепричастные обороты, обычно квалифицируемые по их конструктивно-синтаксической роли в составе предложения в качестве обстоятельственных второстепенных членов, обособляются, или, точнее, выделяются интонационно (в устной речи) и графически (на письме) почти всегда, за исключением лишь некоторых специальных случаев. Причем в отличие, например, от определений, которые при условии обособления приобретают в составе предложения больший смысловый вес, деепричастия и деепричастные обороты больший смысловый вес имеют как раз в необособленном положении: *Жили Артамоновы ни с кем не знакомясь* (Горьк.); *До двух часов занятия должны были идти не прерываясь* (Л. Толст.); *Дмитрий слушал его нахмурыясь* (Горьк.); *Она [Аксинья] вошла в зал не постучавшись* (Шолох.); *Агрипина сидела, пригорюнясь* (А. Толст.); *Первые сто шагов он [Сабуров] прошел, не ложась на землю ...* (К. Сим.); *Говорил он, почти не повышая голоса* (Купр.) <...>.

В этих примерах (сравнительно редких) деепричастия и деепричастные обороты несут основную коммуникативную нагрузку в предложении, обозначая рему сообщения, и тем не менее (или, скорее всего, именно поэтому) не обособляются от остального состава предложения — в противном случае оно осталось бы незавершенным.

Напротив, во многих других случаях деепричастия и деепричастные обороты включаются в конструктивный состав предложения только посредством обособления. Ср.: *Саша мягко улыбнулась, прижимаясь к ней всем телом* (Горьк.); *Денисов стоял у караулки, отдавая последние приказанья* (Л. Толст.); *Допрашивая Лазаря Баукина, Венька все время составлял историю его жизни* (Нил.); *Девушка, не отвечая ему, смотрела с тревогой на открытую дверь* (Н. Остр.); *Довольные пассажиры, примолкнув, любовались солнечным днем* (Фед.).

В любом из этих предложений деепричастия или деепричастные обороты не могут быть включены в его основной состав (который сам по себе оказывается вполне достаточным для выражения определенного коммуникативного содержания) иначе, как в обособленном виде. Но такого рода примеры и свидетельствуют о том, что обособление деепричастий и деепричастных оборотов предопределяется

какими-то специфическими конструктивными свойствами соответствующих грамматических разрядов слов и словосочетаний, позиции и функции которых в составе предложения во всяком случае не вполне идентичны позициям и функциям других обстоятельственных второстепенных членов.

Действительно, деепричастия и деепричастные обороты как по своему положению в иерархии устанавливаемых в предложении связей, так и по значению (имеется в виду, конечно, функционально-синтаксическое значение) отличаются от обычных обстоятельств, выражаемых наречиями или предложно-падежными формами имен существительных. В этом отношении показательно уже то, что они, формально примыкая к глагольному сказуемому, вместе с тем оказываются в зависимости и от подлежащего. Эта двойная связь, которую можно было бы назвать согласованным примыканием и в реализации которой принимает участие интонация, обуславливает некоторый параллелизм в синтаксических функциях деепричастий и деепричастных оборотов с глагольным сказуемым — параллелизм, думается, не менее существенный, нежели обычно проводимые аналогии с обстоятельственными второстепенными членами (которые, кстати, не всегда удается установить <...>).

По-видимому, то, что называют обособлением деепричастий и деепричастных оборотов, не есть обособление в том смысле, который вкладывается в это понятие, когда говорят о смысловом и интонационном выделении отдельных членов предложения или его конструктивных частей, осуществляемом в специальных коммуникативных целях (как, например, в типичных случаях обособления определений или «одиночных» обстоятельств). Здесь «смысловое выделение» является производным от собственно грамматической функции соответствующего члена предложения, а «интонационное выделение» служит одним из формальных показателей его особой конструктивной позиции в ряду других членов (в частности, показателем его двусторонней связи — с подлежащим и сказуемым).

Из сказанного следует, что, признавая известную аналогию в семантико-синтаксических функциях деепричастий и деепричастных оборотов с обстоятельственными второстепенными членами, необходимо все-таки квалифицировать их отдельно от обстоятельств. Может быть, стоило бы воспользоваться для этого термином в *ор* *ростепенное сказуемое* <...>.

§ 83. Совершенно особый характер имеет обособление так называемых приложений (субстантивных определений), а также обособление определений и обстоятельств, употребляющихся совместно с другими, однозначными по синтаксической функции определениями и обстоятельствами.

Во всех соответствующих случаях благодаря обособлению (интонационному выделению) происходит существенное преобразова-

ние конструктивных связей соединяемых друг с другом словоформ или их комплексов и изменяется их отношение друг к другу и к тому «кусочку действительности», который они обозначают.

Так, если необособленные приложения (субстантивные определения) присоединяются к определяемому имени в результате последовательного распространения данного конструктивно-синтаксического ряда, то обособленные приложения занимают в этом ряду синтаксическую позицию параллельно с другим именем, и это обуславливает различие в их назначении: в первом случае оба имени образуют единое сложное наименование какого-то лица (предмета), во втором оказываются по отношению к нему наименованиями-дублетами. Ср.: 1. *Наш бывший партизанский командир Иван Степанович Михайлов работает теперь директором завода* и 2. *Наш бывший партизанский командир, Иван Степанович Михайлов, работает теперь директором завода* (или: *Иван Степанович Михайлов, наш бывший партизанский командир, работает теперь директором завода*); 1. *Первая русская рабочая газета «Искра» издавалась Лениным за границей* и 2. *Первая русская рабочая газета, «Искра», издавалась Лениным за границей* (или: *«Искра», первая русская рабочая газета, издавалась Лениным за границей*).

Нечто подобное наблюдается и при обособлении согласованных или несогласованных определений при других определениях, а также обстоятельственных второстепенных членов при других обстоятельствах. Ср.: *Она выходила на улицу в очень потрепанном стареньком платье* и *Она выходила на улицу в стареньком, очень потрепанном, платье*; *Налево у дороги стояло одинокое дерево* и *Налево, у дороги, стояло одинокое дерево*. То же самое (при возможности необособления выделенных словоформ или их комплексов) отмечаем в следующих примерах: *Хотелось отличиться перед этим, дорогим для меня, человеком* (Горьк.); *Его атласный, шитый шелками, глухой жилет был стар, вытерт...* (Горьк.); *От ворот к крыльцу между высокими, в рост человека, сугробами была расчищена дорожка* (Пан.); *На самой дороге, поперек грязных колеи, лежало распластанное тело* (Фед.); *Она озорно, по-девичьи, взглянула на него сверху вниз* (Фед.). Здесь последовательная связь также преобразуется в параллельную, благодаря чему значения соответствующих членов конструктивно-синтаксического ряда не складываются друг с другом, а как бы накладываются одно на другое.

Таким образом, при обособлении приложений, как и при обособлении определений и обстоятельств, употребляющихся совместно с другими определениями и обстоятельствами, создается особый тип конструктивно-синтаксической связи между словоформами или их комплексами, отличный от известных нам типов подчинения и сочинения и по способу реализации, и по назначению. Этот тип

связи целесообразно обозначить специальным термином а п п л и к а ц и я (аппликативная связь), от лат. applicatio «наложение, прикладывание»...

А. А. Камынина
**О формально-синтаксических признаках
полупредикативных конструкций
в русском языке¹**

Задания. Прочитайте работы А. А. Камыниной и ответьте на вопросы:
1. На какой основе формируются полупредикативные конструкции?
2. Как А. А. Камынина определяет общие свойства полупредикативных конструкций?

Термин «полупредикативный» в лингвистической литературе конкретно не определен. Часто с ним связывают представление о дополнительном сообщении, возникающем при интонационном выделении компонентов внутри предложения, т. е. с тем, что недифференцированно считают обособлением. Так, в Грамматике русского литературного языка сказано: «Обособленные словоформы или группы словоформ называются полупредикативными»². При таком понимании полупредикативности «смысловые отрезки», выделенные в предложении средством интонации, вряд ли возможно квалифицировать как собственно синтаксические, характеризующиеся общими формальными и семантическими признаками³.

Выделение полупредикативных единиц как особых синтаксических структур возможно при более узком толковании полупредикативных отношений, а именно как отношений сказуемостных. В Словаре лингвистических терминов «полупредикативный» разъясняется как «приближающийся по своей синтаксической функции к

¹ Печатается по: Славянская филология. Вып. 9. М., 1973. С. 188–199.

² Грамматика русского литературного языка. М., 1970. С. 643; см. также определение обособленных членов предложения в кн.: Современный русский язык. Синтаксис. М., 1958.

³ Подобное мнение было высказано в кн.: *Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В.* Русский язык. 6-е изд. М., 1963. Ч. II; «Разные члены предложения обособляются по разным причинам» (С. 75), а также Н. М. Шанским: «В силу того, что основное внимание уделяется внешней форме, в которой выражаются члены предложения, а не тому, что этой формой выражается, под общим именем «обособленных второстепенных членов» Пешковским, а с ними всеми, кто так или иначе принял его теорию, объединялись и объединяются по своей сущности различные синтаксические явления» (*Галкина-Федорук Е. М., Горикова К. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1958. С. 87).

функции сказуемого»¹, а полупредикативное отношение как семантико-синтаксическое отношение, напоминающее отношение сказуемости²

Мысль о том, что сказуемое значение, понимаемое как логическое отношение между двумя элементами и содержащее в себе сообщение об одном из них, может выявляться не только в связи спрягаемого глагола с подлежащим, высказывалась неоднократно³. Сказуемое значение обычно приписывается деепричастным и причастным оборотам, атрибутивным формам имени, отнесенным к подлежащему посредством глагола (*Он ходит сонный; Он вернулся пьян*)⁴, творительному и некоторым другим падежам при дополнении *Запомните нас веселыми* (Салын. Барабанщица)⁵, а также обособленным приложениям типа: *Победительница, она одна улыбалась среди общего угнетенного затишья* (Малышк. Люди из захолустья). В таких случаях и выделяют полупредикативные отношения, но при этом остается неясным, что объединяет эти случаи как единицы языка и правомерно ли квалифицировать полупредикативность как явление синтаксическое. Проф. В. Г. Адмони, например, считает, что в грамматическом плане не существует никакой «вторичной» или «второстепенной» сказуемости⁶. В данной статье сделана попытка осмыслить полупредикативные отношения как собственно синтаксические и определить их формально-синтаксические признаки.

О. Есперсен не различал предикативные и полупредикативные связи, объединяя их в одном типе, который он называл нексусом (в отличие от юнкции)⁷. По его мнению, с одной стороны, наличие

¹ Словарь лингвистических терминов / под ред. О. С. Ахмановой. М., 1966. С. 338.

² Там же. С. 302.

³ См.: *Стеблин-Каменский М. И.* О предикативности // *Вестн. ЛГУ.* 1956. № 20.

⁴ Эти примеры иллюстрируют «полупредикативный член» в Словаре лингвистических терминов (С. 338).

⁵ Пример взят из работы Р. Мразека. *Мразек Р.* Синтаксис русского творительного. Прага, 1964. С. 240.

⁶ См.: *Адмони В. Г.* Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. С. 63.

⁷ В русской лингвистической литературе предикативные и полупредикативные отношения принято различать. Причем последние обычно связывают с представлением о неполной предикативности, об иной расчлененности в смысловых связях по сравнению с предикативными. Так, А. А. Потебня сущность аппозитивного имени видел в том, что оно в отличие от предикативного «ближайшим образом тяготеет к своему определяемому, а не к сказуемому» (Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I–II. С. 111). В то же время такое имя, по его мнению, характеризуется большей самостоятельностью, «особностью», чем определение. «Под относительную самостоятельность приложения следует понимать его большую предикативность сравнительно с собственным определением» (там же. С. 109). Иными словами, аппозитивные отношения — это нечто среднее между предикативными и атрибутивными. Так же, как А. А. Потебня, А. А. Шахматов выделял предикативно-атрибутивные и атрибутивно-предикативные отношения (см.:

предикативной формы глагола для нексуса является необязательным, а с другой стороны, нексус не всегда представляет, законченное предложение¹. Он считает, что в случае *I like boys to be quiet* «мне нравится, когда мальчики спокойны», отношение между *boys* и *to be quiet* точно такое же, как между «членами любого другого нексуса, например, между подлежащим и сказуемым законченного предложения»². Таким образом, для О. Есперсена в аналогичных структурах можно выделить два сочетания, одинаковых по значению, например *I made* «я заставил» и *her sing* «ее петь» в предложении *I made her sing* «Я заставил ее петь». Различие между ними не в значении, а лишь в том, что первое может быть самостоятельным предложением, а второе нет.

Как видно из примеров, у О. Есперсена речь идет не о формально-синтаксическом тождестве нексусных единиц. Однако существенно, что в целом они выделяются им с опорой на традиционное представление о предикативном значении.

Полупредикативные отношения могут быть определены лишь с известной ориентацией на предикативные и должны иметь с ними общие признаки. Если иметь в виду данную ориентацию, то для полупредикативных в качестве отличительных можно считать следующие свойства.

Во-первых, полупредикативные отношения предполагают определяемое и определяющее и, следовательно, должны быть двухкомпонентными³. В. Грабе вслед за Матезиусом считает одним из важнейших свойств полупредикативной структуры то, что она основана на бинарном отношении и поэтому включает в себя два члена. «*Velmi důležitým poznatkem Mathesiovy definice je, že polovětná vazba je založena na binárním predikačním vztahu i když jde o predikaci vzhládní povahy. Z toho ovšem vyplývá, že polovětná vazba má dva členy: určený člen a nevětný přísudek*»⁴. «В определении Матезиуса очень важным является положение о том, что полупредикативная конструкция основана на бинарном предикативном отношении, даже если речь идет о предикации особого характера. Из этого следует, что полу-

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941, особенно главу: Приложение и дополнительный субстантивный и адъективный член). Однако думается, что если и можно установить объективные различия между предикативными и полупредикативными отношениями, то только на основе языковых средств выражения, а не по смыслу.

¹ См.: *Есперсен О.* Философия грамматики (русс. пер.). М., 1958. С. 131.

² Там же. С. 134.

³ Ср. у О. Есперсена: Таким образом, юнкция это единство или единое понятие, выраженное более или менее случайно посредством двух элементов. Нексус, напротив, всегда содержит два понятия, которые обязательно должны оставаться раздельными: вторичное слово присоединяет нечто новое к тому, что уже было названо. См.: *Есперсен О.* Ук. соч. С. 132.

⁴ *Hrabě V.* polovětné vazby a kondenzace «druhého sdělení» v ruštině a v češtině. Praha, 1964. S. 14.

предикативная конструкция имеет два члена: определяемый член и непредложенческое сказуемое» (т. е. сказуемое, которое при этом не есть сказуемое предложения. — *авт.*).

Во-вторых, так как спрягаемый глагол всегда является сказуемым, полупредикативные отношения никогда не выражаются *verbum finitum*, однако характеризуются тем, что всегда могут быть представлены как предикативные, т. е. могут быть выражены спрягаемой формой глагола (включая синтаксический нуль глагольного слова).

Указанная соотнесенность полупредикативных единиц с предикативными объясняет, почему, например, некоторые присустановительные формы, такие как родительный субъекта (*пение соловья*) или родительный объекта (*строительство станции*) не обособляются, вернее, не употребляются полупредикативно. Возможность обособления зависимой формы в субстантивном словосочетании имеет прямое отношение к употреблению ее в роли сказуемого при подлежащем, выраженном стержневым существительным словосочетания. Нельзя сказать «директор был завода» или «строительство было станции» и нельзя обособить формы *завода* и *станции* в словосочетаниях *директор завода* и *строительство станции*. И наоборот, может быть предложение *Старик был с добрым лицом* и возможно обособление в словосочетании *старик с добрым лицом*. Валентные свойства существительных и характер синтаксической связи зависимых форм с ними вряд ли имеют здесь какое-либо значение.

С точки зрения функциональной связи полупредикативных единиц с предложением, далеко не все возможные в языке сочетания слов могут быть осмыслены и представлены как полупредикативные. Таковы, например, словоформы, употребленные с собственно- или обстоятельственно-характеризующим значением при наречии, прилагательном и глаголе, даже если они по смыслу и интонационно выделяются, например: «*Озорно, по-девичьи, взглянула; Весной, неожиданно для всех, он блестяще сдал экзамены; Яркий, цвета бирюзы, шарф был накинут на плечи*»¹.

На основе отмеченной особенности определяется такая формально-синтаксическая общность полупредикативных единиц: они непременно должны включать субстантивную форму в качестве обозначения «первичного», т. е. определяемого элемента. Те структуры, которые обычно считаются полупредикативными: деепричастный и причастный обороты, объектный инфинитив, творительный и другие формы в роли сказуемого, характеризуются этим свойством. Однако в целом имя существительное как обозначение определяемого компонента полупредикативной конструкции не изучалось, поэтому пока нет полного представления о том, какие синтаксические позиции оно может занимать и какими признаками при этом должно обладать.

¹ Эти примеры взяты из Новой Академической грамматики из раздела «Обособленные члены предложения».

О. Есперсен считал, что нексус может быть дополнением к предлогу. «В английском языке, — писал он, — это бывает особенно часто с предлогом *with* — *I sat at work in the schoolroom with window open* «Я сидел за работой в классе с открытым окном»¹.

В русском языке многие предложно-падежные сочетания также характеризуются тем, что имеют в своем составе имя, трансформируемое в подлежащее, таковы, например, некоторые конструкции с предлогами *при, вопреки, с* и др. Предлог *при* со значением условно-временным и уступительным соединяется прежде всего с отвлеченными существительными², распространяющимися родительным субъекта. Значение предложного сочетания в таких случаях всегда может быть выражено предложением: *При вспыхивке ракеты в проволоке что-то шевелится* > *Когда вспыхивает ракета, в проволоке что-то шевелится*. Но показательны здесь как раз те случаи, когда с предлогом соединяется существительное других разрядов. Такие существительные обычно имеют при себе определение, соотносительное со сказуемым, например: *При суровом нраве, она была полна любознательности* > *Хотя нрав был суровый, она была полна любознательности*. А одиночные (обычно конкретные) существительные соотносятся с подлежащим: ... *раньше, при отце* (когда был отец), *они жили семейнее, дружнеей* (Горьк. Дело Артамоновых); *Я при ней* (когда она есть) *теряюсь* (Проталини. Повесть о бедных влюбленных); *Прочел, голубчик, эту телеграмму да как зальется при всем народе* (А. Толст. Хождение по мукам).

Таким образом, по признаку «определяемого имени» эта предложная группа вполне может быть отнесена к полупредикативным сочетаниям. То же самое можно сказать о предложной группе *с + творительный падеж* в функции временного детерминанта: *С отъездом гостей в усадьбе все стихло* (Кор. Слепой музыкант); *С наступлением холодов Уля снова жила в домике вместе со всей семьей* (Фад. Молодая гвардия); *С приходом Оли веселье, царившее в квартире ее и сестры, несколько упало* (Фад. Молодая гвардия); и других периферийных обстоятельственных оборотах³.

Таким образом, весьма вероятно, что границы языковых фактов, осмысляемых как синтаксические полупредикативные сочетания, или сочетания с невыраженной предикативностью, могут быть раздвинуты.

¹ Есперсен О. Философия грамматики. С. 141.

² О. Есперсен называл такие существительные нексусными, т. е. потенциально равными предикату. См.: Есперсен О. Философия грамматики. С. 151 и сл.

³ По мнению Т. Б. Алисовой, конструкции с периферийными позициями вообще «представляют собой результат конденсации двух предикативов, один из которых сохраняет первоначальную форму и значение, а другой теряет самостоятельные показатели предикативности (интонацию и грамматические формы лица, времени и наклонения), но всегда может быть развернут в полную предикативную конструкцию. См.: Алисова Т. Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М., 1971. С. 30.

В-третьих, полупредикативные конструкции должны характеризоваться модальным и в связи с этим временным значением.

О. Есперсен полагал, что для того, чтобы синтаксическую единицу можно было отнести к нексусу, достаточно, чтобы она была двучленной¹. Поэтому он и не видел существенного различия между *I made* и *her sing* «я заставил» и «ее петь». Однако вряд ли правильно считать, что «двучленность» сама по себе является признаком предикативности. Двучленность предикативного значения представляет собой следствие того, что это значение выражает отношение, определенную связь, а всякая связь по логике вещей предполагает по крайней мере два компонента. Специфика предикативного значения прежде всего в характере связи, терминологически обычно обозначаемом словом *м о д а л ь н о с т ь*. Ш. Балли в известной работе «Общая лингвистика и вопросы французского языка» писал: «Модальность — это душа предложения. Как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта. Следовательно, нельзя придавать значение предложения высказыванию, если в нем не обнаружено хоть какое-либо отношение модальности»². Сказуемые отношения не могут быть лишены модального значения, т. е. того, в чем проявляется «участие лица говорящего» в формировании мысли. Это «участие» конкретно обнаруживается в том, что содержание предикативного сочетания соотносится с объективной действительностью и, следовательно, локализуется во времени.

Анализ элементарных примеров свидетельствует о том, что полупредикативные конструкции отличаются от предикативных не отсутствием модального значения, а способом его выражения и зависимостью от соответствующего значения предложения. Можно сказать, что модальность в предикативных единицах (т. е. предложении) в целом выражается морфологически и поэтому синтаксически свободна, а модальность полупредикативных единиц выражается синтаксически, т. е. определенными сочетаниями и определенными позициями, и поэтому зависима. Так, различие в функции атрибутивной формы в предложениях **Я видел *словарь в картинках*** и **Я видел *женщину в слезах*** проявляется в том, что во втором случае предложно-падежная форма содержит в себе утверждение, ее содержание соотнесено с временным планом предложения и не может мыслиться в иной временной плоскости, по сравнению с временным значением предложения. Ср. *Я видел женщину в слезах* > *Я видел, что женщина плакала*; *Я вижу женщину в слезах* > > *Я вижу, что женщина плачет* и *Я увижу женщину в слезах* > > *Я увижу, как женщина будет плакать*. Эта связь с модально-временным

¹ См. его определение нексуса в отличие от юнкции. *Есперсен О.* Ук.соч. С. 132.

² *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка (русс. пер.). М., 1955. С. 44.

значением предложения обнаруживается у предикативного определения к дополнению постоянно и не мотивирована, очевидно, его морфологической формой. Например: *Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Ганины, я нашел калитку запертой* (Тург. Ася); *Соустин застал его одетым, собирающимися в поход* (Мальшк. Люди из захолустья); *Я запомнил его очень молодым, таким, каким он был в далекое утро 1942 года* (Эренб. Люди, годы, жизнь).

Модально-временное значение полупредикативного члена в приведенных примерах, не зависимо от его морфологической формы, связано с синтаксической позицией: этот член не может образовать словосочетания с существительным в роли дополнения: они занимают разные синтаксические места.

Модально-временное значение можно обнаружить и в упомянутых выше предложно-падежных группах. В. В. Виноградов во введении к Академической грамматике обращал внимание на смысловую замкнутость многих собственно обстоятельственных предложных оборотов и считал, что она наряду со свободной синтаксической связью является причиной их обособления: «Именно в силу того, что степень зависимости в таких случаях доходит почти до нуля и бывает совершенно неощутима, соответствующие слова и особенно словосочетания в составе предложения обычно обособляются. *При наличии характера — школа хорошо воспитывает* (Горьк. В людях, XVI)¹. Однако для понимания многих из упомянутых В. В. Виноградовым предложных конструкций существенно, что содержание их регулярно осмысливается в модальном плане. Ср., в предложении: *Ученики 4-го класса пишут изложение о возвращении птиц из теплых стран* словосочетание *возвращение птиц* не имеет никакого модального значения. Такие случаи наглядно показывают, что двучленность² сама по себе предикативности не создает.

То же самое сочетание в предложении *С возвращением птиц наш сад ожил* модально, содержание его означает, что *птицы прилетели* (ср. *С возвращением птиц наш сад оживет, т. е.* когда прилетят птицы, или *С возвращением птиц наш сад оживает, т. е.* когда прилетают птицы).

Это превращение немодального сочетания в модальное (полупредикативное) можно в данном случае объяснить только ролью предлога и синтаксической позицией имени. Судя по всему, среди предлогов русского языка есть подобные тем, которые выделены О. Есперсеном в других языках в качестве образующих нексус³. И задача сводится к тому, чтобы выявить такие предлоги и определить условия, в которых они формируют полупредикативные конструкции.

¹ Грамматика русского языка. М., 1954. Т. 2. Ч. I. С. 29.

² Имеется в виду соотносительность род. п. с им. субъекта, а отглагольного существительного с предикативной формой глагола.

³ См.: Есперсен О. Философия грамматики. С. 141.

(Возможно, что эти условия гораздо разнообразнее, чем это может показаться на первый взгляд: в том примере, который приводит О. Есперсен: «Я сидел за работой в классе с открытым окном», и в русском языке отношение между словоформами «открытым» и «окном» мыслится локализованным во временной плоскости: я сидел в классе, в нем в это время было открыто окно, но пока неясно, можно ли этот факт интерпретировать как явление синтаксическое.)

В «замкнутых» предложно-обстоятельственных конструкциях модальное значение либо меняется в зависимости от модального значения предложения: ср. *При наличии характера — школа хорошо воспитала*; *При наличии характера — школа хорошо воспитала бы* и т. д.; Пример: *Еще при месячной ночи варенуха и водка, настоенная на шафране, могла бы заманить Чуба* (Гог. Ночь перед Рождеством), или оно формируется лексическим значением предлога: *Только Григорий Александрович, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи...* (Лерм. Герой нашего времени). Но в обоих случаях зависимость от сказуемого обнаруживается в том, что вне связи с ним модальное значение предложной конструкции не может реализоваться.

На основе модально-временного значения могут быть дифференцированы некоторые типы смыслового и интонационного выделения атрибутивных форм. Ср. две группы примеров:

- А. 1) ... у нас в районе, **песнями богатым**, девушки уж больно хороши.
2) Обеды его, **постный и скоромный**, были великолепны (Л. Толст. Война и мир).
3) Огромный дом, **на старом каменном фундаменте**, был деревянный, штукатуренный (Л. Толст. Война и мир).
- Б. 1) Часа два он шел, утопая в снегу, совершенно **невидимый и темный**, и дошел до шоссе, ведущего в город (Булг. Белая гвардия).
2) Так он, **задумчивый**, и к доктору Воронову пришел (Бел. Изобретения профессора Вагнера).
3) **Анюта, белая, меловая, с огромными глазами**, и Елена, **растрепанная, рыжая**, подымали Турбина и снимали с него залитую кровью и водой рубаху (Булг. Белая гвардия).

Нетрудно заметить, что в предложениях группы «Б» выделенные прилагательные называют признак, локализованный во времени соотносительностью с временным планом предложения: *Он был невидимым и темным, пока шел; он пришел к доктору и был при этом задумчивым; Анюта и Елена подымали Турбина и были в этот момент одна — белая, с огромными глазами, другая — растрепанная, рыжая*. А в предложениях группы «А» определения, хотя и выделены интонационно, не связаны с модально-временным планом предложения, а поэтому и сами лишены модально-временного значения, и в связи с этим вряд ли правильно приписывать им полупредикативное употребление.

Наличие в полупредикативных единицах модально-временного значения определяет еще одну формально-синтаксическую их особенность: «сказуемый» элемент полупредикативной структуры не может быть изолирован от *verbum finitum* (или соотнесенного с ним синтаксического нуля), хотя и не образует с ним словосочетания, так как только спрягаемый глагол (или синтаксический нуль) обладает способностью локализовать то или иное содержание в определенной временной плоскости, без чего невозможна реализация модального отношения. В отдельных случаях из-за значения соотнесенных слов может показаться, что модально-временной план полупредикативного определения выявляется независимо от сказуемого. Так, в предложении *В бричке сидел господин не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок, нельзя сказать, что стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод* (Гог. Мертвые души) полупредикативные имена по смыслу не связаны с глаголом, они называют признаки, характеризующие предмет (лицо) без ориентации на содержание сказуемого. Тем не менее подобные случаи не опровергают сделанного предположения. Еще А. А. Потемня доказывал, что имя по природе своей сказуемым быть не может и становится предикатом только при опоре на глагол¹. Обращает на себя внимание тот факт, что такая «независимость полупредикативных» определений постоянно сопровождается значением реальной модальности в плане расширенного настоящего. В этом можно видеть некоторую аналогию с двусоставными именными предложениями с нулевой связкой. Подобно тому, как отсутствие глагола-связки является знаком синтаксического значения настоящего времени и реальной, модальности, «самостоятельность» полупредикативных атрибутов сигнализирует об определенном их модально-временном признаке. Кроме того, в таких случаях могут устанавливаться дополнительные (обычно уступки или мотивации) смысловые отношения между сказуемым и полупредикативным определением, например: *Эрве, весьма чувствительный к поэтическим красотам английского пейзажа, пришел в восторг от парка Виндхерет* (Моруа. Биография); *Широкоплечий лысый здоровяк, купавшийся до самых заморозков, он иногда так распался, что становилось душно если не во всей школе, то во всяком случае в классной комнате* (Ленц. Урок немецкого). Эти отношения нарушаются при употреблении тех же слов в приименной позиции, исчезает их модальное значение. Ср. *Наш школьный учитель, широкоплечий лысый здоровяк, иногда так распался, что... Эрве, весьма чувствительный к красотам пейзажа человек, пришел в восторг от сада.*

¹ «Мы будем понимать под предикативным именем (под предикативным именительным, *Grimm J. Grammatik. Göttingen, 1819. IV. P. 589*) не то, которое е с т ь предикат (такого не бывает), а то которое в х о д и т в состав грамматического предиката». *Потемня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. С. 111.

Способы «прикрепления» полупредикативных структур к сказуемому и средства выражения их модально-временного значения, судя по известным примерам разнообразны. Ими могут быть лексические единицы (предлоги), морфологические категории (время в деепричастии и причастии), но прежде всего синтаксические связи. И хотя синтаксические приемы формирования модально-временного значения полупредикативных единиц не изучены, можно думать, что именно они и переводят полупредикативную единицу из сферы смысловых отношений в синтаксическую. В. В. Виноградов, критически относясь к полупредикативности в том понимании, какое представлено в «Синтаксисе» А. А. Шахматова, считал возможным выделение полупредикативных конструкций на синтаксической основе. «Таким образом, если допускать «полупредикативные отношения», — писал он, — то следует признать, что они осуществляются лишь в составе предложения во взаимодействии между разными синтагмами и что, следовательно, они не имеют прямого отношения к учению о типах словосочетания»¹.

В связи со вторым формальным признаком полупредикативных единиц намечается общее синтаксическое правило для атрибутивных форм, употребленных полупредикативно: они должны находиться в прерывной синтаксической связи с определяемым ими именем². Под прерывной связью мы понимаем такую прикрепленность к существительному, при которой определяемое и определяющее не могут быть вычленены из предложения и перенесены в любую синтаксическую позицию имени существительного без нарушения смысловых отношений. См. примеры:

А Марина — вся в поту и жарком румянце — неумолимо влекла повозку (Шолох. Поднятая целина); *Всю ночь она своей красе в слезах дивилась и смеялась* (Пушк. Руслан и Людмила); *Мысли текли под шелковой шапочкой суровые, ясные, безрадостные* (Булг. Белая гвардия); *Перед ним, вся в солнце, поднималась Москва* (Малышк. Люди из захолустья); *Потом он все-таки подошел к художнику, надутый, очень важный, но без особой враждебности* (Ленц. Урок немецкого); *Выходит он прогуляться, как полагается, в белых портках, при всех орденах, и тут ему на улице подают телеграмму* (А. Толст. Хожение по мукам).

При анализе приведенных примеров можно повторить сказанное В. В. Виноградовым по поводу предложения *Усталая, она нуждалась в отдыхе*: «... непосредственно очевидно всякому, кто не захочет не критически принять формальную схему деления «словесных групп» Иона Риса, что *усталая, она* не составляет никакого словосочетания.

¹ Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950. С. 256.

² «Прерывная» связь с существительными характеризует также и деепричастные конструкции.

Предложение *Усталая, она нуждалась в отдыхе* представляет собой сочетание двух синтагм: *усталая* (она нуждалась в отдыхе)¹.

Прерывность связи внешне может проявляться в подвижности атрибутивного элемента — в возможности постановки между ними и определяемым именем спрягаемой формы глагола, а также, что весьма важно, обстоятельственных слов с временным значением. Ср.: *Огненно-желтый подсолнух был похож на раскаленный шар* и *Огненно-желтый // подсолнух был похож на раскаленный шар* > *Огненно-желтый // был подсолнух похож... Огненно-желтый в этот момент // был подсолнух похож... Огненно-желтый // в тот момент был подсолнух похож...*

По признаку прерывности связи полупредикативные определения могут быть отделены, во-первых, от всех сочетаний, образованных на основе уточнения (в самом широком смысле этого слова), предполагающего контактную (т. е. непрерывную) связь, во-вторых, от тех интонационно и по смыслу выделенных определений, которые тем не менее не могут быть изолированы от существительного, т. е. употребляются в присубстантивной позиции. См. примеры:

- A. 1. *Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах* (Гог. Мертвые души).
2. *Утром, около девяти часов, случайный извозчик у вымершей Мало-провальной принял двух седоков — мужчину в черном шитском, бледного, и женщицу* (Булг. Белая гвардия).
- B. 1. *А ночь плыла, как пес, косматый, мокрый, черный, кувшинкою речной держа звезду в зубах* (Евт. Качался старый дом).
2. *Дом, низкий, просторный, одноэтажный, обветшалый, построенный в начале века* (К. Сим. Думая о Хемингуэе).
3. *И что теперь будет происходить с ним (с Городом) для ума человеческого, даже самого развитого, непонятно и непостижимо* (Булг. Белая гвардия).

Существование «прерывистых» и непрерывных синтаксических связей атрибутивных форм с существительным свидетельствует о наличии в языке внешне совпадающих структур: 1) *огненно-желтый подсолнух* (одно синтаксическое место) *был похож на раскаленный шар*, 2) *огненно-желтый // подсолнух* (два синтаксических места) *был...* В результате можно утверждать, что обособление, т. е. интонационное выделение, вообще не формирует полупредикативных единиц: оно оказывается лишь средством разграничения омонимичных синтаксических явлений (там, где в этом есть необходимость).

Следовательно, можно сделать вывод, что полупредикативные конструкции в русском языке в целом формируются на морфолого-синтаксической основе, и их общие свойства могут быть определены следующим образом:

¹ См.: Виноградов В. В. Указ. соч. С. 256.

1. Семантико-синтаксические: а) двухкомпонентность на основе отношения определяемого и определяющего; б) модально-временное значение, зависимое по своему характеру.

2. Формально-синтаксические: а) обязательное наличие субстантива в качестве обозначения определяемого члена; б) соотнесенность со сказуемым определяющей части.

3. Функциональный признак — полупредикативные единицы трансформируются в предложение.

Все эти признаки взаимосвязаны, однако существенно, что только в совокупности они позволяют осмыслить полупредикативность как явление синтаксическое. В связи с этим следует еще раз обратить внимание на то, что если иметь в виду структуру, то нельзя называть полупредикативной единицей все, что может быть замещено предложением. Ш. Балли утверждал, что «в индоевропейских языках всякое грамматическое отношение является глагольным»¹ и что «слова, элементы которых поддаются анализу, подчиняются тем же условиям. Отвлеченные имена качественные (*vertu* «добродетель») и действия (*mort* «смерть» и т. д.) также можно превращать в предложения...»². И этот вывод Ш. Балли, к которому он пришел в результате перевода частичных синтагм (т. е. частей предложения) в ассоциативно полные (т. е. по смыслу сведенные к предложению с *verbum finitum* и именительным падежом подлежащего)³, как раз и свидетельствует о том, что в принципе структурно-синтаксическое тождество не может устанавливаться лишь на основе общности значения.

О. М. Чупашева

О полупредикативности деепричастий⁴

Задания. 1. На основе анализа статьи О. М. Чупашевой объясните, как проявляется связь деепричастия с подлежащим и сказуемым.
2. Какие факторы определяют возможность включения деепричастий в безличные и инфинитивные предложения?
3. Раскройте понятия первичной и вторичной полупредикативности, приведите собственные доказательные примеры.

Обособленные деепричастия, как полупредикативные члены предложения, имеют двунаправленные синтаксические связи, одновременно подчиняясь сказуемому и подлежащему. Обозначая добавоч-

¹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. С. 120.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 118 и сл.

⁴ Печатается по: Филологические науки. 2006. № 3. С. 78–86

ное действие, деепричастие связывается прежде всего с глаголом-сказуемым, но важна и его связь с подлежащим — субъектом действия основного и добавочного.

Своеобразие связи деепричастий с подлежащим подтверждается возможностью их включения в односоставные предложения: она снижается по мере устранения из них субъекта-подлежащего. В односоставных личных предложениях, где субъект словесно не выражен, но имеет своеобразного представителя в окончаниях глаголов-сказуемых, направленных на именительный падеж имени, употребление деепричастий практически не имеет ограничений, в то время как включение их в безличные и инфинитивные предложения ограничено рядом факторов, которые рассматриваются ниже.

Что касается глагола-сказуемого, то для деепричастия он необходим, и только полнозначительный. Не являются исключением предложения с деепричастиями при сказуемых типа *прыг*: *Тогда Нинка, противно взвизгнув, прыг — на стол, потом — на буфет* (М. П.). Подобные слова неоднозначно трактуются в грамматике, но, как показал А. М. Пешковский, они обладают лексическим значением — обозначают «... усеченность самого действия», это позволило ученому отнести их к глаголам¹. Ср. толкования в словарях: *прыг* — «прыгнул»²; «*междом. в знач. сказ.* Употребляется по значению глаголов *прыгать* и *прыгнуть*»³. При отсутствии в предложении позиции сказуемого (в номинативных конструкциях) деепричастия в нем исключены. При наличии такой позиции, даже незамещенной, т. е. в неполных предложениях, деепричастия сохраняют двунаправленность своих связей, например: *И они устались друг на друга: старик — хмуро, из-под желтых седых бровей, а Неворожин — холодно улыбаясь* (Кав.). При незамещенной позиции сказуемого возможен ряд однородных обособленных деепричастий: *Замерли оба на минуту, он неловко согнувшись, она — вытянувшись, прижавшись теплой мягкой щекой к его лицу, сотрясаясь от мелкой дрожи* (Кав.). Двунаправленность синтаксических связей, а следовательно, полупредикативность деепричастий сохраняется в предложениях с незамещенными синтаксическими позициями обоих главных членов: *Один человек рождается, любя математику, а другой — любя слово* (Р. Казак.): *рождается — любя, человек — любя*. Деепричастия не исключены в эллиптических предложениях, которые, как подчеркнул П. А. Лекант, «... не могут быть непосредственно сопоставлены с определенными глагольными предложениями...»⁴. Позиция сказуемого в них замещается иначе — не конкретным глаголом, а глаголом

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

² См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 627.

³ Словарь русского языка. В 4 т. М., 1981–1984. Т. III. С. 550.

⁴ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974. С. 143.

конкретной ЛСТГ, тоже полнозначным: *Со стола сползает красная скатерть. А в середине — придерживая край скатерти, буханка черного хлеба* (газ.), ср.: *А в середине, придерживая край скатерти, лежит (находится) буханка черного хлеба.*

Сохраняются двунаправленные синтаксические связи деепричастий и в тех случаях, когда, внешне изолированные, они представляют собой ответ на вопрос: деепричастие подчиняется грамматической основе предложения-вопроса. *Как она читала? **Ничего не подчеркивая, не выделяя ни стиха, ни строфы, ни одного отдельного слова, ни одной интонации...*** (Виленк.): (*читала — не подчеркивая, не выделяя, она — не подчеркивая, не выделяя*). Показательно существование парцеллятов-деепричастий: они сохраняют синтаксические связи с соответствующими компонентами базового предложения. Вот примеры: *Как же тепло я прощался с этими ребятами солнечным утром! **Уезжая уже на собственной машине*** (газ.); *Я ехала домой. Из Москвы. **Не заключив ни одного договора*** (газ.) (*прощался — уезжая, я — уезжая; ехала — не заключив, я — не заключив*).

Можно утверждать, что для деепричастия значима двунаправленная связь не столько с конкретными главными членами, сколько с их синтаксическими позициями. Сочетания с деепричастиями в двусоставных предложениях являются трехчленными: деепричастие + (подлежащее + сказуемое).

Иначе формируется полупредикативность деепричастий в безличных и инфинитивных предложениях. Для включения их в структуру данных предложений необходимо соблюдение ряда условий помимо наличия субъекта действия, представленного здесь не именительным, а косвенным падежом (уже не подлежащее). Окончания безличных глаголов *-ет, -ит* в настоящем и будущем времени (*светает, забрезжит*) не представляют подлежащее, неслучайно А. М. Пешковский назвал подобные формы ненастоящим третьим лицом единственного числа¹. Факты языка свидетельствуют о том, что формирование полупредикативности, а соответственно и синтаксические связи деепричастий в безличных предложениях определяют такие факторы: 1) характер безличного глагола в форме наклонения, 2) наличие субъектного безличного инфинитива в составе сказуемого, 3) способность безличного глагола быть вспомогательным в составном сказуемом, 4) характер значения безличного глагола. Рассмотрим их.

Один из способов выражения сказуемого в безличных предложениях — безличный глагол. Безличность неоднородна по своей природе. В одних случаях она связана с лексическим значением глагола: *брезжит, светает, смеркается, знобит, тошнит* (лексическая безличность). В других она есть результат словообразования — постфиксации: *хочется, думается, живется, верится* (словообразовательная безличность). Большинство лексически безлич-

¹ См.: Пешковский А. М. Указ. соч. С. 342.

ных глаголов неспособно присоединять к себе субъектный инфинитив и сопровождаться добавочным действием — значение деепричастия, — поэтому деепричастия не вступают с ними в синтаксические связи. Невозможно: **Его знобит, простудившись на прогулке*. Глаголы со словообразовательной безличностью неоднотипны по возможности присоединять к себе деепричастия — вступает в силу второе условие: наличие субъектного безличного инфинитива при безличном глаголе. Сочетаясь с субъектным инфинитивом, безличный глагол перемещается в разряд вспомогательных, а значит, выражает прежде всего грамматическое значение сказуемого, основное лексическое значение которого сосредоточивается в инфинитиве. Фактор безличности вспомогательного глагола отодвигается на второй план: видимо, семантически деепричастие связано прежде всего с инфинитивом и обозначает его второстепенное действие, грамматическая же связь деепричастия направлена на безличный глагол, поэтому при включении подобных предложений в парадигму деепричастие заменяется не инфинитивом, а глаголом в форме наклонения (форма безличного вспомогательного глагола в исходном предложении), ср.: *Слушая Скрябина, хочется броситься куда-то в бездну...* (Лос.). — *Когда слушаешь Скрябина, хочется броситься...* Ясно прослеживается двойная связь деепричастия, но с различными компонентами составного сказуемого — раздельная связь по линии семантики и по линии грамматики. Здесь важно, что линии связи не расходятся к разным членам предложения. Между тем, не все безличные глаголы обладают сочетаемостью с субъектным инфинитивом, ср.: *хочется + мечтать (петь, встречаться...)* — с одной стороны, и невозможное: **думается + инфинитив, живется + инфинитив* — с другой. Оказывается, способность быть вспомогательным передается безличным глаголам при словообразовательной безличности от его безличного производящего: *хочет — хочется*.

По способности присоединять к себе в предложении субъектный инфинитив и тем самым создавать возможность для полупредикативной связи деепричастий с безличными глаголами сближаются личные в безличном употреблении, среди них в имеющемся материале: *не годиться, доводиться, не мешать, оставаться, получить* — др. Например: *... Не годится жить, соглашаясь с правдой лишь наполовину или отказываясь от нее вовсе...* (Расп.); *Она не знала, долго ли придется лежать так, выжидая* (Одоевц.). Отмеченная способность связана с модальным значением долженствования, необходимости, возможности таких глаголов. Вот примеры их толкований: *годиться* — «уместно, **следует**, стоит»¹, *следовать* — «**нужно, должно, полагается**»² (в дефинициях выделено нами. — авт.). Не-

¹ Словарь русского языка. Т. 1. С. 324.

² Там же. Т. IV. С. 134.

которые глаголы в подобном употреблении фразеологизировались, как, скажем, *не мешает*¹. Между тем, безличное употребление ряда анализируемых глаголов зафиксировано не всеми толковыми словарями, что, безусловно, не отражает в полной мере их семантическую структуру.

Наличие субъектного инфинитива достаточно для появления синтаксической позиции деепричастий в безличных предложениях с предикативом в грамматической основе, хотя формирование полупредикативных связей осуществляется на иной основе. В отличие от рассмотренных выше безличных предложений с составными глагольными сказуемыми, здесь характер семантики связочного глагола не представляется существенным. Если в первом случае деепричастие одновременно подчиняется разным компонентам предикативного центра по линии семантической и по линии грамматической, то связь с грамматической основой, содержащей предикатив, определяется грамматическим значением деепричастия.

Деепричастие с перечислительным значением сочетается только с субъектным инфинитивом на основе сочинения и только вместе с ним подчиняется предикативу и глаголу, поэтому при включении предложения в парадигму деепричастие преобразуется в инфинитив: *Здесь нужно было говорить даже с близким другом, оглядываясь по сторонам* (Кав.). — *Здесь нужно было говорить даже с близким другом и оглядываться...* Такая связь возможна и при условном значении деепричастия: *Покупая зубную пасту, нужно смотреть не на ценник, а на состав* (газ.). — *Если покупать зубную пасту, нужно смотреть...* Иначе при временном значении деепричастия: происходит своего рода расщепление связей, как в безличных предложениях с составным глагольным сказуемым, т. е. грамматическая линия связи деепричастия направлена к глаголу-связке (он может быть нулевым), а семантическая — к инфинитиву и предикативу, ср.: *Когда покупаешь зубную пасту, нужно смотреть...* Своеобразие подобных предложений заключается в том, что и при условной семантике деепричастия возможно аналогичное расщепление связей, ср.: *Если покупаешь зубную пасту, нужно смотреть...*

Если грамматическая основа безличных предложений содержит предикативное наречие без инфинитива, то для полупредикативных связей деепричастия необходима глагольная связка не отвлеченная, а сохраняющая хотя бы частично лексическое значение, поскольку деепричастия и семантически и грамматически подчиняются глаголу, а не приглагольной части. В самом деле, отвлеченная глагольная связка, полностью утратив свою семантику, объективно не может сопровождаться добавочным действием — значением деепричастия. Невозможно **Ему спокойно, глядя на играющих детей* при возможном *Ему становилось спокойно, глядя на играющих детей*, хотя и

¹ Словарь русского языка. Т. IV. С. 264.

такие конструкции, по мнению В. А. Ицковича, «находятся на границе современной литературной нормы, в серой зоне между нормой и ненормой»¹. Безусловно, и здесь сохраняется необходимость отнесения деепричастия и связочного глагола к единому косвенному субъекту — реальному или потенциальному.

Понятно, что полупредикативные сочетания с деепричастиями и в безличных предложениях трехчленные: а) деепричастие + (безличный глагол + инфинитив), где на месте безличного глагола возможно сочетание предикатива со связочным глаголом, б) деепричастие + (связочный глагол + предикативное наречие).

Деепричастие вступает в полупредикативную связь с предикативным центром инфинитивных предложений — в составе придаточных обстоятельственных: *Я каждый день должен сделать что-то конкретное, чтобы, придя домой, спокойно сесть в кресло и выпить свой чай* (Бат.); в простом предложении: *И жить, сомненьями не мучась* (Филат.). Как показывают наблюдения, одна линия связи деепричастий, связь со сказуемым, наблюдается лишь при условии, что инфинитив не относится к собственно безличным глаголам. Вторая линия связи, как и в безличных предложениях, представлена связью деепричастия с дополнением, имеющим значение субъекта действия — имплицитного (см. примеры выше) или эксплицитного: [Цари, о ночь, и властуй надо мной,] *Чтоб мне забыть о суете земной, Пред тайною твоей изнемогая* (К. Р.). Правило односубъектности действий для деепричастия в инфинитивных предложениях, как и в безличных, сохраняется. Сочетания с деепричастиями в инфинитивных предложениях также трехчленны, но это проявляется парадигматически, например: *Чтобы мне можно было забыть о суете земной, Пред тайною твоей изнемогая*.

Деепричастия способны сочетаться не только с грамматической основой предложения, но и с компонентами вне основы, выраженными различными знаменательными частями речи, — с причастиями, другими деепричастиями, с существительными, наречиями и инфинитивами.

Деепричастия сочетаются с причастиями за пределами грамматической основы, причем только с действительными настоящего и прошедшего времени, выражающими активный процессуальный признак. Будучи подчиненным причастию, деепричастие одновременно связывается с определяемым причастием существительным или местоимением-существительным. Это позволяет констатировать двунаправленность его связи и подчинение одному с причастием субъекту. Субъект, выражаясь субстантивным словом, имеет чаще форму именительного падежа — выступает в функции подлежащего, ср.: *Опаснее всех был солдат, уже сидевший в пыли, прижав к животу прокушенный локоть* (Владим.) (*сидевший* — *прижав*, сол-

¹ Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982. С 140.

дат — *прижав*). Запрет на употребление деепричастий при полных страдательных причастиях вне грамматической основы в таких случаях обусловлен необходимостью изменить направление второй линии связи деепричастия — к дополнению и несовпадением ее со связью причастия с подлежащим. Неверно: **Повесть, читаемая мною, сидя на диване, захватила меня*. Вместе с тем не исключается субъект, а значит, и действительное причастие в косвенных падежах; такой субъект выступает в функции дополнения. Употребление деепричастий в таких конструкциях менее типично. По данным И. И. Ковтуновой, распространенные в XVIII веке, в XIX веке подобные конструкции постепенно вышли из употребления, за исключением предложений с деепричастиями, имеющими значение образа действия¹. Сохранились некоторые из них и в настоящее время. Синтаксические связи деепричастий в таких предложениях также двунаправленны: это связь с причастием и — одновременно — с определяемым это причастие членом. *Он хорошо знал верховья Москвы-реки, бегущей в долине звенигородского края, извилисто скользя по хрящеватому доньшук* (Семен.) (*бегущей* — в родительном падеже). Полупредикативность деепричастий здесь отличается от полупредикативности деепричастий при предикативных центрах. Сочетания с деепричастиями трехчленны: деепричастие + (причастие + существительное / местоимение).

Деепричастие нередко сочетается с другим деепричастием. Относы к другому деепричастию, непосредственно зависящему от предикативного центра, второе деепричастие опосредованно, через первое, связывается с его субъектом (обычно это подлежащее): в противном случае предложение было бы грамматически неправильным. Однако связь второго деепричастия с подлежащим ослаблена в сравнении со связью с ним первого деепричастия. Тем не менее наличие одновременной двойной связи у второго деепричастия позволяет признать его полупредикативность. Вот пример: *Потом (Таня. — авт.) побрела дальше по песку, все-таки взглядываясь в прибрежные холмы, надеясь увидеть дорожку к своему дому* (Петруш.) (*Таня — взглядываясь — надеясь*). В «Русской грамматике» обращается внимание на то, что «... в таких случаях возникает неразличение подчинительных и сочинительных отношений (а следовательно, и связей. — авт.) между двумя деепричастиями»². Бесспорно, такое явление нередко. Наряду с тем существуют конструкции с более отчетливым подчинением деепричастий, скажем, при наличии подчинительного союза при втором из них, как в предложении *Она стояла, **придерживая** у подбородка боа, **как будто** раздумывая, и*

¹ См.: Ковтунова И. И. Изменения в системе простого и осложненного предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. / под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М., 1964. С. 391.

² Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 183.

смотрела на него (Трубачевского. — авт.) с любопытством (Кав.).
Анализируемые сочетания трехчленны: деепричастие + (деепричастие + подлежащее).

Разграничивая вслед за А. С. Поповым первичную и вторичную полупредикативность¹, признаем полупредикативность деепричастий при предикативных центрах первичной, или актуальной, тогда как полупредикативность деепричастий вне предикативных центров — вторичной, поскольку она построена по образцу первичной.

Деепричастия образуют сочетания с отглагольными существительными, находящимися за пределами грамматической основы: *Со всякими предосторожностями, избегая* вызвать опасное волнение, его предупредили, что на него готовится очень серьезное покушение (Андр.) (с предосторожностями — избегая). Сочетания с деепричастиями в таких случаях двучленны: деепричастие + существительное, поэтому полупредикативность деепричастий может быть квалифицирована как вторичная.

Двучленными следует признать сочетания деепричастий с наречиями, вот примеры: *Так, замерши, и стоял он...* (Астаф.); *Рыбачили аккуратно, боясь выдать* свое присутствие на реке (Песк.) (так — замерши; аккуратно — боясь). Полупредикативность деепричастий в таких предложениях вторичная.

Деепричастие вступает в полупредикативные связи с инфинитивом, находящимся за пределами грамматической основы. Их характер во многом определяется синтаксической позицией инфинитива: отчетливо противопоставляются сочетания деепричастий с инфинитивом-дополнением и инфинитивом-определением. Сочетаясь с инфинитивом-дополнением, деепричастие связывается и с его субъектом (обычно дополнением) например: *Эта же подруга посоветовала Эмме закрыть глаза и слушать, как я пою, не обращая внимания на то, как я выгляжу* (газ.). Эти сочетания трехчленны, ср.: *Эмме — слушать — не обращая внимания*. Полупредикативность деепричастия вторичная. В отличие от этого сочетания деепричастий с инфинитивом-определением двучленны: *Но у нас с детства была эта привычка всматриваться в глаза людей, пряча* свое любопытство (Семен.) (всматриваться — пряча), а полупредикативность деепричастий вторичная.

Своеобразна полупредикативность деепричастий, подчиненных инфинитиву-подлежащему. Деепричастие в таких предложениях связано с грамматической основой, но не со всей, а только с ее независимым компонентом — неморфологизированным подлежащим, не обнаруживая зависимости от сказуемого. Проанализируем предложение *Замечать* курьезы, едва *открыв* газету или книжку, было

¹ См.: Попов А. С. Три сектора в структуре простого предложения (предикативный, полупредикативный и непредикативный) // Синтаксические связи в русском языке. Владивосток, 1974. С. 78–79.

специальностью и Бориса Викторовича, и Анны Андреевны (З. То-маш.): заметить — открыв, но не было специальностью — открыв. Понятно, что связь деепричастий здесь двучленная, а его полупредикативность вторичная.

Таким образом, полупредикативность обособленных деепричастий проявляется в двунаправленности его синтаксических связей в предложении. Двунаправленность связей предполагает трехчленность сочетаний деепричастий с подчиняющими его членами.

Деепричастие вступает в синтаксические связи как с членами грамматической основы, так и с членами предложения, выраженными различными знаменательными частями речи, за ее пределами. В первом случае деепричастие сочетается со сказуемым и подлежащим, при этом подлежащее может быть представлено во флексии глагола (в односоставных предложениях), тогда как сказуемое необходимо, причем выраженное полнознаменательным глаголом. Вместе с тем связи деепричастия направлены не столько на члены предложения, сколько на их синтаксические позиции. Связь деепричастий с глаголами-сказуемыми неоднотипна. В предложениях с простым глагольным сказуемым в ней совмещается грамматическая и семантическая составляющая. В предложениях с составными сказуемыми, например, в безличных, наблюдается расщепление грамматической и семантической составляющей, каждая из которых направлена одновременно к разным компонентам сказуемого. Сочетания деепричастий с компонентами вне предикативной основы могут быть как трехчленными, так и двучленными.

Деепричастиям свойственна как первичная, так и вторичная полупредикативность. Первичная обнаруживается при связи их с предикативным центром. Вторичная полупредикативность отмечена у деепричастий, связанных с причастием, другим деепричастием, существительным, наречием и инфинитивом.

II. СИНТАГМАТИЧЕСКИ НЕ СВЯЗАННЫЕ ВИДЫ ОСЛОЖНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Обращение

- Задания.**
1. На основе работ А. Ф. Прияткиной и И. П. Распопова определите статус обращения среди видов осложнения предложения.
 2. На основе анализа текста пособия А. Ф. Прияткиной ответьте на вопрос: как автор определяет синтаксический статус обращения?

А. Ф. Прияткина Обращение¹

<...> § 52. Вопрос о месте обращения в синтаксической системе

Существует точка зрения, согласно которой простое предложение, включающее обращение, является осложненным. Эта точка зрения не бесспорна, но она имеет под собой определенное основание. Прежде чем говорить об обращении в связи с осложнением, необходимо рассмотреть общее понятие «обращение».

Обращение — своеобразная синтаксическая конструкция, противоречивые признаки которой не позволяют однозначно определить ее синтаксический статус. Это грамматическая форма, обладающая первичной функцией и несколькими вторичными. В своей первичной функции обращение не имеет аналога среди других синтаксических категорий: это имя получателя речи (адресата), которое произносится говорящим в целях установления коммуникативного контакта (функция адресации речи): *Дети, я вам расскажу про Мазая* (Некр.). Имея в виду только эту, контактоустанавливающую, функцию (звательную, аппелятивную, побудительную), мы не можем считать обращение членом предложения: имя собеседника — это еще не сама «речь», не высказывание, а только призыв к его восприятию. Эта функция обращения отражена в его традиционных определениях, принятых грамматиками, например: «Обращение — это слово (или сочетание слов), называющее того, к кому (чему) обращаются с речью»². Так определяется собственно обращение. Действительно, будучи лишь призывом к восприятию «речи», имя собеседника не является ее частью и полностью независимо от ее содержания и структуры; «речь» может составлять отдельное высказывание, или целую цепь высказываний — устный монолог или письменный текст. Например, обращение в начале письма: «*Уважаемый председатель!*», «*Дорогая Мария Ильинична!*» — предвеляет связный текст. Независимость от «речи» (высказываний) проявляется в интонационной самостоятельности обращения: это отдельная, изолированная синтагма с характерной «звательной» интонацией (выполняющей функцию призыва ко вниманию), которая, по классификации интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой, соответствует ИК-2. Будучи вне самой «речи» (высказывания), обращение не может быть определено в терминах структуры синтаксических единиц, компонентов предложения (простого, сложного или осложненного); к нему не-

¹ Печатается по: Прияткина А. Ф. Современный русский язык. Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 271–273.

² Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: Синтаксис. Пунктуация. Ч. 3. С. 172.

приложимо понятие «синтаксических связей»; как имя собеседника оно соотнесено только с говорящим и противопоставлено ему — как Я и Ты. Обращение — это, в определенном смысле, второе лицо. Первое и второе лицо — это два участника речевого акта, их связь является условием естественной коммуникации. Таким образом, первичная функция обращения ограничивается ролью в организации коммуникативного акта. Эта специфика обращения объясняет, почему данная грамматическая категория не может быть рассмотрена вне коммуникативного аспекта синтаксиса.

Однако модель обращения — его форма (независимый именительный падеж) и функция адресации — практически в речи используется гораздо шире, что приводит к изменению статуса данной конструкции: обращение проявляет постоянную тенденцию к тому, чтобы от положения вне высказывания перейти на положение его компонента. Обращение включается в состав высказывания благодаря тому, что получает дополнительные, вторичные функции. Вторичные функции развиваются из первичной и представляют собой ее преобразование или перерождение. Функция адресации становится основой для функции характеристики, а также может трансформироваться в функцию номинации предмета речи (в целях конкретизации). Эти вторичные функции сближают обращение с членом предложения; благодаря им у обращения обнаруживаются признаки связанности с предложением и его членами.

Обращение в своих функциях, как первичной, так и вторичных, не изолировано в языковой системе — оно входит в число средств адресации. К ним относятся: местоимения второго лица, повелительное наклонение, вопросительное предложение, призывные междометия типа *эй! алло!* и некоторые другие формы. Обращение взаимодействует с этими формами.

Далеко не всегда условия речи требуют использования форм адресации. Множество высказываний обходится без обращения. К нему говорящий прибегает ради определенной коммуникативной цели — найти адресата, уточнить, определить воспринимающий субъект, привлечь его внимание к речи, т. е. установить контакт для успешной коммуникации. Высказывание повествовательного типа может сопровождаться обращением, например: *У нас тяжелая жизнь стала, Миша. Ни тишины, ни покою* (А. Толст.). Но больше нуждаются в обращении высказывания побудительного и вопросительного типа: они предполагают реакцию собеседника, и, таким образом, собеседник, поименованный обращением, является потенциальным субъектом (агенса): он либо предполагаемый говорящий (ответ на вопрос), либо возможное действующее лицо. Это служит основой для расширения, обогащения и видоизменения функций обращения.

§ 53. Обращение в первичной и вторичной функциях

Первичная и вторичная функции обращения обусловлены речевыми ситуациями.

Естественным условием обращения в первичной функции (собственно обращение) является разговорная речь — бытовой или деловой диалог. Он воспроизводится и в тексте художественной литературы, например: *«Не спится, няня: здесь так душно! Открой окно да сядь ко мне»*. — *Что, Таня, что с тобой?* — *«Мне скучно, поговорим о старине»* (Пушк.). Контактустанавливающая функция является в диалоге основной, а вторичные функции имеют ограниченное проявление. Собственно обращение — это имя лица, обычно имя собственное, реже нарицательное (*отец, товарищ, девушка, соседка*).

Обращение в первичной функции возможно не только в устном диалоге, оно может предварять монолог; в деловых и публицистических текстах, а также в художественном произведении оно обусловлено адресованностью речи коллективному или неопределенному собеседнику (читателю, слушателю), например: *Друзья Людмилы и Руслана! С героем моего романа без предисловий, сей же час позвольте познакомить вас* (Пушк.).

Но, как было отмечено А. М. Пешковским, уже в разговорной речи звательная функция обращения «тесно переплетается с функцией квалификации самого слушателя»¹. Форма обращения используется говорящим для выражения отношения к лицу, для его оценки или выражения чувств. Таковы ласкательные или бранные обращения, вроде: *деточка, ласточка, милая, дружок, радость моя*, или: *негодник, плут, дурак* и т. д. Лексика в таких обращениях имеет устойчивый характер. Обращение здесь выступает во вторичной функции — форма, способ субъективной оценки. Например: (166) *Здравствуй, умница, — ласково сказала мать* (Горьк.); *А ты-то где был, голова еловая?* (Шолох.).

Основной сферой обращения во вторичных функциях является поэтическая речь. Здесь данная синтаксическая конструкция используется в иных коммуникативных целях. Это видно из примера: *Раззудись, плечо, размахнись, рука, ты пахни в лицо, ветер с полудня* (Кольц.). У обращения уже нет цели «привлечь внимание собеседника». Тем не менее такое употребление неотделимо от первичной функции. Обращение к предмету — это условная адресация. Конструкция с обращением — поэтическая фигура, которая входит в целую систему художественных приемов, связанных с олицетворением, персонификацией. Здесь обращение является частным случаем или даже следствием употребления форм второго лица вообще (местоимения, повелительного наклонения и т. д.) по отношению к нелицам. В условном адресате говорящий вправе не видеть потенциальный субъект, не ждать от него реакции на обращение. Переносное употребление форм адресации широко представлено в поэтических текстах, например: *Мужайся, сердце, до конца* (Тютч.); *Скажи мне,*

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 407.

ветка Палестины: где ты росла, где ты цвела? (Пушк.); *Ночь, за что я люблю твой таинственный свет?* (Апухт.); *Какие ж сны тебе, Россия, какие бури суждены?* (Блок); *Мертвое поле, дорога степная! Вьюга тебя замечает ночная* (Бун.); *Я вас узнал, святые убежденья, вы спутники моих минувших лет* (А. К. Толст.); *Я люблю тебя, жизнь* (Ванш.). Приемы обращения к не-лицам имеют свои задачи, которые исследуются поэтикой, стилистикой художественной речи. Однако данное явление — «коммуникативный перенос» (И. И. Ковтунова) — имеет и синтаксическое значение: в условиях поэтической речи меняется синтаксическое качество обращения.

Специфика обращения состоит в том, что, в отличие от слов, входящих в состав предложения, слово-обращение — это не имя предметов или явлений, описываемых предложением, а имя собеседника. Однако диалог открывает широкую возможность для их совпадения, так что у обращения есть две возможности: 1) называть только собеседника (*Иван Иванович, Петя завтра уезжает*), 2) называя собеседника, называть тем самым и предмет речи (*Иван Иванович, вас ждет директор*). При втором условии имя лица, которому адресовано высказывание, втягивается в его информативное содержание: слово-обращение оказывается и именем собеседника и именем предмета речи одновременно. Это значит, что обращение и член предложения (подлежащее, дополнение) имеют общий референт. В нашем примере слова *Иван Иванович* и *вас* отнесены к одному участнику события, описываемому предложением. Это создает возможность использования обращения в качестве конкретизатора, т. е. в качестве такого имени предмета речи, без которого вещественное (денотативное) содержание высказывания было бы неопределенным. Ср.: *Вас ждет директор*. В условиях естественного диалога неопределенности не возникает и обращение конкретизирующей функции не несет, — она появляется только при коммуникативном переносе, в частности, в поэтической речи.

Поэтическая речь, благодаря приему олицетворения, широко использует обращение с дополнительной функцией конкретизации: референт обращения — предмет, вещь, явление природы входит в информативное содержание высказывания. В побудительных предложениях слово-обращение семантически соответствует имени субъекта действия (не будучи формально подлежащим), например: *Лети, корабль, неси меня к пределам дальним* (Пушк.).

Когда в обращении превалирует значение субъекта действия, вся конструкция служит экспрессивным вариантом предложений с модальным значением волеизъявления, желания, которое тесно связано с функциями императива. Например: *Пылай, камин, в моей пустынной келье* (Пушк.) = «хочу, чтоб пылал камин»; *Цвети, ограда, будь полон, чистый водоем* (Ахмат.) = «пусть цветет ограда». В художественном тексте семантическая связь обращения с предложением настолько усиливается, что фраза без обращения может ока-

заться информативно недостаточной. Ср.: *Уходи, зима седая* (Майк.); *Гармоника, гармоника! Эй, пой, визжи и жги* (Блок); *Я в грудь тебя целую, московская земля!* (Цв.); *Я счастлив был с вами, ущелия гор* (Лерм.). И, напротив, наличие обращения при отсутствии соответствующего референту члена предложения может обеспечить смысловую полноту высказывания. Например: *Муза, ранена?* (Мартын.). Условный собеседник в поэтическом тексте фактически является предметом речи. Тексты такого рода уже не допускают расчленения на собственно речь и ее адресацию (как при обращении в его первичной функции), так что слово-обращение составляет неотъемлемую часть единого высказывания.

Включенность обращения в высказывание делает его сходным по синтаксической функции с членом предложения; в силу конкретизирующей роли обращение сближается с приложением при личном местоимении; иногда можно обнаружить признаки согласования сказуемого с обращением, например: *Ведь, Человечество, ты тоже смотрело этими глазами?* (Кирс.).

Когда обращение теряет свое специфическое качество — положение вне высказывания — меняется его синтаксический статус, что и позволяет определять его как компонент предложения. В «Русской грамматике» (М., 1980) обращения характеризуется как «распространяющий член предложения». Необходимо учитывать, однако, что такое определение исходит из вторичной функции обращения.

§ 54. Обращение и осложнение

Обращение в своих вторичных функциях участвует в осложнении предложения. Однако осложнение создается не конструкцией, а значениями, которые создаются на ее основе.

Эти значения сводятся к двум основным типам: 1) номинация предмета и 2) его квалификация, характеристика, оценка. В синтаксическом плане первое соответствует позиции субъекта, предмета речи, второе — позиции предиката. Конкретизирующая номинация меньше связана с осложнением, хотя и она может включать в себя квалификацию, оценку. Например: *Соперница, а я к тебе приду когда-нибудь, такую ночью лунной* (Цв.). Если же с помощью обращения дается характеристика предмета, указываются его признаки, то появляется значение, которое соответствует дополнительной предикации. В оценочных обращениях (*Голубчик! Милая!* и т. п.) А. М. Пешковский увидел дополнительное синтаксическое значение: «получается нечто среднее между обращением и именительным предикативным с опущенным «ты»¹. Это предикативно-характеризующее значение и дает основание говорить об осложняющей роли обращения.

Осложнение происходит двумя путями. 1. Характеризующее значение имеет само обращение (семантика отдельного слова или сло-

¹ Пешковский А. М. Указ. соч. С. 407.

восочетания). По роли в предложении такое обращение близко к полупредикативному определению или приложению. Например: *Если ты к ногам моим положен, ласковый, лежи* (Ахмат.); *Сумрак тихий, сумрак сонный, лейся в глубь моей души, тихий, темный, благовонный, все залей и утиши* (Тютч.).

2. Характеризующее значение заключено в обороте, осложняющем обращение. Чаще всего это обособленное приложение — полупредикативный член: *Подруга думы праздно́й, чернильница́ моя, свой путь однообразный тобой украсил я* (Пушк.); *Блондинистый, почти белесый, в легендах ставший как туман, о Александр! Ты был пове́са, как я сегодня хулиган* (Ес.). В поэтической речи оба способа легко сочетаются: *Подруга дней моих суровых, голубка дряхлая моя! Одна в глуши лесов сосновых давно, давно ты ждешь меня* (Пушк.); *Наивная и страстная душа, в ком умыслы прекрасные кипели, упорствуя, волнуясь и спеша, ты честно шел к одной высокой цели* (Некр.). Осложняющая роль обращения усиливается, когда между ним и предикативным содержанием предложения есть смысловое отношение, например: *Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?* (Пушк.); *Любимая! Меня вы не любили* (Ес.). Приведенные примеры показывают, как функция адресации уступает место функции характеристики, предикации. Обращение может стать смысловым центром высказывания, самоцелью. Как писал А. М. Пешковский, в художественной речи «группа обращения часто делается эстетическим или риторическим центром, вбирает в себя максимум мысли и чувства автора»¹. Таким образом синтаксическая модель обращения обладает способностью концентрировать в себе содержание высказывания и быть его коммуникативным центром.

И. П. Распопов

Обращение, так называемые вокативные предложения и именительный темы²

§ 91. Обращением называют наименование лица, которому непосредственно адресуется сообщение.

Синтаксическая форма обращения — именительный падеж существительного, присоединяемый к основному составу предложения или включаемый в него посредством специфической интонации (звательной или вводной).

<...>

¹ Пешковский А. М. Указ. соч. С. 407.

² Печатается по: Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. С. 265–271.

Сравнительно редко и, по-видимому, только в экспрессивной речи обращение выражается не именительным, а другими падежными формами существительного с предлогами: *Эй, в шляпе, отойди-ка в сторону!*; *Эй, на лодке! Освободите левый борт!* (Полевой). Такие формы следует рассматривать как субституты именительного падежа или компрессионные выражения с опущенным именительным падежом существительного (ср.: *Эй, гражданин в шляпе, отойди-ка в сторону!*; *Эй, люди на лодке! Освободите левый борт!*).

Как видим, обращение может занимать различные позиции по отношению к основному составу предложения. Причем в начальной позиции, где обращение выделяется особой звательной интонацией, имеется тенденция к большей его изоляции от основного состава предложения (отсюда использование более разнообразных знаков препинания при оформлении такого обращения в письменной речи). Заметим, что в этой позиции, в условиях непринужденной формы общения, проявляется специфическая (усеченная) форма звательности: *Вань, Маш, мам, пап* и т. п. Напр.: «*Пап, — сказал Алеша тихо, — а разве другие сверчки кусаются?*» (Фед.)¹.

§ 92. В ряде случаев обращение, спроецированное на начальную позицию — перед последующим сообщением, может принять на себя всю коммуникативную нагрузку этого сообщения (которое вследствие этого редуцируется до нуля). Так формируются в о к а т и в н ы е предложения (термин А. А. Шахматова), выражающие эмоциональную реакцию на поведение собеседника: [*А р к а д и н а*] (тихо). *Это что-то декадентское.* [*Т р е п л е в*] (умоляюще и с упреком). *Мама!* (Чех.); [*М а р и н а.*] *Ничего, деточка. Погочут гусаки — и перестанут... Погочут — и перестанут.* [*С о н я.*] *Нянечка!* (Чех.).

§ 93. От обращений следует отличать так называемый именительный темы (или, по терминологии А. М. Пешковского, именительный представления), наблюдаемый, например, в следующем тексте: *Москва ... Как много в этом звуке для сердца русского слилось!* (Пушк.).

Назначение именительного темы состоит в специально подчеркнутом (акцентированном) обозначении темы сообщения, рематическое содержание которого целиком переносится в последующее предложение. Такой именительный и выступает в качестве своеобразного сателлита последующего предложения, семантически соотносимого с ним с помощью дейктических средств — местоимений, указывающих в реальном смысле на тот же предмет, явление и т. п., которые называются именительным темы. Заметим, однако, что в роли подобных дейктических средств по отношению к именитель-

¹ См.: *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык. Ч. 2: Синтаксис. М., 1968. С. 197.

ному темы не могут выступать личные местоимения 2-го л.: в противном случае соответствующий именительный неизбежно преобразуется в обращение. Ср. с приведенным примером предложение: *Москва! Как много о тебе я думал на чужбине*. Ср. также: *Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он...* (здесь: *Вечерний звон* — именительный темы). — *Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводишь ты* (здесь: *Вечерний звон* — обращение).

С другой стороны, именительный темы нужно отличать от номинативных предложений типа *Москва. Ноябрь 1918 года. Первая годовщина революции...* Основное различие их заключается в том, что номинативные предложения обладают закрытой коммуникативной перспективой (именительный падеж обозначает в них рему сообщения при нулевой теме), тогда как именительный темы оставляет коммуникативную перспективу открытой для последующего предложения.

Именительный темы получил в современной литературной речи весьма широкое распространение, отвечая общей тенденции к расчлененному и акцентированному выражению мысли.

Вводные и вставные конструкции

Субъективно-модальные значения¹

Задания. На основе анализа текста «Русской грамматики» 1990 г. ответьте на вопросы:

1. Какая особенность вводных конструкций определяет специфику их описания в «Русской грамматике» 1990 г.?
2. Назовите основные группы вводных конструкций по значению. Приведите примеры.

§ 578. Термин «модальность» не является однозначным. Он используется для обозначения языковых явлений, неоднородных по назначению, смысловому объему, грамматическим свойствам и по своей принадлежности к тому или иному уровню языковой системы. К сфере модальных значений относят противопоставление предложений по характеру их коммуникативной установки (утверждение — вопрос — побуждение), противопоставление по признаку «утверждение — отрицание», градации значений в диапазоне «ре-

¹ Печатается по: Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М., 1990. С. 499–506.

альность — ирреальность» (реальность — вероятность — предположение — нереальность), так называемые модальные глаголы и предикативы (*хочет, может, должен, нужно, необходимо* и др.).

Термином «субъективная модальность» в ее противопоставлении «объективной модальности» <...> в настоящей Грамматике обозначается формально неоднородный круг средств, используемых говорящим для выражения своего, личного отношения к тому, о чем он сообщает. К сфере субъективной модальности относятся разные аспекты интеллектуальных квалификаций и оценок, а также значения, связанные с выражением эмоциональных и волевых реакций говорящего. В обобщенном представлении эти значения таковы:

1) квалификация достоверности или недостоверности, истинности или неистинности, подлинности или неподлинности; характеристика степени выявления признака и связанная с этой характеристикой оценка разного рода соответствий или несоответствий (действительности, а также ожидаемому, желаемому, представлению об адекватности, идентичности); оценка целесообразности, закономерности; характеристика признака по его связям с чем-л. и отношениям к чему-л.; эта группа значений тесно взаимодействует с разными модификациями уверенности и сомнения: убежденности, несомненности, предположения, неуверенности, недоверия, раздумья, подозрения, опасения, колебания, неясности, неопределенности, стремления уяснить что-л.;

2) положительная или отрицательная оценка: одобрение, похвала, поощрение, удовлетворение, удовольствие, радость, предпочтение, возвращение, неодобрение, порицание, осуждение, упрек, удивление, раздражение, досада, недовольство, возмущение, вызов, насмешка, ирония, презрение;

3) разные виды волеизъявления и соответствующих ответных реакций: внутреннее решение, готовность, призыв, побуждение, предостережение, угроза; согласие или несогласие, принятие или неприятие (уверенное, категорическое, безусловное), допущение с оговоркой или по необходимости, вынужденное, неохотное или примирительное согласие; раздраженное, вызывающее принятие;

4) специально акцентируемая заинтересованность или безразличие; квалификации и оценки, обусловленные намерением выделить, подчеркнуть какую-то часть информации, сосредоточить внимание собеседника на чем-л.

Все такие значения взаимодействуют друг с другом и могут совмещаться в семантике языковых единиц, выполняющих модально-оценочную функцию. Например, уверенное акцентирование признака в случаях типа *Брать берет, а на место не кладете* (Чех.); *Спать не спал, а вставай* может сопровождаться контекстуально обусловленным значением недовольства, раздражения; в построениях типа *поедом ест* значение полноты и интенсивности проявления признака совмещается с контекстуально обусловленным и интонационно подкрепленным значением жалобы или осуждения.

Единицы с субъективно-модальным значением отражают сложные взаимодействия между участниками речевой ситуации и ее компонентами: говорящим, адресатом, действительностью, содержанием сообщения; специальным объектом субъективной оценки может быть словесная форма сообщаемого. Выражая разные виды коммуникативного контакта говорящего и собеседника, средства субъективной модальности (в сопровождении специфической интонации) используются при столкновении позиций говорящего и другого лица (субъекта описываемой ситуации): *Он, видите ли, не может рано проснуться!*; *Скажите пожалуйста, какой нервный!* Отрицательная оценка в таких случаях сопровождается оттенком иронии. Конструкции, оформленные субъективно-модальными средствами, как правило, экспрессивно окрашены; сфера их употребления — разговорная речь, отражающие эту речь жанры художественной литературы и публицистики, просторечие.

§ 579. Для выражения субъективно-модальных значений используются следующие средства: специальные синтаксические конструкции (синтаксические фразеологизмы, соединения словоформ, повторы); построения с модальными частицами и их аналогами; построения с вводными словами, сочетаниями слов и вводными предложениями; построения с междометиями. В оформлении субъективно-оценочных реакций и квалификаций принимают участие порядок слов, а также интонационные средства. Круг этих явлений, с одной стороны, противопоставлен средствам объективной модальности <...> и, с другой стороны, модально значимым словам типа *можно, нельзя, хочет, может, следует* (в значении «надо»), *надлежит* и т. п. Ниже дается описание основных средств выражения субъективно-модальных значений. <...>

§ 585. Вводные слова и словосочетания представляют собой обширную и постоянно пополняющуюся группу лексико-семантических единиц, объединенных специфической функцией выражения различных аспектов субъективного отношения говорящего к сообщаемому, а также разных видов коммуникативного контакта говорящего и адресата. Вводные предложения — конструкции, формально соотносимые с предикативной единицей, но функционально аналогичные вводному слову. Границы между вводными словами, вводными словосочетаниями и вводными предложениями условны; многие из них функционально близки к модальным частицам <...>; далее все они именуются вводными словами.

С грамматической точки зрения вводные слова представлены личными формами глагола, инфинитивом, деепричастиями, существительными и местоимениями (с предлогами и без предлогов), наречиями, предикативами, а также глагольными и именными фразеологизмами. В большинстве случаев вводные слова представляют собой обособленные словоформы, формально и функционально

изолированные от парадигмы соответствующих знаменательных слов. В предложении они занимают автономную позицию: синтаксические связи с членами предложения у вводных слов отсутствуют (союз, относящийся к вводному компоненту сообщения, не выполняет связующей функции): *Он болен и, что еще хуже, совсем одинок; Как хочешь, я не могу с тобой согласиться.*

Со стороны функционально-смысловой в группу вводных слов входят слова со значениями восприятия, речи, мысли, эмоциональных, интеллектуальных, волевых реакций и состояний, разноаспектных квалификаций и отношений. Резервом для образования вводных слов являются слова, лишенные конкретно-предметного значения и потенциально несущие в себе субъективно-оценочное значение.

§ 586. Вводные слова, словосочетания и предложения выражают разные виды эмоциональных реакций, эмоциональных оценок и квалификаций: радость, одобрение, положительную оценку (*на счастье; к радости*); сожаление, неодобрение, отрицательную оценку (*к сожалению, на беду*); удивление, недоумение (*к удивлению; странное дело; нечего сказать*); согласие с чьей-л. оценкой (*ничего не скажешь, не спорю*); опасение (*чего доброго, не дай бог*); оценку сообщаемого с точки зрения достоверности (*наверное, надеюсь, пожалуй, по-видимому, вероятно, возможно, может быть, скорее всего, кажется, надо полагать, безусловно, бесспорно, разумеется, само собой разумеется*); оценку достоверности путем указания на источник (*по слухам, по мнению кого-л., по-моему, по-вашему, на мой взгляд, как полагаю, насколько мне известно, говорят, как говорят*); градационно-количественные и количественно-ограничительные оценки (*по меньшей мере, самое большее, мало того, мало сказать*); обычность (*бывает, случается, как это случается иногда, как водится, как правило, по обыкновению*). Специальным предметом квалификации и эмоциональной оценки может быть словесная форма, стиль, манера изложения, композиционная и смысловая организация сообщений. При помощи вводных слов и выражений *собственно говоря, точнее говоря, так сказать, иначе говоря, как бы сказать, если хотите* и др. отмечается, что мысль выражена приблизительно; вводные слова *простите, извините, как говорится, по выражению (кого-л.), не в обиду будь сказано, что называется* и др. используются для оценки стиля, манеры речи; *итак, по сути, по существу, в сущности, стало быть, в общем* и др. выполняют обобщающую, резюмирующую функцию; *главное, главным образом, главным делом, в первую очередь, прежде всего, подчеркиваю, далее, затем, в свою очередь, кстати, между прочим, к слову сказать, заметим* и др. используются для расстановки смысловых акцентов в рамках сообщаемого, для выделения наиболее значимой части; *напротив, наоборот, тем не менее, впрочем, с одной стороны... с другой стороны* указывают на противопоставленность одной части

сообщения другой его части; например, в частности, а именно соотносят общее и частное; во-первых, во-вторых, наконец, напоминаю, как говорилось выше и др. композиционно связывают части сообщаемого.

Особую группу образуют вводные слова, которые выражают разные виды коммуникативного контакта говорящего и адресата. Это может быть обращение к адресату с целью привлечь его внимание к чему-л. (*заметьте, обратите внимание*); установление коммуникативного контакта (*послушай, послушайте*); заполнение паузы, во время которой говорящий ищет подходящее выражение, отвечая на вопрос собеседника (*видишь ли, видите ли, понимаете, знаете, как вам сказать*); воздействие на мнение, волю и эмоции адресата в том или ином направлении, например, желание убедить, вызвать доверие (*поверьте, право же, честное слово*); призыв к сопереживанию, к согласию (*подумать только, можете себе представить, вообразите, посудите сами, согласитесь*); выражение разных оттенков искренности (*говоря по совести, надо сознаться, по правде говоря, между нами*). Модальные слова и выражения этой группы многозначны; воздействие на адресата не является самоцелью, он только привлекается к оценке, предметом которой остается информативное наполнение высказывания. Такие вводные слова, употребленные как отдельное высказывание, могут нести информацию об эмоциональной настроенности говорящего: *Так и знайте!*; *Имейте в виду!*; *Надо же!*; *Ничего не скажешь!*; *Вот еще!*; *Если уж на то пошло* и др.

§ 587. Позиция вводных слов в предложении, при всей их смысловой подвижности, регулируется целенаправленностью оценки. Если оценка ориентирована на содержание предложения в целом, то вводное слово обычно стоит в начале или в конце предложения: *К нашему счастью, вошло наконец прекрасное солнце* (Пришв.). Если оценка касается определенного фрагмента содержания, то вводное слово занимает по отношению к этому фрагменту контактную позицию: *Испуг по поводу пустой, на мой взгляд, болезни по-прежнему чувствовался во всей семье* (Кор.); *Однажды, будучи маленьким гимназистом, я пришел к главному врачу, разумеется, не по собственному почину (вот еще!), а исполняя волю гимназического начальства, считавшего, что мне необходимы очки* (Олеша).

Субъективно-модальные значения в отличие от объективно-модальных являются факультативными: они несут в себе добавочные, оценочные характеристики, взаимодействующие с объективно-модальными значениями.

Задания. Прочитайте работы И. П. Распопова, С. В. Вяткиной и ответьте на вопросы:

1. Что представляет собой явление парентезы?

2. В чем отличие вставных конструкций от вводных?
3. Какими структурными и функциональными свойствами обладают вставные конструкции? Каковы тенденции развития данного вида осложнения предложения?

И. П. Распопов
Явление парентезы.
Вводные и вставные элементы
в составе предложения¹

<...> § 88. Наряду с обособлением, к особым явлениям в синтаксисе простого предложения относится явление так называемой парентезы.

Парентеза (греч. parenthesis) — внесение, вставка каких-то элементов, соотносимых с содержанием основного состава предложения или его конструктивных частей, но выходящих за границы обычных синтаксических связей, которые устанавливаются между компонентами этого состава.

Парентеза осуществляется главным образом с помощью интонационных средств языка и обуславливается либо необходимостью в авторской характеристике или оценке содержания высказывания, либо необходимостью сообщить какие-то добавочные, попутные замечания относительно содержания высказывания в целом или отдельных его частей. Соответственно различают два вида парентетических элементов: вводные и вставные.

§ 89. Вводные элементы служат целям авторской характеристики высказывания и имеют преимущественно субъективно-оценочное значение. Эти элементы:

1) выражают модальное качество сообщения, степень достоверности или обычности сообщаемого, как в примерах: *Книга, может быть, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством* (Горьк.); <...>... *Муму, по обыкновению, осталась его дожидаться* (Тург.);

2) указывают на источник сообщения: *По словам разведчика, главный японский штаб стоял в Яковлевке* (Фад.); <...>... *Надо, как говорил великий поэт Александр Сергеевич Пушкин, «глаголом жечь сердца людей»* (Полевой); *Правда ли, скажы в а ю т, на небе-де солнышко светит?* (Салт.);

3) квалифицируют способ или характер выражения мысли: *Зинаида Афанасьевна, в о о б щ е г о в о р я, была чрезвычайно роман-*

¹ Печатается по: Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984. С. 265–271.

тического характера (Дост.); Меня, смею сказать, полюбили в доме, как родного (Тург.); Сказать правду, спасенный не понравился Морозке с первого взгляда (Фад.) <...>;

4) выражают эмоциональную оценку сообщаемого, точнее — эмоциональное отношение к отражённым в сообщении фактам со стороны того или иного лица (в том числе самого автора): *Лошадка его, к истинному моему удивлению, бежала очень недурно (Тург.); < ... > Койку Степана Ивановича, к его великой радости, установили у самого окна (Полевой);*

5) выполняют так называемую контактирующую функцию, обеспечивая более тесный контакт и известную интимность в речевом взаимодействии говорящего с собеседником: *<...> В образите, наши молодые люди уже скучают (Тург.); Выразить недовольство жизнью в шестьдесят два года, с огласить, — это невеликодушно (Чех.);*

6) указывают на логическое соотношение между частями: высказывания или между отдельными высказываниями в составе связного текста: *Приехать на войну с тем, чтобы воспевались будущие подвиги, было для меня, с одной стороны, слишком самолюбиво, с другой, слишком непристойно (Пушк.); Чапаев никогда не отказывался от вмешательства в подобные дела; на оборот, он любил разобрат все сам и вывести разных негодяев на чистую воду (Фурм.) <...>.*

Круг вводных элементов лексически и структурно ограничен. В соответствующей роли могут выступать:

— синтаксически специализируемые (и частично переходящие в разряд модальных слов) наречия: *возможно, вероятно, видимо, очевидно, конечно, несомненно, безусловно, собственно, впрочем, например, кстати;* отдельные, глагольные формы: *кажется, разумеется, признаться, говорят, значит, видишь (ли), видите (ли), знаешь (ли), знаете(ли);* отдельные падежные и предложно-падежные формы некоторых существительных: *правда, словом, к счастью, к несчастью, на счастье, на беду, к слову, по слухам, без сомнения;*

— лексикализованные (фразеологически связанные) словосочетания: *может быть, должно быть, стало быть, собственно говоря, одним словом, таким образом;*

— свободные, но лексически и грамматически стандартизованные в одном из компонентов словосочетания именного или глагольного типа: *к (чьему-либо) счастью, к (чьей-либо) радости, к счастью для (кого-либо), по (чьим-либо) сведениям, по (чьему-либо) мнению, по (чьему-либо) свидетельству, по (чьим-либо) словам, (скромно, мягко, откровенно, по правде) говоря;*

— предикативные конструкции (конструктивные аналоги предложения) с глагольным или именным сказуемым, лексически обозначающим речевое или познавательное действие либо его результат, как в примерах: *Толстой, я думаю, никогда не постареет (Чех.); На той стороне, шагах в ста отсюда, он это знал, к самой реке*

подходили австрийские окопы (А. Толст.); Я этот учитель греческого языка, этот человек в фуляре, может себе представить, едва не женился (Чех.); За ближайшими холмами, как дологил на блюдалель, передвигались немецкие танки (К. Симонов).

Своеобразие синтаксической позиции вводных элементов состоит в том, что эта позиция не предопределяется сочетательными (валентными) свойствами членов основного состава предложения. Ср.: *К удивлению мальчика примешивался испуг. — К удивлению Петя, в участке не было ни воров, ни пьяниц, ни босяков (Кат.).* Здесь в первом предложении словосочетание, возглавляемое предложно-падежной формой существительного *к удивлению*, вступает в непосредственную, причем обязательную связь с глагольным сказуемым *примешивался* и выполняет при нем роль косвенного дополнения, но во втором предложении аналогичное словосочетание занимает уже особую синтаксическую позицию, в которую оно ставится независимо от структуры и семантики сказуемого в качестве вводного элемента, выполняющего свое назначение (в данном случае — эмоционально-оценочное) по отношению к содержанию предложения в целом. Ср. также: *Такое решение задачи возможно. — Такое решение задачи, в озможно, более правильно; Помещение кажется нежилым. — Это помещение, как жет ся, нежилое; Этого не должно быть. — Должно бы ть, мы больше не встретимся; Вы хорошо знаете этого человека. — Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти (Гог.).*

Как уже было отмечено, вводные элементы могут относиться к содержанию предложения в целом либо к содержанию отдельных конструктивных частей предложения. Обычно это сигнализируется их местом в составе предложения. В препозиции и реже — в постпозиции к основному составу предложения вводные элементы «обслуживают» содержание данного предложения в целом, как в примерах: *К счас тью, никто меня не заметил (Тург.); В идно, так уж бывает на свете (Гог.); Ничего и не скажешь, в идно (Горьк.).* В интерпозиции эти элементы относятся к содержанию отдельных частей предложения — слова или словосочетания, либо выполняющего функцию ремы данного сообщения, либо обладающего добавочным коммуникативным значением (в случае, если предшествующая часть предложения уже имеет в своем составе компонент с рематической функцией). Ср.: *Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта (Пушк.); Наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счас тью, не на глубоком месте (Тург.); ... Нянька одевалась в новую шаль, принимала торжественно-суровое выражение и уходила куда-то часа на два, оче видно, для переговоров (Чех.); Черная собака с высунутым языком бежит от косарей навстречу бричке, в ер оятно, с намерением залаять... (Чех.).*

Иногда в составе одного предложения выступает одновременно несколько различных по своему функциональному назначению элементов. Например: *Наконец, к неопишуемой нашей радости, Ермолай вернулся* (Тург.); *Я не постиг поэзии моря, может быть, в прочем, оттого, что еще не видел ни «безмолвного», ни «лазурного» моря...* (Гонч.); *Стало быть, по-вашему, физическим трудом должны заниматься все без исключения?* (Чех.). Однако вопрос о возможности и границах подобного совмещения функционально разнородных вводных элементов в составе одного предложения остается пока не решенным.

§ 90. Вставные элементы служат для выражения каких-то добавочных, попутных замечаний, уточнений, поправок и т. п. к основному сообщению.

От вводных эти элементы отличаются прежде всего в функциональном плане. Если вводные элементы, как уже указывалось, имеют преимущественно субъективно-оценочное значение, то вставные — объективно-пояснительное. Поэтому со стороны лексической семантики вставные элементы не ограничены, но характеризуются известными позиционными ограничениями: в частности, они не могут стоять в препозиции к основному составу предложения.

Чаще всего в качестве вставных используются предикативные конструкции: *Наконец, он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора* (Пушк.). Здесь вставке подвергается предикативная конструкция, которая могла бы иметь автономное употребление, но в данном случае лишь поясняет содержание одной из однородных частей другого предложения, «вклиниваясь» в его состав на месте сочинительной связи частей и временно прерывая эту связь, а также, естественно, видоизменяя общий интонационный «рисунок» всего предложения (при этом сама вставленная конструкция интонируется несколько иначе, чем если бы она имела автономное употребление, лишаясь специфической для такого употребления интонации конца).

Аналогичная вставка может осуществляться и на месте подчинительной связи частей (компонентов) основного состава предложения: *Господин из Сан-Франциско — имени его ни в Неаполе, ни на Капри никто не запомнил — ехал в Старый свет, с женой и дочерью, единственно ради развлечения* (Бун.); *Его вторая жена, красавица, умница — вы ее только что видели — вышла за него, когда он был уже стар...* (Чех.); *Солдаты (их было трое) ели, не обращая внимания на Пьера...* (Толст.); *Конные полки — а их было большинство — вели себя особенно разнузданно* (Шолох.).

Обычно (как в приведенных примерах) семантическое соотношение вставной предикативной конструкции с определенными компо-

нентами основного состава предложения обеспечивается с помощью так называемых дейктических средств (местоимений в указательной функции). Но это соотношение может устанавливаться на основе чисто ассоциативной связи между предметами, явлениями и т. п. в сознании собеседников (автора и читателя): *На подоконнике (в комнате был только один стул) полулежал присланный из Вешенской милиционер Ольшанов (Шолох.); Осторожно ступая по свежесвыструганным, еще не выкрашенным (не хватало краски!) половицам, Доронин миновал сени и вошел в светлую большую комнату (Чак.).*

Наряду с предикативными конструкциями, в качестве вставных нередко выступают отдельные слова или словосочетания (обычно в исходной форме): *Журналы иностранной литературы (д ва) я велел выслать в Ялту (Чех.); В тот день я был уже на квартире Никитина (ф а м и л и я з я т я) (Кор.); Сани резко стукнуло о торчащую из воды сваю (след унесенного моста) и перевернуло с диковинной легкостью (Шолох.).*

Особняком стоят случаи «вставки» в основной состав предложения слов и словосочетаний, которые могли бы выполнять роль обычных (невставных) членов данного предложения или его конструктивных частей: *Деньги вышлешь переводом (п р о с т ы м) в субботу же (Чех.); Я видел его третьего дня (до обеда и вечером) (Чех.); Прорыв начался в районе станции Корневской (м е ж д у Тихорецкой и Екатеринодаром) (А. Толст.).* В приведенных примерах вставные элементы используются в форме, «приспособленной» к подчинительной связи с членами основного состава предложения (или его конструктивных частей), но характеризуются намеренной изоляцией от них (интонационной в произношении и графической на письме), приобретая благодаря этому особую, пояснительно-уточняющую функцию.

Аналогичной изоляции могут подвергаться придаточные части сложного предложения: *Даже мои хозяева — если они были дома — открывали окна и, слушая, хвалили музыканта (Горьк.); Умелые, руки Максима (к которому пришлось изучить для этого специальные приемы обучения слепых) очень нравились мальчику (Кор.); Доносились уже слухи о каких-то событиях в Варшаве, потом в Вильне (где уже в 1861 году происходили довольно серьезные демонстрации) (Кор.).*

Интересно отметить, что посредством интонационной изоляции в ранг вставных могут «переводиться» также вводные элементы (которые при обычном их интонировании являются более тесно «спаянными» с основным составом предложения). Ср.: *Калиныч (как я узнал после) каждый день ходил с барином на охоту (Тург.). — Калиныч, как я узнал после, каждый день ходил с барином на охоту.*

С. В. Вяткина

Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке¹

Становление вставных конструкций (далее — ВК) как внесенных в структуру предложения или текста слов в скобках относится к XVIII в.² На протяжении XIX в. в письменных текстах научного, публицистического, художественного стилей (язык документов не являлся предметом специального рассмотрения) наблюдается постепенный отбор синтаксических структур, вносимых во вставку, дифференциация функций (т. е. смыслового соотношения ВК и базовой структуры, выявляемое на основе сопоставления информации, заключенной в двух построениях) и складываются принципы избирательного употребления ВК в текстах различной функциональной направленности.

По отношению к текстам XX в. можно говорить о закреплении за ВК в научном стиле функций пояснения (в том числе экземплификации), ссылки на источник информации, которым соответствуют лаконичные синтаксические структуры, такие, как отдельные номинативы в скобках. В публицистическом стиле первое место в функциональном употреблении занимают ВК-пояснения (также часто в форме экземплификации), затем функция мотивации, т. е. передачи информации, необходимой для адекватного восприятия текста читателем, а передача дополнительных сведений и попутных замечаний отступает на второй план. Соответственно этим функциям характеризуется и синтаксическая структура вставки — это номинативы или вычлененные из базовой структуры компоненты. В текстах художественной прозы, напротив, преобладают вставки, содержащие избыточную информацию (дополнительные сведения и попутные замечания), оформленные как предикативные единицы.

Таким образом, можно говорить об определенной динамике в развитии данных построений. По определению З. К. Тарланова, синтаксическая динамика — это цепь перестройки и преобразований, включая существенные трансформации конструктивных составляющих предложения³. Рассматривая категорию обособления, автор отмечает, что это «категория синтаксиса нового времени, соответствующая

¹ Печатается по: Тенденции развития русского языка: сб. ст. СПб., 2001. С. 46–57.

² Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990. С. 56–58; Вяткина С. В. Становление и развитие вставных конструкций в русском литературном языке XVIII–XX веков: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

³ Тарланов З. К. Основные тенденции в динамике синтаксиса простого предложения в русском языке XI–XVII вв. СПб., 1998.

периоду иерархически организованного, гипотаксического, синтаксиса»¹. ВК также на начальном этапе их формирования можно рассматривать как своеобразную перестройку структуры предложения. Для этого в языковой системе должна была сформироваться определенная возможность для перегруппировки структурных элементов предложения.

В этом отношении показательны случаи употребления ВК в текстах более ранних периодов, описанных Я. А. Спринчаком², <...> о существовании, вставных конструкций в древнерусских текстах свидетельствуют способы их оформления при переводе на современный русский язык³, а факт употребления скобок в книгах первой половины XVI столетия был отмечен В. Классовским⁴.

Существование подобных построений в письменных текстах со временем потребовало и регламентации способов их оформления, что нашло отражение в «Грамматике...» М. Смотрицкого, описавшего случаи употребления «вместной», т. е. прямых скобок, и «отложной», т. е. круглых скобок <...>⁵. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова описано употребление уже только одного знака для ВК — круглых скобок, или вестительного⁶. Описание в грамматиках способов оформления конструкции свидетельствует о том, что складывается традиция употребления таких построений, в которых информация подается нелинейно.

Анализ текстов петровских «Ведомостей», в которых регулярно встречаются вставные конструкции, оформленные квадратными скобками, показал, что во вставку помещаются слова с показателями синтаксической связи с базовой структурой (92%), но со связью ослабленной:

¹ Там же. С. 9.

² Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса: простое предложение. Киев. 1960. С. 216.

³ Например, перевод «Повести о Куликовской битве» О. А. Лихачевой в кн.: Повесть о Куликовской битве: Текст и перевод по списку лицевого свода XVI в. Л., 1984. С. 284, 296, 298, 302 и др.; перевод «Сказания о Мамаевом побоище» В. В. Колесова: ...*пристъ же въ 5 день месяца септевриа, на память святого пророка Захарии, в той же день убиение сродника его князя Глеба Владимировича, приѣхаша два от стражь его, Петр Горский да Карп Олексинъ и приведоша языкъ нарочить от сановитых царева двоира. — ...настал уже пятый день месяца сентября — день памяти святого пророка Захарии (в тот же день и убиение предка Дмитрия — князя Глеба Владимировича), и прибыли двое из его сторожевой заставы, Петр Горский да Карп Олексин, привели знатного языка из числа сановников царского двора* (Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 220, 253).

⁴ Классовский В. Знаки препинания в пяти важнейших языках. СПб., 1882. С. 3. Детально история употребления скобок и оценка ВК в скобках лингвистами XIX в. изложена в кн.: Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М., 1955. С. 3–50.

⁵ Смотрицкий М. Грамматики славенския правильное синтагма. Евъе: Тип. бр-ва Св. Духа. 1619. Л. [15] н. н.

⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 437.

1) слова-эквиваленты и приложения (эту связь можно определить как аппликативную¹): французского короля куразиры, [конница в латахъ] <...> (Ведомости. 1704. №5 27); модену реджіо, и барселло, [крепости], французы осадили (Ведомости. 1704. № 10); Пишуть, что агличаны, и галанцы съ шкавдрою [съ нѣсколкими кораблями] между гибралтаром и малагою крусовали... (Ведомости московские. Присланные. 1705. № 7);

2) определительные придаточные, обладающие большими информативными возможностями и служащие дальнейшему распространению сообщения² и в то же время семантически факультативные, избыточные <...>. Случаи помещения во вставку иных синтаксических структур (обособленных членов, придаточных иных типов) единичны.

Итак, в структуре предложения определился круг элементов, которые обладали необходимым для включения во вставку семантическим потенциалом и синтаксической характеристикой для дальнейшего их закрепления в определенных функциях.

Одновременно развивается письменная фраза, которая определена К. С. Аксаковым, Г. Н. Акимовой и другими исследователями как фраза органическая, логизированная, громоздкая³, отсюда возникла потребность в линейном и семантическом упорядочении элементов структуры предложения. Постепенные поиски таких моделей отражают тексты разных функциональных стилей XVIII в. Таким образом, синтаксическая система русского языка XVIII в. предопределила появление столь распространенного в XX в. способа нелинейного изложения мысли, как ВК внутри предложения и текста. Анализ синтаксиса петровских «Ведомостей» показал, что в основе ВК лежит работа с уже готовым текстом, при прочтении которого автор определял значимость информации различных фрагментов фразы.

В XIX в. в связи с влиянием на синтаксис письменного текста разговорной стихии⁴ вставки все больше стали отражать механизм устной коммуникации: «... вставка не заложена во внутренней программе высказывания, а появляется как результат дополнительного ассоциирования, маргинальной, побочной деятельности речемыслительного механизма»⁵.

¹ *Распопов И. П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 40–42.

² *Акимова Г. Н.* Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1973. С. 16–17.

³ *Акимова Г. Н.* 1) Очерки по синтаксису языка М. В. Ломоносова. С. 8, 22; 2) Стилистические и синтаксические особенности ораторской прозы XVIII века // Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981. С. 50; *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982. С. 77–79; *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 118, 129–130.

⁴ *Виноградов В. В.* Указ соч. С. 272–280.

⁵ *Норман Б. Ю.* Грамматика говорящего. СПб, 1994. С. 190; *Инфантова Г. Г.* Вставочные конструкции в спонтанной разговорной речи // *Ceskoslovenska rusistika*. 1983. № 5. С. 216.

Немаловажную роль в формировании нового типа изложения мысли сыграла и прагматическая установка пишущего. С одной стороны, автор стремится облегчить громоздкую синтаксическую структуру предложения, но, с другой стороны, в характере построения фразы проявляется авторская интенция.

Как отмечают М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик, «важным языковым механизмом в процессе речевой деятельности является механизм приоритетных стратегий (далее — ПС), выделяющих, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющих, редуцирующих менее значимые», говорящий вынужден эшелонировать компоненты смысла в соответствии со степенью их коммуникативной значимости¹.

Представляется возможным применить методы прагматического анализа не только к устным высказываниям, но и к письменным, являющимся лишь фиксированной формой коммуникации. Кстати, именно в отечественной лингвистической прагматике данный подход используется для трактовки художественных текстов (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова)².

Авторская интенция во многом определяется разновидностью письменного общения, что требует отдельного анализа текстов каждого функционального стиля.

Научный стиль выработал максимально лаконичную форму ссылки на источник информации, практически повторяющую отраженную М. Смотрицким традицию книжников при передаче или расшифровке, комментировании цитат (случаи употребления вместе). Любопытные факты наблюдаются в научных текстах XVIII в. Одно из наиболее распространенных построений в этот период — ВК-ссылки на источник информации, например, в трактате «О поэтическом искусстве» Ф. Прокоповича: 1) *Уже задолго до потопа и немного спустя после самого начала мира Юбал сын Ламехов назван в Писании зачинателем пения под кифару (Бытие, гл. IV); 2)... что передают о начале Нила... почти то же можно сказать и о происхождении поэзии (как это мы читаем у Овидия; Метаморфозы. II), потому что неизвестно, откуда он начинается.* Сосуществование двух синтаксических моделей ВК прослеживается в разных научных текстах XVIII в., но важно другое — эксплицированность или завуалированность присутствия автора. В 1-м примере проявляется интенция настроить читателя на точное понимание изложенного путем

¹ Бергельсон М. Б., Кибрик А. Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 344, 343.

² Степанов Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. М., 1998. С. 670–707; Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40. № 4. С. 365–367.

лаконичной ссылки на источник, во 2-м — интенция автора объективировать изложение в базовой структуре (безличная), но во вставке показать свое присутствие и одновременно проявить свою эрудицию.

Именно интенция быть однозначно понятым определяет появление ВК в функции пояснения терминов и некоторых научных положений, как в цитирувавшемся уже труде Ф. Прокоповича: *Вымысел способа бывает, если поэт касается какого либо реального со бытия, оставляя без внимания, однако, тот способ, которым это событие осуществилось, и измышляет от себя правдоподобный способ (т. е. выдумывает, каким, образом подобало или следовало этому событию свершиться).*

В случае помещения в ВК дополнительной информации наблюдается двойная интенция — информативная достаточность и облегчение читательского восприятия текста с помощью скобочного оформления, которое зрительно упрощает базовую структуру предложения, например, у В. К. Третьяковского в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий»: *... новый наш стих составляется токмо из стоп двухсложных, для того что оный имеет в себе определенное некоторое еще число слогов: а трехсложных дактилического рода (как то бывает в греческом и латинском стихе, потому что греческий и латинский стих, имел только определенное число стоп, не имеет определенных в себе слогов, так что иной их стих больше, а иной меньше слогов, в рассуждении одного стиха с другим, содержит) принять никак не может.*

ВК, заключающие авторские оценки, попутные замечания к общаемому в базовой структуре, в данном стиле XVIII в. единичны, так как коммуникативно значимой является научная информация, а не авторская позиция. Их можно встретить в работах полемического характера, несущих черты публицистического стиля, как в работе С. Г. Домашнева «О стихотворстве»: *Если же хулить стихотворство в рассуждении злоупотреблений, — то оно ли в том виновно?.. Но кто тому причиною? Злость, развращение и ослепление человеческое (обыкновенное следствие невежества).* Открытая авторская позиция, выраженная лексически и вопросно-ответной конструкцией, сопровождается авторской оценкой-объяснением изложенного во вставке.

Несмотря на немногочисленность ВК в научных текстах данного периода¹, можно говорить о постепенной выработке приемов введения в текст-информацию необходимых пояснений, уточнений, ссылок на цитируемый источник, характерных для данного стиля в

¹ Кожина М. Н., Которова М. П. О некоторых тенденциях функционирования единиц синтаксиса в научной речи (к вопросу об эволюции научного стиля) // Стиль научной речи. М., 1978. С. 10–14.

XIX–XX вв. Механизм приоритетных стратегий получил отражение в немногословных и максимально информативных конструкциях. Примеры подобных построений встречаются в научных текстах XIX в., в частности ими изобилуют работы И. И. Срезневского <...>. Указание источника информации сочетается с пояснениями, экземплификациями-параллелями из других языков, т. е. информацией второго по значимости ранга.

В современных научных текстах можно наблюдать возрождение двух выделительных знаков для вставок различного содержания. В круглые скобки, как и раньше, помещается информация разъясняющего характера (пояснения терминов, экземплификации, уточнения объема понятия, мотивации), но одновременно развивается новый способ шифровки ссылки на источник информации, при этом вновь используются прямые скобки, ср.: <...> *Однако прямо такая мысль не высказана, и при необходимости автор мог от неё легко «отпереться» (анализ речевых импликатур, использовавшихся в националистической печати конца 80-х гг., см. в статье Шмелева)¹.*

Вставки-ссылки превращаются в своеобразный код, так как в разных изданиях используются свои системы оформления сносок: в основании одних — нумерация цитированной литературы, а вторая цифра в скобках обозначает номер страницы; в других случаях в скобки заключены фамилии авторов (иногда с годом издания работы) и страницы. Это приводит к максимальной компрессии информации и превращению ВК-ссылки в чисто типографский прием.

Вставки, которые содержат поясняющую, уточняющую информацию, стали намного частотнее, но в целом (по грамматической структуре, положению в базовом предложении, выполняемым функциям) сохранили сходство с ВК конца XVIII–XIX в. Они соответствуют функционально-стилистическим особенностям научного текста, стремящегося к максимальной компрессии информации, и являются одним из способов реализации приоритетной стратегии — строгой передачи научных знаний.

В публицистических текстах, в отличие от научных, ВК обладают большим структурным и смысловым многообразием. Ориентация очерковой прозы на информативность и фактическую достоверность определила преобладание ВК, передающих разъясняющую информацию (пояснение, мотивация, ссылка на источник). В разные периоды такие ВК составляют от 54% всех употреблений конца XVIII в. до 69% в современных текстах, например:

XVIII в.: *Город Э (Аix) есть главный в Провансе* (Фонвиз. Письма из Франции); *За обед обыкновенно брали с нас двоих семьдесят су (около рубля двадцати копеек)* (Карамз. Письма русского путешест-

¹ Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 464.

венника); *Что бы такое представляла тогда природа, кроме смеси нестройной (хаоса), ежели бы лишена была оной пружины?* (Радищ. Беседа о том, что есть сын отечества);

XIX в.: *Шмелев... отрекомендовал другого, тоже известного певца из команды (то есть из работающих арестантов)* (Мих. Кукушка); *Между тем он кое-чему учится — и даже зубрит (употребляя школьное выражение)* (Пан. Петербургский фельетонист); *Он вынул из-за пазухи каш (маленькую медную китайскую монету) и смотрел то на неё, то на доллар* (Гонч. Фрегат «Паллада»);

XX в.: *В тридцатые годы, (время Пушкина) часовня горит* (Солюх. Черные доски); *Гейзерит (соли, осевшие из воды) сверкает, как жемчуг* (Песк, Стрельн. Земля за океаном); *Обслуживание и торговля аксессуарами, (бронзовые доски с именами покойников, гробы, урны, цветы, сувениры) добавили к этой сумме еще 800 тысяч долларов* (Жук. Американский образ смерти); ... *хорошо знакома эмблема этой ярмарки — могучий лев (символ Лиона) с трехцветным знаменем Франции на фоне земного шара* (Седых. От Рима до Атлантики).

Постепенно в употреблении вставок все больше начинает проявляться субъект автора, интенцией которого является не столько разъяснение, уточнение информации базовой структуры, сколько передача избыточной информации. Выстраивается определенная авторская стратегия в подаче информации: факультативные сведения оформляются скобками как данные второго ранга, попутные замечания во вставке оказываются своеобразным средством проявления личности автора, например: *И буде кто учинит пиришество, аще и про высокия персоны, а заморских питей и духу бы не было, кроме табаку (а и табак не худо бы в Руси жь завести засеять и строить ево позаморские. как у них водитца, чтобы и на табаке денги из Руси напрасно не тратились), но чем бог нашу страну наполнил, тем надлежит чествовать* (Посошк. Книга о скудости и богатстве); *Шедши в Лионе по самой знатной и большой улице (которая, однакож, не годится в наши переулки), увидел я среди бела дня зажженные факелы и много людей среди улицы* (Фонвиз. Письма из Франции). Такая традиция сложилась благодаря «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина — для автора было недостаточно показать жизнь своими глазами, он стремился дать свою оценку виденного, причем, как правило, в сопоставлении с русской действительностью.

В случае объективированного повествования от 3-го л. ВК стали основным средством открытой авторской оценки, которая является более полной экспликацией авторского «я», чем вводные конструкции в базовой структуре, например: *Коренные жители Васильевского острова, все, и мужчины и женщины, за исключением разных биржевых тузов (по крайней мере мне так кажется), имеют характер более скромный сравнительно с жителями петербургского*

материка (И. Пан. Галерная гавань); Чтобы Самарканд перестал быть Самаркандом, вовсе не нужно сносить весь город, достаточно уничтожить (даже вздрогнулось от такого сочетания слов) несколько удивительных произведений магометанского зодчества эпохи Тамерлана (Солоух. Письма из Русского музея); Наскоро отняв следы крови на полу (снимок, конечно, никуда не пойдет, но надо же хоть что-нибудь заснять!), репортеры бросились вон (Боровик. Один год беспокойного солнца).

Таким образом, в публицистике ВК становятся стилистическим приемом экспликации авторского присутствия в изложении материала, которое должно быть адекватно воспринято читателем. В случае открытого авторского присутствия в публицистическом тексте ВК служит дополнительным средством раскрытия эмоционального и духовного мира автора: *С ходу, при мне (неосторожно!) куда то кому-то позвонил — и сконфуженно повесил трубку (Кандраш. В Аризоне, у индейцев); Все это очень хорошо (я говорю, разумеется, о бережном отношении к старине, а не об этих движениях, которые солдаты проделывают с необъяснимым, самодовольством, точно возможность притопывать ногой и похлопывать по винтовке ставит их выше других, обыкновенных людей). Ведь заботиться о своем прошлом — не только долг, но и искусство (Кав. Малиновый звон).* При всей яркости таких ВК в публицистическом тексте они в количественном отношении уступают вставкам, разъясняющим фактическую сторону изложения.

В художественном тексте все авторские интенции, облеченные в форму различных стилистических приемов, подчинены, в первую очередь, эстетической, а не информативной функции. Поэтому и приоритетные стратегии обретают иную направленность.

ВК, содержащие дополнительные сведения в объективированной форме (план повествования не меняется), можно рассматривать как авторскую интенцию приблизить читателя к описываемому миру. Приведем пример: такого рода конструкций с указанием их процентного объема по периодам:

XVIII в. — 34% ВК: *После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тенью столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижин) — дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный (Карамз. Бедная Лиза);*

XIX в. — от 19% в первой трети, до 38% в конце: *В день, о котором зашла речь, я также отправился в сад — и, напрасно исходив вес аллеи (вороны меня признали и только издали отрывисто каркали), случайно приблизился к низкому забору (Тург. Первая любовь);*

XX в. — 32%: *В среду распустили раньше (это был один из тех чудесных дней, голубых, пыльных, в самом, конце апреля, когда уже*

ропуск так близок и такая одолевает лень), но вернулся то он домой гораздо позже обычного (Наб. Защита Лужина).

Авторская дистрибуция информации на коммуникативно значимую и второстепенную не имеет той значимости, которая характерна для научного и публицистического текстов. Для читательского восприятия это способ лаконичного близкого знакомства с миром героев, описываемой обстановкой, атмосферой. Кроме того, вставка позволяет создать еще одну линию повествования, что делает его многомерным, объемным. В таких случаях во вставку помещаются уже предикативные конструкции, часто контрастирующие с базовой структурой во временном и субъективно-модальном плане.

Попутные авторские замечания, помещенные во вставку, открыто апеллируют к читательскому восприятию. Данным приемом достигается интимизация повествования. Свернутость структуры во вставке до номинативов или определенных словоформ, как это чаще наблюдается в публицистике, уже не отвечает авторской интенции: во вставку чаще помещаются предикативные конструкции, которые оформлены как вопросительные или побудительные предложения, часто эмоционально окрашенные, контрастирующие с базовым предложением-сообщением. Напр.:

XVIII в. — 26% ВК: *В «Дайре», «Мирамонде», в «Селиме и Дамасине» (знает ли их читатель?), одним словом, во всех романах желтого шката герои и героини... остаются добродетельными* (Карамз. Рыцарь нашего времени);

XIX в. — 19% ВК: — *Вы намекали мне вчера — пожалуйста, не останавливайте меня, я люблю говорить прямо — вы даже намекали вчера, что у некоторых людей (помню, что, по вашему замечанию, эти люди все чаще бывают степенные, суровые, прямые, умные, сильные, и бог знает каких вы еще не давали определений в припадке великодушия!), что у некоторых людей, повторяю, любовь (и бог знает почему вы это выдумали!) и проявляться не может иначе, как сурово, горячо, круто, часто подозрениями, гонениями* (Дост. Неточка Незванова);

XX в — 20% ВК: *Книжку я разглядеть не успел, потому что женщина оторвалась от чтения, но зато (чего никак нельзя было ожидать!) молчаливица вдруг заговорила со мной* (Солоух. «Наша дама»).

Данные построения призваны имитировать диалог с читателем (1-й пример — интимизация повествования), передать разговорную стихию (2-й пример — стилизация взволнованного разговора) или отразить внутренний мир рассказчика (3-й пример).

Возникновение ВК в письменном тексте XVIII в. связано с выработкой книжных приемов передачи исчерпывающей информации: это работа с уже написанным текстом, своеобразное редактирование текста, при котором автор определял степень значимости информа-

ции в структуре предложения. Постепенно данный прием нелинейной подачи информации проникает в тексты различных стилей, в которых функционирование ВК стало определяться разными интенциями пишущего.

В XIX в. дальнейшее развитие вставок связано с влиянием разговорной речи на письменный синтаксис, а механизм появления ВК в тексте становится аналогичным построению устного высказывания, в котором степень значимости информации выявляется в процессе построения фразы. Происходит дальнейшее закрепление определенных синтаксических структур во вставке в зависимости от ее функции, намечается тенденция к синтаксической самостоятельности слов в ВК от базового предложения.

В XX в. распространение ВК связано с общими тенденциями построения текстов различной функциональной направленности. Стремление к максимальной компрессии информации предопределило увеличение вставок в научных и публицистических текстах, причем они приобрели статус самостоятельных синтаксических структур в высказывании (номинативы или предикативные единицы без показателей связи с базовым предложением). В художественной прозе они стали ресурсом различных стилистических приемов углубления повествования.

СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ Н. Ю. ШВЕДОВОЙ

Н. Ю. Шведова

Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии)¹

Задания. На основе анализа статьи Н. Ю. Шведовой «Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии)» ответьте на вопросы:

1. Как Н. Ю. Шведова понимает значение простого предложения?
2. Посредством чего выражаются объективно-модальные и временные значения, свойственные предложению?

¹ Печатается по: Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. М., 2005. С. 55–115.

3. Какова роль глагола в выражении синтаксических значений? Сопроводите свой ответ примерами.
4. Что такое парадигма простого предложения?
5. Как Н. Ю. Шведова определяет простое предложение?

Поиски определения предложения как собственно языковой единицы, внутренне отличающейся от любого другого объединения слов, в славистической традиции в последнее время идут по двум основным направлениям. Одни исследователи пытаются найти в предложении только ему присущие, собственные формальные признаки и на основе этих признаков определить предложение как языковую структуру, формально отличающуюся от всех других видов объединений слов. Другие считают такой путь поисков бесперспективным, так как в определенных условиях общения и в соединении с соответствующей интонацией любая словоформа или сочетание слов может выполнять коммуникативную функцию, т. е. становиться сообщением; следовательно, с этой точки зрения предложение лишено своих собственных формальных признаков и не может считаться категорией собственно грамматической: оно является функциональной единицей речи.

В славистической литературе последних десятилетий первое направление развивалось двумя путями. С одной стороны, делались попытки усовершенствовать шахматовскую классификацию односоставных и двусоставных предложений. Это были в разной степени удачные частичные перестройки внутри самой классификации, направленные на ее уточнение, на выделение в рамках старой системы новых видов предложений, на перемещение предложений из одного разряда в другой (главным образом, внутри односоставных предложений) и т. д. С другой стороны, в последние годы появились работы, авторы которых отказываются от старой системы и ставят перед собой задачу, оставаясь на строго грамматической почве, найти конечный список тех минимальных структур, простейших «формул предложения», которые обладают собственными грамматическими признаками, отличающими их от словоформы или от какого-то качественно иного соединения словоформ; соответственно ставится задача выявить и описать сами эти признаки. Наиболее последовательно это второе направление разрабатывается сейчас в трудах чешских лингвистов, развивающих традиции пражского структурализма. <...>

Для того чтобы дальнейшее изложение было ясным и недвусмысленным, сразу же определим свое отношение к названным выше теоретическим позициям. Отказ от поисков формальных признаков предложения, от определения его как самостоятельной синтаксической структуры и выведение его за пределы грамматики, в область законов собственно коммуникации, не представляется оправданным; ниже будет сделана попытка показать, что предложение обладает своими собственными формальными признаками, отличающими его

как от слова, так и от словосочетания. Таким образом, принимается формальная точка зрения на предложение как на самостоятельный объект грамматического изучения. Что касается деления предложений в зависимости от их структуры на двусоставные и односоставные, то деление это может быть принято как отправной пункт для дальнейших разысканий, которые должны идти в сторону наблюдений над собственно формальными свойствами таких предложений. Такие разыскания подведут нас к конечному списку структурных схем предложения и их регулярных реализаций. <...>

Нормативные и описательные грамматики русского и других славянских языков обычно объединяют под понятием «предложение» три совершенно различных круга явлений. Во-первых, сюда относятся все системно существующие в языке продуктивные образцы, которые, будучи наполнены конкретным лексическим материалом (возможности такого наполнения могут быть или не ограничены, или ограничены в большей или меньшей степени; ограничения, идущие от внеязыковых реалий, в данном случае не принимаются во внимание), могут функционировать для выражения самостоятельных единиц сообщения. Для этих образцов (структурных схем предложения) первостепенны два признака: а) отвлеченный характер, делающий их собственно образцом, предстающим перед нами в речи в самых разнообразных конкретных выявлениях; б) достаточность для относительно независимого функционирования образованных на их основе высказываний, необусловленность их каким-либо соседством, вхождением в состав другого, более сложного построения.

Во-вторых, к предложениям часто относят все те очень неоднородные построения, само существование которых обусловлено ситуацией или вхождением в состав сложной конструкции как в определенном образом организованный грамматический контекст. В качестве примеров могут быть приведены вторые реплики диалогических единств (напр.: — *Куда ты идешь?* — *В кино*); формирующиеся по определенным правилам части сложных предложений (напр., *Отец вышел из дома, и мать за ним*; *Купил дочке книжку, а сыну мяч*); контекстуально обусловленные части так называемых сложных целых (напр.: *Он знал, что идти ему некуда. Коту ... Отец его не примет*); ситуационно обусловленные построения (напр., возглас: *С вами!* человека, говорящего, что он направляется куда-то вместе с собеседниками) и др. Отвлекаясь пока от того существенного момента, что такие построения могут принадлежать к разным формам языка — письменной или разговорной — и поэтому в ряде случаев требуют дифференцированного подхода, заметим, что внутренне они глубоко отличаются от отвлеченных синтаксических образцов простого предложения. Не являясь такими образцами, способными к самостоятельному употреблению, они формально представляют собой либо части таких образцов — ничем не осложненные (напр.: *Поедешь не ты, а он*, где союз присоединяет один

из главных членов двусоставного предложения) или в соединении с компонентом словосочетания (*Он показал мне свои книги, я ему с в о и*), либо собственно компоненты словосочетания, употребленные в коммуникативной функции (напр.: — *Куда ты идешь?*— *В к н и о*). Сказанное не означает, что самые виды таких образований и способы их включения в сложные структуры не подчиняются никаким законам. Напротив, здесь действует целая система правил. Но эти правила не имеют прямого отношения к строению простого предложения как абстрактной грамматической единицы.

Такие части сложных образований — сложного предложения, так называемого сложного синтаксического целого или диалогического единства — обычно трактуются как эллиптические. Действительно, крайне просто объяснить *мне* в сложной конструкции *Ехать не тебе, а мне* как эллипсис полного вида: *Ехать не тебе, а ехать мне*; или *мать за ним* в конструкции *Отец вышел из дома, и мать за ним* как эллипсис полного вида: *Отец вышел из дома, и мать вышла за ним*. При таком объяснении проблема собственно грамматической организации частей сложного предложения снимается, а на ее место выдвигается проблема сокращения, усечения простого предложения в тех случаях, когда оно оказывается включенным в состав сложного. Но такая подмена незаконмерна. В языке существуют и последовательно действуют нормы построения сложных синтаксических объединений и организации их частей. Согласно этим нормам построения *Ехать не тебе, а мне* является правильным, а *Ехать не тебе, а ехать мне* — неправильным; *Отец вышел из дома, и мать за ним* — правильно, а *Отец вышел из дома, и мать вышла за ним* — неправильно¹.

Бесспорно, что такие части сложного предложения (*мне, мать — за ним* и под.) опираются на ту схему, которой открывается сложное предложение. Но это не значит, что здесь каждый раз пропускаются инфинитив или личная форма глагола: отсутствие этих компонентов в данном случае является нормой, и, что особенно важно подчеркнуть, такие части сложных предложений возникают не как результат эллипсиса, а как определенные формализованные части, опирающиеся на синтаксический образец сложного предложения, на определенные правила построения и соотношения его частей. Там, где действует грамматическое правило, уже не может быть речи об эллипсисе: одно исключает другое. В то же время, образуясь по законам построения сложных соединений, такие несамостоятельные части могут приобретать некоторые свойства простого предложения: частичная изменяемость по категориям, характерным для таких пред-

¹Отступления от этих норм, как и во многих других случаях, могут быть обусловлены конкретными задачами коммуникации; однако при этом они остаются именно отступлениями, обусловленными задачей логического акцентирования предиката во второй части сообщения.

ложений, способность принимать словоформы, распространяющие простое предложение, и др.

В-третьих, наконец, в описание простого предложения обычно включаются закрепившиеся в языке в роли единиц сообщения изолированные лексически неварьируемые словоформы и словосочетания: приветствия, выражения благодарности, призыва, волеизъявления, оценки, выражения согласия или несогласия, утверждения или отрицания, звукоподражательные сочетания и др. Такие изолированные образования ни при каких условиях не являются отвлеченным синтаксическим образцом; к теории простого предложения они, по существу, не имеют отношения.

Помимо тех внутренних различий, которые охарактеризованы выше, перечисленные виды построений, обычно объединяемые недифференцированно под общим названием предложения, с очевидностью различаются по сферам своего употребления.

Структурные схемы предложения — принадлежность языковой системы в целом. Среди них есть, правда, такие, которые или тяготеют к разговорной речи, или являются собственно ее принадлежностью. Однако публицистика и художественная литература, не только широко вводящие разговорный синтаксис в систему своих выразительных средств, но и ассимилирующие их, стирают существующие в языке грани и во многих случаях делают строгое разграничение признаков разговорной и письменной речи задачей, выполнимой лишь по отношению к стилистическим полюсам языка. Еще затруднительнее «прикрепить» к разговорной или письменной речи те или иные построения, функционирующие только в составе сложных соединений: здесь различия по сферам употребления еще менее определены, чем в области простого предложения (исключение составляют реплики диалога, являющиеся характерной особенностью строя разговорной речи). И лишь о третьей группе явлений, по существу не имеющих отношения к правилам построения предложений, можно с уверенностью сказать, что они составляют принадлежность разговорной речи и именно как таковые воспроизводятся в речи письменной.

В настоящей работе исследуются структурные схемы простого предложения независимо от их принадлежности к письменной или разговорной речи: они являются общезыковой категорией. Поэтому в приводимых ниже перечнях и обзорах таких структур и их системных видоизменений (форм) не делается различия между конструкциями, специфическими для разговорной речи, и стилистически нейтральными. Однако это не значит, что таких различий не существует. Они, конечно, есть, но несомненно в то же время, что наиболее ясные стилистические дифференциации проходят не между разными структурными схемами предложения, а внутри одной структуры, между ее отдельными видоизменениями, т. е. тем, что в дальнейшем будем называть формами предложения, составляющими его парадигму.

Прямым и непосредственным объектом теории синтаксиса простого предложения являются структурные схемы предложения, т. е. его элементарные образцы (в дальнейшем в том же значении — структура, тип или образец простого предложения).

Как же определить простое предложение, каковы его собственно грамматические признаки? Выше были названы два обязательных признака простого предложения: во-первых, отвлеченный характер его как продуктивного синтаксического образца и, во-вторых, способность образованных на его основе конкретных высказываний к относительно независимому функционированию в качестве единиц сообщения. Однако это лишь самые общие признаки простого предложения: они не заключают в себе его полной грамматической характеристики. Как и всякая грамматическая единица, простое предложение обладает значением и формой. Нужно определить, что такое значение простого предложения, в каких категориях оно выражается и каковы формы существования (выявления) этих категорий. Лишь после этого можно будет сформулировать такое определение простого предложения, в котором будут отражены его собственные признаки: его грамматическое значение и формы, заключающие в себе это значение.

Грамматическое значение простого предложения формируется взаимодействием неотчленяемых друг от друга категорий объективной модальности и синтаксического времени. Категория объективной модальности организуется противопоставлением форм со значением реальности / ирреальности; иными словами, она базируется на противопоставлении синтаксического индикатива синтаксическим ирреальным наклонениям: сослагательному, условному, долженствовательному, желательному и побудительному... Таким образом, предложение является средоточием значений временных и объективно-модальных. Категория реального синтаксического времени неотделима от категории синтаксического индикатива, который существует в формах трех синтаксических времен: настоящего, прошедшего и будущего. Так, если мы возьмем простейшие субъектно-предикатные образцы (*Ученик пишет; Ученик старателен*), то мы увидим, что в них заключено синтаксическое значение времени (настоящего) и объективной модальности — реального времени, выражаемого в формах индикатива. Последовательно проводя эти предложения по всем названным выше синтаксическим наклонениям, мы получим следующую систему изменений:

Синтаксический индикатив	Настоящее время	<i>Ученик пишет; Ученик старателен</i>
	Прошедшее время	<i>Ученик писал; Ученик был старателен</i>

	Будущее время	<i>Ученик будет писать; Ученик будет старателен</i>
Синтаксические ирреальные наклонения	Сослагательное накл.	<i>Ученик писал бы; Ученик был бы старателен</i>
	Условное накл.	<i>Пиши (бы) ученик...; Был бы (будь, будь бы) ученик старателен</i>
	Должностное накл.	<i>Ученик пиши (а...); Ученик будь старателен (а...)</i>
	Желательное накл.	<i>Писал бы ученик!; Был бы ученик старателен!</i>
	Побудительное накл.	<i>Пусть ученик пишет!; Пусть ученик будет старателен!</i>

Этот ряд изменений показывает, что категория реального синтаксического времени обнаруживается лишь в формах синтаксического индикатива (три первые члена соотношения); в последующих же пяти формах, т. е. в ирреальных синтаксических наклонениях, категория реального времени отсутствует. Это создает видимость противоречия с изложенным выше тезисом, согласно которому грамматическое значение простого предложения организуется взаимодействием категорий объективной модальности и синтаксического времени: последние пять членов соотношения значением времени как будто бы не обладают. Однако противоречие это кажущееся. Первые три формы противопоставлены последующим пяти по значению временной определенности / неопределенности: в первых трех формах сообщение реализуется в одном из определенных временных планах: настоящего, прошедшего или будущего; в последующих пяти формах сообщение реализуется в планах временной неопределенности; однако это значение не есть «временной нуль». Поэтому можно сказать, что временное значение предложения во всей системе его видоизменений (т. е. в системе всех синтаксических наклонений) выводится из противопоставления «временная определенность / временная неопределенность». Поскольку этим противопоставлением охватываются все синтаксические наклонения, постольку можно утверждать, что нет таких существований предложения, которые были бы лишены временного значения.

Из сказанного ясно, что категории синтаксического времени и объективной модальности неотделимы друг от друга и образуют сложное целое, единство. Это целое есть категория предикативности

как грамматическая категория, организующаяся совместным действием категорий синтаксического наклонения и времени. Таким образом, грамматическим значением простого предложения является предикативность¹. Категория предикативности выявляется в системе форм, несущих в себе названные выше значения объективной модальности и синтаксического времени. Выше была приведена в общем виде система форм так называемого двусоставного предложения. Любое двусоставное предложение в том или ином его лексическом наполнении и существует как система таких форм, т. е. в системно выявляющихся противопоставлениях.

Итак, простое предложение существует в языке не в одном каком-то единственном и неизменном виде, а в совершенно определенной совокупности регулярно обнаруживающихся выявлений. Эти выявления представляют собой не что иное, как системно обусловленные и взаимозависимые парадигматические видоизменения структурной схемы предложения — ее формы, противопоставленные по разным объективно-модальным и временным значениям. Такие видоизменения происходят в самой схеме и имеют внутренний характер: они не связаны с введением в предложение союзов или союзных элементов, так называемых модальных слов или модальных частиц. В формоизменении предложения участвуют следующие средства: 1) регулярные собственно грамматические видоизменения сказуемого или — при так называемой односоставности — главного члена предложения; 2) формы глагола *быть* в служебном значении — как показатели синтаксического времени и наклонения; 3) грамматическая частица *бы* — одна или как компонент сложной частицы, образовавшейся слиянием *бы* с союзными или наречными элементами (*чтобы, если бы, хоть бы, лишь бы, вот бы* и др.); 4) грамматическая частица *пусть* (*пускай*) — собственно частица или в сочетании с *бы* (*пусть бы*); 5) словопорядок как обязательный компонент формы предложения (ср.: *Дом был бы построен* и *Был бы построен дом!*; *Ученик писал бы* и *Писал бы ученик...* [условн.]).

Совокупность всех принадлежащих системе языка видоизменений предложения, связанных с выражением категорий объективной модальности и синтаксического времени и осуществляемых перечисленными собственно грамматическими средствами, будем называть парадигмой предложения. Иными словами, парадигма предложения есть система его форм.

Разные члены парадигмы обладают разной степенью употребительности, разной частотностью. Но относительно меньшая встре-

¹Как видно, грамматическое значение предложения в изложенном здесь понимании не совпадает с тем, что иногда трактуется как «семантическая структура предложения», т. е. с абстракциями типа «процесс», «деятель – действие – объект действия», «носитель состояния – состояние», «индивидуальное – помещение его в класс» и т. п.

чаемость некоторых ирреальных наклонений (например, долженствительного или желательного) не влияет на внутреннее соотношение самих форм и на общие парадигматические свойства предложения в целом.

Наличие собственной парадигмы, организующейся по своим особым законам и реализующей категории объективной модальности и синтаксического времени, — важнейший признак простого предложения как самостоятельной грамматической единицы, не совпадающей ни со словом, ни со словосочетанием.

Структурные схемы предложения — явление внутренне сложное. Они предстают перед нами, с одной стороны, как конечный список элементарных образцов (типов); с другой стороны, каждая из них имеет систему форм; совпадающие системы форм образуют классы парадигм. Из приведенных выше примеров видно, что одни члены парадигмы представляют собой такие образования, которые могут быть употреблены как в самостоятельной позиции, так и в несамостоятельной (в составе сложного предложения), другие — только в несамостоятельной позиции (таковы формы условного наклонения). Тот элементарный образец предложения, который открывает собою парадигму, характеризуется обязательно теми двумя признаками простого предложения, о которых говорилось выше. Для тех же форм, которые следуют за исходной, открывающей парадигму, обязательным оказывается лишь первый признак (характер отвлеченного образца); второй же признак (независимое функционирование) — необязателен. Если обратиться к полным парадигмам, примеры которых были приведены выше, то выявится следующая картина. Все формы синтаксического индикатива могут употребляться как в самостоятельной позиции, так и в составе сложного предложения; форма сослагательного наклонения также употребляется в обеих этих позициях, однако независимость ее в свободной позиции относительная: здесь выступают определенные требования контекста (ср., напр.: *Скорее бы ты приехал! Мы бы поговорили обо всем*; или *Почему не открывают клуб? Начали бы работать кружки* и т. п.); форма условного наклонения употребляется только в составе сложного предложения; форма долженствительного наклонения употребляется как в самостоятельной позиции (*Солдат он и будь солдат*), так и в составе сложного (*Муж работай, а ты будешь бездельничать?*); формы желательного и побудительного наклонений могут свободно употребляться в самостоятельной позиции.

Понятие «форма предложения» в изложенном выше понимании не фигурирует в грамматиках. Тот или иной тип предложения в них рассматривается как представленный в языке только одним единственным видом. Это всегда или форма синтаксического настоящего времени (*Ученик пишет; Дом построен; Светает; Звонят; Ночь* и т. д.), или — там, где парадигма ущербна и одночленна, — другая

форма, представляющая тип предложения (*Молчать!*; *Ни шагу назад!* и т. п.). Все другие формы или рассматриваются как самостоятельные виды предложений, или отводятся в область морфологии: изменения сказуемого полностью отождествляются с изменениями форм глагола.

Возникает вопрос: существует ли последовательность типа *Учитель объясняет — Учитель объяснял — Учитель будет объяснять — Учитель объяснял бы... — Объясняй бы учитель понятно (все бы его слышали) — Учитель объясняй (а ученики будут болтать?) — Объяснял бы учитель понятно! — Пусть учитель объясняет* как простая реализация морфологической парадигмы глагола... или же каждый член этой последовательности является синтаксическим образованием — носителем определенной синтаксической категории уровня предложения? Тот или другой ответ на этот вопрос имеет первостепенное значение для теории синтаксиса простого предложения.

Как уже ясно из всего предшествующего изложения, в настоящей работе принимается тот тезис, согласно которому все приведенные видоизменения предложения представляют собой синтаксические образования, лишь использующие в своем составе те или другие морфологические формы глагола для выражения соответствующих синтаксических значений. Этот тезис опирается на следующие аргументы.

1. Морфологическое и синтаксическое время глагола — категории внутренне различные. Временная форма глагола — прошедшее, настоящее, будущее — сама по себе строго однозначна. В морфологической парадигме *читать — читаю, читаешь... — читал... — буду читать* каждая из форм имеет самое отвлеченное значение той или иной точки на абстрактной шкале времени; те разнообразные значения, которые грамматисты приписывают морфологическим формам глагола («действие, совпадающее с моментом речи», «действие, осуществившееся до момента речи» и многие другие), практически отвлекаются от наиболее привычных, частых случаев синтаксического употребления этих форм. Природа синтаксического времени иная: главный член предложения или его сказуемое как организующий центр предложения пользуется морфологической формой глагола в своих синтаксических целях. Это значит, что в приведенном выше парадигматическом ряду форм предложения перед нами не собственно морфологические изменения глагола, а использование его форм для построения синтаксических единиц с определенным — синтаксическим — временным значением.

2. Парадигма глагола не совпадает с той системой форм, которой представлено в парадигме предложения его сказуемое или главный член: в системе морфологических изменений глагола нет, например, таких форм, как *читай бы (Читай бы он громче, его бы слышали), будь бы (Будь бы он умнее, он бы догадался), ходи бы (Ходи бы*

он в школу, он бы умел писать) и под. В морфологической парадигме глагола нет формы, омонимичной побудительному наклонению (*Подожди он немного, он бы все узнал; Приди он пораньше, он бы не опоздал*); эта омонимичная форма возникает только в строе предложения, причем показательно то, что есть глаголы, для которых и в строе предложения такая форма не образуется. Таковы, например, так называемые модальные глаголы *стоит, годится, придется — приходится*, выступающие в предложении в сочетании с инфинитивом; у предложений с этими глаголами нет форм типа: **Стой (бы) с ним спорить, я бы поспорил; *Годись (бы) здесь оставаться, я бы остался*. Между тем в других значениях образование таких глагольных форм возможно, например: *Годись (бы) мне старое пальто, я бы не стал шить нового; Стой эти вещи дороже, их бы не покупали*. Это говорит о том, что парадигма глагола и система форм сказуемого (или главного члена) в парадигме предложения не накладываются друг на друга и что формы сказуемого организуются по своим собственным законам.

3. Во всех типах безглагольных предложений (*Он учитель; Зима; Нас трое; У него беда* и т. д.) в их исходной форме (настоящего времени) нет глагола, а есть лишь значимый нуль глагольного слова. Поэтому когда в парадигме предложения здесь появляются формы глагола *быть* — одного или в сочетании с частицей (*Он был учитель, Он будет учитель / учителем, Будь бы он учитель..., Нас было трое, Нас будет трое, Было бы нас трое..., Будь бы зима... и т. п.*), то ясно, что перед нами — не парадигматические изменения обязательно присутствующего в предложении глагола, а построение разных форм одного и того же предложения средствами служебного глагольного слова. Нет глагольного слова и в некоторых других формах таких предложений, например в одной из форм условного наклонения (*Беда бы у него, так он бы ко мне прибежал; Пожар бы, так били бы в набат*); ср. эту форму условного наклонения в сложных предложениях с *если*: *Если бы у него беда...; Если бы пожар... Без глагольного слова строятся у этих предложений и формы желательного наклонения (*Если бы нас трое!; Хоть бы конец войне!; Конец бы войне!*), а также стилистически маркированные формы повелительного наклонения с *чтоб* (*Чтоб всего вдоволь!; Чтоб ни звука!; Чтоб больше света!* и под.).*

4. Если выстроить ряд соотношений типа: *Он учит — Он учитель, Он учил — Он был учитель, Он будет учить — Он будет учитель / учителем* и т. д., то мы увидим, что внутри каждой пары значения синтаксического времени полностью совпадают. Между тем эти значения выражаются по-разному: у первого члена этого соотношения значение синтаксического времени выражается сочетанием подлежащего со сказуемым-глаголом, у второго — с именем (одним или в соединении с формой вспомогательного глагола). Но мы знаем, что в отличие от глагола имя как грамматическая категория не обладает

формами времени. Следовательно, синтаксическое значение настоящего времени создается в предложении данного типа не морфологическими, а синтаксическими средствами — нулем глагола или введением форм глагола *быть*. В случаях *Он учит, Он учил, Он будет учить* перед нами — формальное совпадение морфологического и синтаксического времени и наклонения; но в случае *Учи он хорошо (его бы любили ученики)* такого совпадения уже нет (см. выше об омонимии форм). Точно так же форма *позабудь* в системе морфологической парадигмы глагола обозначает только повелительность и другого значения не имеет. Однако в предложении *Пошли, а я и позабудь, где он живет* эта форма в составе сказуемого обозначает синтаксическое прошедшее время; в предложении *Жена позабудь в сё, а он опять возьмется за старое* эта форма обозначает долженствование; в предложении *Позабудь бы жена в сё, он бы опять взялся за старое* она вместе с частицей *бы* выражает ирреальное обуславливающее действие. Все это говорит о глубоком внутреннем различии морфологического и синтаксического значения глагольных форм и о том, что при синтаксическом анализе мы должны оперировать именно и только синтаксическими функциями глагольного слова уже не как морфологической категории, а как категории синтаксической — сказуемого (в так называемом двусоставном предложении) или главного члена (в односоставном предложении, ср.: *Светает — Светало — Будет светать — Светало бы — Светай бы пораньше, мы бы нашли дорогу — Если бы светало!* и т. д.).

Таким образом, разные видоизменения предложения, в целом представляющие категории объективной модальности и синтаксического времени, в своем строении лишь используют те или другие формы глагола для выражения различных синтаксических значений, но не воспроизводят механически его морфологическую парадигму.

Поскольку глагольное предложение является одним из основных видов предложений современного русского языка, постольку, естественно, роль глагола в парадигме предложения очень велика; но для нас сейчас важно подчеркнуть, что глагол не является единственным «формирователем» синтаксических значений предложения и его разных форм в составе парадигмы. У тех предложений, которые в форме настоящего времени не имеют в своем составе глагольного слова, целый ряд и других их форм образуется с тем же «нулем глагола»...

Итак, ряд типа *Дом построен — Дом был построен — Дом будет построен — Дом был бы построен — Будь бы дом построен... — Дом будь построен, а... — Был бы построен дом! — Пусть дом будет построен* представляет собой формы одного и того же предложения. Ф о р м ы п р е д л о ж е н и я, таким образом, — это все те видоизменения предложения, которые, не меняя его структурной основы, представляют каждое в отдельности то или иное его частное грам-

матическое значение, а в своей совокупности — весь комплекс его грамматических значений.

На основе всего сказанного может быть выведено следующее определение простого предложения как грамматической единицы: простое предложение — это обладающая своими собственными признаками структурная схема (тип, образец), в конкретном лексическом наполнении предназначенная для функционирования в качестве единицы сообщения, со стороны грамматического значения характеризующаяся обязательным наличием категории предикативности, а со стороны формальной — системой средств, противопоставляющих отдельные свои формы по значениям объективной модальности и синтаксического времени.

Русская грамматика: в 2-х т.¹

Задания. На основе анализа текста «Русской грамматики» 1980 г. и статьи Н. Ю. Шведовой «О понятии «Регулярная реализация структурной схемы простого предложения» ответьте на вопросы:

1. Что такое структурная схема простого предложения? Приведите примеры структурных схем и предложений, построенных на основе этих структурных схем.
2. Каков состав парадигмы простого предложения по «Русской грамматике» 1980 г.? Приведите пример парадигмы предложения, построенного на основе структурной схемы $N_1 - Vf$.
3. Что такое регулярная реализация структурной схемы?
4. Какие виды регулярных реализаций выделяет «Русская грамматика» 1980 г.? Приведите собственные примеры на каждый вид регулярных реализаций.

§ 1917. Формы предложения организуются в его парадигму. Полная парадигма (система форм) простого предложения восьмичленна: в нее входят три формы синтаксического индикатива — наст., прош. и буд. вр. и пять форм ирреальных наклонений: сослагательное, условное, желательное, побудительное и долженствовательное. Формы синтаксического индикатива объединены общим значением временной определенности («тогда-то»: «сейчас», «прежде» или «потом»), формы ирреальных наклонений — значением временной неопределенности («когда-либо»: «сейчас либо потом» при побудит. накл., «сейчас, либо прежде, либо потом» при сослагат., желат. и долженств. накл.). Следовательно, и тем и другим присуще временное значение. Реальность и ирреальность как синтаксические значения во временном плане противопоставлены как «то, что осущест-

¹ Печатается по: Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 99, 119–122.

ствляется в настоящем, прошедшем или будущем) (синтаксический индикатив) и «то, что осуществляется в неопределенном временном плане» (синтаксические ирреальные наклонения). <...>

Форма наст. вр., воспроизводящая структурную схему без каких-либо грамматических ее видоизменений, открывает парадигму; эта форма является и с х о д н о й, все остальные — неисходными.

У разных предложений те или иные формы могут отсутствовать, и в зависимости от этого выделяются парадигмы, разные с точки зрения полноты, т. е. количества своих членов. Другое различие парадигм определяется тем, есть или нет в парадигме вариативные формы и какие варианты в ней представлены. <...>

С наибольшей последовательностью образуют формы нераспространенные или малораспространенные предложения. Чем распространеннее предложение, тем ограниченнее возможности образования отдельных его форм, и прежде всего — форм желательного, побудительного и долженствовательного наклонений. В конкретном предложении образованию тех или иных форм может препятствовать его семантическая структура и даже та конкретная информация (содержание), которая в нем заключена. Таким образом, п а р а д и г м а предложения представляет собою о б щ и й т и п и з м е н е н и я предложения, построенного по той или иной структурной схеме, но не обязательный вид изменений любого конкретного предложения.

§ 1952. Помимо парадигматических изменений, т. е. образования форм, простое предложение регулярно претерпевает изменения, связанные, во-первых, с возможностями полного или неполного представления его элементарной грамматической структуры (заполненность или незаполненность места того или иного компонента структурной схемы предложения); во-вторых — для двукомпонентных предложений — с введением разных видов связок и связочных образований, которые, как правило, способны вносить уточнения в синтаксическое отношение между главными членами; в-третьих, с введением так называемых ползунаменательных (неполнознаменательных) глаголов, дополняющих значение предикативного признака значением непостоянного существования, перехода из одного состояния в другое, обнаружения, становления, исчезновения; в-четвертых, с замещением позиции компонента схемы какой-либо грамматической формой или конструкцией. Все такие видоизменения можно называть р е г у л я р н ы м и р е а л и з а ц и я м и п р о с т о г о п р е д л о ж е н и я.

Общим для всех регулярных реализаций является то, что они нормально и по определенным правилам возводятся к исходной форме предложения: *Ученик читает — Ученик стал, станет читать; Пейзаж — прекрасный: (А каков там пейзаж?) — Прекрасный; Пейзаж оказался (бывает, стал, становится) прекрасный / прекрасным; Пейзаж — глаз не оторвешь; или: Ждать скучно; Ждать — это скучно; Ждать кажется скучно / скучным; Дочь —*

учительница: — *Кто у тебя дочь?* — *Учительница: Дочь стала учительницей;* *Москва — столица: Москва — это столица; Москва сделалась, стала столицей.*

§ 1953. Полные и неполные реализации. В потоке речи, в связном тексте предложение может оказаться в таком окружении, при котором соседствующие высказывания не обязательны для однозначного и достаточного понимания этого предложения. Так, например, в тексте: *Ночь, Улица, Фонарь, Аптека, Бессмысленный и тусклый свет* (Блок) каждое предложение само по себе и формально, и семантически закончено: для определения его грамматического строения и семантической структуры и для восприятия заключенной в нем информации не требуется конситуативной поддержки. В этом случае представлены относительно независимые позиции предложения в тексте. В других случаях предложение оказывается в таких условиях, при которых установление его языковых характеристик, а также его однозначное понимание обеспечивается лишь непосредственной текстуальной поддержкой или той реальной ситуацией, в которой осуществляется речь (примеры см. ниже). П о з и ц и я (положение) предложения, не требующая конситуативной поддержки для его восприятия как грамматически и информативно законченной единицы, называется к о н с и т у а т и в н о н е о б у с л о в л е н н о й; позиция предложения, требующая такой поддержки, называется к о н с и т у а т и в н о о б у с л о в л е н н о й. Конситуативная обусловленность позиции может так или иначе характеризоваться грамматически (такова, например, позиция второй реплики диалога, в своем грамматическом строении опирающейся на первую реплику: — *Куда ты идешь?* — *В театр*) или может не иметь каких-либо специальных грамматических характеристик, а определяться только информативной стороной сообщения.

§ 1954. Находясь в той или другой позиции в тексте, предложение может представлять собой полную реализацию минимального грамматического образца (в предложении заняты и представлены все компоненты его структурной схемы), или неполную реализацию (тот или иной компонент элементарного строения предложения не представлен). Неполные реализации могут быть или конситуативно обусловленными, или конситуативно необусловленными.

Конситуативно обусловленные неполные реализации и неоднокомпонентных предложений бывают представлены в сложном предложении, во вторых репликах диалогических единств, в разных типах текстов: — *Ученики опоздали?* — *Опоздали;* — *Кто опоздал?* — *Ученики;* — *Тебе хочется ехать?* — *Не хочется;* — *Кто этот человек?* — *Мой друг;* — *Весело кататься?* — *Весело;* *Высыпал деньги из кошелька, посчитал: мало;* *Не буду больше с ним спорить: незачем;* *Уж не прибили ли они изумена? Вот бы стоило!* (Дост.). Ср. полные реализации: *Ученики опоздали;* *Не хочется ехать;* *Этот человек — мой друг;* *Кататься весело;* *Денег*

мало; Спорить незачем; Вот бы стоило прибить! В сложном предложении: *Уши его привыкли к шуму, глаз — к непрерывному раздражению* (Шкл.); *Внуки уже не понимают дедов, а порой и сыновья — отцов* (Пауст.). Неполные конситуативно обусловленные реализации могут быть названы неполными предложениями. В дальнейшем изложении в параграфах, посвященных регулярным реализациям простого предложения, неполные конситуативно обусловленные реализации специально не описываются.

Конситуативно необусловленные неполные реализации могут определяться разными факторами.

а) Собственно грамматическим фактором определяется неполная реализация предложений со сказуемым — спрягаемым глаголом в форме 1 и 2 л. ед. и мн. ч. и повелит. накл.: *Иду; Идешь; Идем; Идете; Иди!; Идите!; Идемте!* Формальный вид подлежащего здесь однозначно указывается формой глагола: *Я иду; Ты идешь; Мы идем; Вы идете; Ты иди; Вы идите; Идемте (мы с вами).*

б) Лексико-семантическим фактором определяются неполные реализации некоторых предложений, в структурную основу которых входит глагол в спрягаемой форме или инфинитив. Это — реализации без глаголов определенных лексико-семантических групп (речи, движения, конкретного действия и некоторых других <...>), но с зависящими от таких глаголов падежными формами или наречиями. В этих случаях при отсутствии глагола реализуются прилагательные связи: *Я к тебе; Мы о деле; В передаче — о героях; Я гулять; Общество — человеку, человек — обществу; Ему через год в армию; Нам бы туда!* Ср. полные реализации: *Я иду (пришел) к тебе; Мы говорим о деле; Ему через год идти в армию; В передаче рассказывается о героях; Общество служит человеку, человек служит обществу; Какая тебе польза, что ты живешь так, ты людям плохо, и они тебе — плохо. Ты попробуй с ними — хорошо, и они с тобой будут хорошо* (Лид.); *Я еду к тебе. Я решил. Я не могу больше. Все равно... Я должен к тебе* (Фед.).

в) Развитием собственных подчинительных связей у глагола или предикатива определяются такие безыфинитивные реализации предложений, как *Захотелось в Москву; Можно к вам? Сюда нельзя; Солдату нельзя без песни* (газ.).

§ 1955. Реализации со связками и связочными образованиями. Связка — это оторвавшаяся от парадигмы местоименного слова или глагола служебная словоформа, функцией которой является дополнительное указание на синтаксические отношения между компонентами предложения. К связкам относятся словоформы *это, есть*, сочетание *это есть* (последняя — со стилистической окраской книжности), спрягаемые формы глаголов *являться, явиться, значить, означать, называться* (последняя — разговорная, в предложениях с подлежащим и сказуемым — инфинитивами <...>). Наряду со связками, выполняющими единственно

служебную функцию, существуют с в я з о ч н ы е о б р а з о в а н и я, т. е. словоформы или сочетания, которые в данной позиции наряду с соединительной функцией вносят в предложение дополнительный элемент своего конкретного лексического значения. К связочным образованиям относятся словоформы и сочетания, заключающие в себе элементы значений толкования (*это значит, это означает, это называется*), указательности (*вот, вот это, таков, вот таков*), идентификации или отождествления (*и есть, это и есть, то же самое что, это то же самое что, не что иное как, не кто иной как, это и значит, это и означает, это и называется*), сопоставления (*как, разг. это как, прост. все равно как, это все равно как, разг. все равно что, это все равно что*). Все связки и связочные образования распределены между разными типами простых предложений. Их употребление описано в главах, посвященных тем предложениям, которые принимают связки.

Регулярные реализации со связками и связочными образованиями возможны для таких подлежащно-сказуемостных предложений, как *Найти себя — это счастье; Ваня — это мой брат; Учиться — это всегда пригодится; Главное лечение — это лежать; Клевета — это страшно; Кататься — это весело*. Многие предложения могут реализоваться с несколькими связками и связочными образованиями: *Марксизм — это (есть, это есть, и есть, это и есть, вот, не что иное как, есть не что иное как) философия современности; Совершенство — это (это значит, это и значит, это и есть) работать образцово; Найти себя — это (есть, это есть, это и есть, вот) счастье...*

§ 1956. Реализации с полужнаменательными глаголами. К полужнаменательным глаголам относится ограниченный круг глаголов, лексическими значениями которых являются значения непостоянного (эпизодического) существования, перехода из одного состояния в другое или сохранения состояния, изменения, обнаружения, появления, исчезновения. Это следующие глаголы: *бывать, стать, становиться, делаться, сделаться, казаться, оказаться, оказываться, показаться, получиться, получаться, остаться, оставаться* ('оказаться', 'стать'), *пребыть, пребывать* (высок. и нижн.), *представляться* ('казаться'), *представиться* ('показаться'). Все полужнаменательные глаголы — в разных своих группировках — распределены между разными типами простого предложения: одни имеют более широкие возможности употребления, другие — более узкие. Свободнее других употребляется глагол *стать*: с ним реализуются предложения любой грамматической структуры.

Разные типы простого предложения относятся к разным полужнаменательным глаголам избирательно. Так, например, только глагол *стать* принимают предложения типа *Ученик пишет (стал, станет, стал бы писать)*, предложения типов *Не хватает времени (стало,*

станет, стало бы не хватать времени); *Хочется спать (стало, станет, стало бы хотеться спать)*; *Светает (стало, станет, стало бы светать)*; *Стучат (стали, станут, стали бы стучать)*. Предложения типа *В школе учеником недоволенны* принимают глаголы *бывать, оказаться, оказываться, стать, становиться* (*бывают, оказались, стали, стали бы, становятся недоволенны*). Предложениями типа *Все решено* принимаются глаголы *бывать, оказаться, оказываться* (*бывает, оказалось, оказывается решено*). Наиболее широк круг полузнаменательных глаголов в реализациях предложений типов *Отец учитель*; *Ребенок весел (и веселый)*; *Темно*; *Грустно*; но и здесь действуют ограничения, идущие от семантической структуры предложения. Примеры регулярных реализаций с полузнаменательными глаголами предложений разных типов: *Были и лето, и осень дождливы*, *Были потоплены пажити, нивы*; *Хлеб на полях не созрел и пропал*, *С дел а л с я г о л о д*, *народ умирал* (Жуковск.) (реализация предложения *Голод*); *И в избе-то стало посидеть нельзя* (Леск.) (реализация предложения *В избе посидеть нельзя*); *С Катериной Ивановной сделался припадок* (Дост.) (реализация предложения *С Катериной Ивановной припадок*); *Со мною почти делают судороги* (Дост.); *Составами все пути забиты. Не стало к строительству ни подойти, ни подъехать* (Малышк.; исходный вид: *К строительству ни подойти, ни подъехать*); *Станут тучи серые над тобой метаться, станет ночи целые думаться, не спаться* (Ас.); *Он потом изменил имя, — сказала Груша. — Да, потом, правда, променял на... забыл, кто он стал-то? Владимир?* (Шукш.).

Возможности введения в предложение полузнаменательных глаголов охарактеризованы при описании регулярных реализаций отдельных типов простого предложения.

§ 1957. В конкретном предложении в позиции его компонента может оказаться нехарактерная для этого компонента форма, сочетание слов или даже целое предложение — обычно нераспространенное, часто близкое к фразеологизму. Это — *р е а л и з а ц и я с з а м е щ е н и е м п о з и ц и и*. Сюда относятся следующие явления (все они — принадлежность непринужденной экспрессивной речи). 1) Замещение главного члена двукомпонентного предложения целым предложением: *Работник он хороший — Работник он — каких поискать*; *Настроение прекрасное — Настроение — лучше не надо*; *Отдыхать по-настоящему — это брать рюкзак и идти в лес — Отдыхать по-настоящему — это взял рюкзак и в лес*; *Работы много — Работы — только успевай*; *Все растопыривают руки, но уже поздно: налим — поминай как звали* (Чех.). 2) Замещение подлежащего неизменяемым прилагательным типа *помоложе* или формой косвенного падежа: *Помоложе работают лучше, чем пожилые*; *Дамы почти все уже сидели... Посмелее из них обмахивались платочками* (Дост.); *Из прохожих стали засматриваться. Иные даже приостанавливались* (Дост.). 3) Замещение междометием компонен-

та, заключающего в себе значение предикативного признака: *Характер трудный — Характер — ой-ой-ой!; Работы много — Работы — ух!; Такого табачку теперь нет — Такого табачку теперь тю-тю!* 4) Замещение компонента предложения цитатой или названием: «*Так делают все*» — не аргумент; «*Моя хата с краю*» — не наша мораль (газ.). Обязательным условием всех таких замещений является сохранение в замещающей форме семантической функции замещаемого компонента <...>

Н. Ю. Шведова

О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения»¹

1. Простое предложение — это самостоятельная единица сообщения, грамматическим значением которой является предикативность, а формой — минимальная структурная схема (далее также — тип, образец предложения, простое предложение) с принадлежащей ей системой собственно грамматических средств для выражения синтаксических времен и наклонений. Понятие «структурная схема простого предложения» близко к тому, что в русской грамматической традиции называется нераспространенным предложением. Однако эта близость не означает совпадения, так как критерии разграничения структурных схем простого предложения (далее для краткости также — «простого предложения» или просто «предложения») — иные, чем традиционные критерии разграничения «типов простого предложения». Простое предложение как самостоятельная грамматическая единица определяется целым комплексом собственных признаков. В этот комплекс входят: 1) грамматическая устроенность самой схемы, т. е. ее исходная форма; 2) система форм, представляющая разные временные значения предложения (категории синтаксического времени и объективной модальности); 3) система регулярных реализаций; 4) система функций. Разграничение разных типов простого предложения осуществляется на основании не одного какого-либо из этих признаков, а на основании всего их комплекса.

2. Структурная схема простого предложения — это тот принадлежащий языковой системе отвлеченный образец, который предназначен для того, чтобы, будучи наполнен конкретным лексическим материалом, функционировать в качестве минимальной относительно самостоятельной единицы сообщения. Все структур-

¹ Печатается по: Мысли о современном русском языке: сб. статей / под ред. В. В. Виноградова. М., 1969. С. 67–80.

ные схемы простого предложения современного русского языка могут быть перечислены закрытым списком. Строевыми, конституирующими элементами образца служат определенным образом организованные формы слов. Категориальная принадлежность слов и частное категориальное значение форм слов, выступающих в качестве элементарных и обязательных компонентов простого предложения, является первостепенным объективным фактором, позволяющим точно определить, как организовано то или иное предложение в его исходной форме, т. е. в форме, открывающей парадигму предложения и представляющей структурную схему в ее ничем не осложненном виде. Поэтому, представляя список структурных схем простого предложения, мы прежде всего исходим: а) из категориальных значений и форм составляющих компонентов¹ и б) из характера комбинирования этих компонентов (если их в элементарном составе предложения два или более). Так, напр., среди так наз. двусоставных предложений выделяем предложения, организующиеся номинативом и спрягаемой формой глагола, связанными друг с другом связью взаимного подчинения — координацией форм: $N_1 — Vf$ (*Ученик пишет*); предложения, организующиеся объединенными той же связью номинативами: $N_1 — N_1$ (*Брат — учитель*); предложения с некоординируемыми главными членами: $N_1 — Adv$ (*Отец дома*); $N_1 — N_2...$ (*Мы из Кронштадта, Письмо — тебе и др.*); $Inf — N_1$ (*Учиться — моя цель*).

3. Однако словесная формальная устроенность простого предложения, поддающаяся изображению при помощи элементарных символов, далеко не исчерпывает собою его грамматической характеристики. Определив предложение таким образом, мы ответим на вопрос о формальном устройстве его исходного вида. Однако не менее важным различительным признаком предложения являются его парадигматические характеристики. Каждое предложение характеризуется принадлежностью к определенной парадигме, т. е. к тому или иному типу изменений, представляющих разные синтаксические значения отнесенности сообщения к плану реальности — ирреальности (временная определенность — неопределенность или, что то же самое, объективная модальность) и, внутри временной реальности, к плану настоящего, прошедшего или будущего времени. Иным словами, парадигма предложения базируется на оппозиции синтаксического индикатива и синтаксических ирреальных наклонений. В парадигме выявляются частные грамматические значения предложения или частные значения предикативности. Система вы-

¹Значение символов: N_1 — имя в именит. пад.; N_{N1} — имя существительное в именит. пад.; Gen — родит. пад.; $N_2...$ — имя в косвенном пад.; N_5 — творит. пад.; Vf — глагол в спрягаемой форме, Vf_{3s} — глагол в форме 3 л. ед. ч.; Adv — наречие; Adv-o — наречие на -о; Adv praed — предикатив; quantit — количественное значение; Inf — инфинитив; Neg — отрицание; cop — связка.

явления этих частных значений образует систему форм предложения, соотносящих сообщение с разными объективно-модальными планами. В этой системе форм в качестве исходной выступает сам тип предложения в его ничем не осложненном виде; остальные — не исходные формы строятся, во-первых, средствами спрягаемого глагольного слова, входящего в структурный образец предложения как его обязательный компонент, или средствами форм глагола *быть*, вносимых в предложение в качестве собственно грамматического форманта; во-вторых, специальными синтаксическими частицами; в-третьих, грамматически значимым расположением компонентов образца. Типы предложений, не принадлежащие ни к одной парадигме, т. е. не обладающие возможностями формоизменения, в современном русском языке весьма немногочисленны.

В зависимости от того, заполнены ли в парадигме предложения все ее члены или какие-то из них оказываются незаполненными, различаются полные или неполные парадигмы предложений; разными комбинациями вариантов форм определяются конкретные типы парадигм и их разновидности внутри одного типа. Выбор парадигмы определяется как самим типом предложения, так и частными категориальными значениями форм слов, которыми организуются его компоненты, а иногда и отнесенностью соответствующих слов к тому или иному лексико-семантическому классу. Таким образом, категориальные и семантические качества слов оказываются синтаксически значимым фактором, определяющим не только формальную устроенность предложения, но и его парадигматические характеристики. Все эти факторы влияют как на самый набор форм предложения, так и на комбинации их вариантов.

4. Элементарный тип простого предложения существует в языке не только в своем основном виде (включая в это понятие все формы предложения, которые представляют собой не что иное, как систему выявления разных сторон его единого грамматического значения — предикативности), но также и в определенных своих регулярных реализациях. **Регулярная реализация** структурного образца простого предложения — это такой принадлежащий грамматической системе языка вид этого образца, который возникает либо в результате одного из его частичных формальных преобразований, не связанных с выражением объективной модальности и синтаксического времени (т. е. не являющихся формой предложения), либо в результате конситуативно обусловленного изменения правил лексического наполнения одного из компонентов предложения.

Факторами, определяющими существование регулярных реализаций схемы, являются: 1) а) возможная полнота или неполнота предложения; б) возможное введение в состав предложения так наз. полузнаменательных глаголов; в) для некоторых видов двусоставных предложений — характер связывания главных членов; г) возможное введение непосредственно смыкающихся с одним из компонентов

предложения (в двусоставных предложениях — со сказуемым) субъективно-модальных частиц, которые в некоторых случаях влияют на возможности лексического наполнения схемы; д) возможное замещение синтаксического места одного из компонентов целым предложением; 2) конситуативно обусловленное снятие лексических ограничений, характеризующих собственно тип предложения. Система регулярных реализаций принадлежит типу простого предложения как одна из его постоянных и первостепенных грамматических характеристик.

Регулярная реализация простого предложения есть одна из форм его существования. Такая реализация принадлежит грамматической системе языка так же, как и сам элементарный тип предложения.

Виды регулярных реализаций обнаруживаются и устанавливаются не как результат умозрительных трансформаций: они отвлекаются от самого языка, от тех конкретных высказываний, которые построены по определенным абстрактным образцам и отражают их грамматическую природу.

5. Неполная реализация обычна тогда, когда предложение находится в окружении определенного контекста или поддержано ситуацией речи (конситуативно обусловленные реализации; см. ниже). Очень многие двукомпонентные простые предложения в таких условиях могут быть представлены одним из своих компонентов. Двусоставные предложения при этом выступают как бесподлежащие или бессказуемые, сравн.: *Дом строится* (полная реализация схемы $N_1 - Vf$) и: — *Дом строится?* — *Строится*; — *Что это строится?* — *Дом* (подчеркнуты контекстуально обусловленные неполные реализации схемы). Аналогично: *Игрушки — для сына* (полная реализация схемы $N_1 - N_{2...}$) и: *Что у тебя для сына?* — *Игрушки*; — *Для кого эти игрушки?* — *Для сына*. Неполные реализации двукомпонентной схемы $Gen Vf_{3s}$: *Не хватает друзей* и: *Сам не пойму, кого мне не хватает...* *Ну конечно же, друзья!* и т. п. Неполные реализации двусоставных предложений возможны и без опоры на конситуацию. Так, для двусоставных предложений, строящихся с участием личной формы глагола, с флективно выраженным в глаголе значением лица, обычны бесподлежащие реализации, отражающиеся в соотношении типа *Я иду — Иду*. Бесподлежащий вид таких предложений обычен, далее, для форм синтаксического побудительного наклонения при подлежащем — 2 л. ед. и мн. ч., 1 л. мн. ч. (*Читай! Пишите! Давайте читать! Будем(те) читать!*); в этих случаях полная реализация обусловлена конситуативно или объясняется эмфазой (*Читай ты, а он пусть послушает! Иди ты, а не я!*). Неполная реализация схемы $N_1 - Vf$ является нормой тогда, когда производитель действия представлен обобщенно или намеренно неопределенно: *На всех не угодишь; На эту печку дров не напасешься; Тонул — топор сулил, вытащили — топорища жаль* (посл.); *Арендуем конторское поме-*

щение (газетное объявление). Ни о каком особом типе предложения при так наз. обобщенноличности или неопределенноличности говорить нельзя: это нормальные неполные реализации двусоставного предложения, в данной форме закрепившие за собой определенный круг функций. Показательно, что при обобщенном понимании производителя действия не исключена и полная реализация схемы, сравн.: *Я отвечаю за все* (афоризм); *О х о т н о м ы д а р и м , ч т о н а м н е н а д о б н о с а м и м* или: *Н у ч т о т ы б у д е ш ь д е л а т ь с э т и м в р у н и ш к о й !*

6. Для очень многих типов предложений, не включающих в свой исходный вид спрягаемой формы глагола, характерны регулярные реализации с полужнаменательными (полусвязочными) или бытийными глаголами: *стать / становиться, сделаться / делаться, получиться / получаться, показаться / казаться, оказаться / оказываться, пребыть / пребывать, явиться / являться, бывать, выйти / выходить, представиться / представляться, выдаться / выдаваться* (последние два — в условиях лексических ограничений) и некот. др. Для двусоставных предложений с личной формой глагола для всех его форм кроме исходной регулярны реализации с глаголом *стать*, сохраняющим здесь свое генетическое значение перехода от настоящего к будущему. Таковы, например, реализации (первым членом соотношения приводится исходный вид предложения): *Сын учится — Сын станет учиться; Я читаю — Я стал читать*. В предложениях другой структуры: *Сын — герой — Сын становится героем; День ясный — День выдался ясный / ясным; Поехать заманчиво — Поехать кажется заманчиво / заманчивым; Весна — На улице совсем весна делается; Много работы — Становится много работы; Грибов! — Там грибов оказалось! Светло — Делается светло; Оставаться невозможно — Оставаться становится невозможно / невозможным; На площади не протолкнуться — На площади стало не протолкнуться* и др. под.

При реализации отдельных типов предложения в языке могут действовать ограничения в возможностях употребления того или иного полужнаменательного глагола. Однако эти ограничения идут не от самого грамматического типа предложения, а от семантики слов, заполняющих его компоненты, т. е. от семантической структуры предложения. Анализ относящихся сюда явлений принадлежит к области взаимодействия собственно грамматического строения предложения и лексики, заполняющей позиции его компонентов.

7. Значительное место в системе регулярных реализаций двусоставных предложений со сказуемым — именем занимают реализации, варьирующие формальные средства связывания главных членов. Так, к системе реализаций предложений типа *Учение — главная задача* относятся разные виды так наз. связочных предложений: *Учение есть главная задача; Учение — это главная задача; Учение — это*

есть главная задача; Учение — это и есть главная задача; Учение — вот / вот это / вот это и есть главная задача. К системе регулярных реализаций предложений типа *Поймать карася* — наслаждение относятся связочные реализации: *Слушать музыку* — это / вот / вот это наслаждение.

Кроме двусоставных предложений связочные реализации с *это* характерны для двукомпонентных предложений, строящихся по схеме Adv_{праед} — Inf с предикативами *необходимо, возможно, обязательно, необязательно, хорошо, весело, интересно* и др., сравн.: *Необязательно соглашаться* — *Соглашаться* — это *необязательно*; *Отступать невозможно* — *Отступать* — это *невозможно*; *Кататься весело* — *Кататься* — это *весело*; *Читать интересно* — *Читать* — это *интересно*. Однако связочность *это* в данном случае может быть подвергнута сомнению: в условиях контекста такой инфинитив может сближаться с «формой представления» (сравн.: *Нужно учиться, читать* — *Читать?..* — *Это неинтересно*)...

8. Многие типы предложений принимают в свой состав субъективно-модальные (экспрессивно-оценочные) частицы, которые позиционно и интонационно непосредственно смыкаются с одним из компонентов схемы, — часто, при неполной реализации, например: *Ну и пишешь же ты! Мальчишка этот ну имышлен! Эх и покати-ли! Вот так весна! Тоже мне герой! То-то шуму! Ох и морозит! Вот холодно-то!* Такое видоизменение предложения относится к сфере его регулярных реализаций: это прежде всего проявляется в том, что с появлением таких частиц всегда изменяется парадигма предложения — она становится четырехчленной (три формы синтаксического индикатива и форма сослагательного наклонения); сравн.: *Ох и устаем мы!* — *Ох и уставали мы!* *Ох и уставать мы будем!* — *Ох и уставали бы мы!*; *Ну и шум!* — *Ну и шум был!* — *Ну и шум будет!* — *Ну и шум был бы!* Кроме того, введение таких частиц безразлично к лексическому наполнению предложения. Так, например, организуемые собственно номинативом односоставные предложения (N_{N1}) в своем ничем не осложненном виде обычно реализуются при условии наполнения словами с собственно экзистенциальным значением: *Ночь. Зима. Тишина* и под. При условии введения экспрессивно-оценивающих частиц это лексическое ограничение снимается; сравн.: *Ну и бал!* *Вот смех-то!* *Вот так радость!* *Уж и фильм!* и т. п. (см. об этом ниже).

9. Непринужденной и разговорной речи, просторечию принадлежат такие реализации двукомпонентных предложений, в которых позицию одного из главных членов (в двусоставных предложениях) или одного из формантов главного члена (в односоставных двукомпонентных предложениях) занимает не словоформа, а целое предложение. Наиболее частотны такие реализации для предложений с именным сказуемым, а также для предложений типа *Много дел, Времени в обрез* и под.

Следующие примеры взяты из записей живой разговорной речи: *Одежды на рыбаке — можно сейчас же переселяться на северный полюс* (сравн.: *Одежды много*); *Работа — только кнопки нажимай* (*Работа легкая*); *Бензину осталось — только-только добратся до базы* (*Бензину осталось мало*); *Девочки сказали, что быть учительницей — горло надорвешь* (*Быть учительницей трудно*); *Народу — не пробиться* (*Народу много*); *Уток весной — стреляй вверх, обязательно попадешь* (*Уток много*); *Водителей — ни одного* (*Водителей нет*) и т. п. С фразеологизацией замещающего компонента: *Вещь — пальчики оближешь*; *Положение — хуже некуда*; *Фруктов — завались*; *Подарков — хоть отбавляй*; *Гостей нет числа*; *Специалистов — раз, два и обчелся*; *Темень — зги не видно*; *Разрушений — не счесть* и под. <...>

10. Особый вид регулярных реализаций — конситуативно обусловленное снятие лексических ограничений, принадлежащих синтаксическому образцу. Это те случаи, когда простое предложение, принимающее в качестве главного члена лишь слова с ограниченной семантикой, в условиях контекста или речевой ситуации освобождается от этого ограничения. Контекст, снимающий семантические запреты, может быть как узким, собственно синтаксическим, так и широким. Ярким примером в этом смысле могут служить так называемые номинативные предложения (структурная схема N_{N1}). Собственно сама эта схема лексически ограничена словами, в силу своего значения способными выражать бытийность, сравн.: *Ночь. Зима. Тишина. Война* и под. Регулярная реализация этой схемы — предложения со словами любой семантики, возникающие: а) в условиях текста (и, соответственно, — ситуации), напр.: *Вхожу в комнату. Все как прежде. Чистота. Цветы; Сквозь листву мелькнул огонек. Знакомый дом. Старое крылечко; Опять она навела свой мещанский уют. Фикус! Ведь просил убрать!; Снова анонимные письма, расследования, комиссии — невозможно работать*; б) при условии детерминации с обстоятельственным или субъектно-объектным значением, напр.: *На столе скатерть; В комнате цветы; Вам телеграмма; В воздухе гарь*; в) в условиях сочетания номинатива со словами субъективно-модальных значений, напр.: *Какая радость! Ну и дом! Вот так гость!*

В предложениях спрягаемого-глагольного класса лексически ограничена схема Vf_3 ; она заполняется собственно безличными глаголами, список которых в русском языке является закрытым: *Светает. Вечереет. Морозит. Тошнит* и др. В условиях конситуации это ограничение снимается; это — известные случаи безличного употребления личных глаголов, напр.: *В трубке задуло; На море забурлило; Молнией уьет; Только что я задул свечу, завозилось у меня под кроватью* (Тург., Собака); *«Машка» — сказало в трубке и вдохнуло с облегчением* (Звер.).

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Русская грамматика: в 2 т.¹

Задания. На основе анализа текста «Русской грамматики» 1980 г. ответьте на вопросы.

1. Что такое, с точки зрения авторов РГ-80, семантическая структура предложения?
2. Какие факторы влияют на ее формирование?

§ 1960. <...> Отвлеченный грамматический образец предложения (структурная схема) кроме общего для всех предложений грамматического значения – предикативности имеет, независимо от лексических значений входящих в предложение слов, свою семантику, которая создается формальными значениями компонентов, правилами их лексического наполнения и, в неоднocomпонентных схемах, отношением компонентов друг к другу.

Языковое значение построенного по тому или другому образцу конкретного предложения формируется взаимным действием семантики этого образца и лексической семантики тех слов, которые заняли позиции его компонентов. Так, в двух рядах предложений одной и той же грамматической структуры: 1) *Ученик пишет; Завод работает; Колесо крутится* и 2) *Ребенок радуется; Народ негодует; Отец сердится* при общей семантике структурной схемы предложения («отношение между субъектом и его предикативным признаком — действием или процессуальным состоянием») в первом случае представлено значение: «отношение между субъектом и его конкретным действием», во втором случае — «отношение между субъектом и его эмоциональным состоянием». Это различие создается лексической семантикой слов. Точно так же в случаях 1) *Светает; Моросит; Вечереет; Смеркается; За лесом громыхает* и 2) *Знобит; Тошнит; Нездоровится; Дремлется* при общей семантике структурной схемы предложения («наличие действия или процессуального состояния») значения предложений первого и второго рядов различаются: в первом случае это «наличие бесубъектного процессуального состояния» (т. е. состояния, которое представлено как не имеющее своего носителя), во втором случае — «наличие субъектного процессуального состояния» (т. е. состояния, имеющего своего носителя). Это различие также создается лексической семантикой слов.

¹ Печатается по: Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. II. С. 123–136.

В формировании значения предложения принимают участие не только его главные члены, но и распространители: сильные присловные распространители, детерминанты <...>, неприсловные формы, распространяющие собою внутренний состав предложения <...>. Так, например, предложение *Отец любит сына* означает отношение между субъектом и его эмоциональным состоянием, обращенным на объект. Предложение *Клуб построен*, означающее отношение между субъектом и его состоянием как результатом действия, будучи распространено формой тв. п. со знач. деятеля (*Клуб построен студентами*), включает в свое семантическое строение субъект действия; дальнейшее возможное, но не обязательное распространение (*Клуб построен студентами прошлым летом*) расширяет семантическое строение этого предложения: в него включается обстоятельственный определитель (временной квалификатор).

Таким образом, языковое значение предложения представляет собою отношение некоторых компонентов смысла, отвлеченных одновременно от значения структурной схемы предложения и от лексических значений тех слов, которые заняли позиции ее компонентов и распространили собою предложение. В предложении формируется новое, более конкретное, чем семантика его образца, но тоже абстрактное значение, которое далее будет называться семантической структурой предложения.

Семантическая структура предложения — это его абстрактное языковое значение, представляющее собою отношение семантических компонентов, формируемых взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения. Важно помнить, что категории семантической структуры предложения принадлежат целым классам предложений и поэтому представляют собой единицы общезыковые.

§ 1961. Единицы значения, формирующиеся на основе взаимного действия синтаксических значений членов предложения и лексических значений слов, называются категориями семантической структуры предложения, или его семантическими компонентами. Эти единицы образуют семантическую структуру предложения. Центральными категориями семантической структуры предложения являются: 1) предикативный признак, т. е. признак, выявляющийся в объективно-модальном плане: во времени и в том или ином отношении к действительности <...>; эта категория реализуется как «действие» или «состояние» (понимаемые в самом широком смысле); 2) субъект — производитель действия или носитель состояния и 3) объект — тот предмет (также в широком смысле), на который направлено действие или к которому обращено состояние...

Компоненты семантической структуры предложения существуют во взаимном отношении друг к другу. Это отношение может устанавливаться внутри предложения (*Большого знобит* — «отношение

между субъектом и его физическим состоянием») или путем сопоставления предложений различного семантического строения (например, значение бессубъектного состояния в предложениях типа *Светает* устанавливается на основании сопоставления со значением субъектного состояния в предложениях типа *Знобит*).

Г. А. Золотова

Взаимодействие лексики и грамматики в семантической структуре предложения¹

- Задания.** 1. Как в статье Г. А. Золотовой определяется семантическая структура предложения?
2. В чем проявляется, по мнению автора статьи, нераздельность синтаксиса и семантики?

Известны два понимания семантической структуры предложения. Одно постулирует противопоставленность семантической структуры синтаксической, их независимое, автономное друг от друга существование как бы в параллельных плоскостях. Другое основывается на представлении о глубоком взаимодействии синтаксиса и семантики в предложении как условий *sine qua non*.

Если абстрагированная анализом семантическая структура является план содержания предложения, его типовое значение, неизбежно возникает вопрос о плане выражения, о языковых средствах, формирующих семантику предложения. Моделирование параллельных плоскостей не только не решает этого вопроса, но даже и не ставит его, поскольку семантика собственными средствами не располагает, а синтаксис в этой модели сводится к технике межсловных связей.

Аргументами в дискуссии могли бы стать выявление элементов — носителей смысла, формирующих семантику предложения, а также установление зависимости между значением этих элементов и их грамматическими свойствами.

Очевидно: не все, что значимо в языке, участвует в формировании семантической структуры предложения.

Когда в предложении, допустим, *Цыплят по осени считают* справедливо находят значение итеративности, плюральности, темпоральности, презенности и т. п., понятно, что предложение высказывается не ради выражения этих значений.

Справедливо выделяя в слове лексическое и грамматическое значение, мы не объясним общностью типа склонения, рода, предложно-падежной формы, почему словоформы *в крепости*, *в степи*,

¹ Печатается по: *Revue des études slaves*. Paris, 1994. Т. 66. Ф. 3. Р. 699–707.

в печи окажутся выразителями локативного значения, в старости, в античности, в ночи — темпорального, но ни те, ни другие не могут принять значения творительного инструментального, как кистью, тростью, рукоятью.

Чтобы слово-лексема стало словом-синтаксемой, то есть конститутивной единицей синтаксического строя, оно поднимается на более высокую ступень абстракции, вступая в ряд со словами близкого категориально-семантического значения в соответствующем предложно-падежном оформлении: так, в синтаксемах *в степи, в пени, в сумке, в лесу* предложный падеж с предлогом *в* оформляет их общее локативное, предметно-пространственное значение; в синтаксемах *в старости, в январе, в детстве, в прошлом веке* — общее значение временного отрезка; в синтаксемах *кистью, палкой, молотком, пером* творительный падеж оформляет общее значение конкретного предмета, способного быть орудием действия и т. д. Тип склонения оказывается при этом нерелевантным.

Возьмем самую типичную синтаксическую модель номинативно-глагольного предложения, напр.: *В море царевич купает коня* (Лерм.). Подлежащее (субъект, агенс) представлено существительным в именительном падеже. Но достаточно ли этого условия для выражения подлежащего? Проведем эксперимент, попробуем заменить имя субъекта действия: *царевна, девица, крестьянин, мальчишка, хозяин, бригада...* — нарушается сюжет, но предложение остается правильным. Продолжим: *лопата, береза, булыжник, учебник, суббота, дремота, тревога...* — предложение разрушается, потому что синтаксема субъекта действия требует категориальной семантики лица. Так же ограничены возможности лексических замен рамками категории лица и для синтаксемы субъекта состояния в дательном падеже в моделях типа *Саше не спится, но весело ей* (Некр.): предложение сохранится при заменах *Князю... ему, Детям... им, Старику... ему, Брату... ему*, но не **Столу, Камню, Снегу, Пенью, Письму* и т. п.

Мотивирующее синтаксему категориально-семантическое значение, недооцениваемое обычно грамматиками и составляющее промежуточную ступень между индивидуально-лексическим и общим частеречным значением компонентов, и есть первооснова, «кирпичик» в семантической структуре предложения. Частные категориально-семантические значения группируются в два класса: предметной и признаковой семантики. Предикативная сопряженность признаковой и предметной синтаксемы (в категориях времени, модальности и лица) создает общий структурно-семантический каркас элементарной модели предложения. Семантико-грамматическая характеристика взаимнообусловленных компонентов модели, предикативного признака и субъекта — его носителя, определяет тип модели, дифференцирует типы предложений, в единстве их формы и значения.

Известная экспериментальная фраза Л. В. Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка* иногда дает повод рассуждать о возможности связной, но неосмысленной речи. Однако грамматичность этого предложения позволяет понять, что речь идет о действиях одного живого существа по отношению к другому и его детенышу. Оставшееся неизвестным относится к лексике, к индивидуальным лексическим значениям. Известное содержит достаточную информацию о категориально-семантическом значении сочетавшихся в предложении элементов.

Из «глокой куздры» можно извлечь <...> научное представление о границе между лексикой и грамматикой. <...> Роль разных грамматических значений в отношении к семантической структуре предложения позволяет отделить от собственно морфологической техники (типы склонения, спряжения и т. п.) <...> те морфологические средства, которые оформляют структурно-смысловые элементы, интегрируются в них.

Противопоставленность предметной и признаковой семантики предопределена принадлежностью (не прямолинейной) слов к частям речи, в системе которых и получила отображение структурированность мира человеческим мышлением: предметные значения заключены в именах конкретных, признаковые — в именах отвлеченных и в глаголах, прилагательных, наречиях, категории состояния, числительных.

<...> Граница между предметным и признаковым значением может проходить между разными синтаксемами от одной лексемы (*ехали по проселочной дороге, дом у дороги* — предметно-пространственное значение; *дорогой разговорились, в дороге легко знакомятся* — темпоральное, признаковое), даже между омонимичными синтаксемами (*Кошка шмыгнула под занавес* — *Под занавес на конференции случилось неожиданное; На елке сверкали игрушки* — *На елке всем было весело; Монета упала в снег* — *Этим путем через поле дети идут в школу и в дождь и в снег*).

Разные формы слова могут быть мотивированы разными сторонами его общего значения, разными семами, предопределяющими различия и в синтаксическом употреблении. Так, например, локативные формы *в лесу, за лесом, над лесом, из леса, из-за леса, возле леса* мотивируются значением места, пространства (занятого множеством деревьев); творительный пути движения *лесом* — значением протяженности пространства; объектные приглагольные формы *рубить лес, губить лес, сажать лес, любоваться лесом* мотивированы предметным значением (множества *деревьев*); сочетания типа *лес рук, лес флагов* — количественным значением (множества *деревьев*). В каждом из этих значений разные синтаксеммы от слова *лес* оказываются в ряду с синтаксемами других близких по категориальной семантике слов (*в лесу, в саду, в комнате; за лесом, за садом, за домом; из леса, из комнаты; из-за леса, из-за дерева, из-за дома*;

идти лесом, полем, берегом и т. п.), создавая обобщенную синтаксему-тип, в данном случае локативные синтаксемы *В + Предл.* и *ЗА + Твор.*, синтаксемы направления *ИЗ + Род.* и *ИЗ-ЗА + Род.*, синтаксему пути движения *Твор.* и т. д.

Набор синтаксических функций синтаксемы каждого типа, способности ее участия в построении тех или иных конструкций производны от ее семантики, при этом характер взаимодействия синтаксиса и семантики не одинаков для синтаксем разных функциональных типов. Лично-предметная категориальная мотивация закрепляет за синтаксемой субъекта состояния в дательном единственную синтаксическую роль — субъекта предложений, сообщающих о состоянии (*Мне не спится, нет огня* (Пушк.); *Как мне тепло назло зиме!* (Полонск.); *Детям боязно — и дети Огонек разводят* (Сурик.). Локативная же семантика может реализоваться и в обозначении места, пространства, характеризуемого предикативным признаком (*В небесах торжественно и чудно* (Лерм.); *Две первые комнаты были темны, в третьей был огонь* (Пушк.); *На пригорке то сыро, то жарко* (Фет), но также и в обозначении предикативного признака предмета по его местонахождению (*Петр сказал мне, что дядя с матушкой в саду* (Чех.); *Где ведро с водой? — И ведро, — говорит, — в колодце* — (Нос.); *Я — в раю. Здесь — цветы и улыбки* (Окудж.).

Если значение субъекта состояния у синтаксемы в дательном обусловлено ролью в данной модели и утрачивается за ее пределами, то значение локативных синтаксем свободно, оно заключено в самой синтаксеме, независимо от синтаксической позиции. Отсюда широта их синтаксических возможностей: они реализуются больше чем в 10 позициях.

Традиционная квалификация локативных синтаксем как «обстоятельств места» отводит им единственную роль в предложении, термин как бы загораживает собой путь к анализу. Между тем непредвзятое наблюдение обнаруживает свободные локативные синтаксемы на разных ступенях синтаксической организации в качестве независимых носителей смысла, не терпящих грамматического принуждения и вступающих в связь с другими компонентами на основе синсемичности, взаимной семантической расположенности друг к другу.

Локативную синтаксему встречаем в независимой позиции заголовка (*В лесу* — стих. Пастернака, *В овраге* — Чехов, *В цирке* — Курприн, *За утесом* — Брюсов, *У камина* — Фет); драматургической ремарки: [*Изора (в окне)*] *Зачем меня будят так рано* (Блок); в качестве экспозиционного предложения: *В театре. Господин просит даму снять шляпу, которая мешает ему* (Чех.); даже в обращении, в качестве метонимической номинации: *Эй, в небесах! Как ты любишь меня* (Ахмад.).

Присловную позицию в сочетаниях слов локатив занимает при глаголах: *Родился зайчик в лесу* (Мам.-Сиб.); при именах: *Коза на*

горе выше коровы в поле (пословица); при прилагательных: *Лиловая в Крыму и белая в Париже, в Москве моя весна скромней и сердцу ближе* (Тарк.).

В составе предложения мы показали выше локатив как субъектный компонент и как предикат. Локатив, далее, способен выступать как распространитель разных моделей: *А в лесу ложатся тени на росу* (Бун.), *А грибов за рекой — хоть косою коси* (Ант.), а также как вторичный предикат в полипредикативных авторизованных моделях: *Бурмин нашел Марью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках...* (Пушк.); *Уносимая под руку Коровьевым, Маргарита увидела себя в тропическом лесу* (Булг.).

Полипредикативизация модели означает совмещение, взаимодействие семантико-синтаксических структур, здесь модусная модель восприятия соединяется с диктумной моделью локативной характеристики субъекта, при этом «скрепом» служит синтаксема винительного падежа (*Марью, себя*), несущая двойную функцию: объекта восприятия и субъекта местонахождения.

Двуликостью локативного значения, способного представлять то в предметной, то в признаковой ипостаси, объясняется существование «обратимых» моделей типа (1) *Книги — на столе* и (2) *На столе — книги*. С переменой мест слагаемых здесь меняются и их структурно-семантические роли и их связи с окружающим контекстом. Пример (1) — это сообщение о местонахождении предмета, которое могло бы информативно ответить на основе знания говорящего (и отвечает в примерах выше) на вопрос *где предмет?* Имя в именительном здесь субъект, локатив — предикат. Пример (2) — сообщение, характеризующее названное место наличием предметов, на основе прямого восприятия говорящим. Локатив здесь характеризуемый субъект, имя в именительном — предикат. В литературе отмечалось различие между именительным в (1) и (2) по линии определенности / неопределенности. Существенна предназначенность моделей к разным типам текстов: (1) к информативному, (2) к репродуктивному, изобразительному. Различия между моделями обнаруживаются и в полипредикативных структурах. В следующих примерах: *На улице я встретил множество народу* (Пушк.); *Ей снятся стоны бурлаков на волжских берегах* (Некр.) — через выраженное восприятие наблюдателя соединяются обозначение места формой *НА + Предл.* и его предикативная характеристика (ср. модель (2): *На улице — множество народу; На берегах — стоны бурлаков*). Ср. еще исходную и авторизованную модели в пушкинском тексте: *У лукоморья дуб зеленый, Златая цепь на дубе том... и: И я там был, и мед я пил, У моря видел дуб зеленый...*

<...> Приобретая статус компонента определенной модели предложения или словосочетания, синтаксема в каждом случае реализует одну из набора своих потенциальных возможностей, или одну из потенций своей парадигмы. Формирование семантической структу-

ры предложения (а точнее семантико-синтаксической структуры) происходит в результате предикативного сопряжения предметного и признакового компонентов. Компоненты-распространители предикативной основы расширяют, обогащают, усложняют семантическую структуру предложения.

В свою очередь распространение модели обусловливается как коммуникативной потребностью, так и грамматико-семантическими качествами главных компонентов.

Сравним предложения: (1) *Дети идут*, (2) *Часы идут*. В (1) сообщается о действии личного субъекта, о движении, перемещении в пространстве, а акциональный глагол движения способен распространяться (на основе синсемичности) именами пространственных ориентиров (места, направления, пути движения), а также обозначением способа и цели: *идут в лесу, по лесу, лесом, по тропинке, вдоль оврага, сквозь заросли, через ручей, в ельник, гурьбой, гуськом, из деревни, за грибами* и т. п.). В (2) сообщается о предмете-артефакте, механизме и его исправном функционировании. *Идут* в этом примере не акциональный, а функтивный глагол. Нет действия, нет перемещения — нет и распространителей со значением пространственных ориентиров, способа и цели.

У акционального *идут* — богатые префиксальные возможности пространственных модификаций: *выйдут, войдут, зайдут, пройдут, перейдут, придут, отойдут* и т. п., у функтивного *идут* их нет. Не употребительны от *идут* (2) формы 1 и 2 л., деепричастия, императива, практически и причастия и инфинитива. Различия обнаруживаются и на уровне текста. Акциональный предикат *идут* располагает широким регистровым диапазоном: передвижение людей может **восприниматься наблюдателем** синхронно (реально или в воображении), и тогда говорящий представляет его в репродуктивном регистре речи (*Вот идет он к синему морю* (Пушк.); говорящий может знать о действии, вне конкретной длительности его, на разном расстоянии и уровне обобщения (*Весною, дети, каждый праздник По вечерам туда идут И стар и молод* (Некр.) — в информативном регистре; *К обедне идут по звону, к обеду — по зову* (посл.) — в генеритивном регистре).

Функтивный предикат *идти* используется в информативном регистре (*Идут ли часы? Нет, стоят. Часы не испорчены, ходят, а теперь не идут, не заведены* (Даль).

Идут (3) сочетается (обычно в препозиции) с именами отвлеченными а) называющими отрезок времени (*идут минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы*): *День за днем идет, мелькая... Так идут за днями дни... Шли годы...* (Пушк.); б) называющими действия, процессы, события, чаще полисубъектные, общественного характера (*идут экзамены, переговоры, дискуссии, идет лекция, репетиция, операция, следствие, война* и т. д.). Поскольку значение действия, процесса заключено в имени, глаголу *идет* здесь остается вспомо-

гательная, компенсаторная роль: лексическое значение его ослаблено, а грамматическим, морфологическими категориями времени и наклонения, он возмещает отсутствие этих предикативных категорий у имен. Можно соотнести его роль отчасти и с фазисными глаголами: *идти* о процессе — это фаза между *начаться* и *окончиться*: — *Лекция идет?* (уже началась?) — *Да, идет* (началась и продолжается).

Фазисное значение начинательности с разговорной экспрессией передается и сочетаниями глагола *идти* (*пойти*) с некоторыми инфинитивами и — синонимично — с предложно-падежными формами: *идти танцевать, плясать, идти в пляс, идти гулять, идти на прогулку: Не с той ноги, кума, плясать пошла* (посл.); *Вот он и пошел врать, хвастать* (Даль). Этот вспомогательный, но лично-субъектный глагол *идет* (4) может выступать синонимом и к модальным глаголам *решишься, отважиться, соглашаться, пуститься*, образуя предикат с отвлеченным именем действия в винительном падеже с предлогом *на* (*идти на разрыв, на риск, на обман, на развод, на хитрости, на столкновение, на признание, на подвиг, на кражу*). В таком предикате ощущается ретроспективно-оценочный оттенок, препятствующий употреблению в репродуктивном регистре.

Подобные соотношения с известной регулярностью обнаруживаются и среди значений такого полисемичного глагола, как *делать*:

Акциональное значение «создавать, изготавливать» (предметы): *делать табуретки, делать оконные рамы, скворечники, шляпы, салат, блинчики, печенье: Дедушка, голубчик, сделай мне свисток* (Плещ.); *Сделали вот столько стульев и столиков!* (Маяк.).

Компенсаторное значение вспомогательного глагола реализуется при отвлеченных именах действия, создавая более официальное, книжное, профессионально-деловое наименование действия (ср. *выбирать — делать выбор; уступать — делать уступку; наблюдать, проверять, сопоставлять, обобщать — делать наблюдения, проверку, сопоставление, обобщение; заказывать, завещать, запрашивать, заявлять — делать заказ, завещание, запрос, явление* и т. д.), иногда не соотносительное с однословным, при отсутствии соответствующего глагола (*делать паузу, опыты, комплименты, зарядку* и др.): *В ее комнате делали обыск* (Чех.); *Нас жизнь учит-учит, а мы по-прежнему непоколебимо верим, что бизнес можно делать только на честной основе* (газ.).

Как не является самостоятельным структурно-смысловым компонентом глагол *делать* в этих конструкциях, так и не самостоятельны сочетания этого глагола с модальными словами *делать попытки, делать усилия*, требующие соединения с полнозначительным инфинитивом.

3) Каузативное значение глагола *делать* реализуется в двух полипредикативных конструкциях:

а) *делать кого-что кем-чем, каким* (каузируемый предикативный признак оформлен творительным падежом): *Ливни сделали дороги непроезжими*; <...> *Но каждый человек, понимаете, каждый обыкновенный человек может сделать кого-то счастливым* (Вас.);

б) *делать из кого-чего кого-что* (каузация превращения, каузируемый предикативный признак оформлен винительным падежом): <...> *Он умел из будничного события делать красивую сказку; Он из мухи делает слона, а после продает слоновую кость* (Маяк.).

4) Каузативно-логическое значение глагола-компликатора *делать* в конструкции *Что-то делает что-то каким* служит выражению причинно-следственных отношений между двумя пропозициями: *Величина экрана, а также широкоформатный и панорамный кинематограф делают излишним эффект объема* (газ.); <...> *Старость делает юрту холодной, зверя опасным, зиму длинной* (Расп.).

Конструкция (4) кажется похожей на (3 а), но у глагола *делать* еще слабее лексическое значение, и отношения между компонентами иные: если в (3 а) имя в винительном называет объект воздействия и одновременно субъект-носитель измененного этим воздействием состояния, качества, то в (4) явление, названное именем в винительном, вследствие определенных качеств или обстоятельств, вызывает названное в творительном восприятие или оценку.

Очевидна и здесь предназначенность конструкций с разными значениями глагола *делать* к разным регистровым функциям: акциональными *делать* располагает всеми регистровыми возможностями, другие связаны преимущественно с информативным регистром.

И в многозначном глаголе *вести* так же связаны структурно-семантические типы значений с набором грамматических форм и с характером функциональной парадигмы, предопределяющей коммуникативно-речевые возможности, ср.:

Отец ведет детей в зоопарк — акциональный глагол движения (каузация перемещения), реализуется в репродуктивном и других регистрах;

Ревизор ведет проверку документации — неакциональный глагол-компенсатор, реализуется в информативном регистре;

Тропинка ведет к озеру — неакциональный глагол локализирующий, реализуется в информативно-описательном регистре;

Просвещение ведет к свободе — неакциональный каузативный глагол-компликатор, реализуется в информативном или генеритивном регистре.

Ср. в глаголе *бросать*:

Он бросил мяч — акциональное значение каузации перемещения (репродуктивный и др. регистры);

Он бросил упрек брату — неакциональное значение компенсатора (информативный регистр);

Он бросил курить — неакциональное значение фазисного модификатора (информативный регистр).

Изложенные наблюдения подтверждают высказанную еще В. В. Виноградовым мысль о том, что конструктивная сила глагола, многообразие его синтаксических возможностей находится в отношении взаимной обусловленности с семантической емкостью и сложностью глагольного слова¹. Осознание взаимной зависимости этих двух сторон как двух сторон одной медали становится критерием и гарантом результативности грамматического исследования.

Очевидная нераздельность синтаксиса и семантики позволяет в равной мере предполагать и то, что глагол реализует свои разные значения в соответствующих конструкциях, и то, что соответствующие конструкции обуславливают различные значения глагола. Существенно, что опора на это взаимодействие позволяет, с одной стороны, более надежно структурировать глагольное пространство, с другой — как и в синтаксисе имени существительного — найти тот уровень абстракции от уникального значения данного глагола как лексической единицы, на котором глагольное слово, глагольная форма становится единицей синтаксиса, компонентом семантико-синтаксической структуры предложения.

Оппозиции полнознаменательность / неполнознаменательность, акциональность / неакциональность глагольного слова предопределяют его роль как самостоятельного семантико-синтаксического компонента предложения или модификатора в составе такого компонента. В этот же фундамент заложены возможности речевого использования предложения в разных коммуникативных регистрах: глаголы соответствующих типов в определенных видо-временных формах, во взаимодействии с другими средствами, организуют и членят текст, выявляя соотношение его частей во времени, в пространстве и в мыслительном пространстве с точки зрения разных ступеней процессов восприятия, познания и осмысления мира.

Как синтаксема реализует одну из потенций своей парадигмы в конкретной модели предложения, так предложение реализует одну из потенций своей грамматической парадигмы в композиции текста (ср.: *Вот идет он к синему морю* — изображение конкретно-единичного действия в шестой, последней встрече старика с золотой рыбкой; соответственно кульминационному напряжению повествовательное прошедшее время пяти прежних эпизодов (*пошел старик...*) заменяется настоящим актуальным). Так же, по потребностям смысловой структуры и композиционной организации текста, отбирается и реализуется одна из возможностей функционально-речевой парадигмы предложения. Обусловленность этой парадигмы семантикой предиката продемонстрирована, а само семантико-грамматическое устройство текста составляет следующую проблему.

Итак, семантическая структура предложения предстает как обобщенный (на разных ступенях абстракции) смысловой результат пре-

¹ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947; 1986.

дикативного сопряжения субъектного и признакового компонентов, достигаемый взаимодействием лексики и грамматики.

Предложение создается для выражения смысла. Между тем в коммуникативном процессе оно не самодостаточно. Семантическая структура предложения — часть семантической структуры целого текста. Как часть целого она легче поддается моделированию. Но и анализ семантической структуры целого доступен, если идти путем выявления единства формы и содержания.

Н. Д. Арутюнова Предложение и его смысл¹

- Задания.**
1. На основе анализа текста монографии Н. Д. Арутюновой раскройте понятие «логико-синтаксическая структура предложения».
 2. Какие логико-синтаксические типы предложений и на каких основаниях выделяет автор?

<...> Логико-синтаксические структуры представляют собой наиболее общие модели, в которых мысль формирует смысл.

Выделение логико-синтаксических типов опирается на следующие свойства предложения: 1) природа терминов отношений — в предложении может устанавливаться связь между любыми из тех сущностей, которыми оперирует человеческое мышление: предметом, понятием, именем (словом), представленными в высказывании денотатом, сигнификатом и означающим; 2) направление отношения — мысль может двигаться между терминами отношений в том или другом направлении. Названные два признака обуславливают связь логико-синтаксической структуры предложения с референцией входящих в нее имен и коммуникативной перспективой высказывания: природа терминов отношений обнаруживает себя в референции имени, а направление отношения отражает коммуникативную перспективу предложения.

Применительно к материалу русского языка в настоящей работе выделены следующие четыре логико-грамматических «начала»: 1) отношения экзистенции, или бытийности, 2) отношения идентификации, или тождества, 3) отношения номинации, или именованья, 4) отношения характеристики, или предикации в узком смысле этого термина.

Отношения экзистенции соединяют концепт и предмет, понятие и материю. В экзистенциальном предложении утверждается суще-

¹ Печатается по: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 5–20.

ствование (или несуществование) в мире или некотором его фрагменте объекта (класса объектов), наделенного определенными признаками. Ср. *В этой стране есть исполинские змеи; Леших не существует; Снежный человек существует*. Мысль в этом случае движется от концепта (понятия) к субстанции, объекту, воплощающему заданную совокупность черт. Здесь уместно подчеркнуть, что в абсолютных (относящихся к миру) экзистенциальных утверждениях концепт обычно создается не одним признаком, а комбинацией, совокупностью ряда черт. Поэтому, проблема бытия часто сводится к вопросу о совместимости признаков в концепте (ср. проблему существования «круглых квадратов») или в материальном объекте (русалках, коньках-горбунках и пр. жителях сказочных миров).

Инверсия мыслительного процесса, его направленность от объекта к его признакам, набору признаков, состоянию, свойствам, действию ведет к изменению логических отношений, их преобразованию в отношения характеристики, или собственно предикации. В этом случае заранее данным является некоторый объект, в котором активным актом мышления выделяется тот или другой признак. Ср. *Море сегодня спокойно; Эта змея огромна*. Логико-синтаксические отношения определяются, следовательно, не только теми категориями, которые они связывают, но и направлением связи.

Отношения номинации соединяют объект и его имя, т. е. элемент предметного мира и элемент языкового кода. Ср. *Этого мальчика зовут Коля. Это Коля. Коля. Это дерево — сосна*. Отношения именованности могут соединять не только предмет и его имя, но также понятие (свойство, качество, событие и пр.) и способ его обозначения в языке (слово). Однако для синтаксической организации предложения существенна лишь наиболее простая форма этих отношений, соединяющая предмет (лицо) и его собственное имя. Только этот простейший вид именованности принимается во внимание в настоящей работе.

Инверсия отношений именованности, при которой мысль двигалась бы от слова (означающего) к его значению (сигнификату) создает отношения интерпретативного типа, которые очень близки к отношению тождества. Сообщая о том, что значит слово, мы не только соединяем звук со смыслом, но как бы приравниваем значение слова к его толкованию при помощи других слов. Ср. *Печаль это скорбно-озабоченное, нерадостное, невеселое настроение, чувство*. Такие предложения используются тогда, когда адресату неизвестен первый элемент равенства — означаемое интерпретируемого слова. Они могут быть определены как экспликативные. Интерпретативные отношения не соотносятся с особым типом предложений. Они, поэтому, не входят в число логико-синтаксических «начал». То же можно сказать и о другом виде инверсии отношений именованности, при которой мысль движется от имени (данного) к его конкретному носителю — предмету или лицу. Ср. *Кто здесь Соколов! Соколов*

это я. Такого рода отношения не существенны для анализа синтаксического строя русского языка.

Отношения идентификации рефлексивны, т. е. обращены на один объект. Они, поэтому, в логическом смысле не могут быть инвертированы. В наиболее ясном случае эти отношения устанавливают тождество объекта (денотата) самому себе (онтологическое тождество). Что касается абстрактных категорий, то проблема их отождествления осложняется отсутствием у этих сущностей независимого от языкового обозначения бытия. В данной работе принимается во внимание только онтологическое тождество.

Итак, хотя те сущности, которыми оперирует человеческое мышление (денотат, сигнификат, означающее, соотв. предмет, понятие, имя), способны быть терминами большего количества логических отношений (таких отношений могло бы быть девять), для формирования синтаксических структур русского языка (а возможно, и других языков) существенны лишь четыре названных вида отношений, каждое из которых соотносительно с особой логико-синтаксической структурой — экзистенциальными предложениями, предложениями тождества, предложениями именованности и предложениями характеристики. <...>

Т. В. Шмелева Семантический синтаксис¹

Задания. На основе анализа текста лекций Т. В. Шмелевой «Семантический синтаксис» ответьте на следующие вопросы:

1. На чем основывается разграничение в содержании предложения модуса и диктума?
2. Какое значение для описания диктумной составляющей предложения имеет понятие пропозиции?
3. Что такое пропозиция?
4. Какие типы пропозиций выделяет Т. В. Шмелева?
5. Как, по мнению Т. В. Шмелевой, осуществляется модусная аранжировка высказывания?

Введение

<...> Согласно представлениям, лежащим в основе излагаемого курса, центральное место следует отвести идее о диктумно-модусном устройстве смысла предложения. Все остальные оказываются более конкретными, объясняя один из названных блоков смысловой орга-

¹ Печатается по: Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1988. С. 7–39.

низации или их отдельные фрагменты. В соответствии с этим и будет изложена здесь вся отобранная информация о семантическом синтаксисе.

Выдвигая идею о двухчастности содержания предложения в центр понятийного аппарата семантического синтаксиса, необходимо сказать о ней несколько подробнее.

Существо этой идеи: высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоится в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности соединится с информацией субъективной — идущей от говорящего и момента общения. Так, в элементарном предложении типа *Идет дождь* информация о ситуации дождя (объективная) соединена с субъективной информацией о том, что говорящий утверждает это, представляя как событие реальное, совпадающее с моментом речи. Субъективная информация как бы вторична, высказывание предпринимается не ради нее, она сопровождает объективную. Совпадая в своей объективной части, различаются субъективной такие, например, предложения: *Вот бы дождь! Хочется дождя, Шел дождь, Будет дождь, Какой дождь!*

Модус приведенных предложений выражен грамматически — формами глагола. Он может выражаться и с помощью специальных лексических и конструктивных средств: так, в следующем примере слова автора разделяют модус и диктум: *Я часто думаю, — продолжала Анна Павловна после минутного молчания... — как несправедливо распределяется счастье жизни* (Л. Толст.).

1. Диктум

1.1. Изучение диктума

<...> Если сравнивать диктум и модус по степени изученности, то диктум, безусловно, окажется в более выгодном положении. Обратив внимание на то, как в предложении описывается действительность, лингвисты обозначили эту сторону предложения как его номинативный аспект <...>.

Чтобы создать из разнообразных имеющихся и вновь добываемых сведений картину диктумного содержания предложения, необходим инструмент изучения диктума, своеобразный общий знаменатель различных смысловых элементов, позволяющих их упорядочивать и дифференцировать. На роль такого инструмента подходит понятие пропозиции, используемое в лингвистике давно¹, а сейчас входящее в своеобразный ряд с терминами «событие», «ситуация», «положение дел». Оставляя в стороне возможности дифференциации этих терминов <...>, будем использовать понятие пропозиции в значении

¹ О его истории см.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 21–39.

«языковое воплощение некоего положения дел в действительности, ситуации».

Пропозиция выражается прежде всего предикатом, через глагол и его распространители определял пропозицию Ч. Филлмор¹: *рисовать, бежать, разрушать* и т. д. Однако в русском языке, помимо глагола, пропозиция может выражаться целой серией других форм — *жарко, жара*; список таких форм повторяет список минимальных структурных схем.

1.2. Типология пропозиций

<...> Типология пропозиций, не созданная и даже не обсуждавшаяся всерьез в литературе, будет, наверное, многоступенчатой и «многоклеточной». Предлагая опыт, или, точнее, учебный вариант такой типологии, приходится отвлекаться от многих интересных подробностей и даже проблем, чтобы составить общую картину диктума в самых принципиальных чертах.

Главным в такой типологии видится противопоставление пропозиций *событийных и логических*, далее С-пропозиций и Л-пропозиций.

С-пропозиции «портретируют» действительность — происходящие в них события с их участниками. Л-пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях. Примеры С-пропозиций уже приводились: *пожар, ловля рыбы, строительство дома, дождь*; примеры Л-пропозиций: *принадлежность к классу хищников, сходство, идентичность, одновременность* и т. д. <...>

1.5. Количественный аспект диктума

<...> Итак, проанализировать диктум предложения — это значит, во-первых, определить его сложность, т. е. количество пропозиций в его составе; во-вторых, определить, какие это пропозиции; в-третьих, определить способ их представления и зависимость выбора способа от внутренних отношений пропозиций в составе предложения.

Продемонстрируем такой подход к анализу диктума на примере предложения из «Дамы с собачкой» А. Чехова.

Дома в Москве уже все было по-зимнему, топили печи, и по утрам, когда дети собирались в гимназию и пили чай, было темно, няня ненадолго зажигала огонь.

В диктуме этого предложения 8 пропозиций: 5 событийных (далее СП) и 3 логических (далее ЛП). Перечислим их в порядке располо-

¹ Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 296.

жения с комментариями относительно внутреннего состава и способа представления в предложении.

ЛП₁ *все по-зимнему* — характеристики, объект ‘обстановка, образ жизни’ выражен местоимением *все*;

СП₂ *топили печи* — физического действия, субъект не обозначен — ‘прислуга’ в силу очевидности, объект — *печи*;

СП₃ *дети собирались в гимназию* — физическое действие, комплексное, предполагает серию конкретных действий, характер действия уточняется обстоятельством *в гимназию*, которое можно считать частью обозначения пропозиции, комплексность действия исключает обозначение объектов и других актантов; субъект конкретен, обозначен именем *дети*;

СП₄ *пили чай* — физическое действие, субъект не выражен: ясен из контекста — *дети*, объект — *чай*;

ЛП₅ *и* — соединение во времени СП₃ и СП₄;

СП₆ *темно* — физическое состояние среды;

СП₇ *няня зажигала огонь* — физическое действие, субъект конкретный, обозначен именем *няня*, результатив *огонь*;

ЛП₈ — *когда* — временной соотнесенности, одновременности СП₃ и СП₄ — с одной стороны, и — с другой, СП₆ и СП₇.

Таким образом, изложенные сведения представляет диктум как некий языковой запас, своеобразную клавиатуру. Конструируя высказывания, говорящий как бы берет на этой клавиатуре аккорды равной степени сложности, минимум диктума — одна пропозиция, напр.: *Это было давно, Идет дождь, Жара, Завтра собрание* и т. д. Максимум определить невозможно, хотя понятно, что объем полипропозитивного диктума не может быть безграничным. Задача лингвиста — уметь распознать сложные созвучия пропозитивных смыслов, объясняя особенности их плана содержания и плана выражения.

2. МОДУС

2.1. Изучение модуса

<...> Модус <...> изучен в меньшей степени.

Во-первых, он имеет склонность проявляться имплицитно, т. е. присутствовать в высказывании незримо. Так, вербально не выражены значения реальной модальности и настоящего времени в предложениях типа *Осень. Листопад*, положительной оценки в предложениях *Что за песни!*, приказа в предложениях типа *Сюда!*, *Молчать!*. Все эти «невыраженные» смыслы — модусные.

Во-вторых, при эксплицитном выражении модус располагает большим и неоднородным кругом языковых средств: это грамматические формы, особые лексемы, ряд конструкций. Все это делает существование модуса в плане выражения распыленным, почти малоуловимым.

В-третьих, план выражения модуса не только разнообразен, но и «исследовательски ненадежен»: одни модусные показатели комплексны, они выражают сразу несколько модусных значений, заглушая картину их дифференциации; другие в разных условиях выражают разные модусные значения. Все это усиливает впечатление «неуловимости».

Из сказанного следует, что основные приемы изучения модуса — это перифраза и экспликация, давшие возможность сделать более достоверными «ненадежные» данные плана выражения модуса.

Основная задача предпринятой здесь характеристики модуса — описать модус-потенциал, т. е. перечислить модусные категории со стороны их значения и плана выражения, диктум-потенциал удобно было сравнить с клавиатурой, на которой для каждого высказывания берут то одну ноту, то более или менее сложный аккорд. Если продолжить это сравнение, то модус придется уподобить струнному инструменту: обязательно должны звучать все имеющиеся струны, хотя всякий раз каждая дает особый звук. Количество струн определено и неизменно, звучание каждой из них узнается и прочитывается, даже если это молчание. Каждая такая струна и есть модусная категория. Выявление модус-потенциала вооружает важным средством анализа модусного содержания предложения: имея в руках полную анкету модуса — список всех его струн, анализирующий уменьшает риск не увидеть скрытое, имплицитное в модусе того или иного высказывания, т. е. оказаться «на поводе» у плана выражения. <...>

2.2. Метакатегории модуса

Метакатегории модуса обеспечивают осмысление высказывания относительно условий и условностей общения; к ним относятся смыслы говорения, называния, коммуникативного намерения, мотива и цели речевого действия, речевого жанра, выполнения правил речевого поведения. Еще раз подчеркнем, что объектом квалификации в этих случаях является само высказывание, или речевое поведение автора его, что и объясняет наименование *мет а* <...>.

Характерная особенность этих смыслов состоит в том, что они *принципально невыразимы*, т. е. нормально отсутствие их показателей в высказывании, а присутствие — сигнал какого-то особого случая. Иначе говоря, в осмыслении метакатегорий модуса действует *стандарт*, который воспринимается как не требующий специального обсуждения, и только отклонения от него вызывают появление в высказывании метапоказателей. Отклонения от стандарта возникают в первую очередь, когда расходятся коммуникативные установки автора и адресата, и от последнего поступают вопросы типа «При чем тут это?», «С чего вы взяли?», «Что ты этим хочешь сказать?».

Так, если мы возьмем предложение *Идет дождь*, то его метасмыслы могут быть истолкованы в одном из случаев так: ‘Я хочу сказать, что идет дождь, чтобы ты взял зонт’. Речевой жанр в таком случае можно определить как предупреждение; смысл ‘называния’ не проявляется, так как автор пользуется стандартными и обычными для данного случая номинациями; никаких сигналов о правилах речевого поведения нет, следовательно, автор уверен, что они выполняются <...>.

Речевой жанр практически всегда очевиден из условий общения и содержания высказывания. Так, ясно, что в предложении *Замолчите немедленно!* выражен приказ, а в предложении *Вы не могли бы говорить потише?* – просьба; в предложении *Кто последний?* – вопрос реальный, а в предложении *До каких пор это будет продолжаться?* – вопрос риторический, по существу оценочное суждение. Показатели речевого жанра – соответствующие имена и глаголы речи – появляются в модусе высказывания, когда это кажется автору необходимым, например: *Я прошу вас прекратить препирательства; Поздравляю вас с завершением работы; Я еще раз спрашиваю: где ты был?; Обещаю вам, что это не повторится.*

Правила речевого поведения, интуитивно знакомые всякому носителю, практически всегда остаются «за кадром» высказывания, за исключениями тех случаев, когда автор видит опасность быть нарушителем какого-либо на них, тогда-то и вводятся показатели, объясняющие речевое поведение автора и извиняющие его. Так, слово *пожалуй* – извинительная помета при риске нарушить правила, предписывающие не быть категоричным или не преувеличивать; показатель *как известно* вводится как извинительная помета при риске нарушить правило не говорить банальностей, а *как говорится* – не использовать штампов. <...>

Итак, метасмыслы, как правило, присутствуют в высказывании незримо, зримое их присутствие – сигнал нарушения стандартов общения.

2.3. Актуализационные категории

Обозначить метакатегории модуса – значит осмыслить высказывание относительно условий общения, задать его языковые свойства. Это первый шаг в модусной аранжировке высказывания, он заключен в пределах речевой деятельности.

Второй шаг предполагает выход к объективной действительности. Он состоит в обозначении того, как сообщаемое в диктуме относится к действительности в координатах ‘лицо’, ‘модальность’ и ‘время’, а также ‘пространство’. Этот шаг именуется *актуализацией*, а модусные категории, обслуживающие этот шаг, актуализационными.

Собственно, с этой частью модуса вы уже знакомы: комплекс актуализационных значений, составляющий обязательный минимум для каждого предложения, именуется вслед за В. В. Виноградовым предикативностью и считается грамматическим признаком предложения. Теперь мы можем сказать, что грамматический признак предложения лежит в сфере модуса и представляет собой часть его актуализационных категорий, грамматикализованных, т. е. «вмененных в обязанность» каждому русскому предложению и в первую очередь глаголу как носителю предикативности. Этот же круг модусных значений обсуждался, когда речь шла о парадигме простого предложения.

Здесь мы можем посмотреть на актуализационные категории шире, чем это нужно для рассмотрения предикативности и глагольной парадигмы. Что нового будет при этом введено в сведения об актуализации?

Актуализационные категории – антиподы метакатегорий: они обязательно должны быть выражены в предложении, тогда как для метакатегорий нормально скорее обратное. <...>

2.4. Кваликативные категории

Третий шаг в модусной аранжировке высказывания – квалификация и ц и р о в а т ь предлагаемую информацию в определенных аспектах с авторских позиций. Важнейшие аспекты квалификации касаются собственно информации и предполагают оценку ее некоторых свойств. Они и определяют характер модусных категорий авторизации и персуазивности.

А в т о р и з а ц и я предполагает квалификацию и с т о ч н и к а излагаемой информации; иначе говоря, автор обязан, сообщая информацию, квалифицировать ее как свою или чужую, во-первых, и по способу ее получения, во-вторых. Что касается первого параметра квалификации, то в языке за стандарт принято изложение информации «от себя», поэтому специальные показатели предусмотрены только для нестандартных случаев — изложения чужой информации, цитирования. Эти показатели могут быть минимальны – *мол, дескать, говорят* и могут быть более информативными – *как сообщают иностранные агентства, по сообщениям авторитетных источников* и т. п.

Авторизационные показатели, квалифицирующие источник информации, весьма разнообразны: *Я видел / слышал / догадался, что они приехали; Как предполагают специалисты, климат на Земле станет теплее; По расчетам экономистов, эту проблему можно решить в пять-шесть лет.*

Авторизационная характеристика содержания предложения о б я з а т е л ь н а , но присутствие авторизационных показателей в предложении отнюдь не обязательно, что может подтвердить простое наблюдение над любым реальным текстом. <...>

Персуазивность «отвечает» за квалификацию информации со стороны ее достоверности, но не объективную, а с точки зрения говорящего, иначе говоря, персуазивность есть уверенность или неуверенность автора в достоверности излагаемой им информации.

Действие этой категории аналогично авторизации: обязательная в плане содержания, она довольно редко проявляется в плане выражения. Это объясняется тем, что специальных показателей требует только неуверенность автора в достоверности предлагаемой им информации, уверенность же как нормальное положение дел никакими сигналами не сопровождается. Сигналы неуверенности хорошо известны, это вводные слова *кажется, наверное, может быть, похоже* т. п. Уверенность выражается в особых проблематических ситуациях, например, спора, дискуссии, необходимости «навязать точку зрения»; в таких случаях, как во многих модусных ситуациях, приходит на помощь изъяснительная конструкция: *Я уверен, что...; Нет сомнений, что...*

Интересно отметить «сотрудничество» авторизации и персуазивности: за достоверность чужой информации трудно ручаться, поэтому «чужая» всегда под некоторым сомнением, отсюда естественность таких комплексных показателей, которые служат одновременно обеим категориям, например, *якобы* = ‘чужая информация + не уверен в ее достоверности’ <...>.

Оценочность — первая в нашем перечислении факультативная модусная категория; семантика ее сводится к выражению авторского позитивного или негативного отношения к диктуемому содержанию в целом или к какому-то из его элементов.

Несмотря на свою необязательность, оценочность располагает разнообразными и многочисленными средствами выражения: это и изъяснительная конструкция, которая, как мы видим, решает разные модусные задачи *Хорошо, что он уехал вчера; Лучше, чтобы они вообще об этом не знали* и инфинитивные конструкции *Хорошо прогуляться в утреннем лесу; Ужасно было бы однажды узнать, что все напрасно* <...> и многие другие средства. <...>

2.5. Социальные категории

Если вернуться к сравнению модуса со струнным инструментом, то надо сказать, что его струны тянутся в разные стороны: одни к условиям и условностям общения, другие — к действительности, с которой надо соотнести сообщаемое, третьи — к информации и самим событиям, которые надо так или иначе оценить. Всем им соответствуют уже названные категории модуса. Последний пучок струн натягивается между автором и другими участниками общения, в первую очередь собеседником. В звучании этих струн отражаются их социальные отнoшeния, реальные или по крайней мере де-

монстрируемые. Здесь слышна степень официальности или фамильярности, уважительности или пренебрежения, деликатности или безоглядной категоричности. Звучание этих струн и составляет действие социальных категорий модуса. Как же, по каким приметам мы улавливаем это звучание?

Русский язык не располагает особой системой средств выражения социальных отношений в грамматике (как это делают восточные языки, например, корейский и японский)¹, да и лексики такого назначения немного – *пожалуйста, уважаемый, будьте любезны...* Поэтому социальные категории модуса выражаются попутно, вмещаются в выбор номинаций, когда такой выбор есть и он социально значим: *Леша* или *Алексей Иванович, дорогой* или *глубокоуважаемый, ты* или *Вы, Какая у Вас интересная шляпка!* или *Что это ты нахлобучила?* Ср. также *Вы не могли бы закрыть окно?* и *Закрой-ка окно / окошко, Мне очень нужен мел* и *Сгоняй-ка за мелом*. Во всех приведенных случаях, список которых мог бы быть гораздо более пространным, сигнал о социальных отношениях между автором предложения и собеседником «вмонтирован» в наименование собеседника или пропозитивную номинацию.

Социально значимой может быть и словообразовательная форма. Известно, как широко используются для создания атмосферы повышенной благожелательности деминутивы: *Оторвите билетик, Не кладите трубочку, Найдите папочку, Передайте листочек, Чайку не хотите?*

Социальные категории модуса, как оценочность, факультативны. Но они проявляются не по желанию автора, а в зависимости от актуализационных характеристик и некоторых условий общения. Высказывания, обращенные к собеседнику, или задевающие его каким-то образом, т. е. адресатно-ориентированные высказывания, почти неизбежно включают социальные струны. Газетный текст, адресатно, строго говоря, не ориентированный, эти струны приглушает. <...>

Итак, познакомившись с характеристикой модус-потенциала, мы можем теперь к каждому предложению предъявлять модусную анкету и заполнять ее, анализируя как имеющиеся модусные показатели, так и их значимое отсутствие. Вернувшись к предложению из А. Чехова, диктум которого был проанализирован в I <...>, завершим его семантическую характеристику, заполнив модусную анкету.

1. Метакатегории – речевой жанр – сообщение, часть нарративного текста, – рассказа «Дама с собачкой»; мотив, намерение, цель — все это определено для текста в целом и в предложении никак не проявляется, так же, как и отношение к правилам речевого поведения, т. е., по мнению автора, высказывание не выпадает из стандарта общения, заданного для текста.

¹ Алтатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. М., 1973.

2. Актуализация – события, о которых идет речь, реальны, присутствуют моменту рассказывания (прошлое), происходят не с автором и не с его читателем (третье лицо).

3. Кваликативные категории: автор излагает свою информацию (авторизация), в достоверности которой он уверен (персуазивность); нет показателей ни того, ни другого, оценочность не выражена.

4. Высказывание адресатно не ориентировано, социальные категории не проявляются.

Можно сказать, обобщая, что модус данного предложения в плане содержания практически не отклоняется от стандарта и потому в плане выражения представлен минимумом показателей – предикативностью.

В известном смысле противоположность этому тексту может составить текст из интервью А. Битова; этот текст субъективно насыщен, здесь автор постоянно говорит о себе, варьируя модусные квалификации. Так, на вопрос, как он себя чувствует, «перешагнув отметку 50», А. Битов отвечает:

— Считают, что для прозаика это золотой возраст. Может быть. Еще не пробовал. Достаточно странное чувство, что я пишу больше половины жизни – тридцать лет из пятидесяти пишу. Больше половины пути пройдено, и то, что сделано, – сделано. Уже никак нельзя сказать: «Подождите, это я только сейчас пробую, а вот потом...» Приходится скорбно уважать свои прошлые годы. Слава богу, что они не хуже, вот что я скажу. Не надо преувеличивать, но можно и не приуменьшать.

Мне кажется, все, что я пишу, – единый дом; я не сразу заметил, что строю именно его, но когда понял, ЧТО я строю, все стало не легче, а труднее. Слишком хорошо знаю, где у меня какая комната недоделана, на каком этаже, куда подтаскивать кирпичи... /Литературная газета. 1987. 22 июля/ <...>.

А. Мустайоки

Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам¹

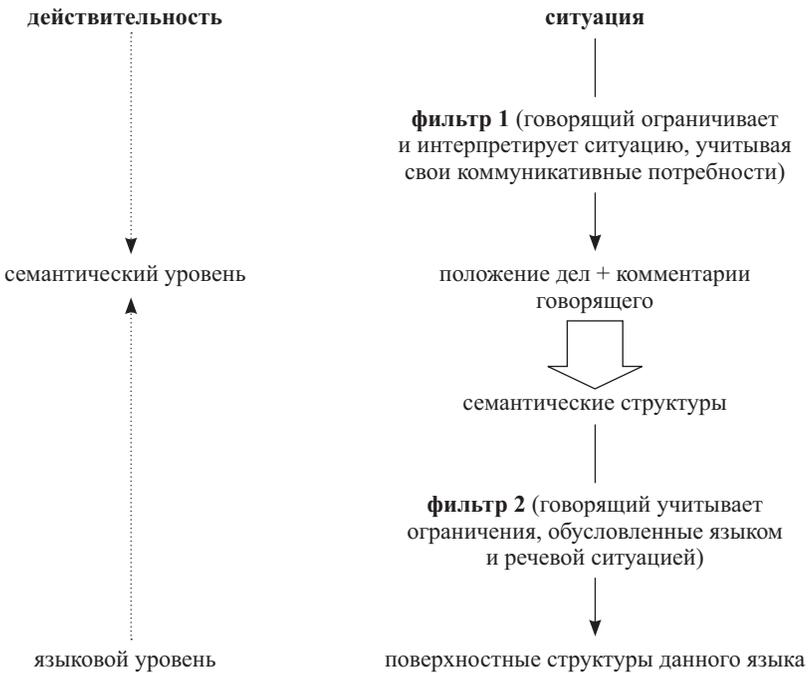
Задание. На основе анализа текста монографии А. Мустайоки ответьте на вопрос: как, с точки зрения автора, связаны внеязыковая действительность, семантический и языковой уровни?

¹ Печатается по: Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006. С. 18–68.

Каждое поколение лингвистов и каждый лингвист должны каким-то образом определить свое отношение к онтологическому характеру языка и к тому, как он связан с сознанием человека и отражаемой языком действительностью. Особый вес имеет этот вопрос в рамках модели, которая основывается на семантике. Следовательно, целесообразно сразу же представить наши взгляды на соотношение между действительностью, семантическим и языковым уровнями и ввести понятия, необходимые для их рассмотрения.

Схема 1

Отношение семантического уровня к действительности и к языковому уровню

Приведенная схема показывает связь семантического уровня с действительностью, с одной стороны, и с языковым уровнем — с другой. <...> Жирные стрелки указывают на то, что делает говорящий в процессе речевого акта. Исходным пунктом этого является некий отрезок действительности, обозначаемый термином СИТУАЦИЯ. <...> Однако ситуация имеет лишь косвенное отношение к тому, что говорящий хочет выразить, поскольку он всегда ограничивает и толкует ситуацию, учитывая свои коммуникативные потребности (фильтр 1). <...> Так образуется ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ,

составляющее основу, стержень семантической структуры. Кроме того, говорящий, как правило, дополняет свое высказывание субъективными элементами: он не только сообщает об определенном положении дел, но и комментирует его, эксплицируя свое отношение к нему. <...> На словесную форму высказывания оказывает влияние также и то, с какой целью говорящий вообще участвует в общении. В целом **семантический уровень репрезентирует в модели ФС (функционального синтаксиса) то, что говорящий хочет выразить.**

На следующем этапе говорящий выбирает для этой семантической структуры целесообразное с точки зрения коммуникативной задачи языковое выражение, учитывая обстоятельства, обусловленные возможностями данного языка и контекстом общения (фильм 2). Как мы знаем из ежедневного опыта, нам весьма часто приходится довольствоваться языковыми выражениями, отражающими далеко не полностью то, что нам хотелось бы высказать. Трудности найти точную словесную формулировку для своих мыслей иногда отражаются в речи эксплицитно в таких метаязыковых комментариях, как *мне трудно выразить это словами; как бы поточнее выразиться; не могу найти подходящего слова для этого.* <...> Возможны и такие случаи, когда у говорящего создается впечатление, что язык не содержит достаточно точных средств для выражения желаемых мыслей...

Стрелки с пунктирными линиями в схеме 1 показывают процесс работы лингвиста, который пытается определить семантические категории. У него нет прямого доступа к ним, а смысл, который ждет своего словесного выражения, находится в «черном ящике» вне наблюдения исследователя. <...> Вследствие этого при определении семантических категорий мы должны прибегать к косвенным методам; одна из возможностей — использовать в качестве вспомогательных понятий категории действительности и категории разных языков. Есть и другие способы, которые можно использовать при определении семантических категорий. <...>

Уже здесь необходимо подчеркнуть, что состав семантических категорий и их взаимные отношения невозможно фиксировать с полной точностью. Это, в свою очередь, означает, что исследователь, применяющий такой подход, никогда не может создать окончательной версии своей концепции, а она всегда имеет динамический, развивающийся характер. Это цена, которую надо заплатить за то, что язык описывается согласно принципу «от значения к форме».

Необходимо отметить, что отношение «действительность → знание → язык / речь» представлено в данной схеме в упрощенном виде. Вполне обоснованной явилась бы постановка стрелок и в противоположном направлении. С давних пор философы обсуждают вопрос о том, в какой степени действительность является

реальной, а в какой — порождением человеческого сознания. В любом случае нельзя не согласиться с тем, что ту или иную роль язык играет уже тогда, когда говорящий еще только формирует сообщение. Смысл, который говорящий хочет выразить, не может возникать без опоры на тот язык, на котором он выражается.
<...>

Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова
**Коммуникативная грамматика
русского языка¹**

Задания. На основе анализа текста «Коммуникативной грамматики русского языка», а также статьи Г. А. Золотовой «О традициях и тенденциях в современной грамматической науке» (см. раздел «Синтаксис как наука (история и современность)») ответьте на вопросы:

1. Каково отношение Г. А. Золотовой к отдельному описанию формальной и семантической организации предложения?
2. Как Г. А. Золотова понимает модель и типовое значение предложения?
3. Какие основные модели предложений выделяет Г. А. Золотова? Приведите примеры.

1. Принципы классификации простого предложения — одна из ключевых и, вместе с тем, дискуссионных проблем современной грамматической науки. В классификации объектов реализуется знание о природе изучаемого предмета на данном этапе развития познавательной деятельности. Систематизация объектов на последовательных и убедительных основаниях — и результат и орудие исследовательской работы.

Критически воспринимая традиционно-школьную типологию предложений, явно неадекватную реальной организованности синтаксической системы, современные языковеды продолжают поиски эффективных классификационных критериев.

Больше всего разногласий остается в вопросе о соотношении синтаксического и семантического анализа.

Для тех синтаксистов, для которых неизбежной данью одному десятилетию были формальные устремления, данью другому — признание семантики, особенно трудной была необходимость найти место семантике в рядах сложившихся грамматических пред-

¹ Печатается по: Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 102–108.

ставлений. Наиболее распространенным решением стало помещение семантической информации в надстройку над зданием грамматическим, будто бы непричастным семантике. Формулировались идеи автономности, параллельности синтаксического и семантического ярусов, громоздилась «двухэтажная» рубрикация состава предложения — по членам предложения и по семантическим компонентам — на основе той посылки, что каждый способ членения исходит из своего принципа: либо синтаксического, либо семантического.

Однако сама посылка оказывается иллюзорной. Поскольку семантика не располагает в языке собственной системой средств, каждый из двух способов членения предложения опирается на совокупность тех же признаков, необходимых составляющих синтаксического, а по сути дела структурно-смыслового механизма: категориально-семантического, морфологического и функционально-комбинаторного, но они учитываются на каждом «этаже» в разной пропорции, с разной мерой полноты.

Так, напр., в предложении *Саше не спится* с «синтаксической» точки зрения имя в дательном квалифицируют как второстепенный член предложения или детерминант, распространитель модели, исходя из морфологической формы (косвенный падеж), синтаксической препозиции, отсутствия синтаксического согласования с предикатом, субъектной семантики. Те же основания: категориальная семантика личного имени, типичная для субъекта форма дательного падежа, синтаксическая препозиция, структурно-смысловая роль носителя предикативного признака — позволяют квалифицировать эту именную форму с «семантической» позиции как субъект.

На каком-то этапе гносеологической работы человеческое сознание может позволить себе такую избыточную и противоречивую двоякую интерпретацию; вряд ли, однако, такую незначительность, когда компоненты «под видом второстепенных» служат главными, допускает в своей онтологии веками отработанное устройство языка.

Попытки подтвердить оппозицию «синтаксический / семантический» анализ, переводя ее из вертикальной плоскости в горизонтальную в виде противопоставления минимальной (грамматической) и расширенной (семантической) схем предложения, отправляются также с не слишком надежных исходных позиций. Так, иллюстрация, призванная доказать соответствие предложений (1) *Грачи прилетели* и (2) *Они очутились здесь* одной схеме $N - Vf$ и расхождение их «расширенных» схем, доказывает иное. Примеры (1) и (2) представляют разные грамматико-семантические структуры (или схемы). Из них только первое соотносительно со схемой $N - Vf$. Синтаксический анализ не равен морфологическому. Тип, модель, схема абстрагируются от конкретного примера с учетом не только морфологической

формы компонента, но и его категориального значения. В отличие от примера (1), где предикативный признак выражен акциональным глаголом и сообщает о действии, перемещении (в его результативном видовом варианте), в примере (2) действия нет, предикативный признак предмета (тоже живых существ) заключается в характеристике их местонахождения, он выражен наречием *здесь*, которое вместе с подлежащим и составляет грамматический и одновременно семантический минимум предложения. Глагол *очутиться* — вспомогательного характера, он вносит в отношения между предикатируемым и предикатом модификационный оттенок неожиданности признака для его носителя, как бы неосознанности происшедшего с ним изменения, поэтому принадлежит к аппарату регулярных реализаций минимальной модели, «действующему только при соединении с определенными формами знаменательных слов», «не затрагивая системно значимых признаков схемы»¹.

Таким образом, вопреки заявленному стремлению выделить семантическую структуру предложения, подобный анализ фактически не считается с этой семантической структурой.

Академическая Грамматика-80, освятив своим авторитетом признание необходимости семантического анализа предложений и сделав важный шаг вперед в разработке опыта такого анализа, не решилась сделать второго шага: поставить вопрос о взаимосвязях между структурным и семантическим планами.

Если же исходить из того, что система типов предложения в целом отражает общую модель языкового видения человеком мира, а в структурно-смысловых типах предложений предстает категориальное расчленение языковым сознанием действительности, то наиболее естественную основу для классификации можно найти в знаменательных частях речи, соединяющих в себе нераздельно форму и категориальное содержание.

Элементарные единицы синтаксиса — синтаксемы с предметным и синтаксемы с признаковым значением, вступая в предикативную связь, образуют модель предложения с определенным типовым значением. Говорящий, в соответствии со смысловыми потребностями, избирает нужные категориальные компоненты.

Под моделью предложения понимаем состав взаимообусловленных субъектного и предикатного компонентов в единстве их морфологических, синтаксических и семантических характеристик.

Типовое значение предложения — обобщенный смысловой результат (в иной терминологии — семантическая структура) предикативного сопряжения субъектного и предикатного компонентов.

Две или несколько моделей, организованных одноименными компонентами с различиями в оформлении, могут выражать одно и то

¹ Белошаткова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

же типовое значение (ср. *Дед — плотник* и *Дед плотничает* — лицо и его профессия, занятие; *Она в обмороке* и *У нее обморок* — лицо и его состояние; *Яблоня цветет* и *Яблоня в цвету* — предмет и его состояние).

Предикативность — сопряженность предикативного признака с субъектом — его носителем, выражающая в языковых категориях модальности, времени и лица отнесенность предложения к действительности.

Основные модели предложений и их типовые значения могут быть представлены в таблице:

Модели предложений	Способ выражения предиката	Типовое значение
<i>Сестра шьет</i>	глагол	действие субъекта (акциональный признак)
<i>Сестре скучно</i>	предикатив (категория состояния)	состояние субъекта (статусный признак)
<i>Сестра добрая</i>	прилагательное	свойство предмета (квалитативный признак)
<i>Сестер три</i>	числительное	количество предметов (квантитативный признак)
<i>Сестра – врач</i>	существительное	отнесение к классу предметов (квалификативный признак)

2. Таблица выявляет еще одно важное свойство моделей предложений: взаимную избирательность, взаимообусловленность по форме и содержанию обоих организующих модель компонентов, субъектного и предикатного (или подлежащего и сказуемого). Так, при предикате — личном глаголе субъект обычно выражается именем в именительном падеже, при предикате — предикативе на *-о* — именем в дательном падеже, при квантитативном предикате — чаще именем в родительном падеже.

На уровне синтаксиса релевантны не индивидуальные лексические значения слов, а обобщенные, категориальные. Так, для синтаксиса существенно в ряду слов *художник, племянник, водитель, лентяй, дочь, мастер* и под. то значение лица, которое объединяет их в семантико-грамматический подкласс существительных; в ряду слов *тревога, сытость, веселье, сон, усталость, хандра, озноб* и под. — значение подкласса состояния; в ряду глаголов *стирать, петь, бегать, месить, молотить, считать, кричать* и под. — значение подкласса действия, или акциональных, противопоставляемых по определенным синтаксическим свойствам подклассу неакциональных: состояния (*бодрствовать, дремать, томиться, вить, лежать, цвести, дряхлеть* и под.), отношения (*противосто-*

ять, соответствовать, превосходить, уступать, относиться) и т. д.

Из самой природы явлений вытекают категориальные ограничения для главных компонентов предложения. Разным видам субъектов в реальной действительности (или в том, что называют «фиктивной действительностью» в художественной литературе) свойственны свои жизненные проявления и связи, функции и признаки. Человек существует в пространстве и времени, в природе и обществе, обладает свойствами, испытывает физические и психические состояния, вступает в социальные и психологические отношения с другими людьми, перемещается в пространстве, совершает действия, физические и ментальные. Предметы существуют, наличествуют, обладают свойствами, претерпевают изменения физического состояния, не мыслят, самостоятельно не действуют, не передвигаются произвольно, но функционируют по воле человека.

Поэтому для акциональных предикатов, сообщающих о целенаправленном, намеренном действии, естественным будет субъект, представляющий лицо или одушевленное существо: *Мать кормит детей, Пастух гонит стадо, Директор подписывает приказ, Мальчик мчится на велосипеде, Лошадь жует сено, Оператор включает прибор, Пилот управляет самолетом*. Имена предметов выступают в позиции субъекта при глагольных предикатах функциональных (*Фонарь светит, Радио говорит, Станок работает*), экзистенциальных (*Луна сияет, Гром гремит, Дождь льет*), статуальных и динамически-квалитативных (*Бутон раскрывается, Река мелеет, Забор ветшает, Туман редет*). При статуальных предикатах возможны субъекты трех видов — личный (одушевленный): *Старик сердится, Дети в испуге, Пес беспокоится, Всем весело, У нее грипп*; предметный: *Рожь колосится, Крыша проржавела, Белье высохло* и предметно-пространственный: *В квартире уютно, В городе тихо, В городе тишина, За окном темно, На дворе морозно, В погребе сыро*.

Отвлеченные понятия — наименования действий, состояний, качеств — не действуют, в позиции предидируемого они соединяются со своим кругом предидирующих — оценки, квалификации, либо выступают в роли компонентов каузативных конструкций: *Противоречия углубляются, Невежливость удручает, Невежливость — это отсутствие культуры раннего детства, Способности его уникальны, Посоветоваться было полезно, Забывать непростительно, Забывчивость непростительна, Уйти — значит обидеть*.

Таким образом, различия в составе моделей предложения определяются прежде всего различиями в характере внеязыковых явлений, в них отображаемых, а также способами категоризации этих явлений в национальном языковом сознании...

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Задания. На основе работ, помещенных в данный раздел, ответьте на вопросы:

1. Как соотносятся понятия «предложение» и «высказывание»?
2. Как соотносятся грамматическое и актуальное членение предложения?
3. Охарактеризуйте роль порядка слов в актуальном членении предложения (привлеките работу И. И. Ковтуновой «Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения». М., 1976. Изд. 2-е. М.: URSS, 2002).

В. Матезиус

О так называемом актуальном членении предложения¹

Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения — это исходная точка (или основа) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говорящий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания. Актуальное членение предложения — проблема, на которую лингвистика уже давно обратила внимание, но она не изучалась систематически, поскольку не было выяснено отношение актуального членения к формальному членению предложения. Больше всего об актуальном членении предложения писали (хотя и не употребляя этого названия) в третьей четверти XIX в. Уже в 1855 г. французский лингвист Анри Вейль (Henri Weil) обратил внимание на важность актуального членения предложения для решения проблемы порядка слов; над этой темой усердно работали лингвисты, группировавшиеся вокруг журнала «Zeitschrift für Völkerpsychologie». Важнейшие труды по этому вопросу я анализировал

¹ Печатается по: Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 239–245.

уже более тридцати лет назад в первой части своей работы «*Studie k dějinám anglického slovosledu*» («*Věstník České Akademie*», XVI, 1907. С. 261 и сл.). Исходную точку высказывания лингвисты называли тогда психологическим субъектом, а ядро высказывания — психологическим предикатом. Термины эти не были удачными, так как, во-первых, исходная точка высказывания не всегда является его темой, что, казалось бы, должно вытекать из термина «психологический субъект», во-вторых, близость терминов «психологический субъект» и «психологический предикат» никак не способствует четкой дифференциации двух по существу различных явлений. Психологическая окраска обоих терминов привела еще и к тому, что вся эта проблема была вытеснена из поля зрения официальной лингвистики. Есть о чем сожалеть, ибо как раз отношение между актуальным и формальным членением предложения — одно из самых характернейших явлений в каждом языке.

Как уже говорилось, исходная точка высказывания не всегда является темой высказывания в распространенном предложении, хотя нередко та и другая совпадают. Чаще всего это случается в простом связном высказывании, где обычно исходным пунктом является тема, вытекающая из предыдущего предложения. Например: *Byl jednou jeden král / a ten měl tři syny. Nejstaršího z nich napadlo, že si půjde do světa hledat nevěstu.* «Жил-был когда-то один король, и было у него три сына. Старшему из них пришло на ум пойти по свету искать невесту». Как видно, здесь исходным пунктом второго предложения служит тема, представленная в развернутом виде в первом предложении, а исходным пунктом третьего предложения выступает тема, контурно намеченная во втором предложении. В самом начале высказывания, когда еще ничего не известно, стоит бытийное предложение с самым общим указанием времени — *Byl jednou jeden král* «Жил-был когда-то один король». С точки зрения актуального членения это предложение можно рассматривать как нерасчлененное высказывание, ибо оно содержит собственно ядро высказывания с сопутствующими словами. Неопределенное обстоятельство времени *jednou* «когда-то» целиком оттеснено на задний план, вследствие чего данное предложение по содержанию целиком равнозначно предложениям, не содержащим подобного обстоятельства времени вообще: *Byl jeden král a byl tak rozumný, že i všem živočichům rozuměl, co si povídali.* «Жил-был один король, и был он такой умный, что даже всех зверей понимал, о чем они говорили»; *Byla jedna vdova, ta měla dvě dcery, Dorlu a Lenku.* «Жила одна вдова, было у нее две дочери, Дорла и Ленка». Иногда такое вводное бытийное предложение снабжается различными замечаниями, указывающими на разнообразие отношений, выступающих в начале высказывания. В произносимом высказывании вводное бытийное предложение может быть связано с изображаемой ситуацией различными выражениями, общий смысл которых примерно таков: *Chcete na mně pohádku a tady ji tedy máte*

«Хотите от меня сказку — и вот вы ее имеете». Эти выражения могут меняться в зависимости от отношения говорящего к цели своего высказывания: *Tak byl jednou jeden král...* «Итак, жил-был когда-то один король...»; *Tak tedy byl jednou jeden král* «Так вот, жил-был когда-то один король». Чем пространнее эти вступительные замечания, тем скорее они могут достичь самостоятельности и измениться в предложение с собственной мелодической концовкой. Например: *No tak tedy. Byl jednou jeden král* «Ну, так вот. Жил-был когда-то один король». Таким предложением с самостоятельной мелодической концовкой выражается иногда отношение говорящего к тому, что он собирается сказать: «Было — не было: жил-был когда-то один король».

Собственно, для нашей темы самыми важными являются случаи, при которых для первого предложения используются предметные ситуации, содержащиеся в самом высказывании. Иногда в предложении, своеобразно предвосхищая еще не раскрытую предметную ситуацию высказывания, отбираем обстоятельства места или времени, которые ставятся в начало бытийного предложения в качестве исходной точки высказывания. Например: *V jedné zemi panoval král, který byl nesmírně bohatý* «В одной стране царствовал король, который был безмерно богат»; *V jednom městě bydlili rodičové a měli tři dcery* «В одном городе жили муж и жена и было у них три дочери»; *Daleko, až tamhle někde za červeným mořem, býval kdysi jeden mladý pán* «Далеко, где-то там, за красным морем, жил-был один молодой господин». Иной раз говорящий вообще обходится без вводного бытийного предложения и начинает повествование о герое в таком тоне, как будто бы мы с ним уже давно знакомы, и лишь потом вследствие недостаточной определенности мы убеждаемся (иногда вследствие явной неопределенности), что с этим героем встречаемся впервые. Например: *Chudá selka šla do lesa na stlaní*. «Бедная крестьянка пошла в лес за травой для подстилки»; *Vávrovi umřela žena* «У Вавры умерла жена»; *Myslivec šel jednoho dne na lov* «Лесник пошел однажды на охоту»; *Labor byl jediný syn chudé vdovy* «Либор был единственным сыном бедной вдовы». Вводные предложения рассказа, в которых на основе ситуации переданы обстоятельства места или времени, можно назвать началом обоснованным, а вводные предложения, в которых говорится о герое, — началом переносным, ибо, например, предложение *Myslivec šel jednoho dne na lov* «Лесник пошел однажды на охоту» можно было бы передать двумя предложениями: *Byl jeden myslivec a ten šel jednoho dne na lov* «Жил один лесник, и пошел он однажды на охоту». Простое предложение бытийного типа *Byl jednou jeden král* «Жил-был когда-то один король» можно назвать началом нераспространенным. Типы вводных предложений, которые мы здесь установили на примере чешских сказок, представлены, конечно, и в художественных произведениях — в рассказах и романах.

В отрывистой повседневной речи картина актуального членения предложения гораздо богаче, чем в речи обработанной, особенно в письменной форме языка; богатство такой речи тем более возрастает, чем ближе соприкасаются в повседневной жизни лица, ведущие беседу. Объясняется это тем, что в таком случае чрезвычайно обогащается ситуация, на базе которой можно отбирать темы высказывания или по крайней мере обстоятельства, которые могут стать исходным пунктом высказывания. К ситуации относится, собственно, все, что собеседникам известно и что можно использовать в речи как что-то известное. В случае необходимости актуализация будет подчеркнута внутренним указанием, имеющим, естественно, всегда эмоциональную окраску; по отношению же к присутствующему лицу или предмету может быть использовано внешнее указание. <...>

Из подобных отрывков повседневного разговора отмечу, напр., следующие предложения: *U Jirsů budou mít svatbu* «У Йирсов должна быть свадьба»; *Záruba za námi staví nových pět domků* «Заруба за нами строит пять новых домов»; *Ten váš vchod se mi pranic nelíbí* «Этот ваш вход мне совсем не нравится»; *Tady ty knihy musí pryč* «Вот эти книги нужно унести». Во временном отношении всего понятнее настоящее с непосредственным прошедшим и будущим: *Dnes už k vám nepřijdu* «Сегодня я к вам уже не приду»; *Včera byla sobota a to se vždycky koupete* «Вчера была суббота, и мы всегда моемся»; *Zítřka bude hezky* «Завтра будет прекрасно». Естественно, что частью данной ситуации всегда является лицо говорящее и лицо, с которым ведется разговор: *Já půjdu zítra do města a koupím ti to. Ty tedy nechceš.* «Я пойду завтра в город и куплю тебе это. Ты, значит, не хочешь». За часть данной ситуации принимается также обобщенное подлежащее, ибо, как правило, оно связано с опытом, приобретенным говорящим. Например: *Lidé si na torn moc pochutnávají* «Люди этим здорово полакомятся»; *Někteří lidé jsou takoví, že nechtějí vůbec nic měnit* «Некоторые люди таковы, что не хотят вообще ничего менять». Само собой разумеется, что и в повседневной речи можно встретиться с началом переносным, как мы назвали его в предыдущем абзаце. В качестве примера приведем следующее предложение: *Nějací (lidé) přijeli ze Strakoníc a říkali, že je tarn hotové pozdvížení* «Некоторые (люди) приехали из Страколиц и сказали, что там настоящий переполох». Очень часто исходный пункт высказывания содержит не один, а два, три и более элементов, почерпнутых из ситуации. Однако центральным становится более актуальный из них, а остальные элементы выступают как элементы сопутствующие. Так, в предложении *Paní Meisnerová to dělá bez kvašení a take se jí to neskazilo* «Пани Мейснерова делает это без закваски, и у нее также это не портится» общая ситуация дана в разговоре о приготовлении малинового сока (на что указывает местоимение *to*), и на этом фоне в качестве актуального выступает приобретенный пани Мейснеровой опыт, также имеющий отношение к данной ситуации. В предложении

Ted' tam ti lidé stojí a povídají «Теперь там эти люди стоят и рассказывают» исходный пункт высказывания содержит три различных элемента данной ситуации, хотя среди них актуальным является только обстоятельство времени. Ядро высказывания также очень часто (возможно, как правило) наряду с собственно центром содержит сопутствующие выражения, которые связаны с этим центром и связывают последний с исходным пунктом высказывания. Так, в предложении *Záruba za námi staví nových pět domků* «Заруба строит за нами пять новых домов» известная ситуация выражается частью *Záruba za námi*, тогда как остальная часть предложения *staví nových pět domků* сообщает об этом исходном моменте нечто новое. Собственно, ядро высказывания содержится здесь в словах *pět nových domků*, а слово *staví* является сопутствующим выражением, соединяющим исходный пункт высказывания с его ядром. С ними обоими оно связано как грамматической функцией, так и значением. Говорящий и собеседник знают, что речь идет о застройщике домов, занятие которого не вызывает сомнений.

Сопутствующие выражения заслуживают внимания по ряду соображений. В данной связи укажем только на одно из них. Уже приводились предложения, в которых темой высказывания является говорящий или собеседник, которые, естественно, обозначаются в предложении личными глагольными формами, а именно глаголами первого и второго лица. Тема может быть выражена и формой третьего лица, если речь идет о лице или недавно названном в контексте предмете. В языках, где в повествовательном предложении при личной форме глагола всегда ставится самостоятельно выраженное подлежащее, это обычное явление. Иначе обстоит дело в тех языках, где глагол в личной форме в повествовательном предложении требует специально выраженного подлежащего лишь в особых случаях. В подобных языках — чешский язык относится именно к таким языкам. <...> — встречаются случаи, когда тема высказывания, которая должна быть передана личной формой глагола, специально не выражена вообще, а отражена лишь в морфологическом аспекте слова, относящемся к ядру высказывания или в качестве его собственного центра, или в виде сопутствующего выражения. Сказку, первые два предложения которой были разобраны в начале второго абзаца, можно продолжить следующим образом: *Rozloučil se s otcem a bratry, vzal si na cestu něco jídla a šel, kam ho oči vedly* «Простился он с отцом и братьями, взял себе на дорогу немного еды и пошел куда. глаза глядят». Тут, собственно, все является ядром высказывания, и его тема — старший сын короля, о котором шла речь в предыдущем предложении, выражена формой третьего лица глаголов *rozloučil se, vzal si, šel*. Аналогичное явление встречается и в отрывочном повседневном разговоре. Чаще всего личное местоимение отсутствует в исходном пункте высказывания, если оно является лишь сопутствующим выражением другого, более актуального вы-

сказывания, относящегося к данной ситуации. Примером могут служить предложения: *Tak jsem dál už nevybírala a šla jsem domů* «Так я уже дальше не выбирала и пошла домой»; *Zítřa po tórm nebudete mít ani památku* «Завтра об этом даже не вспомните». Но в отрывистой повседневной речи можно зафиксировать немало предложений, которые из-за невыраженного местоименного подлежащего целиком состоят из ядра высказывания. Приведем в качестве примеров следующие предложения: *Jdu do města a tak jsem se těe přišla zeptat, jestli něco nepotřebuješ* «Я иду в город и вот пришла тебя спросить, не нужно ли тебе чего»; *Potřebovala bych, aby to někdo za mě udělal* «Мне бы нужно было, чтобы это кто-нибудь за меня сделал»; *Neměl ses do ničeho míchat* «Ты не должен был ни во что вмешиваться».

Исходный пункт высказывания и его ядро, если они слагаются из нескольких выражений, сочетаются по-разному в предложениях. И все же, как правило, можно определить, какая часть предложения относится к исходному пункту высказывания и какая — к его ядру. При этом обычным порядком является такой, при котором за исходный пункт принимается начальная часть предложения, а за ядро высказывания — его конец. Эту последовательность можно назвать объективным порядком, ибо в данном случае мы движемся от известного к неизвестному, что облегчает слушателю понимание производимого. Но существует также обратный порядок: сначала стоит ядро высказывания, а за ним следует исходный пункт. Это порядок субъективный, при нем говорящий не обращает внимания на естественный переход от известного к неизвестному, ибо он так увлечен ядром высказывания, что именно его ставит на первое место. Поэтому такая последовательность придает ядру высказывания особую значимость. Наглядно это можно проиллюстрировать при сравнении двух предложений: *Dala jsem za ni dvacet korun* «Я отдала за нее 20 крон» (порядок объективный) — *Dvacet korun jsem za ni dala* «20 крон я за нее дала» (порядок субъективный). Примерами субъективного порядка являются следующие фразы: *Takové tmavě červené to bylo* «Такое темно-красное это было»; *Dvakrát jsem tam byl a nikdy jsem nikoho nenašel doma* «Дважды я там был, и ни разу я никого не застал дома»; «Здорово этим люди полакомятся»; «Сейчас только газеты пришли». При объективном порядке слов эти фразы звучали бы так: *Bylo to tmavě takové červené* «Было это такое темно-красное»; *Byl jsem tam dvakrát a nikdy jsem nikoho nenašel doma* «Я был там дважды, и ни разу я никого не застал дома»; *Lidé si na tom moc rochtupávají* «Люди этим здорово полакомятся»; *Přišly jenom noviny* «Пришли только сейчас газеты». Средства, удовлетворяющие потребностям выражения объективного и субъективного порядков при актуальном членении предложения, почти в каждом языке различны, и изучение их весьма важно. К ним относится не только порядок слов, но <...> также и использование пассивной предикации.

Как явствует из приведенных примеров, я ограничился: в данной работе лишь разбором самостоятельных повествовательных предложений, и то лишь тех, в которых представлен глагол в личной форме и которые не могут служить ответом на предыдущий вопрос. Я сделал это главным образом потому, что на примере указанных предложений легче решить рассматриваемые проблемы. Кроме того, эти предложения являются самым распространенным типом фраз в разговорной речи и в несложной прозе. Смею надеяться, что на очень ограниченном материале мне все-таки удалось рассмотреть важнейшие вопросы изучаемой проблемы. Дальнейшая работа еще впереди. Предстоит исследовать не только материал, которого я пока не касался (другие виды самостоятельных повествовательных предложений, вопросительные, повелительные, восклицательные, побудительные и сложные предложения), но также выявить тонкие оттенки структуры предложения, на которых я не останавливался. Дальнейшая задача — показать на конкретном материале соотношение формального и актуального членения предложения, ибо только в таком случае станет ясным, как важно все то, что здесь излагалось.

И. П. Распопов
**Строение простого предложения
в современном русском языке¹**

Одномерный подход к языковым явлениям, обнаруживается ли он в синтаксисе, так сказать, в чистом виде (когда единственным объектом изучения признается здесь словосочетание в конструктивных связях составляющих его элементов) или в несколько завуалированном (когда синтаксис как учение о предложении рассматривает свой объект опять-таки лишь в конструктивном плане), не удовлетворяет нас прежде всего потому, что не охватывает всех средств и способов организации связной речи в целях общения.

Известно, что различие таких, например, видов сообщения, как вопрос, повествование, побуждение к действию и т. п., которые отчетливо осознаются и различаются всеми говорящими, лежит в значительной степени за пределами собственно конструктивной базы предложения.

Так, одно и то же конструктивно-синтаксическое единство, включающее в свой состав, например, местоименное существительное в именительном падеже (в функции подлежащего), личный глагол (в функции сказуемого), наречие (в функции обстоятельного

¹ Печатается по: *Распопов И. П. Строение простого предложения в современном русском языке.* М., 1970. С. 4–31

второстепенного члена с временным значением) и существительное в винительном падеже с предлогом в (в функции обстоятельственного второстепенного члена с пространственным значением), может служить структурной основой как вопросительного, так и повествовательного предложений (ср.: *Мы сегодня пойдем в театр?* — *Мы сегодня пойдем в театр*), различающихся внешне только по своей интонации.

То же самое нужно сказать о целенаправленности (коммуникативной перспективе) выражаемого в предложении сообщения того или иного вида.

Так, например, любой вопрос (по отношению к данному виду сообщения это особенно очевидно) выясняет или уточняет нечто вполне определенное. В соответствии с этим в вопросительном предложении выделяется (акцентируется) один из элементов его состава, содержащий указание на то, что именно должно быть уточнено или выяснено. Но это может быть любой грамматический член предложения или любая словесная форма независимо от их позиционных свойств, независимо от того, в каких связях они находятся с другими элементами данного конструктивно-синтаксического единства. В частности, рассмотренное выше единство в качестве вопросительного предложения может выражать вопрос о реальности известного действия: *Мы пойдем сегодня в театр* (или не пойдем)?, о времени его осуществления: *Мы пойдем сегодня в театр* (или в другое время)?, о его направлении: *Мы пойдем сегодня в театр* (или куда-нибудь в другое место)? и т. д.

Аналогичным образом в повествовательном предложении необходимое в соответствии с его целевым назначением указание на то, о чем делается сообщение и что именно сообщается, не зависит непосредственно от конструктивных свойств отдельных грамматических членов, которые в данном случае получают определенную коммуникативную нагрузку. Поэтому, например, то же конструктивно-синтаксическое единство *Мы пойдем сегодня в театр* в качестве повествовательного предложения может служить ответом на любой из следующих вопросов: *Что мы будем сегодня делать?* *Куда мы сегодня пойдем?* *Когда мы пойдем в театр?* и т. д.

Было бы несправедливо говорить, что указанные факты не обращали на себя внимание лингвистов.

В научных и учебных курсах синтаксиса русского языка проводится довольно четкая дифференциация предложений по виду (или общей цели) выражаемого в них сообщения. Более или менее подробно описаны и соответствующие типы предложений — повествовательных, вопросительных и побудительных, хотя их место при воспроизведении системы синтаксиса определено явно неудачно.

Несколько сложнее обстоит дело с фактами различного по целенаправленности и коммуникативной перспективе использования в речи предложений одного и того же лексико-грамматического состава.

Первоначально это явление получило, как известно, субъективно-психологическую интерпретацию.

Рассматривая предложение как выражение психологического суждения и вида в его основе сочетание некоторых представлений (по меньшей мере двух), ряд лингвистов (в их числе Ф. Ф. Фортунатов) считали, что эти представления по-разному соединяются и соотносятся друг с другом в зависимости от того, какое из них наличествует в сознании говорящего первым, исходным и какое вторым, производным, новым. Именно такого рода соотношение между представлениями имелось в виду, когда одно из них было названо психологическим субъектом, а другое — психологическим предикатом (А. А. Шахматов пользовался этими терминами в ином значении). При этом указывалось, что психологический субъект (психологическое подлежащее) и психологический предикат (психологическое сказуемое) не тождественны соответствующим грамматическим элементам: в отличие от последних они подвижны, неустойчивы и, не имея в своем языковом воплощении никаких формальных ограничений, могут, так сказать, свободно передвигаться в предложении под влиянием настроения, душевного состояния и воли говорящего лица¹.

Совершенно очевидно, что такое объяснение нельзя считать лингвистическим. Но отсюда был сделан опрометчивый вывод, что и само рассматриваемое явление нелингвистично и поэтому не должно быть предметом изучения в лингвистике, в частности в синтаксисе.

Разумеется, указанное обстоятельство весьма мало способствовало анализу и осмыслению относящихся к данной сфере фактов речевой действительности. Тем не менее они по естественным причинам не могли полностью выпасть из поля зрения ученых, особенно тех, которые так или иначе соприкасались с проблемой типологических сходств и различий отдельных языков, с теорией и практикой перевода, методики обучения иностранным языкам, стилистики, выразительного чтения и т. д.²

Позднее — в работах чешского ученого В. Матезиуса³, получивших довольно широкий отклик также в нашем отечественном языкознании⁴, — была предпринята попытка иначе подойти к решению этого вопроса.

¹ См.: Gabelentz G. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891. S. 353–355.

² В этом отношении особые заслуги принадлежат акад. Л. В. Щербе.

³ См.: Vilém Mathesius. Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947. С. 224–233, 234–242, 327–352, 360–366.

⁴ См.: Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения // Вопросы языкознания. 1956. № 5; Распопов И. П. К вопросу о предикативности // Вопросы языкознания. 1958. № 5; Мельничук А. С. Порядок слов и синтагматическое членение предложения в славянских языках. Киев: Изд-во АН УССР, 1958 и др.

В. Матезиус принципиально отказался от терминов «психологический субъект» и «психологический предикат» и, оценивая момент целенаправленности высказываемого сообщения как неотъемлемое свойство единиц речевой коммуникации, ввел понятие так называемого актуального членения предложения.

По В. Матезиусу, актуальное членение является в первую очередь показателем того, как включается данное предложение в ту или иную реальную и речевую ситуацию. Компоненты этого членения он назвал основой и ядром высказывания (*základ výrovedí* — *jádro výrovedí*).

Основа высказывания — это то, что говорящему известно (обычно из предшествующей ситуации) и из чего он исходит в сообщении мысли, ядро высказывания — то именно, что сообщается, ради чего строится и используется в речевом акте все предложение — высказывание.

Однако, хотя В. Матезиус и настоятельно подчеркивал, что актуальное членение предложения — явление специфически языковое, он был склонен относить его лишь к аспекту семантики или смысловой структуры предложения, и это опять-таки давало повод сомневаться в правомерности и необходимости изучения соответствующих фактов в синтаксисе. Между тем подобного рода сомнения являются, как мы думаем, серьезным препятствием к пониманию сущности и специфики предложения.

Есть все основания считать, что факты различного по коммуникативному назначению использования в речи предложений одного и того же лексико-грамматического состава, так же как и более очевидные и всеми признанные факты различия предложений по виду выражаемого в них сообщения, не только заслуживают самого пристального внимания, но и представляют такое «событие», которое раскрывает особое и наиболее важное свойство предложения в его отличие от всех других речевых образований.

В самом деле, если предложение есть коммуникативная единица, то это означает, что оно с необходимостью должно выражать нечто общее. Но как раз наоборот и является характерным высказываемого в нем содержания и заключается в том, что оно целенаправленно, что оно организуется в соответствии с определенным коммуникативным заданием и именно это соответствие, получая выражение, в частности, в актуальном членении предложения, создает впечатление относительной полноты и законченности высказанной мысли — признак, который с давних пор по справедливости считается решающим при элементарном определении предложения.

Следует подчеркнуть, что указанное соответствие выражается именно в актуальном членении предложения, а не в связи, например, грамматического подлежащего и грамматического сказуемого, как это утверждают по традиции все наши учебные пособия.

Подобные утверждения, во-первых, логически несостоятельны: они основаны на понимании подлежащего и сказуемого как грамматических членов, обозначающих в предложении «предмет речи» и «то, что о нем говорится» (хотя бы этого и не содержалось в их определении), тогда как названные функции принадлежат не им, а компонентам актуального членения предложения.

Во-вторых, такие утверждения противоречат речевой действительности, поскольку, с одной стороны, как уже отмечалось выше, наличие подлежащего и сказуемого в ряде случаев оказывается недостаточным для того, чтобы сформировалось предложение, а с другой — многие синтаксические построения, фактически выступающие в речи в качестве предложений, имеют в своем составе не оба эти главных члена, а только один.

Но если сообщительный характер высказываемого в предложении содержания не обнаруживается непосредственно в конструктивных связях составляющих его словесных форм (грамматических членов), а выражается в так называемом актуальном членении предложения, то это последнее должно быть признано его неотъемлемым свойством и одним из созидающих его (конституирующих) факторов.

Чтобы раскрыть особую и исключительно важную роль актуального членения в семантико-структурной организации предложения, необходимо прежде всего четко отграничить его от членения грамматического.

По нашему мнению, с функциональной точки зрения оба эти членения никогда не перекрещиваются и никак не затрагивают «интересов» друг друга.

Назначение грамматического членения состоит в том и только в том, что оно в конструктивных связях словесных форм отражает объективно существующие (и, разумеется, обобщенно познанные) отношения между предметами, явлениями, признаками реальной действительности, представляя, так сказать, только в предварительной обработке тот материал мысли, который затем целенаправленно организуется благодаря актуальному членению.

Так, например, в конструкции *Отец любит сына* грамматическое членение показывает, что определенное лицо является субъектом определенного действия, тогда как другое лицо — его объектом. Никаких других отношений между названными здесь лицами и действием грамматические члены не выражают. Их роль в сообщении выражается уже не грамматическим, а актуальным членением. Последнее в соответствии с тем или иным коммуникативным заданием определяет, что именно является в данном предложении исходным в сообщении — субъект действия, или его объект, или само действие.

Таким образом, актуальное членение использует отношения, выраженные грамматическим членением, в целях коммуникации.

Причем оно не разрушает этих отношений. Независимо от того, будет ли данная конструкция (*Отец любит сына*) представлять собой

в качестве предложения ответ на вопрос: Кто любит сына? или: Как относится отец к сыну? и т. д. — независимо от этого выраженное грамматическим членением отношение: субъект действия — отец, объект действия — сын остается неизменным.

То же самое можно видеть в примере *Эта книга интересна*, где грамматическим членением устанавливается принадлежность признака предмету, хотя говорить мы можем и о предмете, указывая на его признак, и о признаке, указывая на то, кому (чему) он принадлежит.

Отсюда прежде всего следует, что актуальное и грамматическое членения представляют два различных, противостоящих друг другу (но, разумеется, взаимодействующих) функциональных плана в синтаксической структуре предложения (соответственно двум основным функциям языка — функции выражения мысли и функции сообщения).

Как грамматическое, так и актуальное членения предложения характеризуются (и различаются) в его структуре не только по своей семантико-функциональной роли, но и по внешнему, формальному выражению.

Теперь считается уже общепризнанным, что структурное оформление предложения осуществляется благодаря синтаксическому соединению — сцеплению — словесных форм, словорасположению и интонации в их единстве и взаимодействии друг с другом. Это взаимодействие, по-видимому, и состоит в том, что указанные средства, согласуясь с необходимостью обеспечить выражение в структуре предложения обоих названных членений, а также общей цели высказываемого сообщения и его модального качества, по-разному и в каждом конкретном языке своеобразно перераспределяют между собой соответствующую нагрузку.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В. А. Белошапкова

Замечания об особенностях структуры предикативных единиц, составляющих части сложного предложения¹

- Задания.** 1. Какие ограничения конструктивного плана налагает структура сложного предложения на предикативные части, которые входят в его состав? Есть ли ограничения на употребление двусоставных и односоставных предложений в составе сложного предложения?
2. Как структура сложного предложения ограничивает употребление модально-временных форм предикативных единиц в его составе? Зависят ли эти ограничения от типа сложного предложения?

Как часть сложного предложения того или иного типа может быть употреблена не любая предикативная единица. В разных типах сложных предложений существуют специфические закономерности, регулирующие характер предикативных единиц или их контекстуальных эквивалентов, составляющих части сложного предложения. Эта сторона структуры сложного предложения чрезвычайно важна, между тем она почти не исследована. Изучение особенностей строения частей сложных предложений разных типов составляет насущную необходимость, так как без этого невозможно выявить ограничения, налагаемые структурой сложного предложения на характер образующих его предикативных единиц, различные в разных типах сложного предложения и составляющие неотъемлемую часть структурных схем сложного предложения.

Ограничения, налагаемые структурой сложного предложения на характер предикативных единиц, образующих его части, бывают трех родов: 1) ограничения конструктивного плана, 2) ограничения плана «целеустановки» (невопросительность — вопросительность), 3) ограничения модального и временного плана. Покажем на некоторых примерах характер этих ограничений, не ставя задачей исчер-

¹ Печатается по: *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967. С. 144–157.

пывающее перечисление и анализ всех наблюдающихся здесь закономерностей; ввиду слабой и неравномерной изученности вопроса это сделать пока невозможно.

1. Более всего ясны ограничения конструктивного плана, т. е. ограничения в употреблении предикативных единиц определенного строения и состава, так как они наиболее наглядны и, так сказать, лежат на поверхности.

В некоторых типах сложного предложения существуют определенные закономерности, регулирующие состав членов предикативных единиц — частей сложного предложения. Есть такие сложные предложения, обязательной или типичной чертой которых является отсутствие в одной из частей некоторых членов, необходимых для данной предикативной единицы, предполагающихся ее строением (неполнота). В сложном предложении наблюдаются два вида неполноты частей. Первый вид неполноты свойствен изъяснительным сложноподчиненным предложениям и соотносительным с ними бессоюзным, ср.: *Матери нравилось, что сын увлекается поэзией; Сначала мне показалось — я умру от страха; Я понял, что сам не найду ошибки в своих расчетах; Вчера на соседнем зимовье рассказывали: медведь человека задрал.* Своеобразие этого вида неполноты состоит в том, что он не предполагает обязательной постпозиции неполной части и основан не на «опущении» части состава предикативной единицы вследствие опоры на состав предшествующей («подразумевание»), а на том, что при образовании сложного предложения одна предикативная единица входит в состав другой, занимаемая в ней незамещенное синтаксическое место, так что по существу ее неполнота оказывается мнимой.

Этот вид неполноты специфичен для данных двух типов сложного предложения и составляет их важную структурную особенность; в других типах сложного предложения и в сочетаниях отдельных предложений этот вид неполноты не наблюдается.

Второй вид неполноты обязательно предполагает постпозицию неполной части, ее опору на состав предшествующей предикативной единицы; он состоит в «опущении» тех членов последующей предикативной единицы, которые тождественны членам предшествующей предикативной единицы и должны бы были повторять их.

Отсутствие члена предложения во второй части, если он должен был бы повторять соответствующий член предложения первой (особенно типично отсутствие сказуемого), составляет характерную черту сложносочиненных сопоставительных предложений: *Маркел попал в революционное движение уже пожилым тридцатипятилетним человеком, Набатов же с восемнадцати лет (Л. Толст.); Мир освещается солнцем, а человек знанием.* Та же закономерность свойственна сложноподчиненным сравнительным предложениям. Однако неполнота постпозитивной части не является обязательным конституирующим признаком сложных предложений данных типов:

во-первых, неполнота этого вида обязательно предполагает частичное совпадение лексического наполнения частей, что не является абсолютно обязательным для данных предложений; во-вторых, даже при наличии этого условия все-таки возможно оформление второй части как предикативной единицы полного состава; то или иное строение второй части (неполнота или полнота) в этом случае создает стилистические различия, но не существенно для структурной схемы сложного предложения¹. Этот второй вид неполноты не специфичен только для сложных предложений данных типов, он наблюдается и во многих других сложных предложениях; не специфичен он и для сложного предложения вообще; он наблюдается и в сочетаниях отдельных предложений.

Для некоторых сложных предложений конституирующим признаком является, напротив, обязательное наличие в одной из частей таких компонентов, которые не требуются структурой данной предикативной единицы. Таковы сложноподчиненные предложения с расчлененным союзом *чем ... тем*, структура которых предписывает наличие в обеих частях форм сравнительной степени: *Чем ближе мы подходили к дому, тем быстрее шли; Чем больше темнело вокруг, тем сильнее хотелось скорее попасть домой, к теплу и свету.*

Предикативные единицы двусоставного типа в первом примере и односоставного (безличного) во втором не требуют наличия компаратива ни в соответствии с правилами образования их предикативного ядра, ни в соответствии с правилами сочетаемости входящих в него словоформ; между тем они могут составить части данного сложного предложения только при наличии в них компаратива. При этом данные предложения не принадлежат к типу присловных: придаточная часть в них не служит распространением компаратива, она не вызывается его синтаксическими свойствами, как в прикомпаративных предложениях. Таким образом, если структура присловных предложений определяется наличием в главной части определенного типа слова (например, наличие компаратива делает возможным прикомпаративное предложение), то в рассматриваемых предложениях наблюдается обратное явление: структура сложного предложения предопределяет наличие компаратива в составе предикативных единиц, образующих его части.

¹ Точно так же не составляет конституирующего признака структуры сложного предложения существенное в стилистическом плане явление структурного параллелизма, которое состоит в том, что части сложного предложения построены по одному типу, имеют одинаковый состав членов, и слова в них располагаются в одном и том же порядке. Структурный параллелизм наблюдается во многих сложных предложениях, но наиболее типичен он для предложений, выражающих сопоставление явлений, например: *Он в освещенном вагоне, на бархатном кресле сидит, шутит, пьет, — а я вот здесь, в грязи, в темноте, под дождем и ветром стою и плачу* (Л. Толст.); *В то время как у Шацкого экзамены начались с десятого марта, у Карташева они должны были начаться в мае* (Гар.).

Примечательно, что не существует прямых ограничительных связей между двусоставностью / односоставностью предикативных единиц и типами сложного предложения, части которого они составляют¹. Как двусоставные, так и односоставные предикативные единицы могут быть употреблены в качестве частей сложного предложения любого типа. Исключения из этого правила немногочисленны и объясняются несоответствием модальных планов и несовпадением типовых значений отдельных структур простых и сложных предложений. Так, в целевых сложноподчиненных предложениях как их главные части не могут быть употреблены безличные предложения, так как им несвойственно обязательное для главной части сложного предложения этого типа значение произвольного целенаправленного действия; исключения составляют только безличные предложения, выражающие необходимость (*Надо спешить, чтобы закончить работу к сроку; Чтобы успеть вовремя, придется лететь, а не ехать поездом*). Очень ограничены, вследствие обязательности для них модальности реального факта и значения настоящего времени, возможности употребления в сложном предложении номинативных предложений. Предикативные единицы номинативного типа могут быть употреблены в качестве главной части только в очень немногих подчинительных структурах и невозможны во всех других (в частности, в сложноподчиненных предложениях расчлененного типа); ограничены возможности их употребления и в составе придаточных частей, а также в сложносочиненных и бессоюзных сложных предложениях².

2. Более глубинными и потому существенными для синтаксиса сложного предложения, являются различия между предикативными единицами по их целеустановке, т. е. различия между вопросительностью и невопросительностью³. Структура сложного предложения

¹ Это приводит к мысли о том, что деление предложений по односоставности / двусоставности, занимающее такое большое место в синтаксисе простого предложения, основано на внешних показателях и не отражает тех глубинных свойств предикативных единиц, которые определяют возможность их сочетаемости в структуре сложных предложений разных типов.

² См.: Ильенко С. Г. О специфике главного предложения в сложноподчиненных предложениях с придаточными обстоятельственными // Учен. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1958. Т. 144. Кафедра русского языка; Буженик Ф. К. Номинативные предложения в составе сложных конструкций // Там же.

³ Принято различать по целеустановке три типа предложений — повествовательные, вопросительные и побудительные, однако этот ряд неоднороден. Побудительные предложения представляют собой модальный тип предложения, который противостоит всем другим модальным типам, т. е. всем предложениям с иной, не побудительной модальностью: с модальностью реального факта, желательности, возможности, необходимости и т. п.; ср.: *Уезжай!*; *Уезжают*; *Мне бы уехать!*; *Мне уезжать*. Различие же между вопросительными и невопросительными предложениями не сводится к модальным различиям: возможны вопросительные и невопросительные предложения с одной и той же модальностью ср.: — *Уезжают?* — *Уезжают*; — *Мне уезжать?* — *Тебе уезжать*.

налагает определенные ограничения плана целеустановки сочетающихся в его составе предикативных единиц. В данном отношении резко противостоят друг другу открытые и закрытые структуры сложного предложения: в составе первых могут сочетаться лишь предикативные единицы одного типа (только невопросительные или только вопросительные); в составе вторых могут сочетаться предикативные единицы разных типов.

В сфере закрытых структур обнаруживаются большие различия в сочетательных способностях и конструктивных возможностях предикативных единиц невопросительного и вопросительного характера. Предикативные единицы невопросительного характера могут составить части сложного предложения любого типа. Употребление же предикативных частей вопросительного характера ограничено.

В составе сложносочиненного предложения вопросительная предикативная единица может быть употреблена лишь как вторая часть и не во всех его типах. Г. В. Валимова, изучающая закономерности использования вопросительных предложений в составе сложного предложения, установила, что в сложносочиненных предложениях, вторая часть которых имеет вопросительный характер, «могут быть отношения сопоставления, отношения несоответствия, присоединительные отношения... соединительные и разделительные союзы в собственном значении в этих предложениях не выступают»¹.

Ограничено употребление вопросительных предикативных единиц и в сложноподчиненных предложениях. Как придаточные части вопросительные предикативные единицы употреблены быть не могут². Исключение составляют, по-видимому, только так называемые риторические вопросы, которые могут образовать придаточные в некоторых типах сложноподчиненного предложения. Употребление

Вместе с тем между модальными типами предложений и вопросительностью / невопросительностью есть определенная закономерная связь: вопросительными могут быть предложения не всех модальных типов. Вопросительность невозможна для предложений с модальностью побуждения и желательности (*Уезжай! Мне бы уехать!*).

¹Валимова Г. В. О сочетаемости повествовательных, вопросительных и побудительных предложений в составе сложносочиненного // Труды первой научно-методической конференции Московского зонального межвузовского объединения кафедр русского языка педагогических ин-тов. М., 1961. С. 21. См. также: Валимова Г. В. О сочетаемости повествовательных, вопросительных и побудительных предложений в составе бессоюзного сложного предложения // Вопросы изучения русского языка: тезисы 5-й научно-методической конференции Северокавказского зонального объединения кафедр русского языка. Ростов н/Д, 1962.

²Сложные предложения, включающие так называемый косвенный вопрос (*Я спросил, не знают ли ребята дороги на станцию; Надо было узнать, когда отходит поезд*), нельзя рассматривать как сложноподчиненные, так как они представляют бессоюзную структуру (см.: Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967. С. 81–82).

вопросительных предикативных единиц в качестве главных частей сложноподчиненных предложений возможно также не во всех структурах сложноподчиненного предложения; так, например, вопросительная предикативная единица не может быть главной частью причинного предложения при постпозиции придаточной. В этом случае вопросительным может быть только все сложное предложение в целом. Так, в предложении *Машины зажгли фары, потому что уже стемнело?* вопрос ставится не по отношению к содержанию главной части и не по отношению к содержанию придаточной (и то и другое здесь утверждается как реальный факт), а по отношению к наличию причинной связи между этими фактами; иначе говоря, содержание этого предложения можно было бы выразить так: «Действительно ли то, что машины зажгли фары, объясняется тем, что уже стемнело?» Вопросительность такого типа свойственна только сложноподчиненным предложениям (ср.: *Он поступил так, чтобы всех успокоить? Ты вернулся домой, сразу после того как окончилось собрание?* и т. д.).

3. Исключительное значение для синтаксиса сложного предложения имеют модально-временные характеристики предикативных единиц. Каждая структура сложного предложения предполагает определенный круг возможных сочетаний модально-временных планов частей. Изучение этих закономерностей (по существу, еще не начатое) должно чрезвычайно обогатить теорию сложного предложения, составив особую, новую сторону в синтаксисе сложного предложения¹. Но изучение закономерностей соотношения модально-временных планов предикативных единиц в составе сложного предложения предполагает разработанное учение о модально-временных типах предикативных единиц; между тем эта сторона синтаксиса простого предложения пока не освещена с необходимой полнотой и четкостью, что очень осложняет и затрудняет задачу характеристики сложного предложения в данном отношении. Пока что мы располагаем лишь отрывочными наблюдениями, которые убеждают в наличии системы ограничений модально-временных планов частей сложного предложения, но недостаточны для того, чтобы полно представить эту систему.

Закономерности, регулирующие модальность частей, различны в сложных предложениях разных типов. В составе открытых структур вследствие обязательной для них однотипности частей возможно лишь соединение предикативных единиц с одинаковой модаль-

¹ Большое значение этой стороне в структуре сложного предложения придает чешский исследователь славянского сложного предложения М. Кубик. См.: *Кубик М.* Некоторые особенности в употреблении видо-временных форм в реальных условных предложениях. // *Rusko-české studie*. Praha, 1960; *его же*. K porovnávacímu studiu ruského a českého souvětí // *Bulletin ústavu ruského jazyka a literatury*. 1964. VIII; *его же*. Комплексный анализ структуры сложных предложений в русском языке // *Československá rusistika*. 1964 (IX). 4.

ностью. В составе закрытых структур могут быть объединены предикативные единицы разной модальности. Наиболее свободно предикативные единицы разной модальности соединяются, по-видимому, в составе сложносочиненного предложения, хотя не во всех его разновидностях круг возможных сочетаний одинаково широк¹. В сложноподчиненных предложениях наблюдается меньшая свобода возможных сочетаний разных модальных планов. Особенностью многих сложноподчиненных предложений является невозможность употребления предикативных единиц с модальностью побуждения в качестве придаточных частей². Кроме того, разные типы сложноподчиненного предложения имеют свои специфические закономерности. В некоторых сложноподчиненных предложениях наблюдаются очень жесткие ограничения модального плана придаточных частей.

Так, целевые предложения допускают в придаточной части только гипотетическую модальность желательности, вследствие чего здесь возможна только одна из двух форм глаголов-сказуемых (или связок) — форма сослагательного наклонения или форма инфинитива.

В одной своеобразной разновидности сложных предложений — в предложениях с союзом *как вдруг* — могут употребляться только предикативные единицы, имеющие модальность реального факта, и, более того, только со значением прошедшего или настоящего времени; употребление форм будущего времени (как и форм сослагательного наклонения) здесь невозможно.

Бессоюзные предложения очень неоднородны по допускаемым их структурой возможностям сочетания разномодальных предикативных единиц. Среди них есть типы с очень ограниченным кругом возможных сочетаний и типы, допускающие почти неограниченную свободу соединения предикативных единиц с разной модальностью.

Определенные закономерности, различные в разных типах сложного предложения, регулируют и сочетания временных планов частей.

В большинстве сложных предложений временной план одной части определенным образом координируется с временным планом другой, так что изменение видовременных форм глаголов-сказуемых в одной части вызывает соответственное изменение в другой, ср.: *Всходит солнце, и мы трогаемся (троннулись, будем трогаться, тронемся) в путь; Всходило солнце, и мы трогались (троннулись) в*

¹ См. указанные работы Г. В. Валимовой, в которых содержатся наблюдения над сочетаемостью предикативных единиц побудительной модальности.

² Нормы разговорной речи (во многом специфические) допускают построения следующего типа: *Кричит, что не подходи к нему; Распорядился, что пусть никто к нему не подходит; Агитирует, что давайте поедем все в Сибирь.*

путь; Взошло солнце, и мы тронулись (трогаемся, будем трогаться, тронемся) в путь; Взойдет (будет всходить) солнце, и мы тронемся (будем трогаться) в путь. В этом предложении при формах настоящего несовершенного и прошедшего совершенного в первой части возможны формы всех трех времен во второй (но есть ограничения в виде: невозможно *Всходит солнце, и мы трогались в путь*); при формах же прошедшего несовершенного и будущего совершенного или несовершенного в первой части во второй возможны только соответственно формы того же времени (прошедшего — в первом случае, будущего — во втором).

Правила координации временных планов и круг их возможных соотношений различны в разных сложных предложениях. Сопоставим в этом отношении условное и временное предложения (с союзами *если* и *когда*), имеющие одно и то же лексическое наполнение: *Когда пришло распоряжение, мы поехали в командировку; Если пришло распоряжение, мы поедem в командировку.* При одной и той же форме глагола-сказуемого в придаточной части — форме прошедшего совершенного — в главной части временного предложения здесь невозможно употребление будущего совершенного, а в главной части условного невозможно употребление прошедшего. Это различие связано с разной модальной природой союзов: временной союз выражает реальное соотношение во времени двух явлений, условный же — возможное; модальное значение возможности неотделимо от условного союза, составляет основу его семантики и определяет возможные в условном предложении сочетания временных форм.

Таким образом, различия между близкими в структурном и семантическом отношении временными и условными предложениями определяются модальными различиями между временными и условными союзами, их разной семантической природой. Подобные различия существуют и между другими типами сложных предложений. Так, особые закономерности сочетания временных планов частей свойственны причинным предложениям, что отделяет их от временных и условных.

Значение причинных союзов предполагает модальность необходимости, и этот модальный элемент их семантики определяет возможные в причинных предложениях специфические соотношения временных планов частей. Так, в причинных предложениях при форме прошедшего времени в главной части возможна форма будущего времени в придаточной, например: *Мы вчера уехали с дачи, потому что завтра там начнется ремонт.* Такое соотношение невозможно в условных предложениях и во всех временных, кроме узкой группы предложений, передающих отношения предшествования (с союзами *раньше чем, прежде чем, перед тем как*): *Мы вчера уехали с дачи, раньше чем там начнется ремонт.*

Говоря об ограничениях модально-временных планов частей в разных структурах сложного предложения, мы обращались к формам глаголов-сказуемых в них. Необходимо, однако, отметить, что ограничения, налагаемые структурой сложного предложения на модально-временные планы частей, не направлены на формы глаголов-сказуемых непосредственно. Для синтаксиса сложного предложения существенны не сами по себе формы глаголов, а модально-временные значения, которые они получают в результате взаимодействия разных факторов, в том числе и лексических. Так, если в приведенное выше предложение *Когда пришло распоряжение, мы поехали в командировку* ввести слово *теперь*, которое создает общий для всего сложного предложения план настоящего, то употребление в главной части предложения формы будущего совершенного становится возможным: *Теперь, когда пришло распоряжение, мы поедem в командировку*. Эта форма в данном случае получает значение близкого будущего, а форма прошедшего совершенного *пришло* получает перфектное значение, вследствие чего обе формы обозначают действия, не разобщенные во времени, а соприкасающиеся на линии «расширенного» настоящего¹. Синтаксическое время и синтаксическая модальность не совпадают с морфологическими категориями времени и наклонения глагола, хотя и соотносены с ними; они гораздо сложнее.

Вместе с тем есть группа сложных предложений, в которой такой координации временных планов частей нет, так что изменение формы глагола-сказуемого в одной части не вызывает изменения формы глагола-сказуемого в другой, ср.: *Сосед думает, что мы уезжаем* — *Сосед думал, что мы уезжаем* — *Сосед будет думать, что мы уезжаем*; *Сосед думает, что мы уезжаем* — *Сосед думает, что мы уезжали (уехали)* — *Сосед думает, что мы будем уезжать (уедem)*. Любая форма глагола-сказуемого в главной части здесь может без всяких ограничений сочетаться с любой формой глагола-сказуемого в придаточной.

Среди сложных предложений, в которых временные планы частей не координированы, особое явление составляют те сложные предложения, которые содержат «сообщение о сообщении», т. е. предложения, в которых «временной план рассказываемого события перекрещивается с временным планом другого события, о котором мы узнаем посредством первого»².

¹Неразобщенность действий главной и придаточной части во времени, их соприкосновение составляет характеристический признак временных предложений, отличающий их от некоторых других, в частности от причинных, предложений. Это интересное наблюдение сделано В. С. Хализевой в работе «Соотношение временных форм глаголов-сказуемых в разных семантических типах сложных предложений с союзом *когда*» (рукопись).

²*Кржижикова Е.* Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 20.

Тип сложного предложения, содержащий «сообщение о сообщении» и характеризующийся специфической организацией временных планов частей, соотносится со структурой изъяснительного сложноподчиненного предложения, однако их границы не вполне совпадают. К этому типу, кроме изъяснительных (*Люди знали, что где-то, далеко от них, идет война*), а также сложноподчиненных предложений, совмещающих свойства изъяснительных и местоименно-соотнесенных (*Люди знали о том, что где-то, далеко от них, идет война*), относятся соответствующие изъяснительным бессоюзные сложные предложения (*Люди знали: где-то, далеко от них, идет война*) и, наконец, некоторые сложноподчиненные предложения присубстантивного типа, именно такие, содержание которых сводится к «сообщению о сообщении» и может быть передано изъяснительной структурой, например: *В слободке говорили о социалистах, которые разбрасывают написанные синими чернилами листки* (Горьк., *Мать*); *Пришел указ, которым запрещаются дальнейшие собрания* (Серебр., *Похищение огня*), ср.: *В слободке говорили, что социалисты разбрасывают листки; Пришел указ о том, что запрещаются дальнейшие собрания.*

В предложениях, содержащих «сообщение о сообщении», время действия главной части сложноподчиненного предложения и соотнесенной с нею части бессоюзного предложения определяется с точки зрения говорящего (т. е. по отношению к моменту речи), время же действия придаточной части и соотнесенной с нею части бессоюзного сложного предложения определяется с точки зрения участника первого рассказываемого действия (т. е. по отношению ко времени этого действия), вследствие чего здесь развиваются относительные временные значения одновременности, предшествования, следования, которые «представляют собою ... времена, измеряемые не говорящим, а тем, от имени кого говорящий передает мысль»¹.

Вопрос об абсолютном и относительном значении форм времени в сложном предложении до сих пор не получил бесспорного решения. Выдвинуты разные понимания природы абсолютного и относительного значения форм времени, и в соответствии с тем или иным пониманием по-разному очерчивается круг тех структур сложного предложения, которым свойственны относительные значения². Объ-

¹ *Добиаш А.* Опыт семасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897. С. 152.

² Ср., с одной стороны: указанную работу Е. Кржижковой; *Шмелев Д. Н.* Абсолютное и относительное употребление форм времени русского глагола // *Русский язык в национальной школе.* 1960. № 6; *Кузнецов П. С.* Глагол // *Современный русский язык. Морфология* / под ред. акад. В. В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1952 и др., с другой стороны: *Белич А.* О синтаксичном индикативу и «релятиву» // *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski.* I. Cracow, 1928; *Поспелов Н. С.* Категория времени в грамматическом строе русского глагола // *Вопросы теории и истории*

ем и задачи данной книги не позволяют входить в рассмотрение разных точек зрения по этому вопросу.

Заметим только, что для синтаксиса сложного предложения принципиально важно разграничивать относительное употребление форм времени, при котором время действия соотносится не с моментом высказывания о нем, а со временем другого действия, но «у каждой временной формы остается неизменным свойственное ей отношение к точке отсчета, «направление временной ориентации»¹ и заместительное употребление, при котором форма одного времени употребляется в значении другого, причем происходит изменение «направления временной ориентации».

Примером заместительного употребления может служить употребление будущего совершенного в значении прошедшего: *Скользнет такая мысль, и жизнь становится темней и скучней; Когда хлопок улечит, я наливаю раствор в банку.* Направление временной ориентации, свойственное форме будущего совершенного как в абсолютном, так и в относительном употреблении, таково, что она обозначает действие, следующее за точкой отсчета — за моментом речи при абсолютном употреблении, за временем другого действия при относительном, например.: *Вы напишите об этом увлекательную повесть; Я верю, что Вы напишете об этом увлекательную повесть.* При заместительном употреблении это свойство теряется: форма будущего совершенного обозначает действие, предшествующее точке отсчета, т. е. приобретает свойство формы прошедшего времени.

Относительное употребление форм времени имеет место в таких сложных предложениях, в которых временные планы частей не координированы, заместительное же — в сложных предложениях, между частями которых имеется определенная координация временных планов. Заместительное употребление, в отличие от относительного, которое развивается только в сложном предложении определенного типа, возможно и в сочетании отдельных предложений и, таким образом, не составляет специфического для сложного предложения явления.

языка. М. : Изд-во АН СССР, 1952; *его же*. Прямое и относительное употребление форм настоящего и будущего времени глагола в современном русском языке // Исследования по грамматике русского литературного языка. М. : Изд-во АН СССР, 1955; *его же*. О разграничении прямого и относительного употребления форм настоящего времени в русском языке // Проблемы современной филологии. М. : Наука, 1965; *Бондарко А. В.* По поводу теории синтаксического инфинитива и релятива // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. Герцена. Кафедра русского языка. 1962. Т. 225; *его же*. Система глагольных времен в русском языке // Вопросы языкознания. 1962. № 3.

¹ *Бондарко А. В.* Система глагольных времен в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 34.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Н. С. Поспелов

О грамматической природе сложного предложения¹

- Задания.**
1. Что лежит в основе разделения сложноподчиненных предложений на двучленные и одночленные? Как соотносятся эти понятия с понятиями «предложения расчлененной структуры» и «предложения нерасчлененной структуры» в концепции В. А. Белошапковой?
 2. Какова трактовка автором статьи сложноподчиненных предложений с придаточным определительным?

<...> В современном сложноподчиненном предложении следует различать результаты двух различных путей развития сложного предложения. С одной стороны, сложные предложения с «придаточными» частями причинного или следственного, целевого, временного, условного и уступительного значения отчетливо выявляют в двучленном своем составе качественный переход от двух отдельных предложений к одному сложному путем установления между ними определенного логического соотношения при подчинении одной мысли другой в составе единого высказывания².

Например: *Так как его не было, то мы распечатали телеграмму; Дайте ему денег, чтобы он купил себе сапоги; Как только я про это услышал, я тотчас же распорядился; Он плохо учился, так что пришлось взять его из гимназии* (все эти примеры, отчетливо выявляющие логическую двучленность своего состава, взяты мною из материалов Шахматова, опубликованных Э. И. Каратаевой). *Если*

¹ Печатается по: Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В. В. Виноградова. М., 1950. С. 329–335.

² Ср. указания акад. В. В. Виноградова на то, что «основные значения союзов относительного типа: временные, причинные, сравнительные, следственные, в русском языке образуют родственную, семантически связанную систему грамматических отношений» (Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л. 1947. С. 720). Ср. указания акад. Шахматова, который, называя двусоставными сочетания предложений «в том случае, если одно из обоих сочетающихся предложений не может существовать без другого», относил к двусоставным только «1) так называемые условные предложения, 2) уступительные, 3) относительные, когда одно из них является подлежащим по отношению к другому, 4) следствия» (Каратаева Э. И. Академик А. А. Шахматов о предложении с однородными членами и о сложном предложении: Материалы архива Академии наук СССР // Доклады и сообщения Института русского языка. М.; Л., 1948. Вып. 1. С. 75).

дед уходил аз дома, бабушка устраивала в кухне интереснейшие собрания (Горьк.); *Пускай я слаб, мой меч силен* (Жуковск.). Следует отметить, что сложные предложения с указанием на следствие находятся в инверсивном соотношении с предложениями, указывающими на причину и, выражая присоединительную связь, оказываются более отчетливо двучленными по своему составу. Что же касается сложных предложений, выражающих уступительное значение, то они имеют подчеркнутую двучленность не только вследствие присоединительного характера уступительного соотношения, но по основному своему противительному-ограничительному значению, на базе которого и осуществляется это уступительное соотношение.

При дальнейшей эволюции логически подчиненные предложения, указывая причину, цель, следствие, время, условие, уступительное соотношение как своего рода «отвергнутое основание», могут редуцироваться до значения внутреннего обстоятельства в составе главного предложения и таким образом стать членами этого предложения¹. Однако было бы, конечно, ошибкой узкой логизации языковых явлений ограничивать объем понятия сложноподчиненного предложения только случаями с оформленным логическим подчинением и сводить к понятию простого предложения все случаи, когда в «придаточных» частях предложения мы обнаруживаем только развернутые члены главного предложения — дополнения, определения, подлежащие, приложения, обстоятельства, не выражающие никакого каузального соотношения, как это полагают некоторые зарубежные исследователи². Прежде всего сюда же относятся сложные предложения с придаточными образа действия со сравнительным значением, имеющие определенно двучленное строение при синтаксическом параллелизме всего построения, напр.: *Как невозвратная струя блещит, бежит и исчезает, так жизнь и юность убегают...* (Пушк.).

С другой стороны, переход сложного предложения в простое имеет место только в отдельных случаях относительного подчинения, когда придаточные с синтаксическими значениями дополнения,

¹ О различных случаях и условиях перехода подчиненных предложений в развернутые члены главного предложения см. в упомянутой статье В. Н. Мигирин (*Мигирин В. Н.* К вопросу об эволюции придаточного предложения (развернутого члена главного предложения) // Изв. Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе. 1940. Т. XIV. — *Ред.*), который связывает этот переход с способностью придаточных предложений вставляться в середину главного при наличии подчинительного союза или союзного слова в придаточном предложении (С. 58, 67), указывая также различные признаки такого перехода, например, параллельное употребление в качестве синтаксически однородных величин, соединяемых сочинительными союзами, членов главного предложения и придаточных предложений, способность придаточных предложений соединяться с усилительными и даже с отрицательными частицами без помощи соотнесительных слов (С. 56—59).

² *Guberina P.* Valeur logique et valeur stylistique des propositions complexes en français et en croate. Zagreb, 1939. Реценз. *Buben V. P.* Časopis pro moderni filologi. Listopad, 1940. Č. 1. P. XXVII.

подлежащего, определения и приложения в особых синтаксических условиях обращаются в соответствующие развернутые члены простого предложения (см. указанную работу В. Н. Мигирина, с. 56–60).

Таким образом, отчетливо двучленными в своем современном составе (и исторически восходящими к сочетанию двух отдельных, самостоятельных предложений) оказываются, во-первых, те случаи союзного и относительного подчинения, в которых распространение основного предложения «придаточной» частью не является необходимым для самого этого «главного» предложения. Таковы сложные предложения с теми присоединительными дополнительными придаточными, которые дополняют уже сложившееся высказывание. Напр.: *Обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи* (Пушк.).

Переход подобных предложений в развернутые члены главного, по-видимому, возможен только при идиоматизации их и совершенной утрате предикативного значения, например: *Малый был неказистый, что и говорить, а все-таки он мне понравился* (Тург.).

Отчетливо двучленны также и те сложные предложения с относительным подчинением определительного значения, которые не могут иметь местоименно-указательных соответствий в главном предложении, так как определяемое существительное в таких предложениях берется в самом общем, неопределенном значении. Напр.: *Облачко обратилось в белую тучу, которая поднималась, росла и облегала небо* (Пушк.). Такого типа двучленные сложные предложения имеют своей основой не одну сложную форму суждения, а два взаимосвязанных суждения, выражающие качественный переход от простого к сложному, от низшего к высшему.

Всем этим двучленным сложным предложениям можно противопоставить одночленные сложноподчиненные предложения, в которых придаточное предложение в современном русском языке может рассматриваться только в функции развернутого члена «главного» предложения.

Таким образом, мы отличаем от простых, т. е. упростившихся, предложений с развернутыми членами в синтаксической позиции дополнений, определений, тех или других обстоятельственных членов (см. указанную работу В. Мигирина) сложноподчиненные предложения, в которых придаточная часть только выступает в функции развернутого члена. Таковы прежде всего сложноподчиненные предложения с относительным подчинением определительного значения и с органически необходимыми, легко восстанавливаемыми местоименно-указательными соответствиями в «главном» предложении. Напр.: *Это был полк, в который попал Сережка* (Фад., Молодая гвардия); *Книги, в которых были ярко описаны мужественные, сильные духом и волей революционеры, оставляли во мне неизгладимое впечатление* (Н. Остр., Как закалялась сталь).

В подобных предложениях сами определяемые в придаточной части существительные выступают в главном предложении с тем значением определенности, которое и делает возможным присоединение к подобным существительным определительно-указательных местоимений (например, в приведенных примерах: *тот полк, те книги*)¹.

Во-вторых, одночленными сложноподчиненными предложениями являются в современном русском языке все предложения, развертывающие в придаточной части какой-либо член главного: подлежащее, сказуемое, определения, дополнения, обстоятельства, намеченные в главном наличными или опущенными указательными местоимениями.

Например: *Все хорошо, что хорошо кончается; Блажен, кто смолоду был молод; Не все то золото, что блестит; Я та, которой вы писали; Урожай такой, что сердце радуется; Герой тот, кто творит жизнь вопреки смерти, кто побеждает смерть; Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек; Нужно такую жизнь строить, чтобы всем было просторно; Слава тем, кто пал в разведке в боевые дни; Вы поедете туда, где стоят ваши части; Речка так блестит и сверкает на солнце, что глазам больно.* Все подобные предложения являются выражением одного суждения, выступающего в сложной форме².

Сюда примыкают и те сложные предложения, в которых указательные местоимения в главной их части возможны, хотя они фактически отсутствуют. Например: *Дорогою свободной иди, куда влечет*

¹ Ср. во французском языке то различие, которое устанавливается между придаточными определительными (*déterminatives*), когда придаточное входит в состав синтаксической группы подлежащего, и придаточными пояснительными (*explicatives*), когда придаточное оказывается в самостоятельной синтаксической функции. Это различие выражается интонационно и отмечается пунктуацией. Например: *Les leçons qui l'empêchaient, furent abandonnées* (*Богомолова О. И.* Современный французский язык, М. 1948. § 481. С. 384). Ср. в английском языке ясное различие определительных предложений, которые «ограничивают объем понятия, выраженного тем словом, к которому они относятся», и описательных, которые «лишь сообщают касающиеся его дополнительные сведения» (*Ильин Б. А.* Современный английский язык, М. 1948. §§ 785—787). Следует отметить, что в данной работе без достаточного основания формалистически утверждается, что «для русского языка это различие не играет роли», так как оно не находит себе выражения ни в выборе относительных местоимений, ни в пунктуации, и что это различие, по-видимому, сказывается только в интонации.

² См., напр., различие простой и сложной формы суждения в учебнике логики для средней школы С. Н. Виноградова и А. Ф. Кузьмина, 1949. С. 75—76.

В качестве примеров сложной формы суждения авторы приводят даже сложноподчиненное предложение с двумя придаточными: дополнительным, развертывающим опущенное в «главном предложении» указательное местоимение, и придаточным определительным, только характеризующим определяемый предмет без ограничения объема его понятия: «К. А. Тимирязев впервые доказал, что зеленая окраска хлорофилла специально приспособлена для поглощения солнечной энергии, которая необходима для разложения углекислоты», — правильно указывая, что и «в этом сложном предложении выражено одно суждение».

тебя свободный ум; Он вернулся, когда уже все спали. Они тоже одночленны, потому что в них придаточная часть, выполняя функцию отсутствующего обстоятельства в «главном предложении», не имеет отдельного от главного предложения содержания.

В-третьих, одночленными сложными предложениями оказываются все те предложения, которые в придаточной своей части выражают какой-либо предметный член предложения, отсутствующий в главной части — дополнение или подлежащее. Это имеет место в тех случаях, когда основное сказуемое выражено переходным глаголом при отсутствующем прямом дополнении или возвратно-безличным глаголом, а также безлично-предикативными словами из категории состояния при возможности выражения субъекта дательным падежом дополнения. Например: *Я узнал, наконец, куда я зашел; Я видел, кто это сделал; Что волки жадны, всякий знает; Стану думать, что скучаешь ты в чужом краю; Недаром говорится, что дело мастера боится; Мне кажется, что вы ошибаетесь; Ей снится, будто бы она идет по снеговой поляне; Известно, что слоны в диковинку у нас.*

Все подобные предложения также являются выражением одного суждения¹.

В одночленных сложных предложениях переход к новому качественному состоянию, от простого к сложному, выражается именно в том, что «развернутые члены предложения, получая вид подчиненных предложений, обладают большими возможностями детализации высказываемой мысли»².

Как это видно из всего изложения, наше понимание одночленности и двучленности сложных предложений совсем не совпадает с различием одночленных и двучленных фраз, которое намечает Л. В. Щерба³.

По Щербе, в основе двучленности сложного предложения лежит «противопоставление двух констатирований», интонационно выявляемое синтаксической паузой, а в основе одночленности «просто некоторое констатирование действительности, иногда, может быть, и очень сложной» или, по другому его определению, такое высказывание, посредством которого выражается «та или иная наша апперцепция действительности в момент речи»⁴, не являющееся, таким образом, выражением логического суждения. По нашему же мнению, в основе двучленности лежит диалектическая «взаимосвязанность двух суждений», а одночленное сложное предложение всегда является выражением какого-либо одного простого или сложного по

¹ Эта группа соответствует изъяснительному типу сложноподчиненных предложений в классификации В. А. Богородицкого (Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935. С. 233–234).

² Мецанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945. С. 180.

³ Щерба Л. В. Фонетика французского языка. 2-е изд. Л., 1939. § 187–189.

⁴ Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. М., 1945. Т. IV. Вып. 5. С. 176.

своей форме суждения. В соответствии с этим одночленная фраза Щербы *Я приехал домой, когда уже было темно* является для нас двучленным предложением, тогда как явно двучленную фразу *Вы поедете туда, где стоят ваши части* мы рассматриваем как одночленное предложение.

В составе сложных предложений, кроме основных типов сложносочиненного и сложноподчиненного предложения, мы обнаруживаем и такие случаи, когда определить природу связи между элементами сложного предложения оказывается затруднительным.

Так, в уже упомянутых нами случаях сложных предложений с придаточными частями временного, уступительного и следственного значения мы можем вскрыть борьбу противоположных тенденций внутреннего развития, возникающих на основе присущих этим разновидностям сложных предложений противоречий. В этом смысле очень показательны те случаи построения сложных предложений с указанием времени основного события, когда при отчетливом разграничении частей сложного предложения они, по формулировке Пешковского, «находятся между собою в отношении подчинения, но решить, что чему подчинено — невозможно»¹.

Это случай с «взаимным подчинением» обеих частей сложного предложения, которые как «взаимопридаточные» приходится считать «подчиненно-сочиненными, т. е. переходными между подчинением и сочинением»².

В предложениях подобной конструкции, как, напр.: *Крестьянин ахнуть не успел, как на него медведь напал*, мы наблюдаем борьбу противоположных тенденций, на что правильно указывал еще Пешковский: «логически главный факт выражен придаточным предложением, а побочный — главным»³, т. е., иначе говоря, главная часть становится придаточной, а придаточная выступает как главная. Это же явление мы наблюдаем и в отдельных сложных предложениях с союзом «когда» общевременного значения, напр.: *Уж солнышко садилось, когда с базарной площади Ермил последним тронулся*.

Аналогичный случай внутренне противоречивого построения сложноподчиненного предложения имеет место в конструкциях с союзом *если*, почти лишенных условного значения, когда при резком разграничении двух частей сложного предложения, «придаточная» и «главная» его части уравниваются друг другу объединяющим значением сопоставления, например: *Если на суше страдали лишь частично от артиллерийского огня, то на корабле подвергались*

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1946. С. 416–417. Ср. Фиттель А. М. Подчинение или сочинение // Русский язык в школе. 1948. № 4; Семенухин В. П. Подчинение и сочинение // Русский язык в школе. 1949. № 2; Чередищенко И. Г. Особые случаи придаточности в современном русском языке // Вопросы славянского языкознания. Львов, 1948. С. 119–122.

² Семенухин В. П. Указ. соч. С. 27.

³ Пешковский А. М. Указ. соч. С. 436.

увечью исключительно от разрывающихся снарядов (Нов.-Приб.)¹.

Сопоставление в подобных случаях не имеет уступительного значения и возникает на смысловой базе различия, а не противопоставления, чем подобные предложения и отличаются от сложных предложений с временным союзом *между тем как*, имеющих противительное значение, напр.: *Он беспрестанно двигался ... , между тем как сын его отличался какую-то небрежную неподвижностью.*

Наконец, особый случай борьбы противоположных тенденций на основе раскрытия противоречий в самой действительности представляют собой так называемые уступительные предложения, имеющие значение обратной обусловленности. Напр.: *Хотя было поздно, но мы не спешили расходиться.*

В предложениях этого типа подчинительная конструкция придаточной части противительным союзом *но* приравнивается второй, главной части предложения, и таким образом подчинительная конструкция обращается в сочинительную. Здесь мы имеем дело не с взаимным подчинением, как в выше приведенном случае с союзом **как**, и не с логической перестановкой главной и придаточных частей как в приведенном выше примере с союзом **когда**, и не с растворением подчинения в сочинении, как при употреблении союза **если** в придаточной части с минимумом условного значения, а с переходом подчинительной связи в сочинительную, при резком разграничении обеих частей единого сложного предложения.

Попытка структуралистов усматривать взаимное подчинение также и в сложных предложениях прямой обусловленности представляется нам лишенной синтаксического обоснования и внутренне софистической. Так, в предложении: *Если он не пришел, то он болен*, при тесной взаимосвязанности обеих частей, вторую, логически обусловленную, никак нельзя, однако, понять как придаточную, подчиненную и утверждать, что в данном случае можно было бы говорить «о периодах с гомогенными составными частями»².

При анализе сложноподчиненного предложения очень важно выяснить, что вносит в значение сложного предложения в целом употребление в главной его части местоименно-указательных соответствий союзам и союзным словам в придаточной части. Мы уже указывали на то, что при наличии подобных соответствий придаточная часть не выделяется из состава главной части, благодаря чему все сложное предложение оказывается «одночленным». Достаточно сравнить такие пары, как *Его нет, потому что он болен* и *Его нет потому, что он болен*, чтобы убедиться в том, что при двучленности построения в первом случае придаточное предложение имеет функцию отдельного члена предложения — развернутого обстоятельства,

¹ *Чередниченко И. Г.* Указ. соч. С. 115.

² *Brøndal W.* Le problème de l'hypotaxe // *Réflexions sur la théorie des propositions.* 1937. P. 247.

тогда как во втором случае обстоятельство как бы входит в состав сказуемого и сложное предложение имеет ярко выраженный одночленный характер.

Различием между одночленными и двучленными предложениями оформляется в языке глубокое логическое различие между единым, хотя бы и сложным по своей форме суждением и сочетанием двух взаимосвязанных суждений, в котором осуществляется качественный переход к образуемому в таких комплексах сложному двуединству нашей познающей действительность мысли. Поэтому для нас оказываются одинаково неприемлемыми и чуждыми и традиционное смешение принципиально различных точек зрения на природу сложного предложения, которое наблюдается в бесконечно варьируемых «классификациях придаточных предложений»¹, и новейшие структуралистические покушения объяснить все различия в сложноподчиненном предложении наличием или отсутствием тех или иных средств связи в структуре сложного предложения. <...>

Н. С. Верниковская **Изъяснительные конструкции и аспекты их изучения**²

Задания. 1. Чем отличаются модальный и объектный тип изъяснительной конструкции друг от друга?
2. Могут ли одни и те же опорные слова употребляться в обоих типах изъяснительной конструкции?

Эксплицитная модальность и изъяснительные конструкции

Мы принимаем определение модальности, данное А. М. Пешковским глагольному наклонению: «Категория наклонения обозначает прежде всего отношение говорящего к той связи, которую он уста-

¹ См., напр., приведенные в курсе Б. А. Ильиша классификации Бейна, Эштона и Поутсма, в которых даже при беглом анализе легко обнаружить отсутствие единого логического основания и эклектическое смешение морфологических, синтаксических и даже лексических признаков в отмечаемых ими типах подчиненных предложений (Современный английский язык. 2-е изд. М., 1948. §§ 767–773). Б. А. Ильиш совершенно прав, утверждая, что «вообще классификация подчиненных предложений, или, вернее, причисление конкретных предложений к той или иной категории, в некоторых случаях представляется чем-то крайне противоестественным и противоречащим живому языковому сознанию» (С. 267), но он не вскрывает внутренней порочности всякой классификации придаточных предложений как отдельных предложений в составе синтаксического целого.

² Печатается по: Вестник Москов. ун-та. 1975. № 5. С. 61–63.

навливает... между данным признаком и данным предметом»¹. Каждый акт сообщения содержит некоторую информацию, соответствующую описанию определенной ситуации, и оценку этой информации со стороны говорящего лица. Эти две части, представляющие собой обязательные взаимно дополнительные компоненты каждого высказывания, Шарль Балли назвал модусом и диктумом. Модус может быть выражен грамматическим показателем наклонения в составе диктума. При его лексической конкретизации возникает изъяснительная конструкция, названная Ш. Балли «эксплицитной модальностью»². В конструкции эксплицитной модальности модус соответствует главной части, а диктум — придаточной. Позиция предиката модуса, обычно занимаемая глаголом психического действия, выражает значение уверенного знания либо сомнения, предположения, возможности.

Следует сказать, что круг модальных смыслов в языке намного шире, чем в логике, где традиционно изучаются значения действительности, возможности и необходимости.

Семантические группы глаголов, занимающих позицию предикатов модуса, перечисляются в тех разделах синтаксиса, где описываются сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими и дополнительными (в грамматиках последнего времени они рассматриваются в разделе об изъяснительных предложениях)³. Это известные со времен античности глаголы групп *dicendi, putandi, affectuum* и *voluntatis*. Модальная природа изъяснительных предложений давно замечена исследователями (интересны отдельные наблюдения Д. Н. Овсяннико-Куликовского, Я. Бауэра, М. Кубика, Л. Дюровича, В. А. Белошапковой, В. И. Кодухова, Л. Ю. Максимова). Главная часть, определяющая общую модальность высказывания, представляет собой своеобразный квалификатор придаточной, а семантика предиката, дифференцируя своим лексическим наполнением различные оттенки модальных и оценочных отношений, регулирует наклонение глагола в придаточной части (диктуме)⁴. Рассмотрение изъяснительных конструкций в модальном плане будет способствовать, по нашему мнению, более глубокой детализации значений предикатов модуса и тем самым уточнению их внутренней классификации.

Итак, позицию предиката модуса занимают глаголы изъяснительной семантики. В. А. Богородицкий в качестве примера называет

¹ Пешиковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 86–87.

² Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка (русский перевод). М., 1955. С. 44; *Bally Ch. Syntaxe de la modalit  explicite*. CFS. 1942. № 2. P. 3–4.

³ «Грамматика-70». С. 703–705; *Илья Л. И.* Синтаксис современного французского языка. М., 1962. С. 324.

⁴ О наклонениях см.: *Реферовская Е. А.* Синтаксис современного французского языка (сложное предложение). Л., 1969. С. 105–140; *Алисова Т. Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: Изд-во МГУ, 1971. С. 175–182.

такие глаголы, как «думаю, говорю, знаю»¹. Однако нельзя а priori утверждать, что все глаголы изъяснительной семантики модальны во всех своих значениях. Для уточнения этого вопроса рассмотрим основные значения глагола *говорить* и их синонимы².

1. Семантический акцент падает на сам акт говорения³. В этом случае глагол сочетается с обстоятельственными словами, подчеркивающими образ действия: *Он говорит громко, долго, по-английски*. Это значение открывает ряд синонимов, включающих квалификацию действия в состав лексемы: *кричать, шептать, бормотать* и т. д.

2. Семантический акцент выделяет содержательную сторону речи: *Он говорит о том, что с ним случилось; Мы говорим о своей работе*. Этому значению соответствуют синонимы *рассказывать, сообщать, информировать, разговаривать*. Ни в первом, ни во втором случае варианты глагола *говорить* не содержат субъективной оценки сказанного и, следовательно, немодальны.

3. Иначе обстоит дело с примером, уже приводившимся выше в другой связи: *Он говорит, что рад нас видеть*. Здесь семантический акцент перемещается на субъективную оценку сказанного, о чем свидетельствуют синонимы *утверждать, заявлять, уверять*, замещающие общий глагол *говорить* в данной конструкции. В этом случае глагол *говорить*, управляющий диктумом-придаточным, к своему первичному значению (изображению акта говорения) добавляет модальные смыслы утверждения, уверения. Ср.: *Я не говорила с ним сегодня. Я не говорила, что мы это сделаем* (т. е. *не утверждала, не считала возможным, не заявляла*). Модальное и немодальное употребление характерно и для глагола *знать*, который в одних структурах выступает как показатель отношения говорящего к определенному описанию: *Я знаю, что он прав* (*я утверждаю, я уверен*), а в других реализует немодальное значение «быть информированным»: *Он знает это правило, он знает то, что знают все*.

Как известно, в некоторых европейских языках модальное и немодальное значения русского глагола *знать* передаются различными глаголами: *savoir — connaître, sapere — conoscere, wissen — kennen*⁴. Те же значения обнаруживаются в глаголе *думать*. Об объектном употреблении этого глагола свидетельствует формальная приме-

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М., 1935. С. 233.

² Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Стлб. 192–196 (*говорить*).

³ Глаголы речи в форме 1-го л. наст. вр. ед. ч. называют перформативными. См.: Austin J. L. How to do things with words. Oxford, 1962. О перформативных и констативных высказываниях см. также Бенвенист Э. Аналитическая философия и язык // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 301–310.

⁴ К сожалению, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (9-е изд. М., 1972) не проводится разграничения между этими значениями глагола *знать*: *Знать урок; Знать ремесло; Знать, что он прав* (С. 215).

та — позиция именного дополнения: *Он думал о сестре; Он думал о ней*¹. Модальное значение ясно ошутимо в таком предложении: *Он думал, что мы ошибаемся* (т. е. *он считал, полагал, верил, надеялся*)². Формальным показателем немодальных значений глаголов *dicendi* и *putandi* служит местоименный или именной коррелят, присутствие которого снимает модальное значение глагола и подчеркивает процессуально-объектное: *Мальчик думал о том, что скоро наступит лето; Он думал о том, что сказал ему брат*.

Префиксальные дериваты чаще всего отражают немодальную семантику глагола, передавая направленность мыслительного процесса на определенный объект: *вдуматься в смысл рассказа* (в то, что кому-то говорили), *додуматься до интересной мысли, обдумать свой ответ* (то, что кому-то скажут), *задуматься над тем, что* (о том, что), *продумать план работ* (то, как будем работать). Лишь некоторые глаголы обладают и вторым, модальным значением: *Выдумал, будто все сердятся на него* (решил, ему кажется). Ср.: *выдумал новую игру; придумал, будто...* (вообразил, решил, считает) — *придумал отговорку; надумал уехать* (хочет уехать).

В ряде случаев коррелят факультативен: *Он думал (о том), что если бы...*; *Было приятно думать (о том), что...*, где слово *приятно* усиливает процессуальное значение глагола (*приятно мечтать, размышлять, предаваться думам*).

Иногда норма литературного языка не допускает опущения коррелята: *Задумался о том, что...* (над тем, что...); *Вдумался в то, что...*; *Додумался до того, что...* Здесь объективная направленность глаголов изъяснительной семантики проявляется наиболее отчетливо.

Глаголы группы *sentendi* входят в число предикатов модуса, когда в определенных контекстуальных условиях приобретают модальную направленность: *Я вижу, что это правда* (знаю, понимаю).

Итак, изъяснительные конструкции включают два подтипа — модальный и объектный. Первый соответствует так называемой «конструкции эксплицитной модальности». Его формальным признаком является отсутствие местоименного коррелята, а семантическим — большая абстрактность значения глагольной лексемы, имеющей развернутый ряд синонимов. Второй объектный подтип изъяснительной конструкции формально отличается от предыдущего тем, что его зависимая управляемая часть представляет собой или чистую номинализацию (тогда конструкция приобретает вид простого предложения: *Он знает правду*), или номинализацию с определением. Антецедентом последующего определительного придаточного может

¹ Ш. Балли отмечает немодальное значение в следующих фразах: *Pense à ta mère, Sais tu la leçon? Dis ta fable!* (Bally Ch.. Op. cit. P. 8–9).

² У глагола *думать* выделено модальное значение: *Думаю, что он не прав* (Ожегов С. И. Словарь русского языка. С. 167).

быть либо непредметное местоимение — коррелят *то*, либо абстрактное существительное (*Он рассказал то, что всем известно; Он рассказал историю, которую все знают*). В немодальном (т. е. объектном) подтипе изъяснительных конструкций глаголы изъяснительной семантики, управляя опредмеченным дополнением, сами приобретают более конкретное (узкое) значение. Характерно, что многие из этих глаголов в немодальном подтипе конструкций не могут заменять друг друга при описании одной и той же ситуации, тогда как в модальном подтипе те же глагольные лексемы оказываются синонимичными и замещают друг друга без существенных смысловых сдвигов.

В. Б. Павлюкович
**Из наблюдений над модальностью
в сложноподчиненном предложении
с придаточным изъяснительным¹**

- Задания.** 1. Каковы способы выражения модального значения сомнения, предположения в сложноподчиненных предложениях с придаточным изъяснительным?
2. Приведите собственные примеры сложноподчиненных предложений с изъяснительным союзом *будто*, выражающих данные модальные значения.

Средства выражения модальности в сложноподчиненных предложениях более многообразны, чем в простых², и образуют сложную систему взаимосвязанных грамматических и лексических элементов, соотношение которых предопределяется структурно-семантическим типом сложного предложения.

Материалом для наших наблюдений послужили сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, присоединяемым к главной части с помощью союза *будто* (а также *как будто, будто бы, словно*).

В кругу изъяснительных союзов союз *будто* определяется как союз, «выражающий субъективно-модальное значение сомнения»³. Придаточная часть с союзом *будто* служит для выражения сообщения, которое оценивается как предположительное, приблизительное, сомнительное.

¹ Печатается по: Синтаксис сложного предложения. Воронеж, 1982. С. 41–45.

² См.: Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: дис. ... д-ра фил. наук. М., 1971. С. 192–196 и далее.

³ Грамматика современного русского языка. М., 1970. С. 708.

Напр.: *Мне почудилось, будто они (звезды) продолжают между собой разговаривать* (Чивил.); *А Устинов Николай припомнил, будто где-то под городом Омском лес даже сеяли семенами, словно хлеб в пашню* (Залыг.); *Есть такое поверье, будто этот цветок приносит девушкам счастливую любовь, а пожилым людям — спокойную старость* (Пауст.).

В придаточных частях первого предложения налицо уверенность говорящего в реальности факта воображаемого, придаточные части двух последних предложений подчеркивают, что говорящий не разделяет мысль, принадлежащую другому лицу, сомневается в ней. Таким образом, во всех предложениях сообщение, заключенное в придаточном, мыслится не как достоверное, а как предположительное.

Рассмотрим способы выражения предположительной модальности в предложениях анализируемого типа.

Известно, что в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным обязательным структурным элементом является изъясняемое слово, к которому и относится придаточная часть. В анализируемых конструкциях употребляются слова, предсказывающие своей семантикой недостоверность или приближительность объекта в форме придаточной части, и слова, не предполагающие своей семантикой придаточную часть с союзом *будто*. Недостоверность или приближительность объекта отмечается при словах:

1) со значением пассивных процессов, не связанных с реальностью (*грезиться, видеться, мниться, мерещиться, сниться, чудиться* и др.). Напр.: *Могло пригрезиться самой В настоящей надежде, тревоге, Как будто он спешит домой, Да припоздал в дороге* (Твард.); *Привиделось во сне Степану Разину, будто мчится он на своем вороном коне... — вдруг налетели злые ветры и сорвали с него черную шапку* (Астаф.);

2) со значением эмоциональных состояний, не связанных с реальностью (*прикидываться, притворяться, притворяться* и др.). Напр.: *... прикидывается, будто он людям и народу — друг и брат* (Залыг.);

3) со значением мысли, не связанной с реальностью (*вымышлять, выдумывать, придумывать, измышлять, представлять* и др.). Напр.: *В пути, работая шестом, я фантазировал, будто золотистая дорожка посреди реки проложена специально кем-то* (Алекс.);

4) с общим значением речи и отрицательной экспрессией (*болтать, врать, нашептывать, хвастаться* и др.). Например: *И он лгал, будто пришел затем, чтобы дочь повидать* (Коновал.); *Если бы он был порядочным человеком и хорошим товарищем, то не стал бы тебе нашептывать, будто мы не пара* (Чивил.).

Типологическое отсутствие указательного слова при изъясняемых словах в предложениях с союзом *будто* ведет к тому, что из несколь-

ких значений изъясняемые слова реализуют лишь те из них, заключают в себе оттенок недостоверности. Напр., глагол *рассчитывать* в сложных предложениях может выступать в двух своих значениях: а) надеяться на что-нибудь, имея логическое основание, б) считать, полагать. Придаточная изъяснительная часть с союзом *будто* возможна лишь во втором случае. Напр.: *И рассчитывал, будто такие дела сойдут ему с рук* (Жухов.). Глагол *видеться*, выступая в изъяснительных предложениях в значениях «обнаруживаться в чем-либо» и «мысленно представляться, казаться», имеет придаточную часть с союзом *будто* только во втором значении, напр.: *Виделось ей, будто все вокруг только диву даются* (Абр.).

Не предсказывают своей семантикой недостоверного объекта изъясняемые слова со значением различных видов информации (*говорить, доказывать, известие* и др.); со значением мыслительной деятельности (*думать, мыслить, надеяться* и др.); со значением чувства и восприятия (*видеть, слышать, чувствовать* и др.). Напр.: *Когда я был ребенком, меня уверяли, будто любовь к поэзии пройдет у меня с годами, но она сопутствует мне и поныне, когда «лучшая половина жизни» осталась далеко позади* (Дуд.); *И выходило почти всегда, будто Игнашка прав...* (Залыг.).

Общее различие предложений с изъясняемыми словами первой и второй групп состоит в том, что в первых модальность предложения выражается в главной части (особая семантика изъясняемых слов) и в придаточной (союз *будто*), во вторых же значение предположительности заключено только в придаточной части.

Обратимся к структуре предложений, где изъясняемые слова не предсказывают своей семантикой предположительного объекта.

Здесь обращает на себя внимание прежде всего форма изъясняемого слова. Так, если в функции изъясняемых слов в таких предложениях выступают глаголы, то они употребляются только в форме 3-го или (реже) 2-го л.: *Молва утверждала, будто молодость свою Золотухин проездил по губернии шибам — вышибал копейку свою, выменивая на леденец да на грошовую галантерею льняную...* (Л.); *А ты говоришь, будто она ни при чем, — снова заворчал дед* (Бел.), невозможность употребления этих глаголов в форме 1-го л. можно объяснить тем, что оценка сообщения, выраженного в придаточной части с союзом *будто*, исходит не от действующих лиц, а от лица говорящего, который не может сомневаться в достоверности высказываемого, если пользуется такими формами, как *утверждаю, считаю, говорю* и под.

В главной части таких предложений не редки специальные лексические показатели, которые выполняют роль усилителей значения недостоверности. Так, в предложении *... она поняла, что девчата зря говорили, будто все солдаты одинаковые* (Чивил.) роль такого усилителя играет слово *зря*, которое относится к глаголу *говорили* и дополняет его значение оттенком недостоверности. Если опустить

это слово, то значение недостоверности в главной части исчезает, что, думается, делает новую конструкцию вообще невозможной (ср.: ... она поняла, что девчата говорили, будто все солдаты одинаковые).

Лексическими показателями недостоверности в главной части чаще всего бывают слова-обстоятельства типа *зря*, *напрасно*, *для отвода глаз*, *нагло* и др. Напр.: *И напрасно вы считаете, будто я в этом деле замешан* (Агран.); ... *тогда же заговорили, что, мол, Веригин для одного отвода глаз толковал, будто он против грабежа* (Фед.). В последнем случае оттенок недостоверности усиливает в главной части вводное слово *мол*.

Если главная часть сложного предложения содержит отрицание, то оно лишает изъясняемые слова значения достоверности. Достоверность сообщаемого отрицают частица *не* перед изъясняемым словом, а также слова типа *нет*, *нельзя*, *не надо* и др.: *При этом нет оснований думать, будто завтрашние молодые специалисты не осведомлены о тех или иных преимуществах, оцениваемых профессией* (Фр.); *Нельзя думать, будто никто ничего не понял* (Бел.).

Во всех этих предложениях отрицательные слова в главной части усиливают недостоверность сообщения в придаточной части. Именно отрицательная главная часть в этих предложениях делает возможным присоединение придаточной части союзом *будто* (ср. невозможное: *есть основание думать, будто завтрашние специалисты не были осведомлены о преимуществах ... ; можно думать, будто никто ничего не понял*).

Если в главной части сложного предложения нет специальных показателей значения недостоверности, то это значение выявляется по связи предложения с предшествующим контекстом или по обусловленности определенной ситуацией. В таких случаях из предыдущего текста или из ситуации видно, что придаточная часть выражает информацию, о которой говорящий знает, что она заведомо ложная: *И тогда он сделал вот что: объявил, будто выделил батракам земельные наделы, инвентарь и рабочих лошадей* (Залыг.); *Теперь, Серега, меня нарисуй. Изобрази, будто монашка сидит и смотрит на Москва-реку* (Давыд.). В первом примере о предположительном объекте сигнализирует контекст (*и тогда он сделал вот что*), в последнем — передача ложной информация обусловлена ситуацией.

Итак, в предложениях с придаточной частью, присоединяемой союзом *будто* модальность предположения выражается как в придаточной части (союз *будто*), так и в главной. Способами выражения модальности в главной части могут быть изъясняемые слова со значением недостоверности, приблизительности; закрепленные личные формы изъясняемых слов-глаголов; особые лексические показатели; отрицание при изъясняемом слове, а также структурно-семантическая соотнесенность с предшествующим контекстом или определенной ситуацией.

С. Г. Ильенко, А. Стельмашук

К проблеме классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений (изъяснительные и вмещающие местоименно-соотносительные)¹

- Задания.** 1. Что дает основание авторам статьи считать местоименно-соотносительные предложения фразеологического типа «синкретичными образованиями», занимающими промежуточное положение между сложноподчиненными предложениями расчлененной и нерасчлененной структуры?
2. Каково отношение авторов статьи к местоименно-соотносительным предложениям вмещающего типа? Какие разновидности выделяются в рамках этого типа предложений и на каких основаниях это делается?

Как известно, в состав одночленных (нерасчлененных) СПП входит особый тип предложений — местоименно-соотносительный. Общим признаком таких предложений является наличие указательного местоимения (или указательного наречия) в главной части СПП, в качестве же скрепы могут выступать союзы и союзные слова. В «Грамматике современного русского литературного языка» (1970) местоименно-соотносительные предложения представлены тремя подтипами:

1) **отождествительными**², в которых соотносительное и союзное слово указывают на один и тот же предмет или признак: *Кто хочет, тот добьется. Что с возу упало, то пропало. Там, где раньше было болото, теперь огороды* и др. (все приводимые примеры из «Грамматики-70»);

2) **фразеологического** (фразеологизированного) **типа**, в которых соотносительное слово главной части (*так, такой, таков, столько, настолько* и др.) соотнесено со всей придаточной частью в целом; этот тип использует две разновидности союзов: а) *что, чтобы*, свидетельствующих о следственном значении; б) *будто, как будто, словно, точно*, свидетельствующих о предполагаемой причине или условии, окрашенных оттенком сравнения: а) *Больному стало настолько хуже, что пульс не прощупывался*; б) *Я так устал, будто весь день землю копал*;

¹ Печатается по: Лингвистический семинар. Вып. 2. СПб.; Бирск, 2001. С. 68–77.

² И.А. Мартянова всесторонне исследовала этот тип местоименно-соотносительного СПП (*Мартянова И. А. Особенности функционирования местоименно-соотносительных предложений отождествительного типа // Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. Л., 1984.*).

3) **вмещающими**¹, в которых соотносительное слово *то* главной части вмещает в себя все содержание придаточной части, начинающейся союзами *что, чтобы*. Оформленная таким образом структура СПП позволяет вводить содержание придаточной части как единый семантический компонент в состав главной части: *Обязанность его заключалась в том, чтобы выдавать инструмент*.

Одночленные предложения демонстрируют специфику подчинения в наиболее явной форме. В них зависимый предикативный узел встроен в структуру главной части тем или иным формальным способом. Принятая классификация одночленных предложений в целом это хорошо отражает. Уязвимым представляется только блок местоименно-соотносительных предложений, включающий в себя весьма разнородные структуры СПП. По сути дела, к собственно местоименно-соотносительным предложениям могут быть безоговорочно отнесены лишь отождествительные предложения:

Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости (Пауст. Золотая роза); *То, что радует вас, меня не радует* (Невер. Туда, II); *Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в восемнадцать и в двадцать: охотник погулять* (Гог. Мертвые души, I, IV)².

Для этих структур весьма важен факт относительного подчинения, когда в качестве средства связи выступает союзное слово, являющееся членом предложения придаточной части.

Что касается двух других разновидностей, то они носят синкретичный характер: вмещающее предложение занимает промежуточное положение между изъяснительным и местоименно-соотносительным типами, тогда как СПП фразеологического типа (*Этот образ лесовода-романтика, поэтически влюбленного в деревья, был так дорог Чехову, что на протяжении нескольких лет он обращался к этому образу трижды*. — Чук. Чехов) обладает признаками не только одночленного местоименно-соотносительного предложения, но и двучленного: или следственного, или условно-сравнительного.

Таким образом — если выразить высказанную мысль более решительно, — получим утверждение: две из трех структур, отнесенных в «Грамматике-70» к местоименно-соотносительным, таковыми не являются. В самом деле, СПП, названные фразеологизированными, никакой фразеологизацией не обладают, а специфичны тем, что представляют собой синкретические образования, поскольку объединяют в себе значение, намеченное в главной части соотноситель-

¹ Эта структура всесторонне исследована в превосходной диссертации Д. Сабромене (Сабромене Д. А. Сложноподчиненное предложение со значением вмещения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981.).

² В некоторых случаях вместо указательных местоимений в главной части могут использоваться определительные и неопределенные: *Все, кто был в палате, насторожились* (А. Толст. Петр I, кн. 1, 6); *Произошло нечто, чего я сам не ожидал* (Гар.-Мих. Несколько лет в деревне).

ным словом (атрибутивное, меры и степени и др.), и значение придаточной части, определяемое союзом (союзом *что* — следственное значение, союзами *как будто, точно, словно* — сравнительное). Стоит проанализировать соответствующие СПП, чтобы в этом убедиться:

*Двадцать километров Невы в черте города, разделяющиеся в самом центре на двадцать пять больших и малых рукавов, обеспечивают городу **такое** водяное зеркало, **что** нарциссизм становится неизбежным* (Бродск. Путеводитель по переименованному городу);

*И время тянулось **так** медленно, **как будто** хотело остановиться* (Горьк. Жизнь Клима Самгина, IV).

Этому синкретизму названных СПП должны соответствовать и их наименования: атрибутивно-следственные, адвербиально-сравнительные и т. д.

Повторим, что, по существу, эти СПП занимают переходное место между одночленными (нерасчлененными) (атрибутивными, адвербиальными) и двучленными (расчлененными) сложноподчиненными предложениями (следственными, гипотетически сравнительными).

Вторая структура, неправомерно рассматриваемая в «Грамматике-70» как разновидность местоименно-относительных СПП, характеризуется как «вмещающая» на том основании, что местоимение *то*, занимающее позицию в главной части, содержательно разъясняется придаточной частью, начинающейся союзом *что*.

1. *Морю он был обязан **тем, что** стал писателем* (Пауст. А. Грин);

2. *Надо сказать, что все эти преподаватели, о которых я говорю вам, были замечательны в первую очередь **тем, что** в них не было звериной серьезности.*

*Они не страдали **тем, что**¹ немцы называют «*der tierisch Ernst*» — звериная серьезность. Это ужасное свойство многих людей — страдать звериной серьезностью* (Тим.-Рес. Воспоминания).

Однако квалификация предложений типа: *Морю он был обязан тем, что стал писателем* — в специальной литературе неоднозначна. Наряду с указанной трактовкой «Грамматики-70» существуют и другие. Так, ряд исследователей определяет названные СПП как структуры с изъяснительными отношениями², другие определяют

¹ Отметим, что во фрагменте из «Воспоминаний» Н. В. Тимофеева-Ресовского наряду со структурой, именуемой иногда вмещающей, придаточная которой присоединяется союзом *что* («*тем, что в них не было звериной серьезности*»), используется собственно местоименно-соотносительная структура, средством связи в которой выступает **союзное слово** *что*. Внешне эти разновидности производят впечатление однотипности. Ср. *тем, что немцы называют...*

² *Кубик М.* Изъяснительные конструкции и способы их порождения // Проблемы современной лингвистики. Universita Karlova, Praha, 1967; *Красных В. И.* Сложноподчиненные изъяснительные предложения в современном русском языке: дис. ... канд.

их как переходные структуры, граничащие с изъяснительно-объектными предложениями¹.

Представляется возможным и даже целесообразным определить их как конкретизирующую разновидность в общем типе **изъяснительно-конкретизирующих СПП**. С нашей точки зрения, СПП названного типа включает в себя две разновидности:

1) **собственно изъяснительные** предложения: *У Шекспира сказано, что мы все знаем, кто мы, но мы не знаем, кем мы можем быть* (Шкл. Ситуация и коллизия);

2) **изъяснительно-конкретизирующие** предложения, в которых местоименный показатель *то* (во всех падежах) отождествляется с придаточной частью в целом, конкретизируется придаточной ПЕ: *Мы оправдываем себя тем, что желаем конца мучений ему* (Грек. Вдовый пароход). Местоименный компонент главной части, конкретизируясь придаточной частью, может, как указывалось, выступать во всех падежах:

*Самое удивительное было **то**, что собака не лаяла. Начнем с **того**, что сестра перестала смотреть телевизор. Стоит улыбнуться уже **тому**, что ребенок отнесся к нам так доверчиво. Ребенка часто наказывали **за то**, что он уходил из дома. Сестра любила попрекать меня **тем**, что я не знаю жизни. Вряд ли мы когда-нибудь сойдемся с братом **на том**, что наши соседи вполне порядочные люди.*

Как видно из приведенных примеров, указательное местоимение в главной части для структуры данного СПП обязательно, в отличие от факультативного его употребления в собственно изъяснительных предложениях, ср.: *Брат вспомнил, что вечером к нам придут гости — Брат вспомнил о том, что вечером к нам придут гости.*

Однако помимо союза *что*, наиболее распространенного в рассматриваемых СПП, и обязательного или факультативного использования местоименного компонента *то* в главной части, названные конкретизирующими разновидности сближаются с изъяснительными еще и тем, что и в той, и в другой используются семантически обуславливающие контактные слова, принимающие участие в конструировании СПП.

филол. наук. М., 1971; Павлюкович В. Б. Основные структурно-семантические свойства стержневых (контактных) глаголов в изъяснительных конструкциях // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Современный русский язык. № 423. М., 1971; Кручинина И. Н. Из наблюдений над синтактико-семантическим распределением подчинительных союзов в русском языке // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978 и др.

¹ Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: автореф. дис. ... д-ра филол. наук, М, 1971; Бахмутская Р. П. О некоторых различиях между сложноподчиненными предложениями с предикативными и объектными отношениями (на материале местоименно-соотносительных и изъяснительных типов) // Преподавание русского языка в высшей и средней школе. Рязань, 1973.

Таким образом, если учесть все сказанное, то в круг рассматриваемых нами разновидностей СПП изъяснительно-конкретизирующего типа попадают следующие:

1) **собственно изъяснительные с союзами:** *На мгновение мне даже показалось, что я вижу вдали неясную женскую фигуру* (Пауст. Толпа на набережной); *Я не мог бы себе представить, чтобы у меня не было замысла новой книги* (Берд. Самопознание, XIII);

2) **собственно изъяснительные с союзными словами:** *И я еще не знаю, чем окончатся мировые потрясения* (Берд. Самопознание. Предисловие); *Но, быть может, кто-нибудь из читателей пожелает узнать, что делает теперь, именно теперь, каждое из выведенных нами лиц* (Тург. Отцы и дети, XII);

3) **изъяснительно-конкретизирующие с союзом что:** *Общее внимание было подогрето особенно тем, что фельдшер оказался не простым фельдшером, а студентом* (Мам.-Сиб. Любовь).

Как было отмечено, многие исследователи включают конструкции, названные в «Грамматике-70» местоименными (вмещающими), в состав сложноподчиненных изъяснительных предложений на том основании, что придаточная часть распространяет лексически ограниченный круг стержневых слов и словосочетаний, имеющих значение речевой и мыслительной (интеллектуальной) деятельности, восприятия, внутреннего (психического) состояния и оценки субъекта (логической, эмоциональной и модальной)¹.

Неразграничение собственно изъяснительных и изъяснительно-конкретизирующих предложений связано с недостаточным учетом специфики семантико-грамматического устройства этих двух различных по своей структурно-семантической природе сложноподчиненных предложений.

Как показывает конкретный анализ лексико-семантических групп стержневых слов конструкций с обязательным местоименным словом в форме творительного падежа в главной части, совпадение лексического состава контактных слов собственно изъяснительных СПП и стержневых слов конкретизирующих СПП является по сути дела мнимым. Приведем аргументы.

1. В сложноподчиненных предложениях с семантикой собственно изъяснения контактное слово характеризуется, как правило, информативной недостаточностью, которая восполняется благодаря придаточной части. Что касается сложноподчиненных предло-

¹ *Максимов Л. Ю.* Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М, 1971; *Красных В. И.* Сложноподчиненные изъяснительные предложения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971; *Проселкова М. Е.* Изъяснительно-относительные сложноподчиненные предложения с прилагательной придаточной частью в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М, 1971; *Русская грамматика: в 2 т. М., 1980. Т. II* и др.

жений с изъяснительно-конкретизирующим значением, в которых в качестве стержневого слова выступают глаголы со значением интеллектуальной деятельности, способные выступить и в роли контактных слов в изъяснительных конструкциях (*заявлять, известить, скрывать, сообщать, напоминать, ответить*), то основным значением их является не изъяснение-сообщение, а непосредственное действие. Ср.: *ответил, что завтра придет — ответил тем, что обнес дом забором*. В анализируемых конструкциях назначением придаточной части является не столько «ликвидация» семантической неполноты стержневого слова, сколько реализация при помощи местоименного элемента одного из лексико-семантических вариантов слова. Ср.: *Брат всем объяснял, что не может жить в людном месте — и Телеграмму Аркадию Матвеевичу он вчера так и не дал. Это он объяснил тем, что не мог придумать текст* (Гран. Картина).

2. В качестве одной из особенностей построения изъяснительных конструкций нередко называется то, что придаточная часть «управляется» лексемой, требующей изъяснительного распространения. В данном случае управление трактуется весьма расширительно и сводится к диктату контактного слова иметь при себе не только ту или иную словоформу, но и придаточную часть.

Между тем традиционно под управлением понимается вид подчинительной связи, при которой отношение зависимого слова к главному выражается падежной или предложно-падежной формой имени. Термин «управление», как бы свободно им ни пользоваться, вряд ли может охарактеризовать связь типа: *знал, что все уезжают; сказал, чтобы сын уехал*, — отличную от такой: *знал об отъезде всех, сказал истину* и т. п.

В конструкциях же изъяснительно-конкретизирующих управление представлено грамматически и выражается формой падежа указательного местоимения (**на то, за то** — винительный падеж, **тем** — творительный падеж, **в том, на том** — предложный падеж и др.). В этих конструкциях проявляется «мотивированное управление» (М. В. Всеволодова), когда падежная форма или именная группа имеет самостоятельное семантическое значение, а главное слово (в нашем случае стержневое) и структура предложения предсказывает значение распространяющего компонента (придаточной части): *Интеллигент отличается тем, что он способен представить себя в самых различных сословиях, временах и эпохах...* (Залыг. Мой поэт); *Прямое влияние отца сказалось в том, что записи Татьяны Львовны носят предельно откровенный, исповедальный характер* (Сух.-Т. Воспоминания); *Мысли ее не были в разброде, ее совершенно не потрясло то, что она провела ночь сверхъестественно* (Булг. Мастер и Маргарита, XIX).

3. Многим конструкциям с обязательным местоименным элементом в главной части при стержневом слове со значением мыс-

ли, речи, чувства, бытия присущи дополнительные значения причинной обусловленности, способа достижения результата. Например: *Бабушка Дарья Андреевна отказала цирюльнику Прошке каменный дом в Москве за то только, что он каким-то особенным образом умел взбивать ей букли* (Салт. Дневник провинциала в Петербурге, V).

4. Семантика стержневого слова изъяснительно-конкретизирующего СПП, в отличие от семантики контактных слов предложений с изъяснительными отношениями, не допускает непосредственного присоединения придаточной части: *И так Обломов мешал Захару жить тем, что требовал поминутно его услуг и присутствия около себя...* (Гонч. Обломов, I).

Таким образом, особенностью грамматического устройства изъяснительных предложений является то, что наличие указательного местоимения факультативно. Что же касается изъяснительно-конкретизирующих СПП, то наличие местоимения в них является структурно и семантически значимым и определяемым как семантическими и синтаксическими особенностями стержневого слова, так и целью высказывания, передаваемого данной структурой.

Итак, один из основных признаков, противопоставляющих сложноподчиненные предложения с собственно изъяснительной семантикой изъяснительно-конкретизирующим, заключается в различном характере связи, с одной стороны, контактного, с другой стороны, стержневого слова с придаточной частью. В основе первых (изъяснительных) конструкций лежит **семантически** обусловленная связь, основывающаяся на явлении итеративности, так как «... итеративность сем в высказывании выступает как формальный способ организации предложения на семантическом уровне»¹, и проявляющаяся в том, что контактному слову свойственна итеративная сема **поиска и получения информации**, а придаточная часть и содержит информацию о результате поиска.

Для изъяснительно-конкретизирующих СПП признак итеративности нехарактерен, так как средству связи — союзу *что* — свойственна собственно подчинительная функция, связанная с определенной его десемантизацией.

5. Семантической обусловленностью связи между контактным словом и придаточной частью в собственно изъяснительных сложноподчиненных может быть объяснена и относительная свобода в выборе средств связи, тогда как в изъяснительно-конкретизирующих предложениях используется преимущественно союз *что*. Ср.: *говорил, помнил, спросил, ответил, что (как, чтобы, ли...)* и *угождал, удивлял, отличался тем, что*.

¹ Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М., 1972.

6. В сложноподчиненных собственно изъяснительных предложениях относительная свобода выбора средств связи определяет еще одну структурную особенность, отличающую присловные изъяснительные конструкции от изъяснительно-конкретизирующих: в сложноподчиненных предложениях с семантикой изъяснения союз *что* (недесемантизированный) может быть опущен, что не разрушает предложение как коммуникативную единицу. В сложных предложениях со значением изъяснительно-конкретизирующим союз *что* (десемантизированный) не может опускаться, так как его отсутствие разрушает предложение как структуру. Ср.: *Нелюбовь Лаевского к Надежде Федоровне выражалась главным образом в том, что все, что она говорила и делала, казалось ему ложью или похожим на ложь* (Чех. Дуэль).

Таким образом, в сложноподчиненных предложениях с изъяснительно-конкретизирующим значением средство связи, союз *что*, является структурно и семантически необходимым элементом конструкции, выражающим формальную зависимость придаточной части от главной и лишь отчасти участвующим в организации логико-смысловых отношений.

7. Собственно изъяснительные сложноподчиненные предложения с союзом *что* отличаются от сложноподчиненных предложений с изъяснительно-конкретизирующим значением и коммуникативно-актуальной функцией контактного слова. С синтаксической точки зрения контактное слово является центром, организующим сложное предложение. Но в коммуникативном плане контактное слово, как и вся главная часть, выполняет вспомогательную функцию: его назначение — обнаружение основной коммуникативной направленности сообщения, заключенной в придаточной части. Это сказывается в невозможности парцелляции сложноподчиненных предложений с семантикой изъяснения: *Известно, что зло уничтожается людьми* — ср. невозможное: **Известно. Что зло уничтожается людьми*.

В конструкциях с изъяснительно-конкретизирующим значением стержневое слово как с синтаксической (конструктивной), так и с коммуникативной точки зрения является важнейшим компонентом СПП.

Таким образом, изъяснительно-конкретизирующий класс СПП представляет собой весьма своеобразную структурную и семантическую единицу, которая вполне может претендовать на самостоятельное место в системе одночленных СПП. Их введение в общий класс изъяснительных предложений в известной мере условно.

Общий же вывод заключается в том, что классификация одночленных сложноподчиненных предложений до сих пор далека от совершенства и нуждается в дальнейшем уточнении — особенно это касается круга весьма разнородных явлений, немотивированно подводимых под одну категорию местоименно-соотносительных предложений.

Н. И. Белоусов

Актуальное членение сложноподчиненных предложений¹

- Задания.** 1. Какие факторы влияют на актуальное членение сложноподчиненных предложений?
2. Противопоставляются ли с точки зрения актуального членения сложноподчиненные предложения расчлененной и нерасчлененной структуры?

Аспект актуального членения простых предложений стал в известном смысле уже хрестоматийным. Что же касается рассмотрения с этой точки зрения сложных предложений, и в частности сложноподчиненных (СПП), то известно лишь несколько работ². Авторы этих работ достаточно убедительно, хотя и в «качестве первоначального опыта», показали наличие актуального членения в СПП, их преимущественно единую коммуникативную предназначенность, которая может быть проверена по системе соответствующих вопросов.

В вышедшей в 1980 г. «Русской Грамматике» (ГР-80) сведения об актуальном членении СПП носят эпизодический характер, а наличие его в одной из двух структурных разновидностей СПП — расчлененных, ставится вообще под сомнение³. Для привлечения внимания исследователей к данному аспекту СПП целесообразно возвратиться к этому вопросу.

Одна из задач статьи — дать и учителям необходимое представление об актуальном членении СПП, так как это имеет теоретическое и практическое значение. При описании мы будем исходить из классификации ГР-80, в которой выделяются нерасчлененные (присловные) и расчлененные (неприсловные) СПП.

I. Нерасчлененные СПП. В основе построения предложений нерасчлененной структуры лежит принцип присловности: придаточная часть здесь распространяет или замещает в составе главной части какое-либо слово или сочетание слов. В «Русской грамматике» (ГР-80) в общем виде выделяются две разновидности СПП нерасчлененного типа — определительные и изъяснительные.

Определительный тип. Среди определительных СПП наиболее распространены те, которые присоединяются относительными ме-

¹ Печатается по: Русское предложение: исследование и преподавание в школе и вузе. Воронеж, 1986. С. 96–109.

² *Распопов И. П.* Актуальное членение и коммуникативно-синтаксические типы повествовательных предложений в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964; *Шешукова Л. В.* Об актуальном членении в сложноподчиненном предложении // Филологические науки. 1972. № 1.

³ Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 466.

стоимениями какой, который, что, каков, чей, где, куда, откуда, когда. Относительные слова обслуживают как грамматические, так и коммуникативные связи придаточного предложения, совмещая союзную функцию с функцией темы сообщения второй ступени актуального членения. Сама же придаточная часть в целом функционирует в качестве ремы и соответственно располагается в постпозиции. Главная часть таких СПП является темой сообщения. Например: *Это были просто крестьянские ребяташки из соседней деревни, которые стерегли табун* (Тург.). Тема — главный член — рема — придаточная часть (СПП отвечает на вопрос *Что делали ребяташки из соседней деревни?*).

Однако определяемое существительное может входить и в состав ремы — придаточной части. Так строится сообщение в предложениях: *Мы свернули / на тропку, которая вела к реке; Я / слушал историю, что рассказывал сосед; Есть зимой / короткая минута сумерек, когда снег делается темно-голубым*. К ним можно поставить такие вопросы: 1. Что мы сделали? Куда мы свернули? 2. Что я делал? или Что я слушал? 3. Что бывает зимой?

Если придаточная часть занимает интерпозицию, то она в этих случаях является составной частью темы, как в примерах: *Комната, в которую вступил Иван Иванович, / была совершенно темна* (Гог.); *Площадка, на которой мы должны были драться / изображала почти идеальный прямоугольник* (Лерм.). Правомерность такого членения проверяется вопросами: Какой была комната, в которую мы вступили? Какой была площадка, на которой мы должны были драться?

При употреблении в главной части указательных местоимений, стоящих перед определяемыми существительными, в рему включаются соответственно и местоимения, и существительные, например: *Мы свернули / на ту тропку, что вела к реке; Я слушал / ту историю, что рассказывал сосед*. Распределение коммуникативной нагрузки проверяется здесь вопросами: На какую тропку мы свернули? Какую историю я слушал?

В отдельных случаях в состав ремы приходится включить все СПП, как в примере: *Никогда не возвращайтесь на старые места, где вам было хорошо*. Характер его коммуникативного задания соответствует вопросу: Чего никогда не делайте?

На втором уровне актуального членения в придаточной части условно можно выделить свою тему и рему, однако самостоятельной коммуникативной значимости это вычленение иметь не будет, так как этой функцией обладает лишь все СПП в целом. Следует также подчеркнуть и необратимость функциональных частей в рассматриваемом типе СПП: они строятся от темы к реме, что объясняется в первую очередь негибкостью структуры СПП с определительными отношениями.

Изыяснительный тип. Придаточная часть данной разновидности нерасчлененных СПП замещает позицию при опорном слове, соот-

ветствующую позиции косвенного падежа с объектным значением, или позицию подлежащего. Опорное слово — это обычно глагол. К стержневому слову придаточная часть присоединяется чаще всего союзами *что, будто, как, чтобы*.

Взаимное размещение частей в составе изъяснительных предложений определяется их коммуникативной значимостью. Главная часть стоит в препозиции, если в ней сосредоточивается тема сообщения, и может располагаться в постпозиции, когда в ней сосредоточивается коммуникативно-центральная часть сообщения — рема. Напр.: *Всем известно, / он хороший работник* (Что всем известно?) и *Что он хороший работник, всем известно* (Кто знает, что он хороший работник?); *Что Ноздрев лгун отъявленный, это было всем известно* (Гог.); *Что волки жадны — всякий знает* (Кр.). Конструкции с препозицией придаточной части стилистически значимы. Изъяснительные придаточные предложения с союзами *как, будто, чтобы, ли*, в отличие от предложений с союзом *что*, стоят обычно в постпозиции по отношению к главной части. Синтаксическое и актуальное членения здесь совпадают — тема — главная часть, рема — придаточная: *Казбич вообразил / будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь* (Лерм.) — Что вообразил Казбич?; *Он глядел, / как мрак густеет по готическим карнизам* (Майк.) — На что он глядел?; *Я не хочу, / чтоб сновиденье являло мне ее черты* (Лерм.) — Я не хочу чего? Случаи препозиции придаточной части с рассматриваемыми союзами исключительно редки и имеют эмфатический характер, что, однако, не влияет на распределение коммуникативной нагрузки между частями СПП. Например: *То ли жарко, ^p то ли зябко, / не понять, ^r а сна все нет* (Твардовский) — Чего не понять?

II. Расчлененные СПП. Как известно, в данных СПП придаточная часть соотносится с главной в целом, она не имеет в главной части опорных компонентов в виде отдельной лексемы. ГР-80 выделяет здесь такие виды СПП — временные, обусловленности (условные, причинные, уступительные, цели, следствия), сравнительные и сопоставительные. Относительно коммуникативной значимости этих предложений авторы ГР-80 совершенно справедливо замечают, что «характерным признаком расчлененной структуры является эквивалентность их частей с точки зрения информативной значимости — обе части заключают в себе потенциал но (разрядка наша. — авт.) самостоятельное сообщение» (С. 541). Однако с высказанной далее мыслью авторов, что «аспект актуального членения в предложениях расчлененной структуры устранен», согласиться нельзя: рассмотрение коммуникативной структуры нерасчлененных СПП показывает, что аспект актуального членения у них не устранен, а всегда наличествует, складываясь, однако, по-разному в структурных разновидностях данных СПП.

Временные СПП. Характер актуального членения в предложениях данного типа достаточно прозрачен: в них всегда четко обна-

руживаются тема и рема, граница между которыми проходит на стыке главной и придаточной частей. Поскольку большинство временных СПП имеет гибкую структуру, порядок частей в них диктуется актуальным членением: первая часть — тема, вторая часть — рема. Приведем примеры с препозицией придаточной части — темы сообщения:

Когда я поступил на завод, / там выплавлялось всего две марки стали (Сколько марок стали выплавлялось, когда я поступил на завод?); *Когда он выходил из дому, / еще таял месяц в небе* (Л.) (В какое время он выходил из дому?); *Когда поднимался ветер, / то на поверхности озера вздувались и бежали мелкие короткие волны* (Купр.); *Когда пушки умолкают, / приходят дипломаты* (Л.); *Когда труд удовольствие, / жизнь прекрасна* (Горьк.); *Как последний раз виделись, / цвела ты как маков цвет* (М.-Печ.); *Как наешься ты своей полбы, / собери-ка с чертей мне оброк полный* (Пушк.); *Пока он собирался с мыслями, / посетитель присматривался к мебелировке кабинета* (Ильф и Петр.); *Прежде чем выступить в большой и незнакомой аудитории, / мне надо было поговорить с самим собой* (Крон).

Приведем примеры с препозицией главной части — темы:

Мы вставали, / когда оба дома еще крепко спали (Кор.) (Когда мы вставали?); *Синее утро вставало за окном, / когда мы стали расходиться* (Сад.) (Что мы сделали, когда синее утро вставало за окном?); *Пошла уже пятая неделя, / как мы жили одни* (Акс.) (Как мы жили пятую неделю?).

У предложений негибкой структуры с временным значением темой всегда является первая часть — главная, а ремой — придаточная: *Никуда я не пойду, / прежде чем не доложу* (К. Сим.) (Никуда я не пойду до каких пор?); *Я стал уже засыпать, / как вдруг услышал шорох* (Гонч.) (Что я услышал, когда стал засыпать?); *Серезжа ушел / не прежде, чем сделал положенное ему по должности* (Л.); *Твой голос звучит / еще до того, как зазвучит музыка* (Алекс.); *Станиславский понимал, что творчество начинается / задолго до того, как актер выходит в роли на сценические подмостки* (Крон); *Не проехали мы и двух километров, / как началась гроза; Я шел размышляя, / как вдруг резкий голос окликнул меня.*

В последних предложениях граница между темой и ремой проходит перед составными союзами, что, однако, принципиально не изменяет актуального членения этих СПП.

СПП с обусловленным значением. Здесь авторы ГР-80 выделяют пять подтипов сложноподчиненных предложений: условные, причинные, уступительные, цели и следствия. Во всех этих предложениях соотнесены две ситуации, поставленные в зависимость одна от другой. Обусловленность объединяет в себе такие значения, как предпосылка, основание, довод, мотивировка, т. е. весь тот круг ситуаций, при которых одна из них служит достаточным основанием для реализации другой.

Рассмотрим сначала актуальное членение в СПП с условным значением. Поскольку сообщение о следствии в условных СПП коммуникативно более значимо, чем сообщение об условии, то для этих сложных предложений характерна постпозиция ремы — главной части, например: *Наука требует от человека всей его жизни. И если бы у вас было две жизни, / то и их не хватило бы вам* (Павл.) (Что бы было, если бы у вас было две жизни?); *Если уж он сюда приехал, / он здесь останется* (Что он сделает, если приехал сюда?); *Если я вздумаю жить отдельно от человечества, / я стану только животным* (Кем я стану, если буду жить отдельно от человечества?); *Если нападают, / надо защищаться* (Горьк.). *Если изъять из классической литературы милосердие и то, что мы сегодня называем «чувствительностью», / то она просто перестанет существовать* (из журн.); *«Если все большевики такие, как Телегин, — сказала она, — / стало быть, большевики правы»* (А. Толст.).

Придаточная часть при постпозиции функционирует как рема, а главная часть выступает темой сообщения:

Истинная цивилизация и быстрый рост культуры возможны только при условии, / если политическая власть всецело принадлежит трудовому народу (Горьк.) (При каком условии возможны цивилизация и быстрый рост культуры?). Аналогично актуальное членение и в предложениях: *Потребности станут ненасытными, / если ум не поставит их в должные границы* (Плех.); *Художник умирает, / если повторяется* (Фед.); *Жалки и бесцветны люди, / если они потеряли оригинальность дум, чувств, поступков* (Горьк.).

Интерпозитивная придаточная часть, следующая за компонентом главной части — наречием, предметно-падежным сочетанием с условным или условно-временным значением, а также за словом с предметным значением, приобретает характер уточнения и вместе с такой словоформой образует один смысловой компонент предложения — его тему:

Иногда, если было не очень поздно, / они возвращались домой через парк (Пауст.); *Такие женщины, если полюбят, / то уж любят сильно, всем пылом* (Чех.).

Причинная обусловленность, как и другие виды обусловленных отношений, предполагает такую связь двух ситуаций, при которой одна служит достаточным основанием для реализации другой.носителем значения достаточного основания является придаточная часть: ее содержание выполняет роль мотивирующего фактора по отношению к главной части, которая информирует о следствии. Эти предложения имеют гибкую структуру, что накладывает отпечаток на актуальное членение предложений рассматриваемого типа: первая часть — это тема сообщения, вторая — рема. Следовательно, в той и другой функции может быть и главная, и придаточная части.

1) Предложения с препозицией придаточной части — темой и главной частью — ремой: *Так как здесь нет деревьев, / улица кажется-*

ся шире и светлее (Какой кажется улица из-за отсутствия деревьев?); *Так как я умел петь народные песни / матросы охотно приняли меня в свою компанию* (Шалап.) (Что сделали матросы по причине того, что я умел петь народные песни?); *Поскольку участок оказался сильно заболоченным / пришлось срочно приняться за его осушку* (Купр.) (Что пришлось сделать из-за заболоченности участка?).

2) СПП с препозицией главной части — темой и придаточной частью — ремой, сообщающей о причине явления, названного в главной, например:

Теперь, по-видимому, никого нет дома, / так как никто не выходит на лай собак (Кор.) (Почему никого нет дома?); *Знать Пушкина необходимо, / потому что он нам дает утешительное знание сил нашего народа* (Лун.); *В театре служат, а не работают, / потому что театр — это храм* (Сад.).

Предложения с постпозитивной придаточной частью — ремой имеют два варианта оформления: без расчленения союза (вышеприведенные примеры) и с расчленением его. Расчленение союза может быть выражено или только интонационно, без нарушения контактности компонентов, или дистантным их расположением с целью эмфатической актуализации придаточной части. Ср.: *Проснулась она / оттого, что ее кто-то окликнул — Она оттого проснулась, / что ее кто-то окликнул.*

Расчленению союза способствует актуализация элемента *потому* модальными словами и частицами — *именно, лишь, еще и...*: *Она посмотрела на него, / но, очевидно, только потому, что неучтиво не смотреть на человека, когда он кланяется* (Л. Толст.); *Вообще, он был неразговорчив и любил скрипку, / может быть, потому, что во время игры можно было молчать* (Чех.).

При интерпозиции придаточной части происходит ее актуализация, служащая средством выделения какой-то части информации. Интерпретация придаточной части как темы или ремы в этих случаях иногда затруднена, хотя, кажется, с большим основанием ее можно включить (на основе вопроса) в состав ремы сообщения, например: *Все везы, / потому что на них лежали тюки с шерстью, казались очень высокими и пухлыми* (Чех.) (вопрос — Какими казались тюки? — Высокими и пухлыми, потому что на них лежали тюки с шерстью). Интерпозицию придаточной части, следовательно, удобнее истолковать как ее эмфазу.

Уступительные отношения построены, как известно, на взаимодействии значений внутренней обусловленности и противительного. В придаточной части обычно сообщается о неблагоприятствующем условии, обстоятельстве. Место придаточной части свободно, в том числе она может быть и в интерпозиции. Постпозиция придаточной части связана с ее актуализацией (функцией ремы), а интерпозиция придает ей вставочный характер. Граница между темой и ремой в данных предложениях зависит от позиции главной и придаточной частей.

При постпозиции придаточной части граница между компонентами актуального членения проходит, вероятнее всего, на стыке подлежащего и сказуемого, как в примерах: *Я / обрадовался, увидев родной город, хоть и неласков он был ко мне* (Шалап.); *Соломин / послал за доктором, хотя надежды, конечно, не было никакой* (Тург.); *Люди / всегда будут устремляться к вершинам, пусть даже с риском для жизни* (Крон). Актуальное содержание данных предложений может быть оформлено вопросами: Что я сделал? Что сделал Соломин? Что будут всегда делать люди?

Граница между темой и ремой при препозиции придаточной части проходит более четко — на стыке придаточной части (темы) и главной (ремы): *Хотя мне было очень жарко и неловко в новом платье, / я скрыл это от всех* (Л. Толст.); *Пусть роза сорвана, / она еще цветет, пусть арфа сломана /, аккорд еще рыдает* (Надсон); *Сколько ни звонила /, никто мне не ответил* (газ.); *Несмотря на то, что мне пришлось перенести много страданий, / я считаю свою жизнь счастливой* (А. Дост.).

Предложения с интерпозицией придаточной части распределяют коммуникативную нагрузку между своими компонентами в зависимости от того, куда включается придаточная часть — в состав темы или в состав ремы, что, в свою очередь, определяется степенью новизны информации придаточной части. Так, в предложениях *На многие из этих вопросов / пусть пока частично, наука уже может ответить* (Что может сделать наука на многие из этих вопросов?), видимо, целесообразнее придаточную часть включить в состав ремы. В предложении же *Она, хоть и запретили врачи, / поехала на юг* придаточная часть скорее примыкает к теме высказывания.

Акцентировать достоверность сообщения и брать на себя функции союза могут в рассматриваемых СПП модальные слова, подчеркивающие тему сообщения: *Конечно (= **хотя**), предложения вы не делали, / да разве не видно было, к чему клонились все ваши поступки?* (Чех.); *Может быть (= **хотя, пусть**), это и скучно, / но зато для голоса полезно* (Соб.).

Двузначность интерпретации интерпозитивной придаточной части в условных СПП объясняется, несомненно, отсутствием предшествующего контекста, который бы точнее указал на коммуникативную значимость придаточной части сложного предложения.

Последним подтипом обусловленных СПП являются СПП со значением цели и следствия. В них выражается такая обусловленность, при которой одна из соотносимых ситуаций представлена как потенциальный или реальный результат другой ситуации. Главная часть сообщает о предпосылке, которая предопределяет следствие: *Я еду к морю, чтобы отдохнуть*. Порядок частей в СПП со значением цели свободный и определяется актуальным членением. Так как сообщение о цели, как правило, более актуально, чем сообщение о самом действии, то для целевых предложений типична постпози-

ция придаточной части (функция ремы). Примеры: *Я взял ведро, / чтобы набрать в роднике воды* (Казак.); *Ряды стульев были расставлены на арене, / чтобы зрители могли смотреть на экран* (Олеша); *Посетители уехали с тем, / чтобы через час явиться втроем* (газ.).

Препозиция придаточной части выражает ее меньшую коммуникативную нагрузку по сравнению с главной, выполняющей в этом случае функцию ремы: *Он очень спешил, но удушье давило ему горло, и чтобы легче было дышать, / он разорвал на себе рубашку* (Шолох.); *Чтобы волосы не падали на лицо, / Никита повязал их веткой березы* (Горьк.); *Чтобы работать как следует, мне / нужен был жесткий режим; Чтобы всегда говорить правду /, нужно быть мужественным* (Крон).

В предложениях со значением следствия главной частью, всегда находящейся в препозиции, предопределяется содержание придаточной. Относительно актуального членения этого типа предложений И. П. Распопов полагает, относя их к так называемым предложениям с комитативной связью, что здесь две автономные коммуникативные единицы, а Л. В. Шешукова считает данные синтаксические построения едиными коммуникативными единицами. Думается, что рассмотрение таких предложений в составе одной коммуникативной структуры вполне допустимо. В соответствии с этим актуальное членение следующих СПП, на наш взгляд, таково:

Поэзия / валяется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы ее увидеть и поднять с земли (Паст.) (вопрос — Где существует поэзия и что надо сделать, чтобы увидеть ее?); *В поэме было / точно названо место действия, так что не спутаешь* (К. Сим.); *В гимназии у меня было / непобедимое отвращение к греческому языку, так что меня должны были взять из четвертого класса* (Чех.) (вопрос — Как я относился к греческому языку в гимназии и что из этого вышло?).

Разумеется, что на второй ступени актуального членения мы можем вычленить в придаточной части свои коммуникативные элементы — ... *так что меня / должны были взять из четвертого класса*.

Фразеологизированные структуры с условно-следственным значением членятся на тему и рему вполне определенно: первая часть — тема, вторая часть — рема: *Стоило бы передним или задним колесам сойти хоть чуть-чуть в сторону, / и грузовик бы провалился* (К. Сим.); *Стоило ей только посмотреть на овраг, / как в нем тотчас начинал булькать и переливаться ручей* (Пауст.).

Сравнительные СПП. Для этих СПП характерна частичная общность семантического наполнения частей: речь в них идет обычно о явлениях объективно сходных или в каком-то отношении объективно сближаемых. Структурной нормой является неповторение во второй части слов, выражающих общие с первой частью компонен-

ты содержания. Так, в придаточной части может отсутствовать подлежащее, если сравниваются разные признаки или действия одного предмета: *Облака стояли неподвижно, точно зацепились за верхушки сосен.*

Сравнительные предложения имеют гибкую структуру, порядок частей диктуется коммуникативным заданием (актуальным членением). Поскольку придаточная часть, выражающая сравнение, обычно более значима, она актуализируется чаще, т. е. выступает ремой и стоит в постпозиции:

Он побежал, / как мальчик на свиданье, как будто дома нас и правда ждут (Сим.); К нему обращаются лицами дети, / как к югу глядят все скворечни на свете (Возн.); Все хорошо знакомое кажется / скучноватым, как бывает скучен для горожан трамвай и пишущая машинка (Пауст.). Врубель жил / просто, как все мы живем (Блок).

Поставленная в препозицию, придаточная часть выполняет функцию темы. Часто при этом ею выражается какая-либо общеизвестная истина:

Как хороший каллиграф не имеет своего почерка, а имеет все, / так и актер не должен иметь на сцене своей походки и посадки, а должен уметь всякие (А. Остр.) (вопрос — Что должен уметь актер сравнительно с каллиграфом?); Как нередко случается с крупными людьми, прожившими трудную и одинокую жизнь, / и вокруг Марины Цветаевой стала складываться легенда (Орл.); Подобно тому как смертельные яды становятся лечебными средствами, / так и голод может быть обращен на службу человеку (Ник.).

В некоторых приведенных примерах граница между темой и ремой проходит не строго между главной и придаточной частями, а внутри главной части, что, в общем, подтверждает единую коммуникативную направленность СПП.

СПП с сопоставительными отношениями. Здесь две реально существующие ситуации соотносятся друг с другом по признаку различия или сходства, соответствия или несоответствия одна другой, что выражается и структурой двойных союзов — *чем... тем, насколько... настолько, по мере того как* и др. В отличие от сравнительных СПП, в которых придаточная часть коммуникативно подчинена главной и используется как аналог члена предложения, сопоставительные предложения предполагают относительную независимость заключенных в них информаций. Однако в коммуникативном плане они все же представляют так же единое целое, как и другие СПП. В данном случае ситуация напоминает ту, которая описана выше при анализе актуального членения СПП со значением следствия (см. точки зрения И. П. Распопова и Л. В. Шешуковой). Последовательность компонентов актуального членения — чаще от темы к реме, структуры бывают гибкими и негибкими (с союзом *если*):

а) негибкие структуры: *Если Белинский был родоначальником наших просветителей, / то Чернышевский явился самым крупным их представителем* (Плех.) (Кем был Чернышевский сравнительно с Белинским?); *Если Станиславский говорил, что душой театра является актер, / то формула Мейерхольда была — актер плюс зритель* (М. Сад.) (Какова формула Мейерхольда сравнительно со Станиславским?);

б) гибкие структуры: *По мере того как поднималось солнце / день теплел и веселел* (Бун.) (Каким становился день с подъемом солнца?); *Между тем как она со слезами готовила все, что нужно к завтраку / Бульба раздавал свои приказания* (Гог.) (Что делал Бульба в то время, как мать готовила все к завтраку?).

Особой частотностью выделяются здесь СПП с союзами *чем... тем*, с первой частью (придаточной) — темой и главной — ремой: *Чем свободнее ум, / тем богаче человек; Чем тревожит меня разными словами, / вы бы сами шли танцевать* (Чех.); *Чем дале — / деревья все выше и выше, а тени длинней и длинней* (Некр.).

Придаточное, расположенное после главного, обычно заключает в себе информативно центральную часть сообщения — рему. *Он твердил тем упрямее, / чем больше колебалась Лиза* (Фед.) (Что делала Лиза, когда он твердил упрямее?); *Решительность, с которой она вышла из дома, все больше исчезала, / чем ближе они подходили к цели* (Фед.) (Почему исчезала решительность, с которой она вышла из дома?); *Досадно, мочи нет, / чем дальше думать станешь* (Гриб.) (Отчего досадно, мочи нет?); *Болезнь проходит тем быстрее, / чем заботливее лечат* (При каком условии болезнь проходит быстрее?). При наличии в главной и придаточной частях общих грамматических членов, они нередко выносятся в начало всего сложного предложения, выполняя функцию темы: *Лестница чем дальше, / тем становилась темнее* (Дост.); *Алексей Степанович чем более узнавал жену свою, / тем с большим изумлением смотрел на нее* (Акс.).

Итак, анализ СПП с точки зрения актуального членения показывает, что данный уровень структуры СПП присущ в равной мере как предложениям нерасчлененного типа, так и предложениям расчлененного типа.

Рассмотренный вопрос имеет теоретическое и практическое значение. Известно, что при анализе структуры СПП в школе и вузе части СПП называют предложениями. Это, как уже неоднократно отмечалось, допустимо, если понимание сложного предложения мы ограничиваем лишь формальным уровнем, рассматривая при этом его части как аналоги простого предложения. Однако если учитывать коммуникативную предназначенность предложения (что невозможно без учета актуального членения и интонации), то здесь термин «предложение» будет в полной мере соответствовать лишь всему сложному синтаксическому построению, включающему главную и придаточную части. На коммуникативном уровне, следовательно,

простое и сложное предложения сближаются, так как отвечают одному коммуникативному заданию.

Проведенные наблюдения лишь частично затронули ряд других вопросов, связанных с актуальным членением — эмфазой, границей между компонентами актуального членения и др. Вызывает затруднение иногда и постановка вопроса в конкретных СПП, ответ на который возможен при более широком привлечении иллюстративного языкового материала по каждой структурной разновидности сложноподчиненных предложений.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Г. Ф. Гаврилова

Сложносочиненное предложение в системе других синтаксических конструкций¹

Задания. 1. Всегда ли наличие в конструкции двух (или более) грамматических основ и сочинительного союза между ними позволяет охарактеризовать ее как сложносочиненное предложение?
2. Каково отношение автора статьи к предложениям с однородными сказуемыми? Какие иные точки зрения на проблему однородных сказуемых вам известны?

Появившиеся в последнее время исследования в области лингвистики текста² позволяют рассмотреть сложносочиненное предложение в новом аспекте — с учетом того общего, что, оказывается, в ряде случаев можно увидеть в семантике и структуре тех и других конструкций.

Анализ обнаруживает, например, идентичность средств смысловой организации текста и средств выражения определенных семантико-синтаксических отношений в сложносочиненном предложении.

К таким средствам относится, в частности, разного рода повторная номинация, различные способы выражения известного, совпадения семантического компонента содержания предыдущей предикативной единицы и последующей (повторы, синонимы, члены одного семантического поля, дейктические элементы и т. п.).

¹ Печатается по: Сложные предложения в системе других синтаксических категорий. Л., 1984. С. 17–24.

² См., напр.: Синтаксис текста. М., 1979.

Повторная номинация оказывается важным средством связи между предикативными единицами (частями) как в сфере сложносочиненного предложения, так и в пределах сложного синтаксического целого.

Наблюдения над сходством сложносочиненных предложений и соответствующих текстовых единиц, по существу построенных по одинаковым синтаксическим моделям (сочинительный союз перед второй предикативной единицей возможен и в связном тексте), позволяет внести некоторые коррективы в существующую синтаксическую классификацию сложносочиненных предложений, усилив таким образом ее объяснительную сторону.

Наличие в составе сложносочиненного предложения единств, которые не отличаются от единиц текста ничем, кроме степени расчленения, заставляет отнести эти единства к переходным, пограничным случаям, стоящим на грани сложного предложения и связного синтаксического целого. Сочинительный союз в таких предложениях является носителем категориального грамматического значения, указывая лишь на наличие синтаксической связи между соединяемыми ими частями. Конкретные же семантико-синтаксические отношения выражаются соотношением реального содержания частей. Таковы предложения, выражающие причинно-следственные отношения между частями, где союз не является показателем этих отношений и где семантико-синтаксическое значение передается соотношением вещественного наполнения частей: ... *Жидкая, прозрачная борода уже поседела, и это старило его на много лет* (Чех., Убийство). Ср.: *Жидкая, прозрачная борода уже поседела. Это старило его на много лет.*

К явлениям, стоящим на грани связного текста и сложносочиненного предложения, следует отнести и сложносочиненные предложения с противительно-ограничительным значением, которое также передается соотношением вещественного наполнения частей и при котором союз не является ни фиксатором, ни дистинктором семантико-синтаксических отношений: *Он зашел к ней в комнату, что-то заговорил с ней, а она как закричит на него* (К. Сим., Солдатами не рождаются). Ср.: *Он зашел к ней в комнату, что-то заговорил с ней. Она как закричит на него.* Как видно уже из приведенных предложений, положение о том, что «союзы сложносочиненных предложений закрытой структуры определяют характер отношений между явлениями, в которых говорится в частях сложного предложения»¹, не охватывает всех разновидностей предложений закрытой структуры, ибо в некоторых из них эту функцию выполняют не союзы, а соотношение вещественного наполнения частей.

¹ Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967. С. 134.

Сочинительные союзы в подобного рода предложениях свободно замещают друг друга, не оказывая влияния на характер семантико-синтаксических отношений: *Он хочет провести своего друга, и (но) у него нет времени*. Семантико-синтаксические отношения передаются путем частичного смыслового перекрытия соединяемых союзом частей.

Таким образом, в составе сложносочиненных предложений выделяется довольно большая группа конструкций, которые, несмотря на наличие сочинительных союзов, оказываются стоящими на грани связного текста и семантико-синтаксические отношения в которых выражаются не союзами, а средствами образования синтаксического целого: путем имплицитного наложения логико-смысловых отношений, путем смыслового перекрытия и др. С текстом данные конструкции сближает также постоянная позиция частей в отношении друг друга.

Кроме этого, доказательством близости рассмотренных конструкций к связному тексту может служить отсутствие в простом предложении фактов связи словоформ, выражающей причинно-следственные или противительно-ограничительные отношения (хотя изоморфизм сочинительных отношений в простом и сложном предложении не вызывает сомнений)¹.

Предложениям, стоящим на грани сложносочиненных конструкций и связного текста, следует противопоставить собственно сложносочиненные предложения, то есть те, признаки которых в основном были четко сформулированы еще А. М. Пешковским: обратимость отношений, наличие показателя (выразителя) отношений между частями (союза), обладающего определенным значением; изоморфизм выражаемых в этих предложениях отношений сочинительным отношениям между словоформами. «Союзы, употребляющиеся между однородными членами, выражают по самым значениям своим как раз отношения обратимые (соединение, разделение и противопоставление)»².

К собственно сложносочиненным предложениям следует отнести прежде всего так называемые предложения однородного, однотипного состава³, в которых содержание частей одинаково относится к тому целому, что выражено всем сложным предложением. Характеризуясь этим общим семантическим признаком, предложения однородного состава могут тем не менее выражать разные отношения: соединительные, разделительные, сопоставительные, градационные. Союзы в данных предложениях являются фиксаторами и дистинк-

¹ Ильенко С. Г. Сочинение // Русский язык: энциклопедия. М., 1979. С. 322, 323.

² Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 462–466.

³ Гаврилова Г. Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов-на-Дону, 1979. С. 173–177. См. также: Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Синтаксис. Пунктуация. М., 1981. С. 188–189.

торами строго определенных семантико-синтаксических отношений, и операция замены одного союза другим связана с изменением этих отношений: *Мальчик ходил по комнате, а (и) женщина плакала*. Ср.: *То мальчик ходил по комнате, то женщина плакала*.

Отношения в данных сложносочиненных предложениях обратимы (*женщина плакала, а мальчик ходил по комнате*) и изоморфны отношениям между сочиненными словоформами (*брат и сестра отца; то брат, то сестра отца; не брат, а сестра отца* и т. п.).

Предложения однотипного состава открытой структуры с союзом «и» некоторые ученые безоговорочно выносят за пределы сложносочиненных конструкций в область связного текста¹.

Действительно, сочинительный союз в данных конструкциях в известной мере факультативен. Однако конструкции с союзом «и» входят в более сложную систему предложений однотипного, однородного состава, характеризующаясь признаками, которые объединяют их с предложениями сопоставительными, разделительными, градационными: 1) одинаковым отношением содержания частей к сложному целому, которое они в совокупности обозначают; 2) однородностью, одинаковой целенаправленностью частей; 3) наличием семантических союзов; 4) обратимостью частей; 5) возможностью иметь общие для обеих сочиненных частей именные, наречные элементы или придаточные (... *Когда прорывалось солнце, то из-под плесени на стенах проступал розовый мрамор и город появился за окном* (Пауст., Золотая роза)); 6) изоморфностью семантико-синтаксических отношений отношениям между словоформами.

Семантичность союза, закреплённость его за строго определенными семантико-синтаксическими отношениями (один из основных признаков сочинения, отмеченный А. М. Пешковским) характеризует также и одну из разновидностей предложений неоднородного, неоднотипного состава — предложение с противительными отношениями.

В данных конструкциях сочинительный союз «но(а)» не только указывает на определенные семантико-синтаксические отношения, но и формирует эти отношения. Без данного союза сложное предложение распалось бы, и мы бы имели два простых предложения, никак не связанных друг с другом: *Город был виден издали, но ехали мы долго; Здесь темно, но я вижу блеск ваших глаз* (Чех., Черный монах). В подобных предложениях противительный союз, формируя сложносочиненное предложение, как бы вносит элемент имплицитного значения — логическое звено, являющееся закономерным следствием того, о чем сообщается в главной части: *Здесь темно* (и следовательно, ничего не видно), *но я вижу блеск ваших глаз*.

¹ См.: *Валимова Г. В.* Сложное предложение и сочетание предложений // Вопросы синтаксиса русского языка. Ростов н/Д, 1973; *Распопов И. П.* Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981. С. 108.

Таким образом, в данном случае обобщенная семантика сочинительного союза активно взаимодействует с вещественным наполнением предикативных частей.

Собственно сложносочиненные предложения имеют центр и периферию. К периферийным явлениям следует отнести противительные-уступительные предложения, которые соотносятся со сложноподчиненными предложениями. Такой соотносительности соответствует возможность синонимической замены сочинительного союза подчинительным: *Был он добрый и мягкий, но к женщинам относился так же, как все, — грубо и просто* (Горьк.). Ср.: *Хотя был он добрый и мягкий, к женщинам относился так же, как все... — грубо и просто.*

Кроме того, что собственно сложносочиненные предложения изоморфны по своим семантико-синтаксическим отношениям словоформам в простом предложении, с простым предложением сложносочиненное соприкасается еще в одной своей зоне — в сфере конструкций с односубъектными частями. Вопрос об этих предложениях не решается в современной науке однозначно. Одни из ученых безоговорочно относят их к конструкциям с однородными сказуемыми¹, другие (с некоторой оговоркой или без нее) — сложносочиненным предложениям², третьи — одну часть относят к предложениям с однородными членами, другую часть — к сложносочиненным конструкциям с эллипсисом³, четвертые — к случаям, переходным между простыми и сложными предложениями, промежуточным явлениям⁴, пятые считают, что вопрос о классификационном статусе рассматриваемых предложений находится в науке в состоянии очень далеко от какого-либо решения⁵.

Думается, что, пользуясь семантическими критериями, в основном четко сформулированными А. М. Пешковским, а также применяя при исследовании определенные операции, заключающиеся в проверке возможности использования моносубъектных построений в качестве двух или нескольких однородных предикативных частей, сочиненных между собой и соподчиненных третьей предикативной части, можно в значительной мере приблизиться к решению рассматриваемого вопроса.

А. М. Пешковский отмечал, что «при двух или нескольких сказуемых, объединенных одним подлежащим ... получается несколько

¹ См., напр.: *Прияткина А. Ф.* Конструктивные особенности союза «а» в простом предложении русского языка // Исследования по современному русскому языку. М., 1970.

² *Белошапкина В. А.* Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977; *Русская грамматика.* Синтаксис. М., 1980. С. 462.

³ *Поспелов Н. С.* О некоторых синтаксических категориях // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

⁴ *Бабайцева В. В.* Русский язык. Синтаксис и пунктуация. М., 1979. С. 164–165.

⁵ *Черемисина М. И.* Моносубъектная конструкция. Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

предложений, но нужно заметить, что при сочинении (а это чаще всего бывает именно при нем) такие сложные целые часто образуют чрезвычайно цельные группы, стоящие на грани между слитным предложением и сложным целым: *он пришел и сказал; приди и возьми; лежит и храпит; любит не любит; светит, да не греет*¹. И далее: «Важно также соотношение времен (*пришел и говорит менее цельно, чем пришел и сказал*), соотношение вещественных значений (*люблю и уважаю более цельно, чем люблю и поддерживаю*), значение союза (*хожу и думаю цельнее, чем хожу или думаю*), степень распространенности того или другого предложения или обоих их и т. д.»².

Таким образом, А. М. Пешковский показал, что конструкции с двумя или несколькими сказуемыми и одним подлежащим во всей их массе характеризуются отчетливо выраженной качественной неоднородностью. С одной стороны, в них можно выделить построения, по существу ничем не отличающиеся от сложносочиненных предложений. С другой же стороны, эти конструкции содержат разновидность, приближающуюся к построениям с однородными сказуемыми.

Судя по примерам, приведенным А. М. Пешковским (см. выше), к последним следует отнести конструкции, где один из глаголов-сказуемых выражает действие субъекта, а второй — физическое состояние субъекта при этом или положение его тела в пространстве; где сочиненные глаголы-сказуемые образуют фразеологическое единство (*светит, да не греет*) или глаголы-сказуемые близки либо идентичны по своему лексическому значению. При этом в качестве средства, объединяющего эти глаголы в предложении, чаще всего выступают союзы, которые выражают лишь самую общую идею соединения.

В составе таких построений преобладают конструкции, в которых один из сочиненных глаголов передает действие, состояние, представляющее собой лишь фон для какого-либо активного действия, выраженного другим сочиненным глаголом. Фон этот органически связан с основным действием, часто представляя собой качественную характеристику этого основного действия. Об этом свидетельствует и возможность (без существенного изменения значения) преобразовать глагол, выражающий фон, в обстоятельство-деепричастие или деепричастный оборот: *Он сидел и читал книгу* (Ср.: *Он читал книгу сидя*), и невозможность преобразования элементов в однородные, но соподчиненные предикативные единицы с повторяющимся подчинительным союзом: нельзя сказать: *Когда он сидел и когда читал книгу, никто не мешал ему*. Наиболее частое соотношение семантики глаголов в таких конструкциях активное действие субъекта и как фон — физическое положение его тела, активная эмоционально-умственная деятельность субъекта или внешнее ее проявление и

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 476.

² Там же. С. 477.

физическое положение его тела при этом и т. п.: ... *Коростылев... сидел и курил* (Чех., Попрыгунья); *В зале Саша сидел у стола и пил чай* (Чех., Невеста). *Он лежал под пологом, укрытый одеялом, и молчал...* (Чех., Человек в футляре).

Широко представлены в языке и такие конструкции, где фон активного действия или речевой деятельности передается глаголами со значением эмоционально-умственных процессов или их внешних проявлений: *Он улыбнулся и вышел; Что я и моя сестра катаемся на велосипеде, никому до этого нет дела!* — сказал Коваленко и *побагровел* (Чех., Человек в футляре). *А вот и отец идет!* — обрадовался Андрей Андреич и *замахал шляпой* (Чех., Невеста).

Иногда в качестве активного действия выступает и то, которое является лишь фоном для другого. Это действие представляет собой проявление процессов, связанных с речью, эмоциями: *Кто-то стучал и насвистывал; Он шел и подпрыгивал; Она шла и плакала; Мальчик что-то выпивал и тихо пел.*

Кроме отмеченных признаков, связанных с возможностью-невозможностью преобразования данных конструкций, они обычно характеризуются еще одним признаком: невозможностью обратимости глаголов-сказуемых. Невозможно, напр., сказать: *Он подпрыгивал и шел* или *Он вышел и улыбнулся*, не изменив семантики предложения или не исказив ее.

Думается, что относить такие конструкции к предложениям с однородными сказуемыми можно только условно, так как действия, процессы, состояния, выраженные глаголами, в данном случае семантически неравноправны.

В тех же случаях, когда это семантическое равноправие налицо, видимо, следует уже говорить о наличии сложносочиненных предложений. Правомерность отнесенности конкретных речевых произведений моносубъектного характера к сложносочиненным конструкциям подтверждается возможностью функционирования сочиненных элементов в качестве соподчиненных предикативных частей с повторяющимися союзами, а также наличием между ними тех же отношений, что и в полисубъектных сложносочиненных предложениях. Так, в них возможны отношения, типичные для сложносочиненных предложений однотипного, однородного состава: *Он поцеловал ее и пожал ей руку; Мы гуляли или уходили в театр.* Ср.: *Когда он поцеловал ее и когда пожал ей руку, она засмеялась; Когда мы гуляли или когда уходили в театр, мать принимала дома подруг.* Между сочиненными частями могут быть противительно-уступительные отношения: *Он чувствовал раздражение, волновался, но молчал* (Чех., Ионыч), а также все отношения, которые свойственны сложносочиненным предложениям, близким к связному тексту, — причинно-следственные, противительно-ограничительные и др.: *Он привык и вошел во вкус; Старцев поехал домой, но вскоре вернулся* (Чех., Ионыч). (Ср.: *Я знал, что он привык и что вошел во вкус; Она расска-*

зала, что Старцев поехал домой, но что скоро вернулся. Возможность функционирования рассматриваемых сочиненных элементов в качестве однородных придаточных свидетельствует о том, что они ничем не отличаются от предикативных частей, функционирующих в составе сложных синтаксических единств.

Итак, анализ сложносочиненных предложений в их системных связях и взаимодействиях с другими синтаксическими конструкциями — со сложным синтаксическим целым, сложноподчиненным и простым предложениями, показал всю неоднородность и многообразие конструкций, относимых в современной лингвистике к сложносочиненным, их качественную разнородность. Вместе с тем, отказываясь на основе проведенного анализа от мысли о структурной и семантической целостности группы явлений, относимых к сложносочиненным конструкциям, мы получаем возможность более строго и точно охарактеризовать относящиеся к данной сфере весьма многообразные факты речевой действительности, рассматривая их в различных аспектах, с разных точек зрения. Таким образом, опираясь на традиции отечественного языкознания, никогда не стремящегося втиснуть все многообразные синтаксические явления в искусственно создаваемые классификационные рамки, можно сделать вывод о том, что в составе сложносочиненных конструкций, кроме собственно сложносочиненных предложений, характеризующихся обратимостью частей, семантической союза, изоморфностью синтаксических отношений отношениям между словоформами в простом предложении, следует выделить ряд конструкций, находящихся на грани связного текста — с асемантическими союзами (союзами с нулевой синтаксической семантикой), необратимостью частей и текстовыми средствами связи, а также признать существование моносубъективных эллиптических сложносочиненных предложений, совпадающих по форме с простыми предложениями, которые характеризуются сочинительной связью между двумя или несколькими глаголами-сказуемыми.

Т. М. Николаева

Сочинительные союзы «А», «НО», «И»: история, сходства и различия¹

- Задания.**
1. Каковы основные значения сочинительных союзов И, А, НО?
 2. В каких случаях в сложносочиненном предложении возможна взаимная замена этих союзов? Привносит ли такая замена какие-нибудь смысловые оттенки в предложение?

¹ Печатается по: Славянские сочинительные союзы. М., 1997. С. 15–23.

Союз НО

1. В лингвистической литературе, посвященной союзу НО и его основному значению, часто употребляется термин «обманутое ожидание» (см., напр., то же об английском *but*). В широком смысле слова речь, очевидно, идет о прерванности некоего события, не приведшего таким образом к «ожидаемым» результатам. Однако более внимательный анализ примеров на «обманутое ожидание» показывает, что мы здесь имеем дело по крайней мере с тремя разными видами сопрягаемой через союз семантики.

Во-первых, «обманутое ожидание» может не выходить содержательно за пределы текста, как бы оставаться в *его* содержательном мире.

В этом случае имеет смысл разделять:

1) «обманутое ожидание» героя, когда читатель не вовлечен в действие. Напр., *Она была уверена, что у нее это получится лучше, чем у других, именно потому, что она бы участвовала в покупке, а не стояла столбом, глядя мимо покупателя вдаль.*

Но продавать ей, увы! не давали. Даже электромелочи. (Баранск.). В этом примере дополнительной семантической строки из общего для всех носителей языка фонового фонда не возникает.

2) «обманутое ожидание» относится и к читателю текста. — *Расскажите из Гайдара. Нет, случаи из жизни. Давайте смешное — про двенадцать стульев.*

Но Катя стала рассказывать про войну (Баранск.).

Новый год принес магазину премию: перевыполнили план продажи холодильников и ламп.

Но Лушку Новый год не одарил ничем (Баранск.). Можно предположить, что именно Лушка ждала премии; нет, за нее ждал читатель.

3) «обманутым ожиданием» называют в лингвистической литературе и иное явление — когда действие не может состояться (или состоит что-то иное) по общим законам, выраженным в пресуппозиции, то есть общем фонде знаний. Напр.,

Любке захотелось плакать. Но она сидела у всех на виду на высоком месте под ярким светом (Баранск.). За этим стоит общее положение: неприятно и неудобно плакать у всех на виду. *Рано утром, когда Таля только начинает просыпаться, мама уходит на работу. Она фельдшерница на медпункте большого завода. Но, кроме работы, у нее еще куча всяких дел и нагрузок* (Баранск.). Здесь подразумевается: «Такой большой трудовой нагрузки для женщины-матери как будто бы и так достаточно».

См. и другие примеры на пресуппозицию:

Руки у нее толстые, как итальянская колбаса, но в общем она миленькая (С. Ч.). Фоновая строка: Такие толстые руки портят женщину.

Общее перечеркивание действия, которое мотивируется через НО, может объясняться и действием всего текста:

Тема ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тема замирает на месте (Гар.-Мих.), и некими общими законами человеческого существования и устройства мира.

В некоторых случаях это строго различить трудно:

У него тоже открылись глаза, но ему никогда не суждено было увидеть (Каз.). Здесь и читатель ждет, что щенок Арктур будет видеть, и его хозяин этого ждет, а строится это на том, что когда у щенка открываются глаза, он должен уже быть зрячим.

2. Вторым крупным значением НО можно считать значение «контраста»:

Клавдию Ивановну это смущало, но Славе туфли очень понравились, она упросила их купить (Баранск.).

Он оба раза пытался ретироваться с честью, но проклятый мопс напал с остервенением (С. Ч.).

Значение контраста обычно коррелирует с синтаксической структурой обоих соединяемых предложений, где члены под оппозицией как правило выполняют одну синтаксическую функцию: *Клавдия Ивановна — Слава; Он — мопс* (правда, в первом примере есть объясняющееся глагольным управлением расхождение по падежу).

3. Третьим крупным значением для НО можно считать значение «уступительности», то есть включение семантики «хотя»: *Мой легавый щенок называется Роман, но я больше зову его Ромой, или просто Ромкой* (Пришв.).

Придут другие, но этих не будет (Казак.).

Гусь не кричал, но ей опять стало чудиться, что в потемках стоит кто-то чужой (Чех.).

Однако необходимо признать существование некоторой инвариантности союзного значения для НО. Поэтому в каждом из приведенных примеров сосуществуют все три значения, перечисленные нами выше.

Напр., 1) читатель может предположить и ожидать, что щенка будут называть полным именем Роман.

2) щенков обычно (?) не называют сокращенным именем человека.

3) здесь возникает контраст имен: Роман — Ромка.

Или: *(Хотя) гусь не кричал...* представлена уступительность, но есть и ожидание — при молчащем гусе она должна успокоиться и заснуть. Есть и общая пресуппозиция — в тишине заснуть легче!

Таким образом, всю сумму значений НО можно представить себе в виде некоего спектра, где значения переходят друг в друга, выявляясь каждое по принципу: больше — меньше. В целом же НО в

дискурсе необходимо квалифицировать как прекращение действия (реального или ожидаемого) с экспликацией этого прекращения — как явной, данной в тексте, так и имплицитно мотивированной (пре-суппозиция).

Союз А

1. Основным значением союза А мы считаем «сопоставление»¹. Сопоставление — это соединение через равноправное рассмотрение двух компонентов, не сливающихся при этом в единую картину-кадр. Напр.,

Фрейлейн поминутно отзывает девчужек, а мамаша с лорнетом кличет испуганно Вилли (С. Ч.). В этом случае сопоставляются две пропозиции. В приведенном примере актанты разные и действия разные. Однако эти действия и актанты могут входить в поле некоторого гиперсостояния, например, может сообщаться об одном существе:

Его голубые глаза щурились от жары и глядели умильно, а высунутый длинный язык вздрагивал от частого дыхания (Пришв.).

Наконец, сопоставляемые пропозиции могут принадлежать одному хронотопу, то есть объединяться единством места и времени, в пределах которых пропозиции сопоставляются.

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой обоим укрыться впору (Купр.).

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап (Купр.).

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови серdito сдвинулись к переносью (Купр.). Во всех этих примерах есть локализатор-обобщение: *у нее; на дороге; его глаза*.

Возможно и другое семантическое «направление» связи предложений с А, когда глаголы-сказуемые передают последовательные действия и их сопоставление происходит таким образом при изменяющейся временной оси:

Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь (Гар-Мих.).

Вижу, как из травы то тут, то там, как горлышко бутылки, высунется ее шея, а за ней везде шевелит траву и весь ее выводок (Пришв.). Здесь, благодаря глагольной семантике, сочетается сопоставление, сосуществование (во взгляде смотрящего) и последовательность действий лиц.

2. Второе значение А — это значение «контраста». Сопоставляются актанты «на равных»:

Вода замерзает зимой, а я каждое утро (С. Ч.).

Все затыкают уши, а я не могу (С. Ч.).

¹ Точка зрения, выработанная совместно с И. Фужерон.

Ей дано искать, а мы будем чай пить (М. Пришвин). В соединяемых предложениях такого типа контрастными оказываются: *Вода — Я; Все — Я; Ей — Мы* и т. д. Большую роль в выражении контраста и его подвидов в таких предложениях играет *интонация*.

3. Третьим типом значения для А можно считать «обманутое ожидание». Напр.,

Дрожу, дрожу, а толку мало (С. Ч.).

Потом запряг меня в автомобиль, а я уперся (Саша Черный). Очевидно, что песик рассчитывал согреться; на нем предполагали покататься, как на лошади, и под.

4. Через союз А передается и значение «уступительности» (хотя во всех примерах в нашем материале в аналогичных случаях имелось некое околосоюзное добавление типа *хотя, ведь* и т. д.):

Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в цехе поэтов (С. Ч.).

Я хоть плавать умею, а они что будут делать в своих ботинках и чулках, если дом перевернется? (С. Ч.).

Союз И

1. Основным значением союза И можно считать передачу одного большого события как цельного через дополнительное его разбиение на сосуществующие пропозиции.

1) частным и частым случаем такого представления событий можно полагать *одновременность* происходящих действий (ситуаций).

Напр.,

На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке (Андр.).

Небо качается, улица качается, и наш пол качается (С. Ч.).

Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их (Андр.);

2) при изменении семантики глаголов-сказуемых в пропозициях представляемое большое событие может выглядеть, как протекающее *во времени, т. е. осуществляется последовательность* более дробных событий:

Это успокаивает его, и он спускается дальше (Гар.-Мих.).

Махну рукой по всему горизонту, и Лада летит, расширяя круги все дальше и дальше (Пришв.).

Свечерело, я выстрелил по мелькнувшей в кустах тени, промахнулся, и лиса пошла наутек, и за ней, удаляясь в прямом направлении и постепенно затихая, понесся и Соловей (Пришв.).

Как видно из приведенных примеров, статичность состояния или изменение состояния зависят от семантики глаголов; более того, возможно, «развитие событий» могут передать только глаголы в их последовательности. Вспомним *Veni, vidi, vici*. Эта иконичность расположения глаголов-сказуемых при И может обозначать не толь-

ко последовательность событий, но и их причинную взаимозависимость. Напр.,

Но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острой каучуковой вонью (Чех.). (Необходимо отметить в этом примере последовательность раньше — теперь).

От этого стоны сердце Темы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик (Гар.-Мих.).

Начинался рассвет, и в комнатке уже не было того невидимого чужого, который так пугал Тетку (Чех.).

Иконическая последовательность глаголов может придавать излагаемой цепи событий и значение результата, обычно связанного с причинностью:

Я бегаю, вытаскиваю из воды детские кораблики, прыгаю через их песочные постройки, и весь берег меня знает (С. Ч.).

2. Вторым значением союза И можно назвать «**присоединительность**». Отличить это значение от первого довольно несложно, так как в этом случае при опускании части, вводимой через И, вторая часть остается самодостаточной. Напр.,

Он мог еще двадцать лет ездить по морю, и я уверен, что не встретит ничего подобного (Шмел.).

Это крикнул Иван Иванович, и крик его был не болтливый и убедительный, как обыкновенно, а какой-то дикий и пронзительный (Чех.).

VII. Пересечения семантики союзов: несовпадения или синонимия?

1. Не приводя примеров снова, повторим те значения каждого из трех союзов, которые можно назвать индивидуальными, характерными только для этого союза, а не для члена набора в целом. Для И — это значение **присоединительности**. Для А — значение **сопоставления**.

Для **НО** — значение «прекращения», перечеркивания, связанное с фондом **предсуппозиции**.

2. Более сложными являются ситуации квазисовпадения семантических зон. Этих зон в основном мы можем назвать три:

- 1) зона контраста для А и **НО**;
- 2) зона «обманутого ожидания» для А и **НО**;
- 3) зона сосуществования в одном хронотопе для И и А.

Рассмотрим каждую из зон.

Зона контраста.

Клавдию Ивановну это смущало, (но, а) Славе туфли очень понравились. Оба предложения «правильны», но с А предложение предполагает равенство матери и дочери в вопросе выбора туфель. **НО** в этом случае подразумевает, что дочь, до этого во всем слушающаяся мать, не должна была тут покориться.

Все затыкают уши, (а, но) я не могу. Введение НО перечеркивает возникшую дополнительную семантическую строку (деонтологическую presupпозицию), что «Я» должен быть, как все люди.

Ей дано искать, (а, но) мы будем чай пить. При А предполагается некоторое равновесие вещей, «каждому свое». *Ей дано искать, но мы будем чай пить* — здесь возникает идея, что и «мы» могли бы искать вместе с собакой, но мы этого делать не будем.

Таким образом, контраст с НО предполагает наличие некоторого дополнительного предписания поведения, того, как нужно было поступать. Союз же А сопоставляет и противопоставляет события и как данности, и как факты.

Зона «обманутого ожидания».

Рассмотрим два примера из упоминавшейся книги Н. Н. Розановой и М. В. Китайгородской «Русский речевой портрет».

а. Рассказ Т. Г. Винокур о том, как бабушка ее мужа приехала в Москву на заработки:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработки // А попала она / как это называлось / в общем / такую белошвейчную / к белошвейке //. Из текста следует, что поиски заработка в Москве оправдались примерно так, как она и предполагала. Заменяем союз А на НО в этом примере:

В одиннадцать лет / отправлена в Москву на заработки // Но попала она / как это называлось / в общем / такую белошвейчную / к белошвейке //. Союз НО явно обозначает несоответствие результата ожидаемому в гораздо более крупных масштабах, чем при А. Однако неясно, в какую сторону пошло несовпадение ожидаемому: попасть в белошвейчную — это выше предела мечтаний или, напротив, в белошвейчной много было заработать нельзя.

б. *Рост у меня / я считаю / ничего // А вот вес мог бы быть и поменьше.* Сравним — *Рост у меня / я считаю / ничего // Но вот вес мог бы быть и поменьше.* Можно сказать также, что в первом случае говорящая рассчитывала бы на примерное соответствие веса росту, и все. В примере с НО в тексте как бы просвечивает некое третье, нереализованное, событие: говорящая чего-то хотела бы: стать фотомоделью? кому-то понравиться? но вот вес мешает. Таким образом, горизонт ожидания при НО отличается и количественно — он как бы превышает ожидание, и качественно — может реализоваться событие иного сорта, иного типа, чем ожидалось.

Зона сосуществования в одном хронотопе — для И и А. Судя по нашим данным, замена И на А возможна во всех примерах, где выявляется сосуществование двух пропозициональных событий в пределах одного хронотопа. Однако — и это совершенно отчетливо — при И происходит как бы «отдаление камеры» от рассматриваемой ситуации: более дробные явления не изучаются раздельно, в сопоставлении, в перемещении кадра, а упор делается на всю гло-

бальную ситуацию в целом. Приведем примеры такого изменения и при замене А на И, и при замене И на А.

И<А:

Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, а каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору / Ствол у нее мохнатый, на манер войлока, и каждый лист такой большой, что нам с тобой укрыться впору.

И<А:

На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, а рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап / На дороге в белой пыли валялся довольно большой недоеденный огрызок колбасы, и рядом с ним во всех направлениях отпечатались следы собачьих лап.

Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, а тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью / Его глаза упорно смотрели вниз на дорогу, и тонкие брови сердито сдвинулись вниз к переносью.

А<И:

Люди спали, были беспомощны и не страшны, и собака ревниво сторожила их / Люди спали, были беспомощны и не страшны, а собака ревниво сторожила их.

Интересно, что в некоторых случаях И не оказалось возможным заменить на А:

Небо качается, улица качается, и наш пол качается. Вероятно, это объясняется единством ситуации, заданным через идентичное для всех пропозиций сказуемое *качается*. Другой пример: *На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке.* Этот пример как бы противоположен предыдущему: платок матери выделен через *только* и потому не может быть сопоставлен ни с чем другим. Поэтому замены А и И очевидно возможны там, где есть равноправные субъекты и р а з н ы е (не-идентичные) действия.

Итак, о полной функциональной синонимии союзов И, А, НО говорить нельзя, можно лишь обозначить зоны пересечения их семантики. <...>

Н. Н. Холодов

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами¹

- Задания.** 1) Какие частные значения выделяются в рамках разделительных отношений? Приведите их примеры.
2) Чем отличаются друг от друга предложения, оформленные разными разделительными союзами?

¹ Печатается по: Русский язык в школе. 1975. № 4. С. 65–70.

Сложносочиненные предложения с разделительными союзами в современном русском языке употребляются сравнительно редко¹. Однако в системе сложносочиненных предложений русского языка они занимают важное место и поэтому, как правило, отмечаются во всех научных работах, учебниках и учебных пособиях, в которых затрагивается вопрос о сложносочиненных предложениях.

В истории русского языкознания накоплены довольно разнообразные данные о разделительных союзах и разделительных отношениях в простом и сложном предложении, о различных частных значениях в разделительных предложениях².

Однако сведения о разделительных сложносочиненных предложениях имеют фрагментарный характер. До настоящего времени нет специальных работ, в которых бы разделительные сложносочиненные предложения были показаны в системе их значений. В предлагаемой статье делается попытка в некоторой степени восполнить этот пробел.

Разделительные сложносочиненные предложения современного русского языка относятся к числу предложений с общей сопоставительно-противительной семантикой. Будучи в основе своей противительно-сопоставительными, разделительные сложносочиненные предложения совместно с другими предложениями противительно-сопоставительного характера противопоставлены соединительным предложениям как предложения, в которых акцентируется разное³. Такое противопоставление исходит прежде всего от сочинительных союзов, однако поскольку с основной семантикой союзов согласу-

¹ См. об этом: *Черноусова Н. С.* Сложносочиненные предложения с разделительными союзами в письменной речи учащихся // Уч. зап. Смоленского и Новозыбковского пединститутов. Сер. филол. Смоленск, 1966. Т. V. С. 119–122.

² См., напр.: *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 573 и др.; *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб., 1852. С. 370–371; *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. М. 1959. С. 326 и др.; *Баталин Н.* Русский синтаксис на основании исследований Потебни, Миклошича, Гейзе. М., 1883. С. 70 и др.; *Пешкоковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 446 и др.; *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1947. С. 715–716; Грамматика русского языка. М., 1954. Т. II. Ч. II; *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1956. С. 400; *Падучева Е. В.* Опыт логического анализа союза *или* // НДВШ. Филос. науки. 1964. № 6; *Серебряная Ф. И.* Некоторые наблюдения над одним типом сложных сочинительных союзов с опорным *а* // Русский язык в школе. 1969. № 6; *Петрухнин В. Н.* Типы разделительных отношений и способы их выражения в простом предложении // Учен. зап. Курского пединститута. Курск, 1971. Т. 92. Вып. 4–5 и др.

³ То обстоятельство, что разделительные предложения относятся к числу предложений с общей сопоставительно-противительной семантикой, специально не подчеркивается. Однако многие русские лингвисты исходили именно из такого понимания рассматриваемых предложений. См., напр.: *Перевлеский П.* Начертания русского синтаксиса. М., 1848. С. 67; *Давыдов И. И.* Опыт общесравнительной грамматики русского языка... С. 370–371; *Виноградов В. В.* Русский язык. С. 716; Грамматика русского языка. М.: Изд. АН СССР, 1954. Т. II. Ч. II. С. 246, 249, 252 и др.

ется, как правило, и лексико-грамматическое наполнение, то данное противопоставление обнаруживается и в семантике предложений в целом.

Специфика разделительных предложений в кругу сопоставительно-противительных состоит в том, что они подают содержание своих частей не просто как нечто разное, а как альтернативно разное. Каждое явление, о котором говорится в сочиненных частях, мыслится, таким образом, или как фактически, или как предположительно реальное только при фактическом отсутствии другого. Так, в предложении *То солнышко проглянет, то снова дождь пойдет* явления подаются таким образом, что каждое из них мыслится фактически реальным только при отсутствии другого. В предложении же *Он был, видимо, не в духе, или его мучили какие-то сомнения* то и другое явление подается не как фактически, а лишь как предположительно (гипотетически) реальное и возможное только при фактическом отсутствии другого. Таким образом, все разделительные предложения содержат семантику взаимоисключения. Эта семантика и объединяет их в один разряд, противопоставленный в пределах класса противительно-сопоставительных предложений собственно сопоставительным и собственно противительным¹.

В своей собственной подсистеме разделительные сложносочиненные предложения противопоставлены друг другу по характеру союзов, одни из которых являются союзами широких абстрактных значений, а другие — союзами более конкретной семантики. К союзам первой группы относятся *или (или... или...), либо (либо... либо...)*, к союзам второй — *то... то..., то ли... то ли..., не то... не то..., ли... ли..., ли... или...* Данное противопоставление разделительных предложений обнажает их смысловые взаимоотношения, и поэтому при общей характеристике этих предложений целесообразно воспользоваться именно указанным противопоставлением.

Разделительные предложения с союзами широких абстрактных значений

Все предложения с союзами *или* и *либо*, как уже отмечалось, объединяются одним общим значением, значением взаимоисключения. Однако в одних случаях явления, о которых сообщается в

¹ То, что все разделительные предложения характеризуются семантикой взаимоисключения, отмечено в «Грамматике современного русского литературного языка» (1970). Предложения одного из двух выделенных здесь видов разделительных предложений так и названы предложениями взаимоисключения, а о предложениях другого вида — предложениях чередования — сказано: «В предложениях чередования перечисляется ряд чередующихся явлений, не совмещающихся во времени». Но, думается, явления могут мыслиться не совмещающимися во времени только при исключении каждого явления другим из своего временного плана.

сочиненных компонентах, подаются так, что каждое из них как бы уже само по себе составляет условие для абсолютного исключения другого. В других случаях каждое явление подается не как абсолютно исключающее фактом своего существования другое, а как исключающее его только из тех условий, в которых оно существует само. Это обуславливает наличие разных частных значений.

Наиболее распространенными являются предложения с союзом *или*. Рассмотрим их.

В зависимости от того, как мыслится взаимоисключение явлений, о которых говорится в сочиненных компонентах, среди предложений с союзом *или* можно выделить предложения таких видов: собственно-разделительные, разделительно-предположительные (или разделительно-гипотетические), разделительно-уточнительные, разделительно-локальные, разделительно-временные и разделительно-мотивировочные. Рассмотрим их.

В собственно-разделительных предложениях одно из явлений мыслится как условие, абсолютно исключающее возможность другого. Напр.:

Или она [проблема] возникает... или она не возникает... (Баб. Белый свет).

Однако чаще всего в этих предложениях сообщается о таких явлениях, которые сами по себе исключают друг друга, но которые «подгоняются» под отношения строгой логической альтернативы и подаются так, как будто они необходимо исключают друг друга сами по себе. Напр.:

Или я, или комбайн! (Анчишк. Арктический роман); *Или вовсе не повезу, или двадцать пять [рублей] и точка.* (Колых. Дикие побеги).

В разделительно-предположительных предложениях, как и в собственно-разделительных, одно из явлений выступает как условие, исключающее возможность существования другого. Однако если в собственно-разделительных предложениях явления мыслятся только как взаимоисключающие, то в разделительно-предположительных предложениях специально акцентируется неопределенность того, какой из взаимоотрицающих фактов является реальным, а какой — нереальным.

Одним из средств выражения разделительно-предположительных отношений является вопросительная интонация, которая, поддерживая или формируя значение неопределенности, одновременно выражает значение поиска ответа¹. Ср.:

¹ По мнению некоторых ученых, вопросительные предложения являются побудительными. Ср.: «Вопросительными называются предложения, имеющие своей целью побудить собеседника высказать мысль, интересующую говорящего» (Вагша Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1973. С. 67).

Можешь шагу прибавить, или силенок нет? (К. Сим. Живые и мертвые); *Правда все это, или только мерещится ему?* (Казач. Белое пятно); *Что, вы сами прячетесь, или сын вас прячет?* (Дост. Идиот).

Часто такие предложения не допускают их преобразования в повествовательные (см. примеры).

Другим средством выражения значения неопределенности в разделительно-предположительных предложениях является использование модальных слов со значением предположительности или сказуемых, выраженных модальными глаголами с тем же значением. Например:

Один штур, должно быть, длинней был, или Родион с запозданием запалил его. (В. Чивил. Елки-моталки); *В машинном отделении парило сильнее обыкновенного, или это только казалось Басову.* (Крым. Танкер «Дербент»).

В разделительно-уточнительных предложениях содержанием второго компонента уточняется содержание первого. При этом то, о чем сообщается во втором компоненте, подается, естественно, уже как нечто отличное от того, о чем сообщается в первом, и исключает его из плана более адекватного отражения известного явления. Одновременно то, о чем сообщается в первом компоненте, исключает из плана менее адекватного отражения то, о чем сообщается во втором. Напр.:

У него не было никакого страха, или, вернее, страх остался позади и гнал его вперед. (Фед. Необыкновенное лето).

Условием для выражения такого значения является использование во втором компоненте слов, сочетаний и предложений вставочно-вводного характера типа: *вернее, точнее, лучше, вернее (точнее) говоря, лучшие (точнее) сказать, что вернее, точнее* и т. д.

В разделительно-локальных предложениях каждое из явлений, о которых сообщается в сочиненных компонентах, воспринимается как исключаящееся из того локального плана, в котором реализуется другое. Напр.:

То тут, то там изредка вспорхнет вспугнутая нами птица или зацокает бекас. (Федос. Злой дух Ямбуя).

Особенностью таких предложений является использование в первом компоненте однородных обстоятельств места, соединенных разделительными союзами.

В разделительно-временных предложениях каждое из явлений, о которых сообщается в сочиненных компонентах, как бы исключается из того временного плана, в котором реализуется другое (т. е. взаимоисключение явлений мыслится по времени их реализации). Напр.:

Там все-таки, глядишь, облачко проплывет, непохожее на другое, или солнце вдруг заиграет лучами. (Марк. Сибирь).

Альтернативно-мотивировочные предложения, будучи, как правило, весьма простыми по характеру сочиненных компонентов, называются тем не менее чрезвычайно емкими в семантическом отношении и сложными по характеру выражаемых ими отношений. Явления, о которых говорится в этих предложениях, подаются как исключаящие друг друга из одного и того же модального плана с одновременной «подсказкой» условий и мотивов необходимости такого исключения. Так, в предложении *Убирайся с глаз, или топором пришибу!...* (Матушк. Любаша), то, о чем говорится во втором компоненте, должно обязательно предполагаться в реальном плане, если сказанное в первом компоненте останется нереальным, и наоборот.

Первый компонент таких предложений выступает со значением ирреально-императивной (повелительной) модальности, а второй — со значением индикативной (изъявительной) модальности и будущего времени. Эти значения выражаются соответствующими формами глаголов-сказуемых. Ср.:

— *Полно врать, — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взащей прогоню.* (Пушк. Капитанская дочка); *Да говорите же, или я уйду обратно!* (Гайдар. Чук и Гек).

Видимо, возможны и такие предложения, в первом компоненте которых императивная модальность выражается формой инфинитива. Ср.: *Молчать, или прогоню!*

Как видно из примеров, в таких предложениях выражается также значение безусловной предпочтительности того, о чем говорится в первом компоненте, сравнительно с тем, о чем сказано во втором.

Что касается предложений с союзом *либо*, то в них могут выражаться те же частные значения, что и в предложениях с союзом *или*: собственно-разделительные, разделительно-предположительные, разделительно-локальные, разделительно-временные и разделительно-мотивировочные.

Однако для предложений с союзом *либо* оказываются нехарактерными разделительно-уточнительные отношения, что обусловлено особенностями значения данного союза. Для союза *либо* в большей степени характерно значение определенности взаимоисключения. Об этом же свидетельствует и тот факт, что он используется, как правило, только в повествовательных предложениях.

Предрасположенность к выражению определенности взаимоисключения в предложениях с союзом *либо* идет от значительно более сильного противительного значения этого союза (сравнительно с союзом *или*: в этом плане *либо* относится к *или*, пожалуй, так же, как противительный союз *но* относится к сопоставительному *а*). Союз *либо* более «надежно», чем *или*, выражает соответственно разделительные отношения, поскольку для формирования этих отношений важно акцентировать противоположность, с тем чтобы

подчеркнуть несовместимость и следовательно взаимоисключение явлений¹.

Таковы в общем разделительные сложносочиненные предложения с союзами широких абстрактных значений.

Разделительные предложения с союзами более конкретной семантики

Если иметь в виду те частные значения, которые выделяются среди предложений с союзами *или* и *либо*, то можно сказать, что предложения со всеми другими союзами являются моносемантическими. В каждом из них при помощи специальных союзов выражается одно из тех значений, которое в предложениях с союзами *или* и *либо* выражается главным образом средствами лексико-грамматического наполнения. Так, предложениями с союзом *то... то...* выражаются разделительно-временные отношения, предложениями с союзами *не то... не то...* — разделительно-предположительные и т. д.

Однако это совсем не означает, что сами предложения с союзами типа *то... то..., то ли... то ли...* не могут характеризоваться своими частными значениями. Такие значения возможны, однако они будут уже другого уровня абстракции — более конкретные. Именно по этой причине представляется возможным назвать рассматриваемые ниже предложения предложениями с союзами более конкретной семантики.

Среди предложений с разделительными союзами более конкретной семантики наиболее распространенными в современном русском языке являются предложения с союзом *то... то...*, за ними следуют предложения с *то ли... то ли* и далее — предложения с *ли... или...* и предложения с *не то... не то...* В сложносочиненных предложениях с союзом *то... то...* выражаются, как уже говорилось, альтернативно-временные отношения. В этих предложениях, как и в соответствующих предложениях с союзами *или* и *либо*, явления, о которых сообщается в сочиненных компонентах, подаются не как абсолютно исключаящие друг друга, а как исключаящие друг друга только из своего временного плана. Однако если в предложениях с союзами *или* и *либо* данные отношения выражаются специальными средствами лексико-грамматического наполнения компонентов, то в рассматриваемых предложениях альтернативно-временные отношения выражаются именно союзом. Ср.:

¹Интересно отметить, что в древнерусском языке *либо* (современный *либо*) часто использовался вместе с противительными союзами, тогда как у *или* такой особенности не наблюдалось. См. уникальные данные А. Н. Стеценко в его работе «Сложносочиненные предложения в древнерусском языке» (Томск, 1962. С. 104). Ср. также данные В. Н. Перетрухина о *либо* в простом предложении. Он считает *либо* союзом более четкого значения сравнительно с *или* (Перетрухин В. Н. Типы разделительных отношений и способы их выражения в простом предложении ... С. 7).

То космонавты казались ему особенными, во всем его превосходящими людьми, то Алексей начинал видеть в них таких же молодых летчиков-истребителей. (Семенов. Космонавты живут на земле).

Самое общее значение, специфичное для предложений с союзом *то... то...*, можно выразить так: «В разное время реализуются разные явления». Однако в более конкретном плане в этих предложениях обнаруживаются и другие значения. Так, в них может выражаться значение попеременной смены, чередования одних и тех же явлений, событий и т. д. Напр.:

Они то перебивали друг друга вопросами, то оба враз останавливались и хохотали. (Сартак. Философский камень).

Могут быть также и предложения со значением последовательности проявления разных фактов, событий и т. д. во времени. Ср.:

То подлипкицы ходили к нам, то наши повалили туда в гости. (Овечк. В том же районе).

Предложения с союзом *то... то...* выступают, как правило, со значением определенности взаимоисключения и поэтому обычно бывают повествовательными.

В предложениях с союзом *ли... или...* выражаются разделительно-предположительные отношения. Эти предложения по значению соответствуют вопросительным разделительно-предположительным предложениям из числа предложений с союзом *или*. В них выражается и значение неопределенности того, какое из взаимоисключающих явлений окажется реальным, и значение побуждения к снятию этой неопределенности (значение поиска ответа). Поэтому все такие предложения являются вопросительными независимо от того, обозначена ли эта особенность на письме знаком вопроса или нет. Ср.:

Ты ли это, или привиделось мне? (Колых. Дикие побеги); *Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно сюда приехала, чтобы меня встретить?* (Лерм. Герой нашего времени); *Время ли стерло следы событий, или их вовсе тут не было?* (Федос. Злой дух Ямбуя).

О прямой соотнесенности таких предложений с вопросительными разделительно-противительными предложениями с союзом *или* свидетельствует и тот факт, что многие предложения с *ли... или...*, как и соответствующие предложения с *или*, не поддаются или с трудом поддаются преобразованию в повествовательные.

В предложениях с *то ли... то ли... и не то... не то...* также выражаются разделительно-предположительные отношения. Однако при наличии в этих предложениях значения неопределенности в них отсутствует значение побуждения к ее снятию, к поиску более точной информации. Поэтому предложения с данными союзами по своему значению соответствуют тем разделительно-предположительным предложениям с союзом *или*, в которых значение неопределенности

выражается модальными словами со значением предположительности. Напр.:

1. Предложения с союзом *то ли... то ли...*:

То ли врача опоздали позвать, то ли домашнее снабдьё во вред... (Матушк. Любаша).

2. Предложения с союзом *не то... не то...*:

Вскоре его не то назначили директором другой школы, не то отправили на курсы повышения квалификации. (Чак. Невеста).

Различия семантики предложений с союзом *то ли... то ли...*, с одной стороны, и с союзом *не то... не то...* — с другой, очень нечеткие. Более или менее определенно в настоящее время можно сказать лишь то, что они различаются по степени выраженности вопроса. В предложениях с союзом *то ли... то ли...*, содержащих в себе вопросительный элемент *ли*, оттенок вопроса выражен в большей степени, в предложениях с союзом *не то... не то...* — в меньшей (если он вообще имеет здесь место).

Сложносочиненные предложения с союзом *ли... ли...* употребляются, видимо, только в составе более сложных предложений. Ср. примеры из «Грамматики русского языка» (1954. Т. II. Ч. II.):

Узнал ли он его, стыдно ли ему стало чужого человека, только он вдруг повернулся на пятках, по-медвежьи, и, закусив бороду, заковылял в станционную избу. (Тург. Дым); *Алексей Петрович не мог достоверно сказать, была ли то Мордвинская, скользнувшая, как призрак, в черной гондоле, обмануло ли его случайное сходство.* (Толст. Хромой барин).

Таким образом, в современном русском языке разделительные предложения с союзами более конкретной семантики есть не что иное, как реализация тех отношений, которые выражаются в предложениях с союзами широких абстрактных значений. При этом возможность выражения в предложениях с особыми союзами получают разделительно-временные отношения (в предложениях с союзом *то... то...*), разделительно-предположительные отношения с оттенком побуждения к поиску точной информации (в предложениях с союзом *ли... или...*) и разделительно-предположительные отношения без оттенка побуждения к поиску точной информации (в предложениях с союзами *то ли... то ли...* и *не то... не то...*). Возможности выражения в предложениях со специальными союзами получили и разделительно-мотивировочные отношения, отмеченные нами в построениях с союзом *или* и с союзом *либо*. Эти отношения могут выражаться также в предложениях с союзами *а то, а не то, не то*. Ср.:

Уходите, а то оружие применю. (К. Сим. Живые и мертвые). *Скажем: проси пощады, а не то — всыплем с перцем, с собачьим сердцем.* (Нов.-Приб. Порченый); *Дуй отсюда, не то худо будет!* (Калашн. Разрыв-трава).

Такие предложения требуют специального рассмотрения.

СЛОЖНОЕ БЕССОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Н. Н. Сергеева

Об истинных бессоюзных и квазибессоюзных сложных предложениях¹

- Задания.** 1. Что понимает автор статьи под «квазибессоюзными сложными предложениями»?
2. Какие типы бессоюзных конструкций относятся к «истинным бессоюзным сложным предложениям»? Каковы доводы автора статьи в пользу этого?

Несмотря на признание того, что бессоюзные сложные предложения (БСП) в рамках сложного предложения противопоставлены союзным (сложносочиненным и сложноподчиненным), т. е. БСП представляет собой структурно-семантический тип сложного предложения (этот взгляд, как известно, сформировался в 50-е годы нашего века)², в научной литературе продолжается обсуждение вопроса о БСП³.

Бессоюзные предложения способны выражать те же отношения, что и союзные (сопоставления, противопоставления, причины, условия, следствия и др.), в то же время имеют место БСП, не соотносящиеся по выражаемым ими отношениям с союзными предложениями, напр.: *Простой факт: подписные массовые издания без всякой рекламы с каждым годом приобретают все новых подписчиков* (газ.). Это обстоятельство затрудняет классификацию БСП: достаточно сказать, что В. А. Белошапкова, не считая возможным классифицировать БСП на основании семантического критерия (см. классификацию Н. С. Поспелова)⁴, делает попытку классифицировать

¹ Печатается по: Сложное предложение в системе других синтаксических категорий. Л., 1984. С. 84–91.

² *Виноградов В. В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // Исследования по русской грамматике. М., 1975; *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967; *Ильенко С. Г.* Бессоюзные предложения в русском языке: Лекции по курсу современного русского литературного языка. Л., 1961.

³ *Кирпичникова Н. В.* Изъяснительные бессоюзные предложения // Вопросы русского языкознания. М., 1976. Вып. 1; *Вальтер Д. Я.* К вопросу о бессоюзных сложных предложениях // Филологические науки. 1964. № 2 и др.

⁴ *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений.

БСП на основании интонации¹, а затем отказывается от этого основания², дифференцируя БСП на формальном основании. В результате такой классификации выделяется только три типа БСП, части которых имеют формальные различия, основная же масса БСП формальных различий в частях не имеет и дифференцируется далее на основании семантического критерия³. Таким образом, данная классификация далеко не в полной мере отражает специфику БСП.

Неслучайно авторы «Русской грамматики» (1980) отказываются от термина «сложное бессоюзное предложение», именуя то, что стоит за ним, «бессоюзными сочетаниями предложений», выводя таким образом бессоюзные предложения за рамки сложного предложения на основании отсутствия формально выраженной связи между частями БСП⁴. Думается, что такой подход к решению проблемы о БСП не снимает саму проблему бессоюзного предложения, несомненно обладающего яркими специфическими чертами⁵, а напротив — заставляет вновь вернуться к анализу каждого из его смысловых типов.

Изучение типов БСП может идти в направлении отделения «истинных» бессоюзных предложений от квазибессоюзных предложений (бессоюзных вариантов союзных предложений, с одной стороны, и бессоюзных сочетаний предложений — с другой⁶. Критериями истинности БСП могут служить: 1) структурно-семантическое своеобразие БСП, не допускающее при его проявлении преобразования бессоюзного предложения в союзное (определяющий критерий для выделения истинных БСП);

2) специфический интонационный рисунок БСП — единый для истинных БСП (интонационный разрыв между предикативными частями, обеспечивающий самостоятельность строения постпозитивной части); 3) отсутствие стилистической отмеченности, т. е. возможность употребления предложений во всех функциональных стилях и языке художественной литературы⁷.

Обязательным условием «истинности» БСП является наличие в его первой части типизированной (поясняемой) лексемы, прогнозирующей вторую (поясняющую) часть. Таким образом, поясняемая лексема выступает и как средство формирования БСП, и как показатель связи между его частями, т. е. как грамматическое средство

¹ Современный русский язык. Ч. II. Морфология. Синтаксис. М., 1964.

² Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967.

³ Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М, 1978.

⁴ Русская грамматика. М., 1980. Т. 2. С. 465.

⁵ «Отличаются они от других типов сложных предложений своей компактностью и своими широкими возможностями сцепления и объединения простых предложений». См.: Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 288.

⁶ Сергеева Н. Н. О понятии и типологии изъяснительной конструкции // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск, 1980.

⁷ Сергеева Н. Н. Указ. соч.

(на роль лексических элементов в организации БСП обратил внимание В. В. Виноградов: «...становится все более ясным, что в способах связи частей бессоюзного предложения нередко играют очень большую роль лексические элементы, которые типизируются, обобщаются и выступают вместе с интонацией в качестве своеобразного синтаксического средства объединения предложений в бессоюзное сложное целое»¹). Подчеркнем, что наличие поясняемой лексемы только прогнозирует БСП, т. е. сигнализирует об объективно существующей внутренней возможности языка «породить» бессоюзное предложение в ряду других возможностей выражения пояснительных отношений (поясняющие члены простого предложения, поясняющий текст).

Если исходить из того, что истинные БСП, сформированные на основе типизированной лексемы, являются выразителем пояснительных отношений (пояснение понимается нами шире, чем отношение общего и конкретного: пояснить — «объяснить, внося отдельные замечания, уточняя детали»², к истинным БСП оказывается возможным отнести три типа БСП: 1) БСП конкретизации: *Однако есть единственно возможный абсолют: человек может быть счастливым только в детстве* (Бонд. Выбор); 2) БСП изъяснительные: «Мне представлялось в десять лет: огромна жизнь, конца ей нет» (Сав. Жизнь);

3) БСП обоснования: *Вначале Павел испытывал неловкость: все-таки гости!* (Катас. Кому нужна синяя птица). Обоснованием для выделения данных типов является функция поясняющей части, предопределяемая характером типовой семантики поясняемого слова. При этом центральное место в сфере бессоюзия занимают БСП конкретизации, так как, с одной стороны, отношение общего и конкретного является существом пояснения³, а с другой — БСП конкретизации не соотносятся ни со сложносочиненными, ни со сложноподчиненными. Последний аргумент, казалось бы, может быть оспорен: БСП конкретизации соответствуют сложные предложения с пояснительными союзами «а именно», «то есть», напр.: *В настоящей статье нас интересует признак полипредикативности с другой стороны, а именно: составляет ли он специфику сложного предложения* (Валим. Сложное предложение и сочетание предложений). Однако, во-первых, союзные предложения конкретизации не отличаются от бессоюзных в структурном отношении (они легко преобразуются одно в другое); во-вторых, в союзных предложениях сохраняется интонация бессоюзного предложения (интонационный разрыв имеет место после союза); в-третьих, союзные предложения

¹ Виноградов В. В. Указ. соч. С. 288.

² Словарь синонимов / под ред. А. А. Евгеньевой. Л., 1975. С. 315.

³ Кирпичникова Н. В. Бессоюзное сложное предложение, в котором вторая часть поясняет одно из слов первой части // Русский язык в школе. 1956. № 6.

чрезвычайно малоупотребительны и стилистически маркированы (они являются преимущественной принадлежностью научного стиля). И, наконец, союзы «а именно», «то есть» одинаково трудно называть как сочинительными, так и подчинительными. Все это дает основание считать союзные предложения конкретизации союзным вариантом бессоюзного предложения.

1. Бессоюзными сложными предложениями конкретизации мы называем такие БСП, постпозитивная часть которых конкретизирует поясняемую лексему первой части с неконкретной (обобщенной, широкой) семантикой. К этому типу БСП относятся: а) предложения конкретизирующего замещения, в которых поясняемое слово (местоимение, местоименное наречие) вообще лишено значения (денотативного, сигнификативного), поэтому поясняющая часть, конкретизируя поясняемое слово, замещает его, напр.: *А факты такие: Мигулину теперь сорок шесть* (Триф. Старик); *Да, так и есть: слишком много работает* (Е. Ил. Неутомимый путник); *Но вот что изменилось: если до начала массовой иммунизации ею (корью) болели в основном дети младше семи лет, то теперь — преимущественно в возрасте 8–15 лет* («Здоровье», 1981, № 1) и т. п.; б) предложения конкретизирующего ограничения, в которых поясняемое слово имеет сигнификативное (обобщенное) значение, представляющее возможность его конкретизации путем ограничения понятия, обозначенного поясняемой лексемой. Таким образом, между поясняемым словом и конкретизирующей частью возникают отношения общего и частного (рода и вида). Подобные отношения создаются словами типа «признак», «принцип», «факт», «обстоятельство», «случай», «итог», «сходство», «странность», «примета», «формулировка», «процесс», «рецепт», «профессия», «вариант», «качество», дейктическими глаголами типа «делать», «работать» и т. п. Напр.: *За многие годы моего существования я выработал рецепт человеческого счастья: стань на место очень хорошего и обязательно очень талантливого человека — и никакого тебе больше счастья не надо* (Светл. В ночь под пятьдесят); *Каждый срок несет свои приметы: на совсем недавнем рубеже недооцененные поэты нынче перехвалены уже* (Ванш. Городской мотив); *Позаботьтесь о том, чтобы ребенку было легче дышать: прочищайте ему нос ватными фитильками, смоченными слегка подогретым вазелиновым маслом* («Здоровье», 1981, № 1) и т. п.

Ограничительная функция конкретизирующей части по отношению к поясняемой лексеме поддерживается лексемами ограничительной семантики типа «один» (одна, одно), «единственный» (-ая, -ое, -ые), «соответствующий» и др., благодаря которым конкретизирующая часть становится структурно обязательной, напр.: *Этот человек, помимо прочих, обладал еще одним, неоценимым, на мой взгляд, качеством: он редко ошибался* (Оганес. Мальчик на качелях); в) предложения конкретизирующей дифференциации, в которых поясняемая лексема содержит в значении сему собирательности,

всеобщности (*все, везде*), множественности (*дилемма, двойка, трижды* и др.)¹, благодаря чему постпозитивная часть, представляющая собой открытую структуру (несколько однородных предикативных единиц или предикативную единицу с однородными членами), дифференцирует, расчленяет значение поясняемой лексемы, напр.: *Лукьянова теряет все: на ее глазах гибнет раненый муж, гибнет ребенок, брошенный фашистским офицером под гусеницы танка* (Белоус., Липк. Мастерство киноактера). Сема множественности может быть выражена грамматически (формой множественного числа существительного), например: *При совпадении субъекта с подлежащим они разводятся по разным уровням предложения: подлежащее в именительном падеже на уровень грамматический, а субъект в косвенном падеже на уровень семантический* (Золот. О субъекте предложения в современном русском языке)².

2. Бессоюзными сложными изъяснительными предложениями мы называем такие, постпозитивная часть которых изъясняет (дополняет) семантику поясняемого слова, входящего в класс слов со значением информации (информационных лексем)³. БСП изъяснительные не занимают центрального места в сфере бессоюзных предложений вследствие их соотносительности со сложноподчиненными изъяснительными предложениями, которая, однако, не является полной. Неполнота соотносительности связана со структурным своеобразием изъяснительного БСП, которое в свою очередь определяется его интонацией — коммуникативно-значимой⁴, характерной для истинных БСП. Так, с интонационным разрывом между частями связана невозможность некоторых групп информационных лексем образовывать БСП изъяснительные: не образуют их лексемы со значением желательности (*жаждать, желать, хотеть* и др.), поскольку наличие паузы между частями препятствует выражению недифференцированной гипотетичности в постпозитивной части, имеющей место в сложноподчиненных изъяснительных предложениях (союз «чтобы» + форма глагола на «л»), и требует дифференцированного выражения гипотетичности, однако специальных средств для выражения гипотетичности желательности не имеется. Не образуют БСП изъяснительных с констатирующей постпозитивной частью лексемы с элементом недостоверности в значении, а также со значением отсутствия информации (*забывать, не знать, не помнить, непонятно, неясно, сомневаться* и др.), так как при наличии паузы между частями констатация факта во второй части противоречит отрицанию его (или сомнению в его реальности) в первой части. Структурная специфика

¹ *Новицкая И. М., Пашевская Т. А.* Некоторые аспекты межфразовой связи // Вестник ЛГУ. 1981. Вып. 1. № 2. История — язык — литература. С. 74.

² Примеры демонстрируют принадлежность БСП конкретизации ко всем функциональным стилям.

³ *Сергеева Н. Н.* Указ. соч.

⁴ *Ильенко С. Г.* Указ. соч. С. 18.

БСП изъяснительных проявляет себя также в свободном построении постпозитивной части (слово-предложение, номинативное предложение, прямое выражение лица и побудительной модальности, наличие вопросительных частиц), например: *И стало бы ясно: да или нет* (Лих. Солнечное затмение); ... *редакторы и друзья не переставали повторять: стиль, стиль, как ты пишешь?* (Л. Выстрел в спину); *Я ему говорю: ты не волнуйся* (Адам. Короткое замыкание).

Семантическое своеобразие БСП изъяснительных заключается в том, что информационная лексема, формирующая БСП изъяснительное, должна быть семантически весомой: *Я гляжу и думаю: как все предусмотрено, каждая мелочь* (Богомол. Сердца моего боль); *Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья* (Пушк. К Чаадаеву), поэтому невозможны БСП изъяснительные с опорными информационными лексемами оценки или отношения к сообщаемому (*беда, естественно, несомненно, плохо, похоже, славно, хорошо* и др.), не выражающими пропозиционного значения, т. е. семантическая асимметрия, характерная для сложноподчиненных изъяснительных предложений¹, исключена в изъяснительных БСП. БСП изъяснительные знают все функциональные стили: большое распространение они имеют в публицистическом стиле и языке художественной литературы (см. примеры выше), редки они (однако встречаются) в деловом и научном стиле, например: *Отсюда вполне естественно заключить: раз нет специальных средств, то говорить о языковой категории нет смысла* (Комар. О лингвистическом статусе каузальной связи).

3. Бессоюзные сложные предложения обоснования характеризуются тем, что их постпозитивная часть мотивирует поясняемую лексему, содержащую в значении сему «несоответствие, отклонение от нормы явления (факта, действия), называемого поясняемым словом»².

Несмотря на общую тенденцию соотносительности со сложноподчиненными предложениями причины, БСП обоснования могут рассматриваться как один из типов истинных БСП, а не как сложноподчиненное предложение причины с опущенным союзом (бессоюзный вариант сложноподчиненного предложения). Во-первых, в БСП обоснования устанавливаются отношения пояснения, типичные для БСП, во-вторых (и это решающее обстоятельство), мотивирующая часть, благодаря интонационному разрыву между частями, допускает свободное построение, может иметь иную, чем мотивирующая часть, целеустановку и эмоциональную окраску, вследствие чего нет полной соотносительности между БСП обоснования и сложноподчиненными предложениями причины, например, несоотносительны с сложнопод-

¹ Хегай В. М., Шмелева Т. В. Предикативность и пропозиитивность в простом и сложном предложении // Синтаксис сложного предложения. Калинин, 1978. С. 117 — 118.

² Киртичкинова Н. В. К изучению семантики сложного предложения современного русского языка (на материале бессоюзных конструкций со значением мотивации) // Вестник МГУ. 1981. Сер. 9. Филология. № 2. С. 36.

чиненными следующие БСП обоснования: *А потом, уже перед экраном телевизора, был восхищен просто как зритель: так сыграть классику, вопреки сложившимся канонам и представлениям, — и добиться успеха (газ.); В смерти брата Анна винила себя: почему она была так невнимательна, так небрежна?* (Черногол. Два дня до весны).

БСП обоснования находятся на границе БСП и СПП, однако не только по причине их соотносительности: истинные БСП по своей природе должны быть одночленами, коль скоро их формирует типизированная лексема (таковы БСП конкретизации и изъяснительные). БСП обоснования в этом аспекте имеют особенность: поясняющая часть семантически мотивирует одну лексему, а синтаксически тяготеет к предикативному центру поясняемой части, т. е. соотносится со всей частью, например: *Получился каламбур: они действительно больше не поют дуэтом* (Нагиб., Дорожное происшествие), где семантически мотивируется слово «каламбур», а синтаксически обстоятельственная мотивирующая часть тяготеет к сказуемому «получился». Весьма часто сказуемое, являясь грамматическим центром первой части и синтаксическим организатором сложного предложения, заключает в себе семантический признак, допускающий его мотивировку как типизированной лексемы, напр.: *Печальны были наши встречи: Его улыбка, Чудный взгляд, Его язвительные речи Вливали в душу холодный яд* (Пушк. Демон).

Наличие общих существенных черт у истинных БСП делает весьма зыбкой границу между ними. Так, можно выделить а) БСП конкретизирующего обоснования типа: *Одна беда: не признавала стихов, пересказывала их прозой* (Грек. Вдовый пароход), где слово «беда» в силу обобщенности значения конкретизируется, а в силу наличия семы «отклонение от нормы» мотивируется; б) БСП обосновывающего изъяснения типа: *Одна Анфиса не ревновала, радовалась: слава богу, Федору есть куда пойти, отвести душу* (Грек. Вдовый пароход), в котором слово «радовалась» изъясняется (радовалась чему?) и мотивируется (радовалась почему?).

Бессоюзные варианты союзных предложений характеризуются 1) полной структурной, семантической и интонационной соотносительностью их с союзными предложениями; 2) стилистической мотивированностью. Эти признаки позволяют отграничить от истинных БСП изъяснительных сложноподчиненные изъяснительные предложения с опущенным союзом типа *Думал, прошлое не забудется* (Федор. Думал, прошлое...). Такие предложения не имеют ни «структурной, ни интонационной специфики, следствием чего является их полная соотносительность с сложноподчиненными изъяснительными предложениями¹. Информационная лексема в них теряет семантический вес и сближается с вводным словом: *Знает, надо прибрать в комнате, протереть тряпкой пол* (Бубнис. Цветение

¹ Сергеева Н. Н. Указ. соч. С. 247–248.

несеянной ржи); они обладают гибкой структурой, стилистически отмечены: употребляются преимущественно в устной речи, весьма редки в кодифицированном литературном языке (в языке художественной литературы отражают стихию устной речи).

Если принять выдвинутые выше критерии «истинности» бессоюзного предложения и критерии выделения бессоюзных вариантов союзных предложений, то представляется возможным считать бессоюзными вариантами союзных предложений условные, временные, сопоставительные и противопоставительные предложения (объем данной статьи, однако, не позволяет дать их анализ).

Бессоюзные варианты союзных предложений могут быть названы квазибессоюзными предложениями. К квазибессоюзным предложениям относятся также бессоюзные сочетания предложений (элементарные текстовые последовательности¹), которые отличаются от истинных БСП отсутствием типизированной лексики, прогнозирующей поясняемый элемент: по воле говорящего в единый коммуникативный блок (с помощью интонации или пунктуации — в зависимости от воплощения сообщаемого) объединяются отдельные предложения, смысловые отношения между которыми могут быть весьма неопределенными, допускающими неоднозначное толкование, например: 1) *На другой день дом наполнился множеством людей — все говорили, сморкались, кашляли* (В. Андр., Дом на Черной речке); 2) *Все имеет свой конец — эта плоская мысль не давала мне покоя* (Зор. Старая рукопись).

Бессоюзными сочетаниями предложений Г. В. Валимова считает также открытые ряды предложений, поскольку перечислительные отношения нельзя отнести к синтаксическим: при перечислении явления только называются, однако связи между ними не устанавливаются².

С. Г. Ильенко

Бессоюзиe в системе сложного предложения современного русского литературного языка³

Задания. 1. Сопоставьте точки зрения автора этой статьи и автора предыдущей статьи. Какие явления выделяются автором статьи в рамках бессоюзия?

¹ Покусаенко В. К. О роли лексических элементов в установлении структурно-семантической связи между компонентами бессоюзного сложного предложения // Семантическая структура предложения. Ростов, 1978. С. 130.

² Валимова Г. В. Сложное предложение и сочетание предложений // Теоретические проблемы индоевропейских языков. Л., 1975. С. 186.

³ Печатается по: Ильенко С. Г. Русистика. Избранные труды. СПб., 2003. С. 317–325. Статья впервые опубликована в 1984 г. в сб. «Синтаксические структуры».

2. Какие конструкции не относятся автором статьи к сложному бессоюзному предложению? Почему?

Бессоюзное предложение вновь привлекает внимание синтаксистов, что в определенной мере объясняется выходом в свет «Русской грамматики»¹. Этот значительный труд, представивший завершённую синтаксическую концепцию, ориентированную на трехаспектное изучение предложения (имеется в виду формальная структура, семантическая структура и актуальное членение), потребовал критического осмысления трактовки ряда синтаксических категорий. Сложное предложение в целом и бессоюзие, в частности, входит в этот ряд.

Сложное предложение трактуется «Русской грамматикой» как такая синтаксическая категория, единственным средством связи предикативных единиц в которой являются союзы и союзные слова. Между тем в исследованиях 60–80 годов², появившихся вслед за работами Н. С. Поспелова³, отстаивалась идея семантико-грамматического единства сложного предложения: в число средств связи предикативных единиц стали включать не только специализированные лексико-грамматические показатели (союзы, союзные слова, соотносительные слова, частицы), но и целый ряд собственно грамматических факторов: соположение предикативных единиц, их порядок следования, видо-временные и модальные соотношения глаголов-сказуемых, порядок слов в предикативных единицах, интонация.

Собственно грамматические факторы сами по себе не устанавливают семантических отношений между предикативными единицами (построения с условными отношениями типа: *Умри я сегодня, что с вами будет?* — являются уникальными). Однако важен факт создания отношений, характер которых проявляется при анализе взаимодействия всей грамматической организации сложного предложения с ее конкретным лексическим наполнением. Здесь следует со всей определенностью подчеркнуть, что и союзы сами по себе, без соотношения с другими факторами структуры сложного предложения и конкретным лексическим наполнением, также не могут однозначно сигнализировать о типе семантических отношений. Напомним хотя бы многозначность союзов *если, когда, хотя* и др.:

Друга я никогда не забуду, если с ним повстречался в Москве (Гус.); *Один, если он и велик, все-таки мал* (Горьк.); *Если с буквами Остап кое-как справлялся, то для художественного изображения сеятеля уже не оставалось никаких ресурсов* (Ильф и Петр.).

¹ Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980. Т. II.

² См.: Белошаткова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. М., 1967; Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1971. и др.

³ Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка / под ред. В. В. Виноградова. М., 1950. и др.

Думается, что ориентация в определении объема сложного предложения исключительно на лексико-грамматические средства связи (а конкретнее — на союзы и союзные слова) есть абсолютизация этих средств, порожденная стремлением к одномерной оценке специфики сложного предложения. Вряд ли подобная одномерность оправдана.

Бессоюзие выводится «Грамматикой» за пределы сложного предложения, так как оно «не является грамматической связью»¹.

Этой точке зрения противопоставлен ряд других; сошлемся на три наиболее распространенные:

1) подведение бессоюзия под сочинение и подчинение, характерное не только для «допоспеловской» трактовки бессоюзного предложения, но и для современных работ²;

2) сведение бессоюзия к сочинительной связи³;

3) выделение бессоюзия как специфической недифференцированной связи, где «снято противопоставление сочинительной и подчинительной связи»⁴.

Последняя позиция представляется нам наиболее плодотворной. Известная нерешительность в практическом использовании подобного подхода к бессоюзью связана, возможно, с некоторым терминологическим неудобством. Термин «недифференцированная синтаксическая связь», в отличие от терминов «сочинительная связь», «подчинительная связь», словообразовательно не соотносен с названием типа сложного предложения. Кстати, и термин «бессоюзное предложение», весьма приемлемый и выразительный для «допоспеловской» трактовки этой категории, не является удачным при его новом осмыслении. Если вслед за В. А. Белошапковой выделять недифференцированную синтаксическую связь, существующую между предикативными единицами, то самое единство, состоящее из этих единиц, следовало бы назвать «сложным недифференцированным предложением». Некоторая необычность этого термина для русской традиции толкает к новым терминологическим экспериментам. Одно из решений вижу в возможности использовать термин «сопряжение» для названия синтаксической связи, существующей между предикативными единицами в построениях такого рода, как: *Опомнилась, глядит Татьяна: Медведя нет; она в снях* (Пушк.). Сложное же предложение такого типа можно было бы назвать сложносопряженным.

Термин «сопряжение», во-первых, вписывается в терминологический ряд — «сочинение» и «подчинение», отражающий специфи-

¹ Русская грамматика. С. 465.

² *Сабанеева М. К.* Об одном виде бессоюзной связи // *Филологические науки.* 1970. №5. С. 44.

³ Эта позиция, известная уже в XIX в. (см.: *Греч Н. И.* Практическая грамматика. 2-е изд. СПб., 1834), характерна и для более поздних работ; см., напр.: *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации. М., 1955. С. 14.

⁴ *Белошапкова В. А.* Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977. С. 236.

ку линейной грамматики, а во-вторых, раскрывает сущность детерминированной таким образом связи, представленной соположением предикативных единиц, сопряженных и интонационно.

Однако, настаивая на соответствующих уточнениях, мы имеем в виду не только собственно терминологическое упорядочение. Дело в том, что под термин «бессоюзное предложение» до сих пор подводятся, по существу, разные явления:

1) стилистически экспрессивные варианты сложносочиненного и сложноподчиненного предложений; 2) бессоюзные предложения невариативного характера; 3) сложноподчиненные предложения с лексико-грамматическим средством связи; 4) псевдобессоюзные предложения, представляющие собой сочетание самостоятельных предложений.

Охарактеризуем каждое из названных явлений.

1. Стилистически экспрессивными вариантами сложносочиненных и сложноподчиненных предложений можно считать лишь такие бессоюзные построения, которые характеризуются следующими особенностями:

полным уподоблением семантической характеристики соответствующему союзному сложному предложению, что, в частности, подтверждается возможностью однозначно «восстановить» союз;

наличием у предикативных единиц собственно-структурных признаков, обнаруживающих их грамматическую предназначенность для вхождения в более объемную синтаксическую конструкцию (иначе говоря — неавтосинтаксичность предикативной единицы). Это последнее проявляется в незанятой синтаксической позиции (1), в определенном модальном соотношении глаголов-сказуемых (2), в синтаксическом параллелизме предикативных единиц (3): 1) *Вдруг вижу: от табора спешно Радда идет* (Горьк.); 2) *Увидишься с Горьким, поговори с ним* (Чех.); 3) *Мы уже не прежние: я сильна, ты жалок* (Трен.);

стилистической ограниченностью в употреблении (прикрепленностью к разговорной, художественно-литературной и публицистической сфере).

Совокупность названных особенностей дает возможность рассмотреть в качестве стилистических вариантов сочинения и подчинения всего лишь несколько бессоюзных структур, а именно:

1) предложения с противительно-сопоставительными отношениями: *Ты богат, я очень беден* (Пушк.);

2) предложения с определительно-следственными отношениями, в первой предикативной единице которых используется указательное местоимение (или наречие) с усилительным значением, во второй предикативной единице (с опущенным союзом *что*) указывается на следствие, уточняющее меру признака: *Как только Семен Григорьевич уходил на свой завод, в доме устанавливалась такая тишина — котенок прокрадется на мягких лапках, и то слышно* (Д. Бедн.);

3) предложения с изъяснительными отношениями, в первой предикативной единице которых при контактных (опорных) словах говорения, мысли, восприятия, чувства имеется незамещенная синтаксическая позиция: *Надо признаться: все потускнело вокруг, вся жизнь поблекла* (Тург.); *Самгин не без удовольствия замечал: Варваре скучно* (Горьк.);

4) предложения с условными отношениями, во второй предикативной единице которых употребляется глагол-сказуемое в форме повелительного наклонения, соотносенный с формой изъяснительного наклонения глагола-сказуемого первой предикативной единицы: *Скучно тебе жить — займись чем-нибудь* (Горьк.); *Хочешь жить — гляди вперед* (Михалк.).

По отношению к данным предложениям можно воспользоваться идеей С. И. Дорошенко о признании нулевого показателя синтаксическим средством связи, имея в виду его противопоставление материально выраженному показателю¹. Однако нулевой показатель должен соотноситься не со служебным элементом вообще, а с конкретным средством связи. Это оставляет возможность сохранять применительно к рассматриваемым конструкциям термин «бессоюзное предложение». В первом случае мы имеем дело со сложным предложением, в котором возможен, но отсутствует союз *но*, во втором и третьем — изъяснительный союз *что*, в четвертом — условный союз *если*. Заметим в связи с этим, что использование в грамматическом описании нулевого показателя подтверждает системность парадигматических отношений (ср. нулевое окончание), не изменяя квалификации грамматического факта.

Утверждение С. И. Дорошенко о том, что нулевой показатель является одним из средств синтаксической связи, именуемой бессоюзной, весьма уязвимо, поскольку «связь без связи» существовать не может. Нулевой показатель в данном случае не становится средством связи, а сигнализирует о пропуске сочинительного союза. Подобно этому пропуск подчинительного союза не считается ликвидацией сложного предложения.

Сказанное позволяет использовать термины — «бессоюзное предложение, вариативное сложносочиненному с соответствующим союзом»: *День меркнет ночью, человек печалью* (Бун.); «бессоюзное предложение, вариативное сложноподчиненному»: *Пойми: в тебе говорит не любовь, а упрямство честной натуры* (Чех.). Если же согласиться с ориентацией на новый термин, то подобные предложения следует назвать сложносопряженными предложениями, вариативными сложносочиненным (или сложноподчиненным) предложениям.

В качестве вариативных сложносочиненным (1) и сложноподчиненным (2) — (4) предложениям нередко выступают и такие струк-

¹ См.: *Дорошенко С. И.* Бессоюзные сложные синтаксические конструкции в современном украинском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1981.

туры, в которых предикативные единицы носят автосинтаксический характер, т. е. не несут на себе отпечатка приспособленности для вхождения в более объемную конструкцию (сложное предложение). Благодаря этому подобные сложные предложения с перечислительными, временными, причинно-следственными отношениями должны быть квалифицированы как переходный этап от сложного предложения к сочетанию простых (самостоятельных) предложений в тексте, в котором существуют также названные отношения. Ср.:

1) *Поэма волновала меня мучительно и сладко, у меня срывался голос, я плохо видел строки стихов, слезы навертывались на глаза* (Горьк.); 2) *Раздается финальная ария, представление кончилось* (Григор.); *Княжеский титул на меня действовал: я недавно прочел «Разбойников» Шиллера* (Тург.).

Заметим при этом, что собственно лингвистический подход к данному явлению вступает в некоторое противоречие с методической интерпретацией, в особенности если иметь в виду преподавание бессоюзного предложения в школе. Возможность, а в некоторых случаях даже необходимость опустить некоторые грамматические частности в условиях школьного обучения позволяют не выделять переходные явления в качестве особой группы.

2. Бессоюзными невариативными, а точнее, **сложносопряженными, предложениями** являются такие, семантико-структурная организация которых отличается (в ряде случаев весьма значительно) от семантико-структурной организации сложных предложений с сочинительными и подчинительными союзами. Это отличие проявляется, в частности, в невозможности «восстановить» в таких «бессоюзных» сложных предложениях тот или иной союз.

Собственно сопряженные предложения, как сложные предложения в целом, включают в себя предикативные единицы «приспособленные» друг для друга не только содержательно, но и структурно. Они стабилизированы и в семантическом отношении.

Представляется целесообразным выделить три типа подобных предложений: пояснительно-конкретизирующие, созерцательно-результативные, пояснительно-усилительные¹.

Пояснительно-конкретизирующие сопряженные предложения характеризуются тем, что между предикативными единицами устанавливаются отношения общего и конкретного: *Первое правило сей науки должно быть: живи, как пишешь, и пиши, как живешь* (Батюшк.).

Синтаксическая приспособляемость характеризует обычно в таких предложениях ту предикативную единицу, которой свойственно обобщенное содержание, а синтаксическая несамостоятельность проявляется в эллипсисе ее структуры: *Отсюда вывод: никогда не*

¹ Несколько в ином плане эти предложения были даны в работе: Ильенко С. Г. Бессоюзные предложения в русском языке. Л., 1961.

упускайте из виду далеких горизонтов (Пауст.); *Нелепая, неправдоподобная весть: Алексей Алексеевич умер!* (Бун.).

Подобные безглагольные предикативные единицы чаще находятся в препозиции. Когда же они занимают постпозитивное место в сложном предложении, в их состав вводится частица *вот*: *Я красива — вот мое несчастье* (Горьк.); *И он [поэт] был молод, — вот его главное достоинство* (Горьк.).

Созерцательно-результативные предложения представляют собой конструкции типа: *Давыдов выглянул в окно: Молчун неподвижно стоял около крыльца* (Шолох.)¹.

Особенностью названных предложений является то, что во второй предикативной единице раскрывается итог восприятия субъекта, названного в первой предикативной единице, при этом сам глагол восприятия не воспроизводится: *Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа!* (Гог.). Не случайно, что весьма распространенными являются в данном случае такие препозитивные предикативные единицы, в которых сказуемое-глагол обозначает действие, непосредственно предшествующее созерцанию: *прислушаться* и т. д.:

Павел оглянулся на Данилу: тот безмятежно спал, широко разинув рот, и выводил носом жуткие звуки (Н. Остр.); *Девушка оглянулась — уже ночь пришла, и маленькие огни в развалинах мельницы горели все веселее* (Горьк.); *На повороте дорожки он [Самгин] оглянулся: Дронов еще сидел на скамье, согнувшись так, точно он собирался нырнуть в темную воду пруда* (Горьк.); *Я посмотрел на часы — ждать еще целых тридцать минут* (Медвед.); *Прислушался: погони нет* (Лерм.).

Пояснительно-усилительные предложения характеризуются значением развивающегося содержания единой темы, что подчеркивается повторением субъекта речи: *Все цело и благоухало, все хотело жить полной жизнью* (Тих.).

Средством, цементирующим единство подобных предложений, являются повторы. Характерно, что весьма часто эти повторы однотипны и в функционально-синтаксическом отношении: *И я не увидел их более — я не увидел Аси* (Тург.); *Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, ее любовь меня и радовала, и смущала* (Тург.).

Синтаксическая приспособляемость предикативных единиц друг к другу обеспечивается в данном случае повтором, осуществляющим взаимосвязанность данных конструкций.

3. К сложноподчиненным предложениям с лексико-грамматическим средством связи мы считаем возможным отнести бессоюз-

¹ Предложениями прерывистой структуры они называются в: *Хамзина Г. К. Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1967; Она же. Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1971. № 6.*

ные предложения типизированной структуры с анафорическими скрепами: *Видны все камешки на дне, настолько прозрачна вода*¹.

В таких предложениях указательно-усилительные слова выполняют функцию связи, позволяющую сопоставлять их с союзами и союзными относительными словами. Они обладают следующими признаками:

- закрепленностью позиции в одной из предикативных единиц (в данном случае начинают препозитивную часть);
- фиксацией определенных грамматических значений (в данном случае усилительно-причинных);
- фиксацией синтаксической приспособляемости (несамостоятельности) одной из предикативных единиц.

Для местоименно-указательных слов характерно логическое ударение, также способствующее созданию структурно-семантического единства подобных сложных предложений.

Сказанное позволяет рассматривать слова типа *так, такое, настолько* в качестве средств связи сложноподчиненного предложения и именовать их указательно-союзными словами в отличие от относительно-союзных слов, используемых в определительных, изъяснительных и других структурах сложноподчиненного предложения; ср.: *Нет водоема, который бы не иссяк, нет гор, которые не были бы размыты, нет раны, которую бы не затянуло* (Сераф.).

Таким образом, если принять во внимание высказанное суждение о расширении лексико-грамматических средств связи, то система сложноподчиненного предложения окажется представленной тремя разновидностями:

союзным подчинением: *Часто я спрашиваю себя — достаточно ли я страдал, чтобы быть писателем* (Пауст.);

относительным подчинением: *Антон Павлович был самым большим оптимистом будущего, какого мне только пришлось видеть* (Станисл.);

местоименно-указательным подчинением: *Засмеялся и Туробоев, тихонько и как-то сконфуженно, даже и Клим усмехнулся, — так забавен был детский испуг в светлых, растерянно мигавших глазах бородатого мужика* (Горьк.).

4. Псевдобессоюзные предложения, представляющие собой сочетание простых самостоятельных предложений, уже не раз привлекали внимание исследователей².

Можно согласиться с Г. В. Валимовой, выводящей за пределы сложных предложений открытые ряды с перечислительными отно-

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1970. С. 737.

² Обстоятельно рассмотрен этот вопрос в: Чупашева О. М. Соотносительность бессоюзных и союзных сложных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1979.

шениями: *Были слышны гневные крики, раздавались возгласы иронии* (Горьк.); *Было холодно, падал мокрый снег* (Эренб.)¹.

В единый коммуникативный фрагмент (если иметь в виду ориентацию лишь на пунктуацию, а иногда и интонацию) могут попадать (это зависит от субъективного решения пишущего или говорящего) простые предложения, способные к самостоятельному употреблению. Смысловые отношения между ними бывают самыми разнообразными, иногда приближаясь к тем, которые осуществляются в сложном предложении: *Это облако у вас кричит: оно освещено не по-прежнему* (Чех.); *Может быть, и встретимся, в каждой разлуке всегда сокрыта новая встреча* (Сол.).

Таким образом, своеобразная трактовка бессоюзных сложных предложений в «Русской грамматике», авторы которой вывели их за пределы сложного предложения как такового, требует возвращения к осмыслению этой острой синтаксической проблемы. Позиция авторов «Русской грамматики» в данном отношении представляется недостаточно обоснованной в лингвистическом плане и нецелесообразной — в методическом. В то же время нельзя не отметить, что само описание бессоюзных сочетаний сделано весьма тщательно и с учетом их взаимоотношений со сложным предложением.

Н. В. Кирпичникова

Изыяснительные бессоюзные сложные предложения²

- Задания.** 1. Каковы сходства и различия между изыяснительными бессоюзными сложными предложениями и сложноподчиненными предложениями с придаточным изыяснительным?
2. Что имеет в виду автор статьи, когда говорит о неоднородности изыяснительных бессоюзных сложных предложений?

Синтаксические конструкции, которые обычно относят к бессоюзным сложным предложениям, по своему строению чрезвычайно неоднородны. Одни из них имеют отчетливо типизированную структуру, к ним приложимо понятие структурной схемы сложного предложения. Другие же не обнаруживают в своем строении сколько-нибудь устойчивых черт и к сложному предложению как единице формально-грамматического уровня отнесены быть не могут.

¹ См.: *Валимова Г. В.* Сложное предложение и сочетание предложений // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков / под ред. В. Г. Адмони. Л., 1975.

² Печатается по: Вопросы русского языкознания. М., 1976. Вып. 1. С. 72–81.

Бессоюзные изъяснительные конструкции — *Теперь можно признаться: весь год во мне все-таки жила надежда* (Казак.); *В читательской почте нередко встречаешь упрек: мало наказали виновных* (газ.); *Можно было бы отослать его в библиотеку, но твердо уверен: в библиотеку он не пойдет* (Колесн.) — имеют такие структурные черты, которые, несомненно, характеризуют эти конструкции как сложные предложения. Они имеют безусловно типизированную структуру. Устойчивость их строения создается обязательным наличием в первой их части так называемого изъясняемого слова — слова с семантикой речи-мысли, восприятия, волеизъявления, оценки. При изъясняемом слове имеется синтаксически обязательная субъектно-объектная позиция, которая и замещается второй частью конструкции.

Чтобы выявить специфику изъяснительных предложений, необходимо прежде всего отграничить их от бессоюзных конструкций пояснительных (*Теперь им предстояло самое трудное: они должны были покинуть товарища, зная о том, что ему угрожает* (Фад.) и местоименных (... *мы сделаем так: адвокат будет задавать вопрос мне, а я уже вам* (газ.)), с которыми они в ряде случаев внешне сближаются, однако по принципу организации структуры резко отличаются и от пояснительных, и от местоименных¹.

Действительно же, по существу близки к ним союзные сложно-подчиненные предложения изъяснительного типа. Ср.: *Он увидел, что въехал в незнакомый лес. — Вдруг вижу: к дому подходит человек.*

Структурную близость тех и других конструкций выдвигают иногда как основание для трактовки бессоюзных изъяснительных конструкций как изъяснительных сложных предложений с опущенным или «нулевым» союзом. Фактический материал, однако, свидетельствует о неправомерности такого толкования бессоюзных изъяснительных конструкций в современном русском языке и характеризует их как независимые от союзных, самостоятельные сложные предложения.

Сопоставление бессоюзных и союзных изъяснительных сложных предложений показывает, что они совпадают по общему принципу организации структуры: те и другие образуются на основе реализации синтаксической валентности слова. Грамматическим стержнем той и другой конструкции является изъясняемое слово в составе главной части.

Изъясняемые слова, т. е. слова с семантикой речи, мысли, восприятия, отличаются тем, что способны не только к управлению

¹ См. об этом: *Киртичникова Н. В.* О синтаксическом термине *пояснение* // Исследования по современному русскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1970; *ее же.* Бессоюзные сложные предложения с конкретизацией местоимения // Исследование по славянской филологии. М.: Изд-во МГУ, 1974.

словоформами, но и к «фразовому управлению». Благодаря этому, распространяясь, они образуют вариативный ряд, в котором как соотносительные варианты выступают словосочетание и сложное предложение¹.

Изъяснительная конструкция в любом своем варианте — словосочетании или сложном предложении — является конструкцией с подчинительной связью. Грамматически главный ее компонент — изъясняемое слово, подчиненный компонент, появляющийся «по требованию» главного — зависимая словоформа или предложение (изъясняющий компонент).

Строение зависимого, изъясняющего компонента может быть весьма разнообразным. Это могут быть разные словоформы и разному оформленные предложения.

Различны формальные средства связи компонентов. В словосочетании связь может выражаться окончаниями управляемых существительных (в ряде случаев — вместе с предлогами) или неизменяемостью примыкающей словоформы (*сказал правду, думал о жизни, просил помощи, решил уехать, просил помочь*). В сложном предложении способов выражения этой связи гораздо больше, причем показатели связи могут находиться как в составе подчиненного, так и в составе главного компонента конструкции. Связь изъясняемого слова с распространяющим его предложением может быть выражена: 1) союзом в составе предложения (*подумал, **что** вы не придете; заметил, **как** он смутился; попросил, **чтобы** принесли кофе*); 2) союзом в предложении и указательным местоимением при изъясняемом слове (*услышал о том, что...; попросил о том, **чтобы**...; утверждение о том, **что**...); 3) вопросительно-относительным местоимением в предложении (*спросил, **который** час; подумай, с кем можно посоветоваться; вопрос, куда пойти учиться*); 4) указательным местоимением при изъясняемом слове и вопросительно-относительным — в предложении (*спросил о том, где (как, куда, кто)...; вопрос о том, **что** (где, куда, почему)...*); 5) указательным местоимением при изъясняемом слове (*решил **так**: скажу все прямо; у меня сложилось **такое** впечатление: он с нами хитрит*); 6) наконец, без каких-либо особых слов как показателей связи, только положением предложения непосредственно после изъясняемого слова (*вдруг видит: к дому подходит человек; потом подумал: никакой беды не произошло*).*

Разное оформление зависимого компонента и разные способы выражения связи между компонентами не влияют ни на грамматические отношения компонентов изъяснительной конструкции, ни на характер синтаксической связи между ними. Отношения во всех

¹О понятии вариативного ряда см.: Егорова И. Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных рядов) // Русский язык: грамматические исследования. М.: Наука, 1967.

случаях одни и те же: зависимый компонент раскрывает содержание предмета речи, мысли, восприятия и т. д. Синтаксическая связь также одинакова — во всех случаях подчинительная: зависимый компонент заполняет незанятую (или заполненную лишь чисто формально — указательным местоимением) синтаксическую позицию obligatory распространителя слова.

Таким образом, строение подчиненного компонента и способ выражения связи компонентов не являются постоянными признаками изъяснительной конструкции. Главный ее различительный признак — наличие изъясняемого слова. Нет изъясняемого слова — нет изъяснительной конструкции.

Вернемся к сопоставлению бессоюзной и союзной изъяснительных конструкций сложного предложения. Совпадение этих конструкций по главному структурному признаку не дает, конечно, основания для того, чтобы выводить одну конструкцию из другой, считать бессоюзную конструкцию структурной разновидностью союзной.

Каково соотношение этих конструкций по другим структурным признакам?

Как на первый разграничивающий их признак указывают на различие в составе изъясняемых слов. Считают, что в бессоюзных конструкциях круг опорных слов уже, меньше, чем в союзных¹.

С этим утверждением трудно согласиться. В бессоюзных изъяснительных конструкциях, как и в союзных, в качестве опорных слов свободно употребляются не только глаголы, как считает М. Кубик², но и отглагольные существительные, и краткие прилагательные. Ср.: *Мой тебе совет: иди к Федору и поговори начистоту* (Вас.); *Из рассказа министра ... напрашивается вывод: для организации трикотажного производства ... надо иметь в достатке шерсть и быть инициативным* (Газ.); *Я убежден: человек, сознательно относящийся к порученному делу, не может быть простым исполнителем указаний мастера* (Ант.); *Товарищ уверен: за нарушенный закон его, может, и пожурят, побранят немного...* (Газ.). Но ведь давно *известно: как ни прячь грязь под половиком, дом от этого не станет чище* (Газ.).

Утверждение М. Кубика о том, что изъясняемый глагол возможен в бессоюзных конструкциях только в предикативных формах, представляется слишком категоричным. Непредикативные формы у изъясняемого глагола в принципе вполне возможны и в бессоюзных конструкциях. Например: *Мне часто возражают, говоря: у нас свобода печати, у нас нет цензуры, каждый человек пишет то, что*

¹ Koževniková K. Asyndeton v současné ruštině ve srovnání s češtinou // Kapitola ze srovnávací mluvnice ruské a české. Praha, 1961. II; Кубик М. Изъяснительные конструкции и способы их порождения // Проблемы современной лингвистики. Прага, 1967; Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. С. 737–738.

² См. Кубик М. Указ. соч. С. 96.

ему вздумается (К. Сим.); ... Они все-таки угнетают людей и представляют их **думать**: а вдруг это правда? (К. Сим.).

Говоря о более узком, по сравнению с союзными предложениями, круге опорных слов, исследователи не учитывают того факта, что изъясняемые слова в целом ряде случаев употребляются в сочетании с указательными местоимениями. Это явление свойственно как бессоюзным, так и союзным изъяснительным конструкциям. Ср.: **Весть о том**, что каюры не вернулись, была самой первой вестью... (газ.); У нас как раз шел **разговор о том**, что ... сейчас идут бои за Белев... (К. Сим.). Я тебе **скажу вот что**: держись возле земли, не отходи от нее... (Тендр.).

Употребление указательного местоимения при изъясняемом слове определяется разными причинами, уже отмеченными в литературе¹. Здесь важно лишь заметить, что употребление указательного местоимения не затрагивает типовых структурно-семантических особенностей изъяснительного предложения — союзного и бессоюзного.

Те группы слов, которые указаны К. Кожевниковой и В. А. Белошапковой как невозможные в бессоюзной конструкции, в сочетании с указательным местоимением (а иногда и без него) свободно употребляются в бессоюзной изъяснительной конструкции. Это слова речи-мысли со значением отрицания или с частицей **не** (*отрицать, сомневаться, забыть, не помнить, не знать* и т. д.), слова со значением оценки (*важно, существенно; приятно, жаль; сожалеть, стыдиться, нравиться; хорошо, плохо, страшно* и т. д.) и некоторые другие группы. Ср.: **Вы забыли вот о чем**: ... ; **Я не помнил (не знал) вот чего**: ... ; **Я отрицаю вот что**: ... ; **Никто не поверил мне, да и сам я начал сомневаться**: может, померещилось? (Ант.); **Удивительно**: вокруг этого человека всегда все не слава богу (Гуро); **И вот что очень существенно**: статистика позволяет увидеть, что возраст человека, уровень образования, профессия составляют ... «духовный возраст»... (газ.); **И вот что забавно**: она с Люсей в одном городе оказалась (Арбуз.); **Но вот беда**: существует мнение, что в условиях дефицитности многих изделий изучение спроса в значительной мере теряет смысл (газ.); **Жаль**, не успел рассказать о них сингапурским докерам... (Ант.).

Фактический материал, таким образом, не подтверждает утверждения о более узком по сравнению с союзными круге изъясняемых слов в бессоюзных конструкциях. Более того, можно утверждать, что круг опорных слов в бессоюзных конструкциях даже шире, чем в союзных.

¹ См., напр., Максимов Л. Ю. Теоретические основы описания сложноподчиненного предложения // Уч. зап. МГПИ им. Ленина. М., 1968. № 296. Современный русский язык.

В круг опорных слов бессоюзной изъяснительной конструкции широко вливаются слова книжной речи: *формула, схема, концепция, точка зрения, диагноз, альтернатива, ассоциация, ситуация, закон, правило* и др.

Например: *Перед нами альтернатива: либо согласиться с тем, что М. Светлов — художник романтического направления... либо попытаться все-таки определить основные особенности романтической формы* (Эльяш.); *Они ознакомились с состоянием памятника... и поставили **диагноз**: состояние нормальное* (газ.).

Большая часть указанных слов употребляется в качестве опорных пока только в бессоюзных изъяснительных конструкциях. Бессоюзная конструкция с ее более свободной, подвижной связью между опорным словом и изъясняющей частью, чем союзная, обладает большими возможностями для расширения круга опорных слов. Таким образом, пополнение состава опорных слов идет как раз в направлении от бессоюзных конструкций к союзным.

Бессоюзная и союзная конструкции различаются порядком расположения своих частей. Союзная конструкция — структура гибкая. Ср.: *Ему ... нравилось, что Ангара показывает свой крутой характер* (Бубен.); *Что командир дивизии тяжело ранен, Серпилин узнал еще в батальоне* (К. Сим.).

Бессоюзная конструкция, наоборот, структура негибкая. Порядок частей в ней строго фиксированный: изъясняющая часть — в позиции, она идет непосредственно за опорным словом. *Дома ... Анна подумала: давать такие уроки — большая роскошь* (газ.); *У Федора сложилось впечатление: он искупает похвалой незаслуженное молчание директора* (Тендр.).

Указанное различие — это обычное в языке явление взаимокompенсации грамматических средств. При союзе порядок частей конструкции не несет грамматической нагрузки и структура оказывается гибкой. Отсутствие союза возмещается другими средствами, в том числе порядком частей, который выступает уже в грамматической функции. Различия между союзной и бессоюзной конструкциями по признаку гибкость-негибкость структуры не существенны, так как не затрагивают грамматического значения сложного предложения.

Итак, в строении главной части и в порядке расположения частей значительных различий между бессоюзной и союзной конструкциями нет.

Более важные различия между ними наблюдаются в строении зависимой, изъясняющей части. Они заключаются в более свободном построении изъясняющей части в бессоюзной конструкции по сравнению с союзной.

В союзной строение изъясняющей, придаточной части отчетливо «относительное», такое, в котором ее зависимость от опорного слова и подчиненность главной части выражены в определенных чертах ее структуры.

В бессоюзной конструкции зависимость изъясняющей части может быть не выражена. Изъясняющая часть может иметь строение «прямое», как у независимого простого предложения.

Так, в изъясняющей части бессоюзных конструкций находим «прямое», независимое употребление личных форм глагола-сказуемого и личных, а также притяжательных местоимений. Например: *Иной рассудит так: я делаю все по чертежу, моей вины здесь нет* (Ант.). В союзной конструкции такое употребление невозможно. Ср.: *Иной рассудит, что он делает все по чертежу, его вины здесь нет*, где личные формы и местоимения в придаточном приводятся в определенное соответствие с формами главного.

В изъясняющей части бессоюзной конструкции, далее, имеет место «прямое» выражение ирреальных модальных значений — формами глагола, а также другими средствами, свойственными самостоятельному простому предложению. Так, побудительное значение выражается формами повелительного наклонения: *Но все же я прошу: опубликуйте это письмо...* (Ант.); конструкцией инфинитивного предложения с побудительной модальностью: *Брось газету, тебе говорили — не читать во время обеда!* (Арбуз.). Ср. с союзной конструкцией, где возможны только «косвенные», зависимые формы выражения данного значения — союз **чтобы** в сочетании с глагольной формой на -л: ... *прошу, чтобы опубликовали письмо; говорили, чтобы ты не читал.*

Подобное соотношение наблюдается и при выражении в изъясняющей части модального значения (не) желательности. Ср.: *Вчера я подумал: вот бы он приехал завтра.* — *Вчера я хотел (мне хотелось), чтобы он приехал; Иду и думаю: не упасть бы!* — *Иду и думаю, как бы не упасть.*

Различные субъективно-модальные значения выражаются в изъясняющей части бессоюзных конструкций с помощью вводных слов, частиц и т. д., как в самостоятельном простом предложении: *Рабочие невольно начинали задумываться: может, и верно надо идти другим путем?* (Ворон.); ... *У Степки медленно холодело внутри от мысли: а вдруг остановит?* (Бык.).

Оформление изъясняющей части в виде самостоятельного предложения приводит нередко к тому, что части бессоюзной конструкции оказываются разными по целенаправленности: изъясняющая — вопросительная, в то время как часть с опорным словом — повествовательная. Например: *Но одна просьба: может, подведем по дороге к конторе?* (Славич); ... *Многие из нас начали было роптать: неужели судья не может призвать свидетельницу к порядку?* (газ.). Для союзной конструкции сочетание разных по целеустановке частей невозможно.

Свободное строение изъясняющей части — специфическая структурная особенность бессоюзной конструкции. Она дает бессоюзной конструкции гораздо более широкие возможности для выражения

смысловых, модальных, эмоциональных оттенков значения, чем те, которыми располагает союзная конструкция. Перевести бессоюзные конструкции в союзные, не теряя специфических оттенков значения изъясняющей части, часто очень затруднительно, а иногда и невозможно. Это еще раз подтверждает, что не может быть и речи о том, что бессоюзная изъяснительная конструкция не самостоятельное сложное предложение, а лишь трансформированное союзное.

Можно ли считать после всего сказанного, что бессоюзная и союзная изъяснительные конструкции противопоставляются друг другу в целом как конструкции со свободной и связанной структурой изъясняющей части? Нет, это не так. «Прямое» строение изъясняющей части не является принципом построения бессоюзной изъяснительной конструкции. Нельзя согласиться с тем, что строение изъясняющей части в бессоюзной конструкции «вполне свободно»¹.

Во-первых, указанные выше черты не распространяются на все бессоюзные изъяснительные конструкции. Они наблюдаются только в тех из них, в которых в качестве опорных слов употребляются слова с семантикой речи-мысли, т. е. в тех, которые сближаются с конструкциями с прямой речью. Но в изъяснительных конструкциях круг опорных слов шире, чем в конструкциях с прямой речью.

В изъяснительных конструкциях с опорными словами других семантических групп указанной свободы в построении зависимой части нет. Например, при словах с семантикой восприятия: *И кажется Никишке, был он здесь* (Казак.), «Я» на месте «он» во второй части в данном случае употребить невозможно. Невозможны также «прямое я» вместо «относительного он» и глагольная форма 1-го л. вместо формы 3-го л. во второй части, если в первой — *он увидел (обнаружил, заметил, почувствовал и др.), он убежден (уверен, согласен), он знает (понял, уяснил и др.)*.

Во-вторых, и это более важно, свободное построение изъясняющей части не является строго обязательным даже в конструкциях с опорными словами со значением речи-мысли. Так, например, глагольные формы и личные, а также притяжательные местоимения даже там, где они могли бы быть «прямыми», оказываются зачастую «относительными», как в союзной конструкции. Ср.: *В конце концов взбешенный, он (врач. — авт.) воскликнул: если он, как хирург, будет лечить меня, то это явится признанием патологичности моего случая...* (газ.); при возможности «прямого» употребления личных форм и местоимений: *он воскликнул: если я буду лечить тебя, то это явится признанием патологичности твоего случая*. Еще один пример: авторское повествование о герое рассказа: (он) *Вспоминал тепло. Загадывал: если в город въедут ночью, он постучится к Людмиле* (Комр.); при возможности «прямого» построения второй части — (он) *Загадывал: если в город въедем, ночью, я постучусь...*

¹Грамматика современного русского литературного языка. С. 738.

Следует также особо отметить, что свободное построение изъясняющей части, даже если оно и наблюдается, не говорит еще об отсутствии самой зависимости изъясняющей части от опорного слова, не снимает этой зависимости. Изъясняющая часть при любом своем построении все-таки возникает в результате реализации валентности опорного слова, и потому она зависима, хотя бы эта зависимость и не была выражена.

Итак, бессоюзные изъяснительные конструкции по своему строению неоднородны. Можно выделить среди них две группы конструкций. К первой относятся конструкции с опорными словами со значением речи-мысли. Эти конструкции сближаются с конструкциями с прямой речью. Особенностью их структуры является возможность свободного, «прямого» строения изъясняющей части. Эти конструкции наиболее отличаются от соответствующих союзных изъяснительных конструкций.

Вторую группу бессоюзных изъяснительных конструкций составляют те, в которых опорные слова не имеют значения речи-мысли. Эти бессоюзные конструкции обнаруживают в своем построении наибольшее сближение с союзными изъяснительными конструкциями.

Г. К. Хамзина

Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке¹

- Задания.** 1. Каковы структурные и стилистические особенности предложений «прерывистой структуры»? Каково место этих предложений среди остальных типов бессоюзного предложения?
2. Перечислите все случаи, когда в предложениях «прерывистой структуры» невозможно восстановление промежуточного звена?

В современном русском литературном языке весьма продуктивны своеобразные бессоюзные предложения типа:

Я поглядел в окошко: пронеслись дачные платформы... (Смирн. Эшелон). Он вяло протащил по палубе занемевшие ноги, поднялся на мостик и прислушался: глухие удары учащались (Пауст. Кара-Бугаз). Но Иван заметил, что его первый номер по ним не стреляет... Иван подполз на полметра — пуля попала первому номеру в лоб, под каску (Злоб. Пропавшие без вести).

¹ Печатается по: Русский язык в школе. 1971. № 6. С. 80–86.

О взаимосвязи частей в таких предложениях свидетельствует интонация незаконченности в конце первой части, приближающаяся к так называемой предупредительной, обещающей¹; лексически ограниченное значение глагольного сказуемого в первой части — оно называет действие, ведущее к акту восприятия, содержание которого должно быть раскрыто во второй части. На взаимосвязь частей указывает и строго фиксированный порядок их расположения: первая часть, ведущая к акту восприятия, всегда препозитивна. Случаи инверсии и интерпозиции первой части, имеющие место в устной разговорной речи, свидетельствуют о возможности перерождения первой части во вводное предложение:

Мучаетесь, гляжу на вас (Коч. Журбины). *Ты, я смотрю, не на фронте* (Вигд. Любимая улица).

Наконец, части бессоюзного сложного предложения могут иметь в своем составе тематически связывающие их слова (во второй части при этом нередко употребляется местоимение с анафорической функцией):

Ксения Владимировна положила кончики пальцев ему на пульс — он бился ровно, хотя очень слабо (Злоб. Пропавшие без вести).

Однако глагольное сказуемое первой части, являясь структурно организующим центром всей конструкции, в то же время в силу особенности своего лексического значения (его действие только подводит к акту восприятия, но не называет непосредственно сам акт восприятия) не способно вступать со второй частью в объектно-изъянительные отношения, что подчеркивается грамматической непереходностью глагольных сказуемых в первой части по отношению ко второй части. Это нарушает привычные логико-синтаксические связи в цепи языковых единиц и создает некоторый разрыв повествования — части бессоюзного сложного предложения оказываются как бы сдвинутыми друг с другом без посредства промежуточного звена.

Учитывая отмеченные особенности данных конструкций, мы называем их бессоюзными сложными предложениями прерывистой структуры.

Своеобразное соотношение частей в рассматриваемых бессоюзных предложениях дает некоторым лингвистам основание расценивать вторую часть их как присоединительную конструкцию². Однако интонационная незаконченность первой части, значение глагольного сказуемого, предполагающее вторую часть, а также преобла-

¹ Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Киев: Радянська школа, 1949. С. 339.

² См., напр.: Поспелов Н. С. О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Учпедгиз, 1950. С. 341, 344, 347 и др.; Василенко И. А. Бессоюзные сложные предложения в современном русском литературном языке // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемина. 1959. Т. 73. С. 253.

дающая коммуникативная значимость второй части, содержащей собственно новую, первостепенную информацию, — все это не согласуется с основным признаком присоединения — добавочностью присоединяемой части.

Рассматриваемые предложения допускают включение в их состав на стыке частей промежуточного семантического звена в виде глагола восприятия, мысли, констатации обнаружения **увидел, убедился, оказалось** в сочетании с союзом **что (увидел, что и т. п.)** или без него. С другой стороны, предложения со второй частью изъяснительно-объектного значения могут быть свободно трансформированы в конструкцию прерывистой структуры. Например:

Он взглянул на часы (и увидел, и увидел, что. — авт.): было без четверти три (Пушк. Пиковая дама). Володя взял пульс (и почувствовал, что — авт.) — рука была в липком страдальческом поту (Герман. Дело, которому ты служишь).

В связи с этим в лингвистической литературе, особенно учебных пособиях, в том числе и школьном учебнике русского языка, наблюдается стремление объединить исследуемые конструкции с бессоюзными предложениями, выражающими изъяснительно-объектные отношения, как разновидность последних¹.

Действительно, близость коммуникативной функции конструкций, составляющих ряд: посмотрел..., посмотрел и увидел..., посмотрел и увидел, что..., обуславливает близость лексического наполнения и синтаксического строения частей в сопоставляемых сложных предложениях.

Но позволяет ли все вышесказанное квалифицировать бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры как своего рода вариант бессоюзных (и союзных) сложных предложений с наличным промежуточным звеном?

Можно ли отсутствие промежуточного логического звена со значением восприятия (увидел; увидел, что) расценивать как явление эллипсиса в первой части анализируемых конструкций?

Для ответа на эти вопросы остановимся на некоторых особенностях соотношения исследуемых конструкций с бессоюзными сложными предложениями, имеющими в своем составе промежуточное звено.

Структура бессоюзного сложного предложения прерывистого типа допускает «восстановление» промежуточного звена в виде сказуемого, однородного с глагольным сказуемым первой части, или

¹ См., напр.: Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. М.: Учпедгиз, 1958. Ч. II. С. 260–261; Современный русский язык / под ред. проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во МГУ, 1964. Часть II (Морфология. Синтаксис). С. 609; Земский А. М., Крючков С. Е., Светлаев М. В. Русский язык: учебник для педагогических училищ. М., 1971. Ч. II. Синтаксис. С. 160; Бархударов С. Г., Крючков С. Е. Учебник русского языка для восьмилетней школы. М., 1971. Ч. II. Синтаксис. С. 127.

в виде самостоятельного предложения — двусоставного или односоставного (и он увидел, и стало видно, оказалось, что), если субъекты действия глагольного сказуемого первой части и акта восприятия различны. Последний случай можно проиллюстрировать следующими примерами:

Вот кто-то вспыхнул папирской: среди прочих женщина сидит; большой ребячий лоб не скрыт простой и скромною прической, широкий белый воротник и платье черное — все просто (Блок. Возмездие). *Первым его движением было схватиться за шапку: она сидела прямо у него на голове* (Л. Толст. Поликушка).

Ср. с предложением «полного словесного выражения»:

Глаза его нечаянно открылись, и он увидел, как на его пальцах, мокрых рукавах и струйках, безжавших с рогожи, на тюке и внизу на земле вспыхнул и раз пять мигнул ослепительно-едкий свет (Чех. Степь).

Самостоятельность частей, прерывистый характер структуры в предложениях с отсутствующим звеном выступает особенно четко.

Промежуточное звено, в случае его словесного выражения, называется связанным с первой частью сочинительной связью и, следовательно, в структурном плане не является для нее обязательным. Отсутствие промежуточного звена не создает эллиптического характера первой части, как таковой. Не является промежуточное звено структурно необходимым для первой части (а следовательно, для всего бессоюзного сложного предложения) и как средство ее связи со второй частью. В противном случае эллипсис связующего звена должен был бы усилить тяготение наличных частей друг к другу для сохранения смысла и структуры предложения и сделать, таким образом, невозможным их расчленение, самостоятельное употребление (что и наблюдается в простых эллиптических предложениях, не допускающих парцелляции, отрыва одного из членов предложения от других). Между тем языковые факты свидетельствуют о возможности оформления частей бессоюзного сложного предложения прерывистой структуры в виде простых самостоятельных предложений.

Павел посмотрел вверх. Окно Риты освещено (Н. Остр. Как закалялась сталь). *Все вновь прислушались. Самолет, пройдя над головами, удалялся в сторону Маньчжурии* (К. Сим. Товарищи по оружию).

Случаи действительной неполноты первой части рассматриваемых предложений единичны. Они имеют место при эллиптическом употреблении в первой части конструкции сложных предложений фразеологизированной структуры, напр.:

Али ты слеп (отсутствует **что не видишь**, — авт.): *сани-то государевы, царь приехал* (Пушк. Арап Петра Великого). *Достаточно было на нее посмотреть (чтобы убедиться — авт.) — она думала о другом* (И. Эренб. Девятый вал).

В таких конструкциях первая часть тесно связана со второй и не допускает ее отрыва, так как эллиптичность первой части делает невозможным ее самостоятельное употребление вне состава бессоюзного сложного предложения.

Функция второй части — раскрывать содержание восприятия — и соответствующее лексическое наполнение ее, а в некоторых случаях и структурное построение¹ зависят от первой части. Но это не указывает на грамматическую подчиненность второй части именно промежуточному звену, поскольку глагольное сказуемое первой части, будучи связано с актом восприятия, подводя к акту восприятия, способно влиять на лексическое наполнение и в некоторой степени структуру второй части, хотя она и не вступает с ним в объектные отношения.

Сама же функция глагольного сказуемого первой части — подводить к акту восприятия — обусловлена коммуникативными задачами высказывания, именно поэтому в первой части рассматриваемых предложений в роли сказуемого способны употребляться и глаголы, лексически не связанные с актом восприятия, главным образом глаголы со значением конкретного физического действия:

Капитан зажег спичку: в котле были навалены листья, было тепло и сухо (Пауст. Блистающие облака). *Походил по домику: все чисто, прибрано, вымыто, в выскобленный пол упирался солнечный столб* (Проск. Горькие травы).

В ряде случаев лексическое наполнение второй части и особенности ее синтаксической структуры препятствуют включению промежуточного звена, что также исключает мысль о структурно-семантической зависимости ее от этого звена.

Это наблюдается в тех случаях, когда в роли сказуемого второй части употреблены глаголы или глагольно-именные сочетания со значением самообнаружения объекта восприятия (*виднеться, слышаться, доноситься, раздаваться, броситься в глаза* и т. п.), а также слова со значением впечатления, производимого объектом восприятия (*казаться, походить, напоминать, быть похожим* и т. д.):

Заскочил в горницу—на глаза попался мешок (Шолох. Нахаленок). *Он вошел в парк и оглянулся — дворец казался вылепленным из снега* (Пауст. Северная повесть).

В таких случаях промежуточное звено становится излишним, но характерные черты прерывистой структуры — отсутствие объектных отношений между частями, структурная самостоятельность частей — сохраняются.

¹ Напр., при наличии в первой части слова с обобщающим значением в роли объекта восприятия вторая часть строится в виде перечисления: *Побледневший Ванюшка замолк, обвел слушателей расширившимися глазами: у девок на глазах закатали слезы, Акимова жена сморкалась в завеску, шепча сквозь всхлипыванья...* (Шолох. Поднятая целина).

Затрудняет «восстановление» звена со значением акта восприятия и наличие развернутого описания во второй части, оформленной как сложное синтаксическое целое, что повышает ее самостоятельность:

Мы приехали, слезли с коней ... на крыльце я остановился и оглянулся: по серому небу тяжело ползли темные длинные тучи; темно-бурый кустарник крутился на ветре и жалобно шумел; желтая трава бессильно и печально пригибалась к земле; стаи дроздов перелетывали по рябинам, осыпанным ярко-пунцовыми гроздьями; в тонких и ломких сучьях берез с свистом попрыгивали синицы; на деревне сипло лаяли собаки (Тург. Три портрета).

Во второй части рассматриваемых предложений нередко употребляются односоставные номинативные предложения, называющие объекты восприятия. В синтаксическом отношении они не сочетаются с изъяснительным союзом, не способны выступать в качестве изъяснительных конструкций; они обуславливают относительную самостоятельность второй части в составе бессоюзного сложного предложения, придают ей логическую весомость и эмоциональную выразительность:

Я поднял голову — луна, звезды и ракеты на парашютах (Смирн. Эшелон.). Подъехали к Минску — коробки сожженных и разрушенных зданий, руины, руины (там же).

В ряде случаев употребление номинативного предложения во второй части служит целям намеренного подчеркивания остроты реакции субъекта восприятия на содержание восприятия, чему способствует также восклицательная интонация второй части. Ср.:

Действительно, близко плывет какая-то штуковина. Посмотрел в бинокль — бревно! (Пауст. Блистающие облака). Едва вышел на улицу, как первый же встречный произнес: «Анатолий Матвеевич, здравствуйте!» Я поднял голову — Тося Лубкова! (Тендр. Чрезвычайное).

Независимая позиция именительного падежа препятствует сочетаемости второй части с промежуточным звеном *увидел*, требующим прямого объекта. В связи с этим номинативные конструкции очень редки во второй части бессоюзных сложных предложений изъяснительно-объектного типа, а в аналогичных союзных сложных предложениях вовсе не отмечены нами. Ср.:

Посмотрела на первый рецепт и прочла: сульфидин (Вигд. Черниговка). И с печки слез — и вижу: склянка (Пушк. Гусар).

Весьма употребительны во второй части анализируемых предложений и односоставные безличные предложения, не характерные для конструкций с наличным промежуточным звеном, поскольку включение промежуточного звена со значением акта восприятия снижает непосредственность описания, снимает оттенок субъективности восприятия, вносимый безличными предложениями:

Дербачев глянул на часы, на окна — было три, смеркалось, в стеклах проступала еле заметная прозелень, бумаги белели ярче (Проск. Горькие травы). Они пробрались на угол двух основных улиц города — пусто, тихо, дымно (там же).

Включение промежуточного звена со значением акта восприятия становится невозможным при смене субъектных планов повествования — авторского (в первой части) планом несобственно-прямой речи (во второй части), чрезвычайно характерной для бессоюзных сложных предложений прерывистой структуры. В рассматриваемых предложениях наблюдаются разнообразные формы несобственно-прямой речи: от «скрытой», трудно различимой в ткани авторского повествования до ярко выраженной, «явной», экспрессивной формы несобственно-прямой речи, нередко сливающейся с прямой. Несобственно-прямая речь во второй части рассматриваемых предложений создается комплексом различных языковых средств: лексических, морфологических, синтаксических, интонационных¹. К числу синтаксических средств следует отнести и употребление бессоюзных конструкций прерывистой структуры:

Василий Васильевич положил трубку и взглянул на часы: всего десять минут девятого, час наверняка придется еще сидеть здесь (Тендр. Короткое замыкание). Ах, как хорошо было участковому Анискину! Поглядел на ситцевые занавески — эх, какие веселые! Потрогал ногой коврик — эх, какой важный! Вдохнул комнатные запахи — ну, как в детстве под одеялом! (Липат. Панка Волошина).

Конструкция несобственно-прямой речи вносит во вторую часть значение субъективной реакции действующего лица на воспринимаемое, значение субъективной, нередко эмоционально окрашенной, оценки содержания воспринимаемого.

В речи персонажей, отражающей устно-разговорную стихию, предложения прерывистой структуры нередко характеризуются наличием в их составе экспрессивной лексики, частиц, междометий, вводных слов и оборотов, эмоциональных обращений говорящего к собеседнику, что делает невозможным вставку промежуточного звена:

Открываю фонарик — и что же вы думаете — пусто! (Пауст. Блистающие облака). Слышу, ночью волокут чего-то по коридору. Выхожу: здрасте, мебель волокут, бабушку Варю переселяют (Вигд. Любимая улица).

Отмеченные факты свидетельствуют о том, что между бессоюзными сложными предложениями прерывистой структуры и предложениями с наличным промежуточным звеном нет полного структур-

¹ См. об этом: *Хамзина Г. К.* Элементы несобственно-прямой речи в бессоюзных сложных предложениях прерывистой структуры // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Казань, 1970. VI.

ного соответствия. Различаются они и по своим стилистическим функциям. Взаимная трансформация этих типов предложений не может служить достаточным основанием для того, чтобы расценивать бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры как вариант неполной реализации схемы предложений, имеющих в своем составе промежуточное звено, тем более что взаимная трансформация тех и других наблюдается далеко не всегда. В рассматриваемых предложениях отсутствуют основные признаки эллиптической конструкции: принадлежность отсутствующего члена структурной схеме предложения, его необходимое участие в формировании структуры целого, проявляющееся в грамматической зависимости от отсутствующего члена одного из наличных компонентов предложения.

Значение акта восприятия входит в информативное содержание данных конструкций, но не является конституирующим в структурно-семантической схеме бессоюзного предложения. Глагольное сказуемое первой части здесь семантически более емко, чем обычно: сохраняя свое основное значение, оно как бы замещает семантически глаголы, называющие акт восприятия¹. Однако в лексико-грамматическом отношении такого замещения не происходит: глагольные сказуемые первой части полностью сохраняют свои лексико-грамматические свойства — остаются непреходными, не вступают в объектно-изъяснительные отношения со второй частью.

Это частное, функционально обусловленное расширение семантики сказуемого в первой части рассматриваемых предложений несколько напоминает наблюдаемый в лексике процесс включения значения одного слова в значение другого без отражения структуры включаемого в структуре включающего (см., напр., употребление слова *температура* в значении *высокая температура*)².

Однако у глаголов *смотреть*, *глядеть*, лексически связанных с актом восприятия, в приставочных формах настоящего времени *смотрит*, *гляжу* намечаются сдвиги в семантике в сторону большего сближения с глаголом *видеть*, чему способствует присущий этим формам оттенок произвольности, непреднамеренности действия. Показательны в этом смысле отмеченные в речи персонажей, отражающей устную разговорную речь, случаи тавтологического употребления в первой части глаголов *смотреть*, *глядеть* в различных видовременных формах, а также в приставочной и приставочной формах настоящего времени. Такое употребление указанных глагольных форм обусловлено различным осмыслением их:

¹ См. замечание в «Грамматике современного русского литературного языка» (М.: Наука, 1970. С. 738) о том, что глагольное сказуемое в I части как бы вбирает семантику промежуточного звена.

² См.: Янко-Триницкая Н. А. Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М. : Наука, 1964.

Посмотрел как-то на сподку пирожка, смотрю: писанные слова (Гог. Иван Федорович Шпонька и его тетушка). Едем мы по бугру рыском, во все стороны поглядываем, смотрим — из ярка вылазит красный и — руки кверху держит (Шолох. Тихий Дон).

См. также в просторечии случай употребления глаголов *гляжу*, *смотрю* в значении *вижу* в союзной изъяснительной конструкции:

Взяла я эти кружева, смотрю, что все целы... (Леск. Воительница). Я гляжу, что он ныряет; а он покажется так-то, да и уйдет опять, покажется еще, да как крикнет: «Тону, батюшки!» (Л. Толст. Метель).

Глагольное сказуемое первой части бессоюзных сложных предложений прерывистой структуры, не обладая лексико-грамматической валентностью в отношении второй части, обнаруживает семантическую сочетаемость с ней в силу реальной связи обозначаемых ими явлений, но логическая зависимость второй части от первой не получает достаточно четкого грамматического выражения.

Семантическая сочетаемость одного из слов первой части со второй не представляет собой какого-то нового, самостоятельного вида связи. Ее выдвижение на первый план как средства объединения частей именно бессоюзного сложного предложения возможно в силу специфики бессоюзной связи, недостаточности формально-грамматических показателей связи частей в ряде бессоюзных сложных предложений закрытой структуры, значение которых «непосредственно определяется семантикой их частей»¹.

Рост продуктивности предложений прерывистой структуры, обусловленной семантической сочетаемостью опорного слова первой части со второй частью — при отсутствии лексико-грамматической сочетаемости — поддерживается, очевидно, развитием в современном русском языке явлений аналитизма в смысле расширения лексико-синтаксической сочетаемости, приводящего к нарушению привычных правил синтаксической сочетаемости².

Предложения прерывистой структуры по своим семантико-синтаксическим особенностям должны быть отнесены к группе бессоюзных сложных предложений неоднородного состава, если исходить из классификации Н. С. Поспелова³, или к предложениям «с формальными различиями частей», по терминологии В. А. Белошапковой⁴. Однако прерывистый характер структуры, обуславливая относительно большую грамматическую самостоятельность частей данных предложений, придает им черты переходных (от подчинения к сочинению) конструкций.

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М. : Наука, 1970. С. 736.

² См. об этом: *Иванчикова Е. А.* О развитии синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка. М. : Наука, 1965. С. 18 и др.

³ См.: *Поспелов Н. С.* Указ. работа.

⁴ См.: *Белошапкова В. А.* Сложное предложение в современном русском языке. М. : Просвещение, 1967. С. 140.

Об этом свидетельствует наблюдаемая главным образом в устной разговорной речи, а также в отражающей ее речи персонажей художественного произведения возможность употребления между частями рассматриваемых предложений сочинительного союза *a* (*ан*), совмещающего союзную функцию со значением усилительной частицы, которая подчеркивает переход к новому, часто неожиданному сообщению: *Вскинул я глазами на Фильку, а он улыбается* (Тург. Собака). *Ну что, притаскивает* (мешок. — авт.), *развернули, ан баба. Грохоту, говорят, было* (Проск. Горькие травы). *Прихожу, а он, мерзавец, лежит в мастерской теперь под самыми под этими канатами* (Леск.).

Употребление сочинительного союза *a* в таких конструкциях указывает на возможное направление развития рассматриваемых предложений — на усиление в них черт сочинения. В них возможно развитие оттенков присоединения, противопоставления — благодаря подчеркиванию резкого перехода к новому плану сообщения, — оттенков сопоставительно-временных отношений, особенно при употреблении в первой части глаголов конкретного физического действия, лексически не связанных с актом восприятия.

Наличие союзно-сочинительного варианта рассматриваемых конструкций ослабляет степень их соотнесенности с предложениями изъяснительного типа.

Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке, особенно в письменной его разновидности, — явление сравнительно позднее. Они появляются здесь не ранее XVII–XVIII вв. и преимущественно в жанрах, близких к разговорному языку. Интенсивное развитие этих конструкций, наметившееся в языке произведений Н. М. Карамзина, связано с литературным языком нового типа, языком А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева и других мастеров русского слова. Проникнув в письменный литературный язык из устной народно-разговорной речи и став достоянием преимущественно языка художественной литературы, описываемые конструкции переосмысляются здесь как стилистический прием экспрессивного синтаксиса, состоящий в намеренном сближении двух разноплановых высказываний в составе единого бессоюзного сложного предложения.

В устной разговорной речи прерывистый характер структуры рассмотренных предложений может быть несколько сглаженным, что выражается в некоторой «стертости», меньшей выразительности интонационного рисунка (в частности, в уменьшении паузы между частями), в уменьшении объема первой части и сближении ее с вводным предложением или словом. См., напр.:

Так вдоль болота мы к рассвету доползли до хутора. Смотрю, окно чуть светится (Вигд. Семейное счастье). *Я-то смотрю — исчезли вы* (Герман. Дорогой мой человек).

Рост продуктивности и активизация таких предложений в современном русском языке связаны с их богатыми стилистическими возможностями (выгодно отличающими их от близких по содержанию предложений изъяснительного типа) и осуществляются в русле общего процесса усиления экспрессивности синтаксических конструкций, наблюдаемого в современном языке.

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ И ТЕКСТ

В. Г. Адмони
Грамматика и текст¹

Задания. 1. Как В. Г. Адмони определяет лингвистический статус текста?
2. В каком смысле, по мнению автора статьи, можно говорить о грамматике текста?

За последние десятилетия широко распространилось изучение текста с лингвистической, и в частности, с грамматической точки зрения². Возникли термины «лингвистика текста» и «грамматика текста». Правда, часто встречаются оговорки, что невозможно свести текст к грамматической единице³. Но иногда тут же в качестве единиц лингвистики текста и объектов ее изучения рассматриваются не только «сверхфразовое единство (микротекст)», но и целое речевое произведение (макротекст)⁴.

Поэтому представляется целесообразным заново рассмотреть статус текста в свете общих положений языкознания и, в частности, теории грамматики. Однако в связи с наличием больших расхождений между бесчисленными лингвистиками (или грамматиками) текста здесь будет дано не размежевание с этими концепциями, а систематическое изложение точки зрения автора.

Чтобы определить текст, надо соотнести его с наиболее общей формой проявления языка / речи — с высказыванием. Выделить тексты среди общей массы высказываний можно только формально-функционально, т. к. чисто формальные средства тут амбивалентны: формально одинаковые отрезки речевой цепи могут быть как текстом,

¹ Печатается по: Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 63–68.

² См., напр.: Синтаксис текста. М., 1979; Структура текста. М., 1980; Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981; Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981; Аспекты общей и частной теории текста. М., 1982; Реферовская Е. А. Лингвистическое исследование структуры текста. Л., 1983; Текст: семантика и структура. М., 1983.

³ Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. С. 14.

⁴ Там же.

так и частью текста. Функционально же, с нашей точки зрения, текст является таким видом высказывания, который рассчитан на воспроизведение — вслух или молча (при чтении или воспоминании)¹. Этим текст принципиально отличается от разового высказывания, которое складывается в момент речи и рассчитано лишь на выполнение синусекундной коммуникативной задачи. Другое дело, что многие разовые высказывания дословно повторяются в речи многократно — но при этих повторениях они всегда возникают все же заново, опираясь на грамматические и лексические (в том числе и фразеологические) средства данного языка, отливаются заново по определенным стереотипам, не приводятся в виде повторения готового предложения, в форме цитаты, не являются воспроизведением другого высказывания, специально предназначенного для такого воспроизведения. Достаточно напомнить бесчисленные *Да!* и *Нет!*, возникающие почти в любом спонтанном диалоге, причем именно спонтанно, с опорой на лексическое значение и грамматическое назначение слов — заместителей предложения.

Между тем текст организуется как построение устойчивое, нацеленное на длительное существование, с расчетом (иногда, правда, крайне недостаточным) на воспроизведение (разовое или многократное) в последующее время. При этом должна учитываться как задача воспроизведения текста как цельности, так и необходимость сделать «доходчивым» такое воспроизведение путем его отчетливого членения. Но доходить до воспринимающего текст должен по всей своей когнитивно-речевой конкретности, включая свое лексическое наполнение.

Известная воспроизводимость есть, конечно, и в разовом высказывании. Но воспроизводятся здесь лишь грамматические схемы, созданные в результате длительного исторического развития (с существенными различиями между разными языками). Типы предложений и словосочетаний, состоящие из определенных словоформ, располагаются по разным синтаксическим парадигмам. А лексическое наполнение не воспроизводится, но каждый раз определяется заново, исходя из моментальной (хотя бы и весьма типической) коммуникативно-когнитивной установки говорящего. Этому не противоречит и возможность бесчисленных дословных повторений разовых высказываний с тождественным лексическим наполнением. Оно объясняется лишь бесконечной повторяемостью жизненных ситуаций и ограниченностью лексических средств (например, тех же *да* и *нет*).

¹На исключительную важность этого момента для определения текста уже указывалось (*Glinz H. Linguistische Grundbegriffe und Methodenerblick. Frankfurt-am-Main, 1970. S. 122*). Но в большинстве работ по лингвистике (или грамматике) текста последний понимается просто как завершенная последовательность связанных друг с другом предложений, причем иногда отмечается, что такой последовательностью может быть и одно предложение. Напр., *Isenberg H. Texttheorie und Gegenstand der Grammatik. Berlin, 1974. S. 18*).

Итак, строение текста определяется его задачей, а именно — выразить некое определенное концептуально тематическое содержание. Структурирование идет здесь поэтому как бы сверху. Так, в процессе создания текста как цельности определяется разбиение текста (например, научного или художественного) на тома или книги, затем на части, главы и разделы, далее на сверхфразовые синтаксические целые (абзацы) и, наконец, на предложения.

Правда, процесс созидания текста (особенно художественного) может быть совсем иным. Исходным пунктом может послужить отдельная сцена, отдельный образ, единичный эпизод, первоначально оформленный в отдельном сверхфразовом единстве. Но для текста как такового, в его существовании как цельности это значения не имеет. Он существует как иерархическое единство, разбивающееся на все более дробные составные части.

Конечно, тексты воспринимаются читателем (или слушателем) не мгновенно, одновременно, а постепенно, обычно по мере движения текста от его начала к его концу. Но подлинное, в той или иной мере адекватное восприятие текста становится возможным лишь после завершения процесса ознакомления с текстом, когда оказывается явной вся система отношений, организующих текст. Соответственно при анализе текста неизбежным оказывается предварительное изучение его составных частей (в том или ином порядке), в частности, их лексической и грамматической природы. Однако это именно лишь предварительный этап исследования. Подлинное исследование текста возможно только на основе анализа его цельности, определяемой в рамках изучения его частных. Нельзя забывать, что текст не является простой суммой этих частных, а чем-то качественно совсем иным, что только и позволяет установить истинное текстовое значение, текстовую функцию отдельных компонентов текста. Это относится, в основном, к текстам художественным, поскольку в текстах научных или технических часто вообще необязательно знакомство со всем целым, а вполне достаточно ознакомления с тем или иным его разделом.

Текстовые структуры могут быть чрезвычайно многообразными¹. Многообразие форм построения текста вытекает из множественности тех порождающих текст концептуально-тематических установок, которые создаются в результате действия разных социально-исторических факторов и вызванных ими сдвигов в условиях и формах речевой коммуникации, а также под влиянием различий в индивидуальном подходе автора к тексту. Все эти различия в концептуально-тематической установке при создании текста сказываются не только на разных формах его построения и его объеме, но и на предметном отборе тех или иных лексических и грамматических средств из общего языкового (лексического и грамматического) фон-

¹ Адмони В. Г. Поэтика и действительность. Л., 1975. С. 141–145, 270–274.

да. Речь идет не только о создании новых слов, но и новых вариантов грамматических структур, пусть даже имевших свои разрозненные прототипы на прежних этапах развития (ср., напр., язык телеграмм, язык рекламы, язык научно-реферативных журналов). Создающийся таким путем отбор определенных признаков, как структурно-текстовых, так и языковых, образует стиль, характерный для определенного вида текстов, объединенных единством концептуально-тематической установки, а в художественных текстах и установки эстетической. <...>

Но это означает, что исследование текстов во всей их многоаспектности — дело особой науки, науки о текстах. Правда, в отношении одной части текстов, а именно текстов художественных, такая наука давно уже наметилась. Это — поэтика. Однако в отношении других видов текстов подобной науки еще нет. Такие тексты изучались, с одной стороны, в рамках стилистики, а с другой — риторики. Но основные цели стилистики, даже стилистики функциональной, все же сосредоточены вокруг языковых явлений, характеризующих текст, ее объектом не является сам текст. Риторика же очень специфична и применима в основном к текстам сравнительно небольшого масштаба, обычно стандартным в стилевом отношении.

Отсутствие специальной науки о текстах частично можно объяснить причинами терминологическими. Термин, наиболее подходящий для наименования такой науки, а именно «текстология», оказался уже «занятым» к тому времени, когда развитие филологии привело к необходимости создания науки о текстах. Текстология тогда уже существовала и имела в высшей степени прочное и точное значение — «наука, изучающая языковые памятники (тексты) с точки зрения их расшифровки, датировки, атрибуции и т. д.». Наиболее подходящим неологизмом мог бы стать термин «текстика». Но звучит этот неологизм искусственно. «Текстоведение» представляется, на первый взгляд, простым синонимом к «текстологии». Но думается, что целесообразно все же решительно отграничить этот термин от «текстологии», используя его в значении «наука о текстах в широком смысле». Диктуется такая целесообразность тем, что существующий терминологический вакуум явно оказывается одной из причин, по которым возникает тенденция к превращению науки о текстах в продолжение и дальнейшее развитие науки о языке, и в частности, грамматической науки. Появляются лингвистика текста, грамматика текста и т. п. Любопытно, что, как правило, стремление исследователей, представляющих это направление, обычно заключается в том, чтобы всячески поднять роль текста, подчеркнуть его важность для лингвистики. Текст порой даже начинает рассматриваться как основная лингвистическая (грамматическая) единица. Но на самом деле такая позиция несправедлива и вдвойне ошибочна. С одной стороны, она несправедлива, потому что в этом случае текст перестает быть специфическим образованием внутри собственной язы-

ковой стихии. С другой стороны, такая позиция снижает роль языка, а особенно такой его важнейшей структурной единицы, как предложение. Грамматика растворяется в теории текста.

Между тем нет абсолютно никаких оснований пересматривать старый взгляд на предложение как на основную относительно законченную структурную грамматическую единицу, сохраняющую этот свой статус во всех типах высказывания. Как уже отмечалось, предложение обладает огромной устойчивостью, воспроизводя разные обычно весьма абстрагированные виды отношений между вещами и явлениями без опоры на контекст или ситуацию. Именно такой характер выражаемых предложениями отношений делает их не только важной, но и необходимой основой, без которой невозможно было бы выполнение языком его коммуникативных и когнитивных функций во всем их многообразии. Без предложений не было бы текстов. Между тем предложения могут выступать не только в текстах, т. е. в высказываниях, рассчитанных на воспроизводимость, но и в высказываниях разовых, на воспроизводимость не рассчитанных. Следовательно, предложение есть основная единица грамматического строя в той же мере, в какой текст есть основная единица текстоведения.

Для того, чтобы сделать предлагаемую здесь точку зрения совершенно четкой, ее пришлось показать в упрощенном виде, как бы крупным планом. На самом деле положение сложнее.

1. Раздельность текста и грамматики как языковых явлений отнюдь не противоречит их необходимому взаимодействию, притом самому тесному и нераздельному. Предложение в тексте (особенно в художественном), как правило, получает дополнительные смысловые (иногда семантико-грамматические) нагрузки по сравнению с предложением такого же состава, взятого изолированно. В разных функциональных стилях и видах текста, в разных направлениях художественной литературы, а также у отдельных писателей часто существует тенденция к преимущественному использованию тех или иных грамматических форм. Но такое взаимопроникновение текста и грамматики, текста и предложения не снимает их самостоятельности.

2. В особенно значительных произведениях художественной литературы так или иначе соотносятся с текстом как целым все компоненты произведения, каждое его предложение, даже каждое его слово в определенном контексте. Все они функционально соотносены с текстом как целым. Но уже в произведениях художественно более слабых это оказывается не так — значительные части этих произведений и их синтаксические компоненты живут как бы самостоятельной жизнью, не определяются в своем строе концептуально-тематической сутью произведения. А что касается научно-технических произведений, то там текст как целое обычно совсем не определяет те синтаксические компоненты, на которые он распадается. Они определяются, в первую очередь, общими грамматическими чертами соответствующих функциональных стилей.

3. Есть обширные области, в которых текст, т. е. речевая единица, подвергаясь воспроизведению, по своим размерам и по своему строению тесно граничит с предложением («малоформатные тексты»). Это прежде всего пословицы, поговорки, крылатые слова и т. п. Они чаще всего и состоят из одного предложения, простого или сложного, но обычно обладающего такими формальными признаками, которые обеспечивают их легкую запоминаемость и воспроизводимость (особенно синтаксическим и ритмическим параллелизмом). Однако и здесь наряду с чисто грамматическим строением наличествуют и элементы строения художественно-текстового. Далее, совпадение текста и предложения встречается в рекламах, газетных объявлениях, статьях научно-реферативных журналов и т. п., т. е. в формах текста, где чисто грамматические средства часто чрезвычайно близки к стилистически-текстовым, обеспечивающим устойчивость текста.

Не все малоформатные тексты, совпадающие (или почти совпадающие) с предложением, с самого начала были созданы с установкой на воспроизводимость. Они могли возникнуть спонтанно, непреднамеренно, как «острое словцо» (вернее, острая фраза) в диалоге, а затем были подхвачены участниками диалога и стали передаваться из уст в уста. Наличие таких непреднамеренных текстов — это явление все же периферийное, касающееся только особых, «сверхмалых» форм текста, и поэтому не ставит под сомнение общее определение текста как высказывания, нацеленного на воспроизведение.

4. Переходные формы между текстом и грамматическими явлениями (в данном случае, цепью предложений) можно найти и в сфере импровизаций, как у писателей, особенно у поэтов, так и у рассказчиков в бытовой речи. Хотя по своему смыслу понятие импровизации предполагает лишь разовое произнесение (исполнение) какого-то отрезка речевой цепи, так что, строго говоря, импровизация не имеет признаков текста, она все же обладает и некоторыми сходными с ним чертами. Художественная импровизация обычно лишь варьирует формы, привычные в художественной литературе, а импровизированные диалоги нередко воспроизводятся рассказчиком и в других диалогах и могут также повторяться теми, кто их услышал.

5. Понятие текста как высказывания, рассчитанного на воспроизведение во всей своей целостности, включая лексическое оформление, является, конечно, лишь идеальным. На практике такая полная воспроизводимость оказывается, как правило, невозможной. С одной стороны, в процессе устного пересказа исполнитель (нередко сам автор) часто вносит произвольные изменения в текст, что при длительном его исполнении приводит к значительным смещениям в его лексическом и грамматическом наполнении, порою даже в его структуре. Но и при письменном, даже при печатном воспроизведении текста возможны те или иные смещения — опечатки, тенденции к модернизации текста и т. п. С другой стороны, полная

воспроизводимость текста (особенно в художественной литературе) оказывается невозможной из-за того, что читатель, как правило, обладает другим умственным горизонтом и другим тезаурусом знаний, чем автор, и часто недопонимает текст или вкладывает в него даже измененное содержание. Чем дальше историческая дистанция, тем больше такое непонимание или переистолкование текста. Оно оборачивается на своей более высокой ступени его различными интерпретациями, часто почти противоположными. В пьесах такие различия в интерпретации часто выражены в различных режиссерских трактовках. Наконец, особым видом интерпретации текста является его перевод, когда лексическому и грамматическому составу дается иноязычный эквивалент, никогда полностью не воспроизводящий оригинал — и все же являющийся каким-то его воспроизведением. Но при всем этом основной принцип текста — его воспроизводимость как конкретной целостности остается основой его существования.

6. основополагающая значимость для самого понятия текста его целостной воспроизводимости, включая и его лексический состав, никак не противоречит наличию общих типологических черт у определенных групп текстов, объединенных — в той или иной мере — их концептуально-тематической общностью. Это проявляется в уже отмеченном выше наличии общих структурных черт, что для художественной литературы издавна было показано классической поэтикой, а в новейшее время в несравненно более эксплицированном виде современными течениями в литературоведении, фольклористике, лингвистике, семиотике. Для характеристики сюжетной структуры сказки, например, неоценимая работа в этом направлении была проделана В. Я. Проппом¹.

7. Все сказанное относится, в первую очередь, к современным языкам. Полностью оставляются в стороне вопросы генетические, связанные с древними этапами в развитии языка, с происхождением мифа и т. п. Вообще вне поля зрения здесь осталась вся история текстов, хотя она была бы крайне поучительна. Так, развитие делового, канцелярского языка в средние века, в частности, грамот на национальных европейских языках, хотя и совершается под непосредственным влиянием латыни, но представляет собой постепенный переход от текстов, которые по своей структуре еще очень близки к предложению, к текстам, которые построены уже с применением специальных приемов организации подобных и других развернутых текстов. Это развитие порой носит даже драматический характер, поскольку в его процессе — например, в немецком языке — создаются гигантские построения, в которых делается попытка изложить содержание целой обширной грамоты в одном сложноподчиненном предложении, содержащем до сорока подчиненных предложений. Лишь постепенно структура грамот высвобождается из структуры предложения

¹ Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.

путем разбиения единого сложноподчиненного предложения на несколько сложноподчиненных или простых предложений и применения параграфирования и вычленения абзацев. Однако в языке немецких грамот еще очень долго, вплоть до XVIII в., сохраняются многообразные синтаксические шероховатости и противоречия. Текст лишь с трудом приобретает свое полноценное оформление¹.

Что же касается эпохи, относящейся к древнейшему состоянию индоевропейских языков и к еще более древним периодам, то здесь сближенность текста и предложения была весьма значительной, потому что формирование системы мифологически-ритуальных, социально-правовых и других систем представлений и норм протекает там в значительной мере путем создания набора формул, преимущественно коротких, малоформатных².

8. При всей принципиальной разнородности сферы текста и сферы грамматической между ними все же существует значительный изоморфизм, затрагивающий, в первую очередь, структуру текста и структуру предложения. Связано это с тем, что и естественный язык, и «естественный» — (т. е. относящийся именно к естественному языку) текст обладают существенными сходными чертами в семиотическом плане. А именно, и естественный язык, и естественный текст не являются кодами в строгом смысле этого слова, характеризуются многозначностью и противоречивостью своих компонентов, многообразной синонимией и омонимией. Это сказывается и в том, что наиболее изоморфны предложению и художественный текст, наименее подходящий к структуре кода. Выражается такой изоморфизм, между прочим, в подчеркнутой многомерности их построения, в возможности у них самых разных форм разветвленности, в наслаивании лексических и грамматических значений³. Но в той или иной мере изоморфен предложению и каждый естественный текст, поскольку в нем обычно совершается развитие от более известного к более новому и создается некоторое «рематическое» напряжение, приобретающее, правда, в литературе чрезвычайно различные формы⁴.

¹ *Admoni W. G.* Die Ausbildung der Norm der deutschen Literatursprache im Bereich des neuhochdeutschen Satzgefüges. Berlin, 1980. S. 44–50, 332–354.

² Синтаксис текста. М., 1979; Текст: семантика и структура. М., 1983.

³ Такое наслаивание многих значений на каждый участок речевой цепи (причем отдельные значения наслаиваются друг на друга) составляет особое измерение языковых явлений. Его можно назвать батизматическим, т. е. глубинным (в соответствии с парадигматическим и синтагматическим измерениями) (*Адмони В. Г.* Партитурное значение речевой цепи и система грамматических значений в предложении // ФН. 1961. № 3; *Адмони В. Г.* Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979; *Сильман Т. И.* Подтекст как лингвистическое явление // ФН. 1969. № 1.).

⁴ *Адмони В.* Die Struktur des Satzes und die Gestaltung der Wortkunstwerkes // Linguistische Probleme der Textanalyse. Dusseldorf, 1975; *Адмони В.* Zu den Wechselbeziehungen zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft // Studia neophilologica, 1981, № 1.

Но такой изоморфизм отнюдь не охватывает все стороны текста и предложения. В тексте, в частности, за редкими исключениями отсутствует то предикативное отношение, которое составляет основу структуры предложения. Сфера текста и сфера грамматики остаются все же сферами принципиально раздельными, хотя и взаимосвязанными теснейшим образом. Текст и предложение — это, в принципе, формы, соотнесенные с высказыванием различным образом¹.

Если резюмировать все сказанное, то намечаются следующие выводы. Текст — это в высшей степени многообразная, исторически и функционально изменчивая единица социальной коммуникативно-когнитивной практики. Она строится на речевом материале, но в своей цельности и в своем построении обладает своими собственными закономерностями. Поэтому ее анализ не может быть проведен чисто языковедческими средствами, а должен строиться на особой методике, которая, естественно, должна учитывать и закономерности языковой материи, используемой текстами. А это означает, что наука, изучающая тексты как таковые, является самостоятельной филологической наукой, которую условно можно назвать текстоведением. О грамматике текста можно говорить лишь как о разделе грамматики, изучающем поведение грамматических единств (в том числе и наиболее развернутых из них — сверхфразового единства и абзаца) в тексте. Термин «лингвистика текста» распространяется на целостность текста лишь в той мере, в какой этим фиксируется факт, что текст есть разновидность высказывания. Но он неприменим как название науки, изучающий специфическое построение этой разновидности высказывания, поскольку здесь исключительно сильны факторы, выходящие за пределы лингвистики.

Т. В. Шмелева

Текст сквозь призму метафоры ткань²

- Задание.**
1. Как в работе Т. В. Шмелевой определяется специфика текста?
 2. Объясните вводимые Т. В. Шмелевой метафорические термины.

¹ Но дело здесь не в спонтанности. Спонтанно в речи могут возникнуть как разовые высказывания, так и малоформатные тексты и цитаты из развернутых текстов. Дело здесь в уже отмеченной абстрактности схем (логико-грамматических типов) предложения.

² Печатается по: Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1998. С. 68–74

<...> В основе семантики слова *текст* лежит **метафора тканьья**, переплетения. И хотя русский язык воспринял это слово в готовом виде, сам этот метафорический ход не чужд и ему: достаточно вдуматься в глагол *плести* в значении 'говорить что-либо, обычно не-суразное'¹, существительное *сплетни* или термин древнерусской книжной словесности *плетение словес*².

Характерно в этом отношении и использование метафоры «ткань текста» в работах, напр., современных литературных критиков: «*нормальная грамотная художественная тканьь, без особой графомании и вычур*» (Д. Бавильский); «*он использует методики постмодерна для создания художественной ткани (текста)*» (М. Кудимова).

<...> Развивая метафору тканьья, следует предположить, что если текст соткан, то в нем должны быть **основа, уток и узор**³. И действительно, <...> устройство текста определяется соединением двух обязательных составляющих (**тематической основы и рематического утка**), а также факультативного в плане выражения **авторского узора**. <...>

Тематическая основа текста, подобно основе ткущейся ткани, представляет собой особую нить, которую составляют **темы** высказываний. Ее мы прочитываем отдельно, вычитываем, когда нам нужно узнать, о чем незнакомый текст, и эта интуитивно выработанная техника чтения сложилась безотносительно к осведомленности о проблемах актуального членения и текстлингвистики.

Чтобы научить кого-то вычитывать тематическую основу текста, надо прежде всего познакомить с **техническими средствами** ее создания. Это тем более просто сделать, что такого рода сведения известны из теории актуального членения (как информация о способах выделения темы⁴ и теории референции (как данные о средствах выражения кореферентности в тексте: ведь тематическая основа это и есть цепочки кореферентных обозначений (беспрерывных или прерывающихся, сменяющих друг друга или сосуществующих в некоторых его фрагментах⁵).

Наиболее простое средство создания тематической основы — **повтор** <...>.

Повтор (надежное, но однообразное и потому не поощряемое стилистикой средство создания тематической основы. Его противоположность в этом отношении — **перифраза**, обладающая максимальными возможностями лексического разнообразия⁶. Представляя

¹ Словарь русского языка: в 4 т. М., 1983. Т. III. С. 140.

² Горшков А. И. Теория и история русского литературного языка. М., 1984. С. 123 и сл.

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1991.

⁴ Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 710–714

⁵ Обобщение такого рода данных см. в: Ким И. Е. Теория референции: материалы к спецкурсу. Вып. 2: Выражение кореферентности. Красноярск, 1995.

⁶ Подробнее см.: Ким И. Е. Указ. соч. С. 13–15.

собой серию переименований некоторой реалии в тексте, она будет тем обширней, чем больше известно о данной реалии разнообразных сведений, дающих основания для ее новых обозначений. Вне таких знаний лежат собственно текстовые перифразы типа герой нашего рассказа; те, о ком шла речь, и т. п. Требования к использованию перифразы предъявляет главным образом поэтика художественного текста, многие перифрастические выражения стали принадлежностью поэтического языка¹. В собственно языковом отношении перифразу как средство тематизации можно считать факультативным, даже избыточным.

Отличается экономностью такое средство создания тематической основы, как **анафора** – отсылка к предшествующему тексту, своеобразный указатель «смотри раньше». Анафора достигается с помощью местоимений (*он, этот, тот*) и однофункциональных слов типа *последний, вышеупомянутый*, а также простого умолчания, получившего название «нулевая анафора»². <...>

Для прочтения тематической основы важно понимание отношений смысловой соотнесенности между именами – партиципальности, принадлежности, аспектности, каузальности. <...>

<...> Тематическая основа текста прочитывается достаточно легко <...>. Под названием **тематической последовательности** эта составляющая строения текста была открыта и введена в научный оборот Фр. Данешем³. Им же предложена типология текстов, различающихся характером тематических последовательностей. Так, повествовательные тексты ткутся с **линейной** тематической основой⁴, описательные имеют основу, которую Фр. Данеш именует **константной**⁵, или такую, в которой он видит последовательность с **производными** темами⁶. Научившись различать эти три типа тематических основ, каждый может «распутывать» основы текстов, часто связанные из нескольких ниточек, составляющих, так сказать, тематический сюжет текста.

Рематический уток, который, по словам Даля, «пропускается по основе», составляют последовательности рем высказываний, из которых состоит текст. <...> Секрет такого чтения прост: ремы в письменной речи располагаются преимущественно в конце предложений⁷.

На текстообразующие функции ремы обратила внимание Г. А. Золотова, обнаружив цепочки семантически однородных рем, для ко-

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1991. С. 274; Новиков А. Б. Словарь перифраз русского языка. М., 2000.

² Ким И. Е. Указ. соч. С. 15–32.

³ Горшкова И. М. Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике // Синтаксис текста. М., 1979. С. 349–353.

⁴ Там же. С. 350.

⁵ Там же. С. 350.

⁶ Там же. С. 351.

⁷ Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981. С. 710.

торых она предложила термин «рематические доминанты», показав их значимость для типологии текстов¹. <...>

Для понимания смысла текстов важны не только рематические доминанты, но и **смены рем**, которые и заключают в себе, если можно так сказать, драматургию текста, его смысловое движение. <...>

Умение видеть рематический уток текста делает его «прозрачным» для читателя, «обнажает» его логику, что очень важно и при редактировании собственного текста. <...>

Авторский узор, который, говоря словами Даля, может быть «выткан» в тексте, – не обязательная его составляющая, как не обязателен и узор в ткани. Его составляют **словесные проявления авторского присутствия** в тексте. Подчеркнем **словесные**, поскольку автор незримо всегда присутствует в тексте <...>. Если же условия жанра или авторская воля вводят в текст авторский узор, то его удельный вес может быть самым различным. <...>

Если говорить о смысловых возможностях проявления авторского начала в тексте, то они довольно обширны.

Во-первых, это экспликация «фигур» автора и адресата, которые обычно оказываются «за кадром», но могут получить для своего проявления особые фрагменты текста <...>

Во-вторых, авторский узор может составить **метатекст** – ту часть текста, которая представляет собой его описание и одновременно инструкцию по его пониманию для читателя – «текст о тексте», как назвала его А. Вежбицка, предложившая термин *метатекст*².

В-третьих, авторский узор могут составить разнообразные авторские оценки упоминаемых реалий, информации о них и языковых средств, отобранных автором для их описания <...> Рассмотрение круга такого рода оценок в рамках высказывания обобщено автором в работе³.

<...> Авторский узор текста заметен в силу его семантической специфики <...>. Важно показать, что авторский узор в руках самого автора, он может сделать его более или менее заметным, «выткать» иначе, убрать совсем. <...>

Таким образом, сложнейший феномен текста сквозь призму метафоры тканья обнаруживает вполне уловимые черты, характеризующие его принципиальное устройство. <...>

¹ Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М., 1979.

² Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М, 1978. Вып. 8.

³ Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... д-ра филол. наук в виде доклада. М, 1995.

Н. С. Поспелов

Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры¹

- Задания.** 1. В чем Н. С. Поспелов усматривает отличие сложного синтаксического целого от сложного предложения?
2. Какие синтаксические особенности выделяет Н. С. Поспелов для характеристики сложного синтаксического целого как единицы текста?

Понятие сложного синтаксического целого, отличного от предложения, в русской литературе намечено было еще Потебнею. Сложное синтаксическое целое Потебня называл «речью», подчеркивая, что речь «вовсе не тождественна с простым или сложным предложением». С другой стороны, она, по мнению Потебни, не есть непременно «ряд соединенных предложений», как формулировал Буслаев в первом параграфе своей «Исторической грамматики», «потому что речь может быть и одним предложением»; в отличие от предложения, «она есть такое сочетание слов, из которого видно, и то ... лишь до некоторой степени, значение входящих в него элементов»², но «и речи, в значении известной совокупности предложений, недостаточно для понимания входящего в нее слова»³. Поэтому «речь», в свою очередь, является «частью большего целого, именно — языка», и «что такое речь, может быть определено только для каждого случая отдельно». <...> Но что такое высказывание по своей синтаксической природе? По формулировке В. В. Виноградова, «высказывание содержит в себе грамматически оформленное сообщение субъекта о действительности, т. е. непосредственно соотносит свое содержание с действительностью»⁴. В таком определении правильно вскрыт общий модальный характер высказывания (непосредственная соотнесенность его содержания с действительностью), но не указано других существенных особенностей высказывания — его смысловой законченности в контексте связной речи, синтаксической самозамкнутости и обусловленности смыслом всего высказывания «значения входящих в него элементов» (Потебня).

Проблемы высказывания как реального речевого целого касался в своей книге «Марксизм и философия языка» и В. Н. Волошинов, утверждая, что «реальными единицами потока языка-речи являются

¹ Печатается по: Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. М., 1948. Вып. 2. С. 43–68

² Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888. Т. I–II. С. 32.

³ Там же. С. 34.

⁴ Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1938. С. 551.

высказывания» и что «как целое, высказывание осуществляется только в потоке речевого общения». Волошинов выдвигает совершенно правильную мысль, что «продуктивное изучение синтаксических форм возможно только на почве разработанной теории высказывания и что предложение определяется внутри высказывания, лишь как элемент его, но отнюдь не как целое»¹ <...>. Он рассматривает, например, абзацы, как «законченные части монологического высказывания», отступая, таким образом, от плодотворного указания Потебни, что речь в смысле высказывания есть такое сочетание предложений, из которого видно «значение входящих в него элементов», а это возможно только при ограничении объема высказывания рамками группы предложений, входящих в состав абзаца.

Проблему высказывания или сообщения как сложного речевого единства затронул и проф. Н. Ф. Яковлев в одной из последних своих работ. По его мнению, «отдельное сообщение или высказывание ... может иметь различный объем и форму. Оно может представить собою и целую книгу, и отдельную статью, и устный доклад, и речь оратора, и обыкновенный разговор и т. д. Эти отдельные случаи человеческого общения средствами языка мы называем отдельными сообщениями». «Сообщение, — читаем мы в той же работе, — может быть разделено на некоторые более короткие части. Эти более короткие и более простые части всегда можно произнести в качестве понятных и законченных сообщений. Такие самые короткие части любого сообщения, которые могут быть произнесены в свою очередь в виде отдельных сообщений, мы называем предложениями. Таким образом, предложение есть кратчайшее из всех возможных сообщений». <...> Цитируемый нами автор интерпретирует предложение, когда оно выражает законченную мысль, как сообщение. Таким образом, по мнению Н. Ф. Яковлева, всякое предложение потенциально содержит в себе целое высказывание, которое реализуется или в отдельном предложении, или в группе предложений. И здесь намечается аналогия с отношением предложения к отдельным словам, объединяющимся в предложении. Развивая мысль Потебни о несамостоятельности слова в речи, Н. Ф. Яковлев указывает, что «слово становится конкретным, полным содержания, классово определенным и имеющим точное значение только в предложении и благодаря предложению. Даже выделять слово мы можем только благодаря предложению»².

<...> И само предложение только в высказывании становится конкретным, полным содержания и имеющим точное значение. Но в отличие от Н. Ф. Яковлева, мы склонны настаивать на необходимости ограничения объема высказывания рамками обозримой син-

¹ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1930. С. 110.

² Яковлев Н. Ф., Шхамф Д. А. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941. С. 10.

тактически группы предложений. В противном случае высказывание или сообщение теряет всякую синтаксическую определенность, по существу совпадая с понятием «речи», как это и имело место у Потебни. А между тем, связная человеческая речь только в фигуральном смысле является одним высказыванием, а на деле всегда распадается на ряд отдельных высказываний, представляющих собой синтаксическое единство определенной синтаксически структуры. Мы должны понять высказывание, как ограниченное по объему сложное синтаксическое целое. К такому пониманию сложного синтаксического целого подходили все крупнейшие русские синтаксисты: и А. М. Пешковский в своем «Русском синтаксисе в научном освещении», и Д. Н. Овсяннико-Куликовский в «Синтаксисе русского языка»; подобную же разработку синтаксиса сложных предложений намечали в своих работах А. А. Шахматов и В. А. Богородицкий.

А. М. Пешковский в первых двух изданиях своего «Синтаксиса», еще не выдвигал понятия сложного синтаксического целого, но называл сложным предложением и «ту синтаксическую единицу, которая получается от соединения предложений»; признавая, однако, этот термин явно несостоятельным, так как он называет несколько предложений одним предложением.¹ Таким образом, для Пешковского тогда оказывались «сложными предложениям» и «сочетания предложений», не имеющие внутри союзов, но могущие их иметь. Эти сочетания предложений, как говорит Пешковский, «тем труднее отделить от настоящих сложных предложений, что здесь господствуют сочетания смешанного типа. Союз *и* здесь соединяет часто два последних предложения, тогда как предыдущие соединяются паузами».²

Пример, который приводит Пешковский в виде иллюстрации «сочетаний смешанного типа», показывает, что мы имеем дело в данном случае не со сложными предложениями в обычном смысле слова, а с более сложными синтаксическими построениями, принципиально отличающимися от сложных предложений: *«Вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул, — и тихо всплывает багровое солнце»* (Тург.).

Здесь в двух пунктах, отмеченных знаками повышенного типа (; , —), разрывается непрерывная связь между предложениями, и вся группа предложений получает значение сложного синтаксического целого. Перед нами не одно сложное предложение, а сочетание двух сложных предложений с присоединенным к ним при помощи союза *и* простым предложением. Такое сочетание предложений, по словам самого Пешковского, «состоит из отдельных групп предложений,

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М., 1928. С. 437.

² Там же. С. 439.

внутри которых больше единства, чем снаружи». Чтобы фиксировать такие, более сложные синтаксические целые, как уже признавал тогда сам Пешковский, «нужно создать термин для к р у п н е й ш е г о синтаксического целого, а эти три слова не так легко сжать в один короткий и ясный термин. Употреблявшийся когда-то термин «период» так сросся теперь в нашем представлении с особым видом сложных предложений, отличающихся особой распространенностью, ритмичностью и музыкальностью, что применение его ко всякому сложному предложению тоже породило бы путаницу»¹. Нам представляется, что поиски нового термина для того, отличного от сложного предложения, синтаксического построения, о котором здесь идет речь, вполне закономерны, и нет никаких оснований удерживать здесь старый термин «сложное предложение», как это сделал Пешковский в ранних изданиях своего «Синтаксиса», объединяя под этим термином и собственно сложные предложения и «сочетания предложений смешанного типа».

Как известно, Шахматов в любом сложном предложении видел сочетание предложений, хотя и считал возможным, что вступающие в сцепление предложения могут выражать одну общую мысль², как, напр., в пословицах: *Никто, как бог; День да ночь — сутки прочь!* Повидимому, Шахматов отказывался от термина «сложное предложение», чтобы не называть одним предложением сочетание нескольких предложений, хотя бы и выражающих «одну общую мысль».

В последующих, переработанных изданиях своего «Синтаксиса» Пешковский, возможно, не без влияния Шахматова, отвергает термин «сложное предложение», так как, пользуясь им, мы называем не с к о л ь к о предложений о д н и м п р е д л о ж е н и е м и тем создаем путаницу. Он предлагает теперь пользоваться ранее отвергнутым им термином «сложное целое», так как то, что обыкновенно называют «сложным предложением», и является как раз очень часто не «союзным предложением», а «союзом предложений», почему и не должно называться «предложением»³.

В основу определения «сложного целого», как в более ранних изданиях своего «Синтаксиса» в основу определения сложного предложения, Пешковский полагает не только собственно синтаксические признаки (союзы и союзные слова), но и признак интонационный — паузы и определяет «сложное целое» следующим образом: «Сложное целое есть сочетание предложений, соединенных союзами, союзными словами и союзными синтаксическими паузами и не разъединенных разделительными синтаксическими паузами»⁴.

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. С. 438.

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. §40.

³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М. : Учпедгиз, 1938. С. 407.

⁴ Там же. С. 410.

В этом определении сложного целого Пешковский опирается на Овсянико-Куликовского, который в своем «Синтаксисе русского языка» подчеркивал, что «сложность предложения, как понятие синтаксическое, сводится к сочинению и подчинению предложений, соединяемых одно с другим так, что между ними нет разъединяющей паузы». Под термином «пауза» (остановка, «передышка») нужно в данном случае понимать тот перерыв в течении речи, который зависит исключительно от грамматической (синтаксической) конструкции предложений, от способов их сочетания, и на письме изображается точкой и точкой с запятой¹. «Наличность синтаксической паузы, — разъяснял Овсянико-Куликовский, — является символом или симптомом того, что данные предложения не образуют сложного целого и что, если между ними и есть известные связи синтаксического сочинения или подчинения, то это — связи более отдаленные, не столь тесные»². Но Овсянико-Куликовский не указывает, какие более сложные синтаксические единства формируются этими «более отдаленными, не столь тесными связями». Даже распространенный период, составленный «из нескольких предложений, которые в свою очередь могут быть сложны», Овсянико-Куликовский рассматривает, как «разновидность сложного предложения», а не как принципиально иное, более сложное синтаксическое единство³.

В главе X «Синтаксиса»⁴ Овсянико-Куликовский, приводя примеры употребления союзов после разделительной паузы, цитирует заключительное четверостишие пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье...» (1825):

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Комментируя употребление союза *и* в начале последнего четверостишия, Овсянико-Куликовский указывает, что союз *и* в данном случае (*И сердце бьется...*) поставлен «в начале нового независи-

В статье «Синтаксис в школе» Пешковский подчеркивал завершительный характер разделительной паузы, предпочитая говорить в данном случае о заключительной паузе и придавая тем самым сложному целому значение вполне законченного синтаксического целого. См.: Пешковский А. М. Сборник статей. Л.: ГИЗ, 1925. С. 104–105.

¹ Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. 2-е изд. 1912. II. С. 300–301.

² Там же. С. 301.

³ Там же. С. 303.

⁴ Там же. С. 275–276.

мого предложения после паузы (обозначаемой точкой, точкой с запятой, двоеточием) и выражает представление о том, что данное предложение есть следствие предыдущего, вывод из него или вообще примыкает к предыдущему», не образуя, однако, с точки зрения Овсянико-Куликовского, сложного синтаксического единства, хотя и соединяя эти предложения, тогда как «второе и в том же четверостишии (... *И для него...*) соединяет два независимых предложения без паузы между ними, выражая идею естественности, необходимости, возможности их соединения в одно более сложное целое».

Пешковский, в отличие от Овсянико-Куликовского, указывает, что «в собственно литературной речи, есть единица еще более крупная, чем сложное целое» — «сочетание сложных целых от одной красной строки до другой»¹. При этом он отмечает, что «к сожалению, синтаксического термина для этой единицы не существует и мы принуждены пользоваться здесь типографским (и вдобавок иностранным) термином “абзац”». Но Пешковский не дает никакой синтаксической характеристики таким сочетаниям сложных целых, ограничиваясь только указанием на их наличие в литературной речи. Сочетание сложных целых в пределах красной строки, с точки зрения Пешковского, получает значение логического единства и в силу этого может даже не нуждаться в особой синтаксической характеристике со стороны своего состава. В более ранней своей работе «Школьная и научная грамматика» Пешковский отметил, что значение красной строки «преимущественно логическое: она разделяет к р у п н е й ш е л о г и ч е с к и е ц е л ы е вне всякой связи с языковой формой их»².

В пределах красных строк в качестве «основной интонационной единицы речи» он выдвигает фразу, как интонационное единство, которое по синтаксической своей структуре может быть не только сложным целым, но и простым предложением. «Основной интонационной единицей, — пишет он в своем «Синтаксисе», — является не предложение и не сложное целое, а некая величина в грамматическом отношении т о с л о ж н а я , т о п р о с т а я , обладающая одной из трех законченных интонаций: законченно-повествовательной, вопросительной или восклицательной»³. При этом, как указывает Пешковский в статье «Интонация и грамматика», специально посвященной выяснению взаимоотношений между интонацией и грамматикой, соединение предложений в одно интонационное целое имеет предел и предел довольно близкий: при т р е х предложениях нам это сделать довольно трудно⁴. Таким образом, по Пешковскому, фра-

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. С. 410.

² Пешковский А. М. Школьная и научная грамматика. М., 1918. С. 95.

³ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. С. 410–411.

⁴ Пешковский А. М. Интонация и грамматика // Изв. рус. яз. и слов. Л., 1928. Т. I. Кн. 2. С. 470.

за, как интонационное единство, может быть или отдельным предложением или минимальным по объему комплексом предложений; более крупное сочетание предложений не будет ни грамматическим, ни интонационным единством, а будет единством только логическим.

Соглашаясь с Пешковским, что сочетание сложных целых выходит за границы интонационного единства, мы должны, однако, определить сочетание предложений как синтаксическое единство более сложного типа, чем простое или сложное предложение (или, по терминологии Пешковского, «сложное целое»). И это тем более необходимо, что — как правильно подытоживает Пешковский в заключительной части своей статьи наблюдения над взаимоотношениями между интонацией и грамматикой — интонационные средства языка «отличаются по д в и ж н ы м, с в о б о д н ы м характером» и, «так сказать, б л у ж д а ю т по грамматической поверхности языка»¹. При этом «одной из самых характерных черт» взаимоотношений между интонацией и прочими синтаксическими признаками речи «является принцип з а м е н ы, который можно формулировать так: чем яснее выражено какое-либо синтаксическое значение чисто грамматическими средствами, тем слабее может быть его интонационное выражение (вплоть до полного исчезновения), и, наоборот: чем сильнее интонационное выражение, тем слабее может быть грамматическое (тоже вплоть до полного исчезновения)»².

Поэтому, если более сложные синтаксические соединения не могут быть охарактеризованы со стороны интонации в отношении ко всему своему объему, то их внутренняя структура должна быть раскрыта независимо от интонации, другими синтаксическими средствами, т. е. должны быть указаны все наличные синтаксические связи между предложениями, входящими в состав более сложных синтаксических групп, имеющих характер авторских высказываний. При этом, приступая к анализу сложных синтаксических единств, прежде всего необходимо констатировать, что сложные синтаксические построения можно с полной определенностью давать только в письменной форме, что только «с развитием письменности получилась возможность образования более обширных сложных предложений, так как зрение дает возможность охватить предложение с более обширным объемом»³, а это, в свою очередь, «должно было вызвать и развитие соответствующих фонационных приемов для произнесения подобных предложений, к числу которых относятся так называемые периоды».

¹ Там же. С. 475.

² Там же. С. 463.

³ *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. 5-е изд., пересм. М. : Соцэкиз, 1935. С. 206. Ср. замечания Л. В. Щербы о возможной речи в статьях: «Опыты лингвистического толкования стихотворения „Воспоминание“ Пушкина» (Русск. речь. 1923. I. С. 25) и «Современный русский литературный язык» (Рус. яз. в шк. 1939. № 4. С. 21).

Как правильно указывал еще Потебня, именно «письмена ... принуждают пишущего разлагать речь на периоды, предложения, слова, звуки к раздельному пониманию речи»¹. Чем более связной является наша речь, чем органичнее она входит в сложный письменный контекст, тем необходимее ее организовать в более сложные синтаксические единства, чем простые и сложные предложения. В связной речи только эти более сложные синтаксические единства обладают, в отличие от предложений, замкнутой синтаксической структурой, и только они соответственно будут выражать в связной речи законченную мысль высказывающегося.

Реальной синтаксической единицей связной, монологической речи оказывается обычно не предложение, а группа предложений, образующих авторское высказывание. Извлеченное из контекста связной речи, высказывание не меняет своего смысла потому что его смысловое содержание не зависит от других высказываний, окружающих его в контексте связной авторской речи; оно оказывается, таким образом, синтаксически независимым от окружающего его контекста.

В отличие от сложного предложения, высказывание как сложное синтаксическое целое характеризуется не только замкнутой синтаксической структурой, но и прерывистым характером синтаксических связей между предложениями, входящими в его состав. Для сложного синтаксического целого характерны присоединительные конструкции и бессоюзные связи. При этом так называемые сочинительные союзы в составе сложного синтаксического целого часто получают присоединительное значение.

Следуя академическому «Словарю русского языка», мы называем союз присоединительным, в отличие от соединительного, если он «присоединяет тот или иной синтаксический член, который не имелся в виду в начале предшествующего»² и употребляется, по «Толковому словарю русского языка», прежде всего, «для присоединения предложений или отдельных членов предложения, дополняющих, развивающих высказанную мысль»³. В. В. Виноградов называет синтаксические конструкции с присоединительными союзами открытыми или сдвинутыми и характеризует их как «такие конструкции, где части не умещаются сразу в одну плоскость», так что «смысловая связь здесь основана не на прямом логическом соотношении словосочетаний и предложений, а на искомым, подразумеваемых звеньях»⁴. Мы, с своей стороны, подчеркнули бы прерывистость этих конструкций, тот логический

¹ Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 144.

² Словарь русского языка Академии Наук СССР. 7-е изд. М.; Л., 1935. Т. IX. Вып. 1. С. 4.

³ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1934. Т. I. С. 1123.

⁴ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М. : Гослитиздат, 1941. С. 286.

скачок, который наблюдается в составе сложного синтаксического целого при переходе от одного предложения к другому.

Проанализируем с этой точки зрения основные примеры на присоединительное употребление союза *и* из «Толкового словаря русского языка»: *«А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят». «Вчера получил денежный перевод, и очень кстати, потому что сидел без денег».* Ни тот ни другой из этих примеров нельзя рассматривать как сложное предложение. В первом два отдельных предложения, разделенные точкой, не могут составлять одного сложного предложения, хотя только оба они в совокупности выражают мысль говорящего. Второй пример мы тоже не имеем права разбирать как одно сложное предложение, потому что в нем при помощи союза *и* к предложению, просто сообщающему о факте («вчера получил денежный перевод»), присоединено сложное предложение, выражающее оценку этого факта самим говорящим («и очень кстати»). Это, конечно, высказывание с ясно выраженной модальной перспективой, в котором, при отсутствии непрерывной синтаксической связи между составляющими его звеньями, самое их значение обуславливается общим смыслом целого.

Вот еще пример сложного синтаксического целого, состоящего из двух предложений, связь между которыми устанавливается при помощи союза *но* в присоединительно-противительном значении и, таким образом, оказывается прерывистой:

Н о ч н а я м г л а
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.¹

Точка с запятой на стыке между этими двумя предложениями, образующими сложное синтаксическое единство, указывает на относительную самостоятельность его частей, взаимно дополняющих друг друга. Прерывистый характер синтаксической связи этих двух предложений подчеркнут различием в выражении сказуемости. В первом предложении сказуемое выражено глаголом прошедшего времени совершенного вида с перфектным значением. Во втором предложении сказуемое стоит в форме прошедшего времени несовершенного вида с имперфектным значением. Первое предложение продолжает линию авторского повествования о наводнении; второе является фоном, побочным действием по отношению к основному действию первого предложения. При попытке истолковать это синтаксическое целое как

¹ Текст поэмы «Медный всадник» дается по рукописи, готовящейся к печати, т. V Полн. собр. соч. Пушкина, изд. Акад. Наук СССР.

сложное предложение, изменив пунктуацию (поставив между двумя его частями вместо точки с запятой запятую), пушкинские строки теряют значение отдельного авторского высказывания, в котором сопоставляются друг с другом два различных плана бытия, и обращаются в простое фактическое сообщение о том, что в ночь после наводнения жители Петрограда долго не могли заснуть.

Прерывистость структуры сложного целого очень часто находит выражение в бессоюзных связях между предложениями, когда они, не являясь однородными, только присоединяются, примыкают друг к другу, что выражается в пунктуации постановкой между ними точки с запятой. Подобные случаи уже проанализированы нами на примере у Тургенева, приведенном Пешковским (с. 47).

Вот характерный пример подобного сочетания предложений, объединенного в одном высказывании, из поэмы «Медный всадник»:

Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился — и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.

Троекратная постановка точки с запятой в выписанных нами строках указывает на присоединительно-прерывистый характер связи между предложениями, формирующими данное высказывание, и в соответствии с этим и последующий союз *и* в обоих случаях получает присоединительное значение, на что и указывается постановкой перед этим союзом в одном случае запятой, а в другом — тире.

Можно сказать, что высказывание как сложное синтаксическое целое в отличие от сложного предложения, пользуясь бессоюзными связями и присоединительными конструкциями, оказывается более расчлененным в своей синтаксической структуре, чем сложное предложение, и это делает его синтаксическим единством более сложного характера, чем сложное предложение. В составе сложного синтаксического целого мы можем наблюдать не только прерывистость синтаксической структуры и большую расчлененность его частей, чем это имеет место в сложном предложении, но и большую синтаксическую разнородность его состава. Прежде всего в составе сложного синтаксического целого мы можем обнаруживать разного рода комбинации одночленных и двучленных предложений, причем именно двучленные предложения с дифференцированным выражением сказуемости имеют больший синтаксический вес в структуре сложного целого и являются его основными частями. Остановимся с этой точки зрения на составе сложных синтаксических целых, которыми начинается поэма «Медный всадник»:

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих пол,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.

Данное сложное целое состоит из трех предложений. Первое из этих предложений получает дифференцированное сказуемое только в присоединенной к нему синтагме (и вдаль глядел). Второе предложение сечением стиха разбито на две синтагмы; сказуемое в нем синтаксически не отчленено от подлежащего, и поэтому данное предложение оказывается одночленным. Третье предложение двучленно: сказуемое *стремился одиноко* отчетливо противопоставлено в нем подлежащему *бедный челн*. В итоге в данном сложном целом мы имеем два синтаксических двучлена: *Стоял он ... и вдаль глядел* и *Бедный челн ... стремился одиноко*. Сочетание этих двучленных предложений и выражает мысль автора, противопоставляющую того, кто, стоя на берегу пустынных волн, полный великих дум, глядел вдаль — бедному челну, который стремился одиноко по широко несущейся реке. Одночленные предложения с их недифференцированной сказуемостью оказываются, таким образом, на периферии авторской мысли. Разберем подобным же образом и следующее сложное целое:

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

В этом высказывании два предложения: одно одночленное (*чернели избы здесь и там*), другое, присоединенное к нему, — двучленное, со сказуемым, «отчлененным» от подлежащего, (*и лес ... кругом шумел*). И именно эта структурная двучленность второго предложения придает ему больше синтаксического веса по сравнению с первым предложением, делает его основным в составе всего высказывания. Сопоставим с данным высказыванием Пушкина сложное предложение, представляющее краткий прозаический конспект, схему этого высказывания: *По берегам чернели избы, и кругом шумел лес*. В этом сложном предложении не заключается еще никакого авторского высказывания, не выражается мысли автора, которая в сложном целом раскрывается как сопоставление двух разнородных по своей синтаксической структуре предложений. Эта разнородность усугубляется тем, что в каждом из двух предложений, входящих в состав данного сложного целого, мы находим еще и другие синтак-

сические звенья с отпечатком сказуемости, существенные для выражения законченной мысли автора, а именно: приложение «приют убогого чухонца» — в первом из них и причастный оборот «неведомый лучам в тумане спрятанного солнца» — во втором.

При анализе высказываний мы можем обнаруживать не только сложность, прерывистость и разнородность структуры, но и определенную линию синтаксического движения. Синтаксическая динамика высказывания находит выражение в организованной смене видовых и временных значений в формах сказуемости. Поэтому при анализе синтаксического содержания высказываний необходимо отмечать все случаи перехода в сказуемых от одних видовых и временных значений к другим. В формах прошедшего времени, кроме видовых различий совершенного и несовершенного вида, мы должны раскрывать различные оттенки значения прошедшего времени (аористическое, перфектное, имперфектное), а также находить разъяснение разнообразным случаям употребления форм настоящего и будущего времени для обозначения действий, имевших место в прошлом.

Аористическим оттенком значения прошедшего времени мы, следуя наиболее авторитетным исследователям русского синтаксиса, называем то значение прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, когда прошедшее действие представляется как один момент, независимо от того, как продолжительно оно было на самом деле,¹ или, иначе говоря, как «действие, однажды происходившее, относящееся к цельному неповторяемому промежутку времени, хотя бы оно и было длительным»².

Имперфектное значение «само по себе выражает не совершенность прошедшего действия, а его длительность» (Потебня), когда действие «не прикрепляется к определенному промежутку времени, а носит более широкий обобщающий характер» (Истрина).

Значение перфекта в глаголах прошедшего времени совершенного вида мы должны отмечать там, где, по наблюдениям еще К. Аксакова, «все значения действия переходят на предмет ... и становятся уже качеством предмета»³, т. е. в тех случаях, когда прошедшее время обозначает факт совершившийся и пребывающий донныне⁴, когда результат прошедшего действия «остается налицо и при отсутствии указаний на исчерпанность его может пребывать и по сию минуту»⁵.

В пределах одного высказывания возможны самые различные комбинации временных значений глагольных сказуемых и в этих сочета-

¹ Ср.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. IV. С. 157.

² *Истрина Е. С.* Синтаксические явления синодального списка I Новгородской летописи // Изв. Отд. русск. яз и слов. Российск. Акад. Наук. 1923. Т. XIV. Кн. 2. С. 105.

³ *Аксаков К.* О русских глаголах. М., 1855. С. 13.

⁴ *Потебня А. А.* Указ. соч. Т. I-II. С. 13.

⁵ *Виноградов В. В.* Современный русский язык. Т. II. С. 439.

ниях временных значений раскрывается синтаксическая динамика высказывания. Так, в приведенном нами выше отрывке из поэмы Пушкина «Медный всадник» (с. 55) прерывистый характер связи между двумя предложениями, образующими сложное синтаксическое целое, подчеркнут различием временного значения форм сказуемости:

Н о ч н а я м г л а
На город трепетный сошла¹
Но долго жители не спали
И меж собою толковали
О дне минувшем.

Переход от перфектного значения сказуемого а первом предложении к имперфектным значениям второго предложения, создавая то, что можно было бы назвать синтаксической перспективой, сообщает всему этому высказыванию то синтаксическое движение, которое и составляет своеобразие этого сложного синтаксического единства. В одних случаях синтаксическое движение внутри сложного синтаксического целого не меняет принятого направления, как, например, в начале II части «Медного всадника»:

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась как больной
В своей постели беспокойной.

Однородность имперфектного выражения сказуемости сообщает всему этому высказыванию прямолинейное синтаксическое движение. В других случаях синтаксическая кривая внутри отдельного высказывания получает зигзагообразное развитие, как, например, в следующем отрывке из первой части той же поэмы:

Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...

Здесь аористическое значение сказуемого в первом предложении, обозначающего факт прошлого, независимо от его длительности, сменяется имперфектными значениями сказуемых *бился*, *дул*, раскрывающими прошедшее время в его длительности и в свою очередь

¹ Курсив в стихотворных примерах наш. — *Авт.*

уступающими место глаголу *пришел*, имеющему в данном контексте перфектное значение прошедшего действия с осуществившимся результатом в настоящем (пришел и находится здесь). Еще более резкий переход от аористического значения глагола прошедшего времени совершенного вида к формам настоящего времени, наглядно изображающим в восприятии читателя уже пережитую автором действительность, мы наблюдаем, напр., в следующем высказывании:

Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редает мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...
Ужасный день!

Резкое изменение временных значений в формах сказуемых соответствует в данном высказывании двукратному изменению субъекта речи: рассказчика о судьбе героя сменяет во втором предложении эпический поэт Петрограда, а его, в свою очередь, сменяет поэт-лирик, сочувствующий своему герою (в заключительном восклицательном предложении).

Будучи законченным синтаксическим целым, из которого видно значение входящих в него элементов (Потенция), высказывание, в отличие от сложного предложения, является законченным словесным выражением того сочетания мыслей высказывающегося, которое оказывается неповторимым по своеобразию заключенного в нем смыслового содержания.

Если предложение выражает отдельную мысль говорящего, которая, по словам Пушкина, «никогда ничего нового не представляет», то высказывание служит выражением того своеобразного, принадлежащего определенному автору неповторимого сочетания мыслей, которые именно в этом своем сочетании «могут быть разнообразны до бесконечности»¹.

В высказывании всегда выявляется при этом живое отношение говорящего к тому, что он высказывает, выявляется синтаксическая модальность высказывания. Поэтому вводные и вообще модальные слова, которые не могут рассматриваться как члены предложений, а разбираются в синтаксисе как слова, стоящие вне предложения, органически входят в состав высказывания. В отличие от высказывания отдельное предложение может принадлежать всем и каждому и на него нельзя предъявлять авторских прав, если только предложение не будет афоризмом, т. е. если оно не станет отдельным законченным высказыванием; поэтому предложение может шаблонизироваться, обращаться в безличную разменную монету речи, может

¹Пушкин А. С. Об обязанностях человека сочинение Сильвио Пеллико // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 9 томах. Academia, 1936. Т. VIII. С. 279.

даже спускаться до уровня не имеющего синтаксического значения фразеологического клише. Поэтому же при синтаксическом анализе структуры связного текста нельзя подвергать синтаксическому разбору каждое предложение в отдельности, но необходимо раскрывать синтаксическое строение высказываний, как живых клеток авторской речи. В отличие от предложения, высказывание, выражая определенное отношение высказывающегося к самому содержанию речи, всегда является актуальным предикцированием, тогда как в отдельном, извлеченном из контекста высказывания предложении очень часто, по указанию В. А. Богородицкого, имеет место «развитие атрибутивности в предложении на почве предварительной предикативности, представляющее естественный для ума переход от более простых к более сложным синтаксическим построениям» — «один из основных процессов синтаксической эволюции языка»¹. Аналогичное замечание делает и Шахматов в своем «Синтаксисе» относительно приложений, указывая, что «аппозиционные отношения стоят в тесной связи с предикативными и могут вытекать из них» и что если «в предложении “Михаил кузнец” содержится утверждение о том, что Михаил по роду своих занятий кузнец, то отсюда возникает возможность аппозиционной связи между обоими названными словами: “Михаил кузнец”»². В процессе построения сложного синтаксического целого данное синтаксическое явление имеет место в том случае, когда вместо отдельно-го простого предложения используются обособленным приложением, как, например, в высказывании:

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

Предикативное приложение³ *приют убогого чухонца* возникает здесь как аппозитивное выражение предварительной предикативности, т. е. отдельного утверждения говорящего, которое предшествует построению данного сложного целого. Поэтому по той функции, которую имеет приложение в составе данного высказывания, его правильнее было бы назвать постпредикативным приложением. Постпредикативное приложение вносит в сложное синтаксическое целое особый момент синтаксической перспективы, отсутствующий в предложениях простых или сложных, где приложения не имеют

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. С. 222.

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. § 372. С. 280.

³ Там же. § 22. С. 39.

постпредикативного значения, как, напр., в предложении: *Лондон, столица Великобритании, неоднократно подвергался воздушным бомбардировкам*. В составе сложного синтаксического целого постпредикативные приложения являются часто непосредственным выражением авторского отношения к тому содержанию, которое выявляется в высказывании. Так, в вышеприведенном высказывании приложение «*приют убогого чухонца*» дает авторскую оценку того содержания, которое только воспроизводится в нерасчлененном синтаксически словосочетании «*чернели избы*».

Что касается обособленных оборотов с причастиями и прилагательными, т. е. аппозитивных причастий и прилагательных, по терминологии Потевни¹, предцирирующих или предикативных определений, по терминологии Овсянко-Куликовского² и Шахматова,³ то в составе сложного синтаксического целого, становясь его органическими частями, как дифференцированные синтаксические звенья, обособленные обороты получают более предикативное значение, чем это наблюдается в подобных оборотах в рамках предложения простого или сложного. Здесь, повидимому, имеет место процесс обратный тому, который отметили Богородицкий и Шахматов для обособленных приложений: не «развитие атрибутивности на почве предварительной предикативности», а, наоборот, — усиление предикативности. Чтобы в этом убедиться, сопоставим два аналогичных оборота с прилагательными в составе предложения и в структуре сложного синтаксического целого. Возьмем следующее предложение из второй части поэмы «Медный всадник»:

И полой сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собой —
И вдруг, удара в лоб рукой,
Захохотал.

В этом предложении, представляющем собой вторую часть сложного синтаксического целого, занимающего в тексте поэмы целый абзац, объемом в одиннадцать с половиной строк, оборот *полой сумрачной заботы* связан только с нерасчлененным сочетанием подлежащего и сказуемого *ходит он*, оказывается только обособленным определением к подлежащему «он» и не входит органически в структуру сложного целого, построенного на смене форм времени в сказуемых и на противопоставлении не прямой собственной речи персонажа словам автора. Поэтому без ущерба для всего сложного целого мы могли бы опустить этот оборот, перенеся, например, союз

¹ Потевня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I. С. 104.

² Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. II. 1912. С. 82.

³ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. § 22. С. 39.

и в следующую строку и устранив частицу *все*. Совсем другое значение имеет подобный оборот в начальных строках поэмы:

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел.

Здесь оборот *дум великих полн* входит в структуру сложного синтаксического целого как его необходимая часть, и с устранением данного оборота из высказывания потерпит ущерб смысл всего сложного целого, так как непонятна будет вложенная в него мысль автора. Свойственная этому обороту «аппозиция»¹ распространяется в данном случае на все высказывание.

Аналогичные различия в синтаксической функции мы можем наблюдать и в отношении деепричастных оборотов, являющихся в предложении дополнительными сказуемыми.² Сопоставим употребление деепричастных оборотов в двух синтаксических целых из поэмы «Медный всадник». В сложном целом:

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.

Деепричастный оборот, связанный только с одним сказуемым *спешит*, не входит в структуру высказывания, построенного на смене значения времени в сказуемых каждого из трех присоединенных друг к другу предложений, и может быть устранен из синтаксического целого без ущерба для выражения мысли автора. Вот другое сложное целое, начинающее первую часть поэмы:

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась как больной
В своей постели беспокойной.

Деепричастный оборот здесь имеет иную, более значительную синтаксическую функцию. Он относится не только к предикативному сочетанию *Нева металась*, как дополнительное второстепенное ска-

¹ По указанию Потебни, «аппозиция занимает середину между сказуемым и атрибутом, или определением в тесном смысле». *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. II. С. 505.

² Ср.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. § 29. С. 45–46.

зуемое, но необходимо в структуре всего высказывания, связывая друг с другом два предложения, входящие в его состав, что лучше всего уясняется из невозможности без ущерба для мысли автора устранить этот оборот из данного сложного синтаксического целого.

В ходе выражения мыслей говорящего и в восприятии слушающего и читающего высказывания объединяются в еще более сложные синтаксические построения, в которых целые ряды авторских высказываний в определенном порядке сообщаются слушателям или читателям. Такие сложные синтаксические единства в письменной речи обычно выделяются абзацами.

В отличие от высказывания сообщение имеет непосредственную установку на воспринимающего слушателя или читателя. Синтаксическую цельность придает ему восприятие слушателя или читателя, усваивающих содержание сообщаемых высказываний в определенном плане как некоторое композиционное единство. Сам автор, объединяя несколько высказываний в одно сообщение, неизбежно должен подходить к ним со стороны, объективируя свои высказывания, т. е. относясь к ним как слушатель или читатель. Поэтому именно в сообщении наиболее полно раскрывается социальная природа человеческой речи, так как самое формирование сообщения непосредственным образом определено социальными условиями человеческого общения.

По правильному замечанию В. Н. Волошинова, абзац — «это как бы вошедший внутрь монолога диалог. Установка на слушателя и читателя, учет его возможных реакций лежит в основе распада речи на части, в письменной форме обозначаемые как абзацы». И поэтому, «чем слабее установка на слушателя, тем более нерасчлененной в смысле абзацев будет наша речь»¹. Следовательно, чем более определенно адресуется автор к аудитории, к большому кругу читателей, тем отчетливее будут выделяться абзацы и тем чаще они будут совпадать по объему с высказываниями. Становясь сообщением, высказывание получает определенную композиционную структуру, становится композиционно-синтаксическим единством. Так, например, второй абзац «Вступления» к поэме Пушкина «Медный всадник» («Прошло сто лет ... Порфироносная вдова»), являющийся единым высказыванием, так как только во всем своем объеме он выражает мысль автора, в то же время оказывается оформленным композиционно, развернутым сообщением, в котором двумя четверостишиями, имеющими значение зачина и концовки, обрамляется период, являющийся композиционным ядром данного сообщения, развертывающегося, таким образом, по определенному, принятому автором плану. Композиционная функция сообщений-абзацев особенно ощутительна в художественно-поэтической и ораторской речи, когда структура абзаца становится средством выявления творческой композиции и синтаксическое движение внутри абзаца раскрывает

¹ *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. С. 111.

самый процесс формирования творческой мысли художника слова. Поэтому углубленное изучение синтаксической динамики композиционной структуры абзацев-сообщений в литературно-художественных текстах должно содействовать раскрытию художественных замыслов писателя.

Резюмируем кратко основные выводы, к которым приводит нас анализ структуры сложного синтаксического целого.

1. Действительной синтаксической единицей связной речи является не предложение, простое или сложное, а сложное синтаксическое целое, сохраняющее синтаксическую самостоятельность и законченность и при извлечении из контекста связной речи.

2. Сложное синтаксическое целое есть такое сочетание слов или предложений в связной речи, «из которого видно значение составляющих его элементов» и которое поэтому, в отличие от предложения, действительно обладает в связной речи замкнутой синтаксической структурой и выражает законченную мысль высказывающегося.

3. Основными признаками внутренней структуры сложных синтаксических целых являются прерывистость их строения и разнородность их состава. Прерывистость структуры сложных синтаксических целых выражается в присоединительном характере синтаксических связей внутри сложного целого, союзных и бессоюзных. Разнородность состава сложных синтаксических целых выражается в разнотипности составляющих их предложений, одночленных и двучленных, в разнобразном сочетании различных временных значений сказуемых внутри сложного целого и включении в органический состав сложных синтаксических целых «постпредикативных» приложений и предикативных оборотов с причастиями, прилагательными и деепричастиями.

4. Наиболее сложным синтаксическим единством в связной речи является авторское сообщение, выделяемое в письме в отдельный абзац и обычно состоящее из группы высказываний, имеющих, в отличие от отдельного высказывания, непосредственную установку на слушателя или читателя, и поэтому выступающее в связной речи как законченная коммуникативная единица.

Т. В. Шмелева

Текст как объект изучения в школе¹

- Задания.**
1. Какие типы информации, по мнению Т. В. Шмелевой, заложены в тексте?
 2. Какие единицы в тексте охарактеризованы как метасредства?

¹ Печатается по: *Шмелева Т. В.* Текст как объект изучения в школе. В. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005. С. 7–21

<...> говорящий обязательно должен соединить в предложении объективную информацию о мире (**диктум**) и субъективную, «от себя», (**модус**). В модусе заключается целый спектр значений, представляющих отношение автора высказывания к описываемым событиям, к информации о них и к собеседнику¹. Наряду с этим в модусе содержится информация об отношении говорящего к предложению как собственному речевому произведению.

Эту часть модуса составляет информация:

1) о целях данного речевого действия: сообщить (спросить) – проинформировать некоторое социальное действие (поздравление, извинение и т. п.);

2) о жанре, в котором выступает говорящий: собственно сообщение, шутка, согласие с мнением или возражение «предыдущему оратору» и т. д.;

3) о месте данного высказывания в тексте: начинается оно текст, новый «сюжет», возвращает к уже обсужденному, продолжает мысль, резюмирует.

Особенность этой части модусных смыслов состоит в том, что они всегда (вернее, почти всегда) проявляются в предложении скрытым образом, **имплицитно**: все перечисленные значения (цель речевого акта, его жанр, место в тексте) очевидны для всех участников общения и потому не требуют специального выражения.

Выражение такого рода смыслов модуса (**метасмыслов**) производится при каких-то отклонениях от обычного, стандартного хода коммуникации, когда говорящий вынужден комментировать свою речевую деятельность, мотивировать свое поведение как автора высказывания. Так, когда говорящий осознает, что нарушает правила речевого поведения под воздействием особых обстоятельств, в его высказывании появляются своеобразные пометки, суть которых состоит или в объяснении мотивов отступления или в извинениях по этому поводу. Наблюдения над такими **экспликациями метасмыслов** в предложении дают возможность выявить **кодекс речевого поведения** по его «нарушениям».

<...> Метасредства языка, на которые обратил внимание Р. Якобсон², роль которых в тексте показала А. Вежбицка³, составляют значительный пласт языковых средств, нуждающихся в специальном изучении и особом описании.

Их составляют разнообразные сигналы о речевом поведении автора высказывания текста, или о свойствах речи в ее отношении к

¹ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 45; Шмелева Т. В. 1995.

² Якобсон Р. Лингвистика и поэтика (1960) // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 201–212.

³ Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978.

условиям и конвенциям общения¹. По существу метасредства фиксируют все предусмотренные языком ситуации неавтоматического общения и представляют инструменты для выхода из таких нестандартных и даже затруднительных ситуаций. Репертуар метасредств русского языка требует систематизации как со структурной, так и со смысловой стороны.

Структурные типы метасредств представлены единицами от частиц до самостоятельных высказываний, иначе говоря, от микросредств, вмонтированных в предложение, до макросредств, требующих отдельного текстового пространства и соответственно особого внимания адресата.

Примером микросредств может послужить частица *же*, семантику которой в императивных высказываниях показали А. П. Володин и В. С. Храковский: *же* сигнализирует о прецеденте ожидания в императивной ситуации, который может быть создан как уже предъявленным императивным высказыванием, так и пониманием действительности, располагающей адресата к исполнению того или иного действия. Метасмысл *же* можно истолковать как сигнал избыточности предъявляемого императивного высказывания, в чем «виноват» не по правилам действующий, вернее, бездействующий адресат. Частица информирует о несоблюдении адресатом конвенции исполнения действий при первом предъявлении императивного высказывания, либо при очевидно и однозначно располагающих к этому обстоятельствах – то есть имплицитной императивности.

На «макрополюсе» репертуара метасредств окажутся высказывания с метапредикатами в перформативном употреблении, или метавысказывания; напр.: *Но обо всех этих мелких подробностях **расскажу** после, если только будет стоить потом **припоминать** о такой пакости* (Дост., из писем); *Вечером у Глеба Капустина собрались мужики. Ждали хозяина. Про Глеба Капустина **надо рассказать, чтобы понять**, почему у него собрались мужики и чего они ждали* (Шукш.) <...>. В высказываниях такого типа обсуждаются обстоятельства общения, вынуждающие автора к тем или иным речевым действиям, самооценки своего речевого поведения, оправдания и объяснения его.

Между микро- и макрополюсами расположатся некоторые из модальных слов и словосочетаний, как их называл В. В. Виноградов: *кстати, впрочем, действительно, во-первых* и т. д. Среди «словосочетаний» выделяются наиболее освоенные метаязыком структурные типы – инфинитивные и деепричастные обороты с глаголами речи

¹ Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16; Грайс Г. П. Логика и речевое поведение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16; Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1.

и мысли; например: <...> *Несколько упрощая, можно сказать, что англичанин склонен быть консервативным по взглядам и прогрессивным по наклонностям... Проще говоря, ему чаще всего присущ консервативный реформизм* (Овчин.).

Из технических средств полипредикативного синтаксиса, тяготеющих к макрополносу, к метасредствам относятся местоименно-соотносительные, условные и целевые конструкции: <...> *героиня, отпоенная горячим кофе, выспавшаяся, завтракает в чистеньком, чтобы не сказать уютном полицейском участке* (газ.). Такие конструкции можно было бы назвать квазиотождествительными, квазиусловными и квазичелевыми – описываемые ими отношения относятся к сфере не реальной действительности, а речевой деятельности автора, сигнализируя о его рефлексии над отбором номинаций, моментами преувеличения и некоторыми другими постулатами речевого поведения.

Систематизация метасредств русского языка покажет распределение и взаимодействие лексических и конструктивных метаорганизаторов (в терминологии А. Вежицкой) – эксплицитных (содержащих глаголы речевой семантики) и фразеологизированных (таких, как *же, впрочем* и подобных); клишированных и уникальных; принадлежащих только метаязыку и совмещающих эти функции с собственно языковыми, например, названные выше конструкции сложного предложения и такие обороты, как *прежде всего*. Для средств, совмещающих мета- и собственно языковые функции, важно определить условия проявления той и другой. Результаты такой подробной систематизации метасредств и поисков амплуа каждого из них могли бы найти отражение в *метасловаре* русского языка.

Н. Д. Зарубина

Содержание категории последовательности¹

- Задания.** 1) Какие значения в категории последовательности выделяет Н. Д. Зарубина?
2) Как автор соотносит значение модальности с типами речи (описанием, повествованием, рассуждением)?

Текстовая категория последовательности имеет вполне конкретное содержание, обнаруживающееся в текстовых значениях. Одни значения выявляются лишь в пределах изъятого из контекста предложения, другие — в условиях текстовой ретроспекции.

¹ Печатается по: Зарубина Н. Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М., 1981. С. 28–55.

Кроме общего значения — последовательности, линейности — может быть обнаружен еще ряд частных значений, которые выявляются в пределах одного предложения. При определении этих значений мы исходим из представленности в предложении сигналов его коммуникативной слабости. Так, наличие в предложении одного из сочинительных союзов свидетельствует о значении *к о о р д и н а ц и и* (*С утра было тепло и солнечно. Но к вечеру погода испортилась*). Измененный порядок слов сигнализирует о значении *и н в е р с и о н н о с т и* (*Поступить в технический вуз Максим не хотел*). Неполнота предложения выражает значение *и н к о м п л е т и в н о с т и* (*Рано утром туристы отправились на вокзал. Они долго спорили у расписания, до какой станции им ехать. Наконец сели на калужскую электричку*). Представленность в предложении местоимений третьего лица (личных, притяжательных), указательных местоимений, местоименных наречий, обозначающих подлежащее, дополнение или обстоятельство, указывает на значение *п р о н о м и н а л ь н о с т и* (или вторичной номинации в самом общем понимании) (*Он поднялся на восьмой этаж*).

Значения прономинальности и координации не представляют трудностей при выявлении, поскольку каждое характеризуется ограниченным и сравнительно нетрудным для усвоения перечнем форм.

Что касается значений инкомплетивности и инверсионности, здесь дело обстоит более сложно. Остановимся на этих значениях.

Значение *и н к о м п л е т и в н о с т и* раскрывается в неполноте предложения. Носитель русского языка, даже не зная различных толкований сущности неполноты предложения, сравнительно легко определяет факт отсутствия в предложении того или иного формально необходимого члена, напр.: «Басни» Крылова я дарю тебе. «Избранное» Маяковского — Николаю. <...>

А. М. Пешковский неполноту предложения определяет как случайную и не создающую особой формы¹.

<...> Трансформация исходного члена парадигмы (двусоставного коммуникативно-сильного предложения — *авт.*) в косвенный посредством внесения значения инкомплетивности (опущения одного из главных членов предложения) позволят дать конкретное представление о реализации одного из способов создания синтагматической зависимости предложения.

<...> Случаи «индивидуального сцепления именно данного глагола с данным предлогом и падежом»² выпредставляют собой убедительный фон для сравнения с фактами отсутствия дополнения (прямого или косвенного) при глаголе. Напр.: *Он тщательно мыл руки под краном. Мыл и думал об операции, которую предстояло провести в очень трудных условиях.*

¹ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934. С. 353.

² Пешковский А. М. Там же. С. 257.

<...> Знакомство со способами выражения определительных отношений (в частности, с согласованным определением) <...> помогает в <...> правильном маркировании таких неполных предложений, как *На столе лежали две ложки. Петя выбрал маленькую.*

<...> Неполнота предложений лишь в последнее время стала рассматриваться как контекстуально подготовленный компонент сложного целого (АГ-70. С. 575). Сложившаяся ранее практика анализа неполных предложений, не принимавшая во внимание контекст группы предложений, таила в себе парадоксальную тенденцию к типизированию нетипичного, отсюда — вычленение так называемых эллиптических предложений ... , которое противоречит случайности как основе существования вышеназванного разряда предложений.

<...> Значение инверсионности <...> представляется максимально сложным <...>. Однако лингвист, занимающийся исследованием порядка слов, скажет, что «порядок слов в русском языке не свободен. При разном порядке слов смысл предложения его коммуникативное назначение оказывается различным»¹.

<...> Мы же оцениваем недостатки, имеющиеся в области разработки проблемы порядка слов, с позиций того, что выводы были сделаны и проиллюстрированы в то время, когда основы теории текста только закладывались. <...> Связность текста, создающаяся конкретными языковыми средствами, в большей степени определяет языковую интуицию, чем сложно формулирующиеся постулаты актуального членения.

В учебниках современного русского языка в качестве примеров часто приводились коммуникативно-слабые предложения со значением прономинальности. Языковое окружение таких предложений опускалось. Можно ли считать лингвистически корректной такую иллюстрацию? Думается, на этот вопрос следует ответить отрицательно.

<...> Критерий (прямого (подлежащее предшествует сказуемому) и обратного (сказуемое предшествует подлежащему) порядка слов — *ред.*) предельно формализован, усваивается легко <...>. Обратный порядок слов — норма в следующих случаях: сказуемое перед подлежащим в описательных текстах; в текстах, обозначающих явления природы; в авторских ремарках драматических произведений; в авторских словах после прямой речи.

<...> Явления «третьего порядка слов» — это ряд предложений русского языка, порядок слов в которых формально обратный, а по сути дела прямой. <...>

К «третьему порядку слов» в русском языке относятся и предложения, в которых сказуемое находится перед подлежащим, осложненным обособленным определением, напр.:

¹Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. С. 4.

Вечером к Василисе Михайловне зашел побеседовать Никодим Павлович, низенький человек, в габардиновой гимнастерке, с неровно подстриженными усами и пухлым белым лицом.

Тот факт, что формирование языковой интуиции у изучающих русский язык невозможно без раскрытия значения инверсионности, без проникновения в сущность случаев «третьего порядка слов» и его усвоения, подтверждает реальность существования в тексте коммуникативно-сильных предложений и важность изменения порядка слов в них для перевода их в коммуникативно-слабый план.

В условиях текстовой ретроспекции выявляется стилистическое значение категории последовательности. Оно обуславливается направленностью внимания пишущего (или говорящего) на оптимальную композиционную организацию предложений в тексте. Конкретизируется это значение: а) в формах парцелляции предложения; б) в формах видо-временного согласования; в) в параллелизме строения (для «третьего порядка слов» — в формах хиазма); г) в наличии слов, являющихся синонимами к словам из левого контекста.

«Парцеллированное предложение — это представленная в (нескольких. — *авт.*) высказываниях, в (нескольких — *авт.*) отрезках текста от точки до точки одна структурная единица»¹, напр.:

*Поэтому, когда бабушка со слезами в голосе стала настаивать, что ведь надо же что-то делать, что-то предпринимать, а не сидеть сложа руки в то время, как там может случиться бог знает что, Майя Григорьевна сумела найти в себе силы утешить ее, настроить на более спокойный лад. **И себя тоже.***

Вычленение части предложения *И себя тоже* в отдельное высказывание не сообщает приведенному отрезку текста — от точки до точки — значений координации и инкомплетивности, поскольку эти значения могут наблюдаться лишь в пределах одной структурной единицы, выраженной косвенным членом парадигмы. Высказывание *И себя тоже*, образованное в результате индивидуального членения предложения, косвенным членом парадигмы не является, поскольку без обращения к левому контексту не может быть реконструировано в исходный член парадигмы.

Предварительный вывод — явление парцелляции может быть отнесено к области стилистической работы, возможной лишь тогда, когда усвоены те значения категории последовательности, которые формируют связный текст посредством объединения в единое целое структурных единиц.

Видо-временное согласование в следующих друг за другом предложениях также относится к стилистико-композиционным характеристикам.

*Прибежали радульские мальчишки, **оттеснили** московских, **взяли** у них лопаты, **начали** копать. Потом **прибежали** радульские*

¹ *Формановская Н. И.* Стилистика сложного предложения. М., 1978. С. 169.

девочки и скромно **встали** кучкой в сторонке. Одна за одной, торпливо семеня, **появились** старушки, за ними женщины помоложе с малышками за руку, иные с грудными младенцами. **Явилась** и Настасья Петровна с Машунькой. **Пришел** Илья Михайлович.

Приведенный пример состоит из пяти предложений. Во всех предложениях наблюдается видо-временное согласование. Но единством (не стилистико-композиционным, а языковым) являются не все предложения в совокупности, а первое и второе (второе имеет значение координации и присоединяется к первому), третье и четвертое (четвертое имеет значение координации, присоединяясь к третьему). В пятом же предложении, изъятом из контекста, не обнаруживается ни одного из частных значений категории последовательности («третий порядок слов» обусловлен повествовательной манерой изложения), а стилистическое значение категории последовательности наблюдается в нем только в результате текстовой ретроспекции.

На примере первого и второго, а также третьего и четвертого предложений особенно наглядна дополнительная функция видо-временного согласования. Первое и второе предложения являются единством не потому, что в них имеется согласование по виду и времени (стилистические характеристики всегда вторичны). Это согласование по виду и времени — закономерное следствие (стилистико-композиционного характера) проявления во втором предложении значения координации, в результате чего можно говорить об объединении первого и второго предложений в группу. То же можно сказать о следующей группе — третьем и четвертом предложениях.

Параллелизм строения может наблюдаться как в следующих друг за другом коммуникативно-сильных, так и в коммуникативно-слабых предложениях, напр.:

Светочка приоткрыла дверь и заглянула в комнату. Рослый черный **пудель**, расставив лапы, **стоял** бочком посередине комнаты и лаял на кота, прижавшегося к ножке обеденного стола.

Еще в гардеробной **Иван Семенович Фудаяев**, сотрудник одного не очень крупного, но и не мелкого учреждения, раздеваясь, **заметил** что-то неладное. **Гардеробищица тетя Катя**, принимая от него шубу и калоши, как-то странно на него **поглядела**. Взгляд ее был насмешливым и в то же время по-женски жалующим.

Для случаев «третьего порядка слов» параллелизм строения может наблюдаться в формах хиазма — в обратном расположении главных членов одного сопоставляемого предложения (или нескольких сопоставляемых предложений). Вот пример хиазма как проявления параллелизма в строении сопоставляемых предложений при условии, что некоторые из них организованы в соответствии с «третьим порядком слов»:

Ветер налетал порывами и злобно выл. В лесу и в овраге **скрипели** невидимые **деревья**. **Дождь хлестал** по лицу, слепил глаза. Внизу под **горой шумели** волны в реке.

Здесь параллелизм внутренний, фактический, и порядок слов во втором и четвертом предложениях должен оцениваться как прямой.

Это проявление стилистического значения категории последовательности, пожалуй, максимально близко к значению инверсионности. Различие в том, что параллелизм строения наблюдается и в коммуникативно-сильных, и в коммуникативно-слабых предложениях, а значение инверсионности — только в коммуникативно-слабых предложениях. <...> Значение инверсионности определяется с поправкой на возможный «третий порядок слов». При анализе связности / несвязности предложений (*Домик был занесен снегом до самой крыши. Кончилась метель*) нет никаких оснований для отнесения второго предложения к коммуникативно-слабым (и нельзя делать вывод о факте группы предложений), поскольку второе предложение организовано в соответствии с «третьим порядком слов» и не содержит отступлений от норм словорасположения (как нерасчлененное). Если несколько видоизменить пример (*Домик был занесен снегом до самой крыши. Метель кончилась*), то он будет представлять собой группу, первое предложение в которой — коммуникативно-сильное — соединяется с коммуникативно-слабым (в результате измененного порядка слов, представленности значения инверсионности во втором предложении).

Наконец, появление в предложении правого контекста слов, являющихся функциональными синонимами к словам, употребленным в предложениях левого контекста, тоже не является средством организации связности текста. Вторичную номинацию мы понимаем только как факт проявления значения прономинальности:

*Рослый черный **пудель**, расставив лапы, стоял бочком посередине комнаты и лаял на **кота**, прижавшегося к ножке обеденного стола. Рыжая шерсть у **Прохора** стояла дыбом, одной лапой с когтями, приведенными в полную боевую готовность, он махал в воздухе перед оскаленной мордой **пса**.*

Каждое из этих предложений, изъятое из контекста, выглядит как коммуникативно-сильное. Синонимическая функция выделенных слов обнаруживается в текстовой ретроспекции.

*Потом **Наточка** вместе с другими пассажирами долго шла по полю. Самолет ждал ее, раскинув сильные надежные крылья, огромный, рыбомордый, отсвечивающий серебром. Сережа смотрел на удаляющуюся Наточкину фигурку и, тревожась, думал: оглянется или не оглянется? Оглянулась, помахала рукой! **Тоненькая, стройная**, как на карточке, где снята еще школьницей, когда никому и в голову не приходило, что эта **озорная большеглазая московская девочка** станет восходящей звездой русского балета.*

Дистанционная разделенность понятий, выражаемых синонимами *Наточка* и *озорная большеглазая московская девочка*, слишком велика, и последнее предложение расценивается нами как коммуни-

кативно-слабое вовсе не потому, что в нем имеется факт вторичного названия, а потому что содержит значения инкомплетивности (*тоненькая, стройная*) и прономинальности (*эта*).

«Нанизывание» предложений с помощью синонимов также относится к области дополнительных стилистических характеристик (признается только факт вторичной номинации, выраженной словами, не имеющими конкретных лексических значений, а именно местоимениями).

<...> Помимо значений координации, инкомплетивности, инверсионности, прономинальности и стилистического значения, в категории последовательности можно выделить значение модальности. Значение *м о д а л ь н о с т и* мы определяем как отнесенность содержания предложений к действительности через принадлежность к определенному речевому типу, а именно описанию, повествованию или рассуждению. Это значение целесообразно выделить при описании категории последовательности, поскольку при линейном развертывании текста каждое предложение правого контекста по принадлежности к речевому типу или совпадает с предшествующим предложением, или отличается от него.

Т а к , п о д о п и с а н и е м понимается текст, в котором имеет место перечисление ряда признаков, соотношенность видео-временных значений (как правило, несовершенный вид сказуемых), отсутствие эмоционально-экспрессивной оценки¹, напр.:

По озеру, рассекая ровную гладь тяжелой, темной воды, плыли байдарки. Их низкие борта как бы сливались с поверхностью озера, а мокрые лопатки весел поблескивали, отражая лунный свет. Их было десять, легких остроносых суденышек, десять байдарок, двадцать гребцов. На передней — командир таинственного флота Фенимор. За его спиной — Женя Рыжик.

П о д п о в е с т в о в а н и е м понимается сообщение о развивающихся действиях и состояниях. Здесь наблюдается смена временного плана, используются обстоятельственные союзы с временными значениями, экспрессивно-эмоциональные средства:

В первый же день экспедиция оказалась в опасной ситуации. Чудом выскочили путешественники на небольшую толстую льдину, быстро плывущую мимо острова. И едва перевели дух, как обнаружили, что льдину несет в обратную сторону. Снова ступили на ледяное крошево. Дмитрий по привычке пересчитал лыжников. И оцепенел. Пропал Василий. Тогда начальник экспедиции сбросил рюкзак, перепрыгнул через трещину и оглянулся.

Р а с с у ж д е н и е — это текст, включающий причинно-следственные конструкции, вопросы, авторскую оценку, модальные слова. Напр.:

¹ Нечаева О. А. Функционально-смысловые типы речи: Описание, повествование, рассуждение: автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 1975.

В самом деле, растут две яблони. Если мы будем изучать физические и химические свойства их древесины, корней, листьев, лепестков, цветочной пыльцы и так далее, и так далее, то, может быть, и не найдем очевидной разницы. Может быть, нет очевидной разницы и в тех веществах, которые дерево тянет из земли и берет из воздуха. Ну там азот, кислород, возможные углеводы. И тем не менее на одной яблоне вызревают кислые и горькие плоды, а на другой, в десяти шагах, так, что, вероятно, переплетаются корни, — сладкие и душистые.

Значение модальности выделяется еще и потому, что в пределах, например, сложного предложения (факт существования которого как единицы ни у кого возражений не вызывает) не бывает смешения отмеченных ранее речевых типов. Отнесение составных частей некоторого комплекса (если составные части — предложения, а комплекс — группа предложений) к одному типу речи дает возможность (если соблюдены все прочие условия единства, а именно присутствуют частные значения категории последовательности) говорить об этом комплексе как о единице. «... Содержательные отношения между предложениями в тексте... далеко не однотипны. Предложения могут выражать цепь последовательных актов, дополняя друг друга в описании какого-то события. Они могут касаться некоторых общих условий и обстоятельств, на фоне которых совершалось какое-то событие, и выполнять, таким образом, обстоятельную функцию в тексте наподобие той, какую выполняют обстоятельные члены в предложении. Они могут служить пояснением к предшествующему тексту и т. п.»¹. А. С. Ахманов в перечне основных форм мысли выделяет вопрос, суждение, умозаключение, понятие, побуждение к действию, просьбу, приказ. Из этого перечня такие формы мысли, как вопрос, суждение, умозаключение, могут наблюдаться в речевом типе «рассуждение», понятие, суждение — в речевом типе «описание», суждение — в речевом типе «повествование». Что касается побуждения к действию, просьбы, приказа — это элементы речи, направленной к конкретному собеседнику, т. е. базирующейся на основах диалога.

Определим сущность коммуникативно-сильных предложений через категорию последовательности.

Коммуникативно-сильное предложение не имеет значений координации, инкомплетивности, инверсионности, прономинальности. Оно может относиться к одному из трех речевых типов. Стилистическое значение может проявляться в форме парцелляции одной из его частей. Но парцеллированная часть продолжает оставаться элементом предложения, отчленение не дает ей права на самостоятельное существование.

В предложении *Анна Ивановна меня обломала. Тонко, умно, не унижая и не оскорбляя* не представлено ни одного из частных значе-

¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972. С. 120.

ний категории последовательности. Речевой тип, к которому относится предложение, — повествование. Предложение обладает стилистическим значением, обнаруживаемым в форме парцелляции.

Коммуникативно-слабое предложение обладает одним или несколькими частными значениями категории последовательности, относится к определенному речевому типу и в своих границах (фактических, а не формальных) может, как и коммуникативно-сильное предложение, иметь стилистическое значение, проявляющееся в виде парцелляции одной из его частей.

Она не вмешивалась в наши споры на классных собраниях. Не командовала. Не поучала.

Здесь представлены значение прономинальности и стилистическое значение (в форме парцелляции).

<...> Стилистическое значение в форме видо-временной соотнесенности, параллелизма в строении и при употреблении в качестве субститутов понятия функциональных синонимов обнаруживается только в сопоставлении с левым и правым контекстом. Само по себе предложение — коммуникативно-сильное или коммуникативно-слабое — может обладать стилистическим значением, проявляющимся только в форме парцелляции. Обнаружение этого вида стилистического значения не свидетельствует о самостоятельности или несамостоятельности предложения.

Из сказанного следует, что степень зависимости предложения от контекста (степень его несамостоятельности, степень его коммуникативной слабости) следует определять по четырехмерной шкале. Поскольку коммуникативно-слабое предложение может обладать определенным набором значений координации, инкомплетивности, инверсионности, прономинальности, в нем могут быть представлены или одна, или две, или три, или даже четыре степени несамостоятельности. Кроме того, одно значение может быть представлено в предложении несколько раз. Напр.:

значение координации:

А кругом степь, виден склон холма, полоска леса на горизонте и большое небо, все в облаках, ярко-белых и округлых, как мокрые простыни, вздутые ветром.

значение инкомплетивности:

*Петр зашагал по коридору. Кокорев шел **навстречу**.*

значение инверсионности:

*В Керчь **приехал** начальник археологической экспедиции.*

значение прономинальности:

***Она** засмеялась, всплеснула руками так, что вспыхнула золотая точка обручального кольца.*

значение прономинальности и инверсионности:

***Их встретил** главный инженер.*

значение координации и прономинальности:

*А девушка и не думала идти **за ним**.*

значение координации и два значения прономинальности:

И он повторял слова песни за нею.

Остановимся подробнее на сочетаниях в пределах одного предложения частных значений категории последовательности.

Возможны следующие сочетания (по два значения в одном предложении):

инверсионность + прономинальность,

инверсионность + координация,

инверсионность + инкомплетивность,

прономинальность + координация,

прономинальность + инкомплетивность,

координация + инкомплетивность.

Возьмем в качестве исходного члена парадигмы предложение *Братья успели вбежать в дом* и проиллюстрируем выделенные выше сочетания значений.

Успели вбежать они в дом. / Успели вбежать братья туда.

Но успели вбежать братья в дом.

Успели вбежать в дом. / Успели вбежать братья.

Но они успели вбежать в дом. / Но братья успели вбежать туда.

Они успели вбежать. / Успели вбежать туда.

Но успели вбежать в дом. / Но братья успели вбежать.

Из приведенных одиннадцати примеров только один может быть назван несоответствующим сочетанию значений, с которым он соотношен, а именно: предложение *Успели вбежать в дом* не соответствует комплексу значений «инверсионность + инкомплетивность». Инкомплетивность в этом предложении наблюдается (отсутствует главный член предложения — подлежащее), а вывод об инверсионности сделан быть не может, поскольку неизвестно, какой вид имело бы это предложение, будучи полным: *Братья успели вбежать в дом* или *Успели братья вбежать в дом*. Такое наблюдение дает нам основание сформулировать следующее положение: предложение, в котором отсутствует один из главных членов, не может иметь значение инверсионности. Такое предложение будет характеризоваться только значением инкомплетивности (если нет других показателей).

Следовательно, представленность в предложении набора частных значений категории последовательности (по два значения) определенным образом ограничена. Исходный член парадигмы, состоящий из подлежащего, сказуемого и обстоятельства, в этом случае дает одиннадцать косвенных членов парадигмы.

Посмотрим теперь, каким образом в предложении могут быть представлены три значения категории последовательности:

Но успели вбежать они в дом. / Но успели вбежать братья туда.

Но они успели вбежать. / Но успели вбежать туда.

Успели вбежать туда. / Успели вбежать они.

Но успели вбежать в дом. / Но успели вбежать братья.

Из восьми приведенных примеров два (*Успели вбежать туда* и *Но успели вбежать в дом*) не соответствуют сочетанию значений, с которыми они соотнесены, а именно: предложение *Успели вбежать туда* — комплексу значений «инверсионности + инкомплетивность + прономинальность»; предложение *Но успели вбежать в дом* — комплексу значений «инверсионность + инкомплетивность + координация». В этих предложениях отсутствует подлежащее, и вывод о его действительном месте в предложении (при условии реконструкции) может быть сделан только при обращении к левому контексту (и то произвольно).

Следовательно, если мы не можем судить о представленности / непредставленности в этих двух предложениях значения инверсионности, последние характеризуются вполне определенно лишь двумя значениями, а именно: предложение *Успели вбежать туда* — комплексом значений «инкомплетивность + прономинальность»; предложение *Но успели вбежать в дом* — комплексом значений «инкомплетивность + координация».

Исходный член парадигмы *Братья успели вбежать в дом*, варьируемый в зависимости от представленности в нем определенного набора трех значений, дает шесть косвенных членов парадигмы.

Теперь посмотрим, может ли быть представлен в предложении набор из всех частных значений категории последовательности. Исходный член парадигмы *Братья, успели вбежать в дом*, измененный посредством привнесения в него всех четырех значений, дает варианты: 1) *Но успели вбежать туда*; 2) *Но успели вбежать они*. Предложение *Но успели вбежать туда* подтверждает мысль о невозможности совмещения в пределах одного предложения значений инкомплетивности и инверсионности по отношению к главным его членам. Дополнительным подтверждением будет обнаружение этого примера в парадигме представленности трех значений. Значит, представленность четырех значений — инкомплетивности, координации, инверсионности и прономинальности — иллюстрирует лишь пример *Но успели вбежать они*, поскольку, если неполнота предложения создается посредством опущения второстепенного члена, инкомплетивность и инверсионность совмещаемы.

Парадигма предложения, включающего в соответствующем контексте все четыре значения, при определенном составе этого предложения (подлежащее, сказуемое, обстоятельство места) двучленна: «исходный член + косвенный член».

Общий вывод, следовательно, таков: ограничения в сочетаемости частных значений категории последовательности имеют место только при совмещении значений инкомплетивности (по отношению к главным членам предложения) и инверсионности.

Что касается частотности функционирования в предложении тех или иных наборов частных значений категории последовательности, то наши наблюдения показывают, что наиболее широко представлены следующие комплексы значений:

координация + прономинальность (единичная, многократная),
многократная + прономинальность,
прономинальность + инверсионность,
прономинальность + координация + инверсионность.

Напр.:

*И тревожно вдруг стало: отчего это так вот все ему сейчас
увиделось.*

Спустя годы ему вспомнились эти ее слова.

Тревога не покидала его.

И была у них дочка, похожая на жену и на него.

Из наблюдений над частотой встречаемости комплексов значений можно сделать ряд выводов <...>.

Говоря о категории последовательности, нельзя обойти вниманием проблемы «вертикального» контекста, т. е. контекста, содержащего предложения, представляющие собой обобщения, лишь косвенно связанные с излагаемыми фактами, событиями¹. В тексте могут употребляться суждения, независимые от контекста. Это крылатые слова, оформленные в предложения. Так, включение в контекст фразы *А Васька слушает да ест* не дает оснований для обнаружения в этой фразе значения координации, поскольку такое значение присуще данной фразе лишь в контексте источника, а именно — в басне И. А. Крылова «Кот и повар». Приведем пример включения крылатого слова в контекст:

*У каждого из людей в мозгу почти равное число клеток — более пятнадцати миллиардов. Немалое число... Вопрос заключается в том, сколькими из них каждый пользуется. И для некоторых высшей мудростью представляется бить стенку лбом, а не перелезть через нее. **Безумству храбрых поем мы песню!***

В тексте может наблюдаться и обратное явление: контекст крылатого выражения, предложения служит фоном для проявления частного значения категории последовательности в предложении — элементе основного повествования.

Все хорошие учителя счастливы одинаково, а неудачливые — несчастливы по-разному. Эту перефразировку Л. Толстого я придумала после моих первых уроков в школе. Здесь значение категории последовательности оценивается обычным порядком (значение прономинальности во втором предложении).

Как видно из приведенных примеров, проблемы связности текста тесно соприкасаются с проблемами лингвострановедения. Умение включать в свою речь пословицы и крылатые слова — и не только путем цитирования, но и посредством создания вариантов афоризма, усечений, перифраз — одно из свидетельств овладения речевой культурой. Творческое использование афоризмов в собственно мо-

¹ Гальперин И. Р. К проблеме зависимости предложения от контекста // Вопросы языкознания. 1977. № 1.

нологической речи невозможно без овладения частными значениями категории последовательности. Афористика, <...> на наш взгляд, есть точка пересечения проблем «горизонтального» (т. е. контекст в обычном понимании) и «вертикального» контекстов <...>.

Ознакомление со стилистическим значением — область стилистической работы. <...>

Итак, вычленение текстовой категории последовательности, проведенное на основе существующих описаний способов межфразовой связи, дает возможность представить в системе особенности соединения предложений в связном русском монологическом тексте, оценить степень их взаимозависимости.

Коммуникативно-слабые предложения как варианты коммуникативно-сильных в совокупности с последними представляют собой парадигму, иллюстрирующую языковое содержание категории последовательности. Это языковое содержание обнаруживается в значениях координации, инверсионности, инкомплетивности, прономинальности. Зависимость предложения от контекста, таким образом, определяется по четырехмерной шкале. Ограничения в сочетаемости четырех значений категории последовательности имеют место только при совмещении в одном предложении по отношению к главным членам предложения значений инкомплетивности и инверсионности. <...> Значения прономинальности и координации представляются менее сложными, чем значения инверсионности и инкомплетивности.

Отмеченные четыре значения категории последовательности выявляются без обращения к контексту. В сфере «вертикального» контекста указанные значения выявляются с ограничениями или вообще не выявляются. В условиях текстовой ретроспекции отмечаются еще два значения. Усвоение способов выражения стилистического значения способствует созданию композиционного единства речи. Реализация способов создания значения модальности приводит к функционально-речевой целостности производимого текста.

М. М. Бахтин Проблема текста¹

- Задания.** Прочитайте статью М. М. Бахтина и дайте ответы на вопросы.
1. Как в работе определена лингвистическая специфика текста?
 2. Какое значение имеет «двуголосость» для интерпретации текста?
 3. Как образ автора можно интерпретировать с точки зрения понятия «модальность» высказывания?

¹ Печатается по: *Бахтин М. М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 299–317

<...> Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование). Положительные же соображения таковы: наше исследование движется в пограничных сферах, т. е. на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях.

Текст (письменный и устный) как первичная данность всех этих дисциплин и вообще всего гуманитарно-филологического мышления (в том числе даже богословского и философского мышления в его истоках). Текст является той непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний), из которой только и могут исходить эти дисциплины и это мышление. Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления. «Подразумеваемый текст». Если понимать текст широко — как всякий связный знаковый комплекс, то и искусствоведение (музыковедение, теория и история изобразительных искусств) имеет дело с текстами (произведениями искусства). Мысли о мыслях, переживания переживаний, слова о словах, тексты о текстах. В этом основное отличие наших (гуманитарных) дисциплин от естественных (о природе), хотя абсолютных, непроницаемых границ и здесь нет. <...> Мы не намерены углубляться в историю гуманитарных наук, и в частности филологии и лингвистики — нас интересует специфика гуманитарной мысли, направленной на чужие мысли, смыслы, значения, т. е. реализованные и данные исследователю только в виде *текста*. Каковы бы ни были цели исследования, исходным пунктом может быть только текст.

Нас будет интересовать только проблема *словесных* текстов, являющихся первичной данностью соответствующих гуманитарных дисциплин — в первую очередь лингвистики, филологии, литературоведения и др.

Всякий текст имеет субъекта, автора (говорящего, пишущего). <...>

<...> Два момента, определяющих текст как *высказывание*: его замысел («интенция») и осуществление этого замысла. Динамические взаимоотношения этих моментов, их борьба, определяющая характер текста. Расхождение их может говорить об очень многом. «Перестрадал» (Л. Толст.). Оговорки и описки по Фрейду (выражение бессознательного). Изменение замысла в процессе его осуществления. Невыполнение фонетического намерения.

Проблема второго субъекта, воспроизводящего (для той или иной цели, в том числе и исследовательской) текст (чужой) и создающего обрамляющий текст (комментирующий, оценивающий, возражающий и т. п.).

<...> Два полюса текста. Каждый текст предполагает общепонятную (т. е. условную в пределах данного коллектива) систему знаков,

«язык» (хотя бы язык искусства). Если за текстом не стоит «язык», то это уже не текст, а естественно-натуральное (не знаковое) явление, например комплекс естественных криков и стонов, лишенных языковой (знаковой) повторяемости. Конечно, каждый текст (и устный и письменный) включает в себя значительное количество разнородных естественных, натуральных моментов, лишенных всякой знаковости, которые выходят за пределы гуманитарного исследования (лингвистического, филологического и др.), но учитываются и им (порча рукописей, плохая дикция и т. п.). Чистых текстов нет и не может быть. В каждом тексте, кроме того, есть ряд моментов, которые могут быть названы *техническими* (техническая сторона графики, произношение и т. п.). Итак, за каждым текстом стоит система языка. В тексте ей соответствует все повторенное и воспроизведенное и повторимое и воспроизводимое, все, что может быть дано вне данного текста (данность). Но одновременно каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан). Это то в нем, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории. По отношению к этому моменту все повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством. Это в какой-то мере выходит за пределы лингвистики и филологии. Этот второй момент (полюс) присущ самому тексту, но раскрывается только в ситуации и в цепи текстов (в речевой общении данной области). Этот полюс связан не [с] элементами (повторимыми) системы языка (знаков), но с другими текстами (неповторимыми) особыми диалогическими (и диалектическими, при отвлечении от автора) отношениями.

Этот второй полюс неразрывно связан с моментом авторства. Этот второй полюс ничего не имеет общего с естественной и натуральной случайной единичностью; он всецело осуществляется средствами знаковой системы языка. Он осуществляется чистым контекстом, хотя и обрастает естественными моментами. <...>

<...> Главное — не отрываться от текста (хотя бы возможного, воображаемого, конструированного).

<...> Всякая система знаков (т. е. всякий «язык»), на какой узкий коллектив ни опиралась бы ее условность, принципиально всегда может быть расшифрована, т. е. переведена на другие знаковые системы (другие языки); следовательно, есть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков (который, конечно, никогда не может стать конкретным единичным языком, одним из языков). Но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов.

<...> Текст не вещь, и поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать.

Можно идти к первому полюсу, т. е. к языку, языку автора, языку жанра, направления, эпохи, национальному языку (лингвистика) и,

наконец, к потенциальному языку языков (структурализм, глоссемика). Можно двигаться ко второму полюсу — к неповторимому событию текста.

Между этими двумя полюсами располагаются все возможные гуманитарные дисциплины, исходящие из первичной данности текста.

Оба полюса безусловны: безусловен потенциальный язык языков и безусловен единственный и неповторимый текст.

Всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и не predetermined эмпирической необходимостью откровение личности. Поэтому он (в своем свободном ядре) не допускает ни каузального объяснения, ни научного предвидения. Но это, конечно, не исключает *внутренней* необходимости, внутренней логики свободного ядра текста (без этого он не мог бы быть понят, признан и действителен).

<...> Попытка изучать текст как «вербальную реакцию» (бихевиоризм). <...>

«Все высокое и прекрасное» — это не фразеологическое единство в обычном смысле, а интонационное или экспрессивное словосочетание особого рода. Это — представитель стиля, мировоззрения, человеческого типа, оно пахнет контекстами, в нем два голоса, два субъекта (того, кто говорил бы так всерьез, и того, кто пародирует первого). В отдельности взятые (вне сочетания) слова «прекрасный» и «высокий» лишены двуголосости; второй голос входит лишь в словосочетание, которое становится высказыванием (т. е. получает речевого субъекта, без которого не может быть и второго голоса). И одно слово может стать двуголосым, если оно становится аббревиатурой высказывания (т. е. обретает автора). Фразеологическое единство создано не первым, а вторым голосом.

<...> Язык и речь можно отождествлять, поскольку в речи стерты диалогические рубежи высказываний. Но язык и речевое общение (как диалогический обмен высказываниями) никогда нельзя отождествлять. Возможно абсолютное тождество двух и более предложений (при накладывании друг на друга, как две геометрические фигуры, они совпадут), более того, мы должны допустить, что любое предложение, даже сложное, в неограниченном речевом потоке может повторяться неограниченное число раз в совершенно тождественной форме, но как высказывание (или часть высказывания) ни одно предложение, даже однословное, никогда не может повториться: это — всегда новое высказывание (хотя бы цитата).

Возникает вопрос о том, может ли наука иметь дело с такими абсолютно неповторимыми индивидуальностями, как высказывания, не выходя ли они за границы обобщающего научного познания. Конечно, может. Во-первых, исходным пунктом каждой науки являются неповторимые единичности и на всем своем пути [она] остается связанной с ними. Во-вторых, наука, и прежде всего философия,

может и должна изучать специфическую форму и функцию этой индивидуальности. Необходимость четкого осознания постоянного корректива на претензии на полную исчерпанность абстрактным анализом (например, лингвистическим) конкретного высказывания. Изучение видов и форм диалогических отношений между высказываниями и их типологических форм (жанров высказываний). Изучение внелингвистических и в то же время внесмысловых (художественных, научных и т. п.) моментов высказывания. Целая сфера между лингвистическим и чисто смысловым анализом; эта сфера выпала для науки.

В пределах одного и того же высказывания предложение может повториться (повтор, самоцитата, произвольно), но каждый раз это новая часть высказывания, ибо изменилось его место и его функция в целом высказывания.

Высказывание в его целом оформлено как таковое внелингвистическими моментами (диалогическими), оно связано и с другими высказываниями. Эти внелингвистические (диалогические) моменты пронизывают высказывание и изнутри.

Обобщенные выражения говорящего лица в языке (личные местоимения, личные формы глаголов, грамматические и лексические формы выражения модальности и выражения отношения говорящего к своей речи) и речевой субъект. Автор высказывания.

С точки зрения внелингвистических целей высказывания все лингвистическое — только средство.

<...> Так называемый «образ автора» — это, правда, образ особого типа, отличный от других образов произведения, но это образ, а он имеет своего автора, создавшего его. Образ рассказчика в рассказе от «я», образ героя автобиографических произведений (автобиографии, исповеди, дневника, мемуаров и др.), автобиографический герой, лирический герой и т. п. Все они измеряются и определяются своим отношением к автору-человеку (как особому предмету изображения), но все они — изображенные образы, имеющие своего автора, носителя чисто изображающего начала. Мы можем говорить о чистом авторе в отличие от автора частично изображенного, показанного, входящего в произведение как часть его.

<...> В какой мере в литературе возможны чистые безобъектные одноголосые слова? Может ли слово, в котором автор не слышит чужого голоса, в котором только он и он весь, стать строительным материалом литературного произведения? Не является ли какая-то степень объектности необходимым условием всякого стиля? Не стоит ли автор всегда вне языка как материала для художественного произведения? Не является ли всякий писатель (даже чистый лирик) всегда «драматургом» в том смысле, что все слова он раздает чужим голосам, в том числе и «образу автора» (и другим авторским маскам)? Может быть, всякое безобъектное, одноголосое слово является навивным и негодным для подлинного творчества. Всякий подлинно

творческий голос всегда может быть только вторым голосом в слове. Только второй голос — чистое отношение — может быть до конца безобъектным, не бросать образной, субстанциональной тени. Писатель — это тот, кто умеет работать на языке, находясь вне языка, кто обладает даром непрямого говорения.

Выразить самого себя — это значит сделать себя объектом для другого и для себя самого («действительность сознания»). Это — первая ступень объективации. По можно выразить и свое отношение к себе как объекту (вторая стадия объективации). При этом собственное слово становится объектным и получает второй — собственный же — голос. Но этот второй голос уже не бросает (от себя) тени, ибо он выражает чистое отношение, а вся объективирующая, материализующая плоть слова отдана первому голосу.

Мы выражаем свое отношение к тому, кто бы так говорил. В бытовой речи это находит свое выражение в легкой насмешливой или иронической интонации (Каренин у Л. Толстого), интонации удивленной, непонимающей, вопрошающей, сомневающейся, подтверждающей, отвергающей, негодующей, восхищенной и т. п. Это — довольно примитивное и очень обычное явление двуголосости в разговорно-бытовом речевом общении, в диалогах и спорах на научные и другие идеологические темы. Это — довольно грубая и мало обобщающая двуголосость, часто прямо персональная: воспроизводятся с переакцентуацией слова одного из присутствующих собеседников. Такой же грубой и мало обобщающей формой являются различные разновидности пародийной стилизации. Чужой голос ограничен, пассивен, и нет глубины и продуктивности (творческой, обогащающей) во взаимоотношении голосов. В литературе — положительные и отрицательные персонажи.

Во всех этих формах проявляется буквальная и, можно сказать, физическая двуголосость.

<...> Увидеть и понять автора произведения — значит увидеть и понять *другое, чужое сознание и его мир*, т. е. *другой субъект* («Ду»). При объяснении — только одно сознание, один субъект; при понимании — два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов кроме формально-риторического). Понимание всегда в какой-то мере диалогично.

<...> Понимание любого произведения на хорошо знакомом языке (хотя бы — родном) всегда обогащает и наше понимание данного языка как системы.

<...> Для понимания и необходимо прежде всего установление принципиальных и четких границ высказывания. <...>

<...> Чисто лингвистическое (притом чисто дескриптивное) описание и определение разных стилей в пределах одного произведения не может раскрыть их смысловых (в том числе и художественных) взаимоотношений. Важно понять тотальный смысл этого диалога

стилей с точки зрения автора (не как образа, а как функции). Когда же говорят о приближении средств изображения к изображаемому, то под изображаемым понимают объект, а не другой субъект («ты»). <...>

<...> Текст — первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины. Конгломерат разнородных знаний и методов, называемый «филологией», «лингвистикой», «литературоведением», «науковедением» и т. п. Исходя из текста, они бредут по разным направлениям, выхватывают разнородные куски природы, общественной жизни, психики, истории, объединяют их то каузальными, то смысловыми связями, перемешивают констатации с оценками. От указания на реальный объект необходимо перейти к четкому разграничению предметов научного исследования. Реальный объект — социальный (общественный) человек, говорящий и выражающий себя другими средствами. Можно ли найти к нему и к его жизни (труду, борьбе и т. п.) какой-либо иной подход, кроме как через созданные или создаваемые им знаковые тексты. Можно ли его наблюдать и изучать как явление природы, как вещь. Физическое действие человека должно быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности т. п.). Мы как бы заставляем человека *творить* (конструируем его показания, объяснения, исповедь, признания доразвиваем возможную или действительную внутреннюю речь и т. п.). Повсюду действительный или возможный *текст* и его *понимание*. Исследование становится опрашиванием и беседой, т. е. диалогом. Природу мы не спрашиваем, и она нам не отвечает. Мы ставим вопросы себе и определенным образом организуем наблюдение или эксперимент, чтобы получить ответ. Изучая человека, мы повсюду ищем и находим *знаки* и стараемся понять их *значение*.

<...> Диалогические отношения между высказываниями, пронизывающие также изнутри и отдельные высказывания, относятся к мета-лингвистике. Они в корне отличны от всех возможных лингвистических отношений элементов как в системе языка, так и в отдельном высказывании.

<...> Смысловые связи внутри одного высказывания (хотя бы потенциально бесконечного, например, в системе науки) носят предметно-логический характер (в широком смысле этого слова), но смысловые связи между разными высказываниями приобретают диалогический характер (или во всяком случае диалогический оттенок). Смыслы разделены между разными голосами. Исключительная важность голоса, личности.

Лингвистические элементы нейтральны к разделению на высказывания, свободно движутся, не признавая рубежей высказывания, не признавая (не уважая) суверенитета голосов.

<...> Автор литературного произведения (романа) создает *единое* и *целое* речевое произведение (высказывание). Но он создает его из разнородных, как бы *чужих* высказываний. И даже прямая авторская речь полна осознанных чужих слов. Непрямое говорение, отношение к своему языку как к одному из возможных языков (а не как к единственно возможному и безусловному языку).

<...> Отношение автора к изображенному всегда входит в состав образа. Авторское отношение — конститутивный момент образа. Это отношение чрезвычайно сложно. *Его* недопустимо сводить к *прямолинейной* оценке. Такие прямолинейные оценки разрушают художественный образ. Их нет даже в хорошей сатире (у Гоголя, у Щедрина). Впервые увидеть, впервые осознать нечто уже значит вступить к нему в отношение: оно существует уже не в себе и для себя, но для другого (уже *два* соотнесенных сознания). *Понимание* есть уже очень важное отношение (понимание никогда не бывает тавтологией или дублированием, ибо здесь всегда двое и потенциальный третий). Состояние неслышанности и непонятности (см. Т. Манн). «Не знаю», «так было, а впрочем, мне какое дело» — важные отношения. Разрушение сросшихся с предметом прямолинейных оценок и вообще отношений создает новое отношение. Особый вид эмоционально-оценочных отношений. Их многообразие и сложность.

<...> Разные смысловые плоскости, в которых лежат речи персонажей и авторская речь. Персонажи говорят как *участники* изображенной жизни, говорят, так сказать, с *частных* позиций, их точки зрения так или иначе *ограничены* (они знают меньше автора). Автор *вне* изображенного (и в известном смысле созданного им) мира. Он осмысливает весь этот мир с более высоких и *качественно* иных позиций. Наконец, все персонажи и их речи являются объектами авторского отношения (и авторской речи). Но плоскости речей персонажей и авторской речи могут пересекаться, т. е. между ними возможны диалогические отношения. У Достоевского, где персонажи — идеологи, автор и также герои (мыслители-идеологи) оказываются в одной плоскости. Существенно различны диалогические контексты и ситуации речей персонажей и авторской речи. Речи персонажей участвуют в изображенных диалогах внутри произведения и непосредственно не входят в *реальный* идеологический диалог современности, т. е. в реальное речевое общение, в котором участвует и в котором осмысливается произведение в его целом (они участвуют в нем лишь как элементы этого целого). Между тем автор занимает позицию именно в этом реальном диалоге и определяется реальной ситуацией современности. В отличие от реального автора созданный им «образ автора» лишен непосредственного участия в реальном диалоге (он участвует в нем лишь через целое произведение), зато он может участвовать в сюжете произведения и вступать в изображенные диалоги с персонажами (беседа «автора» с Онеги-

ным). Речь изображающего (реального) автора, если она есть, — речь принципиально особого типа, не могущая лежать в одной плоскости с речью персонажей. Именно она определяет последнее единство произведения и его последнюю смысловую инстанцию, его, так сказать, *последнее слово*.

Образы автора и образы персонажей определяются, по концепции В. В. Виноградова, языками-стилями; их различия сводятся к различиям языков и стилей, т. е. к чисто лингвистическим. В *нелингвистические взаимоотношения* между ними Виноградовым не раскрываются. Но ведь эти образы (языки-стили) в произведении не лежат рядом друг с другом как лингвистические данности, они здесь вступают в сложные динамические смысловые отношения особого типа. Этот тип отношений можно определить как *диалогические отношения*. Диалогические отношения носят специфический характер: они не могут быть сведены ни к чисто логическим (хотя бы и диалектическим), ни к чисто лингвистическим (композиционно-синтаксическим). Они возможны только между целыми высказываниями разных речевых субъектов (диалог с самим собой носит вторичный и в большинстве случаев разыгранный характер). <...>

Там, где нет слова, нет языка, не может быть диалогических отношений, их не может быть между предметами или логическими величинами (понятиями, суждениями и др.). Диалогические отношения предполагают язык, но в системе языка их нет. Между элементами языка они невозможны. Специфика диалогических отношений нуждается в особом изучении.

Узкое понимание диалога как одной из композиционных форм речи (диалогическая и монологическая речь). Можно сказать, что каждая реплика сама по себе монологична (предельно маленький монолог), а каждый монолог является репликой большого диалога (речевого общения определенной сферы). Монолог как речь, никому не адресованная и не предполагающая ответа. Возможны разные степени монологичности.

Диалогические отношения — это (смысловые) отношения между всякими высказываниями в речевом общении. Любые два высказывания, если мы сопоставим их в смысловой плоскости (не как вещи и не как лингвистические примеры), окажутся в диалогическом отношении. Но это — особая форма ненамеренной диалогичности (например, подборка разных высказываний разных ученых или мудрецов разных эпох по одному вопросу).

«Голод, холод!» — одно высказывание одного речевого субъекта. «Голод!» — «Холод!» — два диалогически соотнесенных высказывания двух разных субъектов; здесь появляются диалогические отношения, каких не было в первом случае. То же с двумя развернутыми предложениями (придумать убедительный пример).

Когда высказывание берется для целей лингвистического анализа, его диалогическая природа отмысливается, оно берется в систе-

ме языка (как ее реализация), а не [в] большом диалоге речевого общения.

<...> Язык, слово — это почти все в человеческой жизни. Но не нужно думать, что эта всеобъемлющая и многограннейшая реальность может быть предметом только одной науки — лингвистики и может быть понята только лингвистическими методами. Предметом лингвистики является только материал, только средства речевого общения, а не самое речевое общение, не высказывания по существу и не отношения между ними (диалогические), не формы речевого общения и не речевые жанры.

Лингвистика изучает только отношения между элементами внутри системы языка, но не отношения между высказываниями и не отношения высказываний к действительности и к говорящему лицу (автору).

По отношению к реальным высказываниям и к реальным говорящим система языка носит чисто потенциальный характер. И значение слова, поскольку оно изучается лингвистически (лингвистическая семасиология), определяется только с помощью других слов того же языка (или другого языка) и в своих отношениях к ним; отношение к понятию или художественному образу или к реальной действительности оно получает только в высказывании и через высказывание. Таково слово как предмет лингвистики (а не реальное слово как конкретное высказывание или часть его, часть, а не средство). <...>

ИЗМЕНЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОМ СТРОЕ

Г. Н. Акимова

Об аналитизме в грамматическом строе русского языка¹

- Задания.** 1. Что представляет собой аналитизм в грамматическом строе?
2. Как проявляются тенденции к аналитизму в строе простого предложения?

Аналитизм в грамматическом строе различных языков трактуется как выражение грамматического значения не в границах самой словоформы, а средствами контекста². Обычно явление аналитизма рассматривается применительно к морфологии. Еще раньше В. М. Жирмунский давал обзор различных мнений о соотношении флективных и нефлективных языков и анализировал понятия «нефлективная морфология», «синтаксическая морфология», однако только в пределах отдельных грамматических (морфологических) категорий³.

С середины XX столетия внимание русистов было привлечено к понятию аналитических тенденций в русской морфологии в связи с развитием новых явлений в русской грамматике. Наряду с многочисленными давними типами аналитических конструкций (будущее время глаголов несовершенного вида *буду писать*, формы пассива глаголов совершенного вида *был построен*, компаратива имени прилагательного *более сильный*) отмечаются и омоформы в системе именного склонения, например им. / вин. / родит. падежи существительных с основой на «о» и родит. / дат. / предл. падежи существительных с основой на «и». Предметом исследования стали новые явления роста аналитизма в выражении падежного значения субстантивных слов (*один погон — пара погон*), а также тенденция к неизменяемости именных классов — существительных (*кино,*

¹ Печатается по: Материалы XXXII междунар. филол. конференции. СПб., 2003. Вып. 8. Грамматика (русско-славянский цикл). С. 3–6.

² Гак В. Г. Аналитизм // Лингвистический энциклопедический словарь М., 1990.

³ Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях // Общее и германское языкознание. Л., 1976.

шоссе), прилагательных (*час пик, платье беж*), количественных числительных¹.

Аналитические тенденции в русском грамматическом строе стали отмечаться только в связи с изменениями русского литературного языка в период его развития в XIX–XX вв. В работах Н. Ю. Шведовой описаны аналитические тенденции в развитии словосочетаний, особенно управления, вплоть до распада словосочетаний². Об изменениях этого рода, которые коснулись даже переходных глаголов, теряющих подчас прямой объект вообще, см. работы Г. Н. Акимовой³. Многие из изменений объяснялись влиянием норм синтаксиса устной речи, более расчлененной, на письменную⁴.

В структуре простого предложения тенденция к аналитизму основывается на расчлененности синтагматической цепи и касается, во-первых, изменений в связях главных компонентов предложения, во-вторых, компонентов, осложняющих структуру простого предложения, в-третьих, изменений на уровне текста. К явлениям первого типа относится развитие некоординированности «главных» членов, особенно форм сказуемого в традиционных двусоставных предложениях. См. примеры из современной публицистики: *Я за фильмы, которые делают людей счастливее. Последняя встреча — с председателем оргкомитета. Он сегодня на работе*. К явлениям второго типа относится уменьшение частотности употребления традиционных норм осложнения простого предложения — причастных, деепричастных и адъективных оборотов различного типа. Увеличивается, в свою очередь, употребительность таких видов осложнения, которые синтагматически не только не связаны с каким-либо компонентом предложения, но и вообще достаточно резко разрывают синтагматическую цепочку, например вставные конструкции, а также обособленные несогласованные определения в именительном падеже: *Незаметно возник Костя, оранжевая рубашка, с английскими надписями, медный браслет на руке* (Гран.). Подробнее об аналитических тенденциях в синтаксисе русского предложения см. работу Г. Н. Акимовой⁵. К явлениям третьего типа относятся изменения (уменьшение) средних размеров предложения в текстах различной функциональной принадлежности. Это происходит за счет сокраще-

¹ Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

² Шведова Н. Ю. О некоторых активных процессах в современном русском синтаксисе. (Наблюдения над языком газеты) // Вопросы языкознания. 1964. № 2; *её же*: Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966.

³ Акимова Г. Н. К вопросу о валентности переходных глаголов в русском языке // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. Л., 1981; *её же*: Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.

⁴ Иванчикова Е. А. Развитие синтаксиса русского языка в советскую эпоху // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.

⁵ Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990.

ния употребительности сложных предложений в пользу простых, уменьшения употребления так называемых усложненных сложных предложений, то есть содержащих большое количество простых предикативных единиц в своем составе, а также за счет развития конструкций экспрессивного синтаксиса, например парцелляции. В целом в текстах преобладают более короткие предложения. Так параллельно с классической, синтагматической прозой появляется новая проза — актуализирующая. Ср. *Чувство это было так неожиданно и странно, что Степан Аркадьич не поверил, что это был голос совести, говорившей ему, что дурно то, что он был намерен сделать* (Л. Толст.) — *Однажды мы ехали в сабвее. Я был с женой и дочкой. Сижу, читаю газету. На остановке ворвались молодые люди. А может, перешли из другого вагона. Человек пять. Один с гитарой, у другого транзистор... Куртки, сникерсы... Это были нехорошие, дурно воспитанные люди. Они шумели, толкались, вероятно — сквернословили. Они, как говорится, нарушали...* (Довл.).

Одним из важных является вопрос о связи морфологического и синтаксического аналитизма, их обусловленности и направлении этой обусловленности¹. Взаимодействие аналитических проявлений в морфологии и синтаксисе может быть различным.

1. Синтаксический аналитизм зависит от морфологического. Это особенно заметно при тенденции к несклоняемости имен. Даже обсуждается вопрос о виде синтаксической связи в конструкциях: *купил пальто, вес нетто, по маршруту Москва-Петербург, космонавт-два* и т. п.

2. Морфологический аналитизм не ведет к синтаксическому, напр., при употреблении будущего сложного глагола несовершенного вида, так как вспомогательная часть спрягается — *буду (будешь, будет) писать*.

3. Синтетизм в морфологии ведет к аналитизму в синтаксисе, например при некоординированности главных компонентов: *Он умнее. Мы здесь* и т. п.

4. Синтаксический аналитизм не связан с морфологическим, например, употреблении осложняющих компонентов простого предложения: вставок, обособленных определений в именительном падеже.

5. Появление и распространение актуализирующей прозы создают некую форму текстового аналитизма.

Взаимодействие морфологического и синтаксического аналитизма связано с разграничением синхронного и диахронического подходов в описаниях аналитических конструкций. «Ожидаемым» является первое из отмеченных влияний: несклоняемость имен, поя-

¹ *Акимова Г. Н.* Различные формы проявления аналитизма в современном русском грамматическом строе // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.

висящая в современном языке, ведет к анализируемости синтаксических конструкций. Второе явление — употребление аналитических форм глагола, не ведущее к синтаксическому анализу, — встречается не часто, а главное, не относится к новым явлениям в грамматике. Четвертое и пятое явлений сравнительно новы и развиваются уже в языке XIX–XX вв. в значительной степени под влиянием разговорной речи на письменную и с развитием экспрессивных приёмов в определённых функциональных жанрах — художественной речи и публицистике.

Более сложной представляется структура предложений, в которых отсутствует координация главных компонентов. Это совершенно различные во многих отношениях синтаксические модели, которые объединены только тем, что они безглагольны и главные компоненты, понимаемые широко, не имеют традиционно выраженных форм их согласования. Первое — некоординированные (неуподобленные, по А. А. Шахматову) двусоставные предложения, в которых в настоящем времени отсутствует не только связка «быть», но и глагол бытия с другим значением, например местопробытия. Ср. *Мы студенты. Мы в университете*. Подробнее о видах некоординированных сказуемых см. академические грамматики¹, а о последовательности становления различных типов некоординированных сказуемых в русском языке — монографию Г. Н. Акимовой². Таким образом, безглагольные конструкции в результате потери связки в основе своей не связаны с новыми явлениями в современном синтаксическом строе, однако в последние два столетия появляются и активизируются модели, имеющие обстоятельственно-предикативное значение (различные виды локального, временное, причинное и т. п.), а также значение адресата, предназначенности, делиберативное и др. Отсутствие связки в настоящем времени трактуется как синтаксический нуль, и анализ и состоит в этом отсутствии согласования, или координации.

Если некоординированное сказуемое уже давно всеми современными грамматистами признано в вышеуказанной трактовке, то совершенно другую и не единственную интерпретацию получают модели, в которых имеется два компонента и место субъекта занимает косвенный падеж или предложно-падежная форма. Ср. семантически близкие модели с согласованными и несогласованными компонентами: с одной стороны, *Дети радуются* (1), *рады* (2), *радостны* (3), *в радости* (4), с другой стороны, *Детям радостно* (5), *Детям радость* (6), *У детей радость* (7). В моделях 5, 6, и 7 субъектные позиции оформлены косвенными падежами одушевленных существительных. Предложения этих типов, как и типа 4, возникли в русском

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970; Русская грамматика. М., 1980. Т. II.

² Акимова Г. Н. Указ. соч.

синтаксисе, видимо, давно, но трактовка их остается спорной. Квалификация моделей 5, 6 и 7 различна у таких авторов, как Н. Ю. Шведова (однокомпонентные предложения с субъектной детерминацией)¹ и Г. А. Золотова (двухкомпонентные предложения с субъектом состояния в форме косвенного падежа и отвлеченного существительного со значением состояния)². У обоих авторов, под разным углом зрения, перечислены разнообразные формы косвенных падежей как с предлогом, так и беспредложные, имеющие субъектное значение, и тогда получается, что высокий морфологический синтетизм приводит к синтаксическому аналитизму, ибо в двухкомпонентных моделях 5, 6, 7 нет грамматической координации основных компонентов предложения.

Таким образом, предложно-падежные формы, то субъектные, то предикатные, являются опорой модели и должны присутствовать при именительном при падеже другого имени. См. невозможное *У детей в радости*. Кажущееся возможным *Дети — радость* имеет иную семантику и синонимичные модели: *С детьми радость*. Ср. еще *Дети в хорошем настроении* и *У детей хорошее настроение*, но невозможно *У детей в хорошем настроении*. Отсутствие хотя бы одного из компонентов в именительном падеже создает ситуацию, когда предикативности не за что морфологически зацепиться.

При анализе конструкций, в которых субъектную позицию занимают косвенные падежи имен, возникает проблема роли глагола бытия и роли связки вообще, что имеет непосредственное отношение к аналитизму на уровне простого предложения. Связка в обычных двусоставных именных предложениях выполняет две обязанности: является показателем предикативных значений времени, модальности и синтаксического лица и в связи с отмеченностью «лица» проявляет так называемое согласование, или координацию, что в прошедшем времени выражается в роде и числе связки (это блестяще показал еще А. М. Пешковский). Косвенные формы имен, как одушевленных, так и неодушевленных, иногда даже наречий (с локальным значением) в субъектной позиции встречаем в предложениях различной традиционной квалификации, в том числе и с глагольным предикатом: *Мне не спится, На улице похолодало, За дверью шум, Вокруг облака, С другом беда* и т. п. Золотова признает в подобных моделях первый компонент субъектным, второй — предикатным. Кажется, впервые она прямо называет эти компоненты подлежащим и сказуемым в одной из последних работ³. В этих предложениях связки, естественно, могут быть только в безглагольных конструкциях, и тогда связка ориентируется на формы рода и числа реально

¹ Русская грамматика. М., 1980. Т. II.

² Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

³ Золотова Г. А. О главных членах предложения: дискуссионные вопросы // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. М., 2000. Вып. VIII.

имеющегося существительного в именительном падеже: *В школе были каникулы, За дверью был шум, У Пети была ангина* и т. п. Если считать именительный падеж существительного в этих случаях сказуемым (Г. А. Золотова), то оказывается, что показатель рола и числа в связке может ориентироваться как на подлежащее, так и на сказуемое. Любопытно, что в отдельных случаях это согласование может и отсутствовать *Мальчику был / было год* (при невозможности, правда, *Мальчику было неделя*), то есть используется ср. род, как в безличных и некоторых инфинитивных предложениях *Мне не спалось. Пора было уходить, Идти было час*. Использование среднего рода в данном случае является не согласованием в традиционном смысле, а вынужденным использованием, лишь бы не мужской или женский род, а как бы и вовсе не род.

Близкие к описанным случаям Я. Г. Тестелец определяет как «... правило “остаточного” (дефолтного) согласования — при отсутствии грамматически доступного контролера в номинативе глагол-сказуемое согласуется по 3 л. ед. ч. ср. рода»¹. Примеры из этой работы: *Маше указано на ошибку. Мне было завидно, Пробыло подъем* и т. п.

Отсутствие согласования в настоящем времени или употребление связки в прошедшем времени в безличных предложениях в среднем роде показывает, что в этих случаях главная функция связки, в том числе и её нулевой вариант в настоящем времени заключается не в том, чтобы связать основные компоненты предложения, а выразить основные категории времени и модальности².

Возвращаясь к проблеме аналитизма на синтаксическом уровне, следует отметить, что формы косвенных падежей в субъектной позиции хотя и нарушают классическое согласование главных членов предложения, но обеспечивают семантическое и структурное единство предложения за счет их координации на лексико-семантической основе, а также линейной расположенности основных компонентов. Не случайно предлагают вместо «согласование» термин «соположение», не предполагающий морфологический, то есть синтетической, увязки обоих компонентов. Впрочем, этот же термин предлагался и для словосочетаний типа «*по маршруту Москва — Петербург*», чтобы не считать связь между группой «*Москва — Петербург*» со словом «*маршрут*» примыканием, что принято только при анализе традиционных словосочетаний.

Итак, черты аналитизма в грамматическом строе современного русского языка могут восходить как к его истории, так и появляться в виде тенденций развития литературного языка в его современном состоянии. Это следует учитывать при описании разнообразных взаимосвязей аналитических явлений на уровне морфологии и синтаксиса.

¹ Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. С. 315.

² Золотова Г. А. О главных членах предложения. С. 20.

Г. Н. Акимова

Соотношение разговорных и письменных экспрессивных конструкций в современном русском языке¹

- Задания.** 1. Как, по наблюдениям Г. Н. Акимовой, проявляется влияние устной речи на синтаксис письменного текста?
2. Какие экспрессивные конструкции описаны в статье Г. Н. Акимовой?

Современные письменные тексты отдельных функциональных разновидностей русского языка изобилуют разнообразными конструкциями, которые принято называть экспрессивными. Сам термин «экспрессивный синтаксис» появился в 60-х гг. нашего столетия. Это понятие, строго не определенное, используют только при описании явлений письменной речи, с учетом сферы бытования отдельных синтаксических структур. В синтаксической литературе были поставлены общие вопросы экспрессивного синтаксиса и описаны отдельные синтаксические конструкции². Важным является положение о том, что специальные синтаксические конструкции, порожденные именно письменной речью, базируются на той синтаксической основе, которую можно назвать синтаксической расчлененностью (ср. «раскрошенность» синтаксиса, «рубленный» синтаксис и др.), то есть нарушением синтагматической цепочки словоформ, организованных стойкими морфологическими показателями синтаксических связей. Ср., напр., употребление сегментированной конструкции *Любовь!.. Кто утверждает, что ее в нашем крае ubyло? Неверно!* (газ.) вместо нерасчлененной *Кто утверждает, что любви в нашем крае ubyло?* Поскольку основной тенденцией развития синтаксического строя современного русского языка является тенденция к аналитизму, то новые явления синтаксического строя и экспрессивные конструкции связаны между собой. Но экспрессивными они становятся только при наличии соответствующего стилистического эффекта. Понятие синтаксической расчлененности понимается нами широко — как некоторое отступление от принципов синтагматической прозы, связанное с разрывом синтаксических

¹ Печатается по: Исследования по славянским языкам. Сеул, 1997. № 2. С. 123–142.

² *Иванчикова Е. А.* Вступление. Глава первая. // Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. 1; *Акимова Г. Н.* Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6; *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка. М., 1990; *Сковородников А. П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981 и др.

связей как в словосочетании, так и в предложении. Синтаксическое расчленение может рассматриваться и более узко — как специальное дробление одного предложения на два и более высказываний, что обычно усматривается только в явлении присоединения / парцелляции и сопоставляется с термином Ш. Балли «дислокация».

Экспрессивные конструкции образуют открытый ряд. Чаще всего к ним относят такие явления, как парцелляция, сегментация, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросо-ответные конструкции в монологической речи, номинативные предложения (преимущественно цепочки номинативных предложений), вставные конструкции, особые случаи словорасположения и др. Напр.:

Парцелированные конструкции: *Да, жизнь сложна, и плохо, если отношение к ней слишком простое. Попустительское. Равнодушное. Казенное.* (Вамп.). *Обрисовывая фигуру Базарбая, знакомя нас с воинством Кандалова, писатель задачей вживания в их личный мир пренебрегает. Пренебрегает намеренно, сознательно. Для него они только олицетворенные знаки зла. Распада. Духовного окостенения (газ.).*

Сегментация, наиболее часто представленная именительным представлением / именительным темы (см. об их различиях Л. Е. Майорова 1984): *Сердце Шопена!.. Оно было привезено в Польшу в серебряной урне и замуровано в одну из колонн костела Святого креста в Варшаве* (Пауст.). — *Консервы... Без них не обойдется ни один любитель туристских походов или загородных прогулок* (газ.).

Лексический повтор с синтаксическим распространением: *Кажется, знал ее насквозь, знал и удивлялся, удивлялся и любил, любил и безумствовал — все в ней, до боли близкой, дорого* (Тендр.). *Князев вышагнул из круга — орал громко и вольно. И испытывал некое сладостное чувство, что кричит людям всю горькую правду про них. Редкое чувство, сладкое чувство, дорогое чувство* (Шукш.).

Вопросо-ответные построения: *Слова стареют не случайно. Милосердие. Что, оно не модно? Не нужно? Изъять милосердие значит лишить человека одного из важнейших проявлений нравственности* (Гран.). *Мы удивленно смотрели на докладчика, голос которого крепчал с каждой минутой, и не знали, что делать: плакать или смеяться? В каком времени мы находимся? О ком речь? О чем? Больно уж похоже все это на бурные дискуссии периода бичевания у нас генетики и кибернетики* (газ.).

Цепочки номинативных предложений: *Они приехали в два часа пополудни. Жара. Барабаны. Флейты. Золотые английские кареты, покрытые белым лаком. Форейторы в конюшне кормили лошадей* (Сосн.). *Небольшой аккуратный городок во фламандской Бельгии. Узкие улочки с типичными для здешних мест островерхими домами. Серебристая лента канала вдоль городской окраины. Силуэты ветряных мельниц по горизонту...* (газ.).

Вставные конструкции: *Не говоря о том, что я хочу (хочу и хочу!) взойти на вершину, разве можно...* (Солоух.). *Министр внутренних*

дел (в дни войны!) решил допустить прессу в потаенное средоточие всей государственной скверны (Пик.). Но посмотрите, что на практике означает одно слово (только одно слово!), неточно употребленное в законе! (газ.)

Экспрессивное словорасположение: *Радостно и печально до сердцебиения стало ему* (Пауст.). *Трудно сегодня фермеру обзавестись хозяйством, а гарантом в банке может выступить только директор* (газ.). *Кстати, один из вариантов лег в основу нынешней программы. Ужасный тогда разгорелся сыр-бор* (газ.).

Иногда список экспрессивных конструкций расширяется. Так, А. П. Сковородников выделяет и системно анализирует следующие разновидности: эллипсис, антиэллипсис, усечение (недоговоренность), позиционно-лексический повтор, парцелляция. Единой основой всей системы экспрессивных конструкций он считает противопоставление экономных и избыточных структур. Например, эллиптические и усеченные конструкции как экономные противопоставляются конструкциям с лексическим повтором и антиэллипсисом как избыточным. Думается, что это соображение, справедливое в своей основе, вполне дополняет положение о синтаксической расчлененности как структурной основе экспрессивных конструкций. Например, конструкция лексического повтора с синтаксическим распространением (позиционно-лексический повтор) не только избыточна, но одновременно и экономна: *Но вскоре опять разгорались споры, типичные студенческие русские споры, — шумные, длинные и всегда вызванные хорошими побуждениями* (Пауст.). Подобное расчленение отмечается почти во всех видах экспрессивных конструкций, которые возникли в русском языке на протяжении XIX–XX вв. И лишь в риторическом вопросе и построениях с синтаксическим параллелизмом, относимых иногда к экспрессивным и выделяемых как разновидности риторических фигур, не наблюдается той синтаксической основы расчленения, как у сравнительно новых конструкций с экспрессивным значением. Смысл синтаксической расчлененности проявляется и в некоторых терминах, например: «парцелляция», «сегментация».

Названные синтаксические конструкции, конечно, не составляют окончательного списка расчлененных экспрессивных структур, многое еще будет отмечено, тем более, что и объем каждого из названных явлений еще не установлен и подчас трактуется неоднозначно. Среди синтаксических конструкций трудно выделить такую, которая бы более других олицетворяла бы экспрессивный синтаксис. Прежде всего с различных точек зрения было описано явление присоединения (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, С. Е. Крючков). Позднее с присоединением стали связывать парцелляцию¹ как особый письменный экс-

¹Иванчикова Е. А. Вступление. Глава первая // Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. 1.

прессивный прием. Парцелляция привлекла внимание, видимо, потому, что в художественной прозе конца XIX — начала XX в. парцеллированные конструкции были распространены более других экспрессивных конструкций. Они тогда представляли «рубленную» прозу, то есть прозу с нарушением синтаксической цельности и связей в предложении, сильно интонированную и как бы разбитую на куски, если сравнивать ее с классической, синтагматической прозой.

Представляется, что ведущим является процесс сегментации, то есть членение текста на отдельные сегменты. Наиболее яркой сегментированной конструкцией современного русского языка является именной представления / именной темы. Однако имеются и другие разновидности сегментированных конструкций, сохраняющие все те структурные и коммуникативные закономерности, которые свойственны именной представления. Иные синтаксические формы расчленения текста (парцелляция, лексический повтор, вопросительные конструкции в монологе) имеют много общего в своей основе с явлением сегментации. Вставные конструкции с экспрессивным значением и номинативные предложения (особенно их цепочки) дальше отстоят от явления сегментации, но и они участвуют в экспрессивной расчлененности текста, ибо либо вклиниваются в цельное предложение (вставки), либо описывают действительность фрагментарно, синтаксически не развернуто (номинативные цепочки). При расчлененности повышается интонированность текста: текст читается более прерывисто, увеличивается количество логических акцентов. К расчлененным конструкциям относятся и предложения с экспрессивным расположением слов, ибо вынесение ремы в начало предложения и отрыв рематической словоформы, зависимой от своего синтаксического «хозяина», создает интонацию, свойственную объективному порядку слов.

Говоря о сущности экспрессивных синтаксических конструкций, следует остановиться на соотношении устных расчлененных построений и письменных книжных. Достаточно распространена мысль о том, что в основе экспрессивных конструкций письменной речи лежит разговорный субстрат. Однако этот субстрат в устной синтаксисе выполняет иные функции, чем в письменном. Наблюдения над реально звучащей речью показали границу между синтаксическими построениями, которые вызваны именно устной формой речи, с ее спонтанностью и неподготовленностью, и употребляемыми преимущественно в устной речи синтаксическими конструкциями, построенные которых вызвано не формой речи, но которые все равно осознаются как разговорные, где бы они ни употреблялись. Сравним два типа конструкций: (1) *Дождь. Дождя не обещали; Матч Куба — Бразилия, который стоит в центре соревнований, он разочаровал любителей футбола.* — (2) *Вот праздник так праздник! Праздник как праздник; Думал-думал и придумал; Ехать так ехать; Разве это жизнь? Чем не жизнь? Ай да студенты!*

Конструкции первого типа зависят в своем строении от того, что они употреблены в устной речи. Это так называемые двойные подлежащие, или именительный темы, как их называют по аналогии с письменными конструкциями. Сначала назван предмет речи, тема, а затем он повторяется или замещается синонимом или местоимением (дождь — дождя, матч — он). Сама форма устной речи позволяет использовать такое излишество, чтобы для слушающего информация доходила легче, или просто свидетельствует о недостатке речевой культуры говорящего: он уже назвал тему речи, а основное предложение еще не сформулировано. Детальный анализ разговорных конструкций с именительным темы в зависимости от намерений говорящего дан в статье Мён-Ча Ким¹, а разнообразие модификаций этих конструкций в речи с телеэкрана описано О. А. Лаптевой². Именительный темы настолько типичен для устной речи, что употребляется автоматически, и ни говорящий, ни слушающий не замечают особенностей построения этих высказываний. Они возможны и в устной речи вполне образованных людей: *Статья эта, о которой вы говорите, она была в «Вопросах языкознания».* *Личные местоимения третьего лица, они обладают заместительной функцией.* Еще А. М. Пешковский называл такое употребление «лекторским» именительным представления. Все устные конструкции подобного типа, по аналогии с терминами фонологии, называют слабыми, то есть конструкции зависимыми, обусловленными формой речи³.

Конструкции второго типа (2) имеют постоянный разговорный оттенок независимо от формы речи — устная или письменная. Этот оттенок позиционно независим, и такие построения называют сильными элементами разговорной речи. В устной речи они отличаются от слабых элементов своей стилистической маркированностью (подобно экспрессивной лексике): в них подчеркнуты субъективно-модальные и эмоциональные оттенки⁴. Слабые элементы речи обнаруживают себя преимущественно в синтаксисе, в то время как сильные элементы наиболее заметны в лексике и фразеологии. Сильные элементы разговорной речи, не имея осознанно воздействующей функции, не направлены на адресата, а скорее служат для самовыражения говорящего. Употребление сильных элементов может оказать воздействие на слушающего, однако это не будет осознанным шагом со стороны говорящего. Характерно, что в более ранних работах по синтаксису русской разговорной речи анализировались,

¹ Мён-Ча Ким. Именительный темы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 1996. № 1.

² Лаптева О. А. Живая русская речь с телеэкрана. Сегед, 1990.

³ См.: Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1970; Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

⁴ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1968; Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания в современном русском языке. СПб., 1993.

в значительной степени на основании письменных литературных источников, именно сильные её элементы¹. В более поздних работах, на основе анализа записей реальных устных высказываний, — по преимуществу слабые (О. А. Лаптева, Е. А. Земская, О. Б. Сиротина и др.).

В работе Ю. М. Скребнева² вновь предметом анализа стал разговорный синтаксис, наблюдаемый по письменным источникам (художественные тексты). Сравнивая материалы по шести языкам (английскому, немецкому, французскому, испанскому, русскому и польскому), автор стремится выявить общезначимые для этих языков черты, зависимые от экстралингвистических характеристик разговорной речи, о которых говорили Л. В. Щерба и Л. П. Якубинский. Это диалогическая структура текста, эллиптичность конструкций и т. п., что не связано с национальной грамматической спецификой. Естественно, что синтаксические модели, указанные выше в качестве сильных элементов русского разговорного синтаксиса (*Вот праздник, так праздник!* и т. п.) и носящие национально-своеобразный характер, в поле зрения автора не попали. Ю. М. Скребнев выделяет две группы моделей. Первая демонстрирует экспликационную специфику устного синтаксиса, куда относятся синтаксическое расчленение (парцелляция), разного типа сегментация, повторы и т. п., в целом избыточные элементы. Вторая группа демонстрирует импликационную специфику.

Сюда относятся явления эллипсиса, различного рода неполнота, в целом «экономные» формы синтаксиса. Состав обеих групп показывает их сходство с вышеназванными экспрессивными конструкциями русского языка, а также с набором экспрессивных конструкций в трудах А. П. Сковородникова, который строит всю систему на противопоставлении экономных и избыточных структур.

Материалы Ю. М. Скребнева, оказавшиеся универсальными для рассматриваемых им языков, получили объяснение в связи с тождественностью экстралингвистических условий. Для экспликативных тенденций важны такие субъективные характеристики, как спонтанность и аффективность разговорного общения; для импликационных — ситуативность и диалогичность, имеющие объективный характер при речевом общении. Можно сказать, что Ю. М. Скребневым описаны слабые элементы устного синтаксиса в их репродукции в художественном тексте.

Возвращаясь к проблеме сильных и слабых элементов разговорной речи, необходимо ответить на следующий вопрос: могут ли слабые элементы разговорной речи перейти в письменную и в каком виде. На этот счет нет единства взглядов. Наиболее распространенное мнение сводится к тому, что «между спонтанной устной речью

¹ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1968.

² Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985.

в естественных условиях и ее воспроизведением в художественной прозе нет и не может быть тождества»¹.

Дифференцированный подход к анализу синтаксических конструкций в зависимости от жанрово-стилистической сферы уже их письменного употребления позволяет представить следующим образом их судьбу. Полагаем, что у большинства экспрессивных письменных конструкций имеется разговорный субстрат, слабый элемент устного синтаксиса. Так, именительный представления (темы) имеет субстратом двойное подлежащее, типа *Дождь, его не обещали*. Устным субстратом парцелированных конструкций являются, очевидно, устные присоединительные конструкции, которые в устной речи фиксировать труднее, чем сегментированные, так как различие с неприсоединительными вариантами часто состоит только в больших паузах между элементами высказывания. Для вопросительных предложений в монологической речи — соответствующие предложения в условиях устного диалога. Для конструкций лексического повтора с синтаксическом распространением — конструкции с повторами без распространения. Для вставных конструкций — устные высказывания с самоперебивами и вставками. Для экспрессивного слово-расположения-конструкции с субъективным порядком слов (рема предшествует теме), характерные для устной формы речи.

Более трудны для подобной интерпретации цепочки номинативных предложений. Хотя отдельные семантические типы номинативных предложений употреблялись в древнерусских текстах, что свидетельствует об их исконности в русском языке, в современных записях устной речи они не являются распространенными и понимаемыми как слабые её элементы.

На первой ступени вхождения устных конструкций в литературный язык они копируются в речи персонажей, но это не звукозапись. Передача всего речевого потока, иногда плохо расчлененного и непонятного вне конситуации, практически невозможна в художественном диалоге².

Легче других имитируются порядок слов, присоединительные и вопросительные конструкции, в то время как многие черты устного синтаксиса практически не передаются в художественном тексте. См. *А к дочери-то почему не едешь? — Куда-а! Сами ютятся там на пятачке... Жила. Внуки-то маленькие были, жила, измучились. Все измучились. А теперь уж ребятишки-то в школу пошли, так я уж рада-радешенька, хоть мне эту избёнку купили. Свой-то дом в Буланихе я продала. Когда дочь-то замуж вышла, продала* (Шукш.). В данном отрывке представлены как слабые, так и сильные элементы разговорной речи. К слабым относятся вопросительные и пар-

¹ *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970. С. 147.

² *Мукаржовский Я.* Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // Структурализм: «за» и «против». М., 1975; *Лантева О. А.* Фотография ли? // Русская речь. 1968. № 4.

целированные конструкции, лексические повторы. При включении в текст изменений в устных конструкциях не происходит. Но как и при всякой имитации, они становятся стилистически отмеченными как чужеродные синтаксические элементы. Это уже сильные элементы письменной речи, они отличны от слабых ее элементов, которые проявляются в синтаксической организованности, логизированности письменного повествования.

Вторая ступень вхождения устных конструкций в литературный язык — это употребление их в авторской речи, обычно художественной и публицистической. Этот процесс сопровождается изменениями — обязательными стилистическими и возможными структурными. Именно на второй ступени создаются экспрессивные синтаксические конструкции. Сущность проявления экспрессии состоит в том, что конструкции становятся элементом художественной речи, который имеет целью не столько имитировать устную речь, сколько воздействовать на читателя. При использовании экспрессивных конструкций усиливается авторское начало, что связано с такими современными формами повествования, которые включают элементы несобственно-прямой речи.

Очень часто при употреблении экспрессивных синтаксических конструкций в авторской речи мы встречаемся с различного рода подтекстом, типология которого, к сожалению, не разработана: вопросительные и восклицательные предложения в монологе — передача несобственно-прямой речи и усиление дополнительного субъектного плана, парцелляция — часто ирония, именительный представления — известная патетика, цепочки номинативных предложений — создание впечатления внешней фрагментарности событий и т. п. Изменение стилистической тональности и приобретение экспрессивного значения связано с нарушением синтетичности русского письменного синтаксиса за счет более редких аналитических конструкций. Поэтому понятие экспрессивного синтаксиса мы связываем именно с авторской письменной речью и нарочитостью этого приема.

Преднамеренность экспрессивных конструкций может быть сопоставлена с иллокутивными актами, которые рассматриваются как наслаения целенаправленности на пропозициональное содержание в акте говорения: утверждение, вопрос, предупреждение, назначение, уверение и др.¹ Отличия использования экспрессивных конструкций от иллокутивных актов состоят, по-первых, в обязательности иллокутивного акта вне зависимости от формы речи (устная или письменная, художественная или деловая и т. п.) и функциональной ограниченности экспрессивных конструкций; во-вторых, в обязатель-

¹ Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1968.

ной стилистической отмеченности экспрессивных конструкций и неотмеченности иллокутивных актов; в-третьих, в большей опоре экспрессивных конструкций на синтаксическую модель. По наличию подтекста экспрессивные синтаксические конструкции скорее напоминают косвенные речевые акты, хотя функциональные различия остаются. Наиболее существенные отличия экспрессивных синтаксических конструкций от иллокутивных и особенно косвенных речевых актов состоят в семантической сфере. Разновидности так называемых подтекстовых значений экспрессивных конструкций (например, ирония, патетика, оценка, авторизация и др.), возможно, в отдельных случаях могут соприкасаться со значением иллокутивных намерений, однако неразработанность типологии семантики и подтекста и иллокутивных актов не позволяют увидеть отчетливо эту близость или расхождение.

Во многих случаях на второй ступени вхождения устных конструкций в письменную речь наблюдаются и структурные изменения. Структурные возможности экспрессивных конструкций могут значительно расширяться по сравнению с соответствующими прототипами устного синтаксиса. Этого не учитывают некоторые исследователи, предполагающие отсутствие генетической связи между параллельными образованиями (устной и письменной экспрессивными конструкциями) и заимствованный характер книжных построений, например, именительного представления или обособленных определений, которые в начале прошлого века оценивались как галлицизмы¹. Упускается из виду, что при вхождении в письменную речь экспрессивные конструкции расширяют свои структурные возможности и на фоне этих конструктивных изменений, одновременных с интонационными и стилистическими, книжная «параллель» действительно далеко отходит от устного субстрата (например, резкие интонационные и грамматические изменения в именительном представлении по сравнению с двойным подлежащим). Здесь уместно вспомнить слова Е. Куриловича: «Экспрессивность в точном смысле термина — это активная сила, обуславливающая эволюцию языка»². Изменения конструктивного плана четко прослеживаются в некоторых видах сегментированных структур, в конструкциях с лексическим повтором, в вопросительных конструкциях в монологе³. Вспомним, что именно в монологической речи появились риторические вопросы, потерявшие первичную вопросительную функцию и ставшие стилистико-синтаксическим приемом. Конструктивных изменений может и не быть, но все

¹ Левин В. Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1970. С. 68.

² Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 43.

³ Акимов Г. Н. Наблюдения над сегментированными конструкциями в современном русском языке // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

равно в литературный язык входит расчлененная конструкция, противопоставленная и синонимичная его синтетическому варианту, ср.: *Труд! Все вокруг сейчас было полно им* (Пауст.) — *Все вокруг сейчас было полно трудом*.

Третья ступень вхождения устных конструкций в письменный синтаксис знаменуется только стилистическим сдвигом, который выражается в нейтрализации экспрессивного оттенка, чему способствует распространение той или иной конструкции в таких разновидностях письменной речи, как научно-популярный, научный или публицистический стиль. Возможно ослабление экспрессивного оттенка и в художественных и публицистических текстах: *А подросток — каковы его взаимоотношения с телевизором?* (газ.) *Правильно говорят: опыт учит. Но учит он по-настоящему лишь тогда, когда в этой работе есть какая-то система* (газ.). В первом случае — именительный темы, во втором случае — лексический повтор с синтаксическим распространением. Нередко повышенная частотность отдельных синтаксических моделей приводит к образованию синтаксических клише. Оценка их стилистической значимости расходится: одни называют подобные явления псевдоэкспрессией¹, другие, напротив, считают, что многие из штампов целесообразны как строевые элементы (клише) газетной речи². Частое употребление именительного представления в языке газет изменило в отдельных случаях его стилистическую характеристику. И есть смысл, видимо, именно это клишированное употребление именительного представления называть именительным темы. Снижение экспрессивного звучания сопровождается и изменением отдельных синтаксических показателей и особенно/лексической семантики: употребление отвлеченной лексики в именительном представлении поддерживает значение патетики и философского раздумья, что ослабевает при употреблении конкретных существительных.

Употребление некоторых конструкций в научном языке свидетельствует об ослабленности или отсутствии экспрессивного оттенка: *Двоеточие: подчинение или сочинение?* (название статьи). *В чем заключается сущность категории переходности? Она состоит в том, что...* (из статьи по языкознанию).

Экспрессивные конструкции обогащают синтаксическую систему, так как в нее входят новые структуры, которые становятся стилистически нейтральными, но конструктивно отличаются от своего устного прототипа. Многие виды экспрессивных конструкций встречаются как в экспрессивном употреблении, так и в нейтральном, ибо

¹ Девкин В. Д. Псевдоэкспрессия // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986.

² Солганик Г. Я. Общелитературная и стилевая норма // Общелитературный язык и функциональные стили. Вильнюс, 1986.

на смену экспрессивному значению приходит значение, противопоставленное разговорному, даже книжное.

Выделение трех ступеней вхождения устных синтаксических конструкций в синтаксическую систему литературного языка демонстрирует динамический аспект русского экспрессивного синтаксиса. Указанная динамика, однако, не столько диахроническая, сколько синхронная, ибо в современном состоянии русского языка представлены все ступени вхождения устных конструкций. Деривация, отмеченная для конструкций экспрессивного синтаксиса, связана как с синтаксисом устной речи, так и нейтральными стилями современного литературного языка.

Г. Н. Акимова

Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке¹

Задания. Познакомьтесь со статьей Г. Н. Акимовой и ответьте на вопросы:

1. Как в статье интерпретируется понятие экспрессии на синтаксическом уровне? Как соотносятся эмоциональное и экспрессивное начала на синтаксическом уровне?
2. Какие конструкции автор статьи относит к экспрессивным?
3. Как происходит освоение письменным синтаксисом конструкций разговорной речи?

Понятие экспрессии в синтаксисе строго не определено, однако применительно к русскому языку оно используется хотя и sporadически, но довольно давно и в связи с изучением языка художественной литературы. Так, В. В. Виноградов при анализе художественной прозы Пушкина противопоставлял субъектно-экспрессивные формы синтаксиса как средство «экспрессивной изобразительности» объектно-повествовательным и связывал это с проблемой субъективных форм повествования, прежде всего с проблемой несобственно-прямой («чужой») речи². Оценку отдельных синтаксических конструкций русской разговорной речи как имеющих «модально-экспрессивные значения» находим в монографии Н. Ю. Шведовой³. Но в последние 10–15 лет в синтаксической литературе появился термин «экспрессивный синтаксис», наиболее эксплицитно и регулярно

¹ Печатается по: Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 109–120.

² Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 224.

³ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 17.

употребляемый при описании отдельных синтаксических конструкций письменной речи. Совершенно очевидно восприятие конструкций экспрессивного синтаксиса во многих работах в связи с новыми явлениями в области грамматики¹: расчлененность синтагматической цепи является той структурной основой, на которой и развивается экспрессивный синтаксис. Понятие экспрессивного синтаксиса в этом значении относится только к определенной сфере бытования определенных синтаксических структур. Поэтому следует уточнить оба параметра, связанных между собой.

Обычно экспрессию определяют применительно к лексическому уровню, но как на этом, так и на других уровнях проявления данной языковой функции встают следующие существенные проблемы: (а) как соотносятся интеллектуальная (номинативная, информационная, рациональная) сфера языка и аффективная; (б) является ли аффективная сфера принадлежностью языка или речи; (в) что является составляющими аффективной сферы: экспрессивность, эмоциональность, образность и т. п. Все эти проблемы неоднократно обсуждались в русской и зарубежной лингвистике. Классиком постановки проблемы (а) считают Ш. Балли, который показал большую роль аффективного фактора, считая его обязательным компонентом любого высказывания. Проблематика, связанная с различием в языке интеллектуального и аффективного, имела для Ш. Балли программный характер, причем роль аффективного фактора им преувеличивалась². Суть соотношения этих сфер языка как Ш. Балли, так другие видные лингвисты, например, В. Матезиус, видели в том, что аффективное является не факультативным наложением на интеллектуальное (назывное), а обязательным в любом высказывании. Существенным выводом из этого положения признается взаимосвязь обеих сфер и их частое взаимопроникновение, хотя акценты при этом делаются различные. Так, Ш. Балли считал, что любое предложение, например, *Жара, Дважды два четыре*, с общепринятой точки зрения не имеющие никакой аффективной окраски, имеют ее, ибо порождены в связи с какой-то ситуацией и в этой ситуации они обязательно окрашены неким чувством говорящего. Например, предложение *Жара* может обозначать неприятные физические ощущения или то, что от жары погибнет урожай³. В. Матезиус же видел в соотношении обоих компонентов высказывания другое: «... высказывание, с одной стороны, охватывает те явления действительности, которые настолько привлекли наше внимание, что мы хотим о них

¹ Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968.

² Гастилене Н. А. Экспрессивность как одна из языковых функций // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. Тореца. 1972. Вып. 65; Кузнецов В. Г. Учение Ш. Балли о соотношении и роли интеллектуального и аффективного факторов в языке // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. Тореца. 1976. Вып. 94.

³ Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. С. 22–23.

что-то сказать, с другой — выражает наше отношение к этой действительности. Это два основных момента каждого высказывания, а вместе с тем также и проявление двух основных актов, на базе которых возникает высказывание, — акта назывного, или номинативного, и акта формообразующего. Наша речь, однако, уже до такой степени автоматизирована, что мы эти два акта, как правило, не осознаем»¹.

Отсюда можно перейти к проблеме (б), то есть к вопросу о том, является ли аффективная сфера принадлежностью языка или речи. Ш. Балли, связывая аффективное с конситуацией, считал его скорее принадлежностью речи, хотя в разных своих работах утверждал, что аффективность может потенциально модифицировать факты и идеи, а это уже должно выражаться в языке. В. Матезиус не отделял назывное и экспрессивное (как он называл) от системы самого языка: фоном для назывного акта является в целом словарный состав языка, а для формообразующего акта, где говорящий выражает свое отношение к назывному акту, являются модели предложения. Даже при сопоставлении взглядов таких двух лингвистов, как Ш. Балли и В. Матезиус, видно, насколько различно трактуется сам аффективный (экспрессивный) фактор и его соотношение с интеллектуальным. Современные исследователи, касаясь этой проблемы, относят аффективную сторону в высказывании чаще всего к языку, а не к речи.

(в) Наиболее трудной, особенно применительно к синтаксическому материалу, является проблема состава аффективного фактора в языке. Аффективное трактуется как *в ы р а ж е н и е* отношения говорящего, а отсюда, учитывая первоначальное значение слова «экспрессия» (= «выражение»), аффективное приравнивается к экспрессивному (так это понимал и Ш. Балли). Но поскольку аффективное часто приравнивается и к эмоциональному², то образуется целый ряд понятий, сложно соотносенных между собой: аффективное, экспрессивное, эмоциональное, оценочное, образное, стилистически окрашенное и т. п. Попытки внести ясность в этот вопрос, даже на лексическом уровне, приводят к трудностям. А если учесть, что на синтаксическом уровне сюда относят и субъективно модальные значения (ведь и экспрессия, и модальность часто определяются как выражение уровня отношения говорящего к высказываемой информации), то проблема определения термина «экспрессивный» становится почти неразрешимой³. Представляется самым существенным, во-первых, разграничение экспрессивного и эмоционального, т. к.

¹ Матезиус В. Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 447.

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 60.

³ Востоков В. В. Об экспрессивном, эмоциональном и субъективно-модальном значениях в предложении // Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка: уч. зап. МОПИ им. Крупской. Труды каф. рус. яз. 1977. Вып. 9. С. 160.

именно эти аспекты чаще всего воспринимаются нерасчлененно, и, во-вторых, экспрессивного и стилистически окрашенного, ибо понятие экспрессивного (экспрессивно-эмоционального) понимается чаще всего не по Балли (выражение субъективного отношения говорящего к высказываемой информации, ориентированного на ситуацию и, таким образом, присущего любому предложению), а как стилистически отмеченное на фоне нейтрального.

Разграничение экспрессивного и эмоционального в языке было проведено Е. М. Галкиной-Федорук, которая отметила, что экспрессия возможна без эмоции. Отсюда следует, что понятие экспрессивного — более широкое, чем понятие эмоционального¹. Эта точка зрения получила распространение, и экспрессия понимается как комплексное явление, подчиняющее себе эмоциональность. Так, в одной из последних работ Т. Г. Винокур сказано: «Обобщающий, относительно функциональности и эмоциональности, смысл термина “экспрессия” удобен еще и потому, что в высказывании эти два признака чаще всего оказываются слитными»².

В то же время имеется немало работ, в которых эмоциональное и экспрессивное оцениваются не с точки зрения их иерархии, а трактуются как независимые понятия. Эмоциональное значение связывается с нерасчлененной чувственной реакцией, в то время как экспрессивное понимается как связанное с вещественным значением — это усилительные оттенки, наслаивающиеся на основные. Определяя самую сущность экспрессии как семантической категории, обычно отмечают ее в о з д е й с т в у ю щ у ю функцию. Еще Ш. Балли различал в аффективном факторе две цели: 1) выражение субъективного мира говорящего (чувства, настроения), 2) использование языковых средств для воздействия на адресат. Воздействующее, убеждающее начало экспрессии связывают с усилением выразительности, изобразительной силы написанного³. Самым существенным и представляется в различении эмоционального и экспрессивного, с одной стороны, непроизвольность, непреднамеренность эмоционального и, с другой стороны, специальная заданность экспрессии как средства воздействия, как преднамеренность использования определенных средств языка. Это, в свою очередь, предполагает наличие этих средств в языке в готовом виде. Значит, экспрессивность в языке — это свойство самих языковых единиц, независимо от

¹ Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М., 1958. С. 121.

² Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980. С. 57.

³ Ср. определение понятия экспрессии в словаре О. С. Ахмановой: «Выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность» (Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 524).

сферы их употребления. Но такое положение также весьма спорно, поэтому стилистическая окрашенность и экспрессия понимаются либо по-разному¹, либо почти одинаково².

Переходя к области синтаксиса, следует вспомнить, что довольно давно используется такое понятие, как синтаксическая стилистика. Характерно, что на уровне синтаксиса нет понятий эмоционального, оценочного синтаксиса, в отличие от соответствующих понятий в лексикологии. Понятие же синтаксической стилистики весьма многозначно: от анализа синтаксических конструкций в художественных произведениях классиков литературы до так называемой практической стилистики. Разнообразие задач синтаксической стилистики определяется следующим образом: это и стилевая дифференциация и характеризованность синтаксических средств; и процессы, происходящие в пределах, ограниченных стилем или типом речи; и экспрессивно-выразительные качества синтаксических конструкций; и синонимические ресурсы синтаксиса в их стилистической ориентированности; и синтаксические средства в языке художественной литературы в их функционально-эстетическом качестве, и др.³ Как видим из этого далеко не полного перечня задач синтаксической стилистики, описание экспрессивно-выразительных качеств синтаксических средств является частной задачей. Предполагается, что экспрессивные средства языка существуют в виде определенных синтаксических конструкций. Каков их набор и сфера их применения? Эти вопросы взаимосвязаны, ибо понимание использования синтаксических конструкций в целях экспрессии как специального, осознанного говорящим (пишущим) приема, направленного на повышение изобразительности, выразительности, принципиально зависит, во-первых, от формы речи (устная / письменная) и, во-вторых, от ее функциональной заданности.

Трудность противопоставления эмоционального и экспрессивно-го на синтаксическом уровне, очевидно, связана с тем, что если понимать под эмоциональным выражение чувств и настроений без желания воздействовать на слушающего, то чисто эмоциональное выражение присутствует прежде всего в устной форме языка как менее контролируемой говорящим. Имеются ли специальные конструкции, кроме междометных и некоторых видов нечленяемых предложений типа *Черт побери*, для выражения эмоций в устной речи? Ответить на этот вопрос трудно, ибо определенные синтаксические средства преднамеренного воздействия на слушающего в синтаксисе устной речи менее четко выделяются, чем в речи письменной. Во всяком случае этот вопрос мало изучен. Понятие экспрессии синтак-

¹ Шмелев Д. Н. Слово и образ. М., 1964. С. 44.

² Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

³ Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 4.

сиса связывается преимущественно с письменной формой речи. Но письменная речь вторична и находится под большим воздействием устной, хотя не во всех разновидностях в равной степени. Общий вывод из трудов В. В. Виноградова, представителей пражского лингвистического кружка и многих других состоит в том, что устная речь входит в язык художественной литературы в измененном виде¹. Такие формы письменной речи, как научная и деловая, наиболее далеко отстоят от устной формы литературного языка и наиболее приближены к логизированному типу изложения, что несомненно отражается на их синтаксической организации². Элементы экспрессии следует искать в тех формах письменной речи, которые могут иметь установки преднамеренного воздействия и образительности (в понимании В. В. Виноградова). Это прежде всего художественная и публицистическая речь, которые и в наибольшей степени испытывают влияние разговорной речи. О сложности соотношения функциональных и экспрессивных значений, а также о возможности существования экспрессивных стилей (дополнительно к функциональным) писала К. А. Рогова³.

В работах, где имеются попытки разграничить эмоциональное и экспрессивное в синтаксисе, выделяется различный набор конструкций, которые квалифицируются как экспрессивные. Так, В. В. Востоков⁴ различает, с одной стороны, «эмоциональные» конструкции *Ах, хорошая погода, К счастью, хорошая погода* и, с другой стороны, «экспрессивные», имеющие усиленные оттенки, наслаивающиеся на основное значение: *Вот так лужа; Шел-шел и пришел; Ах она змея; Девочка ну и умна*. Предложения второго типа являются стандартными синтаксическими конструкциями, описанными Н. Ю. Шведовой под названием «построения, которые имеют частные модальные значения или значения субъективно-модальные (модально-экспрессивные)»⁵; предложения же первого типа «эмоциональны» за счет лексического, а не синтаксического уровня. Конструкции второго типа квалифицируются в АГ-70 как построения с субъективно-модальными значениями, причем среди этих значений названо и значение экспрессивной оценки. Там же экспрессивными названы и определенные типы расположения слов, в которых рема предшествует теме, предложения с логическим или фразовым ударением в начале предложения. В «Русской граммати-

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1973. С. 17.

² Арутюнова Н. Д. О синтаксических разновидностях прозы // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. Тореза. 1973. Вып. 73.

³ Рогова К. А. Синтаксические средства в стилистике // Вестник ЛГУ. 1978. № 2. Серия истории, языка и литературы. С. 73.

⁴ Востоков В. В. Об экспрессивном, эмоциональном а субъективно-модальном значениях в предложении // Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка: уч. зап. МОПИ им. Крупской. Труды каф. рус. яз. 1977. Вып. 9.

⁵ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

ке» 1980 г. понятие экспрессии также связывается с субъективно-модальным значением в предложении, которое описано более детально, чем в АГ-70, однако также четко не отграничено от эмоционального¹. К числу языковых средств, манифестирующих субъективную модальность, «Русская грамматика» относит целый ряд явлений (интонационный тип конструкции, порядок слов, лексические средства, употребление частиц, междометий и т. п.), среди которых выделены и специальные грамматические конструкции: *Ай да молодец; Ох уж эти родственники; Чего я не передумала; Отец не отец; Взял старик да вдруг и умер; И спит не спит, и слушает не слушает*. Хотя здесь перед нами предложения разной синтаксической организации, им дана общая стилистическая квалификация: «Как те, так и другие конструкции всегда экспрессивно окрашены; сфера их употребления — разговорная речь, отражающие эту речь жанры художественной литературы и публицистики, просторечие»². Таким образом, в названных работах экспрессивное применяется по отношению к стилистически окрашенным, преимущественно устным конструкциям.

Совершенно иное значение понятие экспрессивного синтаксиса получило в связи с описанием новых синтаксических явлений. А поскольку новые тенденции в синтаксисе более всего выражаются в синтагматической расчлененности, то именно расчлененные конструкции или конструкции с ослабленными показателями синтагматической связанности и относят к экспрессивным³. Экспрессивными они становятся при наличии соответствующего стилистического эффекта, ибо расчлененные конструкции без стилистического эффекта к экспрессивным обычно не причисляют.

Дадим примерный перечень экспрессивных синтаксических конструкций русского языка в этом, более узком, понимании. Обычно к ним относят такие явления, как парцелляция, сегментация, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросоответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложениях, особые случаи словорасположения и некоторые другие. Приведем примеры основных перечисленных разновидностей.

Парцеллированные конструкции: *Он открыл глаза. Звук шел справа. И слева. Это была наверняка не скрипка* (Лит. газета, 1980, 9 июля); *И как я раньше жил без всего этого?! Без Стравинского! Без Сезанна! Без Фолкнера, черт возьми!. Читать его тяже-*

¹ Русская грамматика. М., 1980. Т. II. С. 91.

² Там же. С. 217.

³ «Новизна» этих конструкций, разумеется, относительна и неоднородна, ибо явления аналитизма отмечаются в русском письменном синтаксисе с самого начала становления русского литературного языка нового времени. Более подробно об истории этого процесса см.: *Акимова Г. Н.* Новые явления в грамматическом строе современного русского языка // РЯНШ. 1980. № 5.

ло, но когда прочтешь — такое облегчение! (Лит. газета, 1980, 9 июля).

Сегментированные конструкции: *Вот, например, рассказ «Чужая», о чем он? (Роман-газета, 1980, № 5); Он вообще нравился Нине, этот друг Павла Алексеевича (Нагиб. Берендеев лес); Игра и сказка! Одно время педагоги относились к ним подозрительно (Советская культура, 1980. 18 июля).*

Лексический повтор с распространением: *Такие портреты — плод не одного мастерства, но живой, творящей, очеловечивающей мир мысли художника, мысли, воплощенной в образах реальных людей, наших современников (Огонек, 1980, № 33); Удивительное это стихотворение! Удивительное по волшебству перевоплощения в человека иной социальной среды и опыта, по выразительности и точности каждого слова (Новый мир, 1978, № 1).*

Вопросо-ответные конструкции в монологической речи: *Сопротивление этим силам бессмысленно? Нет! — говорит Ч. Айтматов повестью «Пегий пес». Человек — хозяин своей судьбы, а не игрушка обстоятельств (Новый мир, 1978, № 12).*

Цепочки номинативных предложений: *Лица. Портреты. Девочка. Не сказочная Аленушка, не литературная Наташа Ростова в детстве и не дочь наших близких знакомых — просто ребенок. Дитя. Женщина. Просто пожилая женщина над веткой расцветшего багульника. Кто они? Мы не знаем их имен (Огонек, 1980, № 33).*

Экспрессивно-стилистическое словорасположение: *Глубоко в душе у нее происходит какая-то торжественная перемена. Поразительным бывает иногда человеческое постоянство. Радостно и печально до сердцебиения стало ему¹.*

Названные синтаксические конструкции были уже обследованы в большей или меньшей степени, однако они, безусловно, не составляют окончательного списка расчлененных экспрессивных структур. Многое еще будет вскрыто, тем более, что объем каждого из отмеченных явлений далеко не установлен и подчас трактуется неоднозначно. Общим структурным основанием названных построений является синтагматическая расчлененность, но среди них трудно выделить ведущее, наиболее характерное для экспрессивного синтаксиса. В истории разработки подобных явлений прежде всего было отмечено явление присоединения (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, С. Е. Крючков), описанное с различных точек зрения². Позднее на основе явления присоединения выделили явление парцелляции (Е. А. Иванчикова, Ю. В. Ванников) как особый экспрессивный прием в письменной речи. Не останавливаясь на истории разработки

¹ Ковтунова И. И. Стилистические варианты словорасположения в языке художественной прозы // РЯНШ. 1969. № 4.

² Ванников Ю. В. Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979.

этих проблем¹, следует лишь подчеркнуть, что внимание именно к парцелляции было привлечено, видимо, потому, что парцеллированные конструкции были распространены более других в художественной литературе XIX и начала XX в. и более всего манифестировали «рубленую» прозу, т. е. прозу сильно интонированную и как бы разбитую на куски, если сравнить ее с синтагматической классической прозой, где предложение представлено как единый, хорошо организованный сплав. Однако расчлененный, или «рубленный», синтаксис состоял и раньше не только из парцеллированных конструкций, да и осознан он был значительно раньше. Экспрессивный синтаксис возник в недрах языка художественной литературы (начиная от Карамзина и Пушкина), с развитием ее новых стилеобразующих черт. Корни этого явления уходят в XIX в., хотя только в XX в. расчлененный тип прозы стали называть «рубленным»². Интересны наблюдения самих писателей XIX в. относительно новых тенденций в синтаксисе, например, наблюдения Ф. М. Достоевского, относящиеся к 1873 г.: «Вчера заходил приятель: “У тебя, говорит, слог меняется, рубленый. Рубишь, рубишь — и вводное предложение, потом к вводному еще вводное, потом в скобках еще чего-нибудь вставишь, а потом опять зарубишь, зарубишь...”»³.

Представляется, что ведущим, наиболее общим является процесс сегментации, т. е. членение текста на отдельные сегменты. При этом информация подается частями, порциями, в то время как синтаксическая система русского языка позволяет передать ту же информацию без расчленения текста на сегменты. Теория сегментации была разработана Ш. Балли с ориентацией на синтаксическую систему французского языка⁴. Ш. Балли сопоставляет передачу одной и той же информации посредством (1) сочинения, (2) сегментации и (3) сращения: (1) *Там имеется птица, и эта птица взлетает*; (2) *Вон птица, она взлетает*; (3) *Эта птица взлетает*. В сегментированных конструкциях имеется обязательно две части: первая обычно подготавливает слушателя к «теме», вторая сообщает нечто о теме (Балли называет ее «повод»). Иногда порядок следования темы и повода могут быть изменены. Ср.: *То счастье и удовлетворение собой, о котором говорил Достоевский, оно обязывает Пушу (Гран. Обратный билет) — Он деревянный, этот дом, с широкой террасой* (Комс. правда, 1978, 6 апреля).

¹ Из последних работ отметим работы А. П. Сковородникова, который, в отличие от Е. А. Иванчиковой, противопоставляет присоединение как явление статического синтаксиса парцелляции как явлению динамического синтаксиса (*Сковородников А. П. Соотношение парцелляции и присоединения* // ВЯ. 1978. № 1).

² В. В. Виноградов не пользуется термином «рубленая» проза, а говорит о «расчлененной» прозе, заимствуя этот термин у Стендаля (*Виноградов В. В. Стиль «Пиковой дамы»* // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980).

³ *Достоевский Ф. М. Собр. соч.*: в 30-ти т. Л., 1980. Т. 21. С. 43.

⁴ *Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка*. М., 1955. С. 60–80.

Наиболее яркой сегментированной конструкцией современного русского языка является именительный темы, или представления (А. М. Пешковский), описанный достаточно полно в литературе¹. Однако имеются и другие разновидности сегментированных конструкций, не столь броских, однако сохраняющих все те структурные и коммуникативные закономерности, которые свойственны и именительному тема. Другие синтаксические формы расчленения текста (парцелляция, лексический повтор с распространением, вопросительные конструкции в монологе и т. п.) имеют много общего в своей основе с явлением сегментации. Во всех случаях расчлененности повышается интонированность текста, прочтение его, даже внутреннее, становится более прерывистым, количество логических акцентов увеличивается. Не случайно Н. Д. Арутюнова называет данный тип прозы актуализирующим. Ср. четко противопоставленные по синтаксической организации отрывки из художественной прозы синтагматического в актуализирующего типа: (1) *Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно ясно доказывает неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения* (Лерм. Герой нашего времени) — (2) *Есть в искусстве понятия — драматический анекдот и композиция. В анекдоте один, влетил пощечину, другой схватился за щеку. А в композиции главное, кто ударил и кого. Потому что реакция оскорбленного непредсказуема. Может заплакать, может и захохотать, может обнять обидчика и утешить его, а может и почесаться или умереть от оскорбления* (Анч. Самшитовый лес). Отсюда вытекает и другая особенность экспрессивных построений: большинство из них выходит за рамки предложения в его традиционном понимании и фактически осознается на уровне текста.

Обращаясь к вопросу об истоках и сущности экспрессивных синтаксических конструкций, следует остановиться на соотношении устных расчлененных конструкций и книжных письменных. Общепринятое мнение состоит в том, что в основе экспрессивных конструкций письменного языка лежит определенный субстрат устного синтаксиса. Однако этот субстрат в синтаксисе устной речи выполняет иные функции, чем в письменной. В связи с изучением и описанием закономерностей русского разговорного синтаксиса, основанных на наблюдениях над реально звучащей речью, удалось провести границу между синтаксическими построениями, которые вызваны именно устным характером, самой формой речи (спontan-

¹ Попов А. С. Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского литературного языка. М., 1964.

ностью, неподготовленностью), с одной стороны, и синтаксическими конструкциями, употребляемыми преимущественно в устной речи. Построение этих конструкций не вызвано формой речи, но они все равно осознаются как разговорные, где бы они ни употреблялись. Сравним (1) и (2) типы конструкций: (1) *Наша соседка / она всегда спешит; Причастия страдательного залога / они образуются от переходных глаголов;* (2) *Думал-думал, и вот тебе! Чем не жизнь? Всем женихам жених* и т. п.

Между конструкциями (1) и (2) есть принципиальная разница. Она состоит в том, что конструкции (1) в своем построении зависят от того, что они употребляются в устной речи. Это так называемые двойные подлежащие: сначала назван предмет речи, а в следующем предложении он или повторяется, или замещается личным местоимением. Это происходит потому, что сама форма устной речи позволяет использовать это излишество, чтобы для слушающего информация была более доходчивой. Иногда, возможно, это связано и с особенностями речи говорящего: он уже назвал предмет речи, а основное предложение еще не сформулировано. В любом случае в конструкциях такого типа нет специальной заданности, стилистической подчеркнутости, и во многих случаях мы не замечаем особенностей их построения. Такие построения, по аналогии с терминами фонологии, называют слабыми, то есть позиционно зависимыми, обусловленными формой речи. Конструкции типа (2) — синтаксические модели, в которых мы всегда чувствуем оттенок разговорности независимо от того, употреблены ли они в устной речи или в письменном тексте, например, в языке художественной литературы. Их «разговорность» не зависит от формы речи, и такие построения называют сильными элементами устной речи¹. В устной речи они отличаются от слабых элементов тем, что стилистически маркированы: в них не только особо подчеркнуты субъективно-модальные оттенки, но в эмоциональные (Н. Ю. Шведова называет эти оттенки экспрессивно-модальными). В литературе отмечалось, что слабые элементы устной речи обнаруживаются преимущественно в синтаксисе, в то время как сильные элементы наиболее заметны в лексике и фразеологии. Сильные элементы устной речи, не будучи преднамеренными и не неся осознанно воздействующей функции, скорее служат для самовыражения, они не направлены на адресат, а как бы замкнуты в говорящем (вспомним разделение Ш. Балли аффективной функции на две цели — выражение субъективного мира говорящего и использование соответствующих языковых средств для воздействия). Употребление сильных элементов в устной речи может, конечно, оказать воздействие на слушающего, однако это не будет осознанным шагом со стороны говорящего, т. е. в этом не будет экспрес-

¹ Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 19–25; Лантвева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976. С. 66–68.

сии в узко понимаемом нами смысле. Характерно, что в более ранних работах по синтаксису разговорной речи анализировались, в значительной степени на основании письменных литературных источников, именно сильные элементы. В более поздних работах, на основе анализа записей реальных устных высказываний — слабые по преимуществу (Е. А. Земская, О. А. Лаптева, Г. Г. Инфантова, О. Б. Сиротинина, И. Н. Кручинина и др.).

Встает трудный вопрос: могут ли слабые элементы устной речи перейти в письменную и в каком виде. На этот счет нет единства взглядов, хотя общее положение состоит в том, что «между спонтанной устной речью в естественных условиях и ее воспроизведением в художественной прозе путем репродукции нет и не может быть тождества»¹. Одно из мнений заключается в том, что слабые элементы попадают в книжные жанры в качестве заимствований и становятся сильными элементами для письменной речи, ибо несут на себе печать заимствования и иной стилистической тональности². Другого этапа, согласно этому мнению, не существует, и, таким образом, устанавливается только один этап вхождения слабого устного синтаксического элемента в письменный литературный язык. Н. Ю. Шведова видит две ступени вхождения устных (она называет их разговорными) синтаксических конструкций в письменный литературный язык: «... на первой ступени разговорная конструкция полностью сохраняет свою специфическую окрашенность и воспринимается как нечто по отношению к письменному тексту внешнее, инородное; на второй ступени она, сохраняя свое исходное “разговорное” качество, уже оказывается элементом системы таких средств внутри письменной речи, которые служат для придания ей окраски непринужденности и свободы, направленной на установление непосредственных контактов с читателем»³. Разграничением обеих ступеней бытования устных конструкций в письменном языке Н. Ю. Шведова считает частотность их употребления: элементы, находящиеся на первой ступени, единичны; элементы, находящиеся на второй ступени — регулярно повторяемы.

Думается, что в рассуждениях авторов есть некоторый пробел, связанный с недифференцированным анализом синтаксических конструкций в зависимости от жанрово-стилистической сферы их письменного употребления. Полагаем, что у большинства экспрессивных письменных конструкций имеется разговорный субстрат, слабый элемент устного синтаксиса. Так, именительный темы, возможно, имеет субстратом так называемое двойное подлежащее и другие конструкции подобного типа (*Сиамские кошки / они бывают краси-*

¹ *Кожевникова Кв.* Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970. С. 147.

² Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 19–25.

³ *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русской синтаксисе. М., 1966. С. 151.

вые). Устным субстратом парцелированных конструкций являются, очевидно, устные присоединительные конструкции, для вопросительных предложений в монологической речи — соответствующие предложения в условиях устного диалога, для конструкций с лексическим повтором — устные конструкции с повтором без синтаксического распространения и т. п.

На первой ступени вхождения устных конструкций в литературный письменный язык они копируются в речи персонажей в художественных произведениях, но это не копия разговорной речи в том виде, в каком мы ее наблюдаем в магнитофонных записях¹. Дело не только в трудности передачи истинной устной речи на письме из-за невозможности ее точной фиксации. Передача всего, часто плохо расчлененного, потока, который представляет собою устная речь, с нечеткими границами предложений, повторами, самоперебивами и вставками, практически невозможна даже в художественном диалоге, о чем еще писали представители пражской лингвистической школы². Кроме того, далеко не все особенности устного синтаксиса в равной степени часто имитируются писателями в художественных диалогах. Легче других имитируется разговорный порядок слов, вопросо-ответные конструкции, присоединительные конструкции. Но многие черты устного синтаксиса практически не передаются в художественном тексте (многие виды повторов, самоперебивы и т. п.). Итак, на первой ступени отдельные конструкции, представляющие слабые элементы устного синтаксиса, обнаруживаются сначала в диалоге художественных произведений, в речи персонажей в качестве имитации устного говорения. При этом структурных изменений в данных конструкциях практически не происходит, с точки зрения синтаксической организации они совпадают с соответствующими конструкциями устного синтаксиса, насколько это возможно при имитации. Но зато, как и при всякой имитации, они становятся стилистически маркированными (сильными) как чужеродные синтаксические элементы, в отличие уже от слабых элементов письменной речи, которые состоят в синтаксической организованности, логизированности письменного повествования.

Вторая ступень вхождения — употребление заимствованных конструкций в авторской речи, обычно художественной и публицистической. Именно здесь, на второй ступени вхождения устных конструкций в письменную речь, и появляются экспрессивные синтаксические конструкции. Сущность проявления экспрессии состоит в том, что конструкция становится нарочито подчеркнутым синтаксическим элементом художественной речи, специальным приемом, который имеет целью не столько имитировать устную речь, сколько

¹ Русская разговорная речь: тексты. М., 1978.

² *Мухаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

воздействовать на читателя. Придание разговорного оттенка авторскому художественному или публицистическому тексту не может служить художественной или прагматической задачей само по себе. Очень часто при употреблении экспрессивных синтаксических конструкций имеем дело с различного рода подтекстом, типология которого не является, к сожалению, разработанной¹: вопросительные и восклицательные конструкции в монологе — это передача несобственно-прямой речи, парцелляция — часто ирония, именительный темы — известная патетика, цепочки номинативных предложений — создание впечатления внешней фрагментарности событий и т. п. См.: *Патия Аджиева... Эту престарелую женщину, что живет на улице Мира в Карачаевске, знают многие* (Правда, 1981, 29 мая); *Телингана... Выжженная равнина, покрытая жестким кустарником. Редкие заросли веерообразных пальм. Огромные гранитные валуны. Каменистая малоплодородная почва. Каждый клочок земли отвоевывается в борьбе с суровой природой* (Шапошн. По южной Индии).

Изменение стилистической тональности и приобретение экспрессивного значения и возникает как нарушение высокой синтетичности русского письменного литературного синтаксиса за счет более новых и соответственно более редких аналитических конструкций. Устный же синтаксис изобилует расчлененными построениями, они для него типичны. Поэтому понятие экспрессивного синтаксиса мы и связываем именно с авторской письменной формой речи. Е. А. Иванчикова даже на уровне речи персонажа иначе подразделяет формы синтаксиса, создающие изобразительность, на «разговорные» и «экспрессивные»: «Если синтаксические формы служат средством имитации непосредственности процесса самовыражения героя, то приемами экспрессивного синтаксиса передается высокая степень интенсивности чувств героя, сопровождающих его исповедальное повествование»². Набор синтаксических конструкций, принадлежащий этим разным уровням, оказывается недостаточно четко разграниченным, и в итоге автор приходит к следующему выводу: «Обнаруженные нами в тексте “Кроткой” приемы аффективного синтаксиса — восклицания, возгласы, диалогизация монологической речи, повторы, градационные усиления, интонационное расчленение фразы, а также

¹ Понятие подтекста, хотя и очень популярное, не имеет четкого определения, особенно применительно к разным языковым уровням. Из последней литературы о подтексте см.: *Сильман Т. И.* Подтекст как лингвистическое явление // ФН. 1969. № 1; *Маркин В. Я.* Текст, подтекст и контекст // ВЯ. 1976. № 2. Характерно, что В. В. Виноградов, говоря о формах субъектно-изобразительного синтаксиса, называл их использованием приемом недоговоренности: *Виноградов В. В.* Стиль «Пиковой дамы» // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 233–234.

² *Иванчикова Е. А.* Синтаксис художественной прозы Достоевского. М., 1979. С. 102.

разнообразные комбинации этих приемов — густым слоем, как легко было убедиться, налагаются на разговорную основу монолога героя, и очень часто перед нами не просто “разговорная” или не просто “экспрессивная”, а экспрессивно-разговорная форма речи, которую с трудом можно “расщепить” на эти ее элементы»¹. Однако мы понимаем синтаксическую экспрессию более узко, связывая ее с авторским повествованием и конструктивным принципом различными видами синтаксической расчлененности или ослабления синтагматических связей.

Во многих случаях на данной ступени возникают структурные изменения. Структурные возможности экспрессивных конструкций могут значительно расшириться сравнительно с соответствующими прототипами устного синтаксиса. В итоге конструкция становится во всех отношениях богаче. Этому момента не учитывают некоторые авторы, предполагающие даже отсутствие генетической связи параллельных образований (устной и письменной экспрессивных конструкций) и заимствованный характер книжных экспрессивных построений, например, именительного темы или обособленных определений, которые в начале прошлого века оценивались как галицизмы². Упускается из виду, что на второй ступени вхождения в письменную речь, становясь экспрессивным приемом, та или иная конструкция увеличивает свои структурные возможности и на фоне этих конструктивных изменений, одновременных с интонационными и стилистическими, книжная «параллель» действительно уже далеко отходит от своего устного субстрата (ср., например, резкие интонационные изменения в именительном темы сравнительно с двойным подлежащим). Конструктивных изменений может и не быть, но все равно в письменный литературный синтаксис входит расчлененная конструкция, противопоставленная его синтетическому строю и синонимичная синтетическому варианту. Изменения конструктивного плана отмечаются не всегда (впрочем, эта сторона недостаточно исследована), но четко прослеживаются в некоторых видах сегментированных структур³, в конструкциях с лексическим повтором, в вопросительных конструкциях в условиях монолога (вспомним, что именно и монологической речи появились риторические вопросы, потерявшие первичную вопросительную функцию структуры, ставшие стилистико-синтаксической фигурой).

Третья ступень вхождения устных конструкций в письменный синтаксис знаменуется только стилистическим сдвигом, который выражается в некоторой нейтрализации экспрессивного оттенка, чему способствует распространение той или иной конструкции в

¹ *Иванчикова Е. А.* Указ. соч. С. 102.

² Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 68.

³ *Акимова Г. Н.* Наблюдения над сегментированными конструкциями в современном русском языке // Синтаксис и стилистика. М., 1976.

таких разновидностях литературного языка, как научном, научно-популярном, некоторых жанрах публицистики. Возможно уменьшение экспрессивного оттенка и в условиях художественной и публицистической речи. Часто это связано с повышенной частотностью употребления или превращения конструкции в синтаксическое клише, например, употребление некоторых видов парцелированных конструкций в языке газет или сегментированных конструкций там; ке или в научном языке. Ср.: *Задача сложная. Но ленинградцы успешно решают ее* (Ленингр. правда, 1980, 28 августа); *Собрание уполномоченных. Каким ему быть?* (Известия, 1969, 5 июня); *Двое-точие: сочинение или подчинение?* (название статьи А. Брагиной // Современная русская пунктуация, М., 1979).

В итоге синтаксическая система обогащается новой конструкцией, которая стала или только становится стилистически нейтральной, но структурно отличающейся от своего устного прототипа. Разумеется, не все виды экспрессивных конструкций дошли до этой степени, но многие уже этого достигли и встречаются как в экспрессивном использовании, так и в нейтральном, относительно нейтральном, ибо на смену экспрессивному значению приходит значение книжное, т. е. противопоставленное разговорному. Представим в виде таблицы наши наблюдения над вхождением слабых синтаксических конструкций устного синтаксиса в письменный литературный язык.

Виды речи	Стилистическая маркированность	Конструктивные изменения
Синтаксические конструкции устной речи	—	—
1. Литературный письменный язык (речь персонажей)	+	—
2. Литературный письменный язык. Авторская речь (художественная, публицистическая)	+	+
3. Авторская речь, как художественная, так и нехудожественная (научная, научно-популярная).	—	+

Таблица демонстрирует динамический аспект русского экспрессивного синтаксиса. Однако эта динамика не столько диахроническая, сколько синхронная, ибо все ступени, включая ступень устного синтаксиса, представлены в современном состоянии русского языка одновременно. Деривация, отмеченная для конструкций экспрессивного синтаксиса, направлена как назад, в синтаксис устной речи, так и вперед, в нейтральные стили современного литературного языка.

Е. А. Иванчикова
**Синтаксис текстов, организованных
авторской точкой зрения¹**

- Задания.** На основе статьи Е. А. Иванчиковой ответьте на вопросы:
1. Какие особенности синтаксической структуры художественного повествования выделены автором статьи?
 2. Как в работе раскрыты термины «информативный», «обще-изобразительный», «субъектно-изобразительный» синтаксис? Подберите для иллюстрации этих положений примеры из художественных текстов.

Вступительные замечания

<...> Задачей раздела является выделение, описание, характеристика разных приемов эстетически значимого употребления синтаксических средств в «чистой» авторской речи, т. е. в речи, максимально отвлеченной от изображаемого субъекта. Исследованию подвергались поэтому повествовательные и описательные или смешанные — описательно-повествовательные контексты, в принципе, как типы речи, обеспечивающие объективность авторской позиции, и не рассматривались «авторские» контексты типа «рассуждений», в том числе и контексты несобственно-прямой речи, в которых субъект оказывается в наибольшей степени выявленным². Ср.: рассуждение персонажа: *«А доктор рассеянно рассматривал его пса и ерзал качалке, придумывая ему имя. Как его назвать? Или лучше избавиться от него, пока не поздно? На что ему собака? Доктор задумчиво поднял глаза»* (Казак. Арктур — гончий пес); рассуждение автора: *«Мальчик подбежал к отцу, пристроился справа и, держась за полу отцовского ватника, засеменил рядом с широко, шагавшим мужчиной. //³. Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждет*

¹ Печатается по: Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М., 1977. С. 198–240

² «Непрямую речь (в собственном смысле), — писал В. В. Виноградов, — следует отличать от варьирования экспрессивных форм самого повествования, как косвенного, «метонимического» способа изображения переживаний. Ведь «непрямая речь» уже непосредственно, «прямо» затрагивает вопросы чужого чувства. Она направлена на внутренний мир персонажей. Следовательнo, символизация настроений и переживаний здесь более открытая, более «предметная» и непосредственная по сравнению с экспрессивной волнистостью синтаксических форм авторского повествования». Виноградов В. В. Стиль «Пиковой Дамы» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 2. М.: Л., 1936. С. 130.

³ Знаком // здесь и далее обозначаем начало нового абзаца.

их впереди?» (Шолох. Судьба человека); несобственно-прямая речь персонажа: *«Больно заныла вдруг рука, покалеченная в далекий двадцатый год. Вроде вот и здоровьем бог его не обидел, вроде есть еще сила во всем теле — разве что уступит он только угрюмому заведующему конфермой Фролу Курганову (да ведь и то сказать — Фрол моложе его на пять лет), а рука в последнее время начинает побаливать все чаще. Что ж, годы идут»* (Ив. Тени исчезают в полдень). <...>

<...> При изучении синтаксиса художественных текстов представляется необходимым различать, с одной стороны, синтаксис «коммуникативно-обязательный» — соответствующий функциональному назначению данного типа речи в плане «общего» языка, и, с другой стороны, синтаксис художественно значимый, несущий в данном тексте эстетическую функцию¹.

В соответствии с поставленной задачей, во-первых, осуществляется функциональный подход к синтаксису и, во-вторых, для анализа избираются относительно крупные и тематически относительно завершенные отрезки текста, которые часто оказываются вмещенными в рамки абзацев.

Общей чертой синтаксиса рассматриваемых текстов является следование литературной традиции русской классической прозы в разных ее ответвлениях. Особенно устойчивым оказывается воздействие на авторскую речь советских писателей «синтаксических почерков» Л. Толстого и А. Чехова. Ср., напр., в повествовательно-описательных контекстах Ю. Бондарева характерные для Л. Толстого пространные периоды, развернутые сложные предложения, как бы построенные по принципу замедленной съемки, свободное насыщение фразы причастными и деепричастными оборотами: *«В то время как в высших немецких штабах все, казалось, было предопределено, разработано, утверждено и танковые дивизии Манштейна начали бои на прорыв из района Котельниково в истерзанный четырехмесячной битвой Сталинград, к замкнутой нашими фронтами в снегах и руинах более чем трехсоттысячной группировке генерал-полковника Паулюса, напряженно ждущей исхода, — в это время еще одна наша свежесформированная в тылу армия по приказу Ставки были брошена на юг через беспредельные степи навстречу армейской ударной группе «Гот», в состав которой входили тринадцать дивизий. Действия и той и другой сторон напоминали как бы чаши весов, на которые были теперь положены все возможности в сложившихся обстоя-*

¹ Ср.: «...Поэтическое слово двупланно: соотносясь со словесной системой общего языка, материально как бы совпадая с ее элементами, оно в то же время по своим внутренним поэтическим формам, по своему поэтическому смыслу и содержанию направлено к символической структуре литературно-художественного произведения в целом. В этом — основа поэтической речи и фактор динамической напряженности литературно-художественного произведения». — *Виноградов В. В.* О теории художественной речи. М., 1971. С. 6.

тельствах» (Бонд. Горячий снег) <...>. Ср. также у Г. Бакланова: «Для того бойца, который, выскочив из избы, увидел въезжавших в улицу немецких мотоциклистов, успел выстрелить в них с колена и упал под пулеметной очередью, весь этот короткий миг от момента, когда он увидел их и побежал, а потом, остановившись, начал отстреливаться, до момента, когда он лежал уже на дороге, и вся колонна, мотоцикл за мотоциклом, проехали через него, — все это, безмерно малое по времени, вместило и страх его, и решимость, и жизнь, и будущее, и смерть» (Бакл. Июль 41 года)¹.

Близкой нашему времени оказалась также чеховская фраза — благодаря заложенным в ней внутренним возможностям аналитической передачи мыслей и чувств. Иногда влияние Чехова на современную прозу проявляется в виде прямых реминисценций и перекличек. Однако чеховский строй лирической фразы — с перечислениями, присоединениями, с периодическим членением ее частей, с противительными конструкциями, с неопределенными *почему-то, казалось, что-то, как будто* и т. п., передающими противоречивое движение мысли, оказывает и более опосредованное влияние, давая поэтому и более органичные результаты. Об этом свидетельствует творчество такого писателя, как Ю. Казаков, многие рассказы которого содержат скрупулезный анализ внутреннего мира человека и построены на смене психологических контрастов — неявных, скрытых, завуалированных. Так, одновременность противоречивых, взаимоисключающих чувств, выражаясь иногда в прямой форме, чаще всего облекается в излюбленные чеховские противительные конструкции: «*Ей надоело быть никем перед его родителями, дядьями и тетками, перед его друзьями и своими подругами, она хотела стать женой и матерью, а он не видит этого и вполне счастлив так. Но и смертельно жалко было первого тревожного времени их любви, когда было все так неясно и неопределенно, зато незнакомо, горячо и полно ощущением новизны*» (Казак. Двое в декабре). В рассказах Ю. Казакова легко обнаружить также «чеховский» пейзаж. Ср., напр., «чеховское» завершение рассказа «На острове» — трехчастный ряд однородных членов («триада»), ступенчато падающая интонация: «*Звенела за бортом вода, и звон этот был похож на звук бегущего, веселого, никогда не умолкающего ручья*».

Примечательно также, например, что в творчестве позднего Л. Леонова, который еще в 20-е годы писал о своем пристрастии к

¹ Эта же фраза по другому поводу цитируется А. Бочаровым, отметившим попутно ее непривычный для раннего Г. Бакланова по-толстовски разветвленный характер. См.: Бочаров А. Человек и война // Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. М., 1973. С. 418.

«Толстовские» фразы обнаруживает исследователь. В. Цветков в повести К. Симонина «Двадцать дней без войны». См.: Цветков А. В. Стилевое своеобразие современной повести о Великой Отечественной войне // Идеиное единство и художественное многообразие советской прозы. М., 1974. С. 209–210.

Достоевскому¹, воздействие этого писателя, по-видимому, становится более глубоким². Оно обнаруживается как в образно-стилевых реминисценциях, так и собственно в языке, в частности, в синтаксисе фразы. Показательны в этом отношении некоторые данные сопоставительного обследования двух редакций романа Л. Леонова «Вор», относящихся, соответственно, к 1927 и 1959 гг. Иллюстрацией может служить, например, появление в соотносительных с 1-й редакцией местах 2-й редакции типичных для синтаксического почерка Достоевского случаев размыкания контактно связанных друг с другом определительных сочетаний слов неударяемыми частицами (или другими семантически ослабленными словами): устойчивый характер данных сочетаний «оживляется», поскольку оба их члена оказываются акцентно и по смыслу выделенными:^{3 4}

<i>Первая редакция</i>	<i>Вторая редакция</i>
<p>И вдруг фирсовские шансы поднялись на неимоверную высоту.</p> <p>В повести эпизод вышел несколько иным: при первой же армейской смуте Аггей прихлопнул того старика, который награждал его за первоначальные подвиги; убил просто из интереса и, пожалуй, из благодарности за полученную науку...</p>	<p>...и вдруг фирсовские шансы поднялись на нежелательную даже высоту.</p> <p>В повести давешний эпизод округлялся иначе; по Фирсову, при первой же всеармейской смуте рядовой Столяров Агей <i>пришил</i> генерала, награждавшего его за тот начальный подвиг, причем не из политических <i>даже</i> соображений или, скажем, из иронической благодарности за полученную науку...</p>

Другим примером возрастания в «почерке» Леонова синтаксических примет письма Достоевского являются, судя по тексту 2-й редакции «Вора», изъяснительные фразы с «растянутой» — за счет частиц, модальных слов или самостоятельных членов фразы — первой, главной частью. Изъяснительный глагол в подобных конструкциях приобретает больший, по сравнению с типовыми изъяснительными формулами («знал, что...», «думал, что...») семантический вес; более выразительным оказывается мелодический рисунок фразы, ср.:

¹ См. напр.: На литературном посту. 1927. № 5–6. С. 57.

² См. об этом: *Исаев Г. Г.* Проблема стилиевой традиции Достоевского в прозе Леонова 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Горький, 1975. С. 16.

³ Цит. по изданию: *Леонов Леонид*. Вор. 5-е изд. М., 1936.

⁴ Цит. по изданию: *Леонов Леонид*. Собр. соч.: в 9 т. М., 1961. Т. 3.

<i>Первая редакция</i>	<i>Вторая редакция</i>
<p>...знал, что после солдатчины пробовал Пухов поносить иноческую скуфейку; да не пришлось по голове...</p> <p>— Не хочу квасу, — сказал Митька и все <i>глядел, как покачивался кончик незабываемого ремешка.</i></p>	<p>...догадывались также некоторые, что после солдатчины пробовал Пухов походить в иноческой скуфейке, да не пришлось по голове...</p> <p>— Нет, не надо мне твоего квасу, — сказал Векшин и теперь <i>явственно вспомнил даже, при каких обстоятельствах в последний раз видел эту медную пряжку незабываемого ремешка.</i></p>

Ср. также подобные же случаи распространенности изъяснительного глагола в заново включенных во 2-ю редакцию «Вора» участка текста: *«Ему почудилось даже, что...»*; *«Полностью подтверждалось теперь, что...»*; *«Мне так явственно приоткрылось вдруг, что...»*; *«Утверждали со слов пятнистого Алексея, что...»*

Для текста 2-й редакции «Вора» характерны также экспрессивно-образительные синтаксические построения с инверсией ремы — типа: *«Неотвязная, утренняя, без конца и начала мысль кружила его до одури, как в карусели»*. Ср. у Достоевского: *«И необыкновенная лихорадочная и какая-то растерявшаяся суэта охватила его вдруг, вместо сна и отупения»* (Дост. Преступление и наказание).

Важно подчеркнуть, что эти и некоторые другие очевидные следы «зараженности» фразовой специфичностью письма Достоевского, обнаруживаемые в текстах Леонова, не являются в них чужеродными вкраплениями, а входят в целостное единство собственно леоновского — неповторимо своеобразного и ярко индивидуально-го — синтаксиса.

Наследуя классическую традицию, творчество самого Л. Леонова, в свою очередь, входящее в фонд советской литературной классики, оказывает несомненное — стилевое и языковое — влияние на творчество некоторых поздних писателей. В синтаксической манере Леонова пишет, напр., Григорий Коновалов¹ — вот образец его пейзажного описания: *«В трещинах с разрывами кореньев томилась каленая за прогоном земля, знойный ветер гнал с ковыльных залежей горький прах отшумевшего пожара, и только чернобылинка держалась на пропеченном суглинке. По ней-то и гнал вьюнок свою провололочную стираль с белыми раструбами цветов. Повыше на ковыльном*

¹ Неслучайно именно Г. Коновалову принадлежат слова о Л. Леонове: «Близ могучей реки его творчества бегут ручейками, отыскивая свой путь к морю, творения молодых» (Коновалов Г. Поэма века // Москва. 1974. № 5. С. 205).

склоне старчески индивела над осиротевишим после змеинога наполза жавороньим гнездом духменная богородская травка на чьей-то потоптанной могилке, занятой сухими красно-бурыми натеками» («Былинка в поле»).

Как видно уже из этих беглых иллюстраций, вопрос о традиции в синтаксисе художественной прозы тесно смыкается с вопросом об индивидуальном синтаксическом почерке писателя — т. е. совокупности излюбленных данным писателем, часто повторяющихся «мелких» и «крупных» синтаксических построений, представляющих собой обычно те или иные варианты типовых синтаксических структур общелитературного языка.

В настоящей работе, имеющей своей целью <...> описание общих процессов, характерных для синтаксиса авторских контекстов художественной прозы наших дней, индивидуальный писательский синтаксис не может быть, естественно, центром исследовательского внимания, но он должен постоянно иметься в виду, поскольку именно индивидуальной склонностью писателя определяется выбор тех или иных изобразительных средств, в том числе синтаксических.

<...> В синтаксисе авторских контекстов советской художественной прозы, помимо широкого использования изобразительных приемов, известных классической русской прозе, весьма заметным оказывается проникновение синтаксических явлений, активизировавшихся в русском литературном языке наших дней, таких как расчлененность речи (приемы сегментации и парцелляции), синтаксическая несогласованность, употребление номинативов, имитация конструкций разговорной речи¹.

Синтаксис художественных текстов, написанных от 3-го лица

Синтаксис рассматриваемых здесь «литературных» описательных, повествовательных и смешанных — описательно-повествовательных контекстов имеет три функциональные разновидности: 1) информативный синтаксис, 2) общеизобразительный синтаксис, 3) субъектно-изобразительный синтаксис.

Информативный синтаксис

Информативный синтаксис в наибольшей степени приближен к синтаксису коммуникативно-обязательному, т. е. синтаксису, соответствующему функциональному назначению данного типа речи, в нашем материале, следовательно, описанию и повествованию. Для

¹ См.: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968. С. 233–366. См. также: Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). М., 1966; Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.

информативных описательных и повествовательных контекстов обычен прямой порядок слов, нераспространенность (или слабая распространенность) фраз.

Описательные контексты могут быть именными и глагольными. Именные контексты создаются по формулам: «кто — какой» (или «что — какое»), «где — что» (или «что — где»). Вот примеры подобных «сообщающих» описаний внешности персонажа и интерьера: «Он (Круазе) был лыс, с венчиком седых волос вокруг красивой головы, в галстуке бабочкой. Цветной платок свисал из наружного кармана. В Круазе было что-то романтическое, театральное» (Кав. Кусок стекла); «Пустыми грязными сенцами они прошли в хату, обставленную совсем бедно: старая деревянная кровать, ветхий тонконогий стол и скамья. Потемнелые бревенчатые стены, совершенно голые, на печи — рваный тюфяк и ворох тряпья. На дощатом столе — крынка, тарелка с остатками хлеба и стакан из-под молока. Тут же, уставясь стволом в окно, стоял немецкий ручной пулемет. В изголовье кровати, закинутой порыжевшей солдатской шинелью, висел трофейный автомат. Воздух в хате был кислый, спертый» (Богомол. В августе сорок четвертого).

Конституирующую роль в создании описательных контекстов глагольного типа играют глаголы несовершенного вида, преимущественно, — прошедшего времени («имперфекты»), наделенные, по словам В. В. Виноградова, качественно-описательной функцией¹. Благодаря этой своей функции, глаголы прошедшего несовершенного свободно и «незаметно» включаются в именные описательные контексты — ср. в приведенных выше примерах: «*Цветной платок свисал из наружного карман*»; «*Тут же... стоял немецкий ручной пулемет*»; «... *Висел трофейный автомат*».

Структурную основу *повествовательных* контекстов составляет сцепление видо-временных форм глагольных сказуемых, при котором соотношением этих форм выражается последовательность действий или событий.

Обычно в повествовательных участках текста заключено бывает «прогрессивное», направленное вперед развитие сюжетного действия. Вот образцы подобных собственно повествовательных контекстов, приближающихся иногда к стилю газетных сообщений: «*На рассвете 12 декабря, создав трехкратный перевес на узком участке вдоль железной дороги Тихорецк — Котельниково — Сталинград, командующий ударной группой деблокирования генерал-полковник Гот двумя танковыми дивизиями, при массивной поддержке авиации нанес удар в стык двух армий Сталинградского фронта. Танки*

¹ «...Качественно-описательный оттенок значения в форме прошедшего времени несовершенного вида выступает настолько рельефно, что она становится основным средством описательной характеристики свойств какого-нибудь лица или предмета»: Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947. С. 561.

устремилась в прорыв, к 15 декабря вышли на берег реки Аксай и, форсировав ее, за три дня непрерывных атак продвинулись на сорок пять километров в направлении к Сталинграду» (Бонд. Горячий снег); <...> «Оставив Андрея наблюдать, Таманцев зашел к своему знакомому, помощнику коменданта станции, который находился неподалеку, в здании блокпоста. Дождавшись, когда наблюдаемые вышли из агитпункта, Таманцев подозвал помощника коменданта к окну и показал ему офицеров» (Богомол. В августе сорок четвертого).

Информативное повествование часто сопровождается комментированием повествуемых текстов, которое вводится, например, разъяснительной конструкцией: «Ознакомясь со справкой по делу «Неман», Верховный распорядился немедленно вызвать начальника Главного управления контрразведки, а также наркомов госбезопасности и внутренних дел. Находившемся у него в эту минуту на докладе генералу армии, исполнявшему уже не первый год обязанности начальника Генерального штаба, он предложил задержаться, вполне допуская, что, возможно, потребуются радикальные изменения стратегического плана или отсрочка всей будущей операции» (Богомол. В августе сорок четвертого) <...>.

Повествовательный контекст сам иногда служит способом комментирования, разъяснения тех или иных сюжетных ситуаций, а также способом создания характеристики персонажа — тогда повествование носит характер ретроспективной вставки: «Вызов в ставку был для него неожиданным. Бессонов находился в тот момент на в своей московской квартире, а в академии, где два года перед войной преподавал историю военного искусства. Уже прослышав, что должен быть подписан приказ о новом его назначении, он зашел к начальнику академии генералу Волубову, старому другу, однокашнику по финской кампании, трезвому, точному знатоку современной тактики, человеку скромному, негромкому в военных кругах, но весьма опытному, чьи советы Бессонов всегда ценил. Неторопливую, перемешанную воспоминаниями их беседу за питьем чая в служебном кабинете генерала прервал телефонный звонок» (Бонд. Горячий снег) <...>.

Эстетическая функция подобных протокольно-сухих, лишенных примет изобразительности (в том числе — синтаксических) повествовательных отрезков обнаруживается в перспективе всего данного произведения: «нехудожественность» формы может быть художественно заданной. Такое, напр., композиционно многослойное произведение, как «В августе сорок четвертого» В. Богомолова, содержит, наряду с литературно-художественными описаниями, «изображающими» повествовательными контекстами, психологическими этюдами, не только деловые сообщения и зарисовки, идущие от автора (ср. приведенные выше примеры), но также и «обезличенные» оперативные документы — сводки, приказы, официальные записки,

шифротелеграммы и т. п. и, наоборот, сугубо личные — исповедально-дневниковые фрагменты, исходящие непосредственно от основных героев романа. Каждый из этих композиционных типов речи несет свою нагрузку в композиционно-структурном единстве романа: именно в этом единстве должны взаимно уравновешиваться и находить свое оправдание столь разные по стилю и форме речевые пласты.

Общеизобразительный синтаксис

Если отрезки текста (в нашем случае описательные и повествовательные) с информативным характером синтаксиса имеют в данном произведении лишь композиционно-сюжетную значимость, то отрезки текста с элементами изобразительного синтаксиса непосредственно несут в себе, естественно, самостоятельный заряд художественности.

Под общеизобразительным синтаксисом понимается совокупность приемов художественного изображения собственно синтаксическими (в том числе ритмико-интонационными) средствами, при котором художественная действительность оказывается полностью объектом авторской обрисовки и оценки.

Синтаксис используется как средство экспрессивного выделения каких-либо предметов, признаков, действий, как прием косвенной символизации сопутствующего описываемым или повествуемым объектам общего настроения — напр., грустно-лирического, взволнованно-тревожного, торжественно-патетического и т. п. или как своего рода техническое средство (как у художника — краски) для создания описательных «полотен» с большей или меньшей степенью детализации изображаемого, для рассказа, повествования о событиях, которые развиваются либо стремительно, быстро, либо, наоборот, неторопливо, медлительно. В основном в рассматриваемых здесь литературных «авторских» текстах, написанных от 3-го л., употребляются традиционные средства изобразительного синтаксиса — такие как акцентирующие повторы, перечислительные ряды однородных членов, разнообразные ритмообразующие средства (инверсии, параллелизм строений следующих друг за другом фраз и др.), комбинации разных приемов изобразительного синтаксиса.

Очень часто, разумеется, в речевой обрисовке изображаемого объекта основная роль принадлежит не синтаксису, а, например, лексике, словообразовательным, морфологическим, фонетическим средствам языковой экспрессии. В следующем абзаце речь идет о тишине в парке: *«Они сели. В саду царила покойная тишина. Изредка с Москвы-реки прилетал ветер, и тогда на минуту закипали березы, потом, раскачивая из стороны в сторону ветви, начинали скрипеть стволы сосен, и, наконец, с трудом разбуженные елки неохотно кивали своими тяжелыми лапами и снова погрузались в*

дремоту. Казалось, что парк давно закрыт и в нем нет ни души» (Ант. Беккеровский рояль).

Здесь состояние «покойной тишины» рисуется, как видим, семантикой самих слов, называющих, признаки тишины (*ветер прилетал изредка, на минуту закипали березы, с трудом разбуженные елки неохотно кивали своими лапами* и т. п.). Синтаксису в создании образа «тишины» принадлежит роль своего рода аккомпанирующего инструмента: соположением однотипно построенных фраз с имперфективными формами сказуемых и соответствующей плавной, однотонной интонацией вызывается лишь общее впечатление чего-то спокойного и неторопливого.

В других же случаях синтаксис выполняет роль не сопутствующего, второстепенного, а равноправного с лексикой или даже основного изобразительного средства. Слово «тишина», например, в следующем отрывке, снабженное, как и в тексте выше, лексическими определителями (рисующими уже совсем другую тишину) и поставленное, благодаря приему повтора, в акцентируемую позицию, оказывается специально выделенным в качестве смыслового и образного центра всей фразы: *«А когда отошли от огневой позиции и зашагали по ходу сообщения, вдруг полновесная до глухоты тишина плотно стиснула их в узком проходе, тяжелая, давящая на голову, как свинец, тишина»* (Бонд. Горячий снег).

В исследуемых «литературных» текстах прием повтора употребляется очень широко — как в лирической, так и в эпической. Благодаря своей синтаксической гибкости и практически неограниченной вариативности этот способ экспрессивно-смысловой акцентуации включается в контексты самой разной тональностей. Вот несколько примеров, где лексические повторы разных типов в соответствующих синтаксических контекстах участвуют в изображении картин утомительного однообразия пути и скорбного холода смерти, непрерывного, неустанного труда и энергичного, стремительного движения: *«Потом, когда совсем смеркалось и дорога уходила на унылые пригородные пустыри, усталость брала свое, каждый шаг казался последним, а пустыри все тянулись и тянулись, однообразно залитые прозрачным полусветом летней ночи»* (Никит. Падучая звезда); *«А ветер был и был, тоскливо, по-зимнему. В небесной выси за облаками своим путем плыла холодная луна, еще недавно освещавшая этим людям путь; поле под ней то светлело, то хмурилось. И снег все мело и мело между крошечными, коченеющими на ветру бугорками тел»* (Бакл. Мертвые сраму не имут); *«Днем и ночью на главной усадьбе дышат электрические лампочки, днем и ночью стучит движок электростанции, стучит громко и до того привычно, что его уже никто не слышит. // По степи длинными эшелонами несутся грузовики, слепя фарами встречный порожняк, и, вспыхивая в ночной темноте, бьют в черное небо столбы автомобильного света, и усталые, сильные сигналы машин изредка прорываются сквозь*

деловой рокот тракторов и комбайнов, и ни на минуту не оседает над степными дорогами легкая пыль» (Ант. Аленка) <...>.

Повтором охватываются иногда довольно пространные участки текста, его действие свободно распространяется за пределы абзаца, ср.: «Он упал на спину, навзничь, широко раскинув руки, подставив солнцу невидящие, широко открытые глаза. // Упал свободным и после жизни, смертью смерть поправ» (Вас. В списках не значился); «Танки в пшенице зашевелились, лязгая, стреляя огнем, двинулись на людей, лежавших с автоматами в ямах, в воронках от снарядов. // Двинулись, чтобы сомкнуться с другими танками, вышедшими наперез, от леса» (Бакл. Мертвые сраму не имут).

Эта, только что проиллюстрированная, разновидность повтора — одно из проявлений активно действующей в синтаксисе современного русского языка тенденции к расчлененности речи. В данном случае перед нами — своеобразный способ одновременного разъединения и объединения частей высказывания и в то же время эффективный прием смысловой акцентуации повествуемых фактов.

Для современной «литературной» художественной прозы характерны также случаи совмещения приема повтора с приемом сегментации — синтаксически выраженного расчленения фразы на «тему» и «рему», напр.: «На огромном пологом снежном склоне — **маленький черный трактор, маленькое черное орудие и крошечные люди, бегающие под уклон по бокам его, — все это приближалось**» (Бакл. Мертвые сраму не имут).

Как показывают некоторые из приведенных выше отрывков, акцентные «взлеты», вносимые повторами, могут быть лишь частью общего звукового оформления данного текста, в котором — в разных экспрессивно-изобразительных функциях — используются и другие мелодико-синтаксические средства. Вот, напр., — сочетание в одном тексте повторов с рядами однородных членов, вызывающими «перечислительную» интонацию: «Разрозненная усталостью, огромная колонна нестройно растягивалась, солдаты шагали все медленнее, все безразличнее, кое-кто уже держался за щиты орудий, за передки, за борта повозок с боеприпасами, что тянули и тянули, механически мотая головами, маленькие, мохнатые монгольские лошадки с мокрыми мордами, обросшими колочками инея» (Бонд. Горячий снег). Мелодика этого отрезка как бы имитирует медленное и «спотыкающееся» движение усталых людей. Вот — соединение повторов и перечислений с инверсивным порядком слов — чем создается, в целом, лирическая интонация, по-разному, вместе с тем, окрашенная в приводимых ниже двух контекстах: «**Опять шла она мягкой дорогой, но теперь ей светили звезды. Нежно пахло сеном и придорожной пылью. От сияния Млечного Пути тьмы полной не было, по сторонам виднелись то стога сена, то копешки льна, то светлело неубранное поле ржи**» (Казак. Некрасивая); «**С необыкновенной пристальностью разглядел он вдруг во всех подробностях и милую**

хозяйку, и эту крохотную комнатку с одним окном на юг, с десятком книг на этажерке, ковриком и узкой, тщательно застеленной и, по-видимому, жесткой кроватью...» (Казак. На острове). Более сложен мелодический рисунок следующего отрезка, содержащего троекратный повтор союза *когда*: «... Стояла на севере самая ранняя весна — та пора, **когда** ночи уже тлеют, истекают светом по горизонту, когда березы еще голы, **когда** на многие километры слышно, как однообразно напряженно играют, гулькают тетерева, а снег еще только сошел, все залито водой, и часа в четыре солнце уже высоко и греет вовсю» (Казак. Ночлег). Мелодика у каждого из трех придаточных предложений этого синтаксического единства — своя, но первое и третье предложения объединяются своеобразной звуковой «переключкой», создаваемой однотипными объединениями слов, ср. в первом предложении: «... ночи уже **тлеют, истекают светом...**», в третьем: «... **играют, гулькают тетерева...**». Как самый повтор, так и это внутритекстовое созвучие способствуют цельной и гармоничной мелодической оформленности всего этого отрезка — рисующего лирический пейзаж.

Иногда, чаще в лирической прозе, мелодическая организация соответствующих участков текста выполняет самостоятельную живописную функцию. В следующем небольшом этюде: «*День был из тех, на которые так щедро степное заволжское лето. Понизу дул опалаящий ветер, а в голубовато-сером, без единого облачка небе стояла оцепенелая знойная сонь*» (Никит. Вечерняя заря) — во второй фразе не только лексикой (*понизу — в небе*) и не только союзом *а*, но и мелодико-синтаксической организацией фразы оказываются противопоставленными друг другу «земля» и «небо». Обе части фразы построены симметрично, по формуле: детерминант — сказуемое — подлежащее. Но вместе с тем вторая часть фразы, в отличие от лаконичной первой, имеет слева — при детерминанте-существительном и справа — при подлежащем по два распространяющих их определения («*в голубовато-сером, без единого облачка небе*» — «*оцепенелая знойная сонь*»), что ритмически подчеркивает как симметрию всей фразы, так и противопоставленность ее частей. Таким образом, перед нами — стройная мелодическая композиция с отчетливо выделенными и сопоставленными двумя ее компонентами.

Изобразительную функцию выполняют также разные виды инверсий, придающие тексту эмоциональное звучание. В современной советской прозе находим многие образцы тонкого и изысканного использования этого приема. Вот, например, небольшой повествовательный отрезок, занимающий особый абзац, с инверсированной фразой в его середине: «*Высунув бинокли из хвои, Васич и Голубев наблюдали за черной точкой, медленно приближавшейся к ним. **В безмолвии лежала снежная равнина под низким зимним небом.** Было позднее утро, но солнце еще не показывалось. Только по временам сквозь облака оцущалось тепло его, и тогда снег светлел и*

резче видна была на нем движущаяся черная точка» (Бакл. Мертвые сраму не имут). Символический смысл, заключенный в инверсированной фразе *«В безмолвии лежала снежная равнина под низким зимним небом»*, проявляется в контексте целого. В акцентируемую позицию выдвигается сочетание *«В безмолвии»*: снежное, белое безмолвие — это «фон», на котором контрастно выделяется упоминаемая дважды (в начале и в конце абзаца) черная движущаяся точка, несущая смерть.

Вот также характерные случаи использования в целях изобразительности приема парцелляции — экспрессивного расчленения текста на интонационно самостоятельные, акцентируемые отрезки: *«И вдруг ночью, когда никто не ждал, с грохотом раскололось небо, ударил дождь. Холодный, освежающий, с ветром»* (Ив. Тени исчезают в полдень; *«Ищенко бежал кустами, пережидал, нырял под трассы и снова бежал. Молча. Со взведенным пистолетом в руке»* (Бакл. Мертвые сраму не имут)¹.

Эстетически направленная звуковая оформленность описательных и повествовательных контекстов характеризует творческую манеру многих советских прозаиков. Используются, помимо специализированных, «сознательных» интонационно-синтаксических приемов, другие возможности звукового живописания, заложенные в построения стилистически нейтрального литературного синтаксиса — организующих крупные или небольшие по объему синтаксические единства. Возникает на данном участке текста определенным образом эмоционально окрашенная инерция «звукового» движения фраз, образуемого количеством входящих в данное синтаксическое единство синтагм, их протяженностью, симметричностью или асимметричностью их строения, словорасположением, размещением в них акцентов, наличием или отсутствием обособлений, вставных конструкций, союзным или бессоюзным характером связи синтаксических единиц и т. п. Вот несколько примеров по-разному озвученных описательных и описательно-повествовательных контекстов: *«А было уже утро, весеннее, свежее, безоблачное, где-то рядом, казалось, возле подоконника, трещали крыльями в саду птицы, слабо тянуло по комнате прохладным запахом обсыхающих после росы яблонь, и в сладком светящемся воздухе, золотисто вспыхивая, искорками рассыпая мельчайшую пыльцу, порхала под потолком, садилась на обои бабочка, залетевшая через раскрытое окно из сада»* (Бонд. Берег); <...> *«Потом всю ночь бродили под звездным небом по окрестностям села, по заброшенным лесным дорогам, зараставшим*

¹ Ср.: «...Ритмическая инструментовка придает выразительность, подчеркивает и выделяет то, к чему хочет приковать ваше внимание автор» (Из ответа М. Богословской-Бобровой на анкету о ритме художественной прозы, предложенную М. М. Гиршманом писателям и переводчикам). *Гиршман М.* Над строками анкеты // Вопросы литературы. 1973. № 7. С. 133.

мягкой, пружинящей под ногами травой, несколько раз выходили на берег Светлихи... // На солнцевосходе вернулись в деревню, подошли к своему дому, Митька сел на ступеньку крыльца, Фрол устало опустился рядом» (Ив. Тени исчезают в полдень); *«Он сидел один на бульварчике, отдаленно скрипели шаги, у освещенных подъездов вокзала звучали голоса носильщиков, под вывездившим небом разносились мощные гудки паровозов. И он не находил в себе сил встать, идти домой»* (Бонд. Двое); *«Внизу мерно и широко шумел прибой, шел прилив, холодило. Ветер нес особенно грустный запах осеннего моря. А само море было глубоко и таинственно черно»* (Казак. На острове); *«Тянулись дни. Падали листья. Осень кончалась. // По утрам от первых заморозков стал яснеть воздух. // Все выше поднимались над крышами дальних изб дымы»* (Конецк. Две осени)¹.

Рассмотренные выше средства общеизобразительного синтаксиса характерны, как видно из примеров, и для описательных и для повествовательных контекстов современной прозы. Но могут быть особо выделены некоторые приемы синтаксического изображения, в большей степени свойственные, с одной стороны, описанию и, с другой стороны, повествованию.

В описательных контекстах сохраняет свою силу и, возможно, усиливает свою живописующую функцию традиционный прием насыщения текста рядами однородных членов — в их разнообразных комбинациях и в сочетании с другими приемами изобразительного синтаксиса. Основным назначением этого приема является, естественно, детализация, «украшение» описания. При всей своей простоте и непосредственности, этот способ синтаксического изображения чрезвычайно «подвижен» и характеризуется большой степенью ва-

¹ Характерно следующее самонаблюдение писателя В. Конецкого — в ответе на упоминавшуюся анкету журнала «Вопросы литературы»: «Часто происходит так, что сперва я пишу последние абзацы рассказа, финал, а потом пристраиваю к нему весь рассказ. Тогда ритм, найденный для финальной фразы, уже автоматически держится на протяжении всего повествования. Я говорю, что держится «автоматически», потому что он не требует от меня специальных забот. Посмотрите последний абзац рассказа «Еще о войне» — он был написан первым — и сравните с начальными абзацами. Мне нужно было вызвать всем рассказом ощущение «спускания» героини куда-то вниз, к вечной и медлительной, равнодушной природе». Приводим последний абзац названного рассказа В. Конецкого: *«И Марья Степановна пошла, оскальзываясь на влажной земле и черных, палых листьях, вниз, к просвечивающему сквозь вершины деревьев простору медлительной реки»* (Конецк. Луна днем). Ср. с начальными двумя абзацами того же рассказа: *«Возле этого городка река текла особенно медленно // Из окон госпиталя, стоявшего на высоком берегу среди старинного парка, вода в роке казалась совсем неподвижной»* (заметим, что то или иное «ощущение», вызываемое ритмико-мелодическим рисунком фраз данного микро- или макроконтраста, далеко не всегда, по-видимому, предварительно программируется писателем: оно может быть и подсознательным следствием творческого акта). См. также другие интересные высказывания о роли ритма в художественной прозе, собранные и проанализированные М. М. Гиришманом (Вопросы литературы. 1973. № 7. С. 95–136).

риативности. Соответственно, интонация «перечислительных» участков текста может быть равномерной, однонаправленной, а. может быть и разветвленной, прерывистой, неровной, ср.: «*Внутри кабины таинственно мерцали приборы, желтела полоска шкалы, кошачьим глазком горела маленькая лампочка, озаряя лицо радиста зеленым русалочьим светом*» (Нагиб. Павлик); «*Ночной Арбат был глух, пустынен, с редкими пятнами фонарей на снегу, посверкивала изморозь в воздухе, на капоте машин и на стекле, по которому черной стрелкой, ритмично пощелкивая, бросался то вправо, то влево «дворник»*» (Бонд. Двое).

Среди других способов синтаксического живописания посредством перечислений наиболее выразительными и емкими являются, может быть, динамичные картины, создаваемые рядами однородных сказуемых — глаголов прошедшего времени несовершенного вида: именно в «перечислительных» контекстах непосредственно реализуется присущая этим глагольным формам функция описательности (в ее противопоставлении функции повествовательности — свойственной формам прошедшего совершенного)¹. Вот несколько таких контекстов (динамизм соответствующих зарисовок усиливается благодаря препозиции сказуемых): «*Пронзительно крича, двигался маневровый паровозик; около вагонов, обстукивая молоточками колеса и хлопая крышками боек, проворно сустились перепачканные потные смазчики; слышалось мощное дыхание и гудки паровозов*» (Богомол. В августе сорок четвертого); «*Дымились в артиллерийских упряжках влажно лоснящиеся на солнце бока коренников, на крутых их спинах оцепенело покачивались в седлах ездовые. Взвизывали колеса орудий, глухо стучали вальки, где-то позади то и дело завывали моторы ЗИСов, буксующих на подъемах из балок*» (Бонд. Горячий снег) <...>.

Вот — однотипно построенный описательный контекст с изображением «скрытой» динамики — выраженной формами перфектов (сочетающихся с именными формами сказуемых): «*Сиротливы, голы и черны деревья, съезжились настывшие, но еще не забранные льдом воды, заперты в деревянные ящики мраморные парковые статуи*» (Нагиб. Смерть на вокзале).

Вот — сочетание приема насыщения текста однородными членами с приемом сегментации: «*Вид улиц, уже не зимних, с оттаявшими витринами магазинов, с зеркалами парикмахерских... утренние булочные с сухим ароматом поджаристого хлеба; погромыхи-*

¹ «Прошедшее время несовершенного вида не двигает действия. Оно описательно, а не повествовательно. Оно не определяет последовательности действий в прошлом, а ставит их все в одной плоскости». Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947. С. 437. См. там же приводимые В. В. Виноградовым из произведений Ю. Тынянова и В. Катаева примеры описательных перечислительных контекстов, образованных глагольными формами прошедшего несовершенного.

ванье за бульваром трамвая; красный кирпич облупленных стен; полумрак чужих подъездов; голуби, стонущие на карнизах; перспектива московских крыши под зеленым небом — все это успокаивало и одновременно будоражило его» (Бонд. Двое).

Легко можно заметить, что пристрастие к перечислительным контекстам является одной из примет синтаксического почерка Ю. Бондарева. Этим приемом детализирующего живописания Ю. Бондарев владеет виртуозно: в его описаниях ряды перечислений свободно включаются в контексты других конструкций, сочетаются между собой, образуя контактные или разомкнутые сцепления слов, синтагм, предложений. Возникают сложные, разветвленные, многоступенчатые и вместе с тем цельные, объединенные симметрией синтаксические узоры, напр., двучастная сочинительная конструкция с однородными сказуемыми в первой части и с бессоюзным сцеплением однотипных предложений (с одинаковыми формами глагольных сказуемых) во второй; в пределах каждой части — однородные объектные распространители: «*От закрытого бара на углу под старой вывеской, где был изображен медведь с пенившейся в лапе кружкой пива, они свернули на боковую улочку, всю здесь заставленную машинами артиллерийских тылов, фурами и повозками медсанбата, сплошь заросшую вдоль тротуара старыми соснами, прошли сквозь их желтую тень, и в конце улочки, будто крыши раздвинулись впереди, ослепила глубинная прозрачность голубого волнистого воздуха над полями, погожего, голубого неба с легкими по высоте дымами весенних облаков, засияла солнечная даль молодой травы, разрезанная вытянутым за окраиной городка длинным зеркалом озера в песчаных, как курортные пляжи, берегах — всюду, до горизонта, стоял теплый майский полдень»* (Бонд. Берег).

Также двучастная сочинительная конструкция, в которой перечислительные ряды образуют уже другой рисунок. В первой части — цепь бессоюзно связанных предложений с одноформенными (имперфектными) глагольными сказуемыми и с однородными объектными распространителями при одном из них; во второй части — три предложения: первое — с однородными сказуемыми, второе и третье, объединенные параллелизмом строения, представляют собой как бы симметрическое завершение всего этого синтаксического единства: «*Позади главная улица Сан-Паули пылала огнями баров, ночных клубов, огромными вывесками кинотеатров, с буйным безумием веселья бежали в беззвездном небе над крышами огненные конвейеры, вращались раскаленные туманности, горизонтально и вкось скакали над металлическими заторами машин, пульсировали пунктиры реклам, смешанные извержения неона обнаженным светом изливались на тротуары, везде кишевшие черными толпами, а за углом центральной улицы, куда от стоянки повел их Дицман, было захолустно, полутемно, гулко звучали шаги прохожих, тускло вато горели редкие фонари»* (Бонд. Берег).

В следующем описательном фрагменте, занимающем особый абзац, — иной вид симметрии, создаваемой синтаксической однородностью: три однородных сказуемых в начале основной фразы — и три номинатива с повторяемым при каждом определении в ее конце, перед заключающей абзац фразой: «*Климентовский был **тих**, весь **покоен**, **снежен**; и была уже по-ночному безлюдной Большая Татарская, куда он вышел возле наглухо закрытых ворот деревяного склада; **темные заборы, темные окна, темные подъезды**. Лишь пусто белел снег под фонарями на мостовой*» (Бонд. Двое).

Фраза с тремя однородными сказуемыми и тремя группами однородных обстоятельственных распространителей одного из сказуемых (первого), объединяемыми троекратно повторяющимся предлогом, при этом вторая — «срединная» — группа распространяющих сказуемое членов включает в себя, в свою очередь, двукратно повторяемое определение: «*Константин **толкался** по Пятницкой среди кишевшей здесь **толпы**, **незнакомых лиц**, **мелькающих под витринами**, **среди чужих разговоров**, **заглушаемых скрежетом трамваев**, **чужих улыбок и озабоченности**, **среди этого вечернего**, **непрерывного под огнями людского потока**, **старался точно вспомнить причину возникшего между ними разговора**, но **не находил нить логики...***» (Бонд. Двое).

Или — вот еще, напр., сложный и вместе с тем легко обозримый благодаря повтарам и упорядоченным объединениям однородных членов описательно-перечислительный контекст, заключенный в рамки двучастного уступительно-противительного периода: «*В этот час Реепербан был довольно немногочуден, **еще не зажигались ночные огни**, **не светились рекламы**, **еще не работали ночные кабаре**, **не открывались дансинги**, **еще не было вечернего оживления**, какое мог представить Никитин по хаосу зазывных вывесок **клубов, кинотеатров и стриптизов**, но что-то работало уже в недрах улицы, с усталой механичностью **начинало** или **продолжало** ночную жизнь, темно **шевелилось за стенами небольших отелей**, **за витринами стриптизов**, **во дворах и подъездах домов***» (Бонд. Берег)¹.

Обращает на себя внимание и такая характерная, заметно развивающаяся черта синтаксиса «литературных» описательных контекстов современной художественной прозы, как употребление в них своеобразных определительно-обстоятельственных сочетаний: к имени существительному постпозитивно прикрепляется определяющее

¹ У Ю. Бондарева же находим, впрочем, и не столь искусно синтаксически «собранные» и художественно выразительные перечислительные контексты, а, наоборот, иногда излишне перегруженные перечнями большие куски текста. Так, например, в 6-й главе 3-й части романа «Берег» («Наш современник». 1975. № 5) целая страница (102) представляет собой одно предложение, в котором лишь основной ряд перечислений (номинативов) состоит из 36 членов (описание Рима: «*Было тогда жаркое солнце, апрель и были древние пины, кокосовые пальмы, напоминающие нечто совсем курортное, южное, и были знойно спящие стеклом улицы...*»).

его обстоятельство — пространственного или реже временного значения — ср.: «поле боя **перед высотой**», «в низину **перед рекой**», «на том пространстве **перед балкой**», «лес **над Днестром**», «вещишки **над головами**», «лиловые тени дымов **над снежными крышами**», «закатное небо **на западе**», «движение крохотных с высоты машин **в котловане**», «от глухой пустоты **вокруг**», «дождик **на рассвете**», «неизбывная печаль русских полей **под стылым небом поздней осени**» и т. п., ср. также «двуступенчатые» сочетания этого типа «**вершины елей в темном небе над крышами поселка**», «однообразно повторяющийся деревенский звук **посреди пустынных холодеющих лугов на окраине спящего немецкого городка**». Предмет или лицо охарактеризовывается в подобных сочетаниях непосредственно через его пространственный или временной признак: создаются выразительные, благодаря лаконизму формы, образные зарисовки. Напр.: «Пустой, перепутанный паутиной садик был **насквозь пронизан золотистым солнцем. В теплом воздухе планировали листья, бесшумно стучаясь о ветви, цепляясь за паутину на яблонях. В тишину долетало отдаленное гудение танков из леса, тонкое шипение маневренного паровозика на путях: отзвуки жизни**» (Бонд. Батальоны просят огня) <...>.

Определительные сочетания этого типа, как это видно и из приведенных примеров, характеризуются устойчивым — волнообразным — мелодическим рисунком: акцентом на определяемом слове и падением интонации на постпозитивном определении. Эта их звуковая оформленность часто используется писателями — сознательно или интуитивно — при создании разнообразных ритмико-интонационных композиций соответствующих описательных фрагментов текста, ср.: «**Окна были холодны и прозрачны, но лавки с печками источали сухое тепло, и хорошо было смотреть на солнечные снега за окнами, когда поезд тронулся, и слушать быстрое мягкое постукивание колес внизу**» (Казак. Двое в декабре); «**В небесной выси за облаками своим путем плыла холодная луна, еще недавно освещавшая этим людям путь; поле под ней то светлело, то хмурилось**» (Бакл. Мертвые сраму не имут) <...>.

Не случаен, очевидно, тот факт, что рассматриваемые определительно-обстоятельственные сочетания встречаем в текстах таких пишущих «литературной» прозой авторов, как Ю. Казаков, С. Никитин, Г. Бакланов, Ю. Бондарев.

Можно заметить, что и синтаксическая структура художественного повествования на наших глазах постепенно обогащается — за счет внутрисинтаксических ресурсов, при этом движение ее направляется также в сторону большей емкости и лаконизации синтаксической формы. Имеются в виду, в частности, сочетания глаголов (а также деепричастий) с отпричастными наречиями оценочно-характеризующего значения — типа: «**стал изучающе разглядывать**», «**рассыпано ползли пауки**», «**глаз затравленно глянул вверх**», «ус-

пел лишь **приказывающе махнуть рукой**». Такие сочетания по своему образному эффекту (вызываемому «сжатостью» их формы) аналогичны только что рассмотренным обстоятельственно-определятельным сочетаниям, распространенным в описательных контекстах, но они, кроме того, призваны представлять изображаемые действия в их зрительной или психологической конкретности, ср.: «*Евгения Ивановна искоса видела в зеркале, как, чуть оправившись от замешательства, он **потерянно искал себе место сесть...***» (Л. Evgenia Ivanovna); «*Старшина помолчал, откашлялся, **расстроено подумал, что приказ, пожалуй, следовало бы сначала написать на бумажке...***» (Вас. А зори здесь тихие); «*... С тоской подумал Андрей и в ту же минуту увидел, как Таманцев **предостерегающе вскинул руку...***» (Богомол. В августе сорок четвертого); «*... <...> **И теперь, вынужденно оставляя его** (раненого лейтенанта) **на попечение хозяйки того самого подворья, где расположилась батарея, политрук сурово предупредил ее...***» (Калин. Возврата нет); «*Рано утром Варвара как и все другие хуторские женщины, проводила своих сыновей до станичной пристани и так же, как все, долго шла потом берегом Дона за пароходом, **надломленно махая рукой, пока он не скрылся из виду, как белый лебедь в облаке черного дыма***» (Калин. Эхо войны) «*... <...> **И в тот же миг Бессонова кто-то тяжело и защищающе притиснул к затрясшейся стене траншеи***» (Бонд. Горячий снег); «*... Вытянутая через всю степь колонна **заведено двигалась под ней** (пеленая на небе), как в полусне» (там же); «*В лицо его **опаляюще надвигалось что-то острое, оженное, брызжущее...***» (Там же).*

Весьма заметно пристрастие Ю. Бондарева к подобным глагольным сочетаниям: он употребляет их щедро и разнообразно. Вот примеры из романа «Берег»: «— *Пока они замялись — вперед! На колеса, вперед! — повторно скомандовал Никитин и **отсекающе махнул рукой с неумолимостью приказа...***!»; «*Меженин один, держась за щит, разевая рот надорванным дыханием, воспаленно, **следяще смотрел на Княжко...***» «*...>*. Ср. также из того же произведения одни только сочетания этого типа: *размышляюще спросил, решенно подумал, соизмеряюще глянул, потерянно замялся, выжидающе молчали, оцупывающе разглядывал, устремленно подошел, дрожаще отвис* (подбородок). Ср. также в повествовательном этюде из публицистической статьи Ю. Бондарева: «*Потом к памятнику подошел мальчик лет одиннадцати... стал ходить бесцеремонно по каменным плитам, как-то очень быстро, **скользяще разглядывая венки, но не придавая, видимо, никакого значения надписям на лентах...***» (Бонд. Тенденция развития военно-исторического романа)¹.

¹ Об активности отпричастных форм наречий у Ю. Бондарева свидетельствует также их свободная прикрепляемость в его текстах к именам прилагательным (в определятельных словосочетаниях): *пугающе прозрачные губы, расстроено некрасивая Эмма, приготовленно открытая дверь* и т. п.

Выше были кратко охарактеризованы общие черты изобразительного синтаксиса, свойственные современной «литературной» художественной прозе от 3-го л. — как определенному стилевому типу художественной литературы. Этот общий обзор охватил, с одной стороны, такие описательные и повествовательные контексты наиболее типичных представителей данной стилиевой манеры, в которых синтаксис несет, помимо коммуникативной, также и отчетливо проявляющуюся эстетическую функцию¹. С другой стороны, были выделены и описаны лишь отработанные, *типизированные* приемы синтаксического изображения и не подвергались анализу, например, индивидуально-писательские формы изобразительного синтаксиса или явления синтаксической характерологии, «живущие» только в данном контексте².

Было показано, что используемые в рассматриваемой разновидности прозы в качестве приемов живописания, акцентирования, символизации синтаксические (и интонационно-синтаксические) средства функционируют преимущественно в русле сложившихся в предшествующей литературе традиций, демонстрируя их устойчивость и жизненность.

Описанные эстетически значимые синтаксические приемы используются <...> в объективно-авторском описании или повество-

¹ Можно сказать, напр., — не касаясь вопроса об использовании других языковых и стилиевых эстетически направленных средств и не имея в виду той или иной оценки, — что *синтаксис* К. Симонова в принципе в значительно меньшей степени наделен свойством изображения и символизации, чем синтаксис Г. Бакланова, Ю. Бондарева, не говоря уже о синтаксисе Ю. Нагибина, Ю. Казакова, С. Никитина, В. Конечного: «экономный, несколько даже суховатый стиль, деловой тон повествования, скупость в изобразительных средствах, отсутствие экспрессивно-оценочных слов, приглушенность лирического начала», — эта общая характеристика творческой манеры К. Симонова, принадлежащая литературоведу А. В. Цветкову, относится в большой степени к синтаксису этого писателя (См.: *Цветков А. В. Стилевое своеобразие современной повести о Великой Отечественной войне // Идеиное единство и художественное многообразие советской прозы. М., 1974. С. 201*).

² В следующем, например, отрывке из повести Г. Бакланова «Мертвые сраму не имут» предложно-падежные формы, выступающие в роли номинативных предложений, выполняют стилизующую функцию, направленную к иронии: при их посредстве имитируется манера экскурсовода, демонстрирующего выставленные для обозрения экспонаты: «*Это были предвоенные фотографии. В лодке. Ищенко в трусах, с прилипшими ко лбу мокрыми волосами, сощурившийся от солнца, и его жена, в белом платье, с белыми лилиями на коленях, уложенными так, чтоб не запачкать платье. На пляже. Лежа рядом в песке, подперев щеки ладонями, оба они смотрят в объектив. У нее загорелое, ровное, почти без талии, сильное тело в узеньком лифчике и узеньких трусиках. И, наконец, в своем окне: он и жена выглядывают из-за тюлевой занавески. И тоже солнечный день, и она опять в белом платье, которое она несет на себе как символ чистоты, а лейтенант Ищенко в сознании человека, давшего ей все это, заложил руку за портупею*». Очевидно, что отмеченное изобразительно-стилевое значение этих «номинативов» — результат контекстного использования их основной — назывательной — функции.

вании, поскольку в них отражен авторский — внешний по отношению к изображаемому — взгляд на воспроизводимую художественную действительность. Однако в текстах прозы рассматриваемого типа, несмотря на общий ее объективный характер, мы нередко «слышим» голоса литературных персонажей или «видим» мир как бы их глазами. Весьма примечателен в этом отношении стилевой — на уровне «слова» — анализ, которому подвергает литературный критик Е. Ю. Сидоров текст «зачина» романа Ю. Бондарева «Горячий снег», параллельно с анализом начальных абзацев «Плотничких рассказов» В. Белова и рассказа В. Аксенова «Жаль, что вас не было с нами» — в словесной ткани которых, по мнению критика, обнаруживаются разные, наметившиеся в современной советской прозе, стилевые течения, отражающие разные «типы художественного мышления». Вот начало романа Ю. Бондарева «Горячий снег»: «Кузнецову не спалось. Все сильнее стучало, гремело по крыше вагона, вьюжно ударили нахлесты ветра, все плотнее забивало снегом едва угадываемое оконце над нарами.

Паровоз с диким, раздирающим метель ревом гнал эшелон в ночных полях, в белой, несущейся со всех сторон мути, и в гремучей темноте вагона, в мерзлом визге колес, в тревожных всхлипах, бормотании во сне солдат был слышен этот непрерывно предупреждающий кого-то рев паровоза, и чудилось Кузнецову, что там, впереди, за метелью, уже мутно проступали зарева горящего го-рода».

Е. Ю. Сидоров пишет: «... Автор и вместе с ним читатель следят за действием извне, стараясь не упустить ни одной подробности этой объективно отраженной жизни. Писатель как бы «скрывает» свое участие в ней, его описания точны, но в них нет ни импрессионизма, ни повышенной субъективности авторского взгляда, ни броской метафоричности, ибо это разрушило бы цельность впечатления... Одновременно вся картина окрашена настроением героя («чудилось Кузнецову»), и это настроение передается читателю, он как бы начинает «вживаться» в другую, независимую от него судьбу советского офицера»¹.

Ниже будут рассмотрены наблюдающиеся в современной объективной литературной прозе случаи выражения синтаксическими средствами субъектной позиции персонажей.

¹ Сидоров Е. Ю. К проблеме многообразия и типологии стилей в современной русской советской прозе (60–70-е годы) // Идейное единство и художественное многообразие советской прозы. С. 95. Ср. также: «... в романе «Горячий снег» изображение трагических событий выступает в неразрывной связи с субъективно окрашенным видением героев, восприятие которых одушевляет, одухотворяет, пронзает токами острых человеческих ощущений этот роман». Белая Г. Связь чувств с действиями... (К проблеме психологизма в современной военной прозе) // Литература великого подвига. Великая Отечественная война в литературе». М., 1975. Вып. 2. С. 73.

Субъектно-изобразительный синтаксис

В прозе рассматриваемого типа имеет место лишь единовременное, эпизодическое переключение позиции автора на позицию того или иного персонажа или группы персонажей. При сохранении общей объективности авторского описания или повествования наблюдается в этих случаях либо ситуационное, эмоционально-психическое, социальное, либо речевое сближение автора со своими героями. Ниже будут рассмотрены синтаксические (или лексико-синтаксические) сигналы такого сближения¹.

Обнаружение точки зрения персонажа посредством *вводно-модальных слов или частиц* со значением достоверности — недостоверности, подобия, приблизительности, предположительности, или посредством неопределенных местоимений — наиболее простой и «старый» лексико-синтаксический прием. Вот примеры: «*От темной громады крайнего танка с искрящимися на броне сизоватыми островками снега несло ледяным запахом накаленного морозом металла, прогорклой остылой соларкой. В машине, чудилось, ничего не было, не горел свет, танк будто мертво потух. Только в башенном люке зачернело что-то, чуть заворошилось, заслоняя звезды...*» (Бонд. Горячий снег); «... *И тогда, отталкиваясь от земли, Кузнецов впол на кромку бруствера, чтобы успеть засечь свои трассы, скорректировать. // В лицо его опаляющее надвигалось что-то острое, огненное, брызжущее, словно бы огромный точильный камень вращался перед глазами*» (Там же); «*А дальше синел сквозь вечернюю дымку лес, и там уже зажегся огонек, или это солнце сверкнуло в чьем-то окне*» (Бакл. Карпухин); «*Кто-то в снях пытался с той стороны открыть дверь. Видимо, Баградзе. Хозяйка поспешила помочь, и через порог, чуть не сбив ее, шагнул солдат в заметенных снегом, каменных от мороза валенках, в опущенной и завязанной ушанке*» (Бакл. Мертвые сраму не имут).

Наряду с традиционным «модальным» способом субъективизации изображаемого, в современной советской прозе заметно расширяется использование в этой функции номинативных предложений, обычно — контактного ряда таких предложений. В описательных контекстах цепью номинативов лаконично и выразительно воссоздаются синхронно воспринимаемые субъектом (или возникающие в его

¹ Вот примеры чисто лексического обнаружения ситуационной позиции субъекта: «*Но острову пронесли скачущие разрывы — возле берега, ближе, ближе, справа, слева...*» (Ю. Бондарев. Батальоны просят огня); «*Тедди разбудили птицы. Маленькие, они едва слышно перепархивали в мокрых от росы ветвях. Далеко на востоке за холмсами вставало солнце*» (Ю. Казаков. Тедди); «*Всю дорогу Евгения Ивановна жадно впитывала каждый штрих и шорох: голые и пустынные склоны пограничного нагорья, волшебный замок у Хертитиси и за Боржомом ... и наконец-то показавшиеся вдали за очередным перевалом снеговые, чуть размытые в осенней дымке грани Главного Кавказского хребта*» (Л. Evgenia Ivanovna).

воображении) зрительные или звуковые образы: «... *И хоть была середина августа и в Москве зарядили дожди, здесь было чисто и светло, всходило солнце, беленькие домики, острые красные черепичные крыши, обилие садов, глушь и тишина, и заросшие курчавой травкой между камнями улицы*» (Казак. Двое в декабре); «*За селом они догнали дивизион. Он медленно двигался, растянувшись по снежной дороге,— темные пушки, темные, цепочкой, люди*» (Бакл. Мертвые сраму не имут) <...>. В повествовательных контекстах номинативами изображается происходящее как бы на глазах персонажа (или персонажей) движение — в виде «смены кадров» или последовательности действий: «*Первыми увидели немцев разведчики. Из нескошенного, засыпанного снегом пшеничного поля стали подыматься головы. Черной, колеблющейся на ходу, изломанной цепью они приближались сквозь снег. Головы в касках... Плечи... Руки с автоматами. Все это подымалось из пшеницы по мере того, как немцы приближались*» (Бакл. Мертвые сраму не имут); «... *Почти одновременно с его выстрелами справа выбросил в небо огонь минометный взвод, а ближе слепяще мигнуло пламенем орудие Ершина. Жарко и колюче ударило в щеку сухими листьями, сухой хвоей.* // *Толчок панорамы. Доворот. Пальцы сжались на рукоятках механизма*» (Бонд. Батальоны просят огня).

Вот — целый абзац, в котором повествование организовано троекратно повторяющейся цепью номинативов в субъектно-изобразительной функции: «*И вдруг тишина оглушительно взорвалась и осветилась. Торопливо взлетая, ракеты смешались, змейсто извиваясь в небе и в воде. Все замерцало: свет — потемки, свет — потемки... Лихорадочно красными мотыльками забились вспышки на том берегу. Вперекрест запульсировали струи трасс, отвесно хлестнули по воде сверху. Свет — потемки, свет — потемки. В огнях ракет появилась вода, рассыпанные плоты по быстрине, темные фигурки людей. Свет — потемки, свет — потемки*» (Бонд. Батальоны просят огня)¹.

Формами экспрессивного синтаксиса — разными типами *восклицательных фраз*, вмещаемых в авторский контекст, передается эмоциональное состояние субъекта или его эмоциональное отношение к сообщаемым фактам: «*В мае 1907 года он был принят в шестой класс Третьей гимназии. В шестой класс! Третьей гимназии! Третья гимназия всегда особенно нравилась ему, может быть, потому, что стояла в стороне от шумных улиц, в большом старом саду*» (Кав. Перед зеркалом); «*Задыхаясь, обливающиеся потом люди*

¹ В главе «Развитие номинативных предложений» книги «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка» (М., 1968) приводятся убедительные материалы, показывающие рост употребительности номинативных предложений в разных стилях и жанрах литературного языка советской эпохи, однако субъектно-изобразительная их функция особо не выделяется.

бежали, пригибаясь в кустах. По ним вдогонку били пулеметы, и над согнутыми спинами мгновенно сверкало. Но лес был рядом. Темный, он приближался из метели. **Лес! Жизнь!..** И вдруг оттуда в упор ударили автоматы» (Бакл. Мертвые сраму не имут) <...>.

«Соскальзывание» авторского повествования или описания на позицию субъекта может быть выражено также вмещением в связную литературную авторскую речь *парцеллированных конструкций* — относительно нового, получившего широкое распространение в языке наших дней, приема синтаксической экспрессии. Этими конструкциями в данном их применении имитируется «линейность» устного говорения — когда к уже законченной фразе, как бы в догонку к сказанному, добавляется что-либо существенное или, наоборот, второстепенное — в форме получившего интонационную самостоятельность фрагмента фразы. Рассказ автора как бы воспроизводит процесс восприятия повествуемого о герое — самим героем. Напр.:

«После похорон Инфантьев долгое время был не в силах посетить могилу жены. Только весной, когда уже сошел снег и был удивительный день, он поехал. **Узнать про памятник**» (Бит. Инфантьев); «Теперь и она увидела то, на что ее умный внук давно уже тщетно старался обратить ее внимание. Грязная замызганная шинель на незваном госте сбоку, с правой стороны, вздулась бугром, и из-под ее борта выглядывал ствол автомата. **Русского**» (Курсив в тексте. — авт.) (Калин. Эхо войны) <...>.

Иногда элементы устного или разговорного синтаксиса, сближающие авторскую речь с «возможной» речью персонажей, носят более разнообразный характер: *разговорные типы построений, разговорные обороты, разговорный порядок слов, присоединения, уточнения* и т. п. Они выполняют характерологическую функцию, содержат намек на «социальный» облик героя или среды. Напр.: «На животноводческие фермы Зеленого Дола водопровод был проведен давно. Но воду качали почти для каждой фермы отдельно. **Как поить скот — так качать.** Электромоторы и насосы давно поизносились. Водопроводные трубы, проржавевшие за много лет, часто лопались, **особенно зимой**, и тоже требовали замены» (Ив. Тени исчезают в полдень); «Леня и Павка бросились к ней (Марии), втроем они стали нетерпеливо разгребать обломки. // А причина радости была: покореженный железный ящик, в нем молоток да клещи, да топорик, да плоскогубцы, да пилы без рам и прочий простой рабочий инструмент» (В. Пан. Рабочий поселок) <...>.

Во всех «рассмотренных выше случаях субъективизации, средствами синтаксиса, авторского повествования или описания «говорит» за своих персонажей автор. Он лишь дает возможность читателю отличить звучание их голосов от своего, авторского, голоса, но не замолкает при этом сам.

Следующей ступенью сближения автора с персонажем является вкрапление в авторскую речь элементов несобственно-прямой речи —

традиционного способа художественного изображения субъектной сферы персонажа. Эти вкрапления носят «цитатный» характер, в них мелькают мысли и слова героя, ими создается иллюзия непосредственного речевого участия персонажа в рассказе «о себе». Однако несобственно-прямая речь героя — как правило, неразвернутая — в данном случае не выходит из синтаксических границ авторской речи, она не вводится в текст посредством каких-либо формальных показателей. Вот примеры:

*«Дождь все еще моросил, осень началась ранняя, мозглая. Лицо у Вари было в росинках, мохнатые ресницы Володи, плащ, простоволосая голова — все было мокро. **И боже, какой он стал огромный — этот Володька**»* (Герман. Дело, которому ты служишь); *«Люди не шли, а бежали мимо Константина, растекались в разные стороны от беспрестанно открывающихся дверей. **Куда они спешили? Знали ли они то, что порой испытывали он и Ася? И Константин глядел на лица мужчин и молодых женщин, особенно ясно слышал голоса, смех и торопливое хрупанье снега под бегающими мимо него женскими ногами...**»* (Бонд. Двое) <...>.

В произведениях современной «литературной» эпической и лирической прозы, написанных от 3-го л., как показывают представленные выше наблюдения, эстетические возможности синтаксиса в создании разных типов, описательных и повествовательных контекстов используются достаточно широко и многообразно. Синтаксис вызывает к жизни и изощренную «музыку настроения», и красочные пейзажные зарисовки, и замедленный или быстрый темп движения, и интонацию простой разговорной речи. Три выделенных и рассмотренных здесь функциональных типа синтаксиса художественного описания и художественного повествования — информативный, общеизобразительный, субъектно-изобразительный — обнаруживают разную степень «участия» автора в синтаксическом изображении и вместе с тем — разные способы проявления «образа автора» в синтаксисе. В контекстах информативного синтаксиса автор обезличен и нейтрален, его отношение к изображаемому не обозначено. В контекстах общеизобразительного синтаксиса автор максимально активен в выражении своей эстетической позиции: синтаксические и интонационно-синтаксические средства выполняют в этих контекстах функции живописания, выделения и акцентирования чего-либо важного в данном высказывании, символизации того или иного эмоционально-психического состояния, сопутствующего изображаемому. В контекстах субъектно-изобразительного синтаксиса автор допускает — посредством применения соответствующих синтаксических приемов — проявление субъектом-персонажем своего восприятия объективно изображаемой художественной действительности. В этих синтаксических контекстах обнаруживаются, таким образом, признаки сближения объективной точки зрения автора с субъектной сферой сознания и речи героев — при полном

осуществлении которого возникает уже другой стилиевой тип художественных произведений — произведения, ориентированные на характерность изложения¹.

Из анализа — носящего предварительный характер — разных эстетических функций, выполняемых синтаксическими формами и конструкциями в объективно-авторских контекстах современной прозы, можно заключить, что основной и ведущей является общеизобразительная их функция.

Синтаксис художественных текстов, написанных от 1-го лица

<...> Для рассмотрения синтаксиса прозаических художественных текстов, написанных от 1-го л., избраны «объективные» — описательные и повествовательные — фрагменты произведений, следующих традиции литературности. Ввиду неоднозначности образа «я» в разных видах литературы² не всегда возможно, однако, выделить среди произведений от 1-го л. произведения с чисто литературной и чисто объективной формой изложения. Крайним случаем отклонения от литературности изложения является сказ как «литературно-художественная ориентация на устный монолог повествующего типа»³; крайним случаем отклонения от объективности — произведения,

¹Развернутый анализ речевой структуры прозаических произведений этого типа в современной советской прозе см. в работах Н. А. Кожевниковой: «О типах повествования в советской прозе» // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971. С. 97–163; Речевые разновидности повествования в русской советской прозе. М., 1973 (Кандидатская диссертация), а также в написанной ею первой главе настоящей книги. См. также статью Кветы Кожевниковой «Субъективизация и ее отношение к стилю современной эпической прозы» // Československá rusistika. 1968. XIII. 4. С. 236–242.

²Ср.: «От структуры «образа автора» следует отличать структурные формы образа «я» в разных жанрах литературы. «Повествовательное «я» в новелле, повести и романе со всеми относящимися к» нему формами выражения — совсем иной структуры, чем «я» лирического произведения» (Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 187).

³Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Поэтика. Л., 1926. I. С. 33 (курсив мой. — авт.). Из произведений последних лет, принадлежащих «литературно» пишущим авторам, к сказам можно отнести, напр., «Предварительные итоги» Ю. Трифонова; своеобразными «сказками» являются также ком позиционные вступления от 1-го л. в романе В. Богомолова «В августе сорок четвертого» (Соответствующие главы озаглавлены именами персонажей: «Таманцев», «Алехин Павел Васильевич» и т. п.). Напр.: «Оделся и вышел в сад. Была отличная ночь. Светила луна. Давно я не видел такой ночи... Я прошел несколько шагов на слабых ногах, сел на скамейку и тил воздух. Ну и ночь! Самая подходящая для смерти» (Триф. Предварительные итоги); «Но тут произошло неожиданное. // — Бросай оружие!.. Руки вверх!.. — услышал я громкие возгласы и, выглянув, увидел Лужнова и Фомченко: с автоматами навскидку они выскочили из кустов метрах в семидесяти от меня. Значит они не спали — просто забыли подать знак, но сейчас-то, без моего сигнала, зачем они вылезли?!» (Богомол. В августе сорок четвертого).

в которых повествователь («автор») является в то же время героем произведения, т. е. в принятом здесь понимании — субъектом¹.

В дальнейшем будет иметься в виду в первую очередь «личная» проза М. Шолохова, В. Катаева, В. Каверина, Ю. Нагибина, Ю. Казакова.

Принципы художественного использования синтаксиса в описательных и повествовательных контекстах «литературной» прозы от 1-го л. остаются в основном теми же, что и в соответствующих контекстах прозы от 3-го л. — за исключением некоторых случаев специфичности, вызванных «объявленностью» авторского «я».

В рассматриваемом типе прозы довольно редко, но встречаются отрезки текста, в которых синтаксис несет только *информативную* функцию, ср. в описании: *«Памятник погибшим морякам представляет обычного типа цементный обелиск. Он окружен якорной цепью, повешенной между четырьмя яйцевидными корпусами мин, распиленных пополам. На обелиске имеется надпись: «Вечная слава героям — 25-ти морякам Ч. Ф., павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины»* (Кат. Вечная слава); в повествовании: *«В последних числах декабря 1941 года в одной из бухт на восточном берегу Крыма был высажен маленький десант моряков Черноморского флота. Он выбил превосходящие силы немцев из деревни, отогнал их в горы и в течение нескольких суток удерживал берег. Однако разыгравшийся небывалый шторм задержал высадку подкреплений, и все двадцать пять моряков пали смертью храбрых»* (Там же).

В большей степени для личной прозы данного типа характерны конструкции *общеизобразительного* синтаксиса, придающие тексту ту или иную мелодическую и эмоциональную окрашенность². Их основные типы рассмотрены в предыдущем разделе. Приводим поэтому лишь несколько примеров — иллюстрирующих вместе с

¹ Ср. характеристику одной из форм этого типа повествования: «...Повествование ведется в этом типе личной прозы чаще всего по оси настоящего времени, т. е. рассказчик как будто докладывает о происходящем в момент его реализации, причем в это происходящее входит и все то, что в данный момент переживается рассказчиком. Само описание хода событий дается поэтому с точки зрения актуального временного момента действия, дополняется тут же субъективной оценкой, рассказчик комментирует действие... передает свои раздумья, состояние чувств и т. п.» *Козжевникова Кветта*. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1971. С. 138–139. См. там же примеры из произведений Н. Огнева, Б. Окуджавы, В. Аксенова. К этому же типу произведений, воплощающих «поэтику участника», относится, например, повесть Г. Бакланова «Пядь земли», ср.: *«С автоматами за спинами мы карабкаемся по осыпающемуся обрыву, хватаем руками мокрые, скользкие от глины корни деревьев, лезем по ним, как обезьяны. Вылезли. Бежим. Падаем. Разрыв позади!»*

² «...Не следует забывать о богатейших музыкальных возможностях русского языка. Слово — это мысль. Верно. Но слово — также и звук. Мы пишем не для глухонемых. Каждая синтаксическая форма есть вместе с тем и музыкальная фраза», — писал В. Катаев, один из видных представителей современной изысканно-литературной прозы (*Катаев В.* Новогодний тост // *Катаев, Валентин*. Разное. М., 1970. С. 9).

тем синтаксические «почерки» разных писателей: *«Хутор раскинулся далеко в стороне, и возле причала стояла такая тишина, какая бывает в безлюдных местах только глухою осенью и в самом начале весны. От воды тянуло сыростью, терпкой горечью гниющей ольхи, а с дальних прихонерских степей, тонувших в сиреневой дымке тумана, легкий ветерок нес извечно юный, еле уловимый аромат недавно освободившейся из-под снега земли»* (Шолох. Судьба человека). *«Скоро дорога, мягкая и беззвучная, ушла в сторону, и я ступил на твердую, мозолистую тропку, суетливо вившуюся около берега реки. Запахло речной сыростью, глиной, потянуло влажным холодом. Плывущие в темноте бревна изредка сталкивались, и тогда раздавался глухой слабый звук, будто кто-то тихонько стучал обухом топора по дереву. Далеко впереди, на другой стороне реки, яркой точкой горел костер; иногда он пропадал за деревьями, потом снова появлялся, и узкая, прерывистая полоска света тянулась от него по воде»* (Казак. Ночь); *«Я ел с наслаждением столовой серебряной ложкой с маминной монограммой на ручке превосходную, прохладную еду. И серебряная ложка, и простокваша, и далекая степь за окном, и часть папиной холщовой косоворотки в черноте чердака — все это было необыкновенно красивого, яркого и в то же время мягкого лунного света, наполнявшего мир и заставлявшего разбегать море, которого из нашего чердака не было видно»* (Кат. Разбитая жизнь, или волшебный рог Оберона) <...>. Что касается проявления в синтаксисе прозы от 1-го л. субъектности — точки зрения персонажа, то в рассматриваемой здесь ее разновидности для субъектности персонажа в принципе нет места: ее заменяет субъектность самого повествователя — передаваемая лексически или синтаксически (в последнем случае — теми же формами, что и субъектность персонажа в прозе от 3-го л.): *«Вскоре я увидел, как из-за крайних дворов хутора вышел на дорогу мужчина. Он вел за руку маленького мальчика, судя по росту — лет пяти-шести, не больше. Они устало брели по направлению к переправе, но поравнявшись с машиной, повернули ко мне»* (М. Шолохов. Судьба человека) <...> *«В эту минуту облако нашло на луну, снег перестал искриться, лужок потемнел. По-прежнему молча стояли друг против друга два гимназиста, но точно что-то новое, страшное вдруг отделило их от двух других, которые отошли теперь далеко, как бы отчаявшись что-либо изменить. Мрачно, из-под низко надвинутой фуражки смотрел на своего противника первый гимназист. Крепко прижавшись к плечу щекой, выставив вперед ногу, испуганно-злобно и как бы с отчаянием смотрел второй»* (Кав. Открытая книга) <...>.

Исключение составляют, естественно, случаи речевого обнаружения субъектности персонажа — в форме его несобственно-прямой речи: *«Первое выступление было в красноармейской части. Мы читали в столовой. Только что кончился обед. На столах еще лежали корки и ложки. Навишиеся мухи сухо жужжали под выгоревши-*

ми флажками. *Ах, если бы мы приехали часом раньше! Красноармейцы хлопали нам и просили приезжать еще. Начальник клуба сердечно благодарил»* (Кат. Черный хлеб).

<...> Объективная литературная проза с 1-м л. повествователя представляет собой определенный речевой, в том числе и синтаксический, тип художественной литературы. При этом на речевую его структуру не оказывает влияния само конкретное воплощение авторского «я»: собственно ли это данный, пишущий эти строки писатель, или это — вымышленное лицо. Но речевая форма соответствующих текстов создает некий обобщенный образ повествователя — современного интеллигента, владеющего литературно-художественной речью. Наличие этого отвлеченного образа косвенно доказывается тем, что встречающиеся иногда в литературе случаи стиливого несоответствия между «автором» и его речью легко обнаруживаются. Примером такого несоответствия может служить следующий отрывок из рассказа С. Антонова «Весна», представляющего собой сказ от лица колхозницы Нюши: *«Оттого ли, что день выдался ясный и веселый первый раз за весну, или оттого, что мы наработали больше дяди Ивана, всходить на пригорок было легко, словно после купанья. Мы вышли на вершину холма, и стали видны далеко во все стороны просторные поля, большая дорога, деревня. За лесом прямо на земле лежали густые облака, а над головой небо было чистое, без пятнышка и светилось таким синим светом, что на него больно было глядеть, и грачи в этом лучистом небе казались черными как уголь»*. Очевидно, что с образом и речевыми возможностями простой деревенской девушки плохо вяжется эта музыкально организованная, почти чеховская, пейзажная зарисовка.

Н. Д. Арутюнова
**О синтаксических типах
художественной прозы¹**

- Задания.**
1. Какие синтаксические типы художественной прозы выделяет Н. Д. Арутюнова?
 2. Какие черты свойственны синтаксису «классической» прозы?
 3. Что такое актуализирующая проза?

В любом синтаксическом исследовании, будь то исследование грамматическое или стилистическое по своей направленности, представляется полезным различать более последовательно, чем это

¹ Печатается по: Общее и романское языкознание. М., 1972

иногда приходится наблюдать, два аспекта построения речи: с интагматику, т. е. законы сочетаемости слов, и учение о высказывании, т. е. законы актуализации слов или образуемых словами синтагматических цепочек.

Чтобы показать практический смысл этого положения, обратимся к синтаксической эмфазе, т. е. тем синтаксическим построениям, которые относятся к сфере грамматических структур и в то же время прямо подводят к области стиля, давая ключ к его синтаксической типологии. Способы, которыми пользуются языки для выделения элементов предложения, создают впечатление большого разнообразия. Однако при более пристальном рассмотрении выясняется, что они опираются в основном на два принципа. Одна группа эмфатических конструкций базируется на синтагматическом принципе выделения. Смысл эмфазы состоит в инвертировании иерархических отношений между членами словосочетания. Эмфатическому выделению может подвергаться только синтагматически зависимый элемент. Эмфаза определений осуществляется путем их субстантивации и переключения в главную, синтаксически управляющую позицию по отношению к определяемому. Ср. русск. *сине небо* и *сине в неба*, *бледная земля* и *бледность земли*. Ср. у А. Платонова: *Солнце, как слепота, находилось равнодушно над низовой бледностью земли*.

В романских языках имеются специальные эмфатические конструкции, пользующиеся средствами синтагматической инверсии. Ср. исп. *esa alocada Luisa* и *esa alocada de Luisa*; *mi angustiosa situación* и *lo angustioso de mi situación*, фр. *ce valet fripon* и *ce fripon de valet*. В этих примерах эмфаза заключается в изменении направления подчинительной связи внутри словосочетания и затрагивает иерархическую организацию синтагматического ряда.

Другая, не менее обширная, группа усилительных конструкций опирается на совсем иной принцип, относящийся не к области синтагматической иерархии, а к актуализованности высказывания как коммуникативной единицы языка. Если в синтагматической эмфазе подчеркивалась степень важности того или другого элемента сообщения, то в этом последнем случае акцентируется действительность события. Простейший способ эмфазы этого типа создают модальные слова со значением «действительно, в самом деле». Ср. русск. *Она и в самом деле хороша собой. Но действительно так думаю*. Модальные слова этого значения широко применяются в английском языке. Ср. *He really did so. I actually believe it*. Этот же принцип эмфазы (усиление актуализованности высказывания) реализуется и при помощи эквивалента предложения «да», укрепляющего актуализирующую силу сказуемого (ср. исп. *Pedro sí que lo sabe*) и при помощи вспомогательного глагола, выполняющего аналогичную функцию (ср. англ. *He did come. I do like it*, порт. *Eu quero é trabalhar*). Эмфаза актуализации, осложненная перемещением

выделяемого элемента в позицию сказуемого (или во всяком случае ремы), может быть направлена также на выделение именных членов предложения, получающих отдельную актуализацию. Во всех романских языках имеются конструкции, построенные на базе лексически опустошенного глагола «быть». Ср. фр. *C'est vous que j'aime*; ит. *Sei tu che hai parlato*; исп. *El que tiene que hablar eres tú*; порт. *Fui eu que arranjei a coisa*. Эмфаза актуализации часто распространяется и на все предложение в целом, рассматриваемое как нерасчлененная коммуникативная единица. Предложение получает в этом случае двойную актуализацию, становясь ремой надстроенного над ним вторичного предложения. Ср. фр. *Ce n'est pas que j'aie l'intention de vous blesser*; исп. *Es que no lo sabe*. Такой же добавочной актуализации могут подвергаться и придаточные предложения. Ср. исп. *Si quieres saber por qué abrí la puerta fue porque creí que eras tú*. Ср. также введение определительных предложений, единственной функцией которых является выражение актуализованности слова. Ср. фр. *Imbécil que tu es*; исп. *Golosazo, comilón que tú eres*.

Разобранные примеры эмфазы преимущественно связаны с использованием грамматических средств актуализации — глагола в личной форме и его эквивалентов. Не менее важным способом образования высказывания как коммуникативной единицы языка является интонация. Вследствие этой функциональной нагрузки интонация может служить эмфатическим целям без существенных изменений синтагматических отношений в речевой цепи. При интонационной эмфазе происходит расчленение синтагматически связанного ряда. Ср. русск. *Он вошел. Бледный. Без шапки. С опущенной головой*; исп. *Es un hombre de estatura regular. De facciones regulares. Agradable en conjunto. Viste modestamente. Casi con descuido*. Иерархически организованная цепочка распадается на сегменты, обладающие законченной интонацией, которая превращает каждый из них в самостоятельное и как бы равноправное высказывание. Синтагматическая подчиненность выделяемого элемента нейтрализуется его интонационной независимостью. Происходит дезинтеграция предложения.

Эмфатические средства синтаксиса (наши наблюдения велись над романским синтаксисом с привлечением материала русского и английского языков) достаточно четко распределяются между синтагматикой и способами отнесения высказывания к действительности, показывая тем самым, сколь важно различать эти два аспекта синтаксиса в грамматическом исследовании.

Обращение к эмфазе, раскрытие тех принципов, на которые она опирается, может послужить мостиком, который позволит перейти в более обширную область синтаксиса художественной прозы, составляющую сейчас наш основной предмет.

Анализ эмфатических конструкций приближает к пониманию одной из сторон синтаксической типологии прозы. И это естествен-

но, поскольку расстановка акцентов образует неотъемлемую часть ткани художественного произведения. Основываясь на замечании Л. Толстого о Пушкине, Ю. Тынянов писал: «Каждое художественное произведение ставит в иерархический ряд равные предметы, а разные предметы заключает в равный ряд. Каждая конструкция перегруппировывает мир»¹. Постоянная реорганизация элементов сообщения формирует синтаксическую специфику прозы. Даже ограничив наблюдения эмфазой, можно вывести элементарные модели трех синтаксических типов прозы. Для первого типа прозы, который условно назовем «классической» или «иерархической» прозой, характерна синтагматическая эмфаза. Так, напр., необходимость выделения эпитета имени существительного побуждает перевести его в синтагматически управляющую позицию относительно определяемого. Предложение *Его ослепил белый снег* преобразуется в *Его ослепила белизна снега*. Второй тип прозы предпочитает использовать для усиления элементов сообщения добавочную актуализацию, вводя дополнительное сказуемое. Предложение *Его ослепил белый снег* превращается в два грамматически и интонационно самостоятельных предложения: *Его ослепил снег. Он был белый*. Каждый элемент информации становится материалом для создания отдельного предложения. Наконец, третьему типу прозы свойственно выделение членов предложения путем расчленения синтагматически связанного ряда и интонационного обособления каждого отрезка. Предложение *Его ослепил белый снег* преобразуется в два интонационно оформленных высказывания: *Его ослепил снег. Белый*. Здесь намечается попытка выхода за жесткие пределы стандартного синтаксиса письменной речи. При этом типе эмфазы как бы ставятся в равный ряд разные предметы.

Приведенные образчики прозы крайне примитивны, но они отражают существенную черту определенных синтаксических разновидностей текста и в некотором роде дают ключ к пониманию целой системы синтаксических средств, связанных с художественной значимостью прозы. В каждом образце внимание направлено на конструктивный для данного типа прозы фактор — доминанту, подчиняющую себе прочие синтаксические черты. Выделение конструктивного фактора в стиле художественного произведения представляется существенным потому, что иначе невозможно понять, какими средствами создается динамика его формы. «Динамика формы, — писал Ю. Тынянов, — есть непрерывное нарушение автоматизма, непрерывное выдвигание конструктивного фактора и деформация факторов подчиненных»².

Неслучайность выбранных моделей может быть косвенным образом подтверждена тем, что именно указанные черты оказались

¹ Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. Л., 1929. С. 569.

² Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л. 1924. С. 27.

конструктивными и для таких «интуитивных типологов», какими можно считать авторов литературных пародий. Так, шаржируя стиль писателей, строящих свой художественный метод на иерархической стороне прозы, А. Архангельский прибегал к сочетаниям: *волосатая звериность бороды, дубовость стола, чернота глаз, губная сухость*¹. Желая показать пристрастие некоторых современных авторов к самостоятельному предидеологизированию каждого элемента сообщения (второй тип прозы), Архангельский следующим образом переработал пушкинские фразы *Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом*: «Вокруг меня были пустыни. Они простирались. Они были печальны. Они были пересечены холмами. Они были пересечены оврагами. Они были покрыты снегом. Это был добротный снег. Он скрипел. Он похрустывал. Он сверкал. Он сипел. Он не таял. Он лежал»². Наконец, стиль третьего типа пародируется Архангельским следующей переделкой другого предложения из «Капитанской дочки»: *Я приближался. К месту моего назначения. Это было в конце декабря. Позапрошлого года. В девять утра по московскому времени*³.

Отмеченными признаками (т. е. склонностью к определенному способу эмфазы), разумеется, не ограничивается типологическая характеристика каждого из выделенных прозаических стилей. Ведь определить специфику каждого стиля значит не только выявить конструктивный для ее синтаксиса фактор, но и показать способы его взаимодействия с факторами подчиненными. «И з м е н е н и е соотношения между конструктивным фактором и остальными — одно из непререкаемых требований динамической формы»⁴, — писал Ю. Тынянов.

Теперь рассмотрим основные черты наиболее резко противопоставленных друг другу первого и второго-третьего синтаксических разновидностей прозы. В этой очень неполной характеристике второй и третий синтаксические типы объединены и потому, что оба они отличаются от «классической» прозы разрушением синтагматической иерархии, и потому, что в конкретных произведениях они нередко получают совместную реализацию.

Интересующие нас типы прозы представлены многочисленными разновидностями, от индивидуальных свойств которых здесь придется отвлечься, поскольку мы стремимся к некоторому обобщению наиболее характерных черт, определяющих синтаксическую типологию прозы.

Итак, первый тип прозы развивает и совершенствует по преимуществу технику синтагматического аспекта синтаксиса, являющего-

¹ Архангельский А. Избранное. М., 1946. С. 89.

² Там же. С. 104.

³ Там же.

⁴ Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. С. 27.

ся для него доминантой. Создается чрезвычайно разветвленная и тонко нюансированная система синтагматических средств связи, разрабатываются способы иерархического соотнесения элементов предложения, формируется длинный синтагматический период, включающий в себя несколько грамматических центров актуализации высказывания — глаголов в личной форме. Отдельные предложения интегрируются в один сложный синтагматический цикл, напр.: *Вслед за доктором приехала Долли. Она знала, что в этот день должен быть консилиум и, несмотря на то, что недавно поднялась от родов (она родила девочку в конце зимы), несмотря на то, что у нее было много своего горя и забот, она, оставив ребенка и заболевшую девочку, захотела узнать об участии Кити, которая решалась нынче* (Л. Толст. Анна Каренина).

Мостики логических связей перекидываются и между отдельными предложениями. Для этого используются такие вводные слова, как *поэтому, вот почему, оттого, итак, следовательно, вопреки этому, все же* и т. д. Логические, временные и локальные связи пронизывают целые периоды текста, проникая и в чисто описательную прозу. Элементы опыта, передаваемые в сообщении, получают точную и эксплицитную иерархическую соотнесенность. Автор как бы стремится создать целостную картину мира.

Потребность в выражении связей настолько велика, что знаки зависимости ставятся даже тогда, когда содержание зависимости практически отсутствует. Используются неотчетливые по значению обороты *между тем, вместе с тем, при этом*. Появляются условные и целевые предложения, в которых не выражается ни цель, ни условие. Любопытно отметить, что употребление целевых союзов для выражения простой временной последовательности действий, получающее иногда поэтическое звучание, удержалось в некоторых прозаических текстах, в которых уже наметился отход от прозы «классического» типа. Ср. *И ложился на землю тот шепот и — шелестящий осинный багрец, чтобы виться и гнаться у ног...* (А. Б. Петербург); *Все змеи разрезались на алмазные струнки; путались в серебряную канитель, чтоб в поверхности водной качнуться звездами* (там же.).

Та или другая соотнесенность элементов сообщения зависит от точки зрения на события, от воззрений говорящего. На связь иерархической организации прозы с личностью автора обратил внимание Тынянов, который отметил, что уже простое снятие иерархических отношений делает стиль нейтральным, «убирает» рассказчика¹. Этим можно отчасти объяснить наблюдаемую в «классической» прозе тенденцию к разделению модуса и диктума (по терминологии Ш. Балли).

Не случайно, по-видимому, толстовские фразы, отличающиеся сложной иерархической организацией, так часто начинаются слова-

¹ Тынянов Ю. Архансты и новаторы. С. 287.

ми он понял, он знал, он верил, он видел и т. п. Ср. Пьер знал, что он не виноват, потому что ему нельзя было приехать раньше; знал, что этот взрыв с ее стороны неприличен, и знал, что через две минуты это пройдет; он знал, главное, что ему самому было весело и радостно (Л. Толст. Война и мир). Разделенность модуса и диктума, при которой модус помещен в синтаксически ключевую позицию главного предложения, стоит подчеркнуть потому, что во многих последующих направлениях и стилях художественной прозы модус нарочито маскируется. Formой повествования становится несобственно-прямая речь, в которой иногда синтезируется ряд «модусов» или точек зрения, как бы дающих одновременный показ явлений в разных ракурсах¹.

В синтагматической прозе все элементы точно между собой отнесены и пропорциональны, причем эта задача выполнена средствами грамматической модели языка. Иерархия элементов сообщения предстает перед читателем через призму налагаемых на нее синтагматических связей. Функциональная перспектива предложения раскрывается через его грамматическое строение.

Если попытаться суммарно охарактеризовать синтаксис «классической» прозы, то в нем можно было бы выделить следующие черты: 1) развитие, уточнение и отделка синтагматических средств связи, 2) синтагматическая разветвленность предложения, 3) развитость межпредложенческих средств связи, 4) разделенность модуса и диктума, 5) соответствие функциональной, коммуникативной нагрузки предложения его грамматической структуре, 6) совпадение границ синтагматической цепочки с границами высказывания, т. е. совмещенность грамматических и интонационных единиц, 7) актуализация высказывания (его отнесенность к действительности) при помощи грамматических средств языка, т. е. через глагол в личной форме, 8) слабая функциональная нагруженность интонации. Перечисленные черты, разумеется, не составляют единственных и исключительных характеристик этого типа прозы, но они формируют его профилирующие особенности в области синтаксиса. Художественный эффект в этой сфере достигается известными «фигурами речи», такими, как синтаксический параллелизм, разновидности гипербатона, анаколупф и т. п. Все они относятся к синтагматическому аспекту синтаксиса и часто состоят в смещении формальных и логических связей между элементами коммуникации. Разработка основной техники «художественного слова» идет в другом направлении и касается лексико-семантического аспекта речи. Поэтому неслучайно изучение стиля произведений художественной литературы, написанных «классической» прозой, шире охватывает его лексическую сторону, нежели синтаксическое построение.

¹Ряд тонких суждений о видах и функциях несобственно-прямой речи содержится в кн.: Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 158–165.

Развитие прозы синтагматической и «молчащей», читаемой скорее глазом, чем голосом (с голосом связывается в ней в большей степени эмоциональная, чем функциональная значимость), перспективной и логически упорядоченной, во многих отношениях совпадает с совершенствованием синтаксиса литературного языка (точнее, *Schriftsprache*). Для последнего характерны такие процессы, как интенсивная разработка системы подчинения, переход лексических единиц в категорию синтагматических средств связи (ср. *несмотря на, благодаря, в связи с, по линии, вследствие* и т. п.), усиление грамматических средств актуализации предложения в ущерб интонации, функциональная роль которой идет на убыль. Говоря обобщенно, можно было бы утверждать, что синтаксическая структура «классической» прозы имеет черты сходства с языком научного текста, поскольку оба эти стили выросли и сформировались на основе письменного литературного языка.

Иерархической прозе может быть противопоставлена иная синтаксическая разновидность текста, которая условно и за отсутствием лучшего термина будет ниже называться «актуализирующей» (или поэтической). Если в «классическом» периоде основная ставка делается на разработку синтагматических отношений, зависимостей и связей, то в этом втором типе прозы ведущим оказывается синтаксис актуализации. Конструктивным фактором становится способ отнесения высказывания к действительности, подчиняющий себе другие аспекты предложения, в том числе и его синтагматическую иерархию. Последняя проявляет тенденцию к распадению, вследствие чего такую прозу иногда называют «рубленой». Каждый тип прозы развивает по преимуществу один из аспектов синтаксиса, о которых говорилось в начале статьи.

Если искать аналог структуры двух типов прозы в лексико-семантической сфере, то можно было бы уподобить первую ее разновидность сравнению, в котором эксплицируется отношение между некоторыми денотатами (А таким-то признаком напоминает Б), второй же тип прозы можно было бы сопоставить с метафорой, дающей непосредственную актуализацию образа, совмещающей в одной плоскости два понятия, отношение между которыми остается имплицитным.

В актуализирующей прозе средствам синтагматической связи, в особенности подчинительным отношениям, отведена очень скромная роль. Покажем это на примере следующего фрагмента, взятого из повести Ю. Олеши «Зависть»:

Меня впустила уборщица. Бабичева уже нет. Традиционное молоко выпито. На столе мутный стакан. Рядом тарелка с печеньем, похожим на еврейские буквы.

Жизнь человека ничтожна. Грозно движение миров. Когда я поселился здесь, солнечный заяц в два часа дня сидел на косяке двери. Прошло тридцать шесть дней. Заяц перепрыгнул в другую комнату.

Земля прошла очередную часть пути. Солнечный зайчик, детская игрушка, напоминает нам о вечности (Олеша. Зависть).

В этом отрывке (его можно было бы продолжить) фигурирует только один подчинительный союз (когда), выражающий временное (а не логическое) соотношение действий. Нет ни одного элемента, который бы устанавливал логическую связь между отдельными предложениями. Не использовано относительное подчинение.

Сходная синтаксическая организация текста характерна и для многих произведений публицистики. Она проникает и в некоторые научные тексты (ср., например, стиль исследований по теории литературы В. Шкловского). Для прозы этого типа характерно свертывание синтаксической структуры предложения. Остов, скрепляющий между собой части текста, тщательно скрыт от читателя. В такой прозе, как отмечал В. Шкловский, наблюдается преобладание «вещи» над «отношением»¹.

Точной и эксплицитной иерархии элементов «классического» предложения противостоит в актуализирующей прозе тенденция к созданию эффекта коммуникативной равнозначности звеньев синтагматической цепочки, которая с этой целью дробится и из частей которой образуются отдельные высказывания. Ср. *Выходит великий гонщик. Без шапки. И еще какие-то люди с ним. Тоже рыжие* (Олеша. Цепь); *Нет той квартиры. Той постели. Тех книг и статей* (Шкл. Сергей Эйзенштейн); *Нет, ему нужен был именно этот — чужой. Мечтанный. Невозможный* (Цв. Мой Пушкин).

Проза подобного типа стремится создать у читателя прежде всего непосредственные, «актуальные» ощущения, вызвать «эффект присутствия», оказать эмоциональное воздействие. К отрезкам сегментированного предложения может быть применен термин «словесный жест», которым точно передается подчеркнутая актуализованность, дейктичность каждого сегмента. Различие в стилистической функции синтагматического и актуализирующего механизмов синтаксиса можно продемонстрировать, сравнив связный лозунг «Свобода, равенство и братство!» с его расчлененной формой «Свобода! Равенство! Братство!»².

Фактор актуализации (отнесения к действительности) элементов сообщения подчиняет себе и деформирует синтагматическую организацию высказывания, разрушает ее внутреннюю иерархию. Характерно, что в актуализирующем тексте возможны случаи полного устранения иерархической вершины предложения. Приведем в пример начало стихотворения М. Цветаевой «Петр и Пушкин»: *Не*

¹ Шкловский В. Жили-были. М. : Советский писатель, 1966. С. 484.

² Об использовании парцеллирования в современной русской художественной литературе см. подробно: *Иванчикова Е. А.* Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М. : Наука, 1968. С. 277–301.

флотом, не потом, не задом / В заплатках, не шведом у ног / Не ростом — из всякого ряду, / Не сносом — всего чему срок / Не лотом, не ботом, не пивом! / Немецким — сквозь кнастеров дым / И даже и не Петро-дивом / Своим (Петро-делом своим!). Из приведенного текста удалена синтагматически организующая его вершина — субъектно-предикативная пара: *Петр прославился*. Аналогично построенно и другое стихотворение М. Цветаевой «По холмам — круглым и смуглым», в котором каждая строфа состоит из четырех функционально различных обстоятельств: *по холмам (пескам, волнам)... под лучом... сапожком... за плащом* (ср. *По холмам — круглым и смуглым, / Под лучом — сильным и пыльным, сапожком — робким и кротким — / За плащом — рдяным и рваным*), причем синтагматически подчиняющее их себе сказуемое отсутствует. Нам хотелось бы подчеркнуть, что в любом тексте, прозаическом или стихотворном, коль скоро в качестве доминирующего фактора выдвигается в нем фактор актуализации, происходит нарушение целостности иерархической пирамиды, столь характерной для «классического» периода.

Особо следует сказать о распределении в «поэтической» прозе динамических центров повествования. Если естественным динамическим центром предложения служит глагол в личной форме, то в прозе интересующего нас типа очень часто происходит смещение динамического центра в сторону имени, в котором сосредоточивается главный заряд повествования. Когда основная энергия мысли концентрируется в глаголе-сказуемом, т. е. элементе, динамичном по своей грамматической природе, то она обретает естественный выход. Когда же динамический центр зажат в именах, то он не получает разрядки. Такие предложения подобны сжатой пружине. Приведем несколько примеров, взятых из мемуарной прозы А. Белого, для которой названное явление исключительно характерно: *Пока же ход жизни его нами виделся взвивом к зениту грохочущей фазтоновой колесницы* (А. Б. Между двух революций.); *Он был — дикий рыв во все стороны* (там же.); *На университетском дворе — беготня и таск ящиков... окрик паролей и куда-то откуда-то спешный проход десятков* (там же.); *Фырк, дерг, вскид руки, вновь зажим на коленях их с недоумением* (А. Б. Начало века.); *Рядом — брык, коловорот, перепрыги: Рачинский и Эллис* (там же.); *Вместо раздвоенных вздохов из задержки — крепкий порыв* (там же.). Подобные предложения, которыми особенно изобилует проза Белого, как бы застыли в динамической позиции. Они взметнулись, но не разрядили свой порыв в действии.

Продолжая характеристику динамического аспекта «поэтической» прозы, можно указать на причудливость смещения актуального членения предложения сравнительно с его синтаксической расчлененностью. Расчлененность, выражающая динамику предикативных отношений (отношений темы и ремы), свободно и произвольно режет

высказывание, разобщая тесно между собой связанные звенья синтагматической цепи. И в этом случае фактор синтагматической иерархии оказывается подчиненным и в известном смысле деформированным. Когда актуальное членение предложения совпадает с его грамматическим членением, то раздельность подлежащего и сказуемого подчеркивается усилением паузы, увеличением интонационного «зазора», иногда отмечаемого на письме при помощи тире. Ср. *Он — нас не одобрял* (А. Б. Начало века.); *Мы ехали выговориться*. *А Блоки — молчали* (А. Б. Между двух революций.); *Кричите — вы; кричим — мы; вы — по пустякам; мы — о деле* (там же.), *Мы — познакомились; я посетил его* (там же.).

Уже из предшествующего изложения явствует, что в «поэтической» прозе функциональная роль интонации чрезвычайно велика. Интонация может передавать подчинительные отношения внутри предложения, она нередко служит единственным средством актуализации высказывания. Такова ее роль в многочисленных безглагольных предложениях, которыми изобилует этот тип прозы. Интонация перекраивает синтагматические цепочки, членив их на отдельные высказывания. Она свободно передвигает актуальное членение по синтагматической шкале. Роль интонации, кстати, хорошо понимали и некоторые авторы, склонные к прозе этого типа. А. Белый прямо говорил о себе: «Я пишу не для чтения глазами, а для читателя, внутренне произносящего мой текст (...) Я сознательно навязываю свой голос: звуком слов и расстановкой частей фразы»¹ И далее: «Считаю все это нужным сказать, чтобы читатель читал меня, став в слуховой фокус; если он ему чужд, пусть закроет книгу; очки — для глаз, а не для носа; табак для носа, а не для глаз. Всякое намерение имеет свои средства»².

Резюмируем сказанное об актуализирующей прозе. В ней обращают на себя внимание следующие черты, относящиеся к ее синтаксической организации: 1) разрушение синтагматической иерархии, 2) поиски иных, несобственно синтагматических, средств создания связности текста, 3) тенденция к самостоятельному предикционированию каждого элемента информации, 4) дробление синтагматической цепочки на ряд интонационно законченных высказываний, дезинтеграция предложения, 5) тенденция формировать высказывание как коммуникативную единицу интонационными, а не собственно грамматическими средствами, следствием чего является рост количества безглагольных предложений, в том числе и экзистенциального типа, 6) заметный и частый сдвиг функциональной перспективы предложения относительно его грамматического членения, 7) тенденция к перемещению динамического центра предложения в сферу имен, 8) нерасчлененность модуса и диктума. Небольшой размер статьи не позволяет раскрыть более подробно перечисленные черты.

¹ Андрей Белый. Маски. Вместо предисловия. М., 1932. С. 9–10.

² Там же. С. 12.

Те внешние приемы, которые были отмечены как характерные для разных типологических разновидностей прозы, сами по себе не новы. Развитость иерархических и логических отношений сближает художественную прозу с научным текстом. Сегментация предложений в актуализирующей прозе отчасти повторяет присоединительные конструкции разговорной речи. С устной речью сближает прозу этого типа и функциональная роль интонации. Разрушение синтагматических зависимостей и кажущаяся бессвязность текста (так называемый «рубленный» синтаксис), свойственная некоторым авторам, вызывает в памяти газетную хронику или репортаж. Сжатая эллиптичность прозы заставляет говорить о телеграфном стиле. Безглагольность напоминает о языке плаката и рекламы. Все эти аналогии известны. В них отмечается проникновение в художественную прозу элементов разных функциональных стилей речи. Нам хотелось бы здесь, однако, подчеркнуть не столько эти аналогии, сколько глубокое функциональное различие названных приемов внутри разных систем. Так, например функция сегментации в художественном тексте не имеет ничего общего с ее ролью в устном разговоре. Поэтому к сегментации прибегают и те авторы, которым органически чужды интонации разговорной речи. Элементы разных стилей, «попадая в художественный стиль, продолжают жить там не самостоятельно, а в системе совершенно новых отношений. Именно поэтому не существует, например, разговорного художественного стиля или научного художественного стиля, но могут бытовать самые различные элементы самых различных стилей в системе художественного стиля, которому они подчиняются как низшее высшему»¹.

В заключение отметим, что изменение художественного метода, наблюдаемое в прозе, аналогично процессам, давно обратившим на себя внимание в других видах искусств (ср. утрату перспективы и целостности модели в живописи, несовпадение ритмических и семантико-синтаксических групп в поэзии, крупный план в кино, актуализирующий образ вне его связи с окружением и т. п.). Это побуждает искать общий смысл названных явлений. Выше была предложена чисто лингвистическая (собственно грамматическая) интерпретация двух типологических разновидностей прозы. Однако извлекаемая из нее общая формула — изменение соотношения между техникой связи, устанавливающей иерархическую соподчиненность частей, и техникой актуализации образа, выдвинувшее понятие монтажа на место «синтагматических» средств связи, — возможно, имеет более широкое применение.

¹ Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967. С. 154. В цитированной книге убедительно показана переработка художественной прозой разнообразного языкового материала. в частности сложное взаимодействие художественного стиля современной и старой литературы с формами разговорной речи (см.: Указ. соч. С. 152–164).

Г. Н. Акимова

Синтаксическая составляющая в создании «трудности» современного художественного текста¹

- Задания.** 1. Какие типы прозы, представляющие трудности для восприятия, выделяет Г. Н. Акимова?
2. Какие синтаксические структуры вызывают трудности восприятия художественного текста?

В последнее десятилетие XX века, а также к началу XXI века неоднократно высказывались соображения о сложности современных художественных текстов, их непохожести на классическую литературу, преимущественно XIX века. Исследуются как литературоведческие, так и лингвистические основания этой сложности. Одной из существенных публикаций на эту тему была статья И. Бродского с выразительным названием, опубликованная в 2000 г.² В ней автор выделяет шесть выдающихся писателей XX в. (М. Пруст, Ф. Кафка, Р. Музиль, У. Фолкнер, А. Платонов, С. Беккет), которые, по его мнению, уже в первой половине XX века олицетворяют отход от художественных принципов литературы XIX века и которые считались в свое время, а иногда и теперь, «трудными» и назывались «модернистами». «Трудность» их художественных текстов, считает И. Бродский, состояла в том, что эти авторы (и, конечно, не только они) осознали или угадали необходимость вырваться из ограничивающих условностей прежней, «классической» прозы. Новая проза XX века — не замена прежнего стиля повествования, а стилистическая инициатива и признак зрелости. Главным основанием «трудностей» является описание ими такого свойства жизни, как неуверенность³. Подобное толкование художественного текста отмечает и наша современная филологическая наука. Если И. Бродский указывает на отмирание логики, а также прежних сюжетов и системы композиции названных модернистов, то теперь полагают, что благодаря особой организации языковых знаков создастся «абсурдная модель мира»⁴. Те же соображения высказаны и М. Виролайнен,

¹ Печатается по: Обретение смысла. СПб., 2006. С. 60–71.

² *Бродский И.* По ком звонит осыпающаяся колокольня // Иностранная литература. 2000. № 5. — Статья представляет доклад И. Бродского на юбилейном Нобелевском симпозиуме в Шведской академии в декабре 1991 г.

³ Там же. С. 247.

⁴ *Фатеева Н.* Абсурд и грамматика художественного текста. На материале произведений Н. Искренно, В. Набриковой, Т. Толстой // Абсурд и вокруг / под ред. О. М. Буренина, 2004. С. 273.

отметившей, что в современной русской прозе «прежняя логика — простая, обиходная, базовая логика — уже не работает»¹. Одним из проявлений этого автор считает, что «однозначно-определенное становится неоднозначно-неопределенным, самотождественное — подобным чему-то иному»². (Любопытно, что в качестве иллюстрации автор приводит участвовавшее употребление слов «типа» и «как бы».)

Какие же общие эстетические черты нового, «трудного» слога проявляются у разных авторов? И. Бродский относит к ним «преобладание стиля над сюжетной линией. Последняя очень часто оказывается заложницей стиля, который и является настоящим двигателем повествования»³. Так литература художественной прозы возвращается к господству языка над повествованием, подобно поэтическому тексту. Изменяется соотношение этики и эстетики: если в литературе XIX века этика была организующей в составе художественной прозы, а эстетика ей подчинялась, то в XX веке эта направленность изменилась.

Приведенные выше мнения относятся, конечно, не ко всему массиву художественной прозы XX века. По мнению И. Бродского, и в XX веке полно авторов, пишущих «под» XIX век и в сюжетном, и в языковом отношении, как будто и не было «великолепной шестерки». К числу основных стилистических черт этой литературы он относит хорошо закрученные сюжеты, хорошее знание реалий, умелое использование просторечий и использование простого, ненавязчивого синтаксиса. Внимание к различным типам повествования в русской художественной литературе XIX–XX вв. было и в русистике⁴.

В научной литературе конца XX — начала XXI в. подчеркивается нарастание новых черт современных текстов. Авторы пытаются найти, кроме общеэстетических, языковое воплощение новизны, которое создается различными языковыми уровнями. Основываясь на анализе произведений русских авторов последнего десятилетия XX века, Т. Н. Маркова исследует построение современного художественного произведения, следуя фактически положениям, уже высказанным И. Бродским применительно к языку великих модернистов первой половины XX века. Т. Н. Маркова пишет, что современных писателей или даже читателей интересует не набор идей, «а уникальность их расклада, узор, образуемый причудливым расположением слов в сознании автора. Эстетическая доминанта проявляется в особом внимании к языку, к тому, как, с помощью каких

¹ *Виралайн М. Гибель абсурда // Абсурд и вокруг. С. 416.*

² Там же. С. 420.

³ *Бродский И. Указ. соч. С. 248.*

⁴ *Кожевникова Н. А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. М., 1994.; Степанов С. П. Организация повествования в художественном тексте (Языковой аспект). СПб., 2002.*

языковых средств выражена мысль»¹. Автор определяет основную тенденцию как языковую эклектику, то есть многообразие развития различных языковых форм. На материале лексики это одновременное использование и просторечия, и жаргона, и книжной лексики, в результате чего эстетизируется и самый «сор» жизни. Полифония индивидуального разнообразия складывается из смешения стилей. Н. Фатеева также большое внимание уделяет участию лексического и орфографического уровней, вплоть до фонетических искажений слов в произведениях современных русских прозаиков.

Что же касается синтаксических изменений современных художественных прозаических текстов, то здесь следует различать две проблемы: проблема использования синтаксических структур в художественных текстах на протяжении XX века, и особенно к концу века, и проблема синтаксической «сложности». Они могут быть взаимосвязаны, но необязательно.

Проблема синтаксической сложности имеет значительную историю разработки. Различение синтаксических типов прозы (синтагматическая, актуализирующая²) связано с историей русского синтаксиса. Уже показана зависимость синтаксической сложности как трудности восприятия текста в зависимости от синтаксической иерархии в предложении, его длины и порядка слов³. Появление актуализирующей прозы, казалось бы, сделало синтаксическую организацию прозы легче, проще для восприятия (о чем упоминает и И. Бродский, говоря о ненавязчивом синтаксисе). В каком смысле современную синтаксическую организацию прозы называют сложной? Это непростой вопрос. Немногочисленные исследования показывают, что в современных текстах мы наблюдаем смешение синтагматической и актуализирующей прозы⁴. Но чистых образцов того и другого типа очень немного, ведь оба синтаксических типа часто совмещаются в одном тексте в разных пропорциях. В статье А. Т. Давлетьяровой, написанной на материале прозы Т. Толстой, С. Соколова и В. Сорокина, перечислены основные показатели синтагматической прозы — вновь возросшая длина цельного предложения и увеличение количества широких однородных рядов. Наряду с этим представлены и расчлененные, актуализирующие конструкции — парцелляция, конструкция с именительным темой, самоперебивы как выражение влияния синтаксиса разговорной речи и

¹ Маркова Т. Н. О некоторых аспектах динамики речевых форм в художественной прозе конца XX в. // Вестник Омского гос. ун-та. Омск, 2002. № 8. С. 126.

² Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972.

³ Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.

⁴ Давлетьярова А. Т. К вопросу о «сложности» синтаксиса постмодерностской прозы // Материалы XXXIII Международ. филол. конференции. СПб., 2004. Вып. 16. Грамматика (Русско-славянский цикл) Ч. 1.

др. Но абсолютно ли идентичны отмечающиеся черты якобы синтагматической художественной прозы в текстах конца XX века тем классическим ее образцам, которые были представлены в прозе XIX в. (напр., Тургенев, Толстой)? В такую прозу включаются факторы размера предложения, абзаца, внутреннее синтаксическое устройство простых и сложных предложений, употребление однородных рядов. Несмотря на отмеченное увеличение размеров предложения, наблюдается их новое синтаксическое устройство. Анализ А. Т. Давлетьяровой и Т. Н. Марковой показал, что в целом идет ослабление и уменьшение использования форм синтагматической иерархии. Это уменьшение Т. Н. Маркова соотносит с утратой иерархичности современного мира, релятивности современного сознания¹. Приведем примеры:

«Девушки перешли к рассказу о сложных отношениях Оли и Валерия, о бессовестности Анюты, и Петерс, пивший бульон, развесил уши и невидимкой вошел в чужой рассказ. Он близко коснулся чьих то тайн, он стоял у самых дверей, затаив дыхание, он чуял, обонял и осязал, как в волшебном кино, и нестерпимо доступны — руку протяни — были мелькание каких-то лиц, слезы на обиженных глазах, вспышки улыбок, солнце в волосах, стреляющее розовыми и зелеными искрами, пыль в луче и жар нагретого паркета, поскрипывающего рядом в этой чужой счастливой и живой жизни» (Т. Толст. Петерс.)

«Он ощутил себя и понял, что то, что ощущало — то есть он сам, — складывалось из множества меньших индивидуальностей: из неземных личностей машин для преодоления пространства, пахнувших резиной и сталью; из мистической интроспекции замкнутого на себе обруча; из писка душ, разбросанной по полкам мелочи вроде гвоздей и гаек и из другого» (Пелев. Жизнь и приключения сарая № XII).

В обоих текстах почти отсутствуют сложноподчиненные предложения, преобладают бессоюзные и сочинительные конструкции, глубина простых предложений невелика из-за отсутствия цепочек соподчинения и последовательного подчинения. Обилие однородных групп, сосредоточенных именно вокруг главных компонентов предложения, что не увеличивает глубину предложения по уровням синтаксической иерархии.

Кроме названных синтаксических явлений, в современных художественных текстах следует отметить яркое отражение синтаксиса разговорной речи. Влияние разговорной речи на художественную — явление давнее. Вначале оно было представлено просто как передача прямых диалогов. Позднее появляются элементы разговорности в авторской речи. Во многих случаях это приводило к конструкциям экспрессивного синтаксиса и в некоторой степени изменило набор

¹ Маркова Т. Н. Указ. соч. С. 128.

и письменных синтаксических структур¹. Однако употребление разговорных конструкций в современных художественных текстах имеет новые черты. В большинстве монологических речь автора представлена как льющаяся разговорная речь, наполненная восклицаниями и вопросами, вставками диалога без вынесения в отдельные абзацы. Чаще всего — это описательные контексты, без аористивных глаголов совершенного вида, часто встречаются именные безглагольные выражения. Все это на фоне повторяемых действий напоминает сказовую форму синтаксического повествования, уже существовавшую в русской художественной литературе.

«Все они — сегодня одни, а завтра другие — набивались вечерами в дворницкую; трехэтажный флигелек трещал, приходили жильцы верхних этажей, брэнчали на гитаре, пели, читали свои и чужие стихи, но в основном слушали хозяйские. Гришуня у них считался гением, уже много лет вот-вот должен был выйти его сборник, но мешал какой-то злобредный Макушкин, от которого вес зависело, Макушкин, поклявшийся что, мол, только через его труп. Кляли Макушкина, превозносили Гришу, женщины просили читать еще, еще, Гриша смущался и читал — густые, многозначительные стихи наподобие дорогих заказных тортов с затейливыми надписями, с торжественными меренговыми баинями, стихи, отяжеленные словесным кремом до вязкости. С внезапным ореховым хрустом звуковых скоплений, с мучительными, вредными для желудка тянучками рифм. «Э-э-э-э-э», — качал головой тунгус, ни слова, кажется, не понимавший по-русски. «Что, ему не нравится?» тихо спрашивали гости. «Нет, кажется, это у них похвала», — мотала волосами Агния, боявшаяся, что тунгус её сглазит» (Т. Толст. Поэт и муза).

В. И. Забурдяева, исследовавшая сказовые тексты русской литературы, подчеркивает специальное введение различных признаков «устности», как форм специальной стилизации, создающих и определенные интонационные и ритмические особенности². Развитие языка русской литературы, как показано исследованиями Н. А. Кожевниковой, идет по двум видам повествования — по воплощению литературности, с одной стороны, а с другой — по воплощению характерологического повествования (от Гоголя и Лескова), которое возобновилось в 20-е годы XX в., когда орнаментальная и сказовая формы стали совмещаться. В художественной литературе русского зарубежья писатели в целях сохранения русского языка ориентировались преимущественно на литературную

¹ Акимова Г. Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. 1981. № 6.

² Забурдяева В. И. Ритм и синтаксис русской художественной прозы конца XIX — первой трети XX вв. (Орнаментальная проза и сказовое повествование): дис. ... канд. филол. наук. Ташкент. 1985.

традицию повествования, хотя отдельные из них ориентировались на разговорную речь¹.

Итак, новая художественная проза использует как возвращение к формам синтагматической прозы (длинные предложения, большие однородные группы), однако с описанными выше изменениями, так и использует разговорную синтаксическую организацию текста, применяя форму сказового повествования. Некоторыми авторами отмечается увеличенное употребление безличных предложений и повышение функции модальности. Вес ото приводит нас ко второй проблеме — за счет чего же синтаксическая организация современной прозы кажется сложной? Синтаксическая «сложность» или «трудность» — явление стилистико-психологическое и связано с процессом восприятия читателем. Проблемы синтаксической сложности давно обсуждаются в лингвистике второй половины XX века. Нами описаны эти проблемы, которые связываются в русистике и структурной лингвистике с синтаксической иерархией и порядком слов². Позднее Г. А. Золотова предложила определение информативного объема предложения³, которое, как нам представляется, также имеет отношение к синтаксической сложности.

По нашему мнению, художественные тексты, построенные по синтаксическому типу сказового повествования, воспринимаются без особых психологических трудностей. Но вместе с тем имеются и другие синтаксические построения, которые вызывают трудности восприятия. Наиболее отчетливо выделяются, по крайней мере, три синтаксических типа художественного текста.

Первый тип — предложения из произведений так называемой интеллектуальной прозы, рассчитанной на соответствующего читателя. В качестве примеров приведем тексты, относящиеся к первой половине XX века: *«Болезнь, создававшая мне неправдоподобное пребывание между действительным и мнимым, заключалась в неумение моем ощущать отличие усилий моего воображения от подлинных, непосредственных чувств, вызванных случившимися со мной событиями. Это было как бы отсутствием дара духовного осязания»* (Газд. Вечер у Клэр).

«В ту пору, когда я встретился с ним, его книги мне были известны; поверхностный восторг, который я себе сперва разрешал, читая его, уже сменялся легким отвращением. В начале его поприща еще можно было сквозь расписные окна его поразительной прозы различить какой-то сад, какое-то сонно-знакомое расположение де-

¹ Кожеевникова Н. А. О языке художественной литературы русского зарубежья // Русский язык зарубежья. М., 2001. С. 126.

² Акимова Г. Н. К проблеме синтаксической сложности текста // Материалы XXIX Межвузовской методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб., 2000. Вып. 10. Грамматика (Русско-славянский цикл).

³ Золотова Г. А., Ошипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 225.

ревьев... но с каждым годом роспись становилась все гуще, розовость и лиловизна все грознее; и теперь уже ничего не видно через это страшное драгоценное стекло, и кажется, что если разбить его, то одна лишь ударит в душу черная и совершенно пустая ночь» (Наб. Весна в Фиальте).

Оба примера, представляющие контексты рассуждения, насыщены, в основном, большим количеством препозитивных слов (прежде всего отглагольных и отадективных существительных), описательных эксплицитных предикатов, именных или с глаголами несовершенного вида, трудных и необычных определений. Именно количество препозитивных слов и составляет, по мнению Г. А. Золотовой, информативный объем предложения. В приведенных примерах представлена, несомненно, высокая степень поли-предикативности, что и вызывает синтаксическую затрудненность текста. В зарубежной русской художественной прозе, отмечает Н. А. Кожевникова, В. Набоков и Г. Газданов ориентируются на книжную речь и литературность повествования.

Второй тип синтаксической художественной прозы, создающий трудность восприятия, это передача так называемого «потока сознания»¹, лишенного четкой логичности, попытки передать разорванность возникающих ассоциаций, отсюда и «разорванность» синтаксической структуры. Если в первой половине XX века такое явление проявлялось в формах экспрессивного синтаксиса (например, парцелляций), выраженного в большом количестве коротких предложений, то в современной художественной прозе — это большие по размеру предложения с разорванными связями. Вот несколько примеров: *«Мир, по-прежнему состоящий из комнаты, дома, университета, города, гулких арок, телефонных звонков, оторванных мартовских котлов, музыки “Dead can dance” возьми зонт, обещали дождь — тебе его каждый день обещают — посмотри, какая облачность — что? автор — женищина? тем более, это чревато нетрадиционным сексом и феминизмом, а впрочем, на фиг, на фиг, автор русского текста всегда беспол, он — “четвертое лицо единственного числа”, ребенок отменяется, но чистота и девственность жанра... — ворон, обласканных древними индейскими магами, книг, книг, снова книг, шатаний по городу — станьте городским шаманом, слейтесь с мегаполисом — замороженных креветок в пластиковых коробках, поющих китайских шаров, семинаров по непознанным предметам (какой предмет сдаем?) — Вы понимаете смысл этого преобразования? — Ай-лю-ли, ай-лю-ли — буквы и цифры мне определено знакомы — “New-Age” дизайн»* (А. Гост. Дочь самурая).

¹ Артюшков И. В. О соотносности внутренней речи и «потока сознания» в русской художественной литературе // Исследование языковых единиц и грамматических категорий в речи. Уфа, 1998.

«Вместо того, чтоб родиться и вырасти в несравненном Буэнос-Айресе, где вместо: Комо еста усте? — все спрашивают друг у друга: Комо эстан лос айрес? — и отвечают: Грасиас, грасиас, муй буэнос, — и где веломальчик газеты Ой демонстративно читает её без всякого словаря и вдобавок едет без рук, а кондуктор — обыкновенный трамвайный кондуктор — по памяти декламирует пассажирам пассажи Октавио Паза, — то есть вместо того, чтобы явиться там, среди этих начитанных и утонченных, и стать гражданином по имени Хорхе Борхес; а впрочем, нет, погодите, — в Упсале — в неопикуемой Упсале — или где-нибудь возле — в краю готической хмурой мудрости — и слывя профессором Ларсом Бакстрёмом, — быть им: во имя прелестной Авроры из славной семьи Бореалис самозабвенно творить ворожбу, именуемую свенск поэси; или вот: не взыскую ни Рима, ниже Афин, — в несказанном Иерусалиме: о лучезарное детство на улице Долороса, среди вериг и преданий, — о Господи, да что там в Иерусалиме, оставим его в покое до будущего года, ведь можно явиться и под — в неказистом, пропахшем фалафелями Вифлееме, а нет — в преисполненной былого величия и мулов Афуле, а нет — в развеселом Содоме — и жизнь напролет как ни в чем не бывало болтая с приятелями экклезиастовым языком, сделаться мастером гильдии Амоса Оза; словом, вместо чего бы то ни было из перечисленного или чего-нибудь в том же возвышенном и нездешнем духе — являешься и живешь чёрт-те где — лепечешь, бормочешь, плетёшь чепуху, борзо пишешь и даже влюбляешься, даже бредишь на самом обыкновенном русском — и вдруг, не успев оглянуться, оказываешься неизвестно кем, кем угодно, вернее, не кем иным, как собой» (С. Сок. Тревожная куколка).

Обсуждая проблемы связи между абсурдистским и постмодернистским сознанием, М. Виролайнен пишет, что, если абсурдистские тексты первой половины XX века открыто заявляют своей формой абсурд (приводятся примеры из Д. Хармса, состоящие из «безумных» высказываний в форме коротких предложений), то постмодернистская мысль ни в коем случае не представляет себя абсурдной, «хотя и отмечающей свое родство с такими сдвинутыми состояниями сознания, как безумие, алкогольное или наркотическое опьянение, сон»¹.

Третий тип художественной прозы, создающий трудности восприятия, представляет изменившееся на протяжении двух столетий соотношение субъектов повествования в художественной прозе, которое началось еще в пушкинское время и продолжает увеличиваться в наши дни. Вспомним такие понятия, как «образ автора» (В. В. Виноградов), полифоничность повествования и диалогичность монологической речи (М. М. Бахтин), понятие «повествователь»

¹ Виролайнен М. Указ. соч. С. 417.

(Е. В. Падучева)¹, образ читателя (А. Ю. Большакова)², субъективация повествования (С. П. Степанов) и др. В синтаксических работах на материале русской прозы XIX–XX вв. особенно подробно неоднократно рассматривалась так называемая несобственно-прямая речь как яркий синтаксический выразитель названных проблем. Отсюда вытекает идея модальности текста, авторской модальности и др. Из последних работ укажем монографию Т. В. Романовой и работы учеников кафедры русского языка, где проблемы модальности текста несобственно-прямой речи рассмотрены в историческом становлении и на материале современных русских текстов³. Нет смысла анализировать тексты с несобственно-прямой речью, которые исследовались в работах Н. А. Кожевниковой, С. П. Степанова, Е. В. Падучевой и М. Я. Дымарского⁴. Хотелось бы только отметить, что субъективация повествования, ярко выраженная в употреблении несобственно-прямой речи, несомненно представляет трудности в организации текста и значительно чаще других типов «трудной прозы» встречается в текстах. Так, она встречается и в приведенных выше текстах, отражающих «поток сознания».

Изменившийся синтаксический облик художественных прозаических текстов стоит связать с подобными же изменениями не только в русской художественной прозе. Новый тип художественного повествования, рассмотренный И. Бродским, применительно к писателям, писавшим на разных языках, близок в этом отношении к русским текстам. Из наблюдений подобного же рода приведем высказывание Ю. С. Степанова: «Европейский роман нового времени последовательно двигался к расслоению авторского «я» — на героя, на рассказчика о герое, на автора-повествователя, а иногда еще и далее»⁵.

Итак, вопрос о синтаксической составляющей в создании «трудностей» в современных художественных текстах сводится к тому, что, хотя синтаксические структуры постоянно меняются, и в худо-

¹ Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика пила и времени в русском языке; семантика нарратива). М., 1996.

² Большакова А. Ю. Образ читателя как литературоведческая категория // Известия АН. Серия языка и литературы. 2003. Т. 62.

³ Романова Т. В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб., 2003.; Зорина Е. С. Авторская модальность как организующая категория художественного повествования: На материале сб. рассказов В. Набокова «Весна в Фиальте»: автореф. дис. ... канд. фил. наук. СПб., 2005. Беличенко Е. Е. Несобственно-прямая речь в системе способов передачи высказываний // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. СПб., 2004. Вып. 16. Грамматика (Русско-славянский цикл). Ч. 1.

⁴ Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (На материале русской прозы XIX–XX вв.) СПб., 1999.

⁵ Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта.) // Известия АН. Отделение языка и литературы. 1981. Т. 40. № 4. С. 327.

жественном тексте особенно, однако не все из них вызывают трудности восприятия. Отмеченные «трудные структуры» разнообразны, в нашей статье отмечены только ведущие из них.

Г. Н. Акимова
**«Водонапорная башня» В. Пелевина —
синтаксический нонсенс?»¹**

Задание. Познакомьтесь с проведенным Г. Н. Акимовой анализом текста «предложения-рассказа» В. Пелевина.

1. В чем, по мнению Г. Н. Акимовой, проявляется сложность современного художественного текста?
2. Подберите свои примеры текстов, которые можно определить как «синтаксический нонсенс».

... в минуты крайних опасностей..., в одну короткую секунду мы вспоминаем столько, сколько не представляется нашей памяти и в долгий час, когда мы находимся в обычном состоянии духа.

Михаил Кузмин

Почти каждое новое произведение В. Пелевина привлекает внимание читателей. Автор находит не только новые сюжеты или особый ракурс их представления, но и предлагает неожиданные формы языкового решения художественных задач, что, заметим, составляет одну из ведущих особенностей постмодернизма.²

В настоящей статье предлагается анализ рассказа В. Пелевина «Водонапорная башня», изданного в 2005 г. в сборнике «RELICS. Раннее и неизданное». Рассказы и эссе, помещенные в Сборнике, представлены без указания даты их написания. Рассказ «Водонапорная башня» не встретился нам в литературоведческих работах, по-

¹ Печатается по: *Акимова Г. Н.* «Водонапорная башня» В. Пелевина — синтаксический нонсенс? Мир слова. 2006. № 3.

² См., напр., *Эттейн М.* Постмодерн в России. Литература и теория. М., 2000; *Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. М., 2000; *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература. Новая философия. Новый язык. Минск, 2000; *Богданова О. В.* Современный литературный процесс (К вопросу о постмодернизме в русской литературе 70–80-х гг. XX в.). СПб., 2001; Современная русская литература (1990-е гг. — нач. XX в.); Учеб. пособие для студентов. СПб., 2005; *Фатеева Н. А.* Абсурд и грамматика художественного текста. На материале произведений Н. Некрепко, В. Набриковой, Т. Толстой // Абсурд и вокруг / под ред. О. Бурениной. М., 2004.

этому его можно отнести к последним произведениям автора. Чем же примечателен этот рассказ? Он составляет полных 13 страниц. Впечатляет, что эти 13 страниц представляют собой один абзац и одно предложение с точкой в конце. Рассказ включает почти 2800(!) слов. Это беспрецедентный случай в истории русской литературы.

Такой вывод нам позволяет сделать проведенное исследование размера предложения (РП) сначала на материалах языка XVIII в.¹, позднее — в моих работах и работах моих учеников — на материале современного русского языка². Приняв вслед за В. Г. Адмони определение цельного предложения как предложения от точки до точки, мы провели наблюдение за языком таких выдающихся представителей своего времени, как М. В. Ломоносов, В. К. Третьяковский, А. П. Сумароков и др., и обнаружили высокие показатели РП в языке различных жанров XVIII в. Различая средний и максимальный размер цельного предложения, следует сказать, что даже отдельные «монстры» (длинные цельные предложения) не выходили за рамки 300–350 слов. По данным Т. М. Веселовской, средний размер цельного предложения на протяжении XIX–XX вв. уменьшался.

Однако в художественной прозе конца XX в., как показывают наши наблюдения, а также наблюдения Т. Н. Марковой и А. Т. Давлетьяровой³, обнаруживаются новые тенденции в отношении размеров цельного предложения: в некоторых произведениях постмодернистского направления встречаются предложения в 234 слова, в 416, а в произведениях С. Соколова встретилось предложение в 686 слов.

Продолжая количественную характеристику текста анализируемого рассказа, отметим, что состоит из 266 предикативных единиц и представляет собой разветвленное сложноподчиненное предложение с элементами сочинения и бессоюзия. Средняя длина предикативной единицы в составе сложного равна 10,4 слова, однако встречаются предикативные единицы в 15, 20, 40 и даже более слов. Нами составлен граф размеров предикативных единиц в составе сложного, он показывает, что мода (большая их часть) составляет предикативные единицы от 5 до 10 слов.

Обратимся к интерпретации количественных данных. Предложение в 2800 слов — древовидное, не имеет синтаксических разрывов. Нами составлено «дерево» этого сложного предложения, которое,

¹ *Акимов Г. Н.* Размер предложения как фактор стилистики и грамматики // Вопросы языкознания. 1973. № 2.

² *Веселовская Т. М.* Размер предложения как фактор грамматики и стилистики: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

³ *Маркова Г. Н.* О некоторых аспектах динамики речевых форм в художественной прозе конца XX в. // Вестник Омского гос. ун-та. Омск, 2002. № 8; *Давлетьярова А. Т.* К вопросу о «сложности» синтаксиса постмодернистской прозы // Материалы XXXIII Международ. филол. конференции. СПб., 2004. Вып. 16. Грамматика (Русско-славянский цикл) Ч. I.

однако, трудно представить в рамках научной статьи. Древовидность и достаточно четко прослеживаемая структура всего сложного предложения совершенно несопоставимы с организацией современных длинных предложений, построенных с синтаксическими разрывами, которые отражают речь, передающую поток сознания.

Предложение «Водонапорной башни» — без синтаксических разрывов, вызывает некоторые ассоциации, например, с прозой Л. Толстого, которая дает яркие примеры так называемой синтагматической (по В. М. Жирмунскому — классической) прозы с развитой синтаксической организацией на всех уровнях — в словосочетании и предложении, простом и сложном. Это особый принцип оформления и передачи мысли, с развитием подчинительных связей, частым употреблением соотносительных слов, со слабой нагрузкой интонации, ведущий к большим размерам синтаксически упорядоченного предложения. Вот пример из «Воскресения» Л. Толстого: *«Так думал Топоров, не соображая того, что ему казалось, что народ любит суеверия только потому, что всегда находились и теперь находятся такие жестокие люди, каков был он, Топоров, которые, просветившись, употребляют свой свет не на то, на что они должны были бы употреблять его, — на помощь выбивающемуся из мрака невежества народу, а только на то, чтобы закрепить его в нем».*

Подобный тип прозы уже во второй половине XIX в. стал заменяться так называемой актуализирующей прозой (Н. Д. Арутюнова¹), которая развила синтаксическую расчлененность, повлиявшую на художественную речь в первую очередь. Синтаксическая расчлененность ослабила синтаксические связи, основанные на высокосинтетической русской морфологии, привела к сокращению сложных предложений, их общего объема, развитию конструкции экспрессивного синтаксиса².

Тексты конца XX в., как уже отмечалось, показывают довольно неожиданное увеличение размеров предложения как за счет роста употребительности сложных предложений в тексте, так и за счет изменения в составе простого предложения. Мы уже отмечали эти явления как особенность языка конца XX века, то есть кажущееся возвращение к синтагматической прозе: меньше или почти не используются книжные экспрессивные конструкции, влияние разговорного синтаксиса на художественную речь видоизменяется. В синтаксической организации постмодернистского текста даже большие сложные предложения деиерархизируются, преобладают сложносочиненные и бессоюзные связи, восстанавливаются большие ряды однородных членов в простом предложении, но преимущест-

¹ Арутюнова Н. Д. О синтаксических типах художественной прозы // Общее и романское языкознание. М., 1972.

² Акимова Г. Н. Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1982.

венно на верхних уровнях иерархии, что может вести к увеличению роли подтекста.

В рассказе же В. Пелевина представлена совершенно иная синтаксическая организация. Это одно цельное сложное предложение, начинающееся, как отмечалось выше, подобно прозе Л. Толстого. Различие состоит в том, что это предложение ... очень длинное. Наступает трудность восприятия, независимо от синтаксической упорядоченности. Думается, что здесь намного превышен порог восприятия¹, что неоднократно отмечалось лингвистами, принявшими гипотезу В. Ингвео о ограничении человеческого восприятия порогом 7 ± 2 . И при этом рассматриваемое сверхдлинное предложение находится в полном соответствии с его содержанием. Необходимо отметить не только синтаксическую цельность предложения-рассказа, но целостность его сюжетного уровня, что подчёркнуто повторами номинации «водонапорная башня», которые занимают ключевые позиции — это заглавие, а также первые и последние слова самого рассказа. Рассказ посвящается описанию жизни рядового человека советской эпохи, воспринимающего водонапорную башню как символ этой жизни, которая только кажется бесконечной: любая башня... сначала строится таким образом, будто должна подняться до самого неба, чем обязательно завершилось бы простое добавление новых кирпичных колец изо дня в день, если бы не решение строителей уйти, приводящее к тому, что какой-то кирпич обязательно становится последним.

Все предложение-рассказ циклично. Жизнь описана от предвоенного периода, затем идут военный и послевоенный периоды, вплоть до смерти героя, который бросает последний взгляд через окно на все ту же водонапорную башню. В таком построении сюжета становится понятным одно из обозначений самого сборника — RELICS — пережитое знание жизни.

Единство и синтаксическая сложность поддерживаются не только организацией сложного предложения, но и организацией составляющих его простых предложений. Так, при 266 простых предикативных единицах отмечаются 222 придаточных, 45 сочинительных соединений, а бессоюзные связи используются 9 раз. Поражает «возрождение» количества подчинительных отношений. По частоте употребления придаточные располагаются следующим образом: присубстантивные — 60, изъяснительные — 39, местоименно-соотносительные — 19, времени — 19, условные — 16, причины — 16, цели — 13, относительно-распространительные — 10, сравнительные — 5, уступительные — 2, следствия — 1. Если факт наибольшей употребительности присубстантивных и изъяснительных предложе-

¹ *Акимова Г. Н.* К проблеме синтаксической сложности текста // Материалы XXIX Межвузовской методической конференции преподавателей и аспирантов. СПб., 2000. Вып. 10. Грамматика (Русско-славянский цикл.)

ний общеизвестен (от письменных источников XVIII в. до современной разговорной речи), то остальное требует комментариев. Можно предположить, что всё разнообразие подчинительных связей (причины, следствия, условия и т. д.) обусловлено содержанием сообщения — рассказом о целой жизни, в котором представлен весь комплекс отношений человека с миром. В цепочке последовательного подчинения встречаются довольно глубокие, достигающие 10 и более шагов в развёртывании зависимости, что также свидетельствует о том, что повествование представляет собой развитие аналитической мысли (а не «поток сознания»). Например: «... и пока в темном дворе меняют колесо, они сильно стучат в дверь, а потом уходят в такой спешке, что соседу приходится одеваться в коридоре, как раз напротив твоей замочной скважины, в которую он вполне мог бы напоследок ткнуть карандашом, раз до этого подсыпал битое стекло в сливочное масло и отравлял колодцы, чтобы ты пил из них тифозную воду и полгода лежал в кровати, глядя в окно и угадывая за пушистой завесой падающего снега очертания водонапорной башни, похожей на приставленного к городу часового, стерегущего твой покой, а заодно и тебя самого, чтобы ты случайно не скрылся в собственном будущем, воспользовавшись теплой весенней ночью, в которую появляется возможность, почти не касаясь земли, углубляться в черные заросли не известно откуда взявшегося леса и уже почти узнать то, к чему бежишь со всех ног перед тем, как прощнуться и, поглядев на приоткрытую дверь, за которой слышны бодрые утренние голоса и свист примуса, подумать, что каждое утро к ней, как трап, придвигают забитый сундуками и комодами коридор, выход из которого ведет в тот единственный дневной мир, который тебе известен...» (С. 51).

Простые предикативные единицы также построены очень цельно и синтагматично. Тенденция к развитию полипропозитивного простого предложения подтверждается частотным употреблением причастных (82 случая) и деепричастных (10 случаев) оборотов. На одну страницу текста приходится в среднем около десяти оборотов.

Как построен рассказ с точки зрения организации повествования и введения субъекта повествования? Начало представлено первым лицом: я (становлюсь) единственным свидетелем останковки работ, потому что только я понимаю, что означают пустые леса, от вида которых возникает такое странное чувство, что взгляд сам собой переходит вправо, туда, где ... обои чуть отстают от стены ..., в текст включаются элементы описания, которые связывают персонажа с непосредственно наблюдаемой действительностью. Переход к воспоминаниям отмечен обращением к «ты» повествованию: *которых представляешь.., когда видишь.., пытаешься сообразить..., тебе хочется*, которое выражается в употреблении классических обобщенноличных предложений без местоимения «ты» (9 случаев), но гораздо чаще с употреблением обобщенного «ты» (более 20 слу-

чаев) и использованием притяжательного местоимения «твой» (около 30 случаев). Напр.: «... а из-за неожиданной догадки, что с тобой сейчас говорит диктор, фокусник, зарабатывающий себе на жизнь умением заставить тебя на несколько секунд поверить, будто к тебе обращается что-то огромное и могущественное, готовое позаботиться о тебе, когда на самом деле ты и такие как ты нужны этому огромному, чтобы заботиться о нем и защищать...» (С. 53), или: «... коридор, выход из которого ведет в тот единственный дневной мир, который тебе известен, и чем лучше ты с ним знаком, тем реже дверь твоей комнаты будет раскрываться куда-то еще, в места, названия которых ты не знаешь и не узнаешь никогда...» (С. 51).

Остальные лично-указательные местоимения употребляются значительно реже. Любопытно, что местоимение «мы» употребляется в комбинации «мы все», имеющей обобщенное значение.

Повествование ведется в основном с использованием имперфективных глаголов, много именных предложений. Здесь представлена обобщенность конкретных ситуаций. В отличие от обобщенно-личных предложений пословичного и сентенционного типа, обычно коротких по протяженности, обобщенные предложения в рассказе В. Пелевина, ориентированные на обобщение ситуации, приближают текст к одной из разновидностей информативного регистра (Г. А. Золотова).

В конце рассказа-предложения происходит еще одна перемена в обозначении персонажа: после «я» — «ты» (в значении обращения к себе-бывшему, ассоциируемому и с другими лицами своего времени) появляется «человек» как высшая форма обобщения.

Таким образом, с точки зрения организации повествования рассказ имеет традиционную трёхчленную структуру: от экспозиции (я у окна с видом на водонапорную башню) к основному повествованию (пробужденные башней воспоминания о целой жизни) и заключению (смерть человека обрывает все его связи с внешним миром). На языковом уровне структурные переходы обозначены сменой номинаций субъекта повествования.

Мы показали сложность этого текста, что, несомненно, связано и с количественными показателями синтаксических структур. В свете нашей работы 2006 г. о синтаксических составляющих «трудностей» современного художественного текста¹ текст В. Пелевина следует отнести к трудным. Он относится к интеллектуальной прозе, которая демонстрировалась нами в упомянутой статье текстами Г. Газданова и В. Набокова. Текст Пелевина отстоит от этих авторов почти на 70 лет и имеет как общее с названными авторами, так и новое, отличное. Общее состоит в синтаксической связанности в

¹ Акимова Г. Н. Синтаксическая составляющая в создании «трудностей» современного художественного текста // Обретение смысла. СПб., 2006.

организации текста, широком употреблении в составе предикативных единиц компонентов с пропозитивным значением (причастные и деепричастные обороты, отглагольные и отаждективные существительные и т. п.)

Новое, что связывает Пелевина с его уже современниками — употребление большого, даже чересчур большого предложения, но иначе организованного. Выше мы уже отметили, что это большое предложение организовано таким образом, что сохраняет традиционные контуры нарратива. Следует обратить внимание и еще на одно синтаксическое явление, которое активно включается в организацию смысловой структуры текста. Это использование сочинительной связи с сопоставительным значением с использованием союза «а». Если выписать предикативные единицы, присоединяемые этим союзом, в их текстовой последовательности, то окажется, что они осуществляют переход к тому историческому фону, на котором протекает жизнь героя: *на старых обоях в его комнате еще дореволюционная жизнь, а Ленин со Сталиным стояли у окна и читали первый номер «Правды»; всё в нём (в мире) случается крайне быстро, а время суровое и величественное, и хоть Утёсов поёт, что тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадёт...* и т. д.

Таким образом, с одной стороны, перед читателем длиннейшее, хотя и жёстко синтаксически организованное предложение-рассказ, охватывающее в мгновение целую человеческую жизнь, предложение, не дающее возможности читателю остановиться, повергающее его в состояние затягивающего, казалось бы, недопонимания, с другой — столь же чётко организованная триада повествовательной структуры (экспозиция, основное содержание, развязка) с обозначенным параллелизмом двух смысловых линий: жизнь героя — жизнь страны. Обращаясь к рассмотрению особенностей литературы последних лет, М. Липовецкий пишет: «Постмодернизм воплощает принципиальную художественно-философскую попытку преодолеть фундаментальную для культуры антитезу хаоса и космоса, переориентировать творческий импульс на поиск компромисса между этими универсалиями»¹. Не стала ли такая попытка моментом, организующим структуру рассказа?

Обратившись к сайту в Интернете «Виктор Пелевин», мы нашли много утверждений, подтверждающих наши наблюдения. Хотя эти утверждения не носят лингвистического характера, мы приведем некоторые из них. Напр., в статье Константина Фрумкина «Эпоха Пелевина» есть такие высказывания: «С чисто литературной точки зрения этот писатель вообще страдает избыточным интеллектуализмом <...> Вячеслав Курицын сказал о Пелевине, что он так выпишет картинку, как будто пишет не роман, а режиссерский сценарий. После Пелевина не остается мучительных вопросов «что автор хотел

¹ Липовецкий М. Русский постмодернизм. Екатеринбург, 1997. С. 39–40.

сказать?» <...> У Пелевина ни о какой бесконтрольности не может быть речи <...> Пелевин классический, даже несколько старомодный писатель, находящийся в удивлении перед грядущей эпохой виртуальных миров и галлюционных технологий»¹. Возвращаясь к оценке современных авторов, следует еще раз подчеркнуть, что синтаксис их текстов чрезвычайно разнообразен, чему никогда не приходится удивляться, какими бы эстетическими направлениями в литературе мы ни занимались. Станет ли опыт синтаксической организации «Водонапорной башни» продлен кем-нибудь, покажет время.

¹ Фрумкин К. Эпоха Пелевина // URL: <http://pelevin.nov.ru/>

Сокращения

Аблес.	Аблесимов	Булг.	Булгаков
Абр.	Абрамов	Бун.	Бунин
Абр.	Абрамов	Бык.	Быков
Агран.	Аграновский	Валим.	Валимова
Адам.	Адамов	Вамп.	Вампилов
Адж.	Аджубей	Ванш.	Ваншенкин
Аж.	Ажаев	Вас.	Васильев
Акс.	Аксаков	Верес.	Вересаев
Алекс.	Алексин	Вигд.	Вигдорова
Альт.	Альтов	Виленк.	Виленкин
Андр.	Андреев Л.	Влад.	Владимов
В. Андр.	Андреева В.	Возн.	Вознесенский
Анненск.	Анненский	Вяз.	Вяземский
Анч.	Анчаров	Газд.	Газданов
Анчишк.	Анчишкин	газ.	газета
Апухт.	Апухтин	Гайдар	Гайдар
Арбуз.	Арбузов	Гар.	Гарин
Ас.	Асеев	Гар.-Мих.	Гарин-Михайловский
Астаф.	Астафьев	Герман	Герман
Афиног.	Афиногенов	Гладк.	Гладков Ф.
Ахмад.	Ахмадулина	Гог.	Гоголь
Ахмат.	Ахматова	Гонч.	Гончаров
Баб.	Бабаевский	Горбат.	Горбатов
Бакл.	Бакланов	Горьк.	Горький
Баранск.	Баранская	А. Гост.	Гостева А.
Бат.	Баталов	Гран.	Гранин
Батюшк.	Батюшков	Грек.	Грекова
Д. Бедн.	Бедный Д.	Гриб.	Грибоедов
Белинск.	Белинский	Григор.	Григорович
Бел.	Белов	Гуро	Гуро
Белоус.	Белоусов	Гус.	Гусев
А. Б.	Белый А.	Даль	Даль
Бел.	Беляев	Довлат.	Довлатов
Берд.	Бердяев	Домбр.	Домбровский
Бит.	Битов	А. Дост.	Достоевская А.
Блок	Блок	Дост.	Достоевский
Богомол.	Богомоллов	Дуд.	Дудин
Бонд.	Бондарев	Евт.	Евтушенко
Боровик	Боровик	Ек.	Екимов
Бродск.	Бродский	Ес.	Есенин
Брюс.	Брюсов	Жук.	Жуков
Бубен.	Бубеннов	Жуковск.	Жуковский

Жухов.	Жуховицкий	Маяк.	Маяковский
Залыг.	Залыгин	Медвед.	Медведев
Звер.	Зверев	Межир.	Межиров
Злоб.	Злобин	Мел.-Печ.	Мельников-Печерский
Золот.	Золотова Г.А.	Мих.	Михайлов
Зор.	Зорин	Михалк.	Михалков
Ив.	Иванов	Моруа	Моруа
Иваск	Иваск	Наб.	Набоков
Ил.	Ильина	Нагиб.	Нагибин
Ильф и Петр.	Ильф и Петров	Надсон	Надсон
Кав.	Каверин	Невер.	Неверов
Казак.	Казаков	Некр.	Некрасов
Р. Казак.	Казакова Р.	В.Некр.	Некрасов В.
Казач.	Казаченко	Г. Ник.	Николаева Г.
Калашн.	Калашников	Нил.	Нилин
Калин.	Калинин	Нов.-Приб.	Новиков-Прибой
Карамз.	Карамзин	Овечк.	Овечкин
Кат.	Катаев	Овчин.	Овчинников
Катас.	Катасонов	Оганес.	Оганесов
Кедр.	Кедрин	Одоевц.	Одоевцева
Кетл.	Кетлинская	Окудж.	Окуджава
Кожевн.	Кожевников	Олеша	Олеша
Кольх.	Кольхалов	Осорг.	Осоргин
Кольц.	Кольцов	А. Остр.	Островский А.
Комар.	Комаров	Н. Остр.	Островский Н.
Комр.	Комранов	Павл.	Павлов
Кондраш.	Кондрашов	И.Пан.	Панаев И.
Конецк.	Конецкий	М.П.	Панов М.
Коновал.	Коновалов	Пан.	Панова В.
Корнейчук	Корнейчук	Паст.	Пастернак
Кор.	Короленко	Пауст.	Паустовский
Коч.	Кочетов	Пел.	Пелевин
Кр.	Крылов	Пермит.	Пермитин
Крым.	Крымов	Песк.	Песков
Купр.	Куприн	Петруш.	Петрушевская
Кураев	Кураев	Пик.	Пикуль
Лавр.	Лавренев	Писемск.	Писемский
Лебед.	Лебедев	Плех.	Плеханов
Ленц	Ленц	Плещ.	Плещеев
Л.	Леонов	Повол.	Поволяев
Лерм.	Лермонтов	Полевой	Полевой
Лид.	Лидин	Полонск.	Полонский
Липат.	Липатов	В.П.	Попов В.
Липк.	Липков	посл.	пословица
Лих.	Лиханов	Посошк.	Посошков
Лос.	Лосев	Прист.	Приставкин
Лун.	Луначарский	Пришв.	Пришвин
Майк.	Майков	Проск.	Проскурин
Малышк.	Малышкин	Проталини	Проталини
Мам.-Сиб.	Мамин-Сибиряк	Пушк.	Пушкин
Марк.	Марков	Радищ.	Радищев
Матушк.	Матушкин	Расп.	Распутин

Рекем.	Рекемчук	Т. Толст.	Толстая Т.
Ремиз.	Ремизов	А.К. Толст.	Толстой А.К.
К.Р.	Романов К.	А. Толст.	Толстой А.Н.
Сав.	Савельев	Л. Толст.	Толстой Л.Н.
Сад.	Садовский	З.Томаш.	Томашевская З.
Салт.	Салтыков-Щедрин	Трен.	Тренев
Салын.	Салынский	Триф.	Трифонов
Сартак.	Сартаков	Тург.	Тургенев
Светл.	Светлов	Тютч.	Тютчев
Седых	Седых	Фад.	Фадеев
Сейф.	Сейфуллина	Фед.	Федин
Семених.	Семенихин	Федор.	Федоров
Семен.	Семенов	Федос.	Федосеев
Сераф.	Серафимович	Фет	Фет
Серг.-Ц.	Сергеев-Ценский	Филат.	Филатов
Серебр.	Серебрякова	Фонвиз.	Фонвизин
К. Сим.	Симонов К.	Фр.	Фролов
Славич	Славич	Фурм.	Фурманов
Смирн.	Смирнов	Ход.	Ходасевич
Соб.	Собинов	Цв.	Цветаева
С. Сок.	Соколов С.	Чак.	Чаковский
Солж.	Солженицын	Черногол.	Черноголовина
Сол.	Соловьев	С.Ч.	Черный Саша
Солог.	Сологуб	Чех.	Чехов
Солоух.	Солоухин	Чивил.	Чивилихин
Сосн.	Соснора	Чук.	Чуковский
Станисл.	Станиславский	Шалам.	Шаламов
Стрельн.	Стрельников	Шаляп.	Шаляпин
Струг.	Стругацкие	Шапошн.	Шапошникова
Сурик.	Суриков	Шварц	Шварц
Сухово-Коб.	Сухово-Кобылин	Шкл.	Шкловский
Сух.-Т.	Сухогина-Толстая	Шмел.	Шмелев
Тарк.	Тарковский	Шолох.	Шолохов
Твард.	Твардовский	Шукш.	Шукшин
Тендр.	Тендряков	Щерба	Щерба
Тим.-Рес.	Тимофеев-Ресовский	Ципач.	Щипачев
Тих.	Тихонов Н.	Эренб.	Эренбург

Содержание

От составителей	3
-----------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

СИНТАКСИС КАК НАУКА (ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ)

<i>В. В. Виноградов.</i> Из истории грамматических учений.....	5
<i>Г. А. Золотова.</i> О традициях и тенденциях в современной грамматической науке	27
<i>Н. К. Ониненко.</i> Петербургская школа функциональной грамматики. Теория функциональной грамматики (ТФГ) А. В. Бондарко	32

СИНТАКСЕМА — МИНИМАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА СИНТАКСИСА

<i>Г. А. Золотова.</i> О синтаксической форме слова.....	42
<i>Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова.</i> Синтаксическая система языка как объект грамматической науки	50

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ

<i>Т. В. Шмелева.</i> Компоненты синтаксической связи.....	68
<i>Г. А. Золотова.</i> О главных членах предложения: дискуссионные вопросы (I)	80
<i>Г. П. Уханов.</i> Пояснительная связь в ее отношении к сочинению и подчинению.....	83

СЛОВСОЧЕТАНИЕ

СИНТАКСИС СЛОВСОЧЕТАНИЯ

<i>В. В. Виноградов.</i> Словосочетание как предмет синтаксиса.....	91
<i>И. П. Распопов, А. М. Ломов.</i> Словосочетание и его отношение к слову и предложению.....	95
<i>В. В. Виноградов.</i> Характер и виды синтаксических отношений между словами в словосочетании сравнительно с предложением	99
<i>Н. Ю. Шведова.</i> Подчинительные связи слов и словосочетания	111
<i>Е. С. Скобликова.</i> Широкое понимание управления.....	126

ПОНЯТИЕ «ДЕТЕРМИНАНТ»

<i>Н. Ю. Шведова.</i> Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения.....	128
<i>Н. Ю. Шведова.</i> Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения?	133

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПРИЗНАКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ СТРУКТУРЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>А. А. Шахматов.</i> Синтаксис, его задачи и разделы	137
<i>В. В. Виноградов.</i> Предикативность и интонация сообщения как основные грамматические признаки предложения	149
<i>И. П. Распов.</i> Строение простого предложения в современном русском языке.....	156
<i>Г. А. Золотова.</i> Коммуникативные аспекты русского синтаксиса.....	172
<i>И. П. Распов.</i> Предложение как коммуникативная единица языка	181
<i>В. Ю. Меликян.</i> Коммуникемы утверждения/отрицания и оценки и принципы их лексикографического описания	193

СТРУКТУРА ДВУСОСТАВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>А. А. Шахматов.</i> Синтаксис русского языка (II).....	198
<i>В. С. Храковский.</i> Концепция членов предложения в русском языкознании XIX века.....	210
<i>Ю. А. Пупынин.</i> Связи субъекта и объекта с грамматической семантикой предиката в русском языке.....	220
<i>Г. А. Золотова.</i> О главных членах предложения: дискуссионные вопросы.....	228

ОДНОСОСТАВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Спрягаемо-глагольные предложения

<i>А. М. Пешковский.</i> Глагольные неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения.....	240
<i>З. К. Тарланов.</i> Односоставные личные предложения, их типы и происхождение.....	246
<i>Т. В. Бульгина, А. Д. Шмелев.</i> Синтаксические нули и их референциальные свойства	253

Безличные и инфинитивные предложения

<i>А. М. Пешковский.</i> Глагольные безличные предложения	261
<i>В. М. Павлов.</i> Субъект в безличных предложениях	270
<i>А. М. Пешковский.</i> Инфинитивные предложения	288
<i>Г. Н. Акимова.</i> О значении глагола «быть» в безличных предложениях	292

Номинативные предложения

<i>А. М. Пешковский.</i> Номинативные предложения	297
<i>И. П. Распов.</i> Номинативные предложения.....	300

НЕПОЛНЫЕ И ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Грамматика русского языка: в 2-х т.	303
Русская грамматика: в 2-х т.	308
<i>Г. А. Золотова.</i> Компонентный анализ как способ распознавания полноты — неполноты предложения	310
<i>И. П. Распов.</i> Вопрос о неполных предложениях и явление так называемой речевой парцелляции высказывания.....	318

ОСЛОЖНЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>Г. А. Золотова.</i> Полипредикативность и информативный объем предложения.....	322
<i>В. П. Казаков.</i> О степенях семантического осложнения простого предложения.....	323
<i>Л. К. Дмитриева.</i> Осложненное предложение в его сближении со сложным на шкале переходности.....	332

I. Синтагматически связанные виды осложнения

Однородные члены предложения

<i>А. Ф. Прияткина.</i> Сочинительные ряды. Однородность и неоднородность членов ряда.....	339
--	-----

Обособленные члены предложения

<i>И. П. Распопов.</i> Явление обособления. Вопрос о так называемых обособленных и уточняющих членах предложения.....	341
<i>А. А. Камынина.</i> О формально-синтаксических признаках полупредикативных конструкций в русском.....	347
<i>О. М. Чупашева.</i> О полупредикативности деепричастий.....	358

II. Синтагматически не связанные виды осложнения предложения

Обращение

<i>А. Ф. Прияткина.</i> Обращение.....	367
<i>И. П. Распопов.</i> Обращение, так называемые вокативные предложения и именительный темы.....	372

Вводные и вставные конструкции

Субъективно-модальные значения.....	374
<i>И. П. Распопов.</i> Явление парентезы. Вводные и вставные элементы в составе предложения.....	379
<i>С. В. Вяткина.</i> Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке.....	384

СТРУКТУРА ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ

Н. Ю. ШВЕДОВОЙ

<i>Н. Ю. Шведова.</i> Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии).....	393
Русская грамматика: в 2 т.....	405
<i>Н. Ю. Шведова.</i> О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения».....	411

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Русская грамматика: в 2 т.....	418
<i>Г. А. Золотова.</i> Взаимодействие лексики и грамматики в семантической структуре предложения.....	420
<i>Н. Д. Арутюнова.</i> Предложение и его смысл.....	429
<i>Т. В. Шмелева.</i> Семантический синтаксис.....	431
<i>А. Мустайоки.</i> Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам.....	440

<i>Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова.</i> Коммуникативная грамматика русского языка	443
--	-----

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

<i>В. Матезиус.</i> О так называемом актуальном членении предложения	448
<i>И. П. Распопов.</i> Стрoение простого предложения в современном русском языке.....	454

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

<i>В. А. Белошапкина.</i> Замечания об особенностях структуры предикативных единиц, составляющих части сложного предложения.....	460
--	-----

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

<i>Н. С. Поспелов.</i> О грамматической природе сложного предложения	471
<i>Н. С. Верниковская.</i> Изъяснительные конструкции и аспекты их изучения	478
<i>В. Б. Павлюкович.</i> Из наблюдений над модальностью в сложноподчиненном предложении с придаточным изъяснительным	482
<i>С. Г. Ильенко, А. Стельмашук.</i> К проблеме классификации нерасчлененных сложноподчиненных предложений (изъяснительные и вмещающие местоименно-соотносительные)	486
<i>Н. И. Белоусов.</i> Актуальное членение сложноподчиненных предложений.....	494

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

<i>Г. Ф. Гаврилова.</i> Сложносочиненное предложение в системе других синтаксических конструкций	504
<i>Т. М. Николаева.</i> Сочинительные союзы «А», «НО», «И»: история, сходства и различия.....	511
<i>Н. Н. Холодов.</i> Сложносочиненные предложения с разделительными союзами	518

СЛОЖНОЕ БЕССОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

<i>Н. Н. Сергеева.</i> Об истинных бессоюзных и квазибессоюзных сложных предложениях.....	527
<i>С. Г. Ильенко.</i> Бессоюзие в системе сложного предложения современного русского литературного языка.....	534
<i>Н. В. Киртичникова.</i> Изъяснительные бессоюзные сложные предложения.....	542
<i>Г. К. Хамзина.</i> Бессоюзные сложные предложения прерывистой структуры в современном русском литературном языке.....	550

СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ И ТЕКСТ

<i>В. Г. Адмони.</i> Грамматика и текст	561
<i>Т. В. Шмелева.</i> Текст сквозь призму метафоры тканья	569
<i>Н. С. Поспелов.</i> Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры	573
<i>Т. В. Шмелева.</i> Текст как объект изучения в школе	591
<i>Н. Д. Зарубина.</i> Содержание категории последовательности	594
<i>М. М. Бахтин.</i> Проблема текста	606

ИЗМЕНЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОМ СТРОЕ

<i>Г. Н. Акимова.</i> Об аналитизме в грамматическом строе русского языка.....	616
<i>Г. Н. Акимова.</i> Соотношение разговорных и письменных экспрессивных конструкций в современном русском языке.....	622
<i>Г. Н. Акимова.</i> Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке.....	632
<i>Е. А. Иванчикова.</i> Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения.....	648
<i>Н. Д. Арутюнова.</i> О синтаксических типах художественной прозы.....	676
<i>Г. Н. Акимова.</i> Синтаксическая составляющая в создании «трудности» современного художественного текста.....	688
<i>Г. Н. Акимова.</i> «Водонапорная башня» В. Пелевина — синтаксический нонсенс?.....	697
Сокращения	705

Учебное издание

Составители:

Акимова Галина Николаевна, Вяткина Светлана Вадимовна,
Казаков Владимир Павлович, Руднев Дмитрий Владимирович

СИНТАКСИС СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Хрестоматия с заданиями

Ответственный редактор *В. С. Кизило*

Корректор *Е. С. Кузнецова*

Оператор ПК *Д. В. Лаптухина*

Технический редактор *С. В. Кузнецов*

Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 08.05.2013.

Формат 60 × 90¹/₁₆. Усл. печ. л. 44,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 65.

Филологический факультет

Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано по технологии СтР

в типографии ООО «ИПК БИОНТ».

199106, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., д. 86